

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый.

АПРѢЛЬ.

1885 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Писемныя записки Николая Ивановича Пирогова. Гл. LXI—LXVII.	1	IX. Остзейское дворянство и дворянская жидовщина грамота. Сообщ. А. А. Чумиковъ	193
II. Арсений Мацтевичъ, митрополитъ рязанскій, въ ссылкѣ, 1767—1772 гг. Очеркъ. Окончан. Состав. Н. Я. Морозкинъ	53	X. Возсоединеніе униѣ съ православною церковію, 1875—1885 гг. Сообщ. М. П. Геродецкій	205
III. Записки Н. И. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. IV.	87	XI. Памяти гр. А. С. Уварова, † 29-го декабря 1884 г. Сообщ. Д. П. Павловскій.	209
IV. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перопискѣ императора Николая I съ Дибичемъ	107	XII. Двадцать четвертая годовщина 19-го февраля 1861—1885 гг.	213
V. Открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ въ 1839 г. Изъ записокъ А. П. В.	128	XIII. О возобновленіи памятника на могилѣ Волынскаго, Еропина и Хруцова, † 27 юля 1740 г.	228
VI. О волненіи крестьянъ въ Кандеевѣ въ 1861 г. Сообщ. А. М. Дренанинъ	139	XIV. Матеріалы и замѣтки: Губертъ Ланге о Россіи въ XVI в. Сообщ. П. Любимичъ (185).—К. К. Зейландъ, † 7 февр. 1885 г. (192).—Могилы трехъ казаковъ, 1813 г. (192).—Поправки (225).	
VII. Экспедиціи противъ Ахаль-текинцевъ въ 1879—1881 гг. Историческій очеркъ участника. Гл. I—IV.	161	XV. Библиографическій листокъ (на оборотѣ).	
VIII. День 14-го декабря 1825 г. въ С.-Петербурѣ. Рассказы. Сообщ. В. М. Еропинъ	187		

ПРЕЛОЖЕНІЕ: Портретъ генер.-адъютанта Н. И. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича (1824—1834 гг.).

Гравировать художникъ И. И. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.

Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Вышла и разсматривается книга: „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕНСЪЕВНА, АННА И ВИЛИМЪ МОНСЪ“, третій выпускъ историческихъ очерковъ М. П. Семейскаго, съ портретами и рисунками. Цѣна два рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, в. № 78.

1885.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля 1885 г.

Замѣтки въ Описанію рукописей А. С. Пушкина, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ.

Въ одной изъ газетъ А. Филоновъ напечаталъ замѣтку, касающуюся составленнаго мною «Описанія рукописей Пушкина», причемъ сдѣлалъ совершенно вѣрную поправку, и я могу только благодарить за нее: набросокъ о прекрасномъ, приведенный мною («Русск. Старина» 1884 г. кн. XII, стр. 553) изъ подлинной тетради Пушкина (№ 2387, А., л. 52), принадлежитъ не Пушкину, а Жуковскому, т. е. Пушкинъ сдѣлалъ выписку изъ произведенія Жуковского, но только, конечно, не изъ письма послѣдняго къ Гоголю отъ 29-го января 1848 года, на которое усиленно ссылается г. Филоновъ (изд. 1878, VI, 93—94; изд. 1869, VI, 722—723), а изъ примѣчанія къ пьесѣ Дала Рукъ, изъ которой взято и четверостишіе, находящееся въ наброскѣ (у меня оно напечатано неточно). Это примѣчаніе помѣчено: 6 марта 1821 г. (См. изд. 1878, II, 327—328 и 500.)

Рѣшаясь печатать составленное мною «Описаніе рукописей Пушкина»¹⁾, я именно надѣялся, что специалисты будутъ исправлять мою работу и, повторяю, могу быть только благодаренъ г. Филонову за его указаніе. Конечно, всѣмъ почитателемъ великаго поэта долженъ, по возможности, стараться о лучшемъ, подлинномъ исправленіи и очищеніи текста его произведеній. Тамъ болѣе эта обязанность лежитъ на специалистахъ по исторіи литературы, какъ наиболѣе свѣдущихъ работниковъ въ этомъ дѣлѣ. Надо однако замѣтить, что у г. Филонова была не та цѣль; онъ написалъ свою замѣтку не для того, чтобы исправить ошибку, заявить о непринадлежности Пушкину приписаннаго ему наброска о прекрасномъ; нѣтъ, онъ самъ такъ объясняетъ свою цѣль: «грозное отношеніе редакціи (т. е. «Русской Старины», правильнѣе — моего Описанія) къ прежнимъ труженникамъ, изучавшимъ Пушкина съ полною добросовѣстностью, и заставило насъ написать настоящую замѣтку»; другими словами, цѣль г. Филонова — вступить за

¹⁾ См. «Русскую Старину» 1884 г., февраль, стр. 419.

гг. Анненкова и Бартенева, ошибки которыхъ въ передачѣ Пушкинскаго текста, указаны въ Описаніи. Свѣю думать, что заступничество г. Филонова не достигло цѣли. Г. Филоновъ исправилъ мой промахъ; но ни эта моя ошибка, ни другія, какія могутъ быть найдены въ моей работѣ послѣдующими изслѣдователями, нисколько не оправдываютъ гг. Анненкова и Бартенева, «съ полною добросовѣстностью изучавшихъ Пушкина», въ ихъ многочисленныхъ ошибкахъ и неточностяхъ иногда столь странныхъ, указанныхъ въ моемъ Описаніи. Самъ г. Филоновъ не рѣшается защищать гг. Анненкова и Бартенева въ этихъ ошибкахъ и восхваляетъ ихъ только, какъ біографовъ Пушкина; но дѣло идетъ вовсе не объ ихъ біографическихъ трудахъ, а объ ихъ небрежности въ передачѣ Пушкинскаго текста. Интересно-бы знать, какъ г. Филоновъ примиряетъ авторитеты прежнихъ труженниковъ, когда послѣдніе совершенно различно читаютъ одну и ту же рукопись? Во всякомъ случаѣ, упреки, которые мнѣ дѣлаетъ г. Филоновъ за «грозное отношеніе къ прежнимъ труженникамъ», я долженъ раздѣлить съ самими гг. Анненковымъ и Бартевымъ, такъ какъ эти изслѣдователи взаимно не признаютъ другъ въ другѣ точности и добросовѣстности въ этомъ дѣлѣ. (См. отзывъ г. Бартенева въ его сборникѣ XIX в., т. II, стр. 218; отзывъ г. Анненкова: А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху, стр. 325—329).

Кстати укажу еще нѣкоторыя погрѣшности, замѣченныя мною въ Описаніи.

«Рус. Старина» 1884 г., декабрь, стр. 552 (тетрадь Пушкина № 2387, А., л. 33₂). Французскій набросокъ: «Vous êtes mon digne maître» etc.—полнѣе напечатанъ у г. Анненкова: Пушкинъ въ алекс. эпоху, стр. 171. Не знаю только почему г. Анненковъ увѣрять, что это записка къ Пушкину отъ неизвѣстнаго лица; напротивъ, это всего скорѣе черновой набросокъ самаго Пушкина изъ письма, — къ кому? Строки эти находятся вовсе не на отдѣльной «записочкѣ»; онѣ набросаны на листѣ пушкинскаго дневника, подъ его кишиневскими замѣтками.

Ноябрь, стр. 365, № 2382, л. 75., Разговоръ съ испанцемъ былъ, въ яв-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

1885

ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ XLVI.

АПРѢЛЬ. — МАЙ. — ЮНЬ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

LXI ¹⁾.

1-го октября 1881 года. Отъ 1-го листа до 79-го, то есть университетская жизнь въ Москвѣ и Дерптѣ, писана мною отъ 12-го сентября по 1-е октября (1881 г.), во дни страданій: *Dies illae, dies irae...*

Благодарю моего Господа Бога, что страданія не лишили меня способности живо вспоминать старое, думать и писать.

Да будетъ воля святая Твоя!

(1 октября 1881 г.). Дотяну ли еще до дня рожденія (до ноября 13-го). Надо спѣшить съ моимъ дневникомъ.

Наука въ Берлинѣ въ 1830-хъ годахъ была въ переходномъ состояніи. Послѣ смерти Гегеля германская философія уже не могла найти себѣ подобныхъ, какъ онъ, вожаковъ, заставившаго значительную часть культурнаго общества въ Европѣ смотрѣть на міръ Божій не иначе, какъ чрезъ изобрѣтенные имъ консервы. Теперь трудно себѣ и вообразить, до какой степени и въ Германіи, и у насъ вѣрвали—именно, вѣрвали—въ философію Гегеля.

Ни голосъ такихъ геніальныхъ личностей, какъ Гумбольдтъ, не оправдывавшій господствовавшаго тогда увлеченія, ни при-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52; ноябрь, стр. 223—274; декабрь, стр. 445—496; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 1—54; февраль, 257—310; мартъ стр. 481—526.

мѣръ англичанъ и французовъ, слѣдовавшихъ чисто реальному направленію въ наукѣ, ничто не помогало противъ обаянія и увлеченія гегелизмомъ.

Медицина того времени стояла въ Германіи на распутіи.

Самая сущность этой науки препятствовала ей отдаться въ руки Гегелевой философіи, но, тѣмъ не менѣе, это философское направленіе всѣхъ наукъ того времени препятствовало и медицинѣ слѣдовать спокойно и неуклонно путемъ чистаго наблюденія и опыта.

Трансцендентализмъ былъ слишкомъ моднымъ. Даже во Франціи, и въ такой наукѣ, какъ хирургія, Лисфранкъ кричалъ во все горло о себѣ, что у него можно найти „*cette chirurgie suprême et transcendente!*“

Время моего пребыванія въ Берлинѣ было именно временемъ перехода германской медицины,—и перехода весьма быстро,—къ реализму; начиналось торжественное вступленіе ея въ разрядъ точныхъ наукъ, празднуемое фанатиками реализма еще до сихъ поръ.

Но я засталъ еще въ Берлинѣ практическую медицину почти совершенно изолированную отъ главныхъ реальныхъ ея основъ: анатоміи и физиологіи. Было такъ, что анатомія и физиологія сами по себѣ, а медицина сама по себѣ. И сама хирургія не имѣла ничего общаго съ анатоміею. Ни Рустъ, ни Грефе, ни Диффенбахъ не знали анатоміи.

Рустъ, говоря однажды на своей клинической лекціи объ операціи Шопарта, сказалъ весьма наивно: „я забылъ какъ тамъ называются эти двѣ кости стопы: одна выпуклая какъ кулакъ, а другая вогнутая въ суставъ; такъ вотъ отъ этихъ двухъ костей и отнимается передняя часть стопы“.

Грефе, при большихъ операціяхъ, приглашалъ всегда профессора анатоміи Шлемма и, оперируя, справлялся постоянно у него: „не проходитъ ли тутъ стволъ или вѣтвь артеріи?“

Диффенбахъ просто игнорировалъ анатомію и подшучивалъ надъ положеніемъ разныхъ артерій. Опасеніе повредить надчревную артерію при грыжахъ считалъ праздною выдумкою. „*Das ist ein Hirngespennst!*“ говорилъ онъ своимъ ученикамъ про надчревную артерію (а. epigastrica).

Мало этого, Диффенбахъ до такой степени былъ чуждъ по-

верхностныхъ анатомическихъ понятій, что однажды послалъ Иог. Мюллеру кусочекъ, вырѣзанный имъ изъ языка у зайки, прося, чтобы Мюллеръ опредѣлилъ какой это мускуль?

О профессорахъ терапіи и патологіи, о клиницизмѣ по внутреннимъ болѣзнямъ—и говорить нечего.

Объективный экзаменъ при постели больного почти не существовалъ у терапевтовъ; постукиваніе и послушиваніе употреблялось болѣе какъ *desoium*.

Вскрытіе труповъ сами профессора не дѣлали и не присутствовали при нихъ, да и присутствіе ихъ тамъ ни къ чему бы не повело, при ихъ полномъ незнаніи патологической анатоміи.

Однажды я увидѣлъ въ рукахъ у студента, вскрывавшаго трупъ, довольно замѣчательный образецъ аневризмы легочной артеріи, впрочемъ, плохо вырѣзанной изъ трупа; я обратилъ вниманіе студента на рѣдкость случая и посоветовалъ ему представить препаратъ профессору терапіи Горну (*Horn*), въ клиникѣ котораго находился предъ смертью страдавшій аневризмомъ.

— „Да что же тутъ нашъ Горнъ пойметъ?“ отвѣчалъ наивно студентъ.

Изъ всѣхъ занимавшихся стетоскопомъ былъ только одинъ молодой человекъ, д-ръ Филипсъ, предлагавшій себя и для *privatisimum*, но охотниковъ не являлось.

Патологическая анатомія, въ современномъ смыслѣ и даже въ смыслѣ тогдашней французской школы, существовала въ Германіи только въ одномъ университетѣ—вѣнскомъ. Во всѣхъ другихъ университетахъ профессора патологической анатоміи ограничивались изложеніемъ и классификаціей разнаго рода уродствъ и самъ Иог. Мюллеръ въ Берлинѣ, въ первое время, читая патологическую анатомію, ограничивался этимъ изложеніемъ.

Впрочемъ, я засталъ уже Фроріена въ Берлинѣ, недавно сюда приглашеннаго. При такомъ научномъ направленіи о точной и правильной діагностикѣ не могло, конечно, быть и рѣчи. Нѣмцы съ пренебреженіемъ отзывались тогда о французскихъ врачахъ, говоря, что это не врачи, а только діагносты.

Признаюсь, въ этомъ упрекѣ много правды.

Но нѣмцы не предвидѣли, что чрезъ нѣсколько лѣтъ этотъ упрекъ можетъ воснудиться и ихъ самихъ.

И вотъ, въ это время являются на сцену: Иог. Мюллеръ въ

Берлинѣ, братья Веберы въ Лейпцигѣ, Шенлейнъ, бѣжавшій по политическимъ дѣламъ изъ Баваріи въ Цюрихъ, и Рокитанскій—въ Вѣнѣ.

Иог. Мюллеръ даетъ новое, или по крайней мѣрѣ забытое послѣ Галлера, направленіе физиологіи. Микроскопическія изслѣдованія, исторія развитія, точный физическій экспериментъ и химическій анализъ владутся Мюллеромъ въ основы германской физиологіи.

Владычество Мюллера въ физиологіи, обильное богатыми результатами, потомъ, какъ царство Александра Македонскаго, распадается на нѣсколько областей, управляемыхъ его полководцами. Это и не могло быть иначе; но было время, когда Иог. Мюллеръ властвовалъ почти одинъ въ этой области знанія. Только братья Веберы раздѣляли съ нимъ власть нѣкоторое время.

Цюрихская клиника Шенлейна гремѣла тогда на всю Германію славою гениальнаго врача, соединившаго реальное направленіе съ смѣлыми теоріями, не даромъ же господствовавшими такъ долго въ умахъ передовыхъ врачей. Не прошло потомъ и двухъ лѣтъ, какъ Шенлейнъ былъ уже приглашенъ изъ Цюриха въ Берлинъ. Не многіе изъ передовыхъ дѣятелей этой науки заслуживали себѣ такое имя, какъ Шенлейнъ, не оставивъ послѣ себя ни одного сочиненія, кромѣ небрежно составленныхъ учениками лекцій.

Братья Веберы въ Лейпцигѣ избрали самостоятельно тотъ же самый путь, какъ и Мюллеръ. Но труды ихъ едва ли не превосходятъ точностію результатовъ и самыя работы Мюллера. Особливо гениаленъ былъ братъ физикъ (потомъ профессоръ физики въ Геттингенѣ). Никогда я не видалъ человѣка, у котораго высшій умъ и необыкновенно научныя достоинства вмѣщались въ такомъ невзрачномъ тѣлѣ, какъ у этого брата Вебера. Наконецъ, Вѣна была въ 1830-хъ годахъ единственнымъ мѣстомъ въ цѣлой Германіи, въ которомъ паталогическая анатомія изучалась на дѣлѣ, т. е. чрезъ вскрытіе труповъ, подъ руководствомъ опытнаго наставника (Рокитанскаго). Но объ этомъ мало знали или, вѣрнѣе, этимъ мало интересовались въ Германіи и только иностранцы ѣхали въ Вѣну для изученія паталогической анатоміи.

Въ первомъ же семестрѣ я записался у Шлемма для упражненій надъ трупами (*privatim*) и для упражненія въ хирургическихкихъ операціяхъ надъ трупами (*privatissimum*); у Руста на клинической лекціи въ *Charité*, у Грефе какъ практикантъ въ его клиникѣ (*Ziegel-Strasse*), въ глазной клиникѣ въ *Charité* и у Диффенбаха *privatissimum* изъ оперативной хирургіи. Нѣкоторыя изъ этихъ лекцій, какъ напр. *privatissimum* Диффенбаха, я отсрочилъ до слѣдующаго (зимняго) семестра. Эти же самыя занятія продолжались и всѣ остальные семестры моего пребыванія въ Берлинѣ. Только иногда уллучалъ я госпитировать, т. е. быть гостемъ и на другихъ лекціяхъ.

Съ перваго же раза я, еще молокосось (23 лѣтъ), и пожилой проф. Шлеммъ полюбили другъ друга. Онъ видѣлъ во мнѣ иностранца, любившаго его любимыя занятія и притомъ знавшаго многое изъ той части анатоміи, которою онъ мало занимался. Онъ очень хвалилъ мои работы тазовыхъ и паховыхъ фасцій, артеріальныхъ влагалищъ и проч.

Шлеммъ былъ первостепенный техникъ; его тонкіе анатомическіе препараты (сосудовъ и нервовъ) отличались добросовѣтностію и чистотою отдѣлки. Онъ мнѣ рассказывалъ о своемъ знаменитомъ спорѣ съ Арнольдомъ. Шлеммъ не вѣрилъ въ открытіе ушного узла (*gangl. oticum*) Арнольда и считалъ этотъ узелокъ за простую клѣтчатку. Арнольдъ прислалъ ему свой препаратъ съ ушнымъ узломъ. Шлеммъ, разбирая этотъ аппаратъ, открылъ своимъ косымъ и острымъ глазомъ на мѣстѣ узелка тоненькую шелковину, связывавшую его съ нервною вѣточкою. Пошли пререканія и только Юг. Мюллеръ, пользовавшійся полнымъ уваженіемъ Шлемма, уладилъ споръ, доказавъ Шлемму микроскопомъ, что узелокъ былъ дѣйствительно нервный, а шелковинка была употреблена Арнольдомъ для прикрѣпленія случайно оторвавшейся отъ узелка нервной вѣточки.

Шлеммъ былъ не только превосходнымъ техникомъ по анатоміи, но и отлично оперировалъ на трупахъ. На живомъ онъ никогда не оперировалъ, вѣроятно, слѣдуя галлеровскому: „не посегem veritus“. Ровный, всегда спокойный и положительный, Шлеммъ былъ очень любимъ. Можно бы было его разцѣловать за его спокойное и привѣтливое: „sehen Sie wohl“, которымъ

онъ начиналъ каждую рѣчь. „Sehen Sie wohl, meine Herren“ еще и теперь пріятно звучитъ въ моемъ воспоминаніи.

Я, не смотря на близкое знакомство съ Шлеммомъ, и проводя съ нимъ ежедневно по нѣсколько часовъ, никогда не видалъ его взволнованнымъ и сердитымъ.

Я удивился однажды, съ какою неподражаемою флегмою отдѣлалъ онъ одного молодого целлопера, сына довольно зажиточнаго торговца виномъ, пріѣхавшаго къ Шлемму съ письмомъ отъ отца изъ провинціи. Шлеммъ прочиталъ письмо и, нисколько не стѣсняясь, преспкойно далъ слѣдующій отвѣтъ: „sehen Sie wohl—то, о чемъ просить вашъ отецъ, я готовъ исполнить. Онъ проситъ, чтобы я допустилъ васъ къ слушанію моихъ лекцій безъ гонорара и сверхъ того попросилъ еще и моихъ товарищей, чтобы они дозволили вамъ слушать у нихъ курсы безденежно. Хорошо, я согласенъ; но въ такомъ случаѣ попрошу и вашего батюшку, чтобы онъ мнѣ отпускалъ вино изъ своего магазина даромъ, а сверхъ того попросилъ бы и своихъ товарищей отпустить даромъ“.

Шлеммъ и Мюллеръ работали въ одномъ и томъ же зданіи (старомъ анатомическомъ театрѣ), нигуда негодномъ, въ послѣдствіи замѣненномъ новымъ анатомическимъ театромъ, подъ дирекцію моего хорошаго пріятеля Рейхердта. Я часто видалъ тамъ Мюллера и окружавшую его плеяду: Генле, Свана и другихъ.

Курсъ физиологіи у Мюллера мнѣ не удалось выслушать: часы совпадали съ клиниками, а я не хотѣлъ пожертвовать ни одною. Впрочемъ, необходимо бы было посѣтить преимущественно тѣ лекціи, на которыхъ Мюллеръ демонстрировалъ на животныхъ (преимущественно на лягушкахъ) и подъ микроскопомъ; все другое можно было прочесть потомъ въ его физиологіи.

Изъ его опытовъ надъ лягушками всего болѣе надѣлалъ въ то время шума опытъ, подтверждавшій несомнѣнно открытыя Ш. Беля различныя функціи двухъ нервныхъ корней (передняго и задняго). По мнѣнію Мюллера никакой опытъ надъ теплокровнымъ животнымъ (разъ это дѣлали до него и другіе) не можетъ такъ ясно показать двѣ различныя функціи (чувствительную и двигательную) спинныхъ нервныхъ корней, какъ опытъ надъ лягушкою. Дѣйствительно, до Мюллера, по

крайней мѣрѣ въ Германіи, никто не вѣрилъ положительно въ знаменитое открытіе Ш. Беля.

Мюллеръ былъ весьма расчетливъ на своихъ лекціяхъ: онъ никого не допускалъ посѣщать ихъ, не внеся гонорара (весьма значительнаго по тогдашнему времени), и, читая лекцію, зорко слѣдилъ за каждымъ входящимъ въ аудиторію. Однажды, онъ вдругъ встаетъ съ кафедры и, подошедъ къ только что вошедшему посѣтителю, громко спрашиваетъ его: „а имѣете входный билетъ, покажите!“ Билета не оказалось и посѣтитель долженъ былъ ретироваться, а служитель у входа, отбравшій билеты, былъ удаленъ.

Физиономіи Шлемма и Мюллера означали, съ перваго же взгляда на нихъ, два различныхъ характера,—луна и солнце. Круглое, широкое, спокойное лице Шлемма смотрѣло на васъ полною луною. Лице Юг. Мюллера поражало васъ своимъ классическимъ профилемъ, высокимъ челомъ и двумя межбровными бороздами, придававшими его взгляду суровый видъ и дѣлавшими нѣсколько суровымъ пронизательный взглядъ его выразительныхъ глазъ. Какъ на солнце, неловко было новичку смотрѣть прямо въ лице на Мюллера.

Клиники Руста въ Charité считались тогда молодыми нѣмецкими врачами едва ли не самыми образцовыми въ цѣлой Германіи. И, дѣйствительно, Рустъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, наиболѣе реалистъ между врачами тогдашняго времени. Онъ хотѣлъ основать свою діагностику исключительно на однихъ объективныхъ признакахъ болѣзни, и потому требовалъ въ своей клиникѣ отъ практикантовъ, прежде разспроса больного объ анализѣ и субъективныхъ признакахъ, изслѣдованія того, что можно видѣть и осязать собственными чувствами. Принципъ превосходный. Разспросы и рассказы больного, особливо необразованнаго, не рѣдко служатъ, вмѣсто раскрытія истины, къ ея затемнѣнію. Но медицина, не говоря уже о временахъ Руста, и до сихъ поръ не владѣетъ еще такимъ запасомъ надежныхъ физическихъ или органическихъ, т. е. объективныхъ, признаковъ, на который можно бы было положиться, не прибѣгая къ разспросамъ больного и не полагая ихъ въ основу распознаванія. И вотъ, Рустъ въ своей самонадѣянности, при маломъ запасѣ вѣрныхъ физи-

ческихъ признаковъ болѣзней, поневолѣ допускалъ цѣлую кучу мечтательныхъ.

Не имѣя, по тогдашнему состоянію паталогической анатоміи, прочной органической почвы подъ ногами, Рустъ ввелъ въ діагностику весьма сомнительные признаки и различія болѣзней по дискразіямъ и помѣсамъ дискразій. „Rheumatischer, arthritischer, scrophulöser Natur“,—эти эпитеты постоянно слышались при опредѣленіи болѣзней въ клиникѣ Руста. Мало этого, Рустъ, изъ привязанности къ своему принципу: *pro majore (non Dei, sed Rustii) gloria*, прибѣгалъ въ своей клиникѣ къ шарлатанству. Его ординаторы (*Stabsärzte*) доносили ему до клинической лекціи о свойствахъ болѣзней вновь поступившихъ больныхъ, а онъ діагностицировалъ потомъ передъ слушателями, какъ будто бы по однимъ объективнымъ признакамъ, и попадалъ иногда въ просакъ. Однажды ординаторъ Руста доложилъ ему о поступленіи двухъ больныхъ въ *Charité*: одного съ переломомъ ключицы, а другого съ онѣмѣніемъ плеча отъ удара молніей. Вывели обоихъ ихъ въ аудиторію.

— „Что это такое?“ спрашиваетъ Рустъ у практиканта, поазывая на одного изъ больныхъ, придерживающаго локоть одной руки другою.

Практикантъ хочетъ изслѣдовать.

— „Не надо тутъ изслѣдовать, восклицаетъ Рустъ, тутъ съ перваго же взгляда, *par distance*, можно вѣрно опредѣлить въ чемъ дѣло“.

Всѣ напрягли вниманіе, слушаютъ и смотрять.

— „Это переломъ ключицы, несомнѣнно, утверждаетъ Рустъ, это видно изъ положенія тѣла...“

Въ это время тихо подходитъ къ нему его ординаторъ и что-то шепчетъ ему на ухо.

— „Гм... гм... спохватился Рустъ, да это вотъ тотъ больной, другой, а этотъ парализованъ отъ удара молніей“.

Если бы въ то время было дозволено посѣщеніе больныхъ слушателями въ самыхъ палатахъ *Charité*, то вѣрно діагностические промахи всплывали бы гораздо чаще наружу; а то учреждено было такъ, что вновь поступившаго больного присылали въ клиническую аудиторію; здѣсь опредѣляли болѣзнь, назначали леченіе, потомъ уносили больного и о немъ ни слуха, ни духа.

Но не смотря на эти предосторожности, случалось все-таки не очень рѣдко, что язва, опредѣленная Рустомъ по всѣмъ правиламъ его знаменитой гелкологіи (Helcologie), т. е. по всѣмъ объективнымъ признакамъ, какъ несомнѣнно артритическія (ulcus arthriticum), изъ разспросовъ больного оказывалась безъ всякихъ другихъ признаковъ артритизма. Это не мѣшало, однако же, признавать такую язву и лечить ее, какъ артритическую, на томъ основаніи, что другіе припадки подагры могутъ появиться впоследствии.

Ходить, между прочимъ, еще одинъ забавный *qui pro quo* изъ рустовской клиники, вѣроятно выдуманный (*e bene trovato*).

Сынъ Руста, молодой докторантъ, ограниченный до глупости, записанный въ практиканты, получилъ для опредѣленія болѣзни вновь поступившаго въ *Charité* старика, страдавшаго большою кровоточивою (вѣроятно, варикозною) язвою на ногѣ.

По рустовской гелкологіи, такая язва непременно должна была быть геморроидальною; между тѣмъ, молодой Рустъ ломаетъ себѣ голову; старый Рустъ хочетъ вывести сына изъ затрудненія и помогаетъ ему въ діагнозѣ разными намеками. Ничто не помогаетъ. Наконецъ, старый Рустъ говоритъ сыну:

— „Да вспомни, чѣмъ твой отецъ такъ часто страдалъ въ жизни; по его обычной болѣзни назови и эту язву на ногѣ“.

— *Ulcus syphiliticum!* вдругъ выпалилъ сынонь.

— „*Schafskopf!*“ (болванъ!) пробормоталъ отецъ и вызвалъ другого практиканта.

Не смотря на всѣ эти недостатки, Рустова способъ діагноза, былъ въ то время такъ привлекателенъ своею кажущеюся положительностію и точностію, что принять былъ и другими клиницистами. Я и самъ, признаюсь, въ первые годы моей клинической дѣятельности въ Дерптѣ, держался этого способа и увлекалъ имъ молодежь. И теперь, когда объективизмъ въ медицинѣ сдѣлался гораздо точнѣе и надежнѣе, предварительный діагнозъ по однимъ объективнымъ признакамъ, до разспроса больного, я считаю болѣе надежнымъ; ни кому, однако же, изъ молодыхъ врачей не посоветую основываться на этомъ одномъ предварительномъ распознаваніи болѣзни, считая необходимымъ, послѣ разспроса и рассказовъ больного, снова повторить свой

объективный діагнозъ, нерѣдко послѣ этихъ разспросовъ требующій еще и новаго разслѣдованія.

Русъ въ помощники себѣ въ Charité' выбралъ Диффенбаха и поручилъ ему оперативную часть. Едва ли когда самъ Русъ былъ хорошимъ операторомъ; можетъ быть онъ былъ смѣлымъ, но ему не доставало ни ловкости, ни анатомическихъ свѣдѣній. Въ мое время онъ уже не оперировалъ; только однажды какъ-то, въ отсутствіи Диффенбаха, онъ взялъ ножъ въ руки для операціи большой ущемленной грыжи.

— Я вамъ поважу, сказалъ онъ слушателямъ, какъ старикъ Русъ оперируетъ,—и махнулъ смѣло ножомъ по грыжевому мѣшку.

Предполагалъ-ли онъ омертвѣніе уже кишки и хотѣлъ-ли вскрыть ее вмѣстѣ съ грыжевымъ мѣшкомъ,—не знаю; этого не зналъ никто, смотря на всю процедуру издали; но фактъ тотъ, что вслѣдъ за смѣлымъ Рустовскимъ надрѣзомъ со свистомъ вылетѣли вѣтры и ручьемъ полились испражненія. О больномъ, по обыкновенію, не было потомъ ни слуха, ни духа.

Диффенбахъ, въ то время еще не разсорившійся съ Русомъ, шель въ гору. Его пластическія операціи приобрѣли ему уже тогда славу и имя. И дѣйствительно, это былъ геній самородокъ для пластическихъ операцій.

Изобрѣтательность Диффенбаха въ этой хирургической спеціальности была безпредѣльная.

Каждая изъ его пластическихъ операцій отличалась чѣмъ-нибудь новымъ, импровизированнымъ. И это необыкновенное искусство, при весьма ограниченныхъ научныхъ свѣдѣніяхъ, при полномъ незнаніи анатоміи и физиологіи! Кромѣ пластическихъ операцій, Диффенбахъ хорошо и счастливо дѣлалъ грыжесѣченія; но прочія операціи выходили у него вовсе не мастерски сдѣланными. Рассказывали, что Диффенбахъ приобрѣлъ большую ловкость въ шиваніи ранъ, бывъ долго такъ называемымъ фликеромъ (Flicker) при студенческихъ дуэляхъ въ Кенигсбергѣ; тамъ-же онъ практиковалъ и въ берейторской школѣ. Диффенбахъ отлично ѣздилъ верхомъ.

Съ виду это былъ приземистый, широкоплечій мущина лѣтъ 40, съ умнымъ, красивымъ лицомъ, высокимъ лбомъ, римскимъ носомъ, небольшими, изъ глубины смотрѣвшими, умными гла-

зами, но очень тонкимъ и слабымъ, не соответствующимъ широко сложенной груди, голосомъ. Privatissimum Диффенбаха, стоившее дорого (4 большихъ фридрихсдора съ cadaго изъ 7—8 слушателей) было мнѣ только тѣмъ полезно, что доставило мнѣ случай видѣть нѣсколько замѣчательныхъ (и тогда еще новыхъ) пластическихъ операций; а все другое излагавшееся намъ Диффенбахомъ на этомъ privatissimum не стоило и выѣденнаго яйца. Онъ показавъ нѣсколько своихъ пластическихъ операций на трупѣ, мямля по обыкновенію и выпуская изъ горла намъ, и то неохотно, одно слово за другимъ; въ ораторы онъ не годился. Его надо было видѣть какъ оператора-специалиста, но не слушать, что онъ говорить.

Съ Греффѣ, а потомъ и съ Рустомъ, Диффенбахъ былъ на ножахъ.

Съ Греффѣ потому, что это былъ человѣкъ совершенно другой масти, а съ Рустомъ потому, что тотъ не давалъ ему хода въ Charité, да къ тому еще на консультаціи у барона фонъ-Альтенштейна, болѣвшаго карбункуломъ, Рустъ (самъ) перемѣнилъ, безъ всякихъ объясненій съ другими врачами, способъ леченія, сказавъ Диффенбаху, какъ бы въ извиненіе своей неучливости: „Sie sind doch meine Leute“ ¹⁾, на что Диффенбахъ замѣтилъ: „ich bin kein Leibeigener“ ²⁾.

Послѣ ссоры, Диффенбахъ при насъ ругалъ иногда Charité на чемъ свѣтъ стоитъ:

— „Das ist eine Mordgrube“ ³⁾,—и онъ былъ правъ.

Charité во все время нашего пребыванія было резервуаромъ госпитальной нечисти (госпитальнаго антонова огня) и гнойнаго зараженія.

Да и долго спустя послѣ того, въ 1864 году, при посѣщеніи клиники профессора Юнкена въ Charité, госпитальная нечисть не исчезла; Jungken, для предохраненія отъ нея, прижигалъ еще свѣжія раны послѣ операций раскаленнымъ желѣзомъ. При мнѣ послѣ извлеченія большого секвестра изъ бедровой кости, онъ прижегъ все дупло, изъ предосторожности, раскаленнымъ желѣзомъ.

И самому Русту не мало тогда доставалось отъ Диффенбаха.

¹⁾ Вы все таки мои люди.

²⁾ Я вовсе не крѣпостной.

³⁾ Это могила.

Онъ не женировался насмѣхаться надъ Рустомъ во всеуслышаніе, гдѣ только могъ.

Наружность Руста, дѣйствительно, немногихъ располагала въ его пользу. Это былъ старый подагрикъ, приземистый, низенькій ростомъ, съ сѣдыми длинными и густыми волосами, рѣзко отдѣлявшимися на красномъ, какъ піонъ, фонѣ широкаго, грубаго лица; глаза только не потеряли своего блеска, и умно и бойко смотрѣли изъ-подъ сѣдыхъ нависшихъ бровей и сверху надвинутыхъ на нихъ большихъ серебряныхъ очковъ; голову прикрывалъ зеленый суконный картузь, въ которомъ Рустъ сидѣлъ и въ клинической аудиторіи. На ногахъ не рѣдко плисовые сапоги, подъ ногами всегда коврикъ.

Не мудрено, что такая оригинальная наружность подвергалась ѣдкимъ сарказмамъ неприятелей. Диффенбахъ на одномъ многоялюдномъ вечерѣ, гдѣ много говорилось о старинѣ, на разсказъ одного профессора о томъ, что еще не очень давно называли Руста „Gelbschnabel“ (молокосось), Диффенбахъ замѣтилъ, что гораздо приличнѣе было бы для Руста названіе „Blauschnabel“¹⁾).

Не одинъ Диффенбахъ, впрочемъ, выбиралъ Руста предметомъ насмѣшекъ. Самъ наслѣдный принцъ, любившій Руста и пожаловавшій его въ свои лейбъ-медики, издалъ на него презабавную карриатуру, долго выставлявшуюся на окнахъ магазиновъ Подъ липами.

Рустъ былъ защитникомъ карантинной системы во время холеры и возбудилъ этимъ противъ себя все народонаселеніе. Вотъ по этому-то случаю и явилась карриатура, изображающая большого воробья съ фizioномією Руста, запертаго въ клетку съ надписью:

„Passer rusticus“.

„Der gemeine Landsperling“.

Вся острота въ словахъ rusticus и Sperling.

Landsperre—это карантинная система.

Диффенбахъ, во время нашего пребыванія въ Берлинѣ, ѣздилъ въ Парижъ и тамъ дебютировалъ въ клиникѣ Лисфранка, передъ

¹⁾ Зоол. выюрокъ китайскій.

парижскою аудиторією, съ своею блефаропластикю (искусственное образованіе нижняго вѣва). Возвратясь видимо польщенный хорошимъ приѣмомъ у французовъ, онъ разсказывалъ намъ какъ любезень былъ съ нимъ Лисфранкъ и друг., какъ вся аудиторія рукоплескала ему за сдѣланную имъ еще невиданную выдѣ (операцію).

За то Диффенбаху очень не понравились Вельпо и англичане.

— „Вельпо, сказывалъ намъ Диффенбахъ, это какой-то *anatomist chirurgicus*“, — по мнѣнію Диффенбаха это была самая плохая рекомендація для хирурга, — а англичане — это настоящіе бифштексы.

— Вообразите, говорилъ Диффенбахъ, старый Астлей Куперъ, проѣзжавшій чрезъ Парижъ, полагалъ, что я французскій докторъ изъ госпиталя St. Louis; такъ онъ и отнесся ко мнѣ, никогда прежде ничего не слыхавъ обо мнѣ.

Вельпо не остался, впрочемъ, въ долгу у Диффенбаха. Когда я посѣтилъ его въ 1837 г., въ бытность мою въ Парижѣ, Вельпо такъ отнесся о берлинскомъ геніи:

— „Знакомы ли вы съ значеніемъ нашего слова *gascon* ¹⁾ и *gasconade*?“

— Знаю.

— „Ну, такъ m-g Diffenbach показался мнѣ *gascon*'омъ, а его разные подвиги *gasconade*ми“. Въ этомъ замѣчаніи Вельпо нельзя не признать значительную долю правды.

Проф. Юнгкенъ, окулистъ и клиницистъ *Charité*, принадлежалъ также къ сторонникамъ Руста; такимъ онъ остался, если не ошибаюсь, до конца. Это былъ настоящій и чистовровный доктринеръ. Онъ представлялъ и своимъ ученикамъ, и, какъ я полагаю, самому себѣ современное ученіе, то есть до чего дошелъ Рустъ и онъ самъ, — чѣмъ то законченнымъ, не подлежащимъ сомнѣнію; прогрессъ могъ быть только въ томъ же самомъ направленіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, выходило изъ его клиническихъ лекцій. Ни малѣйшаго скептицизма не допускалось. Все было ясно и точно, какъ дважды два — четыре. Глазныя бленорреи должны были лечиться только однимъ противовоспалительнымъ способомъ.

¹⁾ Хвастунъ.

Разбирая однажды передъ нами случай сильнѣйшей глазной бленорреи, Юнгвентъ, назначивъ свое обыкновенное лечение: пиявки и ледяныя примочки, съ необыкновенною самонадѣянностію объявилъ намъ: „ich breche den Stab über den Kopf desjenigen Arztes, der nicht im Stande ist eine solche Blenorrhoe zu kuriren (я ломаю палку объ голову того врача, который не въ состояніи вылечить такую бленоррею).

Черезъ 3 дня оба глаза оказались пропавшими отъ изъязвленія роговой оболочки, и Юнгвентъ, стоя возлѣ постели несчастнаго слѣпца, молча пожималъ только плечами. Но Юнгвентъ былъ честный и добросовѣстный врачъ,—онъ не скрывалъ отъ насъ этого несчастнаго случая, хотя и могъ бы, какъ другіе, легко это сдѣлать.

Національность Греффе едва-ли можно было опредѣлить по его наружности; она свидѣтельствовала настолько же о нѣмецкомъ, насколько и о славянскомъ происхожденіи. Противники Греффе распускали даже слухъ и о семитскомъ его происхожденіи.

Несомнѣнно только—это признавалъ и самъ Греффе,—что онъ былъ родомъ изъ Польши и тамъ провелъ свою молодость.

Гораздо характернѣе фізіономіи была прическа Греффе—упіснмъ въ своемъ родѣ: длинныя, почти черныя, съ просѣдью, волосы гладко на-гладко зачесывались и примазывались справа налѣво и закрывали значительную часть лба, чуть не до густыхъ черныхъ бровей. Круглому, полному лицу эта прическа сообщала какой-то странный, похожій на куклу, видъ.

Отличительною чертою Греффе была изысканная учтивость со всѣми. Къ слушателямъ онъ обращался не иначе, какъ съ эпитетомъ: *meine hochgeschätzte, meine verehrte Herren* (высокоуважаемые, высокопочитаемые господа); къ больнымъ изъ низшихъ классовъ: *mein liebster Freund* (любезнѣйшій другъ).

Но когда дѣлалось что нибудь не по немъ, то онъ легко выходилъ изъ себя. Видно было, что учтивость и кажущаяся невозмутимость были искусственныя.

Человѣкъ былъ хорошо выдержанъ. И въ этомъ, и во всемъ остальномъ Греффе былъ полный контрастъ съ Рустомъ; не даромъ и жили они какъ кошка съ собакой. Причесанный, какъ прилизанный, всегда элегантно одѣтый или затянутый въ синій

мундиръ съ толстыми эполетами, Греффе входилъ тихо и семеня ногами, походкою табетивовъ, въ аудиторію, раскланивался во всѣ стороны и, обводя всю аудиторію глазами, начиналъ пѣть: *meine hochgeschätzte Herren.*

Рустъ являлся въ своемъ старомъ зеленомъ картузѣ, съ висѣвшими изъ-подъ него по плечамъ растрепанными сѣдыми волосами, съ тростью, которую не выпускалъ изъ рукъ и жестикулировалъ ею во все время лекцій. „А это что за опухоль? а это что за краснота?“ спрашивалъ Рустъ, указывая издали своею палкою на больное мѣсто паціента.

Вмѣсто сладкопѣнія и деликатнаго обращенія, являлись на сцену: *Donner Wetter, sind Sie toll, etc.* (чортъ возьми, вы одурѣли, и проч.)

Въ клинику Руста всѣ шли, чтобы слышать оракульское изреченіе врача-оригинала. Про операціи, дѣлавшіяся въ *Charité*, самые неопытные студенты говорили, что тамъ надо учиться—какъ не дѣлать операціи. И Рустъ имѣлъ болѣе самыхъ фанатическихъ приверженцевъ между молодыми врачами и слушателями.

Въ клинику Греффе ходили, чтобы видѣть истиннаго маэстро, виртуоза-оператора. Операціи удивляли всѣхъ ловкостію, аккуратностію, чистотою и необыкновенною скоростію производства. Ассистенты Греффе, и именно главный д-ръ Ангельштейнъ, уже пожилой и опытный практикъ (онъ имѣлъ и въ городѣ значительную практику), знали наизусть всѣ требованія и всѣ хирургическія замашки и привычки своего знаменитаго маэстро.

У Ангельштейна вездѣ были натыканы инструменты Греффе, ему не надо было говорить: сдѣлай то или другое во время операціи,—все дѣлалось само собою, безъ словъ и разговоровъ. Греффе для каждой операціи повывдумывалъ много разныхъ инструментовъ, теперь уже почти забытыхъ, но во времена оны расхваленныхъ и всегда употреблявшихся самимъ изобрѣтателемъ. Онъ только самъ и умѣлъ владѣть ими. Въ клиникѣ Греффе было въ особенности то хорошо, что практиканты всѣ могли слѣдить за больными и оперированными и сами допускались къ производству операцій, но не иначе какъ по способу Греффе и инструментами его изобрѣтенія.

Мнѣ, какъ практиканту, досталось также сдѣлать три операціи: вырѣзать два липома и вылущить большой палецъ руки изъ

сустава. Греффе былъ доволенъ, но онъ не зналъ, что всѣ эти операціи я сдѣлалъ бы въ десятеро лучше, если бы не дѣлалъ ихъ неуклюжими и мнѣ неподручными инструментами.

Греффе былъ, безъ сомнѣнія, отъ природы ловокъ и споровистъ; иначе, безъ всякаго знанія анатоміи, безъ упражненія надъ трупами, которыя Греффе считалъ совершенно не подходящими къ операціямъ на живыхъ, какъ могъ бы онъ сдѣлаться истиннымъ виртуозомъ хирургіи?

Между тѣмъ, пальцы его — мясистые, закругленные и короткіе—вовсе не свидѣтельствовали объ особенной ловкости.

Ежегодно, въ день рожденія Греффе, его слушатели и практиканты, большею частію иностранцы, дѣлали сьладчину, покупали кубокъ или другую какую вещь съ приличною надписью и подносили своему маэстро.

Это былъ едва ли не единственный способъ изъясненія признательности и уваженія наставнику. Болѣе задушевнымъ сочувствіемъ своихъ, и именно туземныхъ, учениковъ маэстро не пользовался. Онъ задавалъ обыкновенно банкетъ въ день своего рожденія, на которомъ онъ угощалъ своихъ гостей разными деликатесами и винами, а гости угощали его лъстивыми тостами, называя его *unser deutscher Dupuytren* и т. п.

Послѣ одного такого банкета Греффе позвалъ меня въ кабинетъ, гдѣ, оставшись наединѣ со мною, спросилъ: не знакомъ ли мнѣ одинъ окулистъ въ С.-Петербургѣ, приобрѣтшій такую знаменитость, что его императоръ Николай рекомендуетъ настоятельно королю для наслѣднаго ганноверскаго принца. Надо знать, что во время пребыванія Николая Павловича въ Берлинѣ туда пріѣхалъ для консультаціи и леченія глазной болѣзни наслѣдныи ганноверскій принцъ. Греффе, какъ лейбъ-медикъ или лейбъ-хирургъ прусскаго короля, назначилъ операцію искусственнаго зрачка, дѣлая ее безъ успѣха, если не ошибаюсь два раза у принца, хотѣлъ было дѣлать потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, и въ третій разъ, поѣхалъ съ этой цѣлью въ Ганноверъ, но по дорогѣ занемогъ тифомъ и умеръ.

Я очень удивился, услышавъ отъ Греффе, что нашъ Императоръ настойчиво предлагаетъ въ конкуренты съ маэстро Греффе своего вѣрноподданнаго. Въ такомъ случаѣ, этотъ вѣрноподанный, дѣйствительно, уже знаменитость. Кто-же это такой былъ?

Ума не приложу. Въ первый разъ слышу. Наконецъ, я узналъ, что сія знаменитость, рекомендованная Императоромъ королю прусскому, былъ никто иной, какъ с.-петербургскій мѣщанинъ Орѣшниковъ.

Въ С.-Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ этотъ гражданинъ открылъ, съ разрѣшенія правительства, глазную больницу для приходящихъ.

Орѣшниковъ прежде всего запасся огромнымъ увеличительнымъ стекломъ съ длинною рукояткою, и объявилъ себя самымъ яркимъ противникомъ извѣстнаго въ то время петербургскаго окулиста Василья Васильевича Лерхе. Экзаменуя своихъ больныхъ черезъ увеличительное стекло, Орѣшниковъ спрашивалъ у каждаго не былъ ли онъ на Моховой у Лерхе, и когда больной отвѣчалъ утвердительно, то Орѣшниковъ интересовался знать, какъ опредѣлилъ болѣзнь д-ръ Лерхе. „Да что, сказалъ, что полуда,“ — такъ, примѣрно, рассказывалъ пациентъ. На такой отвѣтъ Орѣшниковъ качалъ головою, снова наводя на глаза пациента увеличительное стекло, снова качалъ подозрительно головою и говорилъ во всеуслышаніе: „ай, Василій Васильевичъ, опять маху далъ. Какая-же это тутъ полуда. Это просто бѣльмо. Не безпокойся, дружокъ, будешь видѣть, вотъ тебѣ моя примочка“.

Греффѣ, нѣсколько, какъ мнѣ казалось, встревоженный настоячивою рекомендаціею какъ будто изъ земли выросшаго конкурента такую особою, какъ Императоръ Всероссійскій, потомъ успокоился, когда узналъ, что Орѣшниковъ не былъ операторъ, а въ Германіи давно и всѣмъ уже было слишкомъ извѣстно, что только операціею можно возстановить зрѣніе принца.

Какъ ни полезны и какъ ни поучительны были для меня занятія у Шлемма и въ клиникахъ Греффѣ, Руста и Юнгена, но всего нагляднѣе была для меня польза, принесенная мнѣ упражненіями въ оперативной хирургіи надъ трупами въ Charité.

Однажды я узналъ отъ студентовъ, что въ Charité можно присутствовать иногда при вскрытіи труповъ; мнѣ показали и мѣсто, гдѣ производятся эти вскрытія. Я отправился, прихожу и не вѣрю тому, что вижу.

Въ маленькой комнатѣ, помѣщавшей въ себѣ два стола, на каждомъ изъ нихъ лежало по 2—3 трупа, и у одного стола, вижу, стоитъ женщина сухощавая, въ чепцѣ, въ клеенчатомъ

передникѣ и такихъ же зарукавникахъ, вскрывая чрезвычайно скоро и ловко одинъ трупъ за другимъ. Тогда еще не видано и не слыхано было, чтобы женщины посвящали себя анатомическимъ занятіямъ; видя, что меня не гонятъ и кромѣ меня никого нѣтъ изъ студентовъ, я приблизился къ интересной дамѣ и весьма учтиво поклонился.

— „Wünschen Sie was von mir?“ (угодно вамъ что отъ меня?) спрашиваетъ она меня.

— Да, мнѣ хотѣлось-бы присутствовать чаще при вскрытіяхъ, отвѣчаю я.

— „Что-же! приходите хотя каждый день; кромѣ меня до сихъ поръ никто еще не вскрывалъ. Только недавно назначенъ проф. Фроріепъ“.

— А другіе клиническіе профессора Charité?

— „Что вы! да развѣ они что понимаютъ въ этомъ дѣлѣ. Вотъ еще вчера, никто мнѣ не вѣрилъ, что при вскрытіи одного трупа я найду огромный эскудатъ въ груди, а за милу видно было, что вся половина груди растянута. Я имъ и показала.“

— Позвольте узнать ваше имя.

— „Я Madame Vogelsang“.

— Такъ вотъ что, madame Vogelsang, не можете-ли вы доставить мнѣ случай упражняться на трупахъ?

— „Почему не такъ. Ко мнѣ приходили иногда иностранцы и я имъ показывала операціи на трупахъ. У меня для этого есть и хирургическіе инструменты“.

— Такъ потрудитесь объявить мнѣ ваши условія, замаялся я.

— „У меня опредѣлено 1 талеръ за цѣлый трупъ; тогда вы можете сдѣлать на немъ какія вамъ угодно операціи, и 15 Silbergroschen за перевязку артеріи на конечностяхъ и за вылуценіе изъ суставовъ, но съ тѣмъ, чтобы не дѣлать никакихъ лоскутовъ“ (то есть не обрѣзывать совсѣмъ вылученный изъ сустава членъ)...

Дѣло рѣшено. Я выдаю задатовъ 3 талера. Дни и часы назначаются г. Фогельзангъ всякій разъ съ вечера; она будетъ присылать нарочнаго или скажетъ сама въ клиникѣ Руста.

M-me Vogelsang, — эта интересная особа прежде была цовивальною бабкою, а потомъ изъ любви къ искусству, какъ она увѣряла, посвятила себя анатоміи и практически знала ее бойко.

Вылущить суставъ по всѣмъ правиламъ искусства, найти артерію на трупѣ—это было легкое дѣло для m-me Vogelsang.

Въ то время Берлинъ былъ экзаменаціоннымъ „rendez-vous“ для всѣхъ врачей прусскаго королевства, и каждый изъ нихъ, на такъ называемомъ штатномъ экзаменѣ (Staats-Examen), обязанъ былъ демонстрировать предъ экзаменаторами внутренности груди, живота *in situ*.

Вотъ этотъ-то экзаменъ *in situ* и заставлялъ прибѣгать экзаменующихся къ анатомическимъ знаніямъ г-жи Фогельзангъ.

Она достигла совершенства въ разъясненіи и наглядномъ опредѣленіи положенія грудныхъ и брюшныхъ внутренностей, а также мозга и основанія черепа.

Никто не былъ такъ вхожъ ко мнѣ, какъ m-me Vogelsang. И рано утромъ, и поздно вечеромъ она являлась ко мнѣ съ какимъ нибудь препаратомъ въ рукахъ или съ извѣстіемъ о предстоящемъ упражненіи на трупѣ въ „Charité“.

Я не зналъ ни одного женскаго лица менѣ красиваго и болѣе оригинальнаго фізіономіи г-жи Vogelsang. Уже лѣтъ за 40, съ волосами на головѣ, похожими на паклю, съ сухимъ, изрытымъ глубокими бороздами, но необыкновенно подвижнымъ лицомъ, m-me Vogelsang очень смахивала на проворную, юркую обезьяну.

Но она доставила мнѣ для упражненій не одну сотню труповъ, и потому я ее считалъ дорогимъ для себя человѣкомъ.

Въ одно время съ нами прибыло въ Берлинъ нѣсколько русскихъ изъ Москвы и Петербурга, впоследствии занявшихъ должности ординаторовъ въ разныхъ столичныхъ госпиталяхъ; изъ нихъ всѣхъ болѣе сблизился со мною Вл. Ае. Караваевъ (родомъ изъ Вятки).

Караваевъ окончилъ курсъ въ казанскомъ университетѣ. Познакомившись въ этомъ университетѣ только по слухамъ съ хирургіею (проф. хирургіи въ то время, если не ошибаюсь, Фогель, имѣлъ скорченные отъ предшествовавшей болѣзни пальцы и не могъ держать ножа), (онъ) отправился въ Петербургъ и опредѣлился ординаторомъ въ Маріинскій госпиталь, гдѣ и видѣлъ въ первый разъ нѣсколько операций, произведенныхъ Буяльскимъ.

Не смотря на такую слабую подготовку, Караваевъ чувствовалъ въ себѣ особое влеченіе къ хирургіи; это я замѣтилъ при

первомъ же нашемъ знакомствѣ. Я посовѣтовалъ ему тотчасъ же заняться анатоміею и отправиться по адресу къ m-me Vogelsang.

Цѣлый годъ онъ былъ моимъ неизмѣннымъ спутникомъ при упражненіяхъ надъ трупами, а потомъ по моему же совѣту отправился въ Геттингенъ къ Лангенбеку.

Въ 1837 году Караваяевъ явился въ Дерптъ, держалъ еще у меня экзамень, до отъѣзда моего въ этомъ же году въ Парижъ, дѣлалъ вмѣстѣ со мною опыты надъ животными по вопросу, много меня интересовавшему въ то время,—о признакѣ развитія гнойнаго зараженія крови (піеміи).

Этотъ вопросъ я и посовѣтовалъ Караваяеву выбрать предметомъ его докторской диссертациі. Я могу по праву считать Караваяева однимъ изъ своихъ научныхъ питомцевъ: я направилъ первые его шаги на поприще хирургіи и сообщилъ ему уже избранное мною направленіе въ изученіи хирургіи.

LXII.

Лѣтнею вакансіею 1834-го года я воспользовался для посѣщенія Геттингена и, чтобы застать еще лекціи, отправился изъ Берлина еще за-долго до окончанія семестра.

Меня интересовалъ въ Геттингенѣ, разумѣется, всего болѣе Лангенбекъ. Ученики его, пріѣзжавшіе иногда въ Берлинъ, относились съ искреннимъ энтузіазмомъ о своемъ знаменитомъ учителѣ всей Германіи того времени. Лангенбекъ былъ единственный хирургъ-анатомъ. Знанія его анатоміи были также обширны, какъ и хирургіи.

Кромѣ этихъ двухъ категорій хирурговъ-анатомовъ и хирурговъ-техниковъ (которыхъ Лисфранкъ въ Парижѣ очень мѣтко назвалъ *chirurgiens menuisiers*),—въ 1830-хъ годахъ можно было различить и еще двѣ категоріи, имѣвшія въ то время не менѣе важное значеніе. Въ то время анестизированіе и анестизирующія средства еще не были введены въ хирургию, и потому немало-важное было дѣло для страждущаго человѣчества претерпѣть какъ можно меньше мученій отъ производства операцій. Быстро-течная, почти скоростижная, смерть постигала иногда оперируемаго вслѣдствіе нестерпимой боли.

Операція, какъ и всякій другой приѣмъ, могла причинить смертный шокъ отъ одной только боли у особъ чрезмѣрно раздражительныхъ. И такъ, не мудрено, что значительная часть хирурговъ поставила себѣ задачею способствовать всѣми силами быстрому производству операцій. Но какъ усовершенствованіе хирургической техники въ этомъ направленіи (т. е. съ цѣлью уменьшить сумму страданій быстрымъ производствомъ операцій) весьма трудно, даже невозможно для многихъ, и, сверхъ того, скорость производства не рѣдко можетъ сдѣлать операцію невѣрною, ненадежною и не безопасною, то, понятно, многіе изъ хирурговъ сильно вооружены были противъ всякой спѣшности въ производствѣ, а нѣкоторые дошли до того, что объявили себя защитниками противоположнаго принципа, утверждая, что чѣмъ медленнѣе дѣлава будетъ операція, тѣмъ болѣе она дастъ надежды на успѣхъ.

Французскій хирургъ Ру укорялъ всѣхъ англійскихъ хирурговъ въ ненужной и мучительной медленности при производствѣ операцій.

Въ Германіи къ категоріи хирурговъ, по принципу стоявшихъ за быстрое производство операцій, можно было отнести именно двухъ корифѣевъ—Греффѣ и Лангенбека. Первый достигалъ этого врожденною ловкостью и разными техническими приѣмами; второй—отчетливымъ знаніемъ анатомическаго положенія частей и основанныхъ на этомъ знаніи, имъ изобрѣтенныхъ, оперативныхъ способахъ.

Хотя я и отношу Лангенбека и Греффѣ къ одной категоріи, имѣя въ виду только одну сторону ихъ искусства, но въ самомъ производствѣ операцій существовало громадное различіе и это не могло быть иначе, потому что не было двухъ людей, менѣе сходныхъ между собою.

Греффѣ оперировалъ необыкновенно скоро, ловко и гладко. Лангенбекъ оперировалъ скоро, научно и оригинально.

Греффѣ отъ природы получилъ ловкость руки; но ни устройство руки, ни строеніе всего тѣла не свидѣтельствовали объ этой врожденной ловкости.

Лангенбекъ, напротивъ, былъ отъ природы такъ организованъ, что не могъ не быть ловкимъ и подвижнымъ. Атлетъ ростомъ и развитіемъ скелета и мышцъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ

необыкновенно пропорціонально сложенъ. Ни у кого не видалъ я такъ хорошо сложенной и притомъ такой огромной руки. Лангенбекъ на своихъ анатомическихъ демонстраціяхъ укладывалъ цѣлый мозгъ на ладонь, раздвинувъ свои длинные пальцы; рука служила ему вмѣсто тарелки и на ней онъ съ неподражаемою ловкостію распластывалъ мозгъ ножемъ. Поистинѣ, это былъ хирургъ-гигантъ. Ампутируя по своему овално-коническому способу бедро въ верхней трети, Лангенбекъ обхватывалъ его одною рукою, поворачивался при этомъ съ ловкостію военнаго человѣка, на одной ногѣ, и приспособлялъ все свое громадное тѣло къ движенію и дѣйствию рукъ.

На его *privatissimum* я въ первый разъ видѣлъ это замѣчательное искусство приспособленія при операціяхъ движенія ногъ и всего туловища къ дѣйствию оперирующей руки; и это дѣлалось не случайно, не какъ нибудь, а по извѣстнымъ правиламъ, указаннымъ опытомъ.

Впослѣдствіи мои собственныя упражненія на трупахъ показали мнѣ практическую важность этихъ приѣмовъ.

И Лангенбекъ былъ не прочь похвалиться своею силою и ловкостію. Но это было не хвастовство фата, не смѣшное тщеславіе.

Къ Лангенбеку какъ-то шла похвала себѣ; такъ онъ рассказывалъ мнѣ, по своему, отрывисто, съ удареніемъ на каждомъ словѣ, какъ онъ изумилъ одного англійскаго хирурга во время французской кампаніи. Этотъ сынъ Альбіона никакъ не хотѣлъ вѣрить Лангенбеку, что онъ по своему способу вылуциваетъ плечо изъ сустава только въ 3 минуты; представился случай послѣ одной битвы: раненаго француза (если не ошибаюсь) посадили на стулъ. Англичанинъ сталъ приготовляться къ наблюденію и надѣвать очки; въ это мгновеніе что-то пролетѣло передъ носомъ наблюдателя и выбило у него очки изъ рукъ; это нѣчто было вылущенное уже Лангенбекомъ и пущенное имъ на воздухъ,—прямо въ Оому невѣрующаго, плечо.

Все, что сообщалъ намъ на лекціяхъ и въ разговорахъ Лангенбекъ, было интересно и оригинально.

Со многимъ нельзя было согласиться, но, и не соглашаясь, нельзя было не удивляться человѣку замѣчательному и по на-

ружности, и по особенному складу ума, и по знанію дѣла. Лангенбекъ былъ, вѣрно, красавцемъ въ молодости, такъ пріятно выразителенъ и свѣжъ былъ весь его обликъ. За версту можно было уже слышать его громкій и звонкій голосъ.

Къ характеристикѣ Лангенбека, какъ хирурга, относится еще одна весьма важная и оригинальная черта. Онъ возводилъ въ принципъ, при производствѣ хирургическихъ операцій, избѣгать давленія рукою на ножъ и пилу.

— Ножъ долженъ быть смычкомъ въ рукѣ настоящаго хирурга.

— „Kein Druck, nur Zug“ ¹⁾.

И это были не пустяя слова.

Лангенбекъ научилъ меня не держать ножа полною рукою, кулакомъ, не давить на него, а тянуть какъ смычокъ по разрываемой ткани. И я строго соблюдалъ это правило во все время моей хирургической практики вездѣ, гдѣ можно было это сдѣлать. Ампутаціонный ножъ Лангенбека былъ имъ придуманъ именно съ тою цѣлью, чтобы не давить, а скользить тонкимъ, какъ бритва и выпуклымъ, и дугообразно-выгнутымъ лезвиемъ.

На нашемъ *privatissimum* случилась, однажды, бѣда съ этимъ ножомъ. Досадно было Лангенбеку, что предъ иностранцемъ, да еще и пріѣхавшимъ изъ Берлина, должна была случиться такая неудача. Дѣло въ томъ, что Лангенбекъ, одѣтый въ лѣтніе бланжевые брюки, башмаки и чулки, дѣлая передъ нами свою ампутацію бедра на трупѣ и по обыкновенію приговаривая при этомъ громко и внушительно: „nur Zug, kein Druck“, вдругъ со всего размаха попадаетъ остриемъ ножа себѣ въ иеру. Кровь выступаетъ на бланжевыхъ брюкахъ и льетъ въ чулокъ и на полъ. Рана была довольно глубокая, зажила однако-же безъ послѣдствій. Лангенбекъ вѣрно угадывалъ наши мысли по случаю этого происшествія.

Конечно, мы не могли не думать такъ: уже если самъ маэстро дѣлаетъ съ своимъ ножомъ такіе промахи, такъ значитъ дѣло не ладно. И дѣйствительно, и Лангенбекъ, и Греффе, по своей собственной всѣмъ людямъ слабости, изобрѣли не мало такихъ хирургическихъ процедуръ и инструментовъ, которые оставались употребительными только въ ихъ собственныхъ рукахъ. Но ра-

¹⁾ Не нажимъ, а веденіе.

зумѣтся, ни Греффѣ, ни Лангенбекъ не отказывались отъ своихъ изобрѣтеній и продолжали отдавать имъ преимущество.

LXIII.

Жизнь въ маленькомъ провинціальномъ германскомъ университетѣ была въ то время довольно, а иногда таки и очень, патриархальною. Сближеніе съ профессорами было гораздо легче, чѣмъ въ столичномъ университетѣ; поэтому не мудрено, что я скоро и легко познакомился съ біографіею, міровоззрѣніями и даже причудами нѣкоторыхъ изъ геттингенскихъ профессоровъ.

Про самого Лангенбека нетрудно было узнать, что онъ вставалъ очень рано, занимался почти цѣлый божій день, то въ анатомическомъ театрѣ, то въ клиникѣ, то на дому. Одинъ студентъ изъ дурляндцевъ, жившій недалеко отъ Лангенбека, сказывалъ мнѣ, что по его наблюденіямъ Лангенбекъ бываетъ въ веселомъ расположеніи духа преимущественно, когда еврей-мѣняла, являвшійся обыкновенно по утрамъ, оставался на квартирѣ профессора долгое время.

Молодымъ, собиравшимся вокругъ Лангенбека, людямъ онъ любилъ говорить о встрѣченныхъ имъ въ жизни трудностяхъ, невгодахъ и препятствіяхъ, побѣжденныхъ энергіею и здоровымъ смысломъ. „Frisch in's Leben hinein ¹⁾! Frisch [in's Leben hinein!“ это было его любимымъ афоризмомъ. „Kein Leichtsinn, aber einen leichten Sinn“ ²⁾ также было его правиломъ жизни.

Про другихъ, болѣе устарѣлыхъ, профессоровъ рассказывались разныя легенды. Про знаменитаго Blumenбаха, дожившаго на примѣръ едва-ли не до 90 лѣтъ, говорили, что онъ не можетъ, безъ вреда для своего организма, не читать лекціи, и онъ исполняетъ эту, сдѣлавшуюся для него уже органическою, функцію чрезвычайно добросовѣстно; приходитъ въ аудиторію, садится на кафедру, вынимаетъ тетрадку и читаетъ по ней не спѣша и съ разстановкою. Слушатели, не менѣе профессора, привыкшіе къ его лекціямъ, не рѣдко однако-же бывали поражены quasi

¹⁾ Будь бодръ въ жизни.

²⁾ Безъ легкомыслія, но съ бодрымъ духомъ.

замѣтками маститаго ученаго, произносимыми съ обычною медленностію и разстановкою: „hier muss ich ein Witz sagen“. Сначала никто не могъ въ толкъ взять, что означали эти отрывочныя афористическія замѣтки. Наконецъ, дѣло объяснилось. Тетрадки существовали еще съ того давняго времени, когда знаменитый ученый, — во цвѣтъ лѣтъ и одаренный юморомъ, — острилъ на своихъ лекціяхъ и заблаговременно отмѣчалъ на поляхъ тетрадки гдѣ и при какомъ случаѣ острота казалась ему умѣстною. Пришла старость. Содержаніе остротъ исчезло изъ памяти, а указаніе на остроту, оставшееся еще на поляхъ тетрадки, передавалось аудиторіи добросовѣстнымъ профессоромъ.

Во время моего пребыванія въ Геттингенѣ я познакомился съ племянникомъ Лангенбека, тогда еще молодымъ докторантомъ, ассистентомъ дяди, а потомъ занимавшимъ мѣсто Диффенбаха и Греффе въ Берлинѣ.

Молодой Лангенбекъ мнѣ памятенъ не потому только, что я видѣлъ его постоянно при дядѣ, но еще по отрывочнымъ воспоминаніямъ.

Въ операционную залу въ старому Лангенбеку принесли больного съ некрозомъ бедра; профессоръ сталъ отыскивать секвестръ и сдѣлалъ знакъ племяннику, чтобы онъ подалъ что-то (вѣроятно, зондъ или корнцангъ и т. п.), и вдругъ, къ моему удивленію, я вижу, что молодой Лангенбекъ подаетъ ампутаціонный ножъ. „Noch zu früh!“ (еще рано), замѣтилъ ему дядя.

Второе воспоминаніе совпадаетъ съ моею болѣзнію. Я занемогъ въ Геттингенѣ сильною жабою, перешедшею въ нарывъ. Но прежде, чѣмъ нарывъ вскрылся, ему суждено было, — противъ моего желанія, — пройти черезъ руки хирурга. Опухоль была очень сильная и я, видѣвъ уже не разъ и въ Дерптѣ, и особливо въ Берлинѣ леченіе жабы рвотнымъ, хотѣлъ уже принять его, какъ мой знаемый курляндецъ, струсивъ за меня, увѣдомилъ о моей болѣзни Лангенбека. Оба, — дядя и племянникъ, — были такъ любезны, что тотчасъ же пришли ко мнѣ на квартиру.

Старикъ Лангенбекъ, осмотрѣвъ мою пасть, тотчасъ же взялъ скальпель и всадилъ его почти на одинъ дюймъ въ опухоль; вышло нѣсколько крови, но матеріи не показалось. Ночью на другой день нарывъ лопнулъ самъ по себѣ и я скоро выздоровѣлъ.

Странно, когда въ 1864 году я, по прошествіи 30 лѣтъ, въ

первый разъ свидѣлся въ Берлинѣ съ моимъ старымъ знакомымъ (Лангенбековымъ племянникомъ), то онъ тотчасъ же припомнилъ мнѣ мою болѣзнь, но при этомъ настойчиво увѣрялъ, что онъ самъ вскрылъ мнѣ нарывъ и выпустилъ гной. Мнѣ кажется, что я обязанъ въ этомъ случаѣ вѣрить болѣе моей, чѣмъ чужой (памяти). Воспоминаніе о причиненной мнѣ бесполезной боли и о брани, которою я внутренно осыпалъ обоихъ Лангенбековъ и моего знакомаго курляндца, за ихъ непрошенное вмѣшательство, сохранилось слишкомъ живо въ моей памяти, и я, испытавъ на себѣ хирургическій промахъ, старался потомъ, насколько могъ, предохранять другихъ людей отъ моихъ промаховъ.

Съ тѣхъ поръ рвотное служило мнѣ гораздо чаще ножа къ вскрытію нарывовъ послѣ жабы. Изъ оперативныхъ способовъ, предложенныхъ Лангенбекомъ, весьма немногіе сохранились еще въ современной хирургіи. Справедливость требуетъ еще замѣтить, что операціи Лангенбека изумляли не только быстротою, но и чрезвычайною, въ то время еще неслыханною, вѣроятностью и точностью производства. Мойеръ сказывалъ мнѣ, что его учитель, старый Ант. Скарпа, услышавъ про вылученіе матки, сдѣланное успѣшно (безъ поврежденія брюшины), сказалъ:

— „Если это правда, то я готовъ ползти на колѣняхъ въ Геттингенъ къ Лангенбеку“.

Ко второй категоріи нѣмецкихъ хирурговъ, то есть къ защитникамъ медленнаго, по принципу, производства операцій, надо отнести, по преимуществу, Текстора въ Вюрцбургѣ.

У Текстора принципъ медленности доведенъ былъ до крайнихъ размѣровъ. Его аудиторія не рѣдко могла наслаждаться такого рода зрѣлищемъ. Больной лежитъ на операціонномъ столѣ, приготовленъ къ отнятію бедра. Профессоръ, вооруженный длиннѣйшемъ скальпелемъ, ввалываетъ его какъ можно тише и медленнѣе насквозь (спереди назадъ) чрезъ мышцы бедра. Вколотый ножъ оставляется въ этой позиціи и профессоръ начинаетъ объяснять слушателямъ какое направленіе намѣренъ онъ дать ножу, какую длину и т. п.

Потомъ выкроивъ одинъ изъ лоскутовъ, по мѣрѣ и какъ можно медленнѣе, снова начинается сужденіе объ образованіи второго лоскута. При этомъ профессоръ обращается нѣсколько разъ въ своей аудиторіи съ наставленіемъ:

— „So muss man operiren, meine Herren“.

И это все дѣлалось безъ анестизированія, при вопляхъ и крикахъ мучениковъ науки или, вѣрнѣе, мучениковъ безмозглаго доктринерства!

Что касается до меня, то мой темпераментъ и приобрѣтенная долгимъ упражненіемъ на трупахъ вѣрность руки сдѣлали мнѣ, поистинѣ, противною эту злую медленность по принципу.

И впоследствии, когда анестизированіе, повидимому, дѣлало совершенно излишнимъ—Цельсово сито, и тогда, говорю, я остался всетаки того мнѣнія, что напускная медленность можетъ оказаться вредною: продолжительностію анестизированія и травматизма.

Не одинъ механизмъ въ производствѣ операций, не одна только техническая часть хирургіи рѣзко отличали клиники главныхъ представителей германской хирургіи.

Мы имѣли случай наблюдать, въ этихъ клиникахъ, и разные способы леченія ранъ. И именно, операторы по преимуществу: Лангенбекъ, Греффе и Диффенбахъ всего болѣе ставили въ заслугу свои способы леченія ранъ.

Лангенбекъ терпѣть не могъ, когда иностранные и другіе врачи, посѣщавшіе его клинику, объясняли ему, думая сказать ему пріятное,—что они издалека пріѣхали посмотреть на его операциі. Тогда онъ нарочно ждалъ и не дѣлалъ.

— „Die Kerls wollen, — говаривалъ онъ потомъ, — dass er schneidet. Er schneidet aber nicht“.

Въ мое время въ клиникѣ Лангенбека почти всѣ раны,—и послѣ большихъ ампутацій, лечились чрезъ нагноеніе, и когда вся полость раны была уже устлана мясными сосочками, края ея сближались и соединялись липкими пластырями.

У Диффенбаха можно было болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, видѣть превосходные образцы заживленія ранъ первымъ натяженіемъ. Никто изъ современныхъ Диффенбаху хирурговъ не сумѣлъ такъ отлично вести этотъ способъ на дѣлѣ. Этому способствовали введенный Диффенбахомъ шовъ и сноровка въ принятіи мѣръ предосторожности противъ сильнаго натяженія частей. Притомъ самая рана не завязывалась ни пластырями, ни повязками.

Въ клиникѣ Греффе, отличавшейся отъ рустовской счастливыми результатами леченія послѣ большихъ операций, раны послѣ такихъ операций лечились своеобразно. За исключеніемъ англій-

сихъ хирурговъ, едва ли кто изъ современныхъ Греффе хирурговъ въ Германіи и Франціи лечилъ эти раны такъ, какъ онъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что Греффе болѣе всѣхъ приближался къ современнымъ герметическимъ способамъ леченія большихъ ранъ. Греффе тщательно перевязывалъ при операціи всѣ кровоточивые сосуды, тщательно соединялъ края раны (то швомъ, то множествомъ липкихъ пластырей на-глухо), клалъ потомъ на закрытую уже рану корпію и по ширинѣ маленькіе крестикъ, и все это тщательно укрѣплялъ нѣсколькими бинтами.

Повязки оставались большею частью нѣскольбо дней и безъ нужды никогда не снимались до нагноенія.

Ассистентъ Греффе д-ръ Ангельштейнъ отличался искусствомъ въ наложеніи повязки. Онъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы матерія не просачивалась чрезъ повязку.

Сидѣлки, двѣ чистокровныя нѣмки, знали это, но по неряществу и лѣности попадали не рѣдко въ просакъ.

„Komm, Grethe, her“, слышалось бывало— „Angelstein macht Spectakl“¹⁾.

И, дѣйствительно, шелъ спектакль; Ангельштейнъ визитировалъ больныхъ и перемѣнялъ повязки съ бранью и крикомъ на растерявшихся сидѣлокъ.

„Sau bist du!“²⁾ ругалъ онъ, избѣгая мужскаго рода Schwein³⁾, такъ какъ его ругань была обращена къ дамамъ.

Результатъ этого леченія ранъ въ клиникѣ Греффе былъ, дѣйствительно, весьма счастливый.

Тщательное прикрытіе и закрытіе большихъ и глубокихъ ранъ, съ методическимъ давленіемъ на около лежащія части, считалось весьма важными условіями для усиленнаго заживленія раны. Случай съ извѣстнымъ тогда актеромъ (кенигштадтскаго театра) Бекманомъ доказалъ преимущество этого способа леченія ранъ и тѣмъ не мало причинилъ досады Диффенбаху.

Диффенбахъ принялъ огромную опухоль на бедрѣ Бекмана за злокачественный наростъ и побоялся операціи, зная изъ опыта, съ какими опасностями и страхами для больного соеди-

¹⁾ „Поди, Маргарита, сюда. Ангельштейнъ устраиваетъ спектакль!“

²⁾ „Ты—свинья!“

³⁾ Боровъ.

нено обыкновенно лечение глубоких междумышечных ранъ. Греффе былъ другого мнѣнія: онъ опредѣлилъ опухоль какъ *Lipomsteatom*, вырѣзалъ ее и тотчасъ-же послѣ операціи тщательно закрылъ глубокую рану, наложивъ методически на всю конечность *ad hoc* приготовленную компресивную повязку.

Результатъ былъ блестящій: любимецъ берлинской публики Бекманъ скоро выздоровѣлъ.

Теперь трудно себѣ вообразить, какъ мало германскіе врачи и хирурги того времени были знакомы, а главное, какъ мало они интересовались ознакомиться съ самыми основными патологическими процессами.

Между тѣмъ, въ сосѣдней Франціи и Англии въ это время извѣстны уже были замѣчательные результаты анатомо-паталогическихъ изслѣдованій Крювелье, Тесье, Брейта, Бульо и друг.

Такъ самый опасный и убійственный для раненыхъ и оперированныхъ патологическій процессъ—гнойнаго зараженія крови (*pyaemia*), покищающій еще и до сегодня значительную часть этихъ больныхъ, — былъ почти вовсе неизвѣстенъ германскимъ хирургамъ того времени. Во все время моего пребыванія въ Берлинѣ, я не слыхалъ ни слова, ни въ одной клиникѣ, о гноynomъ зараженіи, и въ первый разъ узналъ о немъ изъ трактата Крювелье.

Изъ Крювелье и оперативной хирургіи Вельпо, только изъ чтенія этихъ книгъ, я получилъ понятіе о механизмѣ образованія метастатическихъ нарывовъ послѣ операціи и при поврежденіи костей. Правда, Фрике въ Гамбургѣ написалъ статью о травматической, злокачественной перемежающейся лихорадкѣ (*febris intermittens pernicioса, traumatica*), но не разъяснилъ сущности этой болѣзни, смѣшавъ настоящіе травматическіе пароксизмы съ пароксизмами пѣмическими.

LXIV.

Изъ Геттингена я отправился пѣшкомъ чрезъ Гарцъ въ Берлинъ; побывалъ на Прокенѣ, не сдѣлавшемъ на меня особеннаго впечатлѣнія. Гораздо оригинальнѣе показались мнѣ и болѣе понравились: Роострактъ и сталактическая пещера Баумана; растительность на Ростренѣ представляетъ осенью и поражаетъ глазъ собраніемъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, начиная отъ ярко-краснаго до самаго темнаго.

Здоровье мое послѣ геттингенской жабы скоро поправилось, но признаки безкровія были еще такъ замѣтны, что проводникъ мой, весьма разговорчивый старичекъ, часто повторялъ мнѣ:

— „Herr, sie haben eine schwache Constituton“¹⁾.

Это онъ говорилъ каждый разъ, когда мы сѣли, хотя вовсе не я, а онъ самъ предлагалъ отдыхъ, и я каждый разъ опережалъ его при восходахъ и спускахъ.

Я полагаю, что старикъ часто повторялъ мнѣ о моей слабости только для того, чтобы показать мнѣ свое знакомство съ иностраннымъ словомъ, которое онъ произносилъ на разные лады: Constation, Constution, но всегда не впадѣть.

Я не помню уже, доѣхалъ ли я или дошелъ пѣшкомъ отъ Галберштедта до Берлина; знаю только, что возвратился безъ гроша денегъ, не рассчитавъ, какъ всегда, аккуратно путевыя издержки.

Въ Берлинѣ въ то время публика, повидимому, вмѣстѣ съ королею, сочувственно относилась къ Россіи, то-есть не къ націи, а къ русскому государю. Портретъ его, сдѣланный Крогеромъ и изображавшій въ натуральной величинѣ Государя и всю его свиту верхами, былъ выставленъ напоказъ и вокругъ него всегда толпилась публика и слышались хвалебные отзывы объ осанкѣ, о мужественной твердости, о семейныхъ его добродѣтеляхъ и проч.

Своимъ правительствомъ берлинцы, по крайней мѣрѣ моло-

¹⁾ Господинъ. вы обладаете слабымъ здоровьемъ.

дое повольтіе, не очень восхищались; впрочемъ, одни хвалили скромную жизнь стараго короля и его двора, а другіе возлагали надежды на наслѣднаго принца.

Наслѣдный принцъ, вполнѣдствіи король,—романтикъ и ученый,—угощаль повременамъ будущихъ своихъ подданныхъ остротами, сходными съ тѣми, которыми насъ нѣкогда награвдалъ одинъ изъ покойныхъ князей. Одну изъ остротъ наслѣднаго принца я запомнилъ, потому что она касалась косвенно насъ, русскихъ.

Когда прусскіе офицеры, приглашенные по случаю какого-то торжества въ С.-Петербургъ, возвратились въ Берлинъ, украшенные орденами и преимущественно моднымъ тогда орденомъ Станислава, наслѣдный принцъ предложилъ своимъ придворнымъ вопросъ: чѣмъ отличаются теперь гвардейскіе офицеры отъ рядовыхъ? Хотите вамъ связу. „Der gemeine Soldat hat gewöhnliche Laüse, aber die Garde-Officiere haben jetzt Stanis-laüse“.

По части остротъ не оставались иногда въ долгу и прусскіе подданные.

Я помню, какъ однажды одинъ магазинъ подъ Липами выставилъ новую картину, имѣвшую, ничѣмъ впрочемъ не мотивированное, названіе „Lügner und sein Sohn“ (лжець и его сынъ). Провисѣвъ въ витринѣ дня 3, эта картина была замѣнена новыми эстампами. Выставлены были 2 новые портрета короля и наслѣднаго принца; но ихъ расположили такъ, что они оба прикрывали прежнюю картину, за исключеніемъ только надписи подъ нею „Lügner und sein Sohn“, красовавшейся теперь подъ портретами короля и наслѣдника. Это названіе имъ присвоивалось за то, что еще не дана была, обѣщанная въ отечественную войну, конституція.

Мы русскіе того времени имѣли почему-то невысокое мнѣніе о прусскомъ правительствѣ. Даже наши лифляндцы, эстляндцы и курляндцы, пріѣзжавшіе въ Германію, не называли себя нѣмцами, а все русскими, разумѣя, конечно, подъ этимъ свое русское подданство. Слышаль я не рѣдко и то, какъ пріѣзжавшіе въ Дерптъ изъ Германіи профессора, обжившись нѣсколько времени въ Дерптѣ, называли въ разговорѣ наше русское пра-

вительство и русскую армию *unsere Regierung, unsere Armees* (наше правительство, наша армія); когда же дѣло шло о наукѣ, мануфактурахъ и тому подобное, то *unsere Wissenschaft, unsere Fabrik* значило у этихъ господъ, — наша нѣмецкая наука, наши нѣмецкія фабрики.

Какъ и жившіе тогда въ Берлинѣ смотрѣли на прусское правительство можно заключить изъ слѣдующаго случая.

Товарищъ мой, Гр. Ив. Сокольскій, посланный за границу изъ Петербурга, долго по прибытіи въ Берлинъ не получалъ изъ Москвы жалованья; нуждаясь, онъ обратился, конечно, прежде всего къ Кранихфельду; тотъ прочелъ ему нѣсколько душе-спасительныхъ наставленій, но помощи никакой не далъ.

Сокольскій, узнавшій отъ какого-то нѣмца, что въ королю можно отнести письмо по городской почтѣ, немного думая, взялъ, да и написалъ его величеству письмо, въ которомъ онъ просилъ обратить вниманіе на бѣдственное его положеніе. Положимъ, что Гр. Ив. Сокольскій былъ оригиналь, но и онъ вѣрно не посмѣлъ бы и подумать въ Россіи о перепискѣ съ главою государства по частному дѣлу.

Я отговаривалъ Сокольскаго, но потомъ чрезвычайно удивился, когда услышалъ, что на другой же день полученъ былъ чрезъ статсъ-секретаря отвѣтъ короля: Сокольскому предлагалось обратиться въ русскому посланнику, — что было испробовано имъ уже давно, но безъ успѣха.

Сравнивая теперъ тогдашній до-конституціонный режимъ прускаго правительства съ нашимъ, на примѣръ начало 1860-хъ годовъ, я нахожу, что нашъ режимъ того времени, въ одномъ отношеніи, стоялъ уже гораздо выше, чѣмъ прусскій въ 1833-мъ и 1834-хъ годахъ, а въ другомъ оставался по прежнему далеко позади.

Такъ, въ 1833—1834-хъ годахъ правительственные органы увѣряли всѣхъ пруссаковъ, что „*beschränkte Unterthanenverstand*“ (ограниченныи умъ подданныхъ) не можетъ имѣть надлежащаго понятія о цѣляхъ и намѣреніяхъ правительства, а потому и не долженъ разсуждать объ этихъ дѣлахъ.

У насъ же въ началѣ 1860-хъ годовъ разрѣшено было, въ извѣстной мѣрѣ и въ извѣстныхъ границахъ, говорить о правительственныхъ проѣктахъ и обсуждать ихъ. За то, въ это-же самое

время, у насъ не было еще отмѣнено ни одно изъ тѣхъ мѣстныхъ стѣсненій свободы, которыя я сравниваю съ уколами булавокъ: между тѣмъ, въ 1833-мъ и 1834-хъ годахъ въ Берлинѣ никому не запрещалось носить бороду, усы, курить на улицѣ табакъ и жить дома безъ полицейскаго надзора.

Не могу еще не упомянуть о неслыханномъ мною кредитѣ, которымъ пользовались въ то время мы, русскіе, у нѣмецкихъ купцовъ и ремесленниковъ. Мнѣ покоя не давалъ одинъ портной, отпустившій всѣмъ нашимъ новаго платья въ кредитъ, на нѣсколько тысячъ таллеровъ. Этотъ портной, и вмѣстѣ содержатель магазина, непремѣнно хотѣлъ, чтобы и я у него заказалъ въ долгъ платья, хоть бы сотни на 2 таллеровъ; книжный продавецъ отпуская мнѣ также въ кредитъ, на нѣсколько сотъ таллеровъ, различныхъ книгъ и журналовъ.

Время уплаты долга не опредѣлялось, векселя и гарантій никакихъ не требовалось....

LXV.

Приближался срокъ нашего пребыванія за границею. Я, кажется, забылъ упомянуть, что вмѣстѣ съ нами (членами профессорскаго института) присланы были въ Берлинъ и юристы отъ Сперанскаго, — все семинаристы; къ юристамъ гр. Сперанскаго причислялись, впрочемъ, и двое изъ нашихъ: Калмыковъ и Рѣдкинъ (не семинаристы).

Изъ нихъ (числомъ 21) было только 3: Сокольскій, Скандовскій и Филомафитскій, лица духовнаго происхожденія, но оба уже нѣсколько шлифованные университетскимъ образованіемъ, тогда какъ юристы Сперанскаго (за исключеніемъ Калмыкова и Рѣдкина) были все чистокровные бурсаки; изъ нихъ наиболѣе выдающеюся личностію былъ, въ моихъ глазахъ, Ник. Ив. Крыловъ. Я любилъ его угловатую оригинальность, и при случаѣ разсказу о немъ кое-что.

За нѣсколько времени до нашего отъѣзда, мы получили отъ министерства Уварова запросъ: въ какомъ университетѣ каждый изъ насъ желалъ бы получить профессорскую кафедру?

Я, конечно, отвѣчалъ, не запинаясь: въ Москвѣ, на родинѣ; увѣдомилъ объ этомъ и матушку, чтобы она заблаговременно распорядилась съ квартирою и т. п.

Въ маѣ 1835-го года я и Котельниковъ сѣли въ почтовый прусскій дилижансъ, отправлявшійся въ Кенигсбергъ и Мемель. На почтовомъ дворѣ къ намъ подошелъ какой-то господинъ, весьма порядочный на видъ, съ молодою дѣвушкою, и узнавъ, что мы русскіе, обратился прямо ко мнѣ съ просьбою взять на свое попеченіе до Кенигсберга молодую швейцарку изъ Гренобля, отправляющуюся на мѣсто гувернантки въ Кенигсбергъ.

Я принялъ съ охотою предложеніе. Дѣвушка не говорила по нѣмецки и была еще почти ребенокъ, лѣтъ 16, чрезвычайно наивная и разговорчивая.

Она всю дорогу насъ развлекала своими рассказами и вѣрно понравилась бы мнѣ еще болѣе, если бы я дорогою не занемогъ.

Еще дня два до моего отъѣзда изъ Берлина я почувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо и взялъ теплую ванну.

Полагая, что дорога (какъ это не рѣдко со мною случалось) благотвительно на меня подѣйствуетъ, я сѣлъ въ дилижансъ безъ всякихъ опасеній.

Но спертый воздухъ и духота дилижанса, въ которомъ сидѣло насъ шестеро, сильно разстроили меня; я не спалъ цѣлую ночь, утомился до крайности; сильная жажда мучила меня и я едва-едва высидѣлъ въ дилижансѣ еще одну ночь, а на утро оказался вовсе несостоятельнымъ для продолженія пути. Меня высадили на станціи въ какомъ-то, не помню, городѣ. Всѣ пассажиры засвидѣтельствовали, что я дѣйствительно заболѣлъ на пути, это было необходимо для того, чтобы имѣть право на бесплатный проѣздъ до мѣста назначенія, т. е. за проѣздъ уплотченнаго уже мною въ Берлинъ пространства. Котельниковъ не хотѣлъ оставить меня одного на дорогѣ и высадился вмѣстѣ со мною. На станціи, для утоленія жажды, я просилъ Христомъ-Богомъ дать мнѣ скорѣе чаю, и въ забытій отъ утомленія и бессонной ночи съ нетерпѣніемъ жаждалъ промочить чашкою чая засохшее горло.

Принесли, наконецъ, чайникъ. Я бросаюсъ налить себѣ чашку,

съ жадностью пью, но не успѣлъ выпить и половины, какъ начинаю чувствовать тошноту и отвратительнѣйшій вкусъ во рту.

Оказалось, что вмѣсто настоящаго чая мнѣ подали какое то снадобье, составленное изъ разныхъ травъ и извѣстное подъ именемъ аптекарскаго чая.

Хозяйка станціи, въ цѣлую свою жизнь ни разу не имѣвшая случая угощать чаемъ пассажировъ и имѣвшая вообще смутное понятіе о чаѣ, какъ напитокѣ, не могла, конечно, вообразить, что больной пассажиръ можетъ требовать другаго чая, а не аптекарскаго. Желая быть человѣколюбивою, благодѣтельная хозяйка станціи, услышавъ мое требованіе, тотчасъ же и послала въ аптеку за чаемъ. Судя по отвратительному вкусу и по тошнотворному дѣйствию, это была смѣсь ромашки, бузины, липовыхъ цвѣтовъ, солодковаго корня и другихъ неразгаданныхъ мною веществъ.

Проклявъ это снадобье и замѣнивъ его, насколько позволяли средства и обстоятельства, теплымъ лимонадомъ, я наконецъ кое-какъ успокоился и крѣпко заснулъ послѣ двухъ бессонныхъ ночей. Сонъ нѣсколько возстановилъ меня, такъ что я рѣшился продолжать дорогу, на другой же день, съ проходившимъ чрезъ станцію почтовымъ дилижансомъ.

Мѣста для меня и Котельникова оказались и мы добрались до Мемеля и, отдохнувъ тамъ еще разъ, наняли извозчика до Риги. Дорогу до Риги я перенесъ относительно не худо. Но получилъ, къ несчастію, кашель; я почувствовалъ утромъ на разсвѣтѣ какой-то нестерпимый зудъ въ одномъ ограниченномъ мѣстѣ гортани, съ позывомъ на кашель. Съ этой минуты кашель, не переставая, началъ меня мучить день и ночь, при томъ сухой и нестерпимый. Въ такомъ состояніи я добрался до Риги.

Мы остановились въ какомъ-то заѣзжемъ домѣ за Двиною (за мостомъ). Отъ слабости я едва передвигалъ ноги, впрочемъ пульсъ мой не былъ лихорадочный. Я чувствовалъ, что далѣе мнѣ ѣхать невозможно, а между тѣмъ деньги и у меня, и у Котельникова вышли, — вышли всѣ до послѣдней копѣйки. Непредвидѣнные обстоятельства, какъ извѣстно, не берутся въ соображеніе въ молодости, или только на словахъ берутся. Но въ Ригѣ жилъ попечитель дерптскаго университета и онъ же остзейскій генералъ-губернаторъ. Пишу письмо къ нему и посылаю съ пись-

момъ самого Котельникова. Не помню что, но судя по результату, я должно быть въ этомъ письмѣ наваялъ что нибудь очень забористое. Не прошло и часа времени какъ во мнѣ прилетѣлъ отъ генераль-губернатора медицинскій инспекторъ, докторъ Леви, съ приказаніемъ тотчасъ принять всѣ мѣры къ облегченію моей участи.

Докторъ Леви привезъ деньги и тотчасъ же послалъ за каретою, для переѣзда въ большой загородный военный госпиталь. Тамъ велѣно было отвести для меня особое отдѣльное помѣщеніе, приставить ко мнѣ особаго фельдшера и служителей. Докторъ Леви былъ еврейскаго происхожденія и принадлежалъ къ тому высоко-классическому типу евреевъ, который далъ образы Леонарду да-Винчи для изображенія въ его Тайной Вечери одиннадцати вѣрныхъ учениковъ Спасителя.

Это была душа рѣдко встрѣчающаяся и между христіанами, и между евреями. Холостой и уже пожилой, докторъ Леви, посвящая всю свою жизнь добру, помогалъ всѣмъ и каждому, чѣмъ только могъ. Кто видѣлъ хотя однажды этотъ черепъ, гладкій какъ мраморъ и какъ мраморъ сохранившій на себѣ черты, намѣченныя врожденною добротою души, тотъ вѣрно не забывалъ его никогда.

Даже баронетъ Вилье, увидѣвши однажды доктора Леви при посѣщеніи военнаго госпиталя (въ которомъ Леви служилъ ординаторомъ), не удержался и невольно повелъ рукою по гладко вышлифованному и блестящему какъ солнце черепу доктора. Погладить что нибудь, а не ударить рукою, было у грубаго баронета признакомъ удовольствія и благоволенія и другіе ординаторы едва ли не позавидовали тогда классическому черепу.

Меня помѣстили въ бель-этажѣ громаднаго госпитальнаго зданія, въ просторной, свѣтлой и хорошо вентилированной комнатѣ; явились и доктора, и фельдшеры, и служители. Если бы я захотѣлъ, то, я думаю, мнѣ прописали бы цѣлую сотню рецептовъ не по госпитальному каталогу. Но я просилъ только, чтобы меня оставили въ покоѣ и дали бы только что нибудь успокоительное въ родѣ миндальнаго молока и лавровишневой воды противъ мучительнаго, сухого кашля.

Чѣмъ былъ я болѣнъ въ Ригѣ?

На этотъ вопросъ я также мало могу сказать что нибудь

положительное, какъ и на то, чѣмъ я болѣлъ потомъ въ Петербургѣ, Киевѣ и за границую.

Сухой, спазмодическій, сильный, съ мучительнымъ щекотаньемъ въ горлѣ, кашель; ни малѣйшей лихорадки, сильная слабость, полное отсутствіе аппетита, съ отвращеніемъ и къ пищѣ, и къ питью, бессонница, — цѣлыя ночи напролетъ безъ сна нѣсколько недѣль сряду, запоры, продолжавшіеся по цѣлымъ недѣлямъ. Вотъ припадки. Болѣзнь длилась около двухъ мѣсяцевъ, а облегченіе началось тѣмъ, что кашель сдѣлался нѣсколько влажнѣе, въ ногахъ же появились нестерпимыя боли, такъ что малѣйшее движеніе ноги отзывалось сильнѣйшею болью въ подошвахъ, потомъ показался аппетитъ къ молоку и явились твердыя испраженія, послѣ простыхъ клистировъ, прежде вовсе не дѣйствовавшихъ. Съ каждымъ днемъ аппетитъ къ молоку началъ все болѣе и болѣе усиливаться и дошелъ до того, что я ночью вставалъ и принималъ по нѣсколько разъ за молоко; аптекарскаго, выпишиваемаго по фунтамъ, уже не хватало; всѣ обитатели госпиталя, ординаторы, смотрителя и комиссары начали снабжать меня молокомъ, къ нему я присоединилъ потомъ, такъ же инстинктивно, миндальныя конфеты, но порой ѣлъ ихъ съ молокомъ по цѣлымъ фунтамъ. Наконецъ, дошелъ чередъ и до мяса. Мнѣ начали приносить кушанья изъ городского трактира. А однажды, когда я былъ уже на ногахъ, но еще кашлялъ (съ мокротою), посѣтилъ меня генералъ-губернаторъ.

Я искренно поблагодарилъ его, а онъ успокоилъ меня увѣреніемъ, что онъ обо мнѣ сносился уже съ министромъ и чтобы я не торопился отъѣздомъ; къ этому прибавилъ, и самое главное, ассигновку на полученіе жалованья, назначеннаго всѣмъ намъ впредь до занятія профессорскихъ должностей.

Мой Котельниковъ уже тѣмъ временемъ давно уѣхалъ, получивъ также на проѣздъ; а я написалъ въ Дерптъ изъ госпиталя къ моей почтеннѣйшей Екатеринѣ Афанасьевнѣ (Протасовой), уведомивъ ее, что лежу больной какъ собака (не знаю, почему я написалъ такъ). Моя добрая Екат. Афанасьевна вѣрно подумала, что я лежу въ госпиталѣ какъ собака, и вскорѣ прислала мнѣ рублей 50 денегъ и бѣлья.

Какъ только я оправился, является ко мнѣ въ одно прекрасное утро безносый циркульникъ и проситъ меня, чтобы я сдержалъ

данное ему обѣщаніе. Какое? удивился я. И цирюльникъ припомнилъ мнѣ, что я обѣщался сдѣлать ему носъ. Дѣло было такъ: кто-то въ госпиталь рекомендовалъ мнѣ взять изъ города очень искуснаго клистирнаго мастера.

При моей болѣзненной раздражительности мнѣ, дѣйствительно, не всякій могъ угодить въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ, какъ клистиръ, и я терпѣлъ по цѣлымъ недѣлямъ, и ни за что не согласился припускать къ себѣ госпитальныхъ фельдшеровъ.

Прибывшій же изъ города оказался дѣйствительно исполнявшимъ свою обязанность по Цельзу:—*tuto, cito et jucunde*.

Вотъ ему-то, по его увѣренію, я послѣ одного отлично поставленнаго клистира и обѣщался сдѣлать носъ, когда выздоровѣю.

Но слабость силъ ослабила, вѣрно, и память, я совсѣмъ забылъ обѣщаніе и фізіономію.

— „Ну что же? если обѣщалъ, такъ надо исполнить“.

Носъ не существуетъ *ex toto*; но лобъ превосходный, гладкій, словно мраморный.

Безносый, плотный, здоровый мужчина, лѣтъ 40, семейный.

Но мнѣ не ясно было, что могло побудить человѣка женатаго и не совсѣмъ молодого принять такъ къ сердцу пущенныя на вѣтеръ и въ шутку слова неизвѣстнаго больного.

Можетъ быть предчувствіе, но вѣроятнѣе то, что этотъ безносый брадобрѣй однако же былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и содержателемъ публичнаго дома. А провалившійся носъ у хозяина такого заведенія не приманка, а потрясающее *memento mori* для посѣтителей.

Изъ прекраснаго лба вышелъ прекрасный носъ; долго хранился у меня портретъ моего перваго и самаго удачнаго носа.

Второй носъ, сдѣланный вскорѣ послѣ перваго, въ Ригѣ же, у одной дамы, былъ гораздо неудачнѣе и накрывалъ дефектъ только отчасти. Затѣмъ начали слѣдовать оперативные случаи одинъ за другимъ: литотоміи, вырѣзываніе опухолей, изъ которыхъ одинъ—вылущеніе огромнаго оплотнѣвшаго (стеатоматическаго) жировика, произвело большую сенсацію въ городѣ.

Дама, страдавшая этою опухолью, была многимъ знакома въ городѣ. Опухоль росла у ней уже десятки лѣтъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ туземный хирургъ взялся было за операцію, но убоялся бездны премудрости, возвратился вспять;—онъ

остановился съ вырѣзываніемъ и перевязалъ кусокъ опухоли почти по серединѣ и отрѣзалъ перевязанный кусокъ.

Мнѣ представилась застарѣвшая болѣзнь уже въ другомъ видѣ. У разжирѣвшей до громадныхъ размѣровъ женщины опухоль, имѣвшая нѣсколько этажей или доль, достигла величины огромной тыквы, занимая всю ягодную область и промежность правой стороны, но очевидно было, что наростъ шелъ далеко въ тазъ между прямою кишкою, влагалищемъ и маткою, а старый рубецъ, послѣ недоконченной операціи, прикрѣплялъ въ ней кожу и мышцы. Для новичка это былъ хорошій пробный камень и ни одна операція не радовала меня столько, какъ эта.

Приступивъ къ ней, я шибко боялся за глубокій рубецъ, лежавшій на дорогѣ; боялся еще болѣе средняго нароста въ глубинѣ въ тазу съ брюшиною.

Но все обошлось какъ нельзя лучше.

Почти половину опухоли, величиною также съ добрую тыкву, надо было вытаскивать изъ таза. Огромная, глубокая рана зажила еще за-долго до отъѣзда моего изъ Риги.

Въ военномъ госпиталѣ также не оказывалось оператора. При мнѣ встрѣтились два случая: одинъ съ камнемъ мочевого пузыря, а другой—требовавшій отнятія бедра въ верхней трети. Въ обоихъ случаяхъ никто не рѣшался въ госпиталѣ дѣлать операцію и оба предоставлены были въ мое распоряженіе.

Ординаторы госпиталя, познакомившись со мною, стали просить меня показать имъ нѣкоторыя операціи на трупахъ и прочесть нѣсколько лекцій изъ хирургической анатоміи и оперативной хирургіи. Одинъ изъ старыхъ ординаторовъ, нѣмецъ, кончившій курсъ въ Іенѣ, сдѣлалъ мнѣ за мои лекціи слѣдующій комплиментъ, тогда очень польстившій почему-то моему самолюбію и потому оставшійся у меня въ памяти.

— „Вы насъ научили тому, чего и наши учителя не знали“.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ (1835 г.) я собрался, наконецъ, въ дорогу.

Мой добрѣйшій д-ръ Леви, бывшій во все время моего пребыванія въ Ригѣ моимъ геніемъ-хранителемъ, и теперь не хотѣлъ отпустить меня въ дорогу безъ теплой одежды; вечера уже были очень прохладны и онъ притащилъ мнѣ свою енотовую шубу, хотя и старую, но еще довольно благовидную и для поше-

нія въ столицѣ, и требовалъ отъ меня, чтобы я ее непременно взялъ и не обижалъ его присылкою назадъ изъ Петербурга.

Уговаривая меня, Леви такъ горячился и такъ неосмотрительно бѣгалъ за мною по комнатамъ, что, наконецъ, зацѣпился ногою за что-то и упалъ, растянувшись предо мною. Это было какъ-то такъ и смѣшно, и трогательно, что я бросился его поднимать, обнимать, цѣловать и мы разстались оба со слезами на глазахъ.

Я отправился въ Петербургъ хотя и на почтовыхъ, но не спѣша. Ночевалъ ночи на станціяхъ и заѣхалъ на нѣсколько дней въ Дерптъ.

Надо было поблагодарить почтеннѣйшую Екатерину Афанасьевну (Протасову), повидаться съ Моейромъ и съ знакомыми.

Первая новость, услышанная мною въ Дерптѣ, была та, что я покуда остался за штатомъ и прогулялъ мое мѣсто въ Москвѣ. Я узналъ, что попечитель московскаго университета, Строгановъ, настоялъ у министра объ опредѣленіи на каведру хирургіи въ Москвѣ Иноземцева.

Первое впечатлѣніе отъ этой новости было, сколько помню, очень тяжелое. Недаромъ же у меня никогда не лежало сердце въ моему товарищу по наукѣ. Недаромъ въ моемъ дневникѣ раздражался я противъ него разнаго рода жалобами и упреками и, вмѣстѣ съ тѣмъ, завидовалъ ему.

Это онъ назначенъ былъ разрушить мои мечты и лишить меня, мою бѣдную мать и бѣдныхъ сестеръ перваго счастья въ жизни! Сколько счастья доставляло и имъ, и мнѣ думать о томъ днѣ, когда, наконецъ, я явлюсь къ нимъ, чтобы жить вмѣстѣ и отблагодарить ихъ за всѣ ихъ попеченія обо мнѣ въ тяжкое время сиротства и нищенства. И вдругъ, всѣ надежды, всѣ счастливыя мечты, все пошло прахомъ.

Но чѣмъ же тутъ виноватъ Иноземцевъ?

Да развѣ онъ не зналъ моихъ намѣреній и надеждъ, развѣ онъ не слыхалъ отъ меня, что старуха-мать и двѣ сестры ждуть меня съ нетерпѣніемъ въ Москву? Развѣ ему не извѣстно было, чтó я отвѣчалъ на послѣдній вопросъ въ Берлинѣ изъ Москвы.

Но онъ не могъ устоять противъ требованія и желанія Строганова? Во первыхъ, это вѣрно не такъ: Иноземцевъ умѣлъ сдѣлать себя пріятнымъ и отъ природы снабженъ былъ средствами

для этой цѣли, а во вторыхъ, развѣ совѣсть и долгъ чести не требовалъ отъ товарища, чтобы онъ отказался отъ предлагаемаго, если на это предложеніе имѣлъ гораздо болѣе правъ не онъ, а другой.

И какова заботливость начальства?

Оно само выбираетъ, само назначаетъ человѣка, само узнаетъ отъ него, что онъ желаетъ дѣйствовать именно въ томъ университетѣ, гдѣ онъ получилъ образованіе и гдѣ онъ былъ избранъ для дальнѣйшаго усовершенствованія, — и что же? лишь только пришла бѣда, болѣзнь, его забываютъ и спѣшатъ его мѣсто замѣнить другимъ. Да, этотъ другой понравился, имѣлъ счастье понравиться его сіятельству; а кто знаетъ, понравился ли бы еще я? Пожалуй, могло быть и еще хуже, могло быть, что мнѣ и здоровому и прибывшему въ Петербургъ вліятельный графъ предпочелъ бы моего товарища.

„Слава Богу, что еще этого не случилось. Ну, пусть будетъ, что будетъ.“

„Всѣмъ управляетъ слѣпой случай; утѣшенія искать негдѣ, если не найдешь его въ самомъ себѣ. Вотъ сюда, къ себѣ, и обратись“.

Такъ я разсуждалъ въ то время. Провидѣнія для меня тогда не существовало. Идеала Богочеловѣка, поправшаго чрезъ воплощеніе юдоль человѣческихъ бѣдствій, также не существовало.

Оставалось, конечно, одно прибѣжище, — собственное я. И хорошо еще, что это я было, по милости Божіей, не дюжинное и не слишкомъ высокомѣрное. Оно знало себѣ мѣру.

Теперь спѣшить было некуда. Одно дѣйствіе на сценѣ жизни кончилось, занавѣсъ опустился. Отдохнемъ отъ испытанныхъ волненій и подождемъ терпѣливо другого.

LXVI.

Я помѣстился на квартирѣ стараго товарища, всегда ассистировавшаго мнѣ при опытахъ надъ животными, помощника провектора Шульца.

Мойеръ въ это время былъ ректоромъ и плохо ладилъ со студентами. Они однажды пустили ему за что-то кирпичъ въ окно, и сильно перепугали старушку Екатерину Афанасьевну.

Видно было по всему, что Мойеръ ждалъ съ нетерпѣніемъ срока 25-ти-лѣтія, чтобы уѣхать изъ Дерпта въ Орловское имѣніе; клинику онъ, по служебнымъ занятіямъ ректора, не посѣщаль и предоставилъ почти всецѣло своему ассистенту, молодому Штруве (потомъ профессору въ Харьковѣ).

Я принялся посѣщать ее и, какъ нарочно, къ этому времени собрались въ клиникѣ четыре интересные случая: мальчикъ съ камнемъ въ пузырь, — рѣдкая птица въ Дерптѣ; огромный саркоматозный полипъ, застлавшій всю полость носа и зѣва; скорбутная опухоль подчелюстной желѣзы, величиною съ кулакъ, и сухая гангрена отъ обжога всего предплечія, у эпилептика.

Мойеръ поручилъ мнѣ распорядиться, по моему усмотрѣнію, съ этими больными, а самъ долженъ былъ рѣшиться на литотомію у одного толстаго, претолстаго старика пастора, помѣстившагося также въ клиникѣ.

Операція шла не лучше той у дерптскаго богача Шульца, о которой я уже говорилъ прежде. Пасторъ былъ еще толще Шульца и кричалъ безпрестанно: „wenn ich nur harnen könnte“. Горжереть Сварны, которымъ все еще, какъ и прежде, оперироваль Мойеръ, оказался слишкомъ короткимъ для толстой (въ цѣлую ладонь) промежности; побѣжали, во время операціи, искать другого инструмента, не нашли; но, наконецъ, кое-какъ горжереть прошелъ таки въ пузырь, и извлечены были три камня (ураты).

Черезъ нѣсколько дней была моя операція (литотомія) у мальчика. Штраухъ, мой сожитель въ Берлинѣ, пріѣхавшій въ Дерптъ еще до мая для экзаменовъ, выдержалъ уже его и писалъ теперь диссертацию; онъ успѣлъ уже рассказать о нашихъ подвигахъ въ Берлинѣ и, между прочимъ, о необыкновенной скорости, съ которою я дѣлаю литотомію надъ трупами. Вслѣдствіе этого набралось много зрителей смотрѣть, какъ и какъ скоро сдѣлаю я литотомію у живого. А я, подражая знаменитому Греффе и его ассисенту Ангельштейну въ Берлинѣ, поручилъ ассисенту держать наготовѣ каждый инструментъ, между пальцами, по порядку. Зрители также приготовились и многіе вынули часы. Разъ, два, три, не прошло и 2-хъ минутъ какъ камень былъ извлеченъ.

Всѣ, не исключая и Мойера, смотрѣвшаго также на мой подвигъ, были видимо изумлены.

— „In zwei Minuten, nicht einmal zwei Minuten, das ist wunderbar!“ (въ двѣ минуты, даже менѣе 2-хъ, это удивительно!) слышалось со всѣхъ сторонъ.

Я дѣлалъ операцію литотомомъ (lithotome caché) и именно тѣмъ самымъ, единственнымъ тогда въ Дерптѣ, который я привезъ Мойеру изъ Москвы. Но быстрота операціи зависѣла не отъ этого инструмента и ни отъ чего другого, какъ отъ формы и положенія камня въ пузырьѣ. Это былъ уро-фосфатъ въ видѣ продолговатой сосульки, лежавшей однимъ концемъ прямо въ шейкѣ пузыря; камень тотчасъ же попалъ всею своею длиною между щечекъ щипцовъ и легко извлекся.

Не менѣе эффекта для посѣтителей клиники, уже давно не выдавшихъ никакой серьезной операціи, было извлечение громаднаго полипа вмѣстѣ съ костями (носовыми раковинами и стѣною верхнечелюстной пазухи) чрезъ большой разрѣзъ носа. Дифенбаха шовъ (Insectennaht), наложенный потомъ на разрѣзанный носъ, былъ также новостью.

Съ этого времени начали почти ежедневно являться въ клинику оперативные случаи, всецѣло поступавшіе въ мое распоряженіе. Клиника, по словамъ студентовъ, ожила. Черезъ нѣсколько дней Мойеръ приглашаетъ меня къ себѣ и дѣлаетъ мнѣ нѣчто,

никогда не думанное и не гаданное мною и потому чрезвычайно меня поразившее.

— „Не хотите ли вы, предлагаетъ мнѣ Мойеръ, занять мою кафедру въ Дерптѣ?“

Я остолбенѣлъ.

— Да какъ же это можетъ быть, да это немисливо, невозможно,—или что-то въ этакомъ родѣ.

— „Я хочу только знать, желаете ли вы?“ повторяетъ Мойеръ.

— Что же, говорю я, собравшись съ духомъ. Кафедра въ Москвѣ для меня уже потеряна, теперь мнѣ все равно, гдѣ я буду профессоромъ.

— „Ну, такъ дѣло въ шляпѣ. Сегодня я предлагаю васъ факультету и извѣщу потомъ министра, а когда узнаю, какъ онъ посмотритъ на это дѣло, то предложеніе пойдетъ и въ совѣтъ, а вы пока подождите здѣсь въ Дерптѣ, а потомъ поѣзжайте въ Петербургъ ждать окончательнаго рѣшенія“.

Въ это время домъ Мойера былъ очень привлекателенъ для молодого человѣка. Двѣ его племянницы (внучки Е. А. Протасовой) Екатерина и Александра Воейковы и нѣсколько русскихъ молодыхъ дамъ, Марья Николаевна Рейцъ (урожденная Дирина), Екатерина Николаевна Березина (моя будущая теща) и др., составляли очень пріятное общество, подъ эгидою почтенной лѣтими, но чрезвычайно любезной, умной и интересной Екатерины Афанасьевны. Весело было проводить вечера и послѣобѣденное время въ этомъ привлекательномъ обществѣ. Являлись и другіе русскіе и нѣкоторые нѣмцы, и время шло какъ нельзя лучше.

Я написалъ о случившемся матушкѣ, стараясь ее утѣшить; но самъ я не получалъ ни отъ кого писемъ,—какъ будто меня уже и на свѣтѣ не было. Поѣхаль-моль, занемогъ на дорогѣ, да такъ и сгинулъ—и концы въ воду. Жалованье, однако же, хотя неаккуратно, а все таки выдавалось.

Узнаю, наконецъ, что факультетъ выбралъ меня, по предложенію Мойера, единогласно въ экстраординарные профессора.

Пришло потомъ извѣщеніе отъ министра народнаго просвѣщенія, что онъ не имѣетъ ничего противъ избранія меня на кафедру хирургіи въ Дерптѣ.

Надо было теперь отправляться въ С.-Петербургъ, представиться министру и ждать тамъ окончательнаго рѣшенія объ избраніи меня совѣтомъ университета.

Я спилъ себѣ на заказъ въ Дерптѣ какую то фантастическую теплую фуражку, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы она служила мнѣ и вмѣсто подушки. Это было нѣчто въ родѣ суконнаго шара, подбитаго ватою на шелковой подкладкѣ, съ длиннымъ и мягкимъ (суконнымъ же) козырькомъ и двумя наушниками, такъ приложенными, что ихъ можно было *ad libitum* (по благоусмотрѣнію) и опускать внизъ на уши, и загибать вверхъ.

Я распространяюсь объ этой шапкѣ потому, что въ изобрѣтенію ея, какъ мнѣ кажется теперь (прежде я, вѣрно, не сознался бы въ этомъ и самому себѣ), послужилъ поводомъ зеленый картузь, постоянно красовавшійся на головѣ Руста и почему-то мнѣ нравившійся; теперь, когда мнѣ предстояло избраніе въ профессора русско-нѣмецкаго университета, мнѣ казалось и шапка, подобная картузу Руста, будетъ весьма умѣстна на моей головѣ. И цвѣтъ этой шапки былъ также зеленый.

Впрочемъ, это только предположеніе, пожалуй и не совсѣмъ вѣроятное, но почему-то мнѣ кажется теперь, что существовало что-то подобное этому предположенію въ моемъ воображеніи.

LXVII.

Уже былъ настоящій зимній путь, когда я отправился изъ Дерпта въ С.-Петербургъ. Въ Петербургъ пріѣхавъ ночью, я не зналъ куда дѣваться. Ямщикъ возилъ меня по разнымъ заѣзжимъ домамъ и гостинницамъ часа три и нигдѣ не находилось порожняго номера. Я приходилъ въ отчаяніе уже, какъ наконецъ, не знаю, въ какомъ-то заходустьѣ на Петербургской сторонѣ нашлась одна комната съ голою кроватью, прикрытою рогожей. Я какъ вошелъ въ этотъ притонъ, такъ и повалился на кровать, не раздѣваясь, въ енотовой шубѣ Леви и въ моей зеленой оригинальной шапкѣ. Повалился и заснулъ. На другой день, съ помощію д-ра Штрауха, я отыскалъ себѣ комнату съ маленькою прихожею, вверху, въ 3 этажѣ, въ домѣ Варварина у Казанскаго

Собора. Помѣщеніе было довольно порядочное, но входъ съ улицы отвратительный, лѣстница узкая, грязная, залитая замерзлыми помоями и ночью темная.

Министръ Уваровъ принялъ меня утромъ одного у себя въ кабинетѣ и не заставилъ долго ждать. Онъ былъ ужъ совершенно одѣтъ, за исключеніемъ фрава, вмѣсто котораго былъ надѣтъ шелковый халатъ. Время моего представленія министру совпадало съ двумя событіями, составлявшими предметъ разговоровъ и сплетней въ Петербургѣ.

Въ это время былъ при смерти болѣвъ Шереметевъ и по рукамъ ходили стихи Пушкина; читая ихъ, всякій узнавалъ въ умирающемъ Лукуллѣ Шереметева, а въ жадномъ наслѣдникѣ, крадущемъ дрова и накладывающемъ печати на наслѣдство,— С. С. Уварова.

Второе же составляло появленіе Уварова въ домѣ Фан-дер-Флита и основанная на этихъ посѣщеніяхъ связь съ красавицею-дочерью. Можетъ быть поэтому, а можетъ быть и напрасно, мнѣ повазался министръ чѣмъ-то озабоченнымъ и какъ-бы разсѣяннымъ. По крайней мѣрѣ, рѣчи его, обращенныя ко мнѣ, были несвязны. Не сказавъ мнѣ ни полслова о томъ, почему я, воспитаникъ московскаго университета, объявившій, по его же требованію, о своемъ желаніи имѣть профессуру въ Москвѣ, остался за штатомъ,—министръ началъ хвалить меня, говоря, что слышалъ обо мнѣ съ разныхъ сторонъ хорошіе отзывы. Почему же бы, казалось, ему нельзя было нѣсколько повременить и не отдавать мнѣ назначеннаго мѣста другому. Потомъ Уваровъ началъ бранить студентовъ дерптскаго университета и превозносить профессоровъ.

Впослѣдствіи я узналъ причину и порицанія, и похвалы. Уваровъ, поступивъ на мѣсто кн. Ливена, отправился, едва ли не прежде всего, въ Дерптъ, прикинулся другомъ нѣмцевъ, говорилъ, что и университетъ, и старая бібліотека, и все въ Дерптѣ напоминаютъ ему то незабвенное время, когда онъ штудировалъ классиковъ въ геттингенскомъ университетѣ. Вѣроятно, восхищенію его не было бы конца и онъ съ нимъ такъ и уѣхалъ бы въ С.-Петербургъ, если бы не приключился ночью того же дня студенческой скандалъ, впрочемъ весьма невиннаго содержанія.

Уваровъ остановился въ квартирѣ, назначенной для попечи-

теля (котораго еще тогда не было) на рынкѣ. Ночью не спалось министру и на разсвѣтѣ, услышавъ шумъ на улицѣ, онъ вышелъ на балконъ. Въ это время проходило по рынку нѣсколько подгулявшихъ на комершѣ студентовъ, и двое изъ нихъ, увидѣвши стоящаго на балконѣ господина въ ночной одеждѣ съ лорнетомъ въ рукѣ, вынули ключи отъ дверей своихъ квартиръ, навели ихъ и стали смотрѣть на балконъ черезъ кольцо ключа, замѣнивъ имъ лорнетъ. Это ужасно не понравилось Уварову, полагавшему, что его прїездъ и расточаемыя имъ похвалы должны были привлечь къ нему всѣ сердца Dogratenser'овъ.

Вотъ и причина, почему Уварову не нравились именно студенты.

А теперь вотъ и причина, почему онъ такъ возлюбилъ профессоровъ.

Этотъ рассказъ сообщилъ мнѣ впоследствии (въ 1838 г.) Мойеръ.

Астрономъ Струве, знаменитый не по однимъ своимъ наблюдениямъ и открытіямъ въ области астрономіи, но и своими необыкновенно чуткими житейскими способностями, хлопоталъ въ началѣ министерства Уварова объ обсерваторіи въ Пулковѣ. Надо было, во чтобы то ни стало, расположить Уварова въ свою пользу. Струве воспользовался для этого прїездомъ министра въ Дерптъ. Уваровъ посѣтилъ утромъ, по приглашенію Струве, дерптскую обсерваторію. Главнымъ дѣломъ былъ, конечно, знаменитый въ то время рефракторъ дерптской обсерваторіи.

— „Къ сожалѣнію, говорить ему Струве, все это время стоять погода плохая и потому я не осмѣлился утруждать васъ посмотрѣть въ нашъ рефракторъ ночью, теперь же взглянуть въ него можно развѣ только для того, чтобы составить себѣ понятіе о чрезвычайной чувствительности инструмента къ малѣйшему движенію“.

Уваровъ остановился и смотреть.

— Позвольте, однако же, говорить онъ, я что-то вижу, мнѣ кажется звѣзду.

— „Не можетъ быть, Hohe Excellenz“, восклицаетъ Струве.

— Да вотъ, посмотрите сами, возражаетъ Уваровъ.

Струве, въ свою очередь, смотритъ, молчитъ, еще смотреть, и принявъ изумленный и восторженный видъ, громко взываетъ:

— „Позвольте принести вамъ мое поздравленіе, *Nohe Excelenz*, вы сдѣлали открытіе. Необыкновенно, непостижимо, какъ это случилось, что вамъ суждено было увидѣть въ первый разъ одну изъ неизвѣстныхъ еще неподвижныхъ звѣздъ; отнынѣ она будетъ включена въ списокъ ново-открытыхъ неподвижныхъ звѣздъ“.

И въ этотъ же вечеръ, въ собраніи профессоровъ на ученомъ вечерѣ, куда былъ приглашенъ и министръ, Струве читалъ о новооткрытой его высокопревосходительствомъ неподвижной, новой звѣздѣ.

Не знаю только, окрестилъ ли ее Струве именемъ Уварова, какъ окрещенъ этимъ именемъ одинъ минералъ (Уваровикъ), или новая звѣзда осталась безымянною. Уваровъ, конечно, былъ на седьмомъ небѣ и не воображалъ, да и не хотѣлъ воображать, что онъ вовсе не былъ случайнымъ открытелемъ, а звѣзда была уже прежде подмѣчена тонкимъ дипломатическимъ гениемъ Струве.

Послѣ разныхъ прелюдій о необходимости исправленія нравственнаго быта дерптскихъ студентовъ,—оказавшихся въ послѣднее время образцами нравственности для другихъ русскихъ студентовъ,—Уваровъ ни съ того, ни съ сего обращается ко мнѣ съ слѣдующею напутственною рѣчью:

— Знайте, молодой человекъ, при вступленіи вашемъ на новое поприще, что министръ народнаго просвѣщенія въ Россіи, не я, не Серг. Сем. Уваровъ, а Императоръ Николай Павловичъ. Знайте это и помните. До свиданія!

Вотъ тебѣ на; не онъ, а Государь—министръ народнаго просвѣщенія. Чтобы это значило? Къ чему это онъ мнѣ такую штуку всучилъ?

Однако же сидѣть сложа руки въ С.-Петербургѣ скучно. А придется не мало сидѣть у моря и ждать погоды, и я отправляюсь посѣщать петербургскіе госпитали.

Всего болѣе я слыхалъ объ Обуховской (больницѣ).

Беру Ваньку и ѣду туда.

Вдругъ, проѣзжая по Сѣнной площади, чувствую, что кто-то меня хватилъ преисправно кулакомъ по головѣ, то есть по моей шаровидной зеленой шапкѣ *à la Rust*. Я былъ заутанъ въ поднятій воротникъ енотовой шубы Леви. Невольно вскрикиваю и

оглядываюсь; вижу уже вдали бѣгущаго по тротуару мастерового парня въ затрепанномъ халатѣ и безъ шапки. На бѣгу, я видѣлъ, онъ, подпрыгивая, дѣлалъ разныя трели ногами и задѣвалъ прохожихъ. Что же, спрашиваю себя, заставило этого сорванца ударить по головѣ, и довольно внушительно, пробѣжаго незнакомца. А то же самое, я полагаю, что заставило нѣкогда баронета Виллье погладить ладонью лоснившуюся на солнцѣ и кругло выпяченную плѣшь д-ра, статскаго совѣтника Леви. Въпный видъ, округлость, цвѣтъ, блескъ и т. п. привлекли и обратили на себя глазъ баронета, а отъ глаза непроизвольно и бессознательно перешло рефлексивное движеніе и на руку. А такъ какъ рукамъ воли не давай, *oculis non manibus* (глазами, а не руками) Лодера и „руки прочь“ Гладстона—были неизвѣстными для баронета правилами нравственнаго кодекса, то рука, побуждаемая рефлексомъ, и дотронулась до соблазнительной плѣши.

То-же самое было причиною и нанесеннаго мнѣ удара кулакомъ. Выбѣжавшій изъ мастерской парень, какъ вырвавшійся изъ клѣтки звѣрь, пришедъ въ прикосновеніе съ мнимою свободою, собственно же почувствовавъ на себѣ дѣйствіе одной только уличной (и то петербургской) свободы, заржалъ, запрыгалъ, и завидѣвъ на бѣгу шаровидный зеленый куполъ на головѣ пробѣжаго, непроизвольно и рефлексивно сжалъ кулакъ и ударилъ имъ по куполу. „Не давай воли рукамъ“—мастеровому, конечно, было также мало извѣстно, какъ и баронету.

Въ Обуховской больницѣ я радушно былъ встрѣченъ ординаторами, особливо же бывшими студентами дерптскаго университета. Изъ нихъ докторъ Гете, уже довольно извѣстный практикъ того времени, занимавшійся въ хирургическомъ отдѣленіи госпиталя, сблизился со мною, познакомилъ меня съ главнымъ докторомъ Карломъ Антоновичемъ Майеромъ (семитическаго происхожденія), а потомъ и съ главнымъ консультантомъ госпиталя Н. Ф. Арендтомъ.

Съ каждымъ днемъ новыя знакомства съ врачами и профессорами. Во первыхъ, *ex officio*, надо было познакомиться съ Ив. Тим. Спасскимъ; онъ уже игралъ нѣоторую роль у министра Уварова, впоследствии же былъ членомъ отъ министерства по

медицинской части въ медицинскомъ совѣтѣ. Добрѣйшая душа расположенный ко мнѣ и цѣнившій меня, Иванъ Тимофѣевичъ, не имѣлъ твердыхъ убѣжденій и былъ при томъ разсѣянъ. О немъ придется мнѣ еще говорить впоследствии.

Медицина и хирургія того времени въ С.-Петербургѣ имѣли весьма дѣльныхъ представителей: Бушъ, Арендтъ, Саломонъ, Буяльскій, Зейдлицъ, Раухъ, Спасскій пользовались заслуженною репутаціею и въ публикѣ, и между врачами того времени.

Конечно, въ полномъ смыслѣ научными врачами, то есть знакомыми съ современною медицинскою литературою и современнымъ направлениемъ науки, были только немногіе изъ нихъ. Но въ то время слѣдить за современнымъ направлениемъ науки не такъ легко было, не только у насъ, но и на западѣ. Я уже сказалъ объ отсталости медицины этого времени въ самой Германіи. Поэтому я ужасно удивился, когда узналъ, что въ С.-Петербургѣ приглашенъ былъ во дворъ ея императорскаго высочества Елены Павловны профессоръ (одного небольшого университета) докторъ Мандтъ.

Надо не забыть того, что годъ тому назадъ профессоръ Шлеммъ въ Берлинѣ привелъ на мою квартиру въ Dorotheen Strasse неизвѣстнаго мнѣ высокаго и худоцаваго господина и, назвавъ его профессоромъ докторомъ Мандтомъ, объявилъ мнѣ, что этотъ господинъ, получивъ приглашеніе ѣхать въ Россію, желаетъ познакомиться со мною и проситъ меня сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія о Россіи.

У меня въ это время былъ какой-то анатомическій препаратъ подъ руками; я извинился предъ незнакомцемъ, вымылъ руки и предложилъ себя въ услугамъ. Мандтъ вынулъ записную книжку и первый его вопросъ ко мнѣ былъ о чинахъ въ Россіи. Я могъ ему перечислить классное значеніе только нѣкоторыхъ чиновъ. Мандтъ записалъ.

— Мнѣ предлагаютъ чинъ Hofrath'a, спросилъ онъ, имѣетъ ли онъ значеніе въ Россіи?

— „Какъ вамъ сказать, отвѣчалъ я, конечно статскій совѣтникъ выше и почета больше“.

— Ну, а касательно содержанія?

— „Жизнь въ Петербургѣ мнѣ совсѣмъ незнакома и я ничего не могу вамъ сообщить положительнаго объ этомъ дѣлѣ“.

Потомъ, рассказавъ мнѣ нѣсколько о своей хирургической дѣятельности въ Грейсвальдѣ, Мандтъ раскланялся и ушелъ.

Не прошло и года съ тѣхъ поръ, какъ я неожиданно для меня встрѣчаю Мандта за обѣдомъ у аптекаря Штрауха (брата доктора Штрауха). Мандтъ познакомилъ меня съ своею красивою женою, бывъ уже объявленъ лейбъ-медикомъ ея высочества великой княгини Елены Павловны, и за обѣдомъ, сидя возлѣ меня, имѣлъ безстыдство сказать во всеуслышаніе, что врачи въ Россіи гоняются за чинами; о своей записной книжечкѣ онъ уже забылъ, о нашемъ знакомствѣ въ Dorotheen Strasse ни слова.

— Представьте, разглагольствовалъ онъ за обѣдомъ, я сегодня прїѣзжаю къ доктору Арендту, спрашиваю у швейцара, дома-ли докторъ, а онъ мнѣ въ отвѣтъ: „генерала нѣтъ дома“. Ха, ха, ха, генерала!

Скоро послѣ того о подвигахъ Мандта узналъ Петербургъ. Еще не разъ придется говорить и объ этой, впрочемъ, недюжинной личности.

Н. Ф. Арендтъ былъ человѣкъ другого разбора. Образование Арендта было весьма не далекое. Онъ, кромѣ медико-хирургической академіи еще павловскихъ временъ, не посѣщалъ никакого другого высшаго научнаго-медицинскаго учрежденія; почтительный, но какъ нѣмецъ (собственно финляндецъ), нелюбимый вздорнымъ баронетомъ Вилье, молодой Арендтъ прокладывалъ самъ себѣ дорогу на военно-медицинскомъ поприщѣ, во времена Наполеоновскихъ войнъ въ Россіи 1812—1814 гг. Въ молодости и среднихъ лѣтахъ онъ былъ предприимчивымъ и смѣлымъ хирургомъ, но искусство его, не основанное на прочномъ анатомическомъ базисѣ, не выдерживало борьбы съ временемъ.

Стремленія не научнаго свойства еще за долго до старости взяли верхъ и, во время моего пребыванія въ Петербургѣ, Н. Ф. Арендта уже никакъ нельзя было назвать научнымъ дѣятелемъ. Это былъ очень занятый практикъ, дѣйствовавшій на лету и любимый за доброту души. Что касается до меня, то я ни тогда, ни послѣ ни разу не слышалъ отъ Н. Ф. Арендта научно-дѣльнаго совѣта при постели больного.

По всему видно было, что Арендтъ не получилъ серьезнаго, научнаго образованія и мысль всегда оставалась на поверхности. Иной разъ, видя его дѣйствія при постели больныхъ и выслушавъ

нѣсколько его мнѣній, невольно приходило въ голову, что Арентъ есть представитель врачебнаго легкомыслія.

Когда я былъ ему представленъ въ первый разъ въ Обуховской больницѣ, то онъ пользовался еще довѣріемъ государя какъ лейбъ-медикъ.

Извѣстно было, что этого довѣрія Арентъ достигъ вровоупусканіемъ, но недостаточно былъ хитеръ и пронырливъ, чтобы удержать до конца нравственную власть въ своихъ рукахъ. Мандтъ показалъ всѣмъ лейбъ-медикамъ, какъ они должны поступать, чтобы имѣть прочное и мощное вліяніе на коронованныхъ пациентовъ и ихъ царедворцевъ....

Н. И. Пироговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправка. Коргухтроцкій, упоминаемый въ «Запискахъ» Н. И. Пирогова, не существовалъ, — а существовалъ: Корнухъ Троцкій. — Онъ былъ послѣ профессоромъ ботаники въ Казанскомъ университетѣ.

А. Н. П.

АРСЕНІЙ МАЦѢВВИЧЪ, МИТРОПОЛИТЪ РОСТОВСКІЙ, ВЪ ССЫЛКѢ.

Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ.

1767 — 1772 гг.

IV¹⁾.

31-го октября 1767 года, іеродіаконъ Лебедевъ, въ силу учиненнаго опредѣленія, сказывалъ-ли монахъ Арсеній проповѣди, со увѣщаніемъ допрашиванъ и показалъ. Монахъ Арсеній, по воскреснымъ днямъ, въ церкви, за обѣдню, послѣ заамвонной молитвы, четьи-минеи, катихизисъ, толковое евангеліе, толковую псалтырь (послѣдняя не упомянута у Чистовича) неку-іерополитиву и алфавитъ духовный, стоя на амвонѣ, читывалъ и толковывалъ, при чемъ всѣ служащіе во облаченіи церковномъ бывали ²⁾, что архимандритъ Антоній и Алексѣевской знаютъ. А монахъ Арсеній показалъ. Всѣ тѣ книги, о коихъ іеродіаконъ Лебедевъ показалъ, онъ читывалъ за обѣдню на амвонѣ, и, читая оныя, толковывалъ. Архимандритъ Антоній, противъ допроса Лебедева, показалъ, что это дѣлалъ Арсеній съ его дозволенія, а Корсакова, для слушанія, не зывалъ. Алексѣевской показалъ, противъ допроса Лебедева, что Арсеній за обѣдню читывалъ книги и толковывалъ, то онъ, Алексѣевской, слыхалъ.

Подробности о допросахъ, по опредѣленію губернской канцеляріи, канцеляриста Ивана Манакова, и объ очныхъ ставкахъ съ нимъ монаха Арсенія, архимандрита Антонія, подпрапорщика Алексѣевского и солдата Ухова излагаются въ дополнительномъ экстрактѣ. Секретный дополнительный экстрактъ по листамъ скрѣпленъ прокуроромъ Василиемъ Нарышкинымъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1886 г., т. XLV, февраль, стр. 311—338. мартъ, стр. 611—628.

²⁾ Какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ читалъ проповѣдь, какъ епископъ (прибавляетъ г. Чистовичъ, см. День, 1862, № 15).

По полученіи, отъ 3-го ноября 1767 года, изъ архангельской губернской канцеляріи, дополнительныхъ допросовъ и очныхъ ставокъ, генераль-прокуроръ князь Вяземскій приступилъ въ составленію высочайшаго указа, для котораго основа написана была самою императрицею, и который вчернѣ, въ проэктѣ генераль-прокурора Вяземскаго, еще разъ исправленъ былъ государынею (указъ состоялся 20-го декабря 1767 года).

Послѣ полученія допросовъ и очныхъ ставокъ, была составлена записка императрицѣ; она была напечатана въ Чтеніяхъ (1862 г., кн. II, стр. 165—172), но съ ошибками. Записка эта есть не болѣе и не менѣе какъ экстрактъ, составленный по допросамъ и очнымъ ставкамъ, винамъ Арсенія и его продерзостнымъ разглашеніямъ.

Сущность указа, отъ 20-го декабря 1767 г., состоитъ въ томъ, что, хотя Арсеній за всѣ вышеупомянутыя преступленія, по силѣ государственныхъ правъ, подлежалъ не только жестокому истязанію, но и лишенію жизни; но какъ его разглашенія не произвели желаемого имъ, по его злости, вреда, а остались тщетны, то е. и. в. указала, изъ одного человѣколюбія и милосердія, отъ истязанія и казни его избавить, оставляя остатки дней его единственно на покаяніе о сдѣланномъ имъ злѣ и лукавствѣ. А чтобъ и впредь отъ него такихъ зловредныхъ разглашеній, по его злему обыкновенію, происходить не могло, а тѣмъ болѣе, чтобъ отъ такихъ злостныхъ разсѣваній легкомысленные люди не впадали въ тяжкія преступленія, какъ это уже и случилось, лишить его монашескаго чина, и, переименовавъ Андреемъ Вралеи, послать къ неисходному житію въ Ревель.

Въ этомъ-же указѣ вспомнились и прошедшія его Арсенія вины, какъ онъ забылъ всѣ монаршія милости покойной государыни Елисаветы Петровны и то, что дважды она его изволила простить въ дѣрзкихъ его и тогда уже поступкахъ, а удовольствовалась тѣмъ, что ему выговоръ былъ сдѣланъ, въ присутствіи въ синодѣ, а потомъ отъ него взята была подписка о неписаніи впредь продерзостныхъ писемъ (у г. Чистовича: письменъ).

Въ указѣ отъ 20-го декабря 1767 г. сказано, во-первыхъ, что Арсеній при монахахъ и при постороннихъ говорилъ такія слова, что императрица Еватерина II есть не природная наша государыня, что она не тверда въ законѣ и что не ей надлежало при-

нять престолъ, а Ивану Антоновичу; что лучше-бъ было государынѣ выйти замужъ за этого принца, нежели думать о супружествѣ съ гр. Орловымъ, на которое она не рѣшилась, увидѣвъ сопротивление сената; въ первомъ-же пунктѣ воспоминается о его первомъ доношеніи, которымъ онъ оказалъ къ освященнѣйшей особѣ е. и. в. крайнюю ненависть и злобу, наполняя то доношеніе возмутительными изъясненіями, и яко послушникъ верховной власти и оскорбитель величества, подлежалъ-бы смертной казни, но отъ оной былъ избавленъ, по природному е. и. в. милосердію; во-вторыхъ, онъ Арсеній разсѣвалъ о наслѣдникѣ російскаго престола, великомъ князѣ, Павлѣ Петровичѣ, что онъ боленъ неизлѣчимо и что въ немъ къ правленію надежды нѣтъ; не за кого больше будетъ принятыся, какъ за братьевъ Ивана Антоновича: они царской крови. Въ третьихъ, бывшаго государя, Петра III императрица Елисавета не любила, говорилъ Арсеній, и не хотѣла сдѣлать его своимъ преемникомъ, для того именно и Ивана Антоновича привезли поближе, чтобъ онъ послѣ нея престолъ принялъ. Не можетъ быть, (воскликнулъ Арсеній, узнавъ о смерти принца), чтобъ Мировичъ вздумалъ одинъ приступить къ такому дѣлу, вѣрно онъ имѣлъ много и большихъ господъ своими союзниками. Для открытія истины его надлежало-бы пытать, а бывшихъ у принца на караулѣ офицеровъ должно-бы казнить за пролитіе царской крови. Читая однажды житіе Кирилла новозерскаго, Мацѣевичъ пророчествовалъ: въ Россіи будутъ царствовать двое юношей, которые водворятъ въ ней благочестіе, изгонятъ турковъ изъ Европы, завоюютъ Грецію. Первымъ царемъ будетъ его высочество Павелъ I-й, а вторымъ братъ принца Ивана Антоновича Петръ, содержавшійся въ Холмогорахъ. Послѣ, однако-жъ, Арсеній, забывая свое пророчество, говорилъ архимандриту, что у насъ въ Россіи не берегутъ законныхъ наслѣдниковъ и съ смертію Петра II царскій родъ пресѣкъся; что Петръ III былъ не настоящій, такъ какъ прежде исповѣдывалъ другой законъ. Въ четвертыхъ, Арсеній говорилъ, якобы церковь разграбили и своихъ пастырей называлъ предателями. Главною постоянною мыслью Арсенія въ Корельскомъ монастырѣ было негодованіе на синодъ. Онъ увѣрялъ, что въ иныхъ обителяхъ уже и пива сварить не изъ чего; что прежніе цари всегда обогащали церковь, а нынѣшніе разграбили ее, обобравъ даже сосуды, обмѣнявъ серебряную утварь на оловяч-

ную: „въ Россіи то дѣлають, что не видано и у турокъ: у нихъ Содомъ и Гоморъ, и все есть дѣло духовныхъ предателей новгородскаго Димитрія и петербургскаго Гавріила. Въ пятыхъ, онъ, Арсеній, показаннымъ по дѣлу людямъ, ложно разглашалъ и увѣрялъ, что прежнія его доношенія были правильныя, равняя себя въ терпѣніи за истинну Златоусту. И государыня не тверда въ законѣ и русскихъ обычаевъ не вѣдаетъ, говорилъ онъ; что бояре поднесутъ, то и подписываетъ. Вотъ и меня сослала, но будетъ судиться на страшномъ судѣ—вѣдь и Златоустъ былъ сосланъ въ заточенье царицею“. Въ пятыхъ, въ вину Арсенію поставлено и то, что онъ, будучи лишень архіерейскаго сана, осмѣлился, безъ архіерейскаго благословенія, въ Николаевскомъ монастырѣ, яко ссыльной, сказывать публично въ церкви проповѣди.

Вотъ всѣ доказанныя, по указу 20-го дек. 1767 г., преступленія Арсенія, за которыя приказано лишить его монашескаго чина; для снятія жъ съ него камилавки и всего монашескаго одѣянія призвать въ архангельскую губернскую канцелярію духовную персону и велѣть его ростричь и одѣть въ мужичье платье; по ростриженіи же переименовать его Андреємъ Вралемъ и послать къ ревельскому оберъ-коменданту, гдѣ и велѣть его, Враль, содержать въ тамошней крѣпости, въ одномъ казематѣ, подъ крѣпкимъ карауломъ, не допуская къ нему, ни подъ какимъ видомъ, не только для разговоровъ, но ниже для посмотрѣнія, никого, и, однимъ словомъ, такъ его содержать, чтобъ и караульные не только о состояніи его, но ниже и о семъ гнусномъ имени не знали, о чемъ, сочиня особо инструкцію, послать къ тому оберъ-коменданту; для содержанія жъ его въ караулъ опредѣлить тамошняго гарнизона изъ состоящихъ иноземцовъ; въ той же инструкціи написать, что комендантъ долженъ неослабно смотрѣть, чтобъ онъ, Враль, содержанъ былъ неослабно, для того, что оной Враль наполненъ, сверхъ его злости, еще и ложною святостію; и дабы онъ не могъ, въ дорогѣ будучи, по слабости караульныхъ, чинить таковыхъ же разглашеній, то послать для взятія его изъ архангельской губернской канцеляріи сенатскихъ ротъ маіора Тулзакова (самъ же онъ пишетъ свою фамилію Тоузавовъ) и при немъ солдатъ трехъ человекъ и одного вапра, коему приказать, чтобъ онъ, по взятіи его оттуда, ѣхалъ отъ города въ Вологду, куда прибывъ, ожидалъ бы дальнѣйшаго повелѣнія, а въ Вологду командировать отсюда другого офицера

и одного капрала и солдатъ трехъ человѣкъ, съ тѣмъ, чтобъ, по прибытіи Тулакова въ Вологду, взявъ онъ состоящаго у него арестанта и, не называя никакимъ именемъ, везъ прямо въ Ревель, объѣхавъ, какъ возможно, Петербургъ; а по прїѣздѣ того арестанта, отдалъ бы показанному оберъ-коменданту; для того онымъ Тулакову и офицеру дать особья инструкціи.

Когда объявили Арсенію высочайшій указъ и снимали съ него монашескій санъ, онъ не произнесъ ни одного слова.

Отъ Архангельска до Ревеля сопровождали его двѣ переменныя команды. Слѣдъ назначена была въ Вологдѣ. Въ инструкціи конвойному офицеру наказано было везти его секретно и никому не показывать, и для того везти его закрывши въ саняхъ, разговоровъ никакихъ съ нимъ не имѣть, также и о имени, и о состояніи его ни подъ какимъ видомъ не спрашивать и писемъ писать володнику не давать. На инструкціи, данной Тулакову, е. и. величество противъ третьяго пункта собственноручно приписала: „платье, бѣлье и шубу велите ему дать, и впрочемъ велите съ нимъ обходить (вм. обходиться) безъ грубости, чего (вм. что) написать надобно во всѣхъ трехъ инструкціи“ (вм. инструкціяхъ). Въ черновомъ предложеніи князя Вяземскаго, при посылкѣ указа отъ 20-го декабря 1767 года, архангелогородской губернской канцеляріи также, между прочимъ, предписывается оной губернской канцеляріи дать ему, ростригѣ, бѣлье, платье, тако-жъ и шубу и дорожные крытые рогожею сани. Въ черновомъ ордерѣ, посланномъ княземъ Вяземскимъ въ тѣхъ же числахъ, прокурору Нарышкину предписывается, по высочайшему е. и. в-ва повелѣнію, взять изъ Никольскаго Корельскаго монастыря и прислать къ нему, князю Вяземскому, панагію, которая отъ Андрея Врала была подарена бывшему архимандриту Антонію, положи ея въ удобный ящичекъ, запечатать и прислать ко мнѣ при случившейся оказіи, и ежели успѣть можно, то съ сего (т. е. ордера) подателемъ; также что, при отправленіи показаннаго Врала, хотя взять и велѣно, но какъ въ предложеніи моемъ о шапкѣ и чулкахъ ничего не сказано, то прикажите, по имѣющемуся зимнему времени, купить теплыя чулки, а хотя и двой, тако-жъ шапку и овчинное одѣяло, дабы онъ въ заключенное мѣсто безъ нужды могъ привезенъ быть; предписанное отъ меня въ предложеніи чтеніе указа бывшему монаху Арсенію читать въ присутствіи не всей гу-

бернской канцеляріи, но только тѣхъ, кои при производствѣ его дѣла были; есть ли же какое отъ него слово враное произойдетъ, въ такомъ случаѣ, не останавливаясь онаго отправленіемъ, по предложенію моему, губернской канцеляріи исполнить, а ко мнѣ только обо всемъ подробно отписать.

Первый конвойный офицеръ, майоръ Иванъ Тоузаковъ, прошедшаго 1767 году, декабря 21-го дня, во исполненіе данной ему отъ князя Вяземскаго инструкціи, отправясь въ назначенный ему путь того жъ числа, 27-го по полуночи въ пятомъ часу въ городъ Архангельскій прибылъ и посланный съ нимъ секретный пакетъ господамъ присутствующимъ и прокурору подалъ, а 28-го того жъ декабря, получа отъ нихъ одного неизвѣстнаго колодника, по полуночи въ 11-мъ часу отправился жъ, исполняя въ пути все то, что предписано ему въ инструкціи, въ Вологду, куда сего 768 году генваря 1-го числа по полуночи въ 9-ть часовъ прибывъ и получа отъ князя Вяземскаго, чрезъ находившагося тамъ лейбъ-гвардіи капитана поручика Налку (вм. Нольвена), ордеръ, въ силу котораго того-жъ часа показаннаго колодника оному господину капитану Налѣ (вм. Нольвену) съ роспискою отдалъ, коя приложена при семъ (репортѣ), и того-жъ часа оттуда (изъ Вологды) выѣхалъ, и сего числа, по полуночи въ 9-мъ часу (т. е. генваря 3-го дня, 1768 года), въ Москву благополучно и съ командою прибылъ и явился въ генераль-прокурору. Росписка Нольвена состояла въ томъ, что 1768 года, генваря 1-го дня онъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ-поручикъ Христофоръ фонъ Нольвенъ, отъ сенатскихъ ротъ господина майора Тоузакова принялъ одного неизвѣстнаго колодника со всѣмъ, что при немъ есть.

Въ Вологдѣ смѣнилъ Тоузакова другой офицеръ, Христофоръ фонъ-Нольвенъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитанъ, и сопровождалъ арестанта до Ревеля. Нольвену на пути изъ Вологды приказано было миновать, какъ возможно, Петербургъ. По прибытіи въ Ревель, онъ долженъ былъ сдать арестанта, не останавливаясь нигдѣ, прямо оберъ-коменданту и взявъ отъ него письмо, съ которымъ и явиться въ Москву съ своею командою въ генераль-прокурору. Все исполнено было по приказанію.

8-го января 1768 года ревельскій оберъ-комендантъ фонъ Тизенгаузенъ рапортовалъ въ С.-Петербургъ, что привезенный

человѣкъ принять имъ и въ казематъ ¹⁾ посаженъ и гарнизонный офицеръ съ надлежащею командою для караула его опредѣленъ. Тутъ же Тизенгаузенъ извѣщалъ Вяземскаго, что секретный бѣлый указъ отъ его сіятельства къ нему, отправленный изъ Москвы прошедшаго декабря отъ 22-го дня, въ Ревель онъ 8-го генваря 1768 года, пополудни въ 6-мъ часу, по пробитіи вечерней тапты (зари), чрезъ офицера получилъ, и притомъ инструкцію на его имя, всемилостивѣйше утвержденную отъ е. и. в-ва.

Въ то же время отъ генерала прокурора, князя Вяземскаго, предложено ревельской губернской канцеляріи отпускать изъ оной доходовъ, по требованіямъ фонъ Тизенгаузена, въ каждой годъ по сту по восьмидесяти по четыре рубля по семьдесятъ копѣекъ, для нѣкоторыхъ извѣстныхъ его превосходительству расходовъ. Нолькену же, привезшему Андрея Врала въ Ревель, за подписомъ оберъ-коменданта, фонъ Тизенгаузена, 8-го генваря 1768 г., выданъ былъ паспортъ, отъ Ревеля до Москвы, и подорожная.

Въ инструкціи, данной отъ е. и. в-ва оберъ-коменданту Тизенгаузену, предписывалось, какъ скоро означенной колодникъ будетъ привезенъ въ Ревель однимъ офицеромъ, то его тотчасъ принять самому оберъ-коменданту и весьма секретно посадить его въ приготовленный казематъ. Для содержанія его, подъ крѣпкимъ карауломъ, опредѣлить надежнаго оберъ-офицера и солдатъ трехъ человѣкъ, остерегая офицера и солдатъ, чтобъ весьма остерегались съ нимъ болтать, ибо сей человѣкъ великій лицемеръ, и легко ихъ можетъ привести въ пристрастіе, а всего лучше чтобъ оные караульные не знали русскаго языка. Караульнымъ наикрѣпчайше приказано, чтобъ они его изъ каземата ни для чего не выпускали, да и въ каземату-бъ близко никого не допускали, дабы никто кромѣ караульныхъ видѣть его не могъ; писемъ писать ни подъ какимъ видомъ ни къ кому не допускать, для чего пера, чернилъ, карандаша, бумаги, бересты и, однимъ словомъ, всего того, чѣмъ только писать можно, не только ему не давать, но и въ казематъ отнюдь того не держать; разговоръ съ нимъ караульнымъ отнюдь никакихъ не имѣть. Наистрожайше ему запрещено говорить, съ такимъ при томъ прещеніемъ, что если онъ еще станетъ что либо говорить, то положенъ бу-

¹⁾ Генералу инженеру Муравьеву по командѣ писано, отдать одинъ казематъ изъ инженернаго въ военное вѣдомство.

детъ ему въ ротъ кляпъ, котораго отнюдь однако въ ротъ ему не класть, а имѣть его только въ казематѣ для одного ему страха (въ „Чтеніяхъ“ напечатано: въ карманѣ, вм. казематѣ). На пропитаніе ему въ день производить по 10-ти копѣекъ, тако-жъ, чтобъ онъ имѣлъ платье, бѣлье и шубу, караульнымъ приказать съ нимъ обходиться безъ грубости, однако жъ денегъ въ руки ни одной копѣйки ему не давать, а велѣть караульному офицеру деньги имѣть у себя и покупать ему пищу, не превосходя однако положенной дневной порціи. О колодникѣ приказано въ инструкціи увѣдомлять князя Вяземскаго каждый мѣсяць.

8-го генваря оберъ-комендантъ Гизенгаузенъ принялъ въ казематъ Андрея Вралья, а 9-го генваря 1768 г. далъ секретнѣйшую отъ себя инструкцію находящемуся у содержанія безвѣстнаго колодника, ревельскаго гарнизона прапорщику, Григорью Густелеву. Въ первомъ пунктѣ повторяется инструкція, данная Гизенгаузену; во второмъ пунктѣ инструкціи высказывается, что на пропитаніе ему, Вралю, въ день производить по десяти копѣекъ, которыя деньги онъ (Густелевъ) имѣетъ требовать отъ капитана Бирюкова и получать съ роспискою; въ третьемъ пунктѣ сказано въ инструкціи Густелеву: есть-ли оной Враль тяжело заболить и будетъ требовать російскаго священника, о томъ тотчасъ въ оберъ-коменданту репортовать. Начальнику на караулѣ, по четвертому пункту инструкціи, выдавать по пятнадцати, а унтеръ-офицерамъ или солдатамъ каждому по пяти копѣекъ на день порціонныхъ денегъ, но какъ сія дача назначена караульнымъ только тремъ человѣкамъ, а оберъ-комендантомъ, по усмотрѣнной надобности, съ унтеръ-офицеромъ опредѣлено четыре человѣка, и потому у начальника и солдатъ для унтеръ-офицера убавлено по одной копѣикѣ въ день, и такъ имѣетъ быть производимо яко начальнику по четырнадцати копѣекъ, а унтеръ-офицеру и солдатамъ по четыре копѣйки въ день и оныхъ денегъ себѣ и на раздачу унтеръ-офицеру и солдатамъ требовать отъ капитана Бирюкова помѣсячно, а свѣчи въ натурѣ въ каждой день.

Въ пятомъ пунктѣ инструкціи сказано: на топленіе каземата дрова получать отъ экономіи изъ сборныхъ по воротамъ, а платье на колодника велѣть мыть караульнымъ, не давая знать о рубахахъ и портахъ его постороннимъ. Въ шестомъ пунктѣ говорится: въ какомъ состояніи оной колодникъ находится будетъ, оберъ-коменданта въ каждой день по утру ре-

портовать, а о нужномъ дѣлѣ того жъ часу. Въ заключеніе инструкціи замѣчается: какъ сія коммисія вѣрнется вамъ вслѣдствіе высочайшаго е. и. в-ва соизволенія, то имѣете поступать во исполненіе сей инструкціи непремѣнно, въ чемъ полагается на васъ, какъ вѣрнаго е. и. в-ва раба и присяжнаго офицера. Подлинная подписана Фабіаномъ фонъ-Тизенгаузеномъ 9-го ген. 1768 года.

V.

По указу же 20 декабря 1767 года, архимандритъ Николаевскаго Корельскаго монастыря Антоній обвинялся въ томъ, 1) что онъ показаннаго бывшаго монаха Арсенія содержалъ въ противность насланнаго къ нему изъ святѣйшаго синода указа весьма слабо; 2) слыша онъ отъ него возмутительныя и непристойныя разглашенія, не только, по долгу присяги своей, на него о томъ не доносилъ, но нѣкоторымъ важнымъ и вымышленнымъ разглашеніямъ вѣрилъ и истинными поставлялъ; 3) допускалъ его, Арсенія, какъ содержащагося колодника, въ противность правилъ святыхъ отецъ, сказывать публично въ церкви проповѣди; 4) водилъ къ оному Арсенію въ келью постороннихъ людей, въ противность показаннаго синодскаго указа; 5) исполнялъ того Арсенія повелѣнія, да іеромонахамъ тоже чинить приказывалъ, то-есть на проскомидіи по арсеньевой запискѣ поминали о обидящихъ яко-бы церковь; 6) имѣлъ съ Арсеніемъ не такъ какъ съ смышленымъ, но какъ съ другомъ своимъ дружеское обхожденіе и цѣловалъ у него руки, называлъ его преосвященнымъ; 7) пріобщалъ его въ противность правилъ святыхъ отецъ у престола, а не такъ, какъ простаго монаха; 8) бралъ съ онаго Арсенія взятки; 9) какъ полученъ былъ имъ, Антоніемъ, при указѣ о поминовеніи царскихъ фамилій реестръ, то, по прочтеніи того реестра, при братіи, говорилъ: пускай де по реестру поминають тѣ, кто больше жалованья беретъ, а мы де поминать будемъ помѣсячно; 10) при слѣдствіи же показываю на него, что монахъ Батоговъ, пришедъ къ нему, Антонію, съ объявленіемъ на іеродіакона Лебедева, что онъ хочетъ доносить по первому и второму пунктамъ, то онъ, Антоній, яко-бы того Лебедева не только, куда по указомъ надлежитъ, не арестовалъ, но еще и билъ его безвинно, а потомъ и посадилъ на цѣпь, а наконецъ и предалъ сіе молчанію, въ чемъ хотя онъ, Антоній, и не признался, но, однако, тѣсная его съ Арсеніемъ дружба, и собствен-

ныя его преступленія наводятъ на него подозрѣнія, что не признается единственно по злобѣ на Лебедева за учиненный имъ на него доносъ и желая онымъ своимъ запирательствомъ того Лебедева сдѣлать виновнымъ, впрочемъ же во всемъ, какъ по дѣлу ясно, самъ онъ, Антоній, винился; по правамъ государственнымъ достоинъ, какъ сообщникъ показаннаго возмутителя Арсенія, и преступникъ указовъ, лишенія живота, но поелику сіи его преступленія, какъ изъ дѣла видно, произошли отъ него, хотя главнѣйшее изъ лихоимства, но однако-жъ, по обольщенію отъ Арсенія притворною его святостію, а притомъ и то, что объять былъ всегдашнимъ пьянствомъ, какъ то уже и сообщникъ его Арсеній тѣмъ его уличалъ, то въ разсужденіи сего, а тѣмъ болѣе изъ одинаго е. и. в-ва милосердія отъ казни его избавить, а за всѣ описанныя его преступленія и дабы онъ упоенною Арсеніемъ злостью и ненавистью къ правительству и престолу не могъ впредь каковыхъ вредныхъ дѣлать разглашеній, а паче между легкомысленнаго народа и возмущенія, лиша его архимандрическаго достоинства и описавъ его вины, послать къ епархіальному архіерею съ тѣмъ, чтобъ онъ, будучи уже свѣдомъ о его преступленіяхъ, учинилъ съ нимъ такое опредѣленіе: 1) чтобъ никогда не возводимъ былъ ни на какое начальство; 2) чтобъ не могъ онъ напоенною отъ Арсенія злостію другихъ уловлять, ниже дѣлать какія либо непристойныя разглашенія; а 3) и о содѣянныхъ имъ преступленіяхъ имѣлъ случай приносить покаяніе, однако-жъ, по человѣколюбію е. и. в-ва, тѣлеснаго наказанія ему, Антонію, не чинить.

21 декабря 1767 года, князь Вяземскій писалъ архангельскому преосвященному Іоасафу объ архимандритѣ Антоніи: „По высочайшему е. и. в-ва указу, бывшаго въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ архимандрита Антонія, изъ архангелогородской губернской канцеляріи, велѣно, съ описаніемъ винъ его, отослать, для учиненія за тѣ его вины опредѣленія, къ вашему преосвященству, а какъ е. и. величеству благоугодно вѣдать, какое ваше преосвященство объ немъ опредѣленіе учинить изволите, то покорно прошу, для донесенія ея величеству, объ ономъ ко мнѣ отписать“.

31 декабря 1767 года, Іоасафъ, епископъ архангелогородскій, секретно донесъ генераль-прокурору князю Вяземскому, что декабря 27-го 1767 года, со объявленіемъ высочайшаго е. и.

в-ва, о бывшемъ Николаевскаго Корельскаго монастыря архимандритѣ Антоніи, повелѣнія, чтобы онъ, изъ архангельской губернской канцеляріи, со описаніемъ его винъ, отосланъ былъ для учиненія за его вины и опредѣленія ко мнѣ, письмо отъ вашего сіятельства получилъ, и помянутый бывой архимандритъ Антоній ко мнѣ, изъ оной канцеляріи, декабря 30-го дня, при письменномъ сообщеніи его винъ съ прописаніемъ, присланъ; за силу высочайшаго е. и. в-ва повелѣнія, помянутый Антоній ни на какое начальство возводимъ не будетъ, и для наказанія посланъ онъ въ архангельскій монастырь въ братство, гдѣ и быть ему безъисходно, и о содѣянныхъ своихъ преступленіяхъ отъ Создашаго насъ просить прощенія, а чтобъ онъ не могъ напоенно отъ Арсенія злостію другихъ уловлять, ниже дѣлать какихъ либо непристойныхъ разглашеній, то опредѣленъ къ нему того-жъ монастыря служитель, коему велѣно быть при немъ безъотлучну и никого къ нему не допускать; пера, чернилъ и бумаги не давать; чего всего къ помянутаго монастыря архимандриту Даниилу накрѣпко смотрѣть отъ меня приказано; да и я, по долгу моему вѣрноподданническому, всещательно надсматривать обязуюсь.

По указу 20-го декабря 1767 г., подпрапорщикъ Семень Алексѣевской обвиненъ за то: 1) что онъ въ противность данной ему инструкціи содержалъ монаха Арсенія весьма слабо, то-есть допускалъ къ нему постороннихъ; 2) слыша отъ Арсенія возмутительныя непристойныя слова, не только онъ, по долгу присяги своей, не донесъ, но и самъ слыша отъ показаннаго по дѣлу мастерового Быкова вымышленныя важныя слова Арсенію сказывалъ, сверхъ сего: 3) данной ему о содержаніи Арсенія инструкціи команды своей солдатамъ не показывалъ умышленно для того, чтобъ они, увидѣвъ неисполненіе по той инструкціи, не могли на него донести; 4) какъ ему іеродіаконъ Лебедевъ совѣтывалъ доносить на Арсенія, то онъ, Алексѣевской, не только того не послушалъ, но еще и Лебедеву о томъ доносить запрещалъ; 5) всѣ жъ сіи преступленія онъ, Алексѣевской, чинилъ не отъ простоты, но единственно изъ взятокъ съ Арсенія, въ чемъ во всемъ онъ, Алексѣевской, винился; по правамъ государственнымъ, достоинъ тяжкому, яко сообщникъ Арсенію, осужденію, но какъ изъ дѣла довольно видно, что онъ во всѣ описанныя преступленія впалъ по обольщенію чрезъ подарки отъ Арсенія,

а притомъ, видя своего главнаго начальника, т. е. Антонія, у коего онъ въ точной командѣ находился, съ Арсеніемъ въ тѣсной дружбѣ, что и было ему дѣйствительно поводомъ къ неисполненію данной ему инструкции, то въ разсужденіи сего, а тѣмъ болѣе, изъ одинаго е. и. в-ва милосердія, отъ тяжкаго по законамъ осужденія его избавить, а за сіи учиненныя имъ преступленія и чтобъ о слышанныхъ имъ отъ Арсенія возмутительныхъ словахъ разглашаемо не было, то написать его въ сибирской гарнизонъ въ солдаты съ тѣмъ, что если онъ, Алексѣевской, по прошествіи полугода, тамошнимъ командиромъ усмотрѣнъ будетъ въ хорошемъ поведеніи, то можетъ оной командиръ и въ другіе чины его производить, однако-жъ изъ Сибири его не отлучать и не отпускать, и въ отставку не отставлять.

Отъ 31 декабря 1767 года, архангельская губернская канцелярія, во всепокорнѣйшемъ секретномъ рапортѣ князю Вяземскому, между прочимъ, доносила, что подпрапорщикъ Алексѣевской, по объявленіи ему высочайшаго е. и. в-ва повелѣнія, написанъ въ солдаты и для опредѣленія въ сибирскій гарнизонъ отправленъ архангелогородскаго гарнизона съ поручикомъ Митяшинымъ, на почтовыхъ подводахъ, съ подлежащею командою.

Іеромонахъ Іосифъ Юрьевъ обвинялся въ томъ, что, яко-бы слыша онъ въ Холмогорахъ отъ солдатъ о Антоновыхъ дѣтахъ (т. е. о дѣтахъ герцога Антона Брауншвейгскаго), Арсенію и іеродіакону Лебедеву, разглашая, сказывалъ, а по сему показалъ себя разсвѣвателемъ ложныхъ разглашеній, да еще и содержащемуся за вины володнику, а чрезъ то и подаетъ неоспоримое сумнѣніе, что и онъ, такъ какъ и Алексѣевской, имѣлъ къ Арсенію преданность и дружбу, достоинъ наказанія, но какъ болѣе сего преступленія за нимъ по дѣлу не оказалось, то отъ онаго его избавить, а чтобъ онъ впредь такихъ и сему подобныхъ разсвѣваній чинить не отваживался, лиша его іеромонашескаго чина, послать монахомъ простымъ къ пребыванію въ Николаевскій Корельскій монастырь, гдѣ давать ему пропитаніе по штатному положенію противъ простаго монаха; что же хотя онъ, Іосифъ, въ поминаніи на проскомидіи о обидящихъ церковь и оказался виновнымъ, но въ семъ случаѣ извинить его можно тѣмъ, что онъ сіе чинилъ, исполняя повелѣніе начальника своего Антонія; почему оное, какъ ему, равно и іеромонаху Григорію, ко-

торый такое же поминовение на проскомидіи чинилъ, въ вину кажется причестъ невозможно, тѣмъ болѣе, что имъ обоимъ архимандритъ гонителей церкви, кого разумѣлъ, не назначилъ.

Въ репортѣ отъ архангельской губернской канцеляріи, отъ 31 декабря 1767 г., князю Вяземскому, говорится, между прочимъ: іеромонахъ Іосифъ Юрьевъ, по объявленіи ему подлежащаго, съ лишеніемъ монашескаго чина, простымъ монахомъ къ пребыванію въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ отосланъ въ архіерею.

Іеромонахъ Григорій оказался виновнымъ по указу отъ 20 дек. 1767 г., что, слыша онъ отъ Арсенія публично сказыванныя въ церкви проповѣди, нигдѣ о томъ не донесъ, за что и достоинъ осужденія; но какъ онъ по сему дѣлу въ другомъ преступленіи, кромѣ сего, не оказался, а къ тому-жъ и содержался довольное время подъ карауломъ и вмѣнить сіе содержаніе ему въ штрафъ и отпустить въ монастырь попрежнему.

Въ рапортѣ, отъ 31 декабря 1767 г., князю Вяземскому архангельская губернская канцелярія доносила между прочимъ и о томъ, что іеромонахъ Григорій, по объявленію подлежащаго, вмѣня въ штрафъ содержаніе его подъ карауломъ, для пребыванія въ монастырѣ попрежнему, отосланъ, при сообщеніи, къ архіерею.

Солдаты Григорій Кустовъ, Тихонъ Черкасовъ, Сила Уховъ и Анфилохій Порохинъ, за слабое ими будучи на караулѣ при Арсеніи смотрѣніе, а особливо изъ нихъ Черкасовъ, слыша отъ Лебедева, о говореніи Арсеніемъ непристойныхъ словъ на онаго Лебедева не доносилъ, а, разглашая, сказывалъ объ оныхъ словахъ Кустову; но и Кустовъ объ ономъ не доносилъ же,—достойны наказанія, но какъ они въ сіи преступления впали отъ незнанія данной Алексѣевскому инструкціи, а не меньше и потому, что Алексѣевской, какъ ихъ командиръ, показывалъ при нихъ Арсенію свою преданность, то сего ради, а паче изъ единого е. и. в-ва милосердія, отъ наказанія ихъ избавить, а какъ, можетъ быть, и они всѣ напоены разглашеніями отъ Арсенія о его ложной святости, то во избѣжаніе могущихъ иногда быть отъ нихъ разглашеній, послать ихъ всѣхъ въ Пустозерскъ, гдѣ и велѣтъ ихъ опредѣлить въ тамошнюю

военную команду, и оттуда ихъ не отлучать, а притомъ тамошнему командиру приказать имѣть за ними неослабное примѣчаніе.

Въ репортѣ отъ 31 декабря значится: солдаты Кустовъ, Уховъ, Черкасовъ и Порохинъ, по объявленіи имъ подлежащаго, сосланы всѣ, подъ карауломъ архангелогородскаго гарнизона, съ сержантомъ Горневымъ и съ командою въ Пустозерскъ, гдѣ и велѣно опредѣлять въ тамошнюю воинскую штатную при канцеляріи команду, коя безъотлучно тамъ состоитъ, и оттуда ихъ не отлучать, о чемъ къ комиссару Черезову посланъ указъ, дабы онъ имѣлъ за ними неослабное примѣчаніе; есть ли какія худыя поведенціи усмотрить, о томъ бы немедленно репортовалъ въ губернскую канцелярію, а объ выключѣхъ, какъ оныхъ солдатъ, такъ и подпрапорщика Алексѣевского, изъ архангельскаго гарнизона, къ г. архангельскому оберъ-коменданту Ганзеру, изъ губернской канцеляріи указъ посланъ.

Монастырской слуга Егоръ Сухоруковъ и іеромонахъ Феофанъ хотя въ списываніи ими показанной по дѣлу о поминовеніи обидящихъ церковь записки и доказаны, но сіе имъ по справедливости въ вину причестъ не можно; ибо они сіе учинили не собою, но по приказу своего начальника, т. е. архимандрита, и не зная употребленія, и посему ихъ обоихъ освободить и отпустить попрежнему въ монастырь. Монастырской слуга Егоръ Сухоруковъ и іеромонахъ Феофанъ, по репорту архангельской губернской канцеляріи отъ 31-го декабря 1767 г., по объявленіи имъ подлежащаго, освобождены и для опредѣленія попрежнему въ монастырь отосланы, при сообщеніи, къ архіерею.

Игумень Игнатій (такъ въ указѣ отъ 20-го дек. 1767 г. игумень названъ ошибкою вмѣсто Геннадій) за то, что слыша онъ отъ Антонія о непоминовеніи царскихъ фамилій по реестру и о говореніи тѣмъ Антоніемъ дерзкихъ въ винахъ его, Антонія, показанныхъ словъ, тако-жь, видя онъ, Геннадій, сказываніе проповѣдей Арсеніемъ, нигдѣ о томъ не доносилъ, достоинъ осужденія; но какъ онъ по сему дѣлу въ другомъ никакомъ преступленіи не оказался, то отъ онаго его, Геннадія, избавить, а вмѣнить ему въ наказаніе бывшее по сему слѣдствію подъ карауломъ содержаніе и, изъ подъ караула, свобода, отпустить въ монастырь попрежнему.

Геннадій, по объявленію ему подлежащаго и вмѣня содержаніе подъ карауломъ въ наказаніе, изъ подъ караула свободенъ и, для отсылки его въ монастырь, попрежнему отосланъ къ архіерею, при сообщеніи.

Освобожденныхъ изъ архангельской губернской канцеляріи іеромонаховъ Игнатія, Іосифа Гоголева, дьячка Коротаева (въ репортѣ губ. канц. Коротнева), протопopa Ивана Федорова, коихъ по дѣлу винъ никакихъ не оказалось, болѣе въ губ. канцелярію не сыскивать и о неотлученіи ихъ отъ своихъ должностей имѣть разрѣшить, о чемъ и къ архіерею сообщено.

Іеродіаконъ Іоасафъ Лебедевъ за то, что, слыша онъ отъ Арсенія непристойныя слова въ свое время не донесъ, а, разглашая, сказывалъ солдату Червасову, достоинъ по законамъ наказанію; но какъ изъ дѣла видно, что всѣ показаннаго преступника Арсенія дерзости открылись, по причинѣ объявленія его монаху Батогову, почему уже и заключить можно, что онъ Арсенію соучастникомъ не былъ; то посему отъ наказанія его избавить; а поелику онъ, Лебедевъ, человекъ не весьма порядочнаго поведенія, то въ показанной монастырь его не посылать, а опредѣлить его въ другой монастырь въ братство и ни на какое начальство его не возводить и приказать начальнику имѣть за нимъ смотрѣніе, чтобъ онъ конечно отъ пьянства былъ воздерживанъ.

Въ репортѣ отъ 31 декабря 1767 г. сказано: іеродіаконъ Лебедевъ, по объявленіи подлежащаго, отосланъ къ архіерею, и по указу преосвященнаго посланъ въ Троицкій Антоніевъ Сійскій монастырь къ архимандриту Гавріилу за карауломъ и отдавъ съ роспискою 1768-го года, 6-го января.

Монахъ Батоговъ оказался подозрителенъ только въ томъ, что въ допросѣ показывалъ, яко-бы онъ архимандриту Антонію сказывалъ, что Лебедевъ на него доносить хочетъ по первому пункту, но архимандритъ о семъ не признался, да и свидѣтели о томъ не показали, почему и остался онъ въ томъ показаніи виновенъ, за что-бъ и подлежалъ наказанію, но какъ сіе слѣдующееся дѣло начало свое взяло чрезъ доносъ его, Батогова, то въ разсужденіи сего отъ наказанія его избавить и опредѣлить попрежнему въ Николаевскій монастырь.

Въ рапортѣ отъ 31-го дек. 1767 г. сказано: монахъ Батоговъ, по объявленіи ему подлежащаго, отосланъ для опредѣле-

нія попрежнему въ Николаевскій Корельскій монастырь, къ архіерею. И. А. Чистовичъ ошибается, когда говоритъ, въ своей статьѣ, что монахъ Батоговъ былъ переведенъ въ другой монастырь (см. „День“, 1862 г., № 15).

Во исполненіе высочайшаго Е. И. В. повелѣнія, объявленнаго въ предложеніи отъ князя Вяземскаго отъ 21-го декабря 1767 г., полученнаго въ архангельской губернской канцеляріи 27-го декабря, іеродиакону Лебедеву и монаху Батогову, по неимуществу ихъ, каждому по сту рублевъ изъ статскихъ доходовъ, записавъ въ расходъ, съ роспискою выдать опредѣлено.

Капитанъ Римской-Корсаковъ, слыша отъ Антонія про Арсенія, что его содержать велѣно подь крѣпкимъ карауломъ, однако не только его навѣщать, но и письма къ нему писать отважился, при чемъ въ тѣхъ письмахъ изъявлялъ къ нему свою отиѣнную преданность и почтеніе, а чтобъ далѣе съ онымъ Арсеніемъ имѣть непопозволенное дружество, то за то Антонія подарилъ и табакеркою, но о семъ подаркѣ въ первомъ допросѣ онъ не показалъ,—достойнъ лишенія офицерскихъ чиновъ, но какъ изъ дѣла видно, что онъ, и окромѣ сего учиненнаго имъ преступленія, доносить на полковника Ганзера, въ чемъ велѣно его, Корсакова, и судить воинскимъ судомъ къ тому жъ изъ взятой отъ полку справки оказывается, что онъ, Корсаковъ, и напредъ сего бывалъ во многихъ порокахъ, а посему уже и надѣяться можно, что онъ, по худому своему состоянію, при воинскомъ судѣ, не избѣгнетъ достойнаго штрафа, и посему, доволъ о немъ воинской судъ сдѣлаетъ сентенцію по сему положенію, исполненія не чинить, но послать отъ губернской канцеляріи къ суду о семъ нынѣ приговоренномъ штрафѣ извѣстіе, сказавъ только то, что оной Корсаковъ сему наказанію подвергъ себя по извѣстному Е. И. В-ву преступленію, и по тому-бъ въ заключаемую сентенцію и сіе приговоренное ему наказаніе внесено было.

Въ рапортѣ отъ 31-го декабря 1767 г. показано, что капитанъ Римской-Корсаковъ, по объявленію ему подлежащаго, посланъ изъ губернской канцеляріи къ опредѣленному, по доносу его, Корсакова, на полковника Ганзера, для изслѣдованія, къ полковнику Гринвальту, со извѣстіемъ, что онъ, Корсаковъ, достоинъ къ лишенію офицерскихъ чиновъ и проч.

Канцеляристъ Манаковъ за то, что будучи въ архангелогородской духовной консисторіи у дѣль и зная, что Арсенія содержать велѣно за важныя его вины подѣ крѣпкимъ карауломъ, и допускать къ нему никого не велѣно, а онъ за всѣмъ симъ ходилъ къ нему въ келью, да тѣмъ еще безстрашнѣе, что и взялъ съ него во взятю люстрину, въ чемъ самъ признался, за что достоинъ онъ осужденія, но какъ изъ дѣла видно, что онъ, по доносу одного подъячаго, долженъ быть, въ перемѣнѣ экономическихъ приходныхъ и расходныхъ книгъ и въ дачѣ другихъ фальшивыхъ, подѣ слѣдствіемъ, то его нынѣ оставить подѣ тѣмъ слѣдствіемъ и велѣть оное окончать, какъ наискорѣе возможно, а по окончаніи того слѣдствія, хотя онъ и правъ явится, то за вышеписанную его дерзость послать его въ Сибирь и опредѣлить тамъ въ службу.

Въ рапортѣ отъ 31-го декабря 1767 г. показано: канцеляристъ Манаковъ, по объявленіи ему подлежащаго, отправленъ, съ поручикомъ Митяшинымъ, подѣ карауломъ, въ Сибирь, при промеморіи, по указу отъ 20-го дек. 1767 г. По указу отъ 20 дек. 1767 г. Манаковымъ и заанчивается число лицъ, привлеченныхъ къ слѣдственному дѣлу Арсенія Мацѣевича.

Всѣмъ же бывшимъ по сему дѣлу людямъ, высочайшимъ Е. И. В-ва указомъ, наискрѣпче подтвердить, чтобъ они о чемъ кто изъ нихъ въ губернской канцеляріи спрашиванъ, тако-жъ есть-ли иногда кто изъ нихъ же отъ Арсенія какія либо важныя непристойныя разглашенія слышалъ, тобъ во всю жизнь свою разговоръ никогда, нигдѣ, ни съ кѣмъ и ни подѣ какимъ видомъ не имѣли и разглашеніевъ не чинили, подѣ опасеніемъ, за неисполненіе того, жесточайшаго истязанія.

Въ рапортѣ отъ 31-го декабря 1767 г. показано: всѣмъ бывшимъ по сему дѣлу людямъ, высочайшимъ Е. И. В-ва указомъ, наискрѣпчайше подтверждено все, что высказано въ указѣ 20-го декабря, и за ругами ихъ взяты подписки.

Въ рапортѣ же отъ 31-го декабря 1767 года, архангельская губернская канцелярія представляетъ князю Вяземскому, что въ указѣ 20-го декабря 1767 года пропущены нѣкоторые подсудимые по дѣлу монаха Арсенія, какъ напримѣръ, сверхъ означеннаго числа, по тому-жъ дѣлу состоитъ колодникъ того-жъ Николаевского Корельскаго монастыря пономарь и бывшаго архи-

мандрита Антонія велейникъ Галактіонъ Сухоруковъ, въ отноше́ніи отъ него, Антонія, выписаннаго изъ молитвенника для поминовения на проскомидіяхъ письма къ іеромонахамъ въ церковь съ приказомъ его, Антонія, чтобъ оныя читали и части вынимали и въ слышаніи имъ, Галактіономъ Сухоруковымъ, что то письмо іеромонахи Григорій, Іосифъ Юрьевъ и самъ означенной бывой архимандритъ Антоній на проскомидіяхъ читали и части вынимали, о которомъ какъ въ экстрактѣ, подъ литерою А, такъ и во всеподданнѣйшемъ Е. И. В-ву репортѣ представлено было; но хотя онъ, Сухоруковъ, содержится и не весьма въ важномъ дѣлѣ, но какъ уже онъ состоитъ подъ карауломъ, то губернская канцелярія безъ повелѣнія освободить его собою не смѣетъ; также архангелогородской консисторіи о канцеляриствѣ Романъ Петровъ, которой по тому дѣлу призванъ былъ въ свидѣтельство по заперательству капитана Римскаго-Корсакова съ очной ставки, противъ перваго Антоніева допроса, что онъ, Антоній, сказывалъ ему, Корсакову, о крѣпкомъ Арсеніи содержаніи, противъ чего онъ, Корсаковъ, отпирался, а Антоній и на очной ставкѣ то-же подтверждалъ и о прочемъ, о чемъ оба ссылались на него, Петрова, но онъ, Петровъ, показалъ, что за пьянствомъ тѣхъ ихъ разговоръ не слышалъ и не помнить, о чемъ явствуетъ въ послѣдне посланномъ экстрактѣ; почему онъ, Петровъ, какъ въ слышаніи тѣхъ разговоръ не оказался и задержанъ въ губернской канцелярії не былъ, а въ означенномъ князя Вяземскаго предложеніи ничего объ нихъ не упомянуто и что съ ними, Сухоруковымъ и Петровымъ, повелѣно будетъ учинить, архангелогородская канцелярія проситъ отъ князя Вяземскаго повелительной резолюціи.

Въ секретномъ предложеніи князя Вяземскаго архангельской губернской канцелярії, отъ 16-го янв. 1768 года, приказано Сухорукова отпустить попрежнему въ монастырь и канцеляриста Петрова въ губернскую канцелярію не требовать.

VI.

Въ архангелогородской канцеляріи оставались пожитки Арсенія, образа, книги, платье и прочее. Въ рапортѣ отъ 31-го декабря 1767 г., архангельская губернская канцелярія увѣдомляла князя Вяземскаго между прочимъ и о томъ, что въ отправленномъ изъ губернской канцеляріи къ нему, Вяземскому, рапортѣ съ сержантомъ Юхляевскимъ донесено было о подаренной отъ растриги Андрея Врала бывшему архимандриту Антонію рясу и полукафтаны, которыя какъ при допросѣ его, Антонія, по случаю, въ городѣ Архангельскомъ, на подворьѣ были отобраны отъ него и нинѣ находятся при губернской канцеляріи, также и оставшіе его, Андрея Врала, пожитки, которые въ губернской канцеляріи описаны и хранятся при оной канцеляріи; на разсмотрѣніе-жъ къ князю Вяземскому тѣмъ пожиткамъ и опись при семъ рапортѣ архангелогородская канцелярія представляетъ, со испрошеніемъ резолюціи, какъ прописанныя подаренныя рясу и полукафтаны, такъ и оныя пожитки, куда повѣльно будетъ дѣвать. Въ описи значится 6 иконъ, два креста пананія, нѣсколько штукъ святыхъ мощей, до сорока книгъ, 4 рясы, между прочимъ 1 бѣлый влобукъ, бѣлье, посуда, хлѣбныя припасы, да сверхъ того указъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода, писанный 1763-го года, марта 14 дня, подъ номеромъ 1063-мъ къ бывшему тогда въ Ростовѣ митрополитомъ, Арсенію, о бытіи ему изъ Ростова въ Москву, который указъ въ оригиналѣ и сообщенъ при семъ рапортѣ (отъ 31-го дек. 1767 г.).

Пожитки покладены всѣ въ оказавшіеся, при описи оныхъ, сундуки и коробки, которые и запечатаны губернской канцеляріи присутствующихъ печатями. По листамъ опись скрѣплена губернаторскимъ товарищемъ Андреемъ Сорокинымъ.

Въ секретномъ предложеніи Вяземскаго архангельской губернской канцеляріи, отъ 16-го января 1768 года, приковано: описанные Андрея Врала пожитки, равно и подаренное отъ него Антонію платье, не назначивая, чьи они были, изъ оной губернской канцеляріи, съ описью, запечатавъ въ сундуки, отослать коллегіи экономіи къ вице-президенту Хитрову; о приѣмѣ-жъ оныхъ пожитковъ оному Хитрову отъ меня знать дано, а святыя образа поставить въ церкви.

Отъ 30 января 1768 года, архангельская губернская канце-

лярія въ секретномъ рапортѣ князю Вяземскому доносила, что пожитки Арсенія будутъ отосланы съ отправляющимся съ ефимочною казною здѣшнихъ баталіоновъ офицеромъ.

Вице-президентъ Хитровъ, въ рапортѣ отъ 27 марта 1768 года князю Вяземскому, донесъ, что марта 20 дня изъ архангельской губернской канцеляріи, по силѣ полученнаго въ оную отъ вашего сіятельства предложенія, при сообщеніи ко мнѣ, присланы нѣкоторые пожитки въ одномъ сундуѣ и тюѣ, за печатью и описью той канцеляріи, да денегъ шесть рублей тридцать четыре копѣйки, кои исправно и получены. Определено эти пожитки продать обще съ прочими монашескими ихъ имѣніями.

24-го марта 1768 г. архангельскій губернаторъ Егоръ Головцынъ секретно донесъ князю Вяземскому, что, въ пожиткахъ извѣстнаго вашему сіятельству человѣка, найдена одна панагія, оправленная въ серебрѣ, а другая еще была въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ серебряная, маленькая, съ мощами, коя также взята, и хранятся обѣ за печатью, которая куда повелѣтъ соизволите отправить, ожидаю увѣдомленія. По мнѣнію-жъ Головцына, оныя здѣсь въ церковь поставятъ, равно образа и мощи, о которыхъ ваше сіятельство губернской канцеляріи повелѣтъ соизволили, не надлежитъ, дабы чрезъ то не оставить о немъ памяти; потому что есть-ли у него кто оныя видалъ, то тотчасъ узнать можетъ, а не изволите-ль приказать образа въ такое мѣсто поставить, гдѣ обѣ оныхъ никто никакого свѣдѣнія имѣть не будетъ, также и мощи, на что и ожидаю вашей апробаціи. Въ его книгахъ были двѣ книги печатныя Николаевского Корельскаго монастыря, которыя попрежнему въ монастырь я велѣлъ отдать (книги эти, какъ въ описи значится: Скрижалъ московской печати, другая Діалогизмъ духовный кіевской печати), а съ описи копія 1763-го года его пожиткамъ, которую копію въ его книгахъ нашли, не принадлежащую здѣсь, у сего представляю.

31-го марта 1768 года, князь Вяземскій секретно извѣстилъ Егора Андреевича Головцына, что Е. И. В-во, по докладу его, повелѣтъ соизволила, панагію извѣстную прислать къ нему, а что касается до образовъ, то оныя такъ изволите употребить, какъ вы въ вашемъ письмѣ писали.

12-го мая 1768 г., Головцынъ секретнѣйше донесъ князю Вяземскому, что во исполненіе всевысочайшаго Е. И. В-ва пове-

лѣнія, а по предложенію вашего сіятельства, двѣ панагіи при семъ за печатью посылаю, а образа и мощи поставлены такъ, какъ я вашему сіятельству доносить честь имѣлъ.

О пожиткахъ Арсенія должны сказать, что образа и мощи приказано скрыть куда нибудь въ неизвѣстное мѣсто, гдѣ нельзя о нихъ имѣть никакого свѣдѣнія, чтобъ не было памяти объ Арсеніи, прочія вещи отправлены для продажи въ коллегію экономіи, а двѣ панагіи Арсенія препровождены въ Спб. къ генералу-прокурору князю Вяземскому.

VII.

Обратимся теперь къ ревельскому арестанту.

Только что успѣлъ Тизенгаузенъ отпрапортовать о принятіи его въ ревельскій казематъ, какъ государыня, чрезъ статсъ-секретаря Григорія Николаевича Теплова, прислала ему съ эстафетой собственноручный указъ, въ подтвержденіе инструкціи о содержаніи Арсенія, пущенной отъ 15-го января и полученной 23-го января. Императрица писала оберъ-коменданту:

„Извѣстному вамъ арестанту опредѣлено по десяти копѣекъ на день, но есть ли сего на его содержаніе мало, то дайте мнѣ знать, дабы я могла прибавить; ибо мои намѣренія есть, чтобъ онъ нужду не терпѣлъ, а только чтобъ онъ былъ лишенъ возможности сотворить людямъ невиннымъ и себѣ чрезъ пустое болтанье зло, а денегъ отнюдь въ руки ему не давайте; онъ сколько старъ, столько и пронирливъ; есть ли же ему нужда будетъ въ бѣльѣ и одеждѣ, то удовольствуете его безъ излишества, а въ болѣзняхъ велите его лечить и предпишите тѣмъ, кои около его, чтобъ съ нимъ безъ грубости обходились“.

Отъ 26-го января 1768 г. Тизенгаузенъ доносилъ Теплову о полученіи имъ письма отъ него и съ приложеніемъ притомъ собственноручнаго Е. И. В-ва письма, и въ то-же время покорно просилъ г. Теплова вручить Е. И. В-ву всеподданнѣйшій репортъ оберъ-коменданта.

Послѣдній писалъ императрицѣ, что извѣстной Е. И. В-ву арестантъ въ ревельской крѣпости содержится такимъ порядкомъ, какъ, съ Высочайшей Е. И. В. апробаціи, присланною ко мнѣ инструкцію повелѣно и опредѣленному при немъ офицеру, въ данной инструкціи, точно предписано, чтобъ съ нимъ караульные обходились безъ грубости и озлоб-

ленія, что и исполняется, и о состояніи его въ каждой день отъ караульнаго офицера словесно репорты я получаю. На содержаніе его опредѣленнаго числа по 10 копѣекъ на день по нынѣ достаточно и нужды онъ въ пицѣ и питіи не имѣетъ, при спрашиваніи довольнымъ себя почитаетъ; ибо по-кой для него теплой и, что для себя потребуешь, то караульный офицеръ чрезъ подчиненныхъ въ каждой день ему и приготовляетъ, денегъ въ руки ему ни одной копѣйки не дается.

Въ бѣльѣ и одеждѣ теперь ему нужды никакой не состоитъ; ибо у него шуба и кафтанъ новые, одѣяло теплое, рубахъ съ порты довольно имѣется; бѣлье же, когда пожелаешь, тогда и перемѣняетъ, а мыть оное приказано караульнымъ солдатамъ при казематѣ въ сѣняхъ, не вынося вонъ и не отдавая въ постороннія руки, дабы въ качествѣ бѣлья его посторонніе люди видѣть не могли ¹⁾. Караульному офицеру съ подчиненными наярѣиво запрещено, дабы съ нимъ, арестантомъ, никакихъ и ни о чемъ разговоровъ не имѣтъ; кромѣ того, что единственно онъ для своего содержанія будетъ требовать, въ томъ ему порядочно и безъ грубости отвѣтствовать и принадлежащее до него исправлять, а, впрочемъ, по его иногда спросамъ, отзываться приказано незнаемъ, а напротивъ того и караульнымъ, о имени и состояніи его, спрашивать и разговоры имѣть не велѣно: вслѣдствіе чего по нынѣ отъ него излишнихъ рѣчей никакихъ не происходило и содержитъ себя тихо (во всѣхъ своихъ репортахъ до своей смерти Тизенгаузенъ князю Вяземскому каждый мѣсяцъ повторяетъ эту фразу), а книги печатныя церковныя читать ему дозволено. Съ начала сюда пріѣзду его, на другой день, онъ былъ боленъ, и хотя о пользованіи его въ инструкціи ко мнѣ присланной и не изображено, однако, съ нынѣшнимъ В. И. В-ва высочайшимъ повелѣніемъ, учинилъ я сходственное: для пользованія его опредѣлилъ лекаря, которымъ оной арестантъ черезъ два дня и выпользованъ, а прежде послыки въ нему того лекаря, обязанъ оной подпискою, подъ смертною казнію, чтобы оной лекарь не только о имени и состояніи его не спрашивалъ

¹⁾ Въ счетѣ о приходѣ и расходѣ денегъ, принадлежащихъ на содержаніе въ Ревелѣ секретнаго арестанта, значитса, что деньги получались изъ рев. генераль-губерн. канцеляріи изъ конторы камерирской. О качествѣ холста для бѣлья Арсенія можно судить также по счету, гдѣ означено: декабря 31 дня куплено холста на бѣлье по 6¹/₂ копѣекъ аршинъ. И. М.

и никому до смерти своей не объявлялъ, но ниже догадами или минами каковыми знать нигдѣ не давалъ.

9-го января 1768 года, Тизенгаузенъ донесъ ревельскому губернатору, принцу фонъ-Голштейнъ Беку, что въ силу высочайшаго Е. И. В-ва повелѣнія, для нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему расходовъ, потребно на 1768-й годъ получить изъ доходовъ ревельской генераль-губернской канцеляріи денегъ 184 рубля 70 копѣекъ, которыя деньги въ тотъ же день и приняты изъ ревельской генераль-губернской канцеляріи изъ конторы камерирской, на содержаніе арестанта.

Прошло не болѣе четырехъ мѣсяцовъ, по полученіи прапорщикомъ Густелевымъ отъ Тизенгаузена секретнѣйшей инструкціи, какъ уже оберъ-комендантъ ревельской крѣпости, 13 мая 1768 года, вручаетъ секретный ордеръ тому же Густелеву слѣдующаго содержанія. Извѣстенъ я состою, что вы, отлучаясь отъ своего посту, ходите къ чиновнымъ людямъ въ праздничные дни съ поклонами, чрезъ которой случай легко сдѣлаться можетъ, что любопытные люди могутъ у васъ спрашивать о ввѣренномъ вамъ въ смотрѣніе арестантѣ; въ воскресные и праздничные дни, какъ вы, такъ и унтеръ-офицеръ, ходите къ церкви для службы Божіей; упомянутой унтеръ-офицеръ затѣмъ въ команду вашу и порученъ, чтобы во время твоего ко мнѣ съ репортомъ или за другимъ нужнымъ дѣломъ отлученія могъ при караулѣ находиться и всего смотрѣть, что ввѣрено; ибо во отбытіе обоихъ васъ легко можетъ какая сдѣлаться погрѣшность. Когда заболѣли, то допустили къ себѣ въ казематъ войти жену свою съ дочерью, что учинено въ пренебреженіе данной вамъ инструкціи, по которой, кто-бы онъ ни былъ, никого кромѣ дозволеннаго, по приказу моему, капитана Бирюкова, допускать не велѣно; за что подлежало васъ не только чувствительному аресту, но и тяжкому штрафу предать; предлагаю впредь ни къ кому съ поклонами въ дома отнюдь не ходить, кромѣ, что ко мнѣ съ репортомъ и до капитана Бирюкова; когда же случится идти ко мнѣ съ репортомъ, то бѣ, въ небытность вашу, унтеръ-офицеръ при командѣ находился неотлучно, и притомъ наврѣшко подтверждается, въ помянутой казематъ отнюдь никого не допускать, а поступать по данной вамъ инструкціи и по сему ордеру, безъ всякаго упущенія, подъ опасеніемъ, за неисполненіе, не только лишенія чина своего и тяжкаго наказанія, но и смертной казни.

19-го іюля 1768 года, генераль-прокуроръ князь Вяземскій приказалъ: хотя командированному по высочайшему Е. И. В-ва соизволенію, для исправленія нѣкоторой секретной комисіи, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку капитану Христофору Нолькену на неизвѣстное число версть прогонныхъ денегъ сто двадцать рублевъ изъ тайной экспедиціи и выданы, но какъ оной Нолькенъ, возвратясь изъ той комисіи, ему, генераль-прокурору, объявилъ, что онъ, на прогоны употребя всѣ тѣ выданные ему сто двадцать рублевъ въ расходъ, издержалъ еще собственныхъ своихъ денегъ двадцать одинъ рубль восемьдесятъ семь копѣекъ; и потому оныя издержанныя имъ Нолькенымъ на прогоны собственныя деньги выдать ему изъ тайной экспедиціи.

VIII.

Изъ Сійскаго Антоніева монастыря, бывшій, по дѣлу извѣстнаго растриги, доноситель іеродіаконъ Іоасафъ Лебедевъ прислалъ три пасквильныхъ доноса; въ первомъ онъ пишетъ, что, при бывшемъ отъ него на означеннаго растригу доносѣ, запоминать онъ, Лебедевъ, показать, что оной растрига сказывалъ ему о своемъ письмѣ, которое онъ писалъ въ Святѣйшій Синодъ и за которое, наконецъ, пострадалъ, что оное написалъ онъ по наставленію переяславскаго архіерея (Сильвестра Строгородскаго), который въ нему пріѣзжалъ въ Ростовъ, и то-де наставленіе имѣлось у него до взятія его, но спасибо де тому офицеру, которой его бралъ, что онъ пожаловалъ скрыль, а то то-жъ бы де было и Переяславскому, что мнѣ сдѣлано. Наконецъ, въ томъ же доносѣ просить, чтобъ его, Лебедева, учинить свободна отъ духовнаго чина, для того, что всѣ на него за бывшій на растригу доносъ гнѣваются, и его ненавидятъ, сожалѣя растриги, а особливо консисторскій судія протопопъ, которой имѣлъ къ нему великую склонность, ѣзжалъ къ нему и привозилъ отъ архіерея деньги, яко бы въ милостыню, тако-жъ кушанье и напитки, за что получалъ отъ него себѣ подарки.

Во второмъ доносѣ онъ описываетъ чинимые ему, Лебедеву, отъ архимандрита Гавріила побои и притѣсненія, и что оной архимандритъ во время битья устрачивалъ его, „не станешь ли де ты надъ нами подѣскиваться и ябедничать, такъ какъ въ Никольскомъ монастырѣ сдѣлалъ; ты де нынѣ въ моихъ ру-

гахъ, бойся меня, что хочу, то и сдѣлаю надъ тобою“. Прилагаетъ при второмъ доношеніи объявленіе, именовъ монастырскаго служителя Бакачева и жены его, писанное рукою іеромонаха Лазаря, яко-бы означенной архимандритъ одну дѣвочку седмилѣтнюю... жену его многожды неволею бралъ къ себѣ въ келью для... а казенныя деньги, положенныя на починку монастыря крадетъ, записывая въ расходъ больше, нежели что издержано. Въ томъ-же доношеніи пишетъ, что архимандритъ, узнавъ о семъ объявленіи, которое было у него, Лебедева, и боясь доносу, ѣздилъ къ архіерею и объявилъ на него, что онъ съ служителемъ Бакачевымъ пьянствуетъ, за монастыремъ ночевалъ двѣ ночи, на первой недѣлѣ великаго поста пять дней въ церкви не былъ и самовольно отлучался въ Емецкой острогъ; а потому послѣдовала отъ архіерея резолюція такая, чтобъ его, Лебедева, отъ священнослуженія отрѣшить на годъ, сковать въ желѣза, ходить въ церковь и на всякомъ пѣніи полагать по 50 поклоновъ земныхъ.

Послѣ объявленія архіерейской резолюціи, архимандритъ, призвавъ его въ свою келью и лежа пьяной, приказывалъ ему, Лебедеву, себя цѣловать, и какъ только онъ къ нему подошелъ, то архимандритъ, схватя его за волосы и бороду, дралъ немилосердо, потомъ приказалъ лечь къ себѣ на постелю и пави дралъ за волосы и за бороду, также билъ по щекамъ, губамъ и въ грудь немилостиво; а наконецъ, взявъ за... говорилъ, хочешь ли, я тебя теперь ушибу, никто тебѣ не поможетъ, не будешь ли ты про меня чего говорить, и потомъ... такъ, что онъ тогда заревѣлъ и просилъ его о помилованіи.

Просить, такъ какъ и въ первомъ доношеніи, о отрѣшеніи его отъ монастыря, о лишеніи іеродіаконскаго и монашескаго чина и о дачѣ ему для прокормленія вѣчно увольнительнаго пашпорта.

Въ третьемъ доношеніи оной Лебедевъ пишетъ, что объявленной архимандритъ самъ собою безъ указа постригаетъ въ монахи, и также растригаетъ; и что у него въ монастырѣ есть сверхъ положеннаго въ штатѣ числа излишніе монахи, кои довольствуются положенною по штату суммою.

4-го декабря 1768 года, генераль-прокуроръ князь Вяземскій, во исполненіе всевысочайшаго Е. И. В-ва соизволенія, по полученнымъ архангельской епархіи Антоіева Сійскаго монастыря отъ іеродіакона Іоасафа Лебедева тремъ доношеніямъ,

приказалъ: хотя оной Лебедевъ въ двухъ доношеніяхъ своихъ и показываетъ, яко-бы означеннаго монастыря архимандритъ Гавріилъ и другіе монахи причиняютъ ему обиды и притѣсненія, мстя будто ему симъ за доносъ его на извѣстнаго расстригу Арсенія, и что будто объявленной архимандритъ дѣлалъ описанныя въ тѣхъ его доношеніяхъ продерзости и надъ нимъ ругательства, но какъ по справкѣ съ прежнимъ о немъ, Лебедевъ, дѣломъ оказалось, что онъ, будучи еще въ Никольскомъ монастырѣ, обращался въ пьянствѣ и велъ себя непорядочно и по рѣшеніи онаго дѣла посланъ въ Антоніевъ монастырь съ тѣмъ, чтобъ начальникъ онаго монастыря старался не допускать его до пьянства и худыхъ дѣлъ; слѣдовательно, означенное его показаніе вѣроятно быть не можетъ, потому что оное происходитъ отъ него не инаково, какъ отъ злобы на архимандрита, по сему сіе его показаніе оставить безъ слѣдствія, а чтобы оной Лебедевъ впредь симъ невоздержнымъ своимъ поведеніемъ и пьянствомъ не наносилъ монашеству нарѣканія, а обществу своему соблазна и безпокойствія, архангельскому архіерею велѣть лишить его священства и монашества, и послѣ того, какъ человѣка дерзкаго и неспокойнаго, чтобъ праздно не шатался, для написанія въ солдаты отослать къ архангельскому губернатору, о чемъ какъ къ нему, такъ и къ губернатору отписать. Послѣднее же доношеніе Лебедева приказано отослать въ свѣтѣйшій синодъ, которое и отослано туда княземъ Вяземскимъ 10-го декабря 1768 года.

19-го декабря 1768 г., Егоръ Головцынъ, архангельскій губернаторъ, секретно донесъ князю Вяземскому о полученіи имъ его повелѣнія отъ 8-го декабря 1768 г., объ отсылкѣ расстриги Лебедева къ тобольскому губернатору, для опредѣленія въ тамошній гарнизонъ въ солдаты.

22-го декабря 1768 г. архангельскій епископъ Іоасафъ донесъ князю Вяземскому, что онъ, 18-го декабря, Е. И. В-ва высочайшее повелѣніе получилъ, и того-жъ числа за іеродіакономъ Іоасафомъ Лебедевымъ, для привозу его, посланъ былъ отъ меня нарочной, которой сего-жъ декабря 22-го дня возвращается, поданнымъ мнѣ за руками того монастыря архимандрита съ братіею репортомъ, объявилъ, что оной Лебедевъ до приѣзду того посланнаго, лежа въ болѣзни, 20-го декабря помре, и при церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, гдѣ прочая бра-

тія погребается, по церковному чиноположенію, погребенъ. Объ этомъ же, отъ 26-го декабря 1768 г., извѣстилъ князь Вяземскаго и архангельскій губернаторъ Головцынъ. Такимъ образомъ, Лебедевъ, не дождавшись рѣшенія по указу отъ 4-го декабря 1768 года, скончался.

IX.

20-го апрѣля 1769 года, князь Вяземскій писалъ фонъ-Тизенгаузену, что Ея Импер. Величество всемилостивѣйше повелѣть соизволила извѣстному арестанту на пропитаніе производить на каждой день по пятнадцати копѣекъ. Объ отпускѣ-жъ Тизенгаузену въ прибавокъ прежде отпускаемой изъ ревельской губернской канцеляріи суммъ въ оную канцелярію было сдѣлано княземъ Вяземскимъ предложеніе, 30-го апрѣля 1769 г.

Прибавка въ выдачѣ на каждый день на пропитаніе Арсенія вмѣсто 10 копѣекъ по 15 связана съ поѣздкою предъ тѣмъ временемъ въ С.-Петербургъ оберъ-коменданта фонъ-Тизенгаузена. Въ ордеръ своемъ плацъ-маіору Гибнеру (отъ 13 апрѣля 1769 г.) Тизенгаузенъ писалъ, что онъ, въ силу имяннаго отъ Е. И. В-ва повелѣнія, имѣеть отправиться на нѣкоторое время въ С.-Петербургъ и предлагаетъ ему, Гибнеру, чрезъ почту еженедѣльно репортовать ему о состояніи содержащагося въ Ревелѣ нѣ котораго арестанта.

На прибавочныя деньги въ 1770 году, въ маѣ мѣсяцѣ, арестанту куплено холста на бѣлье тонкаго и широкаго по 12 копѣекъ аршинъ, поровнѣе и поуже по 5¼ коп. аршинъ.

7-го іюля,—не іюня, какъ значитса у И. А. Чистовича и у В. С. Иконникова (см. „День“, 1862 г., № 15, и „Рус. Стар.“ 1879 г., стр. 193, кн. окт.)—1769 г. скончался оберъ-комендантъ фонъ-Тизенгаузенъ.

23-го іюля 1769 г., посланъ былъ отъ князя Вяземскаго секретнѣйшій указъ Гибнеру и Бирюкову, извѣстнаго арестанта имъ обоимъ, впредъ до указа, имѣть въ своемъ вѣдомствѣ и во всемъ содержать его такъ, какъ насланными отъ Е. И. В-ва повелѣніями предписано покойному генералу-поручику фонъ-Тизенгаузену.

29-го іюля 1769 года, плацъ-маіоръ Андрей Гибнеръ и капитанъ Иванъ Бирюковъ прислали князю Вяземскому сек-

ретнѣйшій репортъ, въ которомъ извѣщали его сіятельство, что его повелительный ордеръ, отъ 23-го іюля 1769 года, пущенный изъ С.-Петербурга, они получили 28-го іюля того-же года, по которому надлежащее исполненіе чинено будетъ.

Каждомѣсячно плацъ-маіоръ Гибнеръ и капитанъ Бирюковъ, какъ - то дѣлалъ и оберъ - комендантъ Тизенгаузенъ, посылаютъ князю Вяземскому покорнѣйшіе репорты въ однообразной формѣ и одинаковаго содержания: содержащейся въ здѣшней крѣпости въ опредѣленномъ казематѣ, извѣстной вашему сіятельству арестантъ содержится такимъ порядкомъ, какъ присланною къ бывшему оберъ-коменданту Тизенгаузену инструкцію повелѣно и поны нѣ ведетъ онъ себя тихо.

3-го апрѣля 1770 г., Гибнеръ и Бирюковъ вошли къ князю Вяземскому съ секретнымъ доношеніемъ, не соизволить ли его сіятельство объ отпускѣ на 1770 годъ для содержанія арестанта съ караульными подлежащаго числа денегъ, по общему нашему требованію, а подъ росписку приходчива и расходчива онымъ капитана Бирюкова, въ ревельскую губернскую канцелярію учинить предложеніе и насъ о томъ въ извѣстіе въ отвѣтъ снабдить повелительнымъ ордеромъ.

13-го апрѣля 1770 г., въ своемъ предложеніи ревельской губернской канцеляріи, князь Вяземскій писалъ, что онъ за нужное находить предложить симъ ревельской губернской канцеляріи, чтобъ она опредѣленные на извѣстные расходы деньги ежегодно отпускала плацъ-маіору Гибнеру и капитану Бирюкову, по требованіямъ ихъ. Того-же числа князь Вяземскій отправилъ секретный ордеръ Гибнеру и Бирюкову, съ извѣщеніемъ ихъ, что, по ихъ доношенію, объ отпускѣ для извѣстныхъ расходовъ по двѣсти по три рубли ежегодно ревельской губернской канцеляріи отъ него предложено, которые изъ оной канцеляріи они и могутъ получать по требованіямъ своимъ.

21-го апрѣля 1770 года, Гибнеръ и Бирюковъ репортовали князю Вяземскому, что ими полученъ его сіятельства повелительный ордеръ, пущенный отъ 13-го апрѣля и ими полученный 17-го апрѣля.

Въ счетъ прихода и расхода денегъ на содержаніе въ ревельской крѣпости извѣстнаго арестанта, мая 1 дня принято, значитса, изъ ревельской рентереи на сей 1770 годъ, годовая сумма 203 рубли.

Въ 1771 году, 25 января, вмѣсто Тизенгаузена назначенъ оберъ-комендантомъ ревельскимъ фонъ-Бенкендорфъ. Князь Вяземской писалъ по этому случаю фонъ-Бенкендорфу: Въ ревельской крѣпости въ одномъ казематѣ содержится теперь нѣкоторый извѣстный Е. И. В. Враль, который сначала туда отсылки порученъ былъ въ надзираніе покойному оберъ-коменданту фонъ-Тизенгаузену, и притомъ, какимъ образомъ съ нимъ поступать, дана ему за собственноручнымъ Е. И. В. подписаніемъ инструкция, но со смерти г. фонъ-Тизенгаузена поручена сія коммисія бывшимъ у него во употребленіи по касающимся до сей коммисіи дѣламъ плацъ-маіору Гибнеру и капитану Бирюкову. А какъ ваше превосходительство опредѣлены нынѣ на мѣсто Тизенгаузена, то е. и. вел-во всевысочайше указать соизволила объявленнаго Вралья, такъ какъ и касающіяся до него письменныя дѣла, принять вамъ въ свое смотрѣніе и поступать съ нимъ по точной силѣ объявленной инструкціи во всемъ непремѣнно.

Отъ 2-го февраля 1771 г. секретно репортовали князю Вяземскому Гибнеръ и Бирюковъ, что они получили повелительный ордеръ, пущенный отъ 25-го ч. января, о сдачѣ ими имѣющагося въ ихъ смотрѣніи арестанта и всѣхъ касающихся до него письменныхъ дѣлъ фонъ-Бенкендорфу, 29-го января, по которому, по прибытіи въ Ревель новаго оберъ-коменданта, надлежащее исполненіе ими учинено будетъ.

Отъ 3-го марта 1771 года князь Вяземскій приказалъ Степану Ивановичу Шешковскому, по высочайшему повелѣнію, отпустить на содержаніе извѣстнаго арестанта изъ суммы тайной экспедиціи на сутки по пятнадцати копѣекъ, и на первый случай приказано отпустить, подъ росписку господина плацъ-маіора Качалова, три рубля.

Отъ 19-го марта 1771 года, новоназначенный ревельскій оберъ-комендантъ, генераль-поручикъ Иванъ фонъ-Бенкендорфъ, секретно репортовалъ князю Вяземскому, что предложеніе отъ его сіятельства, пущенное отъ 25-го генваря, по прибытіи въ Ревель, имъ получено 17-го марта исправно, и что какъ арестантъ, такъ и всѣ, касающіяся до него въ производствѣ, бывшія въ рукахъ у капитана Бирюкова письменныя дѣла, въ надлежащей исправности, имъ въ свое смотрѣніе приняты.

Отъ 19-го же марта 1771 г., плацъ-маіоръ Гибнеръ и ка-

питанъ Бирюковъ, съ своей стороны, также репортовали князю Вяземскому, что они сдали новому оберъ-коменданту фонъ-Бенкендорфу имѣющагося въ ихъ смотрѣніи арестанта и всѣ касающіяся до него письменныя дѣла.

Отъ 2-го апрѣля 1771 года, новый оберъ-комендантъ въ первый разъ репортуетъ князю Вяземскому объ извѣстномъ арестантѣ въ прежней формѣ: извѣстной арестантъ содержится такимъ порядкомъ, какъ инструкцію повелѣно и нынѣ ведетъ себя тихо.

По назначеніи Бенкендорфа ревельскимъ оберъ-комендантомъ, императрица писала къ князю Вяземскому: „какъ генераль-поручикъ фонъ-Бенкендорфъ нынѣ оберъ-комендантомъ въ Ревели опредѣленъ, то не изволишь ли писать къ нему, чтобъ онъ за Вралемъ имѣлъ смотрѣніе такое, какъ и Тизенгаузенъ имѣлъ; а то боюсь, чтобъ, не бывши ему поручень, Враль не заводилъ въ междуцарствіи свои какія ни на есть штуки и чтобъ не стали слабѣе за симъ звѣркомъ смотрѣть, а намъ отъ того не выливались новыя хлопоты“.

Безъ сомнѣнія это письмо то же, которое передается въ разсказѣ И. В. Лолухина другими словами, при чемъ слово звѣрокъ замѣнено словомъ птичкою (см. „Чт. Моск. Общ. Истор.“ 1862 г., III, 194 и II, 12).

Изъ Ревеля возили Арсенія и въ динаменскую крѣпость, запираеть въ погребъ, какъ видно изъ записки при дѣлѣ (см. біографію Арсенія Мацѣвича, изд. въ Лейпцигѣ въ 1863 году и напеч. въ „Зрителѣ“ въ 1862 г. и въ „Чт. Моск. Общ.“ въ 1862 г.). На это въ подлинномъ дѣлѣ указываютъ два документа:

1) Рапортъ Динаменской крѣпости отъ коменданта, полковника Вейганта, князю Вяземскому, отъ 22-го апрѣля 1771 г., Динаментъ, и 2) Резолюція князя Вяземскаго на запросъ Вейганта 30-го іюня 1771 г. Въ первомъ документѣ полковникъ Вейгантъ рапортовалъ князю Вяземскому, что, „извѣстной вашему сіятельству арестантъ и поднесъ находится въ томъ же повоѣ, въ которой, по повелѣнію вашего сіятельства, на зимнее время введенъ; а какъ нынѣ уже приходитъ къ лѣтнему времени, то не соизволите ль повелѣть въ прежней погребъ, въ которомъ до сего былъ, его перевести, или въ томъ же верхнемъ оставить; ибо и сей покой, въ которомъ нынѣ состоитъ, такъ укрѣпленъ,

что никакого сумнѣнія къ содержанію его не состоитъ“; о семъ Вейгантъ проситъ князя Вяземскаго не оставить резолюцію, которой и ожидать имѣеть.

30-го іюня 1771 года, на запросъ Вейганта, князь Вяземскій отвѣчалъ, что „с. и. вел-во высочайше повелѣтъ соизволила, содержаніе порученнаго вамъ арестанта въ той или другой казармѣ оставить на распоряженіе ваше, такъ что, которая вами за удобную къ содержанію его почитается, въ той и можете его содержать, съ тѣмъ однако примѣчаніемъ, чтобъ оной арестантъ не могъ сдѣлать каковой либо пакости, что и остается на вашемъ отвѣтъ“.

Послѣдніе два документа свидѣтельствуютъ о томъ, что Арсеній не безысходно до смерти оставался въ ревельскомъ казематѣ, но былъ вывозимъ изъ ревельской крѣпости въ первой половинѣ 1771 года; поэтому неправы историки, не признающіе подобнаго факта, что могло произойти отъ того, что они проглядѣли въ дѣлѣ эти документа, которые и пришиты къ дѣлу верхними строками внизъ, какъ у насъ выражаются, вверхъ ракомъ¹⁾.

25-го іюня 1771 года, фонъ-Бенкендорфъ отправилъ къ генералу-фельдмаршалу, ревельскому генералу-губернатору, принцу фонъ-Голштейнъ-Беку доношеніе слѣдующаго содержанія: „Въ силѣ высочайшаго с. и. вел.—ва повелѣнія, для нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ расходовъ, потребно мнѣ на нынѣшній 1771 годъ получить изъ доходовъ ревельской генералъ-губернской канцеляріи денегъ двѣсти три рубли; вслѣдствіе чего вашей свѣтлости чрезъ сіе предоставляю, прошу, дабы повелѣно было оное число денегъ отъ губернской канцеляріи отпустить въ мое вѣдомство непродолжительно, подъ росписку ревельскаго втораго баталіона капитана Бирюкова“.

Изъ счета о приходѣ и расходѣ денегъ, принадлежащихъ на содержаніе секретнаго арестанта, видно, что, вслѣдствіе означеннаго доношенія Бенкендорфа къ принцу Голштейнъ-Беку, іюля 7 дня 1771 года, принято изъ ревельской рентерен на 1771 годъ 203 рубля.

¹⁾ Такимъ же образомъ пришта къ дѣлу одна бумага, отъ 1769 г. ноября, безъ означенія дня, подъ именемъ: извѣстіе отъ оберъ-секретаря Степана Шешковскаго Правительствующаго Сената къ расходу, о принятіи подъ росписку, отъ расхода, изъ курьерской суммы, пятьсотъ рублей — губ. секрет. Врахова.

X.

29-го февраля 1772 г., изъ Ревеля, отъ ревельскаго оберъ-коменданта, фонъ-Бенкендорфа, князю Вяземскому былъ посланъ репортъ, въ которомъ первый пишетъ, что „26-го февраля 1772 г. содержащійся въ ревельской крѣпости въ одномъ казематѣ нѣ-который Враль тяжело заболѣлъ и требовалъ священника; почему оной того-жъ числа пополудни въ девятомъ часу къ нему и допущенъ, которымъ священникомъ былъ исповѣданъ и святыхъ таинъ приобщенъ, а 28-го числа пополудни въ восьмомъ часу оной арестантъ и умре, которой сего числа, по пробитіи вечерней тапты при російской церкви, и погребенъ будетъ; съ помянутаго же священника (ревельской Николаевской церкви, Саввы Кодратова), по силѣ инструкціи 4-го пункта, взята подписка, подъ смертною казнію, чтобъ онъ по смерти своей ни подъ какимъ видомъ никому, что онъ къ тому арестанту былъ допущенъ, не сказывалъ“, и репортуя о семъ просить у князя Вяземскаго повелѣнія прислать къ послѣднему письменныя дѣла, состоящія въ производствѣ объ ономъ арестантѣ, или иначе, что объ нихъ учинить, повелѣнія; также бывшія у него книги церковныя и оставшее послѣ его простое платье, постелю и бѣлье ношеное куда отдать—просить о всемъ снабдить его резолюцію.

Отъ 12-го марта 1772 г. князь Вяземскій секретно отвѣтилъ фонъ-Бенкендорфу, что „е. и. величество высочайше указать соизволила къ вашему превосходительству отписать мнѣ, чтобъ вы всѣ тѣ письменныя дѣла, кои касались до бывшаго въ нашемъ вѣдѣніи извѣстнаго арестанта, прислали ко мнѣ чрезъ почту за своею печатью, написавъ на пакетѣ: секретно; оставшую жъ послѣ его рухлядь роздать нищимъ“.

Отъ 24-го марта 1772 г. фонъ-Бенкендорфъ секретно репортовалъ князю Вяземскому, что онъ, бывшія въ его вѣдѣніи, всѣ письменныя дѣла, касающіяся до помянутаго арестанта, какъ входящія въ оригиналѣ, такъ и исходящимъ концепты со учиненною описью, вмѣстѣ съ отобранною отъ караульнаго офицера инструкцію, къ его сіятельству представляетъ; оставшая рухлядь послѣ упомянутаго арестанта, кромѣ книгъ, вся роздана нищимъ; а книги церковныя, при немъ бывшія, отданы духовнику его, ре-

вельскія Ниволаевскія церкви священнику, Саввѣ Кодратову, съ роспискою; бывшіе при ономъ арестантѣ на караулѣ офицеръ съ командою обязаны наикрѣпчайшимъ реверсомъ, чтобъ они по конецъ своей жизни ни съ кѣмъ объ немъ разговоровъ не имѣли, но предали глубочайшему молчанію; при семъ представляетъ также счетъ о принятыхъ на содержаніе умершаго арестанта съ опредѣленною командою деньгахъ, за рукою приходчика и расходчика онымъ капитана Бирюкова.

Въ роспискѣ, данной духовникомъ Арсенія въ приемѣ книгъ церковныхъ (отъ 23 марта 1772 г.), упоминаются слѣдующія подержанныя книги, а именно: псалтирь слѣдованная большая одна, новый завѣтъ одинъ, молитвословъ одинъ, требникъ малый одинъ, святцы московскіе одни, всего пять книгъ; г. Знаменскій въ своихъ „Чтеніяхъ по церковной исторіи“ (въ 1875 г. въ Православномъ Собесѣдникѣ) упоминаетъ только о трехъ книгахъ; а въ Біографіи князя Голицына, изданной въ Лейпцигѣ въ 1863 г., въ 1862 г. и въ „Зритель“ напечатанной, и въ „Чтен. москов. общ. Исторіи и Древностей“ (въ 1862 же году), въ числѣ оставшихся книгъ не вѣрно показывается сочиненіе Арндта на латинскомъ языкѣ; потому что ему дозволено было давать только русскія книги. Въ этой же біографіи, въ числѣ платья, оставшагося послѣ Арсенія, значится овчинная китайкою покрытая шуба.

Въ счетѣ прихода и расхода суммъ на содержаніе секретнаго арестанта, подъ 28-мъ числомъ февраля 1772 г., означенъ любопытный расходъ: февраля въ 28-й день, по кончинѣ арестанта, къ погребенію его, купленъ гробъ, дано 1 р. 4 копѣйки, холста на саванъ на 50 копѣекъ, грамота и вѣнчикъ 6 коп.

Въ Ревелѣ въ самомъ тяжкомъ заключеніи пробылъ бывшій митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣвичъ четыре года, одинъ мѣсяць и 20 дней (привезли его въ Ревель 1768 г. 8 янв., умеръ 1772 г. 28 фев.).

Такъ пострадалъ Арсеній за рѣчи, не имѣвшія никакихъ послѣдствій, и оказался тяжкимъ и опаснымъ преступникомъ, находясь въ кельѣ монастырской подъ карауломъ, и въ то время, какъ внѣ монастыря у него не открыто никакихъ связей.

Каземать, въ которомъ заключенъ былъ Арсеній въ Ревелѣ, заключалъ въ себѣ 10½ футовъ длины и 7 ширины, на вода-

ныхъ воротахъ. Въ „Другѣ юношества и всякихъ лѣтъ“, изданіе Максима Невзорова (Москва, 1814 г., март. кн., стр. 20 — 38, авг. кн., стр. 113 — 128), въ статьѣ „Орлина Пустынь“ описывается этотъ казематъ: „Пустынька, говорится тамъ, обращена въ памятникъ будто несчастіямъ нѣкотораго Андрея, знаменитаго твердостью духа и страданіемъ своимъ, въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія. У полевой дороги поставлена хижина, точно будто таковой мѣры, десять съ половиною футовъ длины и семь шириною, внутри, какою была темница, тайная свидѣтельница мученической кончины страдальца и неописанныхъ утѣхъ ему отъ силы, въ немощи совершающейся — древняго крѣпостнаго зданія темница, на толстой, сырой стѣнѣ которой онъ дрожащею въ маститой старости рукою начерталъ: „благо мнѣ, яко смирилъ мя еси“. Въ хижинѣ по бокамъ крестообразныя окошки, а передняя и задняя стѣны снаружи расписаны. На передней, которая на полдень, на двери съ крыльца, изображенъ черный крестъ на горѣ, А-ва Орлиная пустыня. На памятникѣ надпись: „священной памяти А. страдальца 1813 года, апрѣля 14-го дня, чрезъ полѣна, въ тотъ самый день, въ который начались его злоключенія“.

Въ историко-статистическомъ описаніи Николаевскаго Корельскаго монастыря Макарія, епископа архангельскаго и холмогорскаго (см. „Чтенія въ Моск. Общ. Ист. и Др.“ 1879 г., кн. 1, стр. 1—49), указывается на мѣсто той келии, въ которой находился Арсеній Мацѣвичъ, будучи сосланъ въ Николаевскій Корельскій монастырь. Келию эту указываютъ подъ Успенскою церковію, подлѣ ея алтаря, въ которой и содержался Арсеній Мацѣвичъ три года и два мѣсяца. Но это указаніе едва-ли справедливо: Арсеній находился въ Корельскомъ монастырѣ болѣе четырехъ лѣтъ, ибо опредѣленіе состоялось о ссылке его въ Николаевскій Корельскій монастырь 15 апрѣля 1763 г., а вывели его изъ Николаевскаго монастыря въ Ревель 1767 г. 27 дек. ¹⁾

И. Я. Морозовичъ.

С.-Петербургъ.

4-го октября 1884 г.

¹⁾ Въ этой статьѣ преосвященнаго Макарія мы замѣтили также слѣдующую ошибку: онъ ошибочно называетъ донощика на Арсенія Мацѣвича іеродіакономъ Іоанномъ, тогда какъ онъ носилъ имя Іоасафа (см. стр. 13 въ его статьѣ: Истор.-статист. описаніе Ник. кор. монастыря).

И. М.

ЗАПИСКИ К. К. МЕРДЕРА,

ВОСПИТАТЕЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

1824—1834.

IV¹⁾.

Путевыя впечатлѣнія.—Въ имѣніи кн. Мышецкаго.—Осмотръ Динабургской крѣпости.—Маріамполь.—Въ Пултускѣ.—Свиданіе съ княгинею Ловичъ.—Торжественный въѣздъ въ Варшаву.—Разводъ.—Монастырь кармендуловъ.—Лагерь подъ Варшавою.—Замокъ Виановъ.—Загородный домъ г-жи Вансовичъ.—Коронованіе.—Молитва, произнесенная государемъ.—Лазенки.—Народный праздникъ.—Агрономическій институтъ.—Посѣщеніе аппликаціонной школы.—Отъѣздъ товарищей.—День ангела великаго князя Константина Павловича.—Отъѣздъ изъ Варшавы.—Охотничій домикъ князя Радзивилла.—Пріѣздъ во Франкфуртъ.—Свиданіе съ королемъ прусскимъ въ Фридрихфельденъ.—Берлинъ.—Осмотръ Сансуи и комнатъ Фридриха Великаго.—Свадьба принца Вильгельма.—Смотръ уланскаго полка.—Отъѣздъ государя.—Прощанье съ Берлиномъ.—Кадетскій корпусъ въ Калишѣ.—Аркадія.—Отъѣздъ изъ Варшавы.

1829 г.

25-го апрѣля. Четвергъ. Въ 10 часовъ утра мы выѣхали изъ Царскаго Села, въ 8 часовъ вечера прибыли на ночлегъ. Обѣдали на станціи Ящерѣ. На пространствѣ 140 верстъ ничего замѣчательнаго не видали, за исключеніемъ черкесскаго взвода, слѣдующаго въ Петербургъ. Государь императоръ уѣхалъ впередъ въ Динабургъ. Александръ Николаевичъ въ продолженіе всей дороги былъ веселъ и довольно разговорчивъ, спалъ немного. Разставаніе въ Царскомъ Селѣ было очень тягостно для великаго князя, не смотря на все удоволь-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 339—364; мартъ, стр. 527—554.

ствіе, ожидаемое имъ въ путешествіи. Ихъ высочества великія княжны, равно какъ и ихъ дамы, много плакали, великій князь дѣлалъ то же.

26-го апрѣля. Пятница. Дубровна. Въ 8 часовъ мы пошли съ Александромъ Николаевичемъ пѣшкомъ впередъ, успѣли пройти 9 верстъ, прежде нежели насъ настигли экипажи. Въ 10 часовъ мы сѣли въ коляску и помчались по дорогѣ, усѣянной полуразвалившимися хижинами, изъ оконъ коихъ выглядывали блѣдныя, бѣдностью и рабствомъ искаженные, лица.

Великій князь, услышавъ въ полѣ пѣніе жаворонковъ, прыгалъ отъ радости, вообще былъ веселъ и много бѣгалъ. Проѣзжая деревни, концы строенія и сады были крайне запущены и разорены, великій князь сказалъ, что должно полагать, что владѣтели этихъ жилищъ должны быть лѣнны и небережливы. Онъ удивлялся бѣдности и невѣжеству крестьянъ. Въ Дубровнѣ остановились въ домѣ князя Мышецкаго. Сады весьма хороши и мы весь его осмотрѣли. Князь пріѣхалъ встрѣтить императрицу изъ Петербурга, гдѣ обыкновенно живетъ съ семействомъ зимою. Семейство пріѣзжаетъ въ помѣстье обыкновенно въ мѣсяцѣ. Какъ пріятно могло бы оно проводить время, наставляя несчастныхъ невѣждъ крестьянъ. Великій князь писалъ письмо къ ея высочеству великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ. Погода была прекрасная и такъ было тепло, что государыня императрица изволила пить чай на балконѣ.

27-го апрѣля. Суббота. Гор. Островъ. Мы выѣхали изъ Дубровна въ 9 часовъ утра. Въ 3 часа прибыли въ Псковъ, гдѣ обѣдали. Государыня императрица и ея высочество великій князь посѣтили соборную церковь. Выѣзжая изъ Пскова, коляска г. Крейтона опрокинулась, онъ сильно ушибся, въ особенности расшибъ голову. Вообще дорога была ужасная, и мы съ трудомъ прибыли въ городъ Островъ въ 9 съ половиною часовъ вечера. Великій князь всю дорогу ѣхалъ съ ея величествомъ.

28-го апрѣля. Воскресенье. Г. Люценъ. Великій князь всталъ въ 7 часовъ и просилъ меня провести его къ г. Крейтону, котораго мы нашли въ лучшемъ положеніи, нежели думали, что доставило истинное удовольствіе великому князю. Пожелавъ государынѣ императрицѣ добраго утра, мы отправились по дорогѣ пѣшкомъ; погода была чудная и мы сѣдали 8 верстъ, когда экипажи насъ нагнали. Въ Островѣ мы переѣхали чрезъ р. Великую, а въ Елинахъ р. Ложь. Обѣдали въ Вышгородкѣ и счастливо прибыли въ Люценъ въ 7 часовъ вечера.

Великій князь не могъ надивиться бѣдности евреевъ, пришедшихъ къ нему на встрѣчу съ хлѣбомъ и солью и съ криками ура! и привѣтствіемъ «борухатумъ адулай»!

29-го апрѣля. Понедѣльникъ. Динабургъ. Въ комнатахъ, въ которыхъ великій князь спалъ со мною, было такое множество клоповъ, что мы почти всю ночь не спали. Въ 7 часовъ оставили Люденъ. Великій князь былъ чрезвычайно тронутъ нищетою бѣдныхъ евреевъ, которые въ рубищахъ таскались по улицамъ. Онъ роздалъ имъ много денегъ. Не доѣзжая станціи Каменца, мы обѣдали у госпожи Оскерко, пожилой, почтенной польской дамы; дорога до Динабурга чрезвычайно дурна: то песокъ, то грязь по ступицу и кромѣ этого постоянно приходилось подыматься и спускаться съ горъ. Государь императоръ выѣхалъ за 5 верстъ на встрѣчу государынѣ императрицѣ, которая пересѣла къ нему въ коляску и они вмѣстѣ въѣхали въ Динабургъ. По пріѣздѣ государь императоръ приказалъ великому князю осмотрѣть карауль. Великій князь прошелъ по фронту и здоровался съ солдатами. Въ сопровожденіи коменданта крѣпости, генераль-маіора Гельвига, и инженеръ-полковника Гермерштедта, великій князь Александръ Николаевичъ осматривалъ часть крѣпости, начавъ отъ Никольскихъ воротъ. Онъ въ особенности любовался чистотою и правильностію отдѣлки крѣпостныхъ стѣнъ.

30-го апрѣля. Вторникъ. Вилькоміръ. Послѣ утренняго чаю, въ 6¹/₂ часовъ, мы отправились, въ сопровожденіи полковника Гермерштедта, осматривать остальную часть укрѣпленій, которую вчера не успѣли видѣть. Осматривали модельную мастерскую, въ которой видѣли модели: мостовъ, печей, водоподъемовъ и лѣстницъ и понтонные магазины. При насъ сложили понтонъ въ томъ видѣ, какъ обыкновенно таковыя спускаются на воду. Великій князь все разсматривалъ съ величайшимъ вниманіемъ. Въ ¹/₂ 10-го близъ Николаевскихъ воротъ мы встрѣтили ихъ императорскихъ величествъ, съ коими пѣшкомъ прошли черезъ ворота и переправились въ катерѣ чрезъ Двину. Государь императоръ, простившись съ императрицею и великимъ княземъ, уѣхалъ въ Брестъ-Литовскій, а мы продолжали нашъ путь. Въ 10 часовъ прибыли въ Вилькоміръ. Великій князь всю дорогу отъ Динабурга до Вилькомира ѣхалъ съ ея величествомъ.

1-го мая. Среда. Маріамполь. Предъ выѣздомъ его величества изъ Вилькомира представлялись государю императору дивизионный генералъ Везобразовъ, бригадный Мейеръ и командиръ Клястицкаго

гусарскаго полка полковникъ Мамоновъ. Великій князь удивлялся множеству жидовъ, коими наполнены всё мѣстечки. Онъ замѣтилъ, что здѣсь земля лучше обработана, нежели по ту сторону Нѣмана. На лѣвомъ берегу Нѣмана встрѣтилъ насъ чиновникъ изъ Алексоты съ множествомъ народа, привѣтствовавшаго его высочество радостными кликами. Къ великому князю явился съ рапортомъ офицеръ Ветерановъ, потомъ унтеръ офицеръ на ординарцы и рядовой для посылокъ. На каждой станціи находятся два жандарма. Въ мѣстечкахъ и городахъ находятся жандармскія команды, состоящія изъ 1 офицера, 1 унтеръ-офицера и 6 рядовыхъ, 1 унтеръ-офицера изъ ветерановъ и 2 рядовыхъ. Обязанность жандармовъ состоитъ въ слѣдующемъ: наблюдать за порядкомъ въ городѣ, препровождать арестантовъ и ѣздить на экзекуціи.

Въ г. Маріамполѣ нѣсколько каменныхъ домовъ, построенныхъ вокругъ небольшой площади; прочія строенія деревянныя и въ ветхомъ состояніи; всѣхъ жителей 2,230 человекъ. Въ Ковнѣ мы наши генерала Фенша, онъ будетъ намъ сопутствовать до Варшавы.

2-го мая. Четвергъ. Д. Рыдзево. Въ 7 часовъ утра мы отправились изъ Маріамполя пѣшкомъ; пройдя около 3 верстъ, сѣли въ коляску; дорогою великій князь читалъ и дѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія на счетъ мѣстоположенія и обработки земли. Обѣдали въ мѣстечкѣ Сувалкахъ въ домѣ, занимаемомъ президентомъ дистрикта; на ночлегъ пріѣхали къ помѣщику Рыдзевскому. Мнѣ было пріятно видѣть посѣщность великаго князя, съ которою онъ выхватилъ кошелекъ, чтобы помочь несчастной вдовѣ съ тремя малютками. Вообще не могу нахвалиться поведеніемъ его высочества. Онъ учтивъ и любезенъ со всѣми, ни мало не застѣчивъ, говорить по польски немного, но что скажетъ, то всегда обдуманно и правильно.

3-го мая. Пятница. Пултускъ. Изъ Рыдзева мы вышли пѣшкомъ въ 6½ часовъ утра; погода была прекрасная. На 6 верстѣ сѣли въ коляску и въ первомъ часу пріѣхали въ Ломжу; шоссе пролегаетъ по довольно возвышенному, почти вездѣ глинистому, грунту. Близъ станціи Ставишки, у опушки лѣса, видѣнъ памятникъ, воздвигнутый въ воспоминаніе отдыха, бывшаго на семь мѣстѣ въ 1825 году государя императора Александра I-го. Большой круглый гранитный камень лежитъ на квадратной возвышенности, состоящей изъ 6 дерновыхъ ступеней; близъ него нѣсколько плакучихъ березъ и ивъ. Въ камнѣ вѣдлана мраморная доска, на коей написано число и годъ отдыха незабвеннаго для всѣхъ земного ангела.

Мостъ, по которому мы проѣзжали чрезъ Наревъ, длиною въ 70 саж. Въ Ломжѣ мы обѣдали. Народъ во множествѣ стоялъ по улицамъ и кричалъ: вивать! встрѣчая его высочество. Здѣсь есть весьма хорошая гимназія и изрядная суконная фабрика. Въ 2 часа мы оставили Ломжу, къ 7 часамъ прибыли въ Пултускъ. При въѣздѣ встрѣтили ея величество всѣ штабъ-офицеры 8-го линейнаго полка. Улицы были усѣяны народомъ, ученики гимназіи стояли по обѣ стороны улицы. Епископъ квадъюръ Павловскій съ духовенствомъ вышелъ на встрѣчу съ крестомъ и святою водою, при колокольномъ звонѣ.

Вблизи епископскаго дома находился почетный караулъ для встрѣчи ея величества. Великій князь вышелъ изъ кареты, подходилъ къ караулу и здоровался съ солдатами по польски. Обратясь къ полковому командиру, привѣтствовалъ его на польскомъ языкѣ безъ малѣйшаго затрудненія. Въ 8 часовъ вечера государь императоръ прибылъ въ Пултускъ.

4-го мая. Суббота. Д. Яблонка. Вставъ въ 7 часовъ, мы пошли съ его высочествомъ гулять въ садъ; садовникъ поднесъ великому князю букетъ цвѣтовъ, которые были имъ отнесены къ ея величеству. Въ 9 часовъ мы были у развода и потомъ, по обыкновенію, пустились пѣшкомъ въ дорогу; за нами слѣдовали ученики пултуской гимназіи, съ которыми мы все время разговаривали. Когда ихъ величества насъ настигли, мы простились съ нашимъ эскортомъ и, сѣвъ въ коляску, продолжали путь нашъ по прекраснѣйшему шоссе, пролегающему по прелестному берегу Нарева, чрезъ который переправлялись на превосходно устроенномъ паромѣ. Перемѣнивъ лошадей въ Сероцкѣ, прибыли въ 12 часовъ въ Яблонку и остановились въ загородномъ домѣ, принадлежавшемъ славному князю Понятовскому, а нынѣ принадлежащемъ графинѣ Тышкевичъ. Домъ, садъ и мѣстоположеніе прелестны; здѣсь есть комната, въ которой находятся всѣ мебели и вещи въ томъ же порядкѣ, въ какомъ ихъ оставилъ Понятовскій. Великій князь, навѣстивъ съ государемъ императоромъ казармы 8-го линейнаго полка, шелъ за его высочествомъ; одинъ изъ заслуженныхъ знаками отличія украшенный офицеръ, поглядѣвъ съ умиленіемъ на великаго князя, сказалъ:

— «Я бы желалъ имѣть счастье поцѣловать вашу руку».

— «Позвольте лучше мнѣ имѣть честь поцѣловать васъ»; сказалъ великій князь и съ этими словами бросился на шею къ изумленному офицеру, который послѣ поцѣлуя старался схватить руку его высочества, но великій князь, увернувшись, снялъ фуражку, поклонился и какъ стрѣла пустился за государемъ. Можно себѣ вообразить, какое чув-

ство овладѣло всѣми здѣсь бывшими свидѣтелями сего печальнаго происшествія,—можно ли не любить такого ребенка?

Висла течетъ близъ самаго сада, въ которомъ множество необыкновенной вышины тополей, воспреещающихъ видѣть Варшаву. Переѣхавъ Наревъ, мы нашли природу въ полномъ блескѣ; трава, деревья зелены и всѣ въ цвѣту. Въ Яблонкѣ ожидали ихъ величества ихъ высочества великіе князья Константинъ и Михаилъ Павловичи. Около часу пріѣхала ея высочество княгиня Ловичъ. Великій князь Александръ Николаевичъ былъ ей представленъ; будучи ею облаканъ, прибѣжалъ ко мнѣ и старался описывать ее мнѣ самыми восхитительными красками. Я имѣлъ честь быть представленъ ея высочеству государынею императрицею и нашелъ, что описаніе великаго князя было точно. Александръ Николаевичъ всѣхъ восхищалъ собою и я не могу не сознаться, что онъ сего заслуживаетъ своею любезностью и учтивостью.

5-го мая. Воскресенье. Варшава. Цѣлую ночь пѣлъ подъ нашимъ окномъ соловей. Утро до 10 часовъ великій князь провелъ частью въ саду, частью въ обществѣ нѣкоторыхъ генераловъ, слушавшихъ музыку, игравшую на дворѣ. Въ 10 часовъ онъ отправился въ коляскѣ съ государемъ императоромъ къ заставѣ, здѣсь сѣлъ на лошадь и слѣдовалъ за его величествомъ; кавалерія, долженствовавшая быть въ шествіи, была выстроена по сю сторону заставы; на лѣвомъ флангѣ оной стоялъ конно-егерскій полкъ его высочества; подѣхавъ къ оному, государь императоръ оставилъ его высочество при полку, а самъ поѣхалъ далѣе по фронту. Генералъ Рожновскій, командиръ армейской кавалеріи, поручилъ командиру полка полковнику Янковскому, представить его высочеству гг. офицеровъ, послѣ чего великій князь поѣхалъ къ дому, гдѣ ея величество изволила пересѣсть въ парадную карету и шествіе началось. Раздался громъ пушекъ и радостные клики народа, толпившагося по обѣ стороны пути шествія. Не смотря на всѣ предосторожности, принятія полиціею, народъ, въ упоеніи радостнаго восторга, тѣснился на улицахъ, дабы насладиться зрѣніемъ короля своего.

Въ городѣ войско стояло по правую сторону улицъ; всѣ окна и чердаки усыяны были зрителями, на лицахъ коихъ изображались радость и удовольствіе; всѣ взоры были обращены на великаго князя, всѣ указывали на него и кажется радовались, видя въ немъ наследника престола. У первой церкви государь императоръ былъ встрѣченъ варшавскимъ архіепископомъ и знатнымъ духовенствомъ. По прибытіи во дворецъ, ихъ величества были встрѣчены внизу лѣстницы

ея высочествомъ княгинею Ловичъ и знатными дамами, кои всѣ послѣдовали за нихъ величествами въ церковь чрезъ залы, гдѣ собраны были всѣ знатныя особы Царства Польскаго. По окончаніи краткаго молебствія, ихъ величества изволили удалиться во внутренніе покои, а великій князь Александръ Николаевичъ пошелъ въ назначенныя ему комнаты.

Передъ обѣдомъ великій князь принималъ генераль-адъютанта прусскаго короля Рауха; его высочество весьма мило съ нимъ разговаривалъ о королѣ и пригласилъ съ нами обѣдать, что, казалось, было чрезвычайно пріятно генералу. Вечеромъ мы поѣхали гулять верхами; едва показались на улицѣ, народъ побѣжалъ за великимъ княземъ. Мы объѣхали Лазенки; великій князь прельщался восхитительнымъ мѣстоположеніемъ и прекрасными тополями. День проведенъ весьма пріятно. Никто изъ стариковъ Варшавы не запомнитъ такого многочисленнаго и блестящаго съѣзда. Здѣсь всѣ отъ мала до велика въ неизъяснимомъ восторгѣ отъ короля, королевы и наслѣдника, какъ душою, такъ и тѣломъ прелестныхъ.

6-го мая. Понедѣльникъ. Г. Варшава. Великій князь всталъ въ 6 часовъ, до 7 писалъ письмо къ великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ. Отъ 7 до 8 читалъ нѣкоторые отрывки изъ польской исторіи. Въ 9 часовъ мы поѣхали навѣстить его императорское высочество великаго князя Константина Павловича; его высочество насъ принялъ отъменно ласково. Княгиня Ловичъ чувствовала себя не совсемъ здоровою, почему мы не могли имѣть удовольствіе видѣть ея высочество. Въ 10 часовъ мы были у развода; великій князь Александръ Николаевичъ занималъ мѣсто на правомъ флангѣ взвода своего полка и находился между полковымъ командиромъ Янковскимъ и генераломъ Рожновскимъ. Возвратясь во дворецъ, великій князь принялъ у себя оберъ-егермейстера графа Александра Потоцкаго. Государю императору были представлены всѣ военные чины; великій князь находился при своемъ полку. Возвратясь къ себѣ, великій князь принималъ всѣхъ гг. офицеровъ своего полка. Послѣ обѣда гуляли на терасѣ дворца, были въ огромной залѣ, въ которой находилась нѣкогда богатая бібліотека польскаго короля; нынѣ же въ ней двѣ модели, одна представляетъ дворецъ, какимъ государь императоръ Александръ I-й приказалъ его выстроить, а другая — мостъ на цѣпяхъ. Вечеромъ прогуливались въ саду, принадлежавшемъ нѣкогда саксонскому королю. Садъ сей не весьма великъ, но богатъ чрезвычайно красивыми деревьями, особенно каштановыми. Генералъ Трембицкій прогуливался съ сунругою своею. Великій князь, познакомившійся уже

съ этимъ генераломъ въ Яблонкѣ, подошелъ къ нему, весьма вѣжливо поклонился и разговаривалъ съ его супругою. Въ продолженіе всего дня я былъ чрезвычайно доволенъ его высочествомъ.

7-го мая. Вторникъ. Варшава. Великій князь отъ 6 до 7 занимался одинъ, писалъ письмо къ великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. Отъ 7 до 10 занимался повтореніемъ польской исторіи. Имѣлъ удовольствие видѣть г. Жуковского, прибывшаго изъ Дерпта. Въ 11 часовъ находился у развода, потомъ представлялся государю императору вмѣстѣ съ корпусомъ офицеровъ своего полка. Послѣ обѣда ѣздилъ верхомъ въ Бѣяны, гдѣ посѣтилъ монастырь Кармендуловъ, построенный въ рошѣ столѣтнихъ дубовъ, навѣстилъ кельи нѣкоторыхъ монаховъ, въ числѣ коихъ находится адъютантъ Костюшки; пробовали пиво и медъ, ими самими приготовленные; на возвратномъ пути видѣлъ Маримонтъ, небольшой увеселительный домикъ короля Станислава Августа, близъ коего король былъ захваченъ партією Пулавскаго; видѣлъ мельницу, въ которой онъ провелъ ночь и освобожденъ королевскою партією; осматривалъ плавательный институтъ и, возвращаясь, заѣхалъ въ Лазенки. День проведенъ весьма пріятно. Великимъ княземъ я былъ очень доволенъ.

8-го мая. Среда. Варшава. Великій князь до 11 часовъ занимался у г. Жилля польскою исторією и чтеніемъ. Двѣнадцатый часъ провелъ въ саду, пытался срисовать фасадъ дворца, но видя неудачу, предпочелъ поливать цвѣты. Отъ 12 до 2 былъ при представленіи дамъ. Ни малѣйшей не оказывалъ застѣнчивости. Замѣтивъ въ великомъ князѣ слабость и сонливость, я положилъ его послѣ обѣда спать. Онъ спалъ три часа и, проснувшись, благодарилъ меня за лекарство. Мы ѣздили въ сопровожденіи полковника Янковскаго осматривать лагерь. Должно признаться, что ничего подобнаго въ этомъ родѣ увидѣть невозможно; генеральскія и офицерскія палатки не палатки, но прекрасныя, маленькія загородныя домики, съ садами. Въ 8^{1/2} часовъ мы возвратились домой весьма довольные прекрасно проведеннымъ днемъ.

9-го мая. Четвергъ. Варшава. Великій князь занимался у г. Жилля повтореніемъ вчерашняго урока. Къ 9^{1/2} часамъ прибылъ на плацъ-парадное мѣсто. Подѣхавъ къ полку своему, привѣтствовалъ егерей и гг. офицеровъ, потомъ, въ ожиданіи пріѣзда ихъ величествъ, разговаривалъ съ полковымъ командиромъ и нѣкоторыми гг. генералами. Во время пріѣзда ихъ величествъ по фронту, великій князь находился на флангѣ полка, по правую руку полковаго командира; во

время церемониального марша великий князь ѣхалъ впереди своего полка; онъ удивилъ не только всѣхъ зрителей, но августѣйшихъ родителей ловкостью, съ какою онъ проѣзжалъ, салютовалъ и подкакивалъ къ государю императору. Послѣ обѣда мы ѣздили въ Вилановъ прекрасный замокъ, принадлежавшій нѣкогда Іоанну Собиескому, славному избавителю Вѣны, а нынѣ графу Александру Потоцкому. Вилановъ построенъ плѣнными турками, архитектура весьма красива, внутренность отдѣлана со вкусомъ, въ замкѣ много рѣдкостей и китайскихъ вещей, болѣе же всего заслуживаютъ вниманія комнаты и мебель славнаго короля, галлерей и невѣроятной толщины и вышины тоножи, изъ коихъ нѣкоторыя имѣютъ 15 аршинъ въ объемѣ, что составляетъ 3 аршина въ диаметрѣ. Соловьевъ здѣсь множество, мы слышали по малой мѣрѣ двадцать. Архитектура во вкусѣ того времени и чрезвычайно сходна съ архитектурою петергофскаго дворца. Мѣстоположеніе и виды прелестны. И прекраснѣе рѣдко что видаль, и потому, если удастся, постараюсь еще разъ увидать Вилановъ.

Въ 1815 году, въ бытность здѣсь незабвенной императрицы Маріи Феодоровны, теперешняя хозяйка Виланова, графиня Потоцкая, давала высокой гостѣй своей сельскій праздникъ; можно представить себѣ, какъ онъ былъ прекрасенъ.

10-го мая. Пятница. Г. Варшава. Великий князь писалъ письмо къ ея высочеству великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ; отъ 7 до 9 занимался у г. Жилля повтореніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ польской исторіи. 10-й и 11-й ч. г. Жуковскій занималъ великаго князя русскимъ языкомъ. Вниманіе во все время было похвальное. Двѣнадцатый, первый и второй часы игралъ въ саду съ дѣтьми полковника Янковскаго; навѣстилъ ихъ величество и дѣлалъ разводъ оловянными солдатами. Послѣ обѣда четвертый, пятый и шестой часы читалъ, рисовалъ и чертилъ. Послѣ чаю ѣздилъ верхомъ въ Люкотовъ, прекрасный загородный домъ г-жи Вансовичъ. Любовался вкусомъ, съ какими меблированы комнаты, и прелестными видами. Въ кабинетѣ ея мы нашли нѣсколько альбомовъ, наполненныхъ ея рисунками, которые смѣлостью очерка принесли бы честь всякому настоящему артисту. Мебель, убранство комнатъ, все говоритъ объ изящномъ вкусѣ милой, любезной, но вѣтренной хозяйки. На 40 году отъ роду развелась она съ Александромъ Потоцкимъ, съ которымъ имѣла 4-хъ дѣтей, дабы выйти замужъ за молодого полковника Вансовича, съ которымъ уѣхала въ чужіе края.

11-го мая. Суббота. Г. Варшава. Великий князь занимался у г. Жилля польскою исторіею, отъ 9 до 11 часовъ у г. Юрьевича

польскимъ языкомъ. Навѣстивъ ихъ величествъ, великій князь осматривалъ обсерваторію и ботаническій садъ. Онъ съ удовольствіемъ разсматривалъ астрономическіе аппараты и родъ телескопа для измѣренія діаметра солнца и луны, который намъ объяснялъ астрономъ г. Аршинскій. Въ ботаническомъ саду прельщался восхитительными видами, съ любопытствомъ разспрашивалъ о нѣкоторыхъ рѣдкихъ растеніяхъ и пробовалъ вино, сдѣланное изъ разведеннаго въ саду винограда. Послѣ обѣда игралъ въ саду съ дѣтьми полковника Янковскаго. Въ 7 часовъ навѣстилъ его высочество Константина Павловича и княгиню Ловичъ. Возвратясь домой, слушалъ музыку лейбъ-гвардіи Волынскаго полка. Великій князь день ото дня болѣе восхищается музыкою. Поведеніемъ его высочества я былъ чрезвычайно доволенъ.

12-го мая. Воскресенье, г. Варшава. Великій князь всталъ въ обыкновенное время, читалъ евангеліе, навѣстилъ ихъ императорскихъ величествъ. Возвратясь къ себѣ, читалъ въ *Dictionnaire historique d'éducation* нѣкоторые анекдоты. Былъ съ ихъ величествами у обѣдни, (въ конно-егерскомъ мундирѣ); послѣ обѣдни возвратился къ себѣ и снова читалъ.

Въ первомъ часу отвелъ я великаго князя во внутренніе покои ихъ величествъ. Въ исходѣ перваго часа государь императоръ и государыня императрица, въ сопровожденіи его высочества наследника, вошли въ тронную, откуда началось шествіе въ назначенную для коронованія залу. Великій князь Александръ Николаевичъ шелъ за ея величествомъ, подавая руку ея высочеству княгинѣ Ловичъ; по лѣвую ихъ сторону шла графиня Заіончикъ, я—въ качествѣ ассистента, по лѣвую сторону графини Замоиской. Великій князь Александръ Николаевичъ, ея высочество княгиня Ловичъ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій и я стояли на небольшой, перилами огражденной, площадкѣ, приготовленной по правую сторону трона. Для коронованія была приготовлена огромная зала сената, въ которой была утверждена конституція 1791 года. Зала была украшена великолѣпно; на одномъ концѣ ея воздвигнутъ былъ тронъ; два кресла стояли на возвышенности подъ балдахиномъ, на коемъ изображены были всѣ гербы Царства Польскаго, а посреди ихъ въ двоеглавомъ орлѣ Россіи большой орелъ Польши. Посреди залы на алтарѣ возвышался крестъ. Вдоль стѣнъ справа, слѣва и противъ трона стояли сенаторы, нунціи и депутаты Царства; надъ ними на балконѣ, поддерживаемомъ колоннами, находились знатныя дамы Варшавы. Глубокое молчаніе водарилось въ собраніи, когда отворились двери палаты и начался торжественный ходъ. Государь явился, предшествуемый сановниками, несущими

регалии, епископами и архіепископомъ и за нимъ государыня императрица уже въ коронѣ и порфирѣ. Когда ихъ величества и всѣ чины заняли назначенныя мѣста и его величество подалъ знакъ архіепископу, тогда сей приблизился и произнесъ молитву, въ коей призывалъ благословіе Неба на священную особу государя. Послѣ сей молитвы, примасъ, произнесъ: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», подалъ его величеству королевскую мантию; императоръ, облекшись оною, спросилъ корону; примасъ, подавая оную его величеству, снова произнесъ: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Когда государь возложилъ на себя корону, тогда примасъ подалъ ему цѣпь ордена Бѣлаго Орла, которую государь императоръ возложилъ на ея величество. Наконецъ государь спросилъ скипетръ и державу; примасъ, вручая оныя, снова произнесъ: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа». Послѣ сего примасъ провозгласилъ три раза: «Vivat Rex in eternum». Въ сію минуту раздался звонъ колоколовъ и 101 выстрѣлъ изъ пушекъ. Духовенство и всѣ присутствовавшіе принесли въ сіе время его величеству поздравленіе троекратнымъ наклоненіемъ головы. Когда звонъ колоколовъ и пушекъ умолкъ, послѣдовало трогательное, разительное, величественное дѣйствіе. Монархъ Россіи и Польши, украшенный вѣнцемъ прародительскимъ, преклонилъ колѣна предъ невидимо присутствующимъ Богомъ и произнесъ за себя и за народъ, въѣремый любви его Промысломъ, слѣдующую молитву:

«Dieu Tout Puissant! Dieu de Mes Pères! Roi des Rois! O Toi qui créa l'univers par Ta divine parole et dont la sagesse infinie forma l'homme, pour gouverner le monde dans la voie de la vérité. Tu m'as appelé à être Roi et juge de la valeureuse nation polonaise. Je reconnais avec un saint respect les effets de Ta céleste bonté envers moi, et en Te rendant grâce, pour Tes bienfaits, je m'humilie en même temps devant Ta divine Majesté. Daignes, o mon Maître et mon Dieu, éclairer mes pas dans cette carrière suprême et diriger mes actions, pour l'accomplissement de cette haute vocation, que la sagesse qui environne Ton Trône soit avec moi. Fais la descendre des Cieux, pour que je sois pénétré de Tes volontés souveraines, et de la vérité de Tes commandements; que mon coeur soit dans Ta main et que je puisse régner pour le bonheur de mes peuples et pour la gloire de Ton Saint Nom, d'après la Charte octroyée par mon Auguste Prédécesseur et déjà jurée par moi, afin que je ne redoute pas de comparaitre devant Toi, au jour de Ton jugement éternel, par la gloire et la miséricorde de Ton divin Fils Jésus Christ, avec Lequel Tu es béni, ainsi qu'avec le Très-clément, Très-Vivifiant, Saint Esprit, jusqu'à la fin des siècles. Amen».

[Переводъ.] „Боже всемогущій! Богъ праотцевъ моихъ! Царь царствующихъ! создавший міръ Божественнымъ словомъ Твоимъ и безконечной мудростью Твоею сотворивый человека, дабы управлять міромъ на пути истины. Ты призвалъ меня быть королемъ и судьей доблестнаго народа польскаго. Съ благоговѣніемъ преклоняюсь предъ Божественной благодатью Твоею и, воздавая Тебѣ хвалу за ниспосылаемые на меня благодѣянія, преклоняюсь предъ величіемъ Твоимъ и молю Тебя, Господь мой и Богъ мой, направь стопы мои на предстоящемъ мнѣ высшемъ поприщѣ, руководи начинаніями моими во исполненіе священнаго призванія моего и даруй мнѣ проблагую мудрость, возсѣдающую у престола Твоего. Ниспосли ее на меня съ Небесъ, дабы я преисполнился святою волею Твоею и истинною заповѣдей Твоихъ. Предаю сердце мое въ руки Твои, даруй мнѣ силы царствовать во благо подданныхъ моихъ и во славу святаго имени Твоего, согласно хартии, дарованной августѣйшимъ предшественникомъ моимъ, и присягѣ, принесенной мною, дабы я не страшился предстать предъ лицомъ Твоимъ въ день страшнаго Твоего суда, славою и милостью Пресвятаго Сына Твоего, Господа Нашега Іисуса Христа; да будетъ благословенно имя Твое съ Нимъ и съ преблагимъ и животворящимъ Духомъ Твоимъ во вѣки вѣковъ. Аминь.“

Лицо государя оживлено было чувствомъ, и твердый голосъ его иногда прерывался отъ сильнаго душевнаго движенія; внимавшіе исполнены были глубокимъ благоговѣніемъ и слезы лились въ отвѣтъ на молитву царскую. За симъ явленіемъ послѣдовало другое, столь же трогательное и величественное: государь, въ коронѣ и порфирѣ съ державою и скипетромъ въ рукахъ, стоялъ одинъ на возвышеніи трона; всѣ присутствовавшіе пали на колѣна, можно сказать, что все Польское Царство, въ лицѣ своихъ представителей, преклонилось предъ своимъ монархомъ. Архіепископъ примасъ произнесъ молитву за царя и за благоденствіе его державы.

Симъ совершенъ обрядъ коронованія.

Примасъ, глубоко поклонясь государю, предшествовалъ ему, въ сопровожденіи духовенства, въ церковь святаго Іоанна, дабы въ дверяхъ оной встрѣтить ихъ величества. Послѣ сего, государь, предшествуемый всѣми сановниками, сопровождаемый сенаторами, нунціями и депутатами, пошелъ въ церковь св. Іоанна, гдѣ воспѣтъ былъ благодарственный молебенъ.

Площадь дворцовая, чрезъ которую шла процессія, кипѣла народомъ. Едва ихъ величества показались въ воротахъ дворца, все всколыхалось, раздались радостные клики «ура!» и «вивать!» Сія огромная туча народа, возвышавшаяся отъ самаго низа площади, до кровель высокихъ домовъ, увѣшанныхъ богатыми коврами, сей громозвучный непрерывный, привѣтственный кликъ, сливавшійся съ колокольнымъ звономъ и громомъ пушекъ, блестящее безоблачное небо, озарявшее царя

торжествующаго и народъ его прославляющій, все это вмѣстѣ составляло картину единственную, восхитительную. День сей останется незабвеннымъ въ лѣтописяхъ Польши. Имъ окончательно утверждено политическое бытіе и на всѣ времена означились предѣлы Царства Польскаго; имъ запечатлѣнъ неразрывный союзъ двухъ соплеменныхъ народовъ; корона Россіи на главѣ польскаго царя есть символъ благотворнаго соединенія. Онъ знаменуетъ, что два народа, разные именемъ, составляютъ отнынѣ одно семейство подѣ сѣнію одной отеческой власти, что два народа, однимъ вождемъ предводимые, братски пойдутъ къ одной цѣли и что общее благо того и другаго должно быть необходимымъ слѣдствіемъ ихъ тѣснаго соединенія.

13-го мая. Понедѣльникъ. Г. Варшава. Великій князь занимался съ г. Жиллемъ, до 9 часовъ писалъ подѣ диктовку. Въ 11 часовъ былъ у развода. Вѣтеръ и холодная погода заставили насъ сидѣть дома; великій князь игралъ оловянными солдатами, читалъ и рисовалъ. Вечеромъ, будучи на большомъ балѣ, танцевалъ со многими дамами, былъ чрезвычайно вѣжливъ и любезенъ со всѣми.

14-го мая. Вторникъ. Г. Варшава. Великій князь занимался у г. Жилля до 11 часовъ, повторяли прежніе уроки, писали подѣ диктовку и читали нѣкоторыя мѣста изъ «*Voûte du jeune Anacharsis en Grèce*». Въ 12 часовъ мы поѣхали съ ея величествомъ въ Вилановъ и служили ей проводниками. Послѣ обѣда мы поѣхали верхами въ Бѣяны, ея величество слѣдовала за нами въ экипажахъ съ дамами. Здѣсь великій князь также былъ ея проводникомъ. День проведенъ очень весело и пріятно. Поведеніемъ великаго князя не могу нахвалиться.

15-го мая. Среда. Г. Варшава. Занимались у г. Жилля чтеніемъ путешествія г. Бельзони въ Египетъ. Чтеніе сіе весьма занимаетъ великаго князя и его товарищей. Навѣстивъ ихъ величества, мы поѣхали въ университетъ, осматривали библіотеку, натуральный и физическій кабинеты, химическую лабораторію и собраніе монетъ и медалей. Библіотека и всѣ сіи кабинеты существуютъ со временъ незабвеннаго Александра; его любви къ наукамъ, его заботливости и милостямъ, университетъ обязанъ теперешнимъ своимъ превосходнымъ состояніемъ. По возвращеніи изъ университета, ѣздили верхомъ въ Лазенки, осматривали дворецъ, выстроенный королемъ Станиславомъ Понятовскимъ. Архитектура и внутреннее убранство комнатъ служатъ доказательствомъ изящнаго вкуса хозяина, просвѣщеннаго, любезнаго человѣка, но слабаго правителя. Покойный императоръ Александръ I

купилъ дворець сей у наслѣдниковъ за 60,000 червонцевъ. Онъ любилъ прелестное его положеніе, живалъ въ немъ въ бытность свою въ Варшавѣ, много, много сладостныхъ, но столько же и горестныхъ мыслей пробуждалось въ ангельскомъ его сердцѣ, при взглядѣ на 1722 годъ, вставленный въ большой, прекрасно отдѣланной столовой,—годъ, въ который дворець оконченъ; вспомнишь невольно, что превратность чело-вѣческой жизни не позволила прежнему хозяину видѣть дворець этотъ оконченнымъ. Амфитеатръ, въ коемъ помѣщаются 1,500 зрителей, и находящаяся напротивъ онаго, на островкѣ, сцена построены съ большимъ вкусомъ. Великимъ княземъ и товарищами его я былъ весьма доволенъ.

16 мая. Четвергъ. Г. Варшава. Г-нъ Жилль продолжалъ читать путешествіе Бельзони. Великій князь и товарищи его слушали со вниманіемъ. Ихъ величества въ сопровожденіи ихъ высочества Константина и Михаила Павловичей, великаго князя наслѣдника, принца Гессенъ-Гомбургскаго и всего генералитета въ часъ пополудни поѣхали на народный праздникъ. У церкви св. Александра государь императоръ, ихъ высочества и вся сопровождавшая ихъ свита съли верхами и, предшествуя экипажу государыни императрицы, продолжали путь къ плацу Уяздовскому, гдѣ данъ былъ народный праздникъ. Лишь только показались ихъ величества, стекшаяся туча народа взволновалась и отъ всѣхъ мѣстъ раздались радостные клики «ура!» и «вивать!» Посреди плаца въ превосходно устроенномъ павильонѣ находились двора ея величества знатныя дамы, кавалеры и иностранные министры. Государь императоръ, объѣхавъ столы и увеселительныя представленія, устроенныя для народа, вошелъ въ павильонъ, далъ сигналъ и народъ кинулся къ столамъ, бочкамъ и фонтанамъ, изъ коихъ лилось вино. Въ нѣсколько минутъ все приготовленное было съѣдено и выпито. Звуки музыки и веселья, клики, безпрестанное волненіе пестрой толпы народа являли восхитительное зрѣлище. Порядокъ и устройство ничѣмъ не были нарушаемы. Едва ихъ величества оставили праздникъ, набѣжала туча, пошелъ дождь, который, однако, не помѣшалъ народу веселиться. Великій князь со мною проскакалъ домой верхомъ и промокъ порядкомъ. Послѣ обѣда великій князь съ своими товарищами и со мною ѣздилъ въ Маримонтъ, гдѣ мы осматривали агрономическій институтъ, въ которомъ 20 сиротъ обучаются на казенномъ содержаніи сельскому хозяйству. На каждаго полагается въ день на содержаніе пять грошей; сверхъ того, обрабатывая огороды, они имѣютъ часто, отъ продаваемыхъ институтомъ овощей, прибавочныя деньги. Обучаются: анатоміи, ветеринар-

ному искусству, химіи, физикѣ и механикѣ, разумѣется столько, насколько для ихъ состоянія потребно. Существованіемъ сего института поляки обязаны въ Бозѣ почившему императору Александру.

17 мая. Пятница. Г. Варшава. Г-нъ Жилль до 9 часовъ продолжалъ читать путешествіе г. Бельзони. Отъ 9 до 10 г. Жуковский повторялъ съ великимъ княземъ и его товарищами прежніе уроки. Какъ г. Жуковский, такъ и г. Жилль были весьма довольны вниманіемъ учащихся. Говоря о человекѣ, великій князь сказалъ:

«Человѣка я сравниваю съ ученикомъ, переходящимъ изъ одного училища въ другое; тотъ изъ учениковъ, который въ низшемъ училищѣ превзойдетъ образованіемъ товарищей, имѣетъ право надѣяться занять въ высшемъ училищѣ почетное мѣсто; человекъ, окончивъ свое нравственное образованіе на землѣ, перейдетъ въ другую жизнь и слѣдовательно тамъ займетъ мѣсто по достоинству».

Мы не могли не похвалить сравненія великаго князя и не удивиться его ясному и здравому уму.

Испросивъ позволеніе у его высочества Константина Павловича, мы навѣстили апликаціонную школу. Въ этомъ заведеніи, состоящемъ изъ 24 молодыхъ людей, находятся тѣ изъ воспитанниковъ калишскаго кадетскаго корпуса, которые исключительно желаютъ себя посвятить инженерному искусству. Мы видѣли превосходный физическій, химическій и минералогическій кабинеты и много отлично начерченныхъ ситуаціонныхъ и фортификаціонныхъ чертежей и плановъ. Все кажется хорошо, но одно постановленіе для меня непонятно. Въ продолженіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, времени столь драгоценномъ для каждаго воспитанника, вмѣсто того, чтобы употреблять на пріученіе молодыхъ людей къ практическимъ занятіямъ, производящимся въ крѣпостяхъ, ихъ рассылаютъ по пѣхотнымъ полкамъ, гдѣ они безъ всякаго надзора живутъ между солдатами и, вѣроятно, забываютъ то, чему въ зимніе мѣсяцы выучились теоретически.

Послѣ обѣда его высочество великій князь провожалъ верхомъ ея величество государыню императрицу въ Мокотовъ. Ея величество была въ восхищеніи отъ сего прелестнаго загороднаго домика.

18 мая. Суббота. Г. Варшава. Гг. Жуковский, Жилль, Юрьевичъ, Погаржанскій, Віельгорскій и Паткуль отправились въ 9 часовъ утра въ Ельсь. Александръ Николаевичъ поѣхалъ на ученые гвардейской кавалерійской дивизіи, бывшее за Мокотовскою заставою. Надо отдать справедливость симъ полкамъ; они доведены до возможной степени совершенства; всѣ движенія производятся съ необыкновенною

точностью и быстротою. Великій князь писалъ письмо къ великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ, къ г. Коллинцу и г. Рейнгольду. Мы ѣздили съ нимъ гулять въ лагерь.

— «Однакожь я долженъ вамъ признаться, что мнѣ безъ Вильгортскаго и Паткуля скучно», сказалъ мнѣ великій князь.

— Вамъ бы еще было скучнѣе, если бы вы все время послѣ обѣда не употребили столь пріятнымъ образомъ».

— «О, когда я занимаюсь, мнѣ никогда скучно не бываетъ, но вотъ теперь, когда бы хотѣлось побѣгать, чувствую одиночество».

Мы сдѣлали весьма пріятную прогулку, любовались милыми садиками и прекрасными тополями.

19 мая. Воскресенье. Г. Варшава. Великій князь Александръ Николаевичъ явился отъ своего полка къ государю императору на ординарцы. Всѣ присутствовавшіе удивлялись его расторопности и искусству въ верховой ѣздѣ. Онъ заставлялъ лошадь на галопѣ мѣнять ноги съ такимъ же искусствомъ, какъ расторопнѣйшій офицеръ.

Въ 12 часовъ былъ у обѣдни. Послѣ обѣда ѣздили верхомъ въ Прагу; возвратясь, великій князь пробовалъ, подведенную ему графомъ Браницкимъ, гнѣдую лошадь арабской породы, которая ему до чрезвычайности понравилась, почему и прозвана Монтрезоромъ.

Вечеромъ посѣтилъ съ ихъ величествами театръ, въ которомъ представлена была опера, написанная на случай; въ ней выведены были на сцену краковяки съ народною ихъ пляскою и пѣніемъ. Театръ былъ наполненъ зрителями, привѣтствовавшими царя своего радостными кликами. Принцъ Вильгельмъ пріѣхалъ въ Варшаву съ извѣстіемъ о болѣзни короля, что разстроило назначенное съ нимъ свиданіе въ Сибилень-Ортъ, близъ Бреславля. Извѣстіе это крайне огорчило великаго князя, горѣвшаго желаніемъ видѣть своего дѣдушку.

20 мая. Понедѣльникъ. Г. Варшава. Великій князь присутствовалъ при ученіи всей пѣхоты, бывшемъ на плацу передъ лагеремъ.

Возвращаясь съ ученья, осматривалъ арсеналь, любовался украшеніями, весьма искусно сдѣланными изъ оружія, и установкою ружей.

Остальное время дня писалъ наизусть выученную французскую басню и читалъ путешествіе капитана Кука.

21 мая. Вторникъ. Въ 9 часовъ великій князь ѣздитъ поздравлять его императорское высочество великаго князя Константина Павловича съ днемъ его тезоименитства. Въ мундирѣ польскаго гренадерскаго полка, во время парада занималъ мѣсто офицера, отдѣля-

ющаго знаменныя ряды; когда парадъ былъ разсчитанъ по карауламъ, проходилъ церемональнымъ маршемъ мимо государя императора, командуя вторымъ взводомъ дворцоваго караула.

Замѣчательно было съ какою ловкостью и достоинствомъ великій князь исполнялъ свою обязанность. Всѣ до одного, казалось, имъ восхищались. Возвратясь къ себѣ, великій князь имѣлъ удовольствіе узнать отъ государыни императрицы, что онъ ее сопровождаетъ въ Бреславль. Покуда великій князь былъ у обѣдни, я приказалъ уложить вещи и мы въ часъ оставили Варшаву. Время было самое неприятное: дождь, градъ и ужасный вѣтеръ намъ сопутствовали. Въ 10 часовъ мы прибыли въ Кутно и ночевали у помѣщика Лещинскаго.

22 мая. Среда. Выѣхали изъ Кутно въ 7 часовъ, дождь пересталъ, но холодный, порывистый вѣтеръ продолжался до самаго вечера. Обѣдали на станціи Турекъ. Въ Калишѣ встрѣчены были толпою народа; пламенное желаніе видѣть свою королеву заставило большую часть бѣжать за городъ, въ полторы версты отъ коего находился польскій конно-егерскій полкъ ея величества, выстроенный по лѣвой сторонѣ дороги. Едва государыня изволила приблизиться, раздалось громгласное ура! Народъ тѣснился къ экипажу въ такомъ множествѣ, что не было никакой возможности пробраться къ оному. Въ Закревковѣ встрѣтилъ ея величество флигель-адъютантъ короля, г. Тюмень. Въ Островѣ встрѣчены мы генераломъ Рогдеромъ, командующимъ корпусомъ, расположеннымъ въ Познанскомъ герцогствѣ. Здѣсь мы видѣли эскадронъ 7 гусарскаго полка, выстроенный на площади и одѣтый въ полную парадную формѣ. Въ 8 часовъ вечера пріѣхали въ Антонинъ, прелестный охотничій домъ князя Антона Радзивила. Домъ сей имѣетъ видъ восьмиугольника, четыре стѣны онаго съ большими окнами даютъ свѣтъ огромной залѣ, посреди коей находится печь, идущая отъ фундамента до самаго верха дома и украшенная оленьими головами; изъ залы четверо дверей, находящихся въ другихъ четырехъ стѣнахъ, ведущихъ въ различныя отдѣленія, прекрасно устроенныя. Хозяинъ и хозяйка, лучше сказать все семейство, чрезвычайно милы и ласковы; они не могли нарадоваться его высочествомъ великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ; онъ, съ своей стороны, былъ весьма любезенъ, говорилъ и обращался съ ними какъ съ людьми, давно ему знакомыми.

23 мая. Четвергъ. Провели ночь весьма спокойно. Великій князь ѣздилъ съ хозяиномъ въ звѣринецъ, гдѣ видѣлъ множество оленей. Все утро проведено въ кругу милаго, любезнаго семейства. Послѣ

обѣда въ часъ пополудни оставили Антонинъ. Въ 8 часовъ пріѣхали въ Сибилень-Ортъ. Кирасирскій его величества государя императора Николая полкъ стоялъ въ парадѣ. Командующій генераль Цитенъ предложилъ великому князю проѣхать по фронту. Всѣ удивлялись ловкости и смѣлости, съ коими онъ управлялъ лошадей, вовсе ему неизвѣстною.

Старинный замокъ Сибилень-Ортъ принадлежитъ герцогу Емъ.

За ужиномъ находились всѣ гг. офицеры кирасирскаго полка и всѣ чиновники, назначенные для встрѣчи ихъ величествъ. Великій князь былъ разговорчивъ и со всѣми чрезвычайно любезенъ.

24 мая. Пятница. Гринебергъ. Въ 7 часовъ, простясь съ ихъ высочествами, княземъ и княгинею, и всѣмъ ихъ почтеннымъ семействомъ, равно и всѣми гг. офицерами кирасирскаго полка, мы отправились въ дальнѣйшій путь. Великій князь былъ внѣ себя отъ радости, узнавъ, что государь императоръ въ 3^{3/4} часа ночи изволилъ пріѣхать въ Сибилень-Ортъ и встрѣтить ея величество въ Гринебергѣ.

Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Любенъ; великій князь удивлялся восторгу жителей деревень и мѣстечекъ, съ какимъ его вездѣ встрѣчали. Въ 8 часовъ мы прибыли въ Гринебергъ, гдѣ имѣли удовольствіе быть встрѣчены государемъ императоромъ, котораго, всѣ до пріѣзда нашего, принимали за графа Бенкендорфа.

25 мая. Суббота. Берлинъ. Въ 7 часовъ мы оставили Гринебергъ, въ часъ пріѣхали во Франкфуртъ, здѣсь встрѣчены были ихъ высочествами наслѣднымъ принцемъ, принцами Карломъ и Альбертомъ. Минута свиданія была трогательна; радость была изображена на всѣхъ лицахъ; эта сцена была истинно семейная; въ домѣ, гдѣ ихъ величества обѣдали, собрались дѣвицы, дочери именитыхъ франкфуртскихъ гражданъ, и поднесли ея величеству вѣнокъ изъ цвѣтовъ; одна изъ нихъ произнесла стихи, въ коихъ выражены чувства радости жителей Франкфурта, видѣть въ стѣнахъ своихъ благословенную чету и столь достойную дочь незабвенной матери, всѣми любимой, въ Божѣ почившей королевы. Всѣ дома улицы, по которой мы проѣзжали, были украшены цвѣтами и зеленью.

Въ Франкфуртѣ ея величество изволила сѣсть въ карету съ наслѣднымъ принцемъ, государь императоръ съ принцемъ Карломъ, великій князь съ принцемъ Альбертомъ, а я съ графинею Орловой. Не доѣзжая Берлина, въ три четверти мили, его величество король изволилъ дожидаться пріѣзда ихъ величествъ въ деревнѣ Фридрихъ-Фельденъ; восторгъ сладостнаго свиданія превосходить всякое описаніе.

Его величество король былъ до чрезвычайности растроганъ. Какая радость была для дѣдушки увидѣть такого прелестнаго внука. Здѣсь всѣ пересѣли въ прекрасные придворные экипажи; вся дорога отъ Фридрихъ-Фельдена до Берлина была усыяна берлинскими жителями, выѣхавшими и вышедшими на встрѣчу августѣйшимъ путешественникамъ. Въ самомъ городѣ была бездна народу на улицахъ, всѣ окна домовъ были унизаны зрителями, радостные клики раздавались отовсюду.

Не встрѣчалось лица, на которое бы не выразилось чувство чистой, сердечной радости.

Но минута, въ которую государь и король, вышедши на балконъ, передъ всѣмъ собраннымъ на площади народомъ обняли другъ друга, была самая трогательная. Всѣ клики слились въ одинъ гулъ, всѣ другъ друга обнимали, махали шапками и единодушно раздѣляли радость и восторгъ нѣжно любимаго ими отца отечества. Я стоялъ какъ вкопанный и въ умиленіи сердца проливалъ слезы. Не помню сладостнѣйшихъ слезъ и лучшихъ ощущеній.

26 мая. Воскресенье. Берлинъ. Утромъ въ 10 часовъ великій князь поѣхалъ съ государыней императрицей къ королю, гдѣ слушалъ богослуженіе въ королевской домашней церкви. Въ 11 часовъ былъ у обѣдни, въ 2 часа кушалъ за королевскимъ столомъ, въ 6 часовъ былъ въ театрѣ, гдѣ давали оперу: «Нѣмая изъ Португи». Декораци, музыка и актеры превосходны; великій князь восхищался болѣе всего послѣднею декорациею, представлявшею изверженіе Везувія. Жители Берлина обворожили меня своею привязанностію къ королевскому дому.

27 мая. Понедѣльникъ. Берлинъ. Его высочество великій князь провелъ утро у короля. Въ 11 часовъ былъ на парадѣ, верхомъ, въ казацкомъ мундирѣ. Парадъ былъ не хуже петербургскихъ; послѣ обѣда въ 4 часа мы отправились въ Потсдамъ. Вечеромъ были въ театрѣ, давали три пьесы, въ послѣдней великій князь много смѣялся.

28-го мая. Вторникъ. Потсдамъ. Въ 9 часовъ мы были на парадѣ войскъ, въ Потсдамѣ расположенныхъ; онъ былъ также удаченъ, какъ бывший въ Берлинѣ. Посѣтили комнаты Фридриха Великаго, гдѣ вся мебель и библиотека сохраняются въ томъ же порядкѣ, какъ находились при его жизни. Были въ Сансуси, видѣли извѣстную мельницу и любовались прелестнымъ видомъ предъ террасою; въ комнатѣ, гдѣ Фридрихъ Великій, взглянувъ въ послѣдній разъ на солнце, сказалъ: «нѣсколько часовъ, и я къ тебѣ приближусь». Мы видѣли часы, оставившіяся въ минуту его смерти и до сихъ поръ оную указывающіе.

Время не дозволило намъ осмотрѣть извѣстную картинную галерею. Къ обѣду пожаловала принцесса Августа. Вечеромъ въ 9 часовъ пожаловала ея выс. великая княгиня Марія Павловна. День сей проведенъ въ ожиданіяхъ, но не смотря на то мы успѣли осмотрѣть новый дворецъ, выстроенный Фридрихомъ Великимъ послѣ семилѣтней войны; были въ комнатахъ, въ которыхъ жила государыня императрица, будучи принцессою. Видѣли монументъ покойной королевы; славный Раухъ трудился надъ нимъ въ тайнѣ 10 лѣтъ. Памятникъ этотъ есть копія съ колоссальнаго монумента, симъ же художникомъ исполненнаго и находящагося въ Шарлоттенбургѣ.

29-го мая. Среда. Потсдамъ. Въ 6 часовъ утра пошли поклониться гробу Фридриха Великаго; онъ находится возлѣ гроба Фридриха Вильгельма I въ церкви Потсдамскаго гарнизона, Garnisons-Kirche. Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія стояли мы въ молчаніи надъ прахомъ Великаго Фридриха, духомъ коего до сихъ поръ управляется Пруссія. Въ церкви на стѣнахъ повѣшены доски, на которыхъ написаны имена воиновъ, въ составѣ гвардіи находившихся, въ отечественную войну живость свой положившихъ и въ особенности мужествомъ отличившихся. На одной изъ досокъ сихъ великій князь написалъ, для памяти, на краю свое имя. Оставивъ церковь, мы поѣхали на Браугаузбергъ, взошли на бельведеръ и любовались восхитительнымъ видомъ Потсдама. Великій князь присутствовалъ при парадѣ войскъ, въ Потсдамѣ квартирующихъ. Послѣ парада ихъ вел., принцы, принцессы и весь дворъ ѣздили въ легкихъ экипажахъ по потсдамскимъ садамъ. Были въ русской Александровской колоніи, остановились и присутствовали при освященіи вновь строящейся здѣсь греко-россійской церкви.

Послѣ обѣда ихъ вел. и весь дворъ, возвращаясь въ Берлинъ, заѣзжали въ Глинке, небольшой, но прелестный дворецъ принца Карла, на берегу Гавеля; великій князь получилъ позволеніе осмотрѣть Пфауенизель, по своему мѣстоположенію восхитительный островъ, — любимое мѣстопребываніе короля. Здѣсь мы видѣли превосходный звѣринецъ, съ множествомъ рѣзнаго рода рѣдкихъ звѣрей и птицъ. Великій князь съ большимъ вниманіемъ все разсматривалъ; увидавъ двухъ большихъ медвѣдей, сказалъ: «вотъ наши земляки».

По возвращеніи нашемъ въ Берлинъ, е. в. король поздравилъ великаго князя шефомъ 3-го уланскаго полка; таковое вниманіе е. в. принесло е. выс. неизъяснимое удовольствіе. Въ тотъ же вечеръ великій князь получилъ отъ е. в. короля полный мундиръ сего полка. Надѣвъ оный, е. выс. отправился къ ихъ величествамъ.

К. К. Мердеръ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ВОЙНА СЪ ПОЛЬСКИМИ МЯТЕЖНИКАМИ 1831 ГОДА

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ
Забалканскимъ.

XXXI ¹⁾.

Императоръ Николай — графу Дибичу.

С. Петербургъ, 8 го (20-го) февраля 1831 г.

(Переводъ съ французскаго). Отвѣчаю, любезный другъ, на два ваши письма отъ 28-го января и 1-го февраля; первое я получилъ третьяго дня, а второе сегодня въ три часа. Я былъ прискорбно изумленъ, узнавъ о поражени Гейсмара; я не могу никакъ понять, какимъ образомъ летучій кавалерійскій отрядъ могъ быть застигнутъ врасплохъ съ тыла (à dos), да еще пѣхотою; еще менѣе понятно для меня, какимъ образомъ, имѣя 24 эскадрона и 24 конныхъ орудія, возможно отступить передъ 16 эскадронами и 8 орудіями; все это весьма плачевно какъ по причинамъ, такъ и по послѣдствіямъ. Я убѣжденъ, что вы сумѣете распознать правду отъ лжи и накажете трусовъ со всею военною строгостью. Постарайтесь, чтобы эти самые полки, какъ можно скорѣе, смыли въ непріятельской крови позоръ, которымъ они себя покрыли, и объявите всѣмъ на отрѣзъ, что я не признаю въ нихъ болѣе русскихъ, если они не заглядятъ свою вину блистательнымъ образомъ. Стычка, которую имѣлъ авангардъ Розена, также заслуживаетъ, по моему мнѣнію, величайшаго вашего вниманія; не слѣдуетъ давать бить себя по частямъ, это деморализируетъ наше войско и уве-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XII, январь, стр. 93—122, февраль, стр. 381—400; т. XIII, июль, стр. 149—156, августъ, стр. 331—340, сентябрь, стр. 529—544.

личиваетъ высокомѣрие непріятеля. Я весьма радъ видѣть, по крайней мѣрѣ, во всемъ этомъ примѣръ добросовѣстнаго исполненія долга со стороны житомирскаго баталіона; но какимъ образомъ очутился онъ одинъ и безъ артиллеріи. Мнѣ кажется, что, имѣя 200 пушекъ, довольно странно видѣть повсюду орудія у непріятеля и не имѣть ихъ самому тамъ, гдѣ они необходимы. Еще разъ умоляю васъ, будьте осторожны, идите навѣрняка и не разсѣвайтесь; вы уже лишили себя 22-хъ баталіоновъ и 60-ти орудій, дѣятельность которыхъ кажется мнѣ парализованною безо всякой пользы; развѣ вы предпишете Шаховскому маневрировать такимъ образомъ, чтобы непріятель могъ предположить, будто вы приказали ему переправиться черезъ Наревъ и Вислу.

Судя по письму Гейсмера и въ особенности по тому направленію, откуда явился отрядъ, атаковавшій его, также по имени его командира, можно думать, что это блестящее дѣло совершено 3-мя дивизіями, сформированными Дверницкимъ въ Радомѣ; оно весьма почетно для этого молодого войска, но за то тѣмъ болѣе постыдно для нашихъ конныхъ егерей.

Я опасаюсь теперь какой нибудь глупости со стороны Крейда, зная, какъ недовѣрчиво онъ относится къ своимъ подчиненнымъ. Впрочемъ, вамъ извѣстно, что я былъ чрезвычайно недоволенъ этимъ корпусомъ, когда я осматривалъ его лѣтомъ въ Козелецѣ. Помните разъ навсегда: никакой пощады трусамъ, какого бы чина они не были.

Я полагаю, что вы не оставите теперь болѣе вашего резерва на лѣвомъ флангѣ, но дадите ему настоящее его назначеніе.

Я не отвѣчаю на ваши предположенія относительно гвардіи, такъ какъ, не убивъ медвѣдя, кожи не продаютъ; когда вы овладѣете странною, то будетъ еще время воспользоваться этимъ корпусомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы говорите. Судя по тому, что вы пишете мнѣ, я считаю, что вы находитесь передъ Варшавою, но мнѣ любопытно знать, что вы тамъ станете дѣлать? Если непріятель счумѣлъ отказать отъ сраженія въ открытомъ полѣ, гдѣ численное превосходство почти навѣрное обезпечивало за вами успѣхъ, то какое преимущество будете вы имѣть тогда, когда онъ спрячется за окопы? Можетъ быть, вы пожелаете сдѣлать вторую попытку взять приступомъ Прагу? Я не вижу въ этомъ никакой выгоды! Слѣдовательно, что же остается дѣлать? Мнѣ кажется, какъ я уже неоднократно говорилъ вамъ, что, обойдя Варшаву и отрѣзавъ ее такимъ образомъ отъ всѣхъ физическихъ и нравственныхъ средствъ, т. е. прервавъ этимъ всѣ ея сношенія съ Европою, вы вынудите вѣроятно армію выйти изъ города и дать вамъ сраженіе, при чемъ всѣ выгоды будутъ на вашей сторонѣ; побѣдивъ и разстроивъ эту армію, Варшава будетъ въ вашихъ рукахъ, а слѣдова-

тельно и Польша будетъ покорена. Весь вопросъ въ томъ, гдѣ именно переправиться черезъ Вислу? Весьма выгодно было бы переправиться ниже Варшавы между Модлиномъ и городомъ, вслѣдствіе близости Яблоннаго шоссе, но при этомъ вы рискуете, что ваши мосты легко могутъ быть снесены всѣмъ тѣмъ, что будетъ пущено по Вислѣ; переправа выше города въ какомъ нибудь пунктѣ, по близости отъ него, не представляетъ этого неудобства, но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ сначала вытребовать Шаховскаго и оставить что нибудь передъ Модлиномъ; тогда я полагаю, что, оставивъ дивизію пѣхоты и дивизію кавалеріи въ окопахъ передъ Прагою, для охраны лѣсовъ и ущельевъ и для того, чтобы окружить такимъ образомъ съ этой стороны Варшаву, слѣдуетъ переправиться СО ВСѢМЪ войскомъ разомъ, разославъ по всей странѣ кавалерійскіе разъѣзды съ цѣлью отрѣзать неприятелю всякое сообщеніе, а равно и съ тѣмъ, чтобы запаслись съѣстными припасами, что по ту сторону рѣки будетъ съ каждымъ днемъ все труднѣе. Вотъ мое мнѣніе, теперь же дѣлайте, какъ знаете, но повторяю: будьте осторожны и постоянны въ принимаемыхъ вами рѣшеніяхъ. Долгая стоянка передъ Прагою можетъ быть гибельна во всевозможныхъ отношеніяхъ и была бы хуже стоянки подъ Шумлою.

Вѣроятно, вы съ грустью узнали о кончинѣ храбраго Потемкина; я искренно сожалѣю его; онъ всегда прекрасно исполнялъ свою обязанность и былъ человѣкъ надежный. Я посылаю завтра на его мѣсто Левашова; надѣюсь, что мы будемъ довольны имъ; онъ принялъ свое назначеніе, высказавъ большое недовѣріе къ своимъ способностямъ, но за это я еще болѣе уважаю его.

9-го (21-го).—Извѣстія, полученныя изъ Берлина, сообщили намъ извѣстія изъ Варшавы до 28-го по ст. ст. Воодушевленіе достигло въ ней, повидимому, высшей степени, хотя люди благоразумные предвидятъ вѣроятный результатъ борьбы. Всѣ войска выступили, осталась только одна національная гвардія. Варшава была объявлена въ осажденномъ положеніи и избрана коммисія для того, чтобы руководить внутренней обороной. Городъ снабженъ, повидимому, продовольствіемъ на 4 мѣсяца. Хлопицкій отправился къ арміи въ качествѣ волонтера.

Герцогъ Немурскій былъ избранъ бельгійцами королемъ на престолъ, но король французовъ официально отказался признать его; этотъ поступокъ дѣлаетъ ему честь, но посмотримъ, будетъ ли онъ въ состояніи настоять на своемъ, т. е. противиться партіи, подстрекающей къ войнѣ.

Не могу высказать, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю отъ васъ извѣстій; вы легко поймете это, подумавъ, какая важная обязанность лежитъ на васъ и на нашихъ храбрыхъ войскахъ.

Мнѣ приходитъ на мысль, что можетъ быть въ эту самую минуту все рѣшается и дѣло идетъ не только объ успѣхѣ непосредственно сраженія, но о спокойствіи міра! Да поможетъ вамъ всемілостивый Господь, да вдохновитъ Онъ васъ и вложить въ сердца всѣхъ сознание долга, которымъ проникнуты нѣкоторые, какъ мнѣ извѣстно. Мои дальнѣйшія мѣропріятія будутъ обусловлены результатомъ вашихъ дѣйствій.

Надѣюсь, что болѣзнь моего брата не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій. Кланяйтесь Толю, Нейтгарду, Палену и Розену; передайте Гейсмару, чтобы онъ не забывалъ того, что я ему сказалъ и что я еще надѣюсь, что онъ счумѣетъ смыть пятно, легшее на побѣдителя Бойлешти (Boyleschty). Что же касается конныхъ егерей, то прошу учинить надъ ними быстрое и строгое правосудіе и придать этому дѣлу возможную гласность.

Жена моя кланяется вамъ; прощайте, любезный другъ, да руководить вами и направить васъ Господь.

Вамъ навсегда душою и сердцемъ искренно преданный Николай.

S.-Petersbourg, le 8 (20) Février 1831

Je reponds, mon cher ami, à vos deux lettres du 28 Janvier et 1 Février; la première m'est arrivée avant hier et la seconde aujourd'hui à trois heures. J'ai été peniblement surpris d'apprendre l'échec de Geismar; je ne puis trop comprendre comment un corps volant de cavalerie ait pu se faire surprendre à dos, et par de l'infanterie, et encore moins comment ayant 24 escadrons et 24 pièces à cheval on lache pied devant 16 escadrons et 8 pièces; tout cela est pitoiable et par sa cause et par ses effets. Je suis persuadé que vous saurez démêler le vrai du faux, et que vous punirez les lâches avec toute la rigueur militaire. Tachez de faire laver dans le sang ennemi la honte dont se sont couverts les régiments, par ces mêmes régiments et le plutôt possible et déclarez net à tous que je ne les reconnaitrai plus pour des russes, s'ils ne réparent leur faute d'une manière éclatante. L'échafourée de l'avant-garde de Rosen me paraît aussi mériter toute votre attention; il ne faut pas vous laisser battre en détail, cela démoralise notre troupe et cela relève l'arrogance ennemie. Je suis charmé de voir dans tout cela du moins un exemple de devoir bien rempli par le bataillon de Jitomir; mais comment s'est-il trouvé seul et sans artillerie; il me paraît qu'avec 200 canons il est assez extraordinaire d'en voir à l'ennemi partout et en manquer soi-même là où il est urgent d'en avoir. Je vous conjure encore, soyez prudent; allez

au sûr et ne vous éparpillez pas; déjà vous vous êtes privé de 22 bataillon et de 60 pièces, qui jusqu'à présent me paraissent paralysés pour rien, à moins que vous n'intimiez à Schahofskoy de manoeuvrer de façon à faire supposer à l'ennemi que vous lui ferez passer le Naref et la Vistule.

D'après la lettre de Geismar et surtout la direction par laquelle le détachement est venu l'attaquer et le nom de son commandant, il paraît que ce sont les 3 divisions formés par Dwernitsky à Radom, qui ont fait ce brillant coup, qui fort honorable pour une aussi jeune troupe, est d'autant plus honteux pour les chasseurs à cheval.

Je crains maintenant quelque bêtise chez Kreutz vu le peu de confiance qu'il met aussi dans les sous-ordres. Vous savez au reste que j'ai été fort mécontent de ce corps cet été en le voyant à Kozélet. Une fois pour tout point de quartier pour les lâches, de quel grades qu'ils soient.

Je suppose que maintenant vous ne laisserez plus votre réserve à votre gauche et que vous l'aurez fait revenir à sa vraie destination.

Je ne reponds pas à vos projets pour les gardes, car vous paraissez la peau de l'ours avant de l'avoir; quand vous serez maître du pays alors il sera temps de disposer de ce corps dans le sens dans lequel vous en parlez. D'après ce que vous me dites, je vous crois maintenant devant Varsovie, mais je me demande ce que vous y ferez? Une fois que l'ennemi a su se refuser à un combat en rase campagne, où le nombre vous assurait un avantage probable et qu'il se sera renfermé dans les retranchements, quel avantage aurez vous? Voulez vous faire le second volume de l'assaut de Praga? je n'y vois rien d'avantageux! Ainsi que reste-t-il à faire? Il me paraît, comme je vous l'ai toujours dit, qu'en tournant Varsovie et en l'isolant ainsi de tous les moyens physiques et moraux, c. à. d. en la privant par là de ses relations avec l'Europe; vous forcerez probablement l'armée à sortir et venir vous offrir le combat où toute chance de succès est pour vous, et cette armée tombée, détruite Varsovie est à vous et par conséquent la Pologne soumise. La question est de savoir où passer la Vistule. Au dessous de Varsovie entre Modlin et la ville serait avantageux, à cause de la proximité de la chaussée de Jablonna, mais vous risquez d'avoir vos ponts coupés aisément, par tout ce que l'on ferait flotter par la Vistule; au dessus de la ville dans quelque point, rapproché de la ville, n'a pas le même inconvénient; mais alors il faut attirer d'abord à soi Schahofskoy et laisser quelque chose devant Modlin, et alors je suppose qu'en laissant une division d'infanterie et une de cavalerie retranchées devant Praga pour tenir les bois et les défilés

et cerner ainsi ce côté de Varsovie, passer avec TOUT à la fois et faire battre le pays par la cavalerie légère tant pour couper toute communication que pour se ravitailler, ce qui deviendra de jour en jour plus difficile de l'autre côté de la rivière. Voilà ma confession de foi. Maintenant faites ce que vous voulez, mais je vous répète prudence et constance dans vos résolutions. Un long séjour devant Praga serait fatal sous tous les rapports possibles et serait pire que celui de Schoumla.

Vous aurez appris avec peine la mort du brave Potemkin; je le regrette sincèrement; il fesait parfaitement bien là où il se trouvait et c'était un homme sûr. J'y envoie demain Levachof; j'espère que nous en serons contents; il y va avec grande méfiance de ses moyens, mais je ne l'en estime que plus pour cela.

Le 9 (21). Des nouvelles de Berlin nous ont porté des nouvelles de Varsovie jusqu'au 28 v. s. Il paraît que l'enthousiasme y était à son comble, quoique les gens sages prévoient le résultat probable de la lutte. Toutes les troupes étaient sorties, et il n'y avait plus que la garde nationale. Varsovie était déclaré en état de siège, et une commission nommée pour en diriger la défense intérieure. La ville doit être approvisionnée pour 4 mois. Chlopitski est parti pour l'armée comme volontaire.

Le duc de Nemours a été élu roi par les belges, mais solennellement refusé par le roi des français; voilà un acte qui lui fait honneur, mais voyons s'il pourra persévérer, c. à. d. résister au parti qui pousse à la guerre.

Vous dire avec quelle impatience j'attends vos nouvelles n'est pas à décrire, et vous le comprendrez aisément en songeant à la gravité immense de ce qui repose sur vous et sur nos braves troupes.

Je me dis que dans ce moment tout se décide et il ne s'agit pas seulement du succès de l'opération directe, il s'agit du repos du monde. Que Dieu dans sa miséricorde vous aide, vous inspire et passe dans le coeur de tous le sentiment du devoir que je connais à quelques uns. Le résultat obtenu décidera de mon rôle.

J'espère que l'incomodité de mon frère n'aura pas eu de conséquence. Mille choses à Toll, Neithardt, Pahlen et Rosen; dites à Geismar qu'il se rappelle ce que je lui ai dit, et que j'espère encore qu'il saura laver la tache qui salit le vainqueur de Boyleschty. Quant aux chasseurs à cheval—justice, severe et prompte, et la plus grande publicité.

Ma femme vous dit mille choses; adieu, mon cher ami, que Dieu vous guide et vous inspire.

A vous pour la vie et de coeur et d'âme votre sincèrement affectonné Nicolas.

XXXII.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Милосны, 8-го февраля 1831 г.

(Переводъ съ французскаго). Ваше величество, позвольте мнѣ прибавить къ моему письму еще нѣсколько словъ. Вчерашнее дѣло было чрезвычайно кровопролитное и я боюсь, что въ моемъ донесеніи я показалъ уронъ съ той и другой стороны менѣе, нежели онъ есть въ дѣйствительности.

Всѣ войска дрались съ примѣрною храбростью; 6-ой корпусъ превзошелъ даже, въ особенности 5-го числа, 1-й корпусъ.

Духъ, господствующій въ этомъ корпусѣ, дѣлаеть большую честь Розену; е. выс. былъ въ дѣлѣ 5-го числа, но 6-го и 7-го его войска не принимали участія въ сраженіи.

Украинскіе уланы, одинъ полкъ передъ другимъ, старались превзойти другъ друга; это отборное войско, точно также какъ наши храбрые гренандеры, которые участвовали 5-го числа весьма мало въ дѣлѣ, въ колоннѣ лѣваго фланга, но выказали при этомъ храбрость вполне достойную ихъ; уронъ ихъ весьма ничтожный. Изъ гвардіи дѣйствовали съ гренандерами только 4 бывшія прусскія орудія, также исполнившія свой долгъ превосходно.

Кирасиры не были въ дѣлѣ; они замѣчательно красивы и свидѣтельствуютъ о заслугахъ Витта. Весьма неровная мѣстность и близость къ Прагѣ не дали мнѣ возможности продолжать битву 7-го числа, такъ какъ войска едва могли подходить къ намъ черезъ Милосненскія ущелья. Вслѣдствіе этого у насъ не будетъ трофей, но главное то, что мы побили мятежниковъ, которые выказали большую храбрость.

Я счелъ долгомъ потребовать у штабъ-офицеровъ бывшаго гвардейскаго полка (*régiment de la ci-devant garde*) обратно ихъ пряжки за непорочную службу. Честь имѣю препроводить ихъ при настоящемъ письмѣ.

Всѣ наши генералы порядочно поплатились. Говорятъ, что и со стороны мятежниковъ ихъ ранено нѣсколько человекъ. Изъ нашихъ во главѣ всегда стоитъ Толь, точно также какъ Розень и Палень. Сухозанетъ дѣйствовалъ превосходно, а въ числѣ самыхъ выдающихся во всѣхъ отношеніяхъ я долженъ назвать Нейтгарда, Горчакова и Сакена прекраснаго во всѣхъ отношеніяхъ. Всѣ они не имѣютъ одинаковую способность хорошо расположить свое войско и въ особенности

артиллерію. Князь Лопухинъ, человѣкъ весьма усердный и храбрый, не можетъ быть хорошимъ начальникомъ авангарда. Онъ подвергнулъ насъ вчера опасности понести пораженіе, которое было предотвращено лишь личными усиліями и прибытіемъ 2-й дивизіи, которой я самъ приказалъ двинуться впередъ съ того мѣста, гдѣ графъ Паленъ оставилъ ее слишкомъ далеко, растянувъ эшелонами.

Извините меня, государь, за безпорядочное изложеніе этого письма и даже моихъ донесеній, но мы всѣ въ высшей степени измучены, въ особенности я, такъ какъ къ несчастію я все еще страдаю разстройствомъ нервъ, слѣдствіемъ восточныхъ лихорадокъ и можетъ быть нравственныхъ потрясеній, которыя мы, по человѣческой слабости, не можемъ переносить съ тою покорностью, которую предписываетъ намъ наша святая вѣра.

Въ настоящее время одна ночь, проведенная спокойно, можетъ возстановить наши силы. Сейчасъ я получилъ извѣстіе, что Висла вскрылась. Я еще не могу теперь предвидѣть всѣхъ послѣдствій этого событія, но во всякомъ случаѣ они будутъ въ нашу пользу.

Соблаговолите, государь, повергнуть мое глубочайшее почтеніе къ стопамъ е. в. государыни императрицы и соблаговолите принять изъясненіе глубочайшей преданности и благодарности, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всепокорнѣйшій и всенижайшій гр. И. Дибичъ-Забалканскій.

XXXIII.

Миросна, 12-го февраля 1831 г.

Ваше величество, давъ войскамъ роздыхъ, столь необходимый для нихъ, я самъ произвелъ 8 и 9 числа рекогносцировку неприятельской позиціи; фронтъ его прикрытъ весьма болотистой рѣчкой, правый флангъ расположенъ неподалеко отъ лѣса и вправо отъ Грахова; лѣвый флангъ тянется позади другой, весьма болотистой, рѣчки еще по направленію Радзиминской дороги. Хотя позиція эта кажется весьма хорошо защищенною (такова она съ фронта, но ее можно обойти съ лѣваго фланга), однако я не задумался бы немедленно атаковать ее, если бы не донесеніе, полученное мною отъ князя Шаховскаго, увѣдомлявшаго меня, что онъ надѣется быть 11-го числа въ Серотскѣ съ головою своего отряда и съ артиллеріею двухъ дивизій. Я счелъ необходимымъ подождать столь значительнаго и прекраснаго подкрѣпленія и отложилъ атаку до присоединенія этого отряда, который переправился сегодня въ ночь черезъ Бугъ и присоединится ко мнѣ завтра.

Поляки рѣшились, повидимому, держаться до послѣдней крайности и приняли энергическія мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать дезертированію въ нашъ лагерь; говорятъ, будто войскамъ воспрещено возвращаться въ Варшаву.

Ледъ на Вислѣ снова окрѣпъ, но я полагаю, что, не прогнавъ неприятеля изъ занимаемой имъ позиціи, было бы неосмотрительно попытать переправу черезъ рѣку, такъ какъ она можетъ быть прервана малѣйшею оттепелюю.

Генераль Крейцъ дошелъ до Косениць, гдѣ онъ былъ атакованъ генераломъ Дверчикимъ съ тѣми же войсками, которыя побили Гейсмара и переправились обратно черезъ Вислу при Гурѣ. Крейцъ, бывши слабѣе, принялъ однако сраженіе, въ которомъ мятежники вначалѣ имѣли успѣхъ и забрали у насъ два орудія; но благодаря храбрости подполковника Бутовскаго, эта артиллерія обошлась имъ такъ дорого и прочее войско дѣйствовало такъ прекрасно, что неприятель, имѣвшій въ четыре раза болѣе войска, отступилъ, оставивъ Крейцу поле битвы, усѣянное почти 400 поляками, и 70 человекъ плѣнныхъ. Въ числѣ убитыхъ найдено 3 штабъ-офицера. Сраженіе это происходило близъ Рычеволя. Неприятель отступилъ къ Магнушеву и сжегъ по пути мостъ на Радомкѣ.

Еще до этого дѣла генераль Крейцъ занялъ Радомъ, обезоружилъ и отослалъ болѣе 3,000 вновь сформированныхъ рекрутъ.

Я посылаю в. и. в. этого курьера только съ тѣмъ, чтобы не оставлять васъ долго безъ извѣстій объ арміи; официальные бумаги будутъ посланы нѣсколько поздне, такъ какъ послѣдніе пять дней мы живемъ почти на бивуакахъ.

Графъ Кабога прибылъ уже, государь, въ мою главную квартиру до полученія письма, которымъ в. и. в. удостоили меня. Какъ человека, имѣвшаго порученіе отъ князя Меттерниха и снабженнаго рекомендательными письмами отъ г. Татищева, мнѣ было невозможно не принять этого австрійскаго офицера. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что г. Кабога и капитанъ Поттеръ (прибывшій курьеромъ и долженствующій въ скоромъ времени уѣхать обратно) держать себя весьма разумно и чрезвычайно скромно. Оба они были со мною въ сраженіи 7-го числа и на рекогносцировкѣ 8-го.

Позвольте мнѣ, государь, выразить вамъ мою признательность за назначеніе, которое вы соблагволили дать по моей просьбѣ сенатору Абакумову. Смѣю увѣрить в. в., что онъ достоинъ этой милости по его усердію, дѣятельности и способностямъ, выказаннымъ имъ въ обстоятельствахъ весьма затруднительныхъ, и что онъ и впредь оправдаетъ ее своимъ усердіемъ къ службѣ.

Соблаговолите, государь, повергнуть меня къ стопамъ е. в. государыни императрицы и принять увѣреніе въ искренней признательности, совершенной преданности и глубочайшемъ уваженіи, съ коними честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорѣйшій вѣрноподданный гр. И. Дибичъ-Забалканскій.

XXXIV.

Малосна, 14-го февраля 1831 г.

Ваше величество, въ ту самую минуту, когда я намѣревался послать полковника Будберга съ извѣстіемъ о вчерашней кровопролитной битвѣ, которая послѣ перемѣннаго счастья, вызваннаго тѣмъ обстоятельствомъ, что кн. Шаховской замедлилъ принять оборонительное положеніе, имѣла окончательнымъ результатомъ отступленіе арміи мятежниковъ въ безпорядкѣ за Вислу, я имѣлъ счастье получить съ особенною быстротою письмо вашего в. и. в. отъ 8-го февраля.

В. в. усмотрите изъ моего письма, написаннаго постороннимъ почеркомъ (рукою г. Гильфердинга, чиновника дипломатическаго корпуса, котораго преданность и скромность испытаны мною съ Адрианополя)¹⁾, вслѣдствіе слабости, ощущаемой мною въ рукѣ, и неразборчивости моего письма, что я отнюдь не колебался призвать кн. Шаховскаго, лишь только сильная позиція непріятеля вынудила меня къ этому; но я полагаю, что движеніе арміи до этого времени было необходимо для того, чтобы прекратить вооруженіе, начатое въ трехъ занятыхъ нами воеводствахъ. Генераль Крейцъ, кн. Адамъ и Делингсгаузенъ оказали въ этомъ отношеніи весьма замѣчательныя услуги по ту сторону Вислы. Войска успѣли до оттепели перейти на правый берегъ Вислы.

В. в. усмотрите также изъ этого письма, что я никогда не измѣнялъ общихъ плановъ, установленныхъ въ Петербургѣ, такъ какъ успѣхъ кампаніи всегда былъ одинаковъ, въ противномъ случаѣ, я полагаю, всякій предположенный планъ долженъ уступить требованіямъ минуты, если таково мнѣніе начальника, находящагося при арміи и отвѣтственнаго за нее. До сихъ поръ, мнѣ кажется, я ничего не измѣнялъ и надѣюсь съ Божьей помощью, что мнѣ не придется измѣнять систему дѣйствій, такъ какъ я побѣдилъ уже главныя силы мятежниковъ. Подробности не важны въ войнѣ, но признаюсь, что я не ожидалъ такой стойкости въ людяхъ подку-

¹⁾ Вѣроятно, Ѳедоръ Ивановичъ Гильфердингъ († въ 1864 г., въ Спб., въ званіи сенатора), отецъ извѣстнаго ученаго и слависта. Ред.

пленныхъ (*gent séduits*). За всѣмъ тѣмъ я осмѣливаюсь просить в. в. быть къ нимъ милосерднымъ и заранѣе разсчитываю на это. Кровь, пролитая къ несчастію въ такомъ изобилии, падеть здѣсь передъ Вами и современемъ передъ Всевышнимъ на тѣхъ, кто по своему жалкому тщеславію разжигаетъ подобныя воззрѣнія, а равно и на тѣхъ, кто по преступной страсти поддерживаетъ революціонныя идеи, допуская, при исполненіи справедливыхъ предписаній законной власти, вопіющій деспотизмъ и незаконныя дѣйствія низшихъ властей.

Тысячу разъ приношу благодарность в. в. за награду, пожалованную Абакумову; я и по настоящее время весьма доволенъ имъ.

В. и. в. соблаговолите сами назначить награду храброму и неутомимому Толю, я же осмѣливаюсь заранѣе просить изъ наградъ только орденъ Александра Невскаго для Нейтгарда и чинъ генераль-лейтенанта для Горчакова; не смотря на свою дряхлость, онъ будетъ прекраснымъ корпуснымъ командиромъ.

Соблаговолите, государь, повергнуть меня къ стопамъ е. в. государыни императрицы и принять увѣреніе въ совершенной преданности, съ коей имѣю счастье быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга И. Дибичъ-Забалканскій.

Милосна, 14-го февраля. Я возвратился сюда въ 9 часовъ вечера, чтобы поработать.

XXXV.

Грохово, 14-го февраля 1831 г.

Ваше величество, вчерашній день происходило кровопролитное и рѣшительное дѣло. Войска в. и. в. побили мятежниковъ; поляки бѣгутъ за Вислу; подступы къ Прагѣ были заняты и предмѣстье очищено войскомъ въ теченіе ночи; теперь держится одно только предмостное укрѣпленіе, но въ немъ не можетъ быть болѣе 4-хъ или 5-ти баталіоновъ.

Битва завязалась въ 8 часовъ утра и продолжалась до 6 часовъ вечера. Такъ какъ мятежники сдѣлали движеніе по направленію къ корпусу князя Шаховскаго и приняли оборонительное положеніе, то я, не колеблясь, рѣшилъ атаковать ихъ всѣми моими силами. Такъ какъ его войска отступили вначалѣ, то 6-й корпусъ приблизился къ неприятелю. Сраженіе было вездѣ упорное и кровопролитное, но передъ

центромъ, въ лѣсу, бывшимъ ключемъ непріятельской позиціи, войска дрались съ остервенѣніемъ. Такъ какъ этотъ лѣсъ дважды отбивали у нашихъ войскъ, то я былъ вынужденъ усилить Литовскій корпусъ 3-й дивизіей, а затѣмъ постепенно 3-й и 2-й бригадой 2-й гренадерской дивизіи. Литовскій корпусъ стоялъ болѣе вправо и сражался съ замѣчательною доблестью. Такъ какъ князь Шаховской не успѣлъ еще возвратиться изъ Маркы (Magku), куда онъ отступилъ, то я опасался, чтобы новое нападеніе непріятеля на лѣсъ не причинило бы намъ вновь значительнаго урона и не вынудило бы меня употребить въ дѣло гвардію, и поэтому приказалъ графу Толю двинуться впередъ съ 3-й дивизіей кирасиръ, съ украинскими уланами и съ уланами великаго князя. Обойдя непріятельскую позицію, онъ приказалъ гвардейскому уланскому полку идти въ атаку и этотъ полкъ напалъ съ замѣчательною храбростью на массу пѣхоты. Вся эта кавалерія дралась превосходно, но полкъ принца Альберта, состоявшій подъ командою храбраго полковника Мейендорфа, заслуживаетъ особой похвалы; онъ атаковалъ и преслѣдовалъ непріятельскія колонны до воротъ Праги и захватилъ 2 орудія.

Такъ какъ вся линія подвинулась впередъ и Грохово было занято нами, то поляки пустились бѣжать въ безпорядкѣ, оставивъ поле битвы, покрытое убитыми и усѣянное ружьями, киверами и даже косами. Между тѣмъ подоспѣлъ князь Шаховской, я приказалъ построить его баталіоны въ колонны къ атакѣ, въ то время какъ его артиллерія подбивала послѣднія полевыя батареи поляковъ. Пѣхота, кавалерія, все искало спасенія въ бѣгствѣ. Но такъ какъ уже стемнѣло, то я не могъ повести атаку на самое предмѣстье, снабженное еще множествомъ пушекъ. Я велѣлъ прекратить пальбу; мятежники отступили въ Прагу подъ защиту крѣпостныхъ орудій, но не могли держаться тамъ и, какъ я уже имѣлъ честь сказать, очистили въ ночь это предмѣстье. Мы взяли въ этотъ день болѣе 500 человекъ въ плѣнъ.

Съ нашей стороны, государь, уронъ былъ также весьма значительный; официальные донесенія исчисляють число убитыхъ и раненыхъ отъ 4,000 до 5,000 человекъ. Я долженъ прибавить, что цифра эта не только не преувеличена, но можетъ быть даже нѣсколько ниже истинной.

Храбрость, выказанная преданными войсками в. и. в., заслуживаетъ съ моей стороны величайшей похвалы. Всѣ роды оружія соперничали въ усердіи и превосходно исполнили свой долгъ. Особенное вниманіе в. и. в. я долженъ обратить на примѣрное самоотверженіе и замѣчательную доблесть графа Толя; онъ былъ вездѣ въ первыхъ рядахъ.

Онъ же командовалъ кавалеріей, обошедшей главную позицію непріателя и рѣшившей въ этотъ день побѣду. Всѣ его распоряженія постоянно были запечатлѣны энергіей.

Генераль Нейтгардтъ и князь Горчаковъ, исправляющій должность главнаго начальника артиллеріи, вели себя также самымъ доблестнымъ образомъ. Они выказали ту военную сообразительность, которая отличаетъ хорошихъ генераловъ, оправдавъ такимъ образомъ хорошее мнѣніе, составленное объ ихъ военныхъ способностяхъ.

Графъ Витъ, Каблуковъ находились при кирасирскихъ полкахъ и вели себя чрезвычайно храбро. Генераль Ребницъ, раненый уже на рекогносцировку 8-го числа, сталъ во главѣ своей дивизіи и съ особенною отвагою повелъ ее на непріателя.

Я называю в. и. в. только этихъ генераловъ лишь потому, что они сражались на моихъ глазахъ, но и кромѣ ихъ нѣкоторые другіе держали себя съ такимъ же отличіемъ. Всѣ корпусные командиры превосходно исполнили свой долгъ.

Генераль Данилевскій сильно контуженъ въ плечо, а генераль Глинка получилъ болѣе легкую контузію въ руку. Генераль Моргенталь убитъ.

Такъ какъ мятежники отброшены на другой берегъ Вислы, то я дамъ войскамъ нѣсколько дней отдыха, тѣмъ болѣе что рѣка, кажется, скоро разойдется и я былъ бы отрѣзанъ отъ сообщенія съ нашими войсками, если бы я попытался теперь же переправиться черезъ рѣку. Но лишь только ледоходъ дозволитъ навести мостъ и до разлива, наступающаго недѣли 3 или 4 послѣ вскрытія рѣки, я оставлю Палена въ наблюдательномъ положеніи передъ Прагою, построю войска эшелонами и переправлюсь черезъ Вислу при Карчевѣ, Гурѣ или нѣсколько выше. Затѣмъ я буду дѣйствовать согласно тому плану, который я уже имѣлъ честь представить на усмотрѣніе в. и. в., и какъ будто бы я не встрѣтилъ упорнаго сопротивленія.

Соблаговолите, государь, повергнуть меня къ стопамъ ея в. государыни императрицы и принять въ то же время изъявленіе искренней преданности и глубочайшаго почтенія, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга И. Дибичъ-Забалканскій.

XXXVI.

Его императорскому величеству генераль-фельдмаршала графа Дибича-Забаянскаго всеподданнѣйшій рапортъ.

Ст. Милосны. близъ Варшавы, 14-го февраля 1831 г.

Послѣ сраженія, бывшаго 7-го числа, высочайше ввѣренная мнѣ армія заняла позицію свою на брестскомъ шоссе передъ корчмою Выгодою, расположа правый флангъ по высотамъ въ направленіи къ деревнѣ Кавентзину, которую заняли кавалерією Литовской уланской дивизіи, а лѣвый флангъ арміи расположенъ былъ передъ корчмою Ваври, упираясь къ непроходимому болоту. Главные посты слѣва занимали, надъ самою Вислою, Зержень и Збытки, вправо посылались разъѣзды до деревни Зимкова. Въ семь положеніи ожидалъ я подвоза съѣстныхъ и военныхъ припасовъ, и потому кромѣ сильной перестрѣлки на правомъ флангѣ противъ 6-го корпуса до 12-го числа никакихъ важныхъ происшествій не было.

Между тѣмъ получилъ я донесеніе отъ генерала князя Шаховскаго изъ Пултуска, что онъ, обще съ отрядомъ генераль-маіора Мандерштерна, всего въ числѣ 13-ти баталіоновъ, 6-ти эскадроновъ кавалеріи, 56 орудій артиллеріи и 3-хъ казачьихъ полковъ, въ числѣ коихъ атаманскій его высочества наслѣдника, идетъ отъ Пултуска къ Сиропку, опасаясь, чтобы непріятель не сжегъ мостъ на Бугѣ при Зегржѣ; я до полученія рапорта князя Шаховскаго послалъ отрядъ, подъ командою генераль-маіора барона Сакена, изъ двухъ уланскихъ полковъ, одного егерскаго баталіона и 4-хъ орудій артиллеріи, стараться завладѣть симъ мостомъ и если бы онъ былъ занятъ непріятелемъ, то при приближеніи авангарда генерала князя Шаховскаго споспѣшествовать ему въ занятіи онаго, дѣйствуя въ тылъ непріятелю. Между тѣмъ князь Шаховской, подойдя къ Сиропку 11-го числа, нашелъ возможность въ разныхъ мѣстахъ переправиться чрезъ Бугъ по льду, что и понудило непріятеля защиту моста оставить и наступить къ Модлину. Генераль-маіоръ Мандерштернъ, подойдя къ мосту при Зегржѣ, нашелъ его въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сожженнымъ; такъ что съ малою починкою мостъ былъ скоро восстановленъ и артиллерія съ остальною частью войскъ, переправясь по оному въ тотъ же день, т. е. 11-го числа, прибыла въ Непорентъ, гдѣ присоединился къ нему отрядъ барона Сакена.

Предположеніе мое было дать гренадерамъ 12-го числа отдохнуть,

но посланный къ нему адъютантъ мой нашелъ уже 12-го числа генерала князя Шаховскаго по старой большой дорогѣ на маршѣ къ дер. Бѣлоленкѣ; ибо непріятель, полагая найти въ Непорентѣ одинъ только отрядъ генераль-майора Сакена, атаковалъ его въ числѣ 6-ти баталіоновъ пѣхоты, 3-хъ полковъ регулярной и иррегулярной кавалеріи и 8-ми орудій артиллеріи. Гренадеры наши при первой сей встрѣчѣ единодушно изъявили общую радость сразить мятежниковъ и можно сказать, что атаковали его съ такою живостью болѣе холоднымъ оружіемъ, что заставило его бѣжать на всѣхъ пунктахъ, не взирая на выгоды, коими непріятель могъ воспользоваться въ дефилеяхъ. Такимъ образомъ гнали они его за дер. Бѣлоленку, гдѣ корпусъ князя Шаховскаго остановился на ночлегъ.

Какъ сіе неожиданное и преждевременное движеніе сего корпуса къ Бѣлоленкѣ вовсе не входило въ планъ моихъ соображеній, ибо оно должно было совершиться только 13-го числа, на каковой конецъ назначалъ я къ нему въ подкрѣпленіе весь 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, то опасаясь, чтобы сей корпусъ не былъ атакованъ превосходными силами прежде прибытія онаго, я готовился дать сраженіе уже 13-го числа. Дѣйствительно, сегодня около 8-ми часовъ пополуночи слышны были выстрѣлы къ сторонѣ Бѣлоленкѣ, которые болѣе и болѣе усиливались. Я приказалъ арміи стать въ ружье. Сдѣлавъ общую диспозицію, я назначилъ корпусу графа Палена, лѣвое крыло арміи составляющему, оставаться 1-й дивизіи на шоссе, а всею лнвіею коръ-де-баталіи, изъ 4-хъ дивизій пѣхотныхъ состоящей, приказалъ сдѣлать наступательное движеніе, подвигаясь правымъ флангомъ впередъ мимо дер. Кавентзинъ.

2-я гренадерская дивизія, 3-й резервный кавалерійскій корпусъ и гвардейскій отрядъ составили мой резервъ за центромъ арміи.

Непріятель, занимая сильною пѣхотою лѣсъ предъ центромъ нашей линіи, былъ атакованъ второю бригадою 24-й дивизіи, прочія бригады оной поддерживали атаку. Дѣло завязалось самое жаркое; одно подкрѣпленіе, посылаемое за другимъ, ввело наконецъ всю 24-ю дивизію въ бой. Непріятель усиливался удержать сей лѣсъ, употребивъ весьма значительную часть своей пѣхоты, такъ что, наконецъ, и 3-я бригада 23-й дивизіи введена была въ дѣйствіе. Въ то же время начальникъ главнаго штаба арміи, генераль-адъютантъ графъ Толь, усилилъ правый флангъ сильною батареею полковника Ренне, а слѣва генераль-квартирмейстеръ, генераль-адъютантъ Нейдгартъ, съ полками Бѣлостокскимъ, Новонингерманландскимъ и фельдмаршала Кутузова-Смоленскаго, сталъ обходить лѣсъ крайнею оконечностью онаго; пройдя оный до вѣшней опушки, былъ встрѣченъ непріятелемъ кар-

течью, который вскорѣ послѣ того повелъ сильными колоннами третій разъ атаку въ лѣсъ, принудивъ отступить назадъ центръ нашъ, изъ 24-й дивизіи состоящей. Такимъ образомъ лѣсъ сей три раза переходилъ изъ рукъ въ руки до тѣхъ поръ, пока я семь не послалъ резервъ изъ двухъ бригадъ 2-й гренадерской дивизіи центру на подкрѣпленіе. Симвъ подкрѣпленіемъ непріятель былъ совершенно вытѣсненъ изъ лѣсу съ чувствительнѣйшею для него потерею.

Желая въ самомъ началѣ сраженія открыть прямое сообщеніе съ корпусомъ князя Шаховскаго, я приказалъ Литовской гренадерской бригадѣ, поддержанной одною бригадою Литовской уланской дивизіи, слѣдовать къ нему на соединеніе. Генеральъ князь Шаховской, избѣгая отдѣльнаго сраженія въ самомъ началѣ онаго, сдѣлалъ фланговое движеніе мимо дер. Маркы, чтобы выйти на дер. Зомки и такимъ образомъ примкнуть къ нашему правому флангу. Генераль-майоръ Муравьевъ съ Литовскою гренадерскою бригадою долженъ былъ связать сіе движеніе, но дабы не оставить его до прибытія князя Шаховскаго въ бездѣйствіи, приказалъ я ему по дорогѣ отъ Зомки къ Прагѣ наступить на непріятели. Такимъ образомъ самую правую оконечность боевой линіи составила Литовская гренадерская бригада съ бригадою Литовской уланской дивизіи. Въ резервъ у нея былъ впоследствии весь корпусъ генерала князя Шаховскаго, по той же дорогѣ приближающійся. Центръ начинался передъ деревнею Кавентзинъ и въ лѣсу, отбитомъ у непріятели; въ резервъ за онымъ была одна бригада 2-й гренадерской дивизіи, гвардейскій отрядъ и 3-й резервный кавалерійскій корпусъ безъ одной бригады уланъ. Лѣвый флангъ составлялъ корпусъ графа Палена изъ 1-й, 2-й и 3-й пѣхотныхъ дивизій, имѣя въ резервъ шесть полковъ кавалеріи.

Непріятель, полагая повсюду сдѣлать намъ отпоръ, чрезвычайно растянулся въ своей боевой линіи, а посему, усмотрѣвъ рѣшительный моментъ нанести ему послѣдній ударъ и, прорвавъ линію, отбросить его правый флангъ чрезъ шоссе въ болота, я назначилъ 3-му резервному кавалерійскому корпусу графа Витта, съ полками 3-й кирасирской дивизіи, Украинскимъ уланскимъ и придавъ къ нему еще лейбъ-гвардіи уланскій цесаревича полкъ, тронуться впередъ. Для вѣрнѣйшаго успѣха поручилъ я исполнить сіе движеніе начальнику главнаго штаба арміи, генераль-адъютанту графу Толю. Хотя сіе движеніе сопровождено было съ немалыми затрудненіями, ибо должно было переходить три рва, въ которыхъ артиллерія полковника Рейне успѣла сдѣлать нѣсколько спусковъ, не менѣе того графъ Толь, хотя велъ сію кавалерію скрытно за отбитымъ у непріятели лѣсомъ, но не могъ иначе слѣдовать какъ по три направо.

Когда же обошелъ онъ лѣсъ, то приказалъ строиться рысью подь самымъ сильнымъ огнемъ непріятельской артиллеріи, противъ которой графъ Толь успѣлъ вывести четыре конныя роты и усилить оную еще пѣшею артиллеріею полковника Ренне; такъ что въ одномъ пунктѣ соединилъ болѣе 80-ти орудій артиллеріи, которыя, выскакавъ впередъ на картечный выстрѣлъ, открыли самый смертоносный огонь противъ непріятельской пѣхоты и артиллеріи. Подь прикрытіемъ сей нашей артиллеріи выстроился боевой порядокъ въ три линіи; въ первой—лейбъ-гвардіи уланскій цесаревича, во 2-й линіи эшелонами справа и слѣва кирасирскіе полки: принца Альберта прусскаго, Новгородскій и Стародубовскій; занимали въ резервъ Орденскій кирасирскій полкъ. Правѣ сего боевого порядка поставленъ былъ украинскій уланскій полкъ. Вся кавалерія построена была въ колоннахъ къ атакѣ. Еще правѣ отъ сей кавалеріи шелъ генераль-маіоръ Муравьевъ съ литовскою гренадерскою бригадою, а слѣва оной кавалеріи 1-я бригада 2-й гренадерской дивизіи.

Предъ нами была деплоирована часть кавалеріи непріятельской, а за нею стояла пѣхота, въ разныхъ ретраншементахъ, за домами и другими естественными преградами. Графъ Толь имѣлъ въ виду, атаковать непріятельскую кавалерію, опрокинуть ее на пѣхоту и въ семъ общемъ замѣшательствѣ преслѣдовать мятежниковъ быстро.

Но едва лишь тронулась кавалерія шагомъ, и потомъ рысью впередъ, какъ кавалерія мятежниковъ побѣжала. Конныя роты №№ 17, 18, 19 и 20, выскакавъ на самый ближній картечный выстрѣлъ, открыли наихвосточайшій огонь по непріятелю; кавалерія наша въ то самое время съ полкомъ лейбъ-гвардіи уланскимъ цесаревича атаковала съ фронта колонны непріятельскія, а кирасирскій принца Альберта прусскаго въ жару своей атаки пронесся на шоссе, и потомъ, сдѣлавъ правое плечо впередъ, проскакалъ всю линію колоннъ непріятельскихъ сзади, сдѣлавъ сильное между ними пораженіе, будучи поддержанъ конною артиллеріею на самомъ близкомъ разстояніи. При семъ случаѣ полкомъ симъ отбито два орудія, и непріятель бросился стремглавъ къ Прагѣ, бросая всякаго рода оружіе, зарядные ящики и оставя множество тѣлъ на мѣстѣ.

Въ самую сію минуту графъ Паленъ лѣвымъ своимъ флангомъ быстро наступилъ вдоль по шоссе и съ Ольвіопольскимъ гусарскимъ полкомъ загналъ непріятельскую пѣхоту въ болото, изъ коей весьма малая часть спастись могла. Пораженіе непріятеля нашею кавалерію было еще блистательнѣе, если бы непріятель не успѣлъ коронировать высоты близъ Праги артиллеріею, подь прикрытіемъ коей успѣли уйти его батареи праваго фланга.

Около 6-ти часовъ непріятель скрылся съ поля сраженія подъ самую Прагу. Выдвинутая многочисленная наша артиллерія, къ коей присоединилась артиллерія прибывшаго корпуса князя Шаховскаго, обложившая ближайшія высоты сего предмѣстья, производила наивѣсточайшее опустошеніе въ его войскахъ, столпившихся къ воротамъ онаго.

Съ наступившимъ вечеромъ прекратилось мало по малу сраженіе.

Всю ночь войска мятежниковъ переходили Вислу по мосту въ большомъ безпорядкѣ. На утро заняли войска наши Прагу, но мостовое укрѣпленіе осталось еще въ рукахъ непріятели.

Долгомъ поставляю всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству, что вѣрренная мнѣ армія показала новый опытъ отличной храбрости и благоустройства въ семъ общемъ и сильномъ пораженіи мятежниковъ, которые съ величайшимъ отчаяніемъ сражались.

Потерю нашу я навѣрное опредѣлить не могу, не получивъ еще рапортовъ отъ гг. корпусныхъ командировъ и отрядныхъ начальниковъ.

Но съ приблизительною достовѣрностію имѣю счастье всеподданнѣйше донести, что она простираться можетъ до 1000 человекъ убитыми и болѣе 3000 ранеными.

Непріятельская потеря, судя по трупамъ, на полѣ сраженія оставшимся, и по показанію самыхъ плѣнныхъ, должна быть гораздо превосходитѣ.

Полки 7 й пѣхотный и 3-й и 4-й егерскіе въ составѣ своемъ почти не существуютъ. Число плѣнныхъ превышаетъ 500 человекъ, между коими нѣсколько штабъ и оберъ-офицеровъ.

Три орудія, большое число ящиковъ съ боевыми зарядами и всякое другое оружіе въ весьма большомъ количествѣ достались въ руки побѣдителей. Знаменъ непріятель вовсе не имѣлъ, чтобы (не) можно было увеличить наши трофеи. Генераль-фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКА НА БОРОДИНСКОМЪ ПОЛѢ

въ 1839 г.

Изъ воспоминаній офицера генеральнаго штаба.

I.

У всякаго въ жизни бываютъ минуты и случаи, вѣоторые не изглаживаются изъ памяти. Подобное воспоминаніе сохранилось у меня послѣ бывшаго въ 1839 г. большого сбора войскъ при селѣ Бородинѣ, при открытіи воздвигнутаго тамъ монумента въ честь славной для русскаго оружія битвы въ 1812 году.

Всѣмъ извѣстно, что въ царствованіе императора Николая Павловича было нѣсколько подобныхъ сборовъ, а именно: при г. Калишѣ, Вознесенскѣ и, наконецъ, при с. Бородинѣ—самый значительный изъ всѣхъ какъ по количеству соединенныхъ войскъ, такъ и по патриотической цѣли, послужившей въ тому поводомъ. Мысль объ этомъ сборѣ занимала государя уже съ 1838 года. Здѣсь имѣлось въ виду не простое участіе войскъ въ маневрахъ и ученьяхъ, но увѣковѣченіе преданій о доблестныхъ подвигахъ русской арміи при защитѣ отечества противъ нашествія Наполеона. Сооруженный съ этой высокою цѣлью памятникъ надлежало открыть съ особою торжественностію и потому предположено было, кромѣ расположеннаго въ Москвѣ 6-го пѣх. корпуса, присоединить еще 2-й пѣхотный корпусъ изъ дѣйствующей арміи фельдмаршала князя Паскевича, составить особую сводную бригаду изъ войскъ гвардіи и гренадеръ, особую сводную дивизію изъ бессрочныхъ нижнихъ чиновъ различныхъ

частей арміи и, сверхъ того, привести весь 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, 2-ю и 6-ю легкія кавалерійскія дивизіи, сводную дивизію изъ эскадроновъ гвардіи, 2-ю, 6-ю и 7-ю кавалерійскія дивизіи съ своднымъ кирасирскимъ полкомъ и 1-й конно-піонерный эскадронъ — всего въ составѣ до 120,000 чел.

Столь значительный сборъ, имѣющій продолжаться болѣе мѣсяца, требовалъ многихъ заблаговременныхъ распоряженій и въ нихъ, по роду службы моей, довелось мнѣ принять особое дѣятельное участіе. Состоя въ то время въ чинѣ подполковника генеральнаго штаба, я былъ назначенъ въ августѣ 1838 г. оберквартирмейстеромъ 6-го пѣх. корпуса въ Москвѣ и едва успѣлъ прибыть къ мѣсту служенія, какъ совершенно неожиданно получилъ предписаніе военнаго министра немедленно отправиться въ село Бородино для подробнаго осмотра мѣстности и составленія проекта расположенія всѣхъ назначенныхъ къ сбору войскъ, — пѣхоту въ лагеряхъ, а кавалерію на тѣсныхъ квартирахъ. При этомъ вмѣнялось мнѣ въ обязанность избрать удобные пункты для госпиталей, сообразить какія необходимо будетъ произвести земляныя работы для лагерей, а также перестройки въ домахъ с. Бородина и, наконецъ, исчислить приблизительно для сего издержки, стараясь о возможномъ ихъ сокращеніи.

Позднее время года заставило ускорить возложенныя на меня порученія, и въ первыхъ числахъ октября мѣсяца я возвратился уже въ Москву для приведенія въ порядокъ всѣхъ составленныхъ на мѣстѣ соображеній. Но не прошло нѣсколькихъ дней, какъ чрезъ особо присланнаго фельдъегеря, новымъ повелѣніемъ военнаго министра, вызванъ я былъ съ поспѣшностію въ Петербургъ для личнаго представленія всей порученной мнѣ работы. Въ то время не было еще желѣзной дороги и потому для ускоренія проѣзда приказано было фельдъегерю сопровождать меня, что дало мнѣ возможность не болѣе какъ въ 40 часовъ явиться въ Петербургъ къ князю Чернышеву.

Здѣсь долженъ я прежде всего упомянуть о тѣхъ лицахъ, которыя тогда стояли во главѣ военнаго управленія, въ качествѣ помощниковъ военнаго министра. Дежурнымъ генераломъ главнаго штаба былъ графъ Клейнмихель, пользовавшійся особымъ довѣріемъ государя и захватывавшій при всякомъ удобномъ слу-

чаѣ власть и дѣла, не принадлежавшія ему по праву. Генераль-квартирмейстеромъ былъ генераль Шубертъ, занимавшійся исключительно астрономіей и топографическими съемками, но вполне равнодушный ко всему, что относилось до войскъ. Такимъ образомъ, случилось, что всѣ распоряженія по сбору войскъ подъ Бородинымъ очутились въ рукахъ графа Клейнмихеля и я лишенъ былъ даже возможности видѣть моего прямого начальника.

Въ кабинетѣ дежурнаго генерала и въ присутствіи его представлена была мною вся составленная работа князю Чернышеву и безъ всякаго измѣненія ими обоими одобрена, причемъ, однако же, военный министръ предварилъ меня, что за полное утвержденіе государемъ ручаться нельзя, что можетъ быть государь пожелаетъ сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ размѣщеніи войскъ и чтобы я, на всякій случай, приготовился на всѣ могущіе быть вопросы и замѣчанія.

— Завтра въ 7 часовъ утра, сказалъ онъ мнѣ, прошу васъ прибыть въ Царское Село для присутствованія при моемъ докладѣ государю.

Признаюсь, не безъ нѣкотораго опасенія ожидалъ я этой минуты, предвидя послѣ словъ военнаго министра, что въ случаѣ измѣненія проектовъ потребуются необходимыя съ моей стороны возраженія противъ указаній государя. Предчувствіе это частію оправдалось на дѣлѣ.

Войдя въ царскій кабинетъ Александровскаго дворца въ Царскомъ Селѣ, я былъ ободренъ милостивыми словами государя о службѣ моей въ Турціи и вслѣдъ засимъ получилъ приказаніе представить подробный топографическій планъ Бородинскаго поля съ окрестностями, на которомъ нанесены были всѣ избранныя мною лагеря для пѣхоты и квартирное расположеніе кавалеріи.

Быстро взглянувъ на планъ, государь прежде всего выразилъ желаніе знать общій ходъ сраженія 1812 г. Хотя и не думалъ я подвергаться экзамену изъ военной исторіи, но сохранившіеся въ памяти уроки военной школы выручили меня. Очертивъ вкратцѣ общее наступленіе наполеоновскихъ войскъ и занятую русскою арміею оборонительную позицію, прикрытую на-скоро воздвигнутыми полевыми укрѣпленіями, я едва успѣлъ рассказать защиту Шевардинскаго редута 24 августа, какъ былъ пре-

рванъ вопросомъ государя—гдѣ именно находилась и сражалась 26-я пѣхотная дивизія. Въ первую минуту мнѣ показалось страннымъ особое вниманіе государя къ этой дивизіи, но вспомнивъ, что начальникомъ ея въ 1812 г. былъ генераль Паскевичъ, я послѣшилъ отвѣтомъ и перешелъ ко всѣмъ подробностямъ упорнаго боя при оборонѣ люнета, извѣстнаго подъ названіемъ Раевского и на мѣстѣ котораго нынѣ воздвигнуть самый памятникъ. Эта страница изъ отечественной исторіи, переданная мною болѣе яркими красками, заслужила мнѣ благоволеніе государя.

Начало хорошо, подумалъ я, но что будетъ далѣе.

Затѣмъ государь обратился уже къ собственной моей задачѣ. Разсматривая планъ съ расположеніемъ лагерей и, послѣ нѣкотораго молчанія взглянувъ на меня, его величество наконецъ, сказалъ:

— „Можетъ быть эти лагеря по мѣстности удобны, но признаюсь, что они мнѣ вовсе не нравятся“.

Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвели на меня эти слова. Я молчалъ, ожидая дальнѣйшихъ замѣчаній, и вмѣсто ихъ его величество взялъ со стола карандашъ и, проведя черту вдоль нагорнаго берега рѣки Москвы, рѣшительнымъ тономъ произнесъ:

— „Вотъ гдѣ я желаю имѣть общій главный лагерь“.

Изучивъ мѣстность и зная съ какими затрудненіями сопряжено будетъ выполненіе этого указанія, я доложилъ государю, что весь нагорный берегъ рѣки Москвы, на протяженіи 8-ми верстъ отъ г. Можайска, изрѣзанъ очень глубокими оврагами, что устройство обширнаго лагеря на этой мѣстности потребуетъ значительныхъ работъ и сооруженія многихъ мостовъ, что повлечетъ за собой въ нѣсколько разъ болѣе издержекъ, чѣмъ предположено мною.

— „Издержки мое дѣло, сказалъ государь въ отвѣтъ, и я хочу знать, сколько войскъ можно помѣстить лагеремъ по рѣкѣ Москвѣ на указанномъ мною мѣстѣ. Садись, бери циркуль и карандашъ и разсчитай съ возможною точностію“.

Но прежде, чѣмъ это исполнить, я позволилъ себѣ ко всѣмъ представленнымъ уже мною неудобствамъ присовокупить еще одно вѣсское возраженіе касательно крайняго мелководія рѣки Москвы и выразилъ опасеніе, что при мѣсячной стоянкѣ войскъ

лагеремъ вода въ рѣкѣ отъ мытья бѣлья и купанья людей и лошадей можетъ сдѣлаться не только негодной, но даже вредной для употребленія. Здѣсь, по строгому лицу государя, видѣлъ я, какъ всѣ противорѣчія были ему неприятны и на послѣднія слова мои о водѣ онъ почти съ гнѣвомъ произнесъ:

— „Ну, ужъ это сущій вздоръ!“ и, посмотрѣвъ на военнаго министра, ожидалъ его мнѣнія.

По счастью, князь Чернышевъ, молчавшій до сихъ поръ, вполне раздѣлялъ справедливость моихъ доводовъ, но вмѣсто прямого отвѣта государю обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

— Вы видите непремѣнное желаніе государя и какъ вамъ извѣстны всѣ мѣстныя условія, то должны сообразить, какими мѣрами можно отвратить всѣ исчисленныя вами затрудненія и неудобства.

Тогда, пользуясь позволеніемъ, я сѣлъ къ столу и рассчиталъ, что на указанномъ государемъ разстояніи, вдоль рѣки Москвы, можно расположить пѣхоту 2-хъ корпусовъ, но не иначе, какъ отдѣльными дивизіями, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже бригадами и полками, причемъ, однако же, я не преминулъ повторить невозможность оставить безъ вниманія мелководье рѣки.

— „Что же, наконецъ, нужно сдѣлать для отстраненія этого препятствія?“ сказалъ съ нетерпѣніемъ государь, но уже болѣе смягченнымъ голосомъ.

— Для выполненія воли вашего величества, отвѣтилъ я, не представляется другого средства, какъ откупить на все время сбора войскъ всѣ выше стоящія мельницы съ тѣмъ, чтобы спускомъ задержанной плотинами воды уравнивать глубину рѣки на протяженіи лагерей.

— „Прекрасно, отозвался съ удовольствіемъ государь, все предложенное тобой утверждаю, исключая того, чтобы войска были размѣщены отдѣльными полками“.

Затѣмъ, разсмотрѣвъ расположеніе кавалеріи и одобривъ оное, государь, отпуская военнаго министра, прибавилъ:

— „Надѣюсь не позже какъ черезъ два дня имѣть на моемъ столѣ новый проектъ лагерей“.

Двѣ ночи пришлось посвятить этой усиленной работѣ, такъ какъ весь топографическій планъ должно было перекопировать вновь и только съ помощью всей чертежной департамента воен-

ныхъ поселеній, изъ 40 топографовъ и нѣсколькихъ офицеровъ, отданныхъ графомъ Клейнмихелемъ въ мое распоряженіе, могъ я исполнить ее въ столь короткій срокъ. За скорое представленіе проекта лагерей получилъ я особую высочайшую благодарность и тутъ же государь возложилъ лично на меня составленіе плана общаго парада войскъ въ день открытія памятника, а также боевыхъ порядковъ для сводной резервной дивизіи. Такимъ образомъ довелось мнѣ еще нѣсколько разъ быть вмѣстѣ съ военнымъ министромъ у государя, причемъ были окончательно рѣшены всѣ другіе вопросы по общему сбору войскъ при Бородинѣ. Для приведенія въ исполненіе всѣхъ многосложныхъ работъ и другихъ мѣропріятій, повелѣно государемъ образовать особую мѣстную комиссію, подъ предсѣдательствомъ особаго генерала, изъ нѣсколькихъ инженеровъ, гражданскаго чиновника при московскомъ генераль-губернаторѣ и предводителей дворянства тѣхъ уѣздовъ, которые будутъ занимать войска. Членомъ этой комиссіи назначенъ и я.

Только съ наступленіемъ весны 1839 г. можно было приступить ко всѣмъ предположеннымъ работамъ и для ускоренія ихъ, къ концу апрѣля мѣсяца, приведена была къ Бородину одна изъ дивизій 2-го пѣх. корпуса. Чтобы дать понятіе о многосложности ихъ, достаточно сказать, что кромѣ земляныхъ работъ въ лагерьяхъ на протяженіи 16-ти верстъ ¹⁾ и около памятника для уравниенія мѣстности потребовалось очистить и углубить до 700 колодезь въ селеніяхъ для кавалеріи, возвести особый временной госпиталь на 3 т. человекъ близъ города Можайска, перестроить главную часть домовъ въ с. Бородинѣ, устроить временныя помѣщенія для имѣющихъ прибыть къ торжеству въ числѣ болѣе 200 ветерановъ 1812 г. и, наконецъ, основать въ центрѣ расположенія войскъ съ крытыми лавками базаръ для подвоза необходимыхъ жизненныхъ потребностей. Здѣсь же былъ присоединенъ небольшой временной театръ.

Не смотря на краткость срока, всѣ эти разнородныя работы были успѣшно приведены комиссіей къ окончанію и въ послѣднихъ числахъ іюля начали постепенно прибывать изъ различныхъ

¹⁾ На рѣкѣ Москвѣ: 2-й и 6-й пѣх. корпуса и на рѣкѣ Колочѣ: сводная гвардейская бригада и сводная резервная дивизія. А. В.

мѣстностей войска, назначенныя къ сбору. Вмѣстѣ съ тѣмъ начался и прїѣздъ вышнихъ лицъ, приглашенныхъ государемъ; во главѣ былъ, конечно, фельдмаршалъ князь Паскевичъ, котораго сопровождали начальники штаба дѣйствующей арміи князь Горчаковъ и генераль-квартирмейстеръ Бергъ. Другіе знаменитые участники бородинскаго боя въ 1812 г. были генералы: Ермоловъ, графъ Толь, князь Воронцовъ, принцъ Евгенийъ Виртембергскій, князь Д. В. Голицынъ, князь А. И. Горчаковъ, князь Шаховской и нѣсколько другихъ лицъ, состоявшихъ въ менѣе высшихъ чинахъ ¹⁾. Изъ иностранныхъ гостей были австрійскій эрцгерцогъ Альбертъ и два принца, прусскій и нидерландскій. Самъ государь прибылъ къ 16-му числу августа и не пожелалъ имѣть другого помѣщенія, какъ въ палаткѣ, на флангѣ преображенскаго баталіона, въ лагерѣ гвардейскаго отряда, во все время сбора войскъ. Сопутствовали государю военный министръ вмѣстѣ съ дежурнымъ генераломъ главнаго штаба.

Такъ какъ до дня открытія памятника оставалось еще болѣе недѣли, то послѣ объѣзда государемъ всѣхъ лагерей начались ежедневные смотры и упражненія войскъ на особо избранномъ и откупленномъ военномъ полѣ, между рѣками Москвой, Колочей и Войней. Всѣ приказанія шли отъ самаго государя и приводились въ исполненіе чрезъ князя Горчакова, назначеннаго начальникомъ штаба всѣхъ собранныхъ подъ Бородинымъ войскъ, при содѣйствіи генерала Берга въ качествѣ генераль-квартирмейстера. Здѣсь были два эпизода, о которыхъ не могу не вспомнить. Всѣмъ военнымъ извѣстенъ суетливый характеръ этихъ обоихъ генераловъ; присутствіе государя ихъ особенно одушевляло и на всѣхъ линейныхъ ученьяхъ они оба летѣли во весь опоръ, при малѣйшемъ замѣчаніи или повелѣніи государя. На одной изъ такихъ скачекъ по изрѣзанной оврагами мѣстности лошадь князя Горчакова споткнулась со всѣхъ ногъ и причинила ему столь силь-

¹⁾ Кромѣ этихъ живыхъ очевидцевъ и сподвижниковъ Кутузова, государь, желая почтить память смертельно раненаго подъ Бородинымъ князя Багратиона, погребеннаго въ собственномъ его имѣніи, Владимірской губерніи, приказалъ заблаговременно перевезти останки его для преданія земли у подножія памятника. Этотъ святой долгъ исполнилъ бывшій его адъютантъ, извѣстный партизанъ Д. В. Давыдовъ, къ сожалѣнію, не дожившій до 26 августа 1839 года.

ный ушибъ, что въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ вынужденъ былъ пролежать на походной кровати. Другой случай касается командира 6-го пѣх. корпуса, генераль-адъютанта Нейдгарта. На одномъ изъ бывшихъ ученій, на сдѣланныя государемъ замѣчанія, Нейдгартъ началъ оправдывать свои дѣйствія, придавая особый вѣсъ собственному мнѣнію, яко бы основанному на военномъ опытѣ; государь замолкъ, но въ тотъ же день, въ разговорѣ съ приближенными лицами, смѣясь, замѣтилъ, что Нейдгартъ считаетъ себя не менѣе, какъ вторымъ Фридрихомъ.

— „Вы увидите, прибавилъ въ заключеніе государь, какъ на слѣдующемъ ученіи я собью съ него спѣсь и приведу въ тупикъ“.

И дѣйствительно, въ назначенный день, едва успѣлъ корпусъ развернуться въ боевой порядокъ, какъ государь, оставаясь зрителемъ на сторонѣ непріятеля, присылаетъ сказать корпусному командиру, что сильная колонна угрожаетъ его правому флангу, а нѣсколько минутъ спустя подскакиваетъ другой посланный отъ государя съ извѣстіемъ, что непріятель появился противъ лѣваго фланга и, наконецъ, что онъ и съ тылу ведетъ на него нападеніе. Можно представить себѣ все смущеніе Нейдгарта и то смѣшеніе частей войскъ, которое неизбежно отъ того произошло. Тогда государь велѣлъ ударить отбой и, подзвывая къ себѣ Нейдгарта, строго сказалъ:

— „Извольте, сударь, привести въ порядокъ вашу разстроенную корпусъ и приготовить его къ церемоніальному маршу“.

Съ этой минуты Нейдгартъ сдѣлался болѣе осторожнымъ.

II.

26-го августа 1839 г., день бородинскаго боя, послѣдовало торжественное открытіе памятника, при общемъ большомъ парадѣ всѣхъ собранныхъ войскъ. Утромъ, до начала парада, прочитанъ былъ войскамъ слѣдующій высочайшій приказъ:

„Ребята, передъ вами памятникъ, свидѣтельствующій о славныхъ подвигахъ вашихъ товарищей. Здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, за 27 лѣтъ передъ симъ, надменный врагъ возмечталъ побѣдить русское войско, стоявшее за вѣру, царя и отечество.“

Богъ наказалъ безразсуднаго: отъ Москвы до Нѣмана разметены кости дерзкихъ пришельцовъ и мы вошли въ Парижъ.

„Теперь настало время воздать славу великому дѣлу. Итакъ, да будетъ память вѣчная безсмертному для насъ императору Александру I-му. Его твердою волею спасена Россія; вѣчная слава падшимъ геройскою смертію товарищамъ нашимъ и да послужить подвигъ ихъ примѣромъ намъ и позднѣйшему потомству. Вы же всегда будете надеждой и оплотомъ вашему государю и общей матери нашей Россіи“.

Этотъ собственноручный приказъ произвелъ въ войскахъ большое одушевленіе. Къ 8-ми часамъ утра они стояли уже подъ ружьемъ, построеныя вокругъ памятника, пѣхота въ батальонныхъ, а кавалерія въ полковыхъ эскадронныхъ колоннахъ, въ ожиданіи крестнаго хода, двинувшагося изъ приходской церкви села Бородина. Умилительную картину представляло это шествіе духовенства съ иконами и хоругвами въ мѣсту памятника, оруженнаго войсками, между тѣмъ какъ у подножія его, собранные внутри рѣшетки, ветераны 1812 г. и высшія военныя лица, участвовавшія въ бородинскомъ боѣ, встрѣчали его, осѣняясь крестомъ. Государь, сойдя съ лошади, пропустилъ крестный ходъ и началось торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, которое совершалъ митрополитъ московскій Филаретъ. По возгласеніи вѣчной памяти императору Александру I и убитымъ на полѣ брани и затѣмъ многолѣтія всему храброму русскому войску, послѣдовало открытіе памятника при неумолкаемомъ ура и громѣ пушечныхъ выстрѣловъ всей артиллеріи. Торжество завершилось церемоніальнымъ маршемъ войскъ, во главѣ коихъ ѣхалъ самъ царь, отдавая шпагой честь воздвигнутому монументу.

Погода какъ нельзя болѣе благопріятствовала въ этотъ день; солнце яркимъ блескомъ освѣщало это истинно-патріотическое военное торжество, увѣковѣчившее въ позднемъ потомствѣ преданіе о кровавомъ, но славномъ для русскаго оружія боѣ, положившемъ начало гибели Наполеона.

29-го августа, вмѣсто большихъ манѣвровъ, произведено было подобіе бородинскаго сраженія на той части боевой позиціи, гдѣ кипѣла надболѣе упорная битва въ 1812 г. Для болѣе точнаго изображенія картины боя, еще наканунѣ собраны были жалонерныхъ частей войска съ офицерами генеральнаго штаба и самъ госу-

дарь, окруженный многочисленной свитой, лично указывалъ мѣста для размѣщенія войскъ, руководствуясь воспоминаніями князя Паскевича, Ермолова, графа Толя и князя Воронцова. Составленная подробная диспозиція указывала въ точности мѣсто и дѣйствія для каждой части войскъ и на основаніи ея 2-й пѣх. корпусъ съ 2-й кавал. дивизіей расположился на протяженіи отъ дер. Горва къ с. Бородину и той высотѣ, гдѣ нынѣ стоитъ памятникъ. 6-й пѣх. корпусъ, съ принадлежащей къ нему кавалерійской дивизіей, занималъ деревню Семеновскую, сохранившіяся еще укрѣпленія слѣва впереди этой деревни и часть лѣса на старой смоленской дорогѣ. Резервъ составляли: весь 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, сводная гвардейская бригада и сводная резервная дивизія.

Первые выстрѣлы раздались въ с. Бородинѣ, которое вскорѣ было очищено и всѣ дѣйствія сосредоточены на защитѣ укрѣпленій. Послѣ сильнаго артиллерійскаго и ружейнаго огня и произведенныхъ кавалеріей атакъ въ промежуткахъ между укрѣпленіями, эти послѣднія были оставлены, равно какъ и дер. Семеновская и вся линія войскъ произвела отступление до тѣхъ мѣстъ, гдѣ къ вечеру въ дѣйствительномъ бородинскомъ сраженіи были отбиты упорныя нападенія маршаловъ Нея, Мюрата и вице-короля итальянскаго.

Само собой разумѣется, что только гулъ выстрѣловъ и передвиженія войскъ могли представить лишь слабый призракъ боя и дать понятіе о характерѣ мѣстности, гдѣ дралась русская армія въ 1812 г.

Самъ государь, оставаясь на возвышенномъ холмѣ, гдѣ стоялъ Наполеонъ во время боя, наблюдалъ издалека за всѣми дѣйствіями и движеніями войскъ. Всѣмъ извѣстно, съ какою страстностію и увлеченіемъ императоръ Николай I принималъ вообще участіе въ мирныхъ даже маневрахъ. Здѣсь же, на самомъ полѣ кроваваго боя, военное чувство невольно возбуждалось историческимъ для русскаго сердца воспоминаніемъ и потому, не довольствуясь одной обороной, какъ было въ 1812 г., дано было государемъ приказаніе перейти въ общее наступленіе. Для этого 6-й пѣхотный корпусъ быстрымъ движеніемъ впередъ занялъ вновь покинутыя укрѣпленія и часть лѣса, между тѣмъ какъ войска 2-го пѣх. корпуса, лично веденныя фельдмаршаломъ Паскевичемъ,

овладѣли высотой, гдѣ сооруженъ памятникъ и, перейдя въ бродъ рѣчку Колочу, вступили въ с. Бородино.

Въ то же время главная часть кавалеріи, со всѣмъ драгунскимъ корпусомъ, была собрана на правомъ флангѣ за рѣчкой Колочей, образуя массу, значительно превосходящую ту, которую вели Уваровъ и Платовъ въ 1812 г. Государь лично руководилъ дѣйствіями этихъ войскъ и послѣ быстрого общаго движенія по направленію къ рѣкѣ Войнѣ перевелъ въ бродъ чрезъ эту рѣчку весь драгунскій корпусъ, который былъ немедленно спѣшенъ для овладѣнія лѣсомъ въ тылу с. Бородина, и затѣмъ вновь посаженный на коней появился на Смоленскомъ шоссе, на пути предполагаемаго отступленія непріятеля.

Это фланговое кавалерійское движеніе было, дѣйствительно, красиво и въ отличномъ порядкѣ выполнено. Имъ завершились дѣйствія, и государь, со всей окружающей его свитой остановясь на шоссе, приказалъ собрать къ себѣ всѣхъ главныхъ начальниковъ. Въ присутствіи ихъ, дѣлая различныя замѣчанія, его величество между прочимъ сказалъ, обратясь къ Ермолову, графу Толю и другимъ сподвижникамъ Кутузова въ 1812 году:

— „Не находите-ли вы, что если бы фельдмаршалъ Кутузовъ дѣйствовалъ такъ, какъ мы сегодня, то послѣдствія сраженія были бы иныя?“

Общее молчаніе было отвѣтомъ на слова государя, хотя по выраженію вопрошенныхъ лицъ легко было угадать ихъ отрицательное мнѣніе. Изъ окружающей же толпы въ свитѣ государя послышался одинъ голосъ, довольно внятно произнесшій:

— Да государь забываетъ, что сегодня не было ни ядеръ, ни пуль и главное, что не было противъ него Наполеона.

Правда эта вырвалась изъ устъ генерала Давыдова ¹⁾, стоявшаго вдалькѣ и не думавшаго, конечно, быть услышаннымъ государемъ. Было-ли это такъ—не знаю, но вслѣдъ засимъ императоръ сошелъ съ лошади и, потребовавъ коляску, возвратился въ лагерь.

Изъ описанныхъ дѣйствій и особенно словъ, произнесенныхъ государемъ, нельзя не видѣть нѣкоторой доли увлеченія, но, съ другой стороны, справедливость требуетъ признать, что приказа-

¹⁾ Родного брата извѣстнаго партизана и поэта.

ніе, отданное войскамъ перейти отъ обороны въ наступленіе, имѣло хорошую и полезную сторону въ томъ, что, возвышая духъ въ войскахъ, оно вселяло въ нихъ увѣренность въ непобѣдимости.

31-го августа 1839 г. былъ послѣдній общій смотръ всѣмъ собраннымъ войскамъ при с. Бородинѣ. Они были построены на лѣвомъ берегу рѣки Москвы, противъ дер. Рахмановой, на ровномъ, большомъ лугѣ, безвозмездно уступленномъ помѣщицей Килческой-Друцкой.

Государь, не доѣзжая до мѣста смотра, остановился на высотахъ, составляющихъ нагорный берегъ рѣки. Здѣсь его величество принялъ рапортъ отъ главнокомандующаго дѣйствующей арміей князя Паскевича и въ то же время, по данному сигналу, всѣ войска сдѣлали на караулъ, при громкомъ неумолкаемомъ ура. Видъ стройныхъ рядовъ 120-ти тысячной арміи, освѣщенныхъ яркимъ солнцемъ, былъ въ полномъ смыслѣ слова великолѣпный, а примѣрный порядокъ и правильность въ движеніяхъ всѣхъ родовъ оружія вполне удовлетворили желаніямъ Государя.

2-го сентября, послѣ новаго объѣзда всѣхъ лагерей, причѣмъ государь останавливался у каждой дивизіи и благодарилъ войска, его величество посѣтилъ женскую обитель Спасо-Богородицеаго монастыря, основаннаго вдовой ген.-м. Тучкова на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ погибъ геройской смертью ея мужъ, защищая укрѣпленія впереди дер. Семеновской, и на слѣдующій день отправился въ Москву, куда выступила уже часть войскъ для присутствія при заложеніи храма Христа Спасителя.

Болѣзнь и утомленіе послѣ всѣхъ бородинскихъ трудовъ лишили меня возможности участвовать при этомъ событіи и потому на этихъ строкахъ кончаю мои воспоминанія.

III.

Въ заключеніе мнѣ остается добавить, что всѣ работы по устройству лагерей, различныя временныя сооруженія и другія мѣропріятія во время бородинскаго сбора обошлись въ нѣсколько милліоновъ рублей. Но неумѣстно было бы ставить въ упрекъ столь значительную издержку. Государь справедливо придавалъ высокое значеніе открытію памятника на Бородинскомъ полѣ и желалъ ознаменовать достойнымъ образомъ это отечественное,

родное для Россіи торжество. Здѣсь шло дѣло о славѣ и чести русской арміи и въ глазахъ государя это чувство превышало всѣ расчеты. Любя отечество выше всего и твердо вѣря въ непоколебимую преданность войскъ, онъ стремился при всякомъ случаѣ одушевлять и возбуждать ихъ къ новымъ подвигамъ. Чувства эти краснорѣчиво выразились въ собственноручномъ высочайшемъ приказѣ, отданномъ въ день открытія бородинскаго памятника. Отличительной чертой государя былъ его доблестный, можно сказать, даже рыцарскій характеръ, который проявлялся при всѣхъ главныхъ событіяхъ его жизни. Начиная съ 14-го декабря и впослѣдствіи при укрощеніи бунта въ военныхъ поселеніяхъ, равно какъ и народныхъ волненіяхъ въ С.-Петербургѣ во время холеры,—вездѣ личныя, самоотверженныя дѣйствія императора Николая носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ. Я могу, сверхъ того, представить еще одинъ случай, немногимъ извѣстный до сихъ поръ.

Въ 1854 году, когда на помощь турецкому султану явились французскія и англійскія войска, къ арміи нашей, перешедшей уже Дунай, отправился и самъ фельдмаршалъ князь Паскевичъ изъ Варшавы. Его замѣнилъ, въ качествѣ намѣстника и главнокомандующаго въ Царствѣ Польскомъ, графъ Ридигеръ. Политическое положеніе наше въ эту эпоху было самое критическое; противъ Россіи ополчилась почти вся Европа и даже съ Австріей, столь много обязанной государю за оказанную ей помощь во время венгерскаго возстанія, ожидали со дня на день окончательнаго разрыва. За отлѣленіемъ главныхъ военныхъ силъ въ Крымъ и на югъ имперіи, въ Царствѣ Польскомъ оставался всего въ это время одинъ только корпусъ войскъ. Для подрѣпленія обороны этого края, какъ ближайшаго театра дѣйствій въ случаѣ войны противъ Австріи, направленъ былъ сначала гренадерскій корпусъ, а подъ конецъ и вся гвардія изъ Петербурга, составлявшая послѣдній надежный резервъ. Въ эти трудные для государя дни, онъ писалъ собственноручно графу Ридигеру и въ одномъ изъ писемъ, давая наставленіе, какъ дѣйствовать, если бы крайность обстоятельствъ вынудила къ отступленію изъ Царства Польскаго, помѣщены были государемъ слѣдующія знаменательныя строки:

Если Богу угодно будетъ ниспослать на меня и это испытаніе, я съ твердостію покорюсь Его святой волѣ.

Тогда соберу я все, что останется подъ рукой, двинусь къ вамъ на соединеніе и отражу врага или сложу голову вмѣстѣ съ вами.

Письмо это было въ моихъ рукахъ ¹⁾ и я имѣлъ даже копію съ него, къ сожалѣнію утерянную впоследствии, но подлинникъ долженъ храниться въ бумагахъ покойнаго графа Ридигера и я счелъ не излишнимъ упомянуть о немъ, какъ о новомъ свидѣтельствѣ высокихъ, доблестныхъ чувствъ императора Николая въ самыя тяжелыя минуты его царствованія

А. И. В.

¹⁾ Весь 1854 г. и часть 1855 г. состоялъ я въ должности генераль-квартирмейстера арміи, собранной въ Царствѣ Польскомъ. А. В.

СКАЗАНИЕ О ВОЛНЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ ВЪ КАНДЕЕВКЪ

въ 1861 г.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1881 годъ появилось сказаніе С. Н. Худекова объ усмирении мною бунта въ с. Кандеевкѣ, Пензенской губерніи, въ 1861 году.

Отдавая справедливость правдивости въ общемъ разсказа очевидца г. Худекова, бывшего тогда при мнѣ въ качествѣ адъютанта, не могу однако-жъ не замѣтить, что за давностію событія въ разсказѣ его забыто кое-что изъ существеннаго, которое пролило бы болѣе яркій свѣтъ на дѣло, выпавшее на мою долю. Почему считаю себя обязательнымъ пополнить сдѣлавшееся достояніемъ исторіи. Отмѣчу тоже и нѣкоторыя неточности, встрѣтившіяся въ разсказѣ С. Н. Худекова.

Начну съ того, что крѣпостное право подготовило только почву для возмущенія и то въ данной мѣстности, какъ имѣющей свои особенности. Иначе бунтъ охватилъ бы неограниченное пространство. Виновниками же бунта, съ отгѣнкомъ и приемами пугачевщины, явились положительно:

1) Отсутствие крупныхъ помѣщиковъ въ такую важную минуту жизни народа, какъ освобожденіе крестьянъ, и не повсюду добросовѣстность управляющихъ имѣніями. Тамъ, гдѣ проживали помѣщики, или же куда они послѣ 19-го февраля не замедлили пріѣхать, — спокойствіе не нарушалось.

2) Священникъ с. Студенки графа Уварова, Ѳеодоръ Померанцевъ. По дознаніи оказалось, что онъ, будучи вдовымъ и человѣкомъ неопрытной жизни, изъ своекорыстныхъ видовъ, поддерживалъ въ крестьянахъ дикое убѣжденіе, что барщину, вмѣсто отбивать, какъ указано въ Положеніи 19-го февраля, слѣдуетъ отбивать. Онъ-то и

высланъ въ Соловки. Помогалъ ему и диаконъ с. Сентяпино, Лука Коронатовъ.

3) Леонтій Егорцевъ. Молоканъ, бывшій кучеръ г. Волкова, изъ его же тамбовскаго имѣнія. По отзывамъ жены Егорцева, старухи, онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ непопозволительнаго поведенія. Называлъ себя даже княземъ. Вліяніе его на одурѣвшихъ крестьянъ было таково, что они не переставали вѣрить ему въ существованіе небывалой «золотой грамоты на чистую волю». Ему, не скупившемуся на медовыя розказни, они подвели тройку лошадей въ запряжкѣ для разъѣздовъ. Набрасывали ему въ шапку серебряныя рублевки. Поступались ему даже женами, дочерьми. А онъ, мнимый князь, съ пригорка, сидя въ креслѣ, наскоро сдѣланномъ для него топоромъ, давалъ крестьянамъ «чистую волю» и всю помѣщичью землю, если они отобьются къ 23-му апрѣля, дню Пасхи; иначе, будто-бы, на вѣки-вѣчныя останутся крѣпостными. Были показанія, что онъ лакомилъ и себя, и крестьянъ намѣреніемъ повѣсить и меня. Но по прибытіи моемъ передъ Кандеевкою въ с. Высокое, сбѣжалъ въ возу соломы. Всѣ розыски, погоня за нимъ съ опѣлкой головы—были тщетны. Недѣли же двѣ спустя, онъ, пробравшись домой въ Тамбовскую губернію, скоростижно умеръ. Не смотря однако жъ на это, тѣло его вынимали изъ могилы; причеиъ всѣ убѣдились, что коновода бунта, Леонтія Егорцева, дѣйствительно не стало.

4) Жена неизлечимо больного кандеевскаго управляющаго, съ возмужалыми сынками распорядившаяся въ имѣніи по-своему. Тяготы, налагавшіяся ею на крестьянъ, были настолько обременительны, усилены передъ самымъ освобожденіемъ ихъ, что всякое терпѣніе не могло не лопнуть. Она-то и бросила, такъ сказать, искру въ бочку пороха.

Весьма естественно, что бунтъ не заставилъ себя долго ждать. Число бунтовщиковъ росло съ каждымъ днемъ. Явились тяжкія оскорбленія не только ненавистныхъ имъ управляющихъ, но даже и священниковъ. Были случаи разграбленія помѣщичьяго имущества. Въ с. Черногаѣ открытое нападеніе трехъ тысячъ челоѣкъ на роту, какъ бы пробный шаръ, пущенный бунтовщиками, закованіе ими въ кандалы исправника Андреева, вольноопредѣляющагося изъ дворянъ Мешвица, рядового и разсылнаго съ намѣреніемъ казнить ихъ, все это указывало, что бунтъ готовился быть грознымъ.

Перехожу къ обѣщаннымъ поправкамъ:

Въ с. Черногаѣ убито не 4, а 3; ранено не 8, а 4 бунтовщика.

Священникъ въ Черногаѣ не виноватъ въ томъ, что до моего туда пріѣзда, 15-го апрѣля, не предали землѣ тѣла убитыхъ 10-го апрѣля.

Не дозволяли ему того бунтовщики. Говорили они: «кто убилъ, тотъ пусть и хоронить».

Командиръ 10-й роты Тарутинскаго полка поручикъ Линденбаумъ, отступивъ въ с. Ершово съ потерю двухъ человекъ, видимо не могъ освободить плѣнныхъ изъ рукъ бунтовщиковъ. Спасъ отъ мученической смерти закованныхъ командиръ 9-й роты капитанъ Митаревскій, прибывшій съ ротою въ Черногай на подводахъ къ ночи того же 10-го числа.

18-го апрѣля, вторникъ страстной недѣли, снявъ отрядъ съ бивуака, я выступилъ противъ бунтовщиковъ съ незаряженными ружьями. Зарядилъ я ихъ боевымъ патрономъ въ глазахъ бунтовщиковъ только тогда, когда убѣдился, что въ многоглаголаніи съ ними нѣтъ спасенія.

Высочайше дарованнаго собственно мнѣ права судить виновныхъ своимъ судомъ я никогда не осмѣлился бы передать другому. Судъ надъ бунтовщиками въ числѣ 410 человекъ 14 селеній, трехъ уѣздовъ, счастливо отхваченными стрѣлковою ротою изъ десятитысячной толпы, не откладывая до завтра, творилъ я лично, при томъ не изъ господскаго дома, а на выгонѣ при громадномъ стеченіи народа, окруженный засѣдавшими со мною штабъ и оберъ-офицерами отряда. Тутъ были предводители дворянства: Керенскаго уѣзда г. Ранцевъ и Чембарскаго князь Енгальчевъ, губернскій жандармскій штабъ-офицеръ майоръ Лаксъ, земскія, сельскія власти и человекъ три управляющихъ. Послѣдніе, бѣжавъ изъ имѣній подъ охрану вооруженнаго отряда, не отставали отъ меня, не смотря на страшную со снѣгомъ распутицу, быстроту движенія и бивуачную жизнь. Они не скупились на обвиненія. Но я же и оправдывалъ кого слѣдовало, и такихъ отпускалъ домой.

Не помнится мнѣ, чтобы при шпицрутенномъ наказаніи «ключьями летѣло живое мясо». Избравъ такой родъ наказанія болѣе для устрашенія, я приказывалъ полковому командиру и баталіонному медику отнюдь не усиливать наказанія, каковое для того производилось не вдалекѣ отъ меня. Одинъ только временно отпускной лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, Василій Горячевъ, на тройкѣ вскачь возившій на шесть по селамъ и всякъ сочиненное имъ изъ краснаго кумача знамя воли, отнесенный мною къ первой категоріи виновныхъ, наказанъ семьюстами ударами. Прочіе же, одного съ нимъ разряда, были наказаны гораздо легче. Пожилые, хилые никакому не были подвергнуты тѣлесному наказанію. Виновные второй категоріи отправлены въ Сибирь на поселеніе. Третьей же категоріи, по наказаніи нѣсколькихъ изъ нихъ розгами, съ поля же отпущены по домамъ.

Не въ 1864, а въ 1862 году исходатайствовано было мною у государя императора виновнымъ второй категоріи не 26, а 80 полное помилованіе съ возвращеніемъ на родину. Первой же категоріи не 19, а 26 испрошено значительное сокращеніе сроковъ каторжной работы съ оставленіемъ въ Сибири.

С. Н. Худековъ въ концѣ своего сказанія говоритъ: «описавъ исключительно фактическую сторону дѣла, я считаю излишнимъ и преждевременнымъ дѣлать какія либо коментаріи къ рассказанному мною способу усмиренія, гдѣ розги оказались дѣйствительнѣе пудъ».

Повидимому это такъ. Но чтобы насыпать воробью соли на хвостъ, надо прежде поймать его. Задавшійся обязанностію не потерять ни одного солдата, я не допускалъ рукопашнаго боя, опасаясь вообще и вѣроломства со стороны озлобленныхъ всегда хитрыхъ крестьянъ. Поэтому-то и мѣры, принятыя мною противу упорныхъ бунтовщиковъ, не могли быть не крутыми; тѣмъ болѣе, когда по безуспѣшности увѣщанія и священника, выславшагося мною къ нимъ съ крестомъ, на военномъ совѣтѣ было принято: дѣйствовать рѣшительно. Наступали притомъ дни: «да молчить всякая плоть человѣча...!»

Тогда была составлена и диспозиція въ виду не невозможнаго отступленія, если бы непріятель, въ двадцать разъ сильнѣйшій, зная, что у меня нѣтъ артиллеріи, имѣвшій въ своей средѣ Горячевыхъ,—перешелъ всей массой въ наступленіе. Исходъ для обѣихъ сторонъ былъ бы тогда ужасенъ. Но, слава Богу, катастрофы этой не случилось. Надо притомъ не забывать и того, что двадцать лѣтъ тому назадъ не было еще патологическаго явленія: считать бунтъ за естественный ростъ народа и деликатно обращаться съ бунтовщиками; хотя и тогда, власть имѣвшіе, не переставали сознать святость истины, что милосердіе ближе къ правдѣ, нежели неумолимая строгость.

Въ Кандеевкѣ 41 пулей убито не 11, а 8. Ранено было не 28, а 27 бунтовщиковъ. Убыли въ отрядѣ не было.

О стойкости русскаго человѣка не можетъ быть спора. Въ приведенномъ же случаѣ сами бунтовавшіе объясняли мнѣ свою непокорность увѣренностію, будто бы въ нихъ будутъ стрѣлять горохомъ и что нужно выдержать три только залпа. При пальбѣ они закрывали лице рукавицей. Изъ с. Буртасъ, графа Вельгорскаго, въ возу съ провизіей для отряда, провезенной чрезъ выставленные по околицѣ бунтовщиками сторожевые пикеты, былъ ими найденъ и горохъ. Это-то и ввело ихъ въ горькое заблужденіе.

Но вотъ что останется необъяснимымъ: какъ это Кандеевка, гнѣздо бунтовщиковъ, по моему черезъ старосту требованію безпрекословно выставила около сотни подводъ для доставленія къ утру

изъ мирнаго с. Поимъ, графа Шереметьева, роты на усиленіе моего незначительнаго отряда, въ 500 штыковъ не болѣе. На каждой телѣгѣ было по парню. Скрывъ даже отъ приближенныхъ ко мнѣ настоящую цѣль моего распоряженія, я весь обозъ отправилъ (25 верстъ) въ с. Поимъ при двухъ бойкихъ отставныхъ гвардейскихъ унтеръ-офицерахъ, съ предписаніемъ ротному командиру: немедленно прибыть съ ротою въ Кандеевку. Таковое предписаніе отправилъ я умышленно открытымъ, дабы оно было прочтено на пикетѣ и въ пути; особо отъ чего, секретно, была послана записка на французскомъ языкѣ: оставаться на мѣстѣ, а высланные подводы послѣ ночлега часовъ въ 9 утра отпустить порожнемъ назадъ домой. Къ 10 часамъ утра я надѣялся покончить съ бунтовщиками.

Приказаніе мое было понято и буквально исполнено. Нѣсколько часовъ спустя послѣ трагическаго усмиренія бунта подводы порожнемъ были уже дома въ Кандеевкѣ, выстроенными передъ господскимъ домомъ. Я вышелъ къ подводчикамъ. Они на колѣняхъ, со слезами, благодарили меня, что выгородилъ ихъ изъ бѣды, дополнивъ свою непритворную благодарность сознаніемъ вслухъ, что теперь-то понимаютъ, что надобилось мнѣ не усиленіе отряда, а убавленіе числа жертвъ видимо жалости достойнаго бунта.

Убереженные мною сдѣлались моими сторонниками.

30-го апрѣля я уже воротился въ Пензу для встрѣчи генераль-адыютанта Яфимовича, ожидавшагося въ губернію съ особыми, высочайше дарованными ему, полномочіями. Ожила и Пенза!

Не мало могъ-бы я еще сказать, но пора дать покой читателю и особенно себѣ.

Въ заключеніе не могу не почтить память покойнаго пензенскаго тогда губернатора, графа Егора Петровича Толстаго, по тяжелой болѣзни своей довѣрившаго мнѣ вмѣсто него отправиться на мѣсто возмущенія и дѣйствовать по обстоятельствамъ и моему усмотрѣнію. Графъ, какъ человекъ благородный и высокообразованный, чуждъ былъ подозрительности. Онъ видѣлъ во мнѣ помощника безъ посягательства на его власть.

Не въ силахъ тоже умолчать и о томъ, что если толпа присужденныхъ къ розгамъ, по наказаніи нѣсколькихъ изъ нихъ, повинилась, то дошли до того не сами виновные, а уговорилъ ихъ просить помилованія маіоръ Лаксъ, чѣмъ, несомнѣнно, онъ оказалъ услугу дѣлу умиротворенія края.

Не забуду я и обязательность тогдашняго откупщика, потомственнаго почетнаго гражданина Ивана Алексѣевича Конопова. Чрезъ подчиненныхъ ему цѣловальниковъ я зналъ, что думаютъ, задумы-

вають противу меня пировавшіе у нихъ въ кабакахъ крестьяне и разные проходимцы. Это дало мнѣ возможность оцѣнить характеръ возмущенія, дѣйствовать не ощупью и прочно выиграть дѣло.

А. М. Дренякинъ.

Январь 1882 г.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Всеподданнѣйшій рапортъ Государю Императору свиты Его Величества генераль-маіора Дренякина, отъ 13-го мая 1861 года, № 21. Г. Пенза.

Послѣ второго моего Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйшаго донесенія отъ 2 минувшаго апрѣля № 6, въ коемъ я выражалъ мое вѣрованіе въ ненарушимость спокойствія Пензенской губерніи, съ 5-го числа того-же мѣсяца я началъ получать изъ Чембарскаго и Керенскаго уѣздовъ свѣдѣнія о сопровождавшемся безчинствами неповиновеніи крестьянъ своимъ помѣщикамъ и управляющимъ.

Относя такое грустное явленіе единственно къ непониманію крестьянами дарованныхъ имъ Вашимъ Величествомъ милостей, изображенныхъ въ манифестѣ съ Положеніями, начальникъ губерніи, не безъ основанія надѣясь прекратить возникшіе беспорядки, не прибѣгая къ рѣзкимъ мѣрамъ, — поручилъ уѣзднымъ властямъ обратить крестьянъ къ повиновенію: разъясненіемъ имъ на мѣстахъ происшествій правилъ ихъ переходнаго состоянія и обязанности къ помѣщикамъ.

Но 12-го числа утромъ получено было въ Пензѣ извѣстіе, что Чембарскаго уѣзда крестьяне имѣній графа Уварова и другихъ владѣльцевъ, до 26-ти селъ и деревень, совершенно отказались отъ повиновенія своимъ помѣщикамъ, не взирая на вразумленія уѣзднаго предводителя дворянства и земской полиціи, прибывшихъ въ дер. Черногаѣ того-же уѣзда, — мѣсто сборища крестьянъ окупныхъ селеній. Чембарскій предводитель дворянства, по неуспѣшности своей къ увѣщанію, принужденъ былъ оставить помянутое селеніе, куда собралась толпа до 3 тыс. человекъ, и вытребовать для водворенія порядка квартирующую въ одномъ переходѣ 10-ю роту Тарутинскаго великаго герцога Ольденбургскаго полка. Но и 9-го апрѣля, по размѣщеніи ея въ дер. Черногаѣ по дворянъ, толпа все прибывала; причеиъ буйство дошло до того, что 10-го числа земскій исправникъ Чембарскаго уѣзда, Андреевъ, и вызванный крестьянами изъ села Чернышева управляющій имѣніями графа Уварова, Пичугинъ, не избѣгнувъ тяжелыхъ побоевъ, оскорбленій, которыхъ не успѣла даже отвратить вызванная

но сбору рота, проложившая себѣ дорогу прикладами и успѣвшая выручить одного только станового пристава. Исправникъ-же, разсмысленный его и Пичугинъ остались въ рукахъ бунтовщиковъ, закованы ими въ жѣлѣза и отданы подъ крестьянской караулъ. На утро имъ сулилась мученическая смерть.

Одновременно съ захватомъ поименованныхъ лицъ, вооруженные въ толпѣ кольями, вилами, пешнями, иные кидали съ крыши кирпичи, бросались на роту и, хватаясь за штыки, пытались ее обезоружить до того, что командующій ротой поручикъ Линденбаумъ, охраняя военную честь, вынужденъ былъ открыть пальбу и отступать, боясь быть отрѣзаннымъ, до перехода черезъ плотину толпою, бросившеюся въ обходъ; причемъ самъ чуть было не сдѣлался жертвою ослобленія крестьянъ, если бы выстрѣломъ изъ револьвера не удалось ему убить замалнувшагося на него коломъ. Отступивъ же за ручей, избѣгая вообще большаго кровопролитія, онъ остановилъ роту и видя, что толпа готова была снова сдѣлать нападеніе, онъ отвелъ свою роту далѣе и потомъ на свои квартиры въ с. Ериново. Послѣдствіями неожиданной стычки было убито крестьянъ 3, ранено 4, захваченъ крестьянами раненый коломъ въ голову, ушибленный по рукъ вольноопредѣляющійся изъ дворянъ унтеръ-офицеръ Мешвицъ и одинъ рядовой.

Видя въ этомъ событіи не только одно неповиновеніе пошлѣщку и неправильное пониманіе высочайше дарованныхъ крестьянамъ правъ, но явное возмущеніе съ посягательствомъ на власти и войско, даже съ оружіемъ въ рукахъ, я, по соглашенію съ начальникомъ губерніи, того-жъ 12 апрѣля въ полдень, съ майоромъ корпуса жандармовъ Лаксомъ, выѣхалъ на мѣсто происшествія, отстоящее отъ г. Пензы въ 150 верстахъ. Но по причинѣ разлитія рѣкъ, сношенія нѣсколькихъ мостовъ и весьма дурной дороги, причемъ долженъ былъ гнѣздить колеса на сани и обратно,—послѣ 36-ти часовой ѣзды до г. Чебары, только 14 апрѣля могъ прибыть въ мирное село Поимъ, графа Шереметьева, ближайшее къ Черногаю, сдѣлавъ еще общее съ начальникомъ губерніи 8 числа изъ Пензы распоряженіе о сборѣ въ Поимъ 1-го баталіона Казанскаго пѣхотнаго Ею Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича полка, гдѣ узналъ, что 3-й баталіонъ Тарутинскаго полка начальникомъ штаба 6-го армейскаго корпуса направленъ въ Чебарыскій уѣздъ въ мое распоряженіе.

Ободренный полученнымъ мною дорогою свѣдѣніемъ, что закованные въ дер. Черногаѣ, безъ кровопролитія, были освобождены, прибывшемъ туда 10-го числа къ вечеру на подводахъ, 9-ю ротой Тарутинскаго полка подъ командою капитана Митаревскаго и, не взирая на дошедшіе до меня неблагопріятные слухи о продолжающихся безчинствахъ временно обязанныхъ крестьянъ, къ водворенію спокойствія рѣшился, однако-жъ, предварительно испробовать мѣры кротости, одинаковыя съ принятыми до того начальникомъ губерніи, тѣмъ болѣе, что некогда и половодье не благопріятствовали быстрому передвиженію войскъ. Не прибѣгая такимъ образомъ къ военной силѣ, но имѣя

ее уже при себѣ, я изъ села Поима, избраннаго мною штабъ-квартирою, разослалъ въ волновавшіяся селенія циркуляры, доступные пониманію крестьянъ, съ приказаніемъ выслать ко мнѣ по нѣсколько старшинъ домохозяевъ изъ каждой деревни для разъясненія Высочайше дарованныхъ имъ правъ и для выслушанія отъ нихъ самихъ: какъ было дѣло въ Черногаѣ и что было поводомъ къ возмущенію? Не смотря на мои крайнія сомнѣнія относительно благопріятнаго исхода принятыхъ мною мѣръ, результаты послѣдующихъ событій указали, что повидимому я достигъ желаемаго; ибо въ тотъ же вечеръ и на другой день прибывали депутаціи съ изъявленіемъ покорности и съ рассказомъ въ участіи въ Черногаевскомъ дѣлѣ; почему ни одного крестьянина не задержалъ, тѣмъ, безъ сомнѣнія, приобрѣлъ ихъ къ себѣ довѣріе.

Не считая, однако-жъ, себя вправѣ не искоренить главныхъ зачинщиковъ возмущенія 15-го апрѣля, съ тремя ротами Казанскаго и 3-мъ баталіономъ Тарутинскаго полковъ изъ с. Студенки перешелъ въ Черногаю, гдѣ крестьяне, спрятавшись по задворкамъ и оказавъ тѣмъ сначала какъ бы нѣкоторое упорство, впоследствии со слезами, на колѣнахъ, умоляли о помилованіи. При этомъ они сами высказались, что побудительною причиною неповиновенія было истолкованіе священникомъ с. Студенки, Федоромъ Померанцевымъ, манифеста, въ которомъ, по его словамъ, „не указано—работать“; упорство-же свое они объясняли поддержкою, встрѣченною ими со стороны смущенныхъ тѣми же толками крестьянъ, собиравшихся въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ въ Черногаѣ съ 5 по 10 апрѣля, разбѣжавшихся при приближеніи войска. Въ тотъ же день, въ Черногаѣ, по указанію уѣздныхъ властей, 9 и 10 ротъ Тарутинскаго полка, равно и по лично сдѣланнымъ мною дознаніямъ, арестовывалъ 12 человекъ злостныхъ бунтовщиковъ; въ томъ числѣ съывавшіе крестьянъ сосѣднихъ деревень на сборище въ Черногаю, откуда повсюду распространялись самыя возмутительныя толкованія и нелѣпные вымыслы.

Рассказаніе уваровскихъ крестьянъ, повидимому, было искреннее. Почему, отправивъ въ Поимскій этапный домъ только сказанныхъ выше 12 преступниковъ для поступленія съ ними по законамъ, остальныхъ оставилъ безъ наказанія, сознавая и нынѣ, что неповиновеніе крестьянъ произошло отъ заблужденія вообще, въ которое они къ тому-жъ были вовлечены ложнымъ толкованіемъ манифеста священникомъ Померанцевымъ; преимущественно-же отъ того, что въ тамошнемъ краѣ значительное число громаднхъ имѣній, принадлежавшихъ нѣкогда одному графу Разумовскому, гдѣ сами помѣщики не живутъ, управляются не одинаковыхъ способностей и склонностей управляющими, къ тому-жъ не снабженными еще отъ своихъ довѣрителей полномочіемъ, смѣчать работы и тѣмъ, такъ сказать, безотлагательно дать почувствовать крестьянамъ наступившее уже для нихъ небывалое хорошее время. Пензенская-же губернія, по многоземелью своему, легкостью барщины и подводною повинностію въ пользу помѣщика похвалиться не можетъ. Противу такого управленія я

уже принялъ возможныя мѣры, представивъ о томъ на обсужденіе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, съ словеснымъ даже отчетомъ объ усмиреніи временно-обязанныхъ крестьянъ, дабы познакомить оное присутствіе съ характеромъ бывшаго возмущенія и съ неожиданшею трудностію пригнѣнія къ крестьянамъ добровольнаго съ ними соглашенія: на оброкъ, безъ котораго нѣтъ выкупа, не идутъ; иные оброчныя прсытаются на барщину, отъ яснаго уразумѣнія ими, что съ упраздненіемъ крѣпостнаго права и тѣлеснаго наказанія безъ суда, барщинная работа легче оброка.

Фактъ этотъ тѣмъ болѣе оскорбителенъ, что помѣщики вообще, будучи проникнуты полнымъ сознаніемъ несостоятельности обязательнаго труда, жаждутъ переведенія крестьянъ на оброкъ и выкупа. Иные уже приступили-бы къ составленію уставныхъ грамотъ, но крестьяне опасаются на что нибудь согласиться и, зная хорошо все, что только для нихъ выгодно, не поторопятся къ заключенію уставныхъ грамотъ, дабы, въ случаѣ неурожая, не потерять права на продовольствіе отъ владѣльца. Такъ что своевременный и вполне благоприятный исходъ новаго дѣла, въ особенности-же когда время дойдетъ до надѣла крестьянъ землею и до отрубки оной, гдѣ былъ излишекъ—сомнителенъ.

Съ 14-го числа того же мѣсяца, въ числѣ донесеній, я получалъ отъ керченскаго уѣзднаго предводителя дворянства свѣдѣнія, что Керченскаго уѣзда, въ с. Кандеевку, г. Волкова, изъ окружныхъ деревень четырехъ сосѣднихъ уѣздовъ Пензенской и Тамбовской губерній собирается масса народа, дошедшая до 10 т. человекъ, что крестьяне съ криками „воля! воля!“ развозятъ по селеніямъ красное знамя; оскорбляютъ священниковъ, бьютъ старшинъ и сотскихъ, угрожая сдѣлать то же самое съ управляющими и съ гражданскими и военными начальниками; разъѣзды и пикеты ихъ перехватываютъ разсылныхъ и, не смотря ни на чьи увѣщанія, кричатъ: „земля вся наша! на оброкъ не хотимъ и работать на помѣщика не станемъ“.

Вслѣдствіе этихъ донесеній, для пресѣченія зла, я рѣшился изъ Черногая двинуться на Кандеевку; по дорогѣ же захватъ въ село Высокое, имѣніе г. Кожина, временнообязанные крестьяне коего еще 2-го апрѣля заставили убѣжать управляющаго, запечатали домъ, сопровождая свои безчинства оскорбленіями его семейству. Въ ночь на 16-е число, по требованію нынѣ генерал-лейтенанта барона Винценгероде, отпустивъ три роты Тарутинскаго полка въ его распоряженіе, Тамбовской губерніи, въ Моршанскій уѣздъ, 16 апрѣля утрою съ тремя ротами Казанскаго полка прибылъ въ с. Высокое. Крестьяне сказаннаго селенія просили прощенія, каковое и было имъ дано, послѣ того какъ собранная мною сходка выдала имъ зачинщиковъ возмущенія; главный же возмутитель Леонтій Егорцевъ, того же села, не могъ быть мною захваченъ, ибо (какъ позднѣе дознано), узнавши о приближеніи военной команды, онъ еще наканунѣ былъ вывезенъ въ Кандеевку въ возу соломы. Какъ ока-

заялось впоследствии, онъ былъ самый опасный изъ бунтовщиковъ. Принадлежа къ сектѣ молокановъ, каковыя существуютъ въ губерніи, онъ въ короткое время успѣлъ приобрести огромное вліяніе во всемъ краю. Вслѣдствіе его ложныхъ толкованій и присвоенія себѣ особыхъ правъ, вѣра въ него была такъ сильна, что изъ разныхъ деревень присылали за нимъ тройки съ приглашеніемъ прибыть къ нимъ для разъясненія имъ манифеста; водили его подъ руки и, нося за нимъ скамейку, становили его на возвышеніе, съ котораго онъ по-своему возвѣщалъ всѣмъ волю.

Власть его, наконецъ, возросла до того, что онъ началъ дѣлать денежные поборы, и дабы успѣхъ возмущенія склонить на свою сторону, грозилъ вѣшать тѣхъ, которые его ослушаются, а потомъ и начальниковъ усмиренія. Видѣвъ съ тѣмъ онъ убѣждалъ всѣхъ угрозами, что въ случаѣ прибытія войска, никто подѣ опасеніемъ смерти не долженъ выдавать „своихъ“ и никто не долженъ вѣрять ни земской полиціи, ни предводителю, ни даже мнѣ, по его выраженію „царскому послу“, подкупленнымъ будто бы помѣщиками.

По ходу событій видя, что виновныхъ можетъ накопиться, и кромя того, усматривая изъ новыхъ донесеній керенскаго уѣзднаго предводителя дворянства и командированнаго мною 14 апрѣля изъ с. Поима въ Кандеевку жандармскаго штабъ-офицера, что въ сказанномъ селѣ волненіе начинается принимать угрожающіе размѣры: народъ толпами не перестаетъ прибывать съ разныхъ селъ деревень, расхаживая по улицамъ съ кольями и дубинами, я, предвидя, что здѣсь дѣло не можетъ обойтись безъ быстрыхъ, рѣшительныхъ мѣръ, и для того, чтобы подавить возмущеніе, разливавшееся уже по Чембарскому, Керенскому и сосѣднимъ уѣздамъ Тамбовской губерніи, 16-го апрѣля телеграммой чрезъ шефа жандармовъ испрашивая повелѣнія вашего величества: рѣшить виновныхъ по моему суду, отправился съ двумя ротами Казанскаго полка въ Кандеевку, оставивъ въ с. Высокомъ для поддержанія спокойствія роту его высочества; въ Поимѣ же 1 стрѣлковую для принятія пересылавшихся туда арестантовъ и для конвоированія ихъ до г. Чембара, откуда они отправлялись въ г. Пензу.

Опередивъ направленные мною въ Кандеевку двѣ роты, 16-го же апрѣля, около вечера, съ состоящимъ при мнѣ, по распоряженію начальника 16-й пѣхотной дивизіи, подпоручикомъ Углицкаго пѣхотнаго полка Худековымъ и съ жандармомъ-вѣстовымъ, подѣхалъ къ усмотрѣнной мною на улицѣ сказаннаго села значительной толпѣ. Начавъ съ ласковаго привѣта къ стоявшему впереди толпы старому отставному солдату, повидимому заслуженному, съ произвольными впрочемъ красными полулацканами и съ орденскими лентами отъ плеча до плеча, какъ оказалось, въ двойномъ количествѣ нашитыми, онъ на обычные вопросы отвѣчалъ мнѣ уклончиво, съ прибавленіемъ словъ, не касающихся до дѣла: „за Бога и за царя умереть готовы“, увлекая тѣмъ народъ. На мои приказанія меня оставить, онъ не отходилъ, продолжая свой говоръ.

Тогда я приказалъ находившемуся при мнѣ жандармскому рядовому Михайлѣ Терурову захватить его, что сверхъ чаянія было удачно исполнено и о чемъ бунтовщики, какъ было дознано, сожалѣли. Солдатъ этотъ, 72 лѣтъ, Елизаровъ, по показанію самихъ крестьянъ оказался однимъ изъ главныхъ возмутителей и, кичась своими военными заслугами, называлъ себя графомъ Толстымъ.

Перейдя привѣтливо къ толкованію крестьянамъ высочайше дарованныхъ имъ правъ, я предлагалъ имъ смириться и до уставной грамоты повиноваться помещику, работая въ его пользу по-новому положенію, или же перейти на опредѣленный закономъ оброкъ. Вместе съ тѣмъ уговаривалъ крестьянъ покаяться въ ослушаніи и оскорбленіяхъ, нанесеннымъ ими уѣздному предводителю дворянства и земской полиціи, о'яснивъ имъ, что если они не повѣрили ихъ истолкованіямъ, то наконецъ мнѣ, какъ присланному вашимъ величествомъ, они обязаны вѣрить безпрекословно. Но вмѣсто ожидаемаго раскаянія всѣ въ одинъ голосъ кричали: „не будемъ работать на помещика и на оброкъ не хотимъ, хотъ всѣхъ насъ перевѣшай!“ — Видя, что толпа начинаетъ волноваться, къ каковому впрочемъ времени явились ко мнѣ предводитель дворянства, исправникъ и командиръ Казанскаго полка, я вышелъ изъ толпы и отправился къ прибывшему заранѣе войску (2, 9, 10 и 11 роты Казанскаго полка), расположенному бивуакомъ около господскаго дома, на половинѣ селенія, вѣ онаго, съ военными предосторожностями, мною еще болѣе усиленными. Съ вступившими же вслѣдъ затѣмъ на бивуакахъ 3-й и 4-й ротами того же полка въ моемъ распоряженіи у села Кандеевки, съ прибывшею на другой день 3-ю стрѣлковою ротою, находилось всего семь ротъ.

Другой день, т. е. 17-е число, празднуемое всей Россіей, я оставилъ крестьянамъ на размышленіе, и чрезъ наемнаго бурмистра требовалъ отъ нерасходившейся толпы присылки ко мнѣ нѣсколькихъ разумныхъ стариковъ-домохозяевъ, для объясненія имъ новыхъ законоположеній, съ тѣмъ чтобы, выслушавъ мое толкованіе, вѣ подстрекаательства толпы, они могли бы образумить прочихъ. Но бунтовщики не отпустили ко мнѣ ни одного человѣка и прогнали посланнаго. Тогда я отправилъ къ нимъ приходскаго священника съ крестомъ, поручивъ ему уговорить бунтовщиковъ. Но и увѣщеванія священника остались тщетными. Вечеромъ еще разъ посылалъ сотскихъ съ приказаніемъ, чтобы толпа опомнилась и разошлась. Но все было безуспѣшно. Явно, что бунтовщики были увѣрены въ мнимои правотѣ свсей и что успѣхъ останется на ихъ сторонѣ.

18-го апрѣля, вторникъ страстной недѣли, утромъ въ 8 часовъ, мною получена телеграмма шефа жандармовъ отъ 17 апрѣля за № 3264, въ коей было изображено, „что мнѣ высочайше предоставляется рѣшить дѣло о виновныхъ по моему суду“. Убѣдясь, что ничто не дѣйствуетъ на бунтовщиковъ, я рѣшился прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, со всею за нихъ отвѣтственностію, не переставая отовсюду получать самыя печальныя свѣдѣнія, что

возмущеніе разлилось по 4-мъ смежнымъ уѣздамъ, откуда крестьяне, выжидая развязки моимъ дѣйствіямъ, толпами стекались въ Кандеевку! Сверхъ того я узналъ, что между бунтовавшими въ томъ краѣ вкоренилось твердое убѣжденіе, что если они не отобьются (принявъ слово отбивать барщину за отбивать оную) къ Святой недѣлѣ, то на вѣчныя времена останутся въ крѣпостномъ состояніи,—не вѣря, что изъ онаго уже вышли.

На крышахъ и на гумнахъ всюду видны были крестьяне, зорко слѣдившіе за каждымъ распоряженіемъ въ отрядѣ. Изъ всего этого, равно изъ предвѣдомленія, что на нѣкоторыхъ крестьянскихъ дворахъ сложены топоры, колы съ насаженными на нихъ косами и другими орудіями, уразумѣвъ всю необходимость дѣйствовать рѣшительно и вмѣстѣ съ тѣмъ съ крайнею осторожностію, я безотлагательно рѣшился на то и потому собственно, что наступилъ Страстные дни, недалеко уже былъ до праздника, и что если не обратятъ бунтовавшихъ къ полевымъ работамъ, къ посѣву ярового хлѣба, то голодъ неминуемъ.

Сдѣлавъ предварительныя распоряженія о прибытіи на одни сутки изъ Моршанскаго уѣзда двухъ ротъ Тарутинскаго полка съ тѣмъ, чтобы къ 9-ти часамъ утра, не доходя двухъ верстъ до с. Кандеевки, куда сходятся дороги изъ многихъ волновавшихся селеній, они ожидали дальнѣйшихъ распоряженій, а до того захватывали-бы бѣгущихъ, если-бы таковыя были,—я, оставивъ одну роту Казанскаго полка для охраненія господскаго дома, откуда и накануне ознакомился съ мѣстностію, — съ четырьмя ротами, въ 10 часовъ утра, направился ко входу въ селеніе съ площади противу господскаго дома, раздѣляющей село на два крыла, гдѣ въ правой улицѣ, длиною болѣе версты, увидѣлъ шумящую толпу.

Остальнымъ двумъ ротамъ, въ предотвращеніе нападенія на меня въ флангъ съ правой стороны и съ тыла (съ лѣвой—рѣчка), приказалъ держаться въ 200 шагахъ правѣе на одной высотѣ со мной,—положивъ отнюдь не штурмовать селенія, дабы не вызвать рукопашнаго боя и не потерять ни одного изъ вѣранныхъ мнѣ чиновъ. Въ случаѣ-же отчаяннаго сопротивленія думалъ зажечь село и тѣмъ заставить бунтовщиковъ выйти въ поле, гдѣ управа съ ними была бы легче. Черезъ незначительную рѣчку, какъ послѣ дѣла оказалось, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были наскоро насланы переѣзды и къ нимъ подвезено крестьянское имущество, уложенное въ возахъ.

Остановивъ колонну у крайнихъ дворовъ въ 300 шагахъ отъ массы бунтующихъ, они, по моему зову, нерѣшительно подошли ко мнѣ шаговъ на 100. Тутъ я снова обратился съ увѣщаніями: предлагалъ имъ, просилъ до времени разойтись и засеивать свои и пощичьи поля. Но слова мои были заглушены крикомъ: „не повинуюсь, ничего не хотимъ! Умремъ за Бога и Царя!“

Тогда грозилъ имъ, что если они добровольно не покорятся, то прикажу

стрѣлять въ нихъ, какъ ослушниковъ высочайшей воли и манифеста. Но всѣ мои угрозы были тщетны. Желая ограничиться какъ можно меньшимъ числомъ жертвъ и дабы толпа болѣе тысячи человекъ (всего-же въ деревнѣ, считая оставшихся на дворахъ, было до 7 тыс. человекъ) не бросилась на войско, я отогналъ ее, насколько послушались (оказалось—шаговъ на 150), и выждавъ нѣсколько, съ прискорбіемъ приказалъ сдѣлать залпъ первой шеренгѣ головного полувзвода 9 роты, разожнутаго на руку дистанціи, для представленія большаго протяженія фронта, чтобы занять всю ширину улицы.

Раздались выстрѣлы. Въ толпѣ упало нѣсколько человекъ крестьянъ; но масса бунтовщиковъ не дрогнула. Напротивъ того, поднявъ руки, кричали громче и громче. Принявъ поднятіе рукъ за просьбу о пощадѣ, я остановилъ стрѣльбу. Но оказалось, что они выражали этииъ свое желаніе: умереть за Бога и Царя, никому не повиноваться въ то-же время. „Просите пощады, иначе буду продолжать стрѣлять“, говорилъ я имъ. Но толпа, придвинувшись нѣсколько ближе къ войску, кричала: „всѣ до одного умремъ, но не покоримся“. Послѣ чего невооруженные, безпримѣрно неустрашенные, по счастью безъ женъ и дѣтей, всей массой, снова отошли на прежнее мѣсто. Тогда по моему приказанію сдѣланъ второй залпъ. Не смотря на это, народъ, поднявъ руки, съ болышимъ еще жаромъ продолжалъ кричать: „всѣ умремъ за Бога и Царя“. Не безъ содроганія увидѣвъ, что ничто не помогаетъ, я, показавъ подвинувшейся ко мнѣ толпѣ находившійся при мнѣ походный образъ, благословеніе матери, клялся передъ народомъ, что говорю правду и правильно толкую высочайше дарованныя крестьянамъ права. Но и клятвѣ моей не повѣрили, и съ поднятыми руками снова кричали: „за Бога и Царя умремъ всѣ до одного“.

Третій залпъ тоже не привелъ ни къ чему. Толпа не двигалась. Съ ужасомъ видѣлъ необходимость продолжать стрѣлять.

Изготовившись къ тому, рѣшился однако-жъ попробовать отхватить хоть нѣсколько человекъ, не углубляясь слишкомъ въ деревню изъ опасенія, чтобы вѣрные исполнители моихъ приказаній не были изрублены бунтовщиками, не выходящими со дворовъ.

Приказаніе мое было быстро исполнено 3 стрѣлковою ротой; причемъ захвачено и выведено изъ улицы, сверхъ чаянія, 410 бунтовщиковъ 14 селеній, трехъ уѣздовъ.

Остальные-же разбѣжались и попрятались въ селенія, уйдя изъ слага къ ночи. Выемку ихъ изъ селенія, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ, считалъ невыгодной и едва-ли возможной по незначительности отряда. Поощреніе же ихъ тѣмъ къ бѣгству вечеромъ оказалось въ высшей степени благотворнымъ. Въ ту-же ночь, въ мою округу и даже въ Тамбовской губерніи все утихло, узнавъ о покореніи кандеевцевъ. Изъ оконъ господскаго дома было видно, какъ послѣ выстрѣловъ поле покрылось сорвавшимися со дворовъ до-

шадьми, на которыхъ верхаи прѣзжали въ Кандеевку сторонніе участвовать въ сопротивленіи и узнать, чѣмъ кончится дѣло о „чистой волѣ“. Необъяснимыя мною въ то время изумительная стойкость крестьянъ и твердое намереніе ихъ умереть, какъ оказалось впоследствии, происходили отъ того, что вышеупомянутый Леонтія Бгорцевъ (видѣвшій меня 16 числа предъ толпою, но потомъ скрывшійся и нынѣ, за всѣми розысканіями съ оцѣнкой его головы, находящейся въ бѣгахъ), развѣзжая по селеніямъ, говорилъ: „если войска и будутъ въ васъ стрѣлять, то выдержите только три залпа и тогда сами начальники объявятъ вамъ чистую волю“. Иные-же, какъ показалъ одинъ раненый, думали, что въ нихъ будутъ стрѣлять горохою; что было имъ взято изъ того, что наканунѣ изъ илѣнія графа Вильгорскаго, въ числѣ провезеннаго для солдатъ, было провезено, неминуемо чрезъ пикеты бунтовщиковъ, нѣсколько гороху.

Выведа изъ деревни захваченную толпу, снова обратился къ ней съ вопросомъ: согласны-ли повиноваться? добавивъ къ этому, что въ случаѣ покорности готовъ ихъ помиловать. Но и на это всѣ единогласно отвѣчали: „умремъ всѣ, но не повинимся“.

Доведя толпу до господскаго дома и поручивъ отряду ее охранять, я велѣлъ убрать убитыхъ и принести къ дому раненыхъ, что было возможно на собранныхъ исправниковъ въ Кандеевкѣ безсрочно-отпускныхъ, изъ числа не принимавшихъ участія въ бунтѣ. Оказалось: пуль выпущено 41, убито крестьянъ 8, ранено 27. Послѣднимъ немедленно поданы должны пособія усерднымъ баталіоннымъ лекаремъ Полумордвиновымъ; дано особое поощреніе, нѣжная пища, для ухода за ними нанята прислуга изъ отпускныхъ солдатъ. Для пользованія раненыхъ впредъ до ихъ выздоровленія вытребованъ изъ Пензы особый врачъ, получившій наставленія отъ прѣзжавшаго съ ними къ раненымъ инспектора врачебной управы. Хотя изъ числа раненыхъ нѣкоторые уже умерли, а часть находится въ сомнительномъ состояніи къ выздоровленію, но они со слезами высказывали свою признательность за пощадительность о нихъ; сознательно говоря, что въ ихъ страданіяхъ, кромѣ ихъ самихъ, никто не виноватъ.

Потрясенный душевно сильно описанной кровавой сценой, я принужденъ былъ не отказаться отъ предложеннаго мнѣ медикомъ на нѣсколько часовъ отдыха, полагая притомъ, что захваченная толпа въ это же время одумается и сама будетъ просить о помилованіи. Но крайне всѣ ошиблись въ такихъ ожиданіяхъ: часовъ чрезъ пять я снова увѣщевалъ захваченныхъ, которые, не смотря, что были окружены штыками, отвѣчали попрежнему: всѣ до одного умремъ за Бога и Царя, но не покоримся!

Тогда я приступилъ къ снятію допросовъ съ заиѣченныхъ мною 16 числа при разговорѣ съ толпою и указанныхъ мнѣ предводителемъ, исправникомъ и становымъ приставомъ, какъ съ главныхъ ослушниковъ, упорнѣе другихъ не

согласившихся ни на какія предложенія. Упорство-же и сила вкоренившихся въ крестьянахъ убѣжденій были такъ велики, что они стали виниться тогда только, когда исполнялось уже шницрутенное 29 человѣкъ наказаніе, обѣщавшееся и всѣмъ захваченнымъ. Почему изъ прочихъ 16 человѣкъ наказаны рогати, а остальные, давшіе руки въ томъ, что будутъ повиноваться, прощены. Съ тѣхъ поръ, не видя уже и въ другихъ селеніяхъ прежней закоренѣлости, принимаясь къ милосердію Вашего Величества, наказанія по возможности смягчалъ и давая всѣ способы къ оправданію, многихъ прощалъ, облегчая вообще участь соизвавшихся. Таковой судъ и по скорости его принять съ благодарностію. Были впрочемъ и такіе закоренѣлые, которые и послѣ исполненія надъ ними приговора, отвѣчали: „хоть убей, но на работу не пойдешь и на оброкъ не хотишь“.

На другой день село Кандеевка представляла уже совершенно противуположное прежнимъ днямъ зрѣлище. Все какъ бы ожило! Спокойное движеніе началось, пути сообщенія сдѣлались безопасными; но я еще не рѣшался перейти войско съ бивуака на квартиры. Въ бывшемъ крестьянскомъ возмущеніи ненормальнаго размѣра я постоянно остерегался вѣроломства. Реквизиція была невозможна. Но благодаря управляющаго имѣніями графа Віельгорскаго, оставшаго штабсъ-капитана Борисовича, умомъ своимъ и неустрашимостію удержавшаго одно изъ многочислѣннѣйшихъ селъ, Большой Буртасъ, отъ полнаго участія въ кандеевскомъ дѣлѣ, отрядъ имѣлъ отъ него провізію и по временамъ винныя порціи, что способствовало поддержанію здоровья въ отрядѣ.

19-го апрѣля, въ среду, было наказано еще трое крестьянъ, которые, какъ главные тоже буяны, были выданы изъ сосѣдней деревни обществомъ, приславшимъ глѣбъ-соль.

Слѣдующіе затѣмъ дни, по 26-е апрѣля, были проведены мною въ Кандеевкѣ безъ опредѣленія наказаній, и для указанія вотчинной конторѣ необходимости смягченія господскихъ работъ. Прятавшіеся до того повсюду, гдѣ ни пробѣжалъ, женщины и дѣти, вступивъ въ свою обыденную жизнь, безъошибочно приходили ко мнѣ съ просьбой о помилованіи осужденныхъ ихъ мужей, отцевъ, братьевъ.

23-го апрѣля, въ ознаменованіе праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія и принимаясь къ неограниченному милосердію вашего величества, прощено 22 человѣка крестьянъ, изъ числа приговоренныхъ къ ссылке на поселеніе, безъ наказанія шницрутенами.

25-го апрѣля, оставивъ въ Кандеевкѣ двѣ роты Казанскаго полка, я съ прочими отправился Чембарскаго уѣзда въ село Покровское, г. Веригина, на самой границѣ Тамбовской губерніи, куда 5-го апрѣля крестьяне мѣстные и собравшіеся съ окрестныхъ деревень заставили убѣжать управляющаго, послали за нимъ въ Моршанскъ погоню, раздѣлили между собою господскій свѣтъ, прибили бурнистра, церковнослужителей и кромѣ того, съ оскорбленіями вырвавъ изъ рукъ священника акафистъ, угрожали его убить.

По прибытіи моемъ въ сказанное селеніе, крестьяне встрѣтили меня съ хлѣбомъ-солью, съ раскаяніемъ, и выдали мнѣ главныхъ виновниковъ возмущенія, въ числѣ 43 человекъ, какъ нарушителей ихъ спокойствія. Они признались, что какъ они, такъ равно и всѣ окрестныя селенія были возмущены вышеупомянутымъ Егорцевымъ, который, по показанію священника, болѣе другихъ оскорбилъ и его.

На другой день, т. е. 26-го апрѣля, по сдѣланіи необходимыхъ дознаній и снятіи допросовъ, изъ числа выданныхъ миромъ, 22 человекъ по исправительномъ наказаніи возвращены семействамъ, а остальные, въ томъ числѣ приведенные изъ Кандеевки, наказаны шпицрутенами и препровождены въ чебарскій тюремный замокъ для ихъ дальнѣйшаго отправленія по назначенію.

Изъ села Покровскаго, 26-го апрѣля, я съ войскомъ перешелъ въ село Высокое, куда въ вечеру прибыли также вызванные мною и выданные обществомъ деревни Никульской, г. Бородина, 10 человекъ главныхъ виновниковъ бывшаго и въ томъ селеніи безпорядка. 27-го апрѣля, по снятіи допросовъ 6 изъ нихъ и сверхъ того 11 человекъ, зазваченныхъ мною ранѣе возмутителей села Высокаго, наказаны шпицрутенами и въ тотъ же день препровождены въ чебарскій тюремный замокъ.

Удостоверившись въ искренности раскаянія бунтовавшихъ селеній, того же числа отправился въ село Понизъ, откуда на другой день, то есть 28-го апрѣля, съ военной силой и съ содержавшимися въ тамошнемъ этапномъ домѣ преступниками прибылъ въ село Чернышево, графа Уварова, гдѣ въ ночь съ 10-го на 11-е апрѣля крестьяне, собравшись съ 10 окрестныхъ селеній, приступили къ вотчинной конторѣ, намѣревались расхитить казначейство, врывались и къ главноуправляющему всѣми имѣніями графа Уварова, Черноголовкину, съ намѣреніемъ его убить. Но разъяренная, частію хмѣльная, толпа была остановлена у дверей въ залу крестьяниномъ села Сентапино, Андреемъ Крохинымъ, который, не убоявшись угрозъ, рѣшился скорѣе умереть, чѣмъ выдать старика Черноголовкина, не задолго предъ тѣмъ туда пріѣхавшаго.

По снятіи допросовъ съ выданныхъ миромъ преступниковъ, 30 изъ нихъ, 29-го апрѣля, наказаны шпицрутенами по степенямъ ихъ виновности и отправлены въ чебарскій тюремный замокъ.

Оставивъ въ селѣ Чернышевѣ три роты Казанскаго полка, остальные отпустилъ и 30-го апрѣля возвратился въ г. Пензу для встрѣчи генераль-адъютанта Яфимовича, удостоверившись предварительно въ искренности изъявленной покорности крестьянъ, встрѣчавшихъ меня всюду съ хлѣбомъ-солью. И по нынѣ получаю отовсюду положительныя свѣдѣнія, что все пришло въ должный порядокъ; такъ что кромѣ самыхъ незначительныхъ недоразумѣній, прекращенныхъ безъ военной силы въ мѣстахъ, гдѣ я еще не былъ, безбоязненно осмѣливаюсь доложить, что примѣръ усмиренія Кандеевки благотворно подѣйствовалъ на далекое разстояніе, и въ Пензенской губерніи, благодаря Бога, спокойствіе

возстановлено. Для большей же прочности въ западныхъ уѣздахъ губерніи, мнѣ знакомыхъ, назначены, съ утверждения генералъ-адъютанта Яфимовича, баталіонныя лѣтніе сборы Казанскому полку: 1-му баталіону—гор. Чебарь, 2-му—село Черкасское, 3-му—гор. Керенскъ, и 3-иѣ стрѣлковымъ ротамъ—въ гор. Нижнемъ-Ломовѣ штабъ-квартира полка, съ отиѣной оному въ этомъ году полкового сбора.

Конфирмованные мною преступники съ назначеніемъ ихъ къ ссылкѣ въ Сибирь, частію въ рудники и на поселеніе и къ меньшему наказанію, въ числѣ 114 человекъ, приведены уже въ Пензу для дальнѣйшаго отправленія. Сюда же привезены и священникъ села Студенки, Федоръ Померанцевъ, по показанію крестьянъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ возмущенія, и одинъ дьяконъ, причастный къ дѣлу, которые по степени ихъ виновности должны понести заслуженное наказаніе. Священника Федора Померанцева, вдовца, мнѣніемъ своимъ я положилъ отправить, въ пригѣрь прочіихъ, навсегда въ Соловецкій монастырь.

Кромѣ того имѣю въ виду еще 4-хъ священниковъ, неодобрительно себя ведшихъ по случаю объявленія манифеста. По распоряженію архіепископа пензенскаго и саранскаго производится о поступкахъ ихъ слѣдствіе.

Повергая къ священнымъ стонамъ вашего императорскаго величества мои дѣйствія по усмиренію бывшаго возмущенія въ западныхъ уѣздахъ Пензенской губерніи, — считаю себя счастливымъ, что имѣю случай свидѣтельствовать о пригѣрно честномъ поведеніи находившагося въ моемъ распоряженіи отряда, безъ различія чиновъ, постоянно: 1 баталіона, 9, 10 и 11 номерныхъ и 1 и 3 стрѣлковыхъ ротъ Казанскаго пѣхотнаго его императорскаго высочества великаго князя Михаила Николаевича полка и временно: 3 баталіона и 1 и 2 стрѣлковыхъ ротъ Тарутинскаго пѣхотнаго великаго герцога Ольденбургскаго полка.

Отличнымъ этимъ войскамъ вообще и вѣрному исполненію моего приказанія стрѣлять по бунтовщикамъ принадлежитъ и вся честь подавленія во-время чудовищнаго неповиновенія и спасенія края. Всѣ чины отряда, не взирая на доставшіяся на ихъ долю въ ненастное время года лишенія, не уступали другъ другу въ рвеніи исполнять свой долгъ. Продолженію монаршаго благоволенія, изображеннаго въ телеграммѣ вашего величества, отъ 23 апрѣля, такому счастью я обязанъ войскамъ; въ особенности командиру Казанскаго полка, полковнику Миньковичъ-Петровскому; попечительному о раненыхъ баталіонному медику, Полумордвинову; командиру 2 роты, капитану Ванину, нравственнымъ своимъ вліаніемъ удержавшему въ повиновеніи село Колесовку, 700 душъ, одной экономіи съ Кандеевкою; состоящему при мнѣ Углицкаго пѣхотнаго полка подпоручику Худекову, ближайшему и просвѣщенному моему сотруднику, повсюду охранявшему мою жизнь; командиру 9 роты Тарутинскаго полка, капитану Митаревскому, распорядительностію своею спасшему отъ мученической смерти чебарскаго исправника и другихъ

съ нимъ закованныхъ въ Черногаѣ; губерискому жандармскому штабъ-офицеру, майору Лаксу, усердно во всемъ мнѣ помогавшему; уѣзднымъ предводителемъ дворянства, себя нещадившимъ: керенскому, гвардіи штабсъ-ротмистру Раницеву, выдержавшему къ тому же въ Кандеевкѣ продолжительную блокаду, и чебарскому, гвардіи поручику князю Бигалычеву, равно всѣмъ гг. штабъ и оберъ-офицерамъ поименованныхъ выше частей Казанскаго и Тарутинскаго полковъ.

Много я обязанъ распоряженіямъ и полному содѣйствию со стороны начальника Пензенской губерніи, генераль-лейтенанта графа Толстого, дающаго мнѣ всѣ способы къ выполненію высочайше возложеннаго на меня вашихъ императорскихъ величествомъ порученія.

Изложивъ предъ вашими императорскими величествомъ заслуги бывшаго въ моемъ распоряженіи отряда и прочихъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ усмиреніи края, не менѣе священнымъ поставляю для себя долгомъ всеподданнѣйше утруждать о всемилоостивѣйшемъ награжденіи серебрянною медалью, въ примѣръ прочимъ, врекенно обязаннаго крестьянина села Сентяпина Андрея Крохина, за довнанное спасеніе имъ отъ смерти съ самоотверженіемъ главноуправляющаго ииѣніями графа Уварова, Черноголовкина.

Вѣдомость о числѣ преступниковъ по наказаніи удаленныхъ съ мѣстъ жительства и списокъ таксыми же собственно военнаго званія при семъ прилагаются.

Подписалъ: Свиты вашего императорскаго величества генераль-майоръ Дренякинъ.

II.

Перечневая вѣдомость о числѣ убитыхъ и раненыхъ временно - обязанныхъ крестьянъ, равно какъ и о наказанныхъ крестьянахъ же, и нижнихъ чиновъ военнаго званія, соучастникахъ въ бывшемъ возмущеніи крестьянъ Пензенской губерніи въ Чембарскомъ и Керенскомъ уѣздахъ, съ подраздѣленіемъ на разряды, поясняющіе степень ихъ виновности и мѣру наказанія.

13 мая 1861 года.

Г. Пенза.

Разряды.	З в а н і я .			В С Е Г О .
	Крестьянъ.	Отпущенныхъ.	Отставныхъ.	
26-ти сель и деревень, 12-ти владѣльцевъ.				
Убито 10-го апрѣля въ Черногаѣ 3 и 18-го апрѣля въ Кандеевкѣ 8	11	—	—	11
Ранено 10-го апрѣля въ Черногаѣ 4 и 18-го апрѣля въ Кандеевкѣ 27.	31	—	—	31
I. Съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, военнаго званія, и по наказаніи шпицрутенами чрезъ сто человѣкъ отъ 4 до 7 разъ, приговорено къ ссылкѣ въ отдаленные сибирскіе рудники и на заводы на срокъ отъ 4 до 15 лѣтъ. .	26	2	—	28
II. Съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, военнаго званія, и по наказаніи шпицрутенами чрезъ 100 человѣкъ отъ 2 до 4 разъ, приговорено къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе	78	—	2	80
III. Съ лишеніемъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ и преимуществъ, за старостію лѣтъ безъ тѣлеснаго наказанія, приговорено къ содержанію въ пензенскомъ смирительномъ домѣ отъ 1 до 2 лѣтъ.	3	—	—	3
IV. Наказано шпицрутенами чрезъ 100 человѣкъ два раза, и безъ наказанія приговорено къ обращенію на службу въ оренбургскіе линейные баталіоны	—	3	—	3
V. Наказано розгами отъ 50 до 250 ударовъ, съ возвращеніемъ въ семейства	57	1	—	58

Примѣчаніе. Сверхъ того, за причастность къ возмущенію приговорены:

1) Священникъ села Студенки Федоръ Померанцевъ къ удаленію навсегда въ Соловецкій монастырь, и

2) Дьяконъ села Сентяино Лука Коронатовъ къ удаленію отъ помѣщичьяго мѣстнаго и содержанію его въ г. Пензѣ на 6 мѣсяцевъ, подъ строгимъ надзоромъ мѣстнаго епархіальнаго начальства.

Подписалъ: Свиты его величества генераль-маіоръ Дренякинъ.

III.

Копія съ телеграфныхъ депешъ свиты его величества генераль-маіора Дренакина въ С.-Петербургъ и съ отвѣтовъ къ нему и рескрипта государя императора.

Въ С.-Петербургѣ.

Шефу жандармовъ.

16-го апрѣля, село Высокое.

Кротость покорила Уваровскихъ. Виновники взяты. Берусь за Высокое, Покровское. Завтра увижу Лакса въ Кандеевкѣ. Испрашиваю себѣ повелѣнія, не наполняя остроговъ, рѣшить виновныхъ по моему суду. Телеграфическаго отвѣта прошу изъ Кирсанова по эстафетѣ, Чембарскаго уѣзда, въ Поимъ.

Изъ С.-Петербурга.

Свиты его величества генераль-маіору Дренакину.

17-го апрѣля, № 3264.

Кирсановъ, и по эстафетѣ Поимъ.

Вамъ высочайше предоставляется рѣшить дѣло о виновныхъ по вашему суду.

„Князь Долгоруковъ“.

Государю императору.

18-го апрѣля, с. Кандеевка.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ всеподданнѣйше доношу. Сегодня вынужденъ былъ употребить 41 пулю Казанскаго полка противъ бунтовавшихъ въ с. Кандеевкѣ, гнѣздѣ возмущенія, разлившася по сосѣднимъ уѣздамъ Пензенской и Тамбовской губерній: убито 8, ранено 26, но не повинились. Удалось захватить толпу съ разныхъ селъ трехъ уѣздовъ 410 человекъ и только послѣ наказанія главныхъ зачинщиковъ первой категоріи шпигиртунами 29, второй—розгами 16, остальные покорились, кажется, чистосердечно, и прощены. Казанцы и Тарутинцы молоды и вѣрны присягѣ. Повергаю мои прискорбныя дѣйствія къ стопамъ вашего величества и испрашиваю благоволенія на представленіе къ наградамъ всѣхъ чиновъ, быстро дѣйствовавшихъ со мною на многихъ пунктахъ.

20-го апрѣля, с. Кандеевка.

Имѣю счастье всеподданнѣйше донести, что чудовищное неповиновеніе исчезаетъ. Окрестныя селенія, выдавая зачинщиковъ, присылаютъ хлѣбъ-соль. Все ожило! Работы начались! Наказанные преступники вывезены. По знаменательности настоящихъ дней, прижняясь къ милосердію вашего величества, отложенныя наказанія смягчу. Волновавшіяся селенія не оставляю безъ личной провѣрки. По окончаніи чего подробности по почтѣ.

22-го апрѣля, с. Кандеевка.

Имѣю счастье принести вашему величеству вѣрноподданническое поздравленіе съ Свѣтлымъ праздникомъ и донести, что все приходитъ въ желанный порядокъ. Усмирявшія войска съ бивуака безбоязненно переводятся въ избы.

Изъ С.-ПЕТЕРБУРГА.

Генераль-маіору Дренякину.

23-го апрѣля, № 118.

Христось Воскресе!

Благодарю за поздравленіе и за дѣльныя распоряженія.

„Александръ“.

Государю императору.

29-го апрѣля, с. Чернышево.

Глубоко тронуть благоволеніемъ вашего величества.

Бунтовавшіяся, волновавшіяся селенія Чембарскаго и Керенскаго уѣздовъ сознательно покорились.

Повсюду принялъ хлѣбъ-соль. Войска по возможности отпускаю. Возвращаюсь въ Пензу.

IV.

Письмо керенскому уѣздному предводителю дворянства, отставному гвардіи штабъ-ротмистру Ранцеву, отъ 23-го апрѣля 1861 г., село Кандеевка.

М. г. Петръ Алексѣевичъ! Предъ вами, какъ предъ первыми прибывшими на мѣсто вспыхнувшаго возмущенія въ селѣ Кандеевкѣ, г. Волкова, и безвыѣздно остававшимся здѣсь до усмиренія чудовищнаго неповиновенія кандеевцевъ и ихъ сосѣдей, нахожу лишнимъ высказывать что за бѣдствіе предстояло бы всему краю, если бы не удалось намъ такъ скоро покорить неповиновавшихся.

Но Господь, по милосердію Своему, даровалъ намъ задавить гидру мятежа. Къ сожалѣнію дѣйствія наши не обошлись безъ жертвъ. 18-го апрѣля, при усмиреніи бунтовщиковъ вооруженною силою, вы сами были свидѣтелемъ, что ихъ убито 8, ранено 28, всего 36 жертвъ, къ крови которыхъ, я, какъ распорядитель усмиренія, не могу быть равнодушнымъ.

Едва-ли когда нибудь забуду, что 18-го апрѣля 1861 года, первый разъ за мою 50-ти-лѣтнюю жизнь, я провнесъ смертный приговоръ бунтовавшимъ, изъ коихъ, какъ и нынѣ убѣжденъ, почти всѣ впали въ тяжкое преступленіе преимущественно по заблужденію и, конечно, не безъ причинъ.

Не оправдывая ихъ этимъ нисколько, я однако-жъ, по нѣкоторымъ даннымъ и по собраннымъ мною свѣдѣніямъ, охотно вѣрю, что одною изъ главныхъ причинъ бывшаго въ округѣ возмущенія было: 1-е, отсутствіе самихъ повѣщиковъ, и 2-е, говоря собственно о Кандеевкѣ, порученіе столь значительнаго нѣжня находящемуся въ параличѣ управляющему, который при настоящемъ переворотѣ, по неспособности своей, никакой не могъ и не можетъ сдѣлать пользы святому дѣлу освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. При всемъ моемъ уваженіи къ его страдальческому положенію и къ нему лично, я даже убѣжденъ, что онъ уже сдѣлалъ собою вредъ и будетъ продолжать

быть вреднымъ, ежели г. Волковъ не замѣнитъ его другимъ, вполне способнымъ и просвѣщеннымъ управляющимъ, къ тому-жъ съ полнымъ полномочіемъ: безотлагательно приступить къ улучшенію быта крестьянъ, согласно видамъ правительства, на указанныхъ въ высочайшемъ манифестѣ, отъ 19-го февраля сего 1861 года, началахъ, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ. Наблюденіе за тѣмъ, какъ изволите знать, возложено на меня государемъ императоромъ.

Дальнѣйшее пребываніе въ Кандеевѣ съ Колесовскою тепершняго управляющаго нахожу вреднымъ еще и потому, что при неизлечимой болѣзни этого почтеннаго человѣка, какъ я дозналъ, работами и крестьянами распоряжаются въ нѣсколько рукъ: его жена и недоросли сыновья. Ясно, что крестьяне не знаютъ кого слушаться! Не знаю, нужно-ли говорить, что при такомъ жалкомъ управленіи женскомъ и дѣтскомъ, кромѣ продолженія бѣдъ, ничего хорошаго нельзя ожидать. Къ тому же продолжающееся, по милости Божіей, спокойствіе въ мѣстностяхъ, гдѣ сами владѣльцы нынѣ живутъ или пріѣхали для устройства быта крестьянъ, еще болѣе меня утверждаетъ въ мысляхъ, что управленіе наемное болѣею частию для русскаго мужика есть управленіе тяжкое и, по совѣсти говоря, русскому мужику и нельзя любить наемщиковъ по причинамъ не новымъ, но глубокимъ.

Быть можетъ мнѣніе мое и ошибочное. Но въслѣдствіе катастрофы 18-го апрѣля и въ предотвращеніе повторенія подобнаго несчастія, я по долгу совѣсти считаю себя обязаннымъ покорнѣе просить васъ, милостивый государь, таковой мой взглядъ безотлагательно сообщить г. Волкову, для зависающаго съ его стороны распоряженія къ замѣнѣ тепершняго больнаго, неизлечимаго управляющаго другимъ и о томъ же поставить въ извѣстность и гг. помѣщиковъ, не живущихъ въ своихъ деревняхъ, почтивъ меня о послѣдующемъ вашимъ отзывомъ.

Къ сему обязываюсь имѣть честь присовокупить, что изложенное мною касательно Кандеевки я думаю внести на обсужденіе въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, и ежели бы случилось, что оно затрунится этимъ предметомъ, то я съумѣю испытанною мною 18-го апрѣля горечь и невыразимую скорбь, ежели бы спокойствіе между крестьянами снова нарушилось,—предоставить по принадлежности, или на долю тѣхъ, которые останутся равнодушными къ моему взгляду на наемное управленіе, — къ взгляду, проистекающему изъ сердца, полного любви и уваженія къ человѣчеству вообще.

16-го и 18-го апрѣля, приносясь себя въ жертву за помѣщиковъ, я никогда не упушу такового же моего священнаго долга служить той же правдѣ и не забывать: указываемыхъ Богомъ и Государемъ желаемыхъ, закономъ опредѣленныхъ, пользъ крестьянъ, такихъ же человѣковъ, какъ и мы, дворяне; исполненіе же закона одинаково обязательно для всѣхъ.

Съ душевнымъ къ вамъ почтеніемъ и проч. Подписалъ: А. Дренякинъ.

ЭКСПЕДИЦІЯ ПРОТИВЪ АХАЛЪ-ТЕКИНЦЕВЪ

въ 1879—1880—1881 гг.

Посвящается памяти М. Д. Скобелева.

Историческій очеркъ очевидца и участника.

I.

Причина экспедиціи и районъ ихъ операцій.

Съ окончательнымъ покореніемъ Дагестана боевая дѣятельность кавказскихъ войскъ въ нѣдрахъ самаго Кавказа прекращается. Все вниманіе, мало по малу, переносится далѣе на востокъ. Мы знаемъ, что въ свое время рѣшительная дѣятельность отрядовъ, посланныхъ съ Кавказа, много способствовала быстрому покоренію ханствъ средней Азіи. Но не смотря на рядъ такихъ завоеваній въ концѣ шестидесятыхъ и началѣ семидесятыхъ годовъ, всетаки между бассейномъ Аму-Дарьи и сѣвернымъ склономъ персидскихъ горъ Копетъ-дагъ еще до начала восьмидесятыхъ годовъ разгуливалъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, дикій народъ, который наводилъ ужасъ на всѣ сѣверныя провинціи персидской территоріи, особенно же на Хоросанъ, и даже часто отваживался дѣлать смѣлые набѣги на восточныя побережья Каспійскаго моря; мало того, этотъ народъ на восточныхъ берегахъ ¹⁾ иногда бралъ на бордажъ коммерческія суда, плававшія вблизи береговъ Персіи, особенно у Аширъ-Адэ. Еще и до нынѣ свѣжо преданіе

¹⁾ Туркменское названіе особенныхъ глубокихъ лодокъ на парусахъ; ихъ очень много и теперь ходитъ вдоль береговъ Каспія.

объ этихъ пиратахъ на Каспіи. Энергическія дѣйствія кочевниковъ сильно беспокоили наши прибрежныя пункты, подобныя Красноводску. Разбоями подъ этимъ городомъ гордились туркмены-текинцы и чрезъ то пріобрѣтали себѣ уваженіе сродственныхъ племенъ, какъ то: джафарбаевцевъ, іомудовъ, аъ-атабаевцевъ, гоклановъ, пухурцевъ и другихъ, которыя кочуютъ на полосѣ земли вдоль берега моря и рѣки Атрека, равно и на горныхъ склонахъ, прилегающихъ къ р. Гюргеню. Продолжительные беспорядки въ Закаспійскомъ краѣ должны были неизбежно вызвать съ нашей стороны цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣропріятій военнаго характера. И вотъ мы видимъ, что изъ Дагестана вызывается значительный отрядъ, который въ 1879 году долженъ былъ совершить экспедицію въ глубину ахаль-текинскаго оазиса.

Но еще и до 1879 года нѣсколько разъ ходили русскія войска въ степь подъ начальствомъ генерала Ломакина, бывшаго тогда начальникомъ закаспійскаго военнаго отдѣла; эти движенія имѣли чисто рекогносцировочный характеръ; главная ихъ цѣль была ознакомленіе со страной, поэтому отряды изучали различные пути изъ Красноводска по всѣмъ направленіямъ въ степи и обыкновенно не углублялись слишкомъ далеко.

Въ ноябрѣ и декабрѣ 1870 года полковникъ Столѣтовъ прошелъ до Кизыль-Арвата. Въ 1871 году былъ занятъ ауль Чикишляръ. Въ 1872 г. полковникъ Столѣтовъ по старому руслу Амударьи прошелъ до Игды, былъ въ Кизыль-Арватѣ, въ аулахъ Кодисъ, Заау, Кизыль-Чешме, Бами, Беурмѣ, сдѣлалъ переходъ черезъ вершины Копеть-дага и, направившись вдоль Сумбара и Атрека, прибылъ въ Чикишляръ, пройдя такимъ образомъ 3,000 верстъ съ отрядомъ 1,700 человекъ. Въ февралѣ и мартѣ 1873 г. красноводскій отрядъ, 1,880 человекъ, ходилъ за Атрекъ въ страну іомудовъ и гоклановъ съ цѣлью пріобрѣсти верблюдовъ для предстоящаго хивинскаго похода. Съ 1873 по 1878 годъ также много разъ, по различнымъ направленіямъ, производились рекогносцировки. Въ 1878 году генералъ Ломакинъ разрушилъ текинскую крѣпость Хаджи-кала, прибывъ туда съ отрядомъ: 2 батальона Ширванскаго полка, 4 сотни лабинскихъ казаковъ при 8 орудіяхъ; начальникомъ штаба былъ полковникъ Глуховской.

Красноводскъ, находясь на восточномъ берегу Каспія, въ глубинѣ прекраснаго залива своего же имени, представляетъ чрезъ

вычайно удобный и важный портъ. Свое названіе городъ получилъ отъ краснаго песку, изъ котораго состоитъ вся окрестная почва. На всемъ восточномъ побережьи нѣтъ прѣсной воды въ естественномъ состояніи, а потому въ настоящее время имѣется огромный опрѣснительный аппаратъ. Растительности также никакой не существуетъ и никакая не прививается, не смотря на всѣ усилія съ нашей стороны. Красноводская бухта съ запада ограничивается длинною косою, на которой живутъ туремнырыболовы, съ юга—островомъ Челикеномъ, богатымъ горнымъ воскомъ (озокеритъ) и нефтью, къ добыванію и разработкѣ которыхъ систематическимъ образомъ теперь уже окончательно приступлено. На юго-западномъ углѣ бухты имѣется проливъ, соединяющій ее съ остальнымъ моремъ; здѣсь недалеко, всего въ 40 верстахъ отъ Красноводска, уже очень давно стоитъ маякъ, т. е. вѣчно качающееся старое деревянное военное судно, на которомъ постоянно находится значительная команда матросовъ при двухъ чередующихся между собою офицерахъ; изъ нихъ въ наше время одинъ былъ сѣдой, какъ лунь, старый морякъ, уже лѣтъ 30 качающійся на каспійскихъ волнахъ. Красноводская бухта представляетъ собою кругъ двадцативерстнаго радіуса. Чтобы точнѣе и вѣрнѣе оцѣнить все значеніе этого залива, мы скажемъ нѣсколько словъ о свойствахъ Каспія. Это море отличается своею незначительною среднею глубиною, хотя встрѣчаются мѣста—ямы, глубина которыхъ измѣряется верстами; такихъ мѣстъ немного и они сосредоточиваются въ южной части моря. Отъ Баку и Апшеронскаго полуострова вплоть до самаго Красноводска по дну моря тянется продолженіе кавказскаго хребта, которое рельефно заканчивается у этого города, образуя нѣсколько громаднѣйшихъ скалистыхъ бугровъ, между которыми имѣются проходы, т. е. ущелья, ведущія въ степь. Вслѣдствіе своей незначительной глубины и благодаря открытымъ берегамъ, это замкнутое море отличается страшною бурливостью во время даже и не слишкомъ значительныхъ вѣтровъ. Ужасные штормы на Каспій составляють явленіе самое обыкновенное. Мелководье обнаруживаетъ свое вліяніе въ томъ, что во время бури волны имѣють самое неправильное направленіе, а потому при штормахъ нѣтъ никакой возможности управлять пароходомъ. Несчастья бывають не рѣдко. Очень часто намъ приходилось на волнахъ Каспія пре-

даваться волѣ судьбы. Ломались мачты, пароходъ безъ паровъ носился и метался по морю изъ одного конца въ другой по нѣскольکو сутокъ. Часто вмѣсто Астрабада мы попадали въ Петровскъ, вмѣсто Баку—въ Александровскій фортъ и тому подобное. Въ виду этого становится яснымъ, какую роль играетъ портъ съ большою закрытою бухтою. Въ то время, когда при штормѣ пароходъ какимъ образомъ не можетъ попасть на рейды Баку, Чикишляра, Петровска и другихъ, онъ совершенно полнымъ ходомъ движется по красноводскому заливу на протяженіи 40 верстъ, гдѣ при сильномъ вѣтрѣ бываетъ лишь ничтожная зыбь, и прямо причаливаетъ къ прекрасной пристани. Каспій у своихъ береговъ часто замерзаетъ, особенно у Петровска; мы и не говоримъ уже о Девятифутахъ и Астрахани; тогда, чтобы попасть въ Закаспійскій край, нужно сначала изъ Дагестана проѣхать на почтовыхъ вдоль по берегу моря чрезъ города Дербентъ, Дешлагаръ и Кубу до Баку, откуда уже безпрепятственно на пароходѣ можно прибыть въ Красноводскъ. Упомянутая почтовая дорога крайне заброшена и движеніе по ней составляетъ истинную пытку для путешественника въ зимнюю вьюгу. Разъ проѣхавши по ней, мы повлялись вторично ни за какія блага не показываться въ тѣ трущобы, по которымъ рыскаютъ одни шакалы.

Видъ города Красноводска съ моря вечеромъ самый привлекательный: это группа прекрасныхъ каменныхъ домовъ безъ крышъ, расположенная у подножья вершинъ и освѣщенная какъ бы волшебнымъ свѣтомъ многихъ огней. Прекрасный казенный домъ, или вѣрнѣе дворецъ, начальника края прежде всего обращаетъ на себя ваше вниманіе и не заставляеть желать ничего лучшаго, въ смыслѣ искусства, для тѣхъ отдаленныхъ странъ. Краснаго цвѣта небольшая деревянная церковь, большія каменные казармы, къ сожалѣнію ненадежной постройки и прочности; крѣпостныя верки, вооруженныя 4 пушками старой конструкціи; направо — деревянные казармы для войскъ, налѣво — каменные магазины купцовъ; у пристани на якорѣ стоитъ нѣсколько пароходовъ и тамъ же замѣтно сильное оживленіе множества рабочихъ персіанъ—все это такъ рельефно воспроизводитъ передъ нашими глазами впечатлѣніе долгаго приготопительнаго періода экспедиціи. Каспійское море въ то время сразу оживилось: по

всѣмъ направлениамъ движутся пароходы, парусныя суда и буксиры; тамъ везутъ провіантъ, тамъ — войска, тутъ — сваи для строящейся въ Михайловскомъ заливѣ пристани, шпалы и рельсы для желѣзной дороги. Все это сходится и выгружается въ Красноводскѣ, который всегда служилъ главнымъ центромъ жизни Закаспійскаго края. Въ прежнее время всѣ экспедиціи начинались изъ Красноводска, только съ 1878 года Чикишляръ сталъ важнымъ пунктомъ, теперь же и онъ утратилъ всякое стратегическое значеніе и служитъ только кордоннымъ пунктомъ на границѣ съ Персіей. Мало по малу все значеніе главнаго опорнаго пункта перешло на Михайловскій заливъ, но во время нашихъ экспедицій и Чикишляръ имѣлъ стратегическое значеніе, какъ одинъ изъ опорныхъ пунктовъ тыльной базы.

II.

Экспедиція 1879 года.

7-го апрѣля 1879 года текинцы показались на горахъ Кызылай у колодцевъ Сюльмень и здѣсь ихъ нападеніе было отбито красноводскимъ гарнизономъ. Затѣмъ 6-го мая изъ Красноводска выступила колонна, подъ начальствомъ командира Дагестанскаго конноиррегулярнаго полка, подполковника князя Чавчавадзе, вдоль восточнаго берега Каспійскаго моря по глубокимъ и безводнымъ пескамъ, и прибыла въ Чикишляръ 18-го мая, не встрѣтивъ непріятеля, но испытавъ ужасныя трудности этого похода. 6-го же іюня изъ Чикишляра выступилъ авангардъ, подъ начальствомъ командира 80-го пѣхотнаго Кабардинскаго полка, флигель-адъютанта полковника князя Долгорукаго, и 17-го іюня прибылъ къ Дузь-олуму, занявъ этотъ пунктъ. 17-го іюня выступила изъ Чикишляра колонна, подъ начальствомъ мангишлякскаго пристава полковника Навроцкаго для сбора верблюдовъ у колодцевъ Бугдайли и Шайрды. Эта колонна возвратилась въ Чикишляръ лишь 5-го іюля. 20-го іюня часть авангардной колонны двинулась на поискъ текинцевъ изъ Дузь-олума вверхъ по Чандырю и въ Кара-кала, а 26-го іюня выступила изъ Кара-

кала въ Терсъ-аванъ. 1-й баталіонъ 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка занялъ, 25-го іюля, позицію Дашъ-Верды.

Начальникомъ экспедиціи 1879 года былъ генераль-адъютантъ Лазаревъ. Онъ долго жилъ въ Чикишлярѣ и занимался подготовкою и снаряженіемъ отряда для предстоявшаго похода. Къ этому времени текинцы приготовились къ серьезной оборонѣ своей главной крѣпости Геокъ-тепе. Этотъ дикій народъ испови вѣковъ жилъ постоянными аламанами-разбойями, которые онъ предпринималъ на своихъ сосѣдей. Не имѣя никогда одного постоянного предводителя, они тѣмъ не менѣе сознавали всю важность и полную очевидную необходимость имѣть военнаго начальника на время аламана, и каждый разъ особо выбирали на эту должность храбрѣйшаго и слѣдовательно достойнѣйшаго изъ своей среды. Если выбранный дѣйствительно отличался мужествомъ, неустрашимостью и отвагою въ разбойничьихъ подвигахъ и сильно вліялъ на своихъ временныхъ подчиненныхъ, то они продолжали срокъ его власти и ему всегда принадлежала главнѣйшая часть въ захваченной добычѣ. Такихъ предводителей текинцы называли сардарями, т. е. военачальниками.

30-го іюля выступилъ изъ Чикишляра 1-ый эшелонъ передоваго отряда, подъ начальствомъ генераль-маіора графа Борха, на слѣдующій день двинулся 2-ой эшелонъ, подъ начальствомъ генераль-маіора кн. Зейнъ-Витгенштейна. 1-го августа 3-ій эшелонъ, подъ начальствомъ командира 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка полковника Чижикова, 2-го выступилъ 4-ый эшелонъ, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Гродкова. 6-го августа произошла перестрѣлка трехъ сотенъ кавалеріи, подъ начальствомъ адъютанта главнокомандующаго кавказской арміей, подполковника Васильчикова, у мѣстечка Ходжакала. Съ 10-го по 13-е августа былъ произведенъ набѣгъ кавалеріи авангарда, подъ начальствомъ флигель-адъютанта полковника князя Долгорукаго, изъ Бендесена на текинскія кочевья у колодцевъ Нязъ, Кара-Сингеръ и Егинъ-Казахъ. Съ 21-го по 29-е набѣгъ двухъ сотенъ Лабинскаго казачьяго полка съ ракетнымъ взводомъ, подъ начальствомъ полковника Навроцкаго, на кочевья атабаевцевъ у колодцевъ Доната и Куня-Керимъ. Но вотъ, наконецъ, 22-го августа изъ Бендесена началъ наступать

передовой отрядъ подь общимъ начальствомъ генераль-маіора Ломакіна и 28-го августа былъ уже подь стѣнами Геокъ-тепе. 14-го августа умеръ ген. Лазаревъ, а потому его мѣсто заступилъ старшій по немъ ген. Ломакінь.

Составъ войскъ русскаго экспедиціоннаго отряда, при движеніи на Геокъ-тепе въ 1879 году, былъ слѣдующій: батальонъ Куринскаго полка, батальонъ Кабардинскаго полка, сводный стрѣлковый батальонъ, 4-хъ фунтовая терская казачья полубатарея, два горныхъ орудія, ракетная сотня, два эскадрона переславскихъ драгунъ, двѣ сотни иррегулярнаго Дагестанскаго полка. Эти части составляли первую колонну, подь начальствомъ командира Кабардинскаго полка, флигель-адъютанта князя Долгорукаго. При авангардѣ ѣхалъ со своимъ штабомъ генераль Ломакінь и начальникъ кавалеріи, свиты Его Императорскаго Величества генераль-маіоръ свѣтлѣйшій князь Зейнь-Витгенштейнь-Берлебургъ.

Въ составъ главныхъ силъ, подь начальствомъ генераль-маіора графа Борха, вошли: батальонъ лейбъ-Эриванскаго гренадерскаго полка, батальонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, батальонъ Ширванскаго пѣхотнаго полка, саперная рота, полубатарея 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады (4 орудія), сотня Волжскаго казачьяго полка, вторая полубатарея 4-й батареи 20-й артил. бриг.

Обозъ позади войскъ двигался подь прикрытіемъ шести ротъ пѣхоты—по одной отъ каждаго батальона,—2-хъ горныхъ орудій и сотни Таманскаго казачьяго полка, подь начальствомъ капитана Кегамова.

Численность народонаселенія Ахаль-текинскаго оазиса опредѣляется изъ слѣдующихъ свѣдѣній объ аулахъ ¹⁾: въ Кизыль-Арватъ—500 кибитокъ, въ Кочъ и Заау—по 200 кибитокъ, въ Кизыль-Чешмъ—40, Бами—550, Беурмъ—1,100, Арчманъ—400, Сунчъ и Мурчъ—по 200, Бегриденъ—250, Дурунь—300, Караганъ—300, Акъ-Тепе—1,100, Мехинъ и Яроджъ—по 200, Геокъ-тепе—5,000, Какшалъ—1,000, Канчикъ, Гумбетли, Изгантъ и Бозменъ—по 300, Херрыкъ—100, Кипчакъ и Гекча—по

¹⁾ До вступленія русскихъ войскъ въ оазисъ.

250, Кеши и Асхабадъ—по 1,100, Аннау—1,100, Гяурсъ—40 и Бабадурмъ—100. Перечисленные аулы были всѣ укрѣплены; неукрѣпленныхъ ауловъ оказалось 35, въ нихъ заключалось въ суммѣ—5,320 кибитокъ.

Всего населенія—154,000 жителей какъ мирныхъ (тохтамышцевъ), такъ и воинственныхъ (утемышцевъ); всѣ они раздѣляются на роды (тайфе). Впослѣдствіи все это измѣнилось, жизнь была совершенно перевернута; сколько ушло въ Мервъ и въ другія мѣста, сколько убито, ранено и искалѣчено!

Приводимъ текстъ воззванія генерала Ломакина къ русскимъ войскамъ незадолго передъ штурмомъ Геокъ-тепе:

„Войска ахаль-текинскаго отряда! Государю императору благоугодно было повелѣть намъ двинуться въ Ахаль-текинскій оазисъ и занять его съ цѣлью обузданія независимыхъ туркменъ-теке и водворенія въ степи безопасности, столь необходимой для развитія благосостоянія въ краѣ.

„Зная о блестящихъ подвигахъ, оказанныхъ одними изъ васъ на поляхъ Анатолиі, другими въ горахъ Чечни и Дагестана, я увѣренъ, что съ Божьей помощью мы оправдаемъ довѣріе нашего Всемилостивѣйшаго Монарха.

„Предстоящій степной походъ будетъ труденъ, но ваше мужество, выносливость и честное отношеніе къ службѣ, войска ахаль-текинскаго отряда, служить мнѣ порукою за успѣхъ.

„Многіе изъ старшихъ и младшихъ начальниковъ вашихъ знакомы уже по прежнимъ походамъ съ туркменами и знаютъ, что въ борьбѣ съ ними на соблюденіе крайней осторожности при отправленіи сторожевой службы должно быть обращено наибольшее вниманіе. Врагъ, съ которымъ предстоитъ намъ имѣть дѣло, хотя не организованъ и слабо вооруженъ, но многочисленъ, дерзокъ, энергиченъ и, обладая неутомимыми и быстрыми конями, появляясь неожиданно и со всѣхъ сторонъ, можетъ быть опасенъ не только для одиночныхъ людей или командъ, но и для цѣлыхъ частей, пренебрегающихъ соблюденіемъ правилъ осторожности. Въ особенности необходимо усиливать бдительность въ ночное время, при движеніи транспортовъ и при охраненіи на пастбѣ верблюдовъ.

„Неприятель—преимущественно конный, дѣйствующій въ раз-

сыпную, и потому въ случаяхъ столкновений съ нимъ въ пѣхотѣ держать резервы ближе въ цѣпи, а равно и одну линію отъ другой, а въ кавалеріи придерживаться исключительно сомкнутаго строя, охраняя внимательно фланги и тылъ. Къ спѣшиванію прибѣгать лишь въ крайнихъ случаяхъ и на пересѣченной мѣстности; не забывая, что огонь для кавалеріи средство вспомогательное, а не главное. Рекомендую подобный образъ дѣйствій съ непріателемъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляю начальникамъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію, сообразно съ обстоятельствами, такъ какъ невозможно предвидѣть всѣхъ случайностей обстановки, въ какую могутъ быть поставлены войска при дѣйствіяхъ съ такимъ своеобразнымъ непріателемъ.

„Начальникамъ частей обратить также особенное вниманіе на сбереженіе здоровья нижнихъ чиновъ, на доброкачественность и достатокъ пищи. Наблюдати за исполненіемъ гигиеническихъ правилъ, рекомендуемыхъ врачами. Остерегаться простуды и избѣгать по возможности питья сырой воды, замѣняя ее при всякомъ удобномъ случаѣ чаемъ. Беречь лошадей и вообще вьючныхъ животныхъ, помня, что успѣхъ легче достигимъ при хорошемъ состояніи тѣхъ и другихъ“.

Расположеніе русскихъ войскъ при штурмѣ Геокъ-тепе отрядомъ генерала Ломакина было слѣдующее:

Съ западной стороны крѣпости находились—на лѣвомъ флангѣ саперная рота, далѣе батальонъ Куринскаго полка, батальонъ Кабардинскаго полка, сводный стрѣлковый батальонъ, два горныхъ орудія и два полевыхъ 20-й артиллерійской бригады, между ротами Кабардинскаго полка.

Противъ сѣверо-западнаго крѣпостнаго угла—(резервъ) пирванскій батальонъ.

Противъ сѣверной стороны—батальонъ Грузинскаго гренадерскаго полка, батальонъ лейбъ-Эриванскаго полка, два орудія терской казачьей батареи, два орудія 4-й батареи 20-й бригады, 50 охотниковъ, ракетная батарея, полуэскадронъ переяславскихъ драгунъ (на правомъ флангѣ).

Противъ восточной стороны Денгли-тепе—сотня Таманскаго

казачьяго полка, сотня Волжскаго казачьяго полка, два орудія терской батареи, сотня дагестанцевъ и полуэскадронъ Переяславскаго драгунскаго полка.

Противъ южной стороны — 4-й эскадронъ переяславскихъ драгунъ, сотня дагестанцевъ.

Мы отсюда ясно видимъ, какъ нетактично были употреблены войска и какъ они были разбросаны на восемь верстъ! Уже вслѣдствіе одного этого обстоятельства мудрено было ожидать побѣды. А между тѣмъ на нее рассчитывали навѣрняка. Затѣмъ было оцѣплять всю крѣпость кругомъ, какая цѣль? Неужели для того, чтобы текинцы не убѣжали изъ Денгли-тепе? Всякій старый и молодой, но боевой кавказецъ знаетъ, что покорить азіатскій аулъ можно лишь только тогда, когда оставлена лазейка для дрогнушаго непріятели, въ противномъ случаѣ въ азіатѣ является страшная отчаянность, рѣшимость умереть и онъ, какъ безумный, напяливаетъ папаху на глаза, хватаетъ кинжалъ одной рукой, пашку другой, бросается на врага, чтобы умереть въ кровавомъ бою — и тутъ-то часто отбрасываетъ назадъ штурмовыя колонны, обращая поражение въ побѣду.

Въ 5 часовъ вечера 28-го августа закипѣлъ бой подъ стѣнами Геокъ-тепе. Войска почти окружили крѣпость и главная атака была поведена на сѣверо-западный ея уголъ. Ни штурмовыхъ лѣстницъ, ни фашинъ и вообще никакихъ приспособленій для штурма не было. Со стѣнъ крѣпости сильный огонь текинцевъ поражалъ эскаладирующія колонны. Добѣжавъ до стѣнъ, солдаты спустились въ ровъ. Поддерживая другъ друга, ползли солдаты на стѣну. Передніе пали мертвыми. Скоро текинцы бросились со всѣхъ выходовъ и сами напали на атакующихъ. На каждого изъ нашихъ пришлось по 5 текинцевъ. Наши солдаты по всей линіи начали отходить, отстрѣливаясь и отбиваясь штыками и прикладами. Залпы нашихъ орудій обсыпали текинцевъ картечью. Ширванскій батальонъ изъ резерва бросился въ атаку. Съ лѣваго же фланга понесся въ лихую атаку полуэскадронъ драгунъ со взводомъ ракетной батареи и текинцы въ ужасѣ отступили въ крѣпость. Драгуны врубались въ толпы бѣгущаго непріятели и крошили его направо и налѣво. Текинская пѣхота, защищаясь отъ кавалеріи, хватала нашихъ всадниковъ крочками

пикъ, стараясь свалить ихъ съ лошади. Текинцы, не чувствуя себя въ состояніи выдерживать нашъ огонь, окончательно скрылись за стѣнами аула. Все поле сплошь было усыяно ихъ трупами въ темныхъ халатахъ и между ними видѣлись бѣлыя рубашки убитыхъ нашихъ солдатъ, трупами которыхъ переполнились рвы Геокъ-тепе. Артиллерійскій огонь продолжался еще долго ¹⁾. Наконецъ, наши войска были отведены назадъ, къ главному ручью за мельничной калой, другая же часть нашего отряда продолжала оставаться на восточной и южной сторонѣ крѣпости. Лишь только ночью кавалерія кн. Витгенштейна и Голицына съ разными приключеніями, убѣдившись, что крѣпость нами не занята, прибыла на ночлегъ къ отряду. Надъ оазисомъ распростерлась темная, непроглядная ночь... въ нѣсколькихъ шагахъ ничего уже не видно. То была страшная роковая ночь! Огней не разводили. Солдаты цѣлыя сутки ничего не ѣли. Холодъ пронизывалъ насквозь. Ждали ночного нападенія текинцевъ на наши бивуаки. Лица солдатъ выражали досаду и озлобленіе неописанное. А что же было на душѣ у этихъ бывшихъ героевъ Аладжи и Карса, вершинъ Чечни и Дагестана? Изъ середины бивуака всю ночь раздавались стоны раненыхъ и ревъ верблюдовъ, но ночь прошла спокойно. Со стороны текинцевъ потери были громадны.

¹⁾ Начальникомъ артиллеріи былъ полковникъ Степанъ Мионовичъ Прозоркевичъ — доблестный воинъ. Съ поразительнымъ мужествомъ онъ отбилъ, въ самомъ началѣ боя, нѣсколько натисковъ громаднхъ массъ текинцевъ, причѣмъ довелось ему стрѣлять изъ орудій чуть ни въ упоръ, на 10, на 15 шаговъ, — такъ упорно лѣзъ на орудія непріятель! Вотъ свидѣнія объ этомъ славномъ воинѣ: Прозоркевичъ род. 1835 г., выпущенъ въ артиллерію изъ Дворянскаго полка въ 1853 г. Участвовалъ въ войнахъ за Кавказомъ съ Турціей 1853—1855 г.; въ 1858—1864 гг. съ горцами въ Кубанской области и Абхазіи; въ 1877—1878 гг. въ новой войнѣ съ Турціей (Карсъ, Эрзерумъ и проч и проч.). Въ кавказской войнѣ Прозоркевичъ былъ участникомъ не менѣе какъ въ 50 перестрѣлкахъ и бояхъ. Раненъ три раза: пулею въ правую руку, въ бокъ и контуженъ. Какъ истый воинъ, Прозоркевичъ не дѣлалъ карьеры. Постоянно въ рядахъ сражающихся, онъ болѣе 19 лѣтъ командовалъ первую Терскою батареею и только 18 февр. 1865 г. Степанъ Мионовичъ произведенъ въ ген.-майора, съ назначеніемъ командиромъ 1-й бригады 1-й Кавказ. казачьей дивизіи, расположенной въ Закавказьѣ, по Саганлугу.

29-го августа наши войска уже отступали отъ Геокъ-тепе, перестрѣливаясь съ текинцами; такимъ образомъ лишь 13 сентября прибыли въ Терсаванъ, имѣвши особенно сильную перестрѣлку съ текинцами у Бендесена 6-го сентября, при нападеніи непріятеля на нашихъ фуражировъ. Первое направленіе отъ Геокъ-тепе войска приняли на Кары-Карызъ.

Потери русскихъ при штурмѣ Геокъ-тепе 28-го августа 1879 г. были слѣдующія: убито: 1 штабъ-офицеръ (маіоръ Сафоновъ) и 6 оберъ-офицеровъ (капитаны: Скорино и Яковлевъ; прапорщики: Бѣлбородовъ, Григорьевъ, Девель ¹⁾) и Тышкевичъ ¹⁾, 170 нижнихъ чиновъ; ранено 1 штабъ-офицеръ (маіоръ Шауфусъ), 19 оберъ-офицеровъ и 248 нижнихъ чиновъ; 8 нижнихъ чиновъ пропали безъ вѣсти.

Въ эриванскомъ баталіонѣ изъ 13 офицеровъ 6 выбыли изъ строя (2 убито, 3 ранено, 1 сильно контуженъ).

Къ 23 сентября въ Закаспійскій край прибылъ новый командующій войсками генераль-лейтенантъ Тергукасовъ и съ этого числа началось дальнѣйшее движеніе главной части отряда отъ Терсъ-авака въ тылъ къ Чикишляру, куда войска прибыли 27 сентября.

Такимъ образомъ мы видимъ, что штурмъ Геокъ-тепе 28 августа 1879 г. былъ отбитъ текинцами и при отступленіи нашъ отрядъ въ глубинѣ оазиса былъ ожесточенно преслѣдуемъ непріателемъ, т. е. всѣми племенами, кочующими въ степи. Ясно, какую громкую славу приобрѣли текинцы въ глазахъ своихъ соплеменниковъ. Теке сдѣлалось первенствующимъ и господствующимъ племенемъ во всемъ оазисѣ. Всѣ прочія племена начали глубоко уважать и бояться текинцевъ. Они не иначе были величаемы, какъ: „теке-джигитъ“, что значитъ: текинцы-молодцы, они намъ господа; и эти господа, дѣйствительно, очень скоро воспользовались своимъ обаяніемъ и начали круто расправляться и съ голлапами, и съ нухурцами: чуть что— „башка долой“.

Въ русскомъ отрядѣ во время штурма 28 августа находился одинъ плѣнный текинецъ, по имени Обазъ-Мурадъ-Тыкма; со временемъ ему суждено было играть видную и важную роль въ

¹⁾ Умерли на перевязочномъ пунктѣ.

степи. При нашемъ отступленіи онъ бѣжалъ, благодаря не вполне бдительному надзору за нимъ.

Всѣ текинцы еще раньше глубоко уважали Тыкма и онъ прежде былъ у нихъ однимъ изъ лихихъ сардарей на аламанахъ; бѣжавши изъ русскаго плѣна, онъ явился къ своему народу и сумѣлъ такъ рѣшительно повліять на текинцевъ, что они сдѣлали его сначала великимъ сардаремъ, т. е. безсмѣннымъ предводителемъ на все время борьбы съ „урусами“, какъ называютъ насъ туремны вообще, — а потомъ ханомъ всего Ахала. Такимъ-то образомъ появляется на сценѣ Тыкма-сардарь, который, не смотря на свою старость, вдругъ проявляетъ необыкновенную энергію и скоро его слава распространяется по всей степи отъ Красноводска и до Мерва и проникаетъ уже почти до самаго Герата. Онъ скоро крѣпко забралъ въ свои руки бразды управленія текинцами, для которыхъ его слово сдѣлалось закономъ. Ослушниковъ онъ жестоко каралъ. У него образовалась изъ родственниковъ и первыхъ приверженцевъ блестящая свита, которую Тыкма одарялъ своими богатствами, добытыми на аламанахъ. Громадныя степи вокругъ Беурмы сдѣлались его собственностью; эти поля прекрасно орошены водопроводными каналами первобытной системы, надъ которыми трудились тысячи рабовъ — персіянъ. Эти земли принадлежатъ ему и теперь, образуя его богатые помѣстья.

Тыкма-сардарь объявилъ всѣмъ обитателямъ Ахала свою волю, чтобы они всѣ поголовно поспѣшали собраться въ Денгли-тепе, рядомъ съ Куня-Геокъ-тепе, потому что урусы навѣрно еще разъ придутъ къ крѣпости, поэтому нужно приготовиться, чтобы сдѣлать имъ новый рѣшительный отпоръ и, въ случаѣ возможности, истребить ихъ поголовно. И вотъ, волей не волей, покидаютъ текинцы свои земли и несмѣтными массами стекаются въ завалы, гдѣ Тыкма приказываетъ имъ копать рвы и лѣпить валы изъ глины. Начинается долгій и изнурительный для нашего непріятеля трудъ: отремонтированіе крѣпостей Денгли-тепе и Янгикала. Куня и Геокъ-тепе было брошено, потому что не имѣло внутри воды, слѣдовательно въ немъ текинцы не могли рассчитывать на упорную работу. Все это происходило зимою съ 1879 на 1880 годъ. Къ веснѣ работы уже были окончены и

непріятель сосредоточился у своихъ крѣпостей. Вся степь и оазисъ были почти совершенно очищены; только тамъ и сямъ старики пасли громадную баранту¹⁾ въ горахъ и частью въ низовой степи; кое-гдѣ паслись многочисленныя стада верблюдовъ. Аламаны на персидской границѣ продолжались попрежнему.

11-го октября текинцы сдѣлали нападеніе на Шихскій аулъ (у Красноводска). 14-го октября толпы конныхъ текинцевъ появились у Бекъ-тепе и здѣсь охотничья команда, подъ начальствомъ прапорщика 81 пѣхотнаго Апшеронскаго полка Собоцкаго, имѣла съ ними значительную перестрѣлку. 17-го октября непріятель появился между Чивишляромъ и Караджабатыремъ, гдѣ 11-я рота 84 пѣхотнаго Ширванскаго полка дала ему рѣшительный отпоръ во время сильной перестрѣлки. Съ 10-го на 11-е ноября партіи текинцевъ сдѣлали нападеніе на нашъ транспортъ между Караджабатыремъ и Яглыолумомъ, вслѣдствіе чего изъ Чигишляра была выслана на поискъ непріятеля кавалерія, подъ начальствомъ подполковника кн. Чавчавадзе, къ Дашъ-верды и вернулась обратно 16 ноября. У Харъ-олума въ ночь съ 14-го на 15-е ноября показались текинцы и вызвали перестрѣлку съ охотниками 1-го баталіона 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка. 23 ноября подъ Дузь-олумомъ произошла перестрѣлка охотничьей команды гарнизона съ текинцами. 18-го декабря изъ Чата была выслана къ Дашъ-верды колонна, подъ начальствомъ командира 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады, полковника Вержбицкаго; эта колонна возвратилась обратно 22 декабря, а 29-го текинцы сдѣлали нападеніе на нашъ транспортъ у урочища Акъ-Гель, вслѣдствіе чего было совершено съ 29-го по 31-е декабря движеніе колонны, подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Маламы, изъ Чивишляра къ колодцамъ Дашъ-верды (полковникъ Малама былъ начальникомъ штаба войскъ, дѣйствовавшихъ въ Закаспійскомъ краѣ). Обратное движеніе полковника Маламы было совершено съ 1-го по 3-е января. 3-го января сотня казаковъ Полтавскаго коннаго полка завязала лихое и блистательное дѣло съ текинцами подъ Харъ-Олумомъ. Командиромъ сотни былъ есауль Станкевскій.

¹⁾ Многочисленныя стада барановъ.

Вотъ всѣ дѣла, походы и перестрѣлки, составляющіе экспедицію 1879 года и начала 1880 года. Мы видимъ, что, кромѣ штурма Геокъ-тепе 28 августа, всѣ эти операціи носятъ характеръ пассивности. Если намъ тогда не удалось взять Геокъ-тепе, то это только потому, что нашъ отрядъ былъ слишкомъ малочисленъ и почти не обезпеченъ въ смыслѣ продовольствія. Войска были ведены на штурмъ, безъ отдыха, прямо съ похода. Развѣдочныя крѣпости не было никакой. „Авось“ было чуть ли не главнымъ фундаментомъ распоряженій. Вслѣдствіе всего этого было бы даже удивительно, если бы мы взяли съ бою крѣпость! Что же касается собственнаго духа нашихъ войскъ, мужества и проч., то русскій солдатъ вель себя и тутъ также, какъ и всегда, т. е. былъ самоотверженно и безуворизненно храбръ, особенные же подвиги выпали на долю офицеровъ. Для примѣра уважемъ на одинъ изъ многихъ. При штурмѣ 28 августа, когда войска наши были въ первый разъ отбиты, то начальникъ резерва маіоръ Шауфусъ, видя отступленіе, быстро повелъ впередъ свой батальонъ ширванцевъ... Громкое „ура“ раздалось въ послѣдній разъ. Знамя упало, ибо знаменщикъ тотчасъ же былъ убитъ, и снова поднялось, развѣваясь въ воздухъ, но и второго знаменщика постигла та же участь. Шауфусъ схватилъ знамя и двинулся далѣе во главѣ своего баталіона, ряды котораго быстро рѣдѣли. Скоро упалъ и храбрый командиръ съ прострѣленными на вылетъ грудью и лѣвой рукой. Солдаты подхватили его на руки и повернули назадъ. Въ десять минутъ ширванцы лишились командира, двухъ офицеровъ и семидесяти нижнихъ чиновъ! Вообще можно смѣло сказать, что бой 28 августа представляетъ собою образчикъ бесплодной борьбы лихого удалства съ очевидною невозможностью.

III.

Подготовительный періодъ экспедиціи 1880—1881 гг.

Скоро наступилъ май мѣсяць 1880 года и въ Закаспійскій край прибылъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, герой Махрама, Хивы, Андижана, Кована, Фергана, Дунзя, Зеленыхъ горъ, Плевны и Шейново. Онъ былъ назначенъ для веденія новой и самой рѣшительной и окончательной операціи противъ Ахальтеке. Къ этому времени генераль Ломакинъ оставилъ свой постъ и уѣхалъ изъ края; на его мѣсто былъ назначенъ молодой и энергичный генераль-маіоръ Петрусевичь, который еще раньше очень много потрудился въ экспедиціяхъ средней Азіи; можно сказать, что вся жизнь его прошла въ азіатскихъ походахъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе главнымъ образомъ съ учеными военными дѣлами. Генераль Скобелевъ изъ Петровска направился сначала въ Александровскій фортъ, затѣмъ въ Красноводскъ и наконецъ въ Чикишляръ.

Всюду закипѣла энергичная дѣятельность. Прежде всего пришлось озаботиться подвозомъ провіанта и фуража въ край для будущихъ тамъ новыхъ войскъ, численность которыхъ сравнительно съ прошлогоднею была значительно увеличена, а также пришлось серьезно заняться доставкою артиллерій, которая была въ пять разъ многочисленнѣе, чѣмъ въ 1879 г. Началась постройка желѣзной дороги отъ Михайловскаго залива до Кизылъ-арвата черезъ пункты Молла-кары, Бала-ишемъ, Айдинъ, Ачкакуйма и Казанджиевъ—на протяженіи 217 вер. Но, увы, эта желѣзная дорога для самой экспедиціи не принесла той пользы, которую отъ нея ожидали, ибо была окончена лишь съ прекращеніемъ всякихъ военныхъ дѣйствій въ краѣ и съ окончательнымъ его умиротвореніемъ.

Всюду начали проводить телеграфныя линіи и войска постепенно выдвигались впередъ и мало по малу заняли дѣльный рядъ опорныхъ пунктовъ и такимъ образомъ возникли двѣ военныхъ дороги: Михайловская и Атрекская; первая соединяла Михайловскій заливъ съ Бами, а вторая связывала Чикишляръ съ Бами.

По этимъ линіямъ скоро потянулись длинные и безконечные караваны верблюдовъ съ провіантомъ и всякаго рода военнымъ довольствіемъ. Такая перевозка продолжалась полгода и составила подготовительный періодъ. Громадное количество закупленныхъ нами верблюдовъ погибло отъ изнурительныхъ трудовъ во время транспортированія. Дѣло дошло до того что верблюжьи караваны оказались недостаточно удовлетворяющими своему назначенію, пришлось сформировать громадный фургонный конно-волесный транспортъ и вьючно-лошадиный; этотъ послѣдній намъ особенно пригодился во время похода въ персидскихъ горахъ.

Въ нашей экспедиціи въ первый разъ на войнѣ былъ при-мѣненъ гелиографъ для передачи приказаній и донесеній вмѣсто телеграфа.

27-го мая изъ Дузь-олума выступилъ передовой отрядъ подъ начальствомъ генеральнаго штаба полковника Гродекова для занятія Ходжа-кала, а 30-го передовой отрядъ, подъ личнымъ руководствомъ командующаго войсками генераль-адъютанта Скобелева, занялъ Ходжа-кала. Кавалерія передового отряда подъ начальствомъ генерала Скобелева, а пѣхотная колонна, подъ начальствомъ генер. штаба полковника Маламы, двинулись на сѣверную сторону Копетдагскаго хребта для рекогносцировки путей въ Ахаль-текинскій оазисъ. 31-го мая былъ совершенъ поискъ кавалеріи подъ личнымъ начальствомъ ген. Скобелева къ селеніямъ Бами, Беурма и далѣе, по направленію къ Арчману, а колонна полк. Маламы двинулась въ Дженги. 1-го іюня рекогносцировочныя колонны возвратились черезъ Коджсейскій перевалъ въ Ходжа-кала, а текинцы въ этотъ же день сдѣлали нападеніе на нашъ транспортъ у Текенджика. 5-го іюля совершенно было занятіе Коджскаго перевала, а у Харь-олума наше транспортное прикрытіе имѣло перестрѣлку съ шайкою іомудовъ и гоклановъ. У Дузь-олума, 8-го іюня, завязалось дѣло двухъ ротъ 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка и команды казаковъ Полтавскаго коннаго полка съ партіею текинцевъ. 9-го іюня выступилъ первый эшелонъ передового отряда подъ начальствомъ полковника Маламы изъ Ходжа-кала для окончательнаго занятія Бами, а генераль-маіоръ Петрусевичъ въ тотъ же день съ небольшою колонною выступилъ изъ Ходжа-кала черезъ Кизыль-Арватъ къ Михайловскому заливу для изслѣдованія михайлов-

своей линіи. 10-го іюня выступилъ второй эшелонъ передового отряда подъ начальствомъ маіора 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка Здзарскаго изъ Ходжа-кала для занятія Бами, а кавалерія для этой же цѣли двинулась черезъ Коджскій перевалъ подъ личнымъ начальствомъ генераль-адъютанта Скобелева. Беурма была занята 11-го іюня отрядомъ подъ начальствомъ войскового старшины Полтавскаго коннаго полка Корицкаго, а между тѣмъ въ тылу пошаливали текинцы и транспортное прикрытіе между Чикишляромъ и Караджабатыремъ имѣло 12-го іюня оживленную перестрѣлку. Чтобы воспрепятствовать текинцамъ уборкѣ полей, 17-го іюня двинулся кавалерійскій отрядъ подъ начальствомъ командира Полтавскаго казачьяго полка, полковника князя Эрстова, къ Арчману, гдѣ произошла сильная перестрѣлка, а 18-го іюня полковникъ Малама произвелъ рекогносцировку володцевъ Егянь-Казахъ. У Беурмы, 20-го іюня, появились текинцы и отрядъ Корицкаго имѣлъ перестрѣлку, а между тѣмъ на Бендесенскомъ перевалѣ, 21-го іюня, большое воинское скопище текинцевъ вынудило команду казаковъ Таманскаго коннаго полка и роту 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка завязать цѣлое дѣло.

Генераль-маіоръ Петрусевичь, между тѣмъ, выполняя свое движеніе, 29-го іюня прибылъ въ Михайловскій заливъ послѣ 20-ти дневнаго крайне тяжелаго похода по безводнымъ пескамъ. Но вотъ 1-го іюля генераль-адъютантъ Скобелевъ выступилъ изъ Бами съ отрядомъ для рекогносцировки Геокъ-тепе; онъ имѣлъ на пути перестрѣлку подъ Арчманомъ 2-го іюля, перестрѣлку у Келете-Нуръ-Верды-Хана 4-го іюля, занялъ аулъ Егянь-Батыръ-Кала 5-го іюля, а 6-го произвелъ рекогносцировку янги-калинской позиціи, давъ сраженіе всѣмъ наличнымъ силамъ текинцевъ, сосредоточившихся для обороны Геокъ-тепе. 7-го іюля, по окончаніи рекогносцировки, отрядъ имѣлъ ночлегъ въ Егянь-Батыръ-Кала, на которое ночью текинцы сдѣлали сильное нападеніе. Въ этотъ же день у Кафыръ-кала была значительная перестрѣлка. Рекогносцировочный отрядъ возвратился въ Бами 11-го іюля, а 12-го другой отрядъ, подъ начальствомъ маіора Здзарскаго, занялъ урочище Бендесень, 15-го іюля совершенно занятіе Кизылъ-Арвата отрядомъ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Зубова, а 16-го команда охотниковъ бамійскаго гарнизона имѣла пере-

стрѣлку съ текинцами между Бендесеномъ и Нухуромъ. 30-го и 31-го іюля изъ Бами въ Арчманъ двинулся отрядъ подъ начальствомъ полковника Вержбицкаго, а команда охотниковъ изъ Бендесера въ Нухуръ, 31-го же шайка Тьема-сардаря напала на Ходжа-кала, но была отбита отрядомъ подъ начальствомъ маіора 83-го пѣхотн. Самурскаго полка Пагирева. Отрядъ полковника Вержбицкаго возвратился изъ Арчмана въ Бами 2-го августа и того же числа возвратилась команда охотниковъ изъ Нухура въ Бендесень. 2-го и 3-го августа часть войскъ изъ Терсакана совершила движеніе, подъ начальствомъ маіора 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка Сивиниса, въ Кара-кала и обратно. 4-го августа произошла перестрѣлка у Коджскаго поста, а 10-го перестрѣлка двухъ ротъ 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка у Айдина съ шайкою Куль-Батыря. 12-го августа команда охотниковъ терсаканскаго гарнизона имѣла перестрѣлку подъ Терсаканомъ. Съ 13-го по 15-ое августа совершенно было движеніе колонны, подъ начальствомъ маіора Пагирева, изъ Ходжа-кала въ Кара-кала и обратно, 15-го же команда охотниковъ бамійскаго гарнизона, подъ начальствомъ штабсъ-капитана 156-го пѣхотнаго Елисаветпольскаго полка Славочинскаго, имѣла перестрѣлку у Арчмана. Между тѣмъ іомуды у Дузь-олума 18-го августа сдѣлали нападеніе на нашихъ верблюдовъ, а въ беурминскомъ ущельѣ команда охотниковъ имѣла цѣлое дѣло съ текинцами. Іомуды были нами отбиты. 19 августа на бендесенскомъ перевалѣ появились текинцы и вызвали этимъ перестрѣлку команды нашихъ охотниковъ. Охотники 25-го августа разыграли дѣло въ беурминскомъ ущельѣ. Съ 2-го по 30-е сентября были ежедневныя перестрѣлки съ текинцами войскъ бамійскаго гарнизона. 11-го же сентября летучая колонна, подъ начальствомъ штабсъ-капитана Славочинскаго, разыграла съ текинцами цѣлое дѣло у колодцевъ Кара-Сенгеръ, а летучій отрядъ, подъ начальствомъ командира 4-го баталіона 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка, подполковника князя Магалова, двинулся изъ Бами къ колодцамъ Ніазъ. 12-го сентября колонна Славочинскаго и колонна, подъ начальствомъ командира Таманскаго казачьяго полка, полковника Арцишевскаго, двинулись изъ Бами къ колодцамъ Кара-Сенгеръ, куда двинулась также колонна князя Мага-

лова отъ колодцевъ Ниазъ. Эти отряды возвратились въ Баши 13-го и 14-го сентября; въ этотъ же день было отражено нападеніе непріятеля на укрѣпленіе Казанджикъ, а на другой день 15-го была перестрѣлка гарнизона Ходжакала. 17-го же у Чухуръ-кала имѣло перестрѣлку транспортное прикрытіе. Къ этому времени нухурцы были атакованы текинцами у Беурмы, но части бамійскаго гарнизона выручили нухурцевъ 19-го сентября. Въ концѣ сентября рѣшено было засыпать колодцы Кара-Сенгеръ, Демирджанъ и Даулетъ, для чего съ 1-го по 3-е октября совершено движеніе летучаго отряда. Весь октябрь мѣсяцъ съ 1-го по 30-е число ознаменовался ежедневными перестрѣлками бамійскаго гарнизона съ текинцами, а съ 6-го по 8-е октября сверхъ того было совершено движеніе колонны для засыпки колодцевъ: Ниазъ, Реджебъ и Егинъ-казахъ; 10-го Нухуръ былъ вырученъ колонною, подъ начальствомъ подполковника 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка Гайдарова, изъ блокады Тыема-сардаря въ тотъ же день команда Таманскаго казачьяго полка имѣла дѣло въ Коджскомъ ущельѣ, 17-го была перестрѣлка бендесенской команды охотниковъ у Коджа, а 28-го перестрѣлка команды 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка подъ Бендесеномъ. 30-го октября и 1-го ноября совершено было движеніе охотничьихъ командъ изъ Бендесена и Терсакана на урочище Косри. 16-го же ноября совершено движеніе изъ Дузь-олума къ Ярты-вала двухъ сотень Таманскаго коннаго полка подъ начальствомъ войскового старшины Ткачева.

Вотъ какія явленія происходили въ передовомъ отрядѣ въ подготовительный періодъ экспедиціи М. В. Скобелева. Теперь же обрисуемъ картину тыла въ это же самое время.

IV.

Изъ Красноводска попасть въ Чикишляръ можно было не иначе, какъ черезъ г. Баку, этотъ пріютъ богатѣйшихъ коммерсантовъ, главнымъ образомъ, армянской и персидской національности. Г. Баку имѣетъ видъ чрезвычайно промышленнаго и торговаго очень бойкаго порта, на рейдѣ котораго всегда стоитъ очень много самыхъ разнообразныхъ судовъ, военныхъ и коммерческихъ. Дома имѣютъ прекрасную внѣшность и отчасти напоминаютъ петербургскіе, но крыши не имѣютъ и изобилуютъ множествомъ балконовъ, на которыхъ хозяева предаются кейфу. Изъ Баку обыкновенно приходится ѣхать съ почтовымъ пароходомъ по всѣмъ портамъ Каспія. Изъ этихъ портовъ г. Ленкорань имѣетъ самый привлекательный видъ, будучи весь погруженъ въ садахъ, весною роскошно зеленѣющихъ. Въ мѣстечкѣ Вензеляхъ чуть что не на abordажъ берутъ пароходъ персидскія лодки, наполненныя торговцами, которые навязываютъ купить табакъ, очень дешевый, но и неказистый, разныхъ персидскихъ плантацій. Портъ Аширъ-Адэ изобилуетъ морскими офицерами, которые отъ скуки посѣщаютъ всѣ проходящія суда. Въ этихъ мѣстахъ свирѣпствуютъ страшныя лихорадки. Но вотъ скоро, по истеченіи четырехъ сутокъ плаванія отъ Баку, пароходъ является на виду Чикишляра. Это ауль туркменъ-іомудовъ, находится на юго-восточномъ углу Каспія, и теперь представляетъ небольшое укрѣпленіе съ соотвѣствующимъ гарнизономъ. Въ маѣ 1880 г. тамъ была уже длинная деревянная пристань, къ которой суда не могутъ приставать вслѣдствіе крайняго мелководья, а останавливаются въ виду ея верстъ за пять и дожидаются прибытія отъ пристани парового баркаса; особенно приходится долго дожидать, если пароходъ пришелъ ночью. Но вотъ ночная мгла мало-по-малу исчезаетъ и вдали на горизонтѣ можно было не очень ясно видѣть нѣсколько сотъ кибитокъ, а вправо отъ нихъ деревянныя постройки. Грузы съ судовъ на берегъ перевозятся при помощи туркменскихъ косовушекъ. Перевозка зависитъ отъ состоянія моря, только при незначительномъ вѣтрѣ

работа идетъ успѣшно. Если бывала сильная буря, то пароходъ подымалъ якорь и уходилъ въ море, если же случалась зыбь или штиль, то выжидалъ на рейдѣ легкаго вѣтра, а баркасъ буксировалъ нѣсколько лодокъ. Въ то время въ Чикишлярѣ непрерывно подвозился провiантъ, фуражъ, снаряды, патроны и матеріальная часть артиллеріи, предназначенная для мобилизаци. Въ Чикишлярѣ скоро возникла оживленная торговля, благодаря массѣ потребителей въ лицѣ войскъ. Всѣ дома-лавки, образуя цѣлый городъ со многими улицами, были построены изъ лимонадныхъ ящичковъ.

Особенное благодѣяніе въ Чикишлярѣ была ледодѣлательная машина. Лагерь войскъ былъ расположенъ вокругъ Чикишляра: на правомъ флангѣ пѣхотныя части, въ серединѣ кавалерія, на лѣвомъ флангѣ громадное число орудій, помѣщаемыхъ тамъ по мѣрѣ привоза черезъ море и отправляемыхъ впередъ, по мѣрѣ прибытія изъ передового отряда обратныхъ лошадей и верблюдовъ. Масса артиллеріи образовала какъ бы особый городокъ. Къ югу отъ Чикишляра находится значительный ауль туркменъ-іомудовъ, а еще южнѣе, верстахъ въ 16-ти, другой ауль, Гасанъ-Кули, населенный туркменами-джафарбаевцами. Оба эти поселенія доставляли намъ кошмы, паласы, ковры, какъ предметы собственнаго производства; кромѣ того, лѣтомъ въ Чикишлярѣ привозилось обиліе всякаго рода фруктовъ изъ Персіи. Налѣво изъ Чикишляра въ нѣсколькихъ верстахъ находится громадное возвышеніе, называемое Бѣлымъ бугромъ. Это одинъ изъ тѣхъ безчисленныхъ памятниковъ, которые наполняютъ собою всю среднюю Азію и служатъ историческими монументами нѣкогда жившихъ вокругъ нихъ племенъ. При раскопкахъ около такихъ бугровъ всегда находятъ владбища; платье своихъ покойниковъ туркмены всегда зарываютъ въ курганъ и всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ для цѣлаго племени, отчего объемъ такихъ кургановъ съ теченіемъ времени растетъ и принимаетъ громадные размѣры.

Между деревянными постройками Чикишляра и лагеремъ пѣхоты находился громадный интендантскій складъ всякаго рода довольствія, подвозимаго съ прикаспійскихъ интендантскихъ магазиновъ; главнымъ образомъ изъ Астрахани и Петровска. Этотъ

складъ былъ соединенъ съ пристанью рельсовымъ путемъ, по которому солдаты и персіяне катили вагонетки, т. е. открытыя платформы; такимъ образомъ упрощалась перевозка.

Подобно Красноводску, чивишлярская почва неспособна производить никакой растительности, ибо вся состоитъ изъ сплошной массы песку, частью очень мелкаго и перемѣшивающагося съ громаднымъ количествомъ морскихъ раковинъ. Вся мѣстность имѣетъ какой-то заунывный сѣро-желтый цвѣтъ. Съ одной стороны—сине-зеленое море, съ другой—песчаные бугры и безконечная пустыня съ солончаками. Отъ бури тутъ бывають наводненія.

Въ Чивишлярѣ, также какъ и во всемъ Закаспійскомъ краѣ, включая текинскій оазисъ, наши войска страдали главнымъ образомъ катарромъ желудка, который представляетъ главнѣйшую болѣзнь въ этихъ мѣстахъ вслѣдствіе невозможныхъ качествъ воды. Постоянныхъ колодцевъ здѣсь нѣтъ; чтобы добыть воду, вырываютъ въ любомъ мѣстѣ яму, не глубже аршина. Стоить это сдѣлать—и колодезь готовъ. Вода въ этихъ ямахъ, хотя и вкуснѣе, чѣмъ въ Баку, однако-жъ очень дрянная, а главное, спустя нѣсколько часовъ, дѣлается совершенно соленою. Никакая лимонная кислота не улучшала этой несносной, безцвѣтной, безвкусной и зловердной влаги. Въ лѣтніе мѣсяцы жара очень часто достигала 40°. Безчисленные мириады мухъ и всякихъ насѣкомыхъ дополняли собою всю отвратительную природу этихъ мѣстъ. Возлѣ коновязи эти твари положительно уничтожали всякую возможность существованія человѣка. Кисейные пологи становились у насъ самою необходимою вещью.

Въ подготовительный періодъ экспедиціи въ Чивишлярѣ сосредоточивались почти всѣ управления и штабы; тутъ были: интендантство, казначейство, почта, прекрасный и относительно громадный госпиталь (въ деревянныхъ очень хорошихъ баракахъ), Красный крестъ и канцеляріи,—эти неизбежные спутники нашихъ отрядовъ даже въ безводныхъ степяхъ.

Атреская военная дорога представляетъ собою рядъ телеграфныхъ столбовъ на песчаной и безводной степи (пустыни). Даже въ октябрѣ тутъ невыносимая жара, которая истощаетъ силы походныхъ колоннъ и раздражаетъ солдатъ миражами. Дрова

войска въ этомъ районѣ возять съ собою, только изрѣдка попадаетъ въ сторонѣ колючка, оригинальное степное растеніе, служащее единственною пищею для верблюдовъ. Если кое-гдѣ мы находили какую либо жидкость, то это была несносная горько-соленая влага; только мутная вода рѣки Атрека, будучи очищена квасцами, дѣлалась сносною для питья. Аммуниція и обувь накаливаются до того, что въ нимъ нельзя прикоснуться пальцемъ. Отъ пота вся одежда постоянно мокра. Отъ страшной жары утрачивается всякая способность думать, лѣнь было даже сказать слово товарищу, всѣ чувства окончательно притупляются. Почва изобилуетъ массою скорпіоновъ, тарантуловъ, фалангъ, сороконожекъ, змѣй и прочихъ гадовъ.

III.

[Продолженіе слѣдуетъ].

ГУБЕРТЪ ЛАНГЕ О РОССИИ

въ XVI в.

Губертъ Ланге, извѣстный французскій политическій дѣятель и писатель (род. въ 1519 г., † въ 1581 г. въ Антверпенѣ), жилъ очень много въ Германіи, которая привлекала его, какъ протестанта. Между 1551 годомъ и 1560 г. онъ извѣдывалъ даже почти всю сѣв. Европу, причѣмъ посѣтилъ Данію, Швецію и Норвегію. Благодаря этому обстоятельству, Ланге имѣлъ возможность болѣе обстоятельно познакомиться съ политическимъ положеніемъ дѣль этихъ странъ Европы. Когда началась война Москвы съ Ливоніей, Ланге находился въ Саксоніи, которая была чрезвычайно заинтересована этою войною. Сообщая Кальвину, въ сентябрѣ 1558 г., новости изъ Германіи, Ланге, между прочимъ, распространяется и о войнѣ Ивана IV Васильевича съ Ливоніей и обнаруживаетъ при этомъ глубокую политическую проникательность: онъ предвидитъ уже великую будущность Россіи и смѣло предсказываетъ ее, хотя и считаетъ Россію еще совсѣмъ варварскою страню. Вотъ что писалъ онъ въ упомянутомъ письмѣ Кальвину: „Князь московскій вторгся въ Ливонію, которую почти всю опустошилъ, и взялъ города Нарву и Дерптъ. Говорятъ, что даже недавно онъ занялъ Ревель, значительный приморскій городъ, портъ котораго болѣе удобенъ и безопасенъ изъ всѣхъ, лежащихъ у Венедскаго залива. Въ Любекѣ строятся флотъ на средства саксонскихъ городовъ для оказанія помощи ливонцамъ. Но москвитянину (Moscho) пошлется только добыча, потому что онъ имѣетъ въ войскѣ до 80 или ста тысячъ всадниковъ. Король Польши спокойно смотритъ на эти трагедіи; но москвитянинъ вынудитъ его выйти изъ этого бездѣйственнаго состоянія, если займетъ Ливонію, такъ какъ Литва, Пруссія и Жмудь—провинціи короля—смежны. И невѣроятно, чтобы князь московскій успокоился, такъ какъ ему всего двадцать восемь лѣтъ, и онъ почти съ самаго дѣтства воспитанъ среди битвъ и по натурѣ отваженъ. И отвага его даже возросла, благодаря многимъ удачнымъ сраженіямъ съ татарами, которыхъ онъ, какъ говорятъ, уничтожилъ

триста или четыреста тысячъ въ различныхъ битвахъ. Онъ имѣеть трехъ царей ихъ въ плѣну, которыхъ возить всегда съ собою, и отнять у нихъ царство Казань, которое лежитъ при рѣкѣ Волгѣ по направленію къ Каспійскому морю. Въ послѣдніе даже годы онъ нанесъ сильное пораженіе шведскому королю, который, наконецъ, деньгами купилъ у него миръ. Если какому либо государству предстоятъ возрасти въ Европѣ, то этому". (*Congius Refomatogum. Opera Ioannis Calvinis. T. XVII, № 2942*).

Излишнимъ было бы замѣчать, что Ланге сильно грѣшитъ относительно точности сообщаемыхъ имъ фактовъ; но письмо его не съ этой стороны заинтересовало насъ.

Н. Любвицъ.

9-го мая 1884 г.
Варшава.

День 14-го декабря 1825 г. въ С.-Петербургѣ.

Разсказъ очевидца.

На страницахъ „Русской Старины“ многократно излагались подробности событій дня 14-го декабря, излагались онѣ представителями обѣихъ сторонъ, стоявшихъ въ этотъ день печальной усобицы и смуть одна противъ другой. Всѣ мало мальски главнѣйшія подробности уже хорошо извѣстны. Остаются однако мелочи, дорисовывающія ходъ событій этого дня. Таковыя штрихи для общей картины встрѣчаются еще въ вновь отрываемыхъ разсказахъ современниковъ и очевидцевъ. Представляемъ одинъ изъ таковыхъ разсказовъ: онъ принадлежитъ—Вас. Мих. Еропкину. Ред.

I.

Болѣе полвѣка прошло послѣ 14-го декабря 1825 г. Многие описывали это достопамятное событіе, очевидцевъ котораго осталось въ настоящее время весьма мало; старѣйшій изъ нихъ—гр. В. О. Адлербергъ, бывшій адъютантъ при его императорскомъ высочествѣ в. кн. Николаѣ Павловичѣ.

14-го декабря я былъ маленькій человѣкъ, юнкеръ л.-гв. Егерскаго полка. Въ то время гвардейскіе пѣхотные и кавалерійскіе юнкера находились въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, которую учредилъ в. кн. Николай Павловичъ въ 1823 г. Начальникомъ школы былъ л.-гв. Измайловскаго полка полковникъ Годейнъ; ротнымъ командиромъ того же полка капитанъ Мердеръ, впоследствии воспитатель покойнаго императора Александра II. Эскадронный командиръ кавалергардскаго полка—полковникъ Гудимъ-Левковичъ. Дежурными офицерами назначили по одному изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ. Весь составъ школы состоялъ подъ личнымъ наблюденіемъ е. и. в. в. кн. Николая Павловича. Адъютантъ е. и. в., баронъ Делингау-

зень, занималъ мѣсто инспектора классовъ. Учителемъ исторіи былъ Арсенъевъ, впоследствии преподававшій и императору Александру Николаевичу Поручикъ Бауунинъ занимался артиллеріей. Его высочество почти ежедневно посѣщала школу; часто сопровождала его в. кн. Александра Θεодоровна, которая удостоивала даже пріѣзжать верхомъ въ amazons въ лагерь, гдѣ однажды, подъ Краснымъ Селомъ, в. кн. Николай Павловичъ, по званію своему генераль-инспектора по инженерной части, представлялъ императору Александру Павловичу работы л.-гв. сапернаго баталіона, который въ одну ночь построилъ редутъ подъ личнымъ наблюденіемъ великаго князя, за что получилъ высочайшее благоволеніе.

Послѣ отъѣзда государя, великій князь подѣхалъ къ палаткамъ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, съ вопросомъ: „не желаете-ли вы рыть укрѣпленія?“ Какъ теперь помню, изъ задней шеренги юнкеръ Яхонтовъ, л.-гв. Измайловскаго полка, громко сказалъ: „не желаемъ, ваше императорское высочество“, на это великій князь изволилъ сказать: „это сдѣлають мои клопы ¹⁾; а вамъ нужно духовъ и помады“. Съ тѣхъ поръ, великій князь, вмѣсто обычнаго „здоровы молодцы“, здоровался съ нами: „bonjour, mesdemoiselles“, и всегда при разводѣ вызывалъ нашего фланговаго, 10 вершковъ, л.-гв. Семеновскаго полка юнкера Загряжскаго: „mademoiselle Zagriajsky, montrez vos petites mains“.

Великій князь любилъ показывать всѣмъ знатнымъ иностранцамъ свою школу, въ томъ числѣ посѣтилъ насъ le maréchal Marmont. Сначала, школа помѣщалась въ 1-й ротѣ Измайловскаго полка, въ 1825 г. ее перевели въ Синему мосту, гдѣ нынѣ дворецъ Государственнаго Совѣта (бывшій герцога Лейхтенбергскаго).

13-го декабря, во время нашего обѣда, в. к. Николай Павловичъ пріѣхалъ одинъ, поздоровался, обошелъ всѣ столы, противъ своего обыкновенія не сказавъ ни съ кѣмъ ни слова, и уѣхалъ. Намъ показалось, что онъ былъ очень разстроены. Въ это время въ школѣ было до полутора ста кавалерійскихъ и пѣхотныхъ юнкеровъ древнѣйшихъ русскихъ фамилій. Юнкеръ л.-гв. Измайловскаго полка, свѣтлѣйшій в. к. Ливень, съ которымъ я былъ очень друженъ, сказалъ мнѣ: „tu veras qu'il y aura du nouveau“. Дѣй-

¹⁾ Т. е. инженерная кондукторская рота.

ствительно, въ два часа ночи насъ разбудилъ барабанъ; въ столовой залѣ, куда намъ приехали собраться, находился уже священникъ съ Евангелиемъ; мы немедленно присягнули его императорскому величеству государю Николаю Павловичу. Присягнувъ, мы тотчасъ разошлись по дортуарамъ; утромъ намъ объявили, что, по случаю дня восшествія на престолъ, насъ отпускаютъ по домамъ. Ротный командиръ, л.-гв. Преображенскаго полка капитанъ Звѣгинцевъ, по принятому порядку, выдавалъ въ дежурной комнатѣ отпускные билеты; я получилъ изъ первыхъ и поторопился уйти съ нѣкоторыми товарищами. Внезапно мы услышали оружейную перестрѣлку и, подойдя къ Синему мосту, увидали государя Николая Павловича верхомъ, при немъ адъютанты: графъ Адлербергъ и баронъ Удомъ. Государь ѣхалъ отъ адмиралтейства и остановился для встрѣчи л.-гв. Измайловскаго полка, который шелъ въ боевой амуниціи. Государь, остановивъ полкъ, поздоровался, полкъ отвѣтилъ: „здравія желаемъ, ваше императорское высочество“.

— „Какъ, вы меня не признаете! моя первая пеленка была измайловская шинель!“...

Что говорилъ далѣе государь, мы уже не слышали, но вдругъ весь полкъ, какъ одинъ человекъ, грянулъ: „ура! ваше императорское величество!“ „Слушать моей команды: къ заряду“. Адъютантовъ своихъ императоръ разослалъ; когда ружья зарядили, государь скомандовалъ: „скорымъ шагомъ“, пропустивъ полкъ мимо себя, въѣхалъ въ середину полка со словами: „ребята, пропустите вашего царя“, проѣхалъ на Адмиралтейскую площадь. Все это время, я и нѣсколько товарищей стояли близъ государя. На площади были: гвардейскій экипажъ и по семи ротъ л.-гв. гренадерскаго и л.-гв. Московскаго полковъ, которые составили каре ¹⁾ у самаго сената, прикрывая Галерную улицу. Противъ нихъ выстроили Преображенскій, Семеновскій, Измайловскій и Павловскій полки, 4 орудія батарейной батареи его императорскаго высочества подъ командой поручика Бакунина. Финляндскій полкъ занималъ городскіе караулы и на главной гауптвахтѣ. Мы видѣли какъ конногвардія бросилась въ атаку на каре, но безъ успѣха. Пріѣхалъ митрополитъ; съ крестомъ въ рукахъ

¹⁾ Въ серединѣ котораго находилось много военныхъ и статскихъ.

началь увѣщевать неповорныхъ, но они отвѣтили ему: „отъѣзжайте, владыко“. Послѣ митрополита прискакалъ генераль-губернаторъ графъ Милорадовичъ, герой двѣнадцатаго года, обожаемый солдатами; при первыхъ его словахъ, его смертельно ранили изъ пистолета, къ вечеру онъ скончался, сказавъ: „былъ въ сорока сраженіяхъ, никогда не былъ раненъ, а русская пуля меня убила“. Капитанъ Якубовичъ вышелъ изъ каре въ видѣ парламентаря и, переговоривъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, снова вернулся въ каре; слухъ былъ, что Якубовичъ хотѣлъ убить великаго князя, но рука не поднялась. Въ третьемъ часу стало темнѣть, всѣ совѣтовали государю употребить артиллерію, даже французскій посоль сказалъ: „il faut en finir, Votre Majesté“. Государь и великій князь не соглашались на это, направились къ дворцу, въ это время начальникъ артиллеріи, кажется генераль Сухозанеть, командовалъ: „пальба орудіями“; поручи къ Бакунинъ сказалъ: „первая“. Фейерверкеръ, взявъ фитиль, не рѣшался приложить къ орудію; поручивъ Бакунинъ, выхвативъ фитиль, сдѣлалъ первый выстрѣлъ картечью, за нимъ прочіе; орудія дали по одному выстрѣлу; мятежники не выдержали, побѣжали по Галерной.

Войска оставались всю ночь на бивакахъ. Караулъ на сенатской гауптвахтѣ, состоящій изъ двадцати человекъ л.-гв. Финляндскаго полка, подъ командой подпоручика Насакина, все время стоялъ въ ружьѣ. Я и товарищи мои разошлись по домамъ. Князя Ливены и гр. Барановъ побѣжали во дворецъ; первые къ свѣтлѣйшей своей бабушкѣ княгинѣ Ливенъ, второй—къ матери. Войска зажгли огни и оставались на бивакахъ.

Вотъ чего я лично былъ свидѣтелемъ; на другой день, я узналъ отъ очевидцевъ-товарищей слѣдующія подробности: л.-гв. Московскій полкъ отказался присягнуть, начальникъ дивизіи генераль лейтенантъ Шеншинъ прибылъ присутствовать при присягѣ, его ранилъ капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій, также и командира полка Хвоцинскаго. Семь ротъ Измайловскаго полка побѣжали на площадь; командиръ роты его величества удержалъ свою роту, повелъ ее въ Зимній дворецъ, гдѣ она и присягнула.

При первомъ донесеніи государю о возмущеніи, явился во дворецъ 1-й баталіонъ Преображенскаго полка. Государь вынесъ наслѣдника и собственноручно передалъ его командиру роты его

величества, капитану Павлу Николаевичу Игнатьеву (впоследствии графъ, председатель комитета гг. министровъ). Бѣглымъ шагомъ прибылъ саперный баталіонъ подъ командой полковника Геруа. Государь лично поставилъ ихъ у главныхъ воротъ дворца, а прапорщика Христофовича, со взводомъ, поставивъ у апартамента ея императорскаго величества, сѣлъ на лошадь и поскакалъ на встрѣчу Измайловскому полку. Л.-гв. гренадерскій полкъ былъ собранъ на плацу своихъ Петровскихъ вазармъ; во время присяги, поручивъ Пановъ¹⁾, выбѣжавъ изъ фронта, вскрикнулъ: „за мной ребята“ и съ многими другими офицерами увлекъ полкъ; побѣжавъ въ Зимнему дворцу, заглянули въ ворота, увидали саперовъ и съ крикомъ: „ребята, это не наши“, побѣжали на площадь, присоединившись къ гвардейскому экипажу. Въ это время, командиръ полка, полковникъ Стюрлеръ, былъ смертельно раненъ и въ тотъ же день скончался. Точно также, какъ въ Московскомъ полку князь Ливенъ остановилъ роту его величества, также и въ л.-гв. гренадерскомъ полку командиръ роты его величества, князь Сергѣй Ивановичъ Мещерскій, удержалъ свою роту и повелъ ее въ Зимній дворецъ, гдѣ она присягнула его императорскому величеству государю Николаю Павловичу.

Послѣднія подробности мнѣ передали товарищи-очевидцы и участники дня 14-го декабря.

Во дворцѣ, главную гауптвахту и всѣ городскіе караулы занималъ л.-гв. Финляндскій полкъ, который былъ смѣненъ л.-гв. Преображенскимъ.

Василій Мих. Прошкинъ,
старѣйшій нинѣ л.-гв. гренадеръ.

Тверь.

1884 г. 14 го января.

¹⁾ Его звали царькомъ, по сходству его съ императоромъ Александромъ Павловичемъ.

Могила трехъ казаковъ

1812 г.

Въ Боровскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, во второмъ станѣ, близъ деревни Колодези, около проселочной дороги, стоятъ деревянный крестъ; подлѣ него, на столбѣ, на жестяномъ листѣ, слѣдующая надпись:

„Господи, прими духъ ихъ съ миромъ. На семь мѣстѣ покоятся прахъ рабовъ Божіихъ,—казаковъ: полковника Назар'я, рядовыхъ: Павла и Евстафія, за вѣру и отечество главы свои, въ 1812 году, на семь мѣстѣ положившихъ“.

Крестъ и надпись поддерживаются мѣстными жителями.

Сообщ. Н. М. Челищевъ.

Карлъ Карловичъ Зейдлицъ

† 7-го февраля 1885 г.

Февраля 7-го 1885 г. въ 12 часовъ дня скончался въ Дерптѣ д. ст. сов. докторъ медицины и бывший профессоръ медико-хирургической академіи Карлъ Карловичъ Зейдлицъ. Ему шло 88-й годъ. На страницахъ нашего журнала не разъ помѣщалось почтенное имя это. Близкій другъ славнаго поэта нашего В. А. Жуковскаго, Карлъ Карловичъ хорошо знакомъ читающей публики по изданной имъ біографіи поэта [Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго по неизд. источникамъ и личнымъ воспоминаніямъ К. К. Зейдлица, съ предисловіемъ П. А. Висковатаго. Спб., 1883 года]. Въ началѣ 1883 года въ «Русской Старинѣ» печатались письма Жуковскаго къ М. А. Мойеръ (рожд. Протасовой), пересланныя намъ почтеннымъ біографомъ. Въ январьской книгѣ «Русск. Стар.» изд. 1883 г. въ примѣчаніи на стр. 190 помѣщена была краткая біографическая замѣтка объ этомъ достойномъ человѣкѣ, которому судьба даровала рѣдкую возможность присутствовать при празднованіи столѣтней годовщины дня рожденія знаменитаго друга. Карлъ Карловичъ до послѣдней минуты жизни сохранилъ ясность рѣдкаго ума, горячій интересъ къ событіямъ и сердце, полное добраго чувства ко всему хорошему и мыслящему.

П. В.

ОСТЗЕЙСКОЕ ДВОРЯНСТВО

И ДВОРЯНСКАЯ ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА.

Въ мало извѣстномъ у насъ историческомъ журналѣ „Baltische Monatschrift“¹⁾ напечатанъ рядъ статей, озаглавленныхъ „Времена намѣстничества“, которыя заслуживаютъ особое вниманіе какъ по своей тенденціи, такъ и той откровенности, съ которою ихъ авторъ, г. Винеманъ, извѣстный остзейскій патриотъ, обнаруживаетъ тѣ тайныя пружины, посредствомъ которыхъ его земляки имѣли обычай дѣйствовать; мы намѣрены ознакомить читателей съ тѣмъ отрывкомъ этого сочиненія въ которомъ изображена какъ подземная, такъ и открытая борьба остзейскаго²⁾ дворянства съ правительствомъ по поводу замѣны его старой „конституціи“ дворянской грамотой, дарованной Екатериною II. Крайне драстическій разсказъ объ этой борьбѣ, изложенной на основаніи актовъ, хранящихся въ мало доступныхъ остзейскихъ архивахъ, полный прозрачныхъ намековъ на предстоящія въ Прибалтійскомъ краѣ реформы, представляетъ не только одинъ историческій интересъ, онъ не только знакомитъ насъ съ правилами здравой политики, которыми руководствовалась мудрая монархиня по отношенію къ нашимъ отмѣченнымъ окраинамъ, но и содержитъ не мало полезныхъ уроковъ для настоящаго времени, когда рѣшается давно назрѣвшій вопросъ объ упраздненіи обветшалыхъ остзейскихъ порядковъ и замѣны ихъ болѣе современными—губернскими и мировыми учрежденіями.

Тенденціозность и односторонность взгляда автора на изображаемое имъ событіе до того очевидны, увлеченіе его патриотизмомъ *du clocher* столь мало замаскировано, что мы считаемъ совершенно излишнимъ возражать противъ его подчасъ слишкомъ рѣзкихъ выходовъ противъ существующаго порядка вещей, или вдаваться въ какую либо критическую оцѣнку его сочиненія, и рѣ-

¹⁾ Die Adelsordnung. B. VII.

²⁾ Такъ какъ Курляндія въ это время еще не была присоединена къ Россіи, то подъ этимъ словомъ слѣдуетъ разумѣть лишь то, что относится до губерній Рижской и Ревельской.

пились ограничиться лишь передачей интереснѣйшихъ мѣстъ, строго придерживаясь подлинника.

Отозвавшись о введеніи городского положенія 1785 г. въ городахъ Лифляндіи и Эстляндіи какъ объ актѣ правительства, для котораго нѣтъ ни достаточнаго объясненія, ни оправданія, и провозгласивъ, что мотива для него должно искать въ „духѣ деспотизма (in der Seele des Despotismus) и тѣсномъ союзѣ цесаризма съ демократіей, существовавшемъ отъ самаго его начала“, авторъ говоритъ, что даже и этими причинами не доказывается необходимость распространять „жалованную грамоту“ на остзейское дворянство. „Конституція лифляндскаго и эстляндскаго рыцарства, утверждаетъ г. Бинеманъ, была извѣстна Екатеринѣ II лучше, чѣмъ прочія наши учрежденія. Стоитъ лишь припомнить тѣ мѣста изъ ея переписки съ Сиверсомъ¹⁾, въ которыхъ упоминается о прерогативахъ дворянства. Во всякомъ случаѣ постоянныя связи многихъ членовъ балтійскаго дворянства, поддерживаемыя со дворомъ, не могли не ознакомить правительство со значеніемъ и сферой дѣятельности дворянской корпораціи. Уже одно то обстоятельство, что многие высшіе сановники имперіи неоднократно изъявляли свое желаніе сдѣлаться членами этой корпораціи, можетъ послужить тому нагляднымъ доказательствомъ...²⁾ Нельзя также допустить, чтобы распространеніе дворянской грамоты на остзейскія губерніи могло быть внушено мыслью о ея превосходствѣ надъ мѣстнымъ дворянскимъ Положеніемъ, или что оно представляло лишь незначительныя отъ него уклоненія. Неприложимо было здѣсь и то соображеніе, которымъ руководствовались при введеніи городского положенія—сломить господство привилегированнаго меньшинства въ пользу лишеннаго правъ большинства, ибо число иматрикулованныхъ дворянъ далеко превосходило число тѣхъ, которые, будучи землевладѣльцами, не принадлежали къ мѣстному дворянству...“. „Такимъ образомъ, загла-

¹⁾ Бывшій новгородскій губернаторъ, извѣстный графъ Яковъ Сиверсъ

²⁾ Здѣсь, кажется намъ, авторъ позволяетъ себѣ небольшую натяжку. Если нѣкоторые изъ русскихъ сановниковъ и вступали въ корпорацію остзейскаго дворянства, то навѣрное не имѣли въ виду приобрести этимъ какое либо особое отличіе или расширить свои дворянскія права. Это, скорѣе, можно объяснить тѣмъ, что ловкіе остзейскіе дѣльцы, поднося русскимъ сановникамъ свои дворянскіе дипломы, надѣялись тѣмъ приобрести ихъ протекцію, а тѣ принимали эти дипломы, не желая обидѣть нѣмцевъ отказомъ. При императорѣ Николаѣ, когда остзейское вліяніе было особенно сильно при дворѣ, такой чести между прочими удостоились кн. Меншиковъ и кн. Суворовъ; но неужели эти лица, особенно первый, добивались ея? Кстати, есть преданіе, что остзейское рыцарство дерзнуло даже поднести свой дипломъ также императору Павлу I, но претерпѣло позорное фиаско: увѣряютъ, что депутаты, привезшіе дипломы, были выпровожены крайне сурово.

часть авторъ, единственными мотивами для распространенія жалованной грамоты на остзейское дворянство могло служить лишь ничего не уважающее желаніе подчинить все одной формѣ и досада какъ абсолютизма (*Groll des Absolutismus*), такъ и бюрократіи на то, что существуетъ (въ русскомъ государствѣ?—Ред.) организмъ, дѣйствующій самостоятельно и собственной силой...“.

Очень характеристично окрестили съ самаго начала жалованную грамоту названіемъ дворянскаго манифеста. Это сдѣлали, вѣроятно, потому, что представляющее грамотѣ широкое обращеніе императрицы къ дворянству, цѣлая треть грамоты, есть самое существенное и новое во всемъ Положеніи...“. Указавъ съ тономъ авторитета на тѣ, сравнительно незначительныя, по его мнѣнію, права, предоставляемыя дворянству жалованной грамотой, авторъ приступаетъ къ изложенію процедуры распространенія дворянской грамоты на Лифляндію и Эстляндію.

„1785 года 10 сентября ландратская коллегія получила высочайшее положеніе о дворянствѣ, съ приложеніемъ мнѣнія губернскаго стряпчачо, и предложеніе намѣстническаго правленія обсудить способъ примѣненія онаго къ Лифляндіи и, по изложеніи могущихъ встрѣтиться къ тому препятствій, представить безъ замедленія свои возраженія“. Обсуждая правильность, или неправильность тѣхъ путей, посредствомъ которыхъ жалованная грамота явилась въ Лифляндію, авторъ утверждаетъ, что, во всякомъ случаѣ, державная воля была заявлена посредствомъ странныхъ „изворотовъ“. „Рескриптъ, говоритъ онъ, былъ отправленъ изъ кабинета, помимо сената, непосредственно къ генералъ-губернатору, такъ что рыцарство, впоследствии, могло бы возразить графу Броуну, что о примѣненіи жалованной грамоты къ Лифляндіи не имѣется ни одного указа. Въ настоящемъ случаѣ присутствующій ландратъ, графъ Мантейфель, и дворянскій предводитель, баронъ Будбергъ, рѣшили, что грамота неприимна къ лифляндскому дворянству и постановили составить объ этомъ меморіалъ. Но пока секретарь занимался составленіемъ этого меморіала, противники „рыцарской конституціи“ тоже дѣлали свое дѣло“. Какъ извѣстно, всѣ остзейскіе землевладѣльцы, на основаніи заключительнаго установленія дворянской матрикулы въ 1747 году, раздѣлились на двѣ категоріи: на иматрикулованныхъ дворянъ и на простыхъ земцевъ (*Landsassen*). Къ этимъ послѣднимъ относились и тѣ русскіе дворяне, которые не имѣли чести принадлежать къ лифляндскому или эстляндскому дворянству. Земцы, лишеныя такимъ образомъ всякаго представительства своихъ интересовъ, неоднократно обращались съ своими жалобами къ правительству. Рыцарство остзейское не допустило земцевъ даже имѣть своихъ представителей въ извѣстной комисіи объ уложеніи, въ то время, какъ прывывъ великой монархини къ участію въ ней относился безъ исключенія къ дворянству всей Россійской имперіи¹⁾. Въ

¹⁾ Лифляндскій генералъ-губернаторъ Броунъ далъ знать сенату, что лифляндскіе дворяне (землевладѣльцевъ), находящихся въ Лифляндіи и дѣй-

концѣ концовъ однако-жъ земцы добились права созывать собранія и избирать своего предводителя и депутата. Въ качествѣ такого депутата майоръ Вильгельмъ фонъ-Влюменъ и подалъ въ сенатъ (въ октябрѣ) жалобу на то, что „по сию-пору въ Лифляндіи не вводится „жалованная грамота“ и что такое замедленіе причиняетъ земству большую скорбь. Земство (лифляндское), говоритъ онъ, представило-де достаточно доказательствъ своей преданности (престолу), ибо многіе изъ его членовъ украшены различными степенями ордена св. Георгія, а одинъ изъ нихъ, генералъ Вейсманъ, въ память своихъ побѣдъ, даже награжденъ турецкой пушкой. Въ качествѣ вѣрныхъ и неотверженныхъ сыновъ отечества, и всеподданнѣйше просимъ мы распространить „жалованную грамоту“ также на нематрикулованныхъ дворянъ“.

Вслѣдъ затѣмъ указомъ отъ 10 ноября предписано было намѣстническому правленію немедленно объяснить, на какомъ основаніи оно, по сию пору, не обнародовало въ Лифляндіи дворянскаго манифеста. Вслѣдствіе сего губернаторъ Беклешовъ подтвердилъ ландратской коллегіи о томъ, чтобы она озаботилась о публикаціи манифеста, которая должна была появиться два мѣсяца тому назадъ, и чтобы коллегія, въ теченіи 8 дней, представила требуемыя отъ него замѣчанія на „грамоту“. Въѣствѣ съ тѣмъ губернаторъ предписалъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства приняться безъ малѣйшаго замедленія за составленіе родословной книги дворянства и чтобы доносили объ успѣхахъ сего труда каждые 14 дней. Представители дворянства, препроводя требуемыя отъ нихъ замѣчанія (меморіаль)¹⁾, заявили было свой протестъ противъ такого требованія, такъ какъ составленіе родословной книги или матрикулы считалось исключительнымъ правомъ ландтага, а не одного дворянскаго предводителя, но протестъ этотъ былъ оставленъ безъ вниманія и 18 декабря правленіе снова подтвердило свое призва-

ствительно тамъ имѣющихъ свои деревни, къ баллотированію въ товарищество не приняли потому единственно, что они въ лифляндскомъ дворянствѣ не состоятъ; хотя ген.-губернаторъ и предлагалъ имъ и такихъ изъ нихъ общества своего не исключать, но они оказались непреклонны. Сенатъ рѣшилъ, ...что вступать въ разбирательство споровъ рыцарства съ земствомъ было бы неумѣстно... и чтобы имѣтьучастіе въ выборѣ всѣмъ тѣмъ, которые въ званіи дворянства дѣйствительно владѣютъ тамъ своими собственными деревнями, не различая, кто тамошній природный, кто русскій и изъ другого государства выѣзжіи или въ другомъ уѣздѣ живущіи дворянинъ... Екатерина написала на докладѣ сената: „какъ манифестъ изданъ для блага всѣхъ вѣрноподанныхъ, то и имъ слѣдуетъ 5-му пункту дворянскаго обряда о выборѣ депутата“. Въ этомъ 5-мъ пунктѣ говорится: выбирать дворянскаго депутата можетъ всякій дворянинъ, дѣйствительно владѣющій своимъ имѣніемъ въ томъ уѣздѣ (Соловьевъ, А. Ч. т. XXVII, стр. 43 - 44).

¹⁾ Отпускъ съ этого любопытнаго меморіала, по замѣчанію автора, не сохранился въ дворянскомъ архивѣ.

заніе. Тогда присутствующіе ландраты рѣшили обратиться къ государынѣ и всеподданнѣйше просить о дозволеніи сохранить нѣтъ ихъ нынѣ дѣйствующую „рыцарскую конституцію“. Прошеніе было препровождено къ генераль-губернатору при просьбѣ—разрѣшить дворянству, до полученія высочайшаго отвѣта, не приступать къ составленію родословной книги. Графъ Броунъ сначала было не рѣшался препроводить этотъ протестъ въ столицу, но по убѣжденію прибывшаго между тѣмъ въ Ригу графа Якова Сиверса, отправилъ оный по почтѣ 23 декабря, вмѣстѣ съ прошеніями города Риги и дворянства, хотя по „грубому нерадѣнію“ (grobe Nachlässigkeit) генераль-губернатора, забыли приложить при послѣднемъ объяснительную записку. При сей оказіи авторъ аттестуетъ графа Сиверса какъ личность, всегда державшую руку лифляндскаго рыцарства ¹⁾. Секретарю дворянства Рихтеру, которому было поручено препредить прошеніе къ императрицѣ, Сиверсъ преподалъ добрый совѣтъ обратиться, по пріѣздѣ въ Петербургъ, къ графу Воронцову и Безбородко и бдительно слѣдить за тѣмъ, чтобы прошеніе попало въ настоящія руки и какое оно произведетъ впечатлѣніе. Далѣе, этой замѣчательной инструкціей вибнялось секретарю въ обязанность „стараться вывѣдать отъ Воронцова, придерживается ли онъ своего прежняго мнѣнія о земцахъ (Landsassen), и когда узнаетъ, что это мнѣніе основано на твердой волѣ императрицы, то чтобы уступилъ, предпочитая меньшее зло большому, затѣмъ наставить графа, какъ ему, при высочайшемъ докладѣ, удобнѣйшимъ способомъ отстоять главнѣйшія привилегіи дворянства, даже если-бъ и пришлось поступиться и съ сердечною болью (mit blutenden Herzen) согласиться на родословныя книги для нематрикулованнаго дворянства и на предоставленіе нѣтъ права выбора судей и, въ крайнемъ случаѣ, нѣтъ избранія на судебныя должности ²⁾“. Руководствуясь нынѣшними воззрѣніями на вещи, замѣчаетъ авторъ, можно было бы по этому поводу упрекнуть рыцарство въ узкости его взгляда, но достаточно вспомнить, что за лица были всѣ эти вожаки земцовъ, всѣ эти Блюмены, Реймерсы, Вейсманы—люди, гдѣ-то (irgendwo) въ полкахъ и канцеляріяхъ выслужившіе свои чины, лица безъ традицій и-соціальной опоры ³⁾. Но г. Рихтеру вовсе не пришлось приложить къ дѣлу свои дипломатическія способности. Воронцовъ, не отказываясь отъ своихъ чувствъ симпатіи къ лифляндскому рыцарству, рѣ-

¹⁾ Яковъ Сиверсъ происходилъ изъ бѣдныхъ эстляндскихъ дворянъ и всѣмъ былъ обязанъ Россіи.

²⁾ Эти уступки остзейскаго рыцарства, сдѣланныя 100 лѣтъ тому назадъ, не осуществлены и по настоящее время.

³⁾ О нѣкоторыхъ остзейскихъ баронахъ можно бы съ гораздо большимъ основаніемъ сказать, что неизвѣстно гдѣ и какимъ способомъ приобрѣли они свой баронскій титулъ.

пительно уклонился от всякаго участія въ этомъ дѣлѣ, отзываясь тѣмъ, что его однажды уже скомпрометировалъ генераль-губернаторъ Броунъ. Надо было употребить много усилій, донсилья г. Рихтеръ, чтобы заставить его только ознакомиться съ содержаніемъ нашего прошенія. При этомъ онъ конфиденціально далъ мнѣ совѣтъ—не высказываться въ прошеніи прямо противъ жалованной грамоты, а просить лишь объ отиѣнѣ нѣкоторыхъ вредныхъ ея пунктовъ. Воронцовъ также не согласился помочь Рихтеру добиться аудіенціи у гр. Безбородко и даже объявилъ, что всякое стараніе въ этомъ направленіи ни къ чему не поведетъ. Но лифляндскій агентъ нашелъ таки средство добиться свиданія съ кабинетъ-министромъ, отъ котораго впрочемъ получалъ неутѣшительное извѣстіе, что дѣло никакъ уже болѣе нельзя поправить, ибо уже отвѣтъ былъ императрицѣ наканунѣ отосланъ ¹⁾. Затѣмъ, что прошеніе было прочтено императрицей съ выраженіемъ негодованія, ибо изъ него усмотрѣла она, что рыцарство сопротивляется ея волѣ только потому, что она воззвала нѣкоторыхъ лицъ въ дворянское достоинство“.

Теперь совзанному высочайшей резолюціей дворянскому конвенту предстояла задача, по преподанному совѣту, составить записку о различіи вновь дарованныхъ привилегій отъ тѣхъ, которыми остзейскіе дворяне доселѣ пользовались. Это болѣе или менѣе извѣстное различіе было изложено въ способѣ меморіалѣ, къ которому было приложено мнѣніе генераль-губернатора. Графъ Броунъ, по-видимому, раздѣлялъ взглядъ недовольнаго рыцарства, ибо, хотя и упоминаетъ о томъ, что предоставленіе сословныхъ правъ вполне зависитъ отъ милости монархини, но въ то-же время ловко даетъ замѣтить, что привилегіи остзейскаго дворянства подтверждены именными указами.

Новымъ ходатаемъ въ Петербургѣ былъ назначенъ майоръ баронъ Игельстромъ, а въ руководители былъ ему данъ случайно (?) прибывшій въ столицу графъ Я. Сиверсъ. Игельстромъ былъ снабженъ „цѣлымъ тюкомъ оффиціальныхъ (?) рекомендательныхъ писемъ“ къ сенаторамъ: Чекрышеву, Остерману, Завадовскому, Воронцову и къ остзейскимъ землякамъ: генераль-лейтенанту Ребиндеру и генераль-майору Михельсону, „побѣдителю“ Суворова.

¹⁾ Екатерина II писала ген.-губернатору (29 дек.): „Мы не можемъ вамъ дать рѣшительныхъ приказаній относительно вашего представленія, касающагося прошеній дворянства Рижской губерніи и гражданъ города Риги, такъ какъ они составлены въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ нельзя понять, какъ данныя нашему вѣрному дворянству и городамъ всей имперіи выгоды и преимущества противорѣчатъ прежнимъ. Кромѣ сего требуетъ порядокъ, чтобы подобныя представленія должны быть предъявлены при вашемъ и губернскаго правленія мнѣніяхъ нашему сенату, на обязанности котораго, а также и вашей, лежитъ подвергать обсужденію и удометворять полезныя и законныя ходатайства, ненужныя же и противозаконныя отвергать на основаніи § 49 жалованной дворянской грамоты.“

Вотъ что писалъ Игельстромъ о ходѣ своего ходатайства. „Я изготовилъ докладныя записки на разныхъ языкахъ и очень много ихъ роздалъ, такъ что о нашемъ дѣлѣ во всѣхъ кружкахъ общества громко разсуждаютъ; вообще мнѣнія клонятся въ пользу нашей матрикулы. Наши добрые земляки Михельсонъ и Ребиндеръ ратуютъ горячо и ревностно за наше правое дѣло... Бездѣ, гдѣ я ищу протекціи, съ малымъ исключеніемъ, меня принимаютъ съ изысканной вѣжливостію и обнадѣживаютъ своей поддержкой“... Отъ 31-го марта тотъ же самый доносилъ мнѣ прочимъ: „съ графомъ Безбородко имѣлъ я необыкновенно продолжительный (15 минутъ) разговоръ, — счастье, которому позавидовали болѣе ста лицъ, ожидавшихъ очереди въ двухъ приемныхъ комнатахъ. По совѣту Михельсона и Ребиндера, надлежало мнѣ вручить ему письмо отъ имени присутствующаго ландрата и дворянскаго предводителя (надѣюсь, что вы меня извините въ томъ, что я при этомъ воспользовался именемъ Будберга). По прочтеніи письма, Безбородко сказалъ мнѣ: „са величество вовсе не намѣрена что-либо отнимать у васъ. Здѣсь, кажется, есть какое-то недоразумѣніе и это дѣло необходимо разъяснить. Явились-ли вы сюда въ качествѣ депутата?“ Отвѣтъ: нѣтъ, я пріѣхалъ по собственнымъ дѣламъ, но съ порученіемъ хлопотать въ сенатѣ по нашему дѣлу и для того, чтобы испросить ему и всему лифляндскому рыцарству ваше милостивое покровительство.— „Хорошо, но зачѣмъ вы не вошли въ соглашеніе относительно различія мнѣній съ правленіемъ (наѣстническимъ)?“ Отвѣтъ: когда господинъ приказываетъ, то слуга (Knecht) долженъ повиноваться.— „Дѣло находится въ дурномъ положеніи, потому что было неправильно направлено; вамъ бы не слѣдовало писать государынѣ, а если уже писать—такъ нужно было лучше изложить дѣло“. Отвѣтъ: мы такъ и сдѣлали, но по несчастному случаю, канцелярія генераль-губернатора забыла отослать наше разъясненіе.— „Грубая забывчивость! Прошу васъ быть увѣрену въ моей доброй волѣ всегда служить вамъ“ и проч. и проч.

Далѣе пишетъ Игельстромъ, что „графъ Воронцовъ былъ съ нимъ очень вѣжливъ и увѣрялъ, что сдѣлаетъ все, что отъ него зависить, чтобы поправить дурно начатое и неправильно направленное дѣло; но что, откровенно говоря, онъ не ожидаетъ счастливаго исхода. Онъ совѣтовалъ мнѣ отнюдь не выдавать себя за депутата. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю пріѣзда тайнаго советника фонъ-Сиверса. Навязчивость (Zudringlichkeit) канцелярскихъ служителей, составителя экстракта, оберъ-прокурора и др. доходитъ до крайности. Сдѣлано нѣсколько предложеній, которыя я всѣ отклонилъ. Генераль-прокуроръ все еще невидимъ.“

Отвѣтомъ на притязанія лифляндскаго дворянства, и отвѣтомъ весьма знаменательнымъ, можно признать слѣдующій рескриптъ императрицы къ графу Броуну. „Мы не замедлимъ возложить на нашъ сенатъ изслѣдованіе и рѣшеніе существующихъ недоразумѣній, которыя возникли въ Рижской губерніи по поводу данной нами для пользы дворянства всей имперіи дворянской грамоты.

Присесть не можемъ не дать замѣтить, что желаніе дворянства Рижской губерніи представлено намъ въ такомъ видѣ, какъ будто бы это дворянство, сравнительно съ дворянствомъ прочихъ губерній, несло двойную службу и съ его имѣній взымались двойные налоги“.

И такъ, восклицаетъ авторъ, тревожное чувство, овладѣвшее Лифляндіей, понято императрицей какъ недоразумѣніе, легко устранимое! Но уже изъ этого краткаго рескрипта, — выраженія самодержавной ненависти, — очевидно, что въ дѣйствительности Екатерина глубоко сознавала различіе, которое существовало между конституціей лифляндскаго провинціального штата (Landesstaat) и ея дворянской грамотой и сколь великое отвращеніе она чувствовала къ автономіи сословій. Конечно, все это выражалось не прямо, а намеками и окольными путями. Лифляндское дворянство и не думало жаловаться на свои двойныя повинности, оно хотѣло лишь выставить на видъ, что, неся государственныя повинности, въ то же время, посредствомъ самообложенія, оно самостоятельно печется объ удовлетвореніи нуждъ своей страны и своего сословія. Неизвѣстно также о какихъ желаніяхъ дворянства говоритъ императрица въ своемъ письмѣ. За мысль, принадлежащую собственно ей самой, ибо никто изъ лицъ къ ней близкихъ не соединялъ въ себѣ въ такой степени, какъ она, тонкость расчета съ знаніемъ положенія дѣла, она, повидимому, возлагала ответственность на своихъ совѣтниковъ. Письмо это для современниковъ, въ глазахъ которыхъ Екатерина II стояла такъ высоко, было просто непонятно. Это замѣтно изъ слѣдующаго письма Игельстрема отъ 10-го апрѣля.

„Повидимому всякъ источникъ, изъ котораго слѣдовало черпать вѣрныя извѣстія... Пока еще ничего не слышно о нашихъ дѣлахъ. По всему видно, что тонъ нашего меморіала не нравится. Между тѣмъ, какъ (здѣсь) принято все просить и за все благодарить, мы, по ихъ мнѣнію, только упрямятвенъ и оказываемъ непослушаніе. Весьма замѣтно какъ этимъ недовольны. Столь же мало понятно это письмо моимъ товарищамъ. Полагать должно, что наши просьбы были доложены въ превратномъ видѣ... Губернаторъ (Беклешевъ) еще не пріѣзжалъ, да и нежелательно, чтобы онъ пріѣхалъ, ибо болѣе повредить, чѣмъ будетъ полезенъ. Беззащитность канцелярскихъ чиновниковъ ежедневно возрастаетъ¹⁾. Сиверсъ посовѣтывалъ мнѣ для того, чтобы заставить заговорить нѣмцевъ, пожертвовать нѣсколькими сотнями рублей. Эти люди намъ пригодятся впоследствии, когда будетъ разбираться наше дѣло.

Изъ слѣдовавшаго за этимъ письма узнаемъ, какъ отнесся къ заботамъ остзейцевъ Потемкинъ... „Я узналъ отъ нашего младшаго собрата (генер. Ми-

¹⁾ Подачки и подкупы издавна служили важнѣйшимъ подспорьемъ остзейской политикѣ, и потому не зачѣмъ жаловаться на то, что чиновники смотрѣли на нихъ, какъ на нѣчто должное.

хельсона), что оберъ-прокуроръ объявилъ свое намѣреніе не вмѣшиваться въ наше дѣло. Нашъ Сиверсъ вчера бесѣдовалъ съ Потемкинымъ и нашелъ его хорошо расположеннымъ къ намъ. Когда Сиверсъ умолялъ его оказать намъ протекцію, Потемкинъ сказалъ: объясните мнѣ это весьма странное дѣло. Сиверсъ попросилъ позволенія изложить ему его письменно; не желая однако-жъ упускать случая, началъ было свое объясненіе и устно, но былъ прерванъ мнѣдшимъ Беклешевымъ, который хотя вскорѣ и откланялся, но Сиверсъ уже не могъ возобновить рѣчь о нашемъ дѣлѣ и также скоро удалился. Нашъ другъ (Сиверсъ) заслуживаетъ большую признательность за свои труды по нашему дѣлу. Дай Богъ, чтобы то же можно было сказать о Беклешовѣ; по крайней мѣрѣ онъ всѣмъ обѣщалъ стараться за насъ, сколько возможно... Впрочемъ я буду за нимъ слѣдить и у меня есть каналы (!), изъ которыхъ я могу узнавать о каждомъ его шагѣ. Вообще, можно сказать, что наше дѣло довольно популярно, вездѣ говорятъ о немъ и всѣмъ любопытно знать, какъ отнесется къ нему сенатъ. Но съ нѣкотораго времени всѣ стали нѣсколько сдержанны въ своихъ мнѣніяхъ, вѣроятно, по той причинѣ, что имъ пока еще неизвѣстны высочайшія мысли по этому дѣлу; но какъ скоро послѣднія будутъ обнаружены, тогда заговорятъ и всѣ нѣмотствующие...

Въ послѣднемъ своемъ отчетѣ докладываетъ Игельстромъ, что дѣло лифляндскаго дворянства попало въ „опасное теченіе“, ибо сенатъ потребовалъ справку объ остзейскихъ привиллегіяхъ, преимущественно объ указѣ Карла XI (1694 г.), которымъ измѣнена прежде бывшая провинціальная конституція. Далѣе, — что Беклешовъ равностно хлопочетъ, но не болѣе какъ о томъ, что лифляндскому дворянству оставляетъ намѣстническое правленіе. Затѣмъ Игельстромъ, предоставивъ дальнѣйшія хлопоты Сиверсу, уѣхалъ изъ Петербурга.

Сиверсъ былъ принятъ императрицей тотчасъ по пріѣздѣ, но не особо, а вмѣстѣ съ прочими. Былъ онъ не разъ въ Царскомъ Селѣ, но Екатерина не доставило ему случая коснуться положенія лифляндскихъ дѣлъ. Здѣсь г. Биневанъ дѣлаетъ Сиверсу упрекъ, что, не смотря на свое отличное знакомство со всѣми обстоятельствами и дѣйствующими (правительствующими) лицами, онъ постоянно увлекался своимъ оптимизмомъ и не замѣчалъ, ни теченій въ правительственныхъ сферахъ, ни твердости господствующаго въ нихъ настроенія. Даже передъ совершившимся въ его глазахъ фактомъ, Сиверсъ все еще могъ сомнѣваться въ томъ, что въ принципѣ уже было рѣшено — *delentur Carthago* ¹⁾.

Въ такомъ же точно ожиданіи рѣшенія своей участи, продолжаетъ авторъ, находившся также Эстляндія. Такъ какъ на неоднократные запросы ревельскаго намѣстничества генераль-губернаторъ постоянно отмачивался, то ландраатскій комитетъ, 20-го декабря 1785 г., опредѣлилъ всеподданнѣйше просить ея и. в.

¹⁾ Вѣроятно, намекъ на уничтоженіе остзейскихъ привиллегій.

всемилоствѣйше изъяснить, насколько справедливо мнѣніе вліятельныхъ въ законодательствѣ лицъ о томъ, что яко бы всемилоствѣйшій указъ, объявленнй 3-го іюля 1783 г., потерялъ свою силу, или же объявить, что корпорація эстляндскаго рыцарства должна пользоваться своими прежними вольными правами и привилегіями.

„Послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ графомъ Броунномъ, отъ Эстляндіи также былъ отправленъ „для лучшаго объясненія дѣла гг. сенаторамъ“ делегатъ майоръ Карлъ фонъ-Гагемейстеръ. Онъ былъ снабженъ рекомендательными письмами къ князю Вяземскому и графу Шувалову, сыну фаворита Елисаветы“.

Остзейцы, при наружномъ спокойствѣ, находились въ тревожномъ состояніи духа. Впрочемъ, составленіемъ родословныхъ книгъ, рыцарство уже болѣе не беспокоило. Въ этотъ моментъ явился, по выраженію автора, „безприхвѣрный“ указъ 7-го августа 1786 года ¹⁾.

Именной указъ, данный Сенату.—О небытіи въ Рижской и Ревельской губерніяхъ Ландратамъ и Ландратскимъ Коллегіямъ и о принятіи въ Вѣдомство Казенныхъ Палатъ деревень, съ конихъ доходы собирались на содержаніе Ландратовъ.

„Должность Ландратовъ въ Губерніяхъ Рижской и Ревельской въ прежнія времена введена была по образу тогдашняго управленія, когда разныя части онаго не были достаточно распорядены; но послѣ, когда утодно Намъ было снабдить всѣ намѣстничества Имперіи Всероссийской Учрежденіями, не можеть помянутая должность быть нужною, тѣмъ болѣе, что сохраненіе правъ и выгодъ, какъ по общимъ Государственнымъ узаконеніямъ, тако и по особеннымъ разныхъ областей привилегіямъ, Нами утвержденнымъ, относится къ попеченію мѣстъ, Самодержавною властію Нашею установленныхъ; сверхъ того пожалованною отъ Насъ грамотою Дворянству всея Имперіи Нашей, присвоивъ оному разныя выгоды и преимущества, даровали Мы имъ дозволеніе собираться, для надобностей ихъ избирать своихъ Губернскихъ и Уѣздныхъ Предводителей, а для составленія книгъ Дворянскихъ Депутатовъ дѣлать съ законами согласныя положенія и о общихъ нуждахъ ихъ свободно приносить представленія и просьбы не только Генералъ-Губернатору, но какъ Сенату Нашему, такъ и Намъ Самимъ. Сего ради, повелѣваемъ должности Ландратовъ въ Намѣстничествѣ Рижскомъ и Ревельскомъ и такъ называемымъ Ландратскимъ коллегіямъ отнынѣ болѣе не быть, и въ сіе званіе впредь не избирать. Вышнія же на содержаніе сея должности деревни принять въ вѣдѣніе Казенныхъ Палатъ и Директоровъ Домоводства, обратя доходы съ нихъ на другія полезныя Государству издержки, а состоящихъ нынѣ въ должности Ландратовъ, кои

¹⁾ Въ Полномъ собр. зак. этотъ указъ помѣченъ 12-го августа, № 16,424.

выше чиновъ не имѣютъ, переименовать Дѣйствительными Статскими Совѣтниками, опредѣлить, буде пожелаютъ, въ иныя должности по ихъ способности“.

Вслѣдствіе этого указа, августа 28-го дня ландраты донесли намѣстническому правленію о сложеніи ими своихъ должностей, а 31-го числа губернской дворянской предводитель вступилъ въ отправленіе своей должности.

И такъ-то, что въ продолженіи столѣтія медленно воздвигалось, печалуется г. Бинеманъ, что затѣвъ поддерживалось полтора столѣтія, было сметено въ какіе нибудь 10 дней. „Есть что-то въ этомъ подвигѣ напоминающее величіе какого нибудь Сень-Жюста или Тамерлана!“ Авторъ заканчиваетъ свою іереміаду письмомъ Сиверса къ Екатеринѣ, въ которомъ онъ ей, между прочимъ пишетъ, что она дала почувствовать несчастной Лифляндіи свое неудовольствіе, отнявъ у этой страны лучшую изъ ея привилегій, что онъ не въ состояніи молчать въ виду несчастія невинной провинціи, которая, подчиняясь волѣ императрицы, покоряется ея приказаніямъ, можетъ быть еще съ большими рвеніемъ, чѣмъ тѣ изъ ея подданныхъ, которые пользуются ея наибольшою милостью. Упомянувъ о своихъ заслугахъ въ бытность новгородскимъ губернаторомъ, и о томъ, какъ черезъ него не разъ доходила правда до престола, Сиверсъ старается убѣдить Екатерину въ томъ, что его несчастное отечество (Vaterland) было оклеветано, что для спасенія онаго достаточно было бы ему $\frac{1}{4}$ часа аудіенціи; но что всѣ его усилія найти доступъ къ Ея Величеству, съ цѣлью обнаруженія обмана, были тщетны. „Эта четверть часа, прибавляетъ онъ, была бы прекраснѣйшею Вашего правленія. Вамъ достаточно черкнуть перомъ, чтобы измѣнить наше горе и отчаяніе въ общее счастье и благоденствіе“. Не ожидая и не требуя о возстановленіи ландратской коллегіи, Сиверсъ, въ заключеніе своего письма, проситъ императрицу поведѣть въ краткихъ словахъ: 1) чтобы уѣздные дворянскіе предводители вмѣстѣ съ обыкновенными депутатами несли обязанности прежней коллегіи. (Хотя объ этомъ и упоминается въ указѣ, говоритъ онъ, го въ двусмысленныхъ выраженіяхъ, могущихъ подвергнуть дворянство прощволу намѣстническаго правленія). 2) Освободить дворянство отъ завѣдыванія почтовой гоньбой и связанной съ ней обязанности воставлять фуражъ, и уплатить намъ стоимость всего почтового устройства. 3) Избавить отъ тяжкаго бремени натуральной повинности по поставкѣ припасовъ и фуража. 4) Отписанныя лифляндскія и эстляндскія имѣнія опредѣлить на устройство университета въ Дерптѣ, такъ какъ они, по дарственной грамотѣ, не должныствовали быть отчуждаемы.

„Исполненіе этихъ нашихъ желаній, кончаетъ Сиверсъ, заставило бы меня провозгласить на всю имперію о благоволеніи и материнской любви Вашего Императорскаго Величества“. Екатерина, замѣчаетъ съ ироніей авторъ статьи, не сочла нужнымъ подать Сиверсу къ тому пободѣ. Къ этимъ словамъ можно лишь прибавить: и хорошо сдѣлала. Если бы дѣло рукъ мудрой государыни

не было испорчено ея непосредственнымъ преемникомъ, то въ настоящую минуту не существовало бы остзейскаго вопроса и введеніе въ Прибалтійскомъ краѣ земскихъ учреждений и мирового института не встрѣчало бы такія большія затрудненій,—впрочемъ, затрудненій, какъ свидѣтельствуеъ почтенный примѣръ энергической политики Екатерины Великой, не непреодолимыхъ. Достаточно было вымолвить монархинѣ два, три слова: „повелѣваемъ закрыть и не быть“ — и, какъ мы видѣли, оппозиція бароновъ, гордыхъ своими привилегіями, тотчасъ же прекратилась...

Сообщ. А. А. Чумиковъ.

Воссоединеніе съ православною церковью уніатовъ люблинскаго края

ДЕСЯТИЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ

1875 — 1885 гт.

Восемнадцатаго февраля 1885 года исполнилось десятилѣтіе весьма важному событію въ исторіи русской церкви вообще и въ религіозной жизни холмскаго края въ особенности. Въ этотъ день духовенство холмской греко-уніатской епархіи, во главѣ администратора епархіи, протоіерея Маркелла Онуфріевича Пополя ¹⁾, составило актъ отреченія своего, вмѣстѣ съ своею паствою, отъ уніи съ римскою церковью, выразивъ непреклонное желаніе возсоединиться съ православною церковью.

Холмская епархія была основана въ XIII вѣкѣ. Начало введенія въ ней уніи относится къ тому времени, когда холмскій и бѣльскій епископъ Діонисій Эбруйскій, вмѣстѣ съ другими православными епископами, подписалъ 9-го октября 1596 г., въ Брестъ-Литовскѣ, актъ единенія съ римско-католическою церковью; но такъ какъ и послѣ того въ Холмъ назначались православные епископы, послѣднимъ изъ которыхъ былъ Паисій Исполитовичъ Черкавскій, то окончательное прекращеніе православія въ холмской епархіи слѣдуетъ считать съ 1620 г., когда Паисій Черкавскій, не признанный въ этомъ санѣ польскимъ королемъ, удалился въ Яблочинскій православный монастырь; такимъ образомъ, холмская епархія состояла въ уніи 255 лѣтъ и изъ нихъ 72 года, пребывая въ уніи, находилась въ то же время подъ скипетромъ Россіи (считая съ послѣдняго раздѣла Польши (1795 г.), и не включая 8-ми лѣтняго самостоятельнаго существованія ея (1807—1815 гт.) подъ названіемъ герцогства варшавскаго.

Два съ половиною вѣка искусственнаго владычества римской церкви надъ религіозною совѣстью холмскаго народа могли продлиться еще нѣсколько десятиковъ, а можетъ быть сотенъ лѣтъ, оставляя въ каждомъ поколѣніи все болѣе и болѣе рѣзкій слѣдъ вліянія католицизма и полонизма и постепенно искажая церковные обряды, родной языкъ и преданія отцевъ. Но историческій ходъ событій прервалъ эту несвойственную восточной церкви связь съ католицизмомъ. Польское возстаніе 1863 года вызвало необходимость слиянія польскаго края съ остальными частями Россіи, и на ряду съ мѣрами къ подавленію иатежа послѣдовалъ цѣлый рядъ преобразованій, которыя обновили весь строй гражданской жизни края. Мощною волею Царя-Освободителя были со-

¹⁾ Нынѣ витебскій православный епископъ.

зданы новыя полноправныя граждане, крестьяно-собственники, получившіе, кромѣ земельного надѣла на чрезвычайно льготныхъ условіяхъ, еще право самоуправленія; устроены сельскія народныя школы; послѣдовало улучшеніе быта греко-уніятскаго духовенства; уничтожено патронатство помѣщиковъ-поляковъ надъ уніятскими приходами и т. д. Возможно ли было, при такомъ коренномъ обновленіи жизни народа, дальнѣйшее существованіе въ холмскомъ краѣ уніи, т. е. религіозной зависимости русскаго народа отъ римской церкви, — зависимости, навязанной ему насильно во времена польскаго владычества? Нѣтъ; дальнѣйшее оставленіе русскаго народа подъ гнетомъ этой зависимости, крайне оскорбительной для русскаго чувства, было бы, помимо того, такимъ же насиліемъ надъ религіозною совѣстью народа, каковымъ было обращеніе его въ унію.

Этого и не случилось.

Послѣ удаленія, въ 1866 году, епископа Іоанна Калинскаго, за участіе его въ польской смутѣ, отъ управленія холмскою епархіей, которую онъ готовилъ было къ полному уже присоединенію къ латинству, администраторъ епархіи обратилъ прежде всего вниманіе на разстроенное положеніе, выражавшееся, главнымъ образомъ, въ разнообразіи богослужебныхъ обрядовъ въ приходахъ и произвольныхъ ихъ измѣненіяхъ, и въ устраненіе этого приступилъ къ очищенію восточнаго обряда отъ латино-польскихъ искаженій: годзики, коронки, рожанцы, шкаплежи были изгнаны изъ уніятскаго богослуженія, органы замѣнены пѣніемъ, въ церквахъ — хоть изрѣдка — послышалась проповѣдь на мѣстномъ нарѣчій...

Законность и непреложность этихъ мѣръ сознавалась большинствомъ уніятскаго духовенства; но среди духовенства все же нашлись лица, выказавшія недовольство предпринятой реформѣ; они-то и были причиной перваго проявленія замѣшательствъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сѣдлецкой губерніи, вынудившихъ правительство удалить священниковъ, виновныхъ въ наущеніи народа, и замѣнить ихъ вызванными изъ Галиціи уніятскими священниками. Не успѣло еще успокоиться взволнованное населеніе, какъ явилась папская энциклика, предававшая анаемѣ уніятскихъ реформаторовъ, а во главѣ ихъ протопресвитера Войцицкаго, какъ администратора епархіи; но эти громы Ватикана не принесли ожидавшагося результата; напротивъ, безпорядки нѣсколько затили.

Между тѣмъ сосланный въ Вятку епископъ Калинскій скончался и холмская кафедра сдѣлалась вакантною. На его мѣсто русскимъ правительствомъ была избранъ одинъ изъ галицко-русскихъ патріотовъ, Михаилъ Куземскій, который и былъ утвержденъ въ 1868 г. папой въ санѣ холмскаго епископа. Но ожиданія, возлагавшіяся на этого патріота, оказались нѣсколько преувеличенными: утвердивъ всѣ преобразованія по очищенію обряда, которыя онъ засталъ въ епархіи, Куземскій отказался идти въ этомъ направленіи дальше, и потому вынужденъ былъ удалиться. Этимъ воспользовались злонамѣренныя люди для того, чтобы отказъ Куземскаго въ дальнѣйшемъ очищеніи обряда выставить предъ народомъ въ желаемомъ для ихъ цѣлей видѣ. Явились снова безпорядки въ приходахъ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ священники немножко поусердствовали по очищенію обряда. Но заботливость объ устроеніи церкви со стороны новаго администратора, Маркелла Попеля, не останавливалась надъ этими невзгодами, въ особенности въ виду того, что оставались еще сотни

приходовъ, по преимуществу въ Люблинской губерніи, спокойно встрѣтившіе церковную реформу. 2-го октября 1873 года онъ издалъ циркуляръ, требуя отъ духовенства, на основаніи папскихъ буллъ, неуклоннаго исполненія устава православной церкви. Такая настойчивость холмскаго администратора въ проведеніи реформы вызвала со стороны Ватикана рѣшимость сразу покончить вопросъ объ обрядности, и вотъ 13-го мая 1874 г. папа Пій IX издаетъ новую энциклику, которою, въ силу своей непогрѣшимости, онъ уничтожалъ всѣ папскія буллы, утвердившія православный обрядъ въ уніятской церкви, узаконялъ всѣ искаженія и латинскія нововведенія, благословлялъ отступниковъ отъ церкви и поощрялъ уніатовъ къ неповиновенію своему духовенству.

Новая энциклика еще въ меньшей степени оправдала папскія ожиданія, сравнительно съ предшествовавшей энцикликой, такъ какъ отвѣтомъ на нее было добровольное воссоединеніе съ православною церковью 45 приходоу бѣльскаго и владавскаго уѣздовъ, съ 26-ю священниками и 50-ю тысячами населенія, совершившееся 12-го января 1875 года. Это было, дѣйствительно, добровольное проявленіе народной рѣшимости, подготовленное усиленною чистомиссіонерскою дѣятельностію бѣльскаго благочиннаго, протоіерея Николая Ливчака, счумѣвшаго разсѣять предъ своею паствою всѣ религіозныя сомнѣнія ея.

Вслѣдъ за этимъ событіемъ явился соборный актъ холмскаго духовенства 18-го февраля 1875 года.

Холмское соборное духовенство и большинство приходскихъ священниковъ не могли не сознавать, что дальнѣйшая подчиненность ихъ папѣ при этихъ условіяхъ невозможна и что религіозное успокоеніе они могутъ найти только въ православіи, а потому искренно и съ полнымъ убѣжденіемъ въ истинахъ православнаго ученія духовные пастыри подписали актъ единенія съ православною церковью.

Исторія занесетъ этотъ актъ на свои страницы и воспроизведетъ знаменательныя строки его; въ настоящей же замѣткѣ будетъ уместно съ благодарностію вспомнить имена достойныхъ пастырей, подписавшихъ десять лѣтъ тому назадъ соборный актъ.

Вотъ эти имена:

Администраторъ холмской греко-уніятской епархіи, старшій соборный протоіерей Маркеллъ Онуфріевичъ Попель; старшій соборный протоіерей, архипресвитеръ Іосифъ Семеновичъ Войцицкій; ректоръ духовной семинаріи, старшій соборный протоіерей Ипполитъ Ивановичъ Крилицкій; секретарь духовной консисторіи, соборный протоіерей Иванъ Ивановичъ Гошовскій; членъ консисторіи, соборный протоіерей Макарій Осиповичъ Хойнацкій; членъ консисторіи, учитель семинаріи, священникъ Игнатій Ивановичъ Гойнацкій; членъ консисторіи, законоучитель женскаго шестикласснаго училища, священникъ Михайлъ Антоновичъ Добрянскій; инспекторъ духовной семинаріи, священникъ Сѣтницкій; кафедральнаго собора викарные священники Иванъ Семеновичъ Макаръ и Емельянъ Васильевичъ Барвинскій ¹⁾.

¹⁾ Всѣ они здравствуютъ до настоящаго времени, за исключеніемъ протоіерея Ип. Ив. Крилицкаго, которому пожелаемъ вѣчной памяти.

Уніятская паства не была однако тогда готова одновременно и всецѣло, во всемъ составѣ остававшихся въ уніи прихожанъ, воспріять религиозное обновленіе въ духѣ православія. Долго боровшійся съ пройсками польскаго духовенства, насильно вторгнутый въ унію съ Римомъ, русскій народъ холмскаго края въ теченіи вѣковой борьбы, незамѣтно для себя, постепенно дѣлалъ уступки въ ущербъ своей народности и своей вѣрѣ, пока наконецъ унія не укрѣпилась въ сознаніи большинства вѣрующихъ въ томъ ея видѣ, какъ она выражалась въ послѣднее время. Измѣнить этому сознанію, возвратиться къ древнему религиозному культу уніаты могли, конечно, постепенно, ижѣ предъ глазами примѣры бѣльскихъ и владавскихъ прихожанъ и, наконецъ, въ виду общаго рѣшенія соборнаго духовенства; но сразу, одновременно, покончить расчеты съ уніей уніаты не могли, въ особенности среди окружавшей ихъ интриги, лжи и клеветы на православіе. Поэтому нечего удивляться, если и вслѣдъ за воссоединеніемъ холмскаго соборнаго духовенства нашлись приходы—по преимуществу въ той же Сѣдлецкой губерніи—не пожелавшіе идти по стопамъ своихъ пастырей. Къ тому же въ числѣ реформаторовъ являлись не рѣдкія лица, призванные въ край отнюдь не для миссіонерской дѣятельности. Печальные результаты всего этого еще у всѣхъ на памяти и слишкомъ свежи для того, чтобы очерчивать ихъ въ нашей заміткѣ; полное и безпристрастное обзореніе событій того времени принадлежитъ будущему, которое съ большимъ спокойствіемъ можетъ освѣтить истинныя причины возникновенія безпорядковъ, омрачившихъ святое дѣло.

Какъ бы то ни было, однако соборный актъ 18-го февраля 1875 года открываетъ новую духовную эру въ исторической жизни холмскаго края, и воссоединеніе холмскихъ уніатовъ съ православною церковью, торжественно провозглашенное 11-го мая 1875 г., въ день воспоминанія славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меодія, составляетъ одно изъ важныхъ событій минувшаго царствованія.

Это замѣчательное событіе, возвратившее православію болѣе 200 тысячъ русскаго народа, получило надлежащее увѣковѣченіе.

Въ память воссоединенія холмскихъ уніатовъ съ православною церковью въ г. Холмѣ сооружена церковь, изображенная на прилагаемомъ рисункѣ. Освященіе ея совершено 8-го сентября 1884 года, въ честь Кирилла и Меодія, при огромномъ стеченіи народа. Небольшая по своимъ размѣрамъ, но поставленная на возвышенномъ мѣстѣ, церковь эта служитъ достойнымъ памятникомъ совершившагося въ краѣ событія. Наружныя стѣны ея росписаны въ русскомъ стилѣ, съ изображеніемъ святыхъ; внутренній ея видъ украшается изящнымъ иконостасомъ изъ дубоваго дерева, прекрасною живописью, балюстрадаю изъ бѣлаго мрамора и, наконецъ, мраморнымъ поломъ. Церковь эта построена на деньги, пожертвованныя потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Осипомъ Павловичемъ Пестриковымъ въ 1875 году на нужды холмскаго епархіи въ размѣрѣ 100,000 руб., изъ которыхъ собственно на постройку церкви израсходовано около 30 тысячъ рублей.

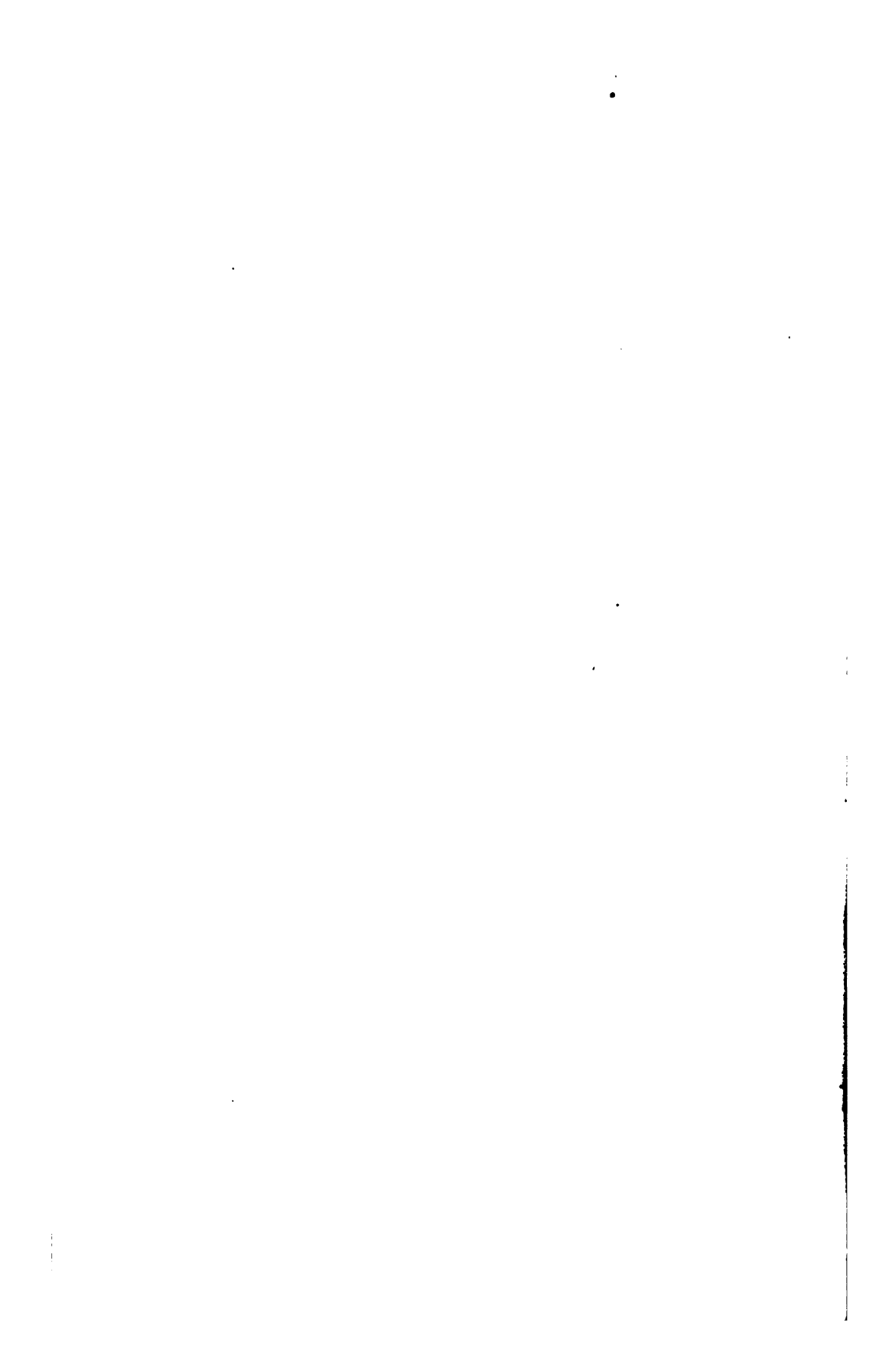
Сообщ. М. И. Городецкий.

ЦЕРКОВЬ СВ. КИРИЛЛА И МЕТОДІЯ

ВЪ Г. ХОЛМЪ, ЛЮБЛИНСКОЙ ГУБ.

ВЪ ПАМЯТЬ ВОЗСОЕДИНЕНІЯ ВЪ ЛОНО ПРАВОСЛАВІЯ УНІЯТОВЪ.

ПАМЯТИ ГРАФА А. С. УВАРОВА ¹⁾.

† 29 декабря 1884 г.

Мое знакомство съ графомъ А. С. Уваровымъ восходитъ къ 1858 г. Я былъ въ то время преподавателемъ въ рязанской гимназiи и въ этомъ году представилъ свою магистерскую диссертацию, т. е. «Исторiю Рязанскаго княжества». Алексѣй Сергѣевичъ, бывший тогда помощникомъ попечителя московскаго учебнаго округа, отнесся сочувственно къ моему труду, оказалъ всякое содѣйствiе при его печатанiи въ находившейся подъ его вѣдѣнiемъ университетской типографiи, и вслѣдъ затѣмъ, вѣроятно, не безъ его участiя, состоялся мой переводъ изъ Рязани въ Москву, подписанный попечителемъ округа А. Н. Бахметевымъ, другимъ прекраснымъ человѣкомъ, уже давно отошедшимъ въ вѣчность ²⁾. Изъ однихъ этихъ фактовъ понятно, что благодарная память о покойномъ графѣ для меня обязательна.

Въ 1864 или 1865 году я вступилъ въ число членовъ только что основаннаго имъ Московскаго археологическаго общества, и съ той поры началось постоянное научное съ нимъ общенiе, продолжавшееся дѣлны двадцать лѣтъ и прерванное только безвременною его кончиною. Учрежденiе это, какъ извѣстно, было не только его творенiемъ, но и сдѣлалось какъ бы вторымъ его существомъ; такъ что нельзя было представить себѣ ни археологическое общество безъ графа Уварова, ни графа Уварова безъ Московскаго археологическаго общества. Мои сочлены, также какъ и стороннiе посѣтители, конечно, еще находятся подъ живымъ впечатлѣнiемъ той любезности и вмѣстѣ тѣхъ

¹⁾ Настоящiй очеркъ есть рѣчь нашего высокоуважаемаго историка, Д. И. Иловайскаго, сказанная имъ 28 февраля 1885 г. въ соединенномъ засѣданiи трехъ московскихъ ученыхъ обществъ, посвященная памяти графа А. С. Уварова. Ред.

²⁾ Та же диссертациа потомъ удостоена малой Уваровской премiи, по отзыву покойнаго академика Н. Г. Устрялова.

внушительныхъ приемовъ, съ которыми онъ велъ засѣданія этого общества, т. е. его умѣнья съ дружественнымъ, семейнымъ тономъ ихъ соединять серьезный, строго научный характеръ. О себѣ могу сказать откровенно, что я приходилъ сюда и отдыхать, и учиться; а потому былъ однимъ изъ самыхъ постоянныхъ посѣтителей. Можно представить себѣ, какъ много всякаго рода крупныхъ и мелкихъ вопросовъ, чисто археологическихъ или имѣющихъ связь съ археологіей, было отчасти поставлено на видъ, отчасти обслѣдовано, отчасти рѣшено въ теченіе минувшаго двадцатилѣтія. Все это нашло мѣсто въ не периодическомъ изданіи «Древности», которое представляетъ точное отраженіе жизни и дѣятельности нашего археологическаго общества и которое главнымъ образомъ, наполнено трудами все того же незабвеннаго предсѣдателя и основателя этого общества. Разнообразіе разсмотрѣннаго здѣсь научнаго матеріала обуславливалось главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что покойный графъ Алексѣй Сергѣевичъ, при своемъ классическомъ и широкомъ научномъ образованіи, умѣлъ привлекать къ участию въ обществѣ кромѣ знатоковъ вещественныхъ памятниковъ, нумизматовъ и историковъ, также филологовъ, этнографовъ, антропологовъ, юристовъ, естествовѣдцовъ, архитекторовъ и т. д., однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, которые заявили себя прикосновенными сюда учеными трудами или просто обнаруживали научный интересъ къ какому либо отдѣлу древностей. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, имъ были почти исчерпаны тѣ наличныя силы, которыя представляетъ городъ Москва. И теперь, т. е. по прошествіи 20 лѣтъ, когда нѣкоторые члены отошли уже въ вѣчность, другіе болѣютъ, третьи не могутъ болѣе удѣлять своего времени или съ годами ослабѣли въ своей энергіи, четвертые уклоняются по какимъ либо другимъ причинамъ, чувствуется потребность освѣжить археологическое общество новыми дѣятелями; но это сдѣлать не легко, именно потому, что покойный графомъ, какъ я сказалъ, были до нѣкоторой степени исчерпаны наши наличныя силы. Придется, можетъ быть, ждать, пока подготовится новое поколѣніе людей, безкорыстно преданныхъ наукѣ древностей, какъ отечественныхъ, такъ и всемірныхъ; а самое главное, нѣтъ болѣе того авторитетнаго, энергическаго и страстно любившаго эту науку руководителя, который все одушевлялъ, объединялъ и всѣхъ направлялъ къ одной общей цѣли.

Заботливость его объ отечественныхъ древностяхъ и распространеніи археологическаго интереса въ русскомъ обществѣ, какъ извѣстно, не ограничивалась однимъ городомъ Москвою, а обнимала почти всѣ области Европейской Россіи. Прекраснымъ средствомъ для этой цѣли послужили устроенныя имъ периодическія съѣзды. И тутъ въ полномъ

блескъ обнаруживался его организаторскій талантъ. Онъ умѣлъ найти финансовыя средства, привлечь къ участию и вызвать къ усиленной дѣятельности мѣстныя ученныя силы; снаряжалъ экспедици для прозведенія научныхъ раскопокъ, а нерѣдко производилъ ихъ лично, вообще такъ усердно трудился и такъ искусно направлялъ всѣ подготовительныя работы, что археологическіе съѣзды являлись замѣчательно хорошо обставленными. Они накопили обыкновенно столько матеріала, что, не смотря на довольно продолжительный срокъ засѣданій, не хватало времени, чтобы исчерпать весь этотъ матерьялъ. Стоитъ только просмотрѣть оглавленіе изданныхъ потомъ Трудовъ этихъ съѣздовъ или одни ихъ бюллетени, чтобы получить понятіе о массѣ собраннаго матеріала и его разнообразіи (къ сожалѣнію, доселѣ далеко не всѣ Труды съѣздовъ изданы вполнѣ). И надобно было видѣть, сколько научнаго интереса и оживленія вносили эти съѣзды въ мѣстное населеніе, конечно, въ наиболѣе интеллигентную его часть. Доселѣ для нихъ избирались преимущественно университетскіе города. Съѣзжавшіе съ разныхъ сторонъ русскіе ученые здѣсь входили въ дружеское взаимное общеніе, мѣнялись своими мыслями и свѣдѣніями, и въ то-же время ближе знакомились съ разными краями нашего обширнаго отечества.

Начались они въ самомъ археологическомъ и національномъ русскомъ центрѣ, т. е. въ Москвѣ. Продолжались въ центрѣ нашей современной цивилизаціи и администраціи, т. е. въ Петербургѣ, съ его обширнымъ сѣверо-западнымъ раіономъ, который, между прочимъ, важенъ для археологіи своими многочисленными сопками и жалыниками, т. е. могильными курганами. Потомъ мы перешли въ древнѣйшее средоточіе Руси, въ Кіевъ, съ его драгоцѣнными памятниками до-татарской эпохи, и тамъ совершили экскурсію внизъ по Днѣпру. Далѣе слѣдовала Казань съ ея восточными икородцами и арабско-татарскими воспоминаніями, и съ экскурсіей по Волгѣ на развалины древнихъ Болгаръ. Потомъ выступилъ на очередь Тифлисъ, съ неизгладимыми впечатлѣніями отъ величественной кавказской природы, съ интересной поѣздкой по желѣзной дорогѣ въ Мцхетъ и Кутаисъ. Любопытно, что закавказское общество, хотя и не университетское, а только жаждущее имѣть университетъ, отнеслось къ съѣзду самымъ радушнымъ и симпатичнымъ образомъ, и оставило въ его участникахъ наиболѣе свѣтлую память. Въ заключеніе явилась Одесса съ ея меркантильнымъ характеромъ и Припонтійскими степями, въ которыхъ постоянно открываются безчисленные памятники древней Скифіи и греческихъ колоній, и съ поѣздкой по Черному морю въ Севастополь на мѣсто знаменитаго Херсонеса. Все это сообщало не только обшир-

ный материалъ для научнаго изученія, но и давало массу разнообразныхъ, освѣжающихъ впечатлѣній. Лично я долженъ относиться съ особою признательностію къ этой сторонѣ дѣятельности покойнаго, потому что воспользовался ею болѣе другихъ; ибо послѣ графа Алексѣя Сергѣевича въ настоящее время, судя по спискамъ, я представляю единственное лицо, которое принимало непосредственное участіе во всѣхъ бывшихъ шести сѣздахъ. Если выше заявлены мною нѣкоторыя опасенія за дальнѣйшую судьбу основаннаго имъ археологическаго общества, то еще сильнѣе возникаетъ теперь вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ заведенныхъ имъ періодическихъ сѣздовъ, такъ какъ на этомъ поприщѣ онъ окончательно незамѣнимъ.

Изъ сказаннаго мною вы видите, мм. гг., что въ научномъ отношеніи я считаю себя много обязаннымъ покойному графу. Не берусь опредѣлять степень вліянія его археологической дѣятельности на моихъ товарищей по специальности, т. е. на занимающихся русской исторіей, хотя нисколько въ этомъ вліяніи не сомнѣваюсь; для меня же лично оно было весьма осязательно.

Въ послѣдніе годы жизни покойный связалъ свое имя еще съ замѣчательнымъ государственнымъ сооруженіемъ, въ которое онъ по обыкновенію вложилъ свою душу и на которое положилъ много своихъ силъ и здоровья. Я разумѣю Историческій музей въ Москвѣ. Но о его трудахъ въ этомъ дѣлѣ предоставляю говорить другимъ, ближе съ нимъ знакомымъ. (Въ процессѣ этого сооруженія не все было для меня ясно).

Выдающагося дѣятеля науки можно уподобить свѣтильнику, озаряющему болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ среду, его окружающую. Прекратилось земное существованіе; но вмѣстѣ съ нимъ еще не погасъ свѣтильникъ. Его отрадный свѣтъ еще долго будетъ разливаться посредствомъ его ученыхъ трудовъ, его учениковъ и послѣдователей, а въ данномъ случаѣ также посредствомъ научныхъ учреждений, имъ основанныхъ, и интересовъ, имъ возбужденныхъ.

Д. И. Иловайскій.

Москва.

1885 г.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ГОДОВЩИНА ДНЯ ОСВОБОЖДЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ

19-е февраля 1885 г.

Двадцать четвертая годовщина освобожденія крестьянъ встрѣчена была какъ въ печати, такъ и въ обществѣ, подобно тому, какъ и предъидущія годовщины этого дня, сочувствіемъ и пріѣтомъ великому акту освобожденія крестьянъ. Среди этихъ пріѣтовъ особенно ярко, какъ и всегда, отмѣчается въ Петербургѣ дружескій обѣдъ, за которымъ сходятся непосредственные участники въ трудахъ Редакціонныхъ комиссій, по составленію Положеній 19 февраля, а также лица, одновременно или впоследствии принимавшія участіе вообще въ разрѣшеніи крестьянскихъ дѣлъ.

Въ настоящемъ году въ этомъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ обычнаго распорядителя обѣдовъ 19-го февраля К. К. Грота, участвовали 27 лицъ, а именно: И. П. Арапетовъ, В. А. и А. А. Арцимовичи, Н. Х. Бунге, князь С. П. Голицынъ, А. К. Головинъ, Г. П. Галаганъ, К. И. Домонтовичъ, С. И. Зарудный, Н. Н. Колошинъ, Ф. П. Корниловъ, Е. И. Ламанскій, Н. Н. Любоцинскій, Н. П. Митковъ, С. А. Мордвиновъ, И. А. Новиковъ, П. П. и Н. П. Семеновы, М. И. Семевскій, М. П. Старицкій, Н. И. Стояновскій, А. Д. Шумахеръ и П. А. Шульцъ. Независимо отъ этихъ лицъ, по примѣру предъидущихъ годовъ, были на обѣдѣ, въ качествѣ гостей: ветеранъ крестьянскаго дѣла К. Д. Кавелинъ; А. И. Скребницкій, составитель монументальнаго труда „Матеріалы редакціонныхъ комиссій“; также Ю. Н.

Милютинъ, въ память заслугъ, оказанныхъ крестьянскому дѣлу его отцомъ, Н. А. Милютинымъ ¹⁾).

Обѣдъ и бесѣда за обѣдомъ были вполне оживленные. При этомъ предсѣдателемъ провозглашены были шесть традиціонныхъ тостовъ, обычно провозглашаемыхъ на собраніи 19-го февраля, а именно: 1) за здоровье Государя Императора; 2) въ память главнаго виновника великаго дѣла крестьянской реформы—покойнаго Государя Императора Александра Николаевича. Тостъ встрѣченъ съ поднятыми бокалами, въ благоговѣйномъ молчаніи; 3) за великое дѣло 19 февраля 1861 г.; 4) за всѣхъ дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ въ пользу крестьянской реформы; 5) въ память умершихъ труженниковъ по крестьянской реформѣ, и 6) за благоденствіе Россіи.

Тостъ въ память умершихъ труженниковъ по крестьянской реформѣ сопровождался чтеніемъ, со стороны предсѣдателя, списка сошедшихъ въ могилу членовъ Редакціонныхъ комисій по составленію Положеній 19 февраля 1861 г.; лица эти суть: П. А. Булгаковъ, В. А. Булыгинъ, Ю. А. Гагемейстеръ, К. И. Гечевичъ, А. К. Гирсъ, князь П. Д. Голицынъ, А. Д. Желтухинъ, Н. А. Желѣзновъ, С. М. Жуковскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, П. Ф. Залѣвскій, Н. А. Кристофари, Н. А. Милютинъ, Н. Н. Павловъ, графъ В. Н. Панинъ, М. П. Позень, А. Н. Поповъ, графъ Я. И. Ростовцевъ, Ю. Э. Самаринъ, Я. А. Соловьевъ, В. В. Тарновскій, А. И. Татариновъ, князь В. А. Черкасскій и Н. П. Шишковъ.

Такимъ образомъ, 24 изъ 52 членовъ Редакціонныхъ комисій скончались въ періодъ времени съ 1864—1884 гг.

Къ послѣднему году принадлежитъ утрата Н. Н. Павлова; память его почтена за настоящимъ обѣдомъ весьма прочувственною и интересною рѣчью, сказанною П. П. Семеновымъ.

Ораторъ напомнилъ, между прочимъ, что умершій въ концѣ 1884 г. Н. Н. Павловъ, воспитанникъ артиллерійской академіи, впоследствии, въ качествѣ гражданскаго чиновника, предсѣдатель палаты государственныхъ имуществъ въ Москвѣ, въ 1860 г.

¹⁾ Приглашено было всего 31 лицо, изъ нихъ, по разнымъ причинамъ, не могли принять участія въ обѣдѣ: Н. В. Калачовъ, М. Е. Салтыковъ, П. Е. Татариновъ и гр. Н. Я. Ростовцевъ.

былъ приглашенъ въ составъ Редакціонныхъ комиссій по составленію Положеній о крестьянахъ, какъ представитель отъ министерства государств. имуществъ и бывший участникъ Московскаго по крестьянскому дѣлу комитета, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ горячо сочувствовавшаго дѣлу освобожденія крестьянъ и надѣленія ихъ землею меньшинства. Явившись въ Петербургъ, Н. Н. Павловъ занялъ мѣсто въ хозяйственномъ отдѣленіи Редакціонныхъ комиссій и принялъ самое дѣятельное участіе въ обширныхъ трудахъ этого отдѣленія. Первоначальные доклады хозяйственнаго отдѣленія по вопросу „объ усадьбахъ“, вносившіеся въ Редакціонныя комиссіи, были выработаны Н. Н. Павловымъ. Онъ въ особенности горячо дѣйствовалъ противъ мысли, которая, если-бы она осуществилась, могла бы имѣть весьма печальныя послѣдствія,—это мысль объ отдѣльномъ выкупѣ крестьянами усадьбъ и притомъ по весьма высокимъ цѣнамъ. Вообще Павловъ, съ свойственною ему энергіею, дѣйствовалъ противъ обезземеленія крестьянъ. Въ особенности высокій личный характеръ Павлова обнаружился въ то время, когда, по смерти бывшаго предсѣдателя Редакціонныхъ комиссій Я. И. Ростовцева, бывший въ то время министромъ государств. имуществъ и непосредственнымъ начальникомъ Павлова, М. Н. Муравьевъ, явился однимъ изъ двухъ главныхъ противниковъ Редакціонныхъ комиссій и ихъ предположеній въ Главномъ комитетѣ по устройству сельскаго состоянія. Павловъ нисколько не поступился дорогими ему убѣжденіями, не смотря на то, что противъ него въ Редакціонныхъ же комиссіяхъ былъ выставленъ другой представитель министерства государственныхъ имуществъ — Булыгинъ, нынѣ также покойный, горячо придерживавшійся взглядовъ своего министра и бывший представителемъ большинства членовъ московскаго же губернскаго комитета. Послѣ окончанія трудовъ Редакціонныхъ комиссій, Павловъ возвратился въ Москву, но не долго остался въ составѣ министерства государств. имуществъ и съ открытіемъ новыхъ судебныхъ учреждений перешелъ въ вѣдомство министерства юстиціи членомъ московской судебной палаты. Н. Н. Павловъ скончался въ Москвѣ въ концѣ 1884 г., окруженный всеобщимъ уваженіемъ какъ своихъ сослуживцевъ, такъ и всѣхъ лицъ, его знавшихъ. Необходимо замѣтить, добавилъ между прочимъ П. П. Семеновъ, что Павлову

принадлежит цѣликомъ одна, весьма важная по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, статья въ Положеніяхъ 19 февраля, именно о томъ, что выкупъ крестьянами своихъ надѣловъ долженъ былъ производиться не только при согласіи на то обѣихъ сторонъ, но и по требованію выкупа только со стороны помѣщиковъ, при несогласіи со стороны крестьянъ. Статья эта, несомнѣнно, значительно ускорила ходъ выкупа крестьянами своихъ надѣловъ.

Послѣ П. П. Семенова К. Д. Кавелинъ обратился къ присутствующимъ съ довольно продолжительною рѣчью, которая заключалась въ слѣдующемъ: „Крестьянскій вопросъ въ Россіи, съ самаго начала его разрѣшенія освобожденіемъ 10-ти миліоновъ крѣпостныхъ и снятіемъ затѣмъ правительственной опеки, походившей на крѣпостную зависимость, съ остальныхъ 10-ти миліоновъ сельскаго населенія, развивался туго и неправильно. Много этому способствовали враждебность, или по крайней мѣрѣ, несочувствіе къ этому вопросу, невѣжество и своекорыстіе, наконецъ—разнообразныя направленія мысли и теченія политической жизни, мѣшавшія единству дѣйствій. Эти неблагоприятныя условія мало по малу устранены или устраняются. Многія сдѣланныя ошибки уже исправлены, другія исправляются. Горизонтъ теперь расширяется надъ крестьянскимъ дѣломъ и ему, повидимому, не грозитъ никакой опасности. Не смотря на то, устройство крестьянскаго быта идетъ и теперь чрезвычайно медленно. Очевидно, тому должна быть какая-нибудь другая, болѣе глубокая причина, чѣмъ тѣ временныя и преходящія затрудненія, на которыя указано выше. Причина эта скрывается, по мнѣнію К. Д. Кавелина, въ новости самой задачи. Еще въ сороковыхъ годахъ покойный А. С. Хомяковъ охарактеризовалъ западную, латино-германскую Европу какъ „міръ городовъ“, а славянскіе народы—какъ „міръ селъ и деревень“. Можетъ быть эпитафій въ Евгенію Онѣгину: „O Русь, o rus!“ былъ геніальнымъ предчувствіемъ той же мысли. Какъ-бы то ни было, но съ каждымъ новымъ изслѣдованіемъ, съ каждымъ новымъ успѣхомъ историческихъ знаній и политическихъ наукъ, выясняется все болѣе и болѣе, что и древній греко-римскій, и новый латино-германскій міръ развивали и выработали до совершенства типъ городского жителя. Этотъ типъ легъ въ основаніе всего ихъ политическаго и гражданскаго устройства, быта

и нравовъ. Какъ только стала выступать на первый планъ жизнь народныхъ массъ, она тотчасъ-же сложилась въ Европѣ по типу горожанина и этотъ типъ заслонилъ или пересоздалъ на свой ладъ другой типъ, — типъ мелкаго сельскаго хозяина, крестьянина.

„Въ настоящее время городской типъ, повидимому, исчерпалъ себя, давъ все, что онъ могъ дать на пользу и благо людей. Въ самой латино-германской Европѣ замѣчается теперь какъ будто остановка, раздумье передъ дальнѣйшимъ развитіемъ въ томъ-же направленіи, которое, какъ все на свѣтѣ, имѣло и свою благотворную, блестящую, но въ то-же время и свою мрачную, гибельную для людей и обществъ сторону. Въ Европѣ замѣчается болѣе и болѣе обращеніе къ забытому, затертому, ослабленному и искаженному сельскому, деревенскому типу, какъ болѣе прочной, устойчивой, консервативной формѣ народнаго быта. Стремленіе отыскать его, по возможности возстановить, сохранить и оживить его уцѣлѣвшіе обломки усиливается съ каждымъ годомъ и составляетъ поразительное знаменіе времени. Въ наукѣ, литературѣ, искусствѣ, въ административной и законодательной дѣятельности одинаково просвѣчиваетъ это новое направленіе европейской мысли. Подъ ея вліяніемъ преобразуются политическія партіи, появляется новая ихъ группировка, — небывалая и еще недавно немыслимая и невозможная; подъ знаменемъ этого новаго направленія идутъ два величайшихъ политическихъ дѣятеля современной Европы — кн. Бисмаркъ и Гладстонъ.

„Различіе двухъ типовъ — городского и сельскаго — можетъ многимъ показаться натянутымъ, измышленнымъ, теоретическимъ и далеко не настолько важнымъ, чтобъ служить характеристикой эпохъ и народовъ. Но стоитъ только припомнить, какое громадное вліяніе имѣетъ, въ ежедневномъ быту, на образъ жизни, нравы, привычки и міросозерцаніе людей различіе профессій — чиновника, военнаго, врача, землевладѣльца, духовнаго, ученаго, купца и т. д., чтобъ убѣдиться, какъ много значитъ въ жизни людей условія и обстановка, посреди которыхъ она совершается. Если сравнительно малые отбѣнки различаютъ между собою людей, принадлежащихъ въ одной и той же культурной средѣ, то тѣмъ сильнѣе должно быть различіе, устанавливаемое чрезъ многія поколѣнія совершенно непохожимъ другъ на друга бытомъ городскимъ и деревенскимъ.

„Около двухсотъ лѣтъ тому назадъ Россія вступила въ кругъ европейскихъ государствъ и стала жить съ ними одною жизнью. Отъ латино-германскихъ народовъ мы позаимствовали все, начиная отъ покроя одежды и оканчивая высшими выводами науки и знанія. Но когда и у насъ настала пора гражданской жизни народныхъ массъ, оказалось, что составные элементы нашего быта сложились совершенно иначе, можно сказать противоположно тому, какъ въ латино-германской Европѣ. Тѣ изъ этихъ элементовъ, которые такъ сильно и такъ блистательно развились въ ней, у насъ являются какъ бы атрофированными; а сельскій, деревенскій элементъ, который въ Европѣ былъ заслоненъ, подавленъ, децимированъ или выработался въ городской типъ, сохранился у насъ почти неприкосновеннымъ, и количественно чрезвычайно преобладаетъ надъ всѣми другими. Стоитъ только припомнить, что сельскіе жители, мелкіе землевладѣльцы и хозяева составляютъ въ Англіи 17%, въ Германіи, въ среднемъ выводѣ, 40%, во Франціи 54% всего народонаселенія, тогда какъ въ Россіи, въ наименѣе деревенскихъ ея частяхъ, именно въ Прибалтійскомъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, сельское населеніе доходитъ до 73%, а во всей Имперіи превышаетъ 80%, не считая войска и низшихъ городскихъ сословій, въ значительнѣйшей долѣ принадлежащихъ къ тому же крестьянству.

„Когда у народа вырабатывается какой нибудь преобладающій типъ, всѣ стороны его жизни и быта постепенно преобразуются и опредѣляются по этому типу. Это всеобщій законъ, который не трудно подмѣтить въ жизни всѣхъ народовъ. Латино-германскій міръ перестроивался послѣдовательно по разнымъ типамъ, кромѣ типа крестьянина, и развилъ ихъ до совершенства. Оттого мы, русскіе, могли широко и съ великою для себя пользою заимствовать у Европы все, что она довела у себя до высокой степени развитія, и плоды ея вѣковыхъ трудовъ и усилій усвоивались нами сравнительно легко и успѣшно, до тѣхъ поръ, пока и у насъ не дошла, наконецъ, очередь до устройства быта деревенскихъ народныхъ массъ. Для насъ это жизненный вопросъ; но мы вынуждены разработать и разрѣшить его сами, такъ какъ у латино-германскихъ народовъ онъ не былъ поставленъ, и никакихъ готовыхъ образцовъ намъ не откуда заимствовать. Чтобы рѣшить его, мы должны сами придумать, какъ приладить къ потребностямъ сельскаго быта все то, что такъ превосходно выработано въ Европѣ

въ примѣненіи къ городамъ и горожанамъ. Но выработать вновь и взять готовое—огромная разница. Первое несравненно труднѣе. Мы и встрѣчаемся съ этими трудностями на каждомъ шагу; онѣ то и тормозятъ развитіе у насъ крестьянскаго дѣла. Кредитъ, податная система, управленіе, судъ, школа—все это должно быть у насъ приспособлено къ быту и нравамъ сельчанъ, съ которыми мы сравнительно недавно стали ближе знакомиться. Этою задачею, новою въ исторіи, опредѣляется и наше въ ней призваніе и роль. Въ поясненіе своей мысли, К. Д. Кавелинъ указалъ на формы землевладѣнія, которыя теперь всюду, въ Европѣ и у насъ, стали предметомъ усиленнаго, пристальнаго изученія и изслѣдованія. Основныхъ формъ владѣнія и пользованія землею у нашихъ крестьянъ двѣ: участковая, въ смыслѣ личной собственности, и общинная. Первая изъ нихъ, какъ показалъ опытъ всѣхъ народовъ и то, что мы видимъ уже у себя подъ глазами, ведетъ, рано или поздно, ровнымъ образомъ, къ обезземеленію сельскихъ массъ и пролетаріату; вторая, общинная, съ передѣлами и круговой порукой, не имѣетъ этого недостатка, но за то страдаетъ другимъ: она, при стремленіи крестьянскихъ семей выдѣлиться и получить независимое существованіе, замѣтно усиливающимся между крестьянами-общинниками, не совмѣстима съ успѣхами земледѣлія и улучшеннаго сельскаго хозяйства. Очевидно, необходимо придумать новую форму крестьянскаго землевладѣнія, которая, соединяя въ себѣ хорошія стороны обѣихъ, устраняла бы дурныя. Это одинъ изъ живыхъ и насущныхъ современныхъ вопросовъ, которымъ многіе заняты; но окончательнаго и вполне удовлетворительнаго его рѣшенія пока еще не придумано“.

К. И. Домонтовичъ представилъ нѣсколько интересныхъ соображеній о настоящемъ положеніи крестьянскаго дѣла, послѣ 24-лѣтняго періода. При этомъ К. И. Домонтовичъ сказалъ:

— „Въ будущемъ 1886 г. исполнится 25 лѣтъ со времени освобожденія крестьянъ. Обращаясь къ истекшимъ 24 годамъ, мы желали бы выяснитъ себѣ: какія измѣненія произошли за это время въ нравственномъ и экономическомъ бытѣ крестьянъ, какія изъ этихъ измѣненій обусловлены отмѣною крѣпостнаго права и какія зависѣли отъ другихъ причинъ? Къ сожалѣнію, мы этого не знаемъ. Дать удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ—

задача трудная и, можетъ быть, невыполнимая, но всетаки желательна, чтобы былъ предпринятъ какой нибудь серьезный трудъ въ этомъ направленіи.

„Мы имѣемъ только анекдотическую исторію крестьянства за послѣдніе 24 года. Много было рассказовъ, газетныхъ фельетоновъ, журнальныхъ статей, заявленій въ разныхъ частныхъ, общественныхъ и земскихъ собраніяхъ. Писали и говорили о поголовномъ пьянствѣ, распущенности, повсемѣстномъ обѣдненіи и нравственномъ растлѣніи нашего крестьянства. Были голоса и въ другомъ смыслѣ, но они раздавались слабо и нерѣшительно. Всѣ эти толки и заявленія не убѣдительны, такъ какъ они основаны на обобщеніи отдѣльныхъ фактовъ и случайныхъ явленій. Такое обобщеніе незаконно, нелогично и ведетъ прямо къ легкомысленнымъ и ошибочнымъ заключеніямъ.

„Но среди множества разнообразныхъ указавій выдѣлились два факта, которые сдѣлались очевидны для всѣхъ и, наконецъ, признаны за несомнѣнные самимъ правительствомъ, это: 1) чрезмѣрное обремененіе крестьянъ платежами, 2) недостаточность земельныхъ надѣловъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ и даже цѣлыхъ мѣстностяхъ.

„Въ теченіи первыхъ 20 лѣтъ не было ничего сдѣлано для устраненія этихъ безспорныхъ причинъ разстройства хозяйственнаго быта и обѣдненія крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Напротивъ того, податная тягость крестьянъ была даже увеличена возвышеніемъ окладовъ подушной подати и развитіемъ земскихъ расходовъ и сборовъ. Только въ концѣ минувшаго царствованія признана была необходимость облегченія выкупныхъ платежей и отмѣны подушной подати. Починъ въ этомъ дѣлѣ сдѣланъ бывшимъ министромъ финансовъ ¹⁾). По его представленію въ 1881 г. выкупные платежи уменьшены на 12 мил. руб. и приведены въ соотвѣтствіе съ дѣйствительною цѣнностью выкупаемыхъ земель.

„Исполненіе высочайшаго повелѣнія объ отмѣнѣ подушной подати представляетъ затрудненіе, по значительности подлежащей сложенію суммы. Нынѣшній министръ финансовъ нашелъ уже средство для сложенія до 20 мил. р. подушной подати. Остается

¹⁾ Членомъ Госуд. Сов., д. тайн. сов. А. А. Абаза, при весьма энергической поддержкѣ Августѣйшаго предсѣдателя бывшаго Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, Е. И. В. Великаго князя Константина Николаевича.

сложить еще 36 мил. Будемъ надѣяться, что къ исходу 25-ти-лѣтія со дня 19-го февраля 1861 г. будетъ снято съ крестьянъ это послѣднее влѣймо крѣпостныхъ порядковъ. Если эта надежда и не осуществится, то все-таки мы можемъ быть увѣрены, что, при настоящемъ направленіи дѣятельности правительства, окончательная отмѣна подушной подати и всѣхъ связанныхъ съ нею стѣсненій не будетъ отсрочена надолго. Раздѣленіе сословій на податныя и не податныя съ ревизскими сказками и ревизскими душами скоро перестанетъ быть дѣйствительностью и останется только въ преданіи. Столь значительное облегченіе крестьянъ въ казенныхъ платежахъ—на 68 мил. руб., явленіе безпримѣрное въ нашей исторіи; оно останется въ памяти народа какъ знаменательное и благотворное событіе.

„Что касается до чувствуемой въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ недостаточности надѣловъ, постепенно увеличивающейся вслѣдствіе увеличенія населенія, то въ будущемъ недостатокъ этотъ будетъ уравниваться увеличеніемъ производительности земли посредствомъ улучшенія ея обработки и развитіемъ промышленности; въ настоящее же время возможны только паллятивныя мѣры, принимаемыя уже правительствомъ: предоставленіе крестьянамъ дешеваго кредита для покупки земель, облегченіе переселеній и отдача крестьянамъ въ наймы казенныхъ земель.

„Съ вопросомъ о недостаткѣ надѣловъ тѣсно связанъ вопросъ, поднятый въ послѣднее время въ журналистикѣ и въ земствѣ, о разложеніи земельной общины. Признаки такого разложенія усматриваютъ въ слѣдующихъ явленіяхъ:

- 1) Крестьяне, чрезъ подставныхъ лицъ, выкупаютъ свои надѣлы на основаніи ст. 165 Положенія о выкупѣ и продаютъ ихъ кулакамъ.
- 2) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, при общинномъ владѣніи, завелись торговли душевыми надѣлами. Бѣдные крестьяне уступаютъ ихъ зажиточнымъ скупщикамъ и идутъ къ нимъ въ работники; есть скупщики, захватившіе въ свои руки до 20-ти и болѣе надѣловъ.
- 3) При подворномъ владѣніи скупаются подворные участки, такъ что скупщики становятся владѣльцами болѣе части надѣльной земли въ селеніи.
- 4) Прекращаются передѣлы земли, такъ что при общинномъ

владѣніи душевые участки получаютъ характеръ наслѣдственныхъ подворныхъ участковъ.

„Въ какой мѣрѣ распространены эти явленія—неизвѣстно; есть указанія только на нѣкоторые селенія и уѣзды, по которымъ собраны свѣдѣнія. По имѣющимся у меня подъ рукою свѣдѣніямъ всей земли продано и выкуплено крестьянами, на основаніи 162 и 165 ст. Полож. о выкупѣ, только около 140,000 десятинъ ¹⁾).

„Тѣмъ не менѣе, такое явленіе заслуживаетъ полнаго вниманія правительства. Въ настоящее время въ западныхъ государствахъ Европы, за исключеніемъ Франціи, гдѣ прочно установилась мелкая крестьянская поземельная собственность, общество и правительства поставлены въ большое затрудненіе, вслѣдствіе того, что земля во многихъ мѣстностяхъ вышла изъ рукъ земледѣльцевъ, которые обратились въ мелкихъ арендаторовъ или рабочихъ, необеспеченныхъ въ своемъ существованіи, недовольныхъ своимъ положеніемъ и требующихъ неудобноисполнимыхъ аграрныхъ реформъ.

„Мы находимся въ болѣе счастливомъ положеніи, но слѣдуетъ озаботиться теперь же, чтобы оно не разстроилось, чтобы земля, отведенная крестьянамъ въ надѣлъ для обезпеченія ихъ быта, не получила другого назначенія, а оставалась постоянно въ пользованіи крестьянъ-земледѣльцевъ и чтобы участки, достаточные для обезпеченія многихъ семействъ, не скупались въ однѣ руки; Редакціонная коммисія отчасти имѣла это въ виду: статьями 84 и 86 мѣстнаго Полож. для губерній сѣверо-западныхъ воспрещается одному домохозяину содѣржать болѣе 3 участковъ; подобное же ограниченіе установлено для юго-западныхъ губерній (ст. 88 мѣстн. Полож.).

„Эти статьи нынѣ не примѣняются вслѣдствіе введенія обязательнаго выкупа надѣловъ въ западныхъ губерніяхъ. Нѣтъ никакого препятствія возстановить указанную въ этихъ статьяхъ мѣру, распространивъ ея дѣйствія на всѣхъ крестьянъ, владѣющихъ подворными участками. Воспрещеніе одному хозяину держать и приобрѣтать въ собственность болѣе 2-хъ или 3-хъ подворныхъ участковъ надѣльной земли оградитъ крестьянскіе надѣлы

¹⁾ Всей земли въ надѣлѣ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ до 37 мил. дес., у государственныхъ—до 62 мил. дес.

отъ попользовеній скупщиковъ. Относительно пользования общинными землями полезно было бы также узаконить нѣкоторые ограниченія, подобно тому, какъ это существовало у государственныхъ крестьянъ. Но прежде всего необходимо постановить, что земля, отведенная сельскимъ обществамъ въ надѣль, какъ при общинномъ, такъ и при подворномъ пользованіи, должна всегда оставаться надѣльною мірскою землею, не подлежащею отчужденію посторонними лицамъ, и что она можетъ находиться только во владѣніи членовъ общества.

„Съ установленіемъ такихъ правилъ не представится надобности уже въ отнѣнѣ ст. 165 Полож. о выкупѣ. Если за крестьянскимъ населеніемъ будетъ заврѣвлено владѣніе всѣмъ количествомъ земли, отведенной имъ первоначально въ надѣлы, и если при томъ приняты будутъ мѣры, препятствующія уничтоженію мелкихъ участковъ,—то выкупъ участковъ отдѣльными домохозяевами (на основаніи ст. 165 Полож.) не только не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій, но даже желателенъ для образованія въ селеніяхъ рядомъ съ общиннымъ владѣніемъ подворнаго“.

М. И. Семевскій прочелъ интересный отрывокъ изъ записокъ одного лица, близко стоявшаго по своему служебному положенію къ покойному генераль-губернатору сѣверо-западной Россіи, генераль-адъютанту В. И. Назимову, именно рассказъ, со словъ самого Назимова, о первыхъ, такъ сказать, дняхъ зарожденія крестьянскаго вопроса, въ самомъ началѣ царствованія Императора Александра II. Этотъ отрывокъ, выслушанный присутствующими съ живѣйшимъ интересомъ, напечатанъ въ мартовской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1885 г. (стр. 575—580).

Н. Н. Калошинъ, одинъ изъ членовъ Редакціонныхъ комисій 1860 г., въ описываемое въ приведенномъ отрывкѣ время служившій въ Вильнѣ, подтвердилъ собранію, что все рассказанное въ запискѣ, прочтенной М. И. Семевскимъ, отъ слова до слова—вѣрно, такъ какъ онъ, въ бытность на службѣ въ Вильнѣ, неоднократно слышалъ отъ генераль-адъютанта Назимова и близкихъ къ нему лицъ эти подробности.

Въ виду истеченія 19 февраля 1886 года двадцатипяти-
лѣтія со дня освобожденія крестьянъ, былъ поднятъ вопросъ въ

собраніи присутствовавшихъ о томъ, чѣмъ-бы именно настоящій кружокъ лицъ, участниковъ въ трудахъ по крестьянскому дѣлу, могъ бы ознаменовать этотъ праздникъ всего русскаго народа.

По обмѣнѣ мыслей по сему предмету, было положено: 1) просить всѣхъ участниковъ настоящаго обѣда сообщить председателю обѣдовъ 19 февраля могущія возникнуть у каждаго изъ нихъ соображенія о порядкѣ и способѣ ознаменованія со стороны кружка двадцатипятилѣтія со дня освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; 2) по полученіи такихъ предположеній предоставить К. К. Гроту заблаговременно, до наступленія срока 19 февраля 1886 г., собрать всѣхъ наличныхъ членовъ Редакціонныхъ комиссій съ присоединеніемъ къ нимъ и нѣкоторыхъ другихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, для предварительнаго обсужденія вопроса о предстоящемъ празднованіи означеннаго двадцатипятилѣтія, и 3) не позже конца декабря 1885 г. созвать въ общее собраніе всѣхъ обычныхъ участниковъ обѣдовъ 19 февраля для окончательнаго рѣшенія этого вопроса.

Въ заключеніе Н. Х. Бунге предложилъ, въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ, тостъ за здоровье председателя и распорядителя обѣдовъ 19-го февраля—Константина Карловича Грота, энергій и заботливости котораго обязано столь успѣшное, изъ года въ годъ, продолженіе настоящихъ собраній въ дорогой для всѣхъ день 19-го февраля.

Ред.

Примѣчаніе. Бывшій членъ Редакціонной комиссіи, кн. С. П. Голицынъ, первымъ изъ участниковъ обѣдовъ 19-го февраля откликнулся на приглашеніе представить мысли объ ознаменованіи XXV-й годовщины освобожденія крестьянъ: уважаемый князь внесъ письменное заявленіе К. К. Гроту о своей готовности содѣйствовать основанію двухъ-классной сельской школы, для которой дарить въ своемъ имѣніи, Московской губ. въ с. Кайнарджѣ, до трехъ десятинъ, въ 20-ти верстахъ отъ Москвы; взносить одновременно 1000 руб. въ составъ потребной на постройку школы суммы и обязуется ежегодно вносить, на содержаніе школы, по 150 р. и именно въ день 19-го февраля. Школа должна быть въ честь имени Александра II. Недостающія средства на содержаніе школы предполагается восполнить пожертвованіями кружка лицъ обѣдовъ 19-го февраля.

Ред.

П о п р а в к и

изъ сатиры гр. Е. П. Ростопчиной: „Домъ Сумасшедшихъ“.

(„Русская Старина“ изд. 1885 г., т. XLV, мартъ, стр. 673—707).

Е. С. Некрасова, сообщившая на стр. нашего изданія сатиру гр. Е. П. Ростопчиной: „Домъ Сумасшедшихъ“, — не имѣла возможности своевременно слѣдить корректуру съ подлинною рукописью сатиры, а потому въ печатный текстъ вкрались описки и ошибки; въ виду этого помѣщаемъ здѣсь поправки:

Ред.

На стр.	строка	13	сверху	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
674		13		книжищъ	книжищъ
675		1	”	Soursonne	Sourçonne
—		6	”	И я вижу столькихъ негодяевъ, повторяющихъ его,	И столько негодяевъ повторяютъ его,
676		3, 4 и 5	”	На трибунѣ, воздвигнутой ими же самими,	Сидя на трибунѣ, воздвигнутой ими же самими,
				Они судятъ о талантахъ, словно верховные судьи;	Они, словно верховные судьи, судятъ о талантахъ;
				Горделиво того провозглашаютъ талантомъ, кто имъ льститъ, —	Горделиво провозглашаютъ того талантомъ, кто имъ льститъ, —
—		7	”	Силою захватываютъ себя со всего свѣта почтеніе,	Наконецъ захватываютъ себя со всего свѣта почтеніе,
—		10	”	nous feront	nous ferons
—		22	”	Secretaires, academiciens,	Secretaires, precepteurs, gouverneurs, academiciens,
—		1 и 2	снизу	Какъ работать надъ великимъ созданіемъ, т. е. надъ водвореніемъ ихъ господства во всей вселенной?	„Какъ работать надъ великимъ созданіемъ, т. е. надъ водвореніемъ ихъ господства во всей вселенной“.

На стр.	677, строка	4	сверху	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
				Секретарей, академиковъ	Секретарей, наставниковъ, воспитателей, академиковъ,
"	"	16	снизу	nous sommes des instituteurs	nous sommes ses instituteurs
"	"	13	"	мы возьмемъ ихъ	мы отнесемъ къ нимъ
"	"	10	"	тѣмъ больше,	тѣмъ сильнѣй,
"	"	4	сверху	рукопожатъе	рукожатъе
"	"	8	снизу	къ удовольствію	къ удивленію
"	"	5	сверху	Въ петербургскихъ домъ безумныхъ	Въ петербургскій домъ безумныхъ
"	"	7	"	неутомленной	неутоленной
"	"	13	снизу	хотя	хоть
"	"	11	"	дружескій	дружески
"	"	9	сверху	мизогина	Мизогина
"	"	2	снизу	Обѣдъ 28 декабря подъ чертою	Обѣдъ демагоговъ 28 декабря 1857 г.
"	"	14	сверху	Словомъ—нашъ библиофиль	Славенъ нашъ библиофиль
"	"	4	снизу	Не пропустить онъ ошибки,	Не пропустить имъ ошибки,
"	"	1	сверху	онъ въ разводѣ	онъ въ раздорѣ
"	"	6	"	Ненавистенъ, нетерпимъ?...	Ненавистенъ, нетерпимъ... Что виной судьбѣ мудреныхъ?...
"	"	12	снизу	линіи	Линіи
"	"	17	сверху	Вкругъ	Вдругъ
"	"	8	снизу	Славянолюбій,	Славянолюбій,
"	"	15	сверху	Тѣни Орени	Тѣни Фени
"	"	12	снизу	кружка бесѣды	кружка Бесѣды
"	"	6	"	вверхъ стремленья	вверхъ стремленья
"	"	17	"	Русскій Богъ	Русскій богъ
"	"	14	"	вынести святыхъ	вынести давно святыхъ
"	"	18	"	что было съ Кирѣвскимъ и другимъ Павловымъ	что было и съ Кирѣвскимъ и съ другимъ Павловымъ.
"	"	12	"	найдется	найдете

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
На стр.	699	строка 8, 7, 6, 5 и 4	снизу	— „Соименница Авроры,—о, царица красоты“, —извѣстно во всей Россіи, и никогда неупрекаютъ. Развѣ вы забыли про Philippe Egalite?“ Сами же совѣтовали вычеркнуть. Р.	— Соименница Авроры,—о, царица красоты“, —извѣстно всей Россіи, и никогда не упрекаютъ. Р.
				9) О комъ рѣчь? Чей портретъ? или образъ? Чѣмъ кончается эта строфа? С. — (Ростопчина не написала отвѣта на эти вопросы).	9) О комъ рѣчь? Чей портретъ? или образъ? Чѣмъ кончается эта строфа? С. — Развѣ вы забыли про Philippe Egalité. Сами же совѣтовали вычеркнуть. Р.
„ „	700,	„	2	сверху	съ кѣмъ хотите,
„ „	—	„	4	снизу	доброта, машущая перомъ
„ „	702,	„	10	снизу подъ чертою	не высказать
„ „	704,	„	9	сверху	прямо подѣ текстомъ
„ „	706,	„	2	„	іюля 1858 г.
„ „	707,	„	2	„	краснѣю
„ „	—	„	5	„	Дальше

Сообщ. Е. С. Нежрасова.

О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЩОВА

† 27-го іюня 1740 г. ¹⁾.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ Д. И. Иловайскаго (изъ Москвы).	10 руб.
„ С. П. Волосатовой (Саратовск. губ., стан- ція Лопатино).	1 „
„ Протоіерея Павла Васильевича Трачевскаго (г. Кронштадтъ)	3 „
„ Тайнаго совѣтн. Ив. Ив. Домонтовича (Спб.)	3 „

А съ прежде поступившими всего . 1,873 руб.

Въ виду состоявшагося 19-го февраля 1885 г. офіціального разрѣшенія на возобновленіе памятника Волынскому, Еропкину и Хрущову,—приступлено къ его сооруженію: 9-го марта 1885 г. А. Н. Соколовъ, мастеръ Императорской Академіи Художествъ, взялъ на себя заказъ отлить памятникъ изъ бронзы (а не изъ цинка, какъ предполагалось прежде) по проекту и чертежамъ профессора М. А. Шурупова за 1600 руб. Въ счетъ этой суммы выданъ г. Соколову задатокъ—500 руб.

Ред.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; Изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 244; февраль стр. 477; мартъ, стр. 716.

Только-что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу роскошное иллюстрированное изданіе новой книги:

ИСТОРИЯ ИСКУССТВЪ

(архитектура, скульптура, живопись, мозаика, оружіе, церковная и домашняя утварь, одежда, украшенія и пр. и пр.)

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАШИХЪ ДНЕЙ

П. П. Гнѣдича.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Большой томъ in quarto, болѣе 500 стран. убористаго шрифта, въ 2 столбца, съ 430-ю превосходно исполненными гравюрами и рисунками въ текстѣ.

Настоящая книга по полнотѣ своего содержанія является первымъ оригинальнымъ русскимъ сочиненіемъ по исторіи искусствъ. Все изданное у насъ до сихъ поръ по этому предмету представляетъ переводъ иностранныхъ компиляцій, годныхъ болѣе для справокъ, чѣмъ для чтенія. Авторъ, въ сжатой и общедоступной формѣ изложенія, весьма живо знакомитъ читателя со всѣми отраслями искусствъ и общимъ ходомъ развитія ихъ—съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Сочиненіе это должно заинтересовать образованное общество вообще и художниковъ по преимуществу. Кромѣ того, оно можетъ служить полезной и необходимой книгой для чтенія всѣмъ интересующимся дѣломъ искусства.

Изданіе напечатано на хорошей веленовой бумагѣ, четкимъ шрифтомъ и съ превосходно выполненными гравюрами.

Въ видахъ возможно большаго распространенія книги и чтобы сдѣлать пріобрѣтеніе ея доступнымъ каждому, издатель назначилъ цѣну ей сравнительно весьма недорогою, а именно: въ изящной бумажной оберткѣ 6 руб., съ пересылкою 7 р. Въ роскошн. коленкор. перепл. съ золот. тиснен. 7 р., съ перес. 8 р. 50 к.

Главный складъ книги находится въ С.-Петербургѣ, въ Конторѣ Редакціи Журнала „НИВА“ (Вол. Морская, 9), куда и просятъ обращаться съ требованіями.

Въ Москвѣ: въ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, а также у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

Изд. 1884 г. (ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

съ портретами: имп. Елисавета Алексѣевна; Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинъ Николаевичъ; митрополитъ С.-Петербургскій Исидоръ; гр. Аракчеевъ и Н. О. Минкина; гр. И. И. Дибичъ-Забалканскій; Пушкинъ (отпечатанъ красками); Лермонтовъ; Н. А. Некрасовъ; Н. И. Пироговъ; педагогъ бар. Н. А. Корфъ; В. В. Самойловъ; портретъ-группа: лордъ Рогланъ, марш. Пелисье и Омеръ-паша подъ Севастополемъ въ 1855 г. Рисунки: проектъ памятника на могилѣ Волинскаго—академ. М. А. Щурупова; имп. Александръ II, рисунокъ со статуи, исполн. академ. П. П. Забѣлло; судъ на Руси, старинная каррикатура.

Содержаніе: Записки Штрандмана, 1771—1780 гг.;—Записки Мих. Фонвизина: очерки русской исторіи IX—XVIII вв.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ, 1816—1821 гг., разск. бар. А. Е. Розена;—Разказы кн. Ал. Ник. Голицына: Александръ I и его время, сообщ. гр. П. А. Валуевъ;—Императрица Елисавета Алексѣевна въ воспом. кн. С. А. Мадатовой;—Зап. Д. И. Ростиславова о бѣломъ духовенствѣ;—Воспоминанія декабриста А. П. Вѣллева;—Дневникъ декабриста В. К. Кюхельбекера въ заключеніи, 1831—1834 гг.;—Декабристы на Кавказѣ въ 1826—1850 гг., зап. М. И. Пущина;—Русско-турецкая война за Кавказомъ въ 1853—1864 гг., зап. М. Я. Ольшевскаго;—Моск. воспом. Н. В. Берга, 1845—1855 гг.;—Зап. сен. Я. А. Соловьева о крест. дѣлѣ, 1858—1859 гг.;—Виленскіе очерки, 1863—1865 гг.;—Русскій губернаторъ въ Ц. Польск., 1866—1868 гг.;—Въ Прибалтійскомъ краѣ, 1856—1876 гг.;—Зап. ст.-секр. А. Ф. Гамбургера;—Зап. педагога бар. Н. А. Корфа;—Посмертныя записки Николая Ив. Пирогова;—Записки-автобіографія крестьянина-поэта С. Д. Дрожжина.

Исслѣдованія и очерки: профес. Д. И. Иловайскаго, — профес. И. А. Линниченко;—очеркъ С. Л. Пташицкаго;—Патр. Никоиъ по вновь открытымъ Н. А. Гиббенетъ матеріаламъ, 1658 г.;—Екатерина II и Дидро, изсл. В. А. Бильбасова;—Настасья Минкина, домоправительница гр. Аракчеева;—Ермоловъ и его кебинныя жены, очеркъ Ад. П. Берже;—Гр. Каподистрия и гр. К. В. Несельродъ;—Имп. Елисавета Алексѣевна, очеркъ гр. С. С. Уварова;—Польское возстаніе въ 1830—1831 гг., разказъ Мохначкаго и переписка имп. Николая I съ гр. Дибичемъ;—Холера въ Спб. въ 1831 г., очерки и разказы;—Имп. Николай I на Кавказѣ въ 1837 г., очеркъ Ад. П. Берже;—Разказъ правосл. латыша Индрика Страумита, 1845—1846 гг.;—Въ правит. сенатѣ въ 1840—1852 гг.;—Имп. Николай I: записка его объ укрѣпленіи границъ Россіи;—Кн. М. С. Воронцовъ и Н. Н. Муравьевъ въ письмахъ къ М. Т. Лорис-Меликову (нынѣ графу), 1852—1857 гг.;—Вязь Мих. Дм. Горчаковъ: записка о мѣрахъ въ случаѣ возстанія Венгрии, 1860 г.;—Имп. Александръ II на Кавказѣ въ 1861 г.;—Мих. Ник. Муравьевъ и его мѣропріятія въ с.-з. Россіи 1864 г.;—Ник. А. Милютинъ въ Ц. Польскомъ;—Вредныя секты, очерки А. Пругавина;—19-ое февраля: чествованіе этого дня лицами, принимавшими участіе въ созданіи Положеній о крестьянахъ 1861 г.—Писатели: А. П. Сумароковъ,—В. А. Жуковский,—Н. И. Гнѣдичъ,—Д. В. Давыдовъ,—К. Н. Батюшковъ,—А. С. Пушкинъ,—М. Ю. Лермонтовъ,—Н. В. Гоголь,—Сырокомля,—Т. Г. Шевченко,—Н. Г. Помяловскій,—гр. А. К. Толстой,—Ф. М. Достоевскій,—И. С. Тургеневъ,—артистъ В. В. Самойловъ—въ ихъ письмахъ, воспоминаніяхъ, очеркахъ жизни и дѣятельности.

Цѣна за 12 книгъ ДЕВЯТЬ руб. съ пересылкою.

Очерки и рассказы М. И. Семеvскаго изъ русской исторіи XVIII в.:

ЦАРИЦА ПРАСКОВЬЯ

1664—1723 гг.

Спб., 1883 г., въ 8-ю д., стр. 256, съ портретомъ царицы Прасковьи, отпечатаннымъ хромофотографически красками.

Цѣна два руб.

(Изданіе, въ количествѣ 3000 экз., разошлось сполна).

Въ книжныхъ магазинахъ Цинзерлинга (въ Спб.), Мамонтова (въ Москвѣ) и въ ред. „Русской Старины“ можно получить слѣдующее изданіе:

„СЛОВО И ДѢЛО!“

1700—1725 гг.

Тайная канцелярія при Петрѣ I-мъ.—Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста.—Камеръ-фрейлина Гамильтонъ.—Петръ Великій какъ юмористъ. Къ книгѣ приложены рисунки: изображеніе пытки виска на дыбѣ и наказаніе батогами въ Россіи. Изданіе третье, исправленное и пересмотрѣнное. Спб., 1885 г., въ 8 д., стр. VI+350. Цѣна два руб.

Примѣчаніе. Все второе изданіе этой книги разошлось сполна. Напечатано третье изданіе безъ перемѣнъ, кромѣ исправленія описокъ противъ подлинныхъ документовъ, каковыя описки и ошибки исправлены послѣ сличенія съ подлинными бумагами. Цѣна третьему изданію книги „Слово и дѣло“ два рубля.

ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА И ВИЛЛИМЪ МОНСЪ

1692—1724 гг.

съ приложеніемъ двухъ портретовъ—царицъ Авдотьи Ѳеодоровны и Катерины Алексѣвны, и пяти рисунковъ: Нѣмецкая слобода (два рис.) и домъ Лефорта въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ; казнь стрѣльцовъ въ 1698 г.; казнь колесованіемъ въ Россіи при Петрѣ I.

Спб., 1884 г., въ 8 д., стр. IV+362. Цѣна 2 р. 50 к.

Въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга и у всѣхъ книгопродавцевъ поступило въ продажу второе изданіе роскошно изданной книги:

„МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЯМЪ“

книга для чтенія, составила Елис. Мих. Семеновская,

изданіе ред. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Цѣна ДВА руб.

Книга въ роскошномъ переплетѣ, украшена портретомъ Е. И. В. Великои Княжны Ксеніи Александровны и многими гравюрами.

Содержаніе: Кукла, которую мнѣ очень хотѣлось имѣть. — Бабушка-зима. — Виновать-ли Бьюти? — Трудь. — Бабушка. — Дѣдушка. Стих. М. Стаховича. — Кто больше любилъ Маму. — Вѣлочка. — Дѣвочка и Мама. — Кролики. — Нарядница. — Самъ-себѣ-помогай. — Воробьи и кошка. — Дождливый день. — Коровушка. — Семья Прокла. Отрывокъ изъ стихотвор. Н. А. Некрасова. — Ласточка. — Мама и Володя. — Попка. — Мама. Стихотвореніе П. К. — Все на пользу. Стихотвореніе П. К. — Забытая кукла. — Забѣтки. — Катя передъ праздникомъ Рождества Христова. Стихотвореніе П. К. — Капризы. — Благодарность Богу. Стих. П. К. — Богъ вездѣ. — Растеніе. — Пора вставать. Стих. П. К. — Мальчишъ съ кошечкой. — Бабочка. — Дѣтскія ручьи. Стихотвореніе А. Н. Плещеева. — Мое новое пальто. — Всегда охватываетъ ихъ. Стих. П. К. — Совѣтъ да любовь. — Жаворонокъ и его малютки. — Плохіе зубки. — Мальчишъ и птичка. Стихотв. А. Н. Плещеева. — Въ крестьянской семьѣ. Стихотвореніе С. Д. Дрожжина. — Прогулка въ лѣсу. — Зимой. — Любите порядокъ. — Что думала Мама. — Подарокъ Олѣ — Настя. — Переѣздъ на дачу. — Мартышка. — Дикая яблоня. — Чижикъ. — Птички. — Не желалъ обидѣть. — Ландышъ. — Лѣсъ зимою. — Малиновка (легенда). — Дѣти и птичка. Стихотвореніе А. Н. Плещеева. — Ожиданіе брата. — Летучая мышь. — Прощай, няня. — Птичка. Стихотвореніе Я. П. Полонскаго. — Моя куколка и я. — Одинъ въ комнатѣ. — Кошка. — Къ дѣтямъ. Стихотвореніе А. С. Хомякова. — Маленькая фея. Сказка. — Весеннія воды. Стихотвореніе Э. И. Тютчева. — Пчелка. — О насѣкомыхъ. — Ссора дѣтокъ. — Привѣтъ зайчику. Стихотвореніе. — Подосиновикъ-грибокъ. — Дѣдушка Крыловъ. — Стрекоза и Муравей. Басня И. А. Крылова. — Чижъ и Голубъ. Басня И. А. Крылова. — Вилу. — Резиновый мячъ. — Сирота. — Катя и Вася. — Нищенка. — Сважи мнѣ, мама дорогая. Стих. П. К. — Маленькій плакса. — Есть у маленькаго шалуня. Стихотв. П. К. — Слононь. — Какъ живетъ Паша. — Дѣтскою горе. Стихотв. П. К. — Бозочка. — Котикъ. Стих. П. К. — Новый голъ. — Нищета. Стихотв. И. С. Никитина. — Въ школу.

Кромѣ того въ книгѣ помѣщены: отдѣльныя замѣтки, пословицы, поговорки, загадки, шарады. Дѣтскія пѣсенки, переложенныя на музыку В. Кюнеромъ и проч.

Цѣна ДВА рубля.

„Русская Старина“

ВЪ ПЯТНАДАТЬ ЛѢТЪ ЕЯ ИЗДАНІЯ:

1870—1884 гг.,

систематическая роспись содержанія ста восьмидесяти кн^гъ,

составляющихъ этотъ историческій журналъ

за первыя XV лѣтъ его изданія.

Слб. 8 д., 1885 г., съ портретами достопамятныхъ русскихъ людей. Цѣна одинъ руб. съ пересылкою. Эта роспись содержанія „Русской Старины“ 1870—1884 гг. печатается и о времени выхода ея будетъ объявлено.

слышко иметь видъ, напечатанъ г. Анненшвымъ, отчасти въ VII томъ его изданія, отчасти въ одной журнальной статьѣ, съ изданіе 1882 г., т. IV, стр. 416 и 430. Г. Анненшвъ считаетъ этотъ разговоръ за «первую мысль Моей родословной»; а же по разговаривающимъ лицамъ отнести его къ неконченной повѣсти: «Гости съѣзжались на дачу».

Вотъ еще двѣ опечатки, замѣченныя мною въ той же поварской книгѣ: стр. 370, 14 строка сверху: напечатано *regaré*, надо *regaré*; стр. 371, строка 5 снизу: напечатано *шу fois*, надо *шу foies*.

Еще дополнение: «Русская Старина» 1884, май, стр. 366, № 2366, л. 37, занять черновыми песочениными гекзамеромъ о слѣдомъ старика: это — переводъ адмирала А. Шване *L'Aveugle: Dieu, dont l'arc est d'argent, Dieu de Claros, écoutez!* Славень, удвляющей Пестуховъ своимъ видомъ, отзывается Гомеромъ.

В. Е. Якушкинъ.

Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія. Насилін Латкина. Спб. 1884. 288 стр. Ц 1 р. 75 к.

Матеріалы эти, о которыхъ не разъ сообщала печать, относятся къ соборамъ 1619 — 20 и 1631 гг. Издатель, молодой ученый, представилъ, между прочимъ, нѣсколько документовъ, относящихся къ собору 1618 — 49 гг. Времени Михаила Федоровича здѣсь принадлежатъ всего одинъ листъ. Къ нимъ издатель присоединилъ свои замѣчанія, въ которыхъ касается времени продолжительности соборовъ, бывшихъ при этомъ послѣднемъ, и другихъ вопросовъ; но этой стороны ихъ, между прочимъ, касался уже въ своихъ «Замѣткахъ» и С. Платоновъ (Журналъ министер. прессы. 1883 г.), указаній на которыя мы не встрѣтили въ ссылакахъ автора. Изданные матеріалы извлечены изъ архива мѣст. юстиціи и моск. главн. арх. мѣст. ин. дѣлъ, а также изъ библиотекъ московской синод. типографіи (собственно выписки о раздѣлѣ и продажѣ книги Уложенія).

Настоящее изданіе составляетъ приложеніе къ весьма хорошему изслѣдованію г. Латкина: «Земскіе соборы древней Руси». Наша литература имѣетъ рядъ статей объ этомъ явленіи древне-русской исторіи, но давно нуждается въ

вѣдѣннѣ и обстоятельномъ изслѣдованіи. Тогда, быть можетъ, перестанутъ произносить рѣшительныя приговоры о немъ изъ новѣйшихъ публицистовъ, которые мнѣтъ заправлять общественнымъ мнѣніемъ и умѣютъ даже изъ исторіи выдѣлывать то, что нужно имъ на потребу, какъ напр. объ уклоненіи выборовъ отъ призыва, какъ будто не то же было въ другихъ странахъ...

Сборникъ статей, касающихся Пермской губерніи и помѣщениныхъ въ неоффич. части губернскихъ вѣдомостей въ періодъ 1842—1881 г. Вып. I. Съ портрет. Н. К. Чупина. Изд. перм. губ. стат. комит. Пермь. 1882. 257 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящее изданіе состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщенъ указатель статей, касающихся Пермской губ. и напечат. въ неоффич. отд. Перм. губ. вѣдом. въ теченіе 1841—1880 гг., сост. Д. Смышляевымъ; статьи распределены въ систематическомъ порядкѣ. Во второй отдѣлъ вошли статьи Чупина. Статьи эти не велики, но весьма длины, какъ по своему содержанію, такъ и по новизнѣ сообщаемыхъ въ нихъ данныхъ. По большей части онѣ основаны на истинныхъ архивныхъ розысканіяхъ и сопровождаются приложеніемъ матеріаловъ. Въ этомъ томѣ вошли слѣд. статьи: полугорастольіе Екатеринбургъ (1723—1883), въ исторіи Екатеринбургъ; В. Н. Татищевъ и первое его управленіе уральскими заводами; В. Н. Татищевъ—жизнь его съ 1722—1734 г.; о Богословскихъ заводахъ и заводчикъ Походяшинъ; историч. свѣдѣніе о бывшихъ кунгурскихъ мѣдныхъ заводахъ; члены екатеринбургской горной канцеляріи Башмаковъ и дѣйствіа его во время пугачевщины, и др. мелкія статьи, касающіяся пермскихъ краевъ.

Если-бы каждый изъ нашихъ статистическихъ комитетовъ предпринялъ сборникъ важнѣйшихъ статей и матеріаловъ, извлеченныхъ изъ истинныхъ вѣдомостей, то историческая литература могла бы обогатиться многими цѣнными приобрѣтеніями, а между тѣмъ сколько комитетовъ не знаетъ за что приняться или издаетъ часто не имѣющія значенія памятныя книжки.

В. И.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересилкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ив. Ив. Ламонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—VII. Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (85 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (15 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (50 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.

Видеан

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый.

МАЙ.

1885 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

I. Николай Ивановичъ Ностомаровъ † 7-го апреля 1885 г. I—III	IX. Экспедиція противъ Ахаль-Текинцевъ въ 1879—1881 гг. Историческій очеркъ участника. Гл. V—IX 377
II. Посмертные записки Николая Ивановича Пирогова. LXVIII—LXXI 229	X. Губертъ Лангъ. Мѣтѣе в Россіи въ 1558 г. Сообщ. П. К. 411
III. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесар. Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. IV—V 265	XI. Императрица Елизавета Петровна въ Ревелѣ въ 1746 г. Сообщ. А. А. Чупиковъ 417
IV. Война съ польскими мятежниками 1831 г. въ перепискѣ императора Николая I съ гр. Дибичемъ 281	XII. Мраморный дворецъ, 1785—1885. Сообщ. В. Орловъ.
V. Изъ исторіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи: Николаевская дорога въ 1842—1852 гг. Очеркъ. Сообщ. А. П. Штульенбергъ 309	XIII. О возобновленіи памятника на могилѣ Волынскаго, Еропкина и Хруцова, † 27 июля 1840 г.
VI. Владимиръ Ивановичъ Назимовъ. Очеркъ изъ новейшей лѣтописи сибиряковъ Россіи. (Окончаніе). 323	XIV. Михаилъ Ивановичъ Глинка, открытіе ему памятника въ Свояевскій 20-го мая 1885 г. 449
VII. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій въ 1856—1869 гг. Воспоминанія В. Т. Соколова 339	XV. Столѣтняя годовщина пожалованія грамоты дворянству и гербамъ, 1785—1885 гг. 451
VIII. Желѣзно-мемодисковое тысячелѣтіе, 885—1885 гг. Сообщ. Д. П. Паскаевскій. 367	XVI. Николай Ивановичъ Погребовъ, † 19-го мая 1879 г. 453
	XVII. Библиографическій листокъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Михаила Ивановича Глинки, 1843 г., снятою съ рисунка академика Талызатова. — II. Портретъ Николая Ивановича Погребова, гравюра П. П. Матюшина.

Продолжается подписка на „РУССКОЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.

Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Вышла и разсматривается книга: „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА, АННА и ВИЛИМЪ МОНСЬ“, третій выпускъ историческихъ очерковъ М. И. Семовскаго, съ портретами и рисунками. Цѣна два рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою.

О-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 78.

1885.

Памятники русской старины, въ Зарядныхъ губерніяхъ, издаваемыя съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи Варшавскаго генералъ-губернаторства). Спб. 1885 г., въ 6. 8 д., стр. XI + 482.

Предъидущимъ VI-мъ выпускомъ, отпечатаннымъ въ 1874 году, настоящее монументальное изданіе прекратилось. Но вотъ прошло десять лѣтъ и по всеподданѣйшему повелѣнію, въ декабрь (1883 г.), преиздана Императорской Академіи Наукъ—гр. Д. А. Толстого, воспослѣдовало высочайшее соизволеніе на продолженіе этого изданія. Съ небольшимъ лишь черезъ годъ составленъ и отпечатанъ вышеозначенный, весьма объемистый, сборникъ статей о Холмской Руси и альбомъ превосходно выполненныхъ январскими рисунковъ, плановъ и чертежей.

Весь настоящій выпускъ посвященъ двумъ губерніямъ Привислинскаго края—Люблинской и Сѣдлецкой. Это древняя Холмская Русь, въ простонародь называемая Холмичаной, составлявшая некогда часть бывшаго Владиміра Галицкаго княжества. — Въ этомъ выпускѣ помѣщены историческія свѣдѣнія объ исконной принадлежности Забужскаго края въ Россію; свѣдѣнія о судьбахъ Холмичанъ,—свѣдѣнія о сикондизитѣ православія противъ стремленія чуждой власти обочлнить край и о вѣтрахъ, которыя были приняты правительствомъ въ огражденіе русскаго простонародія отъ дальнѣйшаго и окончательнаго соращенія въ латинство.

Вполнѣ художественно воспроизведена въ особо изданномъ альбомѣ остатни привислинско-русской старины въ Холмичанъ,— П. Н. Батюшковъ весьма заботливо и съ большимъ выборомъ соединилъ въ разсматриваемой книгѣ цѣлый рядъ историческихъ монографій, описаній и другихъ матеріаловъ для ознакомленія съ этимъ древнѣйшимъ достояніемъ нашего отечества. Вотъ перечень вошедшихъ въ этотъ сборникъ статей: Д. Н. Пловнянскаго: Давниа Галицій и начало Холма; г. Хрусцевича: Городъ Холмъ; Владиславъ и Стодльненская баня подъ Холмомъ; г. Бу-

дизовича: Чудотворная икона Пресвятой Богородицы въ г. Холмѣ. Лицетоль альбумской первопечатн Ивана Федорова Москвитина (1573—1574 гг.); Е. М.: Рукописныя Евангелія XVI вѣка: Крешовское и Долженское; г. Хрусцевича: Кирилло-Меродіевская часовня въ г. Холмѣ;—Н. Я.: Гречо-ушаты въ Царствѣ Польскомъ (1864—1866 гг.) и князь Черкасскій; П. П. Петрова: Холмско-Подлясскіе православныя монастыри; гг. Страшневича и Зѣушинскаго; Очерки быта вѣрствякъ Холмской и Подлясской Руси по народнымъ пѣснямъ, и проч. и проч.

На днѣхъ минова дестилѣтняя годовщина воссоединенія ушатовъ Холмской Руси съ православіемъ. Прекрасный сборникъ П. Н. Батюшкова является какъ нельзя болѣе кстати, воскрешая свѣтъ древнаго православія въ этомъ край и воспроизводя въ интересныхъ очеркахъ и научныхъ изслѣдованіяхъ черты быта и описанія достопримѣчательностей вполнѣ единаковой съ нами Холмской Руси.

Ред.

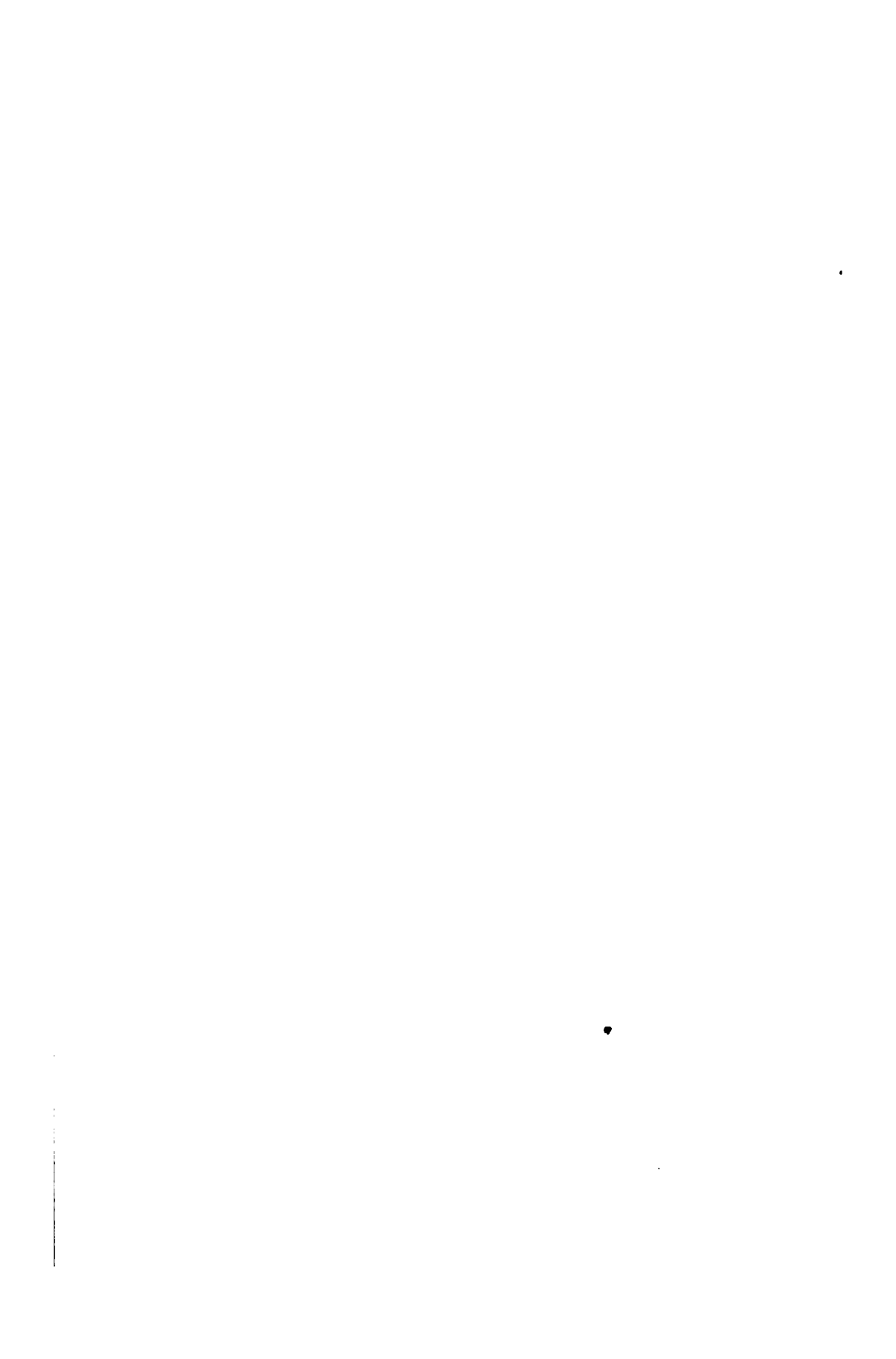
Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. По порученію втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ издавъ Я. Гротъ. Спб. 1885 г., въ 6. 8 д. л. Томъ первый (съ портретомъ автора), VIII + 577 стр. Томъ второй, 576 стр. Томъ третій, 745 стр.

П. А. Плетневъ, другъ и добросовѣтнѣйшій дѣлитель нашихъ талантливейшихъ писателей съ 1820 по 1860 годъ, человѣкъ высокообразованный, одаренный утонченными эстетическими чувствами, Плетневъ не былъ поэтомъ, въ прямомъ значеніи слова, но имѣлъ полное право занять мѣсто въ группѣ отечественныхъ писателей, составляющихъ красоту и гордость нашей словесности. Его редакція приваженій нашихъ повтовъ, отъ Крылова до Островскаго включительно, навсегда останутся образцовыми. Плетневъ умеръ 73 лѣтъ (29-го декабря 1865 года); пережилъ три достопамятныхъ періода, или переворота въ нашей словесности: владичество ассоциатива и борьбу съ нимъ романтизма, уступившаго свое мѣсто новой 'реалистической или, какъ ее называли, «натуральной школѣ»—и, при всемъ томъ, всегда умѣлъ от-

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА

1843 г.

Н. И. КОСТОМАРОВЪ

† 7-го апрѣля 1885 г.

7-го апрѣля 1885 г. наука русской отечественной исторіи, труженики этой науки и милліоны ея почитателей—погружены были въ глубокую скорбь: опочилъ сномъ смерти одинъ изъ славнѣйшихъ и безспорно даровитѣйшихъ ея дѣятелей—Николай Ивановичъ Костомаровъ. Сорокъ лѣтъ подвизался онъ на поприщѣ изслѣдователя и бытописателя минувшихъ судебъ русскаго народа и съ каждымъ новымъ его трудомъ имя его пріобрѣтало все большую и большую популярность, а дарованіе его вызывало сочувствіе, доходящее въ молодыхъ поколѣніяхъ до увлеченія.

Отличительная черта этого громаднаго дарованія—можно сказать—генія-историка, была необыкновенная отзывчивость на самыя интересныя, самыя жизненныя стороны исторіи русскаго народа. Лучшіе его труды, безспорно, посвящены исторіи Малороссіи, — но и на долю Великороссіи отвелъ онъ много труда въ своей долготѣней дѣятельности, не останавливаясь въ своихъ пытливыхъ изысканіяхъ ни предъ отдаленною, до-историческою стариною, — предъ этими великанами сумрака, какъ называетъ Карамзинъ первыхъ князей русскихъ, — ни предъ удѣльно-вѣчевымъ до-монгольскимъ періодомъ, — который представлялъ до него одну изъ самыхъ темныхъ, загадочныхъ эпохъ въ отечественной исторіи, — ни предъ дѣятелями XVIII вѣка, блестящія характеристики которыхъ Костомаровъ представилъ въ своихъ монографіяхъ позднѣйшаго времени.

Живость, образность выраженія въ разсказѣ, постоянное стремленіе проникать въ самую душу народа, улавливать моменты его дѣйствительнаго участія въ историческихъ судьбахъ своего отече-

ства, и подмѣчать дѣйствительно самыя типичныя особенности минувшаго его быта и изображать ихъ въ разсказѣ, нерѣдко воплѣтъ художественномъ—вотъ что рѣзко отличало Костомарова отъ другихъ современныхъ ему писателей-историковъ русскихъ; въ этомъ заключается объясненіе, почему труды его читались съ такимъ удовольствіемъ. Скептицизмъ, вносимый имъ въ обсужденіе многихъ вопросовъ въ отечественной исторіи, а также въ опредѣленіе значенія той или другой исторической личности, того или другого историческаго событія—шевельилъ мысль читателя, заставляя вдумываться въ то, что онъ читалъ, и глубже проникать въ суть предмета.

А кто не помнитъ Н. И. Костомарова на кафедрѣ профессора? Кто не помнитъ, какъ замирала нерѣдко тысячная толпа (напримѣръ на публичныхъ его лекціяхъ въ 1862 г. въ залахъ Городской Думы)—обращаясь вся въ слухъ и вниманіе, и надъ ней полудребезжающимъ, невозмутимо ровнымъ голосомъ Костомаровъ мастерски живописалъ картины минувшаго или обрисовывалъ характеристики тѣхъ, отъ кого зависѣла судьба русскаго народа въ ту или другую эпоху его исторіи.

Перечислять ли многочисленные труды покойнаго? Но они извѣстны всѣмъ и каждому, кто только сколько нибудь интересуется отечественною исторіей.

По этому поводу нельзя не повторить здѣсь словъ, недавно сказанныхъ на страницахъ «Русской Старины» другимъ даровитымъ ученымъ и историкомъ нашимъ, по поводу другой, также преждевременной и тяжелой, утраты:

— «Выдающагося дѣятеля науки—можно уподобить свѣтильнику, озаряющему болѣе или менѣе яркимъ пламенемъ среду, его окружающую.

«Прекратилось земное существованіе; но вмѣстѣ съ нимъ еще не погасъ свѣтильникъ. Его отрадный свѣтъ еще долго будетъ разливаться посредствомъ его ученыхъ трудовъ, его учениковъ и послѣдователей» ¹⁾.

¹⁾ Д. И. Иловайскій: „Памяти графа А. С. Уварова, † 29 декабря 1884 г. См. „Русская Старина“ 1885 г., апрѣль, стр. 212.

Примѣчаніе. Въ нашемъ сборникѣ автобіографическихъ замѣтокъ: „Знакомые“, (въ томѣ I, на стр. 72), мы сохраняемъ нѣсколько драгоценныхъ для насъ строкъ маститаго историка, внесенныхъ имъ въ нашъ сборникъ еще въ 1868-мъ или 1869-мъ году. Вотъ эти строки:

— «Николай Ив. Костомаровъ род. 1817 г., мая 4-го, въ Острогжскомъ уѣздѣ, Воронежской губерніи. Учился сначала въ московскомъ пансіонѣ—частномъ, потомъ въ Воронежѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ гимназіи въ 1833 году. Вступилъ въ университетъ и окончилъ курсъ въ харьковскомъ въ 1836 году. Въ 1844-мъ году, въ январѣ, защитилъ диссертацию на степень магистра, получилъ эту степень и въ томъ же году осенью принять на службу въ Волынскую губернію, въ Ровенской гимназіи, учителемъ исторіи.

«Въ 1846-мъ году былъ избранъ на кафедру въ университетъ св. Владиміра; въ 1847 году потерялъ кафедру, былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость на одинъ годъ, а съ 1848 г. препровожденъ въ Саратовъ, гдѣ пробылъ подъ надзоромъ полиціи до 1856 года.

«Въ 1859 году Костомаровъ былъ избранъ на кафедру русской исторіи въ с.-петербургскомъ университетѣ и пробылъ въ этой должности до 1862 г., послѣ чего остался членомъ Археографической комиссіи. Сочиненія его обыкновенно печатаются въ журналахъ: «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Русскомъ Словѣ», «Библиотекѣ для чтенія», «Вѣстникѣ Европы», «Бесѣда»; изданы Д. Кожанчиковымъ въ сборникѣ, носящемъ названіе: «Историческія монографіи и изслѣдованія», кромѣ нѣкоторыхъ не вошедшихъ сюда, изъ которыхъ большія: «Очеркъ торговли Московскаго государства», «Очерки быта и домашней жизни Московскаго государства», «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой» «Сынъ — повѣсть», затѣмъ есть нѣсколько небольшихъ, также въ это собраніе не вошедшихъ».

Въ позднѣйшіе годы вышло новое обширное собраніе историческихъ трудовъ Н. И. Костомарова, изд. г. Вольфа. Въ это изданіе не вошло однако нѣсколько позднѣйшихъ трудовъ нашего историка.

16-го апрѣля 1885 г.—въ засѣданіи Археографической Коммисіи,—подъ предѣдательствомъ В. П. Титова¹⁾), пишущимъ эти строки, какъ однимъ изъ членовъ Коммисіи, почтена была память опочившаго сномъ смерти Н. И. Костомарова.

— «Археографическая Коммисія, въ лицѣ Николая Ивановича, потеряла одного изъ наиболѣе уважаемыхъ и неутомимыхъ своихъ труженниковъ на поприщѣ изданія и обработки памятниковъ отечественной исторіи. Въ лицѣ скончавшагося члена нашего, Россія имѣла не только ученаго археографа, археолога и историка, но и писателя, мощью своего таланта содѣлавшаго предметы своихъ изслѣдованій доступными всему грамотному народу, увлекавшаго его живостью изложенія, глубиною мысли и остроуміемъ своихъ изысканій при критической разработкѣ историческихъ памятниковъ. Какъ участникъ въ трудахъ Археографической Коммисіи, Н. И. Костомаровъ вносилъ въ нее весь обширный запасъ своихъ знаній памятниковъ отечественной исторіи и въ теченіи многихъ лѣтъ, подъ его ближайшимъ наблюденіемъ, издаваемо было Коммисіею собраніе актовъ южной и югозападной Россіи,—собраніе, представляющее обширную бібліотеку драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ, безъ которыхъ отнынѣ немислимо никакое изслѣдованіе изъ исторіи этой части Россіи.

«Кончина Н. И. Костомарова, будучи утратою для всей грамотной Россіи, прежде всего одна изъ самыхъ тяжелыхъ утратъ для Археографической Коммисіи, какою когда либо она испытывала».

Предѣдатель Коммисіи, В. П. Титовъ, къ нашимъ словамъ присоединилъ нѣсколько задушевныхъ словъ въ память Н. И. Костомарова и, затѣмъ, пригласилъ присутствующихъ встать и этимъ выразить глубокое уваженіе къ отшедшему въ иной міръ знаменитому труженнику науки.

Ред.

¹⁾ Присутствовали члены коммисіи, академики: А. Ф. Бычковъ, А. А. Бунинъ, профессоръ Е. Е. Замысловскій, профессоръ Г. Василевскій, А. Н. Майковъ, А. П. Барсуковъ, М. И. Семеновскій и А. Н. Труворовъ.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

LXVIII¹⁾.

Въ Петербургѣ, какъ и въ Ригѣ, госпитальные врачи, при первомъ же нашемъ знакомствѣ, изъявили желаніе выслушать у меня курсъ хирургической анатоміи. Наука эта, у насъ и въ Германіи, была еще такъ нова, что многіе изъ врачей не знали даже ея названія.

— Что это такое, хирургическая анатомія? — спрашиваетъ одинъ старый профессоръ медико-хирургической академіи своего коллегу: никогда-съ не слыхалъ-съ, не знаю-съ.

Но въ русскомъ царствѣ нельзя (бывало) прочесть и курса анатоміи при госпиталѣ, не доведя объ этомъ до свѣдѣнія главы государства, и Н. Ф. Арендтъ взялся испросить разрѣшенія государя.

Оно было дано съ тѣмъ, чтобы употреблять для демонстраціи трупы только тѣхъ больныхъ, къ которымъ при жизни не являлись никакіе родственники въ больницу. Это, конечно, разумѣлось само собою.

Лекціи мои продолжались недѣль шесть.

Слушателями были, кромѣ врачей Обуховской больницы, самъ Н. Ф. Арендтъ, не пропускавшій, къ моему удивленію, буквально ни одной лекціи, профессоръ медико-хирургической академіи Саломонъ, многіе практики-врачи. Обстановка была самая жалкая.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52; ноябрь, стр. 223—274; декабрь, стр. 445—496; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 1—54; февраль, 257—310; мартъ стр. 481—526; т. XLVI, апрѣль, стр. 1—52.

Повойницкая Обуховской больницы состояла изъ одной небольшой комнаты, плохо вентилированной и довольно грязной. Освѣщеніе состояло изъ нѣсколькихъ сальныхъ свѣчей. Слушателей набиралось всегда болѣе двадцати. Я днемъ изготавлялъ препараты, обыкновенно на нѣсколькихъ трупахъ, демонстрировалъ на нихъ положеніе частей какой либо области и тутъ же дѣлалъ, на другомъ трупѣ, всѣ операціи, производящіяся на этой области, съ соблюденіемъ требуемыхъ хирургическою анатоміею правилъ. Этотъ наглядный способъ особливо заинтересовалъ слушателей; онъ для всѣхъ ихъ былъ новъ, хотя почти всѣ слушали курсы и въ заграничныхъ университетахъ.

Изъ чистокровныхъ русскихъ врачей никто не являлся на мой курсъ. И я читалъ по нѣмецки. Да въ то время въ С.-Петербургскихъ больницахъ между ординаторами рѣдко встрѣчался русскій, всѣ были или петербургскіе, или остзейскіе нѣмцы. Да и откуда было взяться русскимъ? Русскіе студенты медико-хирургической академіи того времени (единственнаго, какъ и теперь, высшаго учебно-медицинскаго учрежденія) были почти всѣ казенно-коштные, бѣдняки и поповичи; окончивъ курсъ, они поступали тотчасъ на службу, въ полки, уѣздные города и т. п. Въ Петербургѣ же оставались только сыновья петербургскихъ обывателей, а изъ петербургскихъ обывателей только нѣмцы посылали сыновей своихъ учиться въ академію, и это были дѣти докторовъ, чиновниковъ, учителей, ремесленниковъ, вообще изъ болѣе культурныхъ классовъ.

И между практиками врачами въ С.-Петербургѣ того времени нельзя было насчитать болѣе дюжины извѣстныхъ русскихъ именъ, включая сюда и имена нѣкоторыхъ профессоровъ-практиковъ медико-хирургической академіи.

Время мое все уходило на посѣщеніе госпиталей и приготовленія къ лекціямъ. Не мало операцій въ госпиталяхъ Обуховскомъ и Маріи Магдалины было сдѣлано мною въ это время и я, — какъ это всегда случается съ молодыми хирургами, — былъ слишкомъ ревностнымъ операторомъ, чтобы отказываться отъ сомнительныхъ и безнадежныхъ случаевъ. Меня, какъ и всякаго молодого оператора, занималъ не столько самъ случай, то есть самъ больной, сколько актъ операціи, — актъ, несомнѣнно, дѣятельнаго и энергичнаго пособія, но взятый слишкомъ отдѣльно отъ слѣдствій.

Мнѣ казалось въ то время несправедливымъ и вреднымъ для научнаго прогресса судить о достоинствѣ и значеніи операціи и хирурговъ по числу счастливыхъ, благополучныхъ исходовъ и счастливыхъ результатовъ.

Что дѣлать, когда сужденіямъ молодыхъ людей суждено быть иными и отличными отъ сужденій зрѣлаго возраста и стариковъ!

Не смотря на усиленную дѣятельность съ ранняго утра до поздней ночи, меня не тяготила эта жизнь; мнѣ жилось привольно въ своемъ элементѣ. Цѣлое утро въ госпиталяхъ, операціи и перевязки оперированныхъ, потомъ въ покойницкой Обуховской больницы изготовленіе препаратовъ для вечернихъ лекцій.

Лишь только темнѣло (въ Петербургѣ зимою между 3—4 час.), бѣгу въ трактиръ на углу Сѣнной и ѣмъ пироги съ подливкой. Вечеромъ въ 7 опять въ покойницкую и тамъ до 9; оттуда позовутъ куда нибудь на чай и тамъ до 12.—Такъ изо дня въ день.

Однажды, кто-то изъ докторовъ (кажется, Задлеръ) пригласилъ меня посѣтить большой сухопутный военный госпиталь на Выборгской. И госпиталь, и, въ особенности, завѣдывавшій имъ главный докторъ представились мнѣ чѣмъ-то фантастическимъ, изъ тысячи и одной ночи.

Старое зданіе госпиталя показалось мнѣ цѣлымъ городомъ; тутъ были и огромныя каменные постройки и деревянные дома и домики, занимавшіе цѣлыя улицы, и все это было переполнено больными, фельдшерами, служителями; по корридорамъ каменныхъ зданій и изъ одного дома въ другой шмыгаль безпрестанно этотъ многочисленный персоналъ, носилъ, приносилъ, переносилъ, шумѣлъ, бранился.

Но главный *sigisum* былъ самъ главный докторъ. Откуда у насъ выкопали такое допотопное, — нѣтъ, не допотопное, а просто невозможное животное, какимъ представлялся мнѣ докторъ Флоріо, — едва-ли кто рѣшитъ путемъ историческаго дознанія.

Мнѣ извѣстно было только, что Флоріо родомъ итальянецъ, принятъ на русскую службу, вѣроятно, еще въ 1812—1813 гг., любимецъ баронета Виллье, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ.

Постороннія лица, входившія во время докторскаго визита

въ одну изъ огромныхъ палатъ сухопутнаго госпиталя, не рѣдко могли быть свидѣтелемъ слѣдующей сцены.

Между рядами коекъ съ больными идетъ задомъ напередъ фельдшеръ, немного останавливается предъ каждою койкою и скороговоркою, на распѣвъ, рапортуетъ названіе болѣзни и лекарство въ такомъ родѣ, напримѣръ:

Pleuritis—Tartarus emeticus gr. jii, infus..... Unc. Sex; febris cattarrhalis — Sles ammoniaci drach. unam, decocti altheae unc. Sex, и т. п.

Обращенный лицомъ къ лицу фельдшера (идущему, какъ сказано, задомъ напередъ), идетъ главный докторъ; онъ держитъ въ рукѣ палку, на палкѣ надѣта его форменная фуражка; докторъ вертитъ палкою, съ которою вертится и фуражка, ногою притоптываетъ въ тактъ и пригѣваетъ громкимъ голосомъ съ итальянскимъ акцентомъ: „Сѣю, вѣю, Катерина! Сѣю, вѣю, Катерина!“

При каждой встрѣчѣ съ ординаторами и съ посторонними, докторъ пускается въ рассказы разныхъ сальностей на ломаномъ русскомъ языкѣ, съ постояннымъ повтореніемъ крѣпкаго русскаго слова.

Къ намъ, новымъ посѣтителемъ, докторъ Флоріо былъ, по своему, очень любезенъ и безпрестанно старался высказать свои научныя знанія. «C'est une fièvre, une inflammation de la membrane gastrointestinal». Это inflammation de la membrane gastrointestinal, долженствовавшее свидѣтельствовать о принадлежности доктора Флоріо къ бруссеистамъ, повторялось на каждомъ шагу и на каждомъ шагу слышалась ординація: venaesectio... ad libram unam, десять пиявицъ.

Проходить мимо старикъ ординаторъ, въ мундирѣ и безъ носа.

— „Остановитесь, кричитъ Флоріо; вотъ, рекомендую вамъ, господа, обращается онъ къ намъ, статскій совѣтникъ Сим....., думаетъ еще жениться и увѣренъ, что въ первую ночь исполнитъ свои обязанности; но это онъ, увѣряю васъ, напрасно такъ думаетъ. А! кстати, вотъ и другой, какъ видите, молодой, красивый человекъ, господинъ К.....; этотъ ничего лучшаго не знаетъ, какъ проводить все время въ Большой Мѣщанской съ прекраснымъ поломъ“.

И все это скороговоркою на ломаномъ русскомъ языкѣ.

Приходитъ въ женское отдѣленіе Флоріо, подходитъ прямо къ одной женщинѣ, солдаткѣ.

— „Что, еще не выздоровѣла? А!“ и затѣмъ, обращаясь къ палатному дежурному (унтеръ-офицеру), „а зачѣмъ ты съ нею ночью не спишь, а?..... сейчасъ выздоровѣть“.

Ничего подобнаго я вѣрно не увижу никогда и видѣлъ только разъ въ жизни, поэтому и считаю необходимымъ сохранить воспоминаніе о такомъ чудѣ-юдѣ въ моемъ дневникѣ.

Петербургскій климатъ и мои занятія не преминули-таки повліять на мой организмъ. И я опять занемогъ, но, слава Богу, другою, не рижскою болѣзью и не надолго. Это была навѣрное скрытая перемежающаяся лихорадка, прoderжавшая меня дня четыре въ постели.

И. Т. Спасскій, навѣщавшій меня съ другими врачами во время болѣзни, извѣстилъ меня отъ министерства, что чрезъ недѣлю назначено мнѣ чтеніе пробной лекціи въ академіи наукъ; я долженъ былъ самъ выбрать тему. Я выбралъ ринопластику, купилъ у парикмахера старый болванъ изъ *parieg maché*, отрѣзалъ у него носъ, обтянулъ лобъ кускомъ старой резиновой калоши и отправился съ этимъ сокровищемъ въ академическую залу, чтобы демонстрировать ринопластику по индѣйскому способу, модифицированному Диффенбахомъ.

Искусственный носъ былъ выкроенъ мною изъ резины на лбу и пришитъ *lege artis*. Я цитировалъ мои случаи въ Ригѣ и Дерптѣ, и ссылался на Диффенбаха.

Впечатлѣніе, произведенное моею лекціею на молодыхъ и старыхъ посѣтителей, было, повидимому, различное. Молодые всѣ отзывались съ большимъ сочувствіемъ и похвалою; нѣкоторые же изъ старыхъ отнеслись, какъ мнѣ казалось, недовѣрчиво къ сообщеннымъ мною фактамъ.

Рѣшенія изъ Дерпта о выборѣ меня въ совѣтъ все еще не было. Я началъ терять терпѣніе и написалъ къ Мойеру. Мойеръ долго не отвѣчалъ, а потомъ съ обычною своею флегмою объявилъ мнѣ, что «*Gutes Ding will Weile haben*», и извѣщалъ, что скоро самъ пріѣдетъ въ Петербургъ. Онъ, дѣйствительно, вскорѣ пріѣхалъ, но этимъ дѣло не ускорилося.

Уваровымъ Мойеръ остался очень недоволенъ и, странно, почему-то ему болѣе пришелся по сердцу Ширинскій-Шихма-

товъ, тогдашній директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія.

Впослѣдствіи я слышалъ, что и государь Николай Павловичъ былъ очень доволенъ направленіемъ Ширинскаго-Шихматова и за это сдѣлалъ его министромъ.

И Мойеръ сказалъ мнѣ однажды въ Петербургѣ, что Уваровъ ist ein Katzen-Schwanz, mann kann sich nicht auf ihn verlassen (льстецъ, на него нельзя положиться); а про Ширинскаго сказалъ: das ist ein positiver Mann, er ist reel (это человѣкъ положительный, человекъ дѣла).

Прошло еще два мѣсяца и я началъ уже бомбардировать Мойера письмами, объявивъ ему наконецъ, что рѣшаюсь принять каеэдру въ Харьковѣ, предложенную мнѣ черезъ Арендта попечителемъ гр. Головкинымъ.

Около этого времени (это было на масленицѣ) разыгралась въ Петербургѣ извѣстная катастрофа съ балаганомъ Лемана; я побѣжалъ въ Обуховскую больницу, куда свезли до 150 обгорѣлыхъ большею частію уже труповъ. Изъ нихъ сдѣлали выставку въ покойницкой и на дворѣ госпиталя, для родственниковъ погибшихъ. Привезенные въ больницу живыми были въ страшномъ видѣ. Ни прежде, ни послѣ мнѣ не приходилось видѣть у живыхъ еще людей ожоги, достигшіе такой степени разрушенія. Нѣсколько, съ совершенно обуглившеюся отъ огня головою, жили еще по цѣлымъ недѣлямъ. У нѣкоторыхъ вся голова до самой шеи представляла громадный кусокъ угля, отъ него можно было отнимать цѣлые пласты обугленныхъ тканей и странно было слышать голосъ и произносимыя слова, выходящія изъ куска угля.

Между тѣмъ, до меня доходили слухи, что выборъ меня въ совѣтъ былъ бурей въ стаканѣ воды.

Противъ меня возстали преимущественно теологи. Говорили, что дерптскіе богословы открыли какой-то законъ перваго основателя дерптскаго университета, Густава Адольфа шведскаго, по которому одни только протестанты могли быть профессорами университета.

Существовалъ-ли такой законъ или нѣтъ, Богъ его знаетъ, но при Николаѣ Павловичѣ на него нельзя было ссылаться. Это понимали, вѣроятно, не хуже другихъ и дерптскіе богословы.

Тѣмъ не менѣе, однако же, яблоко раздора было кинуто и со-
вѣтскіе споры длились до конца февраля 1836 г. Наконецъ, въ
мартѣ я получилъ извѣстіе о моемъ избраніи въ экстраординар-
ные профессора.

Матушку и сестеръ я не рѣшался перевезти изъ Москвы въ
Дерптъ. Такой переходъ, мнѣ казалось, былъ бы для нихъ впо-
слѣдствіи непріятенъ. И языкъ, и нравы, и вся обстановка были
слишкомъ отличны, а мать и сестры слишкомъ стары, а главное
слишкомъ москвички, чтобы привыкнуть и освоиться.

LXIX.

Святую 1836 г. я уже встрѣчалъ въ Дерптѣ. Не задолго до
моего прибытія, прибылъ туда и вновь назначенный изъ Петер-
бурга попечитель, гвардейскій генераль-маіоръ Крафтштремъ.
Я предсталъ предъ этого сына Марса и былъ имъ очень лю-
безно принятъ. Онъ привѣтствовалъ меня, какъ перваго русскаго,
избраннаго университетомъ въ профессора чисто научнаго пред-
мета. До сихъ поръ русскіе профессора въ Дерптѣ избираемы
были только для одного русскаго языка, и то за неимѣніемъ
вѣмцевъ, знакомыхъ хорошо съ русскою литературою.

На этомъ указаніи, что я первый изъ русскихъ и что этотъ
первый примѣръ совпадаетъ съ попечительствомъ его, Крафт-
штрема, все это и было предметомъ нашего разговора въ те-
ченіи добрыхъ получаса. Не надо было болѣе получаса, чтобы
узнать какого духа новый дерптскій попечитель....

Фронтоникъ до мозга костей, Крафтштремъ, вообще какъ
попечитель, оказался не худымъ человекомъ; могъ бы быть го-
раздо хуже, поступивъ съ сѣдла на попечительство.

Онъ былъ поэтому и предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ,
въ видѣ юмористическихъ анекдотовъ, изобрѣтавшихся на его
счетъ студентами и отчасти и профессорами. Мировоззрѣніе
Крафтштрема было, дѣйствительно, невозможное. Наука въ его
воззрѣніи была трехъ сортовъ: полезная до извѣстной степени,
вредная,—если не унять, то пожалуй и очень вредная,—и год-
ная, и даже необходимая для препровожденія времени и для
забавы людей со средствами.

Вотъ какъ однажды Крафтштремъ отнесся, съ глазу на глазъ, объ астрономіи. Это было по дорогѣ изъ Дерпта въ Петербургъ; Крафтштремъ ѣхалъ вмѣстѣ съ профессоромъ русскаго языка Росбергомъ, къ которому имѣлъ особое довѣріе въ то время. Лунная, прекрасная ночь; Росбергъ смотритъ на луну, припоминаетъ видѣнное имъ черезъ рефракторъ въ дерптской обсерваторіи и начинаетъ объяснять Крафтштрему видѣнныя имъ горы и пропасти на лунѣ.

Слушалъ, слушалъ его Крафтштремъ, да потомъ и говоритъ:

— Послушайте, любезный другъ, неужели вы вѣрите всѣмъ этимъ бреднямъ?

— „Какъ, восклицаетъ удивленный Росбергъ, да вѣдь это все неоспоримые факты, дознанные наукою!“

— Полноте, пожалуйста, успокоиваетъ Крафтштремъ, какіе тамъ факты, когда никто еще не бывалъ на небѣ и никто, по-этому, ничего и знать не можетъ.

Росбергъ, видя, что съ научной стороны Крафтштрема не проймешь, началъ съ другого бока.

— „Да какъ же это, ваше превосходительство, сталъ бы самъ Государь такъ заботиться о постройкѣ Пулковской обсерваторіи и отпускать такія громадныя суммы, если бы онъ не былъ увѣренъ, что астрономы, дѣйствительно, сдѣлали чрезвычайно важныя открытія?“

— Э! любезнѣйшій, замѣтилъ на это Крафтштремъ, развѣ вы не знаете, что у государей, какъ и у насъ всѣхъ, есть свои забавы; у насъ небольшія, по средствамъ, а у царей, конечно, все по нашему, дорогія. Почему же и нашему царю не потѣшитъ себя громадною, дорого стоящею обсерваторіею.

Обстановка моя въ Дерптѣ продолжалась не долго и обошлась мнѣ дешево. Рублей 200 за квартиру въ 4 комнаты въ годъ, и по 10—12 руб. въ мѣсяцъ за столъ. Можно было за столъ платить и дороже, и я это дѣлалъ, но за увеличенную плату увеличивалось только количество отпускаемой пищи, а не качество. Для прислуги явилась ко мнѣ опять моя добрая латышка Лена, прослужившая мнѣ цѣлыя 5 лѣтъ.

Вотъ я, наконецъ, профессоръ хирургіи и теоретической, и оперативной, и клинической. Одинъ, нѣтъ другого.

Это значило, что я, одинъ, долженъ былъ: 1) держать кли-

нику и поликлинику, по малой мѣрѣ, 2½ — 3 часа въ день; 2) читать полный курсъ теоретической хирургіи 1 часъ въ день; 3) оперативную хирургию и упражненія на трупахъ одинъ часъ въ день; 4) офтальмологію и глазную клинику 1 часъ въ день— итого 6 часовъ въ день.

Но шести часовъ почти никогда не хватало; клиника и поликлиника брали гораздо болѣе времени и приходилось 8 часовъ въ день. Положивъ столько-же часовъ на отдыхъ, оставалось еще отъ сутокъ 8 часовъ, и вотъ они-то, всѣ эти 8 часовъ, и употреблялись на приготовленія къ лекціямъ, на эксперименты надъ животными и на анатомическія изслѣдованія для задуманной мною монографіи и, наконецъ, на небольшую хирургическую практику въ городѣ.

Въ теченіе пяти лѣтъ моей профессуры въ Дерптѣ, я издалъ:

1) Хирургическую анатомію артеріальныхъ стволовъ и фасцій (на латинскомъ и нѣмецкомъ).

2) Два тома клиническихъ анналовъ (на нѣмецкомъ).

3) Монографію о перерѣзаніи Ахиллесова сухожилія (на нѣмецкомъ).

И сверхъ этого цѣлый рядъ опытовъ надъ живыми животными, произведенныхъ мною и подъ моимъ руководствомъ; доставилъ матеріалъ для нѣсколькихъ диссертаций, изданныхъ во время моей профессуры, а именно:

1) О скручиваніи артерій.

2) О ранахъ кишекъ.

3) О пересаживаніи животныхъ тваней въ серозныя полости.

4) О вхожденіи воздуха въ венозную систему, и

5) Объ ушибахъ и ранахъ головы.

Диссертации на послѣднія двѣ темы при мнѣ не были еще окончены.

Справедливость требуетъ замѣтить, что все сказанное совершено не въ 5 лѣтъ собственно, а въ 4 года, потому что я цѣлѣе 9 мѣсяцевъ оставался (въ 1837 — 1838 гг.) въ Парижѣ и потомъ въ Москвѣ, и цѣлыхъ 3 мѣсяца проболтался, такъ что не могъ ни чѣмъ серьезно заняться.

Итакъ, неоспоримо, существуютъ доказательства моей науч-

ной дѣятельности, съ самаго же начала вступленія моего на учебно-практическое поприще.

Но, другое дѣло, вопросъ—былъ-ли я тогда дѣйствительно тѣмъ, кѣмъ казался, или, вѣрнѣе, кѣмъ долженъ былъ быть, то есть былъ-ли я настоящимъ, дѣйствительнымъ—не кажущимся—профессоромъ хирургіи?

У насъ, въ Россіи, кандидатами на кафедре бываютъ только два сорта ученыхъ: во-первыхъ, заслуженные профессора, то есть большею частію старые или очень пожилые люди; во-вторыхъ, молодые люди, только-что окончившіе курсъ наукъ. Людей, подготовлявшихся довольно продолжительное время къ занятію кафедръ, у насъ или вовсе нѣтъ, или они такъ рѣдки, что почти никогда не являются конкурентами на занятіе кафедръ.

О первомъ сортѣ кандидатовъ на кафедры нечего распространяться; изъ 10-ти случаевъ въ 9-ти заслуженный профессоръ, остающійся на новое 5-ти-лѣтіе, дѣлаетъ это вовсе не изъ любви и не изъ привязанности къ наукѣ, а для полученія увеличеннаго вдвое оклада. Другой же сортъ кандидатовъ, къ которому принадлежалъ и я грѣшный, при вступленіи моемъ на кафедру хирургіи въ Дерптѣ, по истинѣ, не соотвѣтствуетъ, да и не можетъ соотвѣтствовать своему призванію.

Откуда могла взятъся та опытность, которая необходима для клиническаго учителя хирургіи? Правда, я за 4 года до вступленія на кафедру перешелъ за хирургическій Рубиконъ, сдѣлавъ мои двѣ первыя операціи въ клиникѣ Мойера: вылушеніе руки и перевязку бедряной артеріи (въ одно и то же время). Но ловко сдѣланная хирургическая операція еще не даетъ права на званіе опытнаго клинициста, которымъ долженъ быть каждый профессоръ хирургіи. Мало того, что молодой человекъ, какъ бы онъ даровитъ ни былъ, не можетъ имѣть достаточныхъ знаній, ему еще труднѣе пріобрѣсти добросовѣстную опытность.

Молодость, и именно даровитая, еще болѣе, чѣмъ посредственная, заносчива, самолюбива, а еще чаще—тщеславна.

Она, выступая на практическое поприще жизни, заботится всего болѣе о своей репутаціи,—и это естественно и даже похвально,—но она заботится не такъ, какъ слѣдуетъ: не хлопочетъ пріобрѣсти имя и почетъ внутренними своими, настоящими

достоинствами, а только внѣшнимъ образомъ, лишь бы хвалили и удивлялись, а за что—это не главное.

Вотъ этотъ зудъ похвалы и тщеславія и портить все въ молодости.

Служеніе наукѣ, вообще всякой, не иное что, какъ служеніе истинѣ.

Но въ наукахъ прикладныхъ служить истинѣ не такъ легко.

Тутъ доступъ къ правдѣ затрудненъ (для насъ) не одними только научными препятствіями, то есть такими, которыя могутъ быть и удалены съ помощію науки. Нѣтъ, въ прикладной наукѣ, сверхъ этихъ препятствій, человѣческія страсти, предразсудки и слабости съ разныхъ сторонъ вліяютъ на доступъ къ истинѣ и дѣлаютъ ее не рѣдко и вовсе недоступною.

Бороться за истину съ предразсудками, страстями и слабостями людей невозможно. Можно только лавировать; но не мнѣ трудно бороться и съ собственными страстями и слабостями, если мы въ юности, съ самаго дѣтства, не развили въ себѣ способности владѣть собою, а владѣть собою иначе нельзя, какъ черезъ познаніе самого себя.

Итакъ, для учителя такой прикладной науки, какъ медицина, имѣющей дѣло прямо со всѣми атрибутами человѣческой природы (какъ своего собственнаго, такъ и другого, чужого я), для учителя, говорю, такой науки необходимо, кромѣ научныхъ свѣдѣній и опытности, еще добросовѣстность, приобретаемая только труднымъ искусствомъ самосознанія, самообладанія и знанія человѣческой природы.

Дѣло ли это молодости? *Chirurgus debet esse adolescens* (хирургомъ долженъ быть взрослый), по словамъ Цельза.

Конечно, старость, притупляющая чувства, дѣлаетъ хирурга неспособнымъ.

И ничто не препятствуетъ молодымъ людямъ быть хирургами, но не учителями хирургіи. Это не одно и то же, и напрасно думать, что всякій ловкій и искусный хирургъ можетъ быть и хорошимъ наставникомъ хирургіи.

Есть время для любви.

Для мудрости—другое.

Какъ самоѣдъ, я не могъ не видѣть и не чувствовать, какъ много мнѣ недостаетъ знанія, опытности и самообладанія, чтобы

быть настоящимъ наставникомъ хирургіи. Я не былъ такъ недобросовѣстливъ, чтобы не понимать, какую громадную отвѣтственность предъ обществомъ и предъ самимъ собою (Бога и Христа у меня тогда не было) принимаетъ на себя тотъ, кто, получивъ съ дипломомъ врача нѣкоторое право на жизнь и смерть другого, получаетъ еще и обязанность передавать это право другимъ.

Но молодость легко устраняетъ нравственныя затрудненія и миритъ противорѣчія въ себѣ.

Я сознавалъ свои недостатки, но не могъ ихъ сознавать такъ, какъ теперь, когда я пережилъ ихъ и всѣ ихъ слѣдствія.

Да и теперь, анализируя, я сознаю, какъ трудно рѣшить, что было въ томъ или другомъ случаѣ главнымъ мотивомъ моихъ дѣйствій: суетность или истинное желаніе помочь и облегчить страданіе.

Ахъ, какъ это трудно рѣшить для человѣка, преданнаго своему искусству всею душою, когда вся цѣль этого искусства состоитъ въ леченіи и облегченіи людскихъ страданій.

Какъ ни мало вѣроятенъ успѣхъ операціи, какъ ни опасно для жизни ея производство, если оно васъ интересуетъ, какъ искусство, вы уже не можете совершенно безпристрастно взвѣсить шансы и опредѣлить, что вѣроятнѣе въ данномъ случаѣ: успѣхъ или гибель.

И чѣмъ моложе, чѣмъ ревностнѣе дѣятель, чѣмъ болѣе приверженъ онъ къ своему искусству, тѣмъ легче онъ упускаетъ изъ виду цѣль искусства и тѣмъ болѣе расположенъ дѣйствовать искусствомъ для одного искусства.

Да, да, „ne posegim veritus“ (да не поврежу сознательно) Галлера, запрещавшее ему, — опытнѣйшему анатому и физиологу, — дѣлать операціи на живыхъ людяхъ, — это есть выраженіе во очію нравственнаго чувства.

Каждый хирургъ долженъ бы былъ со своимъ *ne posegim veritus* приступать къ операціи.

Но это значило бы подчинить интересъ науки и искусства всецѣло высшему нравственному чувству.

Да, такъ должно бы быть; но тутъ являются другія соображенія, дѣлающія невозможнымъ рѣшеніе вопроса: какъ поступить въ сомнительномъ случаѣ, а такихъ случаевъ не десятки, а сотни.

Старикашка Рюль былъ правъ, когда онъ требовалъ отъ госпитальныхъ хирурговъ, чтобы они не иначе предпринимали операціи, какъ съ согласія больныхъ. Онъ раздосадовалъ меня однажды, явившись въ Обуховскую больницу въ тотъ самый моментъ, когда я приступалъ къ операціи аневризмы, и спросилъ больного, желаетъ-ли онъ операціи.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ.

— „Въ такомъ случаѣ, рѣшилъ Рюль, нельзя оперировать противъ желанія“.

Всѣ мы, молодые врачи, смѣялись надъ пуританствомъ Рюля, называли его козодоемъ, *sarpmulgus-europensis*, на котораго онъ былъ дѣйствительно похожъ, *hosentrompetr'*омъ, говорили также про него, что онъ приобрѣлъ себѣ почетъ въ петербургскомъ медицинскомъ мірѣ только тѣмъ, что умѣлъ ловко ставить промывательныя — все это говорилось и болталось только потому, что отжившій старикъ осмѣливается вмѣшиваться въ дѣла науки и искусства и вредить научнымъ интересамъ.

— Такъ, — говорили, — дойдетъ, пожалуй, до того, что у больныхъ въ госпиталяхъ надо будетъ испрашивать согласія на кровопусканіе, ставленіе банокъ и мушекъ.

Но всѣ понимали, однако же, что никто бы изъ насъ не захотѣлъ, чтобы его безъ спроса подвергли какой либо опасной процедурѣ, хотя бы и съ цѣлію спасти жизнь. А съ другой стороны, развѣ ктонибудь былъ бы въ претензіи за то, что спасли ему жизнь безъ его спроса, подвергнувъ его опасной процедурѣ.

Я предвижу, что больной непременно, не нынче завтра, изойдетъ отъ кровотечения изъ аневризмы, подвергаю его, не спрося его согласія, операціи — и спасаю.

Такъ я и разсуждалъ, приступая къ операціи, отмѣненной Рюлемъ за то, что не спросилъ сначала согласія больного.

Кто правъ, кто виноватъ?

Въ такихъ случаяхъ только голосъ собственной совѣсти можетъ рѣшить вопросъ для каждаго и, конечно, для каждаго рѣшить по своему.

Рюль былъ несомнѣнно правъ, ибо дѣйствовалъ несомнѣнно по глубокому убѣжденію въ томъ, что никто, больше самого больного, не имѣетъ права на его здоровье.

Я, можетъ быть, былъ также правъ. Можетъ быть,—говорю, потому что не знаю теперь, былъ ли я тогда убѣжденъ въ неминуемой опасности для больного потерять жизнь отъ кровотеченія и при томъ былъ ли я убѣжденъ, что опасность для жизни больного отъ кровотеченія изъ аневризмы превышаетъ опасность отъ операціи.

Да, собственная совѣсть, — другого средства нѣтъ, — должна рѣшать для истинно-честнаго хирурга вопросъ объ операціи, когда опасность, съ нею соединенная для жизни, кажется ему столько же значительною, какъ и опасность отъ болѣзни, противъ которой направлена операція. Но хирургъ въ этомъ случаѣ не всегда можетъ полагаться и на собственную совѣсть.

Научныя, не имѣющія ничего общаго съ нравственностію, занятія, пристрастіе и любовь къ своему искусству дѣйствуютъ и на совѣсть, склоняя ее, такъ сказать, на свою сторону. И совѣсть, въ такомъ случаѣ, рѣшая вопросъ о степени опасности, становится на сторону научнаго предубѣжденія. Совѣсть играетъ тутъ роль судьи или присяжнаго, основывающаго свое сужденіе на мнѣніи эксперта, а экспертъ тутъ — научныя свѣдѣнія того же самаго лица, совѣсть котораго призвана быть судьей. Тутъ предубѣжденію дорога открыта съ разныхъ сторонъ.

Съ одной стороны предубѣжденіе легко проникнетъ въ запасъ свѣдѣній; съ другой стороны, чрезъ это и самая совѣсть легко предубѣждается.

Современная наука нашла, какъ будто, болѣе надежное средство противъ предубѣжденій въ практической медицинѣ, — это медицинская статистика, основанная на цифрѣ. И совѣсти хирурга какъ будто сдѣлалось легче рѣшать безъ предубѣжденій.

Вотъ болѣзнь, отъ нея умираетъ, по статистикѣ, 60%; вотъ операція, уничтожающая болѣзнь, отъ нея умираетъ только 50%.

Совѣсти не трудно, значить, рѣшить по совѣсти, что опаснѣе — болѣзнь, предоставленная самой себѣ, или операція.

Но вотъ загвоздка.

Во первыхъ, эта статистика не есть еще нѣчто вполне определенное и не подлежащее ни сомнѣнію, ни колебанію; а во вторыхъ, почему же я буду знать, что въ данномъ случаѣ мой больной принадлежитъ именно къ числу 60 умирающихъ изъ 100, а

не къ числу 40 остающихся въ живыхъ? И кто мнѣ сказалъ, что въ случаѣ операціи мой больной будетъ относиться къ числу 50%, выздоравливающихъ, а не къ 50 умирающихъ?

Въ концѣ концовъ, не трудно убѣдиться, что и эта, повидимому такая вѣрная, цифра только тогда будетъ имѣть важное практическое значеніе, когда ей на помощь явится индивидуализированіе, — новая еще не початая отрасль знанія.

Когда изученіе человѣческихъ особей настолько подвинется впередъ, что каждую особь можно, по надежнымъ признакамъ, отнести къ той или другой рѣзко обозначенной категоріи; а свойства каждой категоріи противостоятъ внѣшнимъ и органическимъ (внутреннимъ) влияніямъ, будутъ извѣстны, — тогда и статистика, съ ея цифровыми данными, получить иное значеніе.

Могъ ли же я, молодой, малоопытный человѣкъ, быть настоящимъ наставникомъ хирургіи?!

Конечно, нѣтъ, — и я чувствовалъ это.

Но разъ поставленный судьбою на это поприще, что я могъ сдѣлать?

Отказаться? Да для этого я былъ слишкомъ молодъ, слишкомъ самолюбивъ и слишкомъ самонадѣянъ.

Я избралъ другое средство, чтобы приблизиться, сколько можно, къ тому идеалу, который я составилъ себѣ объ обязанностяхъ профессора хирургіи.

Въ бытность мою за границей я достаточно убѣдился, что научная истина далеко не есть главная цѣль знаменитыхъ клиницистовъ и хирурговъ.

Я убѣдился достаточно, что не рѣдко принимались мѣры въ знаменитыхъ клиническихъ заведеніяхъ не для открытія, а для затемнѣнія научной истины.

Было вездѣ замѣтно стараніе продать товаръ лицомъ. И это бы еще ничего. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, товаръ худой и недоброкачественный продавался за хорошій, и кому? — Молодежи — неопытной, незнакомой съ дѣломъ, но инстинктивно ищущей научной правды.

Видѣвъ все это, я положилъ себѣ за правило при первомъ моемъ вступленіи на кафедру ничего не скрывать отъ моихъ учениковъ, и если не сейчасъ же, то потомъ и немедленно открывать предъ ними сдѣланную мною ошибку, будетъ ли она въ діагнозѣ или въ леченіи болѣзни.

Въ этомъ духѣ я и написалъ мои клиническіе анналы, съ изданіемъ которыхъ я нарочно спѣшилъ, чтобы не дать повода моимъ ученикамъ упрекать меня въ намѣреніи выиграть время для скрытія правды.

Описавъ въ подробности всѣ мои промахи и ошибки, сдѣланныя при постели больныхъ, я не щадилъ себя и, конечно, не предполагалъ, что найдутся охотники воспользоваться моимъ положеніемъ и въ критическомъ разборѣ выставить снова на видъ, выставленные уже мною грѣхи мои. Охотники, однако же, нашлись. Мой хорошій петербургскій пріятель д-ръ Задлеръ написалъ огромную критическую статью въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ.

Въ этой большой статьѣ нашлось для меня одно полезное замѣчаніе, — это русская пословица, приведенная Задлеромъ въ концѣ его критики.

— „Терпи, казакъ, — атаманомъ будешь“.

Старикъ Хеліусъ въ 1862 году напомнилъ мнѣ объ этой пословицѣ, переведенной Задлеромъ для нѣмцевъ такъ: *Geduld, Kosak, wirst Ataman werden.*

Черезъ годъ, вскорѣ послѣ выхода первыхъ выпусковъ моей хирургической анатоміи, я былъ уже избранъ въ обыкновенные профессора.

Для изданія этого труда мнѣ нужны были: издатель-книгопродавецъ, художникъ-рисовальщикъ съ натуры и хорошій литографъ.

Не легко было тотчасъ же найти въ Дерптѣ трехъ такихъ лицъ.

Къ счастью, какъ нарочно въ тому времени явился въ Дерптъ весьма предприимчивый (даже слишкомъ, и послѣ обанкротившійся) книгопродавецъ Клуге. Ему, конечно безденежно, я передалъ все право изданія съ тѣмъ лишь, чтобы рисунки были именно такими, какіе я желалъ имѣть. Художникъ-рисовальщикъ — этотъ рисовальщикъ былъ тотъ же г. Шлатеръ, котораго нѣкогда я отыскалъ случайно для рисунковъ моей диссертациі на золотую медаль. Это былъ не геній, но трудолюбивый, добросовѣстный рисовальщикъ съ натуры. Онъ же, самоучкою, работая безъ усталы и съ самоотверженіемъ, сдѣлался и очень порядочнымъ литографомъ. А для того времени это была не шутка. Тогда литографовъ и въ Петербургѣ былъ только одинъ, и то незавидный. Первые опыты литографскаго искусства Шлатера и были рисунки моей хирургической анатоміи. Они удались вполне.

LXX.

Съ попечителемъ Крафтштремомъ, вначалѣ ко мнѣ весьма благоволившимъ, я не долго жилъ въ ладу, впрочемъ не по моей винѣ.

То было время дуэлей въ Дерптѣ. Періодическія дуэли то усиливались (я едва ли не тогда, когда ихъ преслѣдовали), то уменьшались.

Крафтштрему и ректору—дуэли, разумѣется, были не по сердцу, особливо случившіяся вскорѣ одна послѣ другой: одна мнимая, другая—дѣйствительная.

Русскій студентъ, сорви-голова, Хитрово, безнадежно вляпался въ одну прѣзжую замужную женщину. Желая всѣми силами обратить на себя вниманіе этой дамы, Хитрово придумалъ такую штуку: увидѣвъ предметъ своей любви на одномъ концертѣ, онъ бросился стремглавъ къ ректору съ донесеніемъ, что убилъ одного студента, на дуэли въ лѣсу, и передаетъ себя произвольно въ руки правосудія.

Ректоръ отправилъ Хитрово въ карцеръ, а самъ съ фонарями, педелами и полиціей отправился въ лѣсъ отыскивать трупъ убитаго.

Проискали цѣлую ночь и ничего не нашли.

На другой же день обазалось, что вся эта исторія выдумка вбалмошнаго влюбленнаго.

Другая же, дѣйствительная, даже надѣлала много хлопотъ Крафтштрему.

Нашли, дѣйствительно, убитаго студента въ лѣсу и, несомнѣнно, убитаго на пистолетной дуэли. Розыскивали не мало, но все оставалось шитымъ и крытымъ.

Въ это самое время ѣхалъ чрезъ Дерптъ за границу государь Николай Павловичъ. Можно себѣ представить, какъ струсилъ Крафтштремъ. Онъ явился съ докладомъ государю на почтовую станцію; государь не выходилъ изъ кареты и когда Крафтштремъ ему донесъ о случившемся, то государь прямо объявилъ ему:

— „Ну, что же; такъ разгони факультетъ“.

Вотъ тебѣ разъ. Что тутъ подѣлаешь? Разгони факультетъ— да какой, ихъ цѣлыхъ четыре, и какъ его разгонишь?

Вотъ въ это-то тревожное время и случись еще одна дуэль на студенческихъ геберахъ.

Рана была грудная и опасная. Меня позвали на третій день, когда уже развилось сильное воспаленіе плевры. Я дня два посѣщалъ раненаго, вскорѣ за тѣмъ отдавшаго Богу душу.

Меня призываютъ къ Крафтштрему.

— „Вы лечили раненаго на дуэли?“ спрашиваетъ онъ меня.

— Я.

— „Вы знали, что онъ былъ раненъ на дуэли?“

— Я могъ бы вамъ отвѣтить, что не зналъ, такъ какъ никто мнѣ не докажетъ, что я зналъ; но я не хочу вамъ лгать, и потому говорю: зналъ.

— „А когда знали, то почему не донесли по закону? Вы будете отвѣчать.“

„Назначается судъ, не университетскій, не домашній, а уголовный. Затѣмъ прощайте“.

Судъ, дѣйствительно, начался и меня притянули къ нему.

На судѣ я сказалъ то же самое, что мнѣ никто не докажетъ, что я зналъ о дуэли, но я сознаюсь, что зналъ, а не донесъ потому, что, во-первыхъ, твердо былъ увѣренъ въ существованіи доноса о дуэли и помимо меня; а во-вторыхъ, считалъ для раненаго вреднымъ судебное дознаніе, неизбежное, если бы я донесъ при жизни больнаго, находившагося въ опасности; по смерти же я дѣйствительно доносилъ по начальству о привлечившейся отъ грудной раны смерти, вслѣдствіе воспаленія въ плеврѣ.

Итакъ, эта дуэль разстроила меня съ Крафтштремомъ. Я пересталъ посѣщать его. Встрѣчаясь на улицѣ, мы не кланялись другъ другу. Я получилъ черезъ совѣтъ выговоръ отъ министра.

Натянутыя мои отношенія къ попечителю продолжались нѣсколько мѣсяцевъ.

Появленіе на свѣтъ 1-й части моихъ клиническихъ анналовъ доставило мнѣ, почти въ одно и то же время, пріятность и выгоду. Пріятно, чрезвычайно пріятно, было для меня привѣтъ и дружеское пожатіе руки профессора Энгельгардта.

Энгельгардтъ (профессоръ минералогіи), цензоръ и рев-

ностный піэтистъ, неожиданно является ко мнѣ, вынимаетъ изъ кармана одинъ листъ моихъ анналовъ, читаетъ вслухъ, взволнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ, мое откровенное признаніе въ грубѣйшей ошибкѣ діагноза, въ одномъ случаѣ причинившей смерть больному; а за признаніемъ слѣдовалъ упрекъ моему тщеславію и самолюбію. Прочитавъ, Энгельгардтъ жметъ мою руку, обнимаетъ меня и, разстроганный до нельзя, уходитъ.

Этой сцены я никогда не забуду; она была слишкомъ отрадна для меня.

Выгода, доставленная мнѣ анналами, (получена) съ другой, почти противоположной, стороны.

Въ то время, когда я писалъ свои анналы, въ Дерптѣ былъ распространенъ сифилисъ въ значительныхъ размѣрахъ между студентами и бюргерскою молодежью.

Полицейскихъ санитарныхъ мѣръ не существовало. Я, въ статьѣ о сифилисѣ, настаивалъ на безотлагательное введеніе этихъ мѣръ, говоря, что если предохранить слабыхъ дѣтей отъ паденія, то надо, по крайней мѣрѣ, сдѣлать паденіе это какъ можно менѣе вреднымъ.

Пошли толпы и я услышалъ, что Крафтштремъ читалъ эту статью нѣкоторымъ изъ вліятельныхъ городскихъ людей, причемъ хвалили меня за правду и нелицемѣріе.

Это случилось, именно, въ то время, когда я намѣревался воспользоваться университетскою суммою, назначенною для учебныхъ экспедицій, — поѣхать въ Парижъ для осмотра госпиталей. Это дѣло должно было идти черезъ попечителя. Я и отправился къ нему, обнадеженный слухами о расположеніи его ко мнѣ.

Пріемъ былъ, дѣйствительно, очень радушный; Крафтштремъ общалъ мнѣ полное содѣйствіе въ министерствѣ.

Въ январѣ 1837 г. я и отправился въ Парижъ, получивъ пособие отъ университета на путевыя издержки.

LXXI.

Тринадцать дней и ночей я ъхалъ, не отдыхая ни разу, изъ Дерпта до Парижа на Полангенъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Саар-брюкевъ и Мець. И не смотря на 13 ночей, проведенныхъ въ экипажѣ, я, по приѣздѣ въ Парижъ, тотчасъ же отправился осматривать городъ.

Парижъ не сдѣлалъ на меня особенно благопріятнаго впечатлѣнія въ хирургическомъ отношеніи. Госпитали смотрѣли угрюмо; смертность въ госпиталяхъ была значительная.

Самое пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня изъ всѣхъ парижскихъ хирурговъ Вельпо. Можетъ быть нравился онъ мнѣ и потому, что на первыхъ же порахъ сильно пощевоталъ мое авторское самолюбіе. Когда я пришелъ къ нему въ первый разъ, то засталъ его читающимъ два первые выпуска моей хирургической анатоміи артерій и фасцій. Когда я ему рекомендовался глухо: je suis un médecin russe (я русскій врачъ), то онъ тотчасъ же спросилъ меня, не знакомъ-ли я съ le professeur de Dorpat, m-g Pirogoff, и когда я ему объявилъ, что я самъ и есть Пироговъ, то Вельпо принялся расхваливать мое направленіе въ хирургию, мои изслѣдованія фасцій, рисунки и т. д., и тогда же познакомилъ меня съ англійскимъ специалистомъ въ наукѣ о фасціяхъ и, по мнѣнію Вельпо, весьма компетентнымъ въ этомъ дѣлѣ. Это былъ нѣкто Томсонъ, участвовавшій въ заговорахъ чарлистовъ и бѣжавшій изъ Англіи въ Парижъ.

Дѣйствительно, весьма дѣльный анатомъ, онъ называлъ себя, по своей спеціальности, fascia Tom, но чудакъ преоригинальнѣйшій. Всю жизнь свою въ Парижѣ онъ посвятилъ двумъ спеціальностямъ: изслѣдованію фасцій, съ изготовленіемъ превосходныхъ препаратовъ, и преслѣдованію профессоровъ. Для этой послѣдней цѣли онъ предпринялъ публикованіе разныхъ брошюръ, выходившихъ почти ежедневно въ свѣтъ изъ литографическаго станка. Брошюры были составляемы самимъ Томсономъ и нѣкоторыми весельчаками студентами и разносились ими же самими по зна-комымъ.

Мнѣ онъ надавалъ ихъ цѣлую груду, одну забористѣе другой: „L'art d'engraisser les professeurs“ (искусство откармливать профессоровъ), „Soi pour soi et chacun pour soi“ (всѣ для себя, и каждый тоже) etc. etc. Въ каждой изъ нихъ было собраніе скандаловъ, случившихся съ профессорами. Тутъ фигурировали особенно Бретгардтъ, анатомъ Бреше, молодой Шассеньякъ, получившій однажды пощечину отъ Томсона и судившійся съ нимъ въ Police correctionnelle.

Послѣ Вельпо, нѣсколько молодыхъ хирурговъ (учениковъ Дюпитрена) могли считаться настоящими представителями современной хирургіи: Бланденъ—Hotel Dieu; Жоберъ—Hôpital St. Louis; Robert. Специалисты по литотрипсию Амюсса, Сивіаль и Леруа d'Etoile составляли истинную славу тогдашней французской хирургіи (Heutereloup фигурировалъ въ то время въ Лондонѣ). Амюсса пригласилъ меня на свои домашнія хирургическія бесѣды. Онѣ были весьма интересны, но на французскій ладъ, какъ всѣ курсы въ Парижѣ; привлекательны, но фразисты и не рѣдко пустопорожни.

Услыхавъ на этихъ бесѣдахъ, куда приглашались Амюсса всѣ пріѣзжавшіе въ Парижъ иностранные врачи (между прочими Аст. Куперъ, Диффенбахъ), что Амюсса все еще поддерживаетъ свое ложное мнѣніе о совершенно прямомъ направленіи мочевого канала (у мужчинъ), я заявилъ ему о результатѣ моего изслѣдованія направленія мочевого канала на замороженныхъ трупахъ, совершенно противорѣчащихъ мнѣнію его, и когда онъ голословно отвергъ результаты моихъ изслѣдованій, то я предложилъ ему состязаніе на слѣдующей лекціи, для которой я взялся и изготовить препараты, которые должны доказать справедливость моего убѣжденія. Я и притащилъ на слѣдующую лекцію разрѣзы таза, которыми я доказывалъ ему и нелѣпость его возрѣній на отношеніе мочевого канала къ предстательной желѣзѣ.

Конечно, Амюсса, не смотря на всю наглядность моихъ доказательствъ, не соглашался. Люди, а особливо ученые и еще особливо тщеславные французы, съ предвзятымъ мнѣніемъ, никогда не соглашаются въ ошибкахъ и заблужденіяхъ. Но для меня довольно было и того, что я видѣлъ, какъ новъ былъ для Амюсса мой способъ изслѣдованія. Я доволенъ былъ еще и тѣмъ, что оставшаяся

часть присутствовавшихъ на этомъ состязаніи молодыхъ врачей не была на сторонѣ его.

Не отрадное впечатлѣніе произвели на меня и двѣ другихъ хирургическихъ знаменитости—Ру и Лисфранкъ.

Лисфранкъ, какъ профессоръ, былъ, въ полномъ смыслѣ, французскій нахаль и благерь-крикунъ, рослый, плечистый, одаренный голосомъ такимъ, который можно слышать за версту. Лисфранкъ тѣмъ только и привлекалъ на свои клиническія лекціи, что кричалъ во все горло, въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ, противъ всѣхъ своихъ товарищей по ремеслу.

„Ces per-r-goquets de la medicine“ (обезьяны медицины), раздавалось безпрестанно въ его аудиторіи, когда онъ говорилъ не о себѣ, а о другихъ. *Ce brigand du bord le l'eau* (береговой разбойникъ), это было прозваніе, данное имъ нѣкогда Дюпитрену. *Ce chirurgien menuisier*—это былъ Ру; *Velreau* назывался на языкѣ Лисфранка *vil-reau* (подлая шкура) и т. п.

Не смотря на все это, Лисфранкъ былъ, дѣйствительно, замѣчательный хирургъ и клиницистъ своего времени, хотя и скрывавшій зачастую свои промахи и ошибки.

Что касается до Ру, данное ему Лисфранкомъ прозвище „столяра“ было, надо сознаться, весьма мѣтко. Огромная, полуѣсковая опытность не сообщала знаменитому оператору никакого строго-научнаго авторитета.

Гораздо выше стояла въ то время научная дѣятельность французскихъ діагностовъ и клиницистовъ по внутреннимъ болѣзнямъ: Андраль, Луи, Шомель, Рустень, Крювелье и даже, увлекавшійся до крайности, Бульо—были истинными представителями научной медицины того времени.

Всѣ *privatissima*, взятыя мною у парижскихъ специалистовъ, не стоили выѣденнаго яйца и я понапрасну только потерялъ мои луидоры.

Лица, дававшія *privatissima*, большею частію *agrégés* (адъюнкты-профессора), не имѣли никакого права на доставленіе своимъ слушателямъ разныхъ демонстративныхъ пособій—труповъ, препаратовъ, клиническихъ случаевъ, и всѣ лекціи ихъ заключались въ одномъ говореньи или нелѣпныхъ упражненіяхъ на ва-

комъ нибудь импровизирующемъ фантомъ, какъ напримѣръ у литотритера Labut, на сухомъ бычачьемъ пузырьѣ, со вложеннымъ въ немъ кускомъ мѣла; а одинъ изъ этихъ господъ (m-r Beaux) ухитрился читать мнѣ свое *privatissimum* о стетоскопѣ у себя на квартирѣ, предъ пылающимъ каминомъ. Я не докончилъ слушанія ни одного *privatissimum* и не имѣлъ терпѣнія выдержать болѣе половины назначеннаго числа лекцій.

Мои занятія въ Парижѣ состояли исключительно въ посѣщеніи госпиталей, анатомическаго театра и бойни для вивисекцій надъ больными животными (лошадьми).

Это былъ единственный *privatissimum* Амюсса съ демонстраціями на живыхъ животныхъ. Но самъ Амюсса рѣдко являлся на живодерню. И вотъ, чтобы воспользоваться рѣдкимъ у насъ случаемъ вивисекцій на больныхъ животныхъ, я и нѣсколько молодыхъ американскихъ врачей устроили между собою маленькое общество съ тѣмъ, чтобы производить вивисекціи въ живодернѣ на общій счетъ.

Тутъ я имѣлъ случай, въ первый разъ въ жизни, присмотрѣться къ разнымъ, для насъ невѣдомымъ и чуждымъ, свойствамъ американцевъ.

Бдемъ мы, напримѣръ, вмѣстѣ на живодерню, мимо какой нибудь мясной лавки. „Стой!“ кричатъ извозчику американцы, и высказываютъ смотрѣть на сегодняшнюю таксу на мясо, начинаютъ торговаться, спорить съ мясникомъ. Пріѣхали мы на бойню, начинается споръ изъ-за таксы съ извозникомъ, и мнѣ никакъ не позволялось уплатить что нибудь лишнее, лишь бы отдѣлаться поскорѣе отъ извозчика.

А вотъ, однажды, такъ и со мной заводитъ исторію одинъ американецъ изъ-за кроваваго пятна, которое я нечаянно сдѣлалъ на рукавъ его байковаго пиджака. Едва я могъ укротить, возбѣшеннаго моею неосторожностію, янки, клянясь ему, что не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія его оскорбить или причинить ему изъязнъ, и готовъ тотчасъ же вознаграждать его за причиненный ему убытокъ,—такъ называю я кровавое пятно на рукавъ поношеннаго, темно-бураго байковаго пиджака.

Кромѣ Парижа, я дѣлалъ нѣсколько разъ экскурсіи изъ Дерпта въ Москву (3 раза), Ригу и Ревель.

Побывавъ въ Москвѣ, я имѣлъ случай сравнить мое дерптское житье-бытье съ житьемъ въ Москвѣ старыхъ товарищей.

Разумѣется, всего болѣе интересовала меня жизнь моего прежняго товарища по хирургіи, Иноземцева, тѣмъ болѣе, что ему суждено было занять назначенное для меня мѣсто. Оказалось, что Иноземцевъ пошелъ въ гору по практикѣ и дѣлалъ однимъ изъ первыхъ врачей-практиковъ Бѣлокаменной. Рассказывали потомъ, что онъ учредилъ у себя на Нивитской (гдѣ онъ жилъ) товарищество изъ молодыхъ врачей, раздѣлявшихъ съ нимъ практику въ городѣ; а по случаю этого товарищества связывали, какъ относилась къ нему публица Гостиннаго двора и Охотнаго ряда. Одинъ гостинодворецъ, повѣствовало мнѣ, страдавшій весьма упорною язвою на ногѣ, обратился въ клинику профессора Овера, который и отнесся съ вопросомъ къ больному, гдѣ онъ до сихъ поръ и какъ лечился, на что и получилъ весьма характерный отвѣтъ:

— „Да были у меня разъ нѣсколько молодцовъ съ Нивитской, а потомъ и хозяинъ самъ былъ“.

Иноземцевъ не былъ научно рациональный врачъ въ современномъ значеніи, хотя онъ и постоянно толковалъ о рационализмѣ, мыслящихъ врачахъ и т. п.

Но Иноземцевъ отъ природы былъ хорошій практикъ, имѣлъ тактъ, снаровку и смекалку. Иноземцевъ былъ терапевтической діагностъ; я послѣ когда нибудь скажу что подъ этимъ названіемъ разумѣю я.

Особливо одинъ, дѣйствительно, замѣчательный случай возвысилъ Иноземцева въ медицинскомъ практическомъ мірѣ. Это было всѣмъ извѣстное лицо, прошедшее чрезъ руки всѣхъ петербургскихъ и большей части московскихъ врачей. Больной страдалъ кровавою рвотою съ болями подъ ложечкою и слабостью.

Профессоръ Бушъ и другіе врачи въ Петербургѣ считали болѣзнь за ракъ желудка. Иноземцевъ узналъ изъ тщательнаго анализа, что больной страдалъ прежде болями и припухlostію большого пальца ноги, принялъ болѣзнь за arthritis, поставилъ мушку на большой палецъ ноги, прежде болѣвшій, и хроническая рвота прекратилась; больной выздоровѣлъ.

Второй случай, доказавшій способность Иноземцева находить

правильныя показанія въ употребленію того или другого способа леченія, встрѣтился у него въ клиникѣ и описать былъ въ нѣкоторыхъ журналахъ.

Это былъ громадный медулярный саркомъ глаза, постепенно атрофировавшійся при употребленіи амигдалина (?) (внутри) въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Гипсовый отлѣпокъ съ этого больного я видѣлъ при посѣщеніи мною клиники Иноземцева.

Въ первое время своей профессуры въ Москвѣ, Иноземцевъ не былъ счастливъ. Спустя два года послѣ занятія этой кафедрой, Иноземцевъ проѣзжалъ за границу, черезъ Петербургъ, гдѣ мы и встрѣтились; онъ до такой степени показался мнѣ тогда жалкимъ и убитымъ, что я искренно пожалѣлъ о немъ, хотя въ глубинѣ души неволью думалось: „вотъ, ништо тебѣ, это за то, что отбилъ мѣсто и пошелъ не на свое!“

Право, мнѣ казалось тогда, что Иноземцевъ былъ не въ своемъ умѣ, до того странно были его рассказы о причиняемыхъ ему каверзахъ; оперированные у него умирали въ клиникѣ отъ того, что ассистенты нарочно портили раны и отравляли больныхъ и т. п. Потомъ вся эта мономанія прошла безслѣдно, но онъ остался такимъ, какимъ и прежде былъ,—фанатикомъ разныхъ предположеній, и этотъ-то фанатизмъ онъ и считалъ медицинскимъ раціонализмомъ. Этотъ фанатическій раціонализмъ и заставилъ Иноземцева быть періодическимъ приверженцемъ различныхъ способовъ леченія. Одно время онъ восторженно превозносилъ lapis haemostriticus противъ всѣхъ возможныхъ кровотеченій; а другое время—amygdalin (?) дѣлался панацеею противъ раковъ; а во время холеры нашлись капли, извѣстныя и до сихъ поръ подъ именемъ „иноземцевскихъ“, которыми онъ, по его мнѣнію, спасалъ всѣхъ больныхъ отъ холеры, если только успѣвалъ во время захватить болѣзнь.

Этими знаменитыми каплями снабдилъ онъ и меня при нашемъ послѣднемъ свиданіи въ Москвѣ въ 1854 г.

Я заѣхалъ тогда къ Иноземцеву проѣздомъ чрезъ Москву въ Севастополь; обѣдалъ у него, послѣ обѣда почувствовалъ схватки въ животѣ, вслѣдствіе чего и получилъ на дорогу драгоцѣнную панацею съ наставленіемъ какъ ее употреблять противъ холеры. Иноземцева съ тѣхъ поръ я не видалъ уже болѣе ни разу, а

бутылку съ его каплями привезъ нетронутою изъ подъ стѣнъ Севастополя.

Однажды, въ бытность мою въ Москвѣ, товарищи посоветовали мнѣ сдѣлать визитъ попечителю Строгонову, увѣривъ меня, что это будетъ ему очень пріятно. Я рѣшился, но Строгоновъ принялъ меня, профессора другого университета, такъ, какъ будто онъ стоялъ предо мною на высотѣ трона; стоя, не пригласивъ сѣсть,—за что я и самъ сталъ на дыбы, отвѣчалъ отрывисто, прекратилъ разговоръ почти на серединѣ, раскланялся и ушелъ.

Нашъ дерптскій Крафтштремъ, хотя и неотесанный фронтовикъ, не пріучилъ насъ въ такому приему.

О моихъ ежегодныхъ экскурсіяхъ въ вакаціонное время въ Ригу и Ревель я долженъ упомянуть, что онѣ оставили у меня много разнаго рода воспоминаній. Одинъ изъ моихъ пріятелей называлъ эти экспедиціи, по множеству проливавшейся въ нихъ крови, чингисханскими нашествіями. Но оставшіяся у меня воспоминанія вовсе не кровавыя; кровавыя помѣщались въ хирургическихъ анналахъ,—а тихія и пріятныя.

Впрочемъ, поѣздка въ Ригу могла бы сдѣлаться памятною на цѣлую жизнь; но тихою ли и пріятною, это одному Богу извѣстно.

Дѣло въ томъ, что въ Ригѣ, въ 1837 году, я чуть было не сдѣлалъ предложенія одной дѣвушкѣ, вовсе еще не расположенный такъ рано жениться. Тотчасъ, по пріѣздѣ въ Ригу, я познакомился съ семействомъ главнаго доктора военнаго госпиталя (родомъ серба). Семейство его состояло изъ жены доктора, очень умной и образованной нѣмки, и 3 дочерей.

Однажды, подгулявъ за обѣдомъ, данномъ мнѣ рижскими врачами, мы съ главнымъ докторомъ отправились къ нему въ госпиталь; расположенный послѣ шампанскаго въ болтовнѣ, я вдругъ задаю моему спутнику вопросъ: какъ онъ думаетъ, хорошо ли я поступлю, сдѣлавъ предложеніе одной мнѣ знакомой и ему извѣстной барышнѣ?

Конечно, онъ не могъ не замѣтить о комъ шла рѣчь. Но отвѣчалъ весьма уклончиво, въ такомъ родѣ, что молъ такъ, черезъ годъ, когда вы опять сюда пріѣдете, будетъ удобнѣе.

Я привкусилъ языкъ и тотчасъ же перемѣнилъ разговоръ.

Съ той минуты не было и помину о предложеніи.

На другой годъ, проѣзжая черезъ Ригу въ Парижъ, я сдѣлалъ визитъ этому семейству и отецъ, старый докторъ, замѣтно употреблялъ разные маневры, чтобы снова возбудить во мнѣ охоту сдѣлать предложеніе. Но было поздно; я притворился, что ничего не замѣчаю, отобѣдалъ, распростился и уѣхалъ. Богъ знаетъ, кто изъ насъ двоихъ былъ глупѣе: отецъ невѣсты или я.

Мои лѣтнія экспедиціи въ Ревель продолжались и тогда, когда я переѣхалъ изъ Дерпта въ Петербургъ. Я любилъ Ревель; въ немъ и послѣ Дерпта, и послѣ Петербурга я отдыхалъ и тѣломъ и душою.

Я цѣлые 30 лѣтъ, не пропуская почти ни одного года, купался въ морѣ (прежде въ Балтійскомъ, потомъ въ Черномъ и, наконецъ, въ Средиземномъ) и чувствовалъ себя всегда укрѣпленнымъ и поздоровѣвшимъ послѣ купаній; только въ Соренто, около Неаполя, морскія купанья подѣйствовали на меня не ладно и взволновали мой кишечный катарръ, можетъ быть и отъ того, что они были соединены съ непривычнымъ режимомъ (горячительнымъ виномъ, пищею на прованскомъ маслѣ съ разными итальянскими приправами).

Но, кромѣ купаній, Ревель оставилъ во мнѣ пріятныя воспоминанія на цѣлую жизнь тѣмъ, что я проводилъ въ немъ время и какъ женихъ съ невѣстою, при первой моей женитьбѣ, и съ молодою женою и дѣтьми, послѣ моего второго брака.

Въ Ревелѣ жило семейство моего хорошаго пріятели по университету, д-ра Эренбуша. Мы проводили пріятно время вмѣстѣ въ его загородномъ домѣ (въ Еватериненталѣ); въ Ревелѣ знакомился я ежегодно съ интересными личностями, пріѣзжавшими изъ Петербурга.

Такъ, однажды, я познакомился въ Ревелѣ съ графиней Рас-топчиною (поэтомъ) и у ней же узналъ князя Вяземскаго и Толстого.

Это былъ весьма замѣчательный годъ наплывомъ разныхъ знаменитостей изъ Петербурга; между прочими, одного богача-откупщика, страшно безобразнаго, съ какимъ-то жирнымъ, лосня-

щимся, отвратительнымъ лицомъ, и г-на Ш....., директора или инспектора одного изъ военныхъ учебныхъ заведеній и любимца Ростовцева, также прїѣзжавшаго въ тотъ годъ въ Ревель.

Растопчина весьма изумила меня своею привычкою жевать бумагу. Передъ нею на столѣ ставилась всегда коробка съ длинными полосками тонкой почтовой бумаги, и графиня, никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняясь, постоянно несла одну бумажку въ ротъ, вслѣдъ за другою. Мы разговорились за столомъ объ этой оригинальной страсти жевать бумагу и каждый сталъ предлагать средства противъ этой страсти.

— Я вамъ скажу самое вѣрное, замѣтилъ Толстой, попросите откупщика N N, чтобы онъ вашу бумагою вытеръ себѣ лицо. и я увѣренъ, что тотчасъ же отвыкнете жевать ее.

Ш..... съ откупщикомъ не ладили; послѣ объяснилась причина: и Ш....., и откупщикъ были очень уродливы. И тотъ, и другой, взятые вмѣстѣ, составили бы одного порядочнаго Квазимоду.

Уроженецъ Кавказа Ш..... усвоилъ себѣ тамъ нѣжное обращеніе съ мальчиками и потому не любилъ женскаго пола. Откупщикъ, напротивъ, какъ телецъ упитанный, живущій себѣ въ сласть, постоянно болталъ о женскомъ полѣ и позволялъ себѣ всякаго рода сальности. Ему не могло не казаться страннымъ это отвращеніе отъ женщинъ, и онъ вѣрно догадывался о причинѣ. Съ другой стороны и Ш..... была не по нутру догадливость откупщика.

Могъ ли я, находясь ежедневно въ обществѣ этихъ двухъ господъ и проводя съ Ш..... цѣлыя часы въ прогулкахъ, подзрѣвать, что этотъ умный, талантливый и весьма образованный уродъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ уличенъ въ самомъ безнравственномъ уголовномъ преступленіи.

Любимецъ Ростовцева, любимецъ вел. кн. Михаила Павловича, Ш..... въ одно прекрасное утро попался au flagrant délit и былъ уличенъ своими питомцами въ половыхъ сношеніяхъ съ ними, систематически имъ организованными. Итакъ родители будущихъ сыновъ Марса узнали въ одно прекрасное утро, что архипедагогъ учебныхъ заведеній, фаворитъ великихъ

міра сего, посвящала, въ теченіи многихъ лѣтъ, цѣлыя поколѣнія своихъ питомцевъ въ мистеріи греческой любви.

И какъ обворожителенъ, остроуменъ, любезенъ онъ былъ въ обществѣ, только не дамъ; о чемъ вамъ угодно, о всѣхъ возвышенныхъ предметахъ говорилъ умно, отчетливо и горячо этотъ замѣчательный рахитизъ. У Ш....., кромѣ искривленія колѣнъ, и голова, и позвоночный столбъ носили на себѣ явные слѣды англійской болѣзни.

Дѣло Ш....., надѣлавшее столь много шума, вскорѣ заглохло....

При Николаѣ Павловичѣ не любили долго распространяться о скандалахъ, съ участіемъ лицъ отъ правительства. Я долго послѣ этой исторіи вспоминалъ загадочныя циническія усмѣшки и подмигиванія откупщика при взглядѣ на Ш....., такъ злившія его въ Ревелѣ.

Говоря о моихъ знакомствахъ въ Ревелѣ, я забѣгаю впередъ и встать уже говорю и о тѣхъ, которыя я дѣлалъ потомъ, пріѣзжая въ Ревель изъ Петербурга. Къ такимъ я отношу одно интересное знакомство съ семействомъ Моллера и Глазенапа.

Федоръ Моллеръ (сынъ бывшаго морскаго министра), сначала военный (адъютантъ Паскевича), потомъ художникъ (живописецъ), замѣчателенъ былъ для меня тѣмъ, что правая рука, владѣвшая такъ прекрасно кистью, была поражена давно костянымъ наростомъ (osteide), занявшимъ все запястье и всю пясть этой руки. Сверхъ этого, Моллеръ, впрочемъ, крѣпкій на видъ, здоровый и красивый мужчина, пріѣхавъ изъ Италіи на сѣверъ, схватилъ сильную невралгію сѣдалищнаго нерва (Ischias); я помогъ ему холодными душами, послѣ того какъ онъ перепробовалъ безъ пользы множество другихъ средствъ.

При этомъ-то случаѣ я познакомился и съ сестрою Моллера, Эмилиєю Амосовною Глазенапъ. Въ этотъ годъ скончался старикъ Моллеръ, министръ, — и Эмилія Амосовна, очень любившая отца, впала въ нервно-истерическое состояніе, заставлявшее ее поминутно, безъ всякой видимой причины, плавать; сверхъ этого, это была особа отъ роду необыкновенно впечатлительная и при томъ увлекающаяся до нелзя и разсѣянная. Примѣры ея увлеченій и разсѣянности встрѣчались на каждомъ шагу. То вдругъ, при самомъ обыкновенномъ разговорѣ, она вскакивала и вскри-

кивала: нѣтъ, нѣтъ, *c'est impossible, c'est plus qu'impossible*, то восхищалась также неожиданно какимъ нибудь выраженіемъ.

Э. А. Глазенапъ страстно любила музыку, сама играла и пѣла, но въ пѣніе она вкладывала, увлекаясь, столько чувства, что искусство ея казалось для посторонняго человѣка чѣмъ-то напукснымъ, неестественнымъ, пересоленнымъ.

Такъ во всемъ. Братъ ея мнѣ рассказывалъ, что Эмилиа Амосовна, однажды, на большомъ домашнемъ концертѣ, стоя за стуломъ пѣаниста, до того увлеклась гармоніею, что, забывшись, начала пальцами водить по головѣ артиста, потомъ зацѣпилась чѣмъ-то за длинные его волосы и къ ужасу всѣхъ присутствующихъ обнажила его плѣшивую голову. Приподнятый съ головы парикъ висѣлъ на крючкѣ платья Эмилиа Амосовны.

Прибывъ вмѣстѣ съ больнымъ еще братомъ въ Ревель. Эмилиа Амосовна хотѣла и полечить себя отъ несносной истерической тоски; мужъ, капитанъ-лейтенантъ Богданъ Александровичъ Глазенапъ, былъ гдѣ-то при флотѣ за границею. Я ей посоветовалъ морскія купанья и, какъ можно болѣе, движенія на чистомъ воздухѣ. А между прїѣзжими я считался знаткомъ по части ревельскихъ прогулокъ, и дѣйствительно я исходилъ пѣшкомъ всѣ ближнія окрестности и зналъ всѣ хотя сколько нибудь живописныя мѣста. Такимъ образомъ мы и составляли ежедневно trio (Е. А. Глазенапъ, Федоръ Моллеръ и я) для прогулокъ за городомъ. Къ намъ присоединялся иногда и докторъ Н. Ф. Здекауеръ.

Прогулки приносили очевидную пользу, истерическіе припадки и грустное настроеніе духа прошли, а между тѣмъ, ревельскіе и петербургскіе сплетники и сплетницы подсмѣивались надъ нашими прогулками, называя ихъ, въ насмѣшку: ботаническими экскурсіями доктора Пирогова и м-те Глазенапъ. Это глупое хихиканье дошло и до Двора. Въ то время проѣзжала черезъ Ревель одна изъ княгинь; встрѣтивъ Богдана Александровича на пароходѣ, она обратилась съ усмѣшкою къ нему и спрашивала: слышалъ-ли онъ, что его жена занимается ботаническими экскурсіями съ докторомъ Пироговымъ? Хорошо, что Богданъ Александровичъ зналъ отлично

правы и обычаи жены и потому, нисколько не сконфузясь, отвѣчалъ какою-то шуткою.

Семейство Глазенапъ (мужъ и жена) оставались долго нашими добрыми пріятелями все время, пока мы жили въ Петербургѣ; потомъ пространство раздѣлило насъ. Архангельскъ (гдѣ Глазенапъ былъ губернаторомъ) и Одесса или Кіевъ (гдѣ я былъ попечителемъ, потомъ Германія, гдѣ я жилъ четыре года), Николаевъ, гдѣ Глазенапъ былъ военнымъ губернаторомъ; наконецъ, Подольская губернія (мое имѣніе) и Петербургъ, гдѣ Глазенапъ и теперь еще (октябрь 1881 г.) служить, — это все такая даль, такіа разстоянія, что давно уже, лѣтъ 15, мы не видались.

Въ Ревелѣ же, наконецъ, возобновилъ я старое знакомство съ моимъ товарищемъ по Берлину и, вмѣстѣ съ нимъ, завелъ новое съ лицомъ, не менѣе интереснымъ, какъ и мой старый товарищъ, но крайне подозрительнымъ.

Какъ-то нечаянно я встрѣчаю въ морскихъ купальняхъ знакомое лицо; всматриваюсь и узнаю, что это Н. Ив. Крыловъ, профессоръ римскаго права въ московскомъ университетѣ.

— „Ба, ба, ба! ты зачѣмъ здѣсь очутился?“ спрашиваю я его.

— Да, вотъ, проѣздомъ изъ Петербурга, хочу попробовать выкупаться въ морѣ. Я, чай, вода-то тутъ у васъ холодная, прохладная? А (эта частица „а“ прибавлялась Крыловымъ къ каждому періоду), а, вотъ, рекомандую моего друга, главнаго врача при морскихъ купальняхъ и ваннахъ, доктора Эренбуша. Познакомтесь, господа, мой старый товарищъ профессоръ Крыловъ.

— „Очень рады“.

— „Ну, что, Эренбушъ, сегодня вода въ морѣ, спросилъ я подмигнувъ Эренбушу, холодна?“

— „О, нѣтъ! отвѣчаетъ Эренбушъ, очень пріятная, въ самую пору“.

Мы раздѣваемся и идемъ купаться. Первый входитъ въ воду Крыловъ, но какъ только окунулся, такъ сейчасъ же благимъ матомъ назадъ; трясясь, какъ осиновый листъ, посинѣвъ, Крыловъ бѣжитъ изъ воды, крича дрожащимъ голосомъ:

— Подлецы, вѣмцы!

Мы хохотали до упаду при этой суетѣ. Это было такъ по русски, и именно по московски: „нѣмцы подлецы“. Зачѣмъ вода холодна—нѣмцы подлецы, жида подлецы, всѣ подлецы, потому что я глупъ, потому что я неостороженъ и легковѣренъ.

Потѣха продолжалась цѣлый день потомъ.

Съ Крыловымъ нельзя было не смѣяться. Онъ сталъ рассказывать намъ свое похождение съ генераломъ Дубельтомъ. Крыловъ былъ цензоромъ, и пришлось имъ въ этотъ годъ цензуровать какой-то романъ, надѣлавшій много шума. Романъ былъ запрещенъ главнымъ управленіемъ цензуры, а Крыловъ вызванъ къ петербургскому шефу жандармовъ, Орлову. Вотъ объ этомъ-то дѣлѣ и надо было подсунуть представленіе. Крыловъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, разумѣется, въ самомъ мрачномъ настроеніи духа и является прежде всего къ Дубельту, а затѣмъ, вмѣстѣ съ Дубельтомъ, отправляются къ Орлову. Время было сырое, холодное, мрачное.

— Проѣзжая по Исаіевской площади, мимо монумента Петра Великаго, Дубельтъ, закутанный въ шинель и прижавшись къ углу коляски, какъ будто про себя, — такъ рассказывалъ Крыловъ — говорить:

— „Вотъ бы кого надо было высѣчь, это Петра Великаго, за его глупую выходку: Петербургъ построить на болотѣ“.

Крыловъ слушаетъ и думаетъ про себя: „понимаю, понимаю, любезный, не надуешь нашего брата, ничего не отвѣчу“.

И еще не разъ пробовалъ Дубельтъ по дорогѣ возобновить разговоръ, но Крыловъ оставался нѣмъ, яко рыба. Пріѣзжаютъ, наконецъ, къ Орлову. Приѣмъ очень любезный.

Дубельтъ, повертѣвшись нѣсколько, оставляетъ Крылова съ глазу на глазъ съ Орловымъ.

— „Извините, г. Крыловъ, говоритъ шефъ жандармовъ, что мы васъ побезпокоили почти понапрасну. Садитесь, сдѣлайте одолженіе, поговоримъ“.

— А я,—повѣствовалъ намъ Крыловъ,—стою ни живъ, ни мертвъ, и думаю себѣ: что тутъ дѣлать: не сѣсть—нельзя, коли приглашаетъ, а сядь у шефа жандармовъ, такъ, пожалуй, еще и высѣченъ будешь. Наконецъ, дѣлать нечего, Орловъ снова приглашаетъ и указываетъ на стоящее возлѣ него кресло.

— „Вотъ я, рассказывалъ Крыловъ, потихоньку и осторожно сажусь себѣ на самый краюшекъ кресла. Вся душа ушла въ пятки. Вотъ, вотъ, такъ и жду, что у меня подъ сидѣньемъ подушка опустится и—извѣстно что... И Орловъ вѣрно замѣтилъ, слегка улыбается и увѣряетъ, что я могу быть совершенно спокоенъ, что въ цензурномъ промахѣ виноватъ не я. Что ужъ онъ мнѣ тамъ говорилъ, я отъ страха и трепета забылъ. Слава Богу, однако же, дѣло тѣмъ и кончилось. Чортъ съ нимъ, съ цензурствомъ,—это не жизнь, а адъ“.

Въ этотъ же день познакомилъ насъ мой пріятель Эренбушъ и еще съ двумя личностями, оставшимися у меня въ памяти. Почему?

Одна изъ этихъ личностей, германскаго происхожденія, обаяна горошинѣ тѣмъ, что я ее еще помню, хотя другіе, болѣе меня интересующіеся классицизмомъ и царедворствомъ, вспоминаютъ о профессорѣ д-рѣ Гриммѣ, по его, нѣбогда весьма извѣстной у насъ, учебно-придворной дѣятельности. Гриммъ былъ учителемъ вел. кн. Константина Николаевича, а потомъ и наслѣдника в. кн. Николая Александровича; этотъ знатокъ древнихъ языковъ и біографъ покойной императрицы Александры Теодоровны, глухой на одно ухо отъ роду (какъ онъ самъ полагалъ), пріѣхавъ съ государынею въ Ревель, обратился къ доктору Эренбушу, боясь, чтобы не оглохнуть на другое ухо.

Но какъ же и Гриммъ, и всѣ мы были удивлены, когда, послѣ нѣсколькихъ спринцовокъ теплою водою, изъ глухого отъ роду уха высочила горошина. А съ появленіемъ горошины на свѣтъ Гриммъ тотчасъ же вспомнилъ, какъ онъ, еще неразумный ребенокъ, играя въ горохъ, засадилъ себѣ одну горошину въ ухо.

Другая личность, такъ же болѣе или менѣе патологическая, только въ другомъ родѣ, былъ графъ Гуровскій, присланный въ Ревель изъ С.-Петербурга по распоряженію шефа жандармовъ, чего мы, однако же, тогда еще не знали. Гуровскій съ жадностію, можно сказать, принялъ знакомство съ нами, и частію на французскомъ, частію на ломаномъ русскомъ языкѣ, затанулъ съ нами нескончаемую канитель о могуществѣ Россіи, ея богат-

ствахъ, открытыхъ соплеменникомъ Гуровскаго, Генгоборскимъ и т. п.

При этомъ онъ утверждалъ, что правительство наше не должно допускать слишкомъ интимнаго сближенія русской молодежи съ польскою. Были случаи, впоследствии напомнившіе мнѣ это правило Гуровскаго.

Послѣ діарреи словъ, продолжавшейся нѣсколько часовъ сряду, мы разошлись, и первое, что мнѣ и Крылову пришло въ голову, что съ Гуровскимъ намъ надо быть осторожными. Одно только насъ озадачило, какъ полякъ Гуровскій, замѣшанный въ революціонной пропагандѣ, могъ сдѣлаться нашимъ русскимъ пресмыкающимся.

Впоследствии это объяснилось; Гуровскій имѣлъ родственницу, чуть-ли не сестру, замужемъ за шталмейстеромъ Фридрихсомъ, очень приближенную къ государынѣ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ и очень ею любимую.

Ревель, вмѣсто или подъ видомъ ссылки, послужилъ Гуровскому мѣстомъ службы, да еще какой,—основанной на обширной довѣренности къ вѣрноподданническимъ чувствамъ и патриотизму служащаго. Гуровскій, по-своему, по-польски, позволялъ себѣ иногда зазнаваться.

Мнѣ, напримѣръ, и Крылову онъ прямо объявилъ, что писалъ уже о насъ, куда слѣдуетъ, въ Петербургъ и очень радъ былъ найти въ насъ людей вполне благонадежныхъ.

„Вотъ, шельма-то“, думаю я, „едва только самъ съ висѣлицы сорвался, а беретъ уже на себя смѣлость быть судьбою другихъ, ничѣмъ не провинившихся предъ правительствомъ“.

И что же? Къ моему удивленію, Гуровскій получилъ предлинное посланіе отъ одного изъ главныхъ рептилій, въ которомъ, сверхъ благодарности Гуровскому, заключались еще отеческія наставленія разнаго рода. Письмо это Гуровскій показывалъ и не оставалось никакого сомнѣнія у меня, что кривой, никогда не скидающій своихъ синихъ очковъ, польскій аристократъ-революціонеръ (впоследствии родственникъ, если не ошибаюсь, испанской королевской фамиліи) принадлежалъ, по волѣ судьбы, къ классу пресмыкающихся нашего обширнаго государства.

А графъ Гуровскій покончилъ свое пребываніе въ Ревелѣ тѣмъ, что набралъ разныхъ вещей въ лавкахъ, за поручительствомъ Эренбуша, и въ одно прекрасное утро безъ вѣсти исчезъ.

Потомъ, какъ слышно было, этотъ высокорожденный авантюристъ и рептиль появился въ Испаніи.

Въ мою послѣднюю экскурсію въ Ревель, я вдругъ занемогъ тогда непонятною еще для меня болѣзнію.

Однажды, сидя за обѣдомъ въ Екатериненталѣ, я вдругъ почувствовалъ какую-то страшную, никогда не бывалую, боль въ лѣвой чревной области. Сначала это была скорѣе какая-то неловкость при движеніи всего тѣла, чѣмъ боль; но потомъ неприятное чувство дѣлалось все сильнѣе и сильнѣе и превратилось въ нестерпимую боль, не позволявшую мнѣ разогнуться; кое-какъ я всталъ изъ-за стола и, въ сопровожденіи Эренбуша, поѣхалъ къ нему на квартиру; по дорогѣ мы заѣхали въ заведеніе ваннъ, поставили мнѣ сухія банки и положили на больное мѣсто горячіе компрессы.

На квартирѣ у Эренбуша я почувствовалъ тошноту, потомъ и рвоту; принялъ рицинное масло, положилъ теплую припарку, заснулъ и всталъ совершенно здоровый.

Но по пріѣздѣ въ Дерптъ боль по временамъ стала навѣщать меня и не давала мнѣ покоя тѣмъ, что я никогда не могъ быть увѣренъ, что не почувствую внезапно боли и не буду принужденъ бѣжать домой. Это мѣшало моимъ занятіямъ мѣсяца два и болѣе, пока я не слегъ отъ слабости.

Однажды ночью я просыпаюсь и чувствую, что боль прошла и въ то же самое время показался *congrus delicti*, чрезвычайно острый, величиною съ ячменное зерно, почечный камушекъ и, какъ показалъ анализъ, чистый оксалатъ.

Образованіе его я приписалъ тогда постоянному употребленію сквернѣйшаго поддѣльнаго французскаго вина. Воды эмбахской я не переносилъ, колодезная разстраивала также мой желудокъ, къ пиву я никогда не могъ привыкнуть, и поневолѣ пилъ провнслое, дешевое вино.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ моего выздоровленія, какъ началась другая напасть: это мой прежній кишечный катарръ, уже нѣсколько лѣтъ оставившій меня въ покоѣ.

Отъ того-ли, что я, опасаясь вина, началъ опять пить воду, или же отъ паталогической связи страданій двухъ органовъ,—почекъ и кишечнаго канала,—только никогда еще (разстройство желудка) не обнаруживалось у меня съ такою силою и упорствомъ какъ послѣ страданія почекъ.... Я пересталъ лечиться и держать діету.

Н. И. Пироговъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Къ Запискамъ Н. И. Пирогова.

Въ одной изъ главъ этихъ драгоцѣнныхъ посмертныхъ записокъ незабвеннаго Н. И. Пирогова, напечатанныхъ въ февральской книгѣ „Русской Старины“—авторъ вспоминаетъ моего отца, весьма извѣстнаго въ свое время акушера. При этомъ, вѣроятно, по неразборчивости рукописи Н. И. Пирогова фамилія моего отца означена Карпинскій, между тѣмъ должно читать Карпитскій, каковую ошибку я и прошу исправить.

Ю. П. Карпитскій.

Г. Плоцкъ.

28-го марта 1885 г.

ЗАПИСКИ К. К. МЕРДЕРА,

ВОСИМНАДЕСЯТИ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

1824—1834

(1829 г.) ¹⁾.

30-го мая. Четвергъ. Берлинъ. Сегодня г. Раухъ началъ лѣпить бюстъ великаго князя. Въ 10 час. е. выс., въ мундирѣ Прусскаго своего полка, ѣздилъ благодарить е. в. короля, потомъ явился своему корпусному командиру, принцу Вильгельму. Обѣдалъ за большимъ столомъ. Вечеромъ присутствовалъ на свадьбѣ ихъ выс., принца Вильгельма и принцессы Августы. Танцевалъ такъ называемый факельтанецъ и оставался до 11 часовъ на балѣ.

По принятому этикету, король, всѣ принцессы и принцы королевскаго дома нѣкоторое время играютъ въ карты. Александру Николаевичу пришлось быть въ партіи съ наследнымъ принцемъ Мекленбургскимъ; играли въ мушку; великій князь, не зная не только игры, но даже и картъ, принялъ намѣреніе во все время пассивать.

31-го мая. Пятница. Берлинъ. Отъ 7 до 9 ч. г. Раухъ лѣпилъ бюстъ съ е. выс. Послѣ 10 час. утра великій князь со мною и въ сопровожденіи г. Редерна выѣхалъ за Бранденбургскія ворота; тутъ сѣли верхомъ на приготовленныхъ лошадей и поскакали къ 3-му уланскому полку, находившемуся выстроеннымъ на плацу, на правой сторонѣ дороги находящемся. Вслѣдъ за нами прибылъ е. в. король и государь императоръ. Король представилъ полку новаго шефа, который послѣ сего принялъ командованіе полкомъ и проходилъ съ онымъ мимо ихъ вел. церемональнымъ маршемъ, подскакалъ съ необыкновенною

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 339—364; мартъ, стр. 527—554; т. XLVI, апрѣль, стр. 87—106.

ловкостью и салютовалъ. Послѣ церемоніальнаго марша произведены были полкомъ нѣкоторыя построения по командѣ полковаго командира, почтеннаго полковника Крахта; всѣ движенія производились съ неизменною точностью и быстротою, чего никакъ невозможно ожидать отъ людей, не болѣе двухъ лѣтъ въ службѣ состоящихъ; чего не сдѣлаетъ добрая воля и постоянное усердіе офицеровъ! Великій князь, по окончаніи смотра, велъ полкъ по городу отъ Тиргартена ко дворцу. Толпа народа его преслѣдовала, всѣ окна были усеяны любопытными и на всѣхъ лицахъ изображалось удовольствіе. Штандарты были поставлены въ комнату къ великому князю. Въ 12 часовъ е. выс. великій князь поѣхалъ на обѣдъ къ новобрачнымъ, общество было блестящее и многочисленное. Великій князь сидѣлъ по лѣвую руку короля; съ милою веселостію, ему одному свойственною, отвѣчалъ онъ на вопросы, ему дѣлаемые, и не обнаруживалъ ни малѣйшей застѣнчивости. Замѣтивъ въ великомъ князѣ усталость, вернувшись въ свои комнаты, я уложилъ его спать. Вечеромъ были въ театрѣ, давали большую лирическую драму: *Gnes von Hohenschaufen*, сочиненіе Раупаха, музыка Спонтини. Песа не заслуживаетъ особеннаго вниманія, музыка также, но за то декорации превосходны. Великій князь столько видѣлъ и слышалъ въ теченіи дня, что крайне радовался возможности успокоиться сномъ; легъ спать и тотчасъ же уснулъ.

1-го іюня. Суббота. Государь императоръ оставилъ Берлинъ въ 3 ч. ночи, передъ отъѣздомъ своимъ е. вел. навѣститъ великаго князя и благословилъ его.

Послѣ сеанса, даннаго г. Рауху, Александръ Николаевичъ поѣхалъ съ государынею императрицею въ Шарлоттенбургъ, дабы навѣстить гробъ покойной королевы. Е. в. король прибылъ туда же и съ неизъяснимою ласкою показывалъ намъ свои внутренніе покои. На возвратномъ пути изъ Шарлоттенбурга навѣститъ е. выс. великій князь графиню Бранденбургъ, милую, прелестную даму, воспитывавшуюся вмѣстѣ съ государынею императрицею. Трубачи 3-го уланскаго е. выс. полка приходили поздравлять своего шефа. Великій князь Александръ Николаевичъ обѣдалъ у е. в. короля съ цѣлымъ корпусомъ офицеровъ своего уланскаго полка. Вечеромъ былъ во французскомъ театрѣ, давали два пустыхъ водевиля, на которые великій князь не обращалъ никакого вниманія. Возвратясь изъ театра, великій князь ужиналъ у е. в. короля въ кругу семейства.

2-го іюня. Воскресенье. Гринбергъ. Въ 8 часовъ утра великій князь поѣхалъ къ е. в. королю проститься. Король, прощаясь съ

милымъ внукомъ своимъ, до чрезвычайности былъ растроганъ; нѣсколько разъ съ нѣжностью обнималъ его, изъявляя сожалѣніе, что пребываніе его было такъ кратковременно въ Берлинѣ. Великій князь горько плакалъ. Отслушавъ обѣдню въ греко-россійской церкви, устроенной въ одной изъ залъ дворца, великій князь простился съ ея вел. государынею императрицею, принцами и принцессами. Всѣ были растроганы, великій князь много плакалъ. Проѣзжая городъ, е. выс. Александръ Николаевичъ кланялся на всѣ стороны привѣтствовавшимъ его добрымъ жителямъ Берлина, конми всѣ проѣзжаемыя имъ улицы были усеяны. Въ грустной задумчивости продолжали мы путь нашъ и припоминая въ мысляхъ всѣ пріятныя воспоминанія и ласки милыхъ родныхъ своихъ, великій князь имѣлъ новое доказательство милостиваго вниманія е. в. короля; близъ Фридрихфельдена увидѣлъ онъ своего имени уланскій полкъ, выстроенный вдоль дороги, лицо великаго князя прояснилось. Я приказалъ коляскѣ ѣхать вдоль фронта, великій князь простился съ гг. офицерами и солдатами, просилъ полковника Крахта благодарить е. в. короля за милостивое къ нему вниманіе и доставленный случай видѣть сей прославившійся храбростью полкъ. Раздалось громогласное ура! и мы въ сладостныхъ воспоминаніяхъ о всѣхъ удовольствіяхъ Берлина благополучно прибыли въ Гринебергъ.

3-го іюня. Понедѣльникъ. Сибилень-Ортъ. Въ 7 часовъ утра оставили мы Гринебергъ, обѣдали въ мѣстечкѣ Любенъ и въ 10 часовъ вечера пріѣхали въ Сибилень-Ортъ. Великій князь крайне соболѣзновалъ о несчастіи, постигшемъ всѣ окрестности Бреславля. Такъ называемый Швейдинцервассеръ и самый Одеръ залили на нѣсколько миль поля, общавшія трудолюбивымъ поселянамъ богатую жатву и тѣмъ причинили ужасное опустошеніе. Въ Сибилень-Ортѣ встрѣтили е. выс. дивизионный генералъ Цитенъ, господинъ ландратъ Меркель и другіе чиновники; великій князь поблагодарилъ ихъ за оказанное ему вниманіе и удалился въ назначенныя для него комнаты, гдѣ, поужинавъ, легъ спать. Віельгорскій и Паткуль прибыли на ночлегъ весьма поздно.

4-го іюня. Вторникъ. Антонинъ. Великій князь оставилъ Сибилень-Ортъ въ веселомъ расположеніи духа. Погода была прелестная, мы шли по обыкновенію нашему пѣшкомъ. Великій князь горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть любезныхъ хозяевъ Антонина. Не доѣзжая нѣсколько верстъ до Антонина, Александръ Николаевичъ увидѣлъ издали ѣдущаго къ нему на встрѣчу князя Радзивила и вскрикнулъ отъ радости. Обиданіе было самое пріятное; мы перешли въ коляску князя

и въ нѣсколько минутъ очутились въ кругу любезнаго и милаго семейства, осыпавшаго великаго князя сердечными ласками, на которые е. выс. отвѣчалъ съ свойственною ему милою дѣтскою любезностью.

Едва пылъ была смыта и туалетъ приведенъ въ исправность, великій князь и его товарищи принялись играть въ кегли. Послѣ обѣда всѣ, въ сопровожденіи князя, ѣздили въ звѣринецъ, гдѣ видѣли множество оленей; возвратясь, удiali рыбу, прыгали чрезъ ровъ, бѣгали—словомъ веселились какъ нельзя больше.

Вечеромъ великій князь написалъ письмо къ ея в. государынѣ императрицѣ. Непринужденность, милое со всѣми обращеніе великаго князя приносить мнѣ много удовольствія. Хозяева дома отъ него въ восхищеніи.

5-го іюня. Среда. Кутно. Позавтракавъ въ кругу почтеннаго семейства князя, мы распрощались и отправились въ дальнѣйшій путь. Въ Островѣ, на границѣ Пруссіи, великій князь простился съ генераломъ Редеромъ съ чувствомъ благодарности за всѣ оказанныя ему въ продолженіе пути услуги. Въ Калишѣ, согласно съ волею государя императора, объявленною намъ г. флигель-адъютантомъ Гауке, встрѣтившемъ насъ на границѣ Царства Польскаго, великій князь посѣтилъ кадетскій корпусъ, былъ въ дортуарахъ и въ классахъ и, наконецъ, обѣдалъ вмѣстѣ съ кадетами. Я весьма былъ доволенъ великимъ княземъ. Приличная осанка и чувство достоинства ни на минуту его не покидали; онъ все достойное вниманія разсматривалъ и наконецъ изъявилъ сожалѣніе, что не видѣлъ кадетъ въ классахъ. Въ Кутнѣ е. выс. провелъ ночь у добрыхъ и привѣтливыхъ хозяевъ г. Лещинскаго, въ комнатѣ, гдѣ ея вел. ночевать изволила.

6-го іюня. Четвергъ. Варшава. Изъ Ловичъ мы заѣхали осматрѣть Аркадію. Великому князю мѣсто сіе не весьма понравилось. — «Я воображалъ себѣ Аркадію гораздо лучше, нежели какъ она въ самомъ дѣлѣ, здѣсь ничего нѣтъ большого, все вмѣстѣ, какъ будто въ кабинетѣ антиковъ и рѣдкостей», сказалъ великій князь.

Всѣ присутствовавшіе удивились справедливому замѣчанію. Не буду описывать затѣй женщины, которая весь умъ истощила на то, чтобы произвести милую бездѣлку.

Мы обѣдали въ саду подъ тѣнью густыхъ вязовъ и орѣшника у г. Янковскаго, здѣсь въ Аркадіи квартирующаго. За столомъ присутствовали гг. генералы Клицкій и Препендовскій и всѣ гг. офицеры конно-егерскаго полка. Въ 7 часовъ мы благополучно прибыли въ Варшаву и нашли е. в. совершенно здоровымъ. Исправивъ туалетъ,

навѣстили е. выс. Константина Павловича и ея выс. Марію Павловну. Желая дать успокоиться е. выс. Александру Николаевичу, я уложилъ его спать въ 9 часовъ.

7-го іюня. Пятница. Варшава. Въ 6 съ половиною часовъ утра великій князь былъ уже близъ селенія Парижа (?), у коего стояли въ трехъ колоннахъ войска, вступившія въ лагерь въ числѣ 28,000 чел. пѣхоты и 84 орудій артиллеріи. Въ 7 часовъ государь императоръ объѣзжалъ колонны, Александръ Николаевичъ за нимъ слѣдовалъ и потомъ все время до 11 часовъ присутствовалъ при прохожденіи полковъ церемоніальнымъ маршемъ. Возвратясь домой, великій князь завтракалъ, потомъ читалъ. Замѣтивъ въ е. выс. усталость, я уговорилъ его лечь отдохнуть, онъ легъ и спалъ до 6 часовъ. Послѣ чего мы поѣхали въ Прагу, гдѣ гуляли пѣшкомъ. Возвратясь, навѣстили государя императора и получили приказаніе ѣхать въ обратный путь въ Петербургъ 11-го числа во вторникъ, что принесло великому князю много удовольствія.

8-го іюня. Суббота. Варшава. Назначенный парадъ и молебствіе по случаю дня возстановленія королевства польскаго были отказаны по причинѣ дождливой погоды. Великій князь занимался у г. Жилля до 9 часовъ правописаніемъ, потомъ читалъ путешествіе Бельзона въ Египеть. Въ 9 часовъ пожелалъ добраго утра государю императору и, поигравъ до 10 часовъ, занимался съ г. Юрьевичемъ геометрією и арифметикою. Я былъ весьма доволенъ вниманіемъ великаго князя и его товарищей. Послѣ обѣда Александръ Николаевичъ и Вельгорскій рисовали внутренность своихъ комнатъ и оба весьма хорошо оныя изобразили. Вечеромъ мы ѣздили всѣ четверо верхами въ лагерь; возвратясь, навѣстили ея выс. княгиню Ловичъ, побесѣдовавъ съ ея выс. о прелестныхъ мѣстоположеніяхъ Варшавы и объ удовольствіи, которое великій князь ощущалъ, знакомясь съ родными. Отъ ея выс. великій князь поѣхалъ съ е. выс. Константиномъ Павловичемъ къ ея выс. великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, куда пожаловали государь императоръ, е. выс. Михаилъ Павловичъ и ея выс. княгиня Ловичъ.

9-го іюня. Воскресенье. Варшава. Въ 8 часовъ великій князь былъ съ государемъ императоромъ у обѣдни въ дворцовой церкви; въ 10 часовъ поѣхалъ на назначенное молебствіе и парадъ, которые были вчерашняго числа отказаны по случаю ненастной погоды. Возвратясь съ парада, великій князь читалъ и рисовалъ. Вечеръ провелъ у ея выс. Маріи Павловны.

10-го іюня. Понедѣльникъ. Варшава. Великій князь занимался съ г. Жиллемъ, потомъ съ г. Юрьевичемъ; вниманіе великаго князя было похвально. Въ 4 часа поѣхали въ Вельведеръ, гдѣ е. вел. изволилъ кушать, осмотрѣвъ садъ и откушавъ чай, возвратились домой. Въ 8 часовъ, одѣвшись, ѣздили прощаться къ ея выс. княгинѣ Ловичъ; вечеръ Александръ Николаевичъ провелъ у ея выс. Маріи Павловны. Прощаясь съ близкими сердцу родными, великій князь былъ крайне растроганъ.

11-го іюня. Вторникъ. Ломжа. Въ исходѣ седьмого часа великій князь простился съ его величествомъ и не могъ удержаться отъ слезъ. Государь императоръ изволилъ уѣхать на кавалерійское ученье, а мы, возвратясь къ себѣ, напились чаю и въ 8 часовъ оставили Варшаву. Въ мѣстечкѣ Рожанѣ обѣдали. Въ 7 часовъ прибыли на ночлегъ въ г. Ломжу. Проѣхавъ Яблонку, мы вышли изъ коляски, дабы profiterъ пѣшкомъ; въ это время подошла къ намъ женщина и поднесла великому князю горшечекъ собранной ею земляники. Въ продолженіе всей дороги ничего особеннаго не случилось.

V.

На обратномъ пути въ Петербургъ.—Ковно.—Рига.—Осмотръ крѣпости и гавани въ Ревелѣ.—Станція Вайвара.—Возвращеніе въ Царское.—Двѣнадцатый праздникъ.—Экзаменъ.—Павловскій дворецъ.—Дачныя удовольствія.—Поведеніе за уроками.—Выступленіе въ походъ съ кадетами.—Воскресныя занятія.—Маневры.—Парадъ 6-го августа.—День ангела великаго князя.—Отчетъ за 1829 годъ.—Характеристика великаго князя.

12-го іюня. Среда. Сувалки. Обѣдали въ Райгродѣ, въ 7 часовъ прибыли въ Сувалки. Великій князь до 9 часовъ игралъ въ саду.

13-го іюня. Четвергъ. Ковно. Обѣдали въ селѣ Будкѣ; изъ сел. Вайвары проѣхали прямо на гору, съ которой Наполеонъ смотрѣлъ переправу своей армии. Великій князь сорвалъ себѣ дубовую вѣтку, въ память своей битвности на семъ мѣстѣ, ровно послѣ 17 лѣтъ, какъ здѣсь топились грозныя тучи Наполеоновои армии.

— «Вотъ какъ все проходить; сказалъ великій князь, на Наполеона, ни страшнаго его арміи не существуетъ; осталась гора и къ ней приєдналось преданіе».

Въ 9 часовъ прибыли въ Ковно.

14-го іюня. Пятница. Шавли. Обѣдали въ Бейсагалѣ, въ 7 часовъ прибыли въ м. Шавли, принадлежащее графу Зубову, ночевали въ домѣ графа. Великій князь до 9 часовъ игралъ въ садѣ.

15-го іюня. Суббота. Рига. Обѣдали въ Митавѣ, гдѣ встрѣчены были г. гражданскимъ губернаторомъ и командующимъ 1-мъ корпусомъ генераломъ Жерве. Обѣдъ былъ приготовленъ въ замкѣ герцога Курляндскаго. Въ Ригу прибыли въ 7 часовъ. Въ тотъ же вечеръ въ сопровожденіи маркиза Паулучи осмотрѣли арсеналь; ночевали въ замкѣ.

16-го іюня. Воскресенье. Г. Рига. Великій князь писалъ письмо въ государынѣ императрицѣ, въ 9 часовъ былъ у обѣдни, осматривалъ военно-сиротское отдѣленіе кантонистовъ, домъ дворянскаго собранія, домъ общества черноголовыхъ, гдѣ написалъ свое имя въ книгѣ. Посѣтилъ церковь св. Петра и кафедральный соборъ, осматривалъ гидравлическую машину, снабжающую городъ водою. Обѣдалъ въ императорскомъ саду у маркиза Паулучи. Народъ встрѣтилъ его высочество съ радостными кликами и всюду за нимъ слѣдовалъ. Рига великому князю чрезвычайно понравилась.

17-го іюня. Понедѣльникъ. Г. Вольмаръ. Въ 4 часа утра выѣхали изъ Риги. Со станціи Гильхенсферъ повернули отъ большой дороги вправо, на д. Зегевольде, принадлежащую г. Борхъ. Въ Зегевольде видны развалины рыцарскаго замка и укрѣпленія древнихъ ливовъ. На противуположномъ берегу рѣки Аа, противъ Зегевольде, находится замокъ Кремонъ, также древній; въ 2 верстахъ отъ онаго виднѣн замокъ и епископскій домъ Трейдень. Все это мѣсто и вообще крутые берега Аа восхитительны. Мы обѣдали въ Нурмесъ у г. Дунтенъ. Въ Венденѣ осматривали извѣстный рыцарскій замокъ, взорванный на воздухъ. Ночевали въ Вольмарѣ.

18-го іюня. Вторникъ. Г. Перновъ. Обѣдали въ Куркундѣ. Въ 6 часовъ пріѣхали въ Перновъ, обошли всю крѣпость пѣшкомъ; толпа жителей города слѣдовала за его высочествомъ.

19-го іюня. Среда. Г. Ревель. Обѣдали на станціи Руноферъ. Къ 7 часамъ пріѣхали въ Ревель, остановились въ Елатериненталѣ. Насъ встрѣтили генералы: Бергъ, Паткуль, Левенштернъ и Новосильцевъ. Множество народу насъ ожидало; мы вышли въ садъ и всѣ толпою за нами слѣдовали. Великій князь былъ въ теплой ваннѣ.

20-го іюня. Четвергъ. Г. Ревель. До 9 часовъ великій князь писалъ письмо къ государю императору. Въ 9 часовъ въ сопровожденіи генераль-губернатора Берга, коменданта Паткуля поѣхали мы въ военную гавань. Въ ней въ случаѣ надобности могутъ помѣститься 10 линейныхъ кораблей. Въ гавани сѣли въ катеръ и переѣхали на вновь заложенную, двойную, гранитомъ и известковымъ камнемъ одѣтую, батарею. Великій князь имѣлъ случай видѣть печь, въ которой раскаливаютъ ядра. Съ батареи мы снова переѣхали въ гавань; здѣсь сѣли въ экипажи и поѣхали въ городъ, осмотрѣли часть крѣпости и планъ, по которому предполагено оную окончить. Инженеръ-полковнику Фельдману поручено производство работъ; чистота отдѣлки и прочность строенія приносятъ честь этому офицеру. Видѣли обгорѣвшія стѣны церкви св. Олая и планъ, по которому государь императоръ повелѣлъ оную выстроить; вышина колокольни содержитъ 340 футовъ; навѣстили каедральный соборъ св. Николая, въ коемъ находится памятникъ, воздвигнутый генералу Грейгу Екатериною; были въ домахъ дворянскаго собранія и общества черноголовыхъ; осматривали батарею, выстроенную на островѣ Карлосѣ, куда ѣздили на бригѣ Олень. Великій князь два раза купался въ морѣ; онъ плаваетъ превосходно.

21-го іюня. Пятница. Г. Ревель. Сегодня утромъ въ сопровожденіи г. Спафарьева, г. Берга и Паткуля мы были на маякѣ; виды съ сей точки восхитительны, море придаетъ всёму предметамъ какуюто особенную красу. Осматривали развалины монастыря св. Бригитты и Вимсъ, дачу графа Буксгевдена. Великій князь и Віельгорскій въ восхищеніи отъ окрестностей Ревеля; они оба срисовали для себя по нѣсколько видовъ. Послѣ обѣда ѣздили мы смотрѣть гробъ дюка Лакруа и церковь чудотворца Николая. Великій князь приложился къ св. иконѣ и такимъ образомъ простился съ Ревелемъ.

22-го іюня. Суббота. Ст. Вайвары. Прибыли на ночлегъ часовъ около 8; едва вышли изъ экипажей, предприняли небольшую, по большой дорогѣ, прогулку пѣшкомъ. Г. Арбсховенъ, помѣщикъ с. Вайвары, пригласилъ насъ остановиться у него въ домѣ, но мы полагая, что проведемъ ночь покойно на станціи, не приняли предложенія, въ чемъ послѣ крайне раскаявались. Комары никому изъ насъ, въ продолженіе цѣлой ночи, не дали сомкнуть глазъ.

23-го іюня. Воскресенье. Г. Царское село. (Возвращеніе изъ Варшавы). Въ 5 часовъ утра великій князь оставилъ станцію Вай-

вары, въ 6 съ половиною часовъ осматривалъ нарвскій водопадъ: шумъ и быстрота паденія воды привели его въ удивленіе. Великій князь горѣлъ нетерпѣніемъ прибыть въ Царское село. вмѣсто обѣда мы завтракали на станціи Касково. На послѣдней станціи онъ былъ вѣ себя отъ радости: безпрестанно обнималъ меня, цѣловалъ и прыгалъ, когда издали увидалъ бѣлѣющійся лагерь и Красное село; но когда вѣхали въ паркъ Царскаго села, то, обнявъ меня и до слезъ растроганный, сказалъ:

— «Наконецъ я дома, Боже мой! здѣсь все, каждый кустокъ, каждая дорожка напоминаютъ мнѣ о какомъ нибудь удовольствіи. Какое счастье видѣть мѣста и людей, сердцу милыхъ, бывшихъ свидѣтелей нашихъ радостей!» Посмотрѣвъ на часы, продолжалъ: «въ сію минуту сестрицы должны быть на балконѣ».

Мы въ самомъ дѣлѣ увидали ея высочество Александру Николаевну; великій князь вскочилъ, махалъ фуражкой; насъ узнали и едва успѣли мы выйти изъ коляски, какъ ихъ высочества были уже въ объятіяхъ столь нѣжно любимаго брата. Вечеръ проведенъ въ сердечныхъ изліяніяхъ чувствъ, любви и разсказахъ.

24-го іюня. Понедѣльникъ. Г. Царское село. Утромъ великій князь занимался у г. Жилія правописаніемъ; вниманіе какъ его, такъ и Вельгорскаго заслуживало всякой похвалы. Его высочество ѣздилъ въ С.-Петербургъ, въ соборъ Казанской Божіей Матери. Народу было множество; не смотря на то, великій князь безъ малѣйшей застѣнчивости прикладывался къ св. иконѣ и кланялся присутствующимъ. Возвратясь къ чаю, въ Царское село, мы до 8¹/₂ часовъ гуляли въ саду. Поведеніемъ великаго князя я былъ весьма доволенъ.

25-го іюня. Вторникъ. Царское село. Великій князь всталъ въ обыкновенное время, занимался съ г. Юрьевичемъ ариеметикою до 9 часовъ. Въ 9 часовъ, одѣвшись въ мундиръ Атаманскаго казачьяго полка, пошелъ принести поздравленіе ихъ императорскимъ высочествамъ; прибывъ въ большой дворецъ, принималъ поздравленія нѣкоторыхъ лицъ, прибывшихъ изъ Петербурга, и пошелъ съ ихъ высочествами въ церковь. Послѣ обѣдни гулялъ въ саду и купался. Послѣ обѣда до 6 часовъ игралъ въ саду, прыгалъ чрезъ сѣно и ѣздилъ на дрезенѣ. Въ 6 часовъ вмѣстѣ съ созванными гостями приглашенъ былъ къ чаю на Дѣтскій островъ. Нѣжная заботливость сестрицъ доставить ему удовольствіе разстрогала его до глубины сердца; онъ не находилъ словъ къ изясненію чувствъ своихъ; растроганный до слезъ, рассматривалъ въ молчаніи гирлянды, коими былъ увѣщанъ

столя, деревья, домъ и пристань, которую ея высочество Ольга Николаевна назвала мысъ Добраго Саши. Одинъ изъ маленькихъ гостей совѣтовалъ прибавить: «или Добрай Надежды». Все доказывало желаніе доставить удовольствіе нѣжно любимому брату. Поблагодаривъ сестрицъ за сюрпризъ, великій князь побѣжалъ съ товарищами къ башнѣ, гдѣ прыгалъ и скакалъ съ ними на сѣткѣ. Послѣ ужина благодарилъ князя Голицына, участвовавшаго въ приготовленіи праздника. Ея высочество Марія Николаевна чувствовала себя не совсѣмъ здоровою, почему мы лишены были ея присутствія. Поведеніемъ великаго князя я былъ весьма доволенъ.

26-го іюня. Среда. Царское село. Сегодня приступлено къ обыкновеннымъ нашимъ занятіямъ въ классахъ. Г. Кодленцъ экзаменовалъ великаго князя и Вельгорскаго въ геометріи, а г. Диппманъ въ исторіи; какъ тотъ, такъ и другой были весьма довольны отвѣтами великаго князя и Вельгорскаго.

Во время утренней прогулки купались. Послѣ обѣда катались на лодкѣ вокругъ Дѣтскаго острова. Вечеромъ ѣздили въ Павловскъ; чистота дорогъ въ саду, прелестная свѣжесть и богатство цвѣтовъ, кажется, общають присутствіе хозяйки; безлюдность дворца, въ особенности пустота покоевъ стѣсняють, терзають сердце.

Въ такомъ состояніи чувствъ проходили мы покой царицы и оставили мѣсто, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ обитала радость, надежда и счастье сирыхъ и бѣдныхъ, предметъ общей любви и уваженія, образецъ земного совершенства женщины и матери. Растроганный до глубины сердца, въ печальномъ молчаніи, оставилъ великій князь жилище своей незабвенной бабушки; когда встрѣтила его фрейлина покойной, Кочетова, онъ привѣтствовалъ ее, поцѣловалъ ей руку и слезы хлынули ручьемъ изъ глазъ его.

Мы навѣстили Карла Фридеричи; онъ начинаетъ бродить по комнатамъ. Поведеніемъ великаго князя и Вельгорскаго я былъ весьма доволенъ.

27-го іюня. Четвергъ. Царское село. Въ урокъ г. Эртеля великій князь и Вельгорскій повторяли уроки общей грамматики и натуральной исторіи. Отвѣты были весьма удовлетворительны и служили доказательствомъ, что пройденное не было выучено наизусть, но понято какъ должно и сильно вѣзалось въ память. Г. Жуковский равноѣрно былъ весьма доволенъ при повтореніи естественной исторіи; гг. Жилль и Алфре также аттестовали великаго князя и Вельгорскаго весьма хорошо въ настоящемъ журналѣ. Великій князь съ товарищами ка-

тался въ лодкѣ вокругъ Дѣтскаго острова и спускалъ на воду маленькій свой флотъ. Вечеромъ кушалъ най съ нихъ высочествами, ѣздилъ верхомъ и купался.

28-го іюня. Пятница. Всѣ гг. учителя были какъ великимъ княземъ, такъ и Вильгорскимъ и Паткулемъ весьма довольны. Сей послѣдній прибылъ изъ отпуска совершенно здоровымъ. Великій князь Константиномъ Николаевичъ приготавливалъ съ сестрицами изъ песку пироги; агаманъ и шефъ разныхъ полковъ съ товарищами принялись съ тѣмъ же усердіемъ за ту же работу. Сохраняющаяся до сихъ поръ въ великомъ князѣ дѣтская невинность меня много радуетъ.

29-го іюня. Суббота. День проведенъ въ обыкновенныхъ занятіяхъ и увеселеніяхъ. Поведеніемъ великаго князя и его товарищей я былъ весьма доволенъ.

30-го іюня. Воскресенье. Великій князь читалъ евангеліе и бесѣдовалъ съ г. Павскимъ; былъ у обѣдни; обѣдалъ и кушалъ чай въ швейцарскомъ домѣ на дудергофской горѣ. Послѣ обѣда его высочество срисовалъ видъ дома весьма удачно. Мы много ходили по горамъ; во время прогулки каждый имѣлъ отрядъ особеннаго рода войска: всѣ составляли корпусъ, подъ начальствомъ г. Юрьевича, который посылалъ занимать выгодныя позиціи и производилъ разныя эволюціи. Вообще время провели весьма весело; возвратясь, купались.

1-го іюля. Понедѣльникъ. Едва великій князь проснулся, поздравилъ меня съ днемъ рожденія ея величества государыни императрицы.

— «Мама проведетъ день сей весьма весело въ кругу родныхъ своихъ; какъ жаль, что, къ довершенію сего удовольствія, мы всѣ не можемъ быть въ сей разъ съ нею, вотъ бы ей было весело», сказалъ мнѣ великій князь.

Утромъ занимались у г. Жилля. Въ бытность у нихъ высочество великій князь принялъ поздравленіе его сіятельства князя Голицына, г. Кочубея съ супругою, князя Трубецкаго съ супругою, княгини Волконской, Вилагова, Лонгинова и многихъ другихъ особъ. Былъ у обѣдни. Стрѣлялъ изъ пушекъ и изъ ружей; едва успѣли взойти на башню, получили извѣстіе о взятці Силистріи и чрезъ того же фельдъегеря письмо отъ государыни императрицы отъ 11-го іюня, содержаніе коего принесло великому князю много удовольствія.

2-го іюля. Вторникъ. День проведенъ какъ обыкновенно. Великій

князь и его товарищи занимались весьма прилежно и въ продо.женіе дня вели себя отъѣнно похвально. Отъ 12-ти до 2-хъ рисовали виды съ натуры. Вечеромъ ѣздили верхомъ въ Баболово.

3-го іюля. Среда. Великій князь занимался охотно. Во время урока г. Колленса случалось смѣяться отъ неудачныхъ фразъ, имъ самимъ или товарищами составляемыхъ. Отъ 9-ти до 10-ти часовъ утра великій князь находился съ ихъ высочествами великими княжнами въ палаткѣ великаго князя Константина Николаевича. Въ свободное отъ занятій время купались два раза, гуляли пѣшкомъ и катались верхомъ.

4-го іюля. Четвергъ. Утромъ великій князь и его товарищи занимались прилежно. Послѣ обѣда г. Жиль и г. Алфре написали въ настольномъ журналѣ всѣмъ троицъ: хорошо, потому что всѣ трое были довольно вялы во время уроковъ. Передъ вечернею молитвою я представлялъ великому князю, какое неудовольствіе онъ готовитъ себѣ къ пріѣзду родителей подобнымъ поведеніемъ: ибо они изъ получаемыхъ рапортовъ видятъ, что онъ во время уроковъ все еще не показываетъ твердой воли побѣдить вялость. Великій князь увѣрялъ меня, что постарается впередъ заниматься съ бѣльшимъ удовольствіемъ. Вечеромъ мы пили чай въ Баболовѣ съ ихъ высочествами, послѣ чего рисовали съ натуры; возвратясь въ Царское, купались.

5-го іюля. Пятница. Всѣ гг. учителя были довольны какъ великимъ княземъ, такъ и его товарищами. Десятый часъ провели на Дѣтскомъ островѣ, помогали ихъ высочествамъ поливать цвѣты. Отъ 12-ти до 2-хъ ч. великій князь стрѣлялъ въ цѣль и купался; вводили маленькій флотъ въ гавань, по плану великаго князя выстроенную. Вечеръ провели въ Павловскѣ, куда ѣздили верхомъ: пили чай въ Александровскомъ дворцѣ. Великій князь вспомнилъ объ удовольствіяхъ прошлаго года, доставленныхъ ему незабвенною бабушкою (Марією Θεодоровною), и слезы полились ручьями. Изъ Павловска проѣхали прямо въ купальню. Великій князь и Віельгорскій страстные охотники купаться и оба превосходно плаваютъ.

6-го іюля. Суббота. Великій князь занимался охотно и велъ себя похвально. День проведенъ въ обыкновенныхъ занятіяхъ. Вечеромъ былъ урокъ танцованія.

7-го іюля. Воскресенье. Въ 7 часовъ утра г. Павскій освятилъ учебную комнату, въ которой надѣемся съ Божією помощію, прилежа-

нием и непрерывнымъ занятіемъ, хотя нѣсколько вознаградить нами утраченное время; потомъ бесѣдовалъ съ великимъ княземъ до 9-ти часовъ. Десятый часъ великій князь игралъ съ оловянными солдатами. Одиннадцатый и двѣнадцатый былъ у обѣдни и при молебнѣ по случаю взятія Силистріи. Гуляли пѣшкомъ и купались.

8-го іюля. Понедѣльникъ. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя въ продолженіе дня весьма хорошо. Дождь помѣшалъ намъ обѣдать на островѣ. Купались одинъ разъ; вечеромъ было весьма сыро и надъ водою стоялъ большой туманъ.

Графъ Орловъ, возвратившійся изъ Старой Руссы, оставилъ государя императора въ вожделѣнномъ здравіи. Великій князь крайне радовался извѣстію о скоромъ прїѣздѣ государя.

— «Поѣдемъ сегодня по московской дорогѣ, сказалъ мнѣ великій князь, садясь на лошадь, быть можетъ мы встрѣтимъ папа».

— «Но вы слышали, что его величество прибудетъ не прежде 11-го».

— «Да, я это слышалъ, но все лучше ѣхать по московской дорогѣ».

Просьба была исполнена, но ожиданія продолжаются, часъ отъ часу увеличиваясь отъ нетерпѣнія.

9-го іюля. Вторникъ. Гг. учителя, во время уроковъ, равно и я, въ продолженіе всего дня, были весьма довольны какъ великимъ княземъ, такъ и его товарищами.

Г. Триніусъ, между прочимъ, сказалъ: что брилліантъ ни что иное, какъ самый чистый, чудеснымъ процессомъ сгущающійся углетворъ. «Скажите, какая ничтожная вещь, а какъ люди стараются доставать брилліанты, чтобы украшать себя оными», сказалъ великій князь. Его высочество Александръ Николаевичъ наслаждается цвѣтущимъ здоровьемъ и готовъ полюбить занятія; съ нетерпѣніемъ ожидаю сей минуты; она придетъ неминуемо, если не будетъ случая къ развлеченію, если у насъ будетъ одно постоянное жилище въ Царскомъ селѣ, во время лѣта, а въ Зимнемъ дворцѣ—зимою.

10-го іюля. Среда. Великій князь занимался прилежно и его товарищи тоже. Во время прогулки нашей на водѣ, маленькій корабль великаго князя шелъ на буксирѣ за нашею лодкою. Вильгорскій приказалъ грести скорѣе, отъ чего корабль наклонило и залило водою. Великій князь крайне огорчился, слезы и негодование показались на лицѣ его; но онъ то и другое скрылъ. Я замѣтилъ въ немъ сильное движеніе и ожидалъ послѣдствій... Великій князь, полагая, что за нимъ не наблюдаютъ, схватилъ Вильгорскаго за шею, потрясъ его и далъ ему

нѣсколько толчковъ. Поступокъ сей вынудилъ меня сдѣлать ему весьма строгій выговоръ и объявить, что поступкомъ симъ онъ самъ себя унижилъ, ибо выказалъ гнусное чувство мщѣнія.

11-го іюля. Четвергъ. Государь императоръ возвратился въ Царское село. Великій князь велъ себѣ хорошо и занимался прилежно.

12-го іюля. Пятница. Государь императоръ, князь Голицынъ и прусскій генераль Редернъ кушали за столомъ ихъ высочествъ. Послѣ обѣда государь императоръ катался въ лодкѣ; гребцами были: великій князь наследникъ и Вельгорскій. Его величество, осмотрѣвъ островъ, былъ весьма доволенъ устройствомъ въ домѣ и въ кухнѣ, и много смѣялся надъ флотомъ, стоявшимъ въ гавани, великимъ княземъ построенной.

13-го іюля. Суббота. Въ урокѣ г. Колленса великій князь упрямылся и когда ему дѣлали вопросы, требовавшіе размышленія, то онъ въ двухъ случаяхъ едва могъ удержаться отъ слезъ. Урокъ былъ однако довольно хорошъ.

14-го іюля. Воскресенье. Утромъ великій князь бесѣдовалъ съ Павскимъ. Послѣ обѣдни, мы отправились съ великимъ княземъ на встрѣчу ихъ величествъ въ Кипень, гдѣ обѣдали; въ 2¹/₂ часа ихъ императорскія величества прибыли на станцію и крайне обрадовались найдя великаго князя; государь императоръ сообщилъ намъ извѣстіе объ одержаніи побѣды графомъ Паскевичемъ надъ сераскиромъ турецкихъ войскъ и взятіи въ плѣнъ трехбунчузнаго паши и совершенномъ истребленіи его корпуса. Въ 5 часовъ пріѣхали въ Петергофъ. Вечеръ проведенъ въ котеждѣ.

15-го іюля. Понедѣльникъ. Великій князь не совсѣмъ былъ внимателенъ во время урока исторіи. Я поручилъ ему испросить позволеніе у государя императора быть воспріемникомъ отъ купели у сына г. Эртеля. Великій князь видѣлъ государя императора нѣсколько разъ и не вспомнилъ о порученіи.

16-го іюля. Вторникъ. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя, въ продолженіе цѣлаго дня, весьма похвально. День проведенъ въ обыкновенныхъ занятіяхъ и удовольствіяхъ.

17-го іюля. Среда. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя прекрасно. День проведенъ какъ обыкновенно.

18-го іюля. Четвергъ. Во время урока г. Эртеля великій князь не могъ найти своихъ тетрадей. При урокъ г. Жуковского присутствовали князь Голицынъ и г. Ушаковъ; великій князь взялся отвѣчать на вопросы изъ естественной исторіи безъ карты, замаяся и не исполнилъ то; за что взялся съ самонадѣянностію и въ продолженіе урока не могъ уже принудить себя быть внимательнымъ. Вечеромъ мы ѣздили на бывшую дачу Чичагова; на возвратномъ пути гуляли въ Ораніенбаумѣ.

Ложась спать, великій князь принялъ твердое намѣреніе болѣе наблюдать за собою и избѣгать смѣшной самонадѣянности.

19-го іюля. Пятница. Великій князь и его товарищи занимались весьма прилежно и вели себя, въ продолженіе цѣлаго дня, похвально. Ихъ величества возвратились въ котеджъ (прозванный Александрією); мы проведемъ здѣсь ночь.

20-го іюля. Суббота. При урокъ г. Колленса великій князь велъ себя неприлично: безпрестанно перемѣнялъ положеніе и ломался, чѣмъ заставлялъ смѣяться Паткуля, за что оба невыгодно отмѣчены въ настольномъ журналѣ.

Исключая сего обстоятельства, всѣ гг. учителя были довольны вниманіемъ и поведеніемъ великаго князя и его товарищей.

Его высочество въ особенности прилежно занимался у г. Юрьевича. Написавъ одинъ анекдотъ о святости закона, сказалъ: «государь долженъ быть первый исполнитель закона. Чтобы умѣть другимъ приказывать, надлежитъ прежде научиться исполнять въ точности приказанія».

Я похвалилъ великаго князя за мысли и совѣтовалъ стараться никогда не измѣнять сему чувству справедливости.

Государь императоръ, прочитавъ въ рапортѣ о поведеніи, при г. Колленсѣ сдѣлалъ великому князю замѣчаніе и совѣтовалъ мнѣ поставить его часа на три на часы, прибавивъ:

— «Пора перестать ребячиться, а не то быть худу».

21-го іюля. Воскресенье. Великій князь былъ на панаэидѣ и у обѣдни. Отобѣдавъ въ первомъ часу, поѣхалъ въ Стрѣльну, гдѣ въ отвѣденной для насъ квартирѣ ожидалъ прибытія кадетъ; въ 4 часа выступилъ въ походъ, съ кадетами 2-го корпуса, въ полной походной амуниціи, въ Петергофъ; у дачи Мятлева надѣли ранцы; не доходя плахбаума, остановились. Государь императоръ, изволивъ прибыть, проѣхалъ по фронту и повелъ кадетъ въ лагерь, мимо котеджа, гдѣ

государыня императрица съ ихъ высочествомъ изволила находиться на балнонѣ. Кадеты проходили по отдѣленіямъ, великій князь находился въ знаменныхъ рядахъ 2-го кадетскаго корпуса, Віельгорскій и Паткуль за унтеръ-офицеровъ въ стрѣлковыхъ взводахъ. Едва мы пришли къ палаткамъ, набѣжала туча, поднялся вихрь, ударилъ градъ и пошелъ дождь рѣкою; всѣ, кто тутъ ни былъ, до нитки промокли. Великій князь, смѣнившись съ часовъ, изъ подъ знамя, возвратился со мною домой пѣшкомъ. Великій князь перенесъ маршъ и непогоду съ похвальнымъ терпѣніемъ. Прибывъ въ котеджъ, поздравилъ ея высочество Марію Николаевну и подарилъ сестрицѣ прекрасный золотой съ антиками фермуаръ.

22-го іюля. Понедѣльникъ. Великій князь занимался у г-на Жиллы и былъ у обѣдни, потомъ занимался у г-на Липпмана; купался, обѣдалъ у ея величества въ Александри, гдѣ игралъ до 7 часовъ; въ девятомъ часу прогуливался верхомъ.

23-го іюля. Вторникъ. При урокъ г-на Тринюса какъ великій князь, такъ и его товарищи были отменно внимательны, прочіе гг. учителя равномѣрно были довольны ихъ вниманіемъ. Государь императоръ и государыня императрица, откушавъ въ большомъ дворцѣ, отправились въ Ораніенбаумъ, а оттуда на яхтѣ къ Кронштадту, въ сопровожденіи иностранныхъ министровъ и высочайшаго двора. Въ 12 часовъ мы вышли было гулять, но Віельгорскій просилъ позволенія остаться дома, дабы рисовать карту; великій князь послѣдовалъ его примѣру и они до самаго обѣда рисовали. Вечеромъ гуляли пѣшкомъ; были въ Монплезиръ, окруженные кадетами, смотрѣли въ телескопъ, потомъ толпою ходили въ гавань, откуда пошли въ Александрию; попрыгавъ на сѣткѣ, великій князь легъ спать. Онъ чувствовалъ небольшую боль въ лѣвомъ ухѣ и глазъ былъ у него красный, почему я и не позволилъ ему купаться.

Б. К. Мердеръ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙНА СЪ ПОЛЬСКИМИ МЯТЕЖНИКАМИ 1831 ГОДА

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

XXXVII¹⁾.

Графъ Дибичъ—графу Чернышеву.

Милосна. 14-го февраля 1831 г.

Милостивый государь, графъ Александръ Ивановичъ! Я имѣю счастье всеподданнѣйше донести его императорскому величеству о поражени 7-го числа мятежниковъ въ виду Праги. Вслѣдъ за отправленіемъ рапорта моего я получилъ донесеніе отъ генераль-лейтенанта барона Крейца, что въ тотъ же день, т. е. 7-го числа, онъ долженъ былъ выдержать, на лѣвомъ берегу Вислы, при м. Козеницѣ, натискъ несравненно превосходнѣйшихъ силъ мятежническихъ и, приведши оныя въ разстройство, отразилъ ихъ, и преслѣдовалъ. Послѣ сего успѣха генераль-лейтенантъ баронъ Крейцъ переправился обратно 11-го числа сего мѣсяца при д. Тырчинѣ на правый берегъ Вислы и при всей опасности и слабости льда перешелъ со всею артиллеріею и всѣми тяжестями. Отрядъ его расположенъ нынѣ при Маціовицѣ; я далъ ему направленіе на Пулаву, дабы совершенно упрочить занятіе Люблинскаго воеводства. Копію съ рапорта отъ 9-го февраля за № 116, о дѣлѣ 7-го числа, препровождаю при семъ къ вашему сіятельству и

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XII, январь, стр. 93—122, февраль, стр. 331—400; т. XIII, июль, стр. 149—156, августъ, стр. 331—340, сентябрь, стр. 529—544; изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, стр. 107—124.

прошу представить на высочайшее благоуваженіе его императорскаго величества. Съ ист. почтеніемъ и пр.

XXXVIII.

Репортъ гр. Дибичу отъ командира 5-го резервнаго кавалерійскаго корпуса г.-л. Г. Крейца.

9-го февраля 1831 г.

Честъ имѣю донести вашему сіятельству, что 7-го числа сего мѣсяца, близъ м. Козенице, былъ я атакованъ соединенными непріятельскими силами подъ командою генераловъ Дверницкаго и Серавскаго, въ числѣ 18-ти эскадроновъ, 8-ми баталіоновъ, 2-хъ орудій пѣшей артиллеріи и 6-ти конныхъ (линейныхъ войскъ), и сверхъ оныхъ 600 лѣсныхъ стрѣлковъ, 3-мя полками кракусовъ и многочисленными толпами коссіонеровъ. По словамъ военно-плѣнныхъ, число войскъ, бывшихъ противу меня, простиралось до 16,000 человекъ.

Я находился въ весьма затруднительномъ положеніи, какъ уже имѣлъ честь донести вашему сіятельству отъ 1-го и 3-го февраля за № 93 и 101, бывъ совершенно отдѣленъ на лѣвомъ берегу Вислы, не имѣя болѣе 8 дней никакихъ свѣдѣній о сосѣдственныхъ войскахъ, кромѣ слуховъ, разсѣваемыхъ въ народѣ, и извѣстій, полученныхъ мною чрезъ военно-плѣнныхъ о потерѣ, понесенной отрядомъ генералъ-адъютанта барона Гейсмара, не вошедшему со мною въ сношеніе и отступившему, какъ я полагаю, вопреки данныхъ мною ему инструкцій, по направленію, удаляющему отрядъ его отъ моего.

Сражаясь цѣлую недѣлю съ непріателемъ, день ото дня усиливающимся, не имѣя надежнаго отступленія, ибо рѣка Висла ежечасно въ настоящее теплое время представляетъ большія затрудненія къ переправѣ, особливо артиллеріи и тяжелыхъ обозовъ, въ сей крайности, я не предвидѣлъ другого спасенія своему отряду, какъ сражаться до послѣдней капли крови и гибель свою ознаменовать въ рядахъ непріятельскихъ величайшимъ пораженіемъ.

Бой отряда моего 7-го числа сего мѣсяца продолжался отъ 10 часовъ утра до самой ночи; не имѣя другихъ средствъ отражать отчаянныя нападенія непріятеля, во столько разъ превосходившаго меня въ числительной силѣ, я воспользовался преимуществомъ моимъ въ артиллеріи, почему и рисковалъ ею съ тѣмъ, чтобы достигъ цѣли—не отступать ни шагу и симъ удержать моральную нашу поверхность. Командиру конно-артиллерійской № 28 роты подполковнику Бутовичу было поручено исполненіе сего управленія силъ. Опытъ показалъ, что я въ выборѣ своемъ не ошибся, ибо подполковникъ Бутовичъ, распорядясь

съ удивительнымъ равнодушіемъ и храбростію болѣе 3-хъ часовъ дѣйствіемъ своей артиллеріи (почти одними картечными выстрѣлами), удерживалъ непріятеля столько превосходнаго въ силахъ; сей храбрый офицеръ, получивъ двѣ раны въ пылу схватки кавалерійской, былъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двумя орудіями его роты; но сія потеря совершенно вознаграждена ужаснымъ пораженіемъ, нанесеннымъ непріятелю, который симъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ артиллеріи на самый ближній картечный выстрѣлъ былъ опрокинутъ и приведенъ въ совершенное разстройство. Хотя потеря сія мнѣ весьма прискорбна, но утѣшаюсь тѣмъ, что сею битвою я отвлекъ значительныя силы на себя и способствовалъ тѣмъ въ общемъ дѣлѣ усмиренія мятежниковъ, ибо въ продолженіе трехъ дней выстрѣлы съ правой моей стороны увѣрили меня, что наши войска сражаются.

Непріятель отступилъ чрезъ м. Ричеволь и сжегъ тамъ мостъ.

Въ сраженіи семъ съ нашей стороны, кромѣ взятаго въ плѣнъ подполковника Бутовича, убито нижнихъ чиновъ 57 человекъ; ранено: драгунскаго его королевскаго высочества герцога Александра Виртембергскаго полка прапорщики: Стрюковъ и Этингеръ, нижнихъ чиновъ 33 человекъ. Потеря непріятеля несравненно болѣе: на мѣстѣ сраженія найдено убитыхъ 3 штабъ-офицера и до 400 нижнихъ чиновъ; въ плѣнъ взято: адъютантъ генерала Дверницкаго, поручикъ Маецкій, и нижнихъ чиновъ 105, коихъ ежечасно еще приводятъ; большая часть изъ нихъ тяжело ранены; какъ военно-плѣнные показываютъ, что и генералъ Томицкій опасно раненъ холоднымъ оружіемъ и едва-ли переживетъ свои раны; въ числѣ плѣнныхъ находится довольное число регулярныхъ пѣхотныхъ солдатъ.

Донеся о семъ вашему сіятельству, имѣю честь почтеннѣйше присоветовать, что хотя непріятель сей разъ отбитъ совершенно, но положеніе мое отъ того мало улучшилось и что при новомъ нападеніи отражать его я могу, только не падя своей артиллеріи; но при всемъ томъ, коль скоро мостъ будетъ вновь устроенъ въ м. Ричеволь, то я всѣми силами буду стараться содѣйствовать къ общему успѣху и наводить на себя часть непріятельскихъ силъ.

Я дѣйствовалъ въ семъ случаѣ, какъ всегда, съ тою увѣренностію, что мѣры, мною предпріятыя, согласны съ честію русскаго офицера и съ общею пользою; впрочемъ, все сіе имѣю честь представить въ благоуваженіе вашего сіятельства.

Вѣрно: генералъ-адъютантъ Нейдгартъ.

XXXIX.

Императоръ Николай — графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 17 февраля (1 марта) 1831 г.

(Переводъ). Сію минуту прибылъ вашъ второй курьеръ, любезный другъ. Вы сообщаете мнѣ такъ мало подробностей о томъ, что происходитъ у васъ съ 4 (16) числа, что, по правдѣ сказать, я не могу понять движеній арміи и въ особенности того, что происходитъ у васъ на флангахъ. Я ожидалъ съ нетерпѣніемъ по крайней мѣрѣ одного донесенія о дѣлѣ Гейсмара; вы не говорите о немъ ни слова, однако оно стоило упоминенія, такъ какъ оно покрыло насъ позоромъ и всѣ иностранныя газеты повторяютъ малѣйшія подробности его, тогда какъ я не знаю ни одной. Въ самомъ дѣлѣ, я этого не понимаю. Съ 25 января я ничего не знаю о дѣйствіяхъ Крейца и вдругъ вы сообщаете мнѣ, что онъ былъ въ Радомѣ, не говоря, взялъ ли онъ Люблинь или переправился черезъ Вислу и только послѣ того, какъ онъ допустилъ забрать у себя два орудія, мнѣ объявляютъ, что онъ потерялъ ихъ по ту сторону Вислы.

Вы забываете, кажется, что я долженъ быть извѣщенъ обо всемъ и что здѣсь необходимо имѣть возможность сказать истину, чтобы опровергнуть ложные слухи или, по крайней мѣрѣ, чтобы не отставать отъ берлинскихъ газетъ, которыя говорятъ о вещахъ, намъ совершенно неизвѣстныхъ и которыя мы не можемъ ни опровергнуть, ни подтвердить.

Это неприлично и я рѣшительно приказываю вамъ разъ навсегда извѣщать меня о движеніяхъ войскъ и обо всемъ случающемся въ арміи. Я ничего не могу сказать вамъ о сраженіяхъ, такъ какъ я ничего о нихъ не знаю; частныя письма сообщаютъ намъ подробности, которыя мнѣ неизвѣстны.

Вы прекрасно сдѣлали, вѣривъ полкъ конныхъ егерей Виртембергскому. Прибытіе Шаховскаго чрезвычайно радуетъ меня, хотя я нахожу весьма рискованной его переправу черезъ Бугъ на разстояніи одного перехода отъ непріятельской арміи. Наконецъ, вы вѣроятно имѣете теперь лишнихъ 22 баталіона и 60 орудій и можете рискнуть дать сраженіе, которое случится, я полагаю, числа 14 (26) или 15 (27). Дай Богъ, чтобы оно окончилось къ славѣ нашего оружія; пора этой драмѣ заключиться блистательнымъ образомъ.

Весьма сожалѣю о ранѣ Сухозанета; вы не пишете мнѣ также, кѣмъ вы его замѣстили? Это постъ весьма важный. Я нахожу, что

одинъ только Герстенцвейгъ способенъ замѣнить его. Не понимаю, какимъ образомъ могли запоздать госпитальные предметы, высланные въ громадномъ количествѣ? Разузнайте, гдѣ они задержаны.

Такъ какъ г-жа Сухозанетъ имѣетъ уже знакъ отличія (la cocarde), то я предоставляю вамъ представить ее къ другой наградѣ. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ,—да направитъ и защититъ васъ всѣхъ Господь. Вашъ навсегда искренно преданный вамъ Николай.

Жена моя вамъ кланяется.

S.-Petersbourg le 17 Février (1 Mars) 1831.

Il y a un moment que votre second courrier m'est arrivé, mon cher ami. Vous me donnez si peu de détails sur tout ce qui se passe chez vous depuis le 4 (16), qu'en vérité je ne sais rien comprendre ni des mouvements de l'armée, ni surtout de ce qui se passe sur vos ailes. J'attendais avec impatience du moins un rapport sur l'affaire de Geismar; vous ne m'en dites pas un mot, cependant cela en valait bien la peine, car la honte en est grande, et toutes les gazettes étrangères en donnent tous les détails, tandis que je n'en connais aucun de vous. En vérité je ne le comprends pas. Depuis le 25 Janvier je ne sais rien des opérations de Kreutz et tout à coup vous me dites qu'il a été à Radom, sans me dire s'il a pris Lublin, ou il a passé la Vistule, et ce n'est que quand il s'est fait prendre 2 canons que l'on m'annonce qu'il les a perdu de l'autre côté de la Vistule.

Vous oubliez à ce qu'il me paraît que je dois être informé de tout et qu'ici il est indispensable de pouvoir informer de la vérité, pour démentir les faux bruits, ou du moins de ne pas rester en arrière des gazettes de Berlin qui parlent de choses que nous ignorons complètement et que nous ne pouvons ni démentir, ni confirmer.

La chose est indécente et je vous ordonne une fois pour tout et très expressément de me tenir au courant des mouvements et de événements de l'armée. Je ne puis rien vous dire des combats puisque je n'en sais rien; des lettres particulières parlent de détails que moi j'ignore.

Vous avez fort bien fait donner le régiment de chasseurs à cheval Württemberg. L'arrivée de Chahofskoy me fait grand plaisir; quoique je trouve bien dangereux son passage du Boug à une marche de l'armée ennemie. Enfin vous voilà probablement 22 bataillons et 60 pièces de plus, et vous pouvez risquer le combat, que je calcule avoir eu lieu le 14 (26) ou 15 (27). Que Dieu fasse qu'il ait tourné à la gloire de nos armes; il est temps que ce drame finisse d'une manière éclatante.

Je suis bien aux regrets de la blessure de Souchosanet; vous ne me dites non plus, par qui vous l'avez remplacé? C'est un poste bien imposant. Je ne vois que Герстенцвейгъ de capable pour le remplacer. Je ne comprends pas le retard de l'arrivée des objets d'hospitaux dont une quantité énorme a été envoyée. Sachez où tout cela reste.

Madame Souchosanet ayant déjà la cocarde, je vous laisse libre de la présenter pour une autre récompense. Mille choses à tous les vôtres et que bon Dieu vous guide tous et vous couvre de son égide. A vous pour la vie.

Votre sincèrement affectionné N.

Mille choses de la part de ma femme.

XL.

Графъ Дибичъ — императору Николаю.

Милосна. 19 февраля 1831 г.

(Переводъ). Ваше величество, послѣ послѣднихъ депешъ, которыя я имѣлъ честь адресовать в. и. в., въ армию не случилось ничего особенно интереснаго.

Потери, понесенныя въ дѣлѣ 13 числа, оказались, какъ я предполагалъ, болѣе значительными, нежели сообщалось въ первомъ доносѣ. Онѣ доходятъ убитыми и ранеными до восьми тысячъ чело-вѣкъ. Но за то по единогласнымъ показаніямъ плѣнныхъ, перебѣжчиковъ и мѣстныхъ жителей, въ особенности жидовъ, являющихся къ намъ ежедневно, уронъ непріятеля несравненно значительнѣе; всѣ госпитала, казармы и самый дворецъ Сапѣги загромождены ранеными. Всѣ повторяютъ слухъ, будто Хлопицкій тяжело раненъ, а у Жимирскаго оторвало руку. Говорятъ, будто нѣкоторые другіе польскіе генералы также ранены, но это менѣе вѣроятно. Впрочемъ, во всѣхъ непріятельскихъ войскахъ, видѣнныхъ мною вблизи, я не замѣтилъ ни шляпы, ни какого-либо иного знака, изобличающаго присутствіе какого-нибудь генерала и всѣ сдѣлали подобное же замѣчаніе.

Наши генералы, напротивъ того, по большей части слишкомъ храбры; это прекрасный недостатокъ, но я желалъ бы, чтобы наши дивизионные генералы соединяли съ нимъ большую способность къ военнымъ диспозиціямъ на мѣстности.

Въ числѣ раненыхъ съ нашей стороны въ битвѣ при Гроховѣ находится генералъ-маюръ Добрищинъ-Каблуковъ, также былъ сильно контуженъ пулею. Судя по тѣмъ показаніямъ, о которыхъ я говорилъ

выше, 2-й и 4-й полки легкой кавалеріи и 7-й линейный полкъ почти не существуютъ. Тѣ же люди утверждаютъ, что вновь сформированные полки (они вооружены ружьями лишь въ первыхъ рядахъ, тогда какъ прочіе снабжены только косами) и краковцы (krakous) воспользовались безпорядкомъ, слѣдовавшимъ за сраженіемъ, и большая часть ихъ разбѣжалась, такъ что не смотря на принятія, вѣроятно, строгія мѣры, дезертированье весьма значительно даже въ регулярныхъ войскахъ.

Произведя рекогносцировку для изслѣдованія предмостнаго укрѣпленія Праги, я не считаю возможнымъ произвести нападеніе на укрѣпленіе хорошо построенное, планкированное, обнесенное палисадомъ (palissadé) и снабженное достаточнымъ гарнизономъ, а всякое подобіе осады, веденной правильно, стоило бы намъ массу боевыхъ запасовъ, въ которыхъ мы нуждаемся для войны въ открытомъ полѣ.

Погода, къ несчастію, стоитъ непостоянная: то подморозитъ, то нѣсколько часовъ спустя все начинаетъ таять. Гораздо желательнѣе было бы, чтобы температура была постояннѣе. Если бы Висла вскрылась, то я могъ бы расположить войска на квартирахъ на болѣе обширномъ пространствѣ, давъ имъ отдыхъ, а болѣе сильный морозъ обезпечилъ бы намъ переправу черезъ рѣку и возможность вести за собою походные госпитали. Однако погода установится, вѣроятно, черезъ нѣсколько дней.

Между тѣмъ я сосредоточу 1-ю гренадерскую дивизию и послалъ уже генерала Сакена съ бригадой кавалеріи, пѣхоты и съ двумя казачьими полками рекогносцировать мѣстность между Наревомъ и Вислою. По прибытіи гвардейскаго корпуса, онъ составитъ его авангардъ, во время похода будетъ прикрывать правый флангъ, а въ случаѣ остановки займетъ аванпосты по нижнему теченію Вислы.

Я устраниваю главные госпитали въ Сѣдлецѣ, откуда стараюсь, по мѣрѣ того какъ новые транспорты прибываютъ изъ госпиталей: Окунева, Минска и Калушина, отправлять больныхъ въ Брестъ (à déblayer sur Brest).

Я скомплектовалъ вновь мои артиллерійскіе боевые запасы, но сомнѣваюсь, чтобы непріятель также успѣлъ сдѣлать это. Я имѣю еще въ резервѣ полукомплектъ, не считая зарядныхъ ящиковъ, находящихся въ Вѣлостокѣ. Остальные парки подоспѣютъ впоследствии.

Въ продовольствіи, благодаря усиленнымъ транспортамъ изъ Россіи, не чувствуется недостатка, но мы бѣдны фуражемъ. Вслѣдствіе этого я отвелъ со вчерашняго дня болѣе обширную стоянку для резервной кавалеріи. Страна, хорошо сохранившаяся до Сѣдлеца, лишена всѣхъ естественныхъ средствъ, начиная отъ Калушина. Мятежники, отступая,

сами грабили деревни, истощенныя уже продолжительнымъ пребываніемъ ихъ арміи. Несчастная мѣстность эта чрезвычайно пострадала, въ ней весьма мало жителей и они обречены на крайнюю нищету. Я стараюсь, по возможности, оказать имъ пособіе. Разрушеніе распространилось въ ширину верстъ на двадцать вправо и влѣво отъ большой дороги.

Я приказалъ произвести рекогносцировки, съ цѣлью узнать какіе пункты наиболѣе пригодны для переправы черезъ Вислу выше Варшавы. Если бы рѣка вскрылась окончательно, то Карчевскій мостъ показался бы мнѣ, вѣроятно, слишкомъ близкимъ отъ центра непріятельскихъ силъ. Однако я, не колеблясь, избралъ бы этотъ пунктъ, если бы прочіе не представляли тѣхъ же стратегическихъ выгодъ и если бы лѣвый берегъ не былъ затопленъ, на что я разсчитываю, такъ какъ въ нынѣшнемъ году выпало весьма мало снѣга.

Поспѣшность, съ какою я постарался отпривать в. и. в. реляцію о сраженіи 13-го числа, была причиною одного упущенія съ моей стороны, о которомъ я искренно сожалею. Я не упомянулъ въ ней, государь, о славныхъ дѣйствіяхъ генералъ-майоровъ Муравьева и Герстенцвейга. Первый сражался съ замѣчательною отвагою во главѣ своихъ войскъ и бригада его, на которую не возлагали особенныхъ надеждъ, оказалась лучшею въ арміи. Въ этомъ дѣлѣ гвардейскіе офицеры соперничали храбростію со старыми служаками и изъ числа 24 ихъ выбыло 10 изъ строя. Генералъ Герстенцвейгъ сопровождалъ графа Толя въ атаку, произведенной резервной кавалеріей, и особенно отличился, командуя артиллеріей этого отряда.

Я долженъ присовокупить, къ величайшему моему сожалѣнію, что когда я уже отправилъ донесеніе в. и. в. о дѣлѣ 13-го числа, то князь Шаховской, не говорившій мнѣ объ этомъ ничего при нашемъ первомъ свиданіи на полѣ битвы, извѣстилъ меня рапортомъ, что въ дѣлѣ, которое онъ имѣлъ въ этотъ день по утру, ему пришлось бросить одно орудіе легкой батареи № 2-й, изъ 1-й бригады, взятое имъ отъ отряда Мандерштерна, которое, сбившись съ пути, завязало въ одномъ изъ тѣхъ болотистыхъ рвовъ, коими такъ изобилуютъ окрестности Варшавы. Князь Шаховской надѣялся разыскать это орудіе, но лица, посланныя за нимъ, узнали отъ жителей, что крестьяне вытащили его изъ рва и оно увезено. Эта потеря тѣмъ болѣе чувствительна, что она не была искуплена, какъ потеря орудій Крейца, дѣйствіемъ нашего орудія на непріятели. Я былъ вынужденъ сдѣлать это замѣчаніе князю Шаховскому.

Письмо мое было написано до сихъ поръ, когда я получилъ донесеніе генерала Сакена, извѣщающаго меня, что подполковникъ Сва-

линскій, командующій 4-мъ баталіономъ 8-го линейнаго полка, перешелъ въ это лагерь. Онъ прибылъ вчера вечеромъ въ мою главную квартиру. Я обошелся съ нимъ съ тѣмъ уваженіемъ, какого заслуживаетъ человекъ, подавшій первый примѣръ возврата къ своему долгу. Я посылаю его въ Гродно, откуда онъ будетъ препровожденъ въ С.-Петербургъ, въ сопровожденіи офицера.

Извѣстія, привезенныя намъ подполковникомъ Сволинскимъ, въ высшей степени интересны. Его показанія о потеряхъ, понесенныхъ поляками, согласуются съ тѣми, которыя получены ранѣе, но онъ прибавляетъ, что такъ какъ князь Радзивиль объявилъ себя неспособнымъ долѣе командовать арміей, то его просьба объ отставкѣ принята точно также, какъ и отставки генераловъ: Вейсенгофа, Крюковницкаго, Томильцкаго, Сухаржевскаго, Гелгуша и нѣкоторыхъ другихъ, и что главнокомандующимъ избранъ бывший полковникъ 8-го полка, Скжынецкій (Skryneski), одинъ изъ наиболѣе молодыхъ генераль-майоровъ, такъ какъ онъ произведенъ въ генералы революціоннымъ правительствомъ. Какъ ни мало вѣроятно это извѣстіе, но подполковникъ Сволинскій выдаетъ его за достовѣрное, утверждая, что онъ слышалъ его отъ генерала Янковскаго, прѣѣзжавшаго изъ Варшавы въ Модлинъ, чтобы посѣтить полковника Ледуховскаго.

Этотъ полковникъ числится комендантомъ Модлина, гарнизонъ котораго состоитъ изъ 4-хъ баталіоновъ 4-хъ дивизій разныхъ полковъ и изъ двухъ баталіоновъ милиціи. Посовѣтывавшись съ графомъ Бурутою, я пошлю полковника Киля парламентаромъ въ Модлинъ съ цѣлью постараться призвать Ледуховскаго къ исполненію его долга. Но я не рассчитываю на успѣхъ.

Генераль Сакенъ также донесъ мнѣ, что довольно значительное количество милиціи съ нѣсколькими баталіонами и эскадронами регулярныхъ войскъ, съ 8-ю орудіями, двинулось изъ Плоцка по направленію къ Плонску и что другіе, довольно многочисленныя, отряды милиціи находятся въ Черкановѣ и Прайницѣ, въ воеводствѣ Плоцкомъ. Не имѣя возможности мечтать о переправѣ черезъ Вислу до вскрытія рѣки и даже нѣсколько дней спустя, я счелъ за лучшее употребить это время, пославъ литовскій корпусъ для подкрѣпленія генерала Сакена и поручивъ барону Розену разсѣять всѣ эти сборища.

Мои достойные товарищи по оружію благодарятъ в. и. в. за вашу милостивую память о нихъ. Прошу васъ, государь, повергнуть меня къ стопамъ ея в. государыни императрицы и принять увѣреніе въ глубочайшей благодарности и преданности, съ коими честь имѣю быть в. и. в. всепокорнѣйшій и всепреданнѣйшій слуга и вѣрноподаваемый И. Дибичъ-Забалканскій.

XLI.

Презить статьи для напечатанія въ Вѣдомостяхъ съ поправками рукою его величества.

1831 г.

Главнѣйшю командующей дѣйствующею арміею отъ 19-го февраля доносить государю императору, что послѣ сраженія 13-го числа никакихъ важныхъ военныхъ дѣйствій не происходило. Не взирая на поражение, нанесенное въ тотъ день арміи мятежниковъ и на совершенное разстройство, въ коемъ она находится на правомъ берегу Вислы, доселѣ еще невозможно было воспользоваться всеми выгодами побѣды. Ненадежное состояніе льда на Вислѣ, вскрывшейся во многихъ уже мѣстахъ, не дозволяетъ предпринять переправы войскъ нашихъ до совершеннаго ея очищенія, ниже овладѣть остающимся въ рукахъ мятежниковъ мостовымъ укрѣпленіемъ въ Прагѣ, которое, имѣя свободное сообщеніе съ Варшавою, можетъ противопоставить намъ упорную защиту, между тѣмъ какъ обладаніе онымъ въ настоящемъ положеніи рѣки не представляетъ существенной выгоды ¹⁾).

Ген.-ф. графъ Дибичъ Забалканскій вмѣстѣ съ симъ доносить е. и. в., что потеря наша въ сраженіи 13-го числа превышаетъ первоначальное показаніе объ оной—по рапортамъ полковъ она простирается до 8,000 убитыми и ранеными, но потеря мятежниковъ, безъ всякаго сравненія, значительнѣе нашей потери отъ сосредоточеннаго дѣйствія нашей многочисленной артиллеріи и стремительныхъ атакъ нашей кавалеріи.

Сіе подтверждено показаніемъ плѣнныхъ и ежедневно передающихся къ намъ нижнихъ чиновъ и жителей варшавскихъ.

(Рукою г.-а. гр. Чернышева сдѣлано противу этого съ боку слѣдующее замѣчаніе:)

«Въ первомъ рапортѣ гр. Ивана Ивановича сказано 4,000. Не сдѣлаетъ ли сіе непріятнаго впечатлѣнія, такъ какъ здѣсь потеря показана вдвое».

Выс. резолюція. «Правда должна быть извѣстна какъ есть».

¹⁾ Противъ послѣднихъ строкъ высочайшая резолюція: „Лучше не упоминать“.

XLII.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 21 февраля (2 марта) 1831.

[Переводъ]. Вчера въ 3 часа прибылъ Будбергъ съ вашимъ письмомъ отъ 14 (26) числа. Благодарю Бога за дарованный намъ успѣхъ; храбрость нашего прекраснаго войска нисколько не удивляетъ меня, скорѣе я былъ бы изумленъ противнымъ. Но признаюсь вамъ, другъ мой, что я ожидалъ болѣе важныхъ и въ особенности болѣе рѣшительныхъ результатовъ, взявъ во вниманіе значительное превосходство нашихъ силъ и прочія выгоды нашей позиціи. Почти невѣроятно, что при подобныхъ условіяхъ непріятелю удалось спасти всю свою артиллерію и переправиться со всѣмъ войскомъ черезъ Вислу въ одномъ пунктѣ. Можно было ожидать по крайней мѣрѣ, что онъ потеряетъ большую часть своей артиллеріи и что тутъ повторится Березинская драма. Теперь развязка похода отложится еще на нѣкоторое время. Остается только сказать, что вѣрно такова воля Господня, и покориться ей, продолжая эту войну со всею возможною энергіей.

Я долженъ вамъ замѣтить, что съ самаго начала кампаніи я не получалъ ни одной вѣдомости о движеніяхъ войска; что я нахожусь въ полнѣйшемъ и совершенно неспостижимомъ невѣдѣніи относительно всѣхъ диспозицій отдѣльныхъ частей войска. Я не знаю даже, что сталося съ остальными 10 баталіонами изъ колонны кн. Шаховскаго, такъ что я не въ состояніи слѣдить за событіями; это не можетъ такъ продолжаться и я долженъ повторить вамъ, чтобы вы слѣдили за тѣмъ, чтобы я получалъ извѣстія обо всемъ происходящемъ, ибо такъ должно быть и нѣтъ причины, чтобы было иначе; даже въ Турціи и въ Персіи всякое отданное приказаніе строго исполняется. Я полагаю, что остальная часть польской арміи воспользуется тѣмъ временемъ, когда ненадежное состояніе Вислы помѣшаетъ вамъ переправиться черезъ рѣку, чтобы стянуть остальные резервы и запартироваться боевыми запасами въ Модлинъ; весьма возможно даже, что, прибѣгнувъ къ крайнему средству, они сформируютъ большой отрядъ съ цѣлью двинуться отъ Модлина на Пултускъ и напасть на отряды, оставленные на ковенской дорогѣ или движущіеся по ней. Вслѣдствіе этого я приказалъ приостановить на два дня движеніе головы второй гвардейской дивизіи, такъ чтобы она шла вмѣстѣ со всей дивизіей; такое же приказаніе получить кирасирская дивизія, но было бы хорошо, чтобы вы имѣли часть вашей огромной кавалеріи для развѣдковъ по воеводству Плоцкому и для того, чтобы разоружить

тамъ войско, подобно тому, какъ это сдѣлано уже въ занятыхъ нами воеводствахъ.

Атака, произведенная кирасирами съ ихъ артиллеріей, прекрасна, точно также какъ и дѣйствія гвардейскихъ улановъ; но я сожалею, что вы назначили послѣднихъ въ дѣло, лучше было бы обойтись безъ нихъ и употребить ихъ вмѣстѣ со всѣмъ корпусомъ лишь въ послѣдней крайности. Прикажите немедленно укомплектовать этотъ полкъ 15 рядами, взявъ улановъ изъ Литовскаго полка, какъ наиболѣе сильныхъ. Точно также прикажите комплектовать людьми и лошадьми конно-гвардейскую батарею.

Вчера вечеромъ отправлено приказаніе двинуть по одному резервному эскадрону изъ 3 кирасирскихъ и 3 уланскихъ полковъ ¹⁾, они могутъ присоединиться къ вамъ въ половинѣ апрѣля. Вы считаете свой уронъ въ 10,000 человекъ, я же полагаю, что онъ доходитъ до 15,000 чел., благодаря безразсуднымъ дѣйствіямъ Гейсмара, отъ котораго я не имѣю до сихъ поръ донесенія. За то потерю неприятеля я считаю сравнительно въ 20,000 человекъ и вѣроятно не дѣлаю большой ошибки, взявъ во вниманіе дѣйствіе нашей многочисленной артиллеріи. Имъ трудно будетъ пополнить убыль артиллеристовъ, это обстоятельство весьма важное. Если бы Варшава не сдалась на капитуляцію послѣ вашего требованія и если бы армія вздумала запереться въ ней; чего я не могу предположить, то вы можете бомбардировать ее, если войско будетъ защищать городъ; если же войско не засадитъ тамъ, то вы могли бы даже доказать, что городъ возможно сжечь, не ведя впрочемъ правильной атаки, такъ какъ голодъ будетъ средствомъ болѣе вѣрнымъ и столь же дѣйствительнымъ.

Остается теперь предположить, что крѣпость могла бы сдаться; сдача эта должна быть безусловною. Въ такомъ случаѣ прикажите арестовать главныхъ виновниковъ, помиловать мелочь; я называю главными виновниками зачинщиковъ нападенія на Бельведеръ и убійцъ, членовъ незаконнаго правительства и въ особенности Чарторыйскаго и Делевеля и другихъ имъ подобныхъ негодяевъ.

Учредите въ городѣ такое правленіе, какое вы найдете болѣе подходящимъ къ обстоятельствамъ. Дозволяю вамъ обратить королевскій замокъ въ военный госпиталь, оставивъ неприкосновеннымъ только кабинетъ покойнаго государя. Всѣ вещи, какъ-то мундиръ государя и прочіе предметы, принадлежавшіе ему, должны быть высланы мнѣ немедленно. Королевскія вещи, какъ-то тронъ и т. п., должны быть прибраны въ надежное мѣсто и опечатаны до полученія отъ меня

¹⁾ Par un escadron de réserve des 3 cuirassiers et 3 lanciers par régiment.

дальнѣйшихъ приказаній. Прикажите также опечатать университетскую библиотеку и библиотеку литературнаго общества. Орудія изъ Варны, находящіяся въ Варшавѣ, слѣдуетъ забрать и отправить въ Динабургъ. Впрочемъ соблюдайте строжайшую дисциплину, держите въ городѣ какъ можно меньше войска и только необходимое число его въ казармахъ. Лучше всего было бы поручить охрану города гвардіи, которая имѣетъ тамъ свои квартиры и уже свыклась съ Варшавою.

Вы знаете уже, что я сформировалъ для 6-го корпуса 26-ую дивизію; чѣмъ скорѣе вы будете въ состояніи присоединить ее, чтобы облегчить ея организацію, тѣмъ лучше. Я полагаю, что съ этой цѣлью вы могли бы немедленно приказать 2-му корпусу двинуться, чтобы замѣнить въ Бѣлостокѣ и его окрестностяхъ баталіоны 24-й дивизіи и условиться съ Сакеномъ, чтобы замѣнить баталіоны 25-й дивизіи дивизионами 3-го корпуса. Брестъ и Сѣдлецъ должны быть сборнымъ пунктомъ 26-й дивизіи, т. е. тѣмъ пунктомъ, гдѣ она будетъ окончательно сформирована. Новые резервные баталіоны 6-го корпуса не могутъ прибыть ранѣе конца апрѣля мѣсяца. Я тороплю по мѣрѣ возможности сформированіе резервныхъ баталіоновъ 1-го корпуса и гренадерскаго полка, но это нельзя будетъ исполнить такъ скоро, такъ какъ новобранцы запаздываютъ. Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ 7 числа, у васъ находится извѣстный Борткевичъ, его слѣдуетъ держать какъ государственнаго преступника и какъ такового отправить въ Бобруйскъ.

Я произвелъ Притвица во флигель-адъютанты, оставивъ его при полку; то же повышеніе получили Будбергъ и баронъ Мейендорфъ. Точно также я наградилъ Толя, Розена, Палена, Нейтгарда и Горчакова; относительно другихъ я подожду.

Косецкій пріѣхалъ; онъ скоро поѣдетъ вслѣдъ за Энгелемъ. Миѣ нечего болѣе сказать вамъ. Извѣстія, получаемыя изъ Франціи, ухудшаются съ каждымъ днемъ; въ Парижѣ разграблены церкви и крестъ замѣненъ трехцвѣтнымъ знаменемъ! Пора покончить дѣла въ Польшѣ, чтобы имѣть руки развязанными.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ храбрецамъ, Толю и компаніи; скажите кирасирамъ, что я съ особеннымъ удовольствіемъ вижу, что они сдержали слово и что первое появленіе ихъ въ бою было произведено въ томъ же боевомъ порядкѣ, въ какомъ я видѣлъ ихъ въ послѣдній разъ, когда я имъ предсказалъ, что если они точно также будутъ держать себя передъ непріятелемъ, то никто не устоитъ передъ ними. Поберегите ихъ по возможности, точно также какъ гренадеръ, такъ какъ это отборное войско чрезвычайно понадобится намъ; главное сосредоточьте гренадеръ и не образуйте изъ нихъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Прощайте, любезный другъ, да направить и защитить васъ Господь. Вашъ навсегда искренно преданный Николай.

Жена моя кланяется вамъ.

S.-Petersbourg, le 21 Février (2 Marz) 1831.

C'est hier à 3 heures qu'est arrivé Boudberg, porteur de votre lettre du 14 (26). Je bénis Dieu pour le succès qu'il a daigné nous accorder; la bravoure de nos excellentes troupes ne saurait me surprendre, je ne m'étonnerais que du contraire. Mais je vous avoue, mon cher ami, que je m'attendais à de plus grands résultats, et surtout plus décisifs, vu l'immense supériorité de nos forces et les autres avantages que la position vous offrait. Il est presque incroyable qu'après de telles chances, l'ennemi ait pu sauver toute son artillerie et repasser en entier la Vistule sur un seul pont. L'on pouvait au moins s'attendre à lui voir perdre une grande partie de son artillerie et voir répéter un second Bérézina. Maintenant c'est partie remise. Il faut le dire que le bon Dieu l'a voulu ainsi et s'y résigner, en continuant cette guerre odieuse avec toute la rigueur possible.

Je vous observerais que depuis l'ouverture de la campagne je n'ai pas reçu un seul journal des mouvements de l'armée; que je suis dans l'ignorance la plus complète comme la plus incroyable de toutes les dispositions des parties détachées de l'armée. Je ne sais pas même ce que sont devenus les 10 bataillons restants de la colonne du P. Chahofskoy, de façon que je ne puis rien suivre de ce qui se passe, cela ne peut pas durer ainsi, et je suis obligé de vous répéter de veiller à ce que je sois tenu au courant de ce qui se passe, parceque cela doit être et qu'il n'y a pas de raison pour qu'il en soit autrement; même en Turquie et en Perse l'ordre ordonné a toujours été strictement observé. Je suppose que le reste de l'armée polonaise tâchera de profiter du temps où l'état de la Vistule vous empêchera d'en faire le passage, pour attirer à soi les dernières réserves et se ravitailler en munitions de Modlin; dans leur désespoir de cause, il ne serait pas impossible même qu'ils ne fassent un gros détachement, pour déboucher de Modlin sur Pultusk, et tomber sur les détachements laissés ou en marche sur la chaussée de Kowno. J'ai ordonné à cet effet d'arrêter de deux jours le mouvement de la tête de la seconde division de la garde, de façon à la faire marcher ensemble; il en sera de même de la division des cuirassiers, mais il serait bon que vous eussiez de votre énorme cavalerie pour battre le palatinat de Plotsk pour y opérer le désarmement à l'instar de ce qui a été fait dans ceux que nous occupons déjà.

La charge des cuirassiers avec leur artillerie est superbe, ainsi que des lanciers de la garde; mais je suis au regret de ce que vous avez fait donner ces derniers; il eut été mieux de s'en passer, et de ne les employer qu'avec leur corps et dans la dernière extrémité. Vous ferez de suite compléter ce régiment à 15 files en prenant sur les lanciers de Lithuanie comme les plus forts. Vous ferez de même compléter en hommes et en chevaux la batterie à cheval de la garde.

L'ordre est parti hier soir pour faire marcher par un escadron de réserve des 3 cuirassiers et 3 lanciers par régiment, ils pourront vous rejoindre à la mi-avril. Vous estimez votre perte à 10.000, moi je la suppose à 15.000 hommes avec les sottises de Geismar, dont jusqu'à présent je n'ai pas de rapport. Par comparaison j'établis à 20.000 la perte de l'ennemi et je ne crois pas me tromper de beaucoup vu l'effet de notre nombreuse artillerie. Ils auront de la peine à refaire leur perte en artilleurs et cela est fort conséquent. Si Varsovie ne capitulait pas à votre sommation et que l'armée voulut s'y enfermer, ce que je ne puis croire, alors vous la bombarderez, si elle faisait de même, même si l'armée ne s'y enfermait pas, vous pourriez aussi lui prouver que l'on peut la brûler, sans cependant tenter une attaque en forme, puisque la famine serait plus sûre et tout aussi efficace.

Reste enfin la supposition d'une reddition; elle ne doit être qu'à discretion. Vous ferez dans ce cas arrêter tous les grands coupables, en faisant amnistie à la мелочь; j'appelle grands coupables les auteurs de l'attaque contre Belvédère et les assassins, les membres du gouvernement illégal et surtout Tchartorisky et Lélével et autres faquins semblables.

Vous établirez dans la ville telle administration que vous trouverez convenable pour le moment. Je vous autorise de transformer le chateau Royal en hôpital militaire, en ne respectant que le cabinet de feu l'Empereur. Tous les objets tels que l'uniforme de l'Empereur et autres objets, qui lui ont appartenus, me seront envoyés sur le champ. Les objets Royaux comme trône etc. devront être mis en lieux de sûreté et scellés jusqu'à nouvel ordre. Vous ferez de même mettre les scellés sur la bibliothèque de l'Université et celle de la société des belles lettres. Les canons de Warne devront être enlevés et envoyés à Dunabourg. Du reste la plus exacte discipline, le moins de troupes possible en ville et l'indispensable en casernes. Le mieux serait de confier la garde de la ville à la garde, qui y possède ses établissements et ses habitudes.

Vous savez déjà que j'ai formé une 26 division pour le 6 corps; le plutôt que vous pourrez la réunir pour faciliter son organisation le mieux ce sera. Je pense que pour le faire vous pourriez ordonner de

suite au 2 corps d'avancer et de remplacer à Bialostok et environs les bataillons de la 24, et vous aboucher avec Sacken pour remplacer ceux de la 25 par les divisions du 3 corps. Brest devrait être avec Sedlze le point de réunion ou de formation finale de la 26 division. Les nouveaux bataillons de réserve du 6 corps ne peuvent arriver que vers la fin d'Avril. Je hate tant que je puis la formation des bataillons de réserve du 1 corps et des grenadiers, mais ce ne sera pas de sitot, les recrues nous arrivont fort tard. Parmi vos prisonniers du 7 vous avez le fameux Bortkévitch; celui la doit être tenu comme criminel d'Etat et envoyé comme tel à Bobrouysk.

J'ai nommé Pritwitz mon aide de camp en le laissant au régiment; j'en ai fait de même pour Boudberg et pour le Baron Meyendorf. J'ai recompensé de même Toll, Rosen, Pahlen, Neithardt et Gortchakof; j'attends pour les autres.

Kossesky est arrivé, il suivra Engel dans peu. Rien de plus à vous dire. Les nouvelles de France deviennent de jour en jour plus mauvaises; à Paris l'on a pillé des églises et remplacé la croix par le drapeau tricolore! Il est temps que l'affaire de Pologne se termine, pour avoir les coudes libres.

Mille choses à tous nos braves, Toll et compagnie; dites aux cuirassiers que j'ai eu une vraie satisfaction de voir qu'ils m'ont tenu parole, et que leur première apparition au feu ait été exactement dans l'ordre de bataille dans lequel je les ai vu pour la dernière fois, et où je leur prédit que si devant l'ennemi ils sauraient être tels que je les voyais là, que rien ne leur résisterait. Menagez les tant que vous pouvez, ainsi que les grenadiers, car nous aurons bien besoin de cette troupe d'élite; surtout réunissez les grenadiers et n'en faite pas de détachements.

Adieu, mon cher ami, que Dieu vous couvre de son égide et vous inspire! Tout à vous pour la vie.

Votre sincèrement affectionné N.

Ma femme vous dit mille choses

XLIII.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Милосна, 21-го февраля 1831 г.

[Переводъ]. Ваше величество, отправивъ 19-го февраля моего курьера, я намѣревался отправиться къ аванпостамъ для осмотра ихъ, какъ вдругъ адъютантъ гр. Палена явился ко мнѣ съ извѣстіемъ, что какой-то парламентаръ требуетъ свиданія со мною. Не желая закрывать всякій путь къ примиренію, я приказалъ привести его ко мнѣ, съ завязанными глазами въ Грохово. Оказалось, что это полковникъ Мѣчельскій, бывший адъютантъ е. и. в. великаго князя цесаревича.

Этотъ полковникъ объявилъ мнѣ, что онъ уполномоченъ временнымъ правительствомъ и главнокомандующимъ польской арміей спросить меня, на какихъ условіяхъ е. и. в. разрѣшили мнѣ прекратить враждебныя дѣйствія. Онъ распространился о бѣдствіяхъ, вызываемыхъ войною, сознался, что бывшія сраженія стоили имъ болѣе 10,000 человекъ, но напомнилъ, что и наши успѣхи стоили намъ громаднхъ жертвъ.

Я отвѣчалъ, что разумѣется я желаю болѣе всѣхъ прекращенія раззорительной войны, въ которой нашими врагами являются люди, такъ недавно бывшіе нашими согражданами, нашими братьями; что тѣмъ не менѣе я не могу признать существованіе въ Варшавѣ какого бы то ни было правительства, когда преступный и незаконный сеймъ осмѣлился низложить императора и короля, что поэтому я не имѣю права входить съ нимъ въ переговоры, но что если новый главнокомандующій польской арміи, чувствуя всю важность возложенныхъ на него обязанностей, желаетъ чистосердечно изъявить свою покорность е. в., то обнародованный манифестъ укажетъ ему на дальнѣйшій его образъ дѣйствій и что въ немъ изложены единственныя условія, какія я могу предложить.

Полковникъ Мѣчельскій возразилъ мнѣ на это, что если армія, по смыслу манифеста, сдастся въ Плоцкѣ, то это значило бы отдать въ наши руки Варшаву и пожертвовать всѣми правами Польши, въ защиту которыхъ народъ поднялъ оружіе. Онъ сознался, что онъ вполне убѣжденъ въ томъ, что въ концѣ концовъ мы подавимъ польскія войска нашимъ численнымъ превосходствомъ, но что сдастся безусловно было бы подлостью, на которую они никогда не согласятся, что они скорѣе рѣшатся погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, даже безо всякой надежды на успѣхъ, или примутъ какое нибудь отчаянное рѣшеніе, какъ напр. пробить себѣ силою дорогу до Франціи, о чемъ вопросъ уже былъ поднятъ.

Я сказалъ съ своей стороны, что по моему мнѣнію нѣтъ иного средства къ примиренію, какъ сдаться безусловно, положась на милосердіе и великодушіе в. и. в. Я доказывалъ, что для солдата не можетъ быть постыднымъ возвратиться къ исполненію данной присяги, что первымъ дѣйствіемъ арміи должно быть провозглашеніе незаконности декрета о низложеніи короля. Я не хотѣлъ даже останавливаться на опроверженіи возможности войскамъ пройти земли Австріи и Пруссіи по пути во Францію, но обратился къ разуму и къ истинному патриотизму, чтобы доказать, что армія, сознавъ невозможность побѣдить, обязана, ради отечества и своихъ согражданъ, отказаться отъ бесполезнаго сопротивленія.

Польскій депутатъ, нарисовавъ затѣмъ обстоятельную картину обидъ, нанесенныхъ польскому народу вслѣдствіе нарушенія нѣкоторыхъ главныхъ статей польской хартіи, старался этимъ объяснить и оправдать революцію. Онъ старался на тысячу ладовъ вызвать меня на объясненіе по поводу соблюденія конституціи и получить отъ меня обещаніе, что она не будетъ отмѣнена.

Я съ своей стороны тщательно избѣгалъ объясниться, ссылаясь на тѣ рѣшенія, какія могутъ быть приняты в. и. в. по полученіи извѣстія о томъ, что Польша признала вашу августѣйшую власть.

Полковникъ Мѣчельскій желалъ повидимому добиться перемирія, во-первыхъ, съ тѣмъ, чтобы дать польскому правительству время принять какое-либо рѣшеніе, и во-вторыхъ, чтобы я, со своей стороны, могъ послать въ С.-Петербургъ курьера за вашимъ, государь, окончательнымъ рѣшеніемъ. Я объяснилъ ему совершенно откровенно, что инструкции, данныя мнѣ, воспрещаютъ заключать перемиріе, основанное на какомъ бы то ни было взаимномъ соглашеніи, но что если польская армія двинется на Плоцкъ съ явнымъ намѣреніемъ изъявить тамъ свою покорность, то я обязуюсь не атаковать ее, не прекращая однако же прочихъ нашихъ военныхъ операцій. Впрочемъ я замѣтилъ, что наступившее время года благоприятствуетъ желанію поляковъ, вынуждая прекратить на нѣсколько дней враждебныя дѣйствія, чѣмъ они могутъ воспользоваться для того, чтобы зрѣло обдумать участь, которую они готовятъ странѣ своимъ упорнымъ, но какъ говорятъ, — бесполезнымъ сопротивленіемъ. Я присовокупилъ, что чѣмъ скорѣе и добровольнѣе будетъ изъявлена покорность, тѣмъ болѣе Польша можетъ надѣяться на то, что в. в. отнесется къ ней съ снисхожденіемъ.

Полковникъ Мѣчельскій отвѣчалъ мнѣ фразами, настаивалъ на возможности войску отправиться въ Плоцкъ и объявить себя противникомъ правительства, созданнаго волею народа, припомнилъ прежнія

обиды, высказавъ надежду, что королевское правительство, если оно будетъ восстановлено, сьумѣетъ впредь избѣгнуть прежнихъ ошибокъ и предложилъ, наконецъ, избрать в. в. королемъ польскимъ.

Услыхавъ столь странное предложеніе, я хотѣлъ прекратить нашъ разговоръ, но прежде счелъ необходимымъ выяснитъ всю нелѣпость этого предложенія и растолковать ему совершенно ясно, что мы не только не желаемъ упрочитъ принципъ народной власти (*souveraineté du peuple*) и всё проистекающія изъ него революціонныя тенденціи, но что, напротивъ, всё наши заботы будутъ клониться къ тому, чтобы исправить бѣдствія, причиненныя ими. Я доказывалъ, что декреты незаконнаго собранія, присвоившаго себѣ верховную власть, не могутъ уничтожить никакихъ правъ, а тѣмъ менѣе правъ в. и в. и что престолъ Польши не раздѣленъ отъ престола Россіи. Гр. Мѣгельскій постарался смягчить впечатлѣніе, произведенное его словами, и отдалъ, государь, полную справедливость вашимъ личнымъ качествамъ, снискавшимъ, какъ онъ говоритъ, довѣріе и любовь поляковъ. Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ именно тонѣ говорилъ полковникъ во все время нашихъ переговоровъ. Затѣмъ онъ снова коснулся обидъ, нанесенныхъ полякамъ тѣми, кому было вѣрено управленіе, и попытался еще разъ вынудить у меня обѣщаніе, что конституція будетъ соблюдена. Наконецъ, онъ упомянулъ объ указѣ, назначающемъ меня генераль-губернаторомъ, высказавъ, что хотя этотъ выборъ и предвѣщаетъ, что страна будетъ подчинена, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, военному управленію, такъ какъ я соединяю въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ званіе главнокомандующаго русской арміей, но что подобное назначеніе не встревожило бы страну, если бы званіе, присвоенное мнѣ, было конституціонное, каково напр. званіе королевскаго намѣстника, такъ какъ поляки увѣрены, что проникнутый вашими великодушными намѣреніями я не сталъ бы злоупотреблять данною мнѣ властью и по восстановленіи порядка я сьумѣлъ бы держаться въ границахъ, предписываемыхъ закономъ.

Надобно сказать, что въ тѣхъ фразахъ, которыми сопровождалась эта рѣчь, я ясно видѣлъ желаніе подкупить меня лестью. Я попрежнему остерегался сказать что либо могущее быть принятымъ за обѣщаніе, что хартія останется неприкосновенною, или могущее подать мысль, что она можетъ быть уничтожена. Но высказавъ, что въ трехъ воеводствахъ праваго берега Вислы вся администрація, по волѣ в. и в., восстановлена на прежнихъ основаніяхъ и что всё судебныя инстанціи (*tribunaux*) получили приказаніе сообразоваться съ законами и обычаями, дѣйствовавшими до возстанія, я тѣмъ самымъ давалъ понять, что бывшія гражданскія законоположенія останутся въ прежней силѣ.

Наше совѣщаніе длилось около 3 часовъ. Прощаясь со мною, полковникъ Мѣчельскій сказалъ, что онъ передастъ все слышанное лицамъ, пославшимъ его, и обязался въ непродолжительномъ времени сообщить мнѣ ихъ отвѣтъ. Я вновь старался представить ему, какъ было бы желательно, чтобы изъявленіе покорности законному монарху прекратило поскорѣ бѣдствія страны и еще разъ повторилъ то, что уже неоднократно было высказано мною во время разговора, именно, что обѣщаніе помилванія людей, сбившихся съ пути истиннаго или доказавшихъ фактами свое раскаяніе, будетъ сдержано строжайшимъ образомъ.

Прежде чѣмъ отвести полковника Мѣчельскаго до непріятельскихъ аванпостовъ, я разрѣшилъ его двоюродному брату, графу Ржевускому, поговорить съ нимъ. Я считалъ долгомъ оказать этотъ знакъ довѣрія этому молодому офицеру, адъютанту гр. Витта, извѣстному своимъ умомъ, храбростію и испытанною преданностію къ в. и. в. Онъ вынудилъ у полковника Мѣчельскаго признаніе объ упадкѣ духа, начинавшемъ распространяться въ войскѣ, и о несогласіи, господствовавшемъ между начальниками. Мѣчельскій высказалъ ему даже, что если бы полякамъ удалось, кромѣ перемирія, заручиться положительнымъ обѣщаніемъ, что Польша будетъ и впредь существовать какъ отдѣльное королевство, то они, не колеблясь, изъявили бы свою покорность и войско сложило бы оружіе.

Полковникъ Мѣчельскій не появлялся у насъ вчера и мы еще не имѣемъ о немъ никакого извѣстія.

Я не надѣюсь, чтобы мятежники изъявили свою покорность немедленно, и даже до тѣхъ поръ, пока мы будемъ находиться на правомъ берегу Вислы. По крайней мѣрѣ эта первая попытка доказываетъ, что сраженіе 13-го числа возбудило вообще въ полякахъ желаніе достигнуть примиренія. Каковы бы ни были результаты порученія, возложеннаго на полковника Мѣчельскаго, но я желаю немедленно извѣстить о томъ в. и. в.

Судя по донесеніямъ, полученнымъ мною отъ барона Розена, непріятельскіе отряды, собиравшіеся въ Прайницѣ и Цехановичѣ, никогда не были многочисленны и уже разсѣялись. Польскія войска, вмѣсто того, чтобы наводнить, какъ говорили, покоренную уже часть воеводства Полоцкаго, отступаютъ за Вкру (Vkrui), сожигая за собою мосты. Такъ какъ наступившее тепло предвѣщаетъ скорое вскрытіе Вислы, то я отдамъ приказаніе 6-му корпусу не преслѣдовать мятежниковъ въ ихъ отступленіи.

Я узналъ, что польская армія расположилась такимъ образомъ, чтобы защищать переправу черезъ рѣку близъ Пулавы и, желая ли-

путь насъ средствъ къ продовольствію, опустошаетъ страну между Варшавою и этимъ пунктомъ до Кохеницы. Но это препятствіе будетъ весьма ничтожное; я переправлюсь черезъ рѣку болѣе по направленію къ лѣвому флангу, возьму Радомъ и двинусь прямо на столицу. Этотъ путь представить намъ даже то преимущество, что мы можемъ миновать лѣса, покрывающіе лѣвый берегъ Вислы, простираясь до Варшавы.

Разговоръ, который я имѣлъ честь передать сегодня в. в., происходилъ въ присутствіи графа Палена и генерала Нейтгарда. Снѣю надѣяться, что осторожность, съ какою я держалъ себя во время этого разговора, заслужитъ высочайшее одобреніе в. и. в., и что вы соблаговолите сообщить мнѣ высочайшія распоряженія ваши относительно новыхъ предложеній, которыя могли бы мнѣ быть сдѣланы.

Соблаговолите, государь, принять увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ какою честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій вѣрноподданный И. Дибичъ-Забалканскій.

Ваше величество, я уже продиктовалъ это письмо и даже подписалъ его, когда, обдумывая еще разъ всѣ подробности моего разговора съ полковникомъ Мѣчельскимъ, я вспомнилъ два обстоятельства, о которыхъ я считаю долгомъ довести до свѣдѣнія в. и. в.

Первое обстоятельство то, что мятежники были убѣждены, что передъ генеральнымъ сраженіемъ я пришлю имъ парламентаря; въ особенности же они ожидали такового послѣ сраженія 13-го числа, но, не дождавшись его, рѣшились сами сдѣлать первый шагъ.

Полковникъ Мѣчельскій высказалъ кромѣ того, что на военномъ совѣтѣ было предложено истребить Варшаву, такъ какъ защита ея послѣ переправы черезъ Вислу признавалась невозможною, что было много толковъ о томъ, своевременно ли подобное рѣшеніе, но что до сихъ поръ ничего еще не рѣшено.

Соблаговолите, государь, извинить меня за сдѣланное упущеніе въ моемъ письмѣ и принять вторично увѣреніе въ совершенной моей преданности. И. Дибичъ-Забалканскій.

Собственноручная отмѣтка императора Николая: „Прочтите, позабудьте и отошлите мнѣ обратно“.

XLIV.

Графъ Дибичъ — императору Николаю.

Милосна. 22-го февраля 1831 г.

(Переводъ). Ваше величество, вчера я имѣлъ честь отправить курьера къ в. и. в., но одно важное событіе вынуждаетъ меня не замедлить отправкою къ вамъ вторичнаго донесенія.

Генераль Крейцъ только-что извѣстилъ меня словесно, черезъ адъютанта своего, присланнаго имъ ко мнѣ, что весьма многочисленный отрядъ поляковъ подъ командою генерала Дверницкаго переправился черезъ Вислу при Пулавѣ, частью по льду, частью по временному мосту, составленному изъ лодокъ и понтоновъ; говорятъ даже, будто при переправѣ утонуло два кавалерійскихъ эскадрона.

Мятежники напали врасплохъ на малочисленный кавалерійскій отрядъ, бывший подъ командою генерала Кабра, причинивъ ему нѣкоторый уронъ, точную цифру котораго мы, впрочемъ, не знаемъ, точно также какъ и подробностей самой стычки.

Донесенія генерала графа Витта подтверждаютъ эти извѣстія; судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія ему удалось собрать, непріятельскія силы состоятъ изъ 18 довольно полныхъ баталіоновъ пѣхоты (такъ какъ 1-я дивизія менѣе пострадала, какъ говорятъ, въ битвѣ подъ Гороховымъ), изъ 2-хъ батарей полевой и 3-хъ батарей легкой артиллеріи. Я думаю, что это чрезвычайно преувеличено. Согласно показаніямъ нѣкоторыхъ перебѣжчиковъ, какъ-то: жидовъ и мѣстныхъ жителей, отдалившихся отъ своихъ жилищъ, польскіе солдаты и офицеры открыто говорятъ о намѣреніи идти на Вольту.

При приближеніи этихъ силъ, генераль Крейцъ долженъ былъ отступить и Люблинъ будто бы занятъ мятежниками 20-го февраля.

При первомъ извѣстии объ этомъ событіи я приказалъ графу Витту двинуться съ его войскомъ, стоявшимъ по квартирамъ въ окрестностяхъ Ласкаргева, на помощь корпусу Крейца; въ томъ же направленіи я послалъ бригаду гренадеръ литовскаго корпуса, а вслѣдъ за нею посылаю 3-ю гренадерскую дивизію.

Не знаю, въ какомъ направленіи совершить свое отступление генераль Крейцъ; если ему удастся примкнуть къ тѣмъ войскамъ, которыя я ему посылаю, то успѣхи непріятели безъ сомнѣнія будутъ этимъ приостановлены и поляки, отрѣзанные отъ главныхъ силъ арміи скорымъ вскрытіемъ Вислы, вѣроятно потерпятъ рѣшительное пораженіе. Однако поляки имѣютъ то преимущество, что они ушли на 6 переходовъ впередъ корпуса Витта и онъ одинъ безъ поддержки дру-

гихъ войскъ уступить имъ численностью, такимъ образомъ поляки, скрывая искусно свои движенія, дѣйствительно могли бы достигнуть границы.

Желая предупредить возможность нечаяннаго нападенія и обезпечить за собою средства воспрепятствовать вторженію непріятели въ наши предѣлы, я послалъ немедленно адъютанта къ фельдмаршалу графу Сакену. Я извѣщаю его о предполагаемыхъ намѣреніяхъ поляковъ и предлагаю ему, не теряя времени, сосредоточить 11-ю пѣхотную дивизію и 3-ю гусарскую между Лупкомъ и Дубно, стянувъ также къ этой мѣстности кавалерію генерала Ридигера.

Говорятъ, будто отчаянное рѣшеніе, принятое Дверницкимъ, къ которому присоединились войска, посланныя въ Кохеницу подъ начальствомъ Шембека, принято имъ вслѣдствіе неудовольствія этихъ обоихъ генераловъ по поводу назначенія главнокомандующимъ арміей человека гораздо моложе ихъ по службѣ. Слишкомъ виновные для того, чтобы изъяснить свою покорность законному монарху, они хотятъ дѣйствовать независимо, пріобрѣсти извѣстность побѣдами надъ отдѣльными отрядами и смѣлостью своего проекта перенести войну въ предѣлы самой Россіи.

Я употреблю, в. в., всѣ мои старанія къ тому, чтобы разрушить этотъ замыселъ, но я счелъ долгомъ, не теряя ни минуты, извѣстить о томъ в. и. в.

По всѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мнѣ удалось получить, регулярныя войска поляковъ, значительно уменьшенныя громадными потерями, понесенными ими во время послѣднихъ сраженій, не особенно многочисленны, тогда какъ мятежники успѣли завербовать несравненно болѣе войска, въ особенности кавалеріи, нежели мы предполагали до сихъ поръ. Впрочемъ въ арміи не случилось ничего особенно важнаго; настала оттепель и мы ожидаемъ съ минуты на минуту вскрытія Вислы.

Соблаговолите, государь, повергнуть меня къ стопамъ ея в. государыни императрицы и принять увѣреніе въ глубочайшемъ уваженіи и безграничной преданности, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга и вѣрноподданный И. Дибичъ-Забалканскій.

Собственной рукой е. в. написано: „Это непріятно въ настоящую минуту, но можетъ случиться, что этотъ польскій корпусъ будетъ весь уничтоженъ, я опасаясь только какого нибудь отдѣльнаго нападенія, этому же какъ нельзя болѣе можетъ подать поводъ изолированное движеніе Витта и пѣхоты, идущей одиноко отдѣльными бригадами и дивизіями“.

XLV.

Императоръ Николай — графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 24 февраля (8 марта) 1831 г.

(Переводъ). Вашъ курьеръ отъ 19-го числа прибылъ въ ту самую минуту, любезный другъ, когда я готовъ былъ отправиться на разводъ. Я весьма огорченъ тѣмъ, что неправильное движеніе, сдѣланное Шаховскимъ, лишило васъ успѣха, заслуженнаго сраженіемъ 13-го числа, и прихожу совсѣмъ въ отчаяніе отъ замедленія, причиняемаго дальнѣйшимъ военнымъ операціямъ ненадежнымъ состояніемъ Вислы, — сколько утраченнаго времени! Итакъ у насъ вышло изъ строя 8,000 человекъ; исключая равносильной убыли у непріятелей, мы не достигли иного результата! Это очень, очень прискорбно. Но да будетъ воля Господня! Я вполне одобряю ваше рѣшеніе послать Розена съ его корпусомъ на правый берегъ Нарева; это хорошая мѣра, такъ какъ она обезпечиваетъ вашъ правый флангъ и вынуждаетъ поляковъ передвинуть значительную часть своихъ силъ на нижнее теченіе Вислы изъ опасенія переправы. Можетъ быть по вскрытіи рѣки вамъ будетъ возможно даже оставить одну дивизію пѣхоты и одну кавалерію для наблюденія за Прагою, а сами вы со всею арміею могли бы двинуться вслѣдъ за корпусомъ Розена и попытаться переправиться ниже Модлина; вы будете имѣть прямыя дороги для сообщеній съ нашей границей и вынудите непріятеля сражаться спиною къ Варшавѣ, отрѣзавъ ему въ то же время сообщеніе съ тою мѣстностью, которая доставляетъ ему все необходимое и въ особенности съ границею. Если бы они даже атаковали обсервационный корпусъ, стоящій передъ Прагою, то отступленіе нашихъ войскъ на нѣсколько верстъ сдѣлало бы для нихъ невозможнымъ всякое дальнее преслѣдованіе. Въ это время необходимо будетъ двинуть всю легкую кавалерію на возможно большее число пунктовъ, чтобы стѣснить дѣйствія непріятеля и нигдѣ не сражаться массами, однимъ словомъ — утомлять ихъ, не подвергая себя большимъ неудачамъ. Относительно продовольствія вы ничѣмъ не рисковали бы, такъ какъ вамъ легко было бы получить его даже изъ Пруссіи въ томъ случаѣ, если бы ваши запасы встрѣтили препятствія на пути. Попытать въ настоящее время переправу выше Варшавы кажется мнѣ неудобнымъ вслѣдствіи того, что это вынудило бы васъ отозвать обратно Розена или значительно ослабило бы васъ, если бы пришлось оставить его тамъ, гдѣ онъ находится, въ то же время оставивъ сильный отрядъ передъ Прагою; между тѣмъ мы видѣли на опытѣ, что у насъ нѣтъ ни одного человѣка и ни одной пушки лишнихъ.

Извѣстія, полученныя отъ Сволинскаго, если они справедливы, весьма важны и любопытны, но признаюсь, я съ трудомъ вѣрю имъ, точно также, какъ сомнѣваюсь въ успѣхѣ порученія, возложеннаго на Кия (Kiel). Пора употребить всѣ наши старанія, чтобы открыть глаза польскимъ солдатамъ; не слѣдуетъ щадить никакого средства, чтобы выяснитъ имъ наши намѣренія. Я полагаю, вамъ слѣдуетъ остановить гвардію близъ Ломжи и въ ея окрестностяхъ, и ни въ какомъ случаѣ не двигать ее далѣе, исключая какого нибудь бѣдствія, о которомъ я не желаю и думать, когда вамъ останется только это средство. Я сохраняю гвардію для себя и желаю, чтобы хоть она осталась невредимою, такъ какъ всѣ прочіе довольно пострадали въ дѣлѣ; трудно знать, что можетъ случиться въ непродолжительномъ времени, а это нашъ единственный резервъ! Итакъ, повторяю вамъ, я не желаю чтобы вы болѣе приближали его къ театру военныхъ дѣйствій. Но за то было бы весьма полезно, чтобы вы вовсе не останавливали 2-й корпусъ, но вмѣсто Бреста прямо направили бы его на Гродно и Бѣлостокъ, сосредоточивъ его въ окрестностяхъ перваго съ тѣмъ, чтобы двинуть массаи (6-я дивизія могла бы двинуться за нимъ впоследствии) на Ломжу, Пултускъ и Плоцкъ для присоединенія къ вамъ или для движенія прямо на Калишъ; слѣдуетъ занять войскамъ эту мѣстность и прекратить всякое сообщеніе съ прочими государствами (*au dehors*). Во всякомъ случаѣ было бы не лишне, если бы этотъ корпусъ находился поближе къ вамъ, а я замѣшу его внутри страны такимъ образомъ, что вамъ нечего будетъ опасаться.

25-го вечеромъ. Почта только-что привезла намъ извѣстія изъ Варшавы, полученныя черезъ Данцигъ; всѣ извѣстія о Сволинскомъ подтверждаются. Но трудно понять, почему именно польская армія раздѣлилась на три корпуса для защиты переправы черезъ Вислу; одинъ изъ нихъ миновалъ Вломи, на калишской дорогѣ, но съ какой цѣлью? Это трудно понять. Я боюсь, что они не захотятъ драться съ нами массаи, но разсѣются по странѣ, чтобы дѣйствовать какъ партизаны; это было бы для насъ весьма неудобно. Я получилъ вчера письмо отъ брата изъ Бѣлостока; всѣ ваши замѣчанія вполне справедливы, и въ этомъ смыслѣ я написалъ ему; надѣюсь, что, если онъ не возвратился, то мое письмо убѣдитъ его остаться; въ такомъ случаѣ я предлагаю ему командовать гвардіей и надѣюсь, что это склонитъ его остаться.

Френчъ писалъ Бенкендорфу въ одномъ смыслѣ съ вами, чтобы склонить меня повелѣть это моему брату и повидимому это дѣлается съ его вѣдома.

Бога ради, извѣщайте меня обо всемъ происходящемъ, такъ какъ большею частью я узнаю о движеніи нашихъ войскъ изъ берлинскихъ и даже изъ варшавскихъ газетъ. У васъ есть Чевкинъ и Долгорукій, на которыхъ можно возложить веденіе этого журнала, котораго я требую.

Жена моя кланяется вамъ, а я, любезный другъ, цалую васъ. Да направить и защитить васъ Господь. Вашъ навсегда искренно преданный Николай.

Кланяйтесь всѣмъ нашимъ.

S.-Petersbourg. le 24 Février (8 Marz) 1831.

C'est au moment d'aller à la parade que votre courrier du 19 m'est arrivé, mon cher ami. Si j'ai été peiné de ce que la fausse direction de Chahofskoy vous ait ravis les succès de la bataille du 13, je suis réellement désolé du retard que l'état de la Vistule apporte à la continuation des opérations, quels moments perdus! Ainsi 8,000 hommes hors de combat, et excepté une perte pour le moins égale en hommes chez l'ennemi, aucun autre résultat! c'est bien, bien fâcheux; mais que la volonté de Dieu se fasse! J'approuve parfaitement votre résolution d'avoir envoyé Rosen avec son corps à la droite du Naref; c'est une bonne mesure, car cela rassure votre flanc droit et force les polonais à porter une bonne partie de leurs forces sur la basse Vistule, crainte de passage. Peut-être même qu'en laissant à la débacle une division à pied et une à cheval observer Praga vous pourriez avec toute l'armée passer à la suite du corps de Rosen et tenter le passage au dessous de Modlin; vous avez des chaussées directes pour vos communications avec notre frontière, et vous forcez l'ennemi à combattre le dos tourné à Varsovie, tout en coupant ses communications avec ce qui la nourrit et surtout avec l'étranger. Si même ils attaquaient le corps d'observation devant Praga, un mouvement de retraite de quelques verstes leur rendrait toute poursuite lointaine impraticable. Durant ce temps lancer toute la cavalerie légère sur le plus de points possibles pour tout tenir en echec et nulle part combattre en masse, en un mot les fatiguer sans s'exposer à de grands échecs. Vous ne risqueriez rien pour vos approvisionnements, car vous pourriez en tirer de Prusse aisément, si même les vôtres éprouvaient de la difficulté à arriver. Un passage actuellement au dessus de Varsovie me parait avoir l'inconvénient ou de vous forcer de rappeler Rosen, ou bien de vous affaiblir très considérablement, en le laissant là où il est, et en devant laisser un gros détachement devant Praga; or nous savons l'expérience que nous n'avons pas un homme ni un canon de trop.

Les nouvelles de Swolynsky, si elles sont vraies, sont curieuses et fort importantes, mais j'avoue que j'ai peine à y croire, comme je doute aussi de la réussite de l'envoi de Kiel. C'est le moment de tâcher d'ouvrir les yeux aux soldats polonais; il ne faut épargner aucun moyen pour leur faire connaître nos intentions. Mon intention est que vous arrêtiez la garde près de Lomza et environs et qu'en aucun cas vous ne la fassiez avancer plus, à moins d'un désastre, dont je repousse l'idée et qui ne vous offrirait plus que cette ressource. Je me réserve ce corps pour moi, je veux que du moins celui là reste intact, car tout a été déjà fortement employé; or que savons nous de ce qui dans peu, peut nous tomber sur les bras et c'est là la seule réserve! Ainsi je vous le répète, je ne veux pas que vous les fassiez approcher d'avantage du théâtre de la guerre. Mais par contre il serait fort utile que vous n'arrêtiez du tout le 2 corps, mais qu'au lieu de Brest vous le dirigiez en droiture sur Grodno et Bialostok, en le faisant concentrer dans les environs du premier, pour le faire déboucher en masse (la 6 division pourrait suivre plus tard), sur Lomza, Pultusk, Plotsk, et par là soit pour vous y joindre ou pour se porter directement sur Kalisch et occuper ce pays militairement et faire cesser tout moyen de correspondance au dehors. En tout cas ce corps ne sera pas de trop près de vous et je le remplacerai à l'intérieur de façon, que vous n'aurez rien à craindre.

Le 25 soir.

Dans ce moment la poste nous apporte des nouvelles de Varsovie par Danzig; toutes les nouvelles de Swolinsky se confirment. Mais ce qui est difficile à comprendre, c'est que l'armée polonaise s'est partagée en trois corps pour défendre le passage de la Vistule; l'un d'eux a passé Blonie sur la chaussée de Kalisch; mais dans quel but? C'est difficile à comprendre. Je crains qu'ils ne veulent plus nous résister en masse, mais bien se disperser dans tout le pays pour agir en partisans, ce qui nous gênerait beaucoup. J'ai reçu hier une lettre de mon frère de Bialostok; toutes vos observations sont parfaitement justes, et je lui écrit dans ce sens; j'espère que s'il n'est pas retourné, ma lettre le décidera à rester; je lui ai offert dans ce cas le commandement de la garde et j'espère que cela le fera rester.

Fensch a écrit à Benkendorf absolument dans votre sens, et pour m'engager à l'ordonner à mon frère, et il paraît que c'est de son sù.

De grâce faites moi tenir au courant de ce qui se passe car pour la plupart du temps c'est les gazettes Berlin et même celles de Varsovie qui m'apprennent les mouvements de nos troupes. Vous avez Чебкнѣ et Dolgorouky qui peuvent être tous deux chargés de ce journal, que j'exige.

Ma femme vous 'dit mille choses, et moi je vous embrasse, mon cher ami. Que Dieu vous couvre de son égide et vous inspire. A vous pour la vie.

Votre sincèrement affectionné Nicolas.

Mille choses à tous les notres.

(Продолжение слѣдуетъ).

ИЗЪ ИСТОРИИ ЖЕЛѢЗНО-ДОРОЖНАГО ДѢЛА ВЪ РОССИИ.

Николаевская дорога между Петербургомъ и Москвою

въ 1842 — 1852 гг.

I.

Сооруженіе первой капитальной желѣзной дороги въ Россіи есть событіе великой важности, такъ какъ этимъ былъ въ свое время разрѣшенъ вопросъ о возможности вообще, по климатическимъ и мѣстнымъ условіямъ, проложенія паровозныхъ желѣзныхъ дорогъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, имѣющемъ много особенностей противъ другихъ странъ.

До сихъ поръ, сколько извѣстно, въ литературѣ у насъ не появилось никакого описанія, какъ возникла и какъ строилась эта дорога. Мы принимаемъ на себя эту попытку, какъ современникъ и какъ инженеръ-участникъ въ осуществленіи означенной желѣзной дороги, которая соорудилась и дѣйствовала въ началѣ подъ именемъ С.-Петербургско-Московской, и только послѣ кончины императора Николая Павловича, въ 1855 г., при которомъ она возникла и исполнена, переименована въ Николаевскую желѣзную дорогу, чѣмъ, какъ говорятъ, исполнена его посмертная воля, одновременно съ переименованіемъ, устроеннаго тоже при немъ, Благовѣщенскаго моста чрезъ Неву въ С.-Петербургѣ въ Николаевскій мостъ.

Еще до 1834 года шли толки въ Петербургѣ и вообще въ Россіи о введеніи у насъ желѣзныхъ дорогъ, которыя уже появились въ Европѣ, именно въ Англіи изъ Бирмингама въ Манчестеръ и въ Парижѣ въ Версаль и проч., и достигли значительнаго распространенія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ; но осуществленію ихъ у насъ противопоставляли наши снѣга, морозы и горы, даже

Валдайскія, наши обычаи и порядки и, наконецъ, совершенное незнакомство съ этимъ новымъ дѣломъ.

Первый толчекъ дѣлу далъ австрійскій инженеръ, чехъ Францъ фонъ-Герстнеръ, изучившій желѣзныя дороги въ Америкѣ и прибывшій въ Россію въ августѣ 1834 года по приглашенію К. В. Чевкина, завѣдывавшаго горнымъ дѣломъ, для обозрѣнія заводовъ.

Отъ Герстнера поступило первое предложеніе правительству нашему объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, на что испрашивалась привилегія на 20 лѣтъ, въ которой онъ на широкую руку хотѣлъ завладѣть всѣмъ такимъ важнымъ предпріятіемъ.

Въ предложеніи своемъ, въ числѣ прочихъ тяжелыхъ условій, онъ требовалъ, чтобы всякая желѣзная дорога, устроенная въ Россіи въ теченіе означенныхъ 20-ти лѣтъ безъ дозволенія его, — получившаго привилегію, обращалась въ его, Герстнера, собственность. Между тѣмъ онъ такъ увлекся дѣломъ, что произвелъ на свой счетъ между столицъ нивелировку въ двѣ линіи по обочинамъ московскаго шоссе и убѣдился въ возможности устройства паровозной желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою.

Для разсмотрѣнія этого предложенія былъ составленъ особый комитетъ, которымъ и польза, и возможность устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи были положительно признаны; но на счетъ представленія на это привилегіи Герстнеру ему былъ сдѣланъ запросъ и требовались дополнителныя свѣдѣнія. Изъ отвѣта его видно, что стоимость постройки желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою опредѣлялась въ 75 мил. руб. ассигнаціями и годовая доходность исчислялась въ 15 мил. руб. и расходъ въ 7½ мил. руб. ассигнаціями. Но, по бездоказательности такого расчета и невѣроятности составленія компании для осуществленія предпріятія, было рѣшено признать выдachu привилегіи преждевременнымъ.

На все это Герстнеръ не возражалъ, а пожелалъ сперва для опыта устроить желѣзную дорогу изъ Петербурга въ Царское Село и Павловскъ, на что послѣдовало отъ него второе предложеніе, на которое получено высочайшее разрѣшеніе 21-го марта 1836 года.

Герстнеръ, учредивъ общество, приступилъ къ исполненію, и работы шли быстро, такъ что паровозное движеніе по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга въ Павловскъ было торжественно открыто 30-го октября 1837 года. Дорога устроена въ одинъ рельсовый путь длиною въ 25 верстъ, такъ что публика черезъ годъ убѣдилась въ возможности существованія у насъ желѣзныхъ дорогъ и въ тѣхъ удобствахъ, которыя онѣ доставляютъ.

Если ботикъ Петра Великаго у насъ названъ дѣдушкой русскаго флота, то Царскосельскую желѣзную дорогу слѣдовало бы назвать бабушкой русскихъ желѣзныхъ дорогъ, хотя бабушка эта до настоящаго времени не можетъ похвастаться многочисленнымъ потомствомъ. (Всего до 1885 г. считается у насъ построенныхъ желѣзныхъ дорогъ до 24,000 верстъ, тогда какъ въ Америкѣ ихъ до 1884 г. было 121,592 мили или 182,388 верстъ, а до 1868 г. ихъ было построено только 36,251 мили или 54,376 верстъ) ¹⁾.

Въ прекрасной статьѣ И. П. Боричевскаго, помѣщенной въ Журналѣ Путей Сообщенія 1863 года, т. 39 — 40, перечислены всѣ предложенія объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи по 1860 годъ, каковыхъ съ 1834 года было 86; изъ нихъ, до начала построенія С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, были еще слѣдующія:

Въ 1838 году статскій совѣтникъ Абаза просилъ разрѣшенія учредить общество для устройства желѣзной дороги, отъ Петербурга чрезъ Вышній-Волочокъ и Тверь до Москвы, полагая ее устроить съ двойными колеями, съ тѣмъ, чтобы по одной колеѣ было движеніе паровозное для быстраго сообщенія, а по другой перевозка тяжестей на лошадяхъ при протяженіи дороги въ 600 верстъ.

Для разсмотрѣнія этого предложенія опять былъ учрежденъ комитетъ, который пришелъ къ заключенію, что: не отвергая пользы, которую могла бы принести желѣзная дорога чрезъ облегченіе способовъ перевозки тяжестей, призналъ, — «нельзя же однако согласиться, чтобы должно было ожидать большой пользы отъ умноженія быстроты перѣздовъ частныхъ пассажировъ между двумя столицами, и что едва-ли можно надѣяться осуществленію всѣхъ общаемихъ просвителемъ выгодъ; наконецъ, можно опасаться, что устройство и содержаніе дороги превзойдетъ расчетъ, а доходъ — ожиданіе».

По всему этому комитетъ не изъявилъ согласіе на предложеніе г. Абазы, тѣмъ болѣе, что устройство желѣзныхъ дорогъ тогда еще считалось новымъ дѣломъ въ Европѣ и въ Америкѣ.

Въ декабрѣ 1838 года была представлена записка статсъ-секретаря Муравьева объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Прежде всего предполагалось устроить желѣзную дорогу отъ С.-Петербурга до Москвы, а потомъ и въ стороны.

Главныя основанія этого предложенія заключались въ томъ, что всѣ желѣзныя дороги въ Россіи должны быть устраиваемы отъ пра-

¹⁾ Журналъ Пут. Сообщ. 1884 г., книжка IV, хроника (считая 1 миліо въ 1½, версты).

вительства и ни въ какомъ случаѣ не должно быть предоставлено частнымъ компаніямъ для отвращенія торгашества акціями.

Предполагалось для свободнаго передвиженія огромнаго количества грузовъ устроить 3 рельсовыхъ конныхъ пути и 3 паровозныхъ, считая въ числѣ послѣднихъ третій путь запаснымъ, на случай исправленія дороги.

Здѣсь видно, какъ мало было тогда у насъ развито понятіе о желѣзныхъ дорогахъ; такъ, по этому предположенію полотно дороги должно было бы имѣть ширину до 9-ти саж., хотя идея строить желѣзныя дороги отъ казны была дальновидно-вѣрна.

Предположеніе это было разсмотрѣно въ комитетѣ министровъ и затѣмъ поручено главномууправляющему путями сообщенія и министерству финансовъ собрать нужныя свѣдѣнія.

Тутъ же предлагалось объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Рыбинска въ Петербургъ, при чемъ имѣлось въ виду, что всѣ грузы, сплавляемые по Волгѣ снизу до Рыбинска и здѣсь расходящіяся для достиженія Петербурга по тремъ воднымъ системамъ: Вышневолоцкой, Маріинской и Тихвинской, пойдутъ отъ Рыбинска по желѣзной дорогѣ, и между прочимъ приведено, что въ 1838 году прошло груза воднымъ путемъ:

- 1) По Вышневолоцкой системѣ—9 $\frac{1}{2}$ мил. пудовъ на 20 мил. рублей.
- 2) По Маріинской — 11 $\frac{1}{2}$ мил. пудовъ на сумму 31 мил. рублей.
- 3) По Тихвинской — 3 мил. пудовъ на сумму 14 мил. рублей.

Всего грузовъ по воднымъ системамъ этимъ въ 1838 году прошло 24 мил. пудовъ на сумму 65 мил. руб., считая все на ассигнаціи, такъ какъ переложеніе курса на серебро, по которому 3 руб. 50 коп. ассигнацій обратились въ 1 рубль серебромъ, произошло въ 1843 году.

Впослѣдствіи, съ устройствомъ при управленіи графа Клейнмихеля обходныхъ каналовъ около Бѣлаго озера и Онежскаго, почти всѣ грузы съ мелководной Вышневолоцкой системы направились на Маріинскую.

По разсмотрѣніи предложеній статсъ-секретаря Муравьева, государь императоръ Николай Павловичъ, по резолюціи 13-го апрѣля 1839 года, не соизволилъ окончательно рѣшить этого вопроса о желѣзныхъ дорогахъ, но согласился однако, что во всякомъ случаѣ, гдѣ есть возможность къ удобному водяному сообщенію, тамъ оное слѣдуетъ предпочитать сообщенію по желѣзной дорогѣ. При чемъ, въ виду развитія устройства такихъ дорогъ въ Америкѣ, повелѣлъ послать для осмотра ихъ двухъ надежныхъ офицеровъ изъ инженеровъ.

Во исполненіе сей высочайшей воли посланы были въ Сѣверо-

Американскіе Штаты въ 1839 году инженеры путей сообщенія—полковникъ Николай Осиповичъ Крафтъ и подполковникъ Павелъ Петровичъ Мельниковъ (впослѣдствіи, въ 1863 г., министръ путей сообщенія).

Въ 1839 году сдѣлали предложеніе лейпцигскіе банкиры, Дюфуръ и Гаркартъ, о составленіи общества на акціяхъ для устройства желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою; гдѣ между прочимъ высказано, что въ годъ ожидается пассажировъ свыше 200,000 человѣкъ и 24 мил. пудовъ клади.

Особый комитетъ, разсмотрѣвъ это предложеніе, сдѣлалъ постановленіе 30-го іюля 1844 г. съ замѣчаніями, но Дюфуръ и Гаркартъ не согласились принять сдѣланныя измѣненія и отказались; между тѣмъ въ 1844 году уже было приступлено къ устройству С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги отъ правительства, какъ изложено ниже.

Хотя позднѣйшія предложенія объ устройствѣ желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, перечисленныя въ статьѣ И. П. Боричевского (всѣхъ было до 1860 г. 86 предложеній), не входятъ въ нашу рамку, но мы приведемъ одно, замѣчательное по своей грандіозности.

Въ концѣ 1858 года (при главноуправл. путей сообщенія Чевкинѣ) ¹⁾, англійскій подполковникъ Слейгъ подалъ предложеніе объ устройствѣ желѣзной дороги отъ Нижняго-Новгорода чрезъ Уралъ и всю Сибирь до Татарскаго залива или Японскаго моря, т. е. къ устью р. Амура, для удобства сообщенія Европы съ Китаемъ, Индією и Америкой. Дорога эта была бы длиною 9,000 верстъ и потребовала бы капитала въ 50 мил. фунтовъ стерлинговъ, а поперстно рельсовый путь стоилъ бы 36,000 руб.

Въ своемъ предложеніи г. Слейгъ завѣрялъ, что успѣхъ предпріятія основанъ на томъ, что время на проѣздъ сократится вдвое и даже вчетверо противъ нынѣшняго, и путь изъ Англии къ Татарскому заливу, длиною около 12,500 верстъ, будетъ совершаться въ 7 дней. Преимущества для компаніи требовались весьма значительныя: между прочимъ 90-лѣтнее исключительное право, уступка земель, беспошлинный ввозъ всѣхъ потребностей и освобожденіе отъ осмотра всѣхъ провозимыхъ вещей.

На это предложеніе Слейга данъ былъ отвѣтъ, что устройство такой желѣзной дороги не входитъ въ виды русскаго правительства.

О предложеніи этомъ въ свое время много говорили, и ходили

¹⁾ Журн. Пут. Сообщ., томъ 40, 1863 г., стр. 142.

слухи, что отказали Слейгу главное потому, что почтенный К. В. Чевкинъ опасался, что подъ видомъ грузовъ къ намъ привезутъ въ запломбированныхъ вагонахъ пятидесятитысячную армію въ центръ Сибири и завладѣютъ ею неожиданно.

II.

Всѣ приведенныя предложенія объ устройствѣ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ и въ особенности главнѣйшее—между обѣими столицами, обратили на себя вниманіе императора Николая Павловича и къ тому же возвратившіеся изъ Америки инженеры И. О. Крафтъ и П. П. Мельниковъ, посланные отъ правительства для осмотра желѣзныхъ дорогъ, привезли самыя удовлетворительныя свѣдѣнія о возможности существованія съ успѣхомъ и пользою желѣзно-дорожныхъ сообщений и у насъ въ Россіи. Все это привело къ тому, что послѣдовало высочайшее повелѣніе обсудить этотъ важный вопросъ въ комитетѣ министровъ, что должно отнести къ 1840 году.

Въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія введено было въ курсъ устройство желѣзныхъ дорогъ въ 1836 году по книжкѣ, изданной его профессоромъ механики, инженеромъ путей сообщенія Мельниковымъ; такъ что на выпускномъ экзаменѣ въ этомъ году выходящіе инженеры уже отвѣчали изъ этого предмета.

Государь императоръ внимательно слѣдилъ за обсужденіями въ комитетѣ министровъ предложенія по устройству желѣзной дороги между С.-Петербургомъ и Москвою, и не рѣдко самъ лично присутствовалъ при нихъ.

Документовъ объ этихъ обсужденіяхъ мы не имѣемъ подъ рукою, но сообщаемъ то, что слышали отъ лицъ, близко стоящихъ къ дѣлу. Говорили, что всѣ министры были противъ устройства желѣзной дороги между столицами даже вообще и каждый представлялъ свои возраженія, именно: министръ финансовъ—что это потребуетъ чрезвычайныхъ расходовъ, такъ какъ предполагалось безусловно строить желѣзную дорогу между столицами на счетъ казны, при чемъ доходность была сомнительна, по дешевизнѣ перевозки грузовъ по шоссе гужомъ, за что была плата по 30 коп. съ пуда ассигнаціями; министръ государственныхъ имуществъ заявлялъ, что это сдѣлаетъ неблагоприятный переворотъ въ населеніи ямщиковъ по шоссе и поведетъ къ истребленію лѣсовъ на топливо для паровозовъ; главноуправляющій путями сообщенія графъ Толь настаивалъ на мѣстныхъ трудностяхъ, полагая

ихъ непреодолимыми какъ для постройки, такъ и движенія по желѣзной дорогѣ по климатическимъ причинамъ—морозамъ и снѣгамъ, которые неизвѣстны въ такой степени на территоріи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, гдѣ самыя сѣверныя окраины равняются по климату съ югомъ Харьковской губерніи; онъ также пугался непроходимыхъ болотъ Новгородской губерніи, которыя должна пересѣчь желѣзная дорога и какихъ не встрѣчается на той территоріи въ Америкѣ; опасался трудности перехода чрезъ Валдайскія горы, разливы нашихъ рѣкъ;—другіе говорили, что это поведетъ къ равенству сословій, такъ какъ и сановникъ и протіякъ, баринъ и мужикъ поѣдутъ, сидя рядомъ въ вагонѣ, въ одномъ поѣздѣ.

Были и сторонники возможности и пользы устройства желѣзной дороги между Петербургомъ и Москвою, именно: приглашенные къ обсужденію въ комитетъ министровъ графъ Бобринскій, генералъ К. В. Чевкинъ, герцогъ Лейхтенбергскій, кажется и графъ Клейнмихель.

Императоръ Николай Павловичъ, давъ полную волю излиться всѣмъ этимъ мнѣніямъ до конца, и недовольный на большинство въ комитетѣ отрицательныхъ результатовъ, пожаловалъ самъ въ послѣднее засѣданіе 1-го февраля 1842 года и, выслушавъ всѣ возраженія гг. министровъ, какъ говорить, съ нахмуреннымъ лицомъ, изволилъ встать на своемъ мѣстѣ предсѣдателя и объявилъ рѣшительнымъ тономъ высочайшую волю свою, что онъ признаетъ сооруженіе желѣзной дороги между столицъ вполне возможнымъ и полезнымъ и что къ исполненію должно быть немедленно приступлено, и что: насколько онъ убѣжденъ въ пользѣ и необходимости сооруженія желѣзной дороги между столицами, настолько-же онъ считаетъ ненужнымъ пролагать теперь желѣзныя дороги въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Въ заключеніе императоръ сказалъ: а такъ какъ всѣ министры противъ устройства такой дороги, то онъ, императоръ, учреждаетъ для осуществленія этого важнаго предпріятія особый комитетъ, назначая предсѣдателемъ наслѣдника престола цесаревича Александра Николаевича и при комитетѣ особую строительную комиссію.

Вотъ послѣдовавшій по этому именной высочайшій указъ отъ 1-го февраля 1842 г. за № 15265 ¹⁾, гдѣ подтверждается все, что ходило тогда по уставамъ публички. Приводимъ главныя выдержки изъ этого именного указа.

«Въ безпрерывномъ попеченіи Нашемъ объ учрежденіи сообщеній

¹⁾ Собраніе законовъ 1842 г. Книга первая

въ Имперіи, Мы еще за нѣсколько лѣтъ предъ симъ обратили вниманіе на тѣ пользы, кои принесло учрежденіе желѣзныхъ дорогъ во многихъ иностранныхъ земляхъ, повелѣли комитету министровъ войти въ разсмотрѣніе бывшихъ по сему предложеній, и послѣдствіемъ такого разсмотрѣнія было возложеніе на главное управленіе путей сообщенія и горныхъ инженеровъ дальнѣйшее собраніе свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ иностранныхъ, дабы, опредѣливъ мѣру достоинства сихъ путей для Россіи, наилучшее ихъ у насъ примѣненіе и удобнѣйшее техническое исполненіе, — воспользоваться потомъ безъ излишнихъ пожертвованій всѣми выгодами сего новаго рода сообщеній».

Далѣе сказано въ указѣ, что для изученія заграницею лучшихъ желѣзныхъ дорогъ были посланы избранныя лица¹⁾; по осмотрѣ же такимъ образомъ почти всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ и въ Америкѣ было поручено, въ соглашеніи съ нѣкоторыми изъ первыхъ учредителей желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, представить соображеніе объ устройствѣ подобнаго пути между Петербургомъ и Москвою.

Далѣе слова указа: «Нынѣ, по разсмотрѣніи и разностороннемъ обсужденіи въ личномъ присутствіи нашемъ сего соображенія, признавъ за благо даровать отечеству Нашему сообщеніе, котораго устройство хотя и сопряжено съ значительными расходами, но обѣщаетъ государству выгоды многоразличныя и соединить обѣ столицы, какъ бы во едино, — Мы положили возвести желѣзную дорогу отъ С.-Петербурга до Москвы и, по примѣру другихъ державъ, возвести оную на счетъ казны, дабы удержатъ постоянно въ рукахъ правительства и на пользу общую — сообщеніе, столь важное для всей промышленной и дѣятельной жизни государства».

«Съ этой цѣлью Мы для устройства С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги учредили, въ непосредственной отъ Насъ зависимости, особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ любезнѣйшаго сына нашего его императорскаго высочества цесаревича наслѣдника».

Въ этотъ комитетъ вошли: главноуправляющій путей сообщенія и публичныхъ зданій, министры — финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, шефъ жандармовъ — графъ Бенкендорфъ и графъ Орловъ, графъ Левашовъ, графъ Клейнмихель, инженеръ путей сообщенія генераль-лейтенантъ Дестремъ, герцогъ Лейхтенбергскій, генераль-майоръ Чевкинъ и графъ Бобринскій.

¹⁾ Другіе, кромѣ Крафта и Мельникова, имъ неизвѣстны и не упоминались.

Далѣ слова указа: «Поручивъ этому комитету всѣ главные распоряженія по сему дѣлу, равно наблюденіе за правильнымъ его довершеніемъ, сходно особому положенію, которое отъ насъ дано будетъ, Мы съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣли: изъ нѣкоторыхъ членовъ комитета образовать строительную комиссію, которой поручить ближайшій надзоръ за сооруженіемъ, всѣ распорядительныя мѣры и самое производство работъ, по особому помянутому выше положенію, имѣющему быть составленнымъ въ комитетѣ».

Предсѣдателемъ этой строительной комиссіи былъ назначенъ шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, а членами: графъ Клейнмихель, инженеръ генераль-лейтенантъ Дестремъ, герцогъ Лейхтенбергскій, генераль-маіоръ Чевкинъ, графъ Вобринскій, инженеръ-полковники Крафтъ и Мельниковъ и три члена отъ купечества. Министру финансовъ,—которымъ былъ тогда графъ Канкринъ,—было повелѣно приготовить для возведенія желѣзнаго пути между столицами денежныя способы, отдѣльно отъ обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ.

Далѣ слова указа: «Постановивъ такимъ образомъ первыя мѣры къ началу дѣла, по обширности и пользѣ своей истинно-народнаго, и желая, чтобы избраннымъ нами для совершенія онаго лицамъ преподаны были соотвѣтственныя исполнительныя средства, повелѣваемъ правительствующему сенату, всѣмъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ вмѣнить въ обязанность оказывать учрежденнымъ нами для устройства С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги комитету и комиссіи — не только законное по требованіямъ удовлетвореніе, но и всякое зависящее отъ нихъ содѣйствіе; сословія-же владѣльческія и промышленныя, уѣздовъ между столицъ лежащихъ,—пригласить споспѣшествовать равнымъ образомъ всѣми мѣстными средствами къ успѣху дѣла на пользу и славу Россіи, съ благословеніемъ Божиимъ предпринимаемаго».

Таковъ былъ указъ императора Николая I, ставившій сразу задуманное имъ важное дѣло на твердую почву.

Именной указъ этотъ былъ распубликованъ 6-го февраля 1842 г. при указѣ правительствующаго сената, сообщеннаго особо каждому изъ поименованныхъ въ немъ лицъ. Указомъ 8-го февраля 1842 года за № 15279 утверждены штаты для канцеляріи комитета и комиссіи.

III.

Такимъ распоряженіемъ государя императора суть веденія всего дѣла, не огорчая гг. министровъ, переходила въ строительную комисію, въ которую были назначены все сторонники устройства принимаемой желѣзной дороги, при чемъ если г. Дестремъ не сочувствовалъ ей и читалъ даже лекціи о бесполезности желѣзныхъ дорогъ для Россіи,—то, какъ извѣстный инженеръ, все же могъ быть полезенъ и при чемъ, можно думать, что онъ только вторилъ тутъ мнѣнію своего начальника графа Толя, но подавленный большинствомъ, не могъ и противодѣйствовать.

Вскорѣ, однако, главнымъ руководителемъ всего дѣла сталъ графъ Петръ Андреевичъ Клейнмихель, который пользовался особымъ довѣріемъ императора Николая и являлся при немъ сглаженною тѣнью графа Аракчеева, могущественнаго временщика предшествовавшаго императора. Довѣріе это подтверждается тѣмъ, что графъ Петръ Андреевичъ уже проявилъ всю свою энергію быстрымъ возобновленіемъ Зимняго дворца послѣ пожара въ 1837 году, при которомъ выгорѣло все, что могло горѣть и оставались однѣ голыя стѣны, а въ 1839 году дворецъ былъ вполне возобновленъ и занятъ, за что Петръ Андреевичъ Клейнмихель получилъ въ награду 1 мил. руб. и титулъ графа, съ изображеніемъ въ гербѣ дворца и съ девизомъ: «усердіе все превозмогаетъ».

Всѣ прочіе члены комитета стушевались предъ круто-быстрымъ графомъ, даже самъ государь наслѣдникъ цесаревичъ; въ пригѣрчю чему рассказывали, что его императорское высочество однажды показалъ графу какой-то чертежъ новаго приспособленія для желѣзныхъ дорогъ, желая примѣнить его, на что, будто-бы, Петръ Андреевичъ отвѣчалъ: «мнѣ некогда заниматься такими пустяками», и на жалобу цесаревича за такое невниманіе къ нему, государь отвѣчалъ глубокимъ молчаніемъ.

Нѣкоторое время спустя все дѣло устройства между-столичной желѣзной дороги перешло въ руки графа П. А. Клейнмихеля самымъ формальнымъ образомъ, такъ какъ главноуправляющій путями сообщенія, герой 1812 года—графъ Толь, умеръ 11-го апрѣля 1842 года, и графъ Клейнмихель былъ назначенъ ему преемникомъ 11-го августа того-же года, а по указу сената отъ этого-же дня былъ учрежденъ въ главномъ управленіи путями сообщеній особый департаментъ «желѣзныхъ дорогъ», въ который перешла вся исполнительная часть

по сооруженію С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги. Однако при этомъ остался, хотя болѣе номинально, учрежденный 1-го февраля 1842 года комитетъ, который утверждалъ всѣ главныя распоряженія, но строительная коммисія при комитетѣ сократилась и была составлена другая, собственно при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ, и въ нее вошли, какъ правитель дѣлъ,—директоръ этого департамента Фишеръ и члены генералы изъ инженеровъ Дестремъ, Десятинъ, Готманъ, свиты его величества генераль Чевкинъ, вице-директоръ департамента полковникъ Кроль и строители дороги полковники инженеры Крафтъ и Мельниковъ.

Въ числѣ первыхъ распоряженій было раздѣленіе устройства С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги на двѣ дирекціи почти равнаго протяженія—сѣверную и южную, именно: сѣверная дирекція простиралась отъ Петербурга до рѣчки Коломенецъ близъ села Бологова, а южная дирекція занимала протяженіе отъ р. Коломенецъ до Москвы и начальникомъ первой былъ назначенъ П. П. Мельниковъ, а второй Н. О. Крафтъ, которые заимствовали въ Америкѣ много практическихъ свѣдѣній и привезли много чертежей. По ихъ-же рекомендаціи былъ приглашенъ изъ Америки, въ качествѣ совѣщательнаго инженера, съ жалованьемъ 60 т. руб. ассигнацій въ годъ, извѣстный тамъ инженеръ-маіоръ Уистлеръ, впоследствии заслужившій общее уваженіе; его совѣты были всегда ясны, опредѣлительны, полны знанія и полезны.

По рекомендаціи-же г. Уистлера были вызваны изъ Америки механики Гаррисонъ и Уайненсъ и съ ними былъ заключенъ на 6 лѣтъ контрактъ на устройство подвижнаго состава для строящейся желѣзной дороги. Для исполненія этого въ ихъ полное распоряженіе былъ отданъ главный Александровскій механическій заводъ, перешедшій поэтому изъ министерства финансовъ въ главное управленіе путей сообщенія къ графу Клейнмихелю. Для управленія заводомъ было высочайше утверждено 25-го марта 1844 года положеніе, по которому онъ названъ «заводомъ С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги». По контракту механики Гаррисонъ и Уайненсъ обязывались на этомъ заводѣ: «своими средствами изготовить локомотивы (паровозы) и вагоны, снабдивъ заводъ всѣми необходимыми для этого дѣла машинами и инструментами; научить казенныхъ мастеровъ, остающихся въ заводѣ, механическому дѣлопроизводству; образовать изъ нихъ машинистовъ—водителей паровозовъ; приготовить кондукторовъ и вообще привести заводъ въ соотвѣтственное его предназначенію устройство».

Такимъ важнымъ и дѣльнымъ распоряженіемъ правительства меха-

ническая часть устройства желѣзныхъ дорогъ была водворена у насъ въ Россіи и если первоначально обошлась дорого, но за то мы имѣли свои мѣстнаго производства паровозы и вагоны и своихъ машинистовъ; желѣзныя рельсы были заказаны за границею, длиною по 18 футъ и вѣсомъ по 22 фунта на 1 погонный футъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ было сдѣлано распоряженіе о выдѣлкѣ рельсовъ у насъ въ Россіи на уральскихъ заводахъ.

Вслѣдъ за указомъ вышеупомянутымъ, отъ 6 февраля 1842 года, начальникамъ сѣверной и южной дирекціи было поручено избрать себѣ сотрудниковъ изъ молодыхъ инженеровъ и были назначены къ П. П. Мельникову: гг. Паленъ, Поссѣ, Керсновскій и Граве, а къ Н. О. Крафту инженеръ-капитаны В. А. Давенштернъ и А. И. Гофмейстеръ и поручики А. И. Штукенбергъ и П. П. Зуевъ, которымъ выпала честь быть первыми строителями первой желѣзной дороги—капитальной въ Россіи.

Какъ быстро было приступлено къ сооруженію этой желѣзной дороги, можно судить по тому, что въ томъ же 1842 году, когда послѣдовалъ высочайшій указъ 1-го февраля, уже въ этомъ мѣсяцѣ начаты изысканія для опредѣленія направленія ея со съемкой и нивеллировкой; именно въ южной дирекціи они начались близъ Вышняго-Волочка отъ р. Цны—22-го февраля 1842 года.

Много было трудовъ съ этими изысканіями; сперва приходилось бродить по колѣно въ снѣгу, потомъ весною по колѣно въ водѣ; но за то болота были еще замерзши и проходъ по нимъ былъ безъ затрудненія; за то лѣтомъ, когда болота оттаяли, проходъ представлялся весьма тяжелымъ, но всѣхъ воодушевляла важность дѣла и молодыя силы все преодолевали.

Основаніемъ для избранія наивыгоднѣйшаго направленія для желѣзной дороги, имѣя въ виду и сокращенія работъ, было принято:

1) По возможности держаться прямыхъ линій и даже имѣлся въ виду Петровскій просѣкъ, проложенный между столицъ по совершенно прямой линіи при Петрѣ Великомъ, какового просѣка слѣды еще кое гдѣ сохранились или были извѣстны, напримѣръ, около Вышняго-Волочка; но отъ этого скоро отказались, встрѣтивъ большія трудности; затѣмъ полагалось проведеніе прямыхъ линій на значительномъ протяженіи, преимущественно между городами, что во всякомъ случаѣ значительно сокращало общее протяженіе дороги, уменьшало число поворотовъ, которыхъ тогда опасались для движенія поѣздовъ.

2) Въ видахъ этого было положено обойти города на Московскомъ шоссе, находящіяся слишкомъ въ сторонѣ отъ прямого направленія

между столицами, жертвой чего сдѣлались города Новгородъ, Крестцы, Валдай и Торжокъ, при чемъ первый былъ въ сторонѣ на 74 версты, второй на 42 версты, третій на 35 версть, а четвертый на 30 версть.

3) Предпочитать проводъ линіи по болотамъ противъ прохода черезъ озера, что встрѣтилось въ Новгородской губерніи, опасаясь поврежденій насыпей на открытыхъ водахъ, и стараться обходить большія рѣки.

Въ видахъ чего между городами, которые остались близъ направленія желѣзной дороги, проводились по нѣсколько линій со съемкой мѣстности и нивелировкой; такъ, напримѣръ, между Вышнимъ-Волочкомъ и Тверью было проведено 4 линіи: одна совершенно прямая, но она пересѣкала р. Тверцу три раза; другая въ обходъ Тверцы около р. Осѣченки и двѣ для обхода возвышенной Луневои горы ¹⁾ и удобнаго пересѣченія р. Тверцы близъ горъ: Твери.

Вообще можно сказать, что едва ли для какой другой желѣзной дороги у насъ дѣлалось столько изслѣдованій. Но все же въ публикѣ, видя продолжительность изысканій, шли кривые и недоброжелательные толки; такъ говорили, что въ Новгородской губерніи встрѣтились бездонныя болота, которые впрочемъ доходили до глубины 6 сажень и что линіи двухъ дирекцій отъ столицъ не сходятся у р. Коломенки на нѣсколько версты; помѣщики волновались, кто за то, что линіи проходятъ слишкомъ близко, кто за то, что слишкомъ отдаляется отъ ихъ усадьбъ.

Ниже мы опишемъ мѣстность, по которой прошло окончательно избранное направленіе для С.-Петербурго-Московской желѣзной дороги, а теперь скажемъ только, что оно вышло протяженіемъ между-столичныхъ станцій этой дороги въ 604 версты, между тѣмъ протяженіе Московскаго шоссе было въ 674 версты, изъ котораго, впрочемъ, нужно выкинуть части по городу съ обоихъ концовъ; астрономическое же протяженіе разстоянія между столицъ опредѣлено было въ 598 версты. Такимъ образомъ избранное направленіе значительно сокращало разстояніе,—около 70 версты, что представляло экономію въ постройкѣ и впоследствии путь для проѣзда.

Изысканія по всему протяженію были въ 1843 г. окончены, а въ 1844 г. приступлено къ землянымъ работамъ и къ постройкѣ мостовъ.

Для окончательно составленнаго продольнаго профиля земляного полотна было принято за основаніе: продольные подъемы отъ Москвы къ Петербургу принять не круче какъ въ $\frac{1}{400}$, а отъ Петербурга къ

¹⁾ У села „Плоское“.

Москвѣ не круче $\frac{1}{200}$, имѣя въ виду, что отъ Москвы пойдутъ большіе грузы; радіусъ закругленій на поворотахъ былъ принятъ въ 3 версты, при чемъ поворотъ дѣлается такъ пологъ, что движеніе поѣздовъ совершается удобно какъ по прямой линіи. Объ отступленіяхъ отъ сего будетъ приведено ниже.

Земляное полотно назначалось строить для двухъ рельсовыхъ путей, шириною каждый между внутреннихъ граней рельсовъ въ 5 футовъ, съ промежуткомъ между путями въ 6 футовъ.

Дальнѣйшія подробности будутъ изложены ниже.

Графъ Клейнмихель лично осматривалъ линію въ доступныхъ для проѣзда мѣстахъ и быстро разрѣшалъ встрѣчаемыя затрудненія, договаривая: «одобряю и разрѣшаю».

А. И. Штувенбергъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ВЛАДИМІРЪ ИВАНОВИЧЪ НАЗИМОВЪ.

Очеркъ изъ новѣйшей лѣтописи сѣверо-западной Россіи.

ХІІІ ¹⁾.

Въ предъидущихъ главахъ нашего очерка мы выяснили результаты административной дѣятельности Владиміра Ивановича въ первое трехлѣтіе управленія его сѣверо-западнымъ краемъ (1855—1857 гг.). Въ слѣдующіе затѣмъ три года (1858—1860 гг.) все вниманіе какъ высшаго правительства, такъ и администраціи, даже и всего общества, было всецѣло обращено на развитіе и поступательное движеніе великой социальной реформы, и о всякихъ постороннихъ вопросахъ никто не помышлялъ, въ ожиданіи тѣхъ конечныхъ результатовъ, какіе реформа эта принесетъ государству. Позволяемъ себѣ думать, что если бы въ то время на виленскомъ генераль-губернаторствѣ, вмѣсто Назимова, сидѣлъ Муравьевъ, по мѣткому выраженію сенатора Я. А. Соловьева, «страдающій зудомъ дѣятельности», то и онъ предпочелъ бы помириться съ выжидательною политикою и взирать снисходительно на разные старо-польскіе фарсы шляхетства, чѣмъ передѣлывать по своему прежніе порядки и тѣмъ самымъ умножать въ краѣ число несочувствующихъ благимъ дѣламъ правительства. Простой здравый смыслъ указывалъ на необходимость окончить сперва одно дѣло, а потомъ уже приниматься за другое.

Между тѣмъ польскіе эмигранты не дремали, а зорко слѣдили за ходомъ работъ по освобожденію крестьянъ въ Россіи, которое имъ такъ желательно было затормозить, чтобы затѣмъ стать самимъ во главѣ этого социального переворота. Сознывая, что съ благопріятнымъ исходомъ великой реформы они потеряютъ главную точку опоры

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 385—410; мартъ, стр. 555—580.

для своихъ замысловъ о возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 г., эмигранты, пользуясь переменною правительственной системы въ конгрессувкѣ, которой придерживался фельдмаршалъ Паскевичъ, усердно готовили революціонное движеніе въ Варшавѣ. Наконецъ, наступилъ 1860 годъ, а съ нимъ и первыя манифестаціи, которыя отъ береговъ Вислы пролетѣли, съ быстротой электрической искры, къ берегамъ Днѣпра и Западной Двины. Послѣдствія этихъ манифестацій, разрѣшившіяся вооруженнымъ возстаніемъ въ 1863 году, хорошо всѣмъ извѣстны, а потому распространяться о нихъ нѣтъ надобности; остается только добавить, что, по крайнему нашему разумѣнію, никто такъ не способствовалъ благопріятному, скорому и окончательному разрѣшенію пресловутаго польскаго вопроса въ западныхъ губерніяхъ Россіи, какъ виновники этого вооруженнаго возстанія ¹⁾, и что въ этомъ отношеніи они несравненно болѣе принесли пользы русскому дѣлу въ этомъ краѣ, чѣмъ покойный графъ М. Н. Муравьевъ.

XIV.

Въ заключеніе настоящихъ замѣтокъ на Записки графа Муравьева, и для подведенія итоговъ административной дѣятельности его предѣстника, а также для разъясненія нѣкоторыхъ мало кому извѣстныхъ обстоятельствъ, относящихся ко времени управленія сѣверо-западнымъ краемъ какъ Назимова, такъ и Муравьева, мы приведемъ еще нѣсколько эпизодовъ, дополняющихъ картину описываемой нами эпохи.

а) Крѣпостное право, отмѣненное окончательно манифестомъ 19-го февраля 1861 г., не могло исчезнуть разомъ, безслѣдно, и de facto продолжало свое существованіе. Тому способствовали, прежде всего, мировые посредники, избранные, какъ и вездѣ, помѣстнымъ дворянствомъ изъ своихъ же людей, наиболѣе склонныхъ охранять до безконечности старыя порядки, а также обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, вытекающія изъ отбыванія въ пользу послѣднихъ разныхъ повинностей за тотъ участокъ полевой земли, который находился въ пользованіи крестьянъ. Не прошло еще снола двухъ лѣтъ со дня обнародованія манифеста, какъ Назимовъ убѣдился въ совершенной непригодности этихъ отношеній для улучшенія быта крестьянъ, въ особенности со времени возникшей въ краѣ революціонной агитаціи, когда путемъ разныхъ уступокъ и льготъ можно было склонить крестьянъ въ пользу

¹⁾ То есть эмиграція—мѣстное шляхетство и католическое духовенство.

движенія противъ правительства. Благая мысль ходатайствовать объ измѣненіи этого порядка, опредѣленнаго «Положеніемъ», не предвѣщала успѣха; но лишь только первыя вооруженныя банды появились въ предѣлахъ Гродненской губерніи и произвели въ Петербургѣ отрезвляющее впечатлѣніе, замѣнившее прежнія иллюзіи, Назимовъ воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ для представленія государю императору записки, въ коей онъ объяснялъ причины настоятельной необходимости прекратить обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, путемъ замѣны оныхъ извѣстнымъ денежнымъ оброкомъ, вносимымъ въ казну, для передачи таковыхъ по принадлежности. Записка эта была доставлена въ собственныя руки государя свиты его величества генераль-майоромъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ ¹⁾, который въ то время командовалъ отрядомъ войскъ, расположенныхъ по линіи С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, для охраненія ея отъ всякихъ покушеній со стороны повстанцевъ.

Ходатайство Назимова увѣчалось полнымъ неожиданнымъ для него успѣхомъ, и 1-го марта 1863 г. состоялся извѣстный высочайшій указъ, прекратившій неудобныя отношенія между помѣщиками и бывшими ихъ крестьянами и положившій основанія обязательному выкупу земель крестьянскаго надѣла, съ содѣйствіемъ правительства. Этотъ знаменитый указъ, разрѣшающій ясно и категорически всѣ запутанности по обезпеченію крестьянъ земельнымъ надѣломъ, закрѣпилъ еще болѣе за Назимовымъ право на самое видное мѣсто въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостного состоянія.

б) Обѣзжая подвѣдомственный ему край для ознакомленія съ тѣми экономическими реформами, которыя вводились уже нѣкоторыми помѣщиками въ виду предстоящаго освобожденія крестьянъ, Владиміръ Ивановичъ наглядно убѣдился въ томъ, что представители русскаго землевладѣнія въ литовскихъ губерніяхъ, не смотря на свою малочисленность, разрозненность и вліяніе окружающей ихъ среды, не утратили тѣхъ драгоцѣнныхъ качествъ, которыми должны отличаться благонадежныя сторонники правительства и пионеры русскаго дѣла въ ополченномъ край; но въ виду того прискорбнаго факта, что число такихъ помѣщиковъ въ трехъ литовскихъ губерніяхъ представляло не болѣе двухъ процентовъ общей суммы помѣщиковъ польскаго происхожденія, Назимовъ вознамѣрился провести мысль объ умноженіи въ странѣ числа русскихъ землевладѣльцевъ путемъ раздачи и продажи казенныхъ земель въ частное владѣніе.

¹⁾ Впослѣдствіи генераль-губернаторъ въ Прибалтійскомъ край и потомъ шефъ жандармовъ.

Съ этой цѣлю весною 1860 года, заручившись сперва одобреніемъ государя императора, онъ представилъ всеподданнѣйшую докладную записку, въ которой, разясняя необходимость расширенія вѣ краѣ русскаго землевладѣнія, ходатайствовалъ объ установленіи правилъ для раздачи, въ видѣ награды за службу и взаимѣнъ практикующихся до сихъ поръ денежныхъ арендъ, а также для продажи на льготныхъ условіяхъ—участковъ свободныхъ казенныхъ земель и оброчныхъ при нихъ статей тѣмъ чиновникамъ и лицамъ русскаго происхожденія, которые изъявили бы готовность водвориться на пожалованныхъ имъ или пріобрѣтенныхъ ими со льготою казенныхъ земляхъ. Записка Назимова, по приказанію государя, разсматривалась тогда же въ экстренномъ засѣданіи комитета министровъ, куда былъ приглашенъ и составитель ея съ правомъ голоса; но министръ государственныхъ имуществъ, М. Н. Муравьевъ, усматривая въ способѣ проведенія генералъ-губернаторомъ своего проекта не только дерзновенное вторженіе въ предѣлы не подвѣдомственной ему области, но и нарушенія общепринятаго правила ¹⁾, требующаго, чтобы каждый новый законопроектъ представлялся на благовоззрѣніе государя или чрезъ посредство подлежащаго министерства, или же хотя и непосредственно, но по предварительномъ соглашеніи съ министромъ, до котораго касается это дѣло,—успѣлъ склонить своихъ коллеговъ къ признанію проекта Назимова не удобнымъ и не практичнымъ. Такимъ образомъ благія намѣренія Владиміра Ивановича были отклонены.

По окончаніи засѣданія, Муравьевъ подошелъ къ своему сопернику и, протягивая ему руку, сказалъ: «надѣюсь, многоуважаемый Владиміръ Ивановичъ, что разномысліе въ настоящемъ дѣлѣ не измѣнитъ нашихъ старыхъ, добрыхъ отношеній».

— Разумѣется, отвѣчалъ Назимовъ, видимо взволнованный и раздосадованный,—жалъ только, что отъ вашей сегодняшней побѣды надъ мною русскому дѣлу въ западномъ краѣ также не поздоровится, какъ отъ побѣды надъ вами графа Д. Н. Блудова въ 1830 г. ²⁾.

¹⁾ Которое самъ Михаилъ Николаевичъ никогда не соблюдалъ.

²⁾ Въ пріятельскихъ бесѣдахъ съ Назимовымъ Михаилъ Николаевичъ неоднократно разсказывалъ о томъ, какъ въ 1830 году, будучи губернаторомъ въ Могилевѣ, онъ представилъ покойному государю Николаю I-му всеподданнѣйшую записку о необходимости воспретить латинскому монашествующему духовенству заниматься воспитаніемъ юношества въ Бѣлорусіи; но бывший въ то время товарищемъ министра народнаго просвѣщенія Д. Н. Блудовъ, которому государь передалъ записку Муравьева на заключеніе, призналъ такую мѣру несвоевременною и даже вредною, а потому она и осталась безъ послѣдствій.

Съ этого момента между Назимовымъ и Муравьевымъ отношенія не только охладились, но и приняли непріязненный характеръ.

Но проекту Назимова, забракованному комитетомъ министровъ во вниманіе доводовъ и аргументацій Муравьева, не суждено было заглотнуть окончательнo. Разумная мысль, поставленная въ основаніе онаго, была подхвачена налету преемникомъ Михаила Николаевича, генераль-адъютантомъ Кауфманомъ, который возобновилъ ходатайство, начатое Назимовымъ, и на этотъ разъ оно увѣнчалось успѣхомъ, выразившимся въ высочайше утвержденной 23-го іюля 1865 года «Инструкціи о порядкѣ продажи и раздачи казенныхъ земель въ западномъ краѣ лицамъ русскаго происхожденія, желающимъ въ немъ поселиться на постоянное жительство». Мѣра эта была, такъ сказать, первымъ шагомъ по пути къ постепенному сокращенію въ краѣ польскаго землевладѣнія, которое, вслѣдъ затѣмъ, законъ 10-го декабря 1865 г., проведенный генераль-губернаторомъ Кауфманомъ, обезпечилъ окончательно.

в) Миниатюрная колонія русскихъ людей въ краѣ, слагавшаяся преимущественно изъ чиновничества, порадовалась назначенію Назимова на постъ виленскаго генераль-губернатора ¹⁾, и всѣ ея члены вострепнулись, почувствовавъ, что въ воздухѣ повѣяло чѣмъ-то роднымъ, напоминающимъ далекую, но любезную для нихъ Москву, гдѣ Владиміръ Ивановичъ оставилъ по себѣ добрую память и пользовался сочувствіемъ высшей интеллигенціи, нашедшей въ немъ смѣлаго защитника свободы мысли и слова, такъ долго стѣсняемыхъ обскурантизмомъ и строгими цензурными путами. Симптомомъ новой политики, благоприятствующей интересамъ приниженой и забытой русской народности въ Литвѣ, было на первыхъ порахъ удаленіе отъ должности правителя генераль-губернаторской канцеляріи поляка ²⁾, и назначеніе на его мѣсто челоуѣка благонамѣреннаго, способнаго и вполне преданнаго русскому дѣлу ³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскій кружокъ усилился въ своемъ составѣ многими весьма дѣльными и образованными чиновниками, прибывшими съ Владиміромъ Ивановичемъ изъ Москвы, въ числѣ которыхъ князь А. П. Ширинскій-Шихматовъ ⁴⁾ и М. Н. Похвисневъ ⁵⁾ отличались выдающимися дарованіями и неутомим-

¹⁾ Въ апрѣлѣ 1856 г.

²⁾ Д. с. с. Бялоцкаго.

³⁾ Э. А. де Роберти. Умеръ скоропостижно.

⁴⁾ Съ 1857 г. помощникъ попечителя виленскаго учебнаго округа, а съ 1863 годъ—попечитель того же округа. Умеръ въ 1884 году.

⁵⁾ До 1863 года виленскій губернаторъ; впоследствии начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Умеръ недавно.

мою служебною дѣятельностью. Наконецъ, и самъ генераль-губернаторъ, его семейство и домочадцы, какъ люди строго соблюдавшіе обычаи и обряды русской жизни, не мало способствовали поднятію престижа русскаго начала въ краѣ. Такое же впечатлѣніе произвело прибытіе въ Вильно новаго начальника края и на православное духовенство литовской епархіи, во главѣ котораго въ то время стоялъ знаменитый митрополитъ Іосифъ Сѣмашко, стяжавшій себѣ неувядаемую славу воссоединеніемъ униатовъ съ православною церковью. Къ прискорбію, одно загадочное обстоятельство заронило въ душу этого доблестнаго подвижника православія не только сомнѣніе въ благонамѣренности Назимова, но и непріязненное къ нему чувство, которое онъ сохранилъ до послѣднихъ дней и унесъ съ собою въ могилу. Предлогомъ къ тому послужило слѣдующее.

Однажды, пришедши съ докладомъ въ кабинетъ Владиміра Ивановича и нашедши его чѣмъ-то озабоченнымъ и смущеннымъ, авторъ этой статьи располагалъ было удалиться, но замѣтивъ такое движеніе, Назимовъ, какъ бы очнувшись отъ удручающихъ его мыслей, подавъ ему лежавшій на столѣ послѣдній номеръ издаваемой въ Лондонѣ газеты «Колоколъ» и рассказалъ слѣдующее: «вскорѣ по прибытіи моемъ въ Вильно я получилъ отъ моего стараго благопріятеля, московскаго митрополита Филарета, копію письма нашего почтеннѣйшаго архипастыря Сѣмашки къ оберъ-прокурору св. синода, въ которомъ онъ излагалъ графу Протасову свой взглядъ на положеніе края въ политическомъ отношеніи, и рекомендовалъ нѣкоторыя мѣры: могущія способствовать осуществленію видовъ правительства. Раздѣляя вполне взглядъ автора письма и принявъ къ свѣдѣнію многія изъ его разумныхъ и практическихъ замѣчаній, я положилъ этотъ интересный документъ, какъ сообщеніе совершенно конфиденціальное, въ мое бюро, и съ того времени не только никому не предъявлялъ его, но и не вынималъ ни разу изъ моего хранилища, такъ какъ въ памяти моей твердо сохранилось его содержаніе. Теперь легко вамъ будетъ представить, — добавилъ Владиміръ Ивановичъ, — мое изумленіе, когда въ доставленномъ мнѣ сегодня номерѣ «Колокола» я нашелъ то же самое письмо въ дословномъ спискѣ и съ разными комментаріями Герцена. Первою моею мыслью было—продолжалъ Назимовъ—предположеніе, что кто нибудь похитилъ у меня это письмо и отправилъ въ редакцію «Колокола»; но осмотрѣвши бюро, я нашелъ письмо на томъ же мѣстѣ и въ такомъ же точно видѣ, въ какомъ оно находилось въ день полученія мною этого документа изъ Москвы. Любопытно было бы узнать,—присовокупилъ въ заключеніе Владиміръ Ивановичъ—какими путями и кто именно снабжаетъ Герцена матеріалами для его редак-

торской дѣятельности, тѣмъ болѣе, что пріобрѣтеніе подобнаго рода документовъ свидѣтельствуетъ, что корреспонденты его пользуются довѣріемъ начальства и занимаютъ вліятельныя должности въ высшихъ административныхъ сферахъ столицы».

Признавая затѣмъ неудобнымъ и безцѣльнымъ входить по сему предмету въ объясненія съ митрополитомъ и опасаясь, чтобы такое загадочное обстоятельство не произвело на него подавляющаго впечатлѣнія, Назимовъ предпочелъ сохранить въ тайнѣ интересный документъ, сообщенный ему Филаретомъ, и былъ увѣренъ, что все это останется безъ послѣдствій; но нашлись услужливые люди, которые поспѣшили порадовать виленскаго архипастыря сообщеніемъ ему по секрету того номера «Колокола», въ которомъ была помѣщена копія письма московскаго митрополита къ Назимову. Недовѣрчивый отъ природы, извѣдавшій долговременнымъ опытомъ шаткость нашей внутренней политики, измученный борьбою съ коварствомъ и интригами римскаго духовенства и его многочисленныхъ приверженцевъ, митрополитъ Іосифъ заподозрилъ Назимова въ сообщеніи Герцену его письма къ графу Протасову, съ цѣлью затормозить архипастырскую дѣятельность его на пользу православія, а себя возвысить въ мнѣніи вліятельныхъ членовъ польскаго общества и мѣстной аристократіи. Съ этихъ поръ, не взирая на то, что ни Назимовъ, ни митрополитъ Іосифъ не заводили рѣчи объ этомъ загадочномъ событіи и каждый изъ нихъ, думая по своему, молчалъ, между представителями духовной и свѣтской власти въ край добрыя отношенія охладѣли, конечно, въ ущербъ общему дѣлу и, не взирая на всѣ старанія Назимова облегчать митрополиту шествіе по его тернистому пути, послѣдній сталъ взирать на него недовѣрчиво и даже считалъ его человекомъ двуличнымъ, фальшивымъ и интриганомъ. Въ такихъ неприглядныхъ краскахъ онъ изобразилъ Назимова и въ своихъ недавно опубликованныхъ запискахъ. Но тѣ, которые знали хорошо и близко Владиміра Ивановича, могутъ засвидѣтельствовать, что если онъ грѣшилъ въ чемъ-либо, то чаще всего отъ набытка своей правдивости и простодушія, и что въ его рыцарской натурѣ не было ни тѣни лицемерія, двуличности и хитрости.

г) Вскорѣ послѣ вступленія Муравьева въ управленіе сѣверо-западнымъ краемъ, изъ внутреннихъ губерній Россіи стали прибывать въ Вильно чиновники разныхъ вѣдомствъ, вызванные Михаиломъ Николаевичемъ для замѣщенія чиновниковъ польскаго происхожденія, устраняемыхъ отъ должностей по ихъ неблагонадежности. Какого достоинства были въ большинствѣ случаевъ эти чиновники,—послѣ аттестации, сдѣланной о нихъ Муравьевымъ, говорить много нѣтъ надобности; достаточно будетъ прибавить, что, по распоряженію Михаила

Николаевича, нѣкоторые изъ нихъ были отправлены обратно по мѣстамъ своего прежняго служенія «по этапу, не въ родѣ арестантовъ»; послѣдствіи же оказалось, что главные начальники тѣхъ вѣдомствъ и учреждений, которыя Михаилъ Николаевичъ просилъ «во имя интересовъ русскаго дѣла въ западномъ краѣ» присылать ему вполнѣ благонадежныхъ и способныхъ чиновниковъ, высылали ему въ Вильно преимущественно такихъ, которые за свое неодобрительное поведение подлежали удаленію отъ службы по 3-му пункту. Впрочемъ, слѣдуетъ добавить, что какъ между прибывающими въ край по вызову, такъ въ особенности между тѣми, которые были приглашены на службу лично Муравьевымъ, было много людей вполнѣ благовоспитанныхъ и просвѣщенныхъ, о которыхъ добрая память и до сихъ поръ сохранилась въ сѣверо-западномъ краѣ; можно только поспѣвать на нихъ за то, что какъ скоро, съ прибытіемъ Потапова въ Вильно, повѣяло мертвечиною и на горизонтѣ ихъ служебной карьеры появились маленькія тучки, они, руководствуясь мудрымъ девизомъ, гласящимъ: «ubi bene, ibi patria», поспѣшили ступешаться какъ заѣзжіе, временные гости, для которыхъ миссіонерская дѣятельность, сопровождаемая подѣ часъ разными невзгодами и перипетіями, представляется неудобнымъ и бесполезнымъ «похмѣлемъ въ чужомъ пирѣ», а не подвигомъ гражданскаго мужества или задачею безкорыстнаго патріотизма, требующаго не рѣдко принесенія въ жертву личныхъ интересовъ и настойчивой борьбы съ препятствіями. Впрочемъ, у насъ на Руси такая эгоистическая политика практикуется искони на всѣхъ окраинахъ государства и, къ сожалѣнію, ее не только не порицаютъ, но даже и не замѣчаютъ. Нашъ чиновникъ, въ большинствѣ случаевъ, соблазняемый «окладами и бенефиціями», охотно спѣшитъ въ дальніе края и, принявъ на себя роль миссіонера русскаго дѣла, работаетъ съ усердіемъ и полнымъ самоотверженіемъ, но только до тѣхъ поръ, пока изъ кустовъ не выбѣжитъ «волкъ», а тогда онъ обращается въ постыдное бѣгство какъ наемникъ, а не какъ добрый пастырь, который остается на мѣстѣ и, продолжая охранять вѣренное ему стадо, «полагаетъ душу свою за овцы». Все это, при кажущейся невзрачности, однако же довольно естественно и даже извинительно: отправляясь въ «чужіе края», какими для нашихъ столичныхъ чиновниковъ будутъ всегда—далекая Сибирь, Кавказъ, Туркестанъ, Остзейскій край, Польша и даже западныя губерніи, каждый изъ нихъ не можетъ не желать возвращенія со временемъ «домой» на родину; поэтому нельзя не пожалѣть, что въ нашихъ далекихъ окраинахъ имѣется слишкомъ мало «своихъ людей», душою и тѣломъ русскихъ, на которыхъ можно было бы вполнѣ полагаться и которые, поставленные на стражѣ интересовъ государ-

ства и правительства, съ тѣмъ вмѣстѣ охраняли бы и собственные свои интересы.

Описываемый нами ниже эпизодъ можетъ служить примѣромъ, какими цѣлями задавались нѣкоторые изъ прибывшихъ на зовъ Михаила Николаевича чиновниковъ, и какія средства были употребляемы ими для достиженія этихъ цѣлей.

Вскорѣ по восполнѣдованіи высочайшаго указа 1-го марта 1863 г., изъ земскаго отдѣла министерства внутреннихъ дѣлъ былъ присланъ въ Вильно еще довольно молодой чиновникъ М*** съ порученіемъ — объяснить Назимову соображенія министерства по предмету примѣненія на практикѣ правилъ, установленныхъ новымъ закономъ. Исполнивъ возложенное на него порученіе, онъ отправился обратно въ Петербургъ; затѣмъ, когда Муравьевъ былъ назначенъ на мѣсто Назимова, тотъ же самый чиновникъ, по рекомендаціи управлявшаго земскимъ отдѣломъ Я. А. Соловьева (впослѣдствіи сенатора), былъ приглашенъ Муравьевымъ въ Вильно для временнаго завѣдыванія крестьянскими дѣлами, находившимися до того въ рукахъ правителя генераль-губернаторской канцеляріи А. Д. Туманова.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что неисчерпаемая казна, находившаяся въ непосредственномъ и безъотчетномъ распоряженіи М. Н. Муравьева, составляла предметъ вождѣлений значительнаго числа людей, прибывавшихъ въ край съ пустыми карманами и съ единственною цѣлью уврачевать свои разстроенные финансы, но въ описываемомъ нами ниже сего случаѣ, разыгравшемся въ средѣ членовъ мирового института въ сѣверо-западномъ краѣ, не представляется возможности допустить мысль, чтобы въ основаніи приводимаго событія было намѣреніе воспользоваться отъ руки главнаго начальника края какими либо матеріальными выгодами, потому что выборъ на должности дѣятелей по мировымъ учрежденіямъ производился съ крайнею осмотрительностью и разборчивостью; скорѣе можно полагать, что тутъ было желаніе инициатора — выдѣлиться порельефиѣ изъ общей массы заурядныхъ чиновниковъ и такимъ образомъ проложить себѣ дорогу къ болѣе виднымъ должностямъ, или же простая, безъ злобной, задней мысли, потребность вызвать агитацію и стать въ ея главѣ. Впрочемъ, чужая душа — потемки, а потому странствовать по этой области и вскакивать свѣтильника правды — былъ бы бесполезный трудъ.

Приглядѣвшись внимательно къ тому, что дѣлается вокругъ и познакомившись лично съ большинствомъ дѣятелей по крестьянскимъ учрежденіямъ, нашъ дѣлецъ (нынѣ покойный) изъ «земскаго отдѣла» въ концѣ 1864 г., не подозрѣвая близкаго удаленія Муравьева изъ края, сталъ агитировать между членами мирового института и проводить

мысль о поднесеніи Михаилу Николаевичу, въ память его благотворной дѣятельности на пользу крестьянъ, альбома съ фотографическими карточками всѣхъ сотрудниковъ его по этой части. По счастливой мысли инициатора альбомъ долженъ былъ отличаться богатымъ переплетомъ, украшеннымъ массивными серебряными досками, съ изображеніемъ на нихъ тонкою чеканною работою двухъ эмблематическихъ фигуръ¹⁾: на одной сторонѣ—исхудалаго крестьянина съ поникшею головою и въ нищенскомъ рубищѣ, а на другой—зажиточнаго, здороваго парня въ щегольскомъ крестьянскомъ нарядѣ со смѣлымъ, веселымъ взглядомъ; подъ первую фигуру надпись—«до 1-го марта 1863 года», а подъ вторую—«послѣ 1-го марта 1863 года». Для чиновника-афериста было, повидому, совершенно безразлично, кто исходатайствовалъ законъ 1-го марта, имѣвшій такіа благотворныя послѣдствія для крестьянъ; его не смущала мысль, что выставленное на альбомѣ число 1-е марта 1863 г. стоитъ на цѣлыхъ два мѣсяца прежде назначенія Муравьева на постъ виленскаго генераль-губернатора, что наступитъ время, когда тотъ же самый альбомъ будетъ служить вещественнымъ доказательствомъ недобросовѣстности не только того, кто его придумалъ, но и тѣхъ слишкомъ 400 членовъ мирового института, фотографіи которыхъ окажутся въ альбомѣ. Всѣ эти простыя комбинаціи не были приняты во вниманіе и ни одинъ изъ 400 человекъ, подписавшихъ хвалебный адресъ Муравьеву, поднесенный ему вмѣстѣ съ альбомомъ, не протестовалъ противъ этой неприглядной оваціи!

Къ прискорбію предприимчиваго и храбраго чиновника М*** дѣло съ альбомомъ затянулось слишкомъ долго: 17-го марта 1865 года Муравьевъ окончательно выѣхалъ изъ Вильны; за нимъ послѣдовали многіе изъ его приближенныхъ, а наступившее затишье и уныніе были поводомъ, что торжество поднесенія адреса и альбома состоялось только 14-го ноября 1865 г. въ домѣ графа Михаила Николаевича въ Петербургѣ, куда съ этою цѣлью прибыла депутація отъ всего персонала членовъ мирового института сѣверо-западнаго края. Подслѣпватый графъ принималъ альбомъ отъ своихъ бывшихъ подчиненныхъ, выразилъ имъ сердечную благодарность за ихъ добрую память и доставленное ему удовольствіе и, наконецъ, угостивъ дорогихъ гостей отличнымъ обѣдомъ, отпустилъ ихъ съ миромъ. Но замѣтилъ ли онъ впоследствии продѣлку руководителя этой оваціи и далъ ли онъ почувствовать подносителямъ альбома неблаговидность такого извращенія фактовъ,—исторія о томъ умалчивается.

¹⁾ Составленіе рисунка было поручено виленскому художнику Жамету, и онъ исполнилъ его весьма удачно; за то впоследствии ему крѣпко доставалось отъ его соотечественниковъ—польскихъ пановъ. Самый же альбомъ былъ изготовленъ въ Петербургѣ въ мастерской художника Сазикова. П.

Рассказанный нами эпизодъ представляетъ явленіе паразитическое и необъяснимое. Какъ могло случиться, чтобы въ такой многочисленной группѣ людей интеллигентныхъ не нашлось ни одного настоль проникательнаго и смѣлаго, чтобы разгадать дѣйствительную цѣль задуманной оваціи и поставить свое veto противъ осуществленія затѣи, огульно компрометирующей цѣлую корпорацію не только въ глазахъ обывателей ополяченнаго края, ловащихъ съ жадностью на-лету всякій неосторожный шагъ или промахъ русской администраціи, но и тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые взирали съ смущеніемъ на дѣятельность членовъ мирового института въ смежной съ внутренними областями имперіи странѣ, гдѣ они съ такимъ усердіемъ работали подъ знаменемъ социализма? Безспорно, что въ рядахъ служащихъ по мировымъ учрежденіямъ въ муравьевскій періодъ не было недостатка въ людяхъ добросовѣстныхъ и умныхъ, а между тѣмъ всё они попали на удочку опытнаго рыбака (нынѣ покойнаго) и подписали адресъ, приложенный къ альбому съ ихъ фотографическими карточками. Этотъ прискорбный фактъ удостовѣряетъ, что въ дѣлѣ составленія и поднесенія всякаго рода адресовъ и петицій наша житейская и политическая опытность еще такъ мало созрѣла, что не гарантируетъ насъ отъ автоматическаго движенія на буксирѣ своекорыстной спекуляціи, и что не рѣдко, вопреки нашему желанію, мы идемъ не туда, куда слѣдуетъ, а туда, куда насъ ведетъ ловкая интрига, пользуясь свойственнымъ русскому человѣку благодушіемъ или недостаткомъ гражданскаго мужества, препятствующимъ ему удержаться на почвѣ правды и плыть противъ общаго теченія.

д) Въ сентябрьской книгѣ «Русской Старины» изд. 1883 г. (стр. 653) появилась замѣтка неизвѣстнаго намъ лица, по поводу всеподданнѣйшей записки В. И. Назимова на тему о необходимости относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ римско-католическому духовенству западнаго края, какъ къ людямъ, имѣющимъ весьма сильное вліяніе на крестьянство, которыхъ повтому не слѣдуетъ вооружать и озлоблять противъ правительства. Въ этой замѣткѣ составитель ея утверждаетъ, что когда онъ, по порученію бывшаго военнаго министра графа Милютина и согласно высочайшему повелѣнію, представилъ эту, какъ онъ выражается, «нелѣпнѣйшую записку добродушнаго до простосердечности Назимова» Михаилу Николаевичу Муравьеву, то послѣдній, по прочтеніи ея, выразился будто бы такъ: «да, это дѣло серьезное, надо подумать. Знаете ли: во всякомъ дѣлѣ самое трудное — это начало. Настоящая записка является какъ нельзя болѣе кстати: она вполне развязываетъ мнѣ руки. Теперь я знаю что мнѣ дѣлать: первое, что я сдѣлаю по прїѣздѣ въ Вильно, это — разстрѣляю ксендза».

Хотя передаваемый г. N. N. анекдотъ какъ нельзя болѣе подходитъ

подъ вкусы людей, преклоняющихся предъ безсердечіемъ и мящиками оказать великую услугу потомкамъ графа Михаила Николаевича, изображая ихъ предка какимъ-то дикимъ, кровожаднымъ звѣремъ; за всѣмъ тѣмъ этотъ легендарный рассказъ, по своему существу, представляется весьма проблематическаго свойства. Во всякомъ случаѣ, по поводу этого рассказа считаемъ умѣстнымъ представить слѣдующія объясненія.

Въ первый моментъ возникновенія въ краѣ вооруженнаго возстанія преступная дѣятельность римско-католическаго духовенства выражалась только чтеніемъ въ костелахъ манифестовъ революціоннаго комитета, причемъ нѣкоторые ксендзы, предвидѣвшіе отъ того дурныя послѣдствія въ будущемъ не только для своей паствы и для себя лично, но и для самой римской церкви въ предѣлахъ имперіи, всячески уклонялись отъ исполненія требованій агентовъ тайнаго ржонда или начальниковъ вооруженныхъ бандъ, хотя въ большинствѣ случаевъ кончалось тѣмъ, что, смущаемые угрозами, они уступали предъ настояніями этихъ властей и дѣлали все то, что имъ приказывали дѣлать. Такая уклончивость ксендзовъ въ дѣлѣ возбужденія вооруженнаго возстанія объясняется также и внушеніями князя Чарторійскаго, который въ рѣчи своей, произнесенной въ собраніи историко-литературнаго общества въ Парижѣ 3-го мая 1861 года, слѣдовательно за два мѣсяца до своей смерти и безъ малаго за два года до мятежа, убѣждалъ своихъ соотечественниковъ не ставить польскую праву въ зависимость отъ шансовъ открытой борьбы съ могущественнымъ врагомъ, находя такую затѣю дѣломъ слишкомъ рискованнымъ; но вскорѣ послѣ первыхъ вспышекъ на сцену стали выступать такіе ксендзы, которые не только принимали дѣятельное участіе въ вооруженномъ возстаніи и совершаемыхъ мятежниками дѣйствіяхъ, но сами собирали банды и становились въ ихъ главѣ.

Исходя изъ того принципа, что преступленіе дѣйствиємъ въ разрядѣ криминаловъ стоитъ выше преступленія, совершаемаго словомъ, начальникъ штаба виленскаго военнаго округа, генеральнаго штаба генераль-маіоръ А. Э. Циммерманъ (умершій въ чинѣ генер.-отъ-инфантеріи), человекъ весьма умный, вполне просвѣщенный и пользовавшійся большимъ авторитетомъ въ военныхъ сферахъ, докладывая В. И. Назимову военно-судное дѣло о ксендзѣ Шепетовскомъ, приговоренномъ къ смертной казни за чтеніе въ костелѣ революціоннаго манифеста, обратилъ вниманіе главнаго начальника края на несообразность распространенія на лицъ духовнаго званія, виновныхъ въ совершеніи второстепенныхъ преступленій, высшей мѣры наказанія, примѣняемой, и то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, къ преступникамъ первой категоріи, въ виду чего и ходатайствовалъ о смягченіи участи

Шепетовскаго. Склонный по своей доброй натурѣ къ снисходительности, питающій отвращеніе ко всякимъ жестокимъ мѣрамъ и придерживаясь въ данномъ случаѣ взглядовъ министра внутреннихъ дѣлъ, который въ телеграммѣ своей отъ 8-го сентября 1861 года въ свою очередь высказался не въ пользу примѣненія смертной казни къ лицамъ духовнаго званія, — Владимиръ Ивановичъ охотно согласился съ доводами своего начальника штаба и, пощадивъ жизнь ксендза, поручилъ Циммерману составить по сему обстоятельству пояснительную докладную записку для представленія таковой государю императору. Послѣ этихъ переговоровъ генераль Циммерманъ, возвратившись домой, написалъ дежурному штабъ-офицеру виленскаго военного округа письмо слѣдующаго содержанія:

„Александръ Спиридоновичъ! Надобно написать донесеніе государю о военно-судномъ дѣлѣ, подтвержденномъ сегодня Владиміромъ Ивановичемъ, которое рѣшено такъ:—ксендза Шепетовскаго на 12 лѣтъ въ ваторжную работу, а потомъ водворить въ Сибирь; прочихъ 7 человекъ—на 6 лѣтъ, а потомъ на поселеніе въ Сибирь. Надобно въ донесеніи государю изложить, что Владимиръ Ивановичъ потому не подтвердилъ смертнаго приговора ксендзу (объ остальныхъ самъ военный судъ ходатайствовалъ о смягченіи участи), что это произвело бы въ настоящее время самое вредное для правительства дѣйствіе. Ксендза этого несомнѣнно возведи бы въ мученики. Конарскаго, казненнаго здѣсь 25 лѣтъ тому назадъ, до сихъ поръ чтятъ какъ святого, и хотя онъ былъ протестантъ, тѣмъ не менѣе ксендзы молятся на его могилѣ и поминаютъ въ костелахъ; тѣмъ паче ксендза Шепетовскаго сочли бы въ настоящую минуту за святого; къ тому же этотъ ксендзъ и не въ Вильнѣ взять, не здѣсь совершилъ преступленіе, и виновать столько же, сколько десятки другихъ ксендзовъ, которыхъ однако не разстрѣливаютъ. Не политическое дѣло было бы дать Вильнѣ, до сего спокойной, зрѣлище казни духовнаго лица. Напишите это, изложите съ вашимъ обычнымъ искусствомъ, Александръ Спиридоновичъ! У меня сегодня дѣла много. Надобно убѣдительно представить всѣ эти обстоятельства въ донесеніи государю. Графъ Шуваловъ говорилъ вчера, что государь желаетъ, чтобы съ виновными поступали по всей строгости законовъ, такъ какъ безъ того нельзя будетъ заставить поляковъ образумиться, но пока въ Вильнѣ тихо; смертная казнь не устрашила бы, а только экзальтировала бы здѣшнихъ рьяныхъ католиковъ.

„Если нужно, то сходите къ Владиміру Ивановичу; можетъ быть онъ прикажетъ добавить еще что нибудь къ этой бумагѣ. Ко мнѣ безпрестанно то тотъ, то другой приходитъ, а надо писать. Весь вашъ Циммерманъ. 11-го февраля 1863 г. 7 часовъ вечера“.

Таковы были обстоятельства, вызвавшія появленіе всеподданнѣйшей докладной записки о ксендзахъ, составленной, такъ сказать, подъ диктовку члена академіи генеральнаго штаба и согласно взглядамъ министра внутреннихъ дѣлъ, людей далеко недюжинныхъ и вполне просвѣщенныхъ, а потому намъ кажется, что разномысліе Муравьева съ Назимовымъ во взглядахъ на смертныя приговоры, при спокойномъ и разумномъ обсужденіи этого важнаго вопроса, возбуждающаго и

донныя энергическія препирательства между современными мыслителями и моралистами всѣхъ странъ, не должно бы служить предлогомъ или основаніемъ для язвительныхъ насмѣшекъ надъ гуманными принципами предѣстника графа Мпханла Николаевича, и къ низведенію этихъ благородныхъ принциповъ въ разрядъ явленій, свидѣтельствующихъ объ умственномъ убожествѣ Назимова.

XV.

Судьбѣ угодно было поставить Владиміра Ивановича Назимова въ двухъ наиболѣе выдлющихся моментахъ упраздненія крѣпостного права въ Россіи, а именно: въ возбужденіи перваго ходатайства объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, и въ побужденіи правительства — принять на себя всю операцію и расчеты съ помѣстнымъ дворянствомъ за отходящія въ пользу крестьянъ земельныя угодья. Числа: 20-е ноября 1857 г. и 1-е марта 1863 г., должны бы украшать надгробный памятникъ, если такой будетъ когда-либо воздвигнутъ признательнымъ потомствомъ въ честь одного изъ лучшихъ гражданъ Россіи. Къ прискорбію въ исторіи освобожденія крестьянъ и въ описаніяхъ этого достопамятнаго событія о В. И. Назимовѣ упоминается только вскользь, такъ сказать — между прочимъ; въ нихъ нерѣдко болѣе видное мѣсто отводится тѣмъ дѣятелямъ, которые, находясь внѣ всякаго соприкосновенія съ живыми народными элементами, волнуемыми разными страстями и матеріальными побужденіями, сочиняли, писали и переписывали свои теоретическія комбинаціи и проекты въ стѣнахъ покойныхъ и комфортабельныхъ кабинетовъ и канцелярій. Даже въ спичахъ и застольныхъ рѣчахъ, произносимыхъ ежегодно нашими дѣятелями по крестьянскому вопросу въ знаменательный день годовщины манифеста 19-го февраля 1861 года, — о заслугахъ, оказанныхъ родному краю Владиміромъ Ивановичемъ Назимовымъ, никто никогда не упомянулъ ни однимъ словомъ.

Но и этого всего оказалось недостаточно: нашлись еще и такіе люди, которые не поцеремонились сорвать лучшей цвѣтокъ съ памятника трудовой жизни Владиміра Ивановича Назимова и украсить имъ альбомъ, подносимый преемнику его власти съ единственной цѣлью — расположить въ свою пользу вліятельнаго вель-

можу и такимъ способомъ упрочить свою служебную карьеру. Еще какихъ нибудь 5—10 лѣтъ, и со смертію послѣднихъ сослуживцевъ, друзей и бывшихъ подчиненныхъ покойнаго Владиміра Ивановича, память о немъ заглохла бы окончательно; но появленіе въ печати Записокъ графа М. Н. Муравьева дало намъ мысль — сгруппировать мало кому извѣстныя, либо же совершенно забытыя обстоятельства и черты изъ жизни и служебной дѣятельности Назимова, о которой, вслѣдствіе разныхъ неблагоприятныхъ условий и причинъ, сложилось превратное представленіе, поддерживаемое и распространяемое мелкимъ тщеславіемъ и людскою завистью.

Не получивъ въ молодости академическаго образованія и разныхъ ученыхъ дипломовъ, достающихся не рѣдко на долю дюжинной посредственности, а слѣдовательно и не гарантирующихъ страну отъ вреда, причиняемаго ихъ промахами и ошибками, Владиміръ Ивановичъ, не смотря на то, въ личномъ составѣ сановниковъ своей эпохи, оказавшихъ не мало услугъ отечеству, не составлялъ никакой дисгармоніи; между тѣмъ, обладая счастливою памятью и будучи отъ природы весьма любознательнымъ, онъ расширялъ постоянно кругъ своихъ знаній усидчивымъ чтеніемъ лучшихъ произведеній нашей литературы и періодической печати и такимъ образомъ восполнялъ пробѣлы своего школьнаго образованія. Не менѣе благотворное дѣйствіе на воспримчивую натуру Владиміра Ивановича имѣло постоянное общеніе его съ такими выдающимися по своему обширному уму и образованію людьми, какъ Грановскій, Хомяковъ, Аксаковъ, Катковъ, Самаринъ и многія другія свѣтила науки въ Москвѣ, съ которыми Назимовъ, въ бытность свою попечителемъ московскаго учебнаго округа, дружески сошелся и снискалъ ихъ сердечную симпатію своимъ честнымъ и прямодушнымъ характеромъ, а при такой счастливой обстановкѣ онъ не могъ оставаться равнодушнымъ и не увлекаться новыми теченіями мысли передовыхъ людей, стремившихся къ пересозданію дряхлаго общественнаго организма. Результатомъ всего этого было весьма солидное самообразование, которое, какъ плодъ добровольной и постоянной умственной работы, вызванной исключительно потребностью удовлетворенія духовной стороны человѣческой природы, представляетъ собою капиталъ значительно крупнѣе того, который выражается въ формѣ дипломовъ, добываемыхъ въ первой молодости въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, иногда не вполне правильными путями, и въ большинствѣ случаевъ ради достиженія матеріальныхъ цѣлей. Такое самообразование, сопровождаемое многолѣтнею служебною практикою на разнообразныхъ поприщахъ дѣятельности, видѣло Назимова изъ многочисленной группы администраторовъ, коснѣющихъ въ своихъ старыхъ закорючлыхъ понятіяхъ о правахъ человѣческихъ, пользѣ и правдѣ; къ

тому же у Назимова отъ природы былъ въ головѣ тотъ здравый русскій смыслъ, который такъ высоко цѣнился Великимъ Петромъ, его достойною преемницею Екатериною II и не менѣе цѣнился Александромъ II Освободителемъ, а въ душѣ и сердцѣ В. И. Назимова были и тѣ безцѣнные самородки добра, правды и чести, безъ которыхъ люди и съ академическимъ образованіемъ мало чѣмъ отличаются отъ дикихъ варваровъ.

А. С. П.

Г. Кіевъ.

10-го декабря 1884 г.

Источники къ очерку «В. И. Назимовъ».

1. Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго права въ Россіи 3 т. Берлинъ. 1861—1862 гг.
2. Сборникъ законоположеній и постановленій по освобожденію крестьянъ. А. И. Скребицкаго.
3. Записки сенатора Я. А. Соловьева о крестьянскомъ дѣлѣ. „Русская Старина“ изд. 1852, 1883 и 1884 гг.
4. Жизнь графа Михаила Николаевича Муравьева. Біографическій очеркъ М. Н. Кропотова. Спб. 1874 г.
5. В. О. Ратчъ—Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ. Вильно. 1867 г.
6. Ломачевскій—Виленская драма. Спб. 1873 г.
7. Впльканецъ—Назимовъ и Косцюшко. „Русск. Вѣдом.“ № 33, 1875 г.
8. Очеркъ исторіи польскаго умственнаго движенія. Ходатай поляковъ въ Спб. въ 1818 году—объ упраздненіи крѣпостнаго права. „Новое Время“, май, 1883 г., № 2569.
9. Объ упущеніяхъ и неправильныхъ приговорахъ надъ польскими мятежниками въ военно-судной комисіи. „Вѣсти. Европы“, январь, 1883 г., ст. Е. Л.
10. Записки митрополита Іосифа Сѣмашко. Характеристика генер.-губернатора, стр. 558.
11. „Виленскій Вѣстникъ“, 1866 г., № 2. Поднесеніе альбома и адреса гр. Муравьеву мировыми посредниками.
12. „Русская Старина“, августъ, 1883 г. Письма императора Александра II къ Влад. Ив. Назимову 1839, 1841, 1849 гг. и адресъ бывшихъ подчиненныхъ Назимова, отъ 20-го декабря 1863 г., съ помяткою на немъ государя Александра II.
13. „Сѣверная Почта“, июнь, 1862 г., № 124. Статья, поощряющая открытіе польскихъ школъ по деревнямъ въ западныхъ губерніяхъ. (Соображенія Назимова о зловредности такихъ школъ изложены подробно въ его отношеніи къ мин. внутр. дѣлъ, отъ 18-го іюня 1862 г., № 460).
14. Сборникъ распоряженій гр. М. Н. Муравьева по усмиренію польскаго мятежа въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, 1863—1864 гг. Составилъ Цыловъ. 1866 г. Еильно.
15. Личныя Записки, воспоминанія и собраніе документовъ автора настоящаго очерка изъ новѣйшей лѣтописи сѣверо-западной Россіи.

А. П.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ

въ 1856—1869 гг.

I.

Я познакомился съ Александромъ Сергѣевичемъ Даргомыжскимъ въ октябрѣ мѣсяцѣ 1856 года. Знакомство это, начавшееся со взаимныхъ отношений, вскорѣ перешло въ тѣсную дружбу, продолжавшуюся до его смерти (1869 г.).

Поставленная въ маѣ мѣсяцѣ 1856 года его опера, «Русалка», произвела на меня странное впечатлѣніе. До того времени я, пѣвельюбитель, ученикъ итальянца, горячій поклонникъ итальянской оперы и вообще итальянской музыки, довольно равнодушно относился къ произведеніямъ русскихъ композиторовъ, предпочитая имъ оперы Россини, Беллини и Доницетти, и самъ съ энтузіазмомъ пѣлъ отрывки изъ этихъ оперъ, разные салонные итальянскіе романсы и *motseaux d'ensemble* ¹⁾.

Знакомство мое (исключительно музыкальное) было составлено изъ любителей и любительницъ, также, подобно мнѣ, предпочитавшихъ итальянскую музыку всякой другой. Изъ сочиненій же русскихъ композиторовъ я пѣлъ арію Сусанина и дуэтъ съ Ваней изъ «Жизни за Царя», два или три романса Глинки, затѣмъ романсы Варламова (болѣе другихъ романсовъ), Гурилева, Булахова, Дерфельдта, Пауфлера, Дюбюка и другихъ композиторовъ. Романсы же Даргомыжскаго я вовсе не пѣлъ, мало гдѣ ихъ слышалъ, да они мнѣ и совсѣмъ не нравились.

¹⁾ Тогда были въ большомъ ходу салонные дуэты итальянскаго композитора Габусси, которые я почти всё постоянно пѣлъ съ моимъ пріятелемъ, прелестнымъ теворомъ, С. А. Антоновымъ. Онъ же и познакомилъ меня съ Даргомыжскимъ.

Я былъ на первомъ представленіи «Русалки», данной 2-го мая 1856 года, въ бенефисъ тогдашней примадонны русской оперы, г-жи Булаховой. Въ такомъ-то странномъ состояніи духа вышелъ я изъ театра по окончаніи оперы. Въ головѣ моей былъ какой-то хаосъ; я не могъ дать себѣ отчета, что́ это я слышалъ: хороша ли опера, или нѣтъ? Все меня въ ней поражало и удивляло: своеобразность приемовъ, мелодій, разстановка музыкальныхъ фразъ... «Странно все какъ-то, думалъ я, возвращаясь домой, все не такъ, какъ въ другихъ операхъ. Напр. тріо не похоже на тріо изъ «Отелло» или изъ «Лукреція Борджіа», квартетъ не похожъ на квартетъ изъ «Пуританъ», хоры не похожи на хоры изъ «Сонамбулы»... Что же это такое?»

Но что-то смутно влекло меня прослушать «Русалку» еще разъ. Я такъ и сдѣлалъ, и былъ въ оперѣ не только во второй разъ, но и въ слѣдующія пять или шесть ея представлений. Тогда только (въ особенности когда роль Наташи стала исполнять высокоталантливая покойная Латышева) я понялъ всю великость, всю гениальность этого произведенія, всю силу таланта Даргомыжскаго! Я понялъ, что должна быть и есть музыкальная драма, которая можетъ быть осуществлена рукою такого могучаго таланта, какимъ былъ Даргомыжскій!

Тогда-то во мнѣ загорѣлось желаніе познакомиться съ авторомъ «Русалки» и, какъ я уже сказалъ выше, въ октябрѣ того же года, въ которомъ была поставлена «Русалка», я былъ у него въ первый разъ, и съ перваго же раза почувствовалъ полную къ нему симпатію. Простой, радушный приемъ, нецеремонное, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣжливое обращеніе, неподкупно-честная, благородная душа, веселый, полный неподдѣльнаго юмора, характеръ,—вотъ тѣмъ, помимо своего высокаго таланта, привязалъ меня къ себѣ Даргомыжскій! До конца своей жизни онъ сохранилъ вполне юношескую теплоту сердца. Смерть его, хотя и ожидаемая, была для меня тяжкимъ ударомъ! Въ немъ я потерялъ и опытнаго, и добросовѣстнаго руководителя, и совѣтника, и истинно преданнаго мнѣ друга! Потеря эта осталась на всю мою жизнь незамѣнима!

Вскорѣ у Александра Сергѣевича начались музыкальные вечера, на которыхъ постоянно присутствовалъ престарѣлый отецъ его, Сергѣй Николаевичъ, большой любитель пѣнія, и преимущественно сочиненій своего сына и Глинки. На этихъ вечерахъ ученицами Даргомыжскаго ¹⁾ (онъ давалъ уроки пѣнія *gratis* только у себя на квар-

¹⁾ Онъ былъ большой поклонникъ прекраснаго пола, и часто говорилъ: «если-бы не было на свѣтѣ женщинъ-пѣвицъ, то я бы никогда не былъ композиторомъ. Онъ всю жизнь вдохновляли меня». Это подтверждается и тѣмъ, что большинство его романсовъ написано для женскаго голоса. В. С.

тирѣ, и только дамамъ и дѣвицамъ) и нами, любителями, пѣлись сочиненія его, Глинки, Монюшко, Глюка, Вебера, Метюля, Обера, Вуно, — однимъ словомъ все, что только было хорошаго въ музыкѣ. Исключена была только итальянская музыка, къ большому горю нѣкоторыхъ итальянцевъ, приходившихъ на эти вечера въ сладкой надеждѣ услышать *Fra raso*, *Di pescatore ignobile*, и т. под. ¹⁾.

Враги Даргомыжскаго (а ихъ было у него не мало) говорили, что на его вечерахъ очень скучно, что онъ не позволяетъ (!) никому ничего пѣть, кромѣ своихъ сочиненій! Я, постоянный посѣтитель этихъ вечеровъ, положительно заявляю, что все это вздоръ, чистая выдумка. Кромѣ вышеназванныхъ мною композиторовъ, пѣлись мои романсы, пѣлась вся опера (кромѣ хоровъ) г-на Кюи «Кавказскій Плънникъ», пѣлись отрывки изъ оперы г-на Фитингофа «Мазепа», отрывки изъ оперы Сѣрова «Юдифь», его же *Pater noster*, и много еще другого. Если же дѣйствительно болѣе всего исполнялись сочиненія Даргомыжскаго, то этому причиною были сами мы, любители. Намъ не только позволялось, но мы и сами преимущественно исполняли его сочиненія, потому что они намъ болѣе всего нравились. Мы ихъ пѣли охотнѣе другихъ не потому только, чтобы угодить или польстить ихъ автору, а потому, что всѣ они были намъ по сердцу, всѣ мы ими увлекались, всѣ мы глубоко сочувствовали музыкальнымъ красотамъ, находящимся въ сочиненіи Даргомыжскаго!

Не говоря уже о «Русалкѣ», которую мы почти всѣ знали наизусть,—развѣ можно было не отнестись сочувственно къ нѣкоторымъ номерамъ изъ «Эсмеральды», оперы, написанной имъ еще прежде «Русалки», въ его молодые годы? къ нѣкоторымъ номерамъ изъ его одноактной оперы-балета «Торжество Вакха»? къ его серенадамъ? къ номерамъ начатой имъ, но къ сожалѣнію неоконченной, волшебной-комической оперы «Рогдана»? къ большинству его романсовъ, какъ напр. «Свадьба», «Она придетъ», «Шестнадцать лѣтъ», «Тучки небесныя», «Въ минуту жизни трудную», «Мнѣ грустно», «Я сказала зачѣмъ», «Не скажу никому», «Какъ часто слушаю», «Безъ ума, безъ разума», «Моя милая, моя душечка», «Я помню глубоко», «Разстались гордо

¹⁾ Впрочемъ иногда, шутки ради, пѣлось „*Rapatasi*“, мужское тріо изъ оперы Россини „Итальянка въ Алжирѣ“, въ которомъ теноровую партію исполнялъ самъ Даргомыжскій, баритона пѣлъ К. Н. Вельяминовъ, а баса—В. П. Опочининъ. Съ послѣднимъ Александръ Сергѣевичъ пѣвалъ „*Obligato, si obligato*“, дуэтъ изъ оперы Доницети „Любовный Налитокъ“. Пѣлся еще комическій дуэтъ изъ какой-то оперы стараго итальянскаго композитора Гульельми, начинавшійся словами: „*Un palpito mi sento*“. Даргомыжскій пѣлъ его иногда съ басомъ, но большею частію съ своей ученицей. С. П. Еленевой.

мы», «Безумная», «Старый капралъ», «Паладинъ», «Вы не сблысь», и многіе другіе.

Вечера эти были очень пріятны; собирались на нихъ большею частію одни и тѣ же лица, такъ что мы всё коротко познакомились между собою и составляли какъ бы одну семью. Постоянными посѣтителями этихъ вечеровъ, кромѣ меня, были—изъ дамъ:

А. Н. Байкова, С. П. Еленева, М. И. Юкишъ, Е. И. Лаврентьева, М. М. Максимова, Л. О. Миллеръ, М. И. Морозова, В. В. Саренко (вскорѣ вышедшая замужъ, и переставшая посѣщать вечера), О. А. Соколовская и Г. И. Эллиотъ; изъ мужчинъ: К. Н. Вельяминовъ, С. В. Демидовъ, К. Н. де-Лазари, И. П. Загрунскій, И. Т. Лепко, В. П. Опочининъ, П. И. Радзиевскій, М. Р. Щиглевъ и В. П. Энгельгардтъ. Не постоянными посѣтителями были: М. Ше Вельцъ, М. А. Заровная, Л. А. Чехова, С. А. Антоновъ, В. И. Богдановъ, П. П. Булаховъ, І. Г. Васильевъ, І. І. Голубицкій, П. И. Гумбинъ, Г. А. Демидовъ, Н. И. Калининъ, К. Н. Лядовъ, І. А. Петровъ, М. В. Успенскій, Д. А. Чернавинъ, Л. И. Чернявскій и М. П. Яцевичъ. Въ качествѣ слушателей: А. А. Соколовская, отецъ Александра Сергѣевича, И. А. Богдановъ, Н. А. Воскресенскій, Н. А. Кологривовъ, В. И. Марковъ, А. П. Опочининъ, В. М. Пушкиловъ, В. И. Раевскій и В. В. Стасовъ. Изъ композиторовъ постоянно бывали: Ю. К. Арнольдъ и Н. А. Титовъ; изрѣдка посѣщали вечера: К. П. Вильбоа, С. Ф. Делюсто, А. Н. Сѣровъ, Б. А. Фитингофъ, М. А. Балакиревъ, Ц. А. Кюи и М. П. Мусоргскій. (Послѣдніе три бывали только вначалѣ, а потомъ вовсе перестали посѣщать эти вечера, бывая у Даргомыжскаго въ другіе дни. Съ нимъ впоследствии присоединился Н. А. Римскій-Корсаковъ).

Вечера эти отличались полной свободой въ дѣйствіяхъ: можно было придти и уйти, когда угодно; можно было, чувствуя себя нерасположеннымъ пѣть, просидѣть цѣлый вечеръ въ качествѣ слушателя; но за то, во время исполненія какой бы то ни было пьесы, наблюдалась постоянная тишина, и если-бы кто вздумалъ ее нарушить неумѣстнымъ разговоромъ (даже шепотомъ), то блюститель порядка, въ лицѣ отца Александра Сергѣевича, своимъ грознымъ шш!, обращеннымъ непосредственно къ нарушителю тишины, немедленно возстановлялъ спокойствіе. Въ 10 часовъ старикъ обыкновенно уходилъ спать, и тогда не рѣдко играли на фортепіано въ четыре руки (чего не любилъ старикъ, и при немъ никогда не играли). Играли номера изъ «Русалки», преимущественно увертюру и танцы, танцы изъ «Торжества Вакха», Казачекъ, чухонскую фантазію, увертюру и танцы изъ «Жизни за Царя» и «Руслана», сочиненія Вебера и другихъ композиторовъ, изъ которыхъ Даргомыжскій особенно любилъ сонату Онслова, если не ошибаюсь, написанную авторомъ для фортепіано въ четыре руки. Исполнителями были: самъ Александръ Сергѣевичъ почти постоянно съ М. Р. Щиглевымъ; изрѣдка вмѣсто послѣдняго играла Е. И. Лаврентьева или В. П. Энгельгардтъ.

Иногда бывали и танцы (также послѣ 10 часовъ). Рояль, стояв-

шій обыкновенно по серединѣ залы, отодвигался въ сторону, и вся молодежь пускалась въ плясъ. Игралъ для танцевъ большею частію самъ Александръ Сергѣевичъ и, надобно сказать правду, игралъ очень неловко. По незнанію современныхъ танцевъ, онъ импровизировалъ; но если это было хорошо въ музыкальномъ отношеніи, то для танцевъ выходило какъ-то неудобно, угловато, тяжеловѣсно; тогда на смѣну ему садились или В. П. Энгельгардтъ, или я. Н. А. Титовъ также не рѣдко игралъ свой знаменитый кадрили.

Ужинать оставались только самые близкіе, самые постоянные поѣтители вечеровъ: 6—10 человекъ. За этими ужинами, состоявшими обыкновенно изъ двухъ самыхъ простыхъ блюдъ, изъ которыхъ вторымъ было непременно мелкое пирожное или, какъ называлъ Даргомыжскій, пирожки, мы иногда засиживались до поздней ночи ¹⁾. Время летѣло незамѣтно въ веселыхъ разговорахъ ²⁾. Большею частію, передъ уходомъ, не вставая изъ-за стола, пѣли серенады. Чаще всего пѣлись: «Приди ко мнѣ», «По волнамъ спокойнымъ», «Прекрасный день», «Пью за здравіе Мери» и «Лѣшій». Разъ уже вздумали пѣть увертюру изъ «Фрейщюца», и хотя съ большими затрудненіями, остановками, путаницей,—но добрались таки до вождельннаго конца. Пѣвали иногда тріо изъ «Русалки»; въ особенности хорошо выходила первая его часть, начиная съ фразы Наташи: Не стыдно ли томить меня, и до *andante*.

Эти вечера навсегда остались въ моей памяти, какъ самыя пріятнѣйшія минуты въ моей жизни. Пропустить хотя бы одинъ изъ нихъ для меня было невысказано, и только одна болѣзнь могла удержать меня дома въ понедѣльникъ и въ четвергъ, дни нашихъ собраній у Александра Сергѣевича. Другихъ препятствій для меня не существовало. Въ шестидесятихъ годахъ я служилъ и имѣлъ казенную квартиру въ Петропавловской больницѣ, которая, какъ извѣстно, находится чуть не въ самомъ центрѣ Петербургской стороны, а Даргомыжскій жилъ въ Моховой между Симеоновской и Пантелеймоновской улицами въ домѣ Есакова. Разстояніе далеко не малое и, не смотря на то, я не пропускалъ ни одного вечера.

¹⁾ Въ противность принятому мнѣнію, что всѣ крупныя таланты непременно поклонники даровъ Бахуса, — Александръ Сергѣевичъ былъ человекъ совершенно трезвый. Водки онъ не пилъ вовсе; а обыкновенно, въ концѣ ужина, послѣ пирожковъ выпивалъ небольшую рюмку Елисеѣвскаго Медоу Сенъ Жюльенъ, единственное вино, которое у него постоянно подавалось къ ужину.

²⁾ Часто и много смѣшилъ своими разсказами, анекдотами и представленіями разныхъ сценокъ въ лицахъ К. Н. де-Лазарп. В. С.

Слушая музыку Даргомыжскаго, вчитываясь въ нее постоянно, я не могъ не удивляться всей силѣ его таланта, этой (не говоря уже о мелодичности) поразительной вѣрности музыкальнаго выраженія, этого музыкальнаго драматизма, потрясающаго до глубины души, исторгающаго у нервныхъ особъ невольныя слезы; какъ напр. дуэты Наташи съ княземъ и отцомъ и финаль 1-го дѣйствія въ «Русалкѣ», драматическая пѣсня «Старый капралъ», и мн. др. Въ этомъ отношеніи Даргомыжскій не имѣлъ себѣ предшественниковъ, и по настоящее время не имѣетъ себѣ наслѣдниковъ! Речитативы его—неподражаемы, изумительны по силѣ и вѣрности выраженія. Не говоря о речитативахъ въ «Русалкѣ», укажу на послѣднее его произведеніе—оперу «Каменный гость», которая, за исключеніемъ двухъ романсовъ Лауры, вся написана въ речитативной формѣ. Но какіе это речитативы? Есть ли въ современной русской музыкѣ хотя что нибудь подобное? Всѣ попытки создать что либо въ этомъ родѣ до крайности слабы. Эти господа пригоняютъ музыку къ словамъ, тогда какъ у Даргомыжскаго это дѣлалось естественно, легко и свободно, подъ влияніемъ чистаго вдохновенія. Исполняя эти речитативы, или слушая ихъ, невольно чувствуешь, что иначе выразить тѣ или другія слова, какъ выразилъ ихъ Даргомыжскій,—невозможно; что въ такомъ случаѣ это было бы прямое отступленіе отъ вѣрнаго изображенія музыкою смысла фразы.

Я слышалъ «Каменнаго гостя», когда онъ только что писался, отдѣльными сценами; слышалъ исполненіе ихъ самимъ авторомъ. Хотя у Александра Сергѣевича не было никакого голоса, но онъ фразировалъ замѣчательно хорошо. У меня голова шла кругомъ отъ восторга, отъ сознанія, до какой недостигаемой высоты поднялся этотъ человекъ, и какъ намъ еще долго придется ждать другого Даргомыжскаго!

Со смертію отца Александра Сергѣевича музыкальные вечера, о которыхъ я говорилъ выше, прекратились; самъ онъ переехалъ въ другую небольшую квартиру въ томъ же домѣ, гдѣ создалъ своего бессмертнаго «Каменнаго гостя», и гдѣ и умеръ.

II.

Не смотря на свой безспорно высокій талантъ, не смотря на умъ, образованіе, благородный характеръ, чрезвычайно нѣжное и доброе сердце, не смотря на множество добрыхъ дѣлъ и благодѣяній, на всегдашнюю готовность помочь нуждающемуся словомъ и дѣломъ,—Даргомыжскій имѣлъ много враговъ.

Первымъ его врагомъ было петербургское общество того времени, но крайней мѣрѣ большинство его, претендующее на любовь къ музыкѣ и знаніе ея. Что было этому причиной? Тогдашнее-ли всеобщее увлеченіе итальянской музыкой, изъ-за котораго общество наше не видѣло и не хотѣло знать, есть-ли что нибудь хорошее и истинно музыкальное въ Россіи, въ рядахъ его соотечественниковъ-музыкантовъ по призванію? Оригинальность-ли музыки Даргомыжскаго, проявлявшаяся не только въ его оперѣ, но и въ романсахъ его, чуждая всякой рутинѣ, всякой обыденной пошлости, столь любимой большинствомъ? Положительно сказать не могу ¹⁾. Знаю только, что большинство это относилось къ его музыкѣ холодно, съ пренебреженіемъ, и что только въ послѣдніе годы его жизни масса начала цѣнить его, начала понимать, какія сокровища скрываются въ его музыкѣ, какою чистою правдою вѣетъ отъ нея, какъ она оригинальна и самобытна!

Даргомыжскій былъ слишкомъ гордъ, чтобы унижаться передъ зазвками въ Петербургъ пѣвунами и пѣвуньями, чтобы увиваться передъ любимцами публики для того, чтобы добиться счастья слышать то или другое свое сочиненіе, исполненное ими на концертной эстрадѣ. Если знаменитая Полина Вярдо-Гарсія пѣла его романсы въ концертахъ, то это только потому, что талантливая пѣвица и высокообразованная музыкантша поняла и оцѣнила талантъ Даргомыжскаго, и пѣла его романсы не вслѣдствіе его усиленныхъ просьбъ и заискиваній, а по собственному желанію, по сознанію, что она поетъ пѣсы, стоящія ея артистическаго вниманія и исполненія ²⁾.

Не только диллетанты, но и музыканты ex professo не признавали таланта Александра Сергѣевича. Такъ, напримѣръ, извѣстный въ 1860-хъ годахъ пианистъ и композиторъ, жившій въ Петербургѣ, и съ громаднымъ успѣхомъ подвизавшійся въ концертахъ, съ полною увѣренностію говорилъ во всеуслышаніе въ одномъ знакомомъ мнѣ домѣ, что «въ «Русалкѣ» нѣтъ ни одной мелодіи!» Этотъ пианистъ имѣлъ массу уроковъ, и умѣлъ такъ расположить къ себѣ своихъ учениковъ и ученицъ, что они благоговѣли передъ каждымъ его словомъ, и что онъ сказалъ,—то была непреложная истина. Понятно, что эти ученики и ученицы, разыгрывавшіе и приходившіе въ восторгъ отъ пѣсень въ

¹⁾ Въ то время мнѣ не рѣдко случалось слышать отзывъ о Даргомыжскомъ въ такомъ родѣ: „что такое Даргомыжскій? Послѣдователь и подражатель Глинки,—и больше ничего!“ И смѣшно, и досадно было это слышать. Это также вѣрно, какъ если бы кто нибудь сталъ утверждать, что Лермонтовъ только послѣдователь и подражатель Пушкина!

²⁾ Она пѣла его романсы: „Безумная“ и „Душечка-дѣвица“ въ 1863 году въ концертѣ въ пользу общества посѣщенія бѣдныхъ. В. С.

родѣ «Le reveil du lion», или «Larmes d'une jeune fille», — не могли почувствовать таланту Даргомыжскаго; тѣмъ болѣе, что это нерасположеніе подкрѣплялось еще такимъ авторитетомъ, какимъ они считали своего учителя ¹⁾).

Разумѣется, Даргомыжскій не могъ равнодушно переносить эту холодность публики къ его сочиненіямъ ²⁾. Всякія фразы утѣшенія были безсильны для того, чтобы успокоить постоянно задѣваемое и оскорбляемое его самолюбіе. Я разъ сказалъ ему: «по моему мнѣнію, Александръ Сергѣевичъ, причина неуспѣха вашихъ сочиненій та, что вы пошли впередъ общаго направленія, впередъ своего вѣка. Если бы вы писали романы à la Булаховъ, Дерфельдтъ и даже à la Контскій, — тогда они имѣли бы въ публикѣ успѣхъ. Но за то извѣстность этихъ господъ эфемерна: какъ они быстро пошли въ ходъ, такъ они быстро и забудутся; а ваши романы, — повѣрьте мнѣ, придетъ пора, — пойметъ, наконецъ, публика, и долго будетъ ими восхищаться». «Да», возразилъ онъ, «а когда это будетъ? послѣ моей смерти!» Но въ послѣдніе годы его жизни мои слова начали сбываться: романы его все чаще и чаще стали появляться на концертныхъ афишахъ; «Русалка» вошла въ составъ сезонныхъ оперъ, и представленія ея стали давать хорошіе сборы.

Но самый злѣйшій врагъ Даргомыжскаго, постоянно портившій его оперную карьеру, мѣшавшій ея успѣхамъ, и по всей вѣроятности имѣвшій вліяніе на преждевременную его кончину, былъ — тогдашняя театральная дирекція.

Во первыхъ, Даргомыжскій нѣсколько лѣтъ тщетно добивался постановки своей «Русалки», и когда, наконецъ, добился, то какъ ее поставили? Съ какими-то старыми декораціями, набранными изъ разныхъ оперъ, въ старыхъ истасканныхъ костюмахъ, неряшество которыхъ доходило до крайней степени. Такъ, напримѣръ, Гумбинъ, исполнявшій роль свата, являлся во 2-мъ актѣ на свадьбѣ князя въ мантии, оторванный кусокъ который волочился по полу! На свадебномъ столѣ

¹⁾ Здѣсь встаетъ замѣчу, что этотъ цѣновщикъ таланта Даргомыжскаго не признавалъ таланта гениальнаго Шопена и утверждалъ, что въ большинствѣ его сочиненій видна только работа, а вдохновенія нѣтъ.

²⁾ Въ одномъ изъ писемъ къ Л. И. Кармалиной (въ 1857 г.) Александръ Сергѣевичъ говоритъ: „артистическое положеніе мое въ Петербургѣ незавидно. Большинство нашихъ любителей музыки и газетныхъ писателей не признаетъ во мнѣ вдохновенія. Рутинный взглядъ ихъ ищетъ льстивыхъ для слуха мелодій, за которыми я не гонюсь. Я не намѣренъ снизводить для нихъ музыку до забавы. Хочу, чтобы звукъ прямо выражалъ слово. Хочу правды. Они этого понять не умѣютъ“.

горѣли двѣ пары тройныхъ канделябръ. Въ концѣ оперы, вмѣсто граціознаго плаванія живыхъ русалокъ, влекущихъ тѣло утопшаго князя, спускаются перпендикулярно двѣ деревянныя морскія чучелы: головы человѣческія, съ бакенбардами, а туловища огромныхъ окуней съ кольцеобразными хвостами! Невѣроятно, а между тѣмъ въ дѣйствительности это было такъ ¹⁾!

Во вторыхъ, «Русалку» давали или въ началѣ сезона, когда еще не всѣ жители Петербурга воротились съ дачъ, изъ деревень или изъ-за границы, — или въ концѣ сезона, когда уже начиналось переселеніе въ загородныя мѣста. Иногда ее давали и въ серединѣ сезона, но только тогда, когда по внезапной болѣзни артиста надобно было замѣнить назначенную оперу другою; вотъ тогда-то и давали «Русалку», и большею частію прямо, безъ репетиціи!

Въ третьихъ, тогдашній капельмейстеръ русской оперы, К. Н. Лядовъ, главный воротило опернаго дѣла, почему-то болѣе всѣхъ враждовалъ противъ Даргомыжскаго. Небрежность К. Н. Лядова при исполненіи «Русалки» была чрезвычайна. Онъ, что называется, валялъ всю оперу съ плеча, позволялъ себѣ самопроизвольное измѣненіе темповъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на замѣчанія Даргомыжскаго. Такъ, напримѣръ, хоръ русалокъ исполнялся значительно медленнѣе противъ темпа, назначеннаго авторомъ. Но что всего болѣе было прискорбно, то это—полный выпускъ чуднаго дуэта Наташи съ княземъ, гдѣ онъ прощается съ нею навсегда! Отъ этого пропуска выходила бессмыслица, присущая тогдашнимъ итальянскимъ операмъ, этимъ костюмированнымъ концертамъ, въ которыхъ арія, хоръ, тріо—шли одинъ за другимъ, такъ себѣ зря, безъ всякаго толку и смыслу. Такъ было и тутъ: по окончаніи хоровода, когда весь народъ уходилъ со сцены, являлась Наташа съ повязкой на головѣ, и съ убитымъ видомъ садилась на скамейку. Выходилъ мельникъ, приходилъ въ восторгъ, видя дочь въ такомъ богатомъ уборѣ, и т. д. Не только лицу, знакомому съ сочиненіемъ нашего безсмертнаго Пушкина, но и всякому приходило въ голову: какъ же это такъ? откуда взялся этотъ уборъ у Наташи? когда князь съ нею простился? почему она знаетъ, что онъ женится? и т. под. Знакомому же съ этимъ дуэтомъ по музыкѣ оставалось только сожалѣть о безобразной, бессмысленной, варварской купюрѣ! Почему этотъ дуэтъ впалъ въ такую немилость у Лядова—не знаю; но не менѣе того это

¹⁾ Описаніе этой послѣдней декорациі взято мною изъ письма Даргомыжскаго къ Л. И. Кармалиной отъ 9-го декабря 1857 года.

фактъ, который могутъ подтвердить все тѣ, кто тогда посѣщала «Русалку» и былъ свидѣтелемъ этого безобразія ¹⁾).

Понятно, что при подобной обстановкѣ и при подобномъ исполненіи «Русалка» не могла давать хорошикъ сборовъ, и года черезъ два послѣ ея постановки она была снята съ репертуара и сдана въ архивъ ²⁾. Такъ она и покоилась тамъ до 1865 года, когда нашъ незабвенный О. А. Петровъ заявилъ намѣреніе взять ее въ свой бенефисъ ³⁾.

Кромѣ обычныхъ исполнителей, Петрова и г-жи Леоновой, роль князя долженъ былъ исполнять г. Никольскій, а роль Наташи—незадолго предъ тѣмъ ангажированная въ русскую оперу на первыя роли пѣвица сопрано, Ю. Ф. Платонова. Даргомыжскій самъ проходилъ съ нею эту партію, былъ въ восторгѣ отъ ея исполненія, и при отъѣздѣ говорилъ: «спасибо дирекціи, что хоть разъ она оказала мнѣ услугу, отдавъ роль Наташи такой талантливой пѣвицѣ, какъ Платонова. Я увѣренъ, что она исполнитъ свою партію превосходно!»

Но и тутъ не обошлось безъ интригъ, безъ обмана, безъ самой дерзкой лжи со стороны недоброжелателей Даргомыжскаго.

Получаю я записку отъ г-жи Платоновой (съ которой былъ знакомъ), въ которой она проситъ меня немедленно прѣхать по весьма нужному дѣлу. Прѣзжаю, и застаю ее въ крайне разстроенномъ состояніи. Оказалось, что по приказанію тогдашняго начальника репертуарной части, П. Ф. Федорова, роль Наташи у нея взяли, и передали другой пѣвицѣ. Г-жа Платонова должна была исполнить приказаніе Федорова, но очень жалѣла объ этомъ, такъ какъ ей очень нравилась эта роль, и она была увѣрена, что будетъ имѣть въ ней успѣхъ. Отправившись немедленно въ театръ и увидѣвъ тамъ Федорова, г-жа Платонова спросила у него: «отчего у нея взяли роль Наташи?» Федоровъ отвѣчалъ, что на это было желаніе Даргомыжскаго, который писалъ объ этомъ Лядову изъ-за границы. Въ это время подошелъ къ нимъ Лядовъ и подтвердилъ, что онъ точно получилъ

¹⁾ Достоинно замѣчанія, что при этихъ прохѣвахъ съ „Русалкою“ Лядовъ находилъ возможнымъ бывать (хоть и рѣдко) на вечерахъ у Даргомыжскаго

²⁾ Въ 1858 году „Русалка“ дана была въ Москвѣ въ бенефисъ примадонны тамошней русской оперы, г-жи Семеновой.

³⁾ Во время пребыванія Даргомыжскаго въ Брюсселѣ въ 1864 и 1865 гг. въ концертѣ подъ управленіемъ Гансена были исполнены съ громаднымъ успѣхомъ увертюра изъ „Русалки“ и Казачекъ. Затѣмъ, когда Александръ Сергѣевичъ былъ уже въ Парижѣ, то тамъ же, въ Брюсселѣ, въ двухъ концертахъ исполнили славянскій и цыганскій танцы изъ „Русалки“. В. С.

письмо отъ Даргомыжскаго, въ которомъ онъ изъявилъ желаніе, чтобы партію Наташи пѣла не г-жа Платонова, а та пѣвица, которой уже передали эту роль; что волю автора надобно уважать, и т. д. Будущая Наташа говорила то-же самое, прибавивъ, что Даргомыжскій передъ своимъ отъѣздомъ проходилъ съ нею эту роль. Чтѣ тутъ оставалось дѣлать г-жѣ Платоновой? Надобно было покориться горькой необходимості!

Но я былъ твердо убѣжденъ, что это ни болѣе, ни менѣе какъ гнусная интрига со стороны Федорова и Лядова съ цѣлю уронить оперу, и тѣмъ досадить Даргомыжскому, потому что сколько нибудь смелое исполненіе роли Наташи у той пѣвицы, которой она была передава, было немыслимо: это была бездарность въ полнѣйшемъ значеніи этого слова! Нельзя же было предположить, чтобы Даргомыжскій, очень хорошо зная полную неспособность этой пѣвицы, рѣшился замѣнить ею талантливую г-жу Платонову!

Я рѣшился попробовать одно средство: не зная навѣрное, гдѣ въ то время былъ Даргомыжскій: въ Брюсселѣ или въ Лейпцигѣ,—я и сестра Александра Сергѣевича, С. С. Степанова, написали ему два письма одинаковаго содержанія, рассказавъ всю сущность дѣла, и послали одно въ Брюссель, а другое въ Лейпцигъ. Въ письмѣ своемъ я просилъ Александра Сергѣевича отвѣтить мнѣ какъ можно скорѣе, въ такомъ смыслѣ, чтобы я могъ это письмо показать директору театровъ, а если онъ (Даргомыжскій) найдетъ нужнымъ, то и министру императорскаго двора, какъ доказательство обмана со стороны Федорова и Лядова. Въ скоромъ времени я получилъ такое письмо. Александръ Сергѣевичъ категорически заявлялъ, что онъ крайне удивленъ самопроизвольною передачею роли Наташи другой пѣвицѣ, что онъ никакого письма Лядову не писалъ, и вообще твердо убѣжденъ, что лучшей исполнительницы роли Наташи, какъ г-жа Платонова, въ настоящее время на сценѣ нѣтъ; и что онъ ни съ какою другою пѣвицею, кромѣ г-жи Платоновой, партію Наташи не проходилъ. Получивъ это письмо, я тотчасъ же отвезъ его къ г-жѣ Платоновой, которая, согласно своему желанію, отправилась съ нимъ для личныхъ объясненій съ директоромъ театровъ. Прочитавъ это письмо, директоръ сказалъ, что онъ разберетъ это дѣло, а письмо оставилъ у себя, какъ документъ для обличенія безстыдныхъ лжецовъ.

Между тѣмъ, пока шла эта переписка между мною и Даргомыжскимъ, прошло не мало времени, и я узналъ, что репетиціи «Русалки» съ невозможной Наташей уже начались. Встрѣчаю я какъ-то О. А. Петрова, и спрашиваю: «ну что, какъ у васъ идутъ репетиціи «Русалки»?» Петровъ отчаянно махнулъ рукой: «ахъ, не говорите! это изъ

рукъ вонъ что такое! Я кажется кончу тѣмъ, что откажусь отъ этой оперы, и возьму другую». Вскорѣ я узналъ, что онъ отказался отъ «Русалки», и взялъ «Руслана».

И такъ, цѣль враговъ Даргомыжскаго была достигнута. «Русалку» опять сложили въ архивъ; да если бы Петровъ отъ нея и не отказался, то она навѣрно выдержала бы не болѣе двухъ или трехъ представлений, потому что бездарное исполненіе главной женской роли, даже съ такимъ артистомъ, какъ Петровъ, не могло бы спасти оперу отъ полного фіаско; а потомъ виновники этого паденія, конечно, доложили бы высшему начальству, что вотъ мы хотѣли поддержать русскаго композитора, возобновили его «Русалку» по желанію Петрова, но она не даетъ сборовъ. Въ этомъ ужъ мы не виноваты, и потому оперу эту надобно снять съ репертуара.

Такъ вотъ какія дѣла творились въ театральномъ мірѣ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Но я утѣшалъ себя тѣмъ, что если нельзя было поставить «Русалку» съ г-жей Платоновой, такъ пусть ужъ лучше она лежитъ въ архивѣ, чѣмъ слышать полное искаженіе этой чудной музыки, и видѣть ея позорное паденіе!

Только въ 1867 году въ бенефисъ г-на Комиссаржевскаго была возобновлена «Русалка». Съ такими артистами, какъ г-жи Платонова и Шредеръ, гг. Комиссаржевскій и Петровъ, съ такимъ капельмейстеромъ, какъ г. Направникъ, опера пошла великолѣпно, стала привлекать многочисленную публику, и Александръ Сергѣевичъ на закатѣ своей жизни имѣлъ возможность видѣть и слышать свое возлюбленное дѣтище въ истинно артистическомъ исполненіи, безъ безобразныхъ купюръ и въ настоящихъ темпахъ¹⁾.

Что касается до оперы «Каменный гость», то я уже выше говорилъ объ ея музыкальныхъ достоинствахъ. Могу прибавить только, что недоброжелатели Даргомыжскаго въ причинахъ, побудившихъ его къ сочиненію этой оперы, и тутъ постарались найти темную для него сторону. Говорили, что будто бы Александръ Сергѣевичъ, увлекшись новымъ направленіемъ, рѣшился написать оперу безъ извѣстныхъ общепринятыхъ оперныхъ формъ, исключительно въ речитативной формѣ.

Чистая выдумка!

Даргомыжскій всю жизнь свою шелъ самостоятельнымъ музыкальнымъ путемъ, никому не подражая, ни у кого ничего не заимствуя, не прося и не слушая ничьихъ совѣтовъ.

¹⁾ Купюры въ свадебномъ хорѣ 2-го акта и въ финалѣ 4-го акта слѣланы самимъ Даргомыжскимъ.
В. С.

Его взглядъ на искусство, его убѣжденія, его талантъ былъ слишкомъ силенъ, слишкомъ самостоятеленъ для того, чтобы поддаваться убѣжденіямъ молодыхъ музыкантовъ съ ихъ странными (чтобы не сказать болѣе) взглядами на искусство, на музыку, на оперу.

Съ полною увѣренностію утверждаю, что опера «Каменный гость» писалась Даргомыжскимъ подъ найтіемъ чистаго вдохновенія, собственнаго убѣжденія въ возможности написать такую оперу, въ такихъ формахъ, а не вслѣдствіе какихъ либо уговоровъ и убѣжденій ¹⁾.

Здѣсь кстати замѣчу, что Александръ Сергѣевичъ предчувствовалъ свою близкую кончину. Онъ часто говорилъ мнѣ: «я чувствую, что я скоро умру, что «Каменный гость» будетъ моя лебединая пѣсня». Когда я старался разувѣрить его въ противномъ, то онъ возражалъ: «отчего же у меня такой приливъ вдохновенія, какого у меня не бывало никогда даже въ мои молодые годы? Вы сами видите, какъ быстро пишется опера!» Что на это было отвѣчать? ²⁾

Уже съ начала 1868 года Александръ Сергѣевичъ началъ прихварывать, и по мучившимъ его болѣзненнымъ припадкамъ я, какъ бывший врачъ, съ грустью и съ болью въ сердцѣ чуть не въ каждое мое съ нимъ свиданіе убѣждался, что предчувствіе его не обманываетъ, и что смерть быстро къ нему приближается. Его лѣчили извѣстные наши врачи-профессора гг. Воткинъ и Богдановскій. Болѣзнь его была—аневризмъ сердца, отъ котораго онъ и умеръ 5 января 1869 года.

Незадолго до его смерти, тогдашній министръ императорскаго двора, графъ А. В. Адлербергъ, прислалъ къ нему своего чиновника узнать: когда онъ надѣется кончить «Каменнаго гостя», и какъ онъ желаетъ распредѣлить роли? Даргомыжскій распредѣлилъ ихъ такъ: Донна Анна—г-жа Платонова, Лаура—г-жа Лавровская, Донъ Жуанъ—г. Комиссаржевскій и Лепорелло—г. Петровъ. Впослѣдствіи, при постановкѣ «Каменнаго гостя» на сцену, это распредѣленіе ролей такъ и сохранилось, кромѣ роли Лауры, которую исполняла г-жа Абаринова, потому что г-жа Лавровская не была ангажирована въ тотъ

¹⁾ Даргомыжскій часто говаривалъ, что онъ пишетъ „Каменнаго гостя“ ради удовольствія своего и своихъ друзей, а не для сцены. Онъ былъ убѣжденъ, что такая опера, въ такихъ формахъ, не можетъ понравиться большинству публики, и потому не удержится долго на сценѣ.

²⁾ Уже бывъ больнымъ, Александръ Сергѣевичъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ К. Н. Вельяминоу говорилъ: „сидя за фортепьянами, больной и сгорбленный, я въ пять дней подвинулъ своего „Каменнаго гостя“ такъ, какъ бы здоровый и въ два мѣсяца его не подвинулъ“.

сезонъ въ русскую оперу. Нѣсколько маленькихъ незначительныхъ сценокъ, которыя не успѣлъ написать Александръ Сергѣевичъ, были составлены г-мъ Кюн, а оркестровалъ оперу г. Римскій-Корсаковъ. Не смотря на художественное выполненіе оперы г-жею Платоновой и гг. Комиссаржевскимъ и Петровымъ, она мало посѣщалась публикой, и послѣ нѣсколькихъ представленій была снята съ репертуара. Такимъ образомъ предсказаніе Даргомыжскаго оправдалось!

III.

Послѣ смерти Александра Сергѣевича, издатель музык. произведеній г. Бессель изъ начатой Даргомыжскимъ волшебнo-комической оперы «Рогдана» издалъ три хора (одинъ мужской и два женскихъ), комическую арію баритона и дуэтино Рогданы и Ратибора (сопрано и теноръ). Также: дуэтъ Орлика и Кочубея (сцена изъ поэмы Пушкина «Полтава») и комическую пѣсню «Какъ пришелъ мужъ изъ-подъ горокъ». Всѣ эти пѣсы намъ, постояннымъ посѣтителемъ вечеровъ Даргомыжскаго, были очень хорошо извѣстны. Что же касается до изданнаго тѣмъ же Бесселемъ романа Даргомыжскаго «Что дѣлать съ ней», то никто изъ насъ и не подозрѣвалъ его существованія; да едва ли и самъ Александръ Сергѣевичъ издалъ бы его когда-нибудь, потому что онъ далеко ниже даже посредственныхъ его романсовъ.

Одноактная его лирическая опера-балетъ «Торжество Вакха», на текстъ Пушкина, была написана имъ въ 1846 и 1848 годахъ, а поставлена въ Москвѣ только въ 1867 году, въ Петербургѣ же вовсе не давалась. Какъ одноактная опера, она могла быть дана только какъ прибавокъ къ небольшой другой оперѣ, для пополненія опернаго спектакля. Въ тѣ времена это такъ и дѣлалось. Давали въ дополненіе или дивертиссементъ изъ танцевъ, или на примѣръ оперетки Адама: «Глухой», «Нюрнбергская кукла», «Швейцарская хижина» и т. п. Александръ Сергѣевичъ хлопоталъ, чтобы на такомъ же основаніи поставили и «Торжество Вакха». Но его желанія не исполнили. Почему? Да потому, конечно, что это было сочиненіе ненавистнаго для тогдашнихъ заправиль опернаго дѣла, русскаго композитора Александра Сергѣевича Даргомыжскаго.

Впрочемъ, отрывки изъ этой оперы-балета (вокальные) съ успѣхомъ были исполнены, не помню въ которомъ году, въ одномъ изъ концертовъ дирекціи императорскихъ театровъ.

Кромѣ того, еще въ молодые свои годы, Даргомыжскій написалъ «Эмеральду», оперу на либретто Виктора Гюго, въ переводѣ на рус-

скій языкъ. Она была представлена въ дирекціи театровъ въ 1839 году, но дана въ первый разъ только въ 1847 году въ Москвѣ съ большимъ успѣхомъ. Въ 1851 году поставлена въ Петербургѣ, въ бенефисъ Петрова. Въ то же время извѣстный итальянскій пѣвецъ Тамбурины хотѣлъ взять ее въ свой бенефисъ, но дирекція ему въ этомъ отказала.

Опера эта, какъ первый опытъ молодого композитора, во всѣхъ отношеніяхъ ниже «Русалки». Самостоятельности, оригинальности въ ней почти нѣтъ; она написана подъ вліяніемъ тогдашней французской оперной школы. Тутъ слышенъ по преимуществу Оберъ (котораго Даргомыжскій всегда любилъ), затѣмъ Адавъ, Галеви, Герольдъ, и другіе бывшіе въ то время французскіе композиторы. Только въ концѣ оперы, въ дуэтѣ Эсмеральды и Клода Фролло, чувствуется будущій авторъ «Русалки», слышится что-то собственное, свое, Даргомыжское, если можно такъ выразиться!

Изъ этой оперы напечатанъ только отрывокъ изъ дуэта Эсмеральды и Клода Фролло (сопрано и басъ). Любопытно бы знать: у кого находится полная опера для пѣнія съ фортепіано, писанная самимъ Даргомыжскимъ, которую я много разъ у него видѣлъ и изъ которой пѣли вышеупомянутый мною дуэтъ.

Александръ Сергѣевичъ переложилъ всю «Русалку» для фортепіано въ четыре руки. Гдѣ она? У кого? Цѣла ли? Не знаю, а весьма бы желательно увидѣть ее въ печати ¹⁾.

Музыкальный магазинъ М. Бернарда издалъ доставленное ему мною переложеніе самого Даргомыжскаго для одного фортепіано извѣстнаго его дуэта «Ты и Вы».

Не помню теперь, въ которомъ году хоръ любителей пѣнія давалъ въ залѣ благороднаго собранія концертъ въ пользу одного изъ своихъ сотоварищей, лишившагося зрѣнія. Въ этомъ концертѣ, между прочими номерами, была исполнена одна изъ «Петербургскихъ серенадъ» Даргомыжскаго: «На сѣверѣ дикомъ». Всѣ серенады, какъ извѣстно, написаны безъ акомпанимента; но Александръ Сергѣевичъ придѣлалъ тогда къ этой серенадѣ акомпаниментъ изъ однихъ валторнь. Исполненіе серенады съ этимъ акомпаниментомъ произвело необыкновенный эффектъ, и серенада по общему требованію была повторена. Гдѣ зотъ акомпаниментъ и цѣлъ ли?—не знаю.

Недоброжелатели Даргомыжскаго утверждали, что онъ враждуетъ противъ Глинки, завидуетъ ему, его извѣстности, его таланту, ста-

¹⁾ Изъ этого переложенія у меня есть увертюра и хоры, и хороводы 1-го акта.

рается всячески умалить его достоинства, его заслуги, оказанныя имъ русской музыкѣ... Ничего подобнаго я никогда не слыхалъ отъ Даргомыжскаго. Напротивъ, онъ всегда отзывался о немъ съ величайшею любовью и глубокимъ уваженіемъ; всегда съ увлеченіемъ говорилъ объ его произведеніяхъ. На вечерахъ Даргомыжскаго, о которыхъ я говорилъ, пѣлось много романсовъ Глинки, пѣлись номера изъ «Жизни за Царя» и изъ «Руслана», игрались на фортепiano въ четыре руки, кромѣ увертюръ и танцевъ изъ обѣихъ его оперъ, обѣ испанскія увертюры, «Valse-fantaisie», увертюра и антракты къ Холмскому и проч. Тогдашняя публика не понимала я не цѣнила «Руслана». Александръ Сергѣевичъ всегда говорилъ, что «Русланъ» во всёхъ отношеніяхъ несравненно выше «Жизни за Царя». Можетъ быть именно эти его слова принимались за желаніе унижить Глинку?

Ставили Даргомыжскому въ вину даже и то, что онъ писалъ музыку на тѣ же слова, на которые писалъ и Глинка; напр. «Въ крови горитъ огонь желанья», «Не называй ее небесной», и проч. Но если слова таковы, что возбуждаютъ вдохновеніе композитора, то ему нечего думать и заботиться о томъ, что на нихъ уже есть другая музыка. Композиторъ въ этомъ случаѣ покоряется своему вдохновенію; всё другія соображенія о томъ, что нѣтъ ли на эти слова другой музыки, кто ее написалъ,—все это не входитъ въ его расчеты, да онъ объ этомъ ни мало не думаетъ и не заботится. Да и мало ли у насъ есть романсовъ, на слова которыхъ писали музыку нѣсколько композиторовъ. Напр. «Въ минуту жизни трудную» — музыку писали Глинка, Даргомыжскій и г. Игнатьевъ; «Горныя вершины» — Варламовъ и г. Брянскій и Рубинштейнъ; «Не отходи отъ меня» — Варламовъ и г. Галлеръ и Чайковскій и мн. др. Можно ли упрекать ихъ и ставить имъ это въ вину?

Въ доказательство же прямоты и честности отношеній Александра Сергѣевича къ Глинкѣ, приведу подлинныя его слова о Глинкѣ въ его автобіографіи ¹⁾.

«Въ 1833 году я познакомился съ М. И. Глинкой. Одинаковое образованіе, одинаковая любовь къ искусству тотчасъ сблизили насъ, не смотря на то, что Глинка былъ 10-ю годами старше меня. Мы въ теченіи 22-хъ лѣтъ сряду были съ нимъ постоянно въ самыхъ короткихъ, самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Дружба наша не поколебалась даже и въ послѣдніе годы жизни Михаила Ивановича, когда нашлись, по обыкновенію, пріятели, старавшіеся всѣми силами возбудить между нами артистическое соревнованіе: образованность Глинки и искреннее мое уваженіе къ его таланту превозмогли надъ сплетнями».

¹⁾ „Русская Старина“ изд. 1875 г., февраль, стр. 342.

Гдѣ же тутъ зависть, гдѣ же тутъ недоброжелательство къ таланту Глинки?

Далѣе, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ В. Г. Кастриото-Скандербеку Александръ Сергѣевичъ говорить ¹⁾:

...«Я все также принимаю участіе въ его (Глинки) твореніяхъ и съ необыкновеннымъ удовольствіемъ проигрываю всѣмъ, кто не бываетъ у меня, его музыкальные очерки, изъ коихъ особенно нравится мнѣ «Souvenir d'une piazigue». Глинка человѣкъ — какъ и всѣ мы грѣшныя, а талантъ онъ, въ глазахъ моихъ, зѣло великій» (курсивъ въ подлинникѣ).

Въ другомъ своемъ письмѣ къ тому же В. Г. Кастриото-Скандербеку Александръ Сергѣевичъ говорить:

... «Я считаю произведенія его (Глинки) весьма важными не только для русской, но даже вообще для всякой другой музыки. Все, что ни выходитъ изъ-подъ пера его—ново и интересно».

Гдѣ же тутъ зависть, гдѣ же тутъ недоброжелательство къ таланту Глинки?

Замѣчательнъ отзывъ Александра Сергѣевича о тогдашнемъ музыкальномъ критикѣ и музыкантѣ-композиторѣ, г. Кюи.

Въ одномъ изъ писемъ къ Л. И. Кармалиной въ 1866 году онъ говорить о немъ ²⁾:

...«Музыкантъ онъ хорошій. Оригиналь умный и забавный. Какъ критикъ, къ сожалѣнію, не всесторонній»...

IV.

Опера «Эсмемальда» (не помню въ которомъ году) назначена была къ возобновленію на московской сценѣ. Теноръ, которому дана была роль Феба (одна изъ главныхъ ролей въ оперѣ), пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы пройти съ Даргомыжскимъ свою роль, и для этого приходилъ къ нему въ тѣ дни, когда у него не было собраній. Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ я зашелъ къ Даргомыжскому, и засталъ тамъ тенора—Феба, проходящаго свою роль. Онъ пѣлъ *andante arri*, въ концѣ котораго онъ говорить, что всѣ ушли, а онъ остался одинъ, какъ филинъ. Пропѣвъ это слово, теноръ остановился. «Что же вы не поете дальше?» спросилъ Даргомыжскій. «Да вотъ, Александръ Сергѣевичъ, я думалъ, нельзя ли тутъ сдѣлать маленькую каденцу»,

¹⁾ „Русская Старина“ изд. 1875 г., мартъ, стр. 566 и 567.

²⁾ Тамъ-же, июль, стр. 434.

отвѣчалъ теноръ. «Гдѣ»? «А вотъ, на словѣ филинѣ». «Какую же? Спойте». И теноръ спѣлъ (приблизительно) такъ:

Не знаю, что въ это время выражало лицо Александра Сергѣевича, и что онъ ему на это сказалъ, потому что на половинѣ этой каденцы, едва удерживаясь отъ смѣха, я выбѣжалъ въ другую комнату. Но замысловатая каденца болѣе не повторялась, и теноръ скоро уѣхалъ. Тогда Александръ Сергѣевичъ разразился своимъ добродушнымъ хохотомъ. «Ну», говорилъ онъ въ промежуткахъ смѣха, «распотѣшилъ же, нечего сказать! Вотъ штуку-то придумалъ! Какую-то нелѣпую каденцу, да еще какое и слово-то для этого выбралъ!» И долго онъ не могъ успокоиться, вспоминая и напѣвая эту каденцу.

На одинъ изъ вечеровъ явился нѣкто г. Х***, дѣйствительный статскій совѣтникъ, служившій на Кавказѣ. Какъ мнѣ сказывали, у него въ молодости былъ очень хорошій теноръ; но когда я услышалъ его въ этотъ вечеръ, то убѣдился, что у него голосъ почти совсѣмъ пропалъ. Онъ видимо самъ сознавалъ это, и потому Александру Сергѣевичу большого труда стоило уговорить его спѣть чтонибудь. Наконецъ, онъ рѣшился, и выбралъ тріо «Скажи, что такъ задумчивъ ты». Баритонную и басовую партію пѣли К. Н. Вельяминовъ и В. П. Опочининъ (оба генералы); акомпанировалъ, кажется, самъ Даргомыжскій, или М. Р. Щиглевъ. По окончаніи тріо, Даргомыжскій подошелъ къ бывшему тутъ Н. А. Титову ¹⁾, и сказалъ ему: «жаль, что не вы акомпанировали; а это было бы кстати: три генерала пѣли тріо, а четвертый бы имъ акомпанировалъ».

Одна изъ ученицъ Александра Сергѣевича, Л. О. М***, имѣла привычку тереть руками глаза. Онъ постоянно ее за это преслѣдовалъ, и часто шутя билъ ее по рукамъ, говоря: «не трите глаза». Въ одинъ изъ понедѣльниковъ или четверговъ прихожу я, по обыкновенію, къ Александру Сергѣевичу. Онъ говоритъ мнѣ: «я сочинилъ тріо для мужскихъ голосовъ». Я конечно полюбопытствовалъ узнать его музыку и слова. «Музыка очень простая», отвѣчалъ онъ, а слова Не трите глаза, — и больше ничего. Я сочинилъ это для Fräulein М*** Какъ только ктонибудь изъ насъ замѣтитъ, что она третъ глаза,— сей-

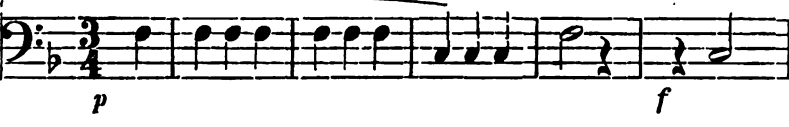
¹⁾ Н. А. Титовъ былъ тоже генералъ.

часть задамъ тонъ, и мы споемъ ей это тріо. Вы будете пѣть басовую партію, Вельяминовъ второго тенора, а я перваго».

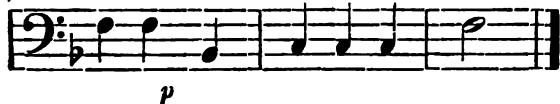
Вотъ это тріо:

Allegro.

Теноры.

Басъ.

Пришелъ К. Н. Вельяминовъ, прошелъ свою партію, и тріо было готово. Въ числѣ другихъ явилась и Л. О. М***. Черезъ нѣсколько времени кто-то изъ насъ замѣтилъ, что она треть глаза. Тотчасъ Александръ Сергѣевичъ задамъ тонъ и мы, обратившись къ ней, пропѣли это тріо *con gran espressione*. Всѣ бывшіе тутъ гости и сама виновница сочиненія тріо много смѣялись этой шуткѣ Даргомыжскаго.

Въ числѣ посѣтителей-слушателей у Даргомыжскаго бывалъ Н. А. Кологривовъ. Разговорившись какъ-то о музыкальныхъ достоинствахъ «Русалки», Кологривовъ сказалъ: «какъ въ ней (въ «Русалкѣ») все необыкновенно, оригинально, не такъ, какъ въ другихъ операхъ. Возьмите напр. хоть то, что въ ней идутъ три тріо сряду».—Какъ, три тріо? спросилъ кто-то.—«Да какъ же, въ первомъ актѣ, первое тріо начинается словами: Чу, я слышу топоть его коня. Второе тріо—словами: Ахъ прошло то время золотое. Третье тріо—словами: Ласковымъ ты словомъ. Вотъ вамъ и три тріо сряду».

Тотъ же Н. А. Кологривовъ совѣтовалъ Даргомыжскому хлопотать о постановкѣ «Русалки» на петербургской итальянской сценѣ. «Увѣ-

ряю васъ, говорилъ онъ, что это очень легко сдѣлать: надобно только перевести либретто на итальянскій языкъ, и разучить оперу. Бозіо была бы превосходная Наташа, Тамберликъ—князь, а Дебассини—мельникъ».—«Да, это правда», отвѣчалъ Даргомыжскій, «надо похлопотать». Но въ тонѣ его голоса, которымъ онъ произносилъ эти слова, слышно было: какіе пустяки вы говорите, милостивый государь!

Разъ какъ-то зимою, довольно поздною ночью, я возвращался домой вмѣстѣ съ Даргомыжскимъ. (Я жилъ тогда педалеко отъ него). Дорогой мы, конечно, разговаривали. Уже мы были близко Моховой, гдѣ жилъ Александръ СергѢвичъ. Вдругъ извощикъ поворачивается къ нему, и говоритъ: «а позвольте, баринъ, спросить васъ: вѣдь вы Александръ СергѢвичъ Драгомыцкій?» — Да, отвѣчалъ онъ, а ты какъ меня знаешь?—«Да вѣдь вы прежде изволили жить въ Николаевской улицѣ, когда она еще называлась Грязною».—Да, жилъ; да вѣдь это когда же было? Я ужъ лѣтъ 15 какъ живу въ Моховой. — «Правда, батюшка, это давно было. Вы жили въ домѣ... (тутъ извощикъ назвалъ фамилію домовладѣльца), а подлѣ него былъ извощикій дворъ, на которомъ жилъ я. Вы и сестрица ваша, Софья СергѢвна, часто присылали на нашъ дворъ лакея за извозчикомъ, и я много разъ возилъ васъ и вашу сестрицу».—Хорошо; да какъ же ты теперь-то узналъ меня? чрезъ столько лѣтъ, и ночью, въ темнотѣ? — «А по голосу, батюшка, по голосу».

Здѣсь кстати замѣчу, что у Даргомыжскаго былъ странный голосъ, подобно которому я никогда ни прежде, ни послѣ не слыхивалъ. Это былъ какой-то хрипъ, смѣсъ звука дѣтскаго голоса съ звукомъ голоса взрослога человѣка, который осипъ. Это произошло отъ того, какъ онъ самъ мнѣ рассказывалъ, что когда ему было около 18 лѣтъ, то онъ нечаянно застудилъ явившуюся у него корь. Сыпь перешла на легкія, и онъ только какимъ-то чудомъ спасся отъ смерти. Но послѣ этого у него навсегда остался этотъ странный звукъ голоса. Начавшій было образовываться теноръ совсѣмъ исчезъ, такъ что онъ сдѣлался вовсе безъ голоса, т. е. относительно пѣнія. Не смотря на это, Даргомыжскій пѣвалъ теноровыя партіи, конечно, тогда только, когда не было другихъ теноровъ, или когда исполнялъ совершенно незнакомую для другихъ піесу, или когда, наконецъ, неотступно просили его пѣть. При этомъ онъ часто говаривалъ: «да я сегодня не въ голосѣ», и заливался своимъ добродушнымъ смѣхомъ, такъ хорошо знакомымъ всѣмъ постояннымъ посѣтителемъ его вечеровъ. Но при полномъ отсутствіи голоса онъ фразировалъ замѣчательно. Я никогда не забуду (да и всѣмъ, слышавшимъ его, я думаю, памятно), какое онъ произвелъ впе-

чтлѣніе, исполняя «Старога капрала», или «Паладина»! Въмѣстѣ съ этимъ Даргомыжскій былъ замѣчательный комикъ: никто съ такимъ совершенствомъ не исполнялъ «Червяка», какъ онъ!

Я уже говорилъ выше, что Александръ Сергѣевичъ училъ пѣнію только дамъ и дѣвицъ; но сдѣлалъ исключеніе для одного бѣднаго молодого челоуѣка, по фамиліи Жебенева, которому онъ давалъ фундаментальныя уроки. Кажется, Жебенева помышлялъ о сценѣ. Природа, дѣйствительно, одарила его прекраснымъ *tenore di grazia*; но вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ совершеннѣйшій антимузыкальный субъектъ. Полное отсутствіе музыкальнаго пониманія, автоматически вѣрное въ звуковомъ отношеніи исполненіе пѣсы,—вотъ характеристика его пѣнія! Сколько ни бился съ нимъ Александръ Сергѣевичъ, сколько ни старался развить его,—все было напрасно: Жебенева оставался тѣмъ же истуканомъ въ пѣніи, какимъ былъ при началѣ уроковъ. Однажды онъ пѣлъ романсъ «Чаруй меня», и пѣлъ его также холодно и вяло, какъ всегда, какъ все остальное. Даргомыжскій замѣтилъ ему это. «Хорошо, Александръ Сергѣевичъ», сказалъ онъ, «начните еще разъ; теперь я буду пѣть съ выраженіемъ». Началъ онъ пѣть снова; все то же, исполненіе такое же деревянное. Только въ самомъ концѣ романса Жебенева выкинулъ такую штуку: воспользовавшись паузой передъ послѣднимъ словомъ романса (чаруй!), онъ покачалъ вправо и влево головой, а потомъ сказалъ послѣднее слово. Это покачиваніе головой и означало, что онъ исполнилъ то, что обѣщалъ: спѣлъ романсъ съ выраженіемъ!

До возобновленія «Русалки» въ послѣдній разъ при его жизни, Александръ Сергѣевичъ почти совсѣмъ пересталъ бывать въ русской оперѣ. Когда появилась на сценѣ г-жа Платонова, то подъ вліяніемъ ея артистическаго исполненія и сильнаго драматическаго таланта я сталъ расхваливать ее Даргомыжскому, что это была бы превосходная Наташа для «Русалки», и т. под. Даргомыжскій долго относился недовѣрчиво къ моимъ восторженнымъ отзывамъ о г-жѣ Платоновой, долго не соглашался на мое предложеніе познакомить его съ нею; наконецъ, сдался на мои убѣжденія, и знакомство это состоялось. Александръ Сергѣевичъ сразу оцѣнилъ ея талантъ, и согласился, что мои похвалы нисколько не были преувеличены. Это было незадолго до его отъѣзда за границу въ 1865 году. Черезъ нѣсколько дней послѣ перваго его посѣщенія г-жи Платоновой, я прихожу къ нему. Между прочимъ, онъ говоритъ мнѣ: «я былъ на дняхъ у г-жи Платоновой, но неудачно». — Не застали дома? — Нѣтъ, не то, что не засталъ дома; я не

отыскалъ ея». — Какъ, не отыскали? — Надобно замѣтить, что г-жа Платонова была замужемъ за офицеромъ, служившимъ въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ (на Васильевскомъ островѣ, гдѣ теперь Павловское военное училище), и имѣвшимъ тамъ казенную квартиру. Фамилія его была—Тваневъ, а она поступила на сцену подѣ фамилію Платоновой. Всѣ эти подробности были неизвѣстны Даргомыжскому. Когда онъ подѣхалъ къ воротамъ флигеля, гдѣ жили Тваневы, то спросилъ у стояшаго тутъ сторожа: «гдѣ живетъ офицеръ Платоновъ?» Сторожъ отвѣчалъ, что такой офицеръ здѣсь не живетъ, да и во всемъ корпусѣ нѣтъ офицера съ такою фамилію. Начались взаимныя объясненія, споры. Даргомыжскій увѣрялъ сторожа, что съ небольшимъ недѣлю назадъ былъ въ этомъ самомъ флигелѣ у Платонова. Сторожъ увѣрялъ Даргомыжскаго, божился и клялся, что такого офицера въ корпусѣ нѣтъ; что онъ знаетъ навѣрно, потому что слишкомъ 10 лѣтъ служить при корпусѣ, на этомъ мѣстѣ, сторожемъ. Кончилось это, конечно, тѣмъ, что Александръ Сергѣевичъ въ полномъ недоумѣніи вернулся домой.

Въ числѣ посѣтителей-слушателей на вечерахъ Даргомыжскаго бывалъ В. М. Пушкиловъ, дядя извѣстнаго въ Петербургѣ скрипача, г-на Пушкилова. Вздумалъ Пушкиловъ-дядя сдѣлать у себя музыкально-танцевальный вечеръ, и пригласилъ на него всю нашу поющую братію мужеска и женска пола, бывавшую на вечерахъ Даргомыжскаго. Приглашая каждаго изъ насъ порознь, онъ къ приглашенію своему непременно прибавлялъ: «у меня будетъ персидскій посланникъ». Общимъ совѣтомъ положили: съѣхаться къ назначенному часу у Даргомыжскаго, и отъ него отправиться всѣмъ къ Пушкилову, что и исполнили. Пушкиловъ жилъ на Васильевскомъ островѣ, въ собственномъ домѣ, на площади противъ биржи, подлѣ университета. Вотъ мы подѣхали къ дому, вызываемъ дворника, спрашиваемъ: «гдѣ живетъ хозяинъ дома?» Дворникъ указываетъ на подѣздъ, надъ которымъ красуется вывѣска: «Трактиръ». «Да вѣдь это ходъ въ трактиръ, говоримъ мы дворнику, а намъ нужно въ квартиру хозяина дома». — Ну да, отвѣчаетъ дворникъ, это ходъ въ трактиръ, и по этой же лѣстницѣ, черезъ трактиръ, вы пройдете къ хозяину. — «Да нѣтъ ли другого хода?» — Есть, да тотъ черный, тамъ грязно. — «Ну, дѣлать нечего, пройдемте черезъ трактиръ», сказалъ Даргомыжскій. Вотъ мы двинулись, толпой человекъ въ 20, черезъ всѣ комнаты трактира, гости котораго съ удивленіемъ смотрѣли на такую внезапно появившуюся толпу посѣтителей и посѣтельницацъ. Половой провелъ насъ въ квартиру Пушкилова. Входимъ въ первую комнату. Небольшое зальце, въ одномъ углу котораго, почти

подъ потолокъ, что-то въ родѣ балкона. «А это что у васъ такое?» спрашиваетъ Даргомыжскій у Пушилова.—Это ложа, отвѣчаетъ онъ.—«Какъ ложа?»—Да тамъ можно сидѣть.—«Какъ же туда попасть?»—Пойдемте, я васъ проведу.—И онъ повелъ Даргомыжскаго въ другую комнату, а мы остались въ залцѣ, дожидаясь появленія Даргомыжскаго въ ложѣ. Долго онъ не показывался; мы слышали только его кашель и чиханіе. Наконецъ, онъ появился въ ложѣ; мы привѣтствовали его громкими аплодисментами. Когда онъ вернулся назадъ, то рассказывалъ, что онъ долженъ былъ взбираться по винтовой лѣстницѣ, въ непроницаемой темнотѣ. Пыли онъ тамъ наглотался вдоволь, отъ того и кашлялъ, и чихалъ. Затѣмъ мы прошли въ слѣдующую, довольно обширную, комнату. Въ ней, на лѣвой отъ входа сторонѣ, въ углу, прилегающемъ къ первой комнатѣ, гдѣ была пресловутая ложа, видна была лѣстница, ведущая въ эту ложу. Подлѣ лѣстницы мы съ удивленіемъ увидѣли сдѣланную въ человѣческій ростъ фигуру, которая правою рукою указывала входъ на лѣстницу и въ ложу. Изъ этой комнаты, направо, мы перешли въ гостиную, въ которой невольно бросилось въ глаза то, что на мягкихъ стульяхъ, вмѣсто обыкновенныхъ спинокъ, были вставлены зеркальныя стекла. Для чего? Съ какою цѣлю? Странная фантазія! Впрочемъ, тутъ все было странно!

Изъ гостей, кромѣ нашей компаніи, были: старшая дочь Пушилова съ мужемъ, племянникъ-скрипачъ, и еще двѣ или три личности. Обѣщаннаго персидскаго посланника не было; но хозяинъ увѣрялъ, что онъ непременно будетъ. Дѣйствительно, въ срединѣ вечера явились три какіе-то восточные человѣки въ своихъ національныхъ костюмахъ; но былъ ли между ними посланникъ, — положительно сказать не могу.

Послѣ чаю начались танцы подъ фортепіано; но Александръ Сергѣевичъ, увидя нѣсколько скрипокъ и альтовъ, лежащихъ на роаялѣ, а также виолончель и контрбасъ, — предложилъ составить оркестръ. Онъ и племянникъ Пушилова взяли скрипки, М. Р. Щиглевъ (самый маленькій изъ всѣхъ насъ по росту) взялъ контрбасъ, Н. А. Титовъ и я взяли альты, и заиграли мы вмѣстѣ съ фортепіано. Видя, что Титовъ какъ-то нерѣшительно водилъ смычкомъ по струнамъ, и часто слыша скрипъ и визгъ, я спрашиваю у него: «вы умѣете играть на альтѣ?»—Понятія не имѣю, отвѣчаетъ онъ, а вы?—«Тоже».—Ну, ничего, будемъ играть.—И мы принялись усердно пилить, конечно, какъ попало. Изъ всего этого вышелъ такой сумбуръ, что и не разсказать! какофонія въ полномъ смыслѣ слова. Забавнѣе всего было то, что Александръ Сергѣевичъ, стоя съ своей скрипкой противъ Пушилова-скрипача, подражалъ всѣмъ его движеніямъ. У Пушилова были

очень длинныя, прямыя волосы; онъ игралъ порывисто, и отъ быстрыхъ движеній волосы у него часто падали на лобъ, и закрывали глаза. Онъ встряхивалъ головой, продолжая играть, или отбрасывалъ волосы рукою назадъ. Даргомыжскій не носилъ такихъ длинныхъ волосъ, и притомъ онъ былъ курчавый, такъ что его волосы не мѣшали ему играть: по стоя противъ Пушилова, онъ автоматически подражалъ всѣмъ его движеніямъ: и встряхивалъ головой, и отбрасывалъ рукою вовсе не падавшіе ему на лобъ и на глаза волосы, такъ что мы, танцующіе и нетанцующіе, хохотали до упаду, видя эти продѣлки Александра Сергѣевича.

Послѣ танцевъ, въ которыхъ принимали участіе и восточныя человѣки, пѣли много разныхъ романсовъ и хоровъ. Наконецъ, хозяинъ сталъ приглашать всѣхъ закусить. «Покорнѣйше прошу господа», говорилъ онъ, указывая рукою на отворенное окно въ той комнатѣ, гдѣ была знаменитая ложа и къ которому была приставлена небольшая деревянная лѣстница. «Куда же идти?» спрашивали мы, «вѣдь это окно и мы попадаемъ на дворъ?»—«Нѣтъ, не беспокойтесь, отвѣчалъ онъ, вотъ по этой лѣстницѣ вы войдете въ окно, и тамъ увидите комнату, въ которой и найдете закуску». Что за чудеса! Часъ отъ часу не легче! Полѣзли мы по этой лѣстницѣ въ окно, и увидѣли комнату, о существованіи которой и не подозрѣвали.

Слѣдовавшій за тѣмъ ужинъ окончился пѣніемъ серенады, и мы опять тѣмъ же путемъ, черезъ трактиръ, по полуосвѣщеннымъ комнатамъ, теперь уже пустымъ (было 2—3 часа ночи), мимо дремавшихъ половыхъ, пробрались къ своимъ возницамъ. Веселый, почти непрерывный хохотъ слышался изъ всѣхъ нашихъ экипажей. Мы вспоминали всѣ чудеса, которыя видѣли у Пушилова... Надолго осталось у насъ воспоминаніе объ этомъ оригинальномъ вечерѣ.

Александръ Сергѣевичъ часто говорилъ мнѣ: «вы,—самый первый и самый лучший докторъ во всемъ свѣтѣ, потому что оставили занятія медициной, убѣдившись, что это шарлатанская наука». Какъ я ни разувѣрялъ его, что нисколько не согласенъ съ его мнѣніемъ, что оставилъ медицину вслѣдствіе разныхъ, неожиданно для меня сложившихся обстоятельствъ,—онъ стоялъ на своемъ мнѣніи, что медицина—шарлатанство. «Я еще допускаю», прибавлялъ онъ, «что докторъ можетъ лѣчить и вылѣчивать разныя наружныя болѣзни, какъ напр. раны, язвы, нарывы, потому что тутъ онъ видитъ весь болѣзненный процессъ. Но какъ онъ можетъ знать, что дѣлается въ человѣческомъ организмѣ при какой нибудь внутренней болѣзни? Онъ тутъ лѣчить

наугадъ, дѣйствуетъ на авось; отъ того и бываетъ, что отъ одной п той же болѣзни одинъ человѣкъ выздоравливаетъ, а другой умираетъ».

Во все время моего знакомства съ Даргомыжскимъ (1856—1869 гг.) онъ очень рѣдко бывалъ боленъ и ни разу не хворалъ серьезно. Болѣзни его были: простудная или перемежающаяся лихорадка, кашель, горловая боль. Во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ никогда не обращался къ врачу, ограничиваясь употребленіемъ самыхъ простыхъ домашнихъ средствъ. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти баронъ Б. А. Фитингофъ почти насильно убѣдилъ его пользоваться у Деламота, а потомъ его лечили гг. Боткинъ и Богдановскій.

На одинъ изъ вечеровъ явился какой-то литераторъ. Фамиліи его я не зналъ и не знаю, но только далеко не изъ литературныхъ свѣтилъ. Онъ былъ всего одинъ разъ и какъ попалъ къ Даргомыжскому—тоже не знаю. Пѣли нѣкоторые номера изъ «Торжества Вакха». Александръ Сергѣевичъ подходитъ къ нему и спрашиваетъ: «нравится ли ему эта музыка?»—Очень нравится, отвѣчаетъ онъ, только я тутъ не слышу ничего русскаго!—Между тѣмъ, передъ началомъ пѣнія онъ былъ предупрежденъ, что будутъ пѣть отрывки изъ оперы «Торжество Вакха». «Сейчасъ видно образованнаго человѣка», говорилъ смѣясь Даргомыжскій по его уходѣ, «дѣйствіе происходитъ въ Греціи и поэтому онъ удивляется, что въ музыкѣ не слышитъ ничего русскаго».

На одинъ изъ вечеровъ (кажется, по рекомендаціи Н. А. Кологривова) пришелъ одинъ молодой человѣкъ, баритонъ, какъ оказалось впоследствии. Даргомыжскій проситъ его спѣть чтонибудь; молодой человѣкъ изъявляетъ желаніе спѣть дуэтъ князя и мельника изъ «Русалки». Не помню теперь, съ кѣмъ изъ теноровъ онъ пѣлъ его. Послѣ того, какъ мельникъ говорить, что деньги, вырученныя имъ за продажу запечнымъ бѣсамъ мельницы, онъ отдалъ своей дочери русалкѣ, и что онѣ зарыты въ песокъ рѣки Диѣпра,—слѣдуетъ хотеть сумасшедшаго мельника, выраженный въ нотахъ на одномъ верхнемъ *mi bémol*. Молодой баритонъ выказалъ себя хорошимъ механикомъ-исполнителемъ, т. е. пѣлъ математически вѣрно, — и больше ничего. Дойдя до хохота сумасшедшаго мельника, онъ довелъ свою исполнительскую аккуратность до того, что прохохоталъ на верхнемъ *mi bémol*, не перемѣняя звука и затѣмъ продолжалъ пѣть далѣе. Когда по окончаніи дуэта Александръ Сергѣевичъ замѣтилъ ему эту неправдоподобность смѣха, то онъ оправдывался тѣмъ, что «тамъ такъ написано».

Александръ Сергѣевичъ рассказывалъ намъ: «Въ молодости моей я былъ приглашенъ въ одинъ знакомый мнѣ домъ, какъ скрипачъ, на квартетный вечеръ. Въ числѣ гостей-слушателей хозяинъ представилъ мнѣ одного молодого человѣка, какъ почитателя моихъ композицій, назвавъ его при этомъ, теперь ужъ не припомню навѣрно, какою-то нѣмецкою фамиліею: Шмидтъ, Шульцъ,—что-то въ этомъ родѣ. Не знаю ужъ почему, но я какъ-то скоро позабылъ его фамилію. Мнѣ понадобились какія-то, довольно далеко отъ меня лежавшія, ноты, и видя, что молодой человѣкъ стоитъ близко къ нимъ, и почему-то вообразивъ, что его фамилія Ивановъ, я обратился къ нему: «Ивановъ, потрудитесь передать мнѣ вотъ тѣ ноты». Потомъ мнѣ захотѣлось пить; молодой человѣкъ стоялъ подлѣ меня: «Ивановъ, будьте такъ добры, прикажите дать мнѣ стаканъ воды». Заужиномъ опять та же исторія. «Ивановъ, потрудитесь передать мнѣ хлѣбъ. Ивановъ, потрудитесь передать мнѣ бутылку съ лафитомъ» и т. под. Молодой человѣкъ съ полнымъ усердіемъ и поспѣшностію исполнялъ все мои просьбы. Когда гости начали расходиться, то хозяинъ обратился къ нему съ какии-то вопросомъ и назвалъ его Шмидтомъ или Шульцемъ. «Отчего вы его такъ называете? спросилъ я у хозяина, вѣдь его фамилія Ивановъ?» Хозяинъ расхохотался.—«Какой онъ Ивановъ? Его фамилія Шмидтъ» (или Шульцъ).—«Какъ же это такъ? А я весь вечеръ называлъ его Ивановымъ и онъ всякій разъ отзывался на эту фамилію!» Я сталъ извиняться передъ молодымъ человѣкомъ въ своей забывчивости.

— «Помигите, Александръ Сергѣевичъ, отвѣчалъ мнѣ Шмидтъ-Шульцъ-Ивановъ, стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ!»

Вскорѣ по возвращеніи Даргомыжскаго изъ-за границы, въ 1865 г., пришелъ я однажды на одинъ изъ его вечеровъ. Никого еще не было; онъ предлагаетъ мнѣ сыграть съ нимъ въ четыре руки піесу его сочиненія. Я отказываюсь, говорю: «какой же я піанистъ, и гдѣ ужъ мнѣ играть съ вами, да еще съ листа».—«Вы это сыграете», говоритъ онъ, «это очень легко. Садитесь играть секунду». Я подошелъ къ роялю. «Гдѣ же ноты?» говорю я.—«Садитесь, садитесь».—«Да какъ же я буду играть безъ нотъ?»—«Ахъ, Господи, какой онъ несговорчивый! Да садитесь же, говорятъ вамъ!» Мы оба сѣли. «Ну, теперь смотрите-же: тонъ — *la mineur*, размѣръ— $\frac{3}{8}$. Берите въ басу лѣвой рукой нижнее *la* и держите его на $\frac{3}{8}$; а потомъ правой рукой *la* въ октаву тому, и тоже держите его на $\frac{3}{8}$ ».—«Ну, а потомъ что?»—«Продолжайте въ этомъ же порядкѣ, пока я не скажу вамъ: довольно!» Я проигралъ такимъ образомъ два такта; затѣмъ, онъ началъ прелестную мелодію въ *la mineur*, переходящую потомъ въ *la majeure* и заканчивающуюся

опять въ la mineur'номъ тонѣ. Я пришелъ въ восторгъ, заслушался его и часто сбивался въ своей трудной партіи. Песа эта была—Славянская Тарантелла, напечатанная впоследствии у Бернарда ⁴⁾.

В. Т. Соколовъ.

г. Полтава.

Примѣчаніе отъ редакціи. Напечатанныя выше воспоминанія В. Т. Соколова объ А. С. Даргомыжскомъ были сообщены нами, чрезъ обязательное посредство Н. Н. Кармалина, его супругѣ Любови Ивановнѣ, весьма извѣстной въ свое время прекрасной пѣвицы, съ отличнымъ музыкальнымъ образованіемъ и пользовавшійся дружбою и уваженіемъ М. И. Глинки и Даргомыжскаго. Вотъ замѣтки, полученныя нами отъ г-жи Кармалиной въ письмѣ ей супруга.

„По поводу фразы Даргомыжскаго о Ц. А. Кюи, жена моя Любовь Ивановна Кармалина замѣчаетъ, что фраза эта сказана была много лѣтъ тому назадъ, когда г. Кюи только что началъ свою музыкальную дѣятельность и вовсе не имѣетъ того значенія, какое придаетъ ей г. Соколовъ; нѣсколько лѣтъ спустя послѣ написанія письма, заключаю шаго эту фразу, самъ же Александръ Сергѣевичъ, при разговорѣ съ женою моею, отзывался о Кюи, какъ композиторъ—съ большимъ уваженіемъ и надеждою.

„По вопросу о переложенной на 4 руки оперы „Русалка“, жена моя Л. И. Кармалина поясняетъ: какъ извѣстно („Русская Старина“, изд. 1875 г., тт. XII и XIII), въ письмѣ отъ 9-го декабря 1857 г. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій пишетъ къ ней: „Я началъ было перекладывать „Русалку“ для фортепьяно въ 4 руки, но бросилъ; не хватило терпѣнія. Напишите мнѣ, что вы этого желаете и особенно общаете, что будете играть её со мною, какъ бывало мы играли Бетховена, Моцарта и проч. и я навѣрно одолблю лѣтъ и окончу свое предпріятіе. Видите, что я дѣйствительно люблю вамъ повиноваться“. И дѣйствительно, А. С. повиновался: Любовь Ивановна настоятельно выразила желаніе играть съ нимъ „Русалку“ въ 4 руки и послала „приказаніе“ переложить эту оперу. Желаніе и приказаніе было въ точности исполнено Даргомыжскимъ и спустя годъ или болѣе онъ писалъ уже женѣ моей, что посылаетъ ей (за границу) переложенную на 4 руки оперу съ г. Шилловскимъ. При встрѣчѣ съ моею женою въ Петербургѣ въ 1862 г., Александръ Сергѣевичъ высказалъ свое огорченіе по поводу того, что Любовь Ивановна

⁴⁾ Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ своей, О. С. Степановой, изъ Брюсселя, въ 1865 году, Александръ Сергѣевичъ говоритъ: „Глядя на здѣшнихъ балетныхъ танцовщицъ, мнѣ пришло въ голову, за что онѣ лишены возможности играть на фортепьяно? И чтобы дать имъ эту возможность, я написалъ довольно большую пьеску для фортепьяно въ 4 руки, которую могутъ играть всѣ, не только самыя слабыя пѣнисты, но даже и тѣ, кто никогда въ жизни не садился за фортепьяно“.

„Русская Старина“ изд. 1875 г., май, стр. 104.

В. С.

не благодарилъ его ни письменно, ни словесно за его повиновеніе, трудъ и присылку оперы; благодарности же не было прислано изъ за границы по очень простой причинѣ: опера женою моею получена не была; гдѣ эта рукопись, у кого, и цѣла ли—жена моя не знаетъ.

„Надняхъ я видалъ г. Шилловскаго, сына извѣстной нашей артистки-любительницы, урожд. Вердеревской, и онъ обязательно принялъ на себя трудъ спросить объ этомъ обстоятельстве своего дядю, ѣздившаго за границу въ то время, къ которому относится письмо Даргомыжскаго къ моей женѣ по поводу посланки ей „Русалки“, переложенной въ 4 руки.

„Жена моя очень сожалѣетъ, что г. Соколовъ въ „Отрывкахъ“ своихъ, посвященныхъ воспоминавіямъ объ А. С. Даргомыжскомъ, увлекся порчапіемъ музыки новѣйшихъ нашихъ композиторовъ, достойныхъ большаго уваженія, даже при несочувствіи ихъ сочиненіямъ“.

Сообщ. Н. Н. Кармалинъ.

2-го марта 1885 г.

С.-Петербургъ.

КИРИЛЛО-МЕОДИЕВСКОЕ ТЫСЯЧЕЛѢТІЕ

885—1885 гг.

6-го апрѣля сего года по всей православной Россіи совершилось торжество церковно-историческое, посвященное тысячелѣтней памяти славянскихъ первоучителей и апостоловъ св. солунскихъ братьевъ Кирилла и Меодія. Русская церковь исполнила свой долгъ по отношенію къ нимъ. Но исполняетъ ли его русская историческая наука? Достаточно ли она уяснила то, что именно было сдѣлано этими знаменитыми братьями для славянскаго міра; а, главное, уяснила ли она сколько нибудь самое поприще ихъ дѣятельности, т. е. современный имъ славянскій міръ? Девятый вѣкъ былъ тою эпохою, когда на исторической сценѣ рѣзко обозначился цѣлый рядъ славянскихъ государствъ, каковы: Русское, Болгарское, Польское, Чешское и Великоморавское. Важнѣйшіе подвиги Кирилла и Меодія относятся къ сему послѣднему. Но что такое была Великоморавская держава, откуда она взялась, какія были ея отношенія къ другимъ славянамъ, почему такъ наз. церковно-славянскій языкъ, на которомъ сдѣланы переводы св. писанія, получилъ такое широкое распространеніе въ славянскомъ мірѣ, какой народности принадлежалъ этотъ языкъ, когда и кѣмъ сдѣланы эти переводы, гдѣ искать начало славянской азбуки и т. п. Эти вопросы доселѣ остаются или не вполне рѣшенными, или совсѣмъ неизслѣдованными. Такъ, вопросъ о происхожденіи Великоморавской державы, гдѣ подвизались солунскіе братья, не только не выясненъ, но, можно сказать, не затронутъ въ нашей исторической литературѣ. Записные слависты доселѣ теряются въ догадкахъ—откуда и когда взялись славяне на Дунаѣ. Одни возводятъ ихъ появленіе тамъ за нѣсколько вѣковъ до Р. Х.; а другіе изводятъ нѣсколько вѣковъ по Р. Х. Да не одни дунайскіе славяне,—оказывается, что еще большая половина славянскаго міра, восточная или русская, также неизвѣстно откуда взялась. Самые огромные славянскіе народы, каковы Гунны, Болгары и Русь, по мнѣнію извѣстнѣйшихъ славистовъ, суть народы чуждые, не славянскіе.

Откуда же произошла такая путаница и такое антиисторическое, отрицательное направлѣніе?

Изъ простаго и, можно сказать, наивнаго смѣшенія исторіи славянскихъ народовъ съ исторіей самого ихъ названія славянами.

Названіе это, какъ извѣстно, является въ источникахъ досольно поздно, именно, начиная съ нѣкоторыхъ византійско-латинскихъ писателей VI вѣка по Р. Х. (Иорданъ и Прокопій), при томъ въ формѣ склавинны, и обозначаетъ у нихъ только часть придунайскихъ славянъ, а отнюдь не всѣ славянскіе народы. Слѣдовательно, въ началѣ оно было видовое, а не родовое названіе. Ранѣе его встрѣчается названіе венеды; именно, у Тацита, т. е. въ I в. по Р. Х., оно обозначаетъ небольшое племя, жившее между германцами на западѣ, сарматами на востокѣ, финнами на сѣверѣ и невкенами на югѣ, слѣдовательно, гдѣ-то около Карпатъ и можетъ быть въ самихъ Карпатахъ. Очевидно и тутъ это названіе только видовое, а отнюдь не родовое. Тацитъ затрудняется, куда ихъ отнести: къ германцамъ или сарматамъ? Такъ какъ сарматы ведутъ кочевой образъ жизни, а венеды хотя имѣютъ подобныя имъ разбойничьи нравы, но строятъ дома, носятъ щиты и сражаются болѣе пѣшіе, чѣмъ конные, то онъ скорѣе готовъ ихъ отнести къ германцамъ. И вотъ на такомъ-то шаткомъ основаніи слависты, съ знаменитымъ Шафарикомъ во главѣ, объявили сарматъ и венедовъ совершенно различными племенами; произвели весь огромный славянскій міръ отъ помянутаго небольшого народца вендовъ и начали увѣрять есѣхъ, что славяне никогда не проходили кочевой ступени, а явились на свѣтъ прямо не только осѣдлыми, но и по преимуществу земледѣльцами или пахарями. Между тѣмъ во времена Тацита, когда германское племя занимало среднюю Европу, славянское по всѣмъ даннымъ занимало восточную, подъ именемъ сарматъ. А его венеды являются только самымъ западнымъ славянскимъ народцемъ, который, перейдя изъ степной природы въ гористую средне-европейскую мѣстность, естественно началъ усваивать себѣ болѣе осѣдлый бытъ, и не могъ уже содержать такіа огромныя стада коней и рогатаго скота, которыя продолжали имѣть его родичи, сарматы. И Тацитъ, гадательно относя его къ германцамъ, показываетъ, что подобное распредѣленіе онъ дѣлалъ не на основаніи языка, а по признакамъ несущественнымъ, переходящимъ, и что языкъ вендовъ и сарматъ былъ ему неизвѣстенъ. Очевидно Тацитъ, собравшій значительныя свѣдѣнія о ближнихъ къ римскому міру германцахъ, весьма мало зналъ о болѣе отдаленныхъ славяно-сарматскихъ народахъ.

А между тѣмъ эти народы не заставили себя ждать. Вслѣдъ за своими родичами, венедями, нѣкоторыя сарматскія вѣтви также передвинулись въ среднюю Европу. Именно, сарматы-языги въ первомъ вѣкѣ изъ черноморскихъ степей передвигаются къ нижнему Дунаю, т. е. въ южную Дакію; а отсюда вскорѣ они заняли часть Паннонской равнины по обѣимъ сторонамъ рѣки Тиссы и прилегающую къ ней часть сѣверозападной Дакіи. Тутъ указываютъ

ихъ писатели: втораго вѣка Птоломей и третьяго Діонъ Кассій; здѣсь, преимущественно въ союзѣ съ сосѣднимъ нѣмецкимъ народомъ квадами, они ведутъ цѣлый рядъ войнъ противъ Римской имперіи. Объ этихъ дако-паннонскихъ сарматахъ говорятъ потомъ писатели IV вѣка Аміанъ Марцелинъ и Евсевій, V вѣка Іеронимъ и Прискъ, VI-го Іорнандъ. Но въ VI вѣкѣ названіе сарматы начало замѣняться на Дунай названіемъ склавинъ; въ то же время эти склавинны у Іорнанда вѣстѣ съ антами, болгарами и привислянскими славянами причисляются къ великому племени венедровъ. Тутъ названіе венедры выступаетъ уже въ качествѣ болѣе родового, чѣмъ видового; названіе склавинны остается пока чисто видовымъ; а болѣе древнее ихъ родовое названіе, т. е. сарматы, мало по малу выходитъ изъ употребленія.

Слѣдовательно, движеніе славянскихъ (собств. сарматскихъ) народовъ изъ восточной Европы въ среднюю началось задолго до эпохи такъ назыв. Великаго переселенія народовъ. А въ эту эпоху оно усилилось. Славяно-гунны во время Аттилы потому могли легко овладѣть дако-паннонской равниной, что они нашли здѣсь своихъ соплеменниковъ славяно-сарматъ. Послѣ разрушенія его державы часть гунновъ отхлынула къ нижнему Дунаю; потомъ, соединясь съ своими родичами болгарами, они постепенно перешли на южную сторону Дуная и основали тамъ Болгарское царство въ восточной половинѣ Балканскаго полуострова. Въ то же время (т. е. V—VII вв.) часть дунайскихъ сарматъ или склавинъ соединилась съ своими родичами, перешедшими въ средн. Европу по сѣверной сторонѣ Карпатъ, переселилась также въ нѣсколько приемовъ на южную сторону Дуная и основалась въ западной части того же полуострова подъ именемъ сербовъ и хорватъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ исторія расселенія славянъ въ странахъ придунайскихъ. Славяне западные и южные были ничто иное какъ колоніи или вѣтви, отдѣлившіяся отъ главной массы сарматъ или славянъ восточныхъ. Извѣстное мѣсто русской начальной лѣтописи о расселеніи всѣхъ славянъ съ Дуная (вслѣдствіе нашествія волоховъ) есть не болѣе какъ наивный домыселъ. Этотъ домыселъ повторяется и доселѣ въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ; хотя всѣ сколько нибудь значительныя народныя движенія, начиная съ эпохи, еще предшествующей Р. X-ву, происходили на глазахъ исторіи, т. е. всѣ они внесены въ ея лѣтописи. Только нашему начальному лѣтописцу они остались неизвѣстны, да и странно было бы требовать отъ него предварительнаго изученія всей европейской исторической литературы.

Названіе гунны является въ извѣстные вѣка (IV—VII) также видовымъ названіемъ части восточныхъ славянъ; но такъ какъ оно обнимало нѣсколькъ народовъ (сѣверяне, волыняне, болгаре, угличы), то по отношенію къ нимъ, пожалуй, можетъ считаться родовымъ. Наконецъ, названіе росъ или русъ (съ его сложнымъ книжнымъ роксоланомъ) долгое время стоитъ въ источникахъ рядомъ съ вышеприведенными названіями какъ видовое и подчиненное вѣстѣ съ ними общему

или родовому названію сарматы. (Подъ это родовое названіе подходили и венды какъ видовое, о чемъ свидѣтельствуетъ *venadi sagmatae* Певтингеровыхъ таблицъ). Впослѣдствіи, охвативъ собою значительную часть восточныхъ славянъ, и названіе русь становится отчасти родовымъ. Едва-ли не позднѣе всѣхъ распространилось на народъ русь утвердившееся (книжными путемъ) общее родовое названіе славяне, образовавшееся изъ видоваго склавини. Но тамъ же на Дунаѣ являются нѣкоторые племена, сохранившія за собою это прежнее видовое названіе, въ нѣсколько измѣненной формѣ, а именно словянцы и словаки. Великоморавская держава, гдѣ подвизался архіепископъ Методій, по всей вѣроятности, была собственно держава словацкая ¹⁾.

Все, что говорю теперь въ короткихъ словахъ о начальной славянской исторіи (собственно изъ эпохи в. переселенія народовъ), было уже мною высказано и развито въ длинномъ рядѣ изслѣдованій и полемическихъ статей. Желаящихъ отсылаю къ своей книгѣ „Розысканіе о началѣ Руси“ и послѣдующимъ статьямъ. Относительно несомнѣннаго, по моему мнѣнію, тождества дунайскихъ сарматъ II—V вв. съ дунайскими склавинами VI и слѣдующихъ вѣковъ я встрѣчалъ только возраженія, основанныя на общемъ соображеніи, что сарматы были кочевымъ народомъ, а славяне осѣдлымъ. Много уже было мною сказано противъ такого страннаго, отнюдь ненаучнаго мнѣнія, по которому славяне будто бы никогда не проходили кочевой ступени. Въ настоящее время противникамъ своимъ укажу еще на одно упущенное ими изъ виду историческое свидѣтельство, прямо относящееся къ дунайскимъ славянамъ и положительно опровергающее помянутое мнѣніе.

Вотъ что говоритъ византійскій императоръ Левъ VI въ XVIII главѣ своего сочиненія о военной тактикѣ, написаннаго въ концѣ IX или началѣ X вѣка: „славяне (Σκλάβοι) прежде жили за Истромъ, который мы называемъ Дунаемъ. Они вели жизнь номадовъ (νομαδικῶς) и прежде, нежели перешли Истръ римляне уже воевали ихъ и подчиняли ихъ своему игу“; а ниже сказано, что они употребляютъ въ пищу просо и очень умѣренны въ ѣдѣ, потому что

¹⁾ Названіе словаки, пожалуй, напоминаетъ названіе языги, если послѣднее объяснить славянскимъ языкъ, которое означаетъ и органъ слова и народную рѣчь, и вообще народъ. Указываемъ мимоходомъ на это совпаденіе и, конечно, не беремъ на себя рѣшать, случайно оно или не случайно.

Въ Венгріи доселѣ одинъ округъ носитъ названіе, напоминающее языговъ (jászág). И вотъ недавно привелось мнѣ прочесть въ замѣткахъ одного досужаго русскаго туриста, будто въ этомъ округѣ населеніе сохранило какія-то особыя татарскія или монгольскія черты древнихъ языговъ; хотя нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы это населеніе происходило прямо отъ языговъ, а не отъ какого либо позднѣйшаго наслоенія въ родѣ мадьяръ, бумановъ, татаръ и т. п. Благодаря господству нѣмецко-мадьярскихъ теорій въ исторіи славянъ, эта исторія постоянно затемняется новыми и новыми домыслами.

не любятъ заниматься воздѣланіемъ другихъ произведеній земледѣлія, предпочитая вести болѣе свободное и менѣе трудовое существованіе, нежели съ помощію тяжелой работы добывать себѣ обильные съѣстные припасы и прочее имущество“. Въ той же главѣ говорится объ ихъ набѣгахъ и грабежахъ. Гдѣ же тутъ (какъ и во многихъ другихъ источникахъ) пресловутый осѣдлый, земледѣльческій бытъ древнихъ славянъ и ихъ яко бы искони мирный (т. е. пассивный) характеръ, о которомъ постоянно толкуютъ поборники норманнизма и туранизма въ славянской исторіи?

Указавъ, до какой степени не выяснена исторически и этнографически Мораво-Паннонская держава или та почва, на которой подвизались солунскіе братья, перейдемъ къ вопросу о томъ, что именно они сдѣлали въ области славянской письменности и переводовъ св. писанія. И съ этой стороны славистика все еще блуждаетъ въ сферѣ гаданій и разныхъ домысловъ, главнымъ образомъ, благодаря опять-таки господству анти-славянскихъ теорій.

Въ такъ называемомъ Паннонскомъ житіи Константина Философа (т. е. брата Меодіева, въ монашествѣ Кирилла) разсказывается о его хожденіи въ Хозарію. Во время сего путешествія онъ нѣкоторое время пребывалъ въ Корсуні или Херсонесѣ Таврическомъ, и тутъ между прочимъ „обрѣлъ евангеліе и псалтырь, написанныя русскими письменами, и челоуѣка обрѣлъ, говорящаго тою же рѣчью, (сѣдывалъ съ нимъ и, прислушиваясь къ разнымъ перемѣнамъ гласныхъ и согласныхъ, вскорѣ, къ удивленію многихъ, началъ читать и говорить“ (т. е. выучился этой грамотѣ и рѣчи). Продолжаю утверждать, какъ и прежде („въ Розыск. о нач. Руси“), что это извѣстіе первостепенной важности, что оно составляетъ ключъ къ разрѣшенію вопроса о началѣ славянской письменности и что эта письменность и переводы св. писанія на славянскій языкъ уже существовали до Кирилло-Меодіевскаго времени, т. е. до второй половины IX вѣка. По сосѣдству съ Корсунемъ въ восточной половинѣ Тавриды и на Тамани со времени великаго переселенія народовъ обитали гунно-болгаре; а въ томъ же IX вѣкѣ водворились тамъ руссы, которые постепенно отоевали этихъ соплеменныхъ себѣ болгаръ изъ хозарскаго владычества и основали особое русское княжество, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Тмутараканскаго. Часть таврическихъ гунно-болгаръ приняла христіанство изъ Византіи еще въ VI—VII вв., и очень естественно, что къ IX вѣку она уже имѣла у себя переводы св. писанія; ибо Византія постоянно покровительствовала распространенію его на языкѣ народномъ (тогда какъ Римъ дѣйствовалъ наоборотъ). Вышепомянутыя русскія письмена, конечно, означаютъ все то-же церковнославянское или древнеболгарское письмо. Впослѣдствіи, когда Русь приняла христіанство (и приняла его тамъ же, въ Тавридѣ), названіе „русскій обрядъ“ и „русское письмо“ употреблялись въ смыслѣ церковнославянскомъ, чему не разъ видимъ примѣры въ источникахъ (начиная съ одной палской грамоты X вѣка). Если бы у Руси въ началѣ былъ свой собственный пере-

водѣ и свое особое письмо, то она, конечно, пользовалась бы ими и впоследствии, и ей не было бы никакой нужды мѣнять ихъ на болгарскіе; по крайней мѣрѣ такая перемена не могла бы обойтись безъ борьбы. Но мы не находимъ никакихъ намековъ на подобную борьбу.

Сомнѣваться въ подлинности приведеннаго извѣстія о славянскомъ евангеліи и псалтыри, найденныхъ Кирилломъ въ Корсунѣ, нѣтъ никакого серьезнаго основанія: во всѣхъ спискахъ житія оно повторяется постоянно въ томъ же видѣ, и по всѣмъ признакамъ принадлежитъ ранней его редакціи. А источникомъ для сказанія о хожденіи Кирилла въ Хозарію служила записка самого участника этого хожденія Кириллова брата Меодія, на что есть прямой намекъ въ томъ же сказаніи. Тѣмъ не менѣе слависты старались и стараются разными способами устранить это свидѣтельство Паннонскаго житія. Одни (напр. Шафаржъ) объясняли „русскія“ письма готскими, на основаніи норманской теоріи происхожденія руси; хотя смѣшеніе руси съ готами въ данномъ случаѣ является совершеннымъ произволомъ. Если Кириллъ скоро выучился читать данныя письма, то именно потому, что они были славянскія; а братья несомнѣнно уже на своей родинѣ были знакомы съ славянскимъ языкомъ. Притомъ вся послѣдующая ихъ дѣятельность связана съ этимъ языкомъ и письмомъ; тогда какъ на знакомство ихъ съ готскимъ языкомъ и готскою письменностію ни въ ихъ житіи, ни въ другихъ источникахъ нѣтъ никакихъ намековъ. Наконецъ, то же Паннонское житіе особо упоминаетъ готовъ въ числѣ народовъ, имѣющихъ свою грамоту. Другіе изслѣдователи (напримѣръ Бодянский) видѣли въ этомъ извѣстіи о русскіихъ письменахъ позднѣйшую вставку и ссылаются при семъ на одну рукопись житія, гдѣ встрѣчается сказаніе о томъ, что русская грамота самимъ Богомъ явлена въ Корсунѣ нѣкому благочестивому русину, отъ котораго и научился ей Константинъ Философъ. Но такое сказаніе имѣетъ всѣ признаки позднѣйшаго домысла, и безъ сомнѣнія сложилось на основаніи означеннаго извѣстія Константинова житія, а не обратно; самая же рукопись принадлежитъ довольно позднему времени. Третьи, наконецъ (наприм. Григоровичъ), предполагали, что русскія письма, найденныя Константиномъ въ Корсунѣ, относятся къ такъ назыв. Глагольской письменности. Это предположеніе, если-бы и не оправдалось, во всякомъ случаѣ гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ два предыдущія. Глаголица есть также письмо славянское; а для насъ прежде всего важенъ тотъ фактъ, что славянское письмо и славянскіе переводы св. писанія существовали уже до Кирилла и Меодія и что братья воспользовались ими при своей миссіи въ Моравію.

Но что же собственно заставляетъ большинство славистовъ всѣми силами отрицать или извращать извѣстія о славянскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсунѣ? Все тѣ же двѣ ложныя теоріи о народности руси и болгаръ, т. е. теоріи норманская и туранская. Историческія свидѣтельства ясно говорятъ о давнемъ существованіи къ Крыму гунскаго племени Черныхъ болгаръ и появ-

леніи тамъ руси въ IX вѣкѣ. Но какія же могли быть у нихъ славянскія письмена, если русь почитается варягами, а гунны и болгаре финнами или татарами? Понятно, что тѣ, кто еще держится подобныхъ теорій, не могутъ принять даннаго свидѣтельства, не рискуя запутаться въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ ¹⁾. Я много писалъ о несостоятельности этихъ двухъ теорій. По отношенію къ норманизму сущность моихъ изслѣдованій заключается въ томъ, что смѣшеніе руси съ варягами даже не принадлежитъ самой лѣтописной легендѣ о призваніи варяжскихъ князей, а относится къ позднѣйшему испорченному тексту нашей начальной лѣтописи или повѣсти временныхъ лѣтъ. По отношенію къ гуннамъ я указывалъ, что туранская теорія ихъ происхожденія основана, главнымъ образомъ, на извѣстіяхъ объ ихъ безобразной наружности; но при ближайшемъ разсмотрѣніи таковыхъ извѣстій оказывается, что это безобразіе было не природное, а искусственное, имѣвшее по преимуществу цѣли военныя, и далеко не раздѣлявшееся всѣми гуннами; между прочимъ оно не относится къ болгарской вѣтви гунновъ. Существовавшее доселѣ мнѣніе о неславянствѣ болгаръ основано было на разныхъ жетолкованіяхъ и произвольныхъ соображеніяхъ.

Главнѣйшіи источники для біографіи Кирилла и Меѳодія—ихъ Паннонскія житія выражаются объ ихъ дѣятельности относительно славянскихъ письменъ и переводовъ весьма кратко и довольно неопредѣленно, напримѣръ: „и тогда сложи письмена и нача бесѣду писати евангельскую“, или: „да ту яви Богъ философу словенскія книги, и абіе устрои въ письмена и бесѣду ставъ“. Но въ позднѣйшихъ источникахъ говорится уже объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ Кирилломъ и Меѳодіемъ и переводѣ ими едва не всего св. писанія. И этотъ взглядъ доселѣ преобладаетъ въ наукѣ, хотя и не выдерживаетъ строгой критики. Правда, западныя латинскія свидѣтельства второй половины IX вѣка говорятъ или о „письменахъ славянскихъ, открытыхъ нѣкимъ философомъ Константиномъ“, или вообще о „вновь изобрѣтенныхъ славянскихъ письменахъ“; но подобныя выраженія или представляютъ полемиче-

¹⁾ Главнымъ поборникъ сихъ теорій А. А. Куникъ хорошо понялъ опасность, грозящую имъ со стороны даннаго извѣстія; поэтому онъ усиленно настаивалъ на его яко-бы позднѣйшей вставкѣ (см. „Готскій топархъ“, 140, и „Каспій“, 633) и доказывалъ сіе тѣмъ, что, по солунской легендѣ, Кириллъ еще ранѣе изобрѣлъ славянское письмо, проповѣдуя македонскимъ славянамъ на Брѣгальницѣ. Эти подвиги на Брѣгальницѣ по всѣмъ признакамъ есть позднѣйшій мифъ; но достопочтенному академику, повидимому, суждено отрицать историческіе факты и на мѣсто ихъ ставить мифологию, коль скоро рѣчь заходитъ о начальной славянской или русской исторіи. Любопытно, что с.-петербургское Славянское благотворительное Общество, кажется, слѣдуетъ тому же отрицательному направленію по отношенію къ важнѣйшему извѣстію Паннонскаго житія въ славянствѣ Болгаръ и Руси. О томъ свидѣлствуютъ изданныя имъ ко дню тысячелѣтія жизнеописанія Кирилла и Меѳодія, назначенныя для народнаго чтенія.

скій приёмъ, или показывають, что письмо, принесенное солунскими братьями въ Моравію, дѣйствительно, было тамъ новостію.

До какой степени, исходя изъ невѣрныхъ положеній, слависты блуждаютъ въ вопросахъ, связанныхъ съ дѣятельностію Кирилла и Меодія, указываетъ примѣръ знаменитаго Шафарика. Последніе годы своей жизни онъ началъ утверждать, что Кириллъ и Меодій изобрѣли собственно глаголицу, а что кириллица произошла изъ глаголицы и введена въ употребленіе однимъ изъ учениковъ Меодія, Климентомъ, епископомъ болгарскимъ. Любопытно, что это мнѣніе, хотя вызвало въ свое время горячія и дѣльныя возраженія, теперь уже принято нѣкоторыми учеными (напр. Миклошичъ, Рачкій, покойный Котляревскій, Кочубинскій, Небосклоновъ, отчасти архим. Амфилохій и др.).

По моему крайнему разумѣнію, Кириллу и Меодию принадлежитъ подвигъ не изобрѣтенія, собственно, а лучшаго устроенія и распространенія славянскихъ письменъ вмѣстѣ съ исправленіемъ и продолженіемъ найденныхъ или переводовъ. Такое устроеніе даже не было ими закончено, а продолжалось послѣ нихъ трудами учениковъ, въ особенности св. Климента. Относительно кириллицы едва ли можетъ быть рѣчь объ изобрѣтеніи уже потому, что въ основѣ своей эта азбука чисто греческая, слѣдовательно заимствованная. Такихъ заимствованныхъ буквъ насчитывается 24. Вопросъ заключается собственно въ 12 или 14 знакахъ, выражающихъ звуки носовые, шипящіе, свистящіе и полугласные. И эти добавочныя буквы, по всей вѣроятности, уже существовали прежде. Откуда же они попали въ славянскую азбуку?

По сему поводу обращу вниманіе компетентныхъ читателей на любопытную статью московскаго профессора В. Ѳ. Миллера „къ вопросу о славянскій азбукѣ“ („Ж. М. Н. Пр. 1884, мартъ). Тутъ онъ сближаетъ помянутыя добавочныя буквы съ письменами сассанидскими, по скольку они сохранились на монетахъ и надписяхъ. Эти письмена развились изъ болѣе древнихъ персидскихъ или авестійскихъ (которыми написана Авеста), происшедшихъ, въ свою очередь, отъ арамейскаго письма. Вотъ почему нѣкоторые изъ нашихъ добавочныхъ буквъ похожи на еврейскія. Мысль, по моему мнѣнію, удачная, одна изъ тѣхъ мыслей, которыя имѣють право на будущность въ наукѣ. Но какими историческими путями объяснить заимствованіе этой части славянскаго алфавита изъ Персіи? На сей счетъ авторъ строитъ рядъ гипотезъ: „посредниками при передачѣ этихъ письменъ славянамъ служили хазары, которымъ славяне платили дань. Составляя значительный элементъ въ хазарскихъ городахъ, славяне должны были подчиниться нѣкоторому влиянію хазарской культуры“ (стр. 33). У хазаръ „несомнѣнно была письменность, хотя до насъ не дошло ни одной строчки“ (ibid.). А эти „предполагаемыя хазарскія письмена (выводимыя нами изъ добавленныхъ къ кириллицѣ буквъ) являются сколкою съ авестійскихъ“ (стр. 34). Дѣло въ томъ, что авторъ этихъ гипотезъ по отношенію къ руси держится норманской теоріи, а по отношенію къ гуннамъ и болгарамъ туранской. Такимъ образомъ удачную мысль сближить часть славянской

азбуки съ персидскою поневолѣ пришлось затѣмнить искусственно придуманнымъ посредствующимъ звеномъ, т. е. казарскимъ; пришлось сочинять казарскую культуру, будто бы повліявшую на славянъ, и предположить существованіе особыхъ казарскихъ письменъ, на которыя въ источникахъ нѣтъ ни малѣйшаго намёка. Извѣстно только, что казарскій дворъ и высшее сословіе исповѣдывали еврейскую религію, слѣдовательно имѣли еврейскую письменность; а часть народа, принявшая исламъ, имѣла, конечно, письменность арабскую. Не забудемъ, что еще не рѣшенъ и самый вопросъ о томъ, какой, собственно, народъ разумѣется подъ именемъ казаръ въ VIII—IX вв. и куда именно путешествовалъ Кириллъ во время своей казарской миссіи. Авторъ считаетъ вѣроятнымъ извѣстіе Константинова житія о русскихъ или славянскихъ письменахъ, найденныхъ въ Корсуни (стр. 32). Но, говоря вообще о русскихъ славянахъ, онъ проходитъ молчаніемъ вопросъ, какому именно славянскому языку принадлежали эти переводы Евангелія и Псалтыри. Если бы онъ воснулъ этого вопроса, то неминуемо долженъ въ немъ занутаться; такъ какъ никакихъ другихъ переводовъ кромѣ церковнославянскаго или древнеболгарскаго наша древнѣйшая церковная письменность не знаетъ; а гунно-болгаръ онъ считаетъ не славянами, и упускаетъ изъ виду византійскія извѣстія о принятіи ими христіанства въ VI—VII вв. Слѣдовательно, и съ этой стороны двѣ помянутыя теоріи ставятъ достоуважаемаго профессора-филолога въ явные противорѣчія съ самимъ собой и съ историческими фактами.

А между тѣмъ для объясненія нашихъ заимствованій изъ персидской культуры эпохи сассанидовъ нѣтъ никакой нужды предполагать казарское посредничество и вліятельную казарскую культуру. Славянскій міръ издревле и долго былъ сосѣдомъ иранскихъ народовъ и со стороны средней Азіи, и со стороны Кавказа. Онъ является въ исторіи, можно сказать, пропитаннымъ иранскими элементами; но, конечно, онъ является въ древнемъ періодѣ не подъ своимъ позднѣйшимъ именемъ славянъ, а подъ именами массагетовъ, сарматъ, гунновъ, болгаръ, отчасти аланъ и т. д. Если возьмемъ, собственно, эпоху сассанидовъ, т. е. III—VII вв. по Р. Х., то увидимъ, что въ теченіе почти всей этой эпохи восточнославянскіе народы находились въ сношеніяхъ съ новоперсидскою имперіей, которой владѣнія иногда не только простирались до Кавказскаго хребта, но и переходили на его сѣверную сторону. Извѣстно, что полководцы Атилы воевали персовъ и самъ онъ собирался идти на завоеваніе Персіи (Прискъ). По византійскимъ писателямъ Древняя или Великая Болгарія лежала между Азовскимъ моремъ и Кавказомъ. По Моисею Хоренскому болгаре вторгались въ земли Закавказья и колоніи ихъ естрѣчались въ Арменіи. А во время казарскаго господства приазовскіе и прикавказскіе гунно-болгары, по извѣстіямъ армянскихъ и византійскихъ историковъ, вели войны или участвовали въ войнахъ византійцевъ и казаръ съ персами. Разумѣется, лѣтописцы повѣствуютъ преимущественно о войнахъ и набѣгахъ; но кромѣ враждебныхъ столкновеній несомнѣнно были мирныя и торговыя сношенія. Вліяніе персид-

ской культуры на культуру восточныхъ славянъ ясно засвидѣтельствовано многими предметами, по преимуществу найденными въ южнорусскихъ могильникахъ. Какъ отразилось это вліяніе на обитателяхъ Восторскаго царства и сосѣднихъ степей, о томъ вѣскія соображенія можно встрѣтить, напримѣръ, въ изслѣдованіи В. В. Стасова объ извѣстныхъ керченскихъ фрескахъ, которыя относятся къ III или IV вв. по Р. Х. Найденные проф. Самоквасовымъ въ черниговскомъ курганѣ, оправленные въ серебро турьи рога по работѣ и чеканнымъ изображеніямъ также сближаются съ искусствомъ сасанидской эпохи. Въ курганахъ южной и восточной Россіи немало открыто и разныхъ другихъ вещей той же эпохи. Вообще многое въ бытѣ и художествѣхъ восточныхъ славянъ или древней Руси, особенно въ области орнаментики, объясняется именно персидскимъ вліяніемъ. Отрицать непосредственное вліяніе этой культуры на нашу собственную невозможно. (Если и предполагать иногда какое либо посредничество со стороны Кавказа, то скорѣе болѣе культурныхъ армянъ и грузинъ, чѣмъ хозаръ). А потому, повторяю, и заимствованіе части славянскаго алфавита непосредственно изъ персидскаго весьма и весьма возможно. Только для рѣшенія такихъ вопросовъ необходимо стать прямо на историческую почву, т. е. признать исконное славянство русъ и болгаръ.

Итакъ въ своемъ главномъ выводѣ относительно славянской азбуки В. Ө. Миллеръ склоняется къ тому же положенію, которое я высказалъ десять лѣтъ назадъ (Ж. М. Н. П. 1875 г., февраль), а именно: такъ называемая кириллица и нѣкоторые славянскіе переводы существовали у восточныхъ славянъ еще до Кирилла. Затѣмъ я говорилъ, что и глаголица, по всей вѣроятности, также существовала прежде. Онъ же принимаетъ мнѣніе тѣхъ славистовъ, которые приписываютъ ея изобрѣтеніе Кириллу, съ тою однако разницею, что по его словамъ, не кириллица произошла изъ глаголицы, а наоборотъ, т. е. Кириллъ не захотѣлъ взять просто найденныя въ Корсуни письмена, а нѣсколько ихъ передѣлалъ, ибо пожелалъ быть изобрѣтателемъ особаго письма. Послѣдній выводъ намъ кажется основаннымъ на разныхъ натяжкахъ ¹⁾. Въ концѣ своей статьи онъ указываетъ недавно появившееся нѣмецкое изслѣдованіе Гейтлера, который сближаетъ глаголицу съ албанскими письменами и родиной ея считаетъ Македонію. И вотъ споръ о глаголицѣ готовъ вступить въ новую фазу.

Какое бы ни было дальнѣйшее развитіе вопросовъ о происхожденіи славянской письменности и о дѣятельности св. солунскихъ братьевъ, я стою на томъ, что правильное рѣшеніе этихъ вопросовъ невозможно безъ предварительнаго и правильно установленной исторіи самихъ славянскихъ народовъ. Тѣ слависты, которые будутъ держаться теорій норманизма и туранизма, никогда не вступятъ на историческую почву, и никогда не выпутаются изъ лабиринта протворчій и недоумѣній въ данныхъ вопросахъ.

Д. И. Иловайскій.

¹⁾ Почти тотъ же выводъ еще ранѣе встрѣчается у г. Небосклонова; „Начало борьбы славянъ съ нѣмцами за независимость въ средніе вѣка“. Казань, 1874.

ЭКСПЕДИЦІЯ ПРОТИВЪ АХАЛЬ-ТЕКИНЦЕВЪ

въ 1879—1880—1881 гг.

Посвящается памяти М. Д. Скобелева.

Историческій очеркъ очевидца и участника.

V¹⁾.

Походъ кавалеріи съ конно-горной артиллеріей въ горахъ Копеть-Дагъ.

Этой операціей генерала Скобелева начинается рѣшительный періодъ экспедиціи 1880—1881 гг.

21 ноября 1880 г. командующій войсками рѣшилъ двинуться лично съ кавалеріей и 2 конно-горными орудіями на рекогносцировку по горамъ Дамана и Куха, дабы освѣтить правый флангъ операціонной линіи при наступленіи нашихъ войскъ на текинскую крѣпость Геовъ-тепе — оборонительный рядъ укрѣпленій (поперекъ оазиса) подъ названіями (съ юга на сѣверъ) Янги-кала, Денгли-тепе и Куня-Геокъ-тепе.

Выступивъ съ кавалерійскимъ резервомъ изъ Дузь-олума вдоль по р. Чандырю, притоку р. Сумбара, мы въ полдень 22-го ноября прибыли къ развалинамъ крѣпостцы Ярты-кала, гдѣ нѣкогда было очень большое селеніе.

Богатѣйшіе луга, степныя привольныя и въ то же время дикія пространства тянутся вдоль всего Чандыря. Здѣсь въ ту пору года имѣлось на корню много травы, а потому и рѣшено было сдѣлать дневку, чтобы подкормить нашихъ коней для предстоящаго карабканья по горамъ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, стр. 161—286.

Изъ Дузь-олума съ нами вышелъ не весь кавалерійскій резервъ: полтавскій дивизионъ подполковника кн. Голицына присоединился къ намъ уже въ Ярты-кала, куда онъ прибылъ нѣсколько раньше насъ, пройдя изъ мѣстечка Терсакана прямокомъ черезъ снѣговья вершины. Въ Ярты-кала мы соединились также съ таманскимъ дивизиономъ, который застали уже на этомъ мѣстѣ.

Утромъ 23-го ноября весь нашъ летучій кавалерійскій отрядъ (два эскадрона 15-го Тверскаго драгунскаго полка, четыре сотни казаковъ и конно-горный взводъ) двинулся далѣе вверхъ по Чандырю къ его верховью, откуда мы круто повернули на сѣверъ къ р. Сумбару, притоку Атрева, по ущельямъ, ведущимъ къ оставленной текинцами кр. Кара-кала, затѣмъ шли все время вдоль Сумбара до его верховья; съ этого мѣста мы должны были двинуться по родникамъ въ снѣжной полосѣ, ибо никакой другой воды тамъ нѣтъ. Намъ приходилось утолять свою жажду болотистою влагою чернаго цвѣта, въ которой ясно различалась масса пузырчатыхъ пѣвоекъ. Родникъ отъ родника находится на разстояніи цѣлаго перехода, а не достигнувъ слѣдующаго ключа, мы безъ воды, очевидно, не могли сдѣлать и ночлега. Впрочемъ и этой жалкой влаги едва хватало для солдатъ,—мы осушали до дна все, что ключъ могъ насочить по каплѣ; столь медленно струится вода въ этихъ днѣхъ горахъ, въ которыхъ до насъ еще никогда не ступала нога европейца и гдѣ даже азіаты спуютъ очень рѣдко. Крутые обрывы, бездны и пропасти представляли нашъ путь въ тѣсныхъ ущельяхъ; впереди видѣлась узенькая тропинка, по которой въ одинъ конь шли наши джигиты-турмены, служившіе намъ чапарами или путеуказателями и слѣдившіе за дорогою сами только ощупью, каждое мгновеніе рискуя сбиться съ пути.

Мы то поднимались въ область снѣговъ, то спускались въ полосу гранатъ, винныхъ ягодъ и растений, свойственныхъ жаркой Персіи, гдѣ долины между горами горныхъ цѣпей не знаютъ зимы; крутые подъемы и спуски сильно донимали нашихъ коней.

Далѣе мы двигались въ естественныхъ каменистыхъ пробояхъ въ горахъ; съ утесовъ этихъ обрывовъ грозитъ ежеминутная опасность быть раздавленнымъ камнями, которые въ видѣ громадныхъ глыбъ постоянно обваливаются отъ тамошнихъ сильныхъ

урагановъ. На всемъ нашемъ пути царила совершенно дѣвственная природа, какою она была еще въ отдаленный періодъ сѣдой старины.

Многочисленное эхо всюду вторитъ нашимъ голосамъ; звукъ отражается гранитными скалами, покрытыми густымъ зеленымъ мхомъ и плѣсенью. Съ высоты открываются величественныя панорамы природы. Рельефныя горныя покатости то спускаются, то поднимаются, то совершенно теряются въ далекой лазури неба. Чудные края горъ затѣйливо вьются далеко ниже насъ.

Наконецъ, ни одного деревца мы уже не находимъ, кругомъ—однѣ дикія грани; нигдѣ, повидимому, нѣтъ жизни; нигдѣ не находимъ уже и слѣдовъ травы или бурьяна, а наши кони сильно голодаютъ, ибо овесъ, взятый съ собою, уже истощился. Сухари также кончаются, а барановъ давно съѣли. О главныхъ силахъ и вообще, въ какомъ положеніи находятся дѣла въ Бами, не имѣемъ свѣдѣній; такимъ образомъ нашъ кавалерійскій отрядъ предоставленъ самому себѣ.

Густой туманъ заволакивалъ лунное небо ахаль-текинской страны, когда въ сумерки 28-го ноября 1880 г. мы спустились съ надѣвшихъ намъ вершинъ Дамана и Куха и на крупныхъ рыскахъ двигались изъ ущелья мимо Дуруна (текинскій аулъ) въ пески, а оттуда въ обходъ на аулы Нуръ-Верды-Хана. Въ первомъ часу ночи мы подошли къ башнямъ Келяты, которыя оказались запертыми изнутри занимавшимъ ихъ непріателемъ. Еще нѣсколько мгновений и текинцы открыли сильный огонь; намъ пришлось въ глубокую, темную и дождливую ночь разыграть кровавый штурмъ, кончившійся плѣненіемъ гарнизона и завладѣніемъ окрестныхъ ауловъ. Нашею добычею было нѣсколько тысячъ барановъ, что оказалось какъ нельзя болѣе кстати. Кромѣ того, для своихъ коней мы добыли много саману, зарытаго непріателемъ въ глубокихъ и большихъ ямахъ. На занятой съ бою позиціи мы сдѣлали ночлегъ и днемъ 29-го ноября. Въ этотъ день и наканунѣ его надъ нашимъ отрядомъ начальствовалъ полковникъ Навроцкій; ибо генералъ Скобелевъ отсталъ отъ отряда на походѣ и со своею небольшою свитою, безъ особаго конвоя, очутился въ совершенно изолированномъ положеніи ночью въ горахъ, отсюда онъ долженъ былъ послать джигита за охотниками (команда пѣхоты), находившимися далеко въ степи. Охотники,

получивъ приказаніе спѣшить къ командующему войсками, сдѣлали громадный ночной форсированный переходъ и на зарѣ прибыли на выручку генерала изъ опаснаго и рискованнаго положенія. Наши же разъѣзды, посланные по разнымъ направленіямъ, не могли найти, гдѣ остановился командующій войсками. Утромъ 29-го ноября, къ нашей великой радости, съ пѣснями охотниковъ, къ намъ въ Келяту прибылъ Михаилъ Дмитриевичъ, за участь котораго мы все время находились въ большомъ опасеніи.

Генералъ Скобелевъ въ походахъ имѣлъ привычки, напоминающія приемы Наполеона Перваго. Часто говаривалъ М. Д., что онъ въ походѣ только тогда чувствуетъ себя спокойнымъ, когда увѣренъ, что у него ни одинъ солдатъ не отсталъ, для чего онъ всегда ѣздилъ позади всѣхъ. Въ походахъ ген. Скобелевъ вставалъ съ ночлега не рано. Обыкновенно авангардъ уходилъ съ бивака въ часа 4 утра, затѣмъ въ 6 часовъ выходили главные силы и спустя часъ—аріергардъ, за которымъ слѣдовалъ генералъ, но на походѣ эти три части колонны обыкновенно значительно сближались, потому что авангардъ въ то же время имѣлъ импровизованныхъ конныхъ саперъ изъ драгуновъ и долженъ былъ нѣсколько исправлять дорогу. Тогда М. Д. со своей свитой галопомъ обгоняетъ аріергардъ и подскакиваетъ къ главнымъ силамъ, поздоровадается съ солдатами и мчится далѣе къ авангарду, здоровадается и рысью проѣзжаетъ еще впередъ версту или двѣ, затѣмъ останавливается, слѣзаетъ съ коня на бугрѣ, садится на складной стулъ и въ бинокли осматриваетъ мѣстность и подходящія войска, все время бесѣдуя со свитою, и отъ поры до времени высылаетъ адъютанта то къ той, то къ другой изъ проходящихъ мимо частей съ различными приказаніями частнаго характера, замѣчаніями или за справками. Но иногда генералъ, еще находясь за аріергардомъ, чѣмъ либо бывалъ отвлеченъ, а между тѣмъ отдалъ приказаніе аріергарду продолжать движеніе. Такъ, въ описываемомъ походѣ, къ нему выѣхали съ поклономъ и благодарностью нухурцы за то, что 10-го октября они были выручены нашимъ отрядомъ изъ блокады Тыкма-сардаря. Генералъ съ ними долго заговорился, а потому и очутился въ описанномъ критическомъ положеніи. Особенно грустно ему было на душѣ, когда онъ ночью слышалъ вдали раскаты нашихъ выстрѣловъ при штурмѣ Келяты-Нуръ-Верды-Хана, какъ объ этомъ онъ намъ потомъ рассказывалъ, и не могъ къ намъ послѣть.

Въ этомъ походѣ восемь дней мы шли по горамъ, то подымаясь на возвышенности, то спускаясь въ лоцины. Каждодневно проходили по трупобамъ не менѣе 50 верстъ; часто шли по 60 и, наконецъ, въ послѣдній день нашего испытанія, сдѣлали 80 верстъ, двигаясь то рысью, то галопомъ. Такимъ образомъ мы по горамъ прошли 500 верстъ. Ежедневно мы выступали съ бивуака на самомъ раннемъ разсвѣтѣ, а приходили на ночлегъ въ позднія сумерки, такъ что по дорогѣ должны были разводить костры передовые разѣзды для идущихъ позади войскъ.

VI.

Занятіе ауловъ Егянъ-Батырь-Кала.—Отдыхъ кавалеріи.—Атака янги-калинской позиціи.

Въ то время, когда мы совершали операціи на югѣ оазиса, въ совершенно противоположномъ отъ насъ концѣ на михайловской линіи, 25-го ноября, Тымка-сардаръ сдѣлалъ рѣшительное нападеніе на нашъ транспортъ у Узунъ-Су и тутъ было успѣшное дѣло полусотни Лабинскаго коннаго полка, подѣ командой сотника Алейникова.

Во время описаннаго нашего похода въ горахъ Дамана и Куха, главныя силы, подѣ начальствомъ помощника командующаго войсками, генерала Петрусевича, совершали движеніе изъ Бама въ занятую нами Келяту. Все пространство отъ Бама до Келяты представляетъ одну сплошную равнину. Не долго мы въ Келятѣ ожидали подхода главныхъ силъ. Онѣ прибывали и стягивались, хотя и постепенно, но безъ особенныхъ замедленій, благодаря энергіи, нынѣ также покойнаго, генерала Петрусевича.

Въ часъ пополночи съ 29-го на 30-е ноября кавалерійскій отрядъ съ конно-горнымъ взводомъ, подѣ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева, выступилъ изъ Келяты и въ темнотѣ двинулся въ пески по направленію въ сѣверо-востоку, чтобы съ тылу обойти текинскія укрѣпленія Егянъ-Батырь-Кала.

Въ густой эскадронной волоннѣ, съ близкими разѣздами, перемѣннымъ и быстрымъ аллюромъ двигался нашъ летучій отрядъ, каждое мгновеніе готовый наткнуться на непріятельскіе секреты. Вся мѣстность изрыта водопроводными каналами и балками. Винтовки наши вынуты изъ чашловъ, орудія заряжены картечью.

То рысь, то карьеръ чередовали мы и торопились съ восходомъ зари подоспѣть къ ауламъ. Нигдѣ, повидимому, не оказывалось и слѣда текинцевъ на нашемъ пути; только при выходѣ изъ Келяты въ сторонѣ сверкнулъ огонекъ. Это былъ сигналъ непріятельскихъ разъѣздовъ; текинцы всегда и всюду принимали всѣ военныя предосторожности, благодаря своему боевому инстинкту, который исторически съ древнихъ временъ выработался у нихъ при постоянныхъ аламанахъ, служившихъ единственнымъ признаваемымъ средствомъ разбогатѣть.

Но вотъ на востокѣ уже начинаетъ заниматься утренняя заря; первые отблески лучей солнца начинаютъ рисоваться на чудномъ фонѣ средне-азиатскаго неба; грудь широко дышетъ свѣжимъ и пріятнымъ утреннимъ воздухомъ послѣ продолжительнаго галопа.

Мы подходимъ верстѣ на пять къ заваламъ и выстраиваемъ боевой порядокъ, въ которомъ начинаемъ быстрое, — все время — карьеръ, — наступленіе съ тылу, т. е. со стороны Геокъ-тепе, дабы отрѣзать текинцамъ путь отступленія; съ другой же стороны уже подходятъ наши пѣшіе охотники, высланные еще ночью; оказывается, что текинцы заблаговременно очистили аулы Егянь-Батырь-кала, а потому наше движеніе представляетъ собою лишь блестяще выполненный тактическій маневръ кавалеріи и конногорной артиллеріи. Мы заняли эти аулы безъ боя, а въ окрестныхъ горахъ захватили нѣсколько тысячъ барановъ.

Занявъ Батырь-кала, мы приблизили свой передовой опорный пунктъ на 9 верстѣ къ цѣли всѣхъ операцій — Геокъ-тепе. Егянь-Батырь-кала впослѣдствіи названо укр. Самурскимъ, въ честь одного изъ нашихъ пѣхотныхъ полковъ.

Въ тотъ же день сюда подтянулась часть нашей пѣхоты и полубатарея 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады; съ этими частями прибылъ большой верблужій транспортъ съ провіантомъ и фуражемъ.

По занятіи Егянь-Батырь-кала были доставлены генералу Скобелеву чрезъ Яръ-Магомедъ-хана буджнурскаго свѣдѣнія, что текинцы ожидаютъ обѣщанной имъ помощи отъ Великобританіи. Генераль Скобелевъ упоминаетъ объ этомъ въ своемъ рапортѣ отъ 20-го февраля 1881 года за № 2,037, говоря: „..... замѣчательно, что лошадь временно-командующаго войсками, взятая при

нападеніи на охотниковъ на бендесенскомъ перевалѣ 18-го августа, хранилась подъ попонами въ Денгли-тепе, для поднесенія въ подарокъ англійскому генералу, имѣющему прибыть на выручку съ войскомъ“.

Думаемъ, что это важный историческій фактъ.

Но лишь только мы расположились на занятомъ пунктѣ, чтобы готовить себѣ пищу, какъ тотчасъ же нѣсколько тысячъ текинцевъ постепенно начали вываливать изъ Денгли-тепе и Янгикала и такъ сильно дожимали насъ своими пулями, что мы должны были сдѣлать по неприятелю нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, которые заставили текинцевъ уgomониться, но перестрѣлка все-таки продолжалась до наступленія сумерекъ. Ночью же неприятель развелъ до 20-ти большихъ костровъ на полѣ между Геокъ-тепе и Батырь-вала; у этихъ огней сосредоточились отдѣльныя кучи текинцевъ, наблюдавшихъ за нашимъ расположеніемъ. Намѣреваясь произвести рекогносцировку нашего расположенія, неприятель въ зарѣ потушилъ почти всѣ свои костры, а группы отдѣльныхъ смѣльчаковъ начали приближаться къ намъ безъ выстрѣла, подползая шаговъ на 80, такъ что мы различали ихъ силуэты. Наши охотники, находившіеся съ конно-горнымъ взводомъ въ передовыхъ ближайшихъ къ неприятелю завалахъ, открыли по противнику рѣдкій огонь, въ отвѣтъ на который текинцы съ другого фланга начали поражать насъ близкими пулями; тогда конно-горный взводъ долженъ былъ выпустить одну картечь, которая ошеломила и отбросила неприятеля, а съ восходомъ зари въ догонку бѣгущимъ текинцамъ была послана граната; дѣйствіе было эффектное: уставшіе въ ночномъ бодрствованіи противники быстро начали очищать поле и потянулись въ Геокъ-тепе.

1-го декабря 1880 г. наша кавалерія съ конно-горнымъ взводомъ двинулась обратно изъ Самурскаго въ Келяту, конвоируя первый обратный транспортъ освобожденныхъ верблюдовъ и всю нашу военную добычу, отбитую у неприятеля. Текинцы сильно дожимали и преслѣдовали насъ на всемъ пути. Генераль Скобелевъ изъ Самурскаго зорко слѣдилъ за движеніемъ нашей колонны. Видя какъ назойливо преслѣдуетъ насъ неприятель, рассыпавшійся по всему полю, чтобы атаковать нашъ арьергардъ, генераль вышелъ изъ Самурскаго съ таманскимъ дивизиономъ казаковъ и самъ атако-

валь текинцевъ съ тылу, чѣмъ и заставилъ ихъ бѣжать въ пески, а оттуда въ крѣпость.

Придя въ Келяту, мы загнали всѣхъ животныхъ, по обыкновенію, въ завалы и приспособили укрѣпленіе на случай ночного нападенія текинцевъ; непріятель небольшими конными шайками рыскалъ и джигитовалъ вокругъ, но насъ не осмѣлился беспокоить въ эту ночь.

Утромъ 2-го декабря мы выступили далѣе въ Дурунъ, въ которомъ въ этому времени былъ уже поставленъ русскій гарнизонъ (рота пѣхоты, сотня казаковъ и два горныхъ орудія). На пути намъ встрѣтилась одна изъ колоннъ съ верблюжьимъ транспортомъ, двигавшимся изъ Бама въ виду сосредоточенія главныхъ силъ въ Самурское.

Въ Дурунѣ мы сдѣлали дневку и, отправивъ нашъ транспортъ далѣе въ Арчманъ съ небольшимъ прикрытіемъ, сами 4-го декабря были уже опять въ Келятѣ.

Русское укрѣпленіе, подъ названіемъ Крымское, въ честь пѣхотнаго полка, было устроено тутъ въ сторонѣ отъ ауловъ подъ горами, на двухъ очень удачно выбранныхъ буграхъ. Здѣсь-то мы расположились слишкомъ на двѣ недѣли, поправляя нашихъ коней добываемымъ въ окрестностяхъ саманомъ, который былъ тщательно зарытъ текинцами въ ямахъ; овесъ у насъ уже кончился; ненадолго хватило намъ и саману, а тогда мы вынуждены были довольствоваться лошадей однимъ жалкимъ бурьяномъ-волочкою, отъ которой воня сильно болѣли. Верблюды также сильно падали отъ истощенія и изнуренія.

Еще въ горахъ мы начали растягивать обыкновенную суточную дачу солдата; теперь продолжалось то же, ибо перевозка сдѣлалась крайне трудною.

Наконецъ, къ 19-му декабря 1880 года, почти весь русскій экспедиціонный отрядъ подтянулся въ Самурское; довольствія сюда было подвезено на нѣкоторое время достаточно; снаряды и патроны также доставлены. Въ этотъ же день вся кавалерія съ конно-горнымъ взводомъ выступила изъ Келяты въ Самурское, гдѣ и была встрѣчена генераломъ Петрусевичемъ, который, осмотрѣвъ нашихъ коней, пригласилъ къ себѣ подѣлывать командировъ частей и объяснилъ намъ, въ чемъ будетъ состоять сущность завтрашняго боя и что собственно послужить задачею кавалеріи.

Въ Самурскомъ мы сдѣлали ночлеги, а главное—получили довольствіе для людей, овесъ и галеты для лошадей, хотя и въ ограниченныхъ пропорціяхъ, изъ образовавшагося подвозомъ сюда интендантскаго склада.

Въ Келятѣ войска добывали дрова, разрушая брошенныя текинцами постройки; въ Самурскомъ же ничего подобнаго не было, а пищу варили на бурьянѣ, котораго было чрезвычайно мало, и наше положеніе въ этомъ отношеніи было критическое.

Утромъ 20-го декабря 1880 г. на полѣ впереди Самурскаго выстроился весь нашъ закаспійскій дѣйствующій отрядъ: ставропольцы, ширванцы, апшеронцы, дагестанцы, самурцы, крымцы, красноводскій мѣстный баталіонъ, таманцы, лабинцы, оренбургцы, тверскіе драгуны и артиллерія въ 70 орудій всякихъ сортовъ. Кромѣ того, нѣкоторая часть войскъ была оставлена, по необходимости, въ гарнизонахъ на пунктахъ двухъ военныхъ дорогъ: михайловской и атревской, а также на линіи отъ Баши до Самурскаго.

Командующій войсками генераль Скобелевъ объѣхалъ наши ряды и поздравлялъ отрядъ съ предстоящимъ боемъ—штурмомъ янгикалинской позиціи. Генераль былъ серьезенъ и только на мгновенія улыбка проскальзывала на его симпатичнѣйшемъ лицѣ, когда онъ, подсказывая то къ той, то къ другой части, произносилъ: „здорово, молодцы“, присовокупляя названіе части. Громадная и блестящая свита, человекъ 60, сопровождала Михаила Дмитриевича. Онъ былъ, по обыкновенію, на бѣломъ конѣ, въ кирасирскомъ сюртукѣ и покрытъ николаевской лѣтнею шинелью, которая развѣвалась за нимъ на галопѣ, какъ боевой плащъ Санъ-Сира, знаменитаго полководца Франціи.

Затѣмъ генераль, по обыкновенію, пригласилъ къ себѣ подъѣхать всѣхъ офицеровъ и подробно изложилъ передъ нами, въ чемъ состоитъ его планъ дѣйствій и чего онъ желаетъ отъ офицеровъ.

Скоро весь отрядъ въ боевомъ порядкѣ двинулся впередъ. Мѣстность вокругъ совершенно открытая и ровная. День солнечный и было очень жарко. Двѣ отдѣльныя пѣхотныя колонны съ пропорціональнымъ числомъ орудій были направлены: одна съ южной стороны Янги-калы, другая—съ сѣверной, т. е. обѣ шли въ обходъ, а фронтальной атаки не было. Вся кавалерія съ конно-

горнымъ взводомъ двигалась на лѣвомъ флангѣ нашихъ войскъ; ея роль заключалась въ томъ, чтобы, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, атаковать полчища текинцевъ, если-бы они вздумали выйти изъ Денгли-тепе на выручку янгикалинскаго гарнизона; вторая задача кавалеріи, которую и пришлось выполнить, это—преслѣдовать бѣгущихъ текинцевъ, составлявшихъ гарнизонъ Янги-калы, если-бы онъ дрогнулъ.

Составъ войскъ при штурмѣ киблака Янги-калы былъ слѣдующій:

1-я колонна, полковника Куропаткина: туркестанскій ¹⁾ отрядъ, 4-я батарея 20-й артиллерійской бригады, 1-й батальонъ 84-го Ширванскаго полка, взводъ саперной роты; итого: 8¼ ротъ, 2 сотни, 10 орудій и два ракетныхъ станка.

Предметъ атаки этой колонны были: юговосточная окраина Янги-кала и круглая башня.

2-я колонна, полковника Козелкова: закаспійскій мѣстный батальонъ, 3-й батальонъ 74-го Ставропольскаго полка, взводъ саперной роты; команды: осетинъ, моряковъ и охотничья эсаула Церенджалова; 6-я горная батарея 21-й артиллерійской бригады и двѣ картечницы; итого: 8¼ ротъ, три эскадрона и 10 орудій.

Предметъ атаки—сѣверная окраина Янги-кала.

Главные силы, подъ личнымъ начальствомъ генерала Скобелева: 4-й батальонъ 81-го Апшеронскаго полка, 1-я, 13-я и 14-я роты 82-го Дагестанскаго полка, 1-й батальонъ 83-го Самурскаго полка, три роты 3-го батальона 83-го Самурскаго полка, 3-й батальонъ 84-го Ширванскаго полка, 3-я батарея 19-й артиллерійской бригады, 4-я батарея 19-й артиллерійской бригады, 1-я и 3-я подвижныя батареи (по шести орудій), полурота саперной роты, семь эскадроновъ и сотень, конно-горный взводъ, двѣ картечницы; итого: 18 съ половиною ротъ, семь эскадроновъ и сотень и 32 орудія.

Направленіе главныхъ силъ—на Опорное.

Гарнизонъ въ Самурскомъ былъ оставленъ слѣдующій: 1-я рота 73-го Крымскаго полка, 1-я рота 3-го батальона 83-го Самурскаго полка, двѣ сотни, 2-я подвижная батарея (7 орудій), два орудія 1-й подвижной батареи, два орудія 3-й подвижной батареи, mortarная полубатарея, одна картечница и одна пушка Энгстрема; итого: двѣ роты, двѣ сотни и 19 орудій.

¹⁾ Три роты, двѣ сотни, два горныхъ орудія и ракетный взводъ.

Всего съ госпитальною командою, нестроевыми и деньщиками около 500 штыковъ, 200 пашевъ, 19 орудій. Комендантомъ укр. Самурскаго былъ назначенъ войсковой старшина Верещагинъ. Гелиографы были распределены по всеѣмъ колоннамъ. Люди имѣли на себѣ: сухарей на 4 дня; чай, сахаръ, соль, по два фунта варенаго мяса, котелки, мундиры, шинели, 120 патроновъ и линемановскій инструментъ. Въ кавалеріи, артиллеріи и транспортѣ фуража на два дня. Артиллерія подняла комплектъ снарядовъ на орудіе.

За войсками слѣдовали: инженерный паркъ, перевязочные пункты на каждую колонну, лазареты Самурскаго пѣхотнаго и Тверскаго драгунскаго полковъ, летучій лазаретъ Краснаго креста на 100 кроватей, одноколка и фургоны.

Значеніе Янги-кала выясняется въ письмѣ генерала Скобелева къ начальнику штаба кавказскаго военнаго округа отъ 19-го іюля 1880 г. за № 4: „Пунетъ начала атаки, можно даже сказать, опредѣлился. Это на Янги-кала или, какъ теперь его величаютъ, на Янги-тепе. Отсюда мы имѣемъ путь въ Персію къ Джермаву; владѣемъ истокомъ воды; становимся на пути отступления къ Асхабаду, наконецъ мѣстность и грунтъ благоприятствуютъ атакѣ“.

Скоро завязался оживленный артиллерійскій огонь въ обѣихъ колоннахъ; наша пѣхота близко залегла отъ валовъ и заваловъ янгивалинскихъ; горячая перестрѣлка кипитъ по всей линіи; текинцы выдвигаютъ впередъ укрѣпленій свою лихую кавалерію, которая мѣтко стрѣляетъ съ коней.

Ко всякому своему ружью текинцы придѣлывали, близь дула, желѣзныя подпорки изъ двухъ стоекъ, помощью которыхъ ружье утверждается неподвижно на шеѣ коня во время стрѣльбы. Великолѣпные текинскіе свауны отличаются своимъ смиреннымъ, послушнымъ нравомъ и смѣлостью, т. е. полнымъ отсутствіемъ всякой пугливости.

Когда наша кавалерія подошла къ Маячной калѣ, что передъ Денгли-тепе, то масса, тысячъ двадцать, коннаго непріятеля вывалила изъ крѣпости Денгли-тепе, начала сильно насѣдать и густо обстрѣливать нашъ лѣвый флангъ, особенно-же донимала боковые лѣвофланговые разѣзды и ихъ поддержки, а потому наступилъ моментъ ввести въ дѣло конную артиллерію, т. е.

конно-горный взводъ, который, сдѣлавъ поворотъ направо, выскакалъ карьеромъ впередъ на близкую дистанцію, снялся съ передовъ и, обсыпая пулями и ядрами текинцевъ, открылъ стрѣльбу: сначала пристрѣлялся гранатами, а потомъ дѣйствовалъ шрапнелью.

Результатомъ 15 выстрѣловъ было то, что текинская кавалерія отхлынула по всей линіи; въ это самое время полтавскій дивизионъ кн. Голицына благополучно отошелъ отъ Маячной валы, которую раньше занялъ и выжидалъ въ ней, пока не подтянулся весь отрядъ съ обозомъ.

Послѣ двухчасового боя гарнизонъ Янги-валы бѣжалъ въ Денгли-тепе. Во флангъ бѣгущей массѣ непріятеля былъ пущенъ въ атаку Таманскій казачій полкъ, которымъ командовалъ, нынѣ уже покойный, графъ Орловъ-Денисовъ.

Наша кавалерія продвинулась на правый флангъ взятой позиціи.

Завладѣніе этими укрѣпленными пунктами обошлось намъ, сравнительно съ ихъ значеніемъ, очень дешево. Потери наши были невелики. Къ вечеру 20-го декабря мы уже окопались на взятой съ бою позиціи и, по обыкновенію, приготовились на случай ночного нападенія текинцевъ.

Еще раньше, при прежнихъ движеніяхъ русскихъ войскъ, текинцы рѣшили разъ навсегда держаться съ урусами тавой тактики, чтобы дѣлать нападенія исключительно ночью. Но тутъ случился слѣдующій фактъ, который разъяснился намъ, къ сожалѣнію, уже послѣ занятія Геоевъ-тепе. По занятіи янгивалинской позиціи, фронтомъ къ Денгли-тепе, въ извѣстный часъ вечера за-свѣтло у насъ игралась заря четырьмя оркестрами съ боевыми залпами всей артиллеріи по Денгли-тепе. Залпомъ 20-го декабря суждено было бы имѣть роковое для текинцевъ значеніе. Въ этотъ день въ Денгли-тепе, собравшіеся въ числѣ до 40,000, текинцы еще не окопались; они не устроили еще для своего житья ни глубокихъ имъ, ни боковыхъ траверзовъ-заваловъ противъ дѣйствія нашихъ снарядовъ, а потому сдѣланные залпы, мѣтко попавъ въ самую середину крѣпости на площадь, на которой по азіятскому обычаю копошилась масса текинцевъ, — сразу истребили до 2,000 непріятеля. Всю эту ночь раздавался въ Денгли-тепе страшный вой азіятскихъ собакъ и ужасный шумъ

и стоны отъ массы раненыхъ и искалѣченныхъ нашими выстрѣлами текинцевъ. Непрiятелю теперь было уже не до того, чтобы нападать на насъ; наоборотъ, нашъ противникъ увѣренно думалъ, что мы сдѣлаемъ въ сегодняшнюю ночь штурмъ крѣпости. На ночь мы, конечно, окружили себя аванпостами и секретами; въ темнотѣ текинская кавалерiя тщательно наблюдала за нашимъ расположенiемъ и ея разъѣзды сновали вокругъ нашихъ бивуаковъ.

При взятiи Янли-кала мы понесли слѣдующiя потери: убитъ 1 нижнiй чинъ, 10 ранено, контужено 5; лошадей убито 9, ранено 10. Патроновъ выпущено: на пѣхотное ружье—6, кавалерiйскую винтовку—7, на картечицу—100, снарядовъ на орудiе выпущено по 8.

VI.

Сраженiе съ текинцами 21-го декабря 1880 г.

Въ этотъ день была назначена рекогносцировка всѣми нашими кавалерiйскими частями и конно-горнымъ взводомъ, подъ главнымъ начальствомъ генерала Петрусевича, который долженъ былъ обойти Денгли-тепе кругомъ и выдержать отчаянныя и стремительныя атаки текинцевъ по ту сторону крѣпости, при чемъ было предположено непременно зайти въ укрѣпленiе старое (Куна) Геокъ-тепе, снять планъ всѣхъ окрестностей, опредѣлить мѣсто стоянки непрiятельской кавалерiи и дать возможность нашему начальнику инженеровъ, тогда подполковнику, Рутковскому, хорошо и отчетливо осмотрѣть верки и расположенiе крѣпостныхъ фронтовъ.

Еще раньше изъ Самурскаго генераломъ Скобелевымъ было сдѣлано четыре ¹⁾ рекогносцировки Денгли-тепе и тогда, глав-

¹⁾ 4-го, 11-го, 12-го и 18-го декабря. Составъ войскъ русскаго отряда на рекогносцировкѣ 4-го декабря былъ слѣдующiй (семь ротъ, команда, три сотни, 16-ть орудiй и рота саперъ): 4-й баталiонъ 81-го Апшеронскаго полка (13, 14 и 15-я роты), командиръ подполк. кн. Мигаловъ; 1-й баталiонъ 84-го Ширванскаго полка, команд. подполк. Гогоберндзе; рота 2-го кавказскаго

нымъ образомъ, Янги-калы, но никогда рекогносцировки эти не имѣли тѣхъ широкихъ и важныхъ задачъ, какъ 21-го декабря 1880 г.

Въ полдень означеннаго числа мы выстроились на правомъ флангѣ янгибалинской позиціи и съ прибытіемъ къ фронту нашего доблестнаго начальника, генерала Петрусевича, двинулись къ сѣверо-востоку между Великокняжескою и Ольгинскою калами...

Съ подходомъ нашихъ близкихъ боковыхъ развѣздовъ, на триста сажень къ крѣпостному валу, непріятельскій огонь поражалъ наши колонны какъ ядрами, такъ и пулями. Ядра то перелетали, то не долетали, или же попадали въ интервалы между эскадронами и конно-горнымъ взводомъ, но все-таки производили моральное впечатлѣніе. Наши развѣзды, послѣ продолжительной выдержки, наконецъ начали отстрѣливаться съ коней, а между тѣмъ авангардъ уже поровнялся съ правофланговою калою и занялъ ее,

сапернаго батальона (штабсъ-капит. Васильевъ); команда охотниковъ (поручикъ Воропановъ); полубатарея 4-й батареи 20-й артл. бригады (капитанъ Полковниковъ); подвижная № 3 батарея (капитанъ Михайловъ); морская батарея (лейтенантъ Шеманъ); 1¹/₂ сотни Оренбургскаго полка; 1¹/₂ сотни Таманскаго полка. Начальникомъ артиллеріи былъ подполковникъ Бобрниковъ. Цѣлью дѣйствій была—рекогносцировка западнаго фронта Геокъ-тепе.

Наши потери на этой рекогносцировкѣ слѣдующія: убито нижнихъ чиновъ 4; ранены: командиръ охотничьей команды Апшеронскаго полка поручикъ Воропановъ и Дагестанскаго полка прапорщикъ Поповъ (нынѣ скончавшійся въ Бамѣ); нижнихъ чиновъ 19; контужены: флигель-адъютантъ, войсковой старшина графъ Орловъ-Денисовъ; хорунжій Таманскаго полка Черный и 8 нижнихъ чиновъ. Лошадей убито 13, ранено 18. Выпущено патроновъ: на кавалерійскую винтовку 75, на пѣхотное ружье 12, снарядовъ на орудіе 15.

Потерю непріятеля мы считаемъ около 500 человекъ.

Съ 5-го по 11-е декабря 1880 г. войска наши занимались репетіціями штурма, укрѣпляли Самурское, пріучались къ взрывамъ динамита и ковоировали транспорты.

Наши потери 12-го декабря; убитъ одинъ нижній чинъ; ранены: врачъ Малышевскій и 3 нижнихъ чина. Лошадей убито 3, ранено 7. Выпущено патроновъ на пѣхотное ружье 13, на кавалерійскую винтовку—80; картечицами израсходовали по 200 патроновъ, а орудія по 25 снарядовъ.

На рекогносцировкѣ 18-го декабря ранены: генералъ-лейтенантъ Анненковъ и 4 нижнихъ чина; лошадей убито и ранено по одной. Выпущено патроновъ: на пѣхотное ружье—1, на кавалерійскую винтовку—15. III.

выжидая подхода нашихъ главныхъ кавалерійскихъ силъ и аріергарда. Въ этотъ моментъ изъ сѣверныхъ крѣпостныхъ воротъ вышла масса текинской конницы съ цѣлю не допустить насъ совершить круговой обходъ; она начала быстро занимать всѣ мѣстныя препятствія отъ сѣверо-восточнаго шпица крѣпостныхъ верковъ до садовъ, въ послѣдствіи названныхъ именемъ нашего кавалерійскаго предводителя. Тогда стало ясно, что уже созрѣлъ тотъ моментъ боя, когда по идеямъ тактики необходимо ввести въ дѣло артиллерію, и вотъ, по приказанію генерала Петрусевича, конно-горный взводъ чрезъ массу, хотя и не очень большихъ балокъ, арыковъ и заваловъ, выѣхалъ въ авангардъ (дивизионъ Оренбургскаго казачьяго полка, подъ начальствомъ самого командующаго полкомъ, подполковника Мореншильда) колонны и затѣмъ карьеромъ на позицію... Десять мѣтко пущенныхъ сначала гранатъ, а потомъ шрапнелей, заставили непріятельскую кавалерію, уже хорошо противъ насъ пристрѣлявшуюся, быстро очистить завалы и отойти. Въ это время денгли-тепенскій гарнизонъ изъ своихъ фальконетовъ непрерывно обстрѣливалъ насъ съ крѣпостныхъ верковъ. Конно-горный взводъ беретъ въ передки и съ оренбургскими сотнями рысью переходитъ на новую, только что вырванную у текинцевъ, позицію, съ которой открываетъ усиленный и мѣткій огонь по впереди лежащимъ садамъ и калѣ-которые служатъ второю линіею обороны текинцевъ. Черезъ четверть часа, благодаря дѣйствительному огню конно-горныхъ орудіей, текинцы отступаютъ отъ заваловъ и отходятъ на другую позицію, съ которой открываютъ сильный ружейный огонь; тогда нашъ авангардъ съ конно-горными пушками, въ свою очередь, переѣзжаетъ на предпоследнюю позицію непріятели и открываетъ губительнѣйшій огонь, результатомъ котораго было отступление текинцевъ по всей послѣдней занимаемой ими линіи мѣстныхъ опорныхъ препятствій. Такимъ-то образомъ мы, буквально, вырывали у непріятели цѣлый рядъ временныхъ позицій и только этимъ способомъ могли прочищать себѣ путь впередъ.

Съ послѣдней позиціи генералъ Петрусевичъ командировалъ войскового старшину, графа Орлова-Денисова, съ двумя таманскими сотнями, освѣтить и рекогносцировать Куня-Геокъ-тепе, находившееся отъ насъ на нѣсколько верстъ вправо.

Полтавскій дивизионъ, подъ начальствомъ подполковника флигель-адъютанта князя Голицына, шелъ все время въ боковой цѣпи разбѣздами вдоль вала Денгли-тепе, подъ густымъ и частымъ непріятельскимъ огнемъ гарнизона крѣпости, не смотря на что, движеніе этихъ казаковъ было самое образцовое.

Дивизионъ тверскихъ драгунъ шелъ теперь въ аррьергардъ; при немъ ѣхалъ полковникъ князь Эристовъ. Генералъ Петрусевичь находился при конно-горномъ взводѣ, т. е. въ авангардѣ. Текинцы начали сильнѣйшимъ образомъ насѣдать на нашъ послѣдній аріергардный взводъ драгунъ прапорщика Измайлова и бросались въ рукопашную; другая же куча ихъ, прикрывшись мѣстнымъ заваломъ, обстрѣливала Измайлова губительными залпами, а потому онъ принужденъ былъ спѣшить своихъ драгунъ, залпами же выбилъ текинцевъ изъ заваловъ и отразилъ атаковавшихъ, благодаря содѣйствію вернувшагося къ нему на выручку эскадрона капитана князя Чавчавадзе. Затѣмъ весь драгунскій дивизионъ подошелъ къ нашему авангарду, въ которомъ между тѣмъ происходило слѣдующее:

Когда полтавскій дивизионъ подошелъ къ знаменитой мельничной калѣ (у которой въ 1879 г. былъ отбитъ 28-го августа штурмъ русскихъ войскъ кр. Геокъ-тепе), то тамъ неожиданно наткнулся на большую кучу непріятеля, который, сильно занявъ этотъ пунктъ и воодушевляемый преданіемъ самаго мѣста, рѣшился отчаянно защищаться и во что-бы то ни стало удержатъ эту калу за собою. Сильнѣйшіе непріятельскіе залпы принудили нашихъ полтавцевъ спѣшиться. Въ этотъ моментъ конно-горный взводъ галопомъ подъѣзжаетъ къ означенной калѣ, спѣша на выручку полтавцевъ; но текинцы уже дрогнули и отошли отъ калы, поражаемые залпами казаковъ. Непріятель былъ на разстояніи 50 сажень, когда картечь конно-горнаго взвода начала поражать его. Текинцы, отойдя далѣе, засѣли въ рывинахъ и обстрѣливали насъ мѣткимъ огнемъ, а потому мы начали выгонять ихъ изъ канавъ шрапнелью. Дѣйствіе этого снаряда было тутъ, по истинѣ, эффектное: разрываясь надъ головами непріятеля, хотя и на нѣсколько большей высотѣ, чѣмъ слѣдовало, шрапнель производила сильное моральное впечатлѣніе и непріятель быстро обратился въ бѣгство.

Наши снаряды уже почти всё оказались израсходованными, слѣдовательно наше положеніе становилось критическимъ, а потому мы хотя и продолжали стрѣлять, но значительно рѣже. Во время интерваловъ между выстрѣлами текинцы снова начинали собираться въ толпы и хотѣли атаковать насъ, но неумолимая, мѣткая шрапнель заставляла ихъ каждый разъ отказываться отъ этихъ попытокъ. Мы же, не теряя времени, начали отрывать зарытый на нашей позиціи саманъ и кормили своихъ голодныхъ коней, которые уже другіе сутки питались только одною водою, потому что овесъ въ кавалеріи кончился, а о травѣ или сѣнѣ не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ дожидались мы подхода драгунъ. Въ этотъ самый моментъ на нашемъ правомъ флангѣ за песчаными буграми раздается гулъ орудійныхъ выстрѣловъ. Оказалось, что генераль Скобелевъ съ небольшимъ отрядомъ, но все-таки съ цѣлою дальнобойною батареею, вышелъ на выручку насъ, догадываясь о нашемъ критическомъ положеніи по усиленной стрѣльбѣ конно-горнаго взвода въ тылу Денгли-тепе; эти выстрѣлы вмѣстѣ съ кавалерійскими залпами были рѣзко слышны на янги-калинской позиціи. Затѣмъ нашъ отрядъ, напутствуемый сердечною благодарностью генерала Скобелева, двинулся далѣе въ Самурское, гдѣ мы имѣли ночлегъ, а Михаилъ Дмитриевичъ съ своимъ отрядомъ возвратился на янги-калинскую позицію.

Изъ нашей рекогносцировки выяснилось, что Куны-Геобъ-тепе не занято текинцами; на асхабадской дорогѣ не была сосредоточена непріятельская кавалерія, а вся она находилась въ Денгли-тепе; планъ крѣпости и окрестностей былъ отчетливо и подробно снятъ находившимися при нашей колоннѣ топографами. Самое главное, мы сильно озадачили текинцевъ съ небольшимъ кавалерійскимъ отрядомъ, смѣло пройдя вокругъ грозной твердыни.

Для рекогносцировки 21-го декабря кавалерійскій отрядъ генераль-маіора Петруевича имѣлъ слѣдующій составъ: дивизионъ 15-го Тверскаго драгунскаго полка, двѣ сотни Таманскаго, сотня Полтавскаго, сотня Лабинскаго казачьихъ полковъ и конно-горный взводъ; итого шесть эскадроновъ и сотень и два орудія ¹⁾).

¹⁾ Дивизиономъ драгунъ командовалъ маіоръ Мотерно, таманцами — гр. Орловъ-Денисовъ и полковникъ Арцишевскій, полтавцами — князь

Вспомогательный отрядъ, вышедшій на выручку отряда Петрусевича, состоялъ: изъ одного баталіона 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка, 3-й батареи 19-й артиллерійской бригады и одной сотни Оренбургскаго № 1-го полка, подъ личнымъ начальствомъ генераль-адъютанта Скобелева.

Наши потери 21-го декабря были слѣдующія: убитъ 1 нижній чинъ, ранено 5; патроновъ выпущено: на пѣхотное ружье— 1, на кавалерійскую винтовку — 8, снарядовъ выпущено по 4 на орудіе.

VIII.

Сраженіе съ текинцами 23-го декабря 1880 года.

22-го декабря произошло занятіе отрядомъ, подъ начальствомъ командующаго туркестанскою стрѣлковою бригадою, полковника Куропаткина, Ольгинской и Правофланговой калъ, при чемъ было дѣло у сада.

Отрядъ Куропаткина понесъ слѣдующія потери: убитъ одинъ нижній чинъ, ранены: одинъ штабъ-офицеръ (подполковникъ Гогоберидзе), одинъ оберъ-офицеръ (сотникъ Кременецъ) и четыре нижнихъ чина.

Мы же 22-го числа снова возвратились изъ Самурскаго на янги-калинскую позицію, конвоируя большой транспортъ со всякаго рода довольствіемъ, перевозимымъ изъ Самурскаго интендантскаго склада. Ночлегъ на 23-е декабря былъ сдѣланъ нами въ Янги-кала, но намъ не суждено было отдохнуть.

Въ третьемъ часу ночи наша кавалерія съ конно-горной артиллеріей, совершенно неожиданно, была поднята съ ночлега и намъ было приказано немедленно строиться, взявши съ собою сухарей на сутки. Черезъ полчаса въ густомъ мракѣ наши ряды объѣзжалъ генераль Петрусевичъ. Спусти еще четверть часа, мы уже двигались по каламъ праваго фланга обложенія; шли съ соблюденіемъ всевозможной тишины и не давали текинцамъ никакого повода замѣтить нашъ отрядъ. Ни разговоровъ, ни куренія

Голлицынъ, конно-горн. взводомъ—пор. Шаховской, лабинцами—сотникъ Алейниковъ. То же и 23-го числа, но графа Орлова тогда не было. III.

табаку не было. Впрочемъ, колеса конно-горныхъ пушекъ ничѣмъ не были обернуты, а потому стукъ ихъ о мерзлую землю раздавался въ Денгли-тепе также, какъ и топотъ четырехсотъ нашихъ коней. У Ольгинской калы мы сдѣлали полтора-часовой привалъ и напоили лошадей въ армяхъ, сами-же немного вздремнули. Наконецъ, тихо поднялись и двинулись на асхабадскую дорогу въ обходъ садовъ, начавъ приближаться къ нимъ съ тылу... Густой и низкій туманъ завлаживалъ передъ нами все, когда мы совершенно неожиданно натенулись, въ полномъ смыслѣ этого слова, на означенные сады. До того момента нигдѣ не было замѣтно присутствія непріятеля; по бокамъ спокойно шли наши густыя и близкія цѣпи... Еще проходитъ одно, два мгновенія и нѣсколько выдержанныхъ сильнѣйшихъ залповъ сразу наносятъ намъ громадныя потери. Въ это время драгуны и конно-горный взводъ были уже подъ самою стѣнкою калы. Въ одну секунду наша кавалерія спѣшивается и храбро идетъ на штурмъ занятыхъ текинцами садовъ. Вскорѣ генералъ Петрусевичь вѣзжаетъ самъ въ завалы, за нимъ врывается эскадронъ маіора Булыгина. Въ это же самое время справа раздаются противъ насъ мѣткіе залпы... заря уже начала заниматься и мы рельефно видимъ толпы непріятельской кавалеріи, которая энергично атакуетъ и стремится ударить на нашъ правый флангъ; другая партія конныхъ текинцевъ скачетъ на нашъ тылъ, чтобы отрѣзать и окружить насъ. Положеніе критически-роковое! Въ одно мгновеніе конно-горный взводъ снимается съ передковъ и картечнымъ залпомъ встрѣчаетъ несущагося карьеромъ противника, человекъ 200 текинцевъ въ 50 шагахъ отъ дула пушекъ... Непріятельская кавалерія не выдержала, дрогнула и не успѣла разсѣяться пороховой дымъ, какъ текинцы во весь опоръ скакали уже обратно. Конно-горный взводъ затѣмъ стрѣляетъ шрапнелью по удалившейся непріятельской кавалеріи, которая, сверхъ ожиданія, снова массируется, поворачиваетъ на насъ и атакуетъ вторично. Картечный залпъ отбиваетъ и эту атаку. Непріятель, какъ бы ошалѣвши, сначала пріостанавливается, а потомъ быстро поворачиваетъ назадъ.

Въ описываемыя мгновенія, между тѣмъ, въ калѣ, въ двухъ шагахъ отъ насъ, налѣво, идетъ кровавая рукопашная схватка

драгунъ съ пѣшими текинцами, засѣвшими за стѣнками. Отбивши такъ блистательно и счастливо двѣ непріятельскихъ атаки, конно-горный взводъ быстро поворачиваетъ лѣвое орудіе на штурмуемые сады, гранатами заставляетъ текинскую пѣхоту очистить ихъ тылъ и не позволяетъ денгли-тепенскому гарнизону выходить изъ крѣпости на поддержку и выручку своихъ въ означенныхъ калахъ. Непріятельскій гарнизонъ штурмуемыхъ укрѣпленій такимъ образомъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ крѣпости Денгли-тепе, ибо ловко пристрѣляяныя гранаты конно-горнаго орудія отлично ложились и рвались какъ-разъ на пунктѣ сообщенія крѣпости съ этими садами. Въ то же самое время другое орудіе (правое) стрѣляло шрапнелью по правымъ садамъ и выгоняло оттуда текинскую кавалерію, которая съ этой стороны донимала насъ своими пулями.

Во время описываемаго боя конно-горный взводъ оставался безъ всякаго прикрытія, потому что вся спѣшенная кавалерія вошла въ калы на выручку и поддержку драгунъ. Шагахъ слишкомъ въ 200 за позиціей конно-горнаго взвода находились конноводы: у каждаго солдата по 4, по 5 и болѣе лошадей, вслѣдствіе потери отъ непріятельскаго огня, а также и потому, что всѣ пошли на пополненіе убыли въ садахъ. Конно-горный взводъ, не имѣя прикрытія, самъ служилъ имъ для всего отряда, такъ геройски обезпечивая правый флангъ. Только въ концѣ боя на позицію конно-горнаго взвода прибылъ прапорщикъ Форстенъ съ двѣнадцатью драгунами, назначенными въ прикрытіе.

Въ калѣ между тѣмъ происходило слѣдующее: какъ только въ нее вѣхалъ генералъ Петрусевичъ, тотчасъ же былъ смертельно раненъ, но умирая, онъ геройски воодушевлялъ солдатъ; „драгуны, не робѣйте“—было послѣднимъ возгласомъ доблестнаго боевого предводителя.

Текинцы, замѣтивъ, что убили важнаго генерала, набрасываются на тѣло Петрусевича, который еще минутъ пять былъ живъ. Полковникъ, князь Эристовъ, находившійся при генералѣ, отстрѣливаясь изъ револьвера и отмахиваясь пашкою, личнымъ примѣромъ способствовалъ тому, что послѣ нѣсколькихъ переливовъ рукопашнаго боя, наконецъ, тѣло генерала было вынесено изъ калы казаками, положено на носилки и прикрыто буркою...

По рядамъ проносятся роковыя слова: „генерала убили!“ и „патроны кончаются!“ Такимъ образомъ, благодаря мужественной распорядительности князя Эристова, подъ градомъ мѣткихъ пуль текинцевъ, намъ съ громадными потерями все-таки удалось отстоять трупъ нашего героя-генерала, который испустилъ послѣдній жизненный вздохъ въ пылу горячей битвы, своимъ личнымъ примѣромъ воодушевляя солдатъ. Драгуны и всѣ вообще солдаты и казаки, а тѣмъ болѣе и офицеры, дѣйствительно, не пожалѣли себя. Одна треть всего личнаго состава нашего кавалерійскаго отряда выбыла изъ строя, кто убитымъ, кто раненымъ. Когда майоръ Булыгинъ со своимъ эскадрономъ вошелъ въ калу, вслѣдъ за генераломъ, то не успѣлъ онъ два раза скомандовать: „пли“, стрѣляя залпами, какъ уже былъ убитъ на повалъ пулею въ сердце. Въ этой же свалкѣ былъ убитъ и эсаулъ Ивановъ, командиръ 1-й сотни Таманскаго казачьяго полка.

Нѣсколько минутъ спустя по смерти генерала Петрусевича, полковникъ князь Эристовъ, въ качествѣ начальника „кавалерійскаго резерва“, прибылъ на позицію конно-горнаго взвода и горячо благодарилъ его за оказанную важную услугу отряду, за самоотверженіе и геройскій подвигъ: безъ прикрытія отбиты картечью двѣ атаки чуть ли не у самыхъ дулъ орудій (50 шаговъ)!

Начальство надъ отрядомъ въ бою, по смерти Петрусевича, принялъ старшій по немъ полковникъ Арцишевскій, который продолжалъ наше наступленіе въ садахъ дальше. Когда текинцы были изрублены въ переднихъ калахъ, то драгуны и казаки начали проникать въ глубину садовъ; всѣ проходы были завалены трупами убитыхъ текинцевъ и цѣлыми кучами раненыхъ; наконецъ, драгуны подошли къ задней поперечной стѣнѣ въ калахъ. Одновременно съ этимъ конно-горный взводъ передвинулся вперед и выѣхалъ на новую позицію, откуда и продолжалъ стрѣльбу гранатами изъ лѣваго орудія и шрапнелями изъ праваго по тѣмъ же самымъ пунктамъ, на которыхъ текинцы хотѣли оказать поддержку своему гарнизону, теперь уже изрубленному нашей слѣпленной кавалеріей. Наконецъ, всѣ гранаты и шрапнели въ конно-горномъ взводѣ кончились. Въ этотъ моментъ драгуны дошли уже до самой послѣдней стѣны въ глубинѣ садовъ; тутъ

имѣлись большія ворота, чрезвычайно толстыя и крѣпкія, которыя можно было прошибить только гранатами; поэтому конно-горный взводъ тутъ уже не могъ помочь, не смотря на то, что полковникъ (нынѣ генераль) Арцишевскій прислалъ къ намъ ординарца, сотника Есакова, Полтавскаго коннаго полка, съ приказаніемъ привезти одно орудіе для пробитія воротъ. Находившійся въ этотъ моментъ при конно-горномъ взводѣ полковникъ князь Эристовъ, вида такое отчаянное положеніе, самъ поскакалъ сообщить объ этомъ полковнику Арцишевскому.

Не смотря на громадныя потери, понесенныя нами въ описываемомъ бою, духъ солдатъ и офицеровъ былъ очень высокъ и каждый изъ насъ готовъ былъ лечь костью въ этотъ знаменитомъ и роковомъ средне-азіатскомъ сраженіи, которое на всю жизнь запечатлѣлось въ нашей памяти и нашемъ сердцѣ. Въ 9 часовъ утра мы были уже въ лагерѣ на янги-калинской позиціи; въ этотъ же день хоронили своихъ убитыхъ. Всѣ мы, которые хорошо знали генерала Петрусевича и бывали съ нимъ въ бояхъ, горько плавали о томъ, что наша армія утратила одного изъ своихъ храбрѣйшихъ и способнѣйшихъ генераловъ. Въ этотъ же день во время самага штурма садовъ нашей кавалеріей, пользуясь отвлеченіемъ силъ и вниманія денгли-тепенскаго гарнизона, была заложена пѣхотою впереди янги-калинской позиціи первая параллель-траншея противъ южнаго угла крѣпости; такимъ образомъ, дѣло 23-го декабря 1880 года послужило началомъ осады Денгли-тепе. Въ этомъ сраженіи нами было отбито у текинцевъ много ружей, особенно бельгійскихъ, принесенныхъ мервцами, прибывшими на подкрѣпленіе ахаль-текинцевъ, вслѣдствіе вліянія, которымъ Тьема-сардаръ пользовался въ Мервѣ.

Въ рапортѣ генерала Скобелева говорится: „для производства осадныхъ работъ на 23-е число были назначены въ распоряженіе начальника инженеровъ отряда, полковника Рутковскаго: 1-й баталіонъ 83-го пѣхотнаго Самурскаго, 3-й баталіонъ 84-го пѣхотнаго Ширванскаго, двѣ роты 3-го баталіона 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго и двѣ роты 4-го баталіона 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полковъ, а всего 12 ротъ или 1,250 человекъ рабочихъ“.

23-го декабря отрядъ Петрусевича состоялъ изъ: дивизіона

Тверского драгунскаго полка и по одной сотнѣ Таманскаго, Полтавскаго и Лабинскаго полковъ съ конно-горнымъ взводомъ, всего пять эскадроновъ и сотенъ, два орудія.

Потери, понесенныя въ этомъ бою отрядомъ Петрусевича, были: упомянутые убитые—генераль, штабъ-офицеръ, оберъ-офицеръ, нижнихъ чиновъ убито—19; ранены: оберъ-офицеръ (сотникъ Алейниковъ) и нижнихъ чиновъ 49, изъ числа которыхъ многіе потомъ умерли. Лошадей убито 12, ранено 16.

Выпущено патроновъ: на пѣхотное ружье—5, на кавалерійскую винтовку—16. Артиллерія выпустила по 4 снаряда среднимъ числомъ на орудіе, такъ какъ изъ лагеря также вышла часть нашей артиллеріи и помогала конно-горному взводу. Въ одномъ саду Петрусевича текинцы потеряли до 400 человѣкъ.

Распределение войскъ на время осадныхъ работъ, какъ видно изъ рапорта М. Д., было слѣдующее: лѣвый флангъ атаки (полковникъ Козелковъ)—3-й баталіонъ 74-го пѣхотнаго Ставропольскаго полка, закаспійскій мѣстный баталіонъ, 3-й баталіонъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка, 1-я, 13-я и 14-я роты 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка, охотничья команда эсаула Церенджалова; итого 15 ротъ, 1 команда; правый флангъ атаки (полковникъ Куропаткинъ) — пѣхота турвестанскаго отряда, охотничья команда подпоручика Воропанова, 4-й баталіонъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка, 1-й и 3-й баталіоны 84-го пѣхотнаго Ширванскаго полка; итого 15 ротъ, 1 команда.

Въ распоряженіи коменданта лагеря находились: 15-я и 16-я роты 82-го пѣхотнаго Дагестанскаго полка, 1-й баталіонъ и 1-я рота 3-го баталіона 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка; итого 7 ротъ. Для занятія Опорнаго и Правофланговой валы назначалось по одной ротѣ 3-го баталіона 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка.

IX.

Кавалерійскія фуражировки.—Вылазки текинцевъ.—Средне-азіятская тактика русскихъ войскъ.—Военныя качества текинцевъ.

Голодные наши кони заставили насъ 24-го декабря пойти на фуражировку по асхабадской дорогѣ, на которой въ аулахъ Емишанъ, Корджу и Изганъ мы нашли громадныя склады саману, пшеницы, частью ячменя и сѣна... Текинцы, жители этихъ мѣстъ, завидя приближеніе нашей кавалеріи съ конно-горнымъ взводомъ, быстро забирали свои пожитки, лишь только самыя необходимыя, и убѣгали въ пески, посылая намъ пули, на что получали въ отвѣтъ мѣткія шрапнели. Набравши, сколько могли увести, фуражу, мы возвращались къ ночи на янгикалинскую позицію. Такого рода фуражировки занимали насъ все время до 12-го января 1881 г. Иногда мы ходили на двое сутокъ, причемъ ночь проводили въ томъ аулѣ, въ которомъ фуражировали, а на другой день утромъ возвращались къ себѣ въ лагерь; при послѣдующихъ фуражировкахъ мы брали съ собою много порожнихъ фургоновъ, а возвращались домой съ полными, такъ что четверки лошадей едва тащили ихъ; забирали въ аулахъ всѣ выбитки, разбирали сакли и дерево увозили къ себѣ въ лагерь; изъ частей кибитокъ у насъ выходило прекрасное топливо; ихъ же мы употребляли на устройство гатей, мостовъ и частью на туры и фашины для осады. Всякаго такого добра мы навозили дня на три, на четыре для всего отряда. Когда мы выходили изъ очищенныхъ нами ауловъ, то текинцы возвращались въ нихъ и, конечно, находили тамъ однѣ развалины. Такимъ-то образомъ съ каждою новою фуражировкою мы подвигались все дальше и дальше впередъ отъ Геокъ-тепе и все ближе и ближе къ Асхабаду; наконецъ, вся асхабадская дорога уже находилась въ нашихъ рукахъ, хотя мы доходили только до аула Бозмеина.

Кромѣ фуражировокъ, дѣятельность русской кавалеріи при осадѣ Денгли-тепе заключалась еще въ конвоированіи транспортовъ, черезъ два дня въ третій, изъ Самурскаго въ траншею и обратно изъ траншеи въ Самурское; транспорты состояли изъ

верблюдовъ и фургоновъ временно-сформированнаго, такъ называемаго, ахаль-текинскаго конно-колеснаго транспорта; этимъ послѣднимъ завѣдывалъ пѣхотный подполковникъ Штуркинъ. Вообще вопросъ о конвоированіи въ Ахаль-теке имѣлъ чрезвычайно серьезное значеніе. При всѣхъ рейсахъ мы постоянно были вынуждаемы на значительныя перестрѣлки съ текинскою кавалеріей, имѣвшей неизмѣнное, но ни разу неосуществившееся, намѣреніе и отчаянное стремленіе отбить у насъ обозы.

Третья обязанность кавалеріи при осадѣ была: выходить ночью для дежурства на флангахъ траншей и содержать развѣзды черезъ весь тылъ отъ правой до лѣвой оконечности параллелей. То и дѣло по цѣлымъ ночамъ раздавались развѣздные сигналы, доказывавшіе, что кавалерія бодрствуетъ.

Съ 23-го декабря на 24-е устроены ходы сообщенія къ первой параллели и батареи ея. Съ 25-го на 26-е была окончена первая параллель и устроены подступы ко второй параллели. Съ 26-го на 27-е устроена вторая параллель. Съ 27-го на 28-е окончательно отдѣлана вторая параллель и батареи въ ней. Съ 28-го на 29-е декабря совершилось нѣчто ужасное. Видя упорное и безостановочное, хотя и постепенное, приближеніе русскихъ войскъ къ южному крѣпостному валу Денгли-тепе и воспользовавшись темными сумерками, благодаря позднему восходу луны, текинцы сдѣлали сильную и самую отчаянную вылазку, рѣшившись изрубить всѣхъ „урусовъ“... Незамѣтно достигли они нашихъ траншей на правомъ флангѣ и у „правофланговой“ баши, и тутъ произошла горячая рукопашная схватка..., но, благодаря подоспѣвшимъ нашимъ резервамъ, благодаря выдержаннымъ и мѣткимъ артиллерійскимъ и ружейнымъ залпамъ, непріятель съ большимъ урономъ былъ отбитъ. Такъ какъ съ нашей стороны все таки былъ упущенъ первый моментъ отпора, то текинцы успѣли похозяйничать въ траншеяхъ... Мы лишились одного горнаго орудія 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады; эта пушка была увезена непріателемъ въ крѣпость, при чемъ было захвачено также и нѣсколько снарядовъ, но замокъ остался въ нашихъ рукахъ, благодаря тому обстоятельству, что расторопная и нерастерявшаяся орудійная прислуга во-время припрятала его въ траншеяхъ. Пѣхотное прикрытіе при горномъ взводѣ почти

все было изрублено и лишь немногіе отступили; артиллерійская же прислуга все-таки продолжала ожесточенно рубиться пашками съ насѣвшими текинцами и вся, до одного, была изрублена, защищая до послѣдней капли крови свои орудія. Знамя апшеронскаго баталіона было захвачено непріателемъ послѣ того, какъ командиръ батальона, подполковникъ князь Магаловъ, офицеры, знаменщикъ, ассистентъ и почти вся рота были изрублены, защищая великую святыню своего баталіона. Въ этомъ же сраженіи былъ изрубленъ подполковникъ Мамацевъ, командиръ 4-й батареи 20-й артиллерійской бригады, который, въ качествѣ начальника артиллеріи праваго фланга осады, все время находился въ траншеяхъ. Сдѣлавши вылазку на фортификаціонныя наши работы пѣшими силами, поддерживаемыми стрѣляющею черезъ головы кавалеріей, текинцы направили другую часть своей кавалеріи въ тылъ нашего лагеря, на Янги-вала, но тамъ она была лихо встрѣчена ружейными залпами обозныхъ нижнихъ чиновъ нашей конницы, оставшихся при кибиткахъ, а наша кавалерія съ конно-горнымъ взводомъ во время вылазки была выдвинута на правый флангъ траншей. Ночью же, по отраженіи текинцевъ, приступили къ работамъ по устройству ходовъ-сообщеній къ „Великокняжеской“ позиціи и къ третьей параллели.

Въ дѣлѣ 28-го декабря части траншей были заняты 4-мъ батальономъ 81-го пѣхотнаго Апшеронскаго полка, двумя горными орудіями 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады и тремя мортирами 1-й батареи 21-й артиллерійской бригады.

Самая сильная атака текинцевъ была направлена на участки второй параллели, гдѣ были мортирная батарея № 5 и редутъ № 2.

Наши потери въ этомъ сраженіи: убито штабъ-офицеровъ два (Мамацевъ, Магаловъ), оберъ-офицеровъ три (подпоручики: Сандецкій, Чиваревъ и Готте), нижнихъ чиновъ 91; ранено: оберъ-офицеровъ 1 (штабъ-капитанъ Прогульбицкій), нижнихъ чиновъ 30.

Выпущено патроновъ: на пѣхотное ружье— $14\frac{1}{2}$, на кавалерійскую винтовку— $\frac{1}{2}$. Снарядовъ на орудіе—11.

Кромѣ того былъ убитъ врачъ 4-го батальона Апшеронскаго полка Тронцкій.

До 29-го декабря наше расположение было значительно растянуто въ глубину, а потому, послѣ вылазки текинцевъ 28-го числа, на слѣдующій день мы перенесли весь нашъ Яломеечный лагерь къ самой первой параллели—траншеѣ. Рѣшено было въ этотъ же день завладѣть Великокняжескою калою, имѣвшею важное значеніе опорнаго пункта для веденія осады и подступовъ. Обстрѣливаніе этого пункта началось около полудня, а къ вечеру, благодаря дѣйствительной стрѣльбѣ трехъ стальныхъ массивованныхъ на одной позиціи, у Ольгинской валы, батареей, онъ былъ взятъ штурмомъ. Изъ траншей дѣйствовали орудія 6-й горной батареи и митральезы морской артиллеріи, а съ лѣваго фланга осады развлекала гарнизонъ самаго Денгли-тепе наша осадная артиллерія... Въ ту же ночь устроены полупараллель и ходъ сообщенія съ Великокняжескою калою. 30-го декабря въ ночной темнотѣ до восхода луны въ томъ же порядкѣ, какъ и 28-го числа, но по другому направленію, а именно на лѣвый флангъ осадныхъ работъ и лагерь, непріятель незамѣтно сдѣлалъ вылазку. Въ траншеяхъ ему опять удалось похозяйничать... одно орудіе той же горной батареи опять увезено и артиллеристы этой пушки также всѣ легли костями на мѣстѣ подъ лихими и молодецкими ударами текинскихъ шашекъ. Бой былъ самый ужасный и кровопролитный... Только благодаря сильнѣйшимъ залпамъ всей артиллеріи и пѣхоты, намъ пришлось добывать фанатизированныя массы текинцевъ, потери которыхъ были громадны. Нашъ уронъ 30-го декабря, также какъ и 28-го числа, былъ значителенъ и все больше отъ холоднаго оружія; трупы нашихъ солдатъ были изуродованы; со всѣхъ убитыхъ текинцы снимали обувь и панталоны, въ которыхъ у нихъ чувствовался большой недостатокъ; врываясь въ нѣкоторыя яломейки, непріятель забиралъ посуду, шкатулки, у нижнихъ чиновъ захватывалъ шинели. Въ ту же ночь съ 29-го на 30-е декабря были окончены, вслѣдъ за отбитіемъ текинцевъ, работы по устройству полупараллели и хода сообщенія изъ второй параллели въ Великокняжескую калу; съ 30-го на 31-е декабря окончено было устройство третьей параллели. Съ 31-го декабря 1880 г. на 1-е января 1881 г. произведено устройство ходовъ сообщенія на великокняжеской позиціи и траншеи вдоль великокняжескаго ручья.

Въ дѣлѣ 29-го декабря—штурмъ великокняжеской позиціи—участвовали: полурота саперъ, морскіе охотники въ распоряженіи полковника Куропаткина. Резервъ, находившійся въ непосредственномъ распоряженіи генер. Скобелева, составляли: двѣ роты 3-го ставропольскаго батальона, три роты самурскаго батальона и закаспійскій мѣстный баталіонъ, 3-я батарея 19-й, 4-я батарея 20-й артиллерійскихъ бригадъ и полубатарея 1-й батареи 21-й бригады, дивизионъ драгунъ, 1-я полтавская сотня; всего: 9 ротъ, 20 орудій, 3 эскадрона и сотни. Самъ Михаилъ Дмитріевичъ во время этого штурма находился въ редутѣ № 1, перевозочный пунктъ былъ у Ольгинской капы, инициатива операціи принадлежала полковнику Куропаткину.

Потерю нашъ отрядъ 29-го декабря имѣлъ слѣдующую: убито—оберъ-офицеровъ 1 (поручикъ Нелѣповъ), нижнихъ чиновъ 16; ранены—штабъ-офицеровъ 2 (флигель-адъютантъ подполковникъ князь Голицынъ, подполковникъ Вильде) и оберъ-офицеровъ 5 (штабъ-капитанъ Бартошъ, поручикъ Гранниковъ, впоследствии умершій отъ ранъ, подпоручикъ Войновъ, прапорщикъ Вагабовъ, хорунжій Ассиеръ), нижнихъ чиновъ—46. Выпущено патроновъ: на пѣхотное ружье—13, на кавалерійскую винтовку—3¹/₂. На орудіе—15¹/₂ снарядовъ.

Въ бою 30-го декабря наши потери были слѣдующія: убитъ 1 оберъ-офицеръ (поручикъ Яновскій), нижнихъ чиновъ 52; ранено: оберъ-офицеровъ 2 (есаулъ Сибирскаго казачьяго войска Нуджевскій, 84 полка штабъ-капитанъ Харькевичъ) и 96 нижнихъ чиновъ.

Патроновъ выпущено на пѣхотное ружье—16, на кавалерійскую винтовку—³/₄; снарядовъ на орудіе—13.

Потери русскихъ войскъ 31-го декабря отъ стрѣльбы гарнизона крѣпости—убить 1 нижній чинъ. Ранено: оберъ-офицеръ 1 (инженеръ-капитанъ Яблочковъ, впоследствии умершій отъ ранъ), нижнихъ чиновъ—5. Ранено лошадей—5. Выпущено патроновъ на пѣхотное ружье по 2¹/₃, на кавалерійскую винтовку по ¹/₃. Снарядовъ на орудіе—7.

Наученные опытомъ сраженія 30-го декабря, мы утромъ 31-го числа снова сдѣлали перемѣщеніе своего лагеря и передвинули всѣ кибитки къ правому своему флангу, чѣмъ уничтожили

растанутость нашего расположенія по фронту, которое, нужно правду сказать, было значительно ненормально. Прежде мы всегда ставили кибитки на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, по нашей привычкѣ располагаться широко и просторно; теперь же мы разбивали свои яломейки совсѣмъ вплотную другъ къ другу, а потому наше положеніе теперь сдѣлалось вполнѣ сомкнутымъ и имѣло общій контуръ, представлявшійся въ видѣ каре, на каждомъ фасѣ котораго была своя артиллерія; каждый фасъ имѣлъ, такъ сказать, свой фронтъ и могъ самъ за себя постоять, а резервы — быстро явиться на подкрѣпленіе. Передовой фасъ этого каре составляли траншеи; этотъ-то фасъ все ближе и ближе подступалъ къ Денгли-тепе. Остальные три фаса также устроили себѣ траншею съ брустверомъ. Всѣ наши полевые управления и учрежденія, какъ-то: парки, склады, штабы, интендантство, казначейство, почта, госпиталь и Красный крестъ — все это было сосредоточено въ центрѣ нашего каре, и такъ какъ мы не могли растягиваться въ глубину, то очевидно, что все это отлично обстрѣливалось непріателемъ съ крѣпостныхъ верховъ. Въ тылу пули и ядра текинцевъ густо ложились въ теченіе всей осады и всюду находили свои жертвы. Для уменьшенія потерь было сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ кибитки и палатки были окопаны землею, но людямъ все-таки нельзя было оставаться безъ движенія, а вслѣдствіе того продолжались и потери.

Съ 1-го на 2-е января ведена была сапа изъ Охотничьей калы. Съ 2-го на 3-е устроенъ новый ходъ сообщенія изъ „Охотничьей“ калы на „Великокняжескую“, занять „Ширванскій“ редутъ, устроена батарея у „Ставропольскаго“ редута. Вообще съ 30-го декабря по 4-е января въ траншеяхъ было затишье въ томъ смыслѣ, что непріатель не рисковалъ уже болѣе отчаянно бросаться на наши фортификаціонныя работы, которыя поэтому шли безъ всякихъ замедленій.

4-го января 1881 года текинцы опять сдѣлали вылазку на нашъ лѣвый флангъ осадныхъ работъ, но она имъ совершенно не удалась, потому что мы ее предвидѣли и не упустили перваго момента отпора; хотя мы и понесли потери, но непріатель еще въ самыхъ переднихъ траншеяхъ былъ уже весь перебитъ

ставропольцами и своевременнымъ блестящимъ дѣйствіемъ артиллерійскихъ залповъ.

1-го января: убито нижнихъ чиновъ 4, ранено 12. Лошадей убито 2, ранено 3.

Выпущено патроновъ на пѣхотное ружье— $\frac{1}{2}$, на кавалерійскую винтовку— $1\frac{1}{2}$. Снарядовъ— $\frac{2}{3}$, на орудіе.

2-го января: ранено 10, контужено 2 нижнихъ чина. Лошадей убито 5, ранено 8.

Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ 940, по $2\frac{1}{2}$, на ружье; кавалерійскихъ 443, по $\frac{1}{2}$, на винтовку; артиллерійскихъ снарядовъ 103, по $1\frac{1}{2}$, на орудіе.

3-го января—убито нижнихъ чиновъ 2; ранено оберъ-офицеровъ 1 (прапорщикъ Абадзіевъ), нижнихъ чиновъ 14; выпущено пѣхотныхъ патроновъ 24,687 (по 5 на ружье); снарядовъ 203. Потери 4-го января: убито оберъ-офицеровъ 1 (прапорщикъ Ходкевичъ 74-го полка), нижнихъ чиновъ 10; ранено оберъ-офицеровъ три (артиллеріи штабсъ-капитанъ Ростовцевъ, Ставропольскаго полка поручикъ Руновскій, умершій отъ ранъ, и прапорщикъ Лопатинскій), нижнихъ чиновъ 54; контужено 11 нижнихъ чиновъ. Лошадей убито 4, ранено 10. Выпущено пѣхотныхъ патроновъ 65,158, кавалерійскихъ 480. Снарядовъ 625 и 42 ракеты.

Такимъ образомъ боевой опытъ научилъ насъ, что первое требованіе тактики регулярныхъ войскъ въ Средней Азіи должно заключаться въ полной сомкнутости не только въ строю, но и въ лагерѣ, а затѣмъ въ мѣткихъ и хорошо выдержанныхъ залпахъ пѣхоты и артиллеріи. Очень рискованно намъ было драться съ текинцами въ рукопашную. Тяжелая, кривая азіятская паша изъ искусныхъ рукахъ нашего противника оказывается самымъ прекраснымъ рубящимъ оружіемъ и очень трудно штыкомъ парировать удары тавой пашеи.

Текинцы очень проворны, сильны и ловки, что они доказали на вылазкахъ. Чтобы имъ легче добѣжать до траншей, они были одѣты только въ однѣхъ рубахахъ (подвязанныхъ) и папахъ; рукава были засучены по локти, чтобы удобнѣе рубиться. Пригнувши туловище, они замѣчательно быстро бѣгали, особенно же, когда ихъ мы выгоняли прикладами изъ траншей: какъ бомбы вскакивали они въ амбразуры на батареяхъ.

У непріятеля, не считая двухъ отнятыхъ у насъ пушекъ, было орудіе, называемое „четверть-пудовый единорогъ“, конструкціи и литья начала нынѣшняго столѣтія; оно было въ старину отнято у персіянъ на одномъ изъ аламановъ. Лафетъ и колеса сдѣланы уже текинцами, ибо старыя давно потрескались и рассыпались отъ жаровъ оазиса. У нашего непріятеля было очень много фальвонетовъ, т. е. короткихъ и длинныхъ крѣпостныхъ ружей большого калибра, заряжаемыхъ съ дула и съ кремневыми замками. Затѣмъ у текинцевъ было еще много системъ ружей: берданки, отнятыя у отряда генерала Ломанина во время неудачнаго штурма; ружья бельгійской системы и разныя другія. Безоружные выходили въ бой съ деревянными шестами, на концѣ которыхъ привязывались обломанныя ножицы; такимъ образомъ являлось нѣчто въ родѣ пике. Не смотря на ничтожество своей артиллеріи, текинцы, пользуясь нашимъ сомкнутымъ расположеніемъ, отлично пристрѣлялись по насъ и могли попадать почти на выборъ. Жутко пришлось бы намъ, если бы непріятельскіе снаряды были разрывные. У противника были только одни сплошныя ядра, которыя однако скоро кончились; тогда текинцы поступили слѣдующимъ образомъ. Въ числѣ снарядовъ, которыми стрѣляли наши 4-хъ фунтовыя мѣдныя пушки, были между прочимъ и шарохи, масса которыхъ разорвалась внутри крѣпости Денгли-тепе, а шаровыя головныя части, конечно, остались совершенно цѣлыми. Вотъ эти-то шары, съ очками для ударныхъ и дистанціонныхъ трубокъ, были подбираемы текинцами, которые заряжали ими свой единорогъ и выстрѣливали въ нашъ лагерь, т. е. посылали намъ наше добро обратно. Сильный и громкій свистъ раздавался въ воздухѣ во время полета этихъ сферъ, благодаря очку. Въ своемъ каре мы находили множество такихъ головныхъ частей нашихъ шарохъ. Кромѣ того, текинцы неоднократно пускали въ ходъ, захваченные во время вылазокъ, наши 3-хъ фунтовые снаряды, заряжая ими свое орудіе. Къ нашему счастью съ ними непріятель не умѣлъ обращаться, а потому, прилетѣвши къ намъ, наши гранаты и праптели не разрывались, что возбуждало смѣхъ и остроты артиллерійскихъ солдатъ: „ипш, узнаеть нашихъ, не рвется, зная Тика не понялъ въ ней толку“.

Приведу одинъ изъ многихъ примѣровъ храбрости и ожесточенія текинцевъ. Всѣ поврежденія, которыя наши снаряды про-

изводили въ непріятельской стѣнѣ, были непременно исправляемы нашими врагами, въ первое время, преимущественно ночью; со временемъ же, когда противникъ былъ уже, такъ сказать, хорошо обстрѣлянъ нами и свыкся съ мѣткими разрывами нашихъ снарядовъ, тогда текинцы сдѣлались до того смѣлыми, что на виду всей нашей артиллеріи и отряда хладнокровно тотчасъ днемъ засыпали лопатами тѣ выбоины въ стѣнѣ, которыя причинила группа только что разорвавшихся гранатъ. Не разъ можно было видѣть, какъ мѣткій снарядъ, попадая въ такихъ фанатиковъ, отбрасывалъ сажень на пять вверхъ туловища и далеко въ сторону ноги.

Вообще текинцы заявили себя вполне способными военными людьми, какъ въ смыслѣ мужества, характера и рѣшимости, такъ и въ отношеніи сообразительности, вполне обстоятельной. Эта послѣдняя черта ясно обнаружилась бы передъ читателями, если бы я сдѣлалъ подробный анализъ и строгій военно-критическій разборъ всѣхъ операцій русскаго отряда.

Съ 4-го на 6-е января 1881 г. мы занимались веденіемъ тихихъ сапъ съ плотины и изъ „Ширванскаго“ редута и была построена овальная траншея; все это было выполнено тотчасъ за отбитіемъ вылазки текинцевъ. 5-го января непріятель сдѣлалъ совершенно неудачную вылазку на „великовняжескія“ позиціи. Съ 5-го на 6-е января устроенъ редутъ № 3 и ведены перекидные сапы изъ овальной траншеи. 6-го числа начались минныя работы, а съ 6-го на 7-е продолжали минныя и саперныя работы, при чемъ устроили брешь-батарею на четыре орудія. Съ 7-го на 8-е января устроенъ „Саперный“ редутъ и увеличена брешь-батарея еще на четыре орудія. 8-го января пробита брешь съ брешь-батареи. Съ 8-го на 9-е число ведена перекидная сапа изъ „Сапернаго“ редута и увеличена брешь-батарея еще на четыре орудія. 9-го января мы совершенно окончили надземныя осадныя работы, а 11-го числа—минныя и зарядили камеры; съ 11-го же на 12-е забивали минныя камеры.

Убыль 5-го января: убито нижнихъ чиновъ—4; ранено: оберъ-офицеровъ—1 (подпоручикъ артиллеріи Херхеулидзе, впоследствии умершій отъ ранъ), нижнихъ чиновъ—17 и контуженъ 1. Лошадей убито—2, ранено—6. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—51,203, кавалерійскихъ—400. Снарядовъ—175, ракетъ—76.

6 го января: убито нижнихъ чиновъ—1; ранено: оберъ-офицеровъ—1 (Ширванскаго полка поручикъ Зродловскій), нижнихъ чиновъ—4, контужено 3 нижнихъ чина. Лошадей убито—4, ранено—3. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—11,686, кавалерійскихъ—100, снарядовъ—147 и 15 ракетъ.

7-го января: убито нижнихъ чиновъ—3, ранено—4, контужень 1. Лошадей убито—13, ранено—8. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—14,971, снарядовъ—212 и 48 ракетъ.

8-го января: убитъ нижній чинъ—1, ранено—7 и контужень—1. Лошадей убито—9, ранено—3. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—22,372, снарядовъ—538, ракетъ—46.

9-го января: убитъ нижній чинъ—1; ранено: оберъ-офицеровъ—1 (лейтенантъ Шеманъ), нижнихъ чиновъ—13; контужень 1 н. ч. Лошадей убито—5, ранено—7. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—15,429, снарядовъ—224, ракетъ—50.

10-го января: убито нижнихъ чиновъ—2, ранено—11. Лошадей убито—9, ранено—4. Выпущено патроновъ—71,116, снарядовъ—362 и 29 ракетъ.

11-го января: убитъ 1 нижній чинъ, ранено—3. Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—13,979, снарядовъ—114.

Составъ артиллеріи заваспійскаго отряда: 3-я и 4-я батареи 19-й артиллерійской бригады, 4-я батарея 20-й артиллерійской бригады, 1-я и 6-я батареи 21-й артиллерійской ея высочества бригады, итого пять батарей. Всѣ батареи восьми-орудійнаго состава, за исключеніемъ 1-й батареи 21-й бригады, которая имѣла четыре батарейныя пушки и шесть мортиръ; эти послѣднія составляли въ сущности особую, такъ называемую, мортирную полубатарею ($\frac{1}{2}$ пуд. морт.). Кромѣ того, въ самомъ Заваспійскомъ краѣ были сформированы, по плану генерала Скобелева, слѣдующія артиллерійскія части: 1) конно-горный взводъ, единственный представитель конной артиллеріи въ отрядѣ; 2) № 1 подвижная батарея—8 орудій 4 фунт.; 3) № 2 подвижная батарея—8 орудій 9 фунт.; 4) № 3 подвижная батарея—8 орудій 4 фунт.; 5) ракетная батарея—16 боевыхъ станковъ; 6) морская батарея—6 картечицъ. Сверхъ того были доставлены подъ Геокъ-тепе еще 10 гладкихъ полупудовыхъ мортиръ, а на различные пункты военныхъ дорогъ: 8 орудій 4 фунт., 8 картеч-

ницъ и 2 горныхъ пушки. Въ Красноводскѣ находилось на вооруженіи 4 пушки 4 фунт. наръзныхъ, заряжаемыхъ съ дула, въ Александровскомъ форгѣ 4 гаубицы.

Туркестанскій отрядъ полковника Куропаткина привелъ съ собою двѣ горныхъ пушки.

Всего въ Закаспійскомъ краѣ было до 100 орудій¹⁾ разныхъ родовъ и калибровъ.

¹⁾ Почти вся матеріальная часть нештатныхъ нашихъ закаспійскихъ батарей была доставлена изъ бакинскаго отдѣла тифлискаго окружнаго артиллерійскаго склада въ Баки, и тутъ эти батареи мобилизовались и обучались.

Отъ Чикишлара до Баки перевозка орудій производилась на лошадяхъ штатныхъ батарей, именно: 6-й батареи 21-й бригады и 4-й батареи 20-й бригады, которыя раньше другихъ находились уже въ Закаспійскомъ краѣ. Зарядные ящики перевозились на верблюдахъ, которыхъ мы запрягали по тройкѣ при помощи простыхъ войлочныхъ и веревочныхъ шорокъ. Этого рода приспособленіе верблюдовъ къ артиллерійской запряжкѣ оказалось достаточно удобнымъ; мы даже и орудія съ передками перевозили на четверкѣ верблюдовъ, запряженныхъ попарно съ выносомъ при помощи такихъ же шорокъ.

Движеніе подобнаго транспорта отличалось медленностью, обусловливаемою характеромъ верблюдовъ. Въ глубокихъ пескахъ, окружающихъ Чикишларъ, перевозка была затруднительна, но на ровной поверхности Атрекской военной дорои верблюды съ полевыми зарядными ящиками и орудіями двигались превосходно, хотя и не быстро, но за то вѣрно, безъ остановокъ. Для побужденія верблюдовъ необходимы были большіе кнуты, которыми погоняли ихъ солдаты, шедшіе сзади, а передніе нижніе чины вели верблюдовъ за веревочки, служившія поводьями и продѣтыя въ ноздри этихъ животныхъ. При этомъ въ сторонѣ всегда имѣлись запасные верблюды.

III.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ГУБЕРТЬ ЛАНГЭ ¹⁾.

Мнѣніе о Россіи въ 1558 г.

Много интереснаго представляютъ письма лицъ, принимавшихъ участіе въ различныхъ проявленіяхъ государственной жизни. Иногда интересъ этотъ частный, касающійся самихъ личностей, иногда же интересъ этотъ бываетъ обширнѣе, распространяется на извѣстныя событія, освѣщаетъ историческую эпоху.

Для меня все касающееся Россіи представляло всегда особенную важность, а потому при собираніи своей коллекціи автографовъ я главнымъ образомъ искалъ интереснаго содержанія, связаннаго съ воспоминаніями о родинѣ. Нѣкоторые болѣе выдающіеся документы рѣшаюсь передать на столбцы „Русской Старинѣ“.

И. В.

Съ нѣкоторыхъ поръ наши историческіе изслѣдователи бросили почти изученіе болѣе отдаленныхъ временъ и съ особеннымъ рвеніемъ занялись изученіемъ вѣка XVIII и въ особенности второй его половины. Но исчерпаны ли уже всѣ источники о временахъ прежнихъ, или они не представляютъ никакого интереса. Отрицательный отвѣтъ необходимо долженъ послѣдовать. Много есть еще неразработаннаго матеріала и писаннаго, и печатаннаго какъ у насъ, такъ и за границей. Задача г-на М. Корфа, столь ревностно собиравшаго для императорской публичной бібліотеки отдѣлъ Russica, т. е. изданій о Россіи на иностранныхъ языкахъ,—далеко еще не окончена. Постоянно у всѣхъ любителей этого рода книгъ попадаютъ не только изданія, но даже сочиненія, въ которыхъ упоминается о Россіи и которыхъ нѣтъ въ „Catalogue de la section des Russica“. Конечно, подобные пропуски легко могли вкратчѣ въ сочиненіе столь сложное и обширное, но теперь я хочу указать на лице, довольно часто писавшее о Россіи и которое совершенно пропущено не только составителями названнаго сочиненія, но, кажется, и всѣми русскими историками.

Въ 1518 году въ незначительномъ городкѣ Бургундіи—Витто (Vitteaux) родился Губертъ Лангэ (Hubert Languet). Происходилъ онъ отъ древняго дворянскаго рода и первоначальное образованіе получилъ во Франціи у Ивана

¹⁾ Мнѣніе Лангэ напечатано въ „Русской Старинѣ“ изд. 1886 г. кн. 4, апрѣль, стр. 186, въ краткой замѣткѣ г. Н. Любвича. Здѣсь мы приводимъ его въ связи съ нѣкоторыми подробностями о самомъ Лангэ и о его трудахъ.

Ред.

Перель и университетъ въ Пуатье, а затѣмъ достигъ степени доктора правъ въ падуанскомъ университетѣ въ 1548—1549 гг. Въ это время вниманіе его было привлечено тогдашними религиозными спорами и, прочитавъ *Locis communes* Меланктона, онъ въ 1549 г. переселился въ Виттенбергъ, гдѣ и сдѣлался ревностнымъ приверженцемъ реформаторовъ. Жизнеописаніе выдающейся личности Ланге¹⁾, пріобрѣвшаго громадную извѣстность въ тогдашнемъ мірѣ своею ученостью и либеральнымъ образомъ мыслей, не смотря на весь интересъ, который оно можетъ представлять, было бы слишкомъ длинно для настоящей статьи; скажемъ только, что любознательность заставила Ланге предпринять самыя отдаленныя путешествія и отъ Орана въ Марокко²⁾, Испаніи и Италіи—на югъ, Лондона, Стокгольма, Лапландіи и Ливоніи—на сѣверъ³⁾; онъ извѣздилъ всю Европу⁴⁾, знакомясь съ учеными и пріобрѣтая вездѣ уваженіе и друзей. Приэтомъ дважды посѣщаетъ Швецію—въ 1551 году и въ 1557—1558 годахъ и, возвращаясь изъ этого послѣдняго путешествія, страстно воевлѣ сѣвернымъ окраинѣ нашего отечества. Съ 1561 года онъ занимаетъ болѣе усидчивое мѣсто и дѣлается довѣреннымъ дипломатическимъ агентомъ и посланникомъ въ разныхъ мѣстахъ курфюрста саксонскаго Августа, на службѣ у котораго и остается до іюня 1577 года, послѣ чего разстроенныя его силы день ото дня слабѣютъ и 30 сентября 1581 г. онъ умираетъ въ Антверпенѣ. Въ заключеніе приведемъ его характеристику, высказанную въ немногихъ словахъ Камераріежъ (отцомъ) въ жизнеописаніи Меланктона.

„Я никого не видалъ, кто бы выражался съ такою увѣренностью и такъ пріятно, какъ Г. Ланге; онъ не ошибался ни въ именахъ, ни въ числахъ; никогда не смѣшивалъ однихъ событій съ другими; былъ замѣчательной свѣтлостію для опредѣленія характера людей, ихъ ума и даже скрытыхъ наклонностей; онъ судилъ съ необыкновенной ловкостью о всемъ и съ чудесной тон-

¹⁾ Лицамъ, которыя бы интересовались біографіей Губ. Ланге, можно указать слѣдующія сочиненія: *Huberti Langueti vita edit Ioh. Ludovicus. Hallae 1700.*—*Hubert Languet. Etude sur le XVI siècle par H. Chevreuil. Paris. 1 éditéd. 1852, 2. 1856.*—*Hubert Languet von Ign. Blasel, Oppeln, 1872.*—*Hubert Languet, als kursächsischer Berichterstatler und Gesandter in Frankreich während der Jahre 1560—1572. Von Oscar Scholz. Halle, 1875.*—*Hub. Languet's Vindicio contra tyrannos von Rich. Treitzschke, Leipzig, 1846.*—кромѣ болѣе короткихъ свѣдѣній, разбросанныхъ въ различныхъ біографическихъ словаряхъ и сочиненіяхъ.

²⁾ *Arcana saeculi decimi sexti. Hub. Langueti epistolae secretae... primus e museo edit I. Ludovicus. Hallae 1699, lib. II, pag. 118. Obsident jam urbem Mauritaniae Oran.... in qua urbe ego fui.*

³⁾ *Hub. Languet par H. Chevreuil. Paris, 1852, p. 28.*—*De Stokholm il se dirigea sur la Finlande, la Carelie, l'Ingrie, la Livonie, qu'il explora dans tous les sens, et la Laponie.*

⁴⁾ *Huberti Langueti epistolae politicae et historicae ad Philip. Sydnaeum Luqd. Batav. ex officina Elzeviriorum. 1646. Ep. VI, pg. 21. И. Е.*

костью предвидѣлъ различныя событія, которыя могли произойти. Наконецъ, Меланхтонъ зачастую повторялъ, что онъ обладалъ любовію правды, справедливости, мудрости, однимъ словомъ всѣми качествами, которыми себя заслуживаютъ честь, дѣлаясь вмѣстѣ съ тѣмъ полезными другимъ ¹⁾“.

Губ. Лангѣ оставилъ по себѣ слѣдующія сочиненія: 1) „*Vindiciae contra tyrannos sive de principis in populum, populiq̄ue in principem legitima potestate, Stephano Junio Bruto Celto auctore*“, изданное въ первый разъ въ Базелѣ въ 1581 году (хотя и значится на заглавіи, что оно напечатано въ Эдинбургѣ 1579 г., въ томъ же году переведенное на французскій языкъ и изданное Франц. Этьеномъ подъ заглавіемъ: „*De la puissance légitime du prince sur le peuple et du peuple sur le prince... écrit en latin par Etienne Junius Brutus et nouvellement traduit en français MDLXXXI.*“

2) *Historica descriptio susceptae a Caesarea Majestate executionis Augusto Saxoniae Septemviro duce contra S. Romani Imperii rebelles eorumque receptatorum et captae urbis Gothae. 1568.*

3) *Harangue du roi Charles IX de la part des princes protestants d'Allemagne le 23 Dec. 1570.*

4) *Epistola de electione Polonica 1573.*

5) *Apologie ou défenſe de Guillaume prince d'Orange, contre le ban ou édit du roi d'Espagne. Anvers, ou Delpt. 1581* ²⁾).

Несомнѣнно, его сочиненіе *Vindiciae contra tyrannos* заслуживаетъ самаго большаго вниманія. Началъ писать его Лангѣ подъ впечатлѣніемъ ужасовъ, пережитыхъ имъ во время Варфоломеевской ночи въ Парижѣ, отъ которой онъ спасся только благодаря случаю. Сочиненіе это, исходящее отъ человѣка честнаго и пропитаннаго самой большою религіозностью, тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ самыя революціонныя тенденціи, но съ оттѣнкомъ скорѣе аристократическаго характера. Раздѣлено оно на четыре вопроса, на которые онъ отвѣчаетъ и свои отвѣты развиваетъ въ подробности. Вотъ они: 1) Должны ли подданные повиноваться своимъ властителямъ, когда сіи послѣдніе приказываютъ что либо противное закону Божьему? 2) Можно ли сопротивляться властителю, который желаетъ нарушить законъ Божій или разстроить церковь? Также кому, какъ и до какой степени это возможно? 3) Возможно ли сопротивляться властителю, который угнетаетъ или раззоряетъ государство и до какой степени сопротивленіе это можетъ простирается? Также кому, какъ и на основаніи какого права это дозволяется? Могутъ ли или должны сосѣдніе властители помогать подданнымъ другихъ властителей, преслѣдуемыхъ за вѣру

¹⁾ *Vita Melanctonis*, p. 333, 334 изд. 1655 г.

²⁾ № № 1, 2, 3 и 5 вошли до насъ въ разныхъ изданіяхъ, а № 4 извѣстенъ только по *Epistolae ad Sydnaeum*, ep. VIII, pg. 32. И. К.

или угнетенныхъ очевидною тиранією. Сочиненіе это проявило такой же переполохъ, какъ и Franco-Gallia Готмана, и вездѣ уничтожалось по распоряженію правительствъ, а въ Германіи было сожжено рукою палача.

Насъ однако болѣе всего должна интересовать многочисленная переписка Лангэ. Его письма изданы были еще въ XVII столѣтіи: 1) *Huberti Langueti epistolae politicae et historicae ad Philippum Sydnaeum*. Francfort. 1630. (Лучшее изданіе Lugd. Batav. Elzevir. 1646). 2) *Viri cl. Huberti Langueti Burgundi ad Jochimum Camerarium patrem et Joch. Camerarium filium scriptae Groningo*, 1646. 3) *Arcana saeculi decimi sexti Huberti Langueti legati dum viveret et consilarii Saxonici Epistolae secretae ad principem suum Augustum, Sax. ducem. Primus e museo edit Jo. Petr. Ludovicus. Hallae*, 1699. Кромѣ всѣхъ этихъ писемъ по всей Европѣ разбросаны его многочисленныя посланія, изъ которыхъ нѣкоторыя касаются нашей исторіи середины XVI столѣтія. Позволяю себѣ указать на эту переписку любителямъ новыхъ историческихъ источниковъ, а что въ письмахъ г. Лангэ содержится много интереснаго, то стоитъ только взглянуть на *Arcana saeculi XVI*, гдѣ болѣе чѣмъ въ 30 письмахъ онъ сообщаетъ о событіяхъ происходившихъ въ Польшѣ и Россіи, въ особенности интересуюсь послѣднею. Еще говоритъ онъ о Россіи въ двадцати письмахъ къ Сиднею, но вся эта изданная переписка не относится именно къ тому времени, когда Г. Лангэ былъ вездѣ Россіи въ Швеціи, Финляндіи, Ливоніи¹⁾. Намъ совершенно неизвѣстна его переписка съ Меланхтономъ, Пейцеровъ, Дюпlessi-Морвэ и др., которымъ онъ навѣрно сообщалъ разныя свѣдѣнія о своихъ путешествіяхъ, и розыскать эти свѣдѣнія, навѣрно изобилующія подробностями о Россіи, было бы чрезвычайно важно. Что еще много можно открыть интереснаго въ его перепискѣ, могутъ служить доказательствомъ помѣщаемыя мною: 1) выдержка изъ письма къ Кальвину отъ 26 авг. 1558 г. и 2) письмо (кажется къ Камерарію сыну) изъ Праги отъ 1 марта 1577 г. Первое было отыскано г. Герменжаромъ изъ Лозанны и сообщено мнѣ. Хранится оно въ библ. св. Женевьевы въ Парижѣ (Bibl. St. Gèneviève); второе — находится въ моей коллекціи.

II.

Между тѣмъ саксонскіе города не столько хлопочуть о своихъ домашнихъ спорахъ теологовъ, но больше о войнахъ вѣнскихъ. Потому что князь московскій вторгнулся въ Ливонію (съ которой до сихъ поръ были самыя крупныя обороты саксонцевъ), которую почти всю обезлюдилъ, и взялъ города Нарву и Дерптъ. Говорятъ даже, что онъ недавно занялъ Ревель, значительный приморскій городъ, гавань котораго самая удобная и безопасная для всѣхъ плывущихъ по

¹⁾ Письма эти въ переводѣ будутъ вскорѣ мною изданы. И. К.

Балтійскому морю. Любекъ приготовляетъ на средства саксонскихъ городовъ флотъ для доставленія подкрѣпленій ливонцамъ; но сколько оставляется добычи москвитянину, имѣющему въ своемъ войскѣ до восьмидесяти или ста тысячъ всадниковъ! Король польскій остается безучастнымъ зрителемъ всѣхъ этихъ несчастій, а его же владѣнія онустошитъ москвитянинъ, если займетъ Ливонію, которая граничитъ съ Литвою, Пруссією и Самогитією. Неправдоподобно тоже, чтобы князь московскій успокоился, такъ какъ ему едва двадцать восемь лѣтъ, почти съ отрочества возмужавшій и характера самаго свирѣпаго; воинственность его еще увеличилась вслѣдствіе многихъ счастливыхъ битвъ съ татарами, на которыхъ, говорятъ, ихъ легло триста или четыреста тысячъ. Онъ даже имѣетъ грѣхъ плѣнныхъ царей, которыхъ всегда съ собою водитъ и у которыхъ онъ отнялъ царство Каванское, находящееся на рѣкѣ Волгѣ къ морю Каспійскому. Въ послѣдніе годы досталось сильно и королю шведскому, который, наконецъ, деньгами достигъ мира. Если въ Европѣ чье либо могущество должно возвеличиться, то это будетъ—Москвы. Города, которыми онъ завладѣлъ въ Ливоніи—послѣднія колоніи германскія къ сѣверу и востоку. Нарва отстоитъ отсюда по меньшей мѣрѣ на четыреста нѣмецкихъ миль. Такова была длина Германіи отъ начала до конца сѣверныхъ странъ. Тутъ Геродотъ предполагаетъ мѣсто жительства невріевъ, о которыхъ онъ рассказываетъ, что въ известное время года они превращаются въ волковъ, что и до сихъ поръ очень обыкновенно въ этихъ странахъ, да и имя Нарва или Нарвіа, какъ нѣкоторые говорятъ, не разнится съ древнимъ именемъ. Наконецъ, имѣ передавали, что у москвитянъ имя невріевъ существуетъ безъ измѣненій у болотъ, изъ которыхъ вытекаютъ Борисоенъ, Волга, иначе называемая Ра, и Дюна и недалеко отстоящихъ отъ Ливоніи.

Все это объ этихъ варварскихъ народахъ пишу подробно, потому что предполагаю, что едва ли до васъ достигла вѣсть о дѣяніяхъ москвитянъ. При этомъ прошу благосклонно принять эти пустяки. Да хранитъ Богъ тебя и твоихъ.

Губертъ Лангъ.

Витембергъ, VII календ.
Сентябр. ¹⁾ 1558.

¹⁾ 26-го августа.

III.

О спорѣ между Кратономъ и Додономъ, я увѣренъ, что ты уже слышалъ. Обоимъ воспрещено что либо послѣ этого писать. Кратонъ опечаленъ этимъ стѣсненіемъ, такъ какъ уже теперь находится въ праздности и за достовѣрное мнѣ передаютъ, что онъ на родинѣ многимъ дѣлаетъ непріятности. Нѣсколько дней тому назадъ мнѣ говорили, что Юрнанъ сильно заболѣлъ и съ тѣхъ поръ ничего не могъ узнать о немъ, хотя разспрашивалъ старательно нѣкоторыхъ. Это меня очень печалитъ, такъ какъ отъ души его люблю и убѣдился въ его расположеніи ко мнѣ съ самой ранней его молодости. Клузіи уѣхалъ отъ насъ дня 4 или 5 тому назадъ. Скверное расположеніе духа стараго квестора здѣсь его нѣсколько задержало, чему я былъ очень радъ. Баторій до сихъ поръ остается подъ Данцигомъ и собралъ далеко значительнѣйшія силы, чѣмъ прежде, для осады несчастнаго города. Сенатъ и значительнѣйшіе граждане сильно желаютъ мира, но народъ, возбужденный какими-то неспокойными людьми, предпочитаетъ войну, которая ведется не только съ лишеніями для Данцига, но даже и для поляковъ; потому что, пока они заняты осадой, москвитянинъ свободно рыскаетъ по Ливоніи, которую, говорятъ, на извѣстныхъ условіяхъ хочетъ себѣ всю подчинить. Поляки волнуются и спорятъ съ нами, потому что увѣрены, что происками этого ¹⁾ двора достигли, что Данцигъ не принялъ условій мира, предложенныхъ имъ Баторіемъ. Нѣкоторые изъ силезцевъ, живущихъ на границахъ Польши, переходятъ въ мѣста болѣе безопасныя, но должно быть ихъ переполохъ будетъ напрасенъ. Засѣданія богемскаго совѣта уже кончены; на нихъ ничто не постановлено ни относительно религіи, ни возстановленія школъ, но только о сборѣ денегъ, которыя и составляютъ единственную цѣль, къ которой ведутъ всѣ свои дѣйствія властители. Будь здоровъ и кланяйся друзьямъ. Прага, календы марта 1577 г. ²⁾ Прошу при случаѣ переслать письма, адресованныя къ Урсину.

Знаменитому господину доктору... врачу и философу, славному моему господину и любезнѣйшему другу

въ Нюрембергъ.

Примѣчаніе: Письма эти показываютъ ясно, насколько Лангэ интересовался Россіей и какъ значительны были свѣдѣнія, собранныя имъ о нашемъ отечествѣ. Только ознакомившись хорошо съ положеніемъ дѣлъ и обладая „чудесною тонкостію для предвидѣнія различныхъ событій, какъ говоритъ Камерарій, можно было въ 1558 году пророчествовать о будущемъ могуществѣ Россіи.

И. К.

¹⁾ Саксонскаго.

²⁾ 1-го марта 1577 г.

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА ВЪ РЕВЕЛѢ

въ 1746 г. ¹⁾).

Въ 1746 г., въ самую лучшую пору года, въ началѣ мѣсяца іюля, императрица Елизавета Петровна, въ сопровожденіи великаго князя, его сунруги и нѣсколькихъ придворныхъ, предприняла поѣздку въ Ревель, чтобы пожить въ Екатеринентальскомъ дворцѣ въ тѣхъ покояхъ, гдѣ ея родители вели идиллическую жизнь и гдѣ она сама провела первые дни своей жизни. Память о ея великомъ родителѣ была еще столь жива въ ея душѣ, что она почти никогда не могла говорить и слышать рассказы о немъ безъ слезъ и тотъ, кто былъ въ состояніи сообщить ей что-либо о Петрѣ Великомъ, снискивалъ легко ея благорасположеніе. Какъ правительница, она охотно пошла бы по слѣдамъ великаго государя, но какъ женщина она часто должна была, противъ своей воли, плыть по теченію. Елизавета была государыней, достойною обожанія и любви, достойною править умными и добродѣтельными людьми, но только такими, которые заслуживали награжденія, а не наказанія.

Во время ея путешествія по Эстляндіи, представился мнѣ впервые случай узрѣть прекрасное лицо коронованной дщери Великаго Петра и познакомиться съ нею. Мѣстное дворянство на почтовыхъ станціяхъ сдѣлало для приѣма ея большія приготовленія, ибо императрица ѣхала очень медленно и при всѣхъ остановкахъ либо обѣдала, либо почивала. Я поѣхалъ верхомъ на станцію Педрусь, на которой былъ приготовленъ обѣдъ. Здѣсь, еще до прибытія высокихъ гостей, находилась уже множество экипажей и свита; царскіе повара и хлѣбопеки прилежно работали, а вокругъ собравшаяся толпа народа походила почти на лагерь. Двое такъ называемыхъ почтовыхъ кавалеровъ ²⁾ заботились о лошадяхъ и провизіи, и доставили, согласно росписанію, 80 лошадей, 10 бочекъ пива, 2 бочки водки, муку, яйца, цыплятъ, быковъ, барановъ, масло и проч.

Около 12-ти часовъ ея величество прибыла на станцію. Ея милостивое, ласковое обращеніе приобрѣло ей любовь и благоговѣніе всѣхъ присутствующихъ. Никакая стража и вообще никто не удерживалъ любопытныхъ приближаться къ станціи и все осматривать. Ея величество приказала не прятать никому изъ желающихъ ее видѣть. При выходѣ изъ кареты императрицу встрѣтилъ обергофмаршалъ Шапелловъ (Шуваловъ?); при этомъ государыня

¹⁾ Пѣзъ statistische, politische und galante Anekdoten von Schweden, Lief-und Russland. Von Jetze Liegniz. 1788.

²⁾ Почтовые кавалеры изъ мѣстныхъ дворянъ существуютъ и понынѣ въ Эстляндіи и Лифляндіи, въ качествѣ инспекторовъ земской почтовой гоньбы.

оступилась, но тотчас оправилась и быстро направилась къ станціонному дому, у дверей котораго она встрѣтила православнаго священника и поцѣловала ему руку, которою онъ потомъ осѣнилъ ея грудь и благословилъ ее; великій князь и его супруга послѣдовали примѣру ея величества. Государыня вошла затѣмъ въ комнаты, но вскорѣ вышла и стала прохаживаться по луку около станціи, подъ руку съ графомъ Разумовскимъ. Я находился въ 10-ти шагахъ отъ нея. Легкій вѣтерокъ поддувалъ ея единственную черную шелковую исподницу, подъ которой видна была тонкая бѣлая сорочка.

— Не безпокойся, сказала она Разумовскому, и усѣлась съ нимъ на верку холма, окруженная зрителями.

Остальной нарядъ ея состоялъ изъ бѣлаго сафона съ рукавами. Голова была прекрасно убрана, все по послѣдней модѣ. Великая княгиня не показывалась; супругъ же ея, мужчина средняго роста, съ продолговатымъ, рыбымъ, но веселымъ лицомъ, нисколько не скрывался и затѣвалъ съ камеръ-юверной императрицы, барономъ Сиверсомъ, какую-то игру рублями, бросающими на известномъ разстояніи, и еще съ какимъ-то человекомъ, о которомъ мнѣ сказали, что онъ тайный врагъ великаго князя. Сиверсъ, дѣлая видъ, будто притѣвливается, бросалъ рубли дальѣ цѣли, великій князь дѣлалъ то же, и третій игрокъ три раза къ ряду подбиралъ денежки. Послѣднему очень хотѣлось продолжать игру, тѣмъ болѣе, что по правиламъ игры слѣдовало ему начинать, но великій князь сказалъ ему по русски: „довольно,—я тебѣ уже далъ три рубля на угощеніе“, и отошелъ въ задумчивости въ сторону. Когда онъ вернулся назадъ, ея величество приказала каждому приглашенному къ столу гостю подать, согласно русскому обычаю, по чаркѣ вина; затѣмъ всѣ отправились къ обѣденному столу. Во время обѣда я осматривалъ багажъ и увидѣлъ въ каретѣ императрицы книгу. Важливость кучера доставила мнѣ возможность удовлетворить мое любопытство; взявъ книгу въ руки, я прочелъ ея заглавіе: *Les illustres français*; она напечатана въ Утрехтѣ въ 1739 г. и снабжена хорошими картинками. Послѣ обѣда и краткаго отдыха высокіе гости поѣхали дальѣ, до станціи Лонгъ, въ помѣстьѣ графа Тизенгаузена, который тутъ притѣвствовалъ императрицу и имѣлъ счастье поцѣловать ея руку и обѣдать за кавалерскимъ столомъ.

Вдову графиню Стенбокъ императрица приняла очень любезно, поцѣловала ее и пригласила къ столу, обѣщавъ посѣтить ее въ близкѣ лежащемъ помѣстьѣ ея. Наконецъ, государыня изволила въ четвергъ, въ ясную погоду, прибыть въ Ревель. «Черноголовые»—общество молодыхъ купцовъ и прикащиковъ—на мундирѣхъ, въ синихъ мундирахъ, палевыхъ жилетахъ, въ шляпахъ съ черными перьями, встрѣтили государыню; отсалютовавъ ей, они провожали ее до Батериянталя и отправлялись потомъ обратно въ городъ, откуда прибыли для встрѣчи высокой гостьи магистратъ и обѣ гильдіи ¹⁾. Когда на слѣдующій день мѣстное дворянство имѣло честь представиться императрицѣ, ландратъ фонъ-Штакельбергъ изъ Мексгофа обратился къ ея величеству, а затѣмъ къ

¹⁾ Подъ этимъ словомъ разумѣются не купеческія гильдіи, а средневѣковыя нѣмецкія корпораціи, называемыя въ Ревелѣ: Большая гильдія и гильдія св. Канута.

великому князю и его супругѣ, съ краткими, но прекрасно сочиненными рѣчами. Этому ученому и умному, выдавшему свѣтъ, господину, вѣстѣ съ его супругою, которую государыня обияла и облюбызала, были оказаны особая почета. При этомъ случаѣ бывший губернской совѣтникъ фонъ-Бревернъ произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а живущій въ своемъ номѣстѣ камергеръ фонъ-Цеге получилъ приглашеніе явиться ко двору.

13-го іюля императрица поѣхала верхомъ, въ амазонскомъ костюмѣ, въ сопровожденіи великаго князя и княгини, въ городъ, при пальбѣ изъ пушекъ съ валовъ. Потѣнялась любопытствомъ публики, она ѣхала то впереди, то посреди, то позади своей свиты. Дворъ представлялъ блестящее зрѣлище; эстляндское многочисленное дворянство въ особенности отличалось роскошью. Было обращено вниманіе на тѣхъ дворянъ, которые не явились, либо выбыли изъ города; но не трудно было догадаться, что то были лица, которые не могли, не дѣлая долговъ, подчиниться условіямъ, требуемымъ пышностью. Тѣ дворянскія дамы, которыя полагали, что имѣютъ право явиться ко двору, не преминули воспользоваться этииъ правомъ; но горожанки какъ будто оспаривали у нихъ это преимущество, ибо по особенному приглашенію государыни являлись онѣ довольно часто ко двору и удостоивались особенной милости.

Правда, иной дворянинъ подвергался непредвидѣннымъ обременительнымъ расходамъ, но благоразуміе повелѣвало примѣняться ко времени. Императрицѣ очень понравилась окрестности Ревеля и она заявила, что у отца ея былъ хорошій вкусъ, такъ какъ онъ также отзывался съ великою похвалою о Ревелѣ и Екатериненталѣ.

Рижскій магистратъ и тамошнее дворянство приготовлялись также къ приему этой милостивой матери отечества, и мѣстные ландраты справлялись о намереніяхъ государыни у здѣшняго губернскаго предводителя дворянства фонъ-Нирота. Но на его вопросъ о томъ великій канцлеръ Бестужевъ отвѣтилъ: „рѣшенія императрицы извѣстны лишь ей одной“.

17-го іюля прибыла флотилія, состоявшая изъ 32-хъ военныхъ судовъ, и послѣдовала, сопровождаемая салютами, изъ Ревеля въ Рогервикъ (Балтійскій портъ), куда 18-го іюля отправилась и государыня со свитою, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ дворянъ. Но маневры по недостатку попутнаго вѣтра не могли состояться и вице-адмиралъ фонъ-Кеннеди (Kennedy), командиръ замѣчательнаго двадцатипушечнаго корабля „Анна Великая“ (эта государыня велѣла его построить), получилъ приказаніе вернуться въ Ревель. Императрица прибыла въ сумерки 20-го іюля въ Екатериненталь. 22-го былъ балъ во дворцѣ, на который дворянство обоого пола получило дозволеніе явиться. Послѣ обѣда того же дня императрица вошла съ великимъ княземъ и его супругою на гору близъ берега, называемую „Лаксбергъ“, и смотрѣла на маневры флота. Пальба происходила чрезвычайная, такъ что въ скоромъ времени всѣ суда скрылись въ дыму и видѣнъ былъ только появляющійся въ жерлахъ пушекъ огонь.

23-го іюля, послѣ обѣда, прибыли для сопровожденія императрицы эскадронъ „черноголовыхъ“ верхомъ, все наличное дворянство и городскіе депутаты. По допущеніи всѣхъ къ рукѣ, ихъ отпустили и затѣмъ послѣдовалъ выѣздъ въ Петербургъ прежнимъ путемъ, при пальбѣ изъ пушекъ съ

валовъ и съ судовъ и при колокольномъ звонѣ. Императрица желала, пользуясь хорошей погодой, продлить свое пребываніе въ Екатериненталѣ съ его прекраснымъ паркомъ; но отъѣздъ былъ ускоренъ отчасти вслѣдствіе прибытія изъ Вѣны имп. кор. посланника, барона Претлаха, который уже въ Рогервикѣ имѣлъ аудіенцію у ея величества, а также по причинѣ важныхъ дѣлъ, требовавшихъ присутствія государыни въ столицѣ. Милость и пріятельность этой обворожительной матери отечества были неизъяснимы; всѣхъ и каждого изъ кланяющихся она благодарила ласково поклономъ. Для свиты требовалось очень много почтовыхъ лошадей въ такую пору, когда онѣ нужны были для сельскихъ работъ; только по этому поводу замѣтно было нѣкоторое неудовольствіе среди крестьянъ; но за все, что доставлялось на станціи изъ съѣстныхъ припасовъ, оплачивалось сполна.

Однажды, когда императрица отдыхала въ палаткѣ, разбитой для нея въ саду, явились голландскіе шкипера съ желаніемъ взглянуть на красавицу-дочь ихъ пріятеля, мастера Питера, и устремились было къ палаткѣ. Но ихъ удержали и сказали имъ, что теперь никому не дозволено войти въ палатку, ни даже и тѣмъ, кто въ лентахъ. Такихъ лентъ, возразили они, можемъ мы достать у насъ, въ Голландіи, за одинъ гульденъ. Но вскорѣ показалась императрица и тогда голландцевъ допустили къ ней. Когда они произнесли нѣсколько комплиментовъ и выразили свою радость при видѣ прекрасной дочери своего друга Питера, императрица допустила ихъ къ рукѣ, взяла бокалъ и выпила за здоровье голландскихъ штатовъ и ихъ самихъ. Они громогласно благодарили и сказали, что оповѣстятъ о томъ въ Голландіи и прославятъ ее. Затѣмъ подали каждому полный бокалъ и, по провозглашеніи первымъ изъ нихъ здравицы за императрицу, ея величество изволила проститься и удалась въ палатку; голландцы же, ликуя, возвратились въ городъ и на свои суда.

Такъ какъ Петръ Великій учился у голландцевъ кораблестроенію и получилъ званіе мастера, то голландскіе корабельщики и называли его мастеромъ Питеромъ, а онъ ихъ — мастеромъ Яномъ, или какъ кто назывался. Этихъ объясняются вышеприведенныя слова ихъ, т. е. желаніе видѣть красавицу-дочь ихъ пріятеля Питера. Императрица была, дѣйствительно, красавица и комплиментъ, относящійся къ ея красотѣ, не могъ не польстить ей.

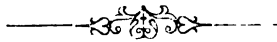
Ненависть русскихъ къ нѣмцамъ въ то время была такъ велика, что даже лифляндцы и эстляндцы испытали ее на себѣ. Императрица только-что возвратилась въ Петербургъ, какъ новый губернский совѣтникъ Мелесенин, собираваясь съ господствующимъ при дворѣ духомъ, уже даль почувствовать, что похвальный отзывъ благодушной государыни объ эстляндцахъ подѣйствовалъ на ея обидчивыхъ высокомерныхъ русскихъ придворныхъ какъ горькія пилюли. Она ѣздила по этой странѣ безъ стражи, въ которой, однако-жъ, нуждалась при своихъ поѣздкахъ всюду въ Россіи.

— Матушка, — сказалъ ей кто-то, — ты ѣдишь здѣсь безъ всякой охраны?

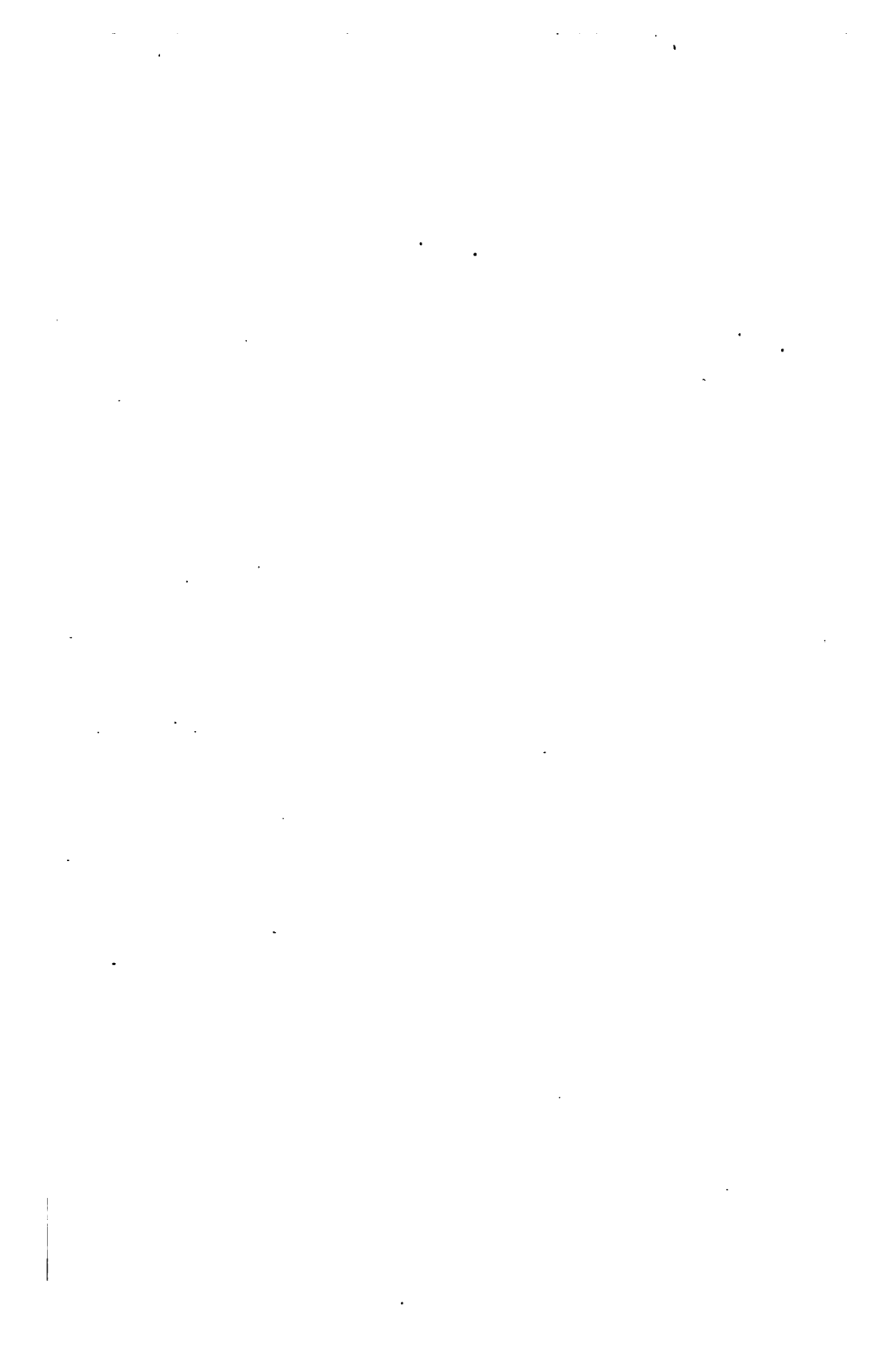
— „Если отецъ мой, — отвѣчала она, — здѣсь въ каждомъ домѣ могъ спокойно спать, то и я также“.

МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦЪ

1785—1885.

1885.

МРАМОРНЫЙ ДВОРЕЦЪ.

1785 — 1885.

I.

При Петрѣ Великомъ на мѣстѣ нынѣшняго Марсова поля производилась обыкновенно „звѣриная травля“, а гдѣ впоследствии построень Мраморный дворецъ, стоялъ старый почтовый дворъ, вблизи котораго въ 1711 г. устроень былъ „звѣровый домъ“ и въ немъ помѣщались: большой слонъ, львы, тигры, присланные въ подарокъ отъ персидскаго шаха. „Почтовый дворъ, говоритъ Рубанъ въ „Описаніи Петербурга“ (стр. 148) — „мазанковъ и стоялъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ строится великій покой мраморный домъ. На семь почтовомъ дворѣ государь Петръ I многократно отправлялъ нѣкоторымъ праздникамъ и викторіямъ торжества“; ради чего Рубанъ и приложилъ къ своей книгѣ рисунокъ его.

Башуцкій, описывая въ своей „Панорамѣ Петербурга“ (стр. 102 и 103) почтовый дворъ, замѣчаетъ, что „столица давно чувствовала недостатокъ въ подобномъ учрежденіи, ибо еще не было дома, гдѣ пріѣзжіе могли бы останавливаться, не теряя времени въ исканіи по всему городу квартиры. Домъ этотъ состоялъ въ завѣдываніи особаго смотрителя, имѣвшаго рангъ армейскаго прапорщика, съ весьма умѣреннымъ содержаніемъ, которое впоследствии было увеличено дозволеніемъ ему завести еще особую гостинницу, выписывать безпошлинно опредѣленное количество вина и другихъ продуктовъ. Кромѣ того ему предоставлено было пользоваться частію сбора съ присылаемыхъ писемъ, но доходъ этотъ былъ очень незначителенъ, такъ какъ за доставку письма, напри-

мѣръ изъ Петербурга въ Москву, платилось не болѣе двухъ копѣекъ. При Петрѣ I была углублена и очищена рѣка Мья (Мойка), изъ которой были проведены два канала: одинъ у нынѣшняго Мраморнаго дворца, послѣ засыпанный, а другой существуетъ до сихъ поръ подъ именемъ Зимней канавки.

Въ 1732 году здѣсь выстроили манежъ, а въ 1736 г. еще другой „слоновый дворъ“, для вновъ привезеннаго изъ Персія слона. По повелѣнію Екатерины II лугъ весь былъ очищенъ отъ травы, усыпанъ пескомъ и назначенъ для народныхъ празднествъ, почему получилъ названіе „площади для потѣшныхъ огней“; эта площадь окружена была Мойкою и Лебяжьимъ каналомъ, Лѣтнимъ садомъ, Мраморнымъ дворцемъ, Воспитательнымъ домомъ и другими зданіями. На самой-же площади находились два деревянныхъ дома: одинъ для зрителей потѣшныхъ огней, другой подъ именемъ Малаго театра. Немного спустя площадь потѣшныхъ огней была переименована въ „Царицынъ лугъ“; въ 1818 г. дано названіе „Марсова поля“.

Итакъ на Царицыномъ лугу императрица Екатерина II рѣшила соорудить домъ изъ мрамора, при чемъ существуетъ слѣдующая легенда: задумавъ постройку, государыня пригласила одного изъ архитекторовъ-иностранцевъ и, показывая ему чертежъ самую ея навиданнаго дворца, спросила его мнѣнія объ этомъ планѣ. Зная, что проектъ принадлежитъ монархинѣ, архитекторъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ, слушая которыя, императрица сказала: „если онъ такъ хорошъ, то возьмите на себя его постройку“. Соглашеніе, конечно, немедленно послѣдовало, но зодчій, при выполненіи высочайше набросаннаго плана, былъ поставленъ въ большія затрудненія, даже въ начертаніяхъ капитальныхъ стѣнъ, и вотъ чѣмъ объясняютъ, если обходить комнаты дворца, то замѣтнымъ становится, что въ немъ нѣтъ прямыхъ угловъ ни въ покоехъ, ни въ амбразурахъ оконъ и дверей.

Строителемъ и составителемъ плана Мраморнаго дворца, начиная съ Пушкирева (Описаніе Петербурга) до настоящаго времени называютъ архитектора Гваренги; это указаніе даже перешло въ „Guide du voyageur à St. Petersburg“ par J. Basten (стр. 115); но оно оказывается невѣрнымъ, такъ какъ постройка Мраморнаго дома началась въ 1768 г., а Гваренги вмѣстѣ съ архитекторомъ Тромбара прибыли, по заключенномъ съ ними контрактѣ Грим-

момъ при посредствѣ Рейфенштейна, лишь въ началѣ февраля 1780 года (Сбор. имп. ист. общ., т. XXIII и XXXIII). Гваренги дѣйствительно въ 1783 г. строилъ каменный домъ на Милліонной-Луговой улицѣ противъ Зимняго дворца, подаренный императрицею генераль-поручику Алекс. Дм. Ланскому; а такъ какъ Мраморный дворецъ тоже назывался тогда Каменнымъ домомъ на Милліонной-Луговой, то эта тождественность названій и ввела, вѣроятно, въ ошибку Пушкирева.

Дѣйствительнымъ-же строителемъ Мраморнаго дворца надо считать архитектора Антонио Ринальди, а не Гваренги, такъ какъ послѣдній, если-бы участвовалъ въ постройкѣ Мраморнаго дворца, то далъ-бы свои работы въ чертежахъ, изданныхъ имъ подъ заглавіемъ: *Edifices construits à Saint - Petersbourg d'après les plans du chevalier de Quarenghi et sous sa direction. St. P., de l'imprimerie du Senat dirigeant. 1810.* Подтверженіемъ того, что Ринальди былъ составителемъ проекта Мраморнаго дворца, служатъ слѣдующія доказательства. Во время постройки дворца онъ былъ штатнымъ архитекторомъ кабинета ея величества, а такъ какъ деньги ассигнованы были изъ кабинета, то очевидно и самая постройка поручена была собственному архитектору. Кромѣ того, далѣе будетъ видно изъ исторіи сооруженія Мраморнаго дворца, что Ринальди выписывалъ изъ Италіи разноцвѣтный и бѣлый мраморъ, составлялъ рисунки и проч. Затѣмъ, хранящаяся въ государственномъ архивѣ собственноручная записка Екатерины II (неизвѣстно къ кому написанная, безъ года и числа, которую слѣдуетъ отнести къ 1781 или 1782 гг., когда дворецъ меблировался коллежскимъ ассесоромъ Гампелемъ, подъ надзоромъ завѣдующаго строеніемъ его—Мордвинова), не оставляетъ ни чуть сомнѣваться. Вотъ содержаніе этой записки: „Съ крайнимъ удивленіемъ слышу я, что въ Мраморномъ домѣ Мих. Ив. Мордвиновъ даетъ Гампелю волю ломать стѣны и дѣри перекладывать, какъ тотъ вздумаетъ; спроси, въ какихъ и какихъ комнатахъ такая ломка произошла и скажи Мих. Ив., чтобъ онъ ничто не ломалъ въ томъ домѣ не доложась меня. Принеси ко мнѣ планъ съ означеніемъ той безразсудной ломки. Какъ Гампелю лучше чего знать, нежели Ринальдю. Ужъ не скоблить-ли онъ стѣны и не убавляетъ ли кирпичи въ трубахъ, какъ въ Царскомъ селѣ, чтобы пожары надѣлать, отъ него станется (Госуд. Арх., X, 300)“.

Биографіи Ринальди нѣтъ, а извѣстно лишь, что въ 1750 г. онъ прославился въ Римѣ какъ знатокъ классической архитектуры. По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, онъ построилъ огромную залу въ Ораніенбаумѣ для придворнаго театра, на которомъ въ 1756 г. въ первый разъ была представлена опера „Александръ въ Индіи“. Имъ-же составлены были чертежи для триумфальныхъ воротъ въ честь графа Г. Г. Орлова изъ мрамора, Исакиевскаго собора, а также гатчинскаго дворца, гдѣ въ проходѣ между большой передней и Бѣлымъ заломъ находится овальный мраморный, поясной барельефъ Ринальди, изображеннаго въ профиль съ лѣвой стороны, съ циркулемъ въ правой рукѣ, и точно такой же портретъ помѣщенъ противъ главнаго входа, на парадной лѣстницѣ Мраморнаго дворца. Въ одномъ изъ писемъ къ Гримму въ 1779 г. Екатерина, описывая паденіе Ринальди съ лѣсовъ въ Царскомъ селѣ, говоритъ, что ему около 70 лѣтъ (Сб. историч. общ., т. XXIII). Ринальди строилъ дворецъ въ Ораніенбаумѣ, церковь Вознесенія въ Петербургѣ, въ 1765 г. составлялъ планъ церкви и колокольни въ Митавѣ для войска, а также и иконостаса (Госуд. Арх., X, 467, копіи съ указа: Яковкину, III, 117, Козьмина, 21 мая, вн. № 4, 34), участвовалъ съ Пинкетти въ царскосельскихъ постройкахъ (Географич. сл. Щекатова, VII, 25). Жилъ Ринальди до глубокой старости, такъ какъ въ вѣдомости кабинета за 1790 г. онъ показанъ еще получающимъ пенсію (Госуд. Арх., VIII, 47. Вѣд. кабинета).

Непосредственное завѣдываніе сооруженіемъ Мраморнаго дворца было ввѣрено императрицею полковнику артиллеріи (впослѣдствіи генераль-поручикъ, директоръ только что соединенной артиллерійской и инженерной школъ гр. Шуваловымъ) Мих. Ив. Мордвинову, который участвовалъ также въ постройкѣ Кеке-ривексинской дачи или Чесменской богадѣльни; училища для греческихъ мальчиковъ, привезенныхъ А. Г. Орловымъ-Чесменскимъ, въ Ораніенбаумѣ, Аничковскаго дворца и царскосельскаго шоссе, такъ какъ съ производствомъ въ 1770 г. въ генералы былъ назначенъ директоромъ отъ строенія государственныхъ дорогъ. По всей вѣроятности Мордвиновъ производилъ и другія строенія, потому что 1-го іюля 1773 г. онъ въ государственномъ совѣтѣ представлялъ планъ новой крѣпости въ Финляндіи. (Госуд. Арх., X, 467, журн. и указы кабин. 1774 г. 19 ноября, 1779 г., сен-

тябрь, 1770 г. 5 августа, ув. стр. конт. арх. Госуд. Совѣта, I, 2, 125). Съ эпохою постройки Мраморнаго дома совпадаетъ розысканіе въ Екатеринбургѣ, Оренбургѣ и друг. мѣстахъ Россіи мраморныхъ и агатовыхъ камней, которые по высочайшему изустному повелѣнію должны были доставляться къ производимому Мих. Ив. Мордвиновымъ строенію (Госуд. Арх., XIV, 234—доклады И. И. Бецкаго).

Весь ходъ постройки Мраморнаго дома отъ самаго начала и до окончанія его пользовался особеннымъ вниманіемъ Екатерины II; она неоднократно лично посѣщала строеніе и участвующихъ приказывала награждать деньгами, что видно изъ отчетовъ, и вообще ничто не дѣлалось въ немъ безъ ея повелѣній. Всѣ суммы шли изъ кабинета ея величества по указамъ императрицы Адаму Вас. Олсуфьеву, объ отпускѣ денегъ М. И. Мордвинову на строеніе каменнаго дома у почтовой пристани; эти указы начинаются съ 1769 г. Счеты-же Мордвинова ведутся съ 15 апрѣля 1768 г.; въ этотъ день дано столяру Іоанну Кнорру 275 р. для изготовленія модели каменнаго дома и каналовъ.

4-го мая куплено дикаго камня тесаннаго съ 5-ти сторонъ на 565 р. 6-го — сдѣланъ 42 саж. заборъ отъ главной полиціймейстерской канцеляріи. 7-го — куплено 3 тысячи 20-ти пудовыхъ бочекъ извести, затѣмъ вынималась изъ рововъ или каналовъ земля для фундамента, покупалось сибирское желѣзо, а 10 іюня началась забивка свай и 14-го выстроены магазинъ для извести. 25 октября столяру Кнорру заказана новая модель дома за 725 р., такъ какъ въ планѣ произошли измѣненія. Послѣ этого заготовлялась тосненская бутровая плита, известь и подряжались каменщики, шло устройство каналовъ, бассейна, насосовъ и систернъ. Въ 1769 г., при выдачѣ жалованья, названъ за архитектора Петръ Егоровъ, который съ 1 октября 1768 г. обязался „при строеніи быть для пристра и показанія работъ, какія до знанія архитектуры принадлежатъ“. Егоровъ прикомандированъ былъ отъ канцеляріи строенія домовъ и садовъ и находился все время при постройкѣ Мраморнаго дворца.

Въ томъ-же 1769 г., октября 10 дня, совершена была закладка каменнаго дома и въ отчетѣ расходовъ показано, что заплачено: рѣзному мастеру Гику за 2 мѣдныя доски съ шалнеромъ 12 р.; за гравировку на нихъ литеръ 38 руб.; на золоченіе ихъ

8 червонцевъ 2¼, рублеваго достоинства, а за работу 'отъ каждаго червонца 60 к. Олонецкаго уѣзда крестьянину Ивану Полякову за 2 тесанныя площадки съ вывощкою подъ ящикъ гнѣздъ 10 руб. и за мраморный ящикъ 5 руб.; священнику выдано 10 руб.; каменщикамъ и плотникамъ 12 руб., да въ ящикъ положено золотою, серебряною и мѣдною монетою 20 руб. 58¼ к.

Далѣе заключены были контракты съ подрядчиками и поставщиками; въ работѣ же находилось ежедневно 100 каменщиковъ и отъ 100 до 300 артиллерійскихъ фузилеровъ, кромѣ плотниковъ и другихъ мастеровъ.

Въ 1770 году императрица приказала покрыть зданіе мѣдными листами, для чего по смѣтѣ потребовано было 3,100 штукъ листовъ мѣрою по 2 аршина въ квадратъ, вѣсомъ 4,557 пуд., на сумму 41,058 руб. Заготовлялся пудожскій камень на карнизы, принимался съ двухъ судовъ дикій камень для стѣнъ и куплено было заграничныхъ деревъ слѣдующихъ сортовъ: кенигъ-гольцъ 154 п. 14 ф., гельбъ-эбенъ 31 пуд. 35 ф., краснаго фернамбукка 30 п., померанць-гольцъ 18 п. 3 ф., грюнъ-эбенъ 16 п. 10 ф. Статск. сов. Норинымъ началась заготовка мрамора, а командиромъ стеклянныхъ заводовъ Лиліенталемъ зеркальныхъ стеколъ.

Въ камеръ-фурьерскомъ церемоніальномъ журналѣ 1770 г., подъ 1 числомъ іюля мѣсяца значится, что „въ четвертое, по утру въ началѣ 10-го часа, ея импер. величество съ небольшою свитою соизволила имѣть отсутствіе въ С.-Петербургъ и прибыла въ свой императорскій лѣтній дворецъ (на мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго инженернаго замка, въ которомъ родился Павелъ I), гдѣ побывъ нѣсколько времени, соизволила отбыть въ домъ къ его высочайшему вѣнчанью Ив. Ив. Бецкому (теперь тутъ находится дворецъ принца Ольденбургскаго) и тамъ кушать обѣденное кушанье.

„По окончаніи стола, пополудни въ началѣ 4-го часа, шествовала для смотрѣнія модели строющагося дома противъ троицкой пристани, на берегу Невы рѣки, въ построенный деревянный домъ близъ онаго, въ которомъ и находится та модель, и по осмотрѣ оной, продолжала путь въ академію художествъ, а оттуда въ кадетскій сухопутный корпусъ“.

Въ 1771 г. привозился мраморъ изъ Сердоболя и Екатеринбургa. Изъ Рима вызваны были скульпторъ Джіовани Монетти и

рѣзныхъ дѣлъ мастеръ Францъ Вассали, кромѣ того каменныхъ дѣлъ мастеръ Кезе и скульпторъ Киндхеръ на жалованье; упоминаются также ученики скульптурнаго и лѣсного искусства: Михаилъ Быковъ, Андрей Макаровъ, Андрей Акимовъ, Андрей Михайловъ, Николай Капустинъ и Степанъ Батагоновъ; въ то-же время они обучались и архитектурѣ, но кто были ихъ учителя въ отчетѣ не сказано, а только показаны расходы на матеріалы по ихъ обученію.

Рѣзныхъ дѣлъ фабриканты Людвигъ Ролляндъ и Іоганъ Гиппартъ сдѣлали 86 штукъ капителей и базъ и 14 штукъ трофеевъ. Покупался мраморъ отъ конторы строенія Исакиевскаго собора. Слесарь Иванъ Гольде сдѣлалъ пробную оконную мѣдную раму въ 10 п. 36 ф. за 600 руб. Столяръ Мейеръ договорился дѣлать штучные или паркетные полы 3-хъ сортовъ за 24,413 р. и сдѣлалъ модель зала изъ липоваго дерева за 400 руб. со всѣми украшеніями, раскрашивалъ которую живописецъ Іоганъ Рудольфъ. Рѣзного дѣла мастеръ, по указанію архитектора Ринальди, изъ своихъ матеріаловъ при модели зала для jeu de romme исполнилъ лѣсную работу. Мастеръ Бергеръ сдѣлалъ колонну іоническаго ордена и поставлялъ мраморныя капители. При сестрорѣцкихъ заводахъ, дляковки мѣдныхъ листовъ на крышу, устроена была фабрика въ 1772 г. Полученъ былъ мраморъ изъ Еватеринбурга отъ конторы строенія домовъ и садовъ. Производилась поставка камня къ балконамъ, окошкамъ средняго этажа и на карнизы. Мастеръ Ив. Эстрейхъ приготовилъ изъ казеннаго бѣлаго мрамора, изъ 3 кусковъ, коринтскаго ордена капитель и пилястры. Для обдѣлки и шлифовки мрамора устроены были различныя приспособленія. Въ 1772 г. августа 3 дня государыня опять посѣтила постройку и приказала выдать всѣмъ находившимся рабочимъ людямъ въ награду 200 руб.

Въ этомъ-же году Гр. Орловъ вышелъ въ отставку. Еватерина собственноручнымъ проэктомъ указа (пунктъ 12), въ числѣ многихъ драгоценныхъ подарковъ, назначила Орлову и Мраморный дворецъ (Госуд. Арх., X, 265).

Вслѣдствіе чего Мордвинову, 25-го сентября, былъ данъ указъ: „когда вы строющійся подъ смотрѣніемъ вашимъ у почтовой пристани каменный домъ къ окончанію приведете такъ, какъ отъ насъ вамъ приказано, и когда онъ совсѣмъ убранъ, и въ такое

состояніе приведенъ будетъ, чтобы въ него хозяинъ войти и жить могъ, тогда отдайте отъ него ключи гр. Гр. Орлову, ибо мы оный домъ со всѣми въ немъ мебелями жалуемъ ему въ вѣчное и наслѣдственное владѣніе". (Госуд. Арх., X, 467).

Но окончаніе отстройки Мраморнаго дома подвигалось далеко не быстро; такъ, въ 1773 г., кровельщикъ Эгерсъ сдѣлалъ модель для укрѣпленія крыши стропилами и рѣшетникомъ. Доставили 110 штукъ ревелскаго бѣлаго камня на вазы, а къ парадной лѣстницѣ мастеръ Бергеръ высѣкалъ фестоны. Архитектору Ринальди на выписку изъ Италіи разныхъ цвѣтовъ мрамора выдано 1,000 руб; Мордвинову-же 2,000 руб. на достройку его дома близъ Чесмы. (Указы кабин. на имя Теплова).

Въ 1774 г. началась лишь обдѣлка стѣнъ мраморомъ, причѣмъ работало 80 шлифовщиковъ. Ставились фаянсовыя печи и заготавливались изъ разноцвѣтнаго дерева и слоновой кости штучные полы, а большое зало украшалось фарфоромъ.

1775 г. прошелъ въ поставкахъ Вегенеромъ и Веберомъ желѣзныхъ стропиль, въ исполненіи академикомъ Федотомъ Шубинымъ двухъ барельефовъ-трофей изъ бѣлаго мрамора и устройствъ фонтана и постановкъ на балконѣ четырехъ мѣдныхъ раковинъ.

Въ 1776 г. привезли выписанный изъ Ливорно Ринальди мраморъ въ количествѣ 10 штукъ. Живописецъ Торелли приготовилъ полотно въ 12 арш. длины и 6 ширины для писанія въ залъ плафона. Купили въ Берлинѣ 14 зеркалъ за 9,642 р. отъ купца Гербера и получили отъ гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго мраморъ, привезенный изъ Архипелага, 60 кусковъ котораго были отпущены академику Шубину.

Мастеръ Гольде поставлялъ 48 мѣдныхъ рамъ. Ковка-же мѣдныхъ листовъ производилась мастеромъ Вульфомъ.

Въ слѣдующемъ 1777 г. навѣсили семь паръ дверей изъ разноцвѣтнаго дерева. Изъ брусинскаго камня дѣлались ступени, а изъ дикаго—карнизы. Французскій купецъ Іоганъ Пике доставилъ 750 зеркальныхъ шлифованныхъ стеколъ, а столяръ Мейеръ подрядился сдѣлать изъ заморскаго дерева 106 кв. саж. 5 арш. пола и 42 двери изъ цвѣтнаго дерева съ дубовыми рамами за 12,555 р. 55 коп. Надъ дверями парадной лѣстницы Шубинъ сдѣлалъ изъ мрамора двухъ орловъ съ фестонами. И одновременно со всѣми этими работами уставлялись желѣзныя стропила.

За 1778, 79 и 80 года отчетовъ Мордвинова не сохранилось, но работы и въ эти три года продолжались, что видно изъ указовъ кабинета объ отпускѣ на постройку дворца денегъ.

Въ 1781 г. производилась постройка служебнаго дома, принадлежащаго къ Мраморному дворцу и имѣвшаго всего два этажа; онъ стоялъ въ одну линію съ дворцомъ, а пространство около 25 саж. между нимъ и дворцомъ огорожено было желѣзною рѣшеткою на Неву и на улицу, что и составило открытый дворцовый дворъ. Строеніе для прислуги окружалъ, въ свою очередь, свой дворъ, на которомъ находились: манежъ, сарай, жилища для конюховъ и великолѣпныя конюшни. Золотились капители и базы; устанавливались въ верхнемъ этажѣ оконныя дубовыя рамы и началась настилка паркетныхъ половъ. 10-го декабря поставили въ куполѣ надъ дворцомъ часы, сдѣланныя фабрикантами Сандосомъ и Базелиемъ. Заплатили за статую въ 2 арш. 6 вершк., представляющую весеннее равноденствіе, поставленную 3-го октября 1780 г. на мѣсто Фед. Шубинымъ; имъ-же исполнены были два круглыхъ барельефа въ діаметрѣ 1 арш. 4 в. въ залу и 5 барельефовъ въ галерею въ средній апартаментъ. Онъ и итальянецъ Валій поставили два дверныхъ сьюрта, шириною 2 ф. 8 в., а вышиною 12 вершк. Кромѣ того Шубинъ произвелъ изъ мрамора въ фронтоу парадной лѣтницы въ нишу и на фронтоу при часовомъ корпусѣ 8 статуй; въ залу 5 круглыхъ барельефовъ, 2 статуи и 2 барельефа-портрета за 25,000 руб. Другой скульпторъ, Козловскій (Михаилъ), для зала средняго этажа сдѣлалъ барельефъ, представляющій Регула, возвращающагося изъ Рима въ плѣнъ карфагенскій, и Камилла, освобождающаго Римъ отъ галловъ.

Живописецъ Кристь, въ покой № 4, написалъ плафонъ Судъ Париса, а другой художникъ, Феод. Фохтъ, расписывалъ въ верхнемъ этажѣ потолоки. Приготовлены были модели для дверей къ балконамъ и ставились двери изъ цвѣтнаго дерева, также золотились рамы и балясы. Покой № 4-й обдѣлывался цвѣтнымъ деревомъ, а въ китайской комнатѣ и отъ Милліонной въ верхнемъ этажѣ въ передспальной комнатѣ и въ покоехъ №№ 7-й и 17-й настилались паркеты. Живописецъ Григ. Молчановъ написалъ плафонъ въ китайскую комнату. Въ среднемъ этажѣ навѣшивались рамы и отъ архитектора Ринальди было принято три мраморныхъ камня.

Въ 1782 г. началась обойная работа. Гольде и Фельверомъ поставили на 40 тысячъ мѣдныхъ рамъ для оконъ, каждая въ 30 пудовъ, и 110 штукъ желѣзныхъ. Академикъ Шубинъ доставилъ слѣдующія свои произведенія: 1) въ нишу на парадную лѣстницу, по рисунку Ринальди, статую, представляющую утро: 2) 5 барельефовъ въ средній этажъ; 3) 5 въ галерею средняго апартамента, изображающихъ великодушныя дѣйствія: освобожденіе военнопленныхъ: первые два гр. А. Г. Орлова во время командованія его въ Архипелагѣ флотомъ, третій и четвертый Сципіона африканскаго и Павла Эмилія, а послѣдній—мальчиковъ, играющихъ военными трофеями; 4) бюстъ кн. Гр. Орлова въ покой № 2, и 5) барельефъ въ залу надъ каминомъ, представляющій Эндиміона, вышиною 3 арш. 12 в., сдѣланный Шубинымъ вмѣстѣ съ итальянцемъ Валіемъ. Адъюнктъ-профессоръ Ив. Акимовъ написалъ въ спальню средняго этажа два сюжета, а живописецъ Фед. Даниловъ въ большомъ залѣ плафонъ. Въ этомъ году строитель Мордвиновъ скончался и вмѣсто него завѣдываніе постройкою дворца возложено было на полковника Бузгевдена. Такой подробной отчетности, какъ у Мординова, въ послѣдующихъ годахъ уже не велось, а только существуютъ краткія записи и доклады.

Въ 1783 г. продолжались тѣ-же работы, что и въ предыдущемъ и кромѣ того кол. ассесоръ Гампель, для украшенія дворца, на мебель и проч. принадлежности издержалъ 40,000 р.

Пока шли окончательныя работы Мраморнаго дворца, подареннаго Григорію Григорьевичу Орлову, князю не суждено было дожить до той счастливой минуты, когда съ душевною, быть можетъ, радостію прочелъ бы онъ драгоценнѣйшую надпись, сдѣланную на фризѣ дворца, по повелѣнію Евкатерины: „зданіе благодарности“, и умеръ, не переѣхавъ въ этотъ домъ, въ Москвѣ, 13-го апрѣля 1783 года.

II.

Послѣ смерти Григорія Орлова, 8-го іюня того-же года, императрица написала указъ брату покойнаго, Θεодору Григорьевичу, такого содержания: „Въ запискѣ, при семъ сообщаемой, означены деревни, дома и прочее, что я купить желаю, считая, что вамъ оно излишно, продажа же того будетъ средствомъ не только къ скорѣйшей уплатѣ долговъ покойнаго князя Гр. Гр., но еще и къ собственной всѣхъ васъ пользѣ обратится. Хотя по самой высовой оцѣнкѣ все то не болѣе осьми сотъ пятидесяти тысячъ рублей, а въ разсужденіи шестилѣтней заплаты сей суммы и причитающихся процентовъ, всего около милліона и двадцати тысячъ рублей составляетъ, но я, по моему всегдашнему къ вамъ добротству, располагаю въ лучшую для васъ пользу заплатить за все то продолженіемъ въ теченіи десяти лѣтъ пенсіи покойнаго князя Гр. Гр. по сту пятидесяти тысячъ рублей на годъ, что и составитъ за всѣми разсчетами болѣе оцѣнки, и процентовъ до пяти сотъ тысячъ рублей. Ежели вы согласны на сіе распоряженіе, то поспѣшите меня увѣдомить, и доставьте повѣренность, кому вы заблагоразсудите, на написаніе крѣпостей, а впрочемъ будьте увѣрены, что я пребуду непремѣнно вамъ доброжелательная“. При этомъ указѣ записка, что императрица желала купить:

- 1) Мызу Гатчино съ принадлежащими къ ней 20-ю деревнями.
- 2) Мызу Старую Свворицкую съ 5-ю деревнями.
- 3) Мызу Новую Свворицкую съ 22-мя деревнями.
- 4) Мызу Греблову съ 1 деревней.

Во всѣхъ этихъ деревняхъ по 4-й ревизіи считалось душъ мужскаго пола: русскихъ двѣ, а финскихъ 3,377, а всего 3,379 душъ.

Домъ гатчинскій съ оружейной, мебелями, оранжереєю, разнымъ строеніемъ и матеріалами всякаго званія. Домъ Мраморный въ С.-Петербургѣ съ другимъ корпусомъ, построеннымъ для конюшенъ и службъ. Вызолоченный сервизъ, бібліотеку, антики и медали.

За деревни, полагая по самой дорогой цѣнѣ, и именно по

100 р. за душу, выйдетъ 337,900 руб.; въ разсужденіи строенія, заведеній и прочаго, и дабы составить ровную сумму 350,000 р.

За гатчинскій домъ съ мебелями, оранжереями и разнымъ строеніемъ и матеріалами, такъ и оружейною—150,000 руб.

Если въ разсужденіи того, что сія сумма заплачена будетъ не вдругъ, по сту пятидесяти тысячъ рублей на годъ, слѣдственно въ шестой годъ положить и указные проценты, то причтется ихъ на всѣ шесть лѣтъ 171,000 руб., а потому вся сумма съ процентами составила бы одинъ милліонъ двадцать одну тысячу рублей. Назначая въ уплату сего продолженія 10 лѣтъ пенсіи покойнаго вн. Гр. Гр. по 150,000 руб. на годъ сверхъ всей вышеписанной оцѣнки останется въ пользу графовъ Орловыхъ до пятисотъ тысячъ рублей.

Въ томъ же году 4-го іюля послѣдовалъ указъ на имя генераль-прокурора вн. Алекс. Алексѣевича Вяземскаго: „Снисходя на прошеніе, намъ написанное отъ графовъ Ивана, Алексѣя, Θεодора и Владиміра Григорьевичей Орловыхъ, въ оригиналѣ при семъ посылаемое, указали мы изображенное въ ономъ разное движимое и недвижимое имѣніе, оставшееся послѣ брата ихъ покойнаго генераль-фельдцейхмейстера князя Гр. Григ. Орлова принять въ казну нашу за просимую ими цѣну милліонъ и пятьсотъ тысячъ рублей, кои изъ Кабинета имъ въ теченіи десяти лѣтъ уплачены быть должны. Вы предпишите о надлежащемъ сохраненіи въ архивѣ подлиннаго письма графовъ Орловыхъ, кое служить будетъ вмѣсто крѣпости на помянутое имѣніе и гдѣ надлежитъ предложите о семъ для вѣдома. Изъ деревень, въ письмѣ ихъ показанныхъ, выключаются въ мызѣ Гатчинской дворовые люди: Мойсей Θεодоровъ; Ив. Спицынъ съ женою Авдотьей Петровой и съ дочерью ихъ Авдотью; крестьянскій сынъ Степанъ Андреевъ; да Новой Скворицкой мызы врестьянинъ деревни Костиной Матв. Томасовъ, кои остаются у графовъ Орловыхъ. Впрочемъ все сіе имѣніе поручили мы до будущаго нашего соизволенія въ вѣдомство нашего флигель-адъютанта Буксгевдена. Пошлинъ съ продажи сей никакихъ не брать“. (Арх. Каб. Имен. указы императрицы Екатерины II).

Изъ доклада Буксгевдена о приходѣ и расходѣ денегъ, принятыхъ въ 1784 г. изъ вомнатной суммы, провѣреннаго счетной экспедиціей Кабинета, видно, что въ этомъ году въ Мраморномъ

дворцѣ шли работы: каменные, штукатурныя, печныя, скульптурныя, малярныя, рѣзные, живописныя, слесарныя, кузнечныя, бронзовыя съ золоченіемъ и серебряніемъ, обойныя и друг. Для большого бассейна были сдѣланы насосы и другія машины, очищались рамы, гирлянды и фестоны, а на дворѣ и на улицѣ настигалась каменная мостовая.

Однимъ словомъ, Мраморный дворецъ, вопреки всѣмъ описаніямъ, относящимъ его окончателъную отдѣлку къ 1783 г., не былъ готовъ и, только въ 1785 г., по докладу Буксгевдена, указомъ Кабинета, отъ 28-го марта, отпущено на послѣдніе расходы по отдѣлкѣ Мраморнаго дворца 57,997 руб. 59 коп.

14-го мая 1785 г. императрица пожаловала различнымъ чинамъ, находившимся при постройкѣ Мраморнаго дворца, 7,000 руб. (Госуд. Арх., XIV, 47. Вѣдом. Кабинета).

Такимъ образомъ, вполне точно можно опредѣлить, когда истекаетъ столѣтіе со времени окончанія сооруженія Мраморнаго дворца—это май мѣсяць 1885 г.

Ежегодные расходы на постройку дворца съ 1768 по 1785 г. составляли:

1768	г.	30,000	р.	—	к.
1769	"	41,699	"	11 ¹ / ₄	"
1770	"	77,037	"	10	"
1771	"	92,333	"	—	"
1772	"	76,801	"	4 ¹ / ₂	"
1773	"	83,331	"	77 ¹ / ₄	"
1774	"	82,357	"	42 ¹ / ₂	"
1775	"	82,509	"	3 ¹ / ₂	"
1776	"	96,861	"	63 ³ / ₄	"
1777	"	118,473	"	78 ³ / ₄	"
1778	"	} неизвѣстно по сколько	—	—	—
1779	"				
1780	"				
1781	"	101,194	"	83	"
1782	"	95,708	"	53	"
1783	"	131,872	"	59 ³ / ₄	"
1784	"	51,500	"	—	"
1785	"	57,997	"	59	"

1.219,677 р. 46¹/₄ к.

Среднимъ числомъ за 15 лѣтъ выходить по 81,311 р. 85 к., каковую сумму, присоединя за 1778, 1779 и 1780 гг. къ стоимости Мраморнаго дворца, получаемъ общую цифру приблизительно его цѣнности въ 1.463,613 р., т. е. почти всей платы Орловымъ за купленные у нихъ имѣнія. Интересно здѣсь замѣтить о стоимости нашего рубля за границей; въ этомъ случаѣ Ласкари, издавшій описаніе способовъ передвиженія гранитной скалы для памятника Петру Великому, въ своемъ сочиненіи: „Monument élevé à la gloire de Pierre le grand“, изданномъ въ Парижѣ въ 1777 г., говоритъ, въ примѣчаніи на стр. 4, что „le rouble vaut 4 liv. 10 f. argent de France“, т. е. не 2¹/₂ фр., какъ теперь, а въ четыре раза дороже.

Съ окончаніемъ работъ въ Мраморномъ дворцѣ онъ поступилъ въ вѣдѣніе подполковника Фридриха фонъ-Ралль, назначеннаго управляющимъ указомъ 19-го ноября 1785 года, когда было ассигновано къ отпуску ежегодно на содержаніе дворца 4,209 руб. Впослѣдствіи Ралль жаловался кабинету на недостаточность этихъ денегъ, но онѣ не были увеличены до 1795 года, когда нигѣмъ незанятый дворецъ назначенъ былъ цесаревичу Константину Павловичу и, по случаю предстоявшаго въ 1796 г. его бракосочетанія, ремонтировался извѣстнымъ архитекторомъ Старовымъ.

Въ „Дневникѣ Храповицкаго“ (изданіе Базунова, съ объясненіями Барсукова, на стр. 51) сказано: 7-го октября 1787 года „привезъ изъ Мраморнаго дома всѣ медали въ эрмитажъ, и приказано, чтобъ далъ я въ нихъ росписку“.

Иванъ Егоровичъ Старовъ (род. 1743, † 1808 г.) былъ изъ первыхъ воспитанниковъ Академіи художествъ и отличался своими знаніями и искусствомъ сочинять и рисовать проекты. Между прочими сооруженіями, онъ построилъ Таврической дворецъ, соборную церковь Александро-Невскаго монастыря, церковь въ Софіи, что въ Царскомъ селѣ, и загородный дворецъ на лѣвомъ берегу Невы, Пеллу, гдѣ Екатерина, на значительномъ возвышеніи, повелѣла построить дворецъ предъ полукруглымъ амфитеатромъ, составляемымъ излуціною Невы, и такъ назвать въ память рожденія перваго богодарованнаго ей возлюбленнаго внука, названнаго Александромъ, потому что Александръ, сынъ Филипповъ, бывшій

царь Македонскій, прозванный Великимъ, родился въ Пеллѣ („Описание села Царскаго или Спутникъ, обозрѣвающій оное“, стр. 141).

Пелла, прежде загородный домъ сенатора Неплюева, куплена въ 1784 г. и уже стали обозначаться огромныя зданія съ арками, колоннадами, по опушкѣ Термы въ подражаніе римлянамъ; все обѣщало тамъ соперницу Царскому селу, но съ 1793 года работы прекратились, все до основанія уничтожилось, и въ послѣдствіи матеріалы развезены въ разныя мѣста. Это обстоятельство объяснить можно тѣмъ, что 1792 г. началась постройка въ Царскомъ селѣ Ново-Александровскаго дворца, по поводу котораго Сумароковъ въ „Обозрѣніи царствованія и свойствъ Екатерины Великія“, говоритъ: „Имя Александра всегда вырывалось изъ устъ Екатерины съ пріятною улыбкою; въ младенчествѣ искала ему забавъ, въ юности предупреждала его желанія и хотѣла оставить памятникъ сихъ нѣжныхъ въ нему чувствъ, повелѣвъ славному Гваренги, не щадя ни искусства, ни издивенія, соорудить для него особое обиталище. Всѣ знатоки признають Александровскій дворецъ образцемъ художества, единственнымъ въ своемъ родѣ; но Екатерина не одобрила зданія, ей казалось, что великолѣпіе не соответствовало ея любви къ нему (часть II, стр. 89). Тотъ-же авторъ замѣчаетъ, что „дворецъ Мраморный построенъ по плану императрицы, а потому съ немалыми погрѣшностями, примѣчателенъ только по великолѣпію“ (ч. III, стр. 231). Дѣйствительно, по наружной отдѣлкѣ и внутреннему убранству дворецъ Мраморный до настоящаго времени служить прекраснымъ памятникомъ щедрости Екатерины. Нижний этажъ обложенъ весь тесанымъ дикимъ камнемъ, верхніе-же два разноцвѣтнымъ, полированнымъ финляндскимъ и сибирскимъ мраморомъ, изъ котораго сдѣланы и варнизы. По словамъ современниковъ, въ нижнемъ этажѣ помѣщались высокіе, хорошо убранные, „гостинные покои“, прекрасная домовая церковь, о которой будетъ сказано подробно далѣе, и кухня. Въ средній и верхній этажи вела богатая парадная лѣстница изъ сѣраго мрамора съ нишами для статуй и вазъ, сохранившая свой великолѣпный видъ до настоящаго времени.

Средній этажъ великолѣпнѣемъ, изящнымъ вкусомъ и разно-

образіемъ предметовъ плѣнялъ всякаго любопытнаго зрителя. Въ немъ находилось отъ 60 до 70 комнатъ, такъ расположенныхъ, что, проходя ихъ, приходилось побывать только въ двухъ или трехъ два раза. Ножки у зеркальныхъ столиковъ и двери у балконовъ, всѣ мѣдныя, были „крѣпко раззолочены“. Обои, занавѣси, стулья, штучные полы, живопись на потолкахъ, печи, комельки, часы, вазы, люстры и проч. въ каждой комнатѣ были различныя. Въ одной изъ комнатъ на богатыхъ уборахъ шелкомъ и гарусомъ были „многократно вышиты и цвѣтами увѣшаны буквы Е. В.“ (Екатерина Вторая). Въ четырехъ покояхъ стѣны были убраны картинами, большею частію портретами императорскаго дома. Въ одной вмѣсто обоевъ находились деревянныя, пальмовыя барельефы, повѣшанныя теперь въ библіотекѣ его высочества; въ другихъ стѣны отдѣланы были ляписъ-лазурью и яшмою. Главное зало имѣло въ вышину весь второй и третій этажъ и окна въ два свѣта; въ немъ находилось семь паникадилъ или люстръ и хоры для музыкантовъ и кромѣ того во дворцѣ была комната, отдѣланная въ турецкомъ вкусѣ, а также великолѣпная греческая, а рядомъ съ ней русская баня. Библіотека-же, находившаяся въ Мраморномъ дворцѣ, куплена была у герцога Эггерса въ Данцигѣ въ 1787 году, и по представленію графа Ангальта пожалована императрицею шляхетному сухопутному корпусу; она заключала около 7 тысячъ томовъ (Георги, Описаніе Петербурга).

Въ день бракосочетанія в. кн. Константина Павловича (совершившагося 15-го февраля 1796 г.), происходившаго въ церкви Зимняго дворца, послѣ обѣденнаго стола въ Георгіевской залѣ и по окончаніи бала, за нѣсколько времени, его высочество Александръ Павловичъ съ супругою своею Елизаветою Алексѣевною отъѣхали со своимъ придворнымъ штатомъ въ Мраморный дворецъ для пріема въ немъ новобрачныхъ. Кортѣжъ слѣдовалъ отъ подъѣзда Зимняго дворца, что на Невѣ (теперь Іорданскій), здѣсь по набережной, что между симъ дворцомъ и Мраморнымъ, и подъѣзжая къ послѣднему, выѣзжалъ сквозь задній дворъ въ переулокъ, что между симъ дворцомъ и домомъ графини Савронской, и тѣмъ же порядкомъ объѣзжая домъ вице-адмиральши Рибасъ, кареты становились одна за другой, начиная отъ заднихъ воротъ

Мраморнаго дворца, кои въ переулокъ (т. VI, стр. 153, „Дѣянiя Екатерины II, соч. Колотова).

На другой день приносились въ дворецъ Мраморномъ поздравленiя новобрачнымъ, а спустя нѣсколько дней Екатерина обѣдала у своего внука и вотъ что она писала о Мраморномъ дворецѣ въ письмѣ къ Гримму: „Je pense qu'il est difficile de trouver une plus belle maison, plus richement meublée et avec plus de goût, de commodité, de richesse; nous nous sommes amusés avant et après le diner à parcourir toute la maison, et j'en suis très contente, et le sieur Constantin aussi“. (Сб. Историч. общ., т. XXIII, стр. 669).

Вскорѣ послѣ послѣдняго раздѣла Польши, въ 1797 году, въ Петербургъ прибылъ король польскiй Станиславъ-Августъ Понятовскiй, который изъ предложенныхъ для него и его свиты дворцовъ: Каменнаго, Таврическаго и Мраморнаго, избралъ послѣднiй, почему великому князю Константину Павловичу пришлось временно поселиться въ домѣ бывшаго оберъ-гофмаршала Шепелева, на Миллионной улицѣ, по берегу Зимняго канала, противъ Зимняго дворца, ремонтированнаго одновременно съ Мраморнымъ тѣмъ же Старовымъ (домъ Шепелева купленъ въ казну за 38,000. Указ. Каб. 13-го августа 1768 г.).

Въ 1798 году въ февралѣ мѣсяцѣ Понятовскiй скончался въ Мраморномъ дворецѣ и погребенъ 18-го февраля подъ католической церковiю на Невскомъ проспектѣ (Госуд. Арх., XII, 249).

По кончинѣ Константина Павловича (27-го iюня 1831 года) Мраморный дворецъ опустѣлъ, большая часть мебели и вещей перенесена была въ другiе дворцы, а съ 6-го марта 1832 года дворецъ назначенъ Государю Великому Князю Константину Николаевичу и поступилъ въ вѣдѣнiе департамента удѣловъ, отъ котораго въ январѣ 1844 г. сданъ строительной комиссиі, а отъ послѣдней перешелъ въ вѣдомство Кабинета Его Величества 21-го августа 1848 г. Съ 1849 г., въ теченiи 4-хъ лѣтъ, въ дворецѣ производился большой ремонтъ. Реставрировалъ его архитекторъ, покойный, Александръ Павловичъ Брюлловъ. Послѣ того въ 1849 г., 10-го декабря, послѣдовалъ именной указъ государя Николая Павловича о пожалованiи Мраморнаго дворца въ даръ, въ потом-

ственное владѣніе его императорскому высочеству Константину Николаевичу, и наименованіе дворца Константиновскимъ. (Арх. Департ. удѣловъ, № 495).

III.

Обращаясь, въ заключеніе, къ церкви Мраморнаго дворца, мы должны сказать, что въ отчетѣ Мордвинова за 1782 г. упомянуто о настилкѣ штучнаго дубоваго пола столяромъ Мейеромъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ назначено быть церкви, въ количествѣ 12 квадр. саж. и 3-хъ аршинъ. Въ то-же время мастеръ Смирновъ золотилъ иконостасъ, а живописецъ Кристь написалъ мѣстныя иконы. Комната, назначенная для церкви, находилась отъ восточнаго угла въ девятомъ простѣннѣ и имѣла четыре окна на Неву. До назначенія дворца Константину Павловичу, освященіе церкви не было совершено, которое происходило въ 1795 году. Въ письмѣ, отъ 14-го декабря, Петръ Ив. Турчаниновъ къ Вас. Степ. Попову писалъ, что ея величество указала ему имѣющуюся въ Мраморномъ домѣ церковь освятить, образъ храмовой Входа въ храмъ Пресвятыя Богородицы написать, церковную утварь и ризницу со всѣми принадлежностями сдѣлать отъ Кабинета: 1) образъ же храмовой отдать писать діакону изъ Чесмы; 2) въ то-же время, 14-го декабря, къ имѣющемуся освятиться храму священникомъ Вас. Григорьевымъ, по реестру отъ Кабинета принята была и церковная утварь: дарохранительница на престолъ серебряная, вызолоченная съ финифтяными образами; дароносица маленькая для запасныхъ даровъ золоченая въ 82 зол.; потиръ, дискось со звѣздою, два блюда, ложица—серебряная съ позолотою, а потиръ съ финифтяными образами въ 5 фун. 70 зол.; два копія съ костяными ручеями; евангеліе съ серебряною позолоченою доскою, съ финифтяными образами; крестъ на-престольный серебряный, вызолоченный, съ финифтяными образами въ 1 фун. 72 зол.; крестъ серебряный малый; два под-свѣчника серебряныхъ малыхъ настольныхъ 2 фун. 52 золоты; кадило изъ серебра въ 1 фун. 20 зол.; ладоница съ крышкою того-же металла 46 з.; два сосуда для благословенія вина и елея съ крышками позолоченные и блюдо — всѣ вѣсомъ 3 фун.

29 зол.; двѣ тарелки для просфоръ и теплоты 2 фун. 74 зол. и одинъ ковшъ поволоченный въ 79 зол. Всѣ эти предметы, исключая дарохранительницы, находятся въ церкви и въ настоящее время. Точнаго свѣдѣнія о днѣ освященія церкви не сохранилось, такъ какъ всѣ документы утрачены во время пожара, бывшаго въ канцеляріи управленія, придворнымъ духовенствомъ при протопресвитерѣ Крилицемъ.

Въ 1796 г., 7-го января, императрица повелѣла устроить для церкви водосвятную чашу, а 12-го апрѣля того-же года были доставлены изъ Кабинета плащаница, написанная художникомъ Иваномъ Бѣльскимъ, а художникъ Бѣльскій, какъ и архитекторъ Старовъ, въ 1770 году выставялъ на выставкѣ въ академіи художествъ слѣдующія произведенія: 1) образъ св. апостола Петра, съ картины Пючети дѣланъ мозаикою; 2) образъ св. апостола Павла и образъ св. Екатерины, оба дѣланы мозаикою съ картинъ подѣ смотрѣніемъ назначеннаго (т. е. въ академіи) Бѣльскаго и принадлежали, какъ сказано въ каталогѣ, эрмитажу, и 3) эскизъ, представляющій Рождество Христово, съ котораго будетъ сдѣлана мозаика. Въ описаніи церкви у Пушкирева сказано, что изъ образовъ церкви Мраморнаго дворца замѣчательны: 1) два маленькихъ образа, написанные на яшмовыхъ доскахъ, „Воздвиженіе креста“ и „св. вн. Владиміра съ Ольгою“; 2) запрестольный образъ „Страданіе Спасителя“, 3) „Снятіе со креста“ и 4) образъ мозаической работы Божіей Матери, который, по всей вѣроятности, принадлежалъ работѣ Ив. Ив. Бѣльскаго († 1799 г.).

Праздникъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы имѣетъ историческое значеніе. 1768 года, 12-го октября ¹⁾, императрица Екатерина Великая показала на себѣ примѣръ привитія оспы, и послѣ окончательнаго выздоровленія, 21-го ноября, она вышла въ храмъ для благодарственнаго моленія, послѣ котораго принимала поздравленіе съ благополучнымъ исходомъ болѣзни. Во всѣхъ церквяхъ Петербурга въ тотъ день былъ цѣлдневный звонъ, а изъ Петропавловской крѣпости производилась пушечная пальба. На другой день, 22-го ноября, приносили поздравленія гг. сенаторы, причемъ постановили: „дабы память сего отъ Все-

¹⁾ Госуд. Арх., ук. гр. Петру Сем. Салтыкову 1768 г., 27 октября.

вышняго на Россію изліяннаго милосердія въ сердцахъ вѣрно-подданныхъ ея императорскаго величества незабвенно пребывала“, то на будущіе годы установлено ноября 21-й день торжествовать, какъ въ столичныхъ, такъ и во всѣхъ прочихъ имперіи ея величества городахъ, во всемъ подобно нынѣшнему учиненному здѣсь торжеству ¹⁾. Съ того же времени въ Россіи ввелось повсемѣстное оспопрививаніе. Очень можетъ быть, что церковь Мраморнаго дворца посвящена Входу во Храмъ Пресвятыя Богородицы въ память этого событія.

Въ нижнемъ этажѣ дворца церковь находилась до 1846 г., а въ этомъ году, по случаю его ремонта и приготовленія для государя Великаго Князя Константина Николаевича, она была перемѣщена въ комнаты 2-го этажа служебнаго дома по лицевой сторонѣ на Неву ²⁾. Во дворцѣ же рѣшено было устроить церковь совершенно новую. Въ 1849 г. окончился ремонтъ дворца, а вмѣстѣ съ тѣмъ было окончено и устройство новой церкви, которая и была освящена духовникомъ ихъ императорскихъ величествъ, протопресвитеромъ Василиемъ Борисовичемъ Бажановымъ, 27-го декабря того года, также, какъ и въ 1795 г., въ честь Входа во Храмъ Пресвятыя Богородицы. Прежняя же церковь, устроенная въ служебномъ домѣ, была закрыта, и иконостасъ, ризница, часть утвари и старыя богослужебныя книги его императорское высочество государь великій князь Константинъ Николаевичъ соизволилъ пожертвовать въ Никифоровскую пустынь Олонецкой губерніи.

Вновь устроенный храмъ помѣщается въ верхнемъ этажѣ Мраморнаго дворца и занимаетъ четыре комнаты съ восемью окнами, въ каждой по два, выходящими на фасадную сторону къ Невѣ. Ризницею своею онъ прилегаетъ къ западной стѣнѣ Мраморнаго зала; затѣмъ слѣдуютъ: алтарь, собственно церковь, въ которой на западной сторонѣ устроена ниша въ видѣ часовни съ куполомъ, гдѣ во время богослуженія предстоятъ ихъ высочества, и далѣе къ западу еще комната, за моленной, изображающая какъ бы притворъ. Входовъ въ храмъ три: противъ па-

¹⁾ „Спб. Вѣд.“ 1767 г., прибавл. къ № 103.

²⁾ Арх. Департ. Удѣловъ.

радной лѣстницы въ церковь, у черной въ притворъ и въ ризницу чрезъ боковую комнату.

Всѣ входы съ южной стороны. Иконостасъ устроенъ въ четыре яруса, выкрашенъ синею масляной краской и украшенъ рѣзными изъ дерева золочеными въ два цвѣта колоннами, бордюрами и багетами. Первоначальныя иконы въ немъ поставлены были всѣ итальянской живописи, но въ 1850—1852 г. замѣнены иконописными въ древнемъ византійскомъ стилѣ, написанными извѣстнымъ знатокомъ древней иконописи Пѣшеоновымъ, исключая иконъ второго яруса и на царскихъ вратахъ четырехъ евангелистовъ и Благовѣщенія. Двѣ мѣстныя иконы—Спасителя и Богоматери, итальянской школы, хранятся въ ризницѣ, а прочія обдѣланы въ золотыя рамы и симметрически размѣщены по стѣнамъ проходной комнаты отъ парадной лѣстницы въ церковь, предназначенной также для молящихся.

Въ настоящее время въ храмѣ находятся слѣдующія иконы:

Въ алтарѣ: на горномъ мѣстѣ, въ нишѣ на стѣнѣ, Господа Вседержителя, а по сторонамъ—Божіей Матери и св. Крестителя Іоанна; надъ жертвенникомъ, въ нишѣ же, Знаменія Божіей Матери; за престоломъ, на деревянномъ треножникѣ, бѣломъ съ позолотою, икона, поднесенная его императорскому высочеству государю великому князю Константину Николаевичу отъ Финляндскаго полка, въ память спасенія его высочества отъ руки убійцы въ Варшавѣ 21-го іюня 1861 г. На ней изображенъ въ верху Спаситель, немного ниже Ангель съ дымящимся кадиломъ, а внизу лики молящихся святыхъ Царя Константина, святителя Спиридона и мучен. Юліана. Сзади и по краямъ икона обложена вызолоченнымъ серебромъ.

Въ иконостасѣ съ правой стороны: Спасителя, на южной двери св. благов. вел. кн. Георгія Владимірскаго—въ память дня рожденія великой княгини Вѣры Константиновны, 4-го февраля 1854 г.; Входа во храмъ Пресвятыя Богородицы; святителя Николая Чудотворца; съ лѣвой стороны Божіей Матери; на сѣверныхъ дверяхъ св. благов. великаго князя Александра Невскаго; Срѣтенія Господня—день рожденія великаго князя Николая Константиновича и св. царицы Александры. Во 2-мъ ярусѣ: 16 круглыхъ небольшихъ иконъ главнѣйшихъ церковныхъ праздни-

ковъ, а надъ царскими вратами Софіи Премудрости Божія. Въ 3-мъ ярусѣ: 12 св. Апостоловъ и равноапостольнаго царя Константина, царицы Елены, великаго князя Владиміра и великой княгини Ольги, а надъ царскими вратами Деисусъ. Въ 4-мъ ярусѣ: 12-ти св. Пророковъ и Знаменія Божія Матери и, наконецъ, надъ иконостасомъ икона Господа Саваоа съ исходящимъ Духомъ Святымъ, а надъ нею Св. Крестъ.

На сѣверной сторонѣ церкви, между окнами, на стѣнѣ изображены: св. великомученица Марина, а вверху ея св. апостоль Петръ, спасаемый Иисусомъ Христомъ отъ потопленія. Эта икона написана въ память спасенія его высочества государя великаго князя Константина Николаевича отъ потопленія въ день св. Марины, 17-го іюля 1854 года. По сторонамъ молельни, на столбахъ, поддерживающихъ ея куполъ, изображенія св. благов. князей Бориса и Глѣба. На южной стѣнѣ: св. благов. князей Михаила Тверского и Михаила Черниговскаго и святителей: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, всея Россіи чудотворцевъ.

Изъ святынь храма, обращающихъ на себя благоговѣйное вниманіе молящихся, достопримѣчательны слѣдующія: на аналоѣ, предъ мѣстною иконою Спасителя, серебряный вызолоченный крестъ, въ которомъ хранятся двѣ частицы Животворящаго древа Креста Господня, принесенныя въ даръ ихъ императорскимъ высочествамъ: государю великому князю Константину Николаевичу и супругѣ его государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ іерусалимскимъ патріархомъ Кирилломъ въ 1859 г., во время путешествія ихъ высочествъ по Святымъ мѣстамъ. Въ томъ же крестѣ хранятся частицы мощей: св. царя Константина, св. царицы: Александры и Теофаніи, св. Мирносицы: Маріи Магдалины и Саломіи, св. Василія Великаго, св. первомуч. архидіакона Степана и св. великомуч. Евфиміи. На томъ же аналоѣ: 1) хрустальный четырехъугольный продолговатый ковчегъ съ серебряной вызолоченной крышкою, въ которомъ хранятся частицы мощей святыхъ: царицы Теофаніи, великом. Евфиміи, Мирносицы Саломіи и камень отъ прославленной чудесами колонны св. великомуч. Георгія; 2) два круглыхъ хрустальныхъ ковчегъ въ серебряной вызолоченной оправѣ и такими же крышками съ крестами, въ нихъ два камня: въ первомъ отъ Гроба

Господня, во второмъ отъ горы Голгофы, и 3) крестъ съ четками изъ масличныхъ деревъ Геосиманскаго вертограда ¹⁾).

У иконы св. великомученицы Марины, на бронзовой площадке, придѣланной къ стѣннымъ периламъ, помѣщается серебряный вызолоченный съ эмалью ковчегъ, въ видѣ гробницы, со стекломъ въ крышѣ, въ которомъ хранится персть нетлѣнныхъ мощей св. великом. Марины. Эта часть св. мощей прислана въ даръ его высочеству государю великому князю Константину Николаевичу отъ почивающаго въ Бозѣ великаго государя императора Александра II—17-го іюля 1869 года въ двадцатипятилѣтнюю годовщину спасенія его высочества отъ потопленія 17-го іюля 1854 г.

Предъ мѣстною иконою Богоматери, на аналоѣ, въ кивотѣ подъ стекломъ, хранится древняя икона Спасителя, принадлежавшая Никитѣ Романовичу Юрьеву-Захарьину. На обратной сторонѣ надпись Никиты Романовича. Эта икона поднесена въ даръ отъ А. Н. Муравьева съ Аѳона.

Въ притворѣ, за моленной, предъ иконою въ память тысячелѣтія Россіи, прикрѣпленной къ стѣнѣ, помѣщается на продолговатомъ столѣикѣ модель часовни Гроба Господня изъ дерева,—даръ іерусалимскаго патріарха Кирилла въ 1859 г.

Въ ризницѣ, на двухъ аналояхъ, въ кіотахъ подъ стеклами находятся двѣ иконы, которыми императрица Екатерина II благословила цесаревича Константина Павловича при вступленіи его въ бракъ: 1) Спасителя въ золотой ризѣ, въ вѣнцѣ которой слова *ὁ ὢν* и надпись *Ιϛ Χϛ* сдѣланы изъ мелкихъ брилліантовъ, и 2) св. равноапост. царя Константина и священномуч. Симеона, также въ золотой ризѣ съ вѣнчиками изъ мелкихъ брилліантовъ, вверху которой изображенъ Спаситель, окруженный ангелами; въ кіотѣ первой иконы хранятся два камня отъ дома св. Іоакима и Анны. Кромѣ этихъ иконъ, поступившихъ изъ прежней церкви Мрамор-

¹⁾ Всѣ эти святыни привезены ихъ высочествами изъ Іерусалима въ 1859 г. Въ удостовѣреніе подлинности ихъ въ ризницѣ хранится грамота патріарха Кирилла на греческомъ и арабскомъ языкахъ, съ переводомъ на русскій. Св. Крестъ съ частицами Древа Креста Господня освященъ 14-го февраля 1860 года с.-петербургскимъ митрополитомъ Григоріемъ, въ сослуженіи митрополитовъ: кіевскаго—нынѣ с.-петербургскаго—Исидора и литовскаго Іосифа, въ память чего въ ризницѣ хранится о семъ освященіи, съ подписью вышеозначенныхъ митрополитовъ, запись.

наго дворца, есть много и другихъ, относящихся ко времени устройства церкви въ прошломъ столѣтїи, по случаю вступленія въ бракъ цесаревича Константина Павловича.

Церковь въ Мраморномъ дворцѣ, съ начала ея основанія и до настоящаго времени, находилась въ придворномъ вѣдомствѣ. Именовалась въ официальныхъ бумагахъ до 1849 г. церковію Введенія во Храмъ Пресвятыя Богородицы, что въ Мраморномъ дворцѣ, а съ того времени называется церковію Константиновскаго дворца.

Протоіакопъ В. Орловъ.

С.-Петербургъ,
12-го октября 1884 г.

Примѣчаніе. Считаемо долгомъ выразить нашу благодарность И. Н. Божерянову, сдѣлавшему указанія и ссылки на печатные матеріалы, приводимыя въ настоящей статьѣ о Мраморномъ дворцѣ, а также за весьма обязательно сообщенный намъ списокъ гравюръ и рисунковъ, съ изображеніемъ Мраморнаго дворца, находящихся въ коллекціи Павла Як. Дашкова:

1. Мѣстоположеніе Мраморнаго дворца изображено въ первый разъ гравюромъ петровскаго времени Эллингеромъ, на видѣ Невской набережной отъ Лѣтнаго сада до мѣста, занимаемаго теперь дворцомъ в. к. Владиміра Александровича. „Видъ дворцовой канцеляріи съ слѣдующими палатами“— „*Vue de la chancellerie de la cour avec les Palais suivant*“. Гравировано рѣзцомъ. Вышина $50\frac{1}{2}$, ширина $66\frac{3}{4}$ сантиметра. Мѣстоположеніе Мраморнаго дворца, между палатами князя Кантемира и Мусина-Пушкина. Дома мазанковныя, набережная деревянная со спусками передъ каждымъ домомъ.

2. Видъ Мраморнаго дворца со стороны Царицына луга. Гравировано черною манерою Соколовымъ, безъ его имени, в. 28, ш. 44. Первый видъ, изображающій Мраморный дворецъ и единственно извѣстный экземпляръ.

3. Рисунокъ акварелью В. Паттерсена. Видъ Мраморнаго дворца со стороны Марсова поля, в. $44\frac{1}{2}$, ш. 70.

4. „*Vue du Palais de Marbre à sa facade d'entrée et alentours faisant le Jardin Imperial à St. Petersbourg*“. Гравировано очеркомъ крѣпкой водкой и раскрашено отъ руки В. Паттерсеномъ (около 1799). Размѣры тѣ же, что и акварели № 3.

5. Копія съ предыдущей гравюры съ небольшими измѣненіями. „*Vue du Champ de Mars avec l'obelisque du Feld Maréchal Comte Pierre de Romanzof et de la Facade du Palais de Marbre à St. P.; prise du côté du Jardin Imperial (Lory fils 1804)*“. Гравировано очеркомъ рѣзцомъ и крѣпкой водкой для раскрашенія, в. 39, ш. $65\frac{3}{4}$.

6. „*Vue du Palais de Marbre et de ses environs, vers la Nawa (prise du côté de Wasiliostroff) de Mayr pinx. M. G. Eichler sculp. Entrepris aux Trait de Jean Walzer, Negociant de la premiere classe à Moscou, publié en 1799*

avec Privilige de S. M. I. Paul Premier Empereur de toutes les Russie. Гравировано рѣзцомъ, в. 38¹/₂, ш. 65¹/₅.

7. Копія № 6 съ небольшими измѣненіями: Vue du Palais du Marbre et des ses environs à St. P. C. A. Hammer sculp. 1808. Dresden bey Hr. Rittner. Гравировано очеркомъ крѣпкой водкой и раскрашено отъ руки, в. 37, шпр. 53¹/₄.

8. Видъ со стороны крѣпости: Palais de Marbre pris du couper de la Forteresse à St. P., в. 39, ш. 59¹/₂, крѣпкая водка и раскрашено отъ руки Паттерсеномъ.

9. Копія съ № 8 въ уменьшенномъ видѣ рѣзцомъ Klenze del—Schroeder sculp. Vue du Palais de Marbre a St. P. Первые оттиски безъ всякой подписи, проложены чистой крѣпкой водкой.

10. Изображеніе Мраморнаго дворца на видѣ набережной, гравированной Паттерсеномъ въ 1799 г., крѣпкой водкой, раскрашено отъ руки, в. 41, шпр. 59.

11. На гравюрѣ: Le Palais Imperiale d'hiver du coté de la Nawa à St. P.; гравировано крѣпкой водкой очеркомъ и раскрашено отъ руки. Работа 1803 г. того же автора, какъ и № 10. Мѣра какъ и предыдущей гравюры.

12. Видъ Мраморнаго дворца со стороны Павловскихъ казармъ.

Drawn by Joseph Hearn—Engrav'd by Tho-s Malton. A view of the Marble palace & c in the Great Millione, St. Petersburg—Vue du Palais de Marbre & c dans la Grand Millione, St. P. Published Aug-t, 12 1790 by Joseph Hearn St. P. & J Dean Bentinck Street Soho London, в. 33, ш. 50¹/₂, грубая аквантинта, первые оттиски имѣютъ подписи сквозными буквами и печатаны рижеватою краскою, а у послѣдующихъ буквы затѣнены и печатано сѣроватымъ тономъ.

13. Копія въ увеличенномъ видѣ съ предыдущей съ небольшими измѣненіями: Vue du Palais de Marbre dans la grand Millione à St. P., в. 37¹/₂, ш. 56, также аквантинта и съ нея существуютъ гравюры, печатанныя въ два тона и красками.

14. Точная копія съ № 13-го въ уменьшенномъ видѣ, в. 24, ш. 34.

Drawn by Moynay.—Clark & Dubourgh sculp. View of the Marble in the grand Millione St. P. Въ дубовомъ вѣнкѣ: February. Vue du Palais de Marbre dans la grand Millione a St. P. Гравюра аквантинта и печатана красками. London Published & Sold April 28. 1815 by Edw-d Orme Publisher to His Majesty and H. R. H. the Prince Regent Bond Street, corner of Brook Street.

15. Видъ также со стороны Павловскихъ казармъ, но съ другой точки point de vue, Marbre palace St. P. Taylor del — S Port sculp. гравировано рѣзцомъ, в. 31, шпр. 20.

Во вторыхъ отпечаткахъ имена мастеровъ уничтожены и прибавленъ: Published 1-st June, 1802. For the monthly registre.

16. На рисункѣ тушью М. Воробьева, в. 29¹/₂, ш. 42¹/₂.

17. На рисункѣ съ натуры Сабата, в. 30, ш. 43, рисунокъ этотъ былъ литографированъ.

18. Рисунокъ съ натуры В. Паттерсена: La statue de Souvorof et l'obelisque de Roumaintzof à St. P., в. 38, ш. 58.

19. Гравюра крѣпкой водкой очеркомъ и раскрашена отъ руки Паттерсена съ предыдущей, мѣра та же.

20. Рисовавъ съ натуры и гравировавъ Иванъ Мартыновъ 1814 г. Dessine d'apres Nature et gravé par J. Ivanoff l'an 1814. Подпись: „Видъ Царицына луга изъ Верхняго саду“.

Vue du Pré Tzaritzin prise du Jardin d'enhaut. Гравюра á l'eau forte и раскрашена отъ руки, в. 34, ш. 56.

21. На видѣ набережной, гравированной А. Мартыновымъ крѣпкой водкой; въ листъ, безъ всякой подписи.

22. На видѣ набережной, снятой съ Петропавловскаго собора (около 1820 г.) St. Petersburg (Se vend à Vienne chez Artaria et Compag. Propriété des Editeurs). Deposé à la Bibliothèque Imp. et Roy. de Vienne. Гравировано очеркомъ рѣзцомъ и раскрашено отъ руки, в. 39, ш. 71.

23. Копія съ предыдущаго № 22 въ уменьшенномъ видѣ (того же времени). St. Petersburg Schonberg fec, кр. водкой, в. 18, ш. 30½.

И. В.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЦОВА

† 27-го іюня 1740 г.¹⁾.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ Н. А. Кириловича, начальника Ново-Александрійскаго	5 руб.
„ А. А. Чумикова изъ г. Ревеля.	5 „

А съ прежде поступившими всего . 1,883 руб.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 244; февраль, стр. 477; мартъ, стр. 716; т. XLVI, апрѣль, стр. 228.

ОТКРЫТІЕ ПАМЯТНИКА М. И. ГЛИНКѢ ВЪ СМОЛЕНСКѢ

20-го мая 1885 г.

14-го ноября 1870 года множество поклонниковъ великаго композитора нашего Глинки наполнили зало дворянскаго собранія въ С.-Петербургѣ: шелъ концертъ, составленный изъ произведеній этого гения; цѣль концерта была собраніе фонда на сооруженіе памятника М. И. Глинкѣ—на мѣстѣ его родины, въ Смоленскѣ ¹⁾).

Прошло четырнадцать лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени шелъ, то совсѣмъ замирая, то вновь возбуждаемый усиліями нашихъ перво-классныхъ музыкальныхъ мѣэстро, какъ напр. А. Г. Рубинштейна, сборъ въ тотъ же фондъ по сооруженію намятника.

16-го сентября 1883 г. совершена въ Смоленскѣ закладка памятника Михаилу Ивановичу Глинкѣ, и вотъ, наконецъ,—20-го мая 1885 года—послѣдуетъ торжество его открытія.

Это событіе всеконечно вызоветъ повсюду на Руси и въ славянскихъ земляхъ, гдѣ хорошо знаютъ музыку Глинки, чувство общаго удовольствія: великому творцу отечественной оперы воздается, наконецъ, должная дань уваженія и благодарности.

Ред. «Русской Старины» съ чувствомъ живѣйшаго сочувствія встрѣчаетъ это событіе: въ теченіе пятнадцатилѣтняго періода изданія этого журнала на его страницахъ, ежегодно, появлялись драгоцѣнные матеріалы къ жизнеописанію и къ исторіи музыкальнаго творчества М. И. Глинки. Такимъ образомъ еще въ 1870 году на стр. «Русской Старины» появились обширныя записки нашего отечественнаго композитора — матеріаль драгоцѣнный для знакомства съ его личностью и его творчествомъ;—вслѣдъ за тѣмъ постепенно появлялись записки и

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1870 г. томъ II, (изд. второе, стр. 632; изд. третье, томъ II, стр. 665.

воспоминанія его сестры, Л. И. Шестаковой—съ 1857 года, болѣе четверти вѣка, посвятившей на упроченіе и развитіе всего того, что служить къ славѣ ея брата; записки П. А. Степанова, Ѳ. М. Толстого, А. Н. Струговщикова—и многихъ другихъ, а также письма, брѹлоны и либретто произведеній Глинки, писанныя имъ самимъ.

При настоящей книгѣ «Русской Старины» мы находимъ вполнѣ благовременнымъ помѣстить одинъ изъ весьма удачныхъ, по отзыву Л. И. Шестаковой, портретовъ ея брата. Это самый точный снимокъ съ карандашнаго наброска 1843 года, исполненнаго съ натуры, на вечерѣ у г. Репнинскаго, Николаемъ Ивановичемъ Тихобразовымъ, ученикомъ Карла Павловича Брюллова ¹⁾.

Обращаясь къ вновь открываемому памятнику — напомнимъ нѣсколько данныхъ, относящихся къ исторіи его сооруженія.

Глинка скончался 3-го февраля 1857 г., погребенъ въ С.-Петербургѣ. Мысль о сооруженіи ему памятника, на мѣстѣ его родины, въ Смоленскѣ, какъ мы уже замѣтили выше, возникла въ 1870 году. 14-го іюля того же года Высочайше утвержденъ проектъ академика фонъ-Бокка и возникъ комитетъ по сооруженію памятника. Въ 1881 году общая сумма, собранная на сей предметъ, все еще была недостаточна. Но съ того времени, какъ сталъ во главѣ комитета по сооруженію памятника кн. Георгій Васильевичъ Оболенскій, — избранный въ губернскіе предводители дворянства, фондъ быстро увеличился. 16-го сентября 1883 г., въ день рожденія Людмилы Ивановны Шестаковой (Глинка), съ подобающимъ торжествомъ, своевременно описаннымъ въ газетахъ, совершена закладка памятника—и нынѣ 20-го мая 1885 г. совершится его открытіе.

Ред.

¹⁾ Ник. Ив. Тихобразовъ, пенсіонеръ Общества поощренія художниковъ, на 17-мъ году (въ 1835 г.) началъ ходить въ академію художествъ; въ 1843 году Тихобразовъ получилъ 2-ю золотую медаль за картину „Геркулесъ освобждаетъ Прометей“, въ 1844 г.—званіе художника, въ 1845 г.—первую золотую медаль за картину „Иисусъ Христосъ изгоняетъ изъ храма торгующихъ“, въ 1852 г. Тихобразовъ получилъ званіе академика за картину „Албанка за питьемъ“. Тихобразову принадлежить нѣсколько замѣчательныхъ произведеній, какъ напр.: за трестольный образъ „Моленіе о чашѣ“, трѣ иконостаса въ церквяхъ кіевскаго и новгородскаго кадетскихъ корпусовъ, плафоны въ нѣкоторыхъ дворцахъ и портреты. Какъ отличный рисовальщикъ, онъ былъ приглашенъ въ наставники рисованія дѣтей, въ Бозѣ почившихъ, императора Александра II, также великой княгини Маріи Николаевны. Умеръ Тихобразовъ въ 1873 году.

СТОЛѢТНЯЯ ГОДОВЩИНА ПОЖАЛОВАНІЯ ЕКАТЕРИНОЮ II ГРАМОТЪ

Россійскому дворянству и городамъ имперіи.

1785 — $\frac{\text{апрѣля}}{21}$ — 1885.

21-го апрѣля 1885 г. все Россійское дворянство и городскія общества отпраздновали день первой столѣтней годовщины пожалованія имъ императрицею Екатериною II основныхъ въ исторіи этихъ сословій грамотъ: «на права и вольности Россійскаго дворянства» и «на права и выгоды городамъ»,—законодательныхъ актовъ, опредѣлившихъ права и обязанности, порядокъ самоуправления и отношенія дворянства и городскихъ обществъ къ различнымъ органамъ государственной власти.

Это весьма знаменательное событіе отпраздновано во многихъ городахъ Россіи и въ особенности—въ С.-Петербургѣ съ особенною торжественностью.

Въ этотъ день въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ «благородному Россійскому дворянству», очерчены его заслуги и значеніе въ исторіи Россіи и опредѣлено его современное положеніе.

С.-Петербургское городское общественное управленіе къ этому же дню издало историческое изслѣдованіе: «Столѣтіе С.-Петербургскаго Городскаго Общества, 1785—1885 гг.», трудъ профессора императорскаго харьковскаго университета И. И. Дитятина, составителя извѣстныхъ трудовъ по исторіи городского управленія и хозяйства въ Россіи ¹⁾.

Въ этой книгѣ читатель найдетъ весьма обстоятельную и вполне яркую картину тѣхъ тяжелыхъ условий, чрезъ которыя должно было пройти управленіе городовъ нашего отечества до пожалованія императрицею Екатериною II ея знаменитой грамоты городамъ—«на ихъ права и выгоды»,—подробный разборъ и опредѣленіе значенія жалованной гра-

¹⁾ Изячно изданная книга въ 8 д., стр. X + 403, съ портретомъ императрицы Екатерины II, 1784 г., и со снимкомъ съ ея собственноручной подписи на экземплярѣ Жалованной грамоты, принадлежащемъ городу С.-Петербургу, отъ 29-го января 1786 г.

моты, взгляды на нее современниковъ, указанія на то, въ какой мѣрѣ предначертанія Великой Законодательницы относительно городского самоуправления оказались опередившими свой вѣкъ и не нашли еще въ то время благоприятныхъ условій для ихъ примѣненія, затѣмъ очеркъ городскихъ общественныхъ учреждений С.-Петербурга со дня изданія помянутой грамоты и наконецъ сжатый, но полный живаго интереса, очеркъ исторіи городского хозяйства С.-Петербурга (1785—1885 гг.).

(Отвѣлая нашихъ читателей къ этой книгѣ ¹⁾, отмѣтимъ здѣсь, что празднованіе столѣтней годовщины городского самоуправления совершено при самомъ живомъ участіи представителей общественнаго управленія въ столицѣ и при полномъ сочувствіи печати и общества. С.-Петербургская Дума, давши средства къ изданію помянутой книги, озаботилась устройствомъ народнаго праздника въ столицѣ и, собравшись въ торжественное засѣданіе, выслушала очеркъ, посвященный памяти императрицы Екатерины II.

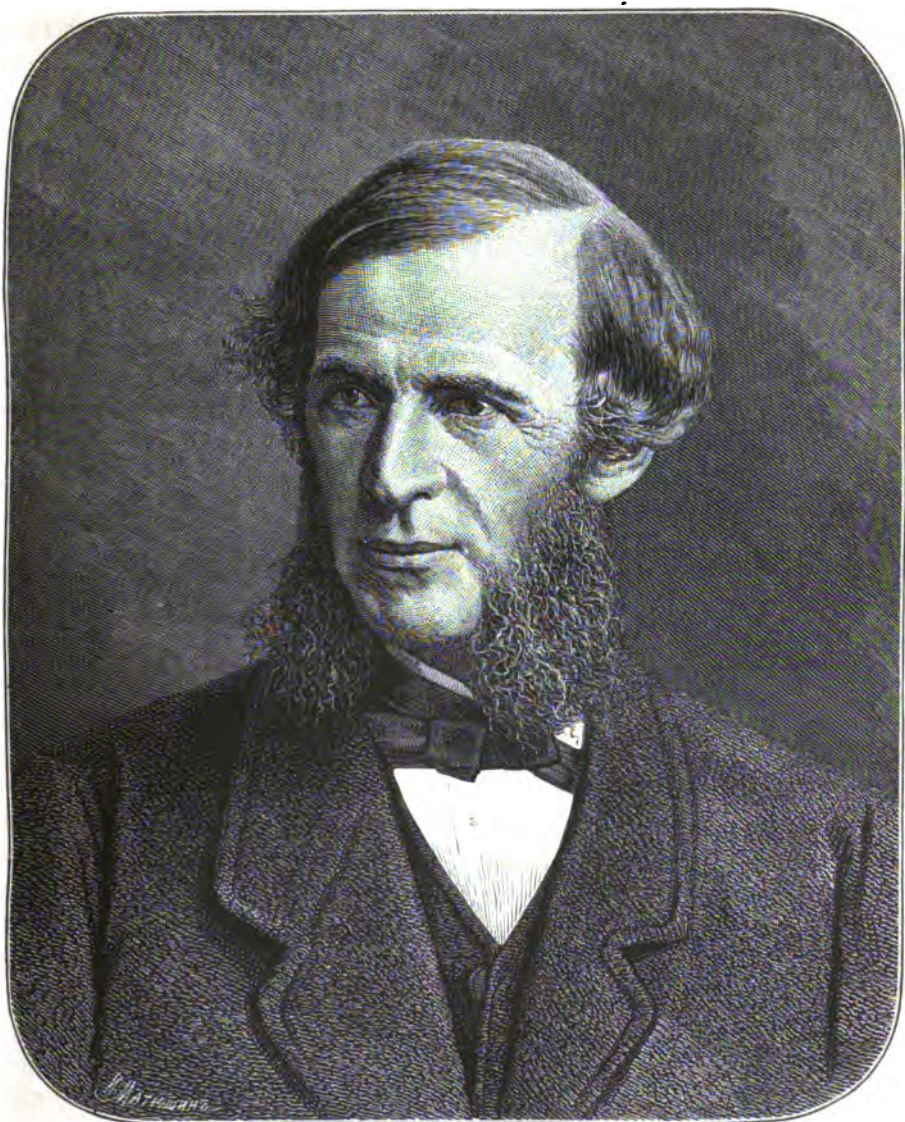
Заслуги городского самоуправления, въ теченіи прожитаго періода, значительны: Верховная власть, ввѣривъ городское хозяйство вѣдѣнію самого общества, въ особенности со времени введенія въ дѣйствіе Городоваго Положенія (1873 г.), вызвала къ дѣятельности вполне живыя силы, и условія быта городовъ изъ года въ годъ несомнѣнно стали улучшаться. Это въ особенности замѣтно въ С.-Петербургѣ: рядъ мѣропріятій городского управленія, по отношенію къ упроченію и развитію народнаго образованія, къ введенію въ жизнь мѣръ къ оздоровленію столицы, содѣйствіе частной и общественной благотворительности, направленной къ помощи бѣднѣйшимъ классамъ населенія, содѣйствіе къ устройству лучшихъ средствъ сообщенія (мостовыя, желѣзно-ковныя дороги, пароходство), сооруженіе монументальныхъ общественныхъ зданій, каковы скотобойни, рынки и проч. и проч.—все это несомнѣнно показываетъ, что городское самоуправленіе, при всѣхъ его недостаткахъ,—частью объясняемыхъ несовершенствомъ еще законоположеній, на которыхъ зиждется его организація,—стоитъ, до извѣстной степени, на высотѣ своего призванія.

Повторимъ же то пожеланіе, которое мы сказали на праздникѣ 21-го апрѣля въ собраніи Думы:

— «Да упрочится и разовьется въ дорогомъ нашемъ отечествѣ городское общественное самоуправленіе въ наступившій для него въ сей день второй вѣкъ его бытія».

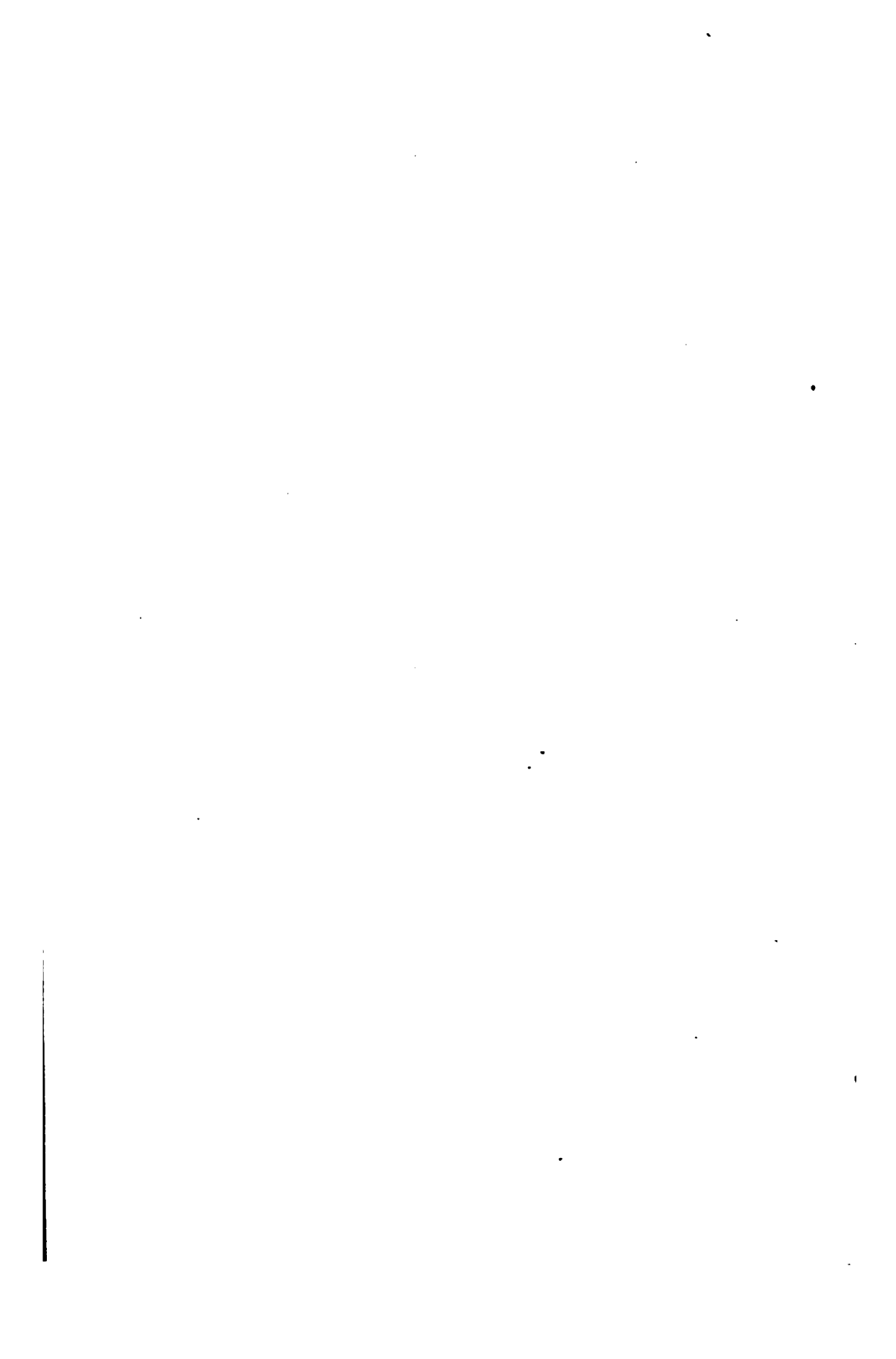
Ред.

¹⁾ Ее можно получить въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ у И. И. Глазунова и друг. Цѣна 2 руб.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПОГРЕБОВЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА СЪ 1860 Г. ПО НОЯБРЬ 1878 Г.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПОГРЕБОВЪ

† 19-го мая 1879 г.

21-го апрѣля 1885 г. С.-Петербургское городское общественное управленіе торжественно отпраздновало столѣтнюю годовщину дарованія Императрицею Екатериною II этому городу (одновременно съ другими городами Россіи) жалованной грамоты.

Эта грамота легла въ основу городского самоуправленія, которое, расширяемое послѣдующими законоположеніями, было установлено въ современномъ его видѣ Городовымъ Положеніемъ 1870 г., — законодательнымъ актомъ Императора Александра II.

Въ весьма важное для городского управленія столицы время составленія и введенія (въ 1873 г.) сего послѣдняго законоположенія— Городскимъ Головою въ С.-Петербургѣ былъ Николай Ивановичъ Погребовъ.

Напоминаемъ читателямъ въ прилагаемомъ при этой книгѣ портретѣ черты этого добраго высоко-честнаго гражданина, горячо преданнаго интересамъ городского общественнаго самоуправленія.

Съ 1860 г., въ теченіи восемнадцати лѣтъ, Н. И. Погребовъ былъ пять разъ къ ряду избираемъ въ должность С.-Петербургскаго Городскаго Головы. Это одно уже было доказательствомъ глубокаго къ нему довѣрія и уваженія всего городского общества.

Въ восемнадцати-лѣтній періодъ службы Н. И. Погребова во главѣ городского общественнаго управленія столицы совершились великія государственныя реформы, ознаменовавшія славою эпоху царствованія Александра II и преобразовавшія строй общественной жизни въ нашемъ отечествѣ. Осуществленіе этихъ реформъ потребовало частію новой дѣятельности отъ городского общественнаго управленія, и Н. И. Погребовъ состоя во главѣ этого управленія, руководилъ имъ въ установленія всего, что относится по новымъ законоположеніямъ до городского общественнаго управленія. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ составленіи новаго Городоваго Положенія, — давашаго ббльшую самостоятельность городскому обществу въ завѣдываніи хозяйствомъ города ¹⁾.

¹⁾ „Извѣстія С.-Петербургской Городской Думы“, 1879 г., № 1, стр. 53.

Вспоминая Н. И. Погребова, нельзя не замѣтить, что дѣятельность его, какъ городского головы, относится въ первые ея годы къ тому періоду, въ которомъ условія, среди которыхъ поставлено было городское общественное управленіе, были далеко не столь благопріятны, какъ то мы видимъ послѣ него. Даже и по введеніи въ дѣйствіе Городоваго Положенія, такъ какъ оно не могло сразу, такъ сказать, войти въ жизнь, ближайшіе по своимъ отношеніямъ къ городскому управленію представители административной власти не могли отвыкнуть и отказаться отъ той тѣсной опеки и отъ того излишняго вмѣшательства въ городскія дѣла, къ которымъ они пріобыкли при прежнихъ порядкахъ, до изданія сего закона. Николаю Ивановичу Погребову предстояло улаживать возникавшія недоразумѣнія и отстаивать дарованныя городу права, въ чемъ онъ и успѣвалъ съ замѣчательнымъ тактомъ.

Вообще, по поводу свершившагося юбилея городского общественного самоуправленія, каждому гражданину С. Петербурга должно помянуть самымъ добрымъ, сердечнымъ воспоминаніемъ искренняго, честнаго и беззаветно преданнаго городскимъ интересамъ перваго, по времени, городского голову въ новѣйшемъ третьемъ періодѣ (съ 1870 г.) бытія самоуправления С.-Петербурга.

Подполковникъ Пацевичъ.

[Къ статьѣ: „Баязетское сидѣнье“].

Въ концѣ 449-й страницы февральской книги „Русской Старины“, изд. 1885 года, т. XLV, на 2-й строчкѣ снизу, корректоръ раздѣлилъ связанное слово „явашь“ и вышло „я вашь“.

Татарское слово явашь означаетъ: будетъ, довольно, даже употребляется въ смыслѣ перестать, а будучи переправлено на русскую фразу, вызываетъ отталкивающее впечатлѣніе отъ произнесшаго ее.

Необходимо исправить эту опечатку, дабы читатели взяли назадъ тяжкое обвиненіе, если оно вырвалось при прочтеніи сценъ, которая при фразѣ „я вашь“ выражала чуть ли не отчаяніе сдающагося. Пацевичъ работъ никогда не былъ.

Е. Е. Гейнсъ.

По случаю празднованія столѣтняго юбилея дарованія императрицею Екатериною II дворянской грамоты, редакция «Всемирной Иллюстраціи» намѣрена приступить къ изданію

„ИСТОРИИ РОДОВЪ РУССКАГО ДВОРЯНСТВА“

въ краткихъ, но полныхъ монографіяхъ титулованныхъ и не титулованныхъ фамилій.

Сост. членомъ импер. археолог. общ. П. И. Петровымъ.

Въ „Исторію родовъ русскаго дворянства“ входятъ не только

„ГЕРБОВНИКЪ И РОДОСЛОВНАЯ КНИГА РУССКАГО ДВОРЯНСТВА“,

но и изложеніе заслугъ отечеству представителей **извѣстныхъ родовъ русскаго дворянства въ историческомъ порядкѣ.**

Сочиненіе это будетъ выходить отдѣльными томами, которые, при точномъ указаніи колѣнъ и развѣтлений рода, вмѣстятъ въ себѣ заслуги представителей

КНЯЖЕСКИХЪ, ГРАФСКИХЪ и ДВОРЯНСКИХЪ ФАМИЛІЙ,

съ **отлично гравированными гербами** каждаго отдѣльнаго рода, по рисункамъ А. А. Фадѣева, офиціальнаго рисовальщика гербовъ при Департаментѣ Герольдіи, выполненными художниками «Всемирной Иллюстраціи».

Источниками для сочиненія по преимуществу служатъ документы архива Департамента Герольдіи Правительствующаго Сената.

Не смотря на наличное богатство матеріаловъ, даже и за ближайшее время, мы съ благодарностію примемъ всякія сообщенія представителей родовъ здравствующихъ членовъ фамиліи; поэтому покорнѣйше просимъ лицъ, желающихъ что-либо сообщить, адресоваться письменно: въ редакцію журнала «Всемирная Иллюстрація», въ С.-Петербургѣ.

Первый томъ „Исторіи родовъ русскаго дворянства“, который вмѣститъ въ себѣ **до ста пятидесяти титулованныхъ и не титулованныхъ фамилій**, выйдетъ въ свѣтъ не позже сентября 1885 года.

Цѣна этого тома, роскошно изданнаго, на лучшей веленовой бумагѣ, въ большомъ форматѣ (около 400 страницъ), въ англійскомъ каленкоровомъ переплетѣ съ тисненными золотомъ геральдическими эмблемами, **поподпискѣ 10 руб.**, съ пересылкою 12 руб.

По выходѣ въ свѣтъ перваго тома, цѣна ему будетъ увеличена.

Для приблизительнаго опредѣленія числа заготовляемыхъ экземпляровъ, мы просимъ о скорнѣйшей, по возможности, присылкѣ заказовъ.

Редакторъ-издатель «Всемирной Иллюстраціи» Гоппе.

Въ книжномъ магазинѣ г. Цинзерлинга и у всѣхъ книгопродавцевъ поступило въ продажу второе изданіе роскошно изданной книги:

„МАЛЕНЬКІЙ ДѢТЯМЪ“

книга для чтенія, составила Елис. Мих. Семейская,

изданіе ред. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Цѣна два руб.

Книга въ роскошномъ переплетѣ, украшена портретомъ Е. И. В. Великой Княжны Ксеніи Александровны и многими гравюрами.

Содержаніе: Кукла, которую мнѣ очень хотѣлось имѣть. — Бабушка-зима. — Виновать-ли Бьюті? — Трудъ. — Бабушка. — Дѣдушка. Стих. М. Стаховича. — Кто больше любитъ Маму. — Бѣлочка. — Дѣвочка и Мама. — Кроликъ. — Нарядница. — Самъ-себѣ-помогай. — Воробья и кошка. — Дождливый день. — Коровушка. — Семья Прокла. Отрывокъ изъ стихотвор. Н. А. Некрасова. — Ласточка. — Мама и Володя. — Попка. — Мама. Стихотвореніе П. К. — Все на пользу. Стихотвореніе П. К. — Забытая кукла. — Забѣтки. — Катя передъ праздникомъ Рождества Христова. Стихотвореніе П. К. — Капризы. — Благодарность Богу. Стих. П. Б. — Богъ вездѣ. — Растеніе. — Пора вставать. Стих. П. К. — Мальчикъ съ кошечкой. — Бабочка. — Дѣтскія ручки. Стихотвореніе А. Н. Плещеева. — Мое новое пальто. — Всегда опаздываетъ ихъ. Стих. П. Б. — Совѣтъ да любовь. — Жаворонокъ и его малютки. — Плохіе зубки. — Мальчикъ и птичка. Стихотв. А. Н. Плещеева. — Въ крестьянской семьѣ. Стихотвореніе С. Д. Дрожжина. — Прогулка въ лѣсу. — Зимой. — Любите порядокъ. — Что думала Мама. — Подарокъ Оль — Настя. — Переѣздъ на дачу. — Мартышка. — Дикая яблоня. — Чижикъ. — Птички. — Не желалъ обидѣть. — Ландышъ. — Лѣсъ зимою. — Малиновка (легенда). — Дѣти и птичка. Стихотвореніе А. Н. Плещеева. — Ожиданіе брата. — Летучая мышь. — Прощай, няня. — Птичка. Стихотвореніе Я. П. Полонскаго. — Моя куколка и я. — Одинъ въ комнатѣ. — Кошка. — Къ дѣтямъ. Стихотвореніе А. С. Хомякова. — Маленькая фея. Сказка. — Весеннія воды. Стихотвореніе Ф. И. Тютчева. — Пчелка. — О насѣкомыхъ. — Ссора дѣтвъ. — Привѣтъ заблуга. Стихотвореніе. — Подосиновикъ-грибокъ. — Дѣдушка Крыловъ. — Стрекоза и Муравей. Басня И. А. Крылова. — Чижъ и Голубь. Басня И. А. Крылова. — Вижу. — Резиновый мячъ. — Сирота. — Катя и Вася. — Нищенка. — Скажи мнѣ, мама дорогая. Стих. П. Б. — Маленькій плакса. — Есть у маленькой шалуни. Стихотв. П. Б. — Слонь. — Какъ живетъ Паша. — Дѣтское горе. Стихотв. П. К. — Козочка. — Котикъ. Стих. П. К. — Новый годъ. — Нищета. Стихотв. И. С. Никитина. — Въ школу.

Кромѣ того въ книгѣ помѣщены: отдѣльныя замѣтки, пословицы, поговорки, загадки, шарады. Дѣтскія пѣсенки, переложенныя на музыку В. Кюнеромъ и проч.

Цѣна два рубля.

„Русская Старина“

ВЪ ПЯТНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ЕЯ ИЗДАНІЯ:

1870—1884 гг.,

систематическая роспись содержанія ста восьмидесяти книгъ,
составляющихъ этотъ историческій журналъ
за первыя XV лѣтъ его изданія.

Спб. 8 д., 1885 г., съ портретами достопамятныхъ русскихъ людей. Цѣна одинъ руб. съ пересылкою. Эта роспись содержанія „Русской Старины“ 1870—1884 гг. печатается и о времени выхода ея будетъ объявлено.

давать справедливость деятельности талантливейших последователей каждого из этих влиятельных противоположных направлений. Воздавая должное Каравзину, Жуковскому, они с восторгом преклонялись перед Пушкиным, видя в нем достоинство дивный талант Гоголя, отдавая справедливость живой правде произведений Островского. В своих критических разборах сочинений писателей второстепенных, или начинающих, Плетневъ съ замѣчательнымъ тактомъ всегда умѣлъ уважать на проблески дарования въ однихъ, и сказать слово поощренія другимъ, нередко предугадывая въ первыхъ опытахъ юныхъ писателей задатки крупныхъ дарований. И. С. Тургеневъ отдавалъ на судъ Плетнева первое свое стихотворение, и лестный отзывъ этого безразстрастного критика поощрилъ юношу къ дальнейшимъ трудамъ; въ томъ-же, безъ сомнѣнія, соизволяетъ некоторые изъ нашихъ писателей, выходящихъ въ живыхъ, современниковъ Тургенева, и въ ихъ числѣ А. Н. Майковъ. «Въ статьяхъ Плетнева», — говоритъ почтенный издатель его сочиненій и перенесши въ предисловіи, — «появлявшихся на протяжении сорока сѣмидесяти лѣтъ, мы можемъ прослѣдить исторію всей лучшей половины современной ему литературы». «Его перенесши съ Жуковскимъ, Пушкинымъ и гг. Вяземскимъ представляеть живой интересъ, не только потому, что знакомитъ насъ подробно съ личностью каждого изъ нихъ, но и по способности въ ней любопытныя извѣстия о современныхъ дѣлахъ и людяхъ, и также и по тѣмъ чертамъ ума и характера, въ которыхъ тутъ вырисовывается намъ образъ нашего автора».

Нашъ издатель въ связи три тома заключаютъ въ себѣ стихотворенія, сочиненія въ прозѣ, критическія статьи и часть перенесши Плетнева, съ тремя вышеупомянутыми писателями; въ четвертомъ, пригрозившемъ къ печати, предполагается повѣстать часть перенесши Плетнева съ другими ладами, биографическія о немъ свѣдѣнія и еще кое-какія дополненія къ настоящимъ тремъ томамъ. Она выпущены въ свѣтъ до приведенія къ концу всего изданія, съ цѣлью ускорить появленіе писемъ Пушкина и Жуковского, такъ какъ

въ печати уже не разъ выражено было сожалѣніе, что они долго остаются неизданными. Имя достоуважаемаго издателя-редактора — самая надежная порука въ точности и безупоризненной исправности изданія, 4-й томъ котораго, безъ сомнѣнія, не замедлитъ. Объ издѣствѣхъ вышедшихъ трехъ томовъ нечего распространяться: оно безупречно, и портретъ Плетнева, гравированный покойнымъ Гордавовъ, вполне хорошъ. П. Е.

Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. арх. министерства юстиціи. Кн. IV, 534 стр. М. 1884. Ц. 2 р.

Въ настоящій томъ вошли слѣдующія статьи: 1) описаніе документовъ смѣннаго приказа 1730—1763 г. (стр. 1—135); 2) рижская экспедиція при моск. губернской канцеляріи 1763—1782 г. (136—192); 3) гранаты и акты XIV и XV в. въ Моск. арх. мин. юст., издав. прежде отдѣльнымъ книгою г. Мейчиномъ; 4) обзоръ историко-географическихъ матеріаловъ XVII и XVIII вв., заключающихся въ книгахъ разряднаго приказа (161—329). Появленіе при этомъ, что другое изданіе архива, посвященное «внутреннему быту русскаго государства 1740—1741 гг.», такъ замедлилось съ выходомъ послѣдующихъ томовъ, которыхъ обѣщано было еще несколько.

Труды IV-го Археологическаго съѣзда въ Россіи. Т. 1. Казань. 1884. СХХIV+48+120+288+65. Ц. 7 р.

Появленіе настоящаго изданія составляетъ цѣнное приобретеніе въ археологической литературѣ; оно посвящено преимущественно обширному району восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній Россіи и отчасти Сибири. Кроме протоколовъ засѣданій съѣзда и другихъ матеріаловъ для исторіи послѣдняго, въ настоящій томъ вошли много статей, посвященныхъ архивному вопросу, первоисточникамъ древностей, исторической географіи и этнографіи края, памятникамъ искусства. Атласъ рисунковъ и указатели отложены до II тома, въ который войдутъ прочіе отдѣлы программы съѣзда. В. И.

ОТБЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отамы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кв., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кв., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кв. (85 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кв. (15 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кв. (50 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кв., изданіе второе, съ портр., 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ шестнадцатый.

ІЮНЬ.

1885 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова. LXXII—LXXIX (Окончаніе)	454	VII. Воспоминанія о Н. И. Пироговѣ: одесскій періодъ его дѣятельности. Сообщ. Л. Добровъ	603
II. Записки И. И. Мердера, воспитателя цесар. Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. V—VII	481	VIII. Историческія поминки по Костомаровѣ, † 7-го апрѣля 1885 г. Очеркъ Д. Л. Мардопцева	617
III. Война съ польскими мятежниками 1831 г. съ перспективъ императора Николая I съ гр. Дибичемъ	511	IX. Памяти Константина Дмитриевича Кавелина, † 7-го мая 1885 г. Очеркъ А. О. К.	649
IV. Зиспедиціи противъ Ахаль-текинцевъ въ 1879—1881 гг. Историческій очеркъ. Гл. IX. (Окончаніе). Сообщ. В. Шаховской	531	X. О возобновленіи памятника на могилѣ Волынскаго, Еролина и Хруцова, † 27 іюня 1740 г.	663
V. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій. По матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“ 1782—1867 гг. Гл. I.	559	XI. Матеріалы и замѣтки: Двадцатилѣтній годовщина 19 февраля 1861 г. (662). — 14 декабря 1825 г. (665). — Холмскій край (665). — «Крестильсконъ діало», А. П. Скребицкаго (664). — Поправки къ зап. Н. И. Пирогова (665).	
VI. Одна изъ предсмертныхъ записокъ Павла Григорьевича фонъ-Дервиза, 1878—1881 гг.	591	XII. Библиографическій листокъ.	

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ Никол. Иван. Пирогова, 23-го ноября 1884 г. Гравированъ Н. И. Матюшинымъ. — II. Систематическій указатель XLVI тома „Русской Старины“ изд. 1885 г.

Продолжается подписка на „РУССКУЮ СТАРИНУ“ изд. 1885 г.

Шестнадцатый годъ изданія. Цѣна 9 руб.

Вышла и разсмѣляется книга: „ЦАРИЦА ЕКАТЕРИНА АЛЕНСЪЕВНА, АННА и ВИЛИМЪ МОНСЪ“, третій выпускъ историческихъ очерковъ М. И. Семенова, съ портретами и рисунками. Цѣна два рубля пятьдесятъ коп. съ пересылкою.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Бадашева, Екатерининской гонимы, 1. № 78.

1885.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1885 г.

Сочиненія Евгенія Абрамовича Баратынскаго. Съ портретомъ автора, его письмами и биографическими о немъ свѣдѣніями. Изданіе четвертое. Казань, 1886 г., въ 8 д., л. VIII+574+VIII+72 стр.

Баратынскій—одно изъ свѣтавъ въ созаздѣи Пушкина, пользовавшійся, подобно Дельвигу, прізнанію великаго поэта. Въ теченіе двадцати пяти лѣтъ литературнаго поприща, Баратынскій написалъ немного, но на всѣхъ его произведеніяхъ лежитъ печать истиннаго дарованія, глубокаго чувства и тихой, искренней грусти, присущей русской поэзіи. Пушкинъ, Дельвигъ и Баратынскій составляли, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, триумвиратъ поэтовъ, обратившій на себя особенное вниманіе благодущнаго Жуковскаго, всегда такъ сердечно поощрявшаго начинающія дарованія. Пушкинъ восхищался произведеніями Баратынскаго и въ своемъ «Сивѣиѣ» упоминаетъ о немъ какъ о писателѣ, вполне упрочившемъ свою извѣстность. «Одаренъ будучи умомъ точнымъ, аналитическимъ и дѣлательнымъ», говоритъ о немъ Плетневъ, (томъ I, стр. 549), «Баратынскій внесъ въ поэзію отчетливость идей, вѣрные оттѣнки понятій и опредѣлительность ихъ выраженій. Каждый стихъ его вѣбвается въ памяти читателя, какъ оконченный образъ мысли».

И если бы этотъ отзывъ челоуѣка, искренно любившаго Баратынскаго, повздался пристрастнымъ, то въ подтвержденіе приводимъ оцѣнку Вяземскаго: «Изъ всѣхъ поэтовъ, явившихся вмѣстѣ съ Пушкинымъ, первое мѣсто принадлежитъ Баратынскому»...

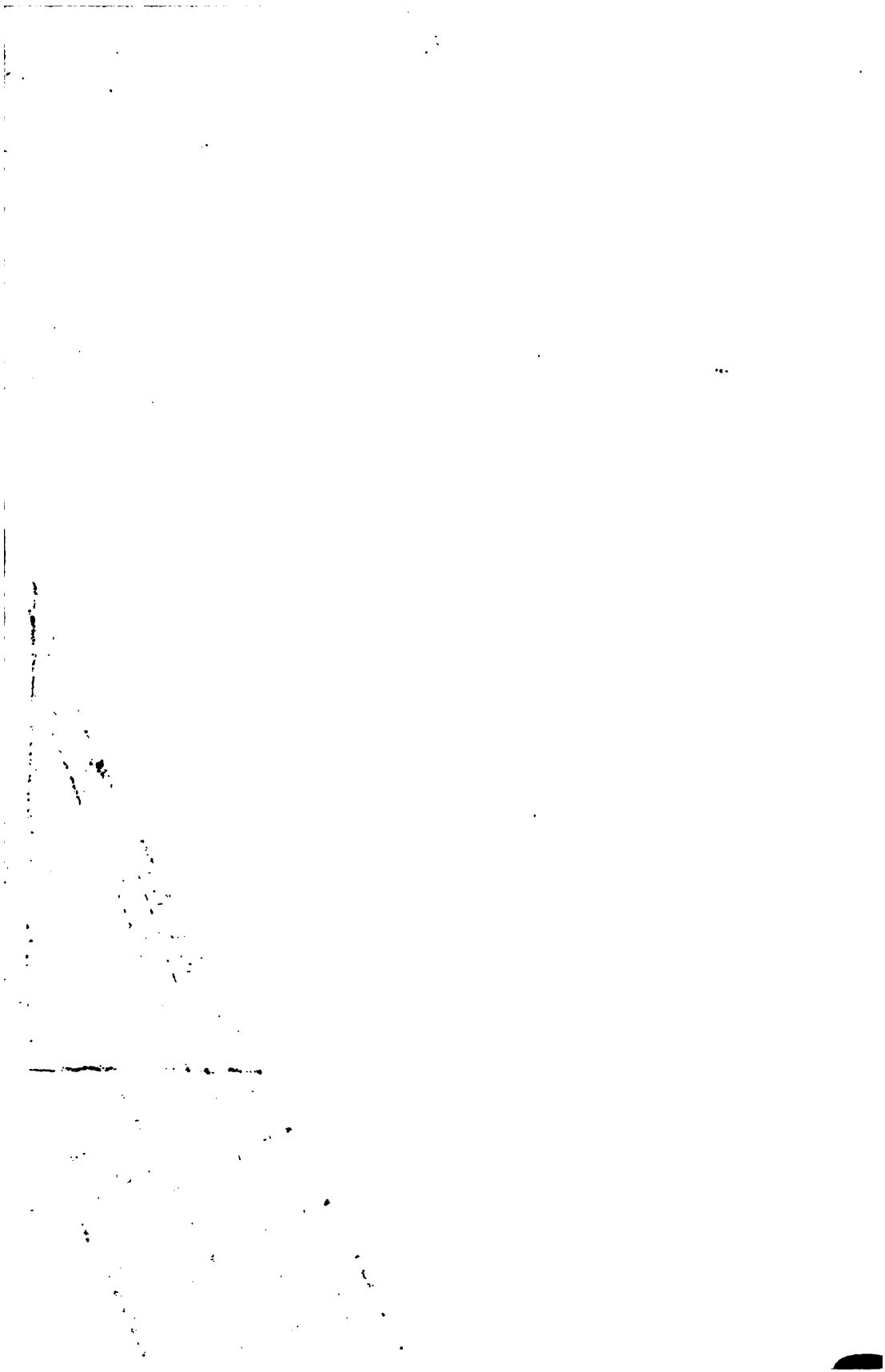
Четвертое изданіе сочиненій этого дароватаго поэта очевидно доказываетъ, что онъ не забытъ новымъ поколѣніемъ, что его произведенія еще читаются. Это изданіе, предпринятое съмысломъ поэта, Н. Е. Баратынскаго, отличается отъ трехъ предыдущихъ возмжною полнотою, старательною редакціею и подборомъ биографическихъ и библиографическихъ свѣдѣній о покойномъ; къ сожалѣнію въ это четвертое изданіе—какъ въ томъ сознается и самъ почтенный издатель, еще далеко не такъ полно, какъ бы того желали лица, интересующіяся исторіею отечественной литературы. Отсутствие подробной біографіи

составляетъ самый главный его недостатокъ. «Уклоняясь въ настоящее время отъ выполненія этой задачи», говоритъ Н. Е. Баратынскій въ своемъ предисловіи—«къ обращаюсь, однако, съ покорившею просьбою къ моимъ родственникамъ и къ лицамъ, у которыхъ могутъ находиться письма моего отца, или какихъ либо свѣдѣній о немъ, о мысляхъ или таковыхъ для свѣдѣній коній. Сочту священною для себя обязанностию возвратитъ все присланное въ неприкосновенной цѣлости». — Но, какъ бы въ вознагражденіе за отсутствіе біографіи самого Е. А. Баратынскаго, въ нѣмѣ изданномъ собраніи его стихотвореній и писемъ, равно какъ и въ прилжчанихъ къ нимъ, читатели найдутъ много новыхъ біографическихъ свѣдѣній о Пушкинѣ и о баронѣ Дельвигѣ, искренно оплаканнымъ Баратынскимъ, которому суждено было перерезать обоимъ своимъ друзьямъ. Замѣчательно, что Дельвигъ, Пушкинъ и Баратынскій послѣдовали другъ за другомъ черезъ равные семилѣтніе промежутки времени въ 1831, 1837 и 1844 годахъ. И вѣтрое угадали въ цѣлѣ лѣтъ, въ полномъ развитіи умственныхъ силъ, не досказавъ и половины того, чего могли ожидать отъ нихъ и современники, и потомки. П. К.

Историческіе матеріалы. Изъ архива кievскаго губернскаго правленія. В. VIII К. 1886. Сост. А. Андріевскій. 223. Ц. 50 к.

Редакторъ неспеціальной части «Кiev. Губерск. Вѣдомостей», г. Андріевскій, съ прожннмъ усердіемъ старается изловчить, отъ времени до времени, съ матеріалами мѣстнаго губернскаго архива. Правда, эти документы не отличаются особенною рельефностью фактовъ, но такова, по большей части, была мѣстная жизнь нашихъ провинцій. Оттого верѣево мѣстными бытописателями приходится разукрашивать свои оплеленія чертами и дѣльными шорта статистическаго, чѣмъ историческаго содержания. Такъ не шенѣ разработка мѣстныхъ матеріаловъ, все болѣе расширяющаяся въ послѣднее время, все-таки внесла не мало новыхъ свѣдѣній въ исторію провинцій, хотя преимущественно бытоваго характера.

Новый выпускъ кievскихъ матеріаловъ въ томъ же родѣ, какъ и предыдущіе.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ

23го НОЯБРЯ 1881 Г.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», ИЗД. 1885 Г.

ПОСМЕРТНЫЯ ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА ПИРОГОВА.

LXXII ¹⁾.

Научныя занятія мои продолжались попрежнему; имъ суждено было, однако же, принять другое направленіе и другіе размѣры.

Отдаленною тому причиною былъ случившійся въ с.-петербургской медико-хирургической академіи казусъ, заставившій ее перевернуться вверхъ дномъ.

Положеніе этого единственнаго въ С.-Петербургѣ учебно-медицинскаго (высшаго) учрежденія было весьма странное: оно состояло въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, президентомъ его былъ главный военно-медицинскій инспекторъ, баронетъ Вилліе, а назначеніе заключалось преимущественно въ приготовленіи военныхъ врачей. Вслѣдствіе этого назначенія, президентъ академіи Вилліе счелъ даже ненужнымъ учрежденіе женской и акушерской клиникъ.

— „Солдаты не беременѣютъ и не рожаютъ, говорилъ баронетъ, и потому военнымъ врачамъ нѣтъ надобности учиться акушерству на практикѣ“.

Всѣ профессора медико-хирургической академіи были изъ воспитанниковъ этой же академіи, что, конечно, не могло не спо-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XLIII, сентябрь, стр. 455—502; т. XLIV, октябрь, стр. 1—52; ноябрь, стр. 223—274; декабрь, стр. 445—496; изд. 1835 г., т. XLV, январь, стр. 1—54; февраль, стр. 257—310; мартъ, стр. 481—526; т. XLVI, апрѣль, стр. 1—52; май, стр. 229—264.

собствовать развитію nepотизма между профессорами и, какъ это не рѣдко случается, nepотизмъ дошелъ до такихъ размѣровъ, что въ профессора начали избираться исключительно почти малороссы и семинаристы одной губерніи.

За исключеніемъ нѣсколькихъ, немногихъ профессоровъ, пріобрѣвшихъ себѣ почетное имя въ русской наукѣ, остальная, большая часть, ни въ научномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ ничѣмъ не опережала золотую посредственность.

Въ послѣднее время, однако же, небольшая нѣмецкая партія профессоровъ медико-хирургической академіи, поддерживаемая немногими русскими, причислила въ профессора терапевтической клиники завѣдывавшаго морскимъ госпиталемъ, доктора Зейдлица, ученика дерптскаго университета и бывшаго ассистента Мойера, сдѣлавшаго себя уже извѣстнымъ въ наукѣ весьма дѣльнымъ описаніемъ первой холеры въ Астрахани, монографіей о скорбутномъ воспаленіи около сердечной сумки, и пріобрѣвшаго себѣ извѣстность въ медицинской петербургской публикѣ своими глубокими практическими свѣдѣніями. (Зейдлицъ первый въ Россіи началъ примѣнять перкуссію и аускультацию въ госпитальной и частной практикѣ).

Но одна, — а я полагаю и двѣ, и три, — ласточка еще не дѣлаетъ весны.

Научный и нравственный уровень петербургской медико-хирургической академіи, въ концѣ 1830-хъ годовъ, былъ, очевидно, въ упадкѣ.

Надо было потрясающему событію произвести переломахъ для того, чтобы произошелъ потомъ поворотъ въ лучшему.

Какой-то фармацевтъ изъ поляковъ, провалившійся на экзаменѣ и приписывавшій свою неудачу на экзаменѣ притѣсненію профессоровъ, принявъ предварительно ядъ (а по другой версіи — напившись до пьяна), вбѣжалъ съ ножомъ (перочиннымъ) въ рукахъ въ засѣданіе конференціи и нанесъ рану въ животъ одному изъ профессоровъ.

Началось слѣдствіе, судъ; приговоръ вышелъ такого рода: собрать всѣхъ студентовъ и профессоровъ медико-хирургической академіи и въ ихъ присутствіи прогнать виновнаго съвозъ строй, а академію, для исправленія нарушеннаго порядка, передать въ руки дежурнаго генерала Клейнмихеля.

Вотъ этотъ-то генераль, по понятіямъ тогдашняго времени всемогущій визирь, и вздумалъ передѣлать академію по своему.

Какъ ученикъ и бывшій сподвижникъ Аракчеева,—Клейнмихель не любилъ откладывать осуществленіе своихъ намѣреній въ долгій ящикъ, долго умствовать и совѣщаться.

Не смотря на это, одна мысль въ преобразованіи академіи Клейнмихелемъ была весьма здравая. Онъ непремѣнно захотѣлъ внести новый и прежде неизвѣстный элементъ въ составъ профессоровъ академіи и замѣстить всѣ вакантныя и вновь открывающіяся кафедры профессорами, получившими образованіе въ университетахъ.

Подсказалъ-ли кто Клейнмихелю эту мысль, или она сама, какъ Минерва изъ головы Юпитера, вышла въ полномъ вооруженіи изъ головы могущественнаго визиря,—это осталось мнѣ неизвѣстнымъ. Только въ скоромъ времени въ конференцію, вмѣсто одного профессора, получившаго университетское образованіе, явилось цѣлыхъ восемь, и это я считаю важною заслугою Клейнмихеля.

Безъ него академія и до сихъ поръ, можетъ быть, считала бы вреднымъ для себя доступъ чужаковъ въ составъ конференціи.

Но, къ здоровымъ понятіямъ таковой начальнической головы учебнаго учрежденія, какъ Клейнмихеля, не могло не присоединиться и безсмысліе. Клейнмихель объявилъ, что въ самомъ цвѣтущемъ состояніи академія будетъ находиться тогда, подъ его начальствомъ, когда онъ сдѣлаетъ всѣхъ студентовъ казенно-коштными; чтобы ни одного своекоштнаго не было въ академіи. Задавшись этою мыслью, Клейнмихель разослалъ по всѣмъ семинаріямъ имперіи приглашеніе—высылать желающихъ вступить въ академію семинаристовъ, на казенный счетъ, съ тѣмъ, чтобы они подвергались при академіи пробному экзамену, а которые не выдержатъ его, то будутъ отсылаться, на счетъ же академіи, обратно.

Можно себѣ представить, изъ какихъ элементовъ состоялъ этотъ матеріалъ для казенно-коштныхъ студентовъ. Все, что только было плохого въ семинаріяхъ, монахи и попы сбывали съ рукавъ въ академію, благодаря казеннымъ прогонамъ и суточнымъ. Мало этого, когда начальство академіи,—какъ оно дрябло ни было,—наконецъ, убѣдилось, что изъ наплыва семинарской дряни

ничего не выйдетъ, если ее, хотя сколько нибудь, не подготовить къ принятію человѣческаго образа, то рѣшено было учредить въ академіи приготовительный классъ для обученія семинарскихъ новобранцевъ грамматикѣ, ариѳметикѣ и, если не ошибаюсь, даже и закону Божію.

Для такого новаго попечителя академіи, какимъ былъ сдѣланъ Клейнмихель, конечно, нуженъ былъ и другой президентъ. Профессоръ Бушъ, бывшій вице-президентомъ, вышелъ въ отставку; на мѣсто его, хотя и съ именемъ президента (которое носилъ Вилліе), назначенъ былъ самимъ государемъ И. Б. Шлегель; а на кафедре хирургіи, сдѣлавшуюся свободною по выходѣ въ отставку профессора Буша, Зейдлицъ пригласилъ меня.

Я не согласился занять кафедру хирургіи безъ хирургической клиники, которою завѣдывалъ не Бушъ, а профессоръ Саломонъ. Но, отказываясь, я въ то же время предложилъ новую комбинацію, съ помощію которой я могъ бы имѣть соотвѣтствующую моимъ желаніямъ кафедру въ академіи. Комбинацію эту я предложилъ въ видѣ проекта самому Клейнмихелю.

Я указалъ въ моемъ проектѣ на необходимость учрежденія при академіи новой кафедры: госпитальной хирургіи.

— Молодые врачи, говорилъ я въ моемъ проектѣ, выходящіе изъ нашихъ учебныхъ учреждений, почти совсѣмъ не имѣютъ пракческаго медицинскаго образованія, такъ какъ наши клиники обязаны давать имъ только главныя основныя понятія о распознаванія, ходѣ и леченіи болѣзней. Поэтому наши молодые врачи, вступая на службу и дѣлаясь самостоятельными при постелѣ больныхъ, въ больницахъ, военныхъ лазаретахъ и частной практикѣ, приходятъ въ весьма затруднительное положеніе, не приносятъ ожидаемой отъ нихъ пользы и не достигаютъ цѣли своего назначенія. Имѣя въ виду устранить этотъ важный пробѣлъ въ нашихъ учебно-медицинскихъ учрежденіяхъ, я и предлагалъ, сверхъ обыкновенныхъ клиникъ, учредить еще госпитальныя.

Для казенно-коштныхъ воспитанниковъ, поступающихъ потомъ на военную службу, учрежденіе госпитальной клиники я считалъ уже совершенно необходимымъ.

Въ с.-петербургской медико-хирургической академіи я видѣлъ возможность тотчасъ же приступить къ этому нововведенію, такъ какъ при академіи, почти въ одной и той же мѣстности, нахо-

дится 2-й военно-сухопутный госпиталь, и оба заведенія: и медико-хирургическая академія, и 2-й военно-сухопутный госпиталь принадлежать одному и тому же военному вѣдомству. Весь госпиталь съ его 2,000 кроватями могъ бы, такимъ образомъ, обратиться въ госпитальныя клиники (терапевтическую, хирургическую, сифилитическую, сыпную etc.).

Проектъ, какъ меня извѣстили, былъ принятъ Клейнмихелемъ.

Между тѣмъ наступали рождественскія вакаціи и я рѣшился воспользоваться ими и отправиться чрезъ Петербургъ въ Москву, навѣстить матушку.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я первымъ дѣломъ отправился на поклонъ къ новому президенту академіи Шлегелю.

Иванъ Богдановичъ Шлегель былъ человѣкъ нѣмецкаго происхожденія, вступившій въ русскую военную службу во времена наполеоновскихъ войнъ. Когда я былъ въ Ригѣ, то русскій военный госпиталь былъ еще полонъ воспоминаніями объ энергической дѣятельности Ивана Богдановича. Въ Москвѣ, куда онъ былъ переведенъ изъ Риги, повторилось то же самое, и въ московскихъ госпиталяхъ онъ оставилъ по себѣ также хорошую память. Ему бы и оставаться тамъ главнымъ докторомъ большого военнаго госпиталя. Это было истинное призваніе Ивана Богдановича.

Шлегель состоялъ когда-то при сыновьяхъ Витгенштейна (Алексѣй и Николаѣ) врачомъ и гувернеромъ, онъ и привезъ обоихъ Витгенштейновъ и Тутолмина въ Дерптъ, когда мы были студентами профессорскаго института.

Къ несчастію для себя, И. Б. Шлегель перемѣнилъ свое призваніе и попалъ въ военно-учено-учебное болото. Аккуратнѣйшій изъ самыхъ (аккуратныхъ) нѣмцевъ, плохо говорившій по русски, И. Б. всегда былъ на вытяжкѣ. Какъ бы рано это ни приходило къ Шлегелю, всегда находилъ его въ военномъ вицмундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ Владиміромъ на шеѣ. Въ такомъ нарядѣ и я засталъ его. Онъ и подѣйствовалъ на меня всего болѣе своею чисто внѣшнею оригинальностію, военною выправкою, аккуратною прическою волосъ, еще мало посѣдѣвшихъ, огромнымъ носомъ и глазами, болѣе наблюдавшими, чѣмъ говорившими.

Шлегель былъ довольно сдержанъ со мною, и посовѣтовалъ непременно представиться Клейнмихелю, что я и сдѣлалъ.

Клейнмихель былъ очень любезенъ со мною, уже слишкомъ,

что къ нему не шло; сквозь ласковую улыбку на лицѣ, оловянные глаза такъ и говорили смотрящему на нихъ: „ты молъ смотри, да помни, не забывайся“!

Клейнмихель пригласилъ меня къ себѣ въ кабинетъ, посадилъ и очень хвалилъ мой проэктъ. Потомъ прямо объявилъ, что все будетъ сдѣлано, препятствіе можетъ встрѣтиться только въ министерствѣ Уварова, которое онъ, Клейнмихель, надѣется однако же уладить.

Я отъѣзжалъ вполне довольный и поѣхалъ къ Ив. Тимоф. Спасскому, въ это время весьма довѣренному лицу у С. С. Уварова.

Отъ Спасскаго я узналъ, что мои намѣренія уже извѣстны въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, и что Уваровъ ни за что на свѣтѣ не отпуститъ меня. Я просилъ Ив. Тимофѣевича содѣйствовать моему плану, объяснилъ ему мои главные мотивы и, казалось, довольно убѣдилъ его, но я узналъ, что эти убѣжденія непрочны. Между тѣмъ Спасскій, узнавъ, что я на другой день отправляюсь въ Москву, предложилъ мнѣ поѣхать отсюда въ Тульскую губернію, въ одно имѣніе, адресъ котораго онъ мнѣ сообщить, для операціи у одной дѣвочки. Я согласился; мы уговорились о времени и поѣздѣ.

LXXIII.

Пробывъ въ Москвѣ около 9 — 10 дней, я отправился на сдаточныхъ въ имѣніе, — имя помѣщика теперь не помню навѣрное, Нацѣпина, Еропина или Полуэхтова, котораго-то изъ столбовыхъ; имѣніе находилось на границахъ Тульской губерніи съ Орловскою. Послѣ разныхъ продѣлокъ сдаточныхъ ямщиковъ, я къ вечеру на другой день въѣхалъ въ огромное барское помѣстье.

Великолѣпный старинный дворецъ въ огромномъ паркѣ. Въ домѣ, гдѣ мнѣ отвели помѣщеніе, было 150 нумеровъ, въ каждомъ не менѣе 2-хъ комнатъ и одна изъ нихъ съ большущею 2-хъ спальною кроватью, изъ краснаго дерева, съ золотыми украшеніями.

Надъ кроватью широкая кисейная розово-зеленоватаго цвѣта палатка, вмѣсто досокъ въ головахъ и ногахъ у кровати по большому зеркалу.

Пара, ложившаяся въ постель, могла созерцать свои тѣлеса въ разныхъ положеніяхъ отраженными на зеркальныхъ поверхностяхъ и при томъ освѣченными зеленовато-розовымъ колеромъ.

Можно представить себѣ, что творилось во времена оны въ этихъ 150 номерахъ, когда съѣзжались сюда на охоту и на барскія оргіи разнаго рода пары. Теперь, т. е. не теперь, когда пишу, а когда посѣщала этотъ домъ, остались только номера и кровати, но пары уже не съѣзжались болѣе.

Я провелъ ночь въ этой, никогда еще не испытанной мною, обстановкѣ; признаюсь, мнѣ вовсе не было пріятно видѣть себя по утру отражающимся въ двухъ зеркалахъ.

Въ этотъ же день операція, вырѣзываніе миндалевидныхъ желѣзъ у 8-ми лѣтней дѣвочки, была сдѣлана и я остался еще на одну ночь у гг.....

Вечеромъ за чайнымъ столомъ насъ было только трое: хозяинъ (еще довольно бодрый господинъ), хозяйка (очень милая и пріятная дама, лѣтъ около 40) и я. Запла рѣчь о старинѣ, о томъ, что бывало и чего не стало. И тутъ услыхалъ я отъ хозяина два разсказа, памятные мнѣ и до сихъ поръ,—такъ были необыкновенны для меня тогда событія, составляющія предметъ этихъ разсказовъ.

Въ обоихъ дѣйствующимъ лицомъ былъ самъ разсказчикъ и потому надо было ему вѣрить на-слово, что я и сдѣлалъ.

— „У меня не было и ни у кого не будетъ такого вѣрнаго друга, каковъ былъ Толстой (Американецъ),—передавалъ мнѣ разсказчикъ-хозяинъ. Однажды, подгулявъ, я поспорилъ у него за обѣдомъ съ однимъ товарищемъ, дуэлистомъ и забіякою; ссора кончилась вызовомъ. Толстой взялся быть нашимъ секундантомъ на другой день рано утромъ.

Я не спалъ цѣлую ночь и, проснувшись чѣмъ свѣтъ, пошелъ пройтись; а въ назначенный часъ отправился звать Толстого, по уговору.

Къ удивленію, нахожу ставни и двери его квартиры запертыми; стучусь, вхожу, бужу моего секунданта. Насилу онъ просыпается.

— „Что тебѣ?“

— Какъ что мнѣ! развѣ забылъ? а дуэль?

— „Какой вздоръ, отвѣчаетъ Толстой, развѣ я могъ бы, какъ честный хозяинъ, позволить тебѣ драться съ этимъ забіякою и ерыжникомъ. Я вчера же, какъ ты ушелъ, самъ вызвалъ его на дуэль, и вчера же вечеромъ мы дрались. Дѣло поконченное.“

Съ этими словами Толстой повернулся отъ меня на другой бокъ и заснулъ.

Такихъ людей, какъ Толстой, немного на свѣтѣ“.

Затѣмъ послѣдовалъ, уже не помню à propos de quoi, второй рассказъ.

— „Мы стояли въ Персіи. Скука была смертная, а денегъ было много, придумывали разные забавы. Я жилъ у одного персіянина, отца семейства, и узнавъ, что у него есть дочь невѣста, вздумалъ посвататься. Сначала, разумѣется, отецъ и слышать не хотѣлъ, но когда онъ провѣдалъ чрезъ одного армянина, что я обладатель цѣлой груди червонцевъ, то мало по малу началъ сдаваться и торговаться.“

Наконецъ, дѣло сладили, уговорились, что я женюсь формально, по русскому обряду, при свидѣтеляхъ, и что невѣста сниметъ свое покрывало передъ вѣнчаніемъ. На это въ особенности я настаивалъ, надѣясь покончить все дѣло вздоромъ, если окажется рожа. Я пригласилъ товарищей всего полка на свадьбу. Былъ между ними и подставной попъ, и подставные дьячки. Когда невѣста сняла покрывало, то оказалась такою восточною красавицею, какою никто изъ присутствующихъ никогда еще не видывалъ. Всѣ такъ и ахнули. Послѣ импровизированной свадьбы я зажилъ съ моею красавицею-женою въ домъ тестя. Жили мы болѣе года, прижили ребенка. Вдругъ походъ. Жена моя собралась было со мною, и ни за что на свѣтѣ не хотѣла оставаться у отца. Но я и товарищи, знакомые принялись такъ сильно (ее) уговаривать, что она, наконецъ, рѣшилась остаться дома и ждать пока я самъ приѣду за нею“.

Въ это время рассказа я невольно посмотрѣлъ пристально на хозяйку, жену повѣствователя. Смотрю, вѣжется, не похожа на персіянку, чисто русскій типъ. Повѣствователь замѣтилъ мой пристальный взглядъ, и сейчасъ же обратился ко мнѣ съ объясненіемъ: „это не она, не она; та далеко, Богъ ее знаетъ гдѣ; съ тѣхъ поръ (о ней) ни слуха, ни духа!“

А наша хозяйка спокойно продолжала въ это время разливать намъ чай.

LXXIV.

Черезъ сутки я былъ уже въ орловскомъ имѣніи Мойера. Уже давно думалъ я, что мнѣ слѣдовало бы жениться на дочери моего почтеннаго учителя; я зналъ его дочь еще дѣвочкою; я былъ принятъ въ семействѣ Мойера какъ родной. Теперь же положеніе мое довольно упрочено, почему бы не сдѣлать предложеніе?

Въ имѣніи Мойера я пробылъ дней 10. Катерину Ивановну (дочь Мойера) нашелъ уже взрослою невѣстою и рѣшился по возвращеніи въ Москву отнестись съ предложеніемъ, письмомъ къ Екатеринѣ Афанасьевнѣ, всегда мнѣ благоволившей. Прощаясь со мною, и Екатерина Афанасьевна, и все семейство Мойера просили меня заѣхать въ Москвѣ къ племянницѣ ея, г-жѣ Елагиной.

Пріѣхавъ въ Москву и запасшись письмомъ къ Екатеринѣ Афанасьевнѣ (письмо было длинное, сентиментальное и, какъ я теперь думаю, довольно глупое), я отправился къ Елагиной. Домъ ея былъ извѣстенъ всей образованной Москвѣ. Я былъ принятъ очень любезно. Начались разспросы и рассказы о семействѣ Мойера, Буниной, Воейковыхъ и Жуковскомъ, и при этихъ-то рассказахъ я услышалъ отъ самой Елагиной ея чудное свиданіе съ женою Мойера. И Елагина, и жена Мойера (урожденная Протасова, дочь Екат. Аф.) были подругами дѣтства, необыкновенно привязанными другъ къ другу. Обѣ онѣ вышли почти въ одно время замужъ. У Елагиной былъ грудной ребенокъ, и она только что успѣла покормить его грудью и слать на руки кормилицѣ, какъ увидала вопедшую къ ней жену Мойера. Елагина бросилась въ объятія нежданной гостыи и тутъ же почувствовала, что падаетъ въ обморокъ. Придя въ себя, она узнала, что никто не пріѣзжалъ и никто въ комнату не входилъ, а чрезъ нѣсколько дней узнала также, что жена Мойера на дняхъ скончалась и, какъ оказалось по справкамъ Жуковскаго, скончалась именно въ этотъ день и часъ, когда ее видѣла у себя Елагина.

Прощаясь, я попросилъ Елагину на минуту переговорить со мною однимъ безъ свидѣтелей, и тутъ же вручилъ ей мое письмо къ Екатеринѣ Афанасьевнѣ, объяснивъ при томъ и его содержаніе. Я замѣтилъ, что Елагина, принимая мое посланіе, улыбнулась, и улыбка ея мнѣ показалась, почему-то, сомнительною.

Черезъ мѣсяць я получилъ въ Дерптѣ отвѣтъ отъ Екатерины Афанасьевны и отъ самого Мойера.

И отецъ, и бабушка Екатерины Ивановны весьма сожалѣли, что должны отказать мнѣ.

Ката ихъ, объяснили они оба мнѣ, уже обѣщана давно сыну Елагиной. Всѣ обстоятельства и родственныя связи благопріятствовали этому браку.

Прочитавъ отказъ, я вспомнилъ про улыбку Елагиной.

Черезъ годъ послѣ этого отказа одна мною высокопочтима дама (Екат. Ник. Дагоновская),—никогда не лгавшая,—разсказывала мнѣ о разговорѣ, который она имѣла съ Кат. Иван. Мойеръ на пароходѣ, при отъѣздѣ за границу.

— „Женѣ Пирогова, говорила К. И. Мойеръ, ѣхавшая за границу вмѣстѣ съ Елагиной, надо опасаться, что онъ будетъ дѣлать эксперименты надъ нею“.

Говоря это, К. И. Мойеръ, конечно, не знала, что черезъ годъ придется ей писать въ лестныхъ выраженіяхъ поздравительное письмо къ подругѣ своего дѣтства, Екатерины Дмитріевны Березиной, не побоявшейся мучителя дерптскихъ собакъ и кошекъ, и выходившей за него безтрепетно замужъ.

LXXV.

Мѣсяцевъ 10 прошло въ перепискѣ между министерствами народнаго просвѣщенія и военнымъ и между департаментами военнаго министерства о моемъ перемѣщеніи и объ учрежденіи новой должности при военномъ госпиталѣ.

Я, между тѣмъ, переписывался съ министромъ Уваровымъ и директоромъ Спасскимъ. Наконецъ, взяла наша.

Уваровъ долженъ былъ уступить Клейнмихелю.

Тѣмъ временемъ произошло и еще новое преобразование въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Въ первомъ изъ нихъ произошло перерожденіе медицинскаго совѣта, а во второмъ—учрежденіе особой комисіи по дѣламъ, касающимся медицинскихъ факультетовъ.

Прежній медицинскій совѣтъ министерства внутреннихъ дѣлъ былъ такое странное учрежденіе, что члены его имѣли право дѣ-

латъ докторами медицины, безъ экзамена, другъ друга и другихъ лицъ, имъ нравившихся.

Говорятъ, что при учрежденіи этого совѣта, когда его председателю удалось выхлопотать новыя права, происходить in reno (въ полномъ засѣданіи) слѣдующій наивный обмѣнъ мыслей:

— „Василій Васильевичъ, честь имѣю васъ поздравить со степенью доктора медицины“!

— А вамъ, Федоръ Федоровичъ (примѣрно), желательно быть медико-хирургомъ?

— „Нѣтъ, если бы угодно было вашему превосходительству выхлопотать мнѣ землицы, то я предпочелъ бы это награжденіе наградъ ученою степенью“, и т. п.

Въ началѣ же 1840-хъ годовъ все перемѣнилось подъ нашимъ зодіакомъ.

Лейбъ-медикъ государыни императрицы сталъ председателемъ медицинскаго совѣта (Меръ. Алекс. Маркусъ), а совѣтъ, лишась прежняго своего права дарить (безъ экзамена) ученныя степени, сдѣлался чисто лишь административно- и судебно-врачебнымъ учрежденіемъ.

Въ это время и я былъ выбранъ въ члены медицинскаго совѣта.

Медицинская комиссія при министерствѣ народнаго просвѣщенія состояла подъ предсѣдательствомъ также Маркуса, изъ 4-хъ членовъ: Спасскаго, лейбъ-медика Рауха, профессора Зейдлица и меня.

Всѣ дѣла и даже выборы медицинскаго факультета всѣхъ русскихъ университетовъ проходили чрезъ наши руки. Особливо же вновь учреждавшійся въ то время медицинскій факультетъ кievскаго университета (св. Владимира) почти всецѣло учреждался и избирался въ нашей комиссіи. Наконецъ, самымъ важнымъ дѣломъ нашей комиссіи былъ пересмотръ статута объ экзаменѣ на медицинскія степени.

Въ старомъ экзаменаціонномъ статутѣ допускались цѣлыхъ шесть медицинскихъ степеней: 3 степени лекаря (лекарь 1-го, 2-го и 3-го отдѣленія), докторъ медицины, докторъ медицины и хирургіи и медико-хирургъ.

Я предложилъ сокращеніе на двѣ степени: лекаря и доктора медицины; но мой проектъ не прошелъ и вмѣсто двухъ приняты были три степени (лекарь, докторъ медицины, докторъ медицины и хирургіи).

Я настаивалъ, чтобы при факультетныхъ экзаменахъ на степень требовались отъ экзаменующихся, вмѣсто разныхъ дробей или отмѣтокъ въ родѣ: „удовлетворительно“, „посредственно“, „хорошо“, „отлично“ и т. п. — только двѣ отмѣтки или двѣ поправки: отвѣта да и нѣтъ на вопросы по каждому предмету: достоинъ степени, на которую экзаменуется, или не достоинъ?

Введеніе демонстративныхъ испытаній изъ анатоміи, терапіи и хирургіи предложены были также мною и приняты единогласно.

Новая кафедра госпитальной хирургіи и терапіи, учрежденная по моему проекту въ с.-петербургской медико-хирургической академіи, была принята нашею комиссіею и утверждена министерствомъ народнаго просвѣщенія для всѣхъ русскихъ университетовъ.

Вотъ мои заслуги по дѣламъ медицинской комиссіи министерства народнаго просвѣщенія.

LXXVI.

Время моего отъѣзда изъ Дерпта въ Петербургъ мнѣ памятно.

Я не могу назвать себя робкимъ, но есть случаи, повидимому, весьма маловажные, которые могутъ привести въ сильнѣйшее волненіе мои нервы, до того сильное, что я невольно начинаю трусить чего-то, самъ не понимая чего. Это случалось со мною вообще рѣдко. Но два случая я живо помню.

Одинъ изъ нихъ былъ въ Дерптѣ. Когда я приготовился всѣмъ къ отъѣзду и опорожнилъ мою квартиру (4 комнаты) отъ всей подвижной собственности и остался совершенно одинъ, отъ скуки, предстоявшей мнѣ въ теченіи 2—3 дней, я началъ читать романы Гофмана, и лишь только начинался вечеръ, невыразимый страхъ овладѣвалъ мною и до того сильно, что я не могъ преодолѣть себя, чтобы выйти въ другую комнату. Мнѣ все казалось, что тамъ кто-то сидитъ или стоитъ. Между тѣмъ, я уже не разъ читалъ романы Гофмана и другія повѣсти въ этомъ родѣ и никогда не замѣчалъ надъ собою ничего подобнаго.

Во второй разъ я замѣтилъ надъ собою невыразимый страхъ

однажды при путешествіи по Швейцаріи. Я шелъ ночью, часовъ въ 10, въ Интерлакенъ.

Ночь была превосходная, лунная, тихая. На шоссе, по которому я шелъ, мнѣ не повстрѣчался ни одинъ человѣкъ; все было тихо и уединенно. Слышался только шелестъ листьевъ и журчаніе ручейковъ. Сначала я шелъ бодро и весело, но мало-помалу меня началъ одолѣвать страхъ; мнѣ начало мерещиться, что кто-то идетъ сзади меня въ нѣкоторомъ разстояніи. Это казалось мнѣ до того ясно, что я невольно останавливался и воротился назадъ. Наконецъ, не вытерпѣвъ, отъ страха почти побѣжалъ бѣгомъ, такъ что въ Интерлакенъ пришелъ запыхавшись и весь въ поту.

LXXVII.

Пріѣхавъ послѣ праздника (1841 г.) въ Петербургъ, я долженъ былъ представиться, уже какъ подчиненный, Клейнмихелю.

Теперь онъ уже считалъ себя не въ правѣ быть любезнымъ со мною попрежнему, — и принялъ меня уже не въ кабинетѣ, а въ общей пріемной залѣ, вмѣстѣ со многими другими лицами. Оловянные глаза уже смотрѣли иначе, и когда я имѣлъ глупость напомнить имъ объ обѣщанной мнѣ, яко-бы, квартирѣ, то они посмотрѣли на меня не попрежнему. Съ этого дня я уже не видалъ болѣе ни разу оловянныхъ глазъ моего начальника и, конечно, ни мало не сожалѣю объ этомъ.

По присланной мнѣ инструкціи, я назначался завѣдывать самостоятельно всѣмъ хирургическимъ отдѣленіемъ 2-го военносухопутнаго госпиталя, съ званіемъ главнаго врача хирургическаго отдѣленія.

Врачебныя и учебныя мои дѣйствія по этому отдѣленію госпиталя, заключавшему въ себѣ до 1,000 кроватей, были совершенно независимы отъ госпитальнаго начальства и только по дѣламъ госпитальной администраціи я обязанъ былъ сношаться съ главнымъ докторомъ госпиталя.

Вмѣстѣ съ этимъ я назначался профессоромъ госпитальной хирургіи и прикладной анатоміи при медико-хирургической академіи.

Осмотрѣвъ все хирургическое отдѣленіе госпиталя, я убѣдился въ его, поистинѣ ужасъ наводящемъ, положеніи.

Всѣ вентиляціи огромныхъ палатъ (на 60 — 100 кроватей) въ главномъ каменномъ корпусѣ основывались на длинномъ корридорѣ, а вентиляція корридора на ретираднивахъ. Дѣйствительно, въ корридоръ несло постоянно изъ ватерклозетовъ. Другія отдѣленія госпиталя, въ нѣкоторомъ отношеніи еще лучшія, помѣщались въ деревянныхъ отдѣльныхъ домахъ, въ каждомъ до 70 и болѣе кроватей. Вентиляціи въ нихъ были натуральныя, безъ корридоровъ; сырость неисправимая. Въ гангренозномъ отдѣленіи, содержавшемъ въ себѣ еще больныхъ, остававшихся послѣ леченій доктора Флоріо громадными меркуріальными втираніями, сердце надрывалось видомъ молодыхъ, здоровыхъ гвардейцевъ съ гангренозными бубонами, разрушавшими всю брюшную стѣнку. Палаты госпиталя были переполнены больными съ рожистыми воспалениями, острогнойными отеками и гнойнымъ зараженіемъ крови.

Для операціонныхъ не было ни одного, хотя плохого, помѣщенія.

Тряпки подъ припарки и компрессы переносились фельдшерами, безъ зазрѣнія совѣсти, отъ ранъ одного больного къ другому. Лекарства, отпускавшіяся изъ госпитальной аптеки, были похожи на что угодно, только не на лекарства. Въмѣсто хинина, наприимѣръ, сплошь да рядомъ отпускалась бычачья желчь, вмѣсто рыбьяго жира — какое-то иноземное масло. Хлѣбъ и вся вообще провизія, отпускавшіеся на госпитальныхъ, были ниже всякой критики.

Воровство было не ночное, а дневное. Смотрителя и коммисары проигрывали по нѣсколько сотъ рублей въ карты ежедневно. Мясной подрядчикъ, на виду у всѣхъ, развозилъ мясо по домамъ членовъ госпитальной конторы. Аптекарь продавалъ на сторону свои запасы уксуса, разныхъ травъ и т. п. Въ послѣднее время дошло и до того, что госпитальное начальство начало продавать подержанныя и снятыя съ ранъ: корпію, повязки, компрессы и проч., и для этой торговой операціи складывало вонючія тряпки, снятыя съ ранъ, въ особыя камеры, расположенныя возлѣ палатъ съ больными.

Главный докторъ госпиталя былъ ст. сов. Лоссіевскій, име-

нуемый у своихъ товарищей Буцефаломъ или Букефаломъ. Хотя известная французская поговорка: Grande tête, grande bête— и грѣшитъ противъ физиологіи, но нѣтъ правилъ, даже и физиологическихъ, безъ исключенія. Въ отношеніи къ головѣ Лоссіевскаго, физиологія оказалась, дѣйствительно, неправою, какъ это окажется впоследствии.

Такъ какъ госпиталь, вслѣдствіе новыхъ учрежденій, подчинился теперь въ учебномъ отношеніи медико-хирургической академіи, то и Лоссіевскій очутился между двухъ начальниковъ: президента медико-хирургической академіи (Шлегелемъ) и директора военно-медицинскаго департамента (Дм. Клем. Тарасова).

По осмотрѣ госпиталя, я нашелъ множество больныхъ, требовавшихъ разныхъ операцій, особенно ампутацій и резекцій, вскрытія глубокихъ фистулъ, извлеченія секвестровъ и т. п.

Это были все застарѣлые, залежавшіеся въ худомъ госпиталѣ больные, зараженные уже пиэміей, или пораженные цингою отъ худого содержанія...

Я сдѣлалъ огромный промахъ и грубую ошибку, сильно отразившуюся потомъ на моей практической дѣятельности. Еще болѣе, чѣмъ промахъ, былъ проступокъ противъ нравственности. И промахъ, и проступокъ состояли въ томъ приступѣ къ энергическимъ хирургическимъ производствомъ,—не разсмотрѣнныхъ и не анализированныхъ достаточно ни съ научной, ни съ нравственной стороны,—множества изъ случаевъ, подвергнутыхъ мною операціи. Съ научной стороны былъ большой промахъ то, что я сообразилъ приняться съ нѣмецкимъ (усердіемъ за) этихъ больныхъ, не обративъ вниманія на ту неблагоприятную обстановку (госпитальной конституціи), при которой я подвергалъ больныхъ операціи.

Съ нравственной стороны грѣхъ состоялъ въ томъ, что я ¹⁾.

¹⁾ Эти слова зачеркнуты авторомъ и рѣчь имъ не докончена. Впрочемъ, слѣдовало бы послѣднія 13 строкъ пропустить, какъ недостаточно выражающія основную мысль автора; о госпитальной практикѣ его въ академіи существуютъ его-же описанія въ другихъ медицинскихъ сочиненіяхъ его.

LXXVIII.

22-го октября (1881 г.). Ой, скорѣе, скорѣе! Худо, худо! Такъ, пожалуй, не успѣю и половины петербургской жизни описать.

Начну съ букефаловой глупости. Это не по порядку.

Прошло уже года два моей госпитальной службы, какъ вдругъ однажды Букефаль Лоссіевскій призываетъ моего ассистента и ординатора госпиталя Неммерта и спрашиваетъ его: не замѣтилъ-ли онъ чего особеннаго въ моемъ поведеніи?

Неммертъ говоритъ, что—нѣтъ.

— А почему же онъ (т. е. я) прописываетъ въ такихъ большихъ приѣмахъ наркотическія средства; онъ однажды прописалъ: *extract. Nuosciami* до 5 гр. *pro dosi*?

— „Я не знаю“, отвѣчаетъ Неммертъ, „спросите сами у г. профессора“.

Тогда Лоссіевскій призываетъ Неммерта въ госпитальную контору и приказываетъ ему, какъ подчиненному, расписаться въ принятіи запечатаннаго пакета съ надписью: секретно, подъ №...

Неммертъ беретъ. Въ секретной бумагѣ значится:

„Замѣтивъ въ поведеніи г. Пирогова нѣкоторыя дѣйствія, свидѣтельствующія объ его умопомѣшательствѣ, предписываю вамъ слѣдить за его дѣйствіями и доносить объ оныхъ мнѣ. Гл. д-ръ Лоссіевскій“.

Но прежде, чѣмъ вся эта исторія произошла, я получилъ отъ Лоссіевского однажды бумагу, въ которой онъ мнѣ писалъ слѣдующее:

— „Замѣтивъ, что въ вашемъ отдѣленіи издерживается огромное количество іодовой настойки, которою вы смазываете напрасно рожу лица и головы, я предписываю вамъ пріостановить употребленіе столь дорогаго лекарства и замѣнить его болѣе дешевыми. Лоссіевскій“.

Я взялъ эту бумагу, да и отправилъ ее назадъ Лоссіевскому, съ слѣдующимъ объясненіемъ:

„На ваше отношеніе №..... честь имѣю увѣдомить ваше высочородіе, что вы не въ правѣ дѣлать мнѣ никакихъ предписаній относительно моихъ дѣйствій при постелѣ больныхъ.“

„Если же вы находите, что я расходую лекарства не по госпитальному каталогу, то вамъ слѣдуетъ обратиться съ извѣщеніемъ о томъ къ нашему общему начальнику, г. президенту медико-хирургической академіи“.

Вотъ эта-то бумага, а не экстрактъ бѣлены, и была причиною секретнаго предписанія Неммерту. А про extractum Hyosiamі я сказала Лоссіевскому: „велите-ка ваши экстракты готовить дѣйствительно изъ наркотическихъ средствъ, а не изъ солы разныхъ растений“.

Когда Неммертъ получилъ бумагу, то онъ принесъ ее ко мнѣ и спрашивалъ: что дѣлать? „Я отвѣчалъ: ступайте къ президенту Шлегелю и спросите его“.

Шлегель же, по словамъ Неммерта, спросилъ его, улыбаясь: „вѣдь вы однако ничего не замѣтили; ну, любезнѣйшій, такъ оставьте бумагу при васъ и никому не показывайте“.

Когда я узналъ этотъ отвѣтъ, то я просилъ Неммерта одолжить мнѣ бумагу на одинъ часъ времени, обѣщая ему, что это нисколько не повредитъ его служебной дѣятельности.

Неммертъ мнѣ далъ, и я съ этою бумагою въ рукахъ тотчасъ же отправился къ нашему попечителю, дежурному генералу Веймарну, объявивъ ему, что я подаю сейчасъ просьбу объ отставкѣ, если всему этому вопіющему дѣлу не будетъ дано ходу.

Веймарнъ былъ видимо смущенъ, но успокоилъ меня обѣщаніемъ, что завтра же будетъ имъ все улажено, и если я и тогда останусь недоволенъ, то могу дать всему законный ходъ.

Сейчасъ за моимъ уходомъ Веймарнъ послалъ фельдгегера за Лоссіевскимъ, и его, раба Божія, привезъ фельдгегеръ съ собою въ штабъ. На другой день въ госпиталѣ была получена бумага, въ которой предписывалось Лоссіевскому, въ присутствіи президента Шлегеля, ординатора Неммерта, писаря, писавшаго бумагу, и всѣхъ видѣвшихъ ее членовъ госпитальной конторы—просить у меня прощенія въ убѣдительнѣйшихъ выраженіяхъ, и если я (Пирововъ) не соглашусь извинить дерзкій поступокъ Лоссіевского, то всему дѣлу будетъ данъ законный ходъ.

На другой день утромъ меня пригласили въ контору госпиталя и тамъ разыгралась истинно позорная, и притомъ дѣтски-позорная, сцена.

Лоссіевскій въ парадной формѣ, со слезами на глазахъ, дро-

жащимъ голосомъ и съ поднятімъ рукъ къ небу, просилъ у меня извиненія за свою необдуманность и дерзость, увѣряя, что впредь онъ мнѣ никогда не дастъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію.

Тутъ же, въ присутствіи президента, я ему показалъ на мерзѣйшій хлѣбъ, розданный больнымъ, и замѣтилъ, что это его прямая обязанность въ госпиталѣ — наблюденіе за порядкомъ, пищею и всею служебною администраціею.

Тѣмъ дѣло о моемъ упомянутомъ замѣчаніи и кончилось.

Съ тѣхъ поръ Лоссіевскій сдѣлался типе воды, ниже травы, да, впрочемъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ былъ перемѣщенъ въ Варшаву.

Друзья Лоссіевского, такіе же какъ и онъ protégés баронета Вилліе, упростили этого медицинскаго сановника замолвить слово о Лоссіевскомъ у фельдмаршала Паскевича.

Когда Паскевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то ему выслали на показъ двухъ главныхъ докторовъ для Варшавы. Паскевичъ, проходя черезъ пріемный покой, мимоходомъ указалъ на Лоссіевского, сказавъ: „вотъ этого“.

Лоссіевскій угостилъ за это своихъ протекторовъ хорошимъ обѣдомъ, на который позванъ былъ и баронетъ. За обѣдомъ Вилліе сидѣлъ возлѣ Лоссіевского и во время медицинскаго бесѣды, о трудности въ прощупываніи зыбленія, подставилъ свою заднюю часть тѣла Лоссіевскому, съ громкимъ вызовомъ: „ну-ка, ты, прощупай-ка здѣсь зыбленіе“.

Всѣ, разумѣется, засмѣялись острогѣ баронета, а Лоссіевскій уѣхалъ на лучшее мѣсто въ Варшаву.

Въ Варшавѣ, однакоже, не посчастливилось Буцефалу. Вѣрно, онъ слишкомъ разворовался.

Императоръ Николай, разъ наѣхавъ въ варшавскій госпиталь ненарокомъ, разомъ отерпелъ цѣлую массу злоупотребленій и дневного воровства. Лоссіевского засадили на гауптвахту и отдали подъ судъ. Потомъ онъ, разжалованный въ ординаторы, окончилъ жизнь въ Кіевѣ, какъ я слышалъ, отъ запоя.

Моему ассистенту Неммерту пригрозилъ было при мнѣ Шлегель, послѣ того какъ Лоссіевскій извинился. Но я остановилъ президента словами: „профессоръ Неммертъ поступилъ

тутъ какъ честный и благородный человѣкъ, и я не вижу, за что вы такъ несправедливо относитесь съ выговоромъ къ Неммерту; я могъ бы принять вашъ неумѣстный выговоръ на мой счетъ и не согласиться, въ такомъ случаѣ, на извиненіе Лоссіевскаго“.

Шлегель прикусилъ языкъ, и съ тѣхъ поръ я не замѣчалъ никакихъ притѣсненій по службѣ.

Неммерта Лоссіевскій звалъ даже ѣхать въ Варшаву!

Кстати скажу нѣсколько словъ о моемъ свиданіи, единственномъ и непродолжительномъ, съ баронетомъ Вилліе.

По случаю изданія моей прикладной анатоміи (на русскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ; изданіе Ольхина, некончившееся по причинѣ его банкротства), я въ одинъ и тотъ же день посѣтилъ двухъ нужныхъ людей: министра Канкрина, у котораго надо было испросить разрѣшеніе на ввозъ беспошлинно веленовой бумаги для литографіи, и у Вилліе, который могъ способствовать распространенію изданія въ военныхъ библіотекахъ.

Для обоихъ этихъ господъ я принесъ иллюминированные экземпляры атласа.

Графъ Канкринъ, поглядѣвъ на нихъ, тотчасъ же разрѣшилъ беспошлинный провозъ бумаги, замѣтивъ только о моихъ анатомическихкихъ рисункахъ: „Es sind sehr schöne, aber auch sehr traurige Dinge“.

Это замѣчаніе было если и не умно, то, по крайней мѣрѣ, не глупо.

Вилліе-же, посмотрѣвъ на мои рисунки, началъ что-то тараторить скороговоркою, чего я никакъ понять не могъ; слышалъ только на ломаномъ русскомъ языкѣ слова: оксигенъ, артеріальная и венозная кровь и т. д.

Что хотѣлъ выразить своимъ страннымъ діалогомъ баронетъ— того я ни тогда, ни послѣ никакъ не могъ себѣ объяснить. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Я, видя, что конца не будетъ этой толковнѣ, поблагодарилъ баронета за его привѣтствіе и ушелъ.

Согласіе на покупку атласа для военныхъ библіотекъ послѣдовало.

А о баронетѣ Вилліе самое послѣднее извѣстіе, полученное

мною, состояло въ томъ, что кто-бы къ нему въ послѣднее время ни являлся, всѣ заставляли его, вмѣстѣ съ однимъ старымъ ординаторомъ, читающимъ послужной списокъ баронета, причемъ всякій разъ, при прочтеніи какой либо награды, Вилліе заставлялъ это мѣсто прочесть еще нѣсколько разъ, приговаривая при этомъ:

— Это удивительно! Какъ, напримѣръ, Анну 2-й степени за сраженіе подъ Аустерлицемъ? Прочитай-ка мнѣ еще разъ. Это удивительно!

Что старики удивляются и хотятъ удивить другихъ полученными ими орденами, это вовсе не удивительно. Когда, въ 1838 г., я навѣстилъ (вмѣстѣ съ докторомъ Амюсса) стараго Ларрея въ Парижѣ, то онъ намъ также тотчасъ показалъ свой орденъ съ золотомъ вышитыми на лентѣ словами: „bataille d'Austerlitz“.

Но Ларрей скрылъ, по крайней мѣрѣ, свое удивленіе, а сказалъ только: „vous voyez, m-r, ce n'est pas dans les antichambres que j'ai reçu mes décorations“, намекая этимъ, разумѣется, на современные гражданскіе ордена Франціи.

Въ теченіи цѣлаго года, по прибытіи моемъ въ Петербургъ, я занимался изо дня въ день въ страшныхъ помѣщеніяхъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, съ больными и оперированными и въ отвратительныхъ до невозможности старыхъ баняхъ этого же госпиталя; въ нихъ, за неимѣніемъ другихъ помѣщеній, я производилъ вскрытія труповъ, иногда по 20 въ день, въ лѣтнія жары; а зимою, во время ледохода (ноябрь, декабрь), переѣзжалъ ежедневно по два раза на Выборгскую, пробываясь иногда часа по два между льдинами.

Въ концѣ лѣта я началъ замѣчать небывалыя прежде явленія послѣ каждаго госпитальнаго визита. Я сталъ чувствовать то головокруженіе или легкую лихорадочную дрожь, то схватки въ животѣ съ желчнымъ, жидкимъ испражненіемъ.

Такъ длилось до февраля 1842 г. Въ этомъ мѣсяцѣ я вдругъ такъ ослабѣлъ, что долженъ былъ слезть въ постель.

Что ни дѣлали д-ра Лерхе, Раухъ и Зейдлицъ — ничто не помогало. Никто изъ нихъ не могъ опредѣлить мою болѣзнь. Одинъ Раухъ еще болѣе другихъ, должно быть, угадалъ, приписавъ ее моимъ госпитальнымъ и анатомическимъ занятіямъ. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, сказать, что это было за страданіе и каковаго органа.

Жара почти не было. Пульсъ былъ скорѣе медленный, чѣмъ учащенный; полное отвращеніе къ пищѣ и питью; продолжительныя запоры, бессонница, продолжавшаяся цѣлый мѣсяцъ, слабость.

Вся болѣзнь продолжалась ровно 6 недѣль. Я лежалъ не двигаясь, безъ всякихъ лекарствъ, потерявъ къ нимъ всякое довѣріе.

Наконецъ, хотя не имѣя бреда, но съ головою, не совершенно свободною, я потребовалъ теплую ароматическую ванну. Мои домашніе не посмѣли мнѣ отказать, а дѣло было уже вечеромъ.

Послѣ ванны со мною сдѣлалась какая-то пертурбація во всемъ организмѣ; бреда настоящаго не появилось, но мнѣ казалось, что я леталъ и что-то постоянно говорилъ. Черезъ нѣсколько часовъ у меня сдѣлался необыкновенно сильный знобъ. Я чувствовалъ, какъ меня во время сотрясательной дрожи всего приподнимало съ кровати. Затѣмъ вдругъ и сердце начало замедлять; я почувствовалъ, что обмираю, и закричалъ, что есть силы, чтобы на меня лили холодную воду. Вылили ведра три и очень скоро. Обморокъ прошелъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, послѣдовало непроизвольное и чрезвычайно сильное желчное испражненіе, послѣ котораго явился потъ, продолжавшійся цѣлыхъ 12 часовъ. Тогда наступило быстрое выздоровленіе при помощи хинина и хереса.

Нѣсколько времени послѣ этой болѣзни, когда я купался уже для укрѣпленія въ морѣ (въ Ревелѣ), у меня появился мой прежній (дерптскій) черножелчный поносъ, причемъ ни аппетитъ, ни общее здоровье нисколько не были нарушены.

Какъ только наступило выздоровленіе, такъ появился вдругъ позывъ къ куренію табаку. До 30 лѣтъ я ни разу ничего не курилъ; цѣлые часы проводилъ въ анатомическомъ театрѣ и ни разу не чувствовалъ позыва къ куренью. А тутъ, вдругъ, захотѣлось, и я началъ курить тотчасъ же довольно крѣпкія сигары.

LXXIX.

Во время этой болѣзни мнѣ въ первый разъ въ жизни пришла мысль объ упованіи въ Промыслъ.

Что-то вдругъ, во время ночныхъ бессонницъ, какъ-будто озарило сознание и это слово—упованіе—безпрестанно у меня вертѣлось на языкѣ.

И вмѣстѣ съ упованіемъ зародилась въ душѣ какая-то сладкая потребность семейной любви и семейнаго счастья. И все это при концѣ моей болѣзни.

Я счелъ это за призывъ Свыше и какъ только совсѣмъ оправился, то и послѣшилъ освѣдомиться, гдѣ живетъ теперь приятельница дѣтства Екатерины Мойеръ, ея однолѣтка Екатерина Березина. Въ Дерптѣ я видѣлъ семью Березиныхъ—мать, дочь и сына (Сережу)—почти еженедѣльно у Мойера. Дѣти приходили играть, взрослые говорить. Потомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, я встрѣтилъ Екатерину Николаевну (мать) съ дочерью въ С.-Петербургѣ. Онѣ жили уединенно на Васильевскомъ островѣ и потомъ уѣхали въ деревню. Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ. Я узналъ, наконецъ, что онѣ обѣ въ деревнѣ у брата Екатерины Николаевны, графа Татищева.

Я сдѣлалъ письменное предложеніе. Получилъ согласіе, но съ тѣмъ, чтобы я испросилъ также согласіе отца, Дмитрія Сергѣевича. Его я вовсе не зналъ. Это былъ человѣкъ особенной породы. Вышедъ въ отставку гусарскимъ ротмистромъ послѣ отечественной войны, Дмитрій Березинъ страстно влюбился въ свою кузину, графиню Екатерину Николаевну Татищеву, и женился на ней, тайно и незаконно. Страстная любовь продолжалась, пока не вышло на свѣтъ двое дѣтей (Катя и Сережа). Послѣ этого началась какая-то уродливая борьба съ любовью. Березинъ сталъ сильно ревновать къ женѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вести жизнь игрока.

Онъ просадилъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ три большихъ имѣнія: 2000 душъ, доставшихся ему отъ отца, и 4000 душъ, доставшихся отъ двухъ братьевъ; куда дѣвалось все это состояніе? Кромѣ картежныхъ имѣлъ онъ еще и другіе долги, но самъ жилъ мѣся-

чѣмъ роскошно, а жену и дѣтей содержалъ менѣе, чѣмъ пристойно. Жена и дочь занимали квартиру въ три комнаты съ одною служанкою. Правда, сыну, когда онъ подросъ и учился въ школѣ, Березинъ позволялъ дѣлать долги у пирожниковъ, пряничниковъ и у другого люда, навѣщавшаго съ своимъ товаромъ школу; но (это) дѣлалось изъ какаго-то страннаго тщеславія и именно, когда еще послѣднее третье имѣніе не было еще провучено. И это все дѣлалось человѣкомъ вовсе не худымъ и не злымъ въ сущности. Жену же онъ имѣлъ какую-то манію преслѣдовать и прижимать безъ всякой къ тому причины.

Екатерина Николаевна Березина была женщина добрая, любившая сына болѣе дочери, а между тѣмъ мужъ ея полагалъ, напротивъ, что она, на зло ему, любитъ дочь болѣе сына.

Отъ этого терпѣла всего болѣе дочь, особливо въ послѣднее время, когда здоровье матери сильно разстроилось и раздражительность доходила до того, что она толкала и пихала бѣдную дѣвушку, считая ее причиною, почему отецъ не даетъ имъ приличнаго содержанія. Дочь же, напротивъ, не хотѣла оставлять мать.

Существовали забавные рассказы про разныя выходки ревнивца. Жилъ-былъ въ Дерптѣ Александръ Дмитріевичъ Хрипковъ. Кто изъ жившихъ въ наше время въ Дерптѣ не зналъ Хрипкова? Это былъ человѣкъ, въ извѣстномъ отношеніи, не отъ міра сего. Онъ—орловскій помѣщикъ, роздалъ свое имѣніе родственникамъ, сдѣлался артистомъ; уѣхалъ въ Дерптъ на нѣсколько времени и остался тутъ 20 лѣтъ; доходилъ иногда до того, что нуждался въ мелочахъ, но былъ со всѣми знакомъ, всѣми любимъ, хотя ни у кого не заискивалъ и всѣмъ за взятое отплачивалъ или своими артистическими произведеніями, или своею дружескою компанією.

Правда, все это не удержало таковаго с — ка, какимъ былъ Ѳадѣй Булгаринъ, показывать на улицѣ пальцемъ на Хрипкова, говоря: „посмотрите, вотъ идетъ господинъ, котораго я, начиная съ шапки, всего экипировалъ, а онъ и ту шапку, которую я ему сшилъ, снимать не хочетъ“.

Но всѣ знали, что это булгаринскіе враки, и что Булгаринъ даромъ ничего не сдѣлаетъ. Но всего страннѣе было въ низкомъ,

некрасивомъ и калмыкообразномъ Хрипковѣ то, что онъ влюблялся поголовно во всѣхъ ему знакомыхъ дамъ. Любовь же эта была выше платонической, какая-то уже совершенно отвлеченная, даже не артистическая.

Иногда Хрипковъ былъ влюбленъ и въ нѣсколькихъ въ одно и то-же время; а когда изъ города бѣльшая часть ему знакомыхъ увъзжала, то говорили, что, за неимѣніемъ другихъ, онъ снова влюбленъ въ Екатерину Николаевну.

Вотъ съ этимъ-то невиннымъ любовникомъ всѣхъ дамъ вообще и суждено было сразиться Дм. Серг. Березину.

Екатерина Николаевна поѣхала съ дѣтьми къ одной изъ родственницъ своихъ гостить въ губернію (кажется Псковскую), туда же отправился и Хрипковъ и засталъ тамъ самого Березина. Это уже было для послѣдняго неприятно.

А за ужиномъ маленькій Сережа, почти всегда сонный къ вечеру, выпедъ изъ-за стола, простился сначала съ матерью, а потомъ съ Хрипковымъ. Это былъ ножъ острый для Дм. Серг. Онъ разсвирѣпѣлъ, велѣлъ сыну сначала проститься съ нимъ самимъ,—и началась баталія. Она могла бы, пожалуй, кончиться и дуэлью, но къ счастью благоразумная родственница-хозяйка облила Сергѣя Дмитр. водою; а Хрипкова увели въ другую комнату и тѣмъ повончили войну.

Къ этому-то господину, отцу моей будущей невѣсты, я долженъ былъ ѣхать, испрашивать его согласія. Онъ жилъ у себя въ лужскомъ имѣніи, заложеномъ и перезаложеномъ.

Принялъ онъ меня очень любезно, потому что не ожидалъ отъ меня пріѣзда, а думалъ, что только напишу. Онъ упросилъ меня ночевать, для того, говорилъ онъ, чтобы „я могъ распорядиться по денежнымъ дѣламъ, касающимся вашего брака“.

Это было время, когда Дмитрію Сергѣевичу слѣдовало получить остальные деньги отъ брата наслѣдства изъ банка.

На другой день мой будущій тесть, давшій полное свое согласіе на бракъ съ его дочерью, сверхъ того преподнесъ мнѣ еще роспись слѣдующаго за нею приданаго и деньгами.

Выходило болѣе 150 тысячъ рублей съ условіемъ, однако-же,

чтобы мать невесты отказалась от слѣдуемой ей части изъ мужнинаго капитала.

Это очевидно была пика противъ жены; съ какой стороны ей, слабой, хилой и постоянно больной женщины, ожидать, что мужъ умретъ прежде.

Невеста моя и мать проживали въ деревнѣ у дяди верстѣ за 20. Посланъ былъ нарочный, чтобы онѣ ѣхали въ имѣніе Березина и чтобы на срединѣ дороги встрѣтились въ одной корчмѣ съ нами.

А мы выѣхали утромъ къ нимъ на встрѣчу и застали ихъ въ корчмѣ.

Я, по настоянію Березина, долженъ былъ прочесть вслухъ роспись, услышавъ которую, Екатерина Николаевна ахнула отъ удивленія, а можетъ быть и невѣрія. Березинъ опредѣлилъ, что жена и дочь останутся съ нимъ до свадьбы дочери. Но всѣ знали, что не пройдетъ и двухъ дней безъ ссоры.

Я предложилъ отправиться моей невестѣ съ матерью въ Ревель, на морскія купанья, куда и я долженъ былъ прибыть черезъ мѣсяць. Березинъ согласился.

Этотъ мѣсяць разлуки былъ для меня тѣмъ замѣчательнѣе, что я въ первый разъ въ жизни почувствовалъ грусть о жизни. Въ первый разъ я пожелалъ безсмертія—загробной жизни. Это сдѣлала любовь. Захотѣлось, чтобы любовь была вѣчна, такъ она была сладка. Умереть въ то время, когда любишь, и умереть на вѣки, безвозвратно, мнѣ показалось тогда, въ первый разъ въ жизни, чѣмъ-то необыкновенно страшнымъ. Потому это грустное чувство, это желаніе безпредѣльной жизни, жизни за гробомъ, постепенно исчезло, не смотря на то, что я продолжалъ любить жену и дѣтей. Современемъ я узналъ по опыту, что не одна только любовь составляетъ причину желанія вѣчно жить....

Вѣра въ безсмертіе основана на чемъ-то еще болѣе высшемъ, чѣмъ самая любовь. Теперь я вѣрю, или вѣрнѣе, желаю вѣрить въ безсмертіе не потому только, что люблю жизнь за любовь мою—и истинную любовь—ко второй женѣ и дѣтямъ (отъ первой); нѣтъ, моя вѣра въ безсмертіе основана теперь на другомъ нравственномъ началѣ, на другомъ идеалѣ.

6 — 7 недѣль, проведенныя нами въ Ревелѣ, скоро пролетѣли. Но Березинъ такъ распорядился, что моя невѣста съ матерью остались въ лѣтней маленькой квартирѣ до поздней осени, отъ чего Екатерина Николаевна еще болѣе ослабла и заболѣла, чѣмъ.....

Отъ Редакціи. На этихъ словахъ, какъ и нѣсколько предъидущихъ (23) листовъ, написанныхъ карандашомъ, обрываются собственноручныя посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова. Послѣдніе листы писаны имъ—какъ бы ощупью, строки, начатыяверху—опускаются почти на $\frac{1}{2}$ страницы внизъ, слова необоначены, написаны слитно и крайне неразборчиво. Видно, Н. И. Пироговъ невыносимо и тяжело страдалъ, и лишь спѣшилъ, спѣшилъ обрѣсти въ своихъ запискахъ отраду и отдохновеніе отъ невыносимыхъ страданій.

Оканчивая печатаніе Записокъ Н. И. Пирогова, мы должомъ считаемъ замѣтить, что нами опущенъ одинъ весьма замѣчательный отдѣлъ изъ второй части этихъ записокъ: это очеркъ событій всей эпохи императора Александра II (1855—1881 гг.). Этотъ въ высшей степени интересный и весьма характерный обзоръ написанъ Н. И. Пироговымъ со 2-го марта 1881 г. по 27-е число того же мѣсяца и занимаетъ 71 листовъ собственноручной рукописи Николая Ивановича. Начатый Пироговымъ немедленно, подъ самымъ живымъ и весьма сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ вѣстью о кончинѣ Государя-Освободителя, очеркъ событій его царствованія начертанъ рукою истинно государственнаго мужа, страстно любившаго отечество.

Мы надѣемся изъ этого очерка привести въ близкомъ будущемъ хотя бы только отрывки.

Ред.

ЗАПИСКИ К. К. МЕРДЕРА,

ВОСПИТАТЕЛЯ ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА

1824—1834

1829 г. ¹⁾.

24-го іюля. Среда. Великій князь и его товарищи занимались весьма прилежно, и въ продолженіе дня вели себя похвально. Обѣдали за кадетскимъ столомъ, въ кадетскихъ мундирахъ. Вечеромъ приглашены были, изъ школы подпрапорщиковъ, пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, лучшіе по поведенію и по ученію воспитанники, въ котеджъ на чай, числомъ 100 человекъ. Государь императоръ самъ изволилъ съ ними играть; великій князь и его товарищи были съ ними какъ давно знакомые: сперва прыгали на сѣткѣ и лазали, потомъ играли въ барры. Партія, одержавшая побѣду, ѣздила верхомъ на побѣжденной и когда партія, въ которой находился великій князь, проиграла, то онъ непремѣнно требовалъ, чтобы его противникъ сѣлъ на него верхомъ, и 2-го кадетскаго корпуса кадетъ Ахматовъ долженъ былъ исполнить его требованіе. По сознанию великаго князя, день проведенъ весьма весело.

25-го іюля. Четвергъ. День проведенъ безъ упрека. Великій князь до самаго вечера не выходилъ, по причинѣ сильнаго дождя. Въ 6 ¹/₂ часовъ выѣхалъ верхомъ, былъ на охотничьемъ дворѣ, видѣлъ, какъ беззубый бульдогъ придавилъ молодого медвѣдя; потомъ я приказалъ выпустить зайца, котораго двѣ борзья преслѣдовали. Я общалъ великому князю достать для него борзую собаку.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, февраль, стр. 339—364. мартъ, стр. 527—554; т. XLVI, апрѣль, стр. 87—106; май, стр. 265—280.

26-го іюля. Пятница. Приѣхавъ въ котеджъ, послѣ утреннихъ занятій, въ 9 часовъ, узнали о взятіи графомъ Паскевичемъ-Эриванскимъ Эрзерума. Изъ котеджа великій князь уѣхалъ съ Ея Величествомъ въ кадетскій лагерь; здѣсь стрѣлялъ изъ пушки артиллерійскаго училища. Отъ 6 часовъ до 8 1/2 игралъ съ кадетами въ котеджѣ въ барры. Прыгалъ на сѣткѣ и стрѣлялъ изъ турецкихъ пушекъ, взятыхъ при Исакии.

27-го іюля. Суббота. Ихъ Величества Государь Императоръ и государыня императрица уѣхали въ 11 часовъ въ С.-Петербургъ, гдѣ было въ Казанскомъ соборѣ благодарственное молебствіе о взятіи Эрзерума; въ 6 часовъ возвратились назадъ.

Великій князь ѣздилъ съ ихъ величествами верхомъ. Какъ великій князь, такъ и его товарищи по счету учительскихъ отгѣтокъ въ настольномъ журналѣ заслужили отличный аттестатъ.

28-го іюля. Воскресенье. Великій князь, видя г-на Жилля, пришедшаго съ намѣреніемъ повторить съ нимъ и Паткулемъ географію, сказалъ:

— «Отъ 6 до 7 часовъ я долженъ заняться урокомъ г-на Алфре».

— Хорошо, занимайтесь; г-нъ Жилль нарочно всталъ въ 5 часовъ, дабы пройти съ вами географію; онъ полагалъ сдѣлать вамъ угодное, сказалъ я; обратясь къ г-ну Жиллю, продолжалъ: займитесь съ Паткулемъ, великій князь можетъ заняться англійскимъ языкомъ до 7 часовъ, а потомъ займется географіею.

— «Нѣтъ, позвольте мнѣ теперь повторить географію; я найду время для урока англійскаго языка».

Мы согласились и повтореніе шло весьма хорошо. Послѣ обѣда государь императоръ вышелъ предъ кадетскій лагерь, взялъ всѣхъ кадетъ и, спустясь съ ними къ низу большого фонтана Самсона, приказалъ всѣмъ лѣзть вверхъ по уступному фонтану; всѣ бросились, закричавъ: ура!—мигомъ очутились на терасѣ грота; великій князь бабахтался въ водѣ какъ и всѣ прочіе и былъ изъ первыхъ у цѣли.

Надобно было видѣть этотъ штурмъ новаго рода. Мы обѣдали въ большомъ дворцѣ съ ихъ высочествами. До 5 часовъ пробыли у себя въ комнатахъ; великій князь игралъ оловянными солдатами, къ 6 часамъ пришли въ Александрію; едва было расположились пить чай съ пришедшими къ намъ въ гости кадетами, государь императоръ объявилъ намъ, что въ лагерѣ тревога; кадеты бросились бѣжать, а мы надѣли аммуницію и поскакали въ дрожкахъ; весь лагерь наши уже подъ ружьемъ, стали подъ знамена и чрезъ нѣсколько минутъ колонны двинулись.

Удачное дѣйствіе артиллеріи и быстрота атакующихъ колоннъ заставили непріятеля безпрестанно ретироваться и въ самой Александріи скрыться; но дабы здѣсь не дать ему осмотрѣться, всѣ колонны бросились въ штыки, овладѣли высотой, перекололи множество; самая незначительная часть искала спасенія въ бѣгствѣ.

Съ нашей стороны одинъ только раненъ, убитыхъ не имѣлось. Войска взяли съ плеча; отдохнувъ нѣсколько минутъ, прошли мимо ихъ величествъ церемональнымъ маршемъ. Во всѣхъ сихъ движеніяхъ великій князь и его товарищи находились во фронтѣ, въ баталіонѣ 2 кадетскаго корпуса подъ знаменами. Государь императоръ благоволилъ объявить всѣмъ баталіонамъ высочайшее свое благоволеніе. Маневръ кончился въ 8 часовъ; великій князь, напившись чаю, легъ спать, но не жаловался на усталость.

29-го іюля. Понедѣльникъ. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и въ продолженіе цѣлаго дня вели себя похвально.

Получено извѣстіе о взятіи Бургаса, Айдоса и еще другихъ 4-хъ крѣпостей, за Балканами.

30-го іюля. Вторникъ. Великій князь и его товарищи занимались охотно и вели себя въ продолженіе дня похвально. Въ 7 часовъ вечера непріятель сдѣлалъ вылазку близъ Монплезира. Въ лагерѣ ударили тревогу; великій князь и его товарищи въ сіе время были близъ Марли, бросились бѣжать домой, одѣлись и явились къ своему мѣсту во 2-й кадетскій корпусъ, подъ знамена. Береговое войско въ трехъ колоннахъ двинулось противъ непріятеля, упорно защищавшаго занятую имъ позицію, бросилось въ штыки, опрокинуло и гнало его до самыхъ судовъ; однимъ словомъ, маневръ былъ превосходный; жаль однако-же, что онъ омраченъ былъ довольно непріятнымъ случаемъ; при стычкѣ морскихъ кадетъ съ подпрапорщиками, изъ послѣднихъ, нѣкто Булгакъ ударилъ штыкомъ кадета и проткнулъ ему ляжку. Баталіонъ, въ которомъ великій князь находился, также былъ въ стычкѣ съ непріятелемъ; онъ взялъ въ плѣнъ 70 человекъ десантнаго войска съ 4-мя офицерами.

31-го іюля. Среда. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя похвально. Въ свободное время ударили рыбу; вечеромъ, по причинѣ дурной погоды, оставались дома, строили крѣпости и устанавливали въ оныхъ гарнизоны.

1-го августа. Четвергъ. Въ 10 часовъ великій князь былъ у обѣдни и при освѣщеніи воды; отъ каждаго кадетскаго корпуса на-

ходила въ парадѣ одна рота со знаменемъ. Урокъ г-на Жуковскаго былъ отъ 12-ти до 2-хъ часовъ, занимались анализомъ. Великій князь былъ разсѣянъ, отвѣчалъ на вопросы, не охотно.... Въ 6 часовъ вечера мы пошли въ большой дворецъ, гдѣ ихъ величества кушали чай. Въ 7 часовъ прибылъ Хозревъ-Мирза. Военно-учебныя заведенія находились подъ ружьемъ и стояли лицомъ къ фонтанамъ.

Проѣзжая мимо балкона, на которомъ находились дамы, принцъ весьма вѣжливо кланялся.

2-го августа. Пятница. День проведенъ весело, ничего особеннаго не случилось.

3-го августа. Суббота. Великій князь занимался прилежно. Былъ у развода и при выступленіи кадетъ изъ лагеря. Великій князь торопился прибыть въ Александрію, дабы укладывать оловянную армію, находившуюся въ кабинетѣ государя. Я имѣлъ предосторожность спросить его высочество, имѣетъ ли онъ на сіе приказаніе; получивъ утвердительный отвѣтъ, позволилъ ему приступить къ укладкѣ; но когда великій князь сказалъ о семъ государю, то его величество спросилъ, кто далъ ему на сіе приказаніе и какъ онъ можетъ входить къ нему, въ его небытность, въ кабинетъ. Государь позвалъ къ себѣ одного Віельгорскаго, а великому князю запретилъ приходить къ себѣ. Великій князь много плакалъ и раскаявался въ своей вѣтренности, твердо рѣшился быть впредь осторожнѣе.

4-го августа. Воскресенье. Елагинъ. Великій князь бесѣдовалъ съ г-мъ Павскимъ, былъ у обѣдни. Государь императоръ простилъ ему вчерашнюю вѣтренность и позволилъ укладывать оловянную армію. Въ 4½ часа мы выѣхали изъ Петергофа; прибыли на Елагинъ въ 6½ часовъ. Вечеръ былъ довольно теплый, великій князь радовался видѣть широкія городскія улицы, а еще болѣе прелестный Елагинъ. До 8 часовъ прыгалъ на сѣткѣ. Поведеніемъ его высочества и его товарищей я былъ доволенъ.

5-го августа. Понедѣльникъ. Елагинъ. Великій князь и его товарищи вели себя похвально и занимались прилежно.

6-го августа. Вторникъ. Елагинъ. Великій князь до 9 часовъ повторялъ у г-на Жилля урокъ исторіи. Въ 9 часовъ поѣхалъ съ государемъ въ Аничковскій дворецъ. Здѣсь государь и государыня пе-

реодѣлись и въ 10 ¹/₂ часовъ отправились въ Преображенскій соборъ. Великій князь съ государемъ въ коляскѣ, а императрица съ великою княжною Марією Николаевною въ парадной каретѣ, предъ которою скакалъ взводъ черкесскаго эскадрона. Въ Кирочной улицѣ государь императоръ и великій князь сѣли верхомъ и, пройдя по фронту лейб-гвардіи преображенскаго баталіона, ожидали пріѣзда ея величества. По прибытіи государыни императрицы, государь императоръ проводилъ ее въ экипажѣ, вдоль фронта; потомъ баталіонъ проходилъ мимо ея величества церемоніальнымъ маршемъ и передъ церковью выстроился въ колонну. Государь императоръ и ея величество изволили слушать обѣдню и молебствіе, по окончаніи коего выѣхали на Литейную, гдѣ кавалергардскій и конно-гвардейскій полки провозили мимо всѣ турецкія и персидскія знамена, взятые въ послѣднюю войну; числомъ ихъ было 560. Всѣ знамена сіи поставлены въ церковь Преображенія. Къ столу государя императора приглашены были гг. офицеры Преображенскаго полка и особы первыхъ двухъ классовъ.

Ихъ высочества послѣ обѣда играли на сѣткѣ, вечеромъ пили чай на Каменномъ острову у ихъ высочествъ великихъ княженъ. День проведенъ безъ упрека.

7-го августа. Среда. Великій князь и Паткуль слушали урокъ не съ должнымъ вниманіемъ. У г-на Коллинса занимались прилежно.

8-го августа. Четвергъ. Какъ великій князь, такъ и его товарищи занимались съ величайшимъ вниманіемъ у г-на Триніуса. Говорено было о различныхъ слояхъ земли. Въ послѣднюю четверть часа урока г-на Жилля великій князь дѣлалъ необдуманые отвѣты; видя, что не будетъ такъ аттестованъ, какъ бы ему хотѣлось, заплакалъ, почему и въ поведеніи получилъ не выгодную отмѣтку.

9-го августа. Пятница. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя въ продолженіе дня похвально. Мы ходили пѣшкомъ на Лахту; дорогою собирали разнаго рода гранитъ.

10-го августа. Суббота. Великій князь, Віельгорскій и Паткуль до 9 часовъ занимались одни съ похвальнымъ прилежаніемъ. Въ 10 часовъ мы всѣ поѣхали въ Зимній дворецъ, гдѣ въ 12 часу была аудіенція персидскому принцу Хозреву Мирзѣ, внуку шаха, сыну Аббаса Мирзы, присланному съ извиненіемъ въ несчастномъ событіи съ нашимъ посланникомъ Грибоѣдовымъ въ Тегеранѣ. Возвратясь домой, забавлялись въ саду разными играми. День проведенъ весело.

11-го августа. Воскресенье. Бесѣдовали съ г. Павскимъ, были у обѣдни, ѣздили въ Ботаническій садъ, гдѣ великій князь съ любопытствомъ разсматривалъ многія растенія. Отъ обѣда до 6 часовъ играли въ саду, прыгали на сѣткѣ и лазали. Нессельроде, Сверчковъ и Толстой у насъ обѣдали и пробыли до самаго отъѣзда. Въ 7 часовъ вечера мы оставили Елагинъ, въ 8½ прибыли благополучно въ Царское село. Поведеніемъ великаго князя и его товарищей я былъ весьма доволенъ.

12-го августа. Понедѣльникъ. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя въ продолженіе дня похвально.

13-го августа. Вторникъ. Великій князь былъ чрезвычайно вялъ, слабость воли его мѣня не рѣдко удивляетъ. Причиною сего, полагаю необыкновенно быстрое физическое его развитіе.

14-го августа. Среда. Великій князь былъ болѣе внимателенъ нежели вчера; но все не показывалъ большой охоты заниматься; обыкновенная вялость его одолевала. Товарищи его занимались охотно, въ особенности Вильгорскій.

15-го августа. Четвергъ. Великій князь и его товарищи вели себя въ продолженіе дня похвально и занимались прилежно.

16-го августа. Пятница. Всѣ трое занимались прилежно, вели себя хорошо. У великаго князя оказался въ лѣвомъ ухѣ небольшой нарывъ. Ихъ величества изволили прибыть въ Царское село.

17-го августа. Суббота. Въ продолженіе дня всѣ трое вели себя похвально и занимались прилежно. Боль въ ухѣ уменьшается.

18-го августа. Воскресенье. Великій князь до 9 часовъ занимался приготовленіемъ уроковъ весьма охотно, и бесѣдовалъ съ г-мъ Павскимъ. Были въ церкви. Послѣ церкви занимались. Гуляли съ ихъ высочествами пѣшкомъ; обѣдали на Дѣтскомъ островѣ. Послѣ обѣда до 6 часовъ играли у башни. Откушавъ чай на островѣ, поѣхали въ адмиралтейство, гдѣ подъ предводительствомъ государя сѣли въ лодки; прежде маневрировали, а потомъ атаковали флотъ, взяли въ плѣнъ двѣ лодки. У насъ были въ гостяхъ: Адлерберги, Кочубеи и Лонгиновы

19-го августа. Понедѣльникъ. Какъ ученіемъ, такъ и поведеніемъ великаго князя и его товарищей я былъ доволенъ.

20-го августа. Вторникъ. Великій князь и его товарищи занимались съ удовольствіемъ и вели себя весьма хорошо какъ во время лекцій, такъ и во все продолженіе дня. Государь и великій князь съ товарищами штукатурили внутренность дѣтскаго домика.

21-го августа. Среда. День проведенъ весьма хорошо и безъ упрека.

22-го августа. Четвергъ. Занимались у всѣхъ гг. учителей весьма прилежно. Великій князь былъ въ церкви въ казачьемъ офицерскомъ мундирѣ. Въ ознаменованіе всерадостнаго дня сего мы стрѣляли изъ всѣхъ орудій, на валу башни находящихся.

23-го августа. Пятница. Всѣ трое вели себя и занимались отменно хорошо.

24-го августа. Суббота. Отлично прилежно занимались и вели себя въ продолженіе цѣлаго дня прекрасно. Великій князь приобрѣлъ въ теченіе сей недѣли въ настольномъ журналѣ 51 отиѣтку очень хорошо за поведеніе и 49 за ученіе и хотя всѣ трое имѣли за всю недѣлю отлично, но онъ былъ первый.

25-го августа. Воскресенье. День проведенъ весьма весело, пустили флотъ свой на воду, вечеромъ играли у башни въ разныя игры.

26-го августа. Понедѣльникъ. Въ 8 часовъ государь императоръ уѣхалъ въ Красное село, по случаю имѣющаго быть смотра. Великій князь занимался и велъ себя похвально.

27-го августа. Вторникъ. Занимался его высочество и велъ себя весьма похвально. Послѣ 12 часовъ мы выѣхали верхомъ на маневры къ Рѣдкому-Кузьмину. Возвратясь, узнали о взятіи Адрианополя.

28-го августа. Среда. Поведеніе и ученіе были весьма хороши. Ѣздили на маневры къ деревнѣ Толмачевой. Вечеромъ до 10 часовъ были въ собраніи, по причинѣ нахождения въ ономъ персидскаго принца Хозрева Мирзы, игравшаго въ разныя игры.

29-го августа. Четвергъ. Весьма прилежно занимались. По причинѣ дурной погоды остались дома и въ кабинетѣ императрицы разбирали вновь присланныхъ изъ Берлина оловянныхъ солдатъ. Вечеромъ въ 7½ часовъ пріѣхали на Елагинъ островъ.

30-го августа. Пятница. Великій князь всталъ въ 6 часовъ и за-

нимался какъ обыкновенно до 9 часовъ. Принявъ поздравленіе отъ всѣхъ гг. учителей и многихъ другихъ лицъ, его высочество принеся поздравленіе ея высочеству великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ и ихъ величествамъ. Въ исходѣ десятаго часа прибылъ въ Аничковъ дворецъ, гдѣ, переодѣвшись, послѣдовалъ за ихъ величествами въ Александро-Невскую лавру. Отслушавъ обѣдню и молебствіе, по случаю взятія Адрианополя и Кирклиссы, отправился обратно на Елагинъ; на возвратномъ пути посѣтилъ казармы Павловскаго полка. Къ обѣду были приглашены изъ каждаго корпуса по два кадета, всѣхъ было 16 человекъ. Государь, государыня императрица и ихъ высочества великія княжны изволили обѣдать вмѣстѣ съ кадетами. Послѣ обѣда играли въ разныя игры. Ужинали и присутствовали на фейерверкѣ, данномъ ея высочеству великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ. День проведенъ весело; но, къ сожалѣнію, кадетъ морскаго корпуса повредилъ себѣ руку, прыгая черезъ козла.

31-го августа. Суббота. Великій князь и его товарищи занимались прилежно и вели себя хорошо. Его высочество имѣлъ слабость заплакать, увидѣвъ неожиданно г-на Огюста, своего учителя танцованія. Еще замѣчено мною, что великій князь и Віельгорскій стараются скрывать свои проступки и сваливать ошибки свои на ближнихъ вмѣсто того, чтобы добродушно признаться въ своей винѣ ¹⁾.

По числу недѣль отличныхъ и великій князь, и Віельгорскій заслуживаютъ похвалу вполне; они получаютъ право на благотвореніе и съ будущаго года начнутъ пользоваться симъ правомъ, т. е. за каждую полную отличную недѣлю будутъ вкладывать въ кассу благотворенія положенную на то сумму.

Въ концѣ года окажется, кто собралъ больше и, слѣдовательно, кто приобрѣлъ болѣе способа оказать истинное благодѣяніе. Но справедливость требуетъ изъяснить, что Віельгорскій своимъ безпрестанно постояннымъ прилежаніемъ заслужилъ болѣе личнаго уваженія, нежели великій князь. Почти никогда не нужно было требовать отъ него вниманія и дѣятельности. Онъ точно былъ помощникомъ своихъ учителей, которые, занимаясь имъ, имѣли удовольствіе видѣть, что онъ уважаетъ ихъ благодѣтельную о немъ попечительность. О великомъ князѣ этого сказать нельзя. На экзаменѣ оказалось, что все то, чему учили его, онъ знаетъ хорошо: благодарность за это болѣе заслуживаютъ его учителя, нежели онъ самъ.

¹⁾ Въ этомъ мѣстѣ журналъ прекращается, слѣдующія строки заключаютъ отчетъ за 1829 годъ.

Методомъ было облегчено ученіе, и этою же методою все преподаваемое было утверждено въ памяти. Не его собственному труду, а труду учителей обязанъ онъ тѣмъ, что отличился на экзаменѣ предъ государемъ императоромъ. Есть ли бы во время самаго ученія имѣлъ онъ постоянно ту живость, какую оказалъ онъ на экзаменѣ, то приобрѣлъ бы вдвое противъ того, что оназвалось въ концѣ истекшаго года. Если онъ могъ имѣть постоянно и живость, и вниманіе въ теченіи нѣсколькихъ дней экзамена, изъ сильнаго желанія угодить государю, то это доказываетъ только то, что онъ могъ имѣть ту же самую живость и ту же внимательность и во все время ученія, просто изъ любви къ своей обязанности. Но этой постоянной дѣятельности недостаетъ великому князю, слишкомъ часто было нужно понуждать его ко вниманію во время лекцій и къ работѣ въ тѣ часы, кои онъ долженъ былъ употреблять на собственные занятія. Сверхъ того онъ имѣетъ нѣкоторыя вредныя привычки, кои мѣшаютъ ему быть внимательнымъ, — не можетъ сидѣть покойно на мѣстѣ, занимается постороннимъ и проч. Отъ этихъ привычекъ онъ нисколько не отсталъ въ продолженіе цѣлаго года, и теперь они въ немъ столько же сильны, какъ и въ началѣ года. Но теперь уже ребячество миновалось: пора рѣшительно думать о строгомъ исполненіи обязанности, о приобрѣтеніи уваженія, о личномъ достоинствѣ, которое не можетъ быть безъ твердой воли, безъ постоянного владѣнія самимъ собою. Прошу великаго князя и Вельгорскаго, и Паткуля перечитать то, что было мною имъ написано послѣ экзамена прошлаго года.

Прибавлю слѣдующее: вы должны видѣть въ вашихъ наставникахъ товарищей начинающейся вашей жизни. Они теперь живутъ съ вами вмѣстѣ и для васъ; съ своей стороны они даютъ вамъ свои знанія и свою опытность, которыхъ вы еще не имѣете, и которые будутъ для васъ необходимы, когда начнете жить безъ нихъ. Вы съ своей стороны давайте имъ полную довѣренность и внимательность. Тогда и для васъ, и для нихъ ученіе обратится въ истинное наслажденіе. Между вами и ими будетъ дружеское товарищество, будетъ взаимная дѣятельность для одной цѣли, которая не иное что, какъ ваше будущее счастье, основанное на просвѣщеніи, ведущемъ къ добродѣтели и къ славѣ заслуженной.

Скажу великому князю особенно: на томъ мѣстѣ, которое вы со временемъ займете, вы должны будете представлять въ себѣ образецъ всего, что можетъ быть великаго въ человѣкѣ, будете предписывать законы другимъ, будете требовать отъ другихъ уваженія къ закону. Пользуйтесь счастливымъ временемъ, въ которое можете слышать наставленія отъ тѣхъ, кои васъ любятъ и могутъ свободно

говорить вамъ о вашихъ обязанностяхъ; но вѣря намъ, приучайтесь дѣйствовать сами, безъ понужденія, произвольно-просто изъ любви къ должности; иначе не сдѣлаетесь образцомъ для другихъ, не будете способны предписывать закона и не научите никого исполнять закона, ибо сами не будете умѣть исполнять его.

За Вѣльгорскаго можно поручиться: онъ уже теперь начинаетъ понимать свое прекрасное назначеніе. Теперь онъ вамъ товарищъ, какъ ребенокъ; но онъ знаетъ, что ему должно быть со временемъ вѣрнымъ товарищемъ вашей жизни во всемъ, что должно составить ея истинную славу. Онъ будетъ къ этому готовиться постоянно и помнить, что это не иначе возможно, какъ пріобрѣтеніемъ собственнаго достоинства, которое заключается въ просвѣщеніи, чистотѣ сердца и твердой волѣ. Я увѣренъ, что такое одобреніе не заставитъ Вѣльгорскаго слишкомъ высоко о себѣ думать; напротивъ, онъ долженъ себѣ повторять безпрестанно, что онъ еще не пріобрѣлъ ничего, что онъ только на хорошей дорогѣ; потерявъ скромность и возмечтавъ о себѣ высоко, онъ сойдетъ съ этой хорошей дороги и потеряетъ возможность сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ быть можетъ. Безъ смиренія нѣтъ достоинства.

Желалъ бы то же сказать о Паткулѣ, что сказалъ о Вѣльгорскомъ. Но Паткуль не имѣетъ и пятой части недѣль отличныхъ, почему и не получалъ права на участіе въ благодѣяніи. Несмотря на то, что онъ однихъ лѣтъ съ Вѣльгорскимъ, онъ еще слишкомъ легкомысленъ, вообще не прилеженъ, и не заботится нисколько объ исполненіи своей должности. Если это продолжится, то онъ далеко отстанетъ отъ своихъ товарищей и, наконецъ, потеряетъ самую возможность заслужить уваженіе.

Мы взглянули теперь на исторію: въ будущемъ курсѣ короче познакомимся съ великими людьми древности. Изъ жизни ихъ узнаемъ, что земное счастье, земная слава принадлежать одной добродѣтели и пріобрѣтаются только дѣятельностію и твердою волею и что нельзя быть безъ просвѣщенія полезнымъ для другихъ.

Естественная исторія познакомитъ насъ съ величіемъ Бога въ твореніи, а религія, освятивъ высшими понятіями наставленія исторіи и науки естественной, скажетъ намъ, что наша земная жизнь есть цвѣтъ для неба.

Всѣ наши познанія вмѣстѣ утверждаютъ въ насъ одну только главную мысль, что человѣческая жизнь есть училище, въ коемъ учитель Богъ и что мы здѣсь только для того, чтобы каждому на своемъ мѣстѣ быть достойнымъ своего учителя.

VI.

Учебныя занятія.—Александровская мануфактура.—Замѣтки ген.-ад. Нейдгардта.—Пеѣздъ на дачу.—День ангела в. кн. Константина Николаевича.—Препровожденіе времени въ Царскомъ.—Прогулки въ паркѣ.—Практическія занятія полевой фортификаціей.—Девизъ.

1830 годъ.

5-го мая. Понедѣльникъ. Великій князь во время уроковъ былъ внимателенъ и велъ себя въ продолженіе цѣлаго дня похвально. Въмѣсто того, чтобы ѣздить въ манежъ, мы прогуливались верхомъ въ Лѣтнемъ саду, что, разумѣется, принесло Александру Николаевичу много удовольствія. Вечеръ онъ провелъ также весьма весело съ сестрицами въ Аничковскомъ саду. Погода была прелестная, мы имѣли въ тѣни 13°.

6-го мая. Вторникъ. Доставленное его высочеству княземъ А. Н. Голицынымъ отъ государыни императрицы письмо принесло ему неизяснимое удовольствіе. Великій князь и его товарищи аттестованы всѣми гг. учителями весьма хорошо. Въ первый часъ урока г-на Тришуса изьяснялись опытами электро-динамическія явленія. Великій князь, какъ обыкновенно при семъ урокъ, былъ въ особенности живъ и внимателенъ. Въ урокъ г-на Арсеньева говорено было о пространствахъ и климатахъ Россіи. 10-й часъ утра какъ вчера, такъ и сегодня употребленъ на метаніе ружьемъ; прочее свободное отъ ученія время провели въ садахъ Аничковского и Таврическаго дворцовъ. Въ послѣднемъ мы надѣялись застать ихъ высочества, но великія княжны были уже уѣхавши.

7-го мая. Среда. Г-нъ Жилль занималъ великаго князя правописаніемъ. У г-на Эртеля повторяли уроки древней исторіи. Въ урокъ г-на Липпмана говорено было о царствованіи Юстиніана; о разрушеніи Велисаріемъ царства вандаловъ въ Африкѣ; о битвѣ не кровопролитной, но рѣшительной, подъ стѣнами Караггена; о бѣгствѣ Гелимера, послѣдняго царя вандаловъ, въ горы Атласа; о его плѣнѣ, шестви въ триумфѣ Велисарія по Константинополю, необходимости унизиться передъ Юстиніаномъ и, наконецъ, о покореніи римской власти Сардиніи, Корсики и Балеарскихъ острововъ, принадлежавшихъ вандаламъ. У г-на Коллинса занимались тройнымъ правиломъ. Великій князь во время урока былъ внимателенъ и въ продолженіе цѣлаго дня велъ себя похвально. Свободное отъ ученія время провелъ въ саду Аничковского дворца.

8-го мая. Четвергъ. Въ урокъ г. Арсеньева говорено было о гидрографическомъ раздѣленіи Россіи. Г-нъ Липманъ говорилъ о частной жизни римлянъ въ V и VI вѣкѣ. Г. Триніусъ объяснялъ обдія свойства металловъ. Г-нъ Колинсъ изъяснялъ тройное прямое и обратное правило. Великій князь и его товарищи были внимательны.

Послѣ обѣда навѣстили мы Александровскую мануфактуру. Великій князь любовался необыкновенною архитектурою церкви, въ которой алтарь выстроенъ въ видѣ храма; съ особеннымъ любопытствомъ разсматривалъ машины, на коихъ приготавлиются проволочныя щетки для чесанія хлопчатой бумаги.

Воспитанники пѣли передъ ужиномъ молитву.

— «Они довольно хорошо поютъ», сказалъ великій князь, «удивляюсь, какъ непрестанный шумъ машинъ не испортилъ ихъ слуха; признаюсь, продолжалъ онъ, сердечно жалѣю объ ихъ участи, не хотѣлъ бы быть на ихъ мѣстѣ».

Мы пили чай въ большомъ конференцъ-залѣ.

9-го мая. Пятница. Въ урокъ г. Жуковского повторяли введеніе въ Россійскую исторію. У г. Эртеля занимались переводомъ съ русскаго на нѣмецкій языкъ, изъ естественной исторіи, о природѣ человѣка. У протоіерея Павскаго начали исторію греко-россійской церкви. У г. Юрьевича читали. У г. Алфри было, въ присутствіи поступающаго на его мѣсто учителя англійскаго языка Вуарранда, испытаніе.

Г-нъ Вуаррандъ рекомендованъ намъ гг. пасторомъ Муральтомъ и докторомъ Липманомъ; онъ имѣетъ хорошій выговоръ, достаточныя свѣдѣнія и можетъ, въ особенности, быть полезенъ при повтореніяхъ на англійскомъ языкѣ историческихъ уроковъ г. Липмана. Вечеръ провели у генерала Фридерикса весьма весело.

10-го мая. Суббота. Г-нъ Колинсъ занималъ великаго князя рѣшеніемъ задачъ о процентахъ тройнымъ правиломъ. Во время урока г. Плетнева сначала читали наизусть изъ оды Ломоносова тѣ строфы, въ которыхъ изображается обширность и сила Россіи, а потомъ занимались составленіемъ предложеній по изложеннымъ правиламъ. У г. Жуковского повторяли введеніе въ исторію Россіи. У г. Эртеля чтеніемъ краткой древней исторіи Бредова. Великій князь и Вильгорскій какъ сегодня, такъ и въ продолженіе всей недѣли занимались съ постояннымъ удовольствіемъ и приобрѣли въ настольномъ журналѣ 36 отмѣтокъ «очень хорошо» и вмѣстѣ съ симъ, въ четвертый разъ уже послѣ экзамена, получили право на взносъ въ кассу для обѣдныхъ. Благодаря Бога, великій князь совершенно здоровъ и веселъ.

11-го мая. Воскресенье. До 8 часов великий князь готовился къ уроку г. Липмана, составлялъ краткое жизнеописаніе Эпаминонда. У г. Павскаго читалъ евангеліе и апостолъ сей недѣли. Возвратясь отъ обѣдни, имѣлъ удовольствіе получить извѣстіе о здоровьѣ государя императора чрезъ Г. А. Геруа.

Прогуливался въ Лѣтнемъ саду верхомъ, ваѣжалъ къ ея выс. Еленѣ Павловнѣ, но не засталъ дома. Великая княгиня изволила быть въ Павловскѣ. Віельгорскій почувствовалъ послѣ обѣдни озабоченность; я приказалъ уложить его въ постель и къ вечеру ему уже было гораздо лучше.

Погода была нехороша, однако великий князь провелъ все послѣобѣденное время въ саду весьма весело. Въ гостяхъ у него были дѣти г. Адлерберга и г. Фридерикса; они ѣздили верхомъ на маленькой лошади, бѣгали и прыгали на сѣткѣ.

12-го мая. Понедѣльникъ. Въ урокъ г. Липмана повторили исторію Греціи отъ IX столѣтія до Р. Х., до времени завоеванія Коринѳа. Г-нъ Жилль занимался изъясненіемъ нѣкоторыхъ грамматическихъ правилъ относительно причастій. Г-нъ Павскій говорилъ о жизни и путешествіи апостола Павла, у г. Юрьевича занимались правописаніемъ и чтеніемъ.

• У Віельгорскаго г. Рюлю нашелъ пульсъ не совсѣмъ правильнымъ, почему онъ и оставался цѣлый день въ своей комнатѣ. Генераль-адъютантъ Нейдгардъ, отъѣзжавшій въ Варшаву, откланивался великому князю, который просилъ генерала свидѣтельствовать всѣмъ его (знакомымъ) почтеніе, былъ весьма любезенъ и разговорчивъ, и между прочими разговорами спросилъ, не угодно ли начальнику штаба подлиннаго гвардейскаго корпуса видѣть гвардейскій корпусъ, ему принадлежащій. Г. Нейдгардъ, взглянувъ на выстроенный боевой порядокъ, упомянулъ о происшедшихъ переѣздахъ въ построеніяхъ; едва успѣлъ онъ откланяться, великий князь начертилъ новое построеніе и потомъ по оному выстроилъ 1-ю дивизію. Свободное время мы провели въ саду въ обыкновенныхъ увеселеніяхъ.

13-го мая. Вторникъ. Въ урокъ г-на Арсеньева продолжали говорить о гидрографическомъ раздѣленіи Россіи. Г-нъ Триніусъ изъяснялъ общія свойства металловъ. У г. Жилля занимались правописаніемъ. Свободное время провели въ саду. Віельгорскій совершенно здоровъ. Во время урока танцованія великий князь жаловался на ознобъ. Я сообщилъ о семъ изъ предосторожности г. Рюлю, который, осмотрѣвъ великаго князя вмѣстѣ съ г. Раухомъ, предписалъ выпить на ночь чашку ромашки; едва сіе было исполнено, великий князь заснулъ.

14-го мая. Среда. Великій князь спалъ крѣпкимъ сномъ 12 часовъ сряду. Проснувшись, чувствовалъ себя совершенно здоровымъ, каковымъ нашли его гг. Рюль и Раухъ. Отъ 7 до 9 онъ не занимался. Въ урокъ г. Липмана говорено было о временахъ Юстиніана и Велисарія. У г. Коллинса 1-й часъ повторяли геометрію на нѣмецкомъ языкѣ, а 2-й занимались общею ариметикою.

Мы ѣздили съ великимъ княземъ съ поздравленіемъ къ ея выс. великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ. Ея выс. угодно было поручить мнѣ пригласить на Каменный островъ всѣхъ обыкновенно къ великому князю приглашаемыхъ дѣтей.

15-го мая. Четвергъ. Сегодня великій князь занимался только у г. Арсеньева отъ 7 до 9 часовъ. Въ урокъ семь продолжали говорить о гидрографическомъ раздѣленіи Россіи. Отслушавъ обѣдню въ церкви Аничковского дворца, мы поѣхали верхомъ въ Лѣтній садъ; по возвращеніи съ прогулки, великій князь занимался исполненіемъ заданныхъ ему уроковъ. Послѣ обѣда читалъ нравственное сочиненіе г-жи Гизо. Вечеръ провелъ на Каменномъ острову у ихъ выс. великихъ княженъ Маріи и Елисаветы Михайловенъ; весьма весело игралъ въ разныя игры и танцевалъ. Полученіемъ писемъ отъ ихъ велич. великій князь чрезвычайно былъ обрадованъ; дабы прочитать оныя, оставилъ игры, всталъ въ уголь, кажется, для того, чтобы болѣе имѣть возможности перенестись мыслями къ милымъ сердцу. Мнѣ чрезвычайно пріятно было наблюдать его фізіономію: глаза, исполненные радости, свѣтились и вдругъ наполнились слезами. Я подошелъ къ нему, онъ не плакалъ, но слезы невольно капали на то мѣсто письма, въ которомъ ея величество изъявляетъ сожалѣніе, что лишена удовольствія видѣть его и прижать къ сердцу въ Варшавѣ, гдѣ для нея недостаетъ его одного, дабы совершенно убѣдиться въ мысли, что она вовсе не оставляла сего мѣста, въ которомъ нашла все въ томъ же видѣ, въ какомъ назадъ тому годъ оное оставила.

Прочитавъ письмо государя, показавъ оное сестрицамъ и исполнивъ возложенное на него порученіе—обнять обѣихъ.

16-го мая. Пятница. Всѣ гг. учителя были довольны великимъ княземъ и Вильгорскимъ; съ г. Жуковскимъ повторяли гидрографическое раздѣленіе Россіи. У г. Эртеля занимались естественною исторіею. У г. Павскаго занимались исторіею церкви. У г. Юрьевича—правосланіемъ. У г. Вуарранда—переводами съ французскаго на англійскій языкъ. Свободное отъ занятій время провели въ саду, гдѣ рыли ровъ для перепрыгиванія.

17-го мая. Суббота. У г. Колинса занимались рѣшеніемъ задачъ тройнымъ правиломъ. Во время урока г. Плетнева разсказывали наизусть тѣ строфы изъ «Водопада» Державина, гдѣ описывается сѣверная природа; послѣ того слѣдовали замѣчанія объ языкѣ и характерѣ сочиненій, выученныхъ ими. Г-нъ Жуковскій повторялъ гидрографическое раздѣленіе Россіи. У г. Эртеля переводили и читали древнюю исторію Бредова. По случаю переѣзда великой княгини Елены Павловны на Каменный островъ и нашего отъѣзда въ Царское Село, ѣздили къ ея высочеству прощаться; потомъ играли въ саду. Послѣ обѣда занимались укладкою книгъ, а вечеромъ танцевали; въ это время навѣстила его высочество великая княгиня Елена Павловна. Великому князю на сей недѣлѣ не удалось приобрести право на взносъ въ кассу для бѣдныхъ; одинъ Віельгорскій оное имѣетъ.

18-го мая. Воскресенье. Великій князь, какъ обыкновенно, занимался до 8 часовъ приготовленіемъ уроковъ; потомъ читалъ евангеліе и апостолъ сей недѣли; отслушавъ въ одиннадцатомъ часу обѣдню въ Аничковскомъ дворцѣ и позавтракавъ, оставили городъ вовсе безъ сожалѣнія. Въ Царское Село пріѣхали въ часъ, едва успѣли выйти изъ коляски, великій князь побѣждалъ осмотрѣть домикъ на Дѣтскомъ островѣ, который намѣреваются окончить къ возвращенію ихъ величествъ; потомъ были у башни, гдѣ прыгали на сѣткѣ. Послѣ обѣда великій князь писалъ письма. Онъ, благодаря Бога, совершенно здоровъ и веселъ.

19-го мая. Понедѣльникъ. Желая доставить его высочеству сколько можно болѣе возможности пользоваться свѣжимъ воздухомъ, я расположилъ часы уроковъ такъ, что онъ всякій день все послѣобѣденное время имѣетъ свободнымъ, сверхъ того два часа для утреннихъ прогулокъ; такимъ образомъ мы можемъ предпринимать и дальнія прогулки, вовсе не нарушая времени ученія. Вся перемѣна состоитъ въ томъ, что урокъ отъ 5 до 6 часовъ будетъ въ продолженіе лѣта отъ 1 до 2-хъ. Какъ великій князь, такъ и его товарищи чрезвычайно довольны этимъ распоряженіемъ.

Сегодня г. Жилль изъяснялъ нѣкоторыя правила правописанія. Г-нъ Юрьевичъ занималъ переводами. У г. Липмана, кончивъ обзорѣніе царствованія Юстиніана, обратили взглядъ на всю исторію Римской имперіи и говорили о причинахъ ея упадка. У г. Вуарранда переводили. У г. Павскаго продолжали исторію церкви. Въ свободное отъ уроковъ время поутру гуляли пѣшкомъ въ паркѣ, видѣли лошадей, на пенсіи состоящихъ, и поливали на Дѣтскомъ островѣ цвѣты.

Послѣ обѣда играли на башнѣ, проводили новую дорожку; вечеромъ ходили смотрѣть верблюдовъ; на возвратномъ пути, увидя въ кустахъ зайца, бросились за нимъ въ погоню и долго преслѣдовали. Благодаря сему движенію, великій князь спалъ какъ нельзя лучше.

20-го мая. Вторникъ. Г-нъ Арсеньевъ продолжалъ гидрографическое описаніе Россіи, съ показаніемъ примѣчательнѣйшихъ городовъ по рѣкамъ. Г-нъ Жуковский повторялъ сей же урокъ. У г. Жилла занимались правописаніемъ. У г. Заурвейда великій князь и Вильгорскій рисовали съ гипсовой фигуры кирасира, а Паткуль въ это время занимался у г. Юрьевича польскимъ языкомъ. Въ свободные часы поутру, равно и послѣ обѣда, возили битый булыжникъ; или чай на фермѣ съ ихъ высочествами и княземъ Голицынымъ; послѣ чего отыскивали вчера видѣннаго зайца, но не нашли. День провели весьма пріятно и безъ замѣчаній. Великій князь получилъ чрезъ вице-президента кабинета его величества три части склаважа бриллиантоваго съ бирюзами и севинье съ одною бирюзой, назначенные въ подарокъ отъ имени государя императора ея высочеству великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ.

21-го мая. Среда. Великій князь поздравилъ дорогаго своего именинника, Константина Николаевича; въ девятомъ часу выѣхалъ изъ Царскаго Села, въ 11-мъ прибылъ на Каменный островъ, принесъ свое поздравленіе ея высочеству Еленѣ Павловнѣ, вручилъ ей отъ имени его величества подарокъ и былъ съ нею у обѣдни. Великой княгинѣ было весьма пріятно видѣть у себя Александра Николаевича; она удержала его обѣдать.

Ея высочество великая княгиня Елена Павловна и великій князь Александръ Николаевичъ были воспріемниками отъ св. купели новорожденной дочери г. Плетнева.

Возвратясь въ Царское Село, великій князь спустилъ маленькій фейерверкъ передъ окнами Константина Николаевича, чѣмъ доставилъ ему крайнее удовольствіе.

22-го мая. Четвергъ. Въ урокѣ г. Арсеньева продолжали заниматься гидрографическимъ раздѣленіемъ Россіи; сей же урокъ былъ повторенъ г. Жуковскимъ. У г. Эртеля занимались переводомъ на нѣмецкій языкъ прошлогднихъ историческихъ уроковъ. Въ свободное время поутру великій князь спускалъ на воду флотъ свой, прогуливался въ паркѣ пѣшкомъ, а вечеромъ катался верхомъ.

Князь Голицынъ обѣдалъ у насъ на башнѣ; онъ читалъ намъ

рѣчи, произнесенную государемъ императоромъ на французскомъ языкѣ при открытіи сейма; въ это время получилъ онъ письмо отъ его величества, въ которомъ имѣлъ порученіе обнять ихъ высочество, что и исполнилъ; а я въ сіе же время имѣлъ честь поднести великому князю на польскомъ языкѣ экземпляръ вышеупомянутой рѣчи, доставленной мнѣ, по высочайшему повелѣнію, генераль-адъютантомъ Адлербергомъ.

23-го мая. Пятница. Въ урокъ г. Жилля занимались повтореніемъ древней географіи. У г. Юрьевича говорили выученныя наизусть басни. У г. Павскаго продолжали исторію церкви. У г. Вуарранда писали по диктовкѣ и переводили. Г-нъ Плетневъ объяснял и потомъ диктовалъ тѣ строфы изъ стихотворенія Дмитріева на взятіе Варшавы, въ которыхъ авторъ обращается къ Екатеринѣ II. Въ свободное время поутру гуляли въ паркѣ и стрѣляли въ цѣль. Послѣ обѣда великій князь рисовалъ съ натуры; гулялъ пѣшкомъ, зашелъ посмотрѣть верблюдовъ и видѣлъ какъ смотритель, на принадлежащемъ ему верблюдѣ, ѣздилъ верхомъ; крикъ сего животнаго весьма пронзителенъ и непріятенъ; странный, неловкій бѣгъ, особенно галопъ, крайне забавлялъ великаго князя. Нѣкоторое время слушали мы музыку лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, присланную въ Царское Село генераломъ Депрерадовичемъ; наконецъ, объѣхали кругомъ саду на линейкѣ. Великій князь занимался съ удовольствіемъ и провелъ день весьма весело.

24-го мая. Суббота. У г-на Коллинса занимались повтореніемъ общей ариметики и тройнымъ сложнымъ правиломъ. У г. Юрьевича—правописаніемъ. У г. Зауервейда рисовали съ гипсовой фигуры, представляющей кирасира верхомъ. У г. Эртеля переводили изъ краткой всеобщей исторіи Бредова. Въ свободное время поутру ходили смотрѣть купальню, которая еще не устроена, потому что вода имѣетъ только 12° тепла; были въ оранжереяхъ и катались вокругъ Дѣтскаго острова на лодкѣ.

Послѣ обѣда великій князь срисовывалъ съ натуры ворота своей башни и прогуливался кругомъ всего сада верхомъ. Великій князь и Вѣльгорскій въ продолженіе сей недѣли снова приобрѣли право на взносъ въ кассу для бѣдныхъ. Они оба съ нѣкотораго времени съ большимъ удовольствіемъ занимаются, отъменно веселы и ведутъ себя прекрасно.

25-го мая. Воскресенье. До 8 часовъ великій князь Александръ Николаевичъ приготовлялъ заданные ему уроки; потомъ читалъ у

г. Павскаго евангеліе и апостоль сей недѣли и, наконецъ, изъ книги, подъ заглавіемъ Христіанское чтеніе, назидательное размышленіе: «природа изъясняетъ какъ и Библию и наше сердце». Пріятно видѣть, съ какиимъ благоговѣніемъ онъ слушаетъ такого рода бесѣды и чтеніе. Великій князь былъ у обѣдни. Его выс. вспомнилъ, что прошлаго года день сей ему стоилъ много слезъ: онъ уважалъ изъ Берлина и прощался съ родными.

Погулявъ пѣшкомъ, писалъ письма къ ихъ вел.; послѣ обѣда катался въ лодкѣ, удилъ рыбу; пилъ чай съ сестрицами на коллонадѣ большого дворца; вечеромъ снова гулялъ. Онъ, благодаря Бога, совершенно здоровъ и веселъ, какъ нельзя больше.

26-го мая. Понедѣльникъ. Великій князь былъ у обѣдни съ ихъ выс., почему не занимался отъ 10 до 11 у г. Липмана. Въ свободное отъ ученія время поутру гулялъ въ паркѣ пѣшкомъ; послѣ обѣда до 6 часовъ игралъ у башни, прыгалъ на сѣткѣ; потомъ читалъ повѣсть г. Гизо: «Рауль и Викторъ». Въ 6 часовъ вечера поѣхалъ верхомъ въ Баболово, гдѣ кушалъ чай съ сестрицами; погода была прелестная и мы провели день весьма весело.

27-го мая. Вторникъ. Поутру великій князь гулялъ съ ружьемъ по Баболовской дорогѣ; онъ выстрѣлилъ въ ворону и перешибъ ей крыло; она не могла летѣть и осталась на деревѣ, но когда, добытая другими, упала съ дерева, то всѣ отъ радости прыгали и кричали и въ триумфѣ подняли добычу. Послѣ обѣда мы снова ходили пѣшкомъ съ ружьемъ почти два часа. Вечеромъ занимались чтеніемъ, сидя въ киргизской палаткѣ, которую я приказалъ поставить возлѣ сѣтки. Сегодня великій князь занимался съ особеннымъ удовольствіемъ.

28-го мая. Среда. Поутру великій князь и его товарищи упражнялись въ гимнастикѣ и гуляли пѣшкомъ; послѣ обѣда мы всѣ вмѣстѣ играли въ мячи; вечеромъ ѣздили въ Графскую Слѣянку; на возвратномъ пути зашли въ огородъ и видѣли, какъ сѣяли и садили разную огородную зелень. Александръ Николаевичъ посадилъ своеручно нѣсколько штукъ сельдерейной расады и симъ доставилъ неизъяснимое удовольствіе добрымъ поселянамъ.

29-го мая. Четвергъ. Поутру великій князь гулялъ пѣшкомъ; заходилъ въ оранжереи, гдѣ видѣлъ купленные имъ каштановыя деревья и потомъ удилъ рыбу на Дѣтскомъ островѣ; послѣ обѣда игралъ у башни въ разныя игры; вечеромъ гулялъ пѣшкомъ по верхней дорогѣ къ Павловску, гдѣ, какъ сказывали ему огородники,

видятъ они ежедневно въ кустахъ по нѣскольку зайцевъ; мы много исходили, но наши поиски были напрасны. Возвратясь, слушали музыку Павловскаго полка, которая завтра отправится въ Петербургъ и будетъ замѣнена кавалергардскою. Великій князь пожаловалъ музыкантамъ своего полка по рублю на cadaго.

30-го мая. Пятница. Г. Нессельроде, отъѣзжая въ Варшаву, откланивался ихъ выс. Александръ Николаевичъ былъ съ нимъ чрезвычайно любезенъ и разговорчивъ. Поутру онъ гулялъ пѣшкомъ по Баболовской дорогѣ; послѣ обѣда, сидя въ киргизской палаткѣ, читалъ «Рауль и Викторъ»; вечеромъ ѣздилъ верхомъ въ Павловскъ. Подъѣзжая къ саду, спросилъ товарищей:

— «Помните ли, господа, какъ мы здѣсь веселились? почти нѣтъ мѣста въ саду, которое не напоминало бы намъ какого нибудь удовольствія».

Всѣ въ одинъ голосъ это подтвердили и все время прогулки безпрестанно другъ другу напоминали различные случаи. Въ умиленіи сердца внималъ я сей бесѣдѣ и искренно пожелалъ, дабы вся жизнь ихъ была цѣлымъ рядомъ сладостныхъ воспоминаній о прошедшемъ. На возвратномъ пути, у воротъ дома г. Фредерици, мы видѣли Карла; великій князь былъ крайне пораженъ истинно жалости достойнымъ видомъ прежняго своего товарища; онъ до сихъ поръ едва держится на ногахъ, худъ какъ скелетъ, между тѣмъ голосъ у него возмужалый. Поговоривъ съ нимъ нѣсколько минутъ, великій князь со вздохомъ сказалъ мнѣ на ухо: «ахъ, какъ онъ несчастливъ, два года пролежать въ постелѣ, это ужасно». Оборотясь къ Карлу, продолжалъ:

— «Пора тебѣ выздороветь, приѣзжай къ намъ въ Царское, тамъ очень весело».

31-го мая. Суббота. Снисходя на убѣдительную просьбу великаго князя, мы встали въ пять часовъ утра и гуляли до 6 часовъ; время было прелестное; признаюсь, я подобнаго не припомню. Александръ Николаевичъ восхищался пѣніемъ птичекъ и самъ отъ радости прыгалъ. Остальное время, свободное отъ занятій, мы провели на Дѣтскомъ островѣ; поливали цвѣты и назначили мѣсто для кухни; послѣ обѣда ѣздили съ Зауервейдомъ смотрѣть живописное мѣсто береговъ рѣчки Кузминки; вечеромъ былъ урокъ танцованія.

Великій князь и Виейльгорскій снова приобрѣли право на взносъ въ кассу для бѣдныхъ; они оба въ продолженіе всей недѣли занимались съ постояннымъ удовольствіемъ и я былъ ими совершенно доволенъ.

1-го іюня. Воскресенье. Великій князь до 10 часовъ утра приготавлилъ заданныя ему уроки, читалъ евангеліе и писалъ письма. Въ одиннадцатомъ часу былъ съ сестрицами у обѣдни, потомъ гулялъ и удилъ рыбу. Сегодня снова погода прекрасная и мы обѣдали подъ липою на Дѣтскомъ островѣ; послѣ обѣда катались на лодкѣ.

2-го іюня. Понедѣльникъ. У г. Жилля продолжали заниматься географіею Испаніи; у г. Липмана говорено о появленіи Магомета и постепенномъ распространеніи исламізма. У г. Вуарранда занимались изустнымъ переводомъ и правописаніемъ. Вниманіемъ великаго князя и поведеніемъ его, въ продолженіе цѣлаго дня, я былъ весьма доволенъ. Ея выс. великая княгиня Елена Павловна навѣстила ихъ выс.; она была съ ними на Дѣтскомъ островѣ, каталась вокругъ онаго въ лодкѣ; гребцами были великій князь и Вельгорскій; осматривала гимнастическія игры и первый этажъ башни. Потомъ, катаясь съ ними на линейкѣ, заѣзжала къ мамамъ и верблюдямъ. Откушавъ съ ними, уѣхала въ Павловскъ, пригласивъ ихъ къ себѣ въ 7 часовъ на ферму; здѣсь, откушавъ чай, великій князь прогуливался съ ея выс. по саду въ линейкѣ.

3-го іюня. Вторникъ. Свободное отъ ученія время великій князь поутру гулялъ пѣшкомъ и поливалъ цвѣты на островѣ; послѣ обѣда игралъ у башни и писалъ письма. Вечеромъ ѣздилъ верхомъ; возвратясь, купался въ своей купальнѣ на большомъ прудѣ. Вода содержала около 20° тепла. Великій князь страстный охотникъ купаться; если бы ему позволить, онъ сряду готовъ нѣсколько часовъ пробыть въ водѣ. День проведенъ весело и я не имѣлъ причины быть недовольнымъ великимъ княземъ.

4-го іюня. Среда. Въ 10 часовъ утра великій князь купался; въ первомъ часу гулялъ пѣшкомъ и удилъ рыбу.

Послѣ обѣда рисовалъ съ натуры видъ домика на Дѣтскомъ островѣ, потомъ обрѣзывалъ на деревьяхъ сухіе сучья. Увидя г. Ланжерона, е. выс. пригласилъ его посмотреть островъ, потомъ показывалъ ему башню; все это съ весьма похвальною вѣжливостію.

5-го іюня. Четвергъ. Великій князь занимался охотно и провелъ день весьма весело; онъ гулялъ пѣшкомъ, катался въ лодкѣ на большомъ пруду, прыгалъ на сѣткѣ съ Константиномъ Николаевичемъ и вечеромъ, какъ обыкновенно, съ большимъ удовольствіемъ купался. Великій князь Константинъ Николаевичъ удивилъ меня смѣlostью:

онъ нѣсколько разъ выстрѣлил изъ ружья, нисколько не вздрагивая; надо полагать, что шумъ и дымъ ему весьма нравились, ибо онъ безпрестанно твердилъ: «дай мнѣ сдѣлать: пу и дымъ».

6-го іюня. Пятница. Хотя погода была не весьма хороша, однако намъ удалось сдѣлать утромъ прогулку пѣшкомъ и выкупаться, послѣ обѣда поиграть въ мячи, а вечеромъ проѣхаться верхомъ.

9-го іюня. Понедѣльникъ. Великій князь Александръ Николаевичъ занимался съ удовольствіемъ и велъ себя въ продолженіе цѣлаго дня похвально. Не смотря на дурную погоду, гуляли поутру пѣшкомъ и играли у башни. Послѣ обѣда играли въ мячи, жгли на землѣ насыпанный порохъ для увеселенія Константина Николаевича. Гуляли у музыки и кончили день купаньемъ.

10-го іюня. Вторникъ. Ея выс. принцесса Марія, проѣзжая Царское Село, навѣстила ихъ выс. Въ продолженіе цѣлаго дня я былъ весьма доволенъ великимъ княземъ; онъ занимался охотно и велъ себя (хорошо). Дождь шелъ ливнемъ цѣлое утро. Гулять не было никакой возможности; итакъ е. выс. и Віельгорскій въ свободное время рисовали.

У плотины, вѣвъ парка, близъ строенія, въ коемъ находятся ламы, намѣренъ я построить мостовыя укрѣпленія. На сей предметъ приготовилъ нужные шанцевыя инструменты, поручилъ составить штабсъ-капитану Юрьевичу номенклатуру названій всѣхъ частей сего укрѣпленія, что составить краткій курсъ полевой фортификаціи, и объявилъ великому князю и его товарищамъ, что тотъ только будетъ допущенъ къ постройкѣ и получить инструменты, кто въ состояніи будетъ отвѣчать на всѣ вопросы упомянутаго курса полевой фортификаціи. Желаніе получить на руки инструменты и позволеніе начать работу подстрекнули Александра Николаевича и его товарищей; они послѣ обѣда усердно читали розданныя имъ на руки тетради и я увѣренъ, что работа скоро начнется. Вечеромъ погода разгулялась и мы ѣздили верхомъ въ Ваболово.

11-го іюня. Среда. Великій князь и его товарищи занимались съ удовольствіемъ и вели себя весьма хорошо. Въ свободное время поутру гуляли, какъ обыкновенно, пѣшкомъ, поливали цвѣты на Дѣтскомъ островѣ и купались. Послѣ обѣда, сидя въ киргизской кибиткѣ, читали записки о полевыхъ укрѣпленіяхъ, а г. Юрьевичъ объяснял прочитанное. Вечеромъ гуляли у музыки, но сильная гроза заставила насъ возвратиться домой бѣгомъ.

12-го іюня. Четвергъ. Послѣ утреннихъ уроковъ великій князь поздравилъ сестрицъ и потомъ былъ съ ними у обѣдни; возвратясь, гулялъ пѣшкомъ. Дождь разстроилъ наше предположеніе обѣдать на Дѣтскомъ островѣ и удержалъ насъ до 6 часовъ вечера въ комнатахъ; все это время великій князь и Віельгорскій строили корпуса свои въ боевые порядки. Вечеромъ прогуливались мы въ паркѣ верхами. Возвратясь съ прогулки, ужинали съ ихъ выс. и въ 9 часовъ сожгли фейерверкъ, доставившій всѣмъ большое удовольствіе, особенно великой княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ, которая нѣсколько разъ, въ милыхъ выраженіяхъ, благодарила своего милаго Сашу. Не смотря на дурную погоду, день проведенъ пріятно.

13-го іюня. Пятница. Поутру, свободное время провели на островѣ, вязали сѣтъ, которою намѣреваются ловить рыбу. Послѣ обѣда играли въ мячи и читали записки полевой фортификаціи; вечеромъ гуляли у музыки. По возвращеніи къ себѣ въ комнату, предложилъ я Александру Николаевичу придумать себѣ девизъ для флага, который онъ желалъ имѣть на Дѣтскомъ островѣ. Онъ сѣлъ къ своему столу, сказавъ мнѣ: «хорошо, я вамъ мой девизъ сейчасъ нарисую». Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько времени принесъ ко мнѣ рисунокъ, на коемъ представилъ водою промытую скалу, муравья и якорь, написавъ вокругъ: постоянство, дѣятельность и надежда. Я крайне былъ обрадованъ сею прекрасною мыслию и совѣтовалъ только рисунокъ отдѣлать лучше.

14-го іюня. Суббота. Погода намѣрена, кажется, исправиться. Мы, какъ обыкновенно, поутру гуляли пѣшкомъ и купались; послѣ обѣда удилъ рыбу самими снаряженнымъ неводомъ и поймали три щуки. Мелкую же рыбу великій князь пустилъ назадъ въ прудъ. Вечеромъ былъ урокъ танцованія. Александръ Николаевичъ и Віельгорскій снова приобрѣли право на взносъ въ кассу для бѣдныхъ и я ими совершенно доволенъ. Они ведутъ себя прекрасно, занимаются съ удовольствіемъ и всегда веселы.

15-го іюня. Воскресенье. Едва великій князь проснулся, обрадовалъ я его пріятною вѣстью относительно здоровья ихъ величествъ и вручилъ письмо отъ государя императора, адресованное на имя великой княжны Ольги Николаевны. До 9 часовъ великій князь занимался приготовленіемъ уроковъ; послѣ обѣдни гулялъ, читалъ записки о полевой фортификаціи и купался.

VII.

Характеръ вел. князя.—Его занятія и поведеніе.—Поѣздка въ Гатчино.— Посѣщеніе бѣднаго семейства.—Трогательный примѣръ сыновней любви.— Отъѣздъ государыни.—Поѣздка въ Месеву.—Осмотъ достопримѣчательностей.—Балъ въ Кремлевскомъ дворцѣ.—Домъ трудолюбія.—Балъ у кн. Голицына.— Возвращеніе въ Царское.— Кончина княгини Ловичъ.— Успѣхи вел. князя.—6 декабря.—Урокъ фехтованья.—Рождество.—Занятія и развлечения въ праздники.

1831 г.

10 сентября. Четвергъ. Съ нѣкотораго времени г. Жилье опять началъ объяснять различныя правила грамматики и его выс., какъ и его товарищи, пишутъ подь диктовку. Великій князь, замѣтивъ, что Паткулю случается дѣлать меньше ошибокъ въ орфографіи, нежели ему, выказалъ далеко не похвальное: онъ менѣе заботится о томъ, чтобы дѣлать меньше ошибокъ и замѣтить ихъ хорошенько, чтобы избѣгнуть ихъ впредь, нежели хлопочетъ объ отысканіи ошибокъ, дѣлаемыхъ Паткулемъ, и что еще хуже, радуется, когда оныя находятъ.

11 сентября. Пятница. Великій князь очень радовался, увидѣвъ г. Павскаго и г. Плетнева, которые пріѣхали въ Царское Село, чтобы начать свои уроки, прерванные въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ по случаю холеры. Его высочество и его товарищи занимались усердно.

12 сентября. Суббота. Его выс. весьма радовался видѣть г. Коллинса и занимался весьма хорошо.

13 сентября. Воскресенье. Въ продолженіи цѣлаго дня я былъ чрезвычайно доволенъ его выс. и его товарищами.

14 сентября. Понедѣльникъ. Великій князь весьма былъ радъ видѣть г. Липмана. Было повтореніе исторіи Греціи. У его выс. сильный насморкъ.

15 сентября. Вторникъ. Г. Арсеньевъ и г. Триніусъ были чрезвычайно довольны его выс.; великій князь отвѣчалъ на вопросы съ увѣренностію и доказалъ, что все пройденное знаетъ твердо и ничего не забылъ въ предметахъ сихъ господъ.

16 сентября. Среда. Великій князь былъ отмѣченъ хуже его товарищей, ибо показаль во время уроковъ гг. Коллинса и Липмана какое-то равнодушіе, весьма похожее на апатію. Въ такомъ же расположеніи находился онъ и вечеромъ, составляя свой журналъ. Онъ сознался мнѣ, что ему случалось весьма часто не на шутку сердиться на тѣхъ, которые ему напоминали его долгъ и обязанность. Нѣкоторая лѣнь въ Александрѣ Николаевичѣ есть главный недостатокъ, отъ коего происходятъ всё прочіе.

17 сентября. Четвергъ. Великій князь показаль большую самонадѣянность, дѣлая краткій разсказъ Россійской исторіи; онъ утверждалъ, что составилъ себѣ планъ, по которому онъ говоритъ; когда же у него спросили, въ чемъ его планъ состоитъ, то онъ того не зналъ. Въ великомъ князѣ совершенный недостатокъ энергіи и постоянства; малѣйшая трудность или препятствіе останавливаетъ его и обезсиливаетъ. Не помню, чтобы когда нибудь онъ чего нибудь желалъ сильно и настойчиво.

Малѣйшая боль, обыкновенный насморкъ достаточень, чтобы его сдѣлать мало способнымъ заняться чѣмъ бы то ни было (въ это именно время). Ему случается провести часъ времени, въ продолженіи котораго ни одна мысль не придетъ ему въ голову; этотъ родъ совершенной апатіи меня приводитъ въ отчаяніе и я теряюсь совершенно, не находя средства, чтобы придать ему энергіи и постоянства.

18 сентября. Пятница. Въ продолженіи цѣлаго дня не замѣтилъ я ни малѣйшей энергіи въ его выс., напротивъ того онъ выказывалъ вялость. Во время письма подъ диктовку, которое великій князь долженъ былъ поправлять, замѣтивъ, что Віельгорскій дѣлаеть нарочно ошибки, его выс. заплакалъ. Вечеромъ, написавъ журналъ, онъ собирается измѣниться и исправиться, но все остается тѣмъ же.

19 сентября. Суббота. Поведеніе великаго князя было весьма хорошо въ продолженіи всего дня, но не могу сказать, чтобы я замѣтилъ въ чемъ бы то ни было у него энергіи. Я сегодня, какъ и всегда, довольствовался тѣмъ, что не замѣтилъ въ немъ упадка духа.

20 сентября. Воскресенье. День проведенъ какъ и предыдущія воскресенья. Вечеромъ у его выс. было нѣсколько товарищей по играмъ: забавлялись, бѣгая въ залахъ, и потомъ я доставилъ имъ зрѣлище маленькаго фейерверка. Поведеніемъ великаго князя я былъ доволенъ.

21 сентября. Понедѣльникъ. Г. Крейтонъ, замѣтивъ, что у великаго князя много мокроты, нашелъ нужнымъ дать ему (лекарство).

Это обстоятельство не помѣшало великому князю присутствовать при урокахъ и онъ былъ даже довольно внимателенъ. Такъ какъ послѣ обѣда е. выс. чувствовалъ слабость, я совѣтовалъ ему лечь отдохнуть онъ спалъ около часу и это ему принесло большую пользу. Онъ занимался повтореніями съ меньшею вялостію.

Ихъ вел. возвратились изъ Петергофа, гдѣ провели ночь. Его выс. навѣстилъ государя и императрицу; по возвращеніи въ свои покои, ужиналъ; потомъ я приказалъ ему исполнить заданную ему г. Плетневымъ работу и писать журналъ. Последнее онъ исполнилъ съ необыкновеннымъ нерадѣніемъ; я на это сдѣлалъ ему замѣчаніе; покуда я ему говорилъ, онъ (былъ не внимателенъ).

Видя, что онъ хочетъ непремѣнно противиться моимъ приказаніямъ, я приказалъ ему лечь спать, не простившись съ ихъ величествами. Когда онъ увидѣлъ, что я принялъ дѣло съ серьезной стороны, онъ началъ просить у меня прощенія, но мольбы его остались тщетны. Онъ принужденъ былъ лечь спать, не простившись съ ихъ величествами.

22 сентября. Вторникъ.	} Весьма хорошіе дни.
23 сентября. Среда.	

24 сентября. Четвергъ. У г. Жилля е. выс. долженъ былъ повторить урокъ исторіи Липмана. Онъ началъ весьма хорошо, но потомъ, потерявъ нить разсказа, объявилъ, что болѣе ничего не помнить. Г. Жилль принужденъ былъ заставить Виельгорскаго продолжать, объявивъ, что великій князь не желалъ дать себѣ труда подумать, и что онъ принужденъ сдѣлать ему невыгодную отмѣтку въ поведеніи. Тонъ, съ которымъ великій князь принялъ это объявленіе, походилъ на хвастовство, но когда увидалъ, что въ журналѣ вписали обѣщанное, то заплакалъ. Я тогда объявилъ, что онъ нездоровъ, и его выс. получили за обѣдомъ только супъ и жаркое.

У великаго князя уже нѣсколько дней кашель и насморкъ; возвратившись сегодня отъ ихъ вел., онъ жаловался на головную боль, что заставило меня уложить его въ постель. Онъ спалъ до 7 часовъ; я послалъ за г. Крейтономъ, который совѣтовалъ его выс. остаться въ постелѣ и на ночь напиться грудного чаю.

25 сентября. Пятница. Великій князь спалъ прекрасно до 7 часовъ и кашлялъ только утромъ, проснувшись, и какъ головной боли

не было, то е. выс. изъявилъ желаніе встать, чтобы присутствовать при урокахъ. Всѣ гг. учителя были имъ весьма довольны; въ продолженіе всего дня онъ не выходилъ изъ своихъ комнатъ.

26 сентября. Суббота. Великій князь спалъ хорошо, всталъ, какъ обыкновенно, въ 6 часовъ, занимался у всѣхъ бывшихъ сегодня гг. учителей съ удовольствіемъ и получилъ у всѣхъ отличныя отмѣтки. Поведеніемъ его я былъ весьма доволенъ.

27 сентября. Воскресенье. Его выс. не былъ въ церкви, но какъ погода была чрезвычайно хороша, то сдѣлалъ довольно большую прогулку пѣшкомъ. Обѣдалъ въ своихъ комнатахъ, послѣ обѣда игралъ въ залахъ въ жгуты и другія игры.

28-го сентября. Понедѣльникъ. Ихъ вел. въ часъ изволили уѣхать въ Гатчино, гдѣ пробудутъ нѣкоторое время. Великій князь занимался охотно и поведеніемъ его я былъ доволенъ.

29-го сентября. Вторникъ. Его выс. имѣлъ всѣ уроки до часу. Въ часъ мы сѣли обѣдать и около двухъ часовъ отправились въ Гатчину; погода была прекрасная. Въ 3 часа пріѣхали въ Гатчино. Его в. государь императоръ только что вернулся съ оленьей охоты, бывшей въ паркѣ. Чтобы воспользоваться остальною частію прекраснаго дня, мы предприняли охоту на утокъ, которыхъ множество на озерѣ, въ саду; но такъ какъ они были напуганы, то намъ удалось найти только одну на берегу, раненую государемъ императоромъ, и которая все таки намъ много надѣлала хлопотъ. Не смотря на неуспѣхъ охоты, прогулка намъ показалась пріятною. Вечеромъ мы участвовали въ Обществѣ арсенала; всѣ были очень веселы, катались съ деревянной горы и представляли шарады въ дѣйствіяхъ. Гр. Головкинъ былъ чрезвычайно любезенъ; въ особенности онъ былъ хорошъ въ роли Венеры.

30-го сентября. Среда. Его выс., имѣя позволеніе ужинать съ ихъ вел., легъ спать послѣ 11 часовъ, и потому всталъ только послѣ 8 часовъ. Одѣвшись, великій князь ходилъ смотрѣть конюшни дивизіона кирасирскаго имени своего полка, который стоитъ въ Гатчинѣ. Въ 12 часовъ его выс. былъ съ государемъ императоромъ на охотѣ за зайцами; по причинѣ ужасной погоды, травили всего только два раза и взяли трехъ зайцевъ. Участвовавшіе въ охотѣ и государыня императрица со есіми дамами и фрейлинами прибыли въ пріоратъ, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Дурная погода была скоро забыта;

всѣ были весьма веселы и много смѣялись. Его выс. и его товарищи были приглашены къ столу ихъ вел. Послѣ обѣда катались съ деревянной горы и страшно шумѣли. Послѣ 7 часовъ мы оставили Гатчино; въ 9 часовъ прибыли въ Царское Село. Великій князь рассказывалъ ей выс. великой княжнѣ Маріи Николаевнѣ всѣ увеселенія, на которыхъ находился, съ большимъ удовольствіемъ и необыкновенною живостью.

1-го октября. Четвергъ. Поведеніемъ и ученіемъ великаго князя всѣ г. г. учителя были довольны. Его выс. отъ 9 до 10 часовъ находился у обѣдни. Ихъ вел. изволили прибыть въ Царское Село въ 6 часовъ вечера.

2-го октября. Пятница. Поведеніе и прилежаніе его. выс. были похвальны; однако же были минуты слабости, когда приходилось одолевать трудность; но на сей разъ, по крайней мѣрѣ, онъ счумѣлъ побѣдить себя, и хотя урокъ г. Жилля начался дурно, оконченъ весьма хорошо.

3-го октября. Суббота. Весьма хорошій день въ отношеніи ученя и поведенія.

Его выс. не оставляетъ комнату, по причинѣ кашля и насморка, его мучающаго.

4-го октября. Воскресенье. Великій князь былъ у обѣдни, послѣ чего мы ѣздили гулять верхомъ; зная одного бѣднаго мужика въ деревнѣ Гульманасары и желая видѣть, кто изъ трехъ питомцевъ моихъ болѣе другихъ выразитъ желаніе помочь бѣдному семейству, я остановился у избы, въ которой оно находилось, и обратился къ главѣ семейства съ различными вопросами, которые были сдѣланы съ цѣлью выказать несчастное положеніе, въ которомъ находились эти бѣдные люди. Паткуль, потомъ великій князь показали болѣе состраданія и желанія помочь имъ, нежели Віельгорскій. По возвращеніи домой, ни тотъ, ни другой ни сказали мнѣ ни слова, чтобы я содѣйствовалъ къ счастью бѣднаго поселянина.

У великаго князя чувствительное и доброе сердце, но, не испытавъ никогда ни нужды, ни бѣдности, не имѣетъ никакого понятія о нищетѣ, и по этой причинѣ онъ до сей поры не показалъ большого состраданія и желанія помогать бѣднымъ. Буду считать себя весьма несчастнымъ, если не достигну того, что онъ будетъ считать единственнымъ истиннымъ наслажденіемъ—помогать несчастнымъ. Во время нашей прогулки я замѣтилъ молодого садовника, фізіономія котораго обѣщала много смышленности. На вопросы мои онъ отвѣчалъ съ большимъ умомъ; я узналъ, что онъ изъ Выборга, откуда прибылъ въ началѣ

лѣта, чтобы работать въ Царскосельскомъ саду, и что ему удалось заработать 50 рублей, которые намѣревается отнести къ своимъ родителямъ. Удивленный, что онъ могъ собрать столь значительную сумму, я хотѣлъ знать, что онъ издержалъ на свою пищу и чѣмъ онъ питался все это время; оказалось, что онъ издержалъ только два рубля и довольствовался хлѣбомъ и солью, позволяя себѣ въ воскресенье прибавить къ тому селедку, и все это для того, чтобы имѣть возможность принести своимъ родителямъ вышеозначенную сумму. Восхищенный отвѣтами этого ребенка, я обратилъ вниманіе великаго князя и его товарищей на благородство души, терпѣніе и мужество, часто скрываемаго подъ ветошью бѣдняка, и сколь поведеніе этого ребенка, поддерживаемаго великодушною рѣшимостью, трогательно и прекрасно; онъ въ продолженіи всего этого времени имѣлъ твердость лишать себя всякаго удовольствія, чтобы доставить сколько нибудь благосостоянія отцу своему и матери. Желая наградить этого ребенка, я приказалъ сшить ему платье и потомъ представилъ его великому князю, который, казалось, былъ доволенъ его снова увидѣть. Я спросилъ у него, знаетъ ли онъ за что ему сдѣлали этотъ подарокъ. Онъ съ простодушіемъ отвѣчалъ, что не знаетъ.

— «Такъ я же, мой другъ, скажу тебѣ за что: великій князь хотѣлъ наградить тебя — за любовь къ родителямъ, за то самоотверженіе, которое ты показалъ, отказавъ себѣ даже въ необходимомъ, чтобы помочь имъ».

— «Какъ, такъ это за то?» отвѣчалъ онъ съ тою-же откровенностію «могъ ли я иначе поступить: когда я былъ маленькій, родители вѣдъ оказывали мнѣ любовь и ходили за мною, надо же мнѣ теперь выказать имъ мою благодарность».

Я весьма радъ, что могъ доставить его высочеству случай видѣть столь трогательный примѣръ сыновней любви, и убѣжденъ, что онъ навсегда сохранить его въ памяти.

5-го октября. Понедѣльникъ. Его выс. и его товарищи занимались и вели себя похвально.

6-го октября. Вторникъ. Прекрасный день какъ въ отношеніи ученія, такъ и поведенія.

Ихъ вел. изволили вчера въ 5 часовъ уѣхать въ городъ, гдѣ сегодня было совершено молебствіе по случаю окончанія польской кампаніи.

7-го октября. Среда.

8-го октября. Четвергъ.

} Отличные дни во всѣхъ отношеніяхъ.

9-го октября. Пятница. Его выс. показалъ много состраданія, узнавъ, что ротмистръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Слѣпцовъ, получившій при взятіи Варшавы 15 ранъ, скончался вслѣдствіе оныхъ. Съ полными отъ слезъ глазами сообщилъ онъ мнѣ это печальное извѣстіе, прибавивъ:

— «Бѣдная г-жа Слѣпцова, какъ она несчастлива; о, какъ я сожалѣю о ея сынѣ, я увѣренъ, что онъ будетъ неутѣшимъ».

— «Да, мой милый великій князь, сказалъ я ему, вы справедливо говорите, что г-жа Слѣпцова несчастлива; кромѣ ужаснаго удара, понесеннаго ею, ей предстоитъ еще другой: она можетъ потерять все свое состояніе».

Вслѣдъ засимъ я разсказалъ его выс. состояніе дѣлъ Екатерины Петровны Слѣпцовой, объяснивъ вкратцѣ весь процессъ, который хотя и выигранъ, но не можетъ быть приведенъ въ исполненіе.—«Вы хорошо сдѣлаете, сказалъ я ему, если разскажете все вами слышанное государю императору».

Нѣсколько часовъ спустя послѣ этого разговора, его выс. объявилъ мнѣ, что имѣлъ случай разсказать все дѣло г-жи Слѣпцовой и чтобы доказать мнѣ, что хорошо это исполнилъ, онъ сдѣлалъ мнѣ подробный разсказъ его разговора съ государемъ императоромъ. Я его хвалилъ и благодарилъ за усердіе, способствовавшее къ благосостоянію несчастной вдовы.

10-го октября. Суббота. Его вел., отъѣзжая въ Москву, приходилъ около полуночи къ его высочеству, чтобы проститься; великій князь былъ погруженъ въ глубокій сонъ, но едва услышалъ голосъ Родителя, тотчасъ проснулся; однако, будучи соннымъ, разставаніе ему было не такъ чувствительно.

Его высочество великій князь, ихъ выс. великія княжны г-жа Баранова, г-жа Дункеръ, г-жа Галлидай и я обѣдали за столомъ ея в. государыни императрицы.

Послѣ обѣда была охота на лисицу. Остальную часть дня великій князь провелъ у ея величества.

11-го октября. Воскресенье. Отъѣздъ ея вел., будучи назначенъ въ 7 часовъ, великій князь пошелъ къ государынѣ императрицѣ въ 6 1/2 часовъ. Душевное движеніе, имъ испытываемое при видѣ приготовленій къ отъѣзду, видимо изобразилось на лицѣ его, когда же пришла минута прощанія, онъ не могъ удержать слезъ и онѣ полились потокомъ. Возвратившись къ себѣ, онъ засталъ г. Павскаго, съ которымъ читалъ евангеліе воскресенія, которое долженъ былъ самъ объяснять, чередуясь съ Віельгорскимъ.

Обѣдня была въ 10 часовъ, великій князь присутствовалъ при оной; около двѣнадцати часовъ, позавтракавъ немного, мы оставили Царское Село и въ половинѣ второго часа прибыли въ Зимній дворецъ, гдѣ встрѣтилъ насъ князь Голицынъ. Остальную часть дня великій князь провелъ съ ихъ выс. великими княжнами, за исключеніемъ часа отъ 5 до 6, употребленнаго имъ на приведеніе въ порядокъ книгъ и вещей.

К. К. Мердеръ.

Война съ польскими мятежниками 1831 года.

въ перепискѣ императора Николая I-го съ графомъ Дибичемъ-Забалканскимъ.

XLVI¹⁾.

Графъ Дибичъ — императору Николаю I.

Шенница (Szenica). 25-го февраля 1831 г.

[Переводъ]. Ваше величество, письмо в. и. в., въ которомъ вы высказываете мнѣ свое неудовольствіе по поводу неясности и краткости моихъ донесеній, чрезвычайно усилило то горестное чувство, которое я испытываю вслѣдствіе постояннаго пораженія всѣхъ отрядовъ моего крайняго лѣваго фланга, благодаря ошибкамъ начальниковъ отдѣльных частей. Я отнюдь не дерзаю оправдываться, государь, въ совершенно невольномъ съ моей стороны умолчаніи въ моихъ письмахъ о первомъ занятіи Люблина и о переправѣ ген. Крейца передъ битвой при Корбеницѣ; такъ какъ моя память слабѣетъ, къ несчастью, слишкомъ чувствительнымъ образомъ, то я долженъ признать себя въ этомъ виновнымъ, точно также какъ и въ томъ, что я предполагалъ, что письма мои къ в. в. будутъ лишь предварительными извѣщеніями в. в., какъ это дѣлалось зачастую въ 1828 и 1829 годахъ, до полученія болѣе обстоятельныхъ донесеній отъ отдѣльныхъ начальниковъ. Съ полученіемъ письма в. в., я приказалъ дѣлать ежедневно извлеченіе изъ всѣхъ получаемыхъ мною донесеній и представлять в. в. съ каждымъ курье-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1884 г., т. XII, январь, стр. 93—122, февраль, стр. 381—400; т. XLII, июль, стр. 149—156, августъ, стр. 331—340, сентябрь, стр. 529—544; изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, стр. 107—124; май, стр. 281—308.

ромъ родъ журнала, но за всѣмъ тѣмъ я боюсь, чтобы донесенія не получались иногда слишкомъ поздно, такъ какъ отряды находятся отъ меня въ большомъ разстоянн и къ тому же имъ приходится посылать свои донесенія объѣздомъ, такъ какъ дорога становится время отъ время не особенно надежною вслѣдствіе формирующихся отрядовъ непріятельскихъ партизанъ. Я боюсь, что в. в. будете недовольны тѣмъ, что мнѣ пришлось отрядить гр. Витта съ частью резервовъ на Пулавы, но если бы я послалъ туда линейныя войска, находившіяся въ лагерѣ подъ Прагою, то я потерялъ бы черезъ это два или три дня, которые могли имѣть большое вліяніе на участь Крейца; если же Дверницкій повернетъ снова на дорогу въ Пулавы, хотя онъ двинулся, повидимому, на Замостье, то я остановлю Витта между Пулавою и Люблиномъ (куда я направляюсь лишь только мнѣ удастся отправить всѣхъ больныхъ изъ госпиталей въ Сѣдлецъ, что представляется весьма затруднительнымъ въ такой мѣстности, гдѣ чувствуется недостатокъ въ лошадяхъ и волахъ), а Крейцъ, подкрѣпленный бригадою конныхъ егерей, одинъ пойдетъ за нимъ, держась на нѣкоторомъ разстоянн, и приведетъ его къ намъ на Люблинъ или же пойдетъ у него въ тыл, если тотъ вздумаетъ привести въ исполненіе данный ему проэктъ двинуться на Волинь, чего я не могу предположить.

Я принимаю всѣ необходимыя мѣры къ тому, чтобы запастись продовольствіемъ и надѣюсь, что съ нѣкоторымъ трудомъ и съ небольшими жертвами мнѣ удастся сформировать резервы.

Я отдалъ подъ судъ ген. Кавера, поведеніе котораго до того непостижимо, что его считаютъ даже помѣшаннымъ.

Крейцъ жалуется на недостатокъ генераловъ; онъ очень доволенъ Делинггаузенемъ, я хотѣлъ послать ему Толстаго, но онъ заболѣлъ, между тѣмъ ни..., ни Т..., ни Гурко, въ особенности, еще не прибыли и я нахожусь здѣсь въ большомъ затрудненн, когда приходится отрядить когонибудь.

Изъ письма моего, написаннаго рукою Гильфердинга, в. в. узнаете о вторичномъ посѣщенн полковника Мѣчельскаго, и усмотрите, какія мысли оно возбудило во мнѣ; впрочемъ, я не могу угадать: не старается-ли онъ обмануть меня, хотя онъ на то непохожъ, или не обманывается-ли онъ самъ. Говорятъ, будто новый главнокомандующій Скъжынецкій человекъ весьма религіозный; это можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе, точно также какъ распредѣленіе академиковъ по полкамъ, сдѣланное по приказанію Хлопицкаго; еще новость: Зиминскій скончался отъ ранъ.

Соблагодолите, государь, повергнуть къ стопамъ ея в. государыни императрицы мое глубочайшее почтеніе и соблагодолите также изви-

нить меня, если я повторю еще разъ, съ какимъ глубокимъ огорченіемъ я убѣдился въ томъ, что я не сумѣлъ достигнуть единственной цѣли всей моей политической жизни, т. е. доказать в. в. ту искреннюю преданность и всегдашнюю признательность, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга и вѣрнопопдаанный И. Дибичъ-Забалканскій.

XLVII.

Графъ Дибичъ — императору Николаю.

Шеницы. 26-го февраля 1831 г.

(Переводъ). Ваше величество, только что я перенесъ мою главную квартиру въ Шеницы, какъ графъ Паленъ извѣстилъ меня, что полковникъ Мѣчельскій явился вновь на наши аванпосты и объявилъ ему, что хотя онъ не можетъ сообщить отвѣта вполне удовлетворительнаго, судя по нашему первому разговору, но что ему поручено сдѣлать намъ нѣкоторыя предложенія, которыя могутъ повести къ окончательному соглашенію, и что онъ получилъ приказаніе сообщить ихъ только мнѣ одному.

Вслѣдствіе этого я рѣшилъ возвратиться въ Грахово. Разстояніе отдѣлявшее меня отъ этого пункта, было причиною того, что я прибылъ туда лишь къ 9 часамъ вечера и тотчасъ же послалъ въ Прагу за польскимъ офицеромъ, ожидавшимъ меня у генерала Гейсмара.

Явившійся ко мнѣ, полковникъ Мѣчельскій съ первыхъ же словъ предложилъ мнѣ, какъ средство могущее неизбѣжно повести къ примиренію, чтобы сеймъ постановилъ, что такъ какъ совѣщаніе, на которомъ былъ провозглашонъ актъ о низложеніи, происходило не въ законныхъ формахъ, то декретъ, захваченный въ палатахъ, долженъ и будетъ считаться не дѣйствительнымъ и не послѣдовавшимъ. Онъ говоритъ, что лица, составляющія правительство, вполне понимаютъ что достоинство в. в. не дозволяетъ вамъ входить въ примиреніе съ подданными, которые не воспользовались бы этимъ первымъ средствомъ къ взаимнымъ дружескимъ отношеніямъ; но за то они надѣются, что в. в., признавъ, что Польша имѣетъ основательные поводы къ жалобамъ, хотя она и старалась удовлетворить путемъ въ высшей степени законнымъ (*extra légales*), соблаговолите сохранить за нею старинныя привилегіи ея и конституцію, утвержденную присягою.

Я отвѣчалъ, что отмѣна декрета о низложеніи безъ сомнѣнія будетъ первымъ шагомъ къ примиренію, но что этого недостаточно; что Польша

должна чистосердечно признать виновность своего возмущенія, должна изъяснить свою покорность в. и. в. въ самыхъ положительныхъ выраженіяхъ и тогда только она можетъ надѣяться, что в. в., повинувся внушеніямъ великодушнаго сердца вашего, даруете ей всё привиллегіи, совмѣстныя съ будущею безопасностью имперіи.

Графъ Мѣчельскій возразилъ, что лично онъ убѣжденъ въ томъ, что в. в. должны желать обезпечить себя гарантіями противъ всякаго посягательства, подобнаго тому, какое нынѣ потрясло королевство, но что порученіе, возложенное на него, заключается именно въ томъ, чтобы узнать въ чемъ будутъ состоять эти гарантіи. Онъ сказалъ прежде всего, что такъ какъ по смыслу конституціи русскія войска не могутъ стоять въ Польшѣ, то вліятельные члены сейма обязуются отмѣнить вышеупомянутый декретъ, если имъ будетъ дозволено обнадежить своихъ со товарищей и народъ въ томъ, что эта статья останется въ прежней силѣ и будетъ соблюдена наравнѣ съ прочими.

Не вдаваясь въ разсужденіе по поводу сохраненія конституціи въ неприкосновенности, я замѣтилъ только, что по моему мнѣнію сама хартія не запрещаетъ положительно пребываніе въ Польшѣ русскими войскамъ, что, напротивъ того, я помню, какъ нельзя лучше, что одна изъ ея статей опредѣляетъ, какимъ именно способомъ будетъ обезпечено ихъ содержаніе, въ случаѣ присутствія ихъ въ королевствѣ. Кромѣ того я припомнилъ по этому случаю его собственное мнѣніе, и спросилъ его, возможно-ли, чтобы в. в. не оставили русскихъ войскъ въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ порядка не будетъ окончательно возстановленъ и упроченъ.

Полковникъ Мѣчельскій почти отрекся отъ того, что онъ признавалъ эту необходимость, говоря, будто онъ упомянулъ объ окупаціи страны лишь съ тѣмъ, чтобы оспаривать ее въ принципѣ. Затѣмъ онъ распространился о хорошемъ настроеніи, господствующемъ въ арміи, о ея привычкѣ къ дисциплинѣ, о довѣрїи, которое она заслуживаетъ обвиняя во всѣхъ безпорядкахъ, происшедшихъ въ странѣ, о коихъ я упомянулъ — милицію. Когда она будетъ распушена, говорилъ онъ, а это будетъ сдѣлано немедленно, все придетъ въ порядокъ; правосудіе войдетъ въ законную колею и всякій слѣдъ возстанія исчезнетъ. Е. в. можетъ положиться на честь и преданность регулярныхъ войскъ и всѣхъ поляковъ вообще. Если в. в. вѣрите ихъ раскаянію и признательности, то нѣтъ надобности оставлять въ странѣ русское войско навсегда, что, по крайней мѣрѣ, добавилъ онъ, противорѣчитъ конституціи. Наконецъ, полковникъ Мѣчельскій допускаетъ, чтобы русское войско расположилось временно на квартирахъ на правомъ берегу Вислы для того, чтобы отдохнуть и обезпечить нѣкоторые временныя

гарантіи, но онъ желалъ, чтобы я объявилъ, что они не перейдутъ этой рѣки. Я отвѣчалъ, что подобное условіе было бы оскорбленіемъ для насъ, что я не могу взять на себя ограничивать волю в. в., что впрочемъ, говоря откровенно, я долженъ замѣтить, не умаляя заслуги поляковъ, изъявляющихъ покорность въ такое время, когда мятежники имѣютъ еще значительныя средства, что они уступаютъ теперь лишь въ силу нравственнаго убѣжденія, но что въ концѣ концовъ Польша была бы усмирена императорскими войсками и слѣдовательно они должны прибѣгнуть къ великодушію в. в. и не надѣяться предписывать вамъ условія.

Полковникъ Мѣчельскій настаивалъ на невозможности представителямъ народа вотировать такой актъ, который лишилъ бы народъ всѣхъ его правъ, изъ-за одной прихоти монарха, какъ бы великодушень, впрочемъ, онъ ни былъ.

Затѣмъ онъ снова распространился объ обидахъ, нанесенныхъ польскому народу, о системѣ шпионства, тяготѣвшей такъ жестоко надъ дѣльными семьями и отдѣльными личностями, о незаконныхъ привилегіяхъ, дарованныхъ русскимъ военнымъ лицамъ. «Этотъ порядокъ вещей, сказалъ онъ, сталъ до того невыносимымъ, что я самъ, принадлежа къ партіи людей умѣренныхъ, былъ вынужденъ оставить горячо любимую мною родину». Онъ объяснялъ этимъ легкость, съ какою вся страна примкнула къ возстанію, и поддержку, встрѣченную имъ не только среди дворянства, но и въ среднемъ сословіи, не смотря на матеріальное обезпеченіе и благоденствіе, какимъ они пользовались, обогащенные русскими деньгами, которыми оплачивалось содержаніе двора и иностраннаго войска, получавшаго громадное содержаніе, не смотря, наконецъ, на щедрыя пожертвованія двухъ монарховъ, воздвигавшихъ памятники и заботившихся о выполненіи разныхъ предпріятій для общественной пользы.

Кромѣ того, во время нашего разговора у полковника вырвалось еще признаніе о томъ, что регулярное войско поляковъ уменьшилось вслѣдствіе бывшихъ сраженій до 25,000 человѣкъ, но онъ утверждаетъ, что армія эта вмѣстѣ съ милиціей, являющейся подъ разными наименованіями, доходитъ до 80,000 человѣкъ.

«Согласитесь съ тѣмъ, присовокупилъ онъ, что въ томъ вѣкѣ чудесь, въ которомъ мы живемъ, когда каждыя двѣ недѣли обнаруживается какое-либо событіе, котораго наканунѣ еще никто не могъ предвидѣть, если бы въ Европѣ возгорѣлась война, то Польша, располагая такими силами, могла бы еще имѣть вліяніе на событія. Я дѣлаю это предположеніе не изъ хвастовства; согласитесь сами, что это вещь вполне возможная, и что, дѣйствуя политично, Россія можетъ принести нѣкоторыя жертвы, чтобы отстранить подобную опасность».

Я отвѣчалъ, что Европѣ угрожалъ, безъ сомнѣнія, большой кризисъ, вслѣдствіе пропаганды возмутительныхъ принциповъ, но что послѣднія событія общають, однако, что миръ не будетъ нарушенъ. Согласіе великихъ державъ въ столь важномъ вопросѣ и достиженіе Франціей ея намѣреній должно, хотя на нѣкоторое время, устранить опасность общаго столкновенія; если бы даже эта опасность существовала, то это было бы для насъ причиною подавить польское возстаніе во что бы то ни стало, къ тому же подумайте о тѣхъ государствахъ, которыя отдѣляютъ васъ отъ Франціи.

Полковникъ Мѣчельскій, не требуя положительно перемирія, упоминалъ неоднократно о необходимости остановить кровопролитіе, тѣмъ болѣе, что сеймъ своимъ рѣшеніемъ прекратить, быть можетъ черезъ нѣсколько дней, эту губительную войну; на это я замѣтилъ, что переправкою Дверницкаго на правый берегъ Вислы поляки сами нарушили то перемиріе, которое, по ихъ словамъ, доставило имъ наступившее время года, и что я съ своей стороны, конечно, долженъ былъ принять энергичныя мѣры къ тому, чтобы остановить это движеніе и наказать его за попытку, которую всѣ люди, понимающіе военное искусство, должны считать весьма рискованною. Полковникъ Мѣчельскій дважды предлагалъ мнѣ отозвать Дверницкаго съ его шайками, если я пожелаю начать переговоры о заключеніи мира. Я не могъ допустить этого послѣдняго предложенія, поэтому и не отвѣчалъ на его вопросъ прямо, но далъ ему понять, что если главнокомандующій чистосердечно желаетъ возстановленія порядка, то онъ долженъ бы самъ принять подобное рѣшеніе.

«Что главнокомандующій желаетъ, какъ нельзя болѣе, возстановленія порядка, сказалъ Мѣчельскій, это онъ доказываетъ лучше всего, жертвуя своею военною славою и дѣлая тѣ предложенія, которыя на меня возложены. Если бы онъ даже былъ побѣжденъ вами, г. фельд-маршалъ, то безъ сомнѣнія все таки пріобрѣлъ бы своей искусной и геройской защитою ту славу, которой жаждетъ всякій военный. Но заговоривъ о личностяхъ, я долженъ сказать, прибавилъ онъ, что князь Чарторыйскій также раздѣляетъ желаніе придти къ соглашенію и былъ бы готовъ пожертвовать для этого своею властью и своею популярностью».

Во время этого разговора, продолжавшагося болѣе двухъ часовъ, на которомъ присутствовалъ графъ Палень, не было сказано, в. в., болѣе ничего, заслуживающаго упоминенія. Парламентеръ удалился, объявивъ, что онъ надѣется вскорѣ вновь увидѣться со мною. Я могъ замѣтить по его лицу, что онъ ожидалъ большаго успѣха.

Умѣренная партія, кажется, одерживаетъ верхъ въ Варшавѣ. Если

она дѣйствительно одержитъ его, если сеймъ самъ объявитъ декретъ о низложеніи недѣйствительнымъ и несостоявшимся и армія объявитъ себя готовой подчиниться власти конституціоннаго короля, то я все таки буду продолжать мои военныя операціи, избѣгая по возможности сраженій, и предложу польскимъ войскамъ двинуться, согласно манифесту, на Плоцкъ. Однако, такъ какъ Висла только что начинаетъ вскрываться, то я надѣюсь до переправы на противоположный берегъ получить приказанія, которыя в. и. в. благоугодно будетъ отдать мнѣ по случаю этого непредвидѣннаго обстоятельства и которыхъ я осмѣливаюсь просить у васъ.

Оттепель такъ сильна, что я размѣщаю войска по квартирамъ, гдѣ они найдутъ отдыхъ и болѣе обильное продовольствіе. Я распредѣлилъ отдѣльные корпуса такимъ образомъ, чтобы мнѣ было легко сосредоточить ихъ въ скоромъ времени на томъ пунктѣ, гдѣ переправа черезъ рѣку покажется мнѣ наиболѣе удобною.

Соблаговолите, государь, принять увѣреніе въ глубочайшемъ почтеніи и совершенной преданности, съ коими честь имѣю быть, государь, в. и. в. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга и вѣрноподданный. И. Дибичъ-Забалканскій.

XLVIII.

Императоръ Николай — графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 26-го февраля (10-го марта) 1831 г.

[Переводъ]. Не хочу медлить отвѣтомъ, любезный другъ, на ваше крайне интересное письмо по поводу свиданія вашего съ Мѣчельскимъ; я получилъ его сегодня по утру въ полдень. Хотя ихъ побудило послать къ вамъ парламентаря, повидимому, ничто иное какъ желаніе узнать, какъ мы на это взглянемъ, однако весьма возможно, что это повлечетъ за собою другіе переговоры въ виду того разстроеннаго состоянія, въ какомъ они, повидимому, находятся.

Безразсудныя требованія или условія къ изъявленію покорности и въ особенности предложеніе избрать меня королемъ, которымъ я весьма тронуть и за которое благодаренъ, не заслуживаютъ отвѣта; что же касается остального, вы знаете, что я взыскиваю только съ виновныхъ; для нихъ не будетъ милосердія, остальнымъ же, въ особенности войску, если оно сложитъ оружіе, будетъ дарована амнистія, БЕЗО ВСЯКАГО ДАЛЬНѢЙШАГО УСЛОВІЯ.

Вы отвѣчали и говорили ПРЕКРАСНО, мнѣ НЕЧЕГО ¹⁾ къ этому

¹⁾ Слова, набранныя крупно, нѣсколько разъ въ подлинникѣ подчеркнуты.

прибавить, факты говорят и будут говорить въ доказательство того, что они губятъ сами себя, а что мы возстановляемъ. Я не имѣю болѣе ничего сказать по поводу этого.

Вы прекрасно сдѣлали, отозвавъ Розена, такъ какъ вамъ болѣе нечего опасаться за вашъ правый флангъ и я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашей переправы черезъ Вислу; если извѣстіе о разъединеніи непріятельскихъ силъ справедливо, и если это сдѣлано не съ цѣлью начать партизанскую войну, то вамъ легко будетъ справиться съ ними; въ противномъ случаѣ, я полагаю, придется сформировать летучія колонны (*colonnes mobiles*) для разъѣздовъ по странѣ и для разрушенія ея.

Гнусный поступокъ, совершенный въ Пулавахъ, заслуживаетъ и требуетъ примѣрнаго наказанія. Если несчастію этому суждено было случиться, то я радъ, что оно случилось въ этомъ гнѣздилищѣ измѣны, подлости и ненависти къ Россіи; разрушите его до основанія, но драгоцѣнныя вещи слѣдуетъ тщательно сберечь, забрать и увезти: онѣ будутъ проданы въ пользу инвалидовъ.

За всѣмъ тѣмъ не слѣдуетъ подвергать ваши регулярныя кавалерійскіе полки пораженіямъ, по частямъ посылая ихъ въ дѣло, собственно имъ не надлежащее, тогда какъ вы имѣете достаточное число казаковъ.

Оправданія Гейсмара весьма пошлыя; вы можете дать ему понять это; что же касается его егерей, то я запрещаю вамъ давать имъ награды, такъ какъ они должны смѣть блестящими побѣдами лежащій на нихъ позоръ, а награды должны существовать только для тѣхъ, кто постоянно исполняетъ свой долгъ.

Я рассчитываю согласно вашему желанію растянуть 3-ю уланскую дивизію вдоль границы; что же касается пѣхоты, то я считаю это лишнимъ въ настоящую минуту, но сослассенъ на то, чтобы 3 полка 26-й дивизіи, сформированные изъ резервныхъ батальоновъ 2-й дивизіи, замѣстили гарнизонъ въ Люблинѣ, гдѣ они будутъ окончательно сформированы; новые резервные батальоны 6-го корпуса могутъ быть на мѣстѣ лишь къ концу апрѣля.

Между тѣмъ извѣстія изъ Франціи съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приближаются къ тѣмъ результатамъ, которые вы и я предвидѣли съ самаго начала. Говорятъ, будто короля хотятъ низвергнуть, потому что онъ не дѣйствовалъ во вкусѣ якобинцевъ и что они хотятъ учредить республику или нѣчто въ родѣ ея, и тотчасъ двинуть войска за границу. По поводу волненій въ Итали, Австрія высказалась энергично, заявивъ Франціи, что она не только займетъ герцогство Моденское (*le Modenais*), но окажетъ помощь всѣмъ тѣмъ князьямъ Итали, которые обратятся къ ней за помощію.

Въ Англіи высказываются въ пользу войны.

Все это доказываетъ, что мы не ошиблись, но что нужно постараться покончить съ этимъ какъ можно скорѣе, ничего не портя. Поэтому будьте какъ и всегда осторожны, тверды и постоянны и да направитъ и сохранить васъ Господь. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ. Прощайте, любезный другъ, будьте увѣрены въ привязанности искренно благосклоннаго вамъ Николая.

Жена моя кланяется вамъ.

S.-Petersburg. Le 26 Février (10 März) 1831.

Je ne veux pas tarder à vous répondre, mon cher ami, sur le contenu de votre lettre si intéressante au sujet de votre entrevue avec Micielsky; elle m'est parvenue ce matin à midi. Quoique il ne paraisse pas c'eût été autre chose que le désir de savoir à quoi s'en tenir, qui les a engagés à vous envoyer un parlementaire, cependant il n'est pas impossible que cela n'amène à d'autres pourparlers, vû l'état de désorganisation où ils paraissent se trouver.

Les folles prétentions ou conditions de soumission et surtout l'offre de m'élier pour Roi, dont j'ai été fort touché et reconnaissant, ne méritent pas de réponse; quant au reste vous savez que je n'en veux qu'aux coupables, pour ceux là point de miséricorde, quant au reste, et surtout à la troupe qui mettrait bas les armes—amnistie, **MAIS AUCUNE AUTRE CONDITION QUELCONQUE.**

Vous avez **PARFAITEMENT** répondu et parlé, et je n'ai **RIEN** y ajouter, les faits parlent et parleront pour leur prouver que c'est eux mêmes qui se détruisent et que c'est nous qui réédifions. Je n'ai plus rien à ajouter sur cet article.

Vous avez bien fait de rappeler Rosen, puisque vous ne craignez plus pour votre droite, et j'attends avec impatience que vous passiez la Vistule; si le partage des forces ennemies est vrai, à moins que ce ne soit pour agir en partisans, vous aurez bon marché d'eux; dans le cas contraire, il faudra je crois des colonnes mobiles pour battre et désarmer le pays. L'infamie à Poulavi mérite et exige une punition exemplaire. Je suis charmé, puisque le malheur a du arriver, que ce soit là, dans ce repaire de trahison, d'infamie en de la haine contre la Russie; faites le détruire de fond en comble, et les objets précieux doivent être soigneusement conservés, enlevés et transportés pour être vendu au profit des invalides.

Avec tout cela il est indispensable de ne pas exposer votre cavalerie

régulière à ces échecs partiels, et dans un emploi qui n'est pas de son ressort proprement dit et tandis que vous avez un nombre suffisant de cosaques.

Les excuses de Geismar sont bien plates et vous pouvez le lui faire sentir; quant à ses chasseurs, je vous défends de leur accorder des récompenses, car il faut qu'ils tachent de faire oublier par des actions d'éclat la honte qui pèse sur eux, et les récompenses ne doivent être que pour ceux qui constamment ont fait leur devoir.

Je compte selon votre désir faire placer la 3 de hulans le long de la frontière, pour de l'infanterie cela me paraît assez inutile pour le moment, mais je consens à ce que les 3 régiments de la 26 formés de bataillons de réserve de la 25 aillent prendre garnison à Lublin et à achever leur formation; les nouveaux bataillons de réserve du 6 corps ne pourront être en place que vers la fin d'avril.

En attendant, les nouvelles de France deviennent de jour plus approchantes des résultats que vous et moi n'avons cessé de prévoir dès le début. Il paraît que le roi n'ayant pas marché assez au gré des jacobins on travaille à le renverser pour établir une république ou quelque combinaison semblable et de suite déborder au dehors. A l'occasion des troubles d'Italie, l'Autriche a parlé ferme, en déclarant à la France que non seulement elle allait occuper le Modenais, mais qu'elle secourerait tous ceux des princes d'Italie qui lui demanderaient secours.

En Angleterre l'on se prononce pour la guerre.

Tout cela prouve que nous ne nous sommes point trompés, mais qu'il faut tacher d'en finir au plus vite sans rien compromettre. Aussi comme toujours prudence, force et constance, et que Dieu vous couvre de son égide et vous inspire. Mille choses à tous les autres. Adieu, mon cher ami, croyez à l'attachement de votre sincèrement affectionné N.

Ma femme vous salue.

XLIX.

Вспомогательный рапортъ графа Дибича, № 907.

М. Шеница. 1-го марта 1831 г.

Отрядъ, подъ командою генераль-маіора барона фонъ деръ-Остенъ-Сакена состоящій и находившійся на правомъ берегу Нарва при Насельскѣ, съ движеніемъ 6-го пѣхотнаго корпуса на временныя квартиры къ Станиславоу имѣлъ назначеніе слѣдовать къ створамъ Пра-

шницы и Остроленки, дѣйствовать отдѣльно въ предположеніи обезоруженія края, между рѣкою Наревомъ и Вкрой и границею Пруссій заключающагося, открыть сообщеніе съ Ломзою и служить какъ бы авангардомъ гвардейскому корпусу, по прибытіи онаго на высоту Остроленки, Замброва и Чижева. Во исполненіе сего назначенія генераль-маіоръ баронъ Сакенъ предпринялъ двинуться на Маковъ и Рожаны чрезъ Голиманъ; а дабы прикрыть сіе движеніе и не быть обезпечиваему въ слѣдованіи мятежниками, имѣвшими до 5 т. и 9-ти орудій при Плонскѣ и до 5 т. на р. Вкрѣ, въ Малушинѣ, Сохочинѣ и Кухари, вознамѣрился показать видъ наступательнаго на нихъ движенія; вслѣдствіе чего 23-го числа и приказалъ 4-мъ эскадронамъ Новомиргородскаго уланскаго полка съ 75 казаками подъ начальствомъ полковника Лахмана двинуться по дорогѣ къ Сохочину и занять позицію при Новомъясто, съ тѣмъ чтобы въ ночи съ 23-го на 24-е число онъ снялся съ позиціи, шелъ на Малушино и атаковалъ оныя. Мятежники занимали Малушинъ пѣхотою въ числѣ до 1,000 человекъ лѣсной стражи и коссіонеровъ, имѣя за рѣкою Вкрой два полка вновь сформированныхъ уланъ, кои впрочемъ не принимали участія въ дѣлѣ. Полковникъ Лахманъ былъ встрѣченъ густымъ ружейнымъ огнемъ. Дабы удобнѣе достигъ цѣли, онъ приказалъ карабинерамъ слѣпиться и наступилъ съ оными на селеніе съ фронта, пославъ на оное съ обонихъ фланговъ по эскадрону уланъ и притомъ партію казаковъ, для занятія моста чрезъ Вкру и для воспрепятствованія тѣмъ отступленію мятежниковъ. Успѣхъ увѣнчалъ сіе предпріятіе: мятежники, пораженные въ селеніи и опрокинутые къ рѣкѣ, не могли отступить чрезъ мость. До 300 человекъ изъ нихъ утонули, многіе изрублены, а самыя упорнѣйшіе, защищавшіеся въ домахъ, погибли съ оными отъ пожара. Начальникъ сей партизанской мятежнической партіи, маіоръ Венгрокій, 3 капитана, 2 поручика и до 200 нижнихъ чиновъ взято въ плѣнъ; одинъ капитанъ, 2 поручика и ксендзъ, съ оружіемъ въ рукахъ, убиты.

Быстротѣ, съ кою произведена была атака, отрядъ полковника Лахмана обязанъ незначительностію понесенной имъ потери: убито нижнихъ чиновъ 7, ранено 18.

Въ продолженіе сего времени отрядъ генераль-маіора барона Сакена перешелъ къ Голимину и занялъ при ономъ позицію; а ночью съ 24-го на 25-е присоединился къ нему и полковникъ Лахманъ.

Генераль-маіоръ баронъ Сакенъ, по засвидѣтельствованію полковника Лахмана, доноситъ, что всѣ гг. офицеры, въ семь дѣлѣ бывшіе, оказали примѣрную храбрость; особенно же отличились Новомиргородскаго уланскаго полка ротмистръ Бренштейнъ, поручики Вукаловичъ и Экскузовичъ, корнетъ Манжетъ и генеральнаго штаба пору-

чикъ Миллеръ, съ казаками занявшій мостъ чрезъ р. Вкру. Имѣю счастье всеподданнѣйше о семъ донести вашему императорскому величеству.

I.

Всеподданнѣйшій рапортъ графа Дибича, № 909.

М. Шеница. 1-го марта 1831 г.

Имѣю счастье всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству, что сейчасъ полученъ мною рапортъ отъ генерала графа Толя. Онъ доноситъ, что, прибывъ 27-го февраля къ корпусу генерала графа Витта, уже со всѣми силами перешедшаго на лѣвый берегъ р. Вепржа и занимающаго авангардомъ Курово, а кавалеріею онаго Маркушевъ,—28-го числа получилъ донесеніе отъ генерала барона Крейца о занятіи имъ обратно Люблина и вѣрное извѣстіе чрезъ президента воеводства Лубельскаго графа Растворовскаго, человека, преданнаго долгу чести и прибывшаго лично изъ Жолкіевки, что генераль Дверницкій 27-го числа съ корпусомъ находился въ семъ пунктѣ. Изъ такового отступленія мятежниковъ отъ Краспоства къ сторонѣ Завихвоста и Рахова заключая, что генераль Дверницкій, видя опасность своего положенія, намѣренъ вновь переправиться при которомъ либо изъ сихъ пунктовъ на лѣвый берегъ Вислы, генераль графъ Толь назначилъ на 1-е число марта перейти съ корпусомъ генерала графа Витта въ Люблинъ на соединеніе съ генераломъ барономъ Крейцомъ, коего войска между тѣмъ отдыхаютъ, дабы обще обоими корпусами двинуться на Дверницкаго чрезъ Быховъ и Піотрково и атаковать его рѣшительно на обратномъ его маршѣ къ Вислѣ. Я предполагаю, что генераль графъ Толь успѣетъ настичь мятежниковъ, ибо корпусъ Дверницкаго до того утомленъ, что въ Красноставѣ онъ долженъ былъ остановиться для отдохновенія и былъ въ бездѣйствіи три дни. Даже по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, какъ доноситъ генераль графъ Толь, онъ оставилъ въ Замостьѣ пѣхоту, чтобы самому быстрѣе отойти за Вислу. Съ нетерпѣніемъ ожидаю я дальнѣйшихъ отъ генерала графа Толя донесеній, дабы имѣть счастье довести оныя до высочайшаго вашего императорскаго величества свѣдѣнія.

LI.

Графъ Дибичъ—императору Николаю.

Шеницы. 1-го марта 1831 г.

[Переводъ]. Ваше величество, я только что получилъ письмо ваше, государь, отъ 21 февраля. Позвольте прежде всего принести вамъ мою глубочайшую признательность за назначеніе племянника моего Притвида флигель-адъютантомъ; надѣюсь, что онъ съ своей стороны окажетъ себя достойнымъ этой награды тѣмъ усердіемъ, съ какимъ онъ всегда старался исполнять свои обязанности; соблаговолите также принять мою искреннюю благодарность за тѣ милости, которыя вы соблаговолили оказать храброму Мейендорфу и Будбергу, а равно и за милостивыя награды, пожалованныя в. в. моимъ достойнымъ и преданнымъ сотоварищамъ по оружію. Для одного лишь Толя я осмѣливаюсь просить особой милости в. в.; онъ находится въ настоящее время въ отсутствіи, оказывая, надѣюсь, новыя услуги и командуя войскомъ, посланнымъ мною противъ Дверницкаго. Я убѣжденъ, что пожалованіе дочери его во фрейлины доставило бы ему несказанное удовольствіе; ей, кажется, не болѣе 10 лѣтъ, но бывали примѣры пожалованія во фрейлины и въ болѣе раннемъ возрастѣ, а такъ какъ Толь чрезвычайно любитъ эту дочь, то в. в., я увѣренъ, сдѣлали бы этимъ большое удовольствіе этому достойному и преданному храбренцу изъ храбренцовъ.

Вы правы, государь, не будучи довольны результатами сраженія 13 числа; я думаю, в. в. усмотрѣли изъ моихъ донесеній, что я точно также недоволенъ ими.

Эти ничтожные результаты были естественнымъ послѣдствіемъ рѣшенія, принятаго княземъ Шаховскимъ—двинуться 12 числа, вопреки приказанію, полученному имъ, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно, далѣе Бѣлоленко; я никогда не обвиню человека за то, что онъ зашелъ слишкомъ далеко! Но я остался менѣе доволенъ его рѣшеніемъ двинуться по утру 13 числа въ такомъ направленіи, которое должно было привести его въ тылъ отряду Розена, тогда какъ онъ долженъ былъ быть увѣренъ, что общая атака приблизила бы насъ къ нему гораздо выгоднѣе, если бы онъ держался предписаннаго ему направленія. Первое движеніе его на Бѣлоленко и атака, произведенная вслѣдствіе этого на него непріателемъ, вынудили меня дать сраженіе 13 числа, вмѣсто 14, когда я хотѣлъ поставить корпусъ Витта резервомъ за Шаховскимъ на мѣстности, весьма благопріятной для дѣйствія массъ; тогда крайнимъ резервомъ была бы у меня 2-я гренадерская дивизія и гвардейцы.

Если бы послѣ этого Шаховской произвелъ еще медленное отступление, сражаясь по прямому пути, то онъ успѣлъ бы во время перейти въ оборонительное положеніе или отвлекъ бы на себя значительную часть непріятельскихъ силъ, которыя были бы отрѣзаны энергичнымъ нападеніемъ, произведеннымъ съ моей стороны на непріятеля, лишь только я увидѣлъ, что завязалась битва, о чемъ возвѣстили мнѣ весьма ясно грохотъ 200 орудій. Я не могъ колебаться въ подобную минуту при видѣ великолѣпнѣйшей позиціи, планъ которой в. в. увидите, лишь только его удастся переблѣнить, и 3-хъ линій окоповъ. Эти препятствія были побѣждены съ громаднымъ урономъ, повторяю, только благодаря храбрости, вполнѣ достойной вашихъ храбрыхъ войскъ. Послѣ взятія первыхъ двухъ линій, третья, расположенная на высотахъ, окружающихъ Прагу, и занятая резервной артиллеріей и *congères* [которыя производили весьма мало дѣйствія, но все таки внушали нѣкоторый страхъ], прикрывала отступление центра и бѣгство праваго фланга непріятеля, состоявшаго въ особенности изъ милиціи. Къ несчастью, болота не дозволили обойти этотъ правый флангъ, потерявшій много людей въ этомъ болотѣ, спасаясь отъ нападений нашей кавалеріи. Прибытіе на поле битвы головы отряда князя Шаховскаго и первое дѣйствіе его артиллеріи заставило отступить непріятеля съ высотъ, находящихся передъ Прагою, въ это предмѣстье, но артиллерія (*matériel*) ихъ успѣла уже перейти мостъ; прикрываемые предмѣстьемъ, подъ защитою предмостнаго укрѣпленія съ долговременной профилюю, имѣя орудія большого калибра, побривательствуемые къ тому же длинной февральской ночью и возможностью даже для колоннъ пѣхоты переправиться по зимнему еще пути, по льду, непріятель могъ спасти свою артиллерію, когда послѣднія наступательныя движенія могли быть сдѣланы лишь съ наступленіемъ ночи. Непостоянная погода, морозъ, смѣняющійся съ оттепелью, помѣшала мнѣ и мѣшаетъ до сихъ поръ воспользоваться одержанными побѣдами для того, чтобы переправиться черезъ Вислу; я не осмѣливаюсь рисковать всѣми интересами, попытавъ переправу по льду, который можетъ проломиться, или по мосту, который тотчасъ былъ бы снесенъ льдомъ, такъ что мы могли бы очутиться безъ средствъ сообщенія цѣлую недѣлю, а можетъ быть и долѣе въ мѣстности, явно враждебной къ намъ и заранѣе опустошенной своими собственными войсками.

Такъ какъ Дверницкій направляется въ Волинь, но отрѣзавъ отъ Серавска движеніемъ графа Витта на Пулавы, то различныя операціи непріятельскаго корпуса, которыя могутъ быть вызваны этимъ, до того важны и требуютъ столь безотлагательно твердыхъ и разумныхъ рѣшеній, что я счелъ необходимымъ послать туда Толя, тѣмъ болѣе, что здѣсь переправа черезъ рѣку прервана на много дней и

наступательныя дѣйствія могутъ быть возобновлены не ранѣе, какъ я увижу, какимъ образомъ слѣдуетъ дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ. Генералъ Сакенъ исполняетъ до сихъ поръ удачно порученіе, возложенное мною на него на лѣвомъ берегу Нарева,—порученіе, которое, я надѣюсь, вполне отвѣчаетъ намѣреніямъ в. и. в. относительно этой мѣстности. Такъ какъ гвардія положительно требуетъ небольшого отдыха послѣ совершеннаго ею зимняго перехода, то я размѣстилъ ее въ хорошо сохранившейся и спокойной мѣстности между Штудыномъ (Schtschouczyn), Ломжей и Нуромъ и далѣе до границы Россіи.

Изъ прилагаемаго при семь письма в. в. узнаете о третьемъ посѣщеніи Мѣчельскаго, прибывшаго съ Колачовскимъ; не желая вызывать имъ слишкомъ большого уваженія, я просилъ Палена, присутствовавшаго при нашихъ первыхъ свиданіяхъ, принять ихъ въ авангардѣ; они опять говорили много пустыхъ фразъ и передали, наконецъ, письмо отъ г. Скъжинецкаго. Письмо это вполне достойно человѣка, подписавшаго его, и заслуживало-бы величайшаго презрѣнія, если бы депутаты не заявили, что ихъ генералъ готовъ подвергнуться всей опасности, грозящей ему отъ мести мятежниковъ, если только ему удастся доказать какимъ либо документомъ, что примиреніе невозможно безъ форменнаго уничтоженія преступнаго декрета, изданнаго сеймомъ, и что онъ надѣется достигнуть этого, имѣя такой документъ. Подобное событіе, уничтожая мятежъ въ самомъ принципѣ и вызывая полнѣйшее разъединеніе между мятежниками, можетъ также произвести весьма полезное впечатлѣніе въ Европѣ и въ силу этихъ огромныхъ преимуществъ заслуживаетъ, по моему мнѣнію, особаго вниманія; но такъ какъ я не могу отвѣчать г. Скъжинецкому, не признавъ властей мятежа (*autorité rebelle*), то я поручилъ генералу Нейтгардту написать отвѣтъ полковнику Мѣчельскому, коимъ они могутъ воспользоваться, какъ документомъ, чтобы доказать своей арміи и депутатамъ умѣренной партіи, что иного пути къ спасенію нѣтъ. Судя по всему, что Мѣчельскій говорилъ мнѣ и Палену, я полагаю, что Хлопицкій, хотя раненый, руководить еще дѣлами и болѣе чѣмъ когда либо долженъ быть убѣжденъ въ бесполезности защиты.

В. и. в. усмотрите изъ посланнаго вамъ обстоятельнаго журнала всѣ подробности послѣднихъ военныхъ операцій, впрочемъ, довольно незначительныхъ; я не имѣю донесеній отъ Крейца съ 24 числа. Толь былъ уже не болѣе, какъ въ 5 верстахъ отъ Жиржина (*Girgine*), когда онъ получилъ посланное ему послѣднее донесеніе Витта изъ этого пункта. Анрепъ прибылъ 26-го числа въ Влодаву съ полкомъ казаковъ и говоритъ, что онъ имѣетъ извѣстія, но что Крейцъ не находится въ Бухачевѣ; это указываетъ на движеніе Дверницкаго къ нижнему теченію Вепшы (*en bas de la Weprz*), и не только противорѣ-

читать извѣстію о движеніи его на Волинь, но кажется еще болѣе непостижимымъ. Если же, напротивъ того, Дверницкій двинулся къ Устьюлонгу, то я опасаюсь за баталіоны Балбекова, котораго Крейцъ вызвалъ къ себѣ. Впрочемъ, такъ какъ Балбековъ всегда былъ превосходнымъ военнымъ офицеромъ, то я надѣюсь, что онъ сдумѣетъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Левашевъ, получивъ во время извѣстіе о движеніи Дверницкаго и сосредоточивъ 11-ю дивизію, отрядъ мятежниковъ очутится такимъ образомъ между двумя огнями, если онъ дѣйствительно вздумаетъ предпринять переправу черезъ Бугъ.

Е. и. в. великій князь цесаревичъ находится еще въ Бѣлостоѣ. Курута пишетъ мнѣ, что онъ страдаетъ тѣмъ недугомъ, которому подверженъ обыкновенно е. и. высочество.

Я приму надлежащія мѣры къ тому, чтобы укомплектовать, согласно приказанію в. в., улановъ и артиллеристовъ, потерпѣвшихъ весьма значительный уронъ.

Въ сію минуту получилъ я пріятное извѣстіе, что генералъ Крейцъ, сдѣлавъ фланговое движеніе черезъ Ленчовъ, напалъ 27 числа на Люблинь, гдѣ непріятель вооружилъ жителей и оставилъ тысячу человекъ гарнизона. Драгуны храбрыхъ полковъ Казанскаго и Виртембергскаго взяли городъ приступомъ; непріятель потерялъ убитыми много солдатъ, 3-хъ офицеровъ и 200 человекъ плѣнными. Вой былъ весьма упорный; в. в. прочтете подробности, а также отчетъ о доблестномъ поведеніи Делингсгаузена, который слегка раненъ въ ногу; в. в. соблаговолите наградить его за оказанныя имъ отиѣнныя услуги, по всегдашней милости в. в. къ этому достойному служацкѣ. Если Дверницкій дѣйствительно остановился въ Красныставѣ, то весьма вѣроятно, что онъ возвращается опять на Люблинь; въ такомъ случаѣ надѣюсь, что Толь попріжметъ его. Лучшее, что могъ сдѣлать непріятельскій генералъ, это—отступить за Замостье; въ такомъ случаѣ его необходимо будетъ загнать въ самую крѣпость, гдѣ онъ не можетъ долго продержаться со своей многочисленной кавалеріей, если страну лишитъ фуража на 30 верстъ кругомъ.

Соблаговолите, государь, извинить меня за дурной почеркъ; я уже высказывалъ в. в., что чрезвычайная слабость въ правой рукѣ не позволяетъ мнѣ много писать собственноручно, поэтому я поручаю переписку моихъ писемъ Гильфердингу, человеку вполне испытанному мною съ самаго Адрианополя.

Соблаговолите повергнуть къ стопамъ е. в. государыни императрицы мое глубочайшее почтеніе и принять увѣреніе въ искренней преданности и признательности, съ коими имѣю счастье быть, государь, в. и. в. всепокорѣйшій и всенижайшій слуга и вѣрнопопдаанный И. Дибичъ-Забалканскій.

LII.

Императоръ Николай—графу Дибичу.

С.-Петербургъ. 4 (16) марта 1831 г.

[Переводъ]. Письмо ваше отъ 25 числа получено мною сегодня утромъ, любезный другъ; мнѣ грустно было видѣть, что замѣчанія, которыя я былъ обязанъ вамъ сдѣлать, огорчили васъ гораздо болѣе, нежели я того желалъ; вы повѣрите, конечно, что это отнюдь не входило въ мои намѣренія. Но вы должны понять, какъ неприлично и скажу даже — смѣшно, чтобы я и петербургская публика узнавали о дѣйствіяхъ нашей арміи изъ берлинскихъ газетъ! Это случалось мнѣ неоднократно.

Теперь, болѣе чѣмъ когда либо, важно не скрывать отъ общества правды, какъ я дѣлалъ это въ турецкую войну, не скрывая нашихъ поражений, вслѣдствіе чего общество вѣрило и нашимъ успѣхамъ; теперь же я ничего не могъ сказать о пораженіи Гейсмара, тогда какъ мы узнавали всѣ подробности черезъ Берлинъ; невольно рождался вопросъ, почему я умалчиваю объ этомъ? а что же я могъ отвѣтить кромѣ того, что я не получилъ донесенія объ этомъ дѣлѣ. Вы знаете, что не въ моемъ характерѣ скрывать правду. И такъ, если я высказалъ свое замѣчаніе такимъ образомъ, что оно могло черезъ-чуръ огорчить васъ, то я искренно прошу васъ извинить меня и чтобы объ этомъ не было болѣе и рѣчи; вотъ что я имѣлъ сказать вамъ съ своей стороны.

Глупость, сдѣланная Каверомъ, и послѣдствія ея достойны сожалѣнія, но движеніе Дверницкаго не меньшая глупость, если мы только сами не заблуждаемся, и я надѣюсь, что вы заставите его дорого заплатить за эту ошибку.

Одинъ только Виттъ, отдѣльный командиръ, пугаетъ меня, чтобы не натворилъ глупости; если все пойдетъ хорошо, Дверницкій долженъ погибнуть: дай Богъ, чтобы это случилось. Во всякомъ случаѣ придется менѣ сражаться на главномъ пунктѣ. Съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстія о переправѣ вашей черезъ Вислу, ибо я убѣжденъ, что мятежъ будетъ усмирень послѣ сраженія, даннаго ближе къ Варшавѣ. Въ этомъ отношеніи интересно ваше вторичное свиданіе съ Мѣчельскимъ; я полагаю, что положеніе ихъ отчаянное. Вы отвѣчали прекрасно и мое предъидущее письмо развязало вамъ руки и ознакомило васъ съ моимъ непреложнымъ рѣшеніемъ: 1) изъявленіе полной покорности, 2) амнистія для всѣхъ, исключая главныхъ виновниковъ—и болѣе ничего; разумѣется, я оставляю гражданское законодательство страны неприкосновеннымъ, но не принимаю никакихъ конституціонныхъ обязательствъ и въ особенности не допускаю изъявленія покорности на какихъ бы то ни было усло-

вѣяхъ. Чѣмъ долѣе не будетъ изъявлена покорность и чѣмъ болѣе будетъ пролито крови, тѣмъ менѣе могутъ ожидать независимости.

Я уже писалъ вамъ относительно гвардіи, что я рѣшительно не желаю, чтобы она шла далѣе Ломжи, такъ какъ это значило бы тратить ее напрасно. За то я весьма желаю, чтобы вы немедленно призвали къ себѣ второй корпусъ, оставивъ развѣ 5-ю дивизію для занятія воеводства Августовскаго съ Ковно, Гродно и Бѣлостокомъ, которые могутъ точно также быть заняты гвардіей. Тогда баталіоны 24-й дивизіи могли бы занять Сѣдлецъ и прочіе пункты по направленію къ операціонной линіи на Брестъ; такимъ образомъ они применили бы къ 25-й дивизіи, которая заняла бы вновь Люблинъ и остальную часть воеводства. Надѣюсь, что Замостье можетъ быть обложено 11-й дивизіей и 3-й гусарской, о чемъ Сакенъ извѣститъ васъ самъ.

Я буду очень доволенъ, если вамъ удастся все это устроить; во всякомъ случаѣ это гораздо выгоднѣе и вы будете имѣть въ распоряженіи двѣ дивизіи, т. е. по крайней мѣрѣ 24 баталіона, вмѣсто 16 баталіоновъ гвардіи, которую было бы неосмотрительно и бесполезно тратить въ то время, когда съ минуты на минуту можно ожидать волненій во всей Европѣ. Мы займемся теперь отправкою осадныхъ парковъ, но это нельзя сдѣлать такъ скоро по недостатку людей и лошадей; откуда взять ихъ?

Я не понимаю, почему необходимо осаждаютъ Прагу, тогда какъ 24-хъ-фунтовыми орудіями легко можно разбить мостъ и такимъ образомъ изолировать этотъ пунктъ.

Что же касается Модлина, то не смотря на высокомѣрные увѣренія Ледуховскаго, что онъ можетъ сдѣлать, когда Варшава падетъ и армія будетъ побѣждена?

Я забылъ сказать вамъ, что я сформирую виленскій гарнизонъ изъ 7-го и 8-го егерскаго полка съ батареями, если вы отзовете отсюда гренадерскій полкъ; такимъ образомъ въ вашемъ распоряженіи будетъ одна лишняя бригада 5-й дивизіи.

Извѣстія, получаемыя изъ Франціи, доказываютъ, мнѣ кажется, что они не только не могутъ напасть на сосѣдей, но что имъ стоитъ много хлопотъ противиться анархіи и партіи роялистовъ; въ Англіи дѣла хороши, но министерство слабое и близко къ паденію; Пиза прочать въ главы новаго министерства. Но все это доказываетъ, что слѣдуетъ покончить какъ можно скорѣе съ Польшей, покрѣпить свои силы и быть готовымъ на все, что можетъ случиться въ скоромъ времени.

Высказавъ вамъ все, я заканчиваю мое письмо; дай Богъ, чтобы вы могли скорѣе сообщить мнѣ извѣстіе о томъ, что Дверницкій побѣжденъ и чтобы это было предвѣстникомъ дальнѣйшихъ успѣховъ;

пора уже. Прощайте, любезный другъ, забудемъ прошлое, да вдохновить и защитить васъ Господь. Вѣрите моей искренней привязанности.

Искренно преданный вамъ Николай.

Жена моя кланяется вамъ. Кланяйтесь всѣмъ нашимъ.

Энгель и всѣ члены уѣзжаютъ или уже уѣхали.

St.-Petersbourg, le 4 (16) mars 1831.

Ваша лѣтка отъ 25 мѣстнаго пришла сегодня, мой добрый другъ; я имѣю съ трудомъ, что предупреждения, которые я имѣю вамъ дать, вы имѣете болѣе глубоко обидѣно, чѣмъ я имѣю желать; это не было моею намереніемъ, какъ вы можете легко вѣрить. Но вы должны чувствовать, какъ мало было прилично и я бы назвалъ смѣшнымъ просить меня и публичнаго въ Петербургѣ по газетѣ изъ Берлина о дѣйствіяхъ нашей арміи.— Это случилось нѣсколько разъ.

Это болѣе важно, чѣмъ когда-либо держать публичнаго о фактѣ истины, какъ я это всегда имѣю дѣлать во время войны въ Турціи, гдѣ я не скрывалъ нашихъ неудачъ, и это то, что имѣло то, что имѣло насъ къ успѣху; но теперь я не могу сказать о пораженьи Геисмара, тогда какъ мы имѣемъ всѣ подробности изъ Берлина; и имѣло спрашивали, почему я это не говорилъ? и что я могъ бы отвѣтить, если бы не имѣю отчета. Вы знаете, что имѣю не въ моемъ характерѣ скрывать истину. Если же вы имѣете это сказать мнѣ такъ, что имѣю вамъ причинить много боли, я вамъ искренно прошу прощенья, и что имѣю не болѣе вопроса; вотъ что имѣю сказать за мое слово.

Безуміе Кавера и его послѣдствія имѣютъ опасность, но движеніе Дверницкаго имѣетъ также, не болѣе, чѣмъ то, что мы не должны имѣть слѣпыхъ, и это то, что я имѣю надежду, что вы имѣете для него заплатить дорого.

Имѣю то, что имѣю Витта, отдѣльнаго командира, который имѣетъ страхъ, благодаря нѣкоторой глупости; если все пойдетъ хорошо, Дверницкаго должно быть потеряно, и пусть Богъ имѣетъ то, что имѣетъ случиться. Во всякомъ случаѣ, вотъ столько болѣе, чтобы бороться на главномъ пунктѣ. Я имѣю нетерпѣливо хотѣть знать, что имѣю послѣ Вислу, потому что я имѣю вѣрить, что все падетъ послѣ битвы болѣе, чѣмъ въ Варшавѣ. По этому отчету ваша вторая встрѣча съ Мицискаго имѣетъ интереса; я имѣю вѣрить, что имѣю въ бою. Вы имѣете совершенно отвѣтъ, и моя лѣтка предъидущая имѣетъ вамъ освободить руки и имѣетъ о фактѣ моихъ рѣшеній, которые имѣютъ быть: 1) полная сдача, 2) амнистія для всѣхъ, кромѣ большихъ виновныхъ, и ничего болѣе; имѣетъ слышано, что я имѣю сохранить въ странѣ ея законы администраціи, но ничего имѣетъ обязательствъ конституціонныхъ и особенно условий сдачи. Больше, чѣмъ имѣетъ отсрочку, чтобы имѣетъ сдаться, и больше, чѣмъ имѣетъ пролитъ кровь, и болѣе, чѣмъ имѣетъ надежду на независимость.

Je vous ai déjà écrit au sujet de la garde que je ne veux absolument pas, qu'elle aille au de là de Lomza car, s'est la dépenser inutilement. Par contre je désire beaucoup que vous attiriez de suite le second corps à vous, en ne laissant peut-être que la 5 division pour occuper le palatinat d'Augustof avec Kowno et Grodno et Byalostok, que la garde pourrait tout aussi bien occuper. Alors les bataillons de la 24 pourraient aller occuper Sedletz et les autres points vers la ligne d'opération de Brest et toucheraient par là à ceux de la 25, qui réoccuperaient Lublin et le reste du Palatinat, Zamosc pourra, j'espère, être cerné par la 11 division et la 3 de hussards, ce dont Sacken vous informera directement.

Je serais charmé si vous pouvez arranger tout cela; en tout cas c'est bien plus avantageux et vous donne deux divisions c. a. d. 24 bataillons pour le moins au lieu de 16 de la garde, qu'il serait imprudent et inutile de dépenser, tandis que d'un moment à l'autre tout peut être en feu en Europe. Nous allons nous occuper de l'envoi des parcs de siège, mais ce ne pourra être de sitôt, par manque d'hommes et de chevaux, d'où voulez-vous qu'on les prenne?

Je ne comprends pas que Praga puisse exiger un siège; tandis que l'on peut aisément avec des pièces de 24 foudroyer le pont et isoler ainsi ce point.

Quant à Modlin, malgré le fier langage de Ledouchofsky Varsovie tombée, l'armée battue, que peut-il faire?

J'oubliais de vous dire que je formerai la garnison de Wilna des 7 et 8 de chasseurs avec une batterie, si celles des grenadiers en étaient retirées par vous; cela vous donne une brigade de la 5 de plus.

Les nouvelles de France me paraissent prouver que loin de pouvoir attaquer les voisins ils ont assez de besogne pour résister à l'anarchie et au parti royaliste; en Angleterre nous sommes bien, mais le ministère faible et près de la chute; on parle de Piel pour chef du nouveau ministère. Mais tout cela prouve qu'il faut tâcher d'en finir le plutôt possible en Pologne, nous refaire et être prêt à tout ce qui peut arriver sous peu.

Vous ayant tout dit, je finis ici, fasse le bon Dieu que vous ayez bientôt à me dire la nouvelle que Dwernitsky est anéanti et que cela soit le prélude d'autres succès; il en est temps. Adieu, mon cher ami, sans rancune; que Dieu vous couvre de son égide et vous inspire. Croyez à tout mon sincère attachement.

Votre sincèrement affectueux Nicolas.

Ma femme vous dit mille choses, mille amitiés à tous les vôtres. Engl et tous les membres partent ou sont partis.

(Продолжение слѣдуетъ).

ЭКСПЕДИЦІЯ ПРОТИВЪ АХАЛЪ-ТЕКИНЦЕВЪ

въ 1879—1880—1881 гг.

Посвящается памяти М. Д. Скобелева.

Историческій очеркъ очевидца и участника.

X¹⁾.

Штурмъ и взятіе крѣпости Геокъ тепе.—Преслѣдованіе непріятеля.

Во время осады, съ наступленіемъ полныхъ сумерекъ, ежедневно было выпускаемо до двадцати мортирныхъ бомбъ и почти столько же боевыхъ ракетъ. Оба эти снаряда вообще оказали большую услугу нашему отряду. Бомбы поражали всю внутренность крѣпости навѣснымъ огнемъ и наводили ужасъ на суевѣрныхъ текинцевъ. Разрывы бомбъ въ Денгли-тепе были чрезвычайно удачны, губительны для гарнизона и очень эффектно по ночамъ. По свидѣтельству Тьема-сардаря и другихъ текинцевъ, полупудовыя мортиры причинили имъ очень большой вредъ. Осадныя батареи дѣйствовали по тѣмъ пунктамъ вала и крѣпости, на которыхъ сосредоточивались большія массы текинцевъ. Артиллерія почти все время осады бомбардировала Денгли-тепе. Генераль Скобелевъ во время осады говаривалъ о крѣпости: „я сначала засыплю этотъ ящикъ свинцомъ и чугуномъ, а потомъ уже поведу войска на штурмъ!“ Отсюда явствуетъ, какое важное значеніе придавалъ Михайлъ Дмитриевичъ дѣятельности артиллеріи. Въ критическіе моменты осады, какъ напримѣръ вы-

¹⁾ См. „Русскую Стану“ изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, стр. 161—286; май, стр. 377—410.

лазки текинцевъ, вся наша артиллерія дѣйствовала массированно, т. е. орудія всѣхъ батарей направлялись на одинъ особенно важный пунктъ, при чемъ, вслѣдъ за окончаніемъ пристрѣлки, тотчасъ же переходили къ стрѣльбѣ по-батареино залпами, продолжавшимися иногда цѣлый часъ и болѣе. Вслѣдствіе чрезвычайной дороговизны перевозки вообще всякихъ грузовъ подъ Геюль-тепе, все приходилось сберегать, а потому лишнихъ рядовъ наша артиллерія не выпускала зря; мы не жалѣли ихъ только тогда, когда явная необходимость и тяжелыя мгновенныя осады заставляли весь отрядъ устремлять свои взоры на артиллерію. И закаспійская артиллерія поддержала и расширила боевую славу русской артиллеріи. По искреннему сознанию всего отряда, главнымъ образомъ артиллерія способствовала быстрому паденію Геюль-тепе ..

Вотъ, наконецъ, приблизился давно желанный день 12-го января 1881-го года... Войска за время 23-хъ суточной осады были сильно утомлены тяжелыми траншейными работами и съ жаднымъ нетерпѣніемъ дожидались дня штурма, рѣшившись доконать текинцевъ во что бы то ни стало. Всѣ жаждали отомстить текинкамъ за ихъ дерзость на вылазкахъ, за смерть генерала Петруевича, такъ много сдѣлавшаго на пользу нашей операціи и такъ геройски пожертвовавшаго собою. Отступленія не предполагалось. Наканунѣ всѣ войска выкупались въ арыкъ, протекающимъ позади тыльнаго фаса нашего вара.

Стѣны крѣпости Денгли-тепе вообще колоссальныхъ размѣровъ по всѣмъ направленіямъ и усилены еще очень частыми контрфорсами; на верху ихъ имѣется особаго рода парапетъ, замѣняющій собою брустверъ и банкетъ европейскихъ крѣпостей. Стѣны выстроены изъ глины съ саманомъ. Трудились и работали надъ этими твердынями текинскіе рабы—персіяне. Крѣпость вообще происхожденія очень давняго, но, какъ выше упомянуто, была отремонтирована передъ нашимъ наступленіемъ. Въ атакуемыхъ нами пунктахъ денгли-тепенскаго вала рѣшено было сдѣлать двѣ бреши: правую—миною, лѣвую—артиллеріей.

День 12-го января былъ сѣренъкій, въ воздухѣ чувствовалась нѣкоторая сырость. Съ зарею началось общее бомбардированіе крѣпости, окончательное обезоруживаніе верховъ артиллерійскимъ огнемъ и почти заново прочистка бреши гранатами. Всѣ вообще батареи дѣйствовали съ очень близкой дистанціи. Мортиры за-

брасываютъ внутренность крѣпости; боевыя ракеты изъ передней траншеи зажигаютъ непріятельскія кибитки; текинцы быстро тупать начинающійся пожаръ; горныя пушки съ самой короткой дистанціи счищаютъ крѣпостной валъ, выгоняютъ текинцевъ изъ амбразуръ и сгоняютъ съ верховъ. Непріятель не унываетъ и самыя отчаянныя продолжаютъ на выборъ подстрѣливать нашихъ удалыхъ молодцовъ въ траншеяхъ. Въ отданной генераломъ Скобелевымъ диспозиціи значитса: Для штурма назначаются колонны:

1) Полковника Куропаткина (11 $\frac{1}{2}$ ротъ, охотники, 6 орудій, ракеты) овладѣваетъ обваломъ, произведеннымъ взрывомъ великокняжеской мины; утверждается на немъ прочно, укрѣпляется въ юго-восточномъ углу крѣпости, входитъ въ связь со второю колонною полковника Козелкова. Сборный пунктъ — великокняжеская позиція въ 7 часовъ утра.

2) Полковника Козелкова (8 $\frac{1}{2}$ ротъ, охотники и саперы, 3 орудія, ракеты) овладѣваетъ артиллерійскою брешью, входитъ въ связь съ первой колонной; прочно утверждается и укрѣпляется на бреши въ прочной обоюдной зависимости съ колонной полковника Куропаткина. Сборный пунктъ—3-я параллель къ 7 час. утра, въ передовомъ плацдармѣ.

3) Подполковника Гайдарова (1 $\frac{1}{2}$ роты, охотники, 1 $\frac{1}{2}$ сотни, 5 орудій, ракеты) овладѣваетъ Мельничной калой и ближайшими къ ней ретраншементами, съ цѣлю подготовленія и обезпеченія успѣха второй колонны; затѣмъ, усиленнымъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ дѣйствуетъ по внутренности крѣпости, обстрѣливая и продольно, и въ тылъ непріятелю, сосредоточенному противъ главной атаки и, наконецъ, только въ зависимости отъ успѣха главной атаки, наступаетъ на главный валъ. Сборный пунктъ—Опорная кала въ 3 часа утра.

4) Общій резервъ—въ моемъ распоряженіи у Ставропольскаго редута въ 7 час. утра (18 ротъ, спѣшенныя: дивизионъ драгунъ и сотня, 24 орудія). При всѣхъ колоннахъ гелиографныя станки. Атаку начинаетъ подполковникъ Гайдаровъ въ 7 час. утра. Одновременно вся артиллерія дѣйствуетъ по крѣпости. Штурму обваловъ предшествуетъ усиленная бомбардировка крѣпости въ теченіи полчаса.

5) Атака обоихъ обваловъ начинается тотчасъ послѣ взрыва мины у великокняжеской позиціи.

6) Я буду находиться въ началѣ боя въ Ставропольскомъ редутѣ.

Подробный составъ штурмовыхъ колоннъ:

1) 1-я и 2-я роты 1-го ширванскаго баталіона; 3-й ширванскій баталіонъ; три туркестанскія роты; полурота саперъ; команды охотниковъ и рабочихъ; спѣшенная казачья сотня; горные взводы: туркестанскій и 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады; 2 картечницы, два туркестанскихъ ракетныхъ станка, гелиографный станокъ.

2) 3-й ставропольскій и 4-й апшеронскій баталіоны, взводъ саперъ, команды: морскихъ охотниковъ и рабочихъ, взводъ 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады, одна картечница, два ракетныхъ станка, гелиографный станокъ.

3) 1-й самурскій баталіонъ, команды охотниковъ и рабочихъ, взводъ саперъ, взводъ 4-й батареи 19-й артиллерійской бригады, одна картечница, пять ракетныхъ станковъ, полусотня 1-й сотни и 3-я сотня Таманскаго полка, конно-горный взводъ, гелиографный станокъ.

Составъ общаго резерва—9-я и 10-я роты Крымскаго полка, 3-й Апшеронскій, 1-я и 2-я роты и 4-й баталіонъ Дагестанскаго полка, 3-я и 4-я роты Ширванскаго полка, три роты 3-го самурскаго баталіона, желѣзно-дорожная рота, по три взвода отъ 3-й и 4-й батарей 19-й, 4-я батарея 20-й и полубатарея 1-й батареи 21-й артиллерійскихъ бригадъ, спѣшенный трехъ-ротный баталіонъ изъ дивизиона драгунъ и полтавской сотни, гелиографный станокъ.

Составъ гарнизоновъ: въ Правофланговой калѣ — уральская полусотня, два 4-хъ фунт. и два 9-ти фунт. орудія; въ Ольгинской калѣ—оренбургская полусотня туркестанскаго отряда; въ Опорномъ—полусотня 1-й таманской сотни; въ редутѣ № 1-го и на осадной батарее № 1-го—полурота закаспійскаго мѣстнаго баталіона; въ редутѣ № 2-го—рота закаспійскаго мѣстнаго баталіона и взводъ 3-й батареи 19-й артиллерійской бригады; въ Центральномъ редутѣ у батареи № 3-го—полурота закаспійскаго мѣстнаго баталіона и взводъ 6-й батареи 21-й артиллерійской бригады; на батарее № 5-го—орудіе Энгстрема, четыре 4-хъ фунт. орудія и рота закаспійскаго мѣстнаго баталіона; на брешь-батарее восемь 4-хъ фунт. и четыре 9-ти фунт. орудія; въ Ставропольскомъ редутѣ — рота 3-го самурскаго баталіона;

мортиры: шесть—въ мортирной батарее лѣваго фланга и десять—въ Великокняжеской валѣ; въ лагерѣ: сотня Оренбургскаго № 5-го полка, сборныя команды всѣхъ частей, всѣ нестроевыя и деньщики.

Для штурма было употреблено: туровъ—280, фашинь—380, большихъ земляныхъ мѣшковъ—900, малыхъ—900, плетней—16, штурмовыхъ лѣстницъ—47.

Согласно диспозиціи, войсками все было выполнено буквально. Мина была взорвана въ 11 час. 20 мин. утра, но мы рисуемъ общую картину боя 12-го января.

Еще около 10 час. утра многіе текинцы, нагрузивши свое добро на верблюдовъ во рву, выводили ихъ въ пески. Къ этому времени артиллерія учащаетъ огонь до предѣла возможной быстроты. Батарейныя залпы оглушаютъ воздухъ. Эхо гула 74-хъ орудій многократно раздается въ горахъ Персіи. Десять батарей вторятъ другъ другу залпами. Въ атмосферѣ траншей становится душно, воздухъ дѣлается бѣлымъ отъ порохового дыма... начинается капать мелкій дождикъ. Къ 11-ти слишкомъ часамъ артиллерія все еще не умолкаетъ. Крѣпость уже забросана разорвавшимися снарядами. Стѣны Денгли-тепе осыпаются, трескаются и частью обваливаются отъ нашихъ гранатъ. Внутренность крѣпости вся изрыта снарядами и изборождена по всѣмъ возможнымъ направленіямъ. Тысячи кибитокъ разнесены нашими гранатами въ щепы и клочья. Внутри Денгли-тепе—тысячи убитыхъ, раненыхъ и искалѣченныхъ нашими шрапнелями текинцевъ. Артиллерійская брешь совершенно готова. Пункты атаки обезоружены. Огонь противника почти совершенно умолкъ подъ грознымъ, величественнымъ и потрясающимъ дѣйствіемъ русской артиллеріи. Непріятель всюду скрылся. Вотъ живая военная картина того періода боя, который на языкѣ тактики называется: моментъ атаки созрѣлъ.

Еще нѣсколько мгновений, и подъ валомъ, передъ нашимъ правымъ флангомъ, взрывается пороховая мина, около 150 пуд. пороха... дѣлается землетрясеніе; рѣвовая стѣна какъ бы не желаетъ отдѣлиться отъ сырой земли. Еще одно мгновение, и громадный столбъ глины и каменьевъ летитъ къ небу на высоту до 100 сажень; въ этомъ-же столбѣ-фонтанѣ отчетливо видно до 300 летящихъ къ небу текинцевъ; въ самой крѣпости раздается

ужасный крикъ непріятеля, обезумѣвшаго отъ взрыва... всѣ текинцы выскакиваютъ изъ своихъ ямъ; ихъ имамы кричатъ: „это свѣтопреставленіе! значить и Аллахъ противъ насъ! кто вѣруетъ въ пророка, бѣги и спасайся!“

Но не тутъ-то было. Едва камни и глина снова опустились съ высоты и образовалась широкая брешь, какъ русская пѣхота уже съ яростною быстротою врывается въ обѣ бреша и карабкается прямо на стѣны при помощи заготовленныхъ штурмовыхъ лѣстницъ.

Въ одно мгновеніе вся стѣна штурмуемаго угла покрывается русскими войсками. За каждымъ уже взлѣзшимъ офицеромъ и солдатомъ тянется, повидимому, безконечная вереница другихъ. Передовые только-что ворвались внутрь крѣпости и не успѣли еще броситься въ рукопашную свалку, какъ въ нихъ непрерывно подбѣгаютъ и тянутся на подкрѣпленіе и на выручку своихъ одинъ баталіонъ за другимъ... Раздается и потрясаетъ воздухъ дружное, многоголосное, воодушевленное и роковое русское „ура!“ Наши знамена уже развѣваются на валу Дегли-тепе. Горныя пушки быстро выкатываются руками артиллеристовъ и пѣхоты на минную брешь... картечь уже сыпется съ верховъ на гарнизонъ и растрѣливаетъ текинцевъ, которые, хотя и дрогнули отъ взрыва, теперь, однако, забрасываютъ насъ камнями, заранѣе собранными на стѣнѣ, мѣтко осыпаютъ насъ въ упоръ градомъ пуль и рвутся броситься въ шашки... Мы и тутъ не соблазняемся, не забываемъ своей средне-азіатской тактики — залога нашихъ побѣдъ: соменности и залповъ.

Боевые закаспійскіе солдатики до того отлично сознали и уразумѣли эту тактику, что сами, даже и безъ офицера, чуть замѣчаютъ, что та или другая куча фанатиковъ бросается на нихъ въ шашки, какъ инстинктивно, по привычкѣ, смыкаются и встрѣчаютъ непріятеля дружнымъ залпомъ; какъ только эта толпа дрогнетъ и бѣжитъ, солдаты бросаются въ штыки и приклады: колятъ и бьютъ текинцевъ.

Наша пѣхота отлично оцѣнила горныя пушки и, замѣтивъ внутри крѣпости, что непріятель чрезвычайно многочисленъ, съ восторгомъ и крикомъ „ура!“ встрѣчаетъ эти орудія на валу Дегли-тепе, выкатываетъ и спускаетъ ихъ; нѣкоторые пѣхотные офицеры собственноручно помогаютъ при этомъ. Вотъ какимъ

образомъ выразилось могущественное значеніе артиллеріи въ бою 12-го января; ее глубоко, вѣрно оцѣнили пѣхотные храбрые наши солдаты!

А между тѣмъ текинцы, которые уже успѣли усвоить нашу тактику, начинаютъ собираться со всѣхъ концовъ и угловъ крѣпости въ одну громадную сорокатысячную массу, которая хотя и отступаетъ, но постепенно шагъ за шагомъ къ кургану внутри Денгли-тепе, отстрѣливается и, цѣпляясь за него, съ отчаяніемъ порывается впередъ, думая еще дать намъ отпоръ. Картечь горныхъ орудій вырываетъ изъ рядовъ этой толпы свирѣпаго народа страшныя жертвы и заставляетъ ее отступать. Нашихъ падаетъ также не мало; пули по всѣмъ направленіямъ бороздятъ воздухъ, всюду слышно непрерывное пересвистываніе, сопровождающее ихъ полетъ. Вся наша артиллерія, между тѣмъ, продолжаетъ канонаду, стрѣляя по сѣверному фронту Денгли-тепе, т. е. какъ-разъ въ тылъ отступающимъ текинцамъ. Залпы пѣхоты и картечь заставляютъ, наконецъ, непріятеля отхлынуть къ сѣверному крѣпостному валу. Текинцы воодушевляются, лѣзутъ на него и думаютъ съ него намъ дать рѣшительный отпоръ, раздается оглушительный знаменитый крикъ этихъ дикарей ислама: „Аллеманъ Али! Магома!“ и много непріятеля въ какомъ-то омыаненіи лѣдетъ на вѣрную смерть, хватая и сгибая могучими руками солдатскіе штыки и нанося страшные удары ятаганами; но на курганѣ уже наши горныя пушки и сыплютъ оттуда вѣрную смерть въ видѣ града картечи, которая уничтожаетъ въ непріятелѣ всякую попытку отстоять завѣтныя твердыни... Толпа текинцевъ, подъ градомъ нашихъ пуль, уже вываливается за стѣну..., отойдя еще немного, она пріостанавливается, какъ-бы оплакивая погибель и разрушеніе Денгли-тепе, и двигается въ Куня-Геокъ-тепе. Наша пѣхота и горныя пушки, такимъ образомъ, уже заняли всю крѣпость и теперь разбивали и штурмовали еще неброшенный текинцами редюитъ, что южнѣе кургана; въ редюитѣ заперлись самыя отчаянныя фанатики. Скоро справились и съ ними, тогда императорскій штандартъ взвился на верху кургана и возвѣстилъ всему оазису о владычествѣ русскихъ.

Масса плѣнныхъ персіанъ, томившихся у столба до 10 лѣтъ, закованныхъ въ колодки, была освобождена нами. Нужно самому видѣть, чтобы вѣрно оцѣнить тотъ восторгъ, въ который они были

приведены и какъ ликовали въ своемъ энтузіазмѣ, видя насъ, своихъ спасителей: они бросались цѣловать руки и ноги нашихъ солдатъ, обливаясь слезами радости. Къ 4 часамъ пополудни вся крѣпость была уже занята нашими войсками и громадная масса выгнаннаго текинскаго гарнизона была преслѣдуема нашею кавалеріей и конно-горнымъ взводомъ, подъ личнымъ начальствомъ командующаго войсками генерала-адъютанта Скобелева. Тутъ была хорошая рѣзня и лихо рубилъ на карьерѣ пущенный въ атаку эскадронъ драгунъ князя Чавчавадзе. Весь путь погони былъ устланъ трупами убитыхъ и раненыхъ текинцевъ. Кавалерія вернулась съ преслѣдованія уже въ темные сумерки. Не смотря на то, что непріятельскій гарнизонъ былъ выгнанъ изъ Денгли-тепе, въ ямахъ этой крѣпости осталось и засѣло еще много текинцевъ, рѣшившихся умереть въ собственномъ гнѣздѣ; такъ какъ они стрѣляли въ насъ и не сдавались, то пришлось ихъ потомъ въ теченіе четырехъ сутокъ выживать оттуда сначала залпами, а потомъ штыками.

Наши потери въ сраженіи 12-го января были значительны. Вообще во всѣхъ дѣлахъ вышло изъ строя убитыми и ранеными относительно очень много офицеровъ, что краснорѣчиво говоритъ о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми доставались намъ наши побѣды. Офицеры жертвовали собою для примѣра воодушевляемыхъ ими солдатъ.

Во время осады и даже утромъ въ день штурма нравственный духъ текинцевъ, нужно отдать имъ полную справедливость, былъ очень высокъ. Это видно, между прочимъ, изъ того, что они не вывели изъ крѣпости своего имущества, женъ, дѣтей и стариковъ, рассчитывая, очевидно, на то, что намъ не удастся завладѣть Денгли-тепе. Мало того, еще въ этотъ самый день они выслали партію въ 200 человекъ конныхъ по обыкновенію (адау-на аламанъ въ горы Персіи по дорогѣ и направленію на аулъ Джермавъ. Въ ущельи они напали на нашъ караванъ и изрубили до 100 безоружныхъ персіянъ-вожаковъ при ватерахъ (мулы) и ишавахъ (ослы). Ночью эта шайка, какъ ни въ чемъ не бывало, возвратилась было съ поживою къ сѣвернымъ воротамъ Денгли-тепе, но, къ ея крайнему изумленію, была встрѣчена дружнымъ залпомъ нашей пѣхоты. Понятно, непріятель не могъ себѣ представить, чтобы крѣпость принадлежала „урусамъ“.

По взятіи Денгли-тепе въ наши руки досталось много военной добычи, особенно громадное количество знаменитыхъ по своему изяществу и тонкости работы текинскихъ ковровъ и очень много серебра въ видѣ персидскихъ монетъ, различныхъ украшеній, уборовъ—платья, уздечекъ, сѣделъ, лошадей, провіанта, фуража и прочее. Все это собиралось нашими солдатами въ ямахъ и уцѣлѣвшихъ кибиткахъ. Потомъ, сбывая эти предметы, кромѣ провіанта и фуража, пошедшихъ въ казну,—многіе солдаты относительно очень разбогатѣли.

Мы возвратили себѣ двѣ пушки, побывавшія въ рукахъ текинцевъ. Конечно, мы взяли также текинское орудіе и массу всякаго оружія.

13-го января всѣ текинцы очистили Куня-Геокъ-тепе, въ которомъ имѣли ночлеги, и бѣжали въ пески, а оттуда черезъ Гаурсъ на Таджентъ-дарью, гдѣ временно поселились. Текинская кавалерія съ Тымка-сардаремъ еще 12-го числа, послѣ миннаго взрыва, вся бѣжала, безъ оглядки, прямо въ Мервь.

Потери русскихъ войскъ 12-го января на штурмѣ Геокъ-тепе (Денгилъ-тепе) слѣдующія: убито оберъ-офицеровъ—4 (шт.-капит. Грекъ, поруч. Мерхелевъ, сотникъ Кунаковскій, прапорщикъ Морницъ), нижнихъ чиновъ—55; ранено штабъ-офицеровъ—3 (подполковникъ Цепринскій-Цевава, подполковникъ Поповъ, войсковой старшина флигель-адъютантъ графъ Орловъ-Денисовъ, командовавшій 4 баталіономъ Апшеронскаго полка и умершій отъ ранъ 22 го января въ Самурскомъ укрѣпленіи); оберъ-офицеровъ—15 (капитанъ Гетшель, капитанъ Миткевичъ-Волчанскій, шт.-капит. Харьевичъ, шт.-капит. Давыдовъ, поруч. Юреневъ, поруч. Архаецкій, подпор. Поповъ, подпор. Дехтеревъ, подпор. Магометовъ, прапорщики: Кашерининовъ, Усачевъ ¹⁾, Дзердзіевскій ¹⁾), князь Андрониковъ ¹⁾, л.-гв. конно-гренадерскаго полка Ушаковъ, гардемаринъ Майеръ); нижнихъ чиновъ—236; контужено оберъ-офицеровъ—10 (поручики: Курьмасовъ, Бениславскій, Калитинъ, подпоручики: Жизневскій и Рудневъ; прапорщики: Лебединскій и Богуславскій, Форстенъ, хорунжій Чегринъ и артиллеріи прапорщикъ Ивановъ); нижнихъ чиновъ—75; убито лошадей—47, ранено—24.

¹⁾ Умерли отъ ранъ.

Выпущено патроновъ: пѣхотныхъ—273,804, кавалерійскихъ—12,510, снарядовъ—5,864, боевыхъ ракетъ—224.

У непріятеля взято 1,500 шт. ружей, пистолетовъ и шашекъ.

„Послѣ взятія крѣпости внутри ея зарыто 6,500 тѣлъ. При преслѣдованіи же убито до 8,000 человекъ“, говоритъ Михаилъ Дмитріевичъ въ своемъ рапортѣ.

Съ 20-го декабря по 12-е января 1881 г., т. е. въ теченіе 23-хъ дневной осады Денгли-тепе, русскій отрядъ имѣлъ слѣдующія потери: генераловъ убито—1, ранено—1; шт.-офицер. убито—3, ранено—5, изъ нихъ два умерло отъ ранъ; оберъ-офицеровъ убито—11, ранено—35, изъ нихъ четверо умерли отъ ранъ; контужено 13 оберъ-офицеровъ; классныхъ чиновниковъ убито—1, ранено—1; нижнихъ чиновъ убито—267, ранено—647, контужено—123; лошадей убито—143, ранено—121.

Всего на штурмъ ходило около 5,500 человекъ и 37 орудій; остальные войска занимали опорные пункты осады и двухъ военныхъ линій. Самая большая тяжесть гарнизонной службы по опорнымъ пунктамъ выпала на Крымскій полкъ.

Численность всего нашего закаспійскаго отряда колебалась около 8,000 человекъ всѣхъ родовъ оружія.

Составъ пѣхоты былъ слѣдующій: три туркестанскихъ роты¹⁾, 1-й баталіонъ и 3-й баталіонъ 84-го Ширванскаго полка, 73-й пѣхотный Крымскій полкъ, 74-й пѣхотный Ставропольскій полкъ, 3-й и 4-й баталіоны 81-го Апшеронскаго полка, 1-й и 3-й баталіоны 83-го пѣхотнаго Самурскаго полка, закаспійскій мѣстный баталіонъ, 1-й резервно-желѣзно-дорожный баталіонъ, 1-й и 4-й баталіонъ 82-го Дагестанскаго полка.

Составъ кавалеріи: Полтавскій и Таманскій казачьи полки войска Кубанскаго, дивизіонъ 15-го Тверскаго драгунскаго полка, 5-я уральская сотня № 2-го полка, Оренбургскій № 5-й казачій полкъ, дивизіонъ Лабинскаго казачьяго полка, 1-я сотня Оренбургскаго № 1-го полка, ракетный взводъ оренбургскихъ казаковъ.

(Туркестанскій отрядъ изъ Петро-Александровска прибылъ въ Самурское 15-го декабря 1880 г.).

¹⁾ 1-я и стрѣлковая роты 13-го туркестанскаго линейнаго баталіона; 3-я рота 5-го туркестанскаго линейнаго баталіона.

Въ лагерь подъ Геокъ-тепе изъ тыла было привезено: 24,022 артиллерійскихъ снарядовъ, 1,000 боевыхъ ракетъ, 1.125,000 пѣхотныхъ патроновъ, 450,000 кавалерійскихъ патроновъ.

Всякихъ грузовъ: интендантскихъ, артиллерійскихъ, войсковыхъ, госпитальныхъ и инженерныхъ — было доставлено 105,134 пуда.

Туркестанскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Куропаткина, изъ Петро-Александровска въ Бами двигался съ 12-го ноября по 8-е декабря 1880-го года, когда и вошелъ въ составъ нашихъ дѣйствующихъ войскъ. Обратное движеніе изъ Бами въ Петро-Александровскъ этотъ отрядъ выполнилъ съ 14-го февраля по 14-е марта 1881 года.

XI.

Умротовреніе Закаспійскаго края.—Личность М. Д. Скобелева.

16-го января 1881 г. изъ Геокъ-тепе двинута колонна, подъ начальствомъ полковника Куропаткина, для занятія Асхабада, которое совершилось лишь 18-го числа, подъ непосредственнымъ начальствомъ и руководствомъ генералъ-адъютанта Скобелева. 20-го января совершено движеніе отрядовъ: полковника Куропаткина изъ Асхабада и подполковника Гайдарова изъ Геокъ-тепе къ колодцамъ Изгентъ. 22-го выполнено движеніе кавалерійскихъ колоннъ: подъ начальствомъ подполковника Уральскаго № 2-й казачьяго полка Гуляева отъ колодцевъ Изгентъ къ колодцамъ Назаръ-Куль и командующаго Оренбургскимъ № 5 казачьимъ полкомъ подполковника Мореншильда отъ колодцевъ Изгентъ къ Куня-Геокъ-тепе. 23-го января выполнено движеніе колонны полковника Куропаткина отъ колодцевъ Изгентъ къ Куня-Геокъ-тепе. Съ 25-го по 27-е движеніе отряда Куропаткина изъ Куня-Геокъ-тепе къ колодцамъ Мамбетъ-Яръ. 28-го походъ легкихъ кавалерійскихъ отрядовъ къ колодцамъ Кызыль-ваккаль, Каитакъ и Караджа. 31-го января—возвращеніе отряда Куропаткина въ Куня-Геокъ-тепе. 15-го февраля совершено занятіе гор. Лютфабада отрядомъ, подъ непосредственнымъ руководствомъ генерала Скобелева, а 19-го и 20-го—рекогносцировка путей къ селенію Кахва. 29-го марта былъ уже очищенъ Лютфабадъ, а съ 1-го по

13-е апрѣля произведена генераломъ Скобелевымъ рекогносцировка путей вдоль персидской границы.

Такимъ образомъ, послѣ разгрома Денгли-тепе, часть нашихъ войскъ была двинута для занятія важнаго пункта—Асхабада, а другая часть, въ видѣ особаго отряда, была направлена для преслѣдованія и обезоруживанія текинцевъ въ пескахъ, гдѣ были встрѣчаемы отдѣльныя партіи непріятели, которыя, будучи изнурены всякаго рода лишеніями, особенно голодомъ, не сопротивлялись болѣе и передавали намъ свое оружіе, возвращаясь въ нашъ лагерь подъ Денгли-тепе, гдѣ войска уже радушно встрѣчали своихъ прежнихъ враговъ и дѣлились съ ними всѣмъ. Во время бѣгства текинцевъ, послѣ штурма, ими было брошено на произволъ судьбы нѣсколько тысячъ женщинъ и дѣтей, о которыхъ наши войска начали заботиться, чтобы обезпечить ихъ отъ всякой нужды. Мы отвели имъ кибитки, возвратили много вещей, взятыхъ въ крѣпости, отпускали провіантъ, а возвращавшихся съ покорностью устраивали на мѣсто жительства; вообще наше обращеніе съ текинцами было самое гуманное, мы обходились съ ними, какъ съ своими новыми соотечественниками. Все это быстро отразилось на ходѣ дѣла умиротворенія. Вѣсть о мягкосердечіи и добротѣ „урусовъ“ скоро облетѣла всю степь до Таджентъ-дарьи, и вотъ толпы бывшихъ защитниковъ Ахала тянутся назадъ къ своимъ пепелищамъ, сдаютъ оружіе и ввѣряютъ намъ свою судьбу; и скоро мы зажили, какъ братья. Прошло немного времени и мы начали понимать другъ друга, особенно, если рѣчь дополнялась подходящими тѣлодвиженіями и мимикой. Мы одаряли прежнихъ своихъ враговъ деньгами, вообще невольно располагали ихъ къ мирному труду, доказавши на дѣлѣ суровымъ текинцамъ, что Провидѣніе караетъ разбойниковъ, но вознаграждаетъ честныхъ работниковъ.

Приводимъ содержаніе прокламаціи генерала Скобелева къ текинцамъ:

„Народу Ахала.

„Объявляю всему ахаль-текинскому населенію, что силою войскъ великаго моего государя крѣпость ваша Геокъ-тепе взята и защитники ея перебиты, а семейства какъ ихъ, такъ и тѣхъ, которые бѣжали изъ крѣпости, находятся въ плѣну у побѣдо-

носныхъ вѣрренныхъ мнѣ войскъ, поэтому приглашаю все оставшееся населеніе Ахаль-теке повергнуть свою судьбу на безусловное милосердіе государя императора, причемъ поставляю въ извѣстность, что жизнь, семейства и имущество изъявившихъ покорность будутъ въ полной безопасности, какъ и всѣхъ прочихъ поданныхъ его величества Бѣлаго Царя. Напротивъ того, всѣ сопротивляющіеся его побѣдоноснымъ войскамъ и отнынѣ продолжающіе упорствовать въ безразсудномъ сопротивленіи будутъ истреблены какъ разбойники и преступники“.

Главною темою для бесѣдъ съ текинцами, которую они сами всегда инстинктивно выбирали, склопяли или сводили на нее разговоръ,—было воспоминаніе о недавно минувшихъ сраженіяхъ. Они чрезвычайно интересовались различными военными атрибутами: съ страстнымъ наслажденіемъ разсматривали наши сѣдла, мундштуки, револьверы, шашки, пупки и проч. Словомъ, во всемъ была видна военная жила этихъ бывшихъ аламанчибовъ.

Асхабадъ оказался брошеннымъ текинцами, они заблаговременно его очистили, а потому онъ былъ нами занятъ безъ боя; въ немъ мы поставили гарнизонъ и двинулись далѣе; заняли своими джигитами Гяурсъ, а летучій кавалерійскій отрядъ, со Скобелевымъ во главѣ, устремился къ берегамъ Таджентъ-дарьи, чтобы быть на флангѣ въ случаѣ могущаго совершиться движенія непріятельскихъ полчищъ изъ Мерва.

Наступилъ апрѣль мѣсяцъ 1881 г.; текинцы уже достаточно сблизились съ нами, свылись съ нашими порядками и полюбили ихъ; скоро они принялись обрабатывать землю, нанялись на работы при постройкѣ нами новыхъ укрѣпленій и оказались очень добросовѣстными и трудолюбивыми людьми. особенно при сравненіи ихъ съ персіянами, толпы которыхъ также нахлынули къ намъ черезъ горы въ гости съ цѣлью наживы. Всюду открылись базары, мало-по-малу завязалась бойкая торговля съ Персіей въ лицѣ разныхъ выходцевъ-торгашей, періодически привозившихъ намъ всякаго рода товары и открывавшихъ лавки, устраиваемыя сначала въ кибиткахъ или въ простыхъ шалашахъ, а то и просто подъ навѣсомъ, но со временемъ торговля прочно установилась, появились сааги, кафе-рестораны со всѣми принадлежностями. Съ нашей стороны оппонентами явились армяне, грузины и другіе выходцы съ Кавказа, которыхъ жажда наживы влечетъ очень далеко.

Еще въ періодъ стоянки войскъ подъ Денгли-тепе, уже послѣ штурма, у насъ случилось одно прискорбное событіе, въ сущности дѣло маловажное, но оно для насъ интересно какъ фактъ, давшій текинцамъ возможность обнаружить прекрасную черту своего характера. Солдатъ 3-й роты гунибской крѣпостной артиллеріи напился пьянъ до того, что съ нимъ сдѣлался чуть ли не припадокъ бѣлой горячки. Въ галлюцинаціяхъ ему представилось, что еще продолжается штурмъ крѣпости, и вотъ, какъ бы въ справедливой злобѣ, онъ хватаетъ шашку и бѣжитъ въ аулъ; на дорогѣ ему попадается текинецъ, котораго онъ изрубилъ на смерть, а потомъ, ворвавшись въ кибитку, сильно ранилъ шашкою двухъ женщинъ. Былъ назначенъ военный судъ, который приговорилъ виновнаго къ разстрѣлу, главнымъ образомъ, конечно, для примѣра. Резолюція суда была объявлена передъ многочисленнымъ собраніемъ текинцевъ, которые, къ нашему удивленію, оказались такими незлопамятными, что начали упрашивать насъ не казнить солдата, а простить его, ибо, говорили они, вѣрно такъ было угодно Богу, чтобы случилось несчастье. Естественно, что ихъ просьба не могла быть уважена и такимъ образомъ они фактически убѣдились, что мы справедливо караемъ виновнаго, не смотря на то, что онъ изъ нашей же среды.

Съ передвиженіемъ нашихъ главныхъ силъ въ Асхабадъ, оставленный въ Денгли-тепе гарнизонъ не могъ быть многочисленъ, а потому пришлось нѣсколько перестроить крѣпость, уменьшивъ ея размѣры, что было достигнуто взрываніемъ минами лишнихъ валовъ.

Гарнизонъ не могъ долго оставаться при крѣпости, потому что скоро, съ наступленіемъ жаровъ, окрестная атмосфера, будучи заражена отъ разложенія труповъ, не смотря на зарываніе ихъ, сдѣлалась злокачественною и вредною, а потому оставленныя части войскъ были расположены въ Джермавскомъ ущельѣ.

Скоро боевая дѣятельность нашего доблестнаго закаспійскаго отряда совершенно прекращается. Управление покоренною страной переходитъ въ Асхабадъ, который сильно укрѣпляется и принимаетъ значеніе главнаго стратегическаго пункта. Все теперь перешло на мирную ногу. Возвратившійся къ намъ Тьема-сардаръ изъявилъ покорность, побывавъ въ Петербургѣ, былъ изумленъ всѣмъ тѣмъ, что увидѣлъ и нынѣ, награжденный чи-

номъ маіора, живеть въ своихъ старыхъ беурминскихъ помѣстьяхъ.

Такъ совершилось великое дѣло, которое высоко подняло знамя Россіи въ Азін,—трудное дѣло покоренія Ахаль-текинской страны, дѣло, потребовавшее нашихъ усилій въ теченіи многихъ лѣтъ.

Оно окончилось блистательно, потому что было ввѣрено тому полководцу, который составляетъ гордость современной Россіи!

Эта услуга отечеству увѣковѣчиваетъ безсмертное имя знаменитаго генерала, въ полномъ смыслѣ этого слова, покойнаго, но незабвеннаго геніальнаго тактика и храбрѣйшаго изъ вождей, умъ котораго былъ озаренъ божественной искрой военнаго таланта,—Михаила Дмитриевича Скобелева.

Личность этого замѣчательнаго военнаго человѣка настолько рѣзко выдѣляется изъ среды даже талантливыхъ генераловъ, что черты изъ его жизни, его біографія и особенно оставленные имъ мемуары имѣютъ важное историческое значеніе.

17-е сентября 1843 г.—день рожденія Михаила Дмитриевича; его отецъ, Дмитрій Ивановичъ, генераль-лейтанантъ, былъ женатъ на О. Н. Полтавцевой, отъ которой, кромѣ сына, имѣлъ еще трехъ дочерей: старшая, Надежда, въ супружествѣ за княземъ К. Э. Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ; средняя, Ольга, за В. П. Шереметевымъ; младшая, Зинаида, за его высочествомъ княземъ Романовскимъ, герцогомъ Лейхтенбергскимъ (графиня Богарнѣ).

Дѣдъ М. Д. былъ генераль отъ инфантеріи (Иванъ Никитичъ), сынъ однодворца Никиты Скобелева, которому удалось дослужиться званія сержанта (въ концѣ XVIII вѣка), послѣ чего онъ женился на дворянѣ Коревой.

Михаиль Дмитриевичъ потомства не оставилъ, ибо хотя и былъ женатъ на княгинѣ М. И. Гагариной, но скоро развелся съ нею.

Гражданное вліяніе на воспитаніе М. Д. имѣлъ гувернеръ Дешидерій Жирардѣ, впослѣдствіи сопровождавшій его даже въ походахъ и искренно сдружившійся съ нимъ; онъ развилъ въ М. Д. чувство долга. Въ 1861 году Скобелевъ поступилъ юн-

веромъ въ кавалергардскій полкъ, въ 1863 году дослужился чина корнета и, желая участвовать въ усмирении польскаго мятежа, перевелся въ лейбъ-гвардіи Гродненскій гусарскій полкъ, съ которымъ участвовалъ въ сраженіи подъ Мѣховымъ, гдѣ онъ получилъ первую любовь къ неприятельскимъ пулямъ и ядрамъ.

По усмирении Польши, Михаилъ Дмитріевичъ поступилъ въ Николаевскую академію генеральнаго штаба, въ которой окончилъ курсъ по второму разряду. Въ 1864 г. М. Д. посѣтилъ театр военныхъ дѣйствій датской кампаніи. Въ 1868 г. онъ служилъ въ Туркестанѣ въ чинѣ капитана генеральнаго штаба, въ слѣдующемъ году онъ участвовалъ въ дѣлахъ на бухарской границѣ, въ 1870 г. служилъ на Кавказѣ, въ 1871 г.—въ Закаспійскомъ краѣ выполнилъ блистательнымъ образомъ скрытную рекогносцировку къ Саракмышу; въ 1872 г. былъ начальникомъ штаба 22-й пѣхотной дивизіи; въ 1873 г. велъ авангардъ русскихъ войскъ подъ Хиву, сражался подъ Итабаемъ, Ходжейли, Мангитомъ, Ильялы, Хошкунеры, Джанашикъ, Авліей и Хивой; участвовалъ въ юмудской экспедиціи; произвелъ рекогносцировку къ Ортакую; въ 1874 г. М. Д. въ южной Франціи былъ очевидцемъ боевъ (партизанская карлистская война) при Эстельѣ и Пепод-Мурра; въ 1875 г. М. Д., въ чинѣ генералъ-маіора, руководилъ русскими войсками въ Коканскомъ ханствѣ въ бояхъ при Кара-Чукулѣ, Махрамѣ, Мингъ-тюбе, Андижанѣ, Тюря-Курганѣ, Наманганѣ, подъ Ташъ-балой, Балычи, Уиджибаемъ, Гуръ-Тюбой, Андижаномъ (въ январѣ 1876 г.), подъ Ассакой, Коканомъ, Янгі-Ярыкомъ; потомъ мы видимъ его замѣчательные горные походы въ алайской экспедиціи чрезъ вершины Сары-Магула и Арчаты-Давана.

Чтобы выяснить значеніе М. Д. Скобелева въ послѣдней русско-турецкой войнѣ, пришлось бы написать цѣлое сочиненіе; мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что этотъ достойнѣйшій генералъ всегда имѣлъ массу враговъ, считавшихъ себя его соперниками, хотя достоинства многихъ изъ нихъ не могутъ быть даже сравниваемы съ замѣчательнымъ талантомъ Михаила Дмитріевича. Скобелевъ прославился въ слѣдующихъ бояхъ: переправа черезъ Дунай у Систова, сраженіе подъ Шлевной 18-го іюня 1877 г.,

Ловча 25-го августа 1877 г., Зеленныя горы, паденіе Плевны, сраженіе подъ Иметли и Шейново, движеніе подъ Семенли-Тырново, подъ Хаской и Адрианополь.

Всѣми своими побѣдами генераль М. Д. обязанъ самому себѣ, своей громадной начитанности и замѣчательной военной подготовкѣ, своей любви къ дѣлу; любовью къ солдату и уваженіемъ, которое онъ обнаруживалъ къ каждому строевому офицеру. Онъ умѣлъ располагать людей въ свою пользу, онъ умѣлъ электризовать и воодушевлять массы. Одиный видъ Скобелева приводилъ въ восторгъ солдатъ и офицеровъ. Его шествіе по траншеямъ сопровождалось задушевнымъ крикомъ „ура!“.

Ахаль-текинская экспедиція показала, какъ много офицеровъ, особенно молодыхъ, вышло изъ строя. Это обнаруживаетъ, что задача была далеко не легкая. То были офицеры, обожавшіе Скобелева, онъ любилъ ихъ, какъ бы своихъ дѣтей. Онъ не брезгалъ отъ души побесѣдовать съ простымъ армейскимъ прапорщикомъ, помочь ему словомъ и дѣломъ. Онъ никогда не былъ гордъ. Гдѣ бы то ни было, кромѣ строя, встрѣчаясь съ офицеромъ своего отряда, Скобелевъ тотчасъ протягивалъ ему руку, умѣлъ заговорить первый, выбрать тему для разговора,—словомъ, имѣлъ необыкновенный тактъ себя держать.

М. Д. всегда шелъ впередъ, всегда готовился къ будущему, никогда не переставалъ изучать военное дѣло и потому всегда былъ на высотѣ своего призванія. Онъ не могъ жить безъ войны, она была его стихіей; М. Д. часто говаривалъ: „я всю жизнь на войнѣ!“ И это было совершенно справедливо. Чуть гдѣ либо на окраинахъ Европы или Азіи раздавался гулъ орудійныхъ выстрѣловъ, Скобелевъ спѣшилъ туда. Послѣ штурма Геокъ-тепе прервались военныя дѣйствія и генераль сильно тосковалъ; онъ вызывалъ по тревогѣ цѣлыя батареи, производилъ имъ ученя съ холостыми выстрѣлами и, по привычкѣ, по страсти къ пороху, какъ только раздавался батарейный залпъ, онъ на конѣ съ жадностью вскакивалъ въ облака порохового дыма и тутъ-то въ его памяти воскресалъ рядъ сраженій, въ которыхъ онъ былъ героемъ. Онъ благоговѣлъ даже передъ словомъ „война“ и произносилъ его не иначе, какъ „война-матушка“. М. Д. особенно любилъ бесѣдовать съ молодыми офицерами, еще не окуреными

пороховымъ дымомъ полей сраженій, онъ умѣлъ по лицу ихъ читать и предсказать, кто изъ нихъ будетъ храбръ и способенъ командовать частью. То же относилось и къ молодымъ солдатамъ. М. Д. говаривалъ: „они будутъ храбры уже потому, что еще не знаютъ, что такое война“. Но еще болѣе глубоко уважалъ М. Д. старыхъ боевыхъ солдатъ и офицеровъ. Отъ старшихъ начальниковъ генералъ требовалъ, чтобы они гуманно обращались съ подчиненными и особенно съ солдатами; онъ страшно преслѣдовалъ грубость или кулачную расправу. Мнѣніемъ Скобелева было, что если плохи солдаты въ какой либо части, то значитъ плохъ ихъ командиръ. Въ походахъ онъ терпѣть не могъ, чтобы солдаты двигались молча; „пѣсенники впередъ!“ была его любимая фраза, и при этомъ пѣсни должно выбирать веселыя; за скучныя пѣсни онъ дѣлалъ выговоръ командиру части; такъ, однажды, досталось на смотру подъ Дузь-олумомъ и автору настоящихъ записокъ. „У васъ скучные солдаты!“ замѣтилъ намъ генералъ. М. Д. также, какъ и безсмертный Суворовъ, терпѣть не могъ „не могу знаевъ“. На походѣ онъ часто подѣзжалъ то къ одному, то къ другому офицеру и задавалъ прямо такой вопросъ: „Сколько у васъ снарядовъ на орудіе?“ Если офицеръ отвѣчалъ не тотчасъ, то генералъ дѣлалъ ему слѣдующее стереотипное замѣчаніе: „плохой вы офицеръ!“ И эти три слова были самымъ тяжелымъ наказаніемъ для офицера. Генералъ почти никогда не кричалъ ни на кого; всѣ его выговоры, замѣчанія, такъ называемыя „нагоняя“, представляли собою не что иное, какъ поученіе отца сыну. Сдѣлавши выговоръ, М. Д. тотчасъ протягивалъ офицеру руку и съ милою улыбкою на устахъ присовокуплялъ: „я увѣренъ, что у васъ этого безпорядка впредъ не будетъ“. Такимъ гуманнѣйшимъ обращеніемъ съ самыми мелкими служаками онъ возбуждалъ въ нихъ силу, бодрость духа и безпредѣльную энергію. Вотъ гдѣ залогъ его побѣдъ! Тысячи солдатъ и офицеровъ всегда готовы были умереть для славы побѣдъ Скобелева. У Суворова и Скобелева было одно и то же — чисто солдатское сердце, и это-то сердце выдвинуло ихъ изъ толпы обыденныхъ генераловъ.

Мы считаемъ чрезвычайно важнымъ историческимъ документомъ отзывъ Его Величества Государя Императора Александра

III-го о значеніи Скобелева для русской арміи, высказанный въ телеграммѣ къ княгинѣ Бѣлосельской-Бѣлозерской.

„Страшно пораженъ и огорченъ внезапною смертью вашего брата. Потеря для русской арміи трудно замѣнимая и, конечно, всѣми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезныхъ и преданныхъ своему дѣлу дѣятелей“.

„Александръ“.

Въ іюльской книгѣ (1882 г.) „Русской Старины“ была помѣщена записка Скобелева по восточному вопросу. Эта записка помѣчена 27-мъ числомъ декабря 1878 г.; здѣсь же мы приведемъ выдержку изъ мемуара М. Д. Скобелева объ ахаль-текинской экспедиціи:

„Тѣ политическіе и военные идеалы, которые въ будущемъ должны лежать въ основѣ нашихъ дѣйствій и которыми я руководствовался, памятуя священныя слова покойнаго императора, сказанныя мнѣ предъ отправленіемъ въ экспедицію. Лично для меня весь средне-азіатскій вопросъ вполне осязателенъ и ясенъ; если помощью его мы не рѣшимъ въ непродолжительномъ сравнительно времени серьезно взять въ руки восточный вопросъ, то азіатская овчинка не будетъ стоить выдѣлки. Смѣю думать, что рано или поздно русскимъ государственнымъ людямъ придется сознаться, что Россія должна обладать Босфоромъ, что отъ этого зависитъ не только ея величіе, но ея безопасность въ смыслѣ оборонительномъ и соотвѣтственно тому развитіе ея мануфактурныхъ центровъ и торговли. Никто, полагаю, не будетъ оспаривать, что пока польскій и западно-русскій вопросы будутъ тяготѣть надъ нами, всякое правильное развитіе въ лучшемъ народно-историческомъ значеніи этого слова будетъ крайне затруднено. Въ настоящее время, не смотря на потраченные бровавыя усилія, всѣ наши границы остались открыты вражьему нашествію, вынуждающему насъ содержать такую громадную армію, а польскій вопросъ, особенно теперь, въ виду неминуемыхъ усложненій, порожденныхъ австро-германскимъ союзомъ, держать насъ въ осадномъ положеніи. Только владѣя Босфоромъ, Россія можетъ сознательно и безповоротно произнести преждевременный пока возгласъ разбитаго Костюшки: „finis Poloniae“.

Справедливость требуетъ замѣтить, что Скобелевъ всюду заботился о популярности, на которую онъ смотрѣлъ не иначе,

какъ на средство выдвинуть свой талантъ; онъ хорошо изучилъ свойства людей и особенно массъ, старался соответствовать инстинктамъ толпы; вѣдь не безъ цѣли же онъ казался такимъ другомъ солдата, вѣдь не такъ себѣ онъ протягивалъ руку какому нибудь послѣднему пѣхотному прапорщику; было бы съ нашей стороны слишкомъ наивно смотрѣть на все это и не видѣть тутъ стремленія расположить въ свою пользу всѣхъ и cadaго; мы хорошо помнимъ, что до штурма Геокъ-тепе Скобелевъ улыбался и протягивалъ руку всякому заброшенному канцелярскому чиновнику, ибо даже и въ этихъ писцахъ, конечно, была надобность для склоненія въ свою пользу шансовъ успѣха штурма Геокъ-тепе; послѣ же 12-го января 1881 г. всякій наблюдательный и внимательный человекъ тотчасъ же могъ замѣтить перемѣну въ обращеніи Скобелева при частныхъ встрѣчахъ, ибо уже не было надобности въ томъ, чтобы его обожали. Всякій опытный человекъ хорошо понимаетъ значеніе вѣжливости въ обращеніи съ людьми, а всѣхъ лучше понималъ это Скобелевъ. По всему видно было, что Скобелевъ на свою популярность и поддержаніе ея смотрѣлъ не иначе, какъ на залогъ успѣха въ карьерѣ. Оказалось, что онъ не ошибся въ этомъ и увлекъ многихъ людей до того, что они даже и теперь не въ мѣру преклоняются передъ нимъ, какъ полководцемъ. Наше дѣло историка—оцѣнить и взвѣсить все. Онъ хорошо понималъ, кому можно дать три-четыре награды, а то и пять, и кому достаточно и одной. Онъ имѣлъ крупный свѣтскій тактъ. Онъ хорошо и очень тонко и ловко понималъ, какому офицеру нужно открыть путь къ карьерѣ и какого можно держать, что называется, въ черномъ тѣлѣ. Скобелевъ придавалъ большое значеніе и протекціи, и связямъ, но, къ своей чести, онъ иногда выдвигалъ талантъ и изъ обыкновенной толпы офицеровъ-тружениковъ. Онъ гениальнымъ образомъ умѣлъ пользоваться трудами своихъ подчиненныхъ, ловко умѣлъ возбудить въ нихъ бодрость духа, энергію и дѣятельность для извѣстной цѣли. Онъ умѣлъ ориентироваться во всякой обстановкѣ и очень хорошо понималъ что такое жизнь человекъ, дѣлающаго необыкновенную карьеру по службѣ. Жизнь для карьеры—это шахматная игра, въ которой иногда нужно дорожить всякой пѣшкой, а въ другой разъ умѣть во-время пожертвовать даже и крупной фигурой, чтобы сдѣлать

шахъ и мать сопернику. Понятно, что для этого нуженъ тактъ, ловкость, находчивость, развязность, популярность и многое другое, что въ суммѣ нужно назвать, конечно, талантомъ. Скобелевъ былъ великій тактикъ не только на поляхъ битвъ, но и въ жизни. Вѣдь одно съ другимъ, въ сущности, очень тѣсно связано. Многие это хорошо понимаютъ, но не всѣ имѣютъ успѣхъ, потому что у нихъ не хватаетъ таланта, а Михаилъ Дмитриевичъ вполне обладалъ этими способностями, ибо еще съ молодыхъ лѣтъ стремился неизмѣнно къ одной и той же цѣли. Онъ полюбилъ войну и, по возможности, не пропускалъ ни одного сраженія.

Теперь для насъ является интереснымъ взглядъ М. Д. Скобелева на ахалъ-текинскую войну, высказанный имъ въ его „Инструкціи гг. офицерамъ дѣйствующихъ частей войскъ. 18-го декабря 1880 г. Укрѣпл. Самурское“. Приводимъ слѣдующую выдержку:

„Обстановка, среди которой приходится намъ дѣйствовать, такова: Бой за мѣстные предметы предстоить ожесточенный. Непрiятель храбръ и искусенъ въ одиночномъ бою; стрѣляетъ мѣтко и снабженъ хорошимъ холоднымъ оружіемъ, но онъ дѣйствуетъ въ разсыпную, въ разбродъ или отдѣльными кучами, мало послушными волѣ предводителя, а потому неспособными, не смотря на свою подавляющую многочисленность, къ единству дѣйствій и маневрированію массами.

„Обстоятельства, отдаленность и свойства театра военныхъ дѣйствій заставляютъ насъ, ограничиваясь здѣсь немногочисленными войсками, въ то же время вести войну наступательную.

„Современный европейскій боевой порядокъ, при малочисленномъ составѣ нашихъ отрядовъ, здѣсь неумѣстенъ.

„Въ открытомъ полѣ храбрая непрiятельская конница на быстрыхъ коняхъ, ловко владѣющая холоднымъ оружіемъ, будетъ постоянно дѣйствительно угрожать длиннымъ и растянутымъ линиямъ, пѣхотныя же массы, хотя и нестройныя, но также состоящія изъ воодушевленныхъ, сильныхъ и ловко владѣющихъ оружіемъ людей, доведя дѣло до рукопашнаго боя, уравновѣшиваютъ въ свою пользу шансы борьбы.

„Какъ основной принципъ, въ Средней Азiи всеиленъ сомкнутый строй.

„При дѣйствіяхъ какъ въ настоящемъ случаѣ, противъ непріятеля, защищающагося на позиціи, покрытой садами, зданіями, стѣнками, укрѣпленной имъ столь продолжительное время, имѣющей для него особенное нравственное значеніе, какъ вслѣдствіе успѣха, одержаннаго въ прошломъ году, такъ и потому, что собраны семьи и все имущество защитниковъ,—мы должны будемъ одолѣть упорное сопротивленіе за каждымъ закрытіемъ. Можемъ, наконецъ, встрѣтить отчаянный, смертельный бой на ножахъ и ятаганахъ. Растянутый, жидкій строй, при которомъ войска легко ускользаютъ изъ рукъ начальника, разбиваются на отдѣльныя, небольшія кучки, безъ связи другъ съ другомъ и съ руководителями волею и сердцемъ ихъ начальниками, не дозволить имъ противостать, при неожиданныхъ появленіяхъ непріятельскихъ массъ, силу строя и неразрывно съ этимъ связанная сила дисциплины, огня и выручки своихъ.

„Совокупность этихъ боевыхъ началъ, быстро, соотвѣтственно примѣненныхъ, составляетъ суть нашей средне-азиатской тактики и позволяютъ намъ сознательно рассчитывать на побѣду надъ противникомъ и столь многочисленнымъ.

„Будемъ бить противника тѣмъ, чего у него нѣтъ. Воспользуемся дисциплиною и нашимъ скорострѣльнымъ оружіемъ. Будемъ бить противника сомкнутымъ, послушнымъ, гибкимъ боевымъ порядкомъ, дружными, мѣткими залпами и штыкомъ, всегда страшнымъ въ рукахъ людей, сбитыхъ дисциплиной, чувствомъ долга и круговой порукой въ одно могучее тѣло—колонну.

„Атаки непріятельской конницы встрѣчать соотвѣтственной перемѣной фронта, если это окажется нужнымъ, и залпами съ близкаго разстоянія; рекомендую также строить варе, даже батальонное, если обстоятельства позволяютъ.

„Залпы употреблять противъ атакующаго непріятеля, пѣшаго и коннаго, подошедшаго на 600 шаговъ; но имѣть въ виду, что стрѣльба залпами весьма дѣйствительна и съ болѣе дальнихъ дистанцій по сосредоточеннымъ массамъ, какъ открыто стоящимъ, такъ и прикрытымъ стѣнами и насыпью укрѣпленій. Въ этихъ случаяхъ стрѣльбу залпами можно открывать съ разстояній до 3000 шаговъ, поднявъ совсѣмъ щитикъ прицѣла и цѣлясь въ гребень насыпи или въ верхъ стѣны, если непріятель прикрытъ ими. Подобная, весьма полезная навѣсная стрѣльба до 3000 ша-

говъ не должна быть допускаема для части, менѣе чѣмъ рота, и требуетъ внимательной провѣрки со стороны начальника части.

„Артиллерія размѣщена: картечницы непосредственно при войскахъ въ видѣ прежнихъ полевыхъ орудій, для ближайшей поддержки пѣхоты; всѣ же остальные орудія до времени въ резервѣ, съ цѣлью употребить ихъ разомъ тамъ, гдѣ уважутъ обстоятельства, чтобы сосредоточеннымъ огнемъ нѣсколькихъ десятковъ орудій, послушныхъ единой власти, усилить дѣйствіе артиллеріи. Выѣздъ артиллеріи изъ резерва зависитъ отъ моего приказанія, а затѣмъ мѣста ея расположенія на позиціи и выборъ цѣли дѣйствія зависятъ отъ ея начальника. Извѣстное изреченіе Суворова: „артиллерія скачетъ, какъ сама хочетъ“ — должно имѣть постоянно въ виду какъ артиллеріи, такъ и начальникамъ тѣхъ частей, при которыхъ она состоитъ. Но все это только до тѣхъ поръ, пока не раздается священный бой къ атакѣ. Въ эту великую святую минуту артиллерія должна отдаться всецѣло на поддержку товарищей. Не обращая вниманія ни на что, она должна обгонять атакующія части и своимъ огнемъ, всегда особенно страшнымъ съ близкаго разстоянія, поколебать сердце противника.

„Всѣ чисто артиллерійскія техническія соображенія должны быть оставлены въ сторонѣ. Въ эти рѣшающія мгновенія артиллерія должна имѣть душу, ибо артиллеристъ не машинистъ. Артиллерія должна беззавѣтно лечь вся, если это нужно для успѣха атаки, точно также какъ беззавѣтно кладетъ свои головы пѣхота, атакуя противника. Часть, прикрывающая артиллерію, не выдастъ ее. Позоръ потери орудій ложится не на артиллерію, а на войска.

„Кавалерія вся помѣщается въ резервѣ до той минуты, когда обстоятельства дозволятъ съ выгодой массами употребить ее. Нашей кавалеріи не слѣдуетъ вдаваться въ одиночный бой съ многочисленной конницей противника, имѣющей прекрасныхъ коней и съ дѣтства привыкшей владѣть холоднымъ оружіемъ. До тѣхъ поръ, пока непріятельская конница не дрогнула, пока она не будетъ поставлена въ невыгодныя условія, приперта въ какому нибудь препятствію, къ тѣснинѣ и проч., наша кавалерія не должна вступать съ ней въ кавалерійскій бой.

„Преслѣдованіе же бѣгущей туркменской конницы бесполезно и поведетъ насъ къ разстройству тактической связи—главной на-

шей силы и обезпеченія. Кавалеріи при атакахъ слѣдуетъ держаться сомнутаго строя, недоступнаго для прорыва даже въ полковыхъ, эскадронныхъ и сотенныхъ колоннахъ.

„При атакахъ не столько нужна быстрота, сколько соменность и порядокъ, а потому атаки, впрочемъ всегда въ исключительныхъ, благопріятныхъ случаяхъ, слѣдуетъ вести на короткахъ, чтобы часть была въ рукахъ и ударъ былъ сомнутый и тяжелый, словомъ въ основаніи тактики дѣйствій нашей кавалеріи противъ непріятельской должна лежать крайняя осмотрительность и осторожность.

„Напротивъ того, при дѣйствіяхъ противъ нестройныхъ массъ недисциплинированной пѣхоты, какою является пѣшая азіатская милиція, атаки нашей кавалеріи должны быть безотвѣтно рѣшительны, хотя и здѣсь кавалерійская разумная отвага должна опять таки опираться на уступной боевой порядокъ и соотвѣтственное массированіе резервовъ, наконецъ, на натискахъ въ пики и шапки на короткахъ.

„Напоминаю о необходимости принятія строгихъ мѣръ охраненія во время ночлеговъ у Геокъ-тепе. Начальники передовыхъ постовъ должны выяснитъ себѣ значеніе путей, ведущихъ къ биваку, и пунктовъ, гдѣ непріятель можетъ собираться въ массахъ для нападенія.

„Каждый начальникъ части долженъ изучить районъ мѣстности, лежащей впереди его участка, обдумать ту помощь, которую онъ можетъ оказать сосѣдней части въ случаѣ нападенія, ибо, повторяю, выручка своихъ всегда была и будетъ во всѣ времена ключемъ къ побѣдѣ. Впереди лежащая мѣстность должна быть осмыслена; дистанціи измѣрены.

„На послѣднее обстоятельство я обращаю особенное вниманіе, ибо опытъ ночныхъ боевъ показалъ, до какой степени трудно руководить боемъ ночью. Всякое отклоненіе отъ прямого направленія можетъ повести къ стрѣльбѣ по своимъ и къ замѣшательству. Обращаю вниманіе на пользу установленія условныхъ знаковъ, извѣстныхъ каждому солдату и точно опредѣляющихъ дистанцію Большіе востры, огонь которыхъ поддерживается всю ночь и относительно которыхъ посты и секреты расположены позади соотвѣтственнымъ образомъ, могутъ оказать большую пользу.

Въ лагерѣ предписываю большихъ востровъ не разводитъ безъ разрѣшенія коменданта и въ случаѣ боя ихъ немедленно засыпать.

„Если дневной бой рѣшается постепеннымъ разумнымъ примѣненіемъ къ дѣлу мѣстности средствъ, то ночью обстоятельства могутъ сложиться такъ, что сразу необходимо произвести наибольшее впечатлѣніе. Вотъ почему въ ночномъ бою никогда отъ залповъ не отступать.

„Помнить, что опредѣленіе дистанцій ночью обманчиво, и постепенно важно напоминать людямъ цѣлиться ниже“.

Мы видимъ, что въ этой инструкціи покойный генералъ высказываетъ глубокое, гениальное пониманіе военнаго дѣла, добытое громаднымъ личнымъ боевымъ опытомъ.

Генералъ М. Д. Скобелевъ очень много писалъ, и оставилъ послѣ себя груды записокъ; въ нихъ онъ главнымъ образомъ высказываетъ свои военные взгляды, справедливость которыхъ освящена продолжительнымъ личнымъ боевымъ опытомъ. До чего М. Д. былъ преданъ своему дѣлу, можетъ служить то обстоятельство, что онъ даже и во снѣ думалъ о военномъ дѣлѣ; даже въ походахъ бывало часто онъ просыпался, требовалъ бумаги и чернилъ, о чемъ заботился дежурный ординарецъ, садился въ своей палаткѣ за походный столикъ и писалъ тѣ мемуары, которые нынѣ для насъ такъ дороги; онъ не могъ лечь спать не отдавши диспозицію на завтрашній день; это для него составляло такую же необходимость, какъ для насъ выпить чаю. Проснувшись утромъ, онъ выходилъ изъ своей палатки и любилъ, чтобы къ нему подходили офицеры, запросто здоровались съ нимъ и бесѣдовали; но рѣчь по большей части принадлежала Скобелеву; правду сказать, онъ не любилъ возраженій и былъ увѣренъ, что онъ настолько опытенъ и начитанъ, что его всякій съ удовольствіемъ послушаетъ; М. Д. говорилъ о побѣдахъ Наполеона и Суворова, выяснялъ причины ихъ и назидалъ офицеровъ о значеніи военной исторіи, съ увлеченіемъ рассказывалъ о разныхъ сраженіяхъ, критиковалъ ихъ и выводилъ отсюда заключенія, т. е. поученія для будущихъ нашихъ сраженій и отдѣльныхъ небольшихъ боевъ.

Онъ рѣдко говорилъ о пустякахъ, но предметъ его рѣчей всегда былъ возвышенъ; объ обыденной повседневной жизни онъ никогда не упоминалъ; онъ мыслить объ историческихъ судьбахъ

народовъ, и своимъ умомъ царилъ надъ толпою, его окружавшею и слушавшею его, надъ тою толпою, которую потомъ онъ столько разъ водилъ къ побѣдамъ! Подъ стѣнами Геокъ-тепе онъ часто говаривалъ: „я веду осаду, чтобы учился отрядъ; это школа, которая впоследствии съ другимъ врагомъ намъ пригодится!“ Конечно, М. Д. вполне сознавалъ, что Геокъ-тепе не стоитъ осады, его можно взять штурмомъ, предварительно очень сильно обстрѣлявши нашей многочисленной артиллеріей и пробивши въ юго-восточномъ фронтѣ нѣсколько брешей. Если онъ принялся за методичную осаду, то лишь только для того, чтобы не рисковать и дать офицерамъ и солдатамъ новую опытность. Скобелевъ никогда не пренебрегалъ неприятелемъ, и въ „полудикимъ халатникамъ“ всегда относился съ полною осторожностью. Онъ, послѣ штурма Геокъ-тепе, приходилъ въ восторгъ отъ нашего закавказскаго отряда, и не находилъ словъ для благодарности; онъ говорилъ, что нашъ отрядъ можетъ служить прекраснымъ авангардомъ для русской арміи при другихъ серьезныхъ стратегическихъ операціяхъ на другой границѣ.

Въ статьѣ „Критическія замѣчанія о походѣ противъ текинцевъ и взятіи Геокъ-тепе русскими подъ начальствомъ Скобелева“ въ іюльской книжкѣ австрійскаго военнаго журнала „Oesterreichische militärische Zeitschrift“ одинъ писатель, не знающій что такое средняя Азія, и не знающій почему Скобелевъ велъ осаду, а не прямо штурмовалъ Геокъ-тепе, — силится доказать очевидное и опровергать не существовавшее, воображая, будто-бы Скобелевъ создалъ невѣрный планъ. Этотъ писатель не понимаетъ даже того, что всякій планъ обусловливается прежде всего извѣстною цѣлью, а у Скобелева были ясныя и опредѣленныя цѣли. Не будучи хорошо знакомъ съ Азіей и изучивши походы Скобелева только по книгамъ, авторъ этотъ, очевидно, не былъ въ силахъ уяснить себѣ смыслъ знаменитой инструкціи 18-го декабря 1880 года, и какъ-то особенно оригинально понялъ ее, а между тѣмъ беретса разсуждать авторитетно и съ видомъ знатока называетъ планъ Скобелева неправильнымъ и признаетъ въ почтенномъ талантѣ лишь одну энергію, заканчивая свою статью слѣдующими словами: „невѣрный тактическій планъ имѣлъ слѣдствіемъ рядъ тактическихъ ошибокъ, и если онъ всетаки удался, то произошло

это какъ отъ недостатковъ противника, такъ и отъ замѣчательной энергіи, съ которою этотъ невѣрный планъ былъ выполненъ“.

Вообще упомянутая статья, въ виду тѣхъ крупныхъ погрѣшностей и промаховъ, которые сдѣлали взгляды автора, лично не побывавшаго на театрѣ бывшей экспедиціи, — не заслуживаетъ того, чтобы къ ней отнестись серьезно, ибо въ ней то и дѣло видишь, какъ заблуждался критикъ похода.

Самостоятельность военныхъ дѣйствій М. Д. въ Закаспійскомъ краѣ дала ему полную возможность и случай обнаружить выдающіяся стратегическія способности, какъ бы въ дополненіе къ тѣмъ великимъ тактическимъ талантамъ, которые уже давно признавала въ немъ вся Европа, весь міръ.

Чтобы подкрѣпить справедливыя убѣжденія въ геніальности М. Д. Скобелева, закончимъ нашу статью словами изъ рѣчи знаменитаго теоретика-стратега генерала Леера, авторитетъ котораго признанъ военными не въ одной Россіи, но и въ прочихъ государствахъ Европы. Этою же рѣчью выясняется также историческое значеніе личности Скобелева.

Вотъ что говорилъ глубокомысленный и краснорѣчивый профессоръ о генералѣ М. Д. Скобелевѣ:

„Природа щедро наградила его своими дарами, она одарила его многими рѣдкими качествами и способностями, изъ которыхъ каждая въ отдѣльности способна уже выдвинуть человѣка изъ толпы. Умъ чисто военнаго человѣка—способность рассчитывать въ такой сферѣ дѣятельности, которая не подлежитъ расчету; умъ государственнаго человѣка — способность обнимать вопросъ со всѣхъ сторонъ, и рѣшать его въ пользу общихъ интересовъ. Что это такъ, доказываетъ ахаль-текинская операція, опредѣлившая Скобелева какъ полководца. Характеръ настойчивый и энергичный въ преслѣдованіи разъ поставленной цѣли; способность внутренне уравнивать себя въ наиболѣе критическія минуты, способность увлекать за собою массы на самыя трудныя предпріятія — вотъ тотъ рядъ способностей, которыми обладаетъ Скобелевъ. Благодаря имъ, онъ представляетъ великую силу.....“

„Да, не стало талантливаго человѣка, не стало замѣчательнаго генерала. Силу всѣхъ талантовъ, какъ прирожденныхъ, такъ и имъ же самимъ воспитанныхъ, унесла могила. Но остается

что-то, чего и смерть не можетъ отнять у насъ, это его примѣръ постоянного, настойчиваго труда на пользу и славу столь дорогаго и столь любимаго нами отечества. Да послужить же его примѣръ источникомъ вдохновенія, постоянного подражанія для насъ, какъ старыхъ, такъ и новыхъ его сотоварищей по военному дѣлу.“

В. Шаховской.

2-го августа 1882 г.

С.-Петербургъ.

ФИЛАРЕТЪ ДРОЗДОВЪ, МИТРОПОЛИТЪ МОСКОВСКІЙ

по матеріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“.

1782 — 1867.

Въ задачу предпринятой статьи о митрополитѣ Филаретѣ насколько не входитъ составленіе біографіи знаменитаго московскаго іерарха; задача ея отличается болѣе скромнымъ характеромъ и назначеніемъ. Происхожденіе настоящей статьи о митрополитѣ Филаретѣ находится въ прямой и непосредственной связи съ тѣми матеріалами, которые въ разное время поступили въ редакцію „Русской Старины“, и изъ которыхъ, съ теченіемъ времени, образовалась порядочная и довольно разнообразная по своему содержанію коллекція бумагъ. Отсюда существенное назначеніе статьи состоитъ въ томъ, чтобы исторически выяснить и освѣтить тѣ матеріалы, которыми располагаетъ наша редація, ввести и поставить ихъ въ связи съ другими, болѣе извѣстными и уже обнародованными въ печати событіями и эпизодами жизни и дѣятельности знаменитаго московскаго и все-россійскаго іерарха.

При указанной задачѣ наша статья, естественно, должна состоять, главнымъ образомъ, изъ очерка отдѣльныхъ историческихъ эпизодовъ, относящихся къ жизни Филарета и его столь разносторонней и многообъемлющей дѣятельности. Но для того, чтобы она все-таки не страдала слишкомъ отъ отсутствія единства и связности въ разсказѣ, мы постараемся смягчить этотъ недостатокъ — внесши въ нее, по возможности, краткія біографическія свѣ-

дѣнія, касающіяся болѣе или менѣе выдающихся событій и сторонъ жизни и дѣятельности митрополита Филарета.

Постановленная для предпринятаго труда о митрополитѣ Филаретѣ узкая задача исключаетъ собою возможность появленія въ немъ общихъ сужденій и выводовъ о характерѣ многосторонней дѣятельности знаменитаго московскаго архипастыря, равно какъ ею же исключается возможность самой характеристики Филарета, какъ нравственной личности.

Имѣя дѣло съ отдѣльными, сравнительно не многими, фактами его жизни, само собою понятно, невозможно и задаваться подобными планами. Да и вообще нужно сказать, что какъ полныя біографія Филарета, такъ и его нравственная характеристика въ настоящее время еще положительно невозможны. Для этого нужно предварительно познакомиться, по возможности, со всѣмъ матеріаломъ, касающимся этого гениальнаго лица, почти полувѣка руководившаго жизнью русской церкви и въ то же время не бывшаго чуждымъ вліянію на дѣла государственныхъ. Однако, не смотря на удивительную массу изданнаго въ печати матеріала, могущаго и теперь составить цѣлыя десятки томовъ, послѣдній далеко еще не исчерпанъ. Достаточно въ подтвержденіе этого указать на то, что въ настоящее время при св. синодѣ открыта особая коммисія подъ предсѣдательствомъ присутствующаго въ синодѣ преосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго и кашинскаго, которая спеціальностію своею поставила собраніе и обнародованіе матеріаловъ, касающихся личности митрополита Филарета. Эта коммисія уже приготовила къ печати нѣсколько томовъ.

Но чтобы не оставить нашихъ читателей безъ общихъ понятій о великомъ историческомъ значеніи и о той выдающейся роли, какую почти полувѣка игралъ митрополитъ Филаретъ не только въ исторіи русской церкви, но и въ общегосударственной жизни нашего отечества, мы постараемся сгруппировать выдающіеся и, по возможности, безпристрастные взгляды на великую личность митрополита Филарета текущей русской литературы и журналистики.

И. С. Аксаковъ писалъ по случаю смерти митрополита Филарета въ газетѣ „Москва“:

Митрополита Филарета не стало... Съ смущеніемъ вняла этой мысли Москва, а вслѣдъ за нею вниметъ и вся Россія,—съ тѣмъ благоговѣннымъ смущеніемъ, которое невольно объемлетъ душу при всякомъ видимомъ таинодѣйствіи исторіи. Его кончина—событіе и событіе всероссійское.

Филарета не стало!... Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, созданная не пзвнѣ, порожденная помощью личнаго духа, возросшая на церковной народнои почвѣ. Обрушилась громада славы, которую красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та величавая, долгая современность, что обняла собою пространство полвѣка, что перебыла длинный рядъ событій и поколѣній и какъ-бы уже претворилась въ неотъемлемое историческое достояніе Москвы, въ ея живую стихію, которой, казалось, еи не пзбыть и во вѣки. Безъ этой силы, безъ этой славы какаа пустота силы и славы почувствуется внезапно въ Москвѣ, да и во всемъ русскои церковнои мѣрѣ! Каедрa московскаго митрополита можетъ, конечно, быть и будетъ занята, но мѣсто, которое занималъ Филаретъ, пребудетъ пусто.

Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтія свѣтившій на всю Россію, не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь приумноженіемъ лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвигенія вечерняго сумрака жизни. Смежилось неуспающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданіе всѣмъ русскимъ людямъ, — въ дивномъ примѣрѣ неуставно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смогло художественное важное слово полвѣка, и болѣе полвѣка раздававшееся въ Россіи, то глубоко проникавшее въ тайны Богопознанія, то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ!...

Русская церковь съ кончиною митрополита Филарета переживаетъ великій историческій мигъ, котораго важность, сознательно и бессознательно, предощущается всѣми. Въ теченіи дѣлаго полустолѣтія русской церкви ея представитель, предстатель и предстоитель (не вслѣдствіе виѣшнихъ условій своего мѣста и званія, а дѣйствиемъ личнаго внутренняго достоинства)—въ теченіи же полувѣка былъ онъ и „свидѣтельствующій“ о ней передъ всеи Европой, предъ всѣмъ міромъ инославнымъ... Сходить въ могилу дѣлая историческая эпоха, на смѣну ей движется эпоха новая...

Убыло силы и славы, убыло послѣднее народное имя. Назвать болѣе не кого; нѣтъ другаго равнозначительнаго и даже менѣе значительнаго, но всенароднаго имени ¹⁾.

Спустя пятнадцать лѣтъ, по случаю празднованія столѣтняго юбилея со дня рожденія митрополита Филарета, тотъ же Аксаконъ писалъ въ своей „Руси“:

Величавый образъ Филарета, болѣе полувѣка осѣнявшій русскую церковь и съ нею и всю Россію, не только не умалился съ теченіемъ времени, а какъ будто еще болѣе выросъ, ничѣмъ и никѣмъ доселѣ не заслоненный, такъ что даже не вмѣщается вполне сознаниемъ современниковъ ²⁾.

Д. И. Ростиславовъ, не особенно сочувственно относившійся къ Филарету московскому, и котораго, по тому самому, невозможно заподозрить въ преувеличеніи, въ слѣдующихъ словахъ охарактеризовалъ громаднѣйшій авторитетъ и популярность митрополита Филарета въ Россіи. „Есть архипастырь“,

¹⁾ Н. В. Сушковъ. Записки о жизни митрополита Филарета. Приложенія, стр. 152.

²⁾ „Русь“ 1883 г., № 2.

пишетъ Ростиславовъ въ своемъ сочиненіи „Объ устройствѣ духовныхъ училищъ въ Россіи“ (книга издана въ Лейпцигѣ въ 1862 и 1863 гг., въ двухъ частяхъ), имѣя въ виду митрополита Филарета, „котораго авторитетъ признается всѣми почти уже цѣлое полустолѣтіе, котораго нравственное вліяніе на все духовенство неоспоримо и неотразимо, котораго умъ способенъ разрѣшить самыя запутанныя задачи, понять самыя глубокія идеи, привести въ исполненіе самыя сложные планы, котораго стойкость непобѣдима, готовность служить церкви и отечеству несомнѣнны, котораго могучее слово и всеильный примѣръ можетъ или увлечь всѣхъ за собою, или заставить молчать“¹⁾.

Имя великаго Филарета пользовалось громкою извѣстностью и въ западной Европѣ: епископъ примасъ Шотландіи, лордъ Морай-Россъ, бывшій въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1866 г. по порученію комитета сближенія церковей англиканской и греко-россійской и посѣтившій московскаго владыку, отозвался о немъ такъ: „я полагаю, что нѣтъ въ цѣлой русской имперіи болѣе уважаемаго, болѣе справедливаго и вообще болѣе любимаго человека, какъ почтенный Филаретъ. Кроткій, смиренный, благочестивый, простой въ своемъ образѣ жизни, онъ тратитъ на благочестивыя дѣла почти всѣ свои весьма значительные доходы. Школа для первоначальнаго образованія бѣдныхъ, устроенная въ Троицкомъ монастырѣ, для ознакомленія съ употребительными ремеслами и другими промыслами, для достиженія высшихъ искусствъ, будутъ служить вѣчнымъ памятникомъ мудрости, человеколюбія и щедрости этого знаменитаго митрополита. Чрезвычайно знаменательно, что сердце благочестиваго сановника на 50 году епископства желаетъ единства христіанства“²⁾.

Извѣстный Россіи англійскій ученый богословъ дэванъ Станлей въ своихъ воспоминаніяхъ сохранилъ слѣдующій любопытный отзывъ о митрополитѣ Филаретѣ. „Не случилось еще мнѣ“, пишетъ Станлей о Филаретѣ, „видѣть ни одну духовную особу въ такомъ почетѣ и уваженіи. Онъ вышелъ (изъ Успенскаго собора) въ послѣдній разъ дать общее благословеніе и сталъ сходить съ амвона по ступенямъ къ выходу изъ церкви. Если-бъ этотъ че-

¹⁾ „Юбилейный Сборникъ“. Томъ 2, стр. 417. (Примѣчаніе).

²⁾ „Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1863 г., № 3, стр. 112—113. „Странникъ“ 1868 г., май, стр. 66.

ловѣкъ состоялъ весь изъ чистаго золота и каждое къ нему прикосновеніе оставляло бы частицу золота на рукахъ, — и тогда, кажется, не съ большимъ энтузіазмомъ бросался бы народъ цѣловать его руку или прикоснуться къ краю ризъ его. Толпа волновалась во всѣ стороны, порываясь къ нему пробраться — народъ, офицеры, солдаты. Только видно было поверхъ головъ, какъ двигался тихо и мѣрно бѣлый влобукъ его и за дверью церковною погрузился въ новыя волны, ожидавшія его за дверьми; а когда, наконецъ, пробрался онъ къ своей каретѣ, запряженной шестеркою вороныхъ лошадей, и поѣхалъ — всѣ головы обнажились на пути его, и когда уже скрылась изъ виду карета, можно было еще различить путь его по громкому звону во всѣ колокола, во всѣхъ церквахъ по дорогѣ¹⁾).

Что касается до восточныхъ православныхъ церквей, то имя Филарета пользовалось тамъ замѣчательною популярностью. Одинъ иностранецъ, житель православнаго востока, высказался о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „митрополитъ Филаретъ, по какой-то преимущественной благодати Божіей, возвысился до такой недостигаемой высоты духовнаго совершенства, что образъ его, въ эфирѣ святости, сливается съ тѣми великими и каеолическими отцами и свѣтильниками церкви, сіяніе коихъ и спасительная сила не ограничивается никакими предѣлами мѣста и времени... Отовсюду видная, нравственная, духовная личность дивнаго святителя Филарета разливала оживленіе и утѣшеніе на всѣ изнуренныя тяготою времянь церкви нашихъ странъ; одушевляла и оживляла единое и нераздѣльное тѣло православія. Онъ былъ для него однимъ изъ очередныхъ ангеловъ-хранителей, но ангелъ земной и, слѣдовательно, смертный²⁾).

Преосвященный Никодимъ, архіепископъ ѳаворскій, въ настоящее время патріархъ іерусалимскій, присутствовавшій въ Москвѣ на торжественномъ празднованіи столѣтняго юбилея митрополита Филарета, въ своей рѣчи по этому случаю замѣчательно хорошо охарактеризовалъ значеніе митрополита Филарета для церквей православнаго востока: „митрополитъ московскій Филаретъ, говорилъ въ своей рѣчи преосвященный Никодимъ,

¹⁾ „Церковный Вѣстн.“ 1875 г., № 17.

²⁾ „Странникъ“ 1868 г., май, стр. 66.

хотя былъ и назывался митрополитомъ московскимъ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ іерархомъ всей православной восточной церкви, іерархомъ почтеннымъ, голосъ и мнѣніе котораго въ церковныхъ дѣлахъ имѣли великій авторитетъ. Чтимъ память мужа, достойнаго, уважаемаго и чтимаго какъ въ Россіи, такъ и во всей православной восточной церкви. Митрополитъ Филаретъ былъ тѣмъ звѣномъ, которое соединяло восточную церковь съ русскою и авторитетъ котораго поддерживалъ взаимную любовь и уваженіе между церквами... Существуютъ въ человѣческой исторіи личности, которыя, какъ падающія звѣзды, являются въ мірѣ семь, и существованіе которыхъ составляетъ свѣтлую и славную эпоху, а послѣ смерти оставляютъ пустоту ненаполнимую. Церковная наша исторія будетъ вѣчно поминать его имя и въ особенности будетъ печалиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ, потому что преждевременно коса смерти похитила драгоценную земную жизнь. Восточная церковь всегда будетъ признательна къ нему и съ хвалою и честью будетъ поминать его имя, такъ какъ при немъ не только развились сношенія церквей и съ братскою любовью обмѣнивались мыслями для установленія благосостоянія Божіихъ церквей, но вездѣ и всегда Филаретъ былъ какъ второй представитель Востока въ Россіи, щедрый благодѣтель и неутомимый защитникъ правъ святыхъ мѣстъ и въ особенности во время конфискаціи имѣній княземъ Кузою. Письма къ восточнымъ патріархамъ приснопамятнаго митрополита Филарета служатъ свидѣтельствомъ его обширнаго знанія, опытности въ церковныхъ дѣлахъ и авторитетности какъ іерарха и вселенскаго учителя единой православной восточной церкви. Восточная православная церковь вообще обязана его произведеніямъ, въ частности же его катехизису, который какъ матернее млеко съ дѣтства питаетъ и обучаетъ юношей христіанской правдѣ и любви. Неожиданная кончина митрополита Филарета произвела на всемъ Востокѣ неописанную скорбь, случившись наканунѣ того великаго событія, когда нарождался вопросъ, потрясшій весь Востокъ и послѣдствія котораго ежедневно оплачиваемъ всѣ. Заслуги митрополита Филарета, оказанныя церкви, суть величайшіе памятники, которые когда либо человѣческая способность могла бы воздвигнуть на могилѣ славныхъ мужей; его хвалу церковь возвѣщаетъ во вѣки. Мудрости Филарета и церковной

его учености удивлялись народы и языки, и съ уваженіемъ всѣ преклоняли колѣна предъ чтимымъ московскимъ іерархомъ“¹⁾).

Приведенныхъ общихъ сужденій о митрополитѣ Филаретѣ, надѣемся, совершенно достаточно для того, чтобы составить понятіе о его геніальности.

Еще одна оговорка. При томъ планѣ, каковой нами начертанъ, предложенная статья о митрополитѣ Филаретѣ всетаки будетъ носить болѣе или менѣе спеціальный характеръ. Съ тою единственною цѣлью, чтобы статья отличаясь спеціальнымъ характеромъ и занимаясь преимущественно отдѣльными фактами и эпизодами изъ жизни митрополита Филарета, имѣла въ то же время широкій историческій интересъ и была бы до нѣкоторой степени справочною статьею, мы въ заключеніе ея помѣщаемъ указатель по возможности всѣхъ статей и матеріаловъ, непосредственно касающихся личности митрополита Филарета и появившихся или отдѣльными изданіями, или же въ видѣ особыхъ журнальныхъ статей со времени смерти Филарета по 1884 годъ. Въ составъ указателя не вошли нѣкоторыя мелкія провинціальныя (напр. губернскія вѣдомости) изданія, которыя не всѣ просмотрѣны нами въ виду ихъ слишкомъ ничтожнаго историко-литературнаго значенія. Предложеннымъ указателемъ статей и матеріаловъ до известной степени восполняется недостатокъ подробныхъ біографическихъ свѣдѣній о Филаретѣ, которыя легко могутъ быть получены читателями по цитатамъ, предложеннымъ въ самомъ указателѣ.

¹⁾ „Юбилейный Сборникъ“. Томъ II, стр. 6—7.

I.

Митрополитъ Филаретъ, или въ мірѣ Василій Михайловичъ Дроздовъ, родился въ Коломнѣ 26 декабря 1782 года. Отецъ его Михаилъ Федоровъ Дроздовъ былъ соборнымъ діакономъ въ Коломнѣ, которая тогда еще принадлежала къ числу епархіальныхъ русскихъ городовъ. Черезъ два года по рожденіи сына Василія, Михаилъ Дроздовъ рукоположенъ былъ въ священника, а въ 1800 году произведенъ въ протопресвитера коломенскаго Успенскаго собора; умеръ онъ 18 января 1816 года. Имя матери митрополита Филарета—Евдокія Никитична. Семья, въ которой родился великій архипастырь Москвы, принадлежала къ числу самыхъ благочестивыхъ семействъ и изъ нея онъ вынесъ прекрасный залогъ для своей свѣтлой будущей дѣятельности: это чистое, проникнутое духомъ искреннаго благочестія, сердце.

По окончаніи домашняго воспитанія девятилѣтній отрокъ Василій Дроздовъ, 20 декабря 1791 года, поступилъ въ коломенскую духовную семинарію, въ которой онъ обучался до 1792 года до года закрытія коломенской епархіи и сліянія ея съ епархіей московской. Въ 1800 году юноша Василій Дроздовъ поступилъ въ Троицкую лаврскую семинарію прямо въ философскій классъ. Въ августѣ 1803 года онъ съ отличнымъ успѣхомъ окончилъ курсъ ученія въ семинаріи. Во время своего обученія въ семинаріи студентъ Василій Дроздовъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе ректора семинаріи іеромонаха, а потомъ архимандрита Евграфа и пользовался его особенными симпатіями и во все послѣдующее время, когда состоялъ уже на духовно-учебной службѣ. Въ ноябрѣ того же 1803 года Василій Дроздовъ, по представленію ректора семинаріи Евграфа, назначенъ былъ митрополитомъ Платономъ на вакансію учителя языковъ греческаго и еврейскаго въ Троицко-лаврской семинаріи. Такъ началась служебная карьера знаменитаго впоследствии московскаго митрополита Филарета.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1806 года въ Троицкой семинаріи открылась вакансія учителя поэзіи. Митрополитъ Платонъ предоставилъ ее учителю Василю Дроздову и вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ его проповѣдникомъ при Троицкой лаврѣ. Съ этого времени

собственно и начинается известность Дроздова как замѣчательнаго проповѣдника — 12 января 1806 года Василій Дроздовъ въ первый разъ выступилъ какъ проповѣдникъ и сразу же заслужилъ одобреніе митрополита Платона. Престарѣлый архипастырскій московскій, самъ въ свое время славившійся какъ знаменитый проповѣдникъ, называлъ учителя Дроздова отличнымъ проповѣдникомъ и все время старался поощрять въ немъ развитіе проповѣдническаго таланта. По разсказамъ, собраннымъ г. Пѣшковымъ, митрополитъ Платонъ часто заставлялъ Дроздова писать проповѣди и всегда приказывалъ приносить ихъ при себѣ въ своихъ комнатахъ. Однажды митрополитъ, указавъ на молодого Дроздова, сказалъ своему собесѣднику купцу Алексѣеву: „его и архіереи будутъ бояться“. Первую свою проповѣдь, въ присутствіи митрополита Платона, Дроздовъ говорилъ въ его крестовой церкви. Митрополитъ, выслушавъ его, сказалъ: „хорошо, но грудь слаба“.

Получивъ строго-религіозное домашнее воспитаніе, Василій Дроздовъ развилъ и укрѣпилъ свое благочестивое настроеніе находясь въ Троицко-сергіевой семинаріи, помѣщавшейся въ самой лаврѣ, какъ бы подъ сѣнію самого преподобнаго Сергія. Пятилѣтнее учительство въ Троицкой семинаріи окончательно утвердило Василя Дроздова въ намѣреніи принять монашество.

Въ іюль 1808 года учитель риторики В. М. Дроздовъ обратился къ митрополиту Платону съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія.

„Обучаясь и потомъ обучая подъ архипастырскимъ вашего Высокопреосвященства покровительствомъ, я научился по крайней мѣрѣ находить въ ученіи удовольствіе и пользу въ уединеніи. Сіе расположило меня къ званію монашескому. Я тщательно испытывалъ себя въ семъ расположеніи въ теченіи почти пяти лѣтъ, проведенныхъ мною въ должности учительской. И нынѣ ваше высокопреосвященство, милостивѣйшаго архипастыря и отца, всеповорѣйше прошу вашимъ архипастырскимъ благоволеніемъ совершить мое желаніе, удостоя меня монашескаго званія. Іюля дня 1808 года. Къ сему прошенію риторики учитель Василій Дроздовъ руку приложилъ“¹⁾.

¹⁾ Бумаги редакціи „Русск. Ст.“. „Странникъ“ 1868 г., апрѣль, 11 стр.

16 ноября въ трапезной церкви Троицкой лавры В. Дроздовъ намѣстникомъ лавры, архимандритомъ Симеономъ ¹⁾, былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Филарета. Новопостриженному иноку было тогда только двадцать шесть лѣтъ отъ роду. 21-го ноября инокъ Филаретъ въ домово́й архіерейской церкви былъ рукоположенъ самимъ митрополитомъ Платономъ въ іеродіакона. Недолго пришлось Филарету послужить въ Троицкой семинаріи въ монашескомъ званіи.

1808 годъ—замѣчательный годъ въ исторіи русскихъ духовныхъ школъ. Въ этомъ году былъ высочайше утвержденъ планъ о преобразованіи духовныхъ училищъ; въ этомъ же году образована была коммиссія духовныхъ училищъ, кругъ дѣятельности которой сосредоточивался на устройствѣ и управленіи всѣхъ духовныхъ школъ въ Россіи. Коммиссія духовныхъ училищъ приняла на себя всѣ заботы о приведеніи въ исполненіе высочайше утвержденнаго проэкта о преобразованіи духовныхъ школъ. Рѣшено было начать преобразование по новому плану академій, семинарій и училищъ с.-петербургскаго округа. 17 февраля 1809 года получила новый уставъ петербургская духовная академія. Ректоромъ реформированной академіи утвержденъ былъ, вызванный предъ тѣмъ въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія, ректоръ Троицкой лаврской семинаріи, извѣстный уже архимандритъ Евграфъ Музалевскій, почитатель Филарета. По указанію ректора с.-петербургской академіи архимандрита Евграфа молодой іеромонахъ Филаретъ Дроздовъ, въ 1808 году, вызванъ былъ въ петербургскую академію. Митрополитъ Платонъ съ великою скорбію отпускалъ въ Петербургъ своего любимца Филарета. Предъ отъѣздомъ послѣдняго въ сѣверную столицу престарѣлый Платонъ долго убѣждалъ Филарета отказаться отъ поѣздки и навсегда остаться при немъ въ лаврской семинаріи. Но Филаретъ по разсказу, переданному С. Пѣшковымъ, имѣлъ одинъ отвѣтъ: „не смѣю быть ослушникомъ высшаго начальства“. Митрополитъ Платонъ хлопоталъ предъ синодомъ объ оставленіи при Троицкой лаврской семинаріи іеродіакона Филарета, но ходатайство его осталось безуспѣшнымъ. По разсказамъ

¹⁾ Симеонъ Крыловъ-Платоновъ умеръ въ 1824 году архіепископомъ Ярославскимъ.

С. Пѣшкова Филаретъ изъ Петербурга писалъ письмо къ своему покровителю митрополиту Платону, который поручилъ написать ему отвѣтъ одному изъ своихъ подчиненныхъ. Филаретъ, по словамъ разсказа, оскорбился этимъ и не отвѣчалъ болѣе митрополиту Платону. Со времени разрыва съ Филаретомъ митрополитъ Платонъ, оскорбленный его поступкомъ, никогда болѣе не произносилъ его имени и съ этимъ чувствомъ сошелъ въ могилу. Трудно провѣрить степень достовѣрности переданнаго г. Пѣшковымъ разсказа. Едва-ли, напримѣръ, можно повѣрить ему на-слово въ той части разсказа, въ которой говоритъ о томъ, что будто бы Филаретъ обидѣлся, получивъ отъ митрополита Платона не собственноручное письмо. Въ высшей степени было бы страннымъ, если бы Филаретъ въ самомъ дѣлѣ могъ ожидать отъ престарѣлаго уже съ ослабѣвшимъ зрѣніемъ своего покровителя Платона непремѣнно собственноручнаго письма. Притомъ Филаретъ въ то время былъ еще простымъ іеродіакономъ, имѣвшимъ только двадцать семь лѣтъ отъ роду и было бы просто смѣшнымъ обижаться ему на митрополита, имѣвшаго за собою громкое имя въ исторіи.

6 января 1809 года молодой іеродіаконъ Филаретъ прибылъ въ Петербургъ. Новая лица и новая жизнь. Новопріѣзжаго пріютилъ у себя добрый ректоръ академіи, архимандритъ Евграфъ (скончавшійся 11 ноября 1809 года), который и ходатайствовалъ предъ комиссіей духовныхъ училищъ о назначеніи своего воспитанника бакалавромъ, но до времени не удачно. 23 февраля 1809 года о. Филаретъ опредѣленъ былъ инспекторомъ петербургской семинаріи и профессоромъ въ ней философскихъ наукъ съ званіемъ академическаго бакалавра. 28 марта въ самый первый день св. Пасхи Филаретъ посвященъ былъ въ іеромонаха, а въ августѣ назначенъ ректоромъ Александро-невскаго духовнаго училища, съ сохраненіемъ прежней должности. Въ 1810 году, 8 февраля, Филаретъ перемѣщенъ былъ на должность бакалавра въ академію, гдѣ преподавалъ часть догматическаго богословія и церковную исторію. 30 іюня 1811 года, будучи еще въ простомъ званіи іеромонаха, онъ удостоился получить отъ государя наперстный крестъ съ драгоценными камнями, что въ то время было чрезвычайною рѣдкостью, едва ли не было первымъ случаемъ, чтобы молодой іеромонахъ такъ скоро удостоивался высо-

чайшей награды. 3-го іюля того-же года ректоръ петербургской академіи, архимандритъ Сергій Крыловъ-Платоновъ, получилъ назначеніе на архіерейскую кафедру въ Кострому, преемникомъ ему по петербургской академіи назначенъ былъ архимандритъ Филаретъ, когда ему было только тридцать лѣтъ отъ роду. Со времени назначенія ректоромъ академіи и профессоромъ богословскихъ наукъ, имя Филарета начинаетъ пользоваться громкою извѣстностью.

Быстрому возвышенію Филарета въ Петербургъ главнымъ образомъ содѣйствовали его необыкновенныя способности и дарованія. Онъ скоро заявилъ себя здѣсь и какъ замѣчательный проповѣдникъ, и какъ рѣдкій ученый богословъ, и какъ весьма способный администраторъ. Прежде всѣхъ понялъ и оцѣнилъ Филарета первенствующій членъ синода, новгородскій и с.-петербургскій митрополитъ Амвросій Подобѣдовъ. Онъ первый замѣтилъ и оцѣнилъ его проповѣдническій талантъ, открылъ ему учено-служебный путь, сблизилъ его съ оберъ-прокуроромъ синода, княземъ А. Н. Голицынымъ, и съ другими вліятельными лицами, доставлялъ ему заслуженныя награды и повышенія и постоянно сочувствовалъ его взглядамъ, трудамъ и стремленіямъ. Съ своей стороны и Филаретъ оказалъ немалыя услуги престарѣлому митрополиту Амвросію—особенно въ борьбѣ его съ могущественнымъ его противникомъ Теофилактомъ Русановымъ, архіепископомъ Рязанскимъ.

Теофилактъ,—умершій въ 1821 году епархомъ Грузіи въ санѣ митрополита,—одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей въ исторіи русской церкви царствованія Александра I-го ¹⁾. Теофилактъ родился въ 1765 году. Поучившись въ Олонецкой семинаріи, онъ въ 1788 году поступилъ въ Александровскую главную семинарію, гдѣ онъ еще на школьной скамьѣ сблизился съ знаменитымъ М. М. Сперанскимъ. Теофилактъ былъ человекъ съ большими дарованіями, жаждавшимъ обширной дѣятельности, но въ то же время и съ крайне честолюбивыми наклонностями. Онъ не чувствовалъ особаго расположенія къ монашескому аскетизму и если принялъ монашество, то потому, что оно въ то время

¹⁾ Биографическій очеркъ Теофилакста Русанова, составленный Д. И. Ростиславовымъ, напеч. въ «Вѣстн. Европ.» 1873 г., ноябрь и декабрь.

владѣло всѣми высшими мѣстами въ церковной іерархіи и духовно-учебномъ мірѣ. И въ монашескомъ одѣянніи Теофилактъ держалъ себя довольно свободно: изящно одѣвался и даже усвоилъ себѣ нѣкоторые приемы свѣтскаго общества. Онъ имѣлъ большія связи въ аристократическомъ обществѣ, особенно же былъ любезенъ въ дамскомъ обществѣ. Кончивши въ 1792 году курсъ въ Александро-невской семинаріи, онъ уже въ 1795 году, будучи еще въ санѣ архимандрита, получилъ званіе члена св. синода; въ концѣ 1799 г. Теофилактъ уже архіерействовалъ въ Калугѣ. Въ 1807 году правительство приступило къ улучшенію духовно-учебныхъ заведеній. Образовался особый комитетъ для реформы духовныхъ заведеній, въ составъ членовъ котораго попалъ и Теофилактъ, епископъ калужскій. По приѣздѣ въ Петербургъ, Теофилактъ скоро возобновилъ свои прежнія связи и знакомства съ высокопоставленными лицами, пріобрѣлъ въ свѣтскомъ обществѣ много новыхъ и вліятельныхъ знакомыхъ, сдѣлался извѣстнымъ государю какъ замѣчательный архіерей, заслужилъ благоволеніе вдовствующей императрицы. Обставивъ себя такъ прекрасно въ столицѣ, Теофилактъ сталъ мечтать о петербургской митрополіи и о первомъ креслѣ въ святѣйшемъ синодѣ. Сперанскій и, до нѣкотораго времени, оберъ-прокуроръ князь Голицынъ поддерживали надежды Теофилакта. Между тѣмъ положеніе петербургскаго митрополита Амвросія, особенно съ 1803 года, со времени оберъ-прокурорства въ синодѣ Яковлева, хотя и уволеннаго по настойчивости митрополита отъ занимаемой имъ должности, но успѣвшаго наговорить о немъ самомъ много невыгоднаго императору,—становилось шаткимъ все болѣе и болѣе. Императоръ сильно охладѣлъ къ митрополиту, чѣмъ конечно старались пользоваться враги его и почитатели Теофилакта, который уже считалъ себя близкимъ къ достиженію честолюбивой цѣли возсѣсть первымъ членомъ въ синодѣ.

Во время борьбы между Теофилактомъ и Амвросіемъ прибылъ въ столицу незначительный, повидимому, человекъ—простой іеродіаконъ Филаретъ, который тѣмъ не менѣе скоро вошелъ въ довѣріе къ с.-петербургскому митрополиту и очень скоро сдѣлался его правою рукою. Благодаря Филарету, митрополитъ Амвросій продержался на своемъ мѣстѣ дольше, чѣмъ можно было думать, и не допустилъ до него Теофилакта.

Архіепископъ Теофилактъ, не смотря на свой вѣднѣйшій лоскъ и аристократическіе приемы, какъ-то странно съ самаго перваго раза отнесся къ Филарету. По прїѣздѣ въ Петербургъ, молодой неопытный іеродіаконъ одинъ не посмѣлъ явиться къ блистательному въ то время архіепископу Теофилакту, а былъ представленъ ему ректоромъ академіи. При этомъ представленіи Теофилактъ очень нелюбезно обошелся съ Филаретомъ и поставилъ его въ положеніе школьника. Онъ просто сдѣлалъ ему коротенькій экзамень. Само собою понятно, что послѣ таковаго нелюбезнаго приѣма трудно было ожидать, чтобы послѣдующія отношенія Теофилакта и Филарета могли быть особенно хорошими.

Архіепископъ Теофилактъ съ самаго перваго знакомства не возлюбилъ Филарета и при каждомъ удобномъ случаѣ старался давать ему чувствовать это. По прїѣздѣ въ Петербургъ, Филаретъ почему-то не появлялся на церковной кафедрѣ до Пасхи 1811 года. Но появившись, онъ съ перваго же раза обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Съ 1811 года начинается непрерывный рядъ печатныхъ его словъ, рѣчей и бесѣдъ. Скоро имя Филарета, какъ отличнаго проповѣдника, стало извѣстно и двору и самому высшему петербургскому обществу. Филаретъ послѣ того сталъ часто витійствовать съ церковной кафедры. Теофилактъ, самъ славившійся какъ отличный проповѣдникъ, разъ вздумалъ нарочно прїѣхать въ лавру для того, чтобы послушать молодого проповѣдника. Дѣло происходило въ Троицынъ день 1811 года. Теофилактъ, прїѣхавшій на этотъ праздникъ въ Невскій монастырь, съ цѣлю послушать новую проповѣдь Филарета, стоя во время обѣдни въ алтарѣ Невскаго собора, прочиталъ ее еще до произнесенія ея и возвратилъ ее автору молча, безъ всякихъ замѣчаній. Между тѣмъ, непосредственно послѣ богослуженія, на обѣдѣ у митрополита Амвросія, Теофилактъ, въ присутствіи самого автора проповѣди, одобренной въ произношеніи самимъ митрополитомъ, началъ разбирать ее и между прочимъ находилъ въ ней слѣды пантеизма. Митрополитъ Амвросій заступился за обжаемаго и спустя нѣсколько дней, снова пересмотрѣвъ проповѣдь Филарета, приказалъ ее напечатать, какъ замѣчательную по духу и изложенію.

Вообще Теофилактъ, съ 1809 года сдѣлавшійся архіепископомъ рязанскимъ, держалъ себя вызывающимъ образомъ относи-

тельно митрополита Амвросія и Филарета. Такъ, въ одной изъ своихъ проповѣдей, онъ представилъ преклоннаго старца, обремененнаго дѣлами, вмѣсто котораго управляетъ молодой человекъ по своей волѣ, прикрываясь авторитетомъ старца, которымъ успѣлъ онъ овладѣть совершенно. Весь Петербургъ заговорилъ, что этотъ намекъ прямо направленъ противъ митрополита Амвросія и бакалавра Филарета, уже начинавшаго тогда свое блистательное поприще проповѣдника. Амвросію крайне было обидно, но онъ не зналъ какъ заградить уста, боясь, что онъ, пожалуй, и впредь не будетъ оставлять его въ покоѣ. Филаретъ указалъ на средство заградить уста. По его совѣту, во время засѣданія въ синодѣ, митрополитъ раскрылъ вормчую и, молча положивъ ее предъ Теофилактомъ, указалъ пальцемъ на слѣдующія ея слова: „да не будетъ позволено епископу во иномъ градѣ, не принадлежащемъ ему, всенародно учить; аще ли же кто будетъ творяще сіе, да престанетъ отъ епископства и да совершаетъ дѣло пресвитерства“. Теофилактъ промолчалъ и больше не проповѣдывалъ въ Петербургѣ ¹⁾). Положеніе Теофилакта стало колебаться. Главнымъ поводомъ къ тому послужило охлажденіе, происшедшее между нимъ и его прежними покровителями, М. М. Сперанскимъ и княземъ А. Н. Голицынымъ, все болѣе и болѣе склонявшимися на сторону Филарета. Самое назначеніе Филарета ректоромъ академіи сдѣлано было какъ разъ наперекоръ желаніямъ и настойчивости рязанскаго архіепископа. Ближайшимъ поводомъ къ паденію Теофилакта послужило слѣдующее обстоятельство.

Со времени преобразования петербургской академіи, архіепископъ Теофилактъ принялъ на себя трудъ преподаванія въ ней словесныхъ наукъ, который и выполнялъ съ большимъ успѣхомъ. Для того, чтобы познакомить студентовъ академіи съ идеями современныхъ мыслителей объ изящномъ и дать имъ учебное руководство по своему предмету, онъ поручилъ нѣкоторымъ изъ нихъ перевести эстетическія разсужденія Ансильена, которыя потомъ и напечатали съ разрѣшенія свѣтской цензуры. Напечатанная Теофилактомъ книга вызвала противъ себя нѣкоторыя возраженія. Митрополитъ Амвросій поручилъ ректору петербургской академіи, Филарету, сдѣлать разборъ изданнаго перевода разсужде-

¹⁾ Изъ прошлаго. „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г., апрѣль.

ній Ансильена. Филаретъ написалъ на нее строгую критику, въ которой, между прочимъ, проводилъ ту мысль, что книга заражена пантеизмомъ и натурализмомъ. Результаты критики Филарета представлены были на разсмотрѣніе комиссіи духовныхъ училищъ, которая, въ свою очередь, чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора, довела ихъ до свѣдѣнія государя. Послѣдствіемъ такого крайне неблагоприятнаго оборота дѣла было увольненіе Феофилакта на епархію безъ всякаго отъ него прошенія. Ему, какъ рассказываютъ, приказано было въ двадцать четыре часа оставить столицу. Онъ успѣшно выѣхалъ изъ Петербурга 11-го ноября 1813 года.

Своимъ быстрымъ возвышеніемъ Филаретъ много обязанъ былъ оберъ-прокурору св. синода, князю А. Н. Голицыну. Добрыя отношенія князя къ Филарету установились очень рано; они восходятъ къ тому времени, когда Филаретъ былъ скромнымъ бакалавромъ академіи. Ближайшимъ поводомъ въ сближенію Голицына съ Филаретомъ послужили его проповѣди. Познакомившись съ проповѣдями Филарета, а затѣмъ и лично съ нимъ, Голицынъ скоро замѣтилъ и другія его рѣдкія способности и дарованія, и высоко и достойнымъ образомъ оцѣнилъ ихъ. Кромѣ того, князь очень нуждался въ такомъ умномъ и даровитомъ монахѣ. Не смотря на всю свою силу при дворѣ, онъ, будучи невѣждой въ дѣлахъ церковныхъ, чувствовалъ, что ему, при управленіи дѣлами духовнаго вѣдомства, часто бываютъ нужны совѣты умнаго духовнаго лица. Такого именно человѣка и увидѣлъ онъ въ Филаретѣ. Онъ приблизилъ его къ себѣ, постоянно поддерживалъ его, потому что самъ имѣлъ постоянную нужду въ немъ. Отзывая услуги духовнаго свойства князю Голицыну, Филаретъ, въ свою очередь, пользовался отъ него самымъ широкимъ покровительствомъ. Поэтому Филаретъ всегда называлъ князя не иначе какъ своимъ благодѣтелемъ, съ которымъ онъ, по отзывамъ современниковъ, жилъ душа въ душу. Вліянію Филарета болѣе всего слѣдуетъ приписать то, что онъ князя Голицына, открытаго безбожника, сдѣлалъ человѣкомъ искренно религіознымъ, хотя, подъ вліяніемъ разныхъ мистическихъ вліяній, постоянно переходившимъ въ крайности.

13-го августа 1814 года архимандритъ Филаретъ получилъ степень доктора богословія.

Престарѣлый митрополитъ Амвросій, не смотря на удаление архіепископа Теофилакта и на поддержку умнаго Филарета, не сзумѣлъ продержаться на петербургской митрополи до конца своей жизни. Въ 1817 году Амвросій исходатайствовалъ у синода назначеніе къ себѣ въ викаріи ректора академіи, архимандрита Филарета. 5-го августа 1817 года Филаретъ былъ хиротонисанъ во епископа ревельскаго, викарія с.-петербургскаго, причемъ за нимъ оставлена была и прежде занимаемая имъ должность ректора петербургской академіи. Ректорство его продолжалось здѣсь до 13-го марта 1819 года.

Въ 1818 году митрополитъ Амвросій испросилъ увольненіе отъ петербургской митрополи и остался, впрочемъ не на долго, только митрополитомъ новгородскимъ. Поводомъ къ увольненію Амвросія послужило слѣдующее обстоятельство. Митрополитъ, въ отсутствіе своего викарія, епископа Филарета, позволилъ себѣ одну вольность. Привыкнувъ въ молодости къ роскоши, онъ не покинулъ этой слабости и въ старости. Онъ приказалъ оторочить горностаемъ свой саккосъ, который и употребилъ при богослуженіи въ день крещенія и выхода на Иордань. Въ столицѣ сейчасъ же заговорили, что митрополитъ служить въ царскомъ одѣяніи. Тогда еще дѣйствовалъ законъ, которымъ право ношенія мѣха изъ горностая усвоивалось только лицамъ императорской фамилии. Дворъ весь въ это время находился въ Москвѣ. Вскорѣ послѣ крещенія государь пріѣхалъ въ Петербургъ и тотчасъ же узналъ о поступкѣ митрополита. Безъ того уже холодно относившійся къ Амвросію, государь потребовалъ отъ него объясненія и, не удовлетворившись имъ, связалъ митрополиту, что онъ только къ его преклоннымъ лѣтамъ дѣлаетъ снисхожденіе. Понятно послѣ такого строгаго замѣчанія, Амвросію ничего болѣе не оставалось, какъ проситься въ Новгородъ, что онъ и сдѣлалъ.

Въ маѣ 1818 года онъ оставилъ Петербургъ и въ концѣ мая того же года умеръ въ Новгородѣ.

Преемникомъ Амвросію назначили черниговскаго архіепископа Михаила Десницкаго.

Личность митрополита Михаила Десницкаго въ высшей степени симпатичная и замѣчательная. Будучи еще простымъ приходскимъ священникомъ въ Москвѣ, онъ увлекалъ всѣхъ своими

проповѣдями. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ продолжалъ заниматься проповѣдью слова Божія и старался вліять на синодъ въ томъ же направленіи. По предложенію митрополита Михаила, синодъ издалъ нѣсколько распоряженій, касавшихся поднятія проповѣди въ русской церкви. Къ сожалѣнію, онъ недолго служилъ украшеніемъ русской церкви и преждевременно умеръ, сдѣлавшись жертвою ревности по чистотѣ православной вѣры.

За годъ до вступленія Михаила на петербургскую митрополию, у насъ, по настойчивому ходатайству князя Голицына, образовалось новое министерство духовныхъ дѣлъ, въ которомъ вѣдлись дѣла всѣхъ исповѣданій и въ которомъ синодъ являлся не больше, какъ однимъ изъ департаментовъ министерства духовныхъ дѣлъ. При синодѣ осталась должность оберъ-прокурора, которую тогда занималъ князь П. С. Мещерскій, но положеніе его измѣнилось. Оберъ-прокуроръ здѣсь являлся не представителемъ государя, какъ это было до сихъ поръ, а представителемъ только министра духовныхъ дѣлъ, который самъ уже дѣлалъ доклады государю. Окруживъ себя мистиками всевозможныхъ родовъ и отгнанныхъ, князь Голицынъ, пользуясь широкими правами министра духовныхъ дѣлъ, иногда дѣлалъ такія распоряженія по дѣламъ синода, которыя шли прямо въ разрѣзъ ученію православной церкви. Понятно, митрополитъ Михаилъ, какъ первенствующій членъ синода, прежде всѣхъ другихъ долженъ былъ вступаться за интересы церкви и такимъ образомъ очень скоро разошелся съ княземъ Голицынымъ. Между ними нерѣдко были столкновенія въ самомъ присутствіи синода и при томъ настолько сильныя, что митрополитъ Михаилъ падалъ въ обморокъ.

Во время управленія Михаиломъ петербургскою митрополіею положеніе его викарія, епископа Филарета, было крайне щеголивое. Какъ другъ Голицына и его ближайшее довѣренное лицо, Филаретъ, конечно, держался Голицына, но, какъ помощникъ и подчиненный митрополита, онъ, по самому положенію, долженъ былъ быть съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Но этого на самомъ дѣлѣ не было. Митрополитъ недовѣрчиво смотрѣлъ на своего викарія, равнымъ образомъ и этотъ, по его же собственнымъ словамъ, „не былъ увѣренъ въ митрополитѣ“. Михаилъ пробовалъ было деликатнымъ образомъ удалить Филарета изъ столицы, предлагая ему, на примѣръ, самостоятельную кафедру въ Каменецъ-

Подольскій, которая въ то время принадлежала въ числу видныхъ епархій, какъ второклассная. Но Филаретъ настолько отличался дальновидностью, что отклонилъ отъ себя лестное предложеніе митрополита. Князь Голицынъ помогъ Филарету. 15-го марта 1819 года онъ назначенъ былъ архіепископомъ тверскимъ, а съ 18-го августа того же года онъ получилъ званіе члена св. синода, а вмѣстѣ съ нимъ и право пребыванія въ столицѣ. Въ 1820 году 26-го сентября Филаретъ перемѣщенъ былъ на высшую епархію ярославскую, на которой онъ оставался менѣе года. Впрочемъ, на третій годъ своего митрополитства Михаилъ умеръ (24-го марта 1821 года) отъ огорченій, причиненныхъ ему княземъ Голицынымъ. При самой церемоніи погребенія митрополита въ публикѣ раздавались голоса, называвшіе Голицына убійцею митрополита ¹⁾).

Митрополиту Михаилу преемствовалъ на петербургской кафедрѣ Серафимъ Глаголевскій, бывшій до того времени митрополитомъ московскимъ. Назначеніе его въ петербургскаго митрополита состоялось 19-го іюня 1821 года, а 3-го іюля того же года Филаретъ, архіепископъ ярославскій, вмѣсто Серафима слѣланъ былъ архіепископомъ московскимъ.

Архіепископъ Филаретъ не во все время находился въ одинаковыхъ отношеніяхъ къ митрополиту Серафиму. Онъ предупредительно держалъ себя относительно Серафима, почитая его прежде всего какъ одного изъ своихъ рубоположителей. До 1824 года московскій архіепископъ не имѣлъ внѣшнихъ поводовъ быть недовольнымъ Серафимомъ. Первое время между ними существовали патриархальныя отношенія. Преосвященный ярославскій Леонидъ передалъ слѣдующій разговоръ покойнаго князя Д. Н. Урусова. При князѣ Урусовѣ у митрополита Серафима собрались архіереи. Среди бесѣды Серафимъ говоритъ: „московскій, подика, скажи, чтобы намъ чаю дали“. И Филаретъ, съ сыновнею поспѣшностью, исполнилъ приказаніе ²⁾).

Разногласіе между Филаретомъ и Серафимомъ обнаружилось на ихъ отношеніяхъ къ библейскому обществу. Съ самаго основанія библейскаго общества (6-го декабря 1812 года) Филаретъ,

¹⁾ „Русскій Архивъ“ 1868 г. Записка о крамолахъ враговъ Россіи.

²⁾ Письма и. Филарета къ Леониду. М., 1888 г., стр. 6.

приглашенный въ составъ его членовъ его президентомъ, княземъ Голицынымъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ его членовъ и защитниковъ. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій библейскаго общества было переложеніе священнаго писанія на народный русскій языкъ. Мысль о необходимости перевода священнаго писанія на русскій языкъ съ особенною настойчивостью поддерживалась всегда Филаретомъ, который всю свою жизнь ратовалъ за осуществленіе этой идеи. Образовался особый переводный комитетъ, въ составѣ членовъ котораго находился и Филаретъ и нужно прибавить, онъ и былъ его душою. Полный переводъ всего новаго завѣта появился въ свѣтъ въ 1821 году. Затѣмъ, при дѣятельномъ участіи Филарета, приступлено было къ переводу на русскій языкъ священныхъ книгъ и ветхаго завѣта. Но тутъ возникли новыя обстоятельства, которыя не только сопровождались пріостановленіемъ переводовъ, но даже закрытіемъ самого библейскаго общества.

Филаретъ, благодаря своимъ высокимъ дарованіямъ, очень рано составилъ себѣ славу глубокаго первокласснаго богослова. Преподавая въ академіи различныя отрасли богословскихъ наукъ, онъ все болѣе и болѣе углублялся въ эту область; потому слава его, какъ богослова, стала расти быстро. Въ 1811 году Филарету, тогда еще молодому архимандриту, на ряду съ другими знаменитѣйшими по учености іерархами (напримѣръ Теофилактомъ Русановымъ) дано было порученіе, исходящее отъ имени императрицы Елизаветы Алексѣевны, изложить разность между восточною и западною церквами въ ученіи вѣры. И Филаретъ исполнилъ порученіе блистательно. Въ 1815 году появились въ печати „Разговоры между испытующимъ и увѣреннымъ о православіи восточной грекороссійской церкви“, написанныя Филаретомъ для вразумленія совратившагося въ католичество племянника князя Голицына. Въ концѣ 1815 и въ началѣ 1816 года появились въ свѣтъ извѣстные ученобогословскіе труды Филарета „Записки на книгу Бытія и начертаніе церковнобиблейской исторіи“. Благодаря своимъ богословскимъ трудамъ, Филаретъ поставилъ себя выше всѣхъ своихъ современныхъ богослововъ. Взоры всѣхъ духовныхъ были обращены къ нему. Высшая духовная власть обращалась къ Филарету и возлагала на него выполненіе самыхъ труднѣйшихъ задачъ, которыя становились совершенно не подъ силу другимъ іерархамъ.

Вотъ почему св. синодъ въ 1822 году, по предложенію первенствующаго члена, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Серафима, и поручилъ московскому архіепископу Филарету составить катихизисъ для всеобщаго употребленія въ русской церкви. Къ началу 1823 года Филаретъ исполнилъ порученіе синода, который, разсмотрѣвъ составленный имъ катихизисъ, одобрилъ его. Въ томъ же году катихизисъ Филарета вышелъ изъ печати. 2-го іюня 1823 года архіепископъ московскій получилъ Высочайшій рескриптъ вмѣстѣ съ пожалованіемъ ордена Александра Невскаго за трудъ составленія катихизиса. Прежде внесенія катихизиса въ синодъ на разсмотрѣніе, онъ тщательно былъ разсмотрѣнъ митрополитомъ Серафимомъ при дѣятельномъ участіи и его викарія Григорія (Постникова), еп. ревельскаго, причемъ было взвѣшиваемо каждое выраженіе. Синодъ, одобрилъ катихизисъ, испросилъ на его изданіе Высочайшее повелѣніе.

Какъ на одну изъ особенностей изданнаго катихизиса слѣдуетъ указать на то, что приводимыя въ немъ изреченія изъ священнаго писанія представлены были въ немъ въ русскомъ переводѣ, а Символъ вѣры, молитва Господня и Десятословіе также въ катихизисѣ переведены были на русскій языкъ, но при этомъ и славянскій текстъ ихъ внесенъ въ катихизисъ и поставленъ въ параллельномъ русскому переводу столбцѣ. Запросъ на составленный Филаретомъ и изданный синодомъ катихизисъ былъ настолько великъ, что въ томъ же 1823 году потребовалось новое его изданіе. При второмъ изданіи катихизиса внесены были незначительныя поправки (опечатки). Въ концѣ 1823 года архіепископу московскому поручено было составить еще краткій катихизисъ, который и вышелъ изъ печати въ послѣдней половинѣ 1824 года.

Въ 1824 году произошли во внутренней государственной жизни Россіи большія перемѣны, которыя выразились серьезными послѣдствіями не только для церковнаго, но и для государственнаго строя. Министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, съ 1812 года сталъ особенно усердно окружать себя разныхъ сортовъ мпстиками и севантами какъ русскими, такъ даже и заграничными. Мистическій туманъ до того омрачилъ религіозныя возрѣнія министра духовныхъ дѣлъ, что самое его министерство сдѣлалось убѣжищемъ для разнаго рода фанатическихъ изувѣ-

ровъ. Въ составѣ чиновниковъ министерства духовныхъ дѣлъ находилась большая часть людей съ мистической заваской. Благодаря покровительству Голицына, какъ президента библейскаго общества, и послѣднее насчитывало въ рядахъ своихъ членовъ порядочное количество мистиковъ. Отсюда въ строго православномъ русскомъ обществѣ возникло до значительной степени основательное недовѣріе какъ къ министерству духовныхъ дѣлъ, такъ и къ самому библейскому обществу. Открылась сложная борьба противъ мистиковъ и ихъ покровителя—министра духовныхъ дѣлъ. Враждебнымъ настроеніемъ извѣстной части русскаго общества вздумали воспользоваться нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ лицъ для своихъ личныхъ цѣлей. Главнымъ борцомъ противъ Голицына вступилъ графъ А. А. Аракчеевъ, которому самому хотѣлось занять у государя то мѣсто, какое до сего времени принадлежало князю Голицыну. Сподвижниками Аракчеева явились адмиралъ А. С. Шишковъ, котораго Аракчеевъ нахѣтилъ въ министра народнаго просвѣщенія, извѣстный юрьевскій архимандритъ Фотій, попечитель казанскаго учебнаго округа М. Л. Магницкій и другіе.

Митрополитъ Серафимъ, не обладавшій вообще твердымъ характеромъ, нѣкоторое время колебался между двумя теченіями: пока, наконецъ, и особенно послѣ отъѣзда архіепископа Филарета изъ Петербурга въ Москву на два года (лѣтомъ 1823 года), не перешелъ окончательно на сторону графа Аракчеева и Шихова. Аракчеевъ достигъ цѣли своихъ усилій. Въ маѣ 1824 года князь Голицынъ долженъ былъ оставить министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; министерство народнаго просвѣщенія перешло къ Шихову, президентомъ библейскаго общества сталъ митрополитъ Серафимъ; министерство духовныхъ дѣлъ совершенно уничтожено. Синодъ и его оберъ-прокуроръ возстановлены были въ своихъ прежнихъ правахъ. При этомъ оберъ-прокурорство осталось за числившимся съ 1817 года оберъ-прокуроромъ, но не имѣвшимъ значенія при всемогуществѣ министра духовныхъ дѣлъ, княземъ П. С. Мещерскимъ. Князь Голицынъ остался лишь завѣдующимъ почтовымъ вѣдомствомъ.

Возставая противъ князя Голицына и библейскаго общества, Аракчеевъ и его сподвижники, конечно, не могли оставить безъ

вниманія и Филарета московскаго, облагодѣтельствованнаго бывшимъ министромъ духовныхъ дѣлъ и всегда поддерживавшаго самого его и созданное имъ библейское общество. Послѣ сверженія князя Голицына, главная роль въ агитаціи противъ библейскаго общества и архіепископа Филарета перешла къ Шишкову, самому фанатическому противнику перевода св. писанія на простой русскій языкъ и не всегда разумному ревнителю стариннаго славянскаго языка. Въ сентябрѣ 1824 года Шишковъ открыто выступилъ противъ московскаго архіепископа, находившагося тогда въ Москвѣ и продолжавшаго, по званію вице-президента библейскаго общества, устраивать очередныя собранія. Министръ народнаго просвѣщенія увидѣлъ въ этомъ едва не политическое преступленіе со стороны московскаго архіепископа. Другая причина неудовольствія Шишкова противъ Филарета скрывалась въ характерѣ составленныхъ имъ катихизисовъ, въ которыхъ тексты св. писанія переданы были на русскомъ языкѣ. Въ этомъ Шишковъ, вслѣдствіе узкости филологическихъ понятій, увидѣлъ дерзкое нарушеніе правъ священнаго языка, а уклоненіе отъ стариннаго, чтимаго предками, языка Шишковъ считалъ измѣною отечеству. Министръ народнаго просвѣщенія представилъ о дѣятельности Филарета по библейскому обществу Аракчееву, который въ свою очередь доложилъ о томъ государю. Послѣдній далъ повелѣніе Аракчееву съѣздить вмѣстѣ съ Шишковымъ къ митрополиту Серафиму съ тѣмъ, чтобы они объяснились съ нимъ по поводу библейскихъ собраній и катихизисовъ Филарета. Митрополитъ сталъ было защищать катихизисы, какъ одобренные синодомъ, но потомъ подъ напоромъ двухъ вліятельныхъ генераловъ склонился на ихъ сторону. Рѣшено было библейскія собранія прекратить, не выпускать болѣе переводъ св. писанія на русскій языкъ и остановить печатаніе и выпускъ въ свѣтъ катихизисовъ Филарета. Для того, чтобы можно было усиленно дѣйствовать въ пользу изыятія катихизисовъ изъ употребленія, министръ народнаго просвѣщенія, кромѣ своего личнаго убѣжденія въ неполезности перевода св. писанія на русскій языкъ, допущеннаго въ катихизисахъ, но еще официально дозволеннаго, долженъ былъ заручиться болѣе твердыми основаніями. Въ этихъ видахъ онъ поручилъ сдѣлать догматическій разборъ катихизисовъ священнику Іоакиму Кочетову, законоучителю Алексан-

дровскаго лица и профессору духовной академіи, имѣвшему счеты съ московскимъ архіепископомъ. Рецензентъ, конечно, сдѣлалъ отзывъ о катехизисахъ Филарета въ духѣ Шишкова и дошелъ въ немъ до того, что въ заключеніе своей заказной рецензіи утверждалъ, что въ этихъ катехизисахъ встрѣчаются отступленія отъ ученія православной вѣры.

Кромѣ нападокъ на Филарета, какъ сторонника библейскаго общества и какъ защитника перевода священнаго писанія на рускій языкъ, на него начались нападки и придирки съ другой стороны. Въ его проповѣдяхъ стали находить неправославныя мысли. Благодаря стараніямъ Шишкова, одна проповѣдь Филарета, сказанная имъ, уже въ санѣ московскаго архіепископа, на день Благовѣщенія (въ 1824 году), подверглась было даже запрещенію. Эту проповѣдь еще въ рукописи разсматривалъ и одобрилъ митрополитъ Серафимъ, исправивъ въ ней одно только выраженіе. Когда проповѣдь Филарета появилась въ печати, министръ народнаго просвѣщенія заподозрилъ ее въ неправославныя потому только, что въ ней приписывалось Іосифу, до явленія ангела, невѣдѣніе о тайнѣ Богоневѣсты.

21-го ноября 1824 года министръ народнаго просвѣщенія Шишковъ обратился въ митрополиту Серафиму съ отношеніемъ, въ которомъ писалъ:

„Въ бытность нашу, а именно его сіятѣльства графа Алексея Андреевича Аракчеева и мою, по особому государя императора порученію, въ домѣ у вашего преосвященства разсуждаемо было и общимъ согласіемъ положено, что неприлично таковымъ молитвамъ, какъ Вѣрую во Единого Бога и Отче Нашъ, быть въ духовныхъ книгахъ переложеннымъ на простонародное нарѣчіе, о чемъ доведено и до свѣдѣнія его императорскаго величества, а потому, равно какъ и въ силу даннаго на мое имя въ 17-й день сего мѣсяца высочайшаго указа, не благоволено-ли будетъ вашему высокопреосвященству предложить синоду, дабы вновь издаваемые христіанскіе катехизисы: полный и краткій, въ которыхъ помянутыя молитвы переложены на простонародное нарѣчіе, печатаніемъ и разсылкой какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ, приостановить, доколѣ воспослѣдуетъ на то высочайшее повелѣніе“¹⁾. Митрополитъ Серафимъ слишкомъ рабски и необдуманно

¹⁾ Бумаги редакціи „Русск. Старины“.

отнесся къ бумагѣ министра народнаго просвѣщенія. Онъ не потрудился вникнуть хорошенько въ смыслъ даннаго на имя Шишкова высочайшаго повелѣнія. На самомъ дѣлѣ въ высочайшемъ указѣ, данномъ Шишкову ¹⁾ отъ 17-го ноября, говорилось о запрещеніи относящихся къ вѣрѣ книгъ, печатанныхъ въ частныхъ типографіяхъ безъ синодскаго разрѣшенія, слѣдовательно этотъ указъ какъ разъ противорѣчилъ тому, чего собственно домогался ревностный не по разуму министръ народнаго просвѣщенія. Кромѣ того, высочайшаго указа о приостановѣнн катихизиса не могло быть помимо синода, куда тотъ, если-бы дѣйствительно онъ существовалъ, непременно долженъ былъ быть адресованъ. Какъ бы то ни было, но по необдуманности или же робости характера митрополита Серафима, не рѣшившагося противорѣчить сильному вельможѣ, въ концѣ ноября того же 1824 года изъ синода послѣдовалъ такой указъ на имя московской синодальной типографіи: „По указу его императорскаго величества св. правит. синодъ слушали предложеніе синодальнаго члена пресвященнаго Серафима, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго и кавалера, при коемъ прилагаетъ отношеніе къ нему г. министра народнаго просвѣщенія Александра Семеновича Шишкова съ изъясненіемъ именнаго высочайшаго указа, даннаго на имя его, въ 17-й день сего ноября, о приостановленіи печатаніемъ и разсылкой какъ здѣсь, такъ и въ Москвѣ, вновь издаваемыхъ полныхъ и краткихъ христіанскихъ катихизисовъ, въ которыхъ переложены молитвы: Вѣрую во Единого Бога и Отче нашъ, а равно и заповѣди Господни на престо народное нарѣчіе, доколѣ воспослѣдуетъ на то высочайшее разрѣшеніе. Приказали: для должнаго по сему высочайшему повелѣнію исполненія въ московскую синодальную типографскую контору послать указъ. Ноября 26-й день 1824 года“. Понятно, какую тяжкую скорбь причинилъ Филарету синодальный указъ. Свою скорбь онъ излилъ въ двухъ своихъ письмахъ къ митрополиту Серафиму.

Мы предлагаемъ вниманію читателей эту любопытную переписку. Несмотря на то, что письма уже были напечатаны, мы снова помѣщаемъ ихъ на страницахъ нашего изданія, какъ из-

¹⁾ Текстъ его смотри въ „Прав. Об.“ 1868 г., ч. XXVI, 542, августъ.

данія по преимуществу историческаго. А переписка, о которой идетъ рѣчь, и до сихъ поръ не потеряла своего историческаго и въ то же время нравоучительнаго характера; она во-очію показываетъ намъ, сколько иногда вреда и соблазна можетъ причинить церкви и въ какое противорѣчіе саму съ собою можетъ поставить церковь непризнанное участіе въ дѣлахъ церковныхъ разныхъ генераловъ. Для своего же времени переписка м. Филарета съ м. Серафимомъ представляла предметъ рѣдкаго любопытства и потому распространена была въ безчисленномъ множествѣ рукописныхъ списковъ. Въ редакціи „Русской Старины“ имѣется нѣсколько экземпляровъ такихъ списковъ.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивый Архипастырь и Благодѣтель! Болѣзную о томъ, что долженъ я нынѣ писать къ Вашему Высокопреосвященству; но думаю, что долженъ писать. Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа вѣсть смѣй благословенъ во вѣки, яко не лгу, что приступаю въ сему письму, ни мало не выступая ¹⁾ изъ постоянныхъ во мнѣ, по милости Божіей, чувствованій сыновняго почтенія и любви къ вамъ, отцу рукоположителю и наставнику мой! Но я долженъ быть преданъ церкви не менѣе, чѣмъ вамъ.

Извѣстнымъ сдѣлалось мнѣ, что указомъ Святѣйшаго Синода типографской конторѣ предписано остановить печатаніе и продажу катихизиса, въ прошломъ году рассматриваннаго неоднократно ²⁾ Святѣйшимъ Синодомъ и изданнаго по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію.

Не знаю, о чемъ идетъ дѣло, но ³⁾ не представляется иной догадки, какъ той, что дѣло идетъ о православіи.

Предположивъ сіе, именемъ православія прошу Ваше Высокопреосвященство привести на память исторію сего катихизиса до нынѣ. Написать катихизисъ поручилъ мнѣ Святѣйшій Синодъ, по предложенію Вашего Высокопреосвященства. Не дерзая прекословити, но не дерзая также ласкаться успѣхомъ въ семь дѣлъ довольно трудномъ, я просилъ Святѣйшій Синодъ не записывать сего порученія въ журналъ до представленія и разсмотрѣнія моего опыта, дабы тѣмъ легче было бросить оный безъ всякаго дѣлопроизводства, если онъ окажется несоотвѣтствующимъ намѣренію Святѣйшаго Синода, и передать порученіе другому.

Приступивъ къ составленію катихизиса, первую часть читалъ я Вашему Высокопреосвященству при преосвященномъ Григоріи, епископѣ Резанскомъ и въ главномъ получилъ утвержденіе, а въ нѣкоторыхъ подробностяхъ по сдѣланнымъ замѣчаніямъ, исправилъ. Потомъ весь катихизисъ разсматри-

¹⁾ У Сушкова читается: не выпускаю. Записки о жизни митрополита Филарета, прилож. стр. 49. Въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія» (1868 г., январь, 22) читается согласно со спискомъ «Русской Старины».

²⁾ У Сушкова пропущено слово: неоднократно.

³⁾ У Сушкова слово не опущено.

ваемъ былъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ ¹⁾, въ теченіи немалого времени—каждая ошибка, слово, или выраженіе, которое подвергалось вашему замѣчанію, исправлено не иначе, какъ съ одобренія вашего. Затѣмъ катихизисъ внесенъ въ Святѣйшій Синодъ, который, одобривъ оный, испросилъ на изданіе онаго Высочайшее повелѣніе.

Въ хранящемся у меня собственно-ручномъ письмѣ Вашего Высокопреосвященства, по случаю второго изданія катихизиса, написано слѣдующее: „въ немъ при словѣ: рожденіе—естественное“, оставлено такъ, какъ оно было прежде при первомъ изданіи, а не выкинуто. Что касается до вопроса о дѣвствѣ, онъ не избѣжалъ гоненія; пропущенное въ символѣ слово: со главою, внесено“. Далѣе въ томъ же письмѣ сказано: „Г. Оберъ-Секретарь общался переслать къ Вамъ на нынѣшней недѣлѣ 50 экземпляровъ ²⁾ сего исправленнаго катихизиса, съ коего стануть уже безпрепятственно печатать и въ Московской Синодальной Типографіи“. Изъ сего узналъ я, что при второмъ изданіи катихизисъ пересмотрѣнъ Святѣйшимъ Синодомъ вновь, что при семъ изложеніе главныхъ истинъ не подвергалось сомнѣнію, что одинъ частный вопросъ и одно выраженіе подверглись спору, не найдено однако-жъ нужнымъ перемѣнить, и что исправленъ только пропускъ одного слова въ русскомъ переводѣ Символа вѣры, мною указанный въ письмѣ къ Вашему Высокопреосвященству.

Такимъ образомъ катихизисъ, въ составленіи котораго я былъ орудіемъ, сперва при мнѣ, а потомъ въ отсутствіе мое, утверждёнъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ и Святѣйшимъ Синодомъ не только во всѣхъ частяхъ содержащагося въ немъ ученія, но и во всѣхъ словахъ и выраженіяхъ—и сіе совершенное утвержденіе оглашено предъ церковью не только указами Святѣйшаго Синода и многими уже изданіями катихизиса, но и данпою на имя мое во 2-й день іюня 1823 года высочайшею грамотою, въ которой, согласно съ синодальными одобреніями, сказано, что оный начертанъ по духу православной восточной церкви и въ разумѣ евангельской истины ³⁾.

Мнѣ кажется особеннаго высочайшаго указа о катихизисѣ нѣтъ, ибо если-бы онъ былъ, то былъ бы данъ Святѣйшему Синоду по принадлежности, а если запрещеніе катихизиса выведено изъ опубликованнаго высочайшаго указа 17 дня прошлаго ноября, то сіе выведено не по силѣ сего указа и въ противность высочайшаго указа, утверждающаго именно катихизисъ, одобренный Святѣйшимъ Синодомъ.

Теперь сдѣлалось мнѣ извѣстнымъ, что въ отношеніи г. министра народнаго просвѣщенія, которое прописано въ указахъ Святѣйшаго Синода типографской конторѣ, Символь вѣры названъ не Символомъ или испо-

¹⁾ У Сушкова читается: разсматриванъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ.

²⁾ По редакціи «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» читается: 80 экземпляровъ.

³⁾ Далѣе текстъ печатаемаго письма отличается какъ отъ текста, напечатаннаго въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», такъ и отъ текста, помѣщеннаго въ Запискахъ Н. В. Сушкова. Разность здѣсь заключается только формальная, выражающаяся въ различной разстановкѣ отдѣльныхъ параграфовъ письма.

въдвѣніемъ вѣры, но молитвою. Не знаю, кому приписать должно, обнаруженное здѣсь, столь сбивчивое понятіе о дѣлахъ церковныхъ? а съ такимъ понятіемъ неизвѣстные дѣйствователи возьмутъ судъ само собою надъ Святѣйшимъ Синодомъ. Утвержденіе на Тя надѣющихся утверди, Господи, церковь.

Непонятно, какъ и вѣмъ и почему приведено нынѣ въ сомнѣніе дѣло, столь чисто и совершенно утвержденное всѣмъ, что есть священнаго на землѣ.

Не велика была бы забота, если бы сомнѣніе сіе угрожало только личности человѣка, бывшаго орудіемъ сего дѣла. Но не угрожаетъ ли оно іерархіи, не угрожаетъ ли церкви? Если сомнительно православіе катихизиса столь торжественно утвержденного Святѣйшимъ Синодомъ, то не сомнительно ли будетъ православіе самого Синода? Допущеніе сего сомнѣнія не потрясетъ ли іерархію до основанія, не возмутитъ ли мира церкви, не произведетъ ли тяжкаго церковнаго соблазна? Судъ, который надъ дѣланіемъ Святѣйшаго Синода произнесетъ одинъ священникъ (если то правда, что одному священнику поручено дать мнѣніе о катихизисѣ, синодально утвержденномъ), увѣритъ ли всю церковь и не обнаружитъ ли только разрушенія іерархическаго порядка чрезъ допущеніе такого суда.

Не нужно сказывать Вашему Высокопреосвященству, что надъ дѣланіемъ Святѣйшаго Синода, касательно ученія вѣры, вѣрный и достойный принятія судъ, по правиламъ Святыя Соборныя и Апостольскія церкви, можетъ быть не иной, какъ судъ чрезвычайнаго, полнаго собора помѣстнаго или вселенскаго подъ покровительствомъ Благочестивѣйшаго Государа Императора.

Именемъ Божиимъ прошу васъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыко! предъ очами Божиими разсмотрѣть все вышесказанное и, обратя первосвятительское Ваше вниманіе на возникающее дѣло о катихизисѣ, синодально утвержденномъ, дать сему дѣлу направленіе, сообразное съ истинною, порядкомъ и достоинствомъ іерархіи, съ миромъ и безсоблазномъ православныя церкви.

А мнѣ преподайте особенное наставленіе, какъ дѣйствовать съ пользою вѣвѣренной мнѣ паствы въ сихъ особенныхъ обстоятельствахъ, направленныхъ къ ослабленію довѣренія и взаимной благонадежности между правыми и правыми словами истинны.

Позвольте мнѣ надѣяться, что письмо сіе будетъ принято съ обыкновеннымъ Вашего Высокопреосвященства снисхожденіемъ и дѣйствительно исходатайствуетъ мнѣ отъ васъ потребныя наставленія, которымъ, такъ какъ и Первосвятительскому вашему покровительству и молитвамъ, еще съ упованіемъ себя предаю.

Вашего Высокопреосвященства, милостиваго архипастыря и благодѣтеля, есмь покорнѣйшій Филаретъ, архіепископъ московскій.

8 декабря 1824 года.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Милостивый архипастырѣ и благодѣтель! Несбыточная молва о катихизисѣ, которая однако же сбылась, дѣлаетъ сбыточною молву, которая идетъ о проповѣди моей въ день Благовѣщенія, что она будетъ запрещена.

Не имѣя дерзости довѣрять исправности собственнаго дѣла, я озабочился бы можетъ быть симъ случаемъ, но не безъ промысла Божія, думаю, такъ устроилось, что спокойствіе совѣсти моей въ симъ случаѣ подрѣпляется и утверждается двоякимъ свидѣтельствомъ Вашего Высокопреосвященства, во 1-хъ, сохранилась у меня рукопись сей проповѣди, на которой Ваше Высокопреосвященство собственною рукою исправили одно выраженіе и не богѣ. Печатаніе произведено согласно съ сею рукописью и съ вашимъ исправленіемъ; во 2-хъ, сохранилось у меня собственное ваше письмо, въ которомъ сдѣланный вами отзывъ о сей проповѣди столь благосклоненъ, что я въ другомъ случаѣ не отважился бы обнаружить оный, опасаясь тѣславія, но теперь принужденъ выписать. Вы пишете: проповѣдь вашу на Благовѣщеніе я читаю: она, по моему мнѣнію, есть самая лучшая изъ всѣхъ ¹⁾ вашихъ проповѣдѣй.

Послѣ сего не мое маловажное дѣло, но важное свидѣтельство Вашего Высокопреосвященства защищать должно или только нужно защищать въ дѣлѣ сего рода сужденіе первенствующаго члена Синода противъ возраженія одного свѣтскаго человѣка, который по своему произволу произвелъ себя не только въ богословы, но и въ судіи вѣры и церкви.

Не называю его по имени потому, что говорю за истину, а не напротивъ человѣка, каковъ бы онъ ни былъ противъ моего дѣла и противъ меня, но онъ Вашему Высокопреосвященству извѣстенъ и наименованъ въ одномъ изъ писемъ Вашихъ ко мнѣ съ справедливымъ замѣчаніемъ объ источникѣ его ревности.

А если-бы и нужно было защищать такое сужденіе противъ такого возраженія, то и сіе не трудно. Возраженіе состоитъ въ томъ, что въ проповѣди моей Іосифу, до явленія Ангела, приписывается невѣдѣніе о тайнѣ Бого-невѣсты. Но если меня должно судить за то, что я не отъ себя, но по изясненію словъ евангельскихъ приписываю Іосифу невѣдѣніе въ семъ случаѣ, то гораздо болѣе осудить должно св. Златоуста, который въ семъ-же случаѣ, въ приведенныхъ мною словахъ его, приписываетъ Іосифу не только невѣдѣніе, но и зазнаніе. Гораздо также болѣе, нежели мою проповѣдь, осудить должно Богородичный акаенствъ, въ которомъ приписывается Іосифу не только невѣдѣніе, но и сомнѣніе, которое притомъ выражено въ кондакѣ четвертомъ слѣдующими различными чертами: „бурю внутрь имѣя помышленій сомнительныхъ, цѣломудренный Іосифъ смятеся, къ тебѣ зря не брачній и бракоокрадованную помышляя, непорочная“ ²⁾. Если св. Златоустъ правъ, если акаенствъ священъ, то и согласная съ ними проповѣдь, ваше высокопреосвященство, вами одобренная, одобрена въ совершенную сообразность съ ученіемъ православной церкви Христовой.

¹⁾ У Сушкова слово всѣхъ опущено.

²⁾ У Сушкова послѣ словъ: непорочная, прибавлено: увидѣвъ же твое зачатіе отъ Духа Святого, рече: Аллилуія.

Повторяю, что писалъ уже къ вашему высокопреосвященству по случаю катихизиса; если сквозь дѣло хотятъ уловить лицо ¹⁾, пускай, но должно-ли попускать, чтобы подвѣпывали твердость и довѣренность церковнаго, правительства, чтобы возмущали миръ церкви?

Дѣло правдѣ, а себя милости вашего высокопреосвященства предаа, съ глубокимъ почтеніемъ и преданностію долгомъ поставляю пребыть, Филаретъ, архіеп. московскій.

Декабря 13-го дня ²⁾,
1824 года.

Высокопреосвященнѣйшій владыко! Достопочтеннѣйшій о Господѣ брат! Два письма ваши, отъ 8-го, а другое отъ 13-го числа сего мѣсяца, получили въ одинъ день. Отвѣтствую на первое, яко важнѣйшее. Истори катихизиса вашего, которую возобновляете вы въ моей памяти, мнѣ весьма извѣстна по тому участию, которое я имѣлъ въ ономъ. Я его читалъ вѣстѣ съ вами и безъ васъ, одинъ его одобрилъ и призналъ достойнымъ печатанію, нашедши его во всѣхъ частяхъ съ ученіемъ святаго церкви нашей согласнымъ, и потому православнымъ; въ семъ и преосвященнѣйшій Григорій, также читавшій его со мною ³⁾, былъ совершенно согласенъ. По отъѣздѣ вашемъ въ Москву, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ относился ко мнѣ по приказанію ея императорскаго величества государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, спрашивая моего мнѣнія, признаю-ли я за полезное ввести катихизисъ вашъ въ институты, состоящіе подъ высочайшимъ ея вѣдѣніемъ и покровительствомъ? Я отвѣтствовалъ на отношеніе утвердительнымъ образомъ, то есть признаю за полезное дѣло. Въ нынѣшнемъ году, бывши у графа А. А. Аракчеева въ селѣ его Грузинѣ и по случаю посѣщенія военныхъ поселеній, гдѣ былъ дѣланъ при мнѣ экзаменъ въ катихизисѣ, я ему рекомендовалъ вашъ катихизисъ и, онъ приказалъ ввести его въ употребленіе, о чемъ и была отъ него ко мнѣ бумага. Катихизисъ сей я приказалъ ⁴⁾ взять для обѣихъ епархій моихъ и велѣлъ по краткому экзаменоватъ ставленниковъ въ стихарь, а по большому, въ разсужденіи, по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ пунктовъ вѣры, ставленниковъ въ діаконы, а наипаче въ священники. О чемъ я далъ резолюцію на указъ святѣйшаго синода. И такъ вы видите, что я въ православіи его совершенно увѣренъ и сіе письмо мое вамъ будетъ доказательствомъ сего. Святѣйшій синодъ, никого не исключая, также не менѣе моего былъ увѣренъ въ православіи катихизисовъ вашихъ, какъ пространнаго, такъ и краткаго, который разсматривалъ преосвященный епископъ кіевскій особенно и одобрилъ его къ напечатанію, что и всѣ члены согласились безъ всякаго сомнѣнія, ибо онъ во всемъ согласенъ съ пространнымъ. Теперь спрашиваете вы, почему ихъ остановили? Остановили по отношенію министра просвѣщенія, который ни слова не

¹⁾ У Сушкова читаемъ: уязвить.

²⁾ По редакціи журнала «Министерства Народнаго Просвѣщенія» читается: 14 декабря.

³⁾ У Сушкова читается: съ нами.

⁴⁾ У Сушкова читается: предписалъ.

сказать о томъ, чтобы они были несогласны съ православіемъ (что онъ, яко самъ православный сынъ церкви, сказать не могъ), а требовалъ остановки ихъ впредь до высочайшаго повелѣнія потому только, что Символъ вѣры, Отче нашъ и десятословіе изложены въ нихъ русскимъ, а не славянскимъ языкомъ. И сія то именно причина прописана въ указѣ Святѣйшаго Синода къ московской типографіи. Изъ сего вы изволите видѣть, что до православія катихизисовъ вашихъ никто ни малѣйше не коснулся; а потому честь ваша, яко православнаго пастыря церкви, остается безъ всякаго пятна, равно и достоинство и важность Святѣйшаго Синода не мало симъ случаемъ не унижены. Вы спросите, почему русскій языкъ не долженъ имѣть мѣста въ катихизисѣ, а напротивъ въ краткомъ, который предназначенъ для малыхъ дѣтей, незнакомыхъ вовсе съ языкомъ славянскимъ, а потому и неспособныхъ понимать истины вѣры, которыя имъ излагаются на языкѣ семъ тогда, какъ онъ, то есть русскій языкъ, доселѣ удерживается въ священныхъ книгахъ Новаго Завѣта и псалмахъ. На сіе и многіе другіе вопросы, которые по сему случаю сдѣлать можно, я удовлетворительно вамъ отвѣтствовать никакъ не могу. Надѣюсь, что время объяснить вамъ то, что теперь кажется темно, а время сіе скоро, по моему мнѣнію, настанетъ. Будьте увѣрены, что я принимаю въ васъ дружеское участіе и искренно желаю вамъ всякаго добра.

По симъ чувствамъ дружбы и любви моей къ вамъ, какъ прежде сего поступалъ я, такъ и теперь слѣдую имъ неизмѣнно.

Я чувствую, что положеніе ваше тяжело, и скорблю о семъ отъ всего сердца, что не имѣю возможности облегчить васъ отъ бремени.

И такъ потерпи, пастыръ добрый! терпѣніе не посрамитъ. Оно доставитъ вамъ опытность, которая впоследствии времени крайне полезна вамъ будетъ, что я имѣлъ случай самъ надъ собою узнать.

Серафимъ, митрополитъ С.-Петербуржскій и Новгородскій.

Дек. 1824 года.

Не смотря на успокоительное письмо митрополита Серафима, министерство народнаго просвѣщенія дѣлало свое дѣло. Запрещеніе катихизисовъ вызвало очень много разнообразныхъ толковъ, дурно отзывавшихся на нравственномъ положеніи московскаго архіепископа. Не только была запрещена продажа катихизисовъ, но были даже отбираемы находившіеся въ книжныхъ лавкахъ экземпляры. Находились такіе любопытные, которые готовы были платить двадцать пять рублей за экземпляръ, но все-таки не могли нигдѣ достать. Около трехъ лѣтъ катихизисы Филарета были подъ запрещеніемъ. Только уже въ концѣ 1827 г. разрѣшено было снова издавать катихизисы, впрочемъ послѣ нѣкоторыхъ, вызванныхъ современными обстоятельствами, исправленій ¹⁾.

¹⁾ Исторія катихизисовъ митрополита Филарета изложена нами примѣнительно къ статьѣ И. Корсунскаго, напеч. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1883 года, январь, и въ сборникѣ въ память 100-лѣтней годовщины дня рожденія Филарета, томъ II.

Послѣ исторіи съ катихизисами положеніе Филарета, какъ члена синода, сдѣлалось не особенно споконнымъ. Съ 1824 года въ составѣ синодальныхъ членовъ находились большею частію такія лица, которыя относились къ нему далеко не благосклонно. Составъ синода измѣнился, благодаря Шишѣву, который продолжалъ налегать на митрополита Серафима. По ходатайству послѣдняго, государь возвратилъ въ свои епархіи присутствовавшихъ въ синодѣ: Амвросія Протасова, архіепископа казанскаго, и Іону Павинскаго, архіепископа тверскаго, какъ преданныхъ дѣлу библейскихъ обществъ, а на мѣсто ихъ вызвалъ въ синодъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова, —человѣка, не особенно благосклонно относившагося къ Филарету. Въ 1826 г. митрополитъ Серафимъ, будучи самъ президентомъ библейскаго общества, испросилъ высочайшее повелѣніе о его закрытіи.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОДНА ИЗЪ ПРЕДСМЕРТНЫХЪ ЗАПИСОКЪ

ПАВЛА ГРИГОРЬЕВИЧА ФОНЪ-ДЕРВИЗА.

1881 г.

I.

Личность русскаго Монтекристо, барона Павла Григорьевича фонъ-Дервиза († 1881 г.), очень мало извѣстна. А между тѣмъ онъ положительно заслуживаетъ вниманія не только по своему баснословно-быстро составленному богатству, но и по нѣкоторымъ особенностямъ его ума, характера и политическихъ взглядовъ.

Въ видахъ ознакомленія соотчичей съ нравственнымъ обликомъ этого человѣка помѣщаемъ одну изъ его предсмертныхъ записокъ, переданную имъ намъ, не задолго до его кончины, въ Ниццѣ, когда мы посѣтили его волшебный замокъ Valle-rose.

П. Г. фонъ-Дервизъ былъ постоянный читатель „Русской Старины“ и это немедленно открыло намъ двери въ его домъ, когда мы прѣѣхали въ Ниццу.

Обращаясь къ сущности переданной намъ записки, едва-ли надо огоривать всю странность сужденій автора по поводу судебной реформы въ Россіи. Въ этихъ сужденіяхъ слышится голосъ чиновника стараго дореформеннаго Сената, въ стѣнахъ котораго провелъ значительную часть своей государственной службы П. Г. фонъ-Дервизъ; но если эта часть печатаемой нынѣ записки интересна лишь въ отрицательномъ смыслѣ, то за то въ высшей степени любопытны, и уже въ смыслѣ положительномъ, всѣ тѣ странницы, которыя посвятилъ Павелъ Григорьевичъ воспоминавіямъ о томъ, что иногда дѣлалось въ 1860-хъ годахъ по отношенію къ желѣзно-дорожному дѣлу,— столь близко, столь хорошо извѣстному этому умному, энергичному составителю столь колоссальнаго личнаго состоянія, какое когда либо изъ Руси составляло частное лицо.

П. Г. фонъ-Дервизъ, говоря о желѣзно-дорожномъ дѣлѣ въ пережитое нами прошлое, не договариваетъ лишь одного, что то же правительство 1860—1870-хъ годовъ, за которыми, такъ или иначе, все таки остается громадная заслуга, что оно содѣйствовало къ покрытію Россіи сѣтью желѣзныхъ дорогъ, хотя притомъ и встрѣтило и было частью опутано злоупотребленіями частныхъ лицъ и компаній,—само же выступило на борьбу со зломъ, развившимся въ сферѣ желѣзно-дорожнаго дѣла. Правительственная коммисія, имѣя во главѣ своей графа Э. Т. Баранова, свершила много полезнаго, и ее громадный трудъ легъ въ основаніи новому направленію желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи.

Ред.

Жизнь есть борьба за существованіе, повѣствуетъ физиологія, относя это опредѣленіе ко всему, что живетъ и дышетъ, т. е. относитъ его и къ растеніямъ, и къ животнымъ, и къ человѣку.

Подобіе Божіе, доставшееся въ удѣлъ только человѣку, дало ему возможность выдѣлиться изъ общей массы твореній; но физическая слабость и преобладающая сила матеріальныхъ нуждъ сдѣлали то, что и жизнь человѣка, наравнѣ съ жизнью прочихъ организмовъ, сводится къ борьбѣ за матеріальные интересы.

Это справедливо по отношенію къ милліонамъ людей и можетъ быть оспариваемо лишь въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, у которыхъ умъ, чувство или страсти, преобладая безгранично, отгѣснили матеріальныя заботы на второй планъ.

Государство, какъ союзъ людей, имѣетъ тѣ же свойства, какъ человѣкъ, взятый въ отдѣльности. Слѣдовательно, и государство должно вести борьбу за существованіе. Есть у него враги внѣшніе, чужіе люди, коихъ интересы несогласны съ его интересами, есть у него и враги внутренніе, люди родного племени, но такіе, которые выдѣлили свой личный интересъ изъ интереса общаго государственнаго. Исторія, какъ въ той анекдотической формѣ, въ которой она доступна пониманію большинства учащихся, такъ и исторія философская, обыкновенно называемая исторіею цивилизаціи, рѣдко останавливается на матеріальныхъ поводахъ къ тому или другому событію; но если всмотрѣться въ факты, то у случившагося всегда можно найти какую-нибудь матеріальную подкладку. Трудно формулировать условія, при которыхъ внѣшній врагъ имѣлъ бы менѣе соблазновъ къ нападенію, поэтому и мѣры, противъ него принимаемыя, могутъ быть

только паліативныя, отрицательныя. Но за то ясенъ и несомнѣнъ положительный характеръ тѣхъ условій, которыя необходимы, чтобы обезсилить врага внутренняго. Чѣмъ менѣе нужды, чѣмъ лучше матеріальныя условія народа, тѣмъ прочнѣе существованіе государства, ибо тѣмъ труднѣе внутреннимъ врагамъ пошатнуть государственныя основы.

Подъ хорошими матеріальными условіями народнаго быта мы разумѣемъ такое положеніе, при которомъ потребности каждаго отдѣльнаго гражданина соразмѣрены съ его личными возможностями, а общія государственныя потребности не превышаютъ суммы платежныхъ силъ народа. Въ тѣхъ странахъ, гдѣ финансовая система упрочилась вѣками, и гдѣ платежныя силы дѣйствуютъ безъ особеннаго напряженія, вся задача въ томъ, чтобы равномѣрно (относительно равномѣрно) распредѣлить между плательщиками ту общую сумму, которая необходима на годовой обиходъ государственнаго казначейства. Въ Россіи еще нѣтъ здоровой и прочной финансовой системы, и мы сводимъ концы съ концами, лишь дѣлая долги. Правда, есть у насъ классы, прямыхъ налоговъ не несущіе; но это классы не многочисленные, между тѣмъ какъ во многократъ преобладающій крестьянскій классъ обремененъ налогами не по силамъ. Такимъ образомъ наша экономическая задача сводится къ необходимости: въ одно и то же время и налоги уменьшить, и ту общую сумму увеличить, которая отъ налоговъ получается. Задача эта очевидно неразрѣшимая и потому остается:

или зажмурившись идти далѣе тѣмъ же путемъ, который привелъ насъ къ экономической катастрофѣ, выразившейся зловѣщимъ обезцѣненіемъ нашего кредитнаго рубля,

или рѣшиться на такую мѣру, которая дала бы намъ возможность жить на средства, платежной силы народа не превышающія.

Очевидно, что и государственная честь и народное благо требуютъ неотложнаго принятія послѣдней изъ этихъ системъ; очевидно, что до времени намъ необходимо съюзиться матеріально, и вслѣдствіе того быть можетъ умалиться политически; но въ 1-хъ, у насъ нѣтъ выбора, а во 2-хъ, здраво сосредоточившись на нашихъ внутреннихъ интересахъ, и увеличивая такимъ образомъ нашу внутреннюю силу, мы постепенно возвратимъ себѣ и подобающее намъ внѣшнее вліяніе. Вотъ самая неотложная задача русскаго правительства.

. II.

Разстройство нашихъ финансовъ принято объяснять издержками, понесенными Россіей въ двѣ послѣднія восточныя войны. Объясненіе это столько же несложно, сколько и неосновательно. Государство обширное, какъ Россія, и располагавшее (въ 1853 г.) такимъ кредитомъ, что за бумажный рубль платили 410 сантимовъ золотомъ, могло покрыть издержки упомянутыхъ войнъ, отнюдь не потрепавъ своего кредита; не война причиной нашего обѣдненія, а есть цѣлѣ рядъ другихъ причинъ—болѣе страшныхъ, потому что онѣ не случайныя, и болѣе досадныхъ, потому что онѣ не внѣшнимъ врагомъ созданы. Причины эти: 1) поспѣшно совершившіяся и экономическія необдуманныя (?) преобразованія 1860-хъ годовъ, и 2) растрата и безвыходное закабаленіе казны для цѣлей, съ государственною пользою ничего общаго неимѣющихъ.

Мы не остановимся на крестьянскомъ вопросѣ, финансовая сторона котораго только что была предметомъ оффиціальнаго обсужденія. Не остановимся мы и на вопросѣ о расхищеніи государственныхъ имуществъ, также обратившемъ уже на себя вниманіе правительства. Безполезно говорить теперь и о стомилліонной потерѣ золота на необдуманной операціи размѣна. Что потеряно, того не воротить. Наконецъ, не будемъ мы придавать особеннаго значенія и вреду, принесенному разными банковыми и желѣзнодорожными дѣятелями, только потому не попадающими на скамью подсудимыхъ, что кому-то нужна ихъ воровская дѣятельность. Стоитъ ли говорить о нихъ: вѣдь это только солдаты, за которыми настоящіе-то генералы скрываются! Да кромѣ того: не совладать намъ съ описаніемъ всѣхъ особенностей настоящей минуты, довольно будетъ привести отдѣльные частныя примѣры, отъ которыхъ удобно сдѣлать послышкі къ общему. Чтобы намѣтить степень вреда, причиненнаго нашимъ экономическимъ интересамъ односторонностію недавнихъ преобразованій, мы возьмемъ въ примѣръ судебную реформу, а чтобы изобразить картину расхищеній, ведущихъ Россію къ государственному банкротству, мы постараемся найти и очертить ту мѣстность, которая служить расхитителямъ излюбленною ареною. Говоря о судебной реформѣ, мы не будемъ изслѣдовать ни того, въ какой степени была

необходима общая ломка, которая легла въ основаніе реформъ; ни того, хорошо ли было вообще, вмѣсто старанія развить наши собственные учрежденія, историческимъ путемъ сложившіяся, пересадить къ намъ искаженные чужеземные порядки; ни того, пригодны ли русскому народу новыя судебныя формальности, и пригоденъ ли намъ въ настоящемъ его видѣ прославляемый судъ присяжныхъ.

Все это вопросы серьезные; но съ нашей экономической точки зрѣнія они особенной важности не имѣютъ. Мы стараемся изслѣдовать лишь то: по средствамъ ли новый судъ какъ нашему народу, такъ и нашей государственной казнѣ, какъ судились мы въ дореформенное время. Въ означенное время мѣстный судъ организовался тѣми самыми сословіями, которымъ служить былъ долженъ и слѣдовательно достоинство его было обезпечено общественнымъ надзоромъ и общественнымъ вліяніемъ, такъ охотно выставляемыми нынѣ первыми условіями государственнаго преуспѣянія.

Судъ, такимъ образомъ организованный, работалъ подъ надзоромъ прокурора и подъ ревизіею сената. Мы полагаемъ, что и серьезность, и нравственныя начала этихъ двухъ факторовъ (прокуратуры и сената) въ десятилѣтіе, предшествовавшее реформѣ, были вполне удовлетворительны; если же не хороши были судьи, то виновато было не правительство, а тѣ сословія, которыя судей выбирали. Впрочемъ говорить о личныхъ качествахъ служебнаго персонала и вообще излишне, потому что новыя суды составлены большею частію изъ людей, уже дѣйствовавшихъ при старомъ порядкѣ, и если они хороши теперь, то надо полагать, что они не были дурны и до реформы.

По новости настоящихъ судовъ еще трудно сказать, лучше или хуже они, въ сравненіи съ прежними, но тяжелая передержка на ихъ содержаніе уже на лицо. Этотъ фактъ составляетъ ихъ важное, хотя и не единственное неудобство, ибо, даже и въ экономическомъ отношеніи, есть за ними другой недостатокъ, не менѣе существенный. При прежнихъ порядкахъ, между судомъ и тяжущимися не было обязательной посредствующей инстанціи. Если же тяжущійся не хотѣлъ или не могъ вести дѣло самъ, то бралъ онъ, вмѣсто себя, повѣреннаго, который работалъ изъ-за куска хлѣба. Конечно, это былъ не трибунъ салонный, не привилегированный поставщикъ продажныхъ угрозъ; конечно отъ него пахло не трюфелями, но онъ служилъ своему довѣрителю отъ сердца, почему и былъ ему дѣйствительно по-

лежень. Такого повѣреннаго въ общежитіи называли подьячимъ; ему не было клички кромѣ этого полубраннаго слова, на иностранные языки не переводимаго, стало быть, не могло быть ему и мѣста въ новыхъ судахъ, скроенныхъ по иностранной выкройкѣ.

Недолго думая мы порѣшили подьячихъ и создали сословіе адвокатовъ, сословіе элегантное, приглаженное, комфортабельное и претендующее не только на командованіе своими довѣрителями, но даже и на политическое вліяніе.

Для удовлетворенія потребностей этой новой касты нужны большіе деньги. Откуда же взялись цѣнности, быть можетъ, создались какіи нибудь новыя цѣнности, которыя сдѣлались источникомъ новыхъ доходовъ? Нѣтъ, ничего такого не было, и, такимъ образомъ, создавъ сословіе, покуда по меньшей мѣрѣ не нужное, современемъ же обещающее сдѣлаться общественной язвой у насъ, какъ и вездѣ, мы въ то-же время обложили народъ тяжелою, тяжелѣйшею податью на содержаніе этого сословія.

Новый судъ не по деньгамъ казнѣ, не по деньгамъ народу. Ни тамъ, ни тутъ нѣтъ средствъ для удовлетворенія его матеріальныхъ требованій. Слѣдовательно, что бы не говорили газеты, спекулирующія на вредныя инстинкты читающей публики,—въ настоящемъ видѣ удержать его нельзя.—Мудрено отнять у народа льготу, разъ ему присвоенную, но преобразовать порядки для того, чтобы снять съ народа напрасныя матеріальныя тяготы, не только можно, но и должно.

III.

Другіе наши недочеты отъ созиданія, болѣе или менѣе въ томъ же родѣ, и потому, не останавливаясь долѣе на нихъ, мы перейдемъ къ недочетамъ отъ раззоренія.

За примѣрами этой категоріи у насъ и вообще ходить далеко не требуется; но по современности, самыя живыя, самыя живообразныя и самыя безцеремонныя мы найдемъ въ сферѣ желѣзнодорожной практики.

Исторія нашего желѣзнодорожнаго дѣла приблизительно слѣдующая.

Всѣ наши желѣзныя дороги, за исключеніемъ Николаевской, Петербурго - Варшавской и Московско - Кіевской, признанныхъ имѣющими государственное значеніе,—построены не въ исполненіе какого либо общаго плана желѣзнодорожной сѣти, а просто оттого, что на постройку ихъ явились охотники.

Николаевская дорога, построенная распоряженіемъ казны, обошлась такъ дорого, что отбила охоту отъ казенныхъ построекъ. Еще Императоръ Николай указалъ на необходимость привлечь къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ предпримчивость частную; но при его жизни эта мысль осуществленія не получила.

Вслѣдъ за его кончиною, почти одновременно съ заключеніемъ мира, и по соображеніямъ, которымъ также не чужда была дипломатія, русское желѣзнодорожное устройство было поручено большой французской компаніи, до нынѣ сохранившей названіе. Главнаго Общества желѣзныхъ дорогъ. Эта компанія взялась сдѣлать много, сдѣлала мало, но путемъ разныхъ мощныхъ покровительствъ, какъ заграничныхъ, такъ и въ Россіи пріобрѣтенныхъ, добилась того, что отъ неисполненныхъ обязательствъ ее освободили безнаказанно, и всѣ ея недочеты и убытки приняли на счетъ казны. Казалось бы такое великодушіе русскаго правительства должно было укрѣпить убѣжденіе, что желѣзнодорожныя предпріятія въ Россіи какъ нельзя болѣе выгодны; но вышло не то. Пущенные по свѣту всѣми слухи о потеряхъ, причиненныхъ французской компаніи непобѣдимыми строительными и административными у насъ трудностями, въ конецъ дискредитировали русское желѣзнодорожное дѣло.

Возстановить желѣзнодорожный кредитъ было трудно, и если трудность эта была побѣждена, то приписать это слѣдуетъ, во 1-хъ, счастливому выбору въ министры путей сообщенія К. В. Чевкина, и потомъ—удачной дѣятельности компаній, составившихся для постройки дорогъ Риго-Динабургской, Московско-Ярославской и Московско-Саратовской. Впрочемъ эта удача отнюдь не была случайностью: успѣха не могло не быть, потому что министръ Чевкинъ не допускалъ до дѣла такихъ частныхъ предпринимателей, за успѣхъ которыхъ онъ не могъ поручиться. Принципъ прекрасный, принципъ свойственный человѣку, который и себя уважаетъ, и на службу отечеству смотритъ какъ на религію, съ которой нѣтъ аккомодации, но принципъ нерасчетливый, въ смыслѣ самосохраненія. Справедли

вость этого не замедлила отразиться на К. В. Чевкинѣ. Его сдержанность по выдачѣ концессій не понравилась вліятельнымъ лицамъ, которыя стремились поторговать концессіями; мало по малу они успѣли изобразить его тормозомъ, задерживающимъ развитіе русской промышленности, и удалили его отъ дѣла, имъ созданнаго и имъ однимъ державшагося.

Уходя изъ министерства путей сообщенія, Чевкинъ унесъ (на нѣкоторое время) съ собою и государственную серьезность, и гражданскую правду. Желѣзнодорожное поприще открылось всякому, кто умѣлъ сдѣлаться пріятнымъ или самому новому министру, или вліятельнымъ людямъ, у которыхъ не имѣвшій ни личныхъ доблестей, ни связей для поддержки находился, до нѣкоторой степени, подъ приказаніемъ. Заботы вліятельныхъ лицъ сосредоточивались уже не на соблюденіи государственнаго интереса, а единственно на томъ, какъ бы устроить свои личныя дѣла и упрочить свое положеніе. Встрѣчали они иногда отпоръ въ (другѣ) Чевкина, честнѣйшемъ и преданномъ отечеству министрѣ финансовъ, но въ такихъ случаяхъ пускалась въ ходъ техническая аргументація, и за не возможностью для не техника состязаться на этомъ поприщѣ, министръ финансовъ долженъ былъ уступить.

При такихъ обстоятельствахъ, въ желѣзнодорожномъ мѣрѣ работалась своя особенная практика, которую слѣдуетъ назвать: систематическимъ расхищеніемъ государственной казны. Какими путями направилось (въ былое время) это расхищеніе, мы объясняемъ вслѣдъ за симъ.

Чтобы сколь возможно послѣдовательнѣе изобразить тѣ извороты, которые придуманы расхитителями, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы не придавать настоящему изложенію смысла критики противъ одной какой-либо компаніи, мы вообразимъ себѣ желѣзную дорогу, въ дѣйствительности не существующую, и примѣнимъ къ ней, одинъ за другимъ, всѣ вышеупомянутыя извороты. Вотъ какою будетъ исторія этой дороги.

Является г-нъ X и проситъ концессію на желѣзную дорогу отъ Анапы до Сухумъ-Кале, длиною, приблизительно, въ 250 верстъ. Правительство отвѣчаетъ, что такая дорога не нужна, ибо между означенными двумя пунктами существуетъ вполне достаточный морской путь. На это возражаютъ: «помируйте, мы беремся строить дорогу на наши собственныя деньги, не требуя правительственной

гарантіи; какъ же можете вы мѣшать нашему дѣлу?» Въ этомъ видѣ просьба къ правительству о разрѣшеніи построить дорогу становится похожею на простое соблюденіе формальности и потому просителю, конечно (бывало и) не отказываютъ.

Выдается (бывало) концессія, составляется компанія, начинаются какія нибудь работы, и вслѣдъ затѣмъ министръ путей сообщенія получаетъ заявленіе компаніи, что она не можетъ ни довести дѣла до конца, своими средствами, ни сдѣлать заемъ, потому что безъ гарантіи правительства никто денегъ не даетъ.

Пишется представленіе въ подлежащій комитетъ. Въ представленіи объясняется, что компанія, безъ правительственной гарантіи, достать денегъ дѣйствительно не можетъ, говорится, что жаль бросить начатыя работы, говорится и много другого въ дѣловомъ слогѣ;—забывается только тотъ фактъ, что дорога, о которой рѣчь,—была признана правительствомъ ненужною и что концессія была выдана только потому, что предприниматели обязались правительственной гарантіи не требовать. Комитетъ убѣждается логикою (покойнаго) министра путей сообщенія. И вотъ уплата обществу по 800,000 рублей въ годъ, золотомъ, на все время концессіи — разрѣшена. На правительственный кредитъ, такимъ образомъ въ распоряженіе компаніи отданный, деньги добываются безъ затрудненія, дорога кое-какъ достраивается, и поступаетъ въ эксплуатацію.

Въ первые годы, покуда дорога нова, правленіе компаніи ведетъ дѣло такъ, что выручка употребляется сполна на расходы по содержанию и движенію дороги, а проценты по акціямъ уплачиваются тѣми 800,000 рублями золотомъ, которые правительство уплачиваетъ по гарантіи; но мало по малу дорога начинаетъ изнашиваться, ремонтировать ее нужно попристальнѣе, а выручка ничтожна по прежнему—потому: кому нужда кататься между Сухумъ-Кале и Анапой! Какъ тутъ быть?—Вѣдь не лишитъ же акціонеровъ ихъ дохода! Одно прибѣжище—казна; одинъ путь—подлежащій комитетъ. Вотъ и посылается туда новое представленіе, въ которомъ сказано, что купцы анапскіе огорчаются медленностью перевозки ихъ товаровъ къ Сухуму, что жалобы ихъ справедливы, но что дабы Анапско-Сухумская дорога могла перевозить скорѣе, ей нужно усилить перевозочныя средства, а чтобы это исполнить—ей необходима правительственная ссуда. Подлежащій комитетъ опять убѣждается и даетъ (бывало) ссуду. Анапско-Сухумская дорога на нѣсколько времени успокаивается, но разъ от-

вѣдавъ казенныхъ денегъ, она снова возгарается желаніемъ подбратъ къ казнѣ. Въ этотъ разъ на помощь призываются соображенія технического свойства, и пишется просьба приблизительно слѣдующей редакціи: «Стальные рельсы прочнѣе, слѣдовательно выгоднѣе желѣзныхъ; поэтому желая соблюсти экономію на ремонтѣ дороги, что дастъ возможность брать правительственную гарантію не сполна, — Анапско-Сухумская дорога предположила: на всеѣ ея протяженіи, желѣзные рельсы замѣнить стальными; но не имѣетъ потребныхъ на это нѣсколькихъ милліоновъ и потому проситъ ихъ у правительствѣ въ ссуду». Министру путей сообщенія бывало не въ первый разъ убѣждаться такою логикой, не въ первый разъ соглашаться на подобное пожертвованіе въ пользу желѣзнодорожной компаніи; поэтому пишется докладъ комитету и курьеръ везетъ его по назначенію. Затѣмъ вопросъ сводится къ тому, застанетъ ли еще курьеръ комитетъ т. е. то учрежденіе, въ которомъ дѣла рѣшаются по волѣ министра, вносящаго представленіе, и докладываются присутствію лишь для формы, или же попадетъ онъ, вмѣсто этого комитета, въ какое нибудь самостоятельное присутствіе, напримѣръ хоть въ департаментъ экономіи государственнаго совѣта. Въ первомъ случаѣ — не можетъ быть отказа, ибо подобное же представленіе министра, утвержденное комитетомъ нѣсколько дней ранѣе, служить прецедентомъ, которому измѣнить значило бы сознаться въ ошибкѣ. Во второмъ случаѣ, т. е. если врученная курьеру бумага, вмѣсто комитета, попала въ департаментъ государственной экономіи, — можетъ выйти сюрпризъ иного свойства; ибо департаментъ неизбѣжно спроситъ: 1) какія государственныя соображенія заставляютъ желать пожертвованія казенныхъ денегъ на Анапско-Сухумскую желѣзную дорогу? 2) Какъ велика сумма государственныхъ пожертвованій, уже сдѣланныхъ на эту дорогу? 3) Не составляютъ ли эти пожертвованія слишкомъ большаго ущерба казнѣ, и не правильнѣе ли было бы вмѣсто выдачи субсидій, періодически компаніей запрашиваемыхъ, поискать подходящихъ мѣръ въ другомъ направленіи?

И вотъ по справкѣ окажется:

1) Что вообще при стѣсненномъ финансовомъ положеніи, нельзя давать ссудъ частнымъ компаніямъ, а кольми паче компаніи Анапско-Сухумской дороги, которая признается правительствомъ бесполезною.

2) Что присвоеніе Анапско-Сухумской дорогѣ правительственной гарантіи — ничѣмъ серьезно не мотивировалось, и прямо противорѣ-

чело вышеупомянутому мнѣнію правительства о бесполезности этой дороги.

3) Что правительственная гарантія въ 800,000 рублей золотомъ—въ примѣненіи къ Анапско-Сухумской дорогѣ,—чистаго дохода не приносящей, составляетъ прямое пожертвованіе въ 64,000,000 рублей золотомъ ($800,000 \times 80$) на однихъ ежегодныхъ выдачахъ въ продолженіи обыкновеннаго срока концессіи; но ежели принять во вниманіе, что дабы уплатить гарантированную сумму, правительство само должно занимать деньги за границею, то сумма потерь правительства возрастетъ до такой цифры, которая съ перваго раза можетъ показаться баснословною.

Примѣчаніе. Точный расчетъ этой суммы, сдѣланный въ предположеніи, что деньги, платимыя компаніи, правительство занимало изъ 5% годовыхъ, указываетъ сумму въ 775.746,651 руб. золотомъ, какъ дѣйствительную потерю, сдѣланную казною въ тотъ моментъ, когда она согласилась гарантировать на 80 лѣтъ 250 верстную Анапско-Сухумскую желѣзную дорогу. Не мудрено предвидѣть, соотвѣтственное этой справкѣ, рѣшеніе по ходатайству за Анапско-Сухумскую дорогу. Оно будетъ безусловнымъ отказомъ, да сверхъ того, оно вызоветъ такія государственныя соображенія, такія общія государственныя мѣры, которыя сдѣлаютъ невозможнымъ повтореніе финансоваго бѣдствія, въ родѣ того, которое только что нами описано. Правда, Анапско-Сухумской дороги въ дѣйствительности нѣтъ, но дѣло не въ названіи, — а что до выставленныхъ фактовъ, то къ нимъ можно подъискать не одинъ примѣръ въ нашей желѣзнодорожной практикѣ.

Чтобы дополнить картину нашего желѣзнодорожнаго дѣла, рѣшительно не имѣющаго точки опоры и вертящагося въ направленіи случайныхъ, получаемыхъ имъ, толчковъ, необходимо обратить вниманіе на образцовую изобрѣтательность въ аргументахъ, сочиняемыхъ, смотря по надобности. Такъ, исходя съ точки зрѣнія, что казенное дорогостроительство никуда не годно, предлагаютъ англійской компаніи постройку дороги до Севастополя, на такихъ условіяхъ, которымъ, по выгоды для строителей, нѣтъ въ желѣзнодорожной практикѣ ничего подобнаго, а вслѣдъ затѣмъ отклоняютъ весьма выгодныя для казны частныя предложенія на постройку той же дороги, — потому что постройку распоряженіемъ казны признаютъ выгоднѣйшею. Такъ, признавая, что казна не можетъ

выгодно эксплуатировать желѣзныя дороги — почти за-даромъ отдають Главному обществу желѣзныхъ дорогъ эксплуатацию наидоходнѣйшей Николаевской желѣзной дороги, а спустя нѣсколько лѣтъ приобрѣла въ казну бездоходную дорогу Харьковско-Николаевскую въ надеждѣ, что эксплуатация оной казенными инженерами будетъ менѣе убыточна.

П. Г. фонъ-Дервизъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Н. И. ПИРОГОВѢ

(одесскій періодъ его дѣятельности).

I.

Н. И. Пироговъ—попечитель учебнаго округа.

Кажется, вскорѣ послѣ паденія Севастополя, знаменитый нашъ ученый Николай Ивановичъ Пироговъ, заслужившій уже европейскую извѣстность въ области медицины, назначенъ былъ попечителемъ одесскаго учебнаго округа. Учебный міръ интересовала не столько медицинская слава Пирогова, сколько вопросы о личности его, какъ администратора и человѣка. Извѣстно, что свѣдѣнія о личности новаго начальника всегда приходятъ на мѣсто раньше, чѣмъ самъ начальникъ; Богъ вѣсть, изъ какихъ источниковъ становятся извѣстными въ заинтересованной средѣ такія подробности о немъ, которыя едва по плечу близкимъ его знакомымъ. Такъ, еще до прибытія Пирогова, говорили, что «новый попечитель» человѣкъ крутой, рѣзкій, съ манерами грубыми, не то что покладистый, мягкій Княжевичъ, бывшій попечитель; что онъ способенъ и выбрать человѣка ни за что, ни про-что и приводили примѣры изъ его медицинской практики хирурга. Административныя лица учебнаго вѣдомства заранѣе уже слегка побаивались его. Однажды, въ VI основной классъ одесской II гимназіи приходитъ директоръ Іосифъ Григорьевичъ Шершеневичъ, замѣнившій Пятину, и съ нѣкоторою взволнованною торжественностью объявляетъ намъ, что на дняхъ придетъ «новый попечитель» округа, Николай Ивановичъ Пироговъ; сдѣлавъ обзоръ нашихъ костюмовъ и замѣтивъ у нѣкоторыхъ кое какой ущербъ,—въ родѣ недостающихъ на скюртукахъ пуговицъ, строго-внушительно приказалъ «привести себя въ порядокъ». Наиболѣе послушные тотчасъ же начали испытующе оглядывать себя,

поддергиваться и почему-то даже покашливать и усиленно сморкаться,— как поступают солдаты, когда имъ объявляютъ: «вольно!» На вопросъ, когда придетъ? Шершеневичъ досадливо отвѣтилъ: «неизвѣстно!»

Вотъ, однажды, сидимъ мы на урокъ латинскаго языка; двери безшумно отворяются и входитъ небольшая, слегка сутуловатая, фигура въ широкомъ пальто-скюртукѣ. Въ первое мгновеніе мы не обратили вниманія и оставались сидѣть на своихъ мѣстахъ. Только слегка вытянувшаяся фигура Протопопова,—нашего учителя латинскаго языка,— и появленіе за спиною новой личности директора Шершеневича, съ выраженіемъ торжественности на застывшемъ лицѣ, — дало намъ понять, что это и есть «новый попечитель», притомъ же директоръ многозначительно и пристально взглянулъ на насъ... Мы догадались и встали. Пироговъ—это былъ онъ—кивкомъ головы поздоровался съ нами и велѣлъ намъ сѣсть. Сказавъ что-то Шершеневичу, Пироговъ усѣлся на концѣ первой скамьи по сосѣдству съ учениками. Шершеневичъ, немного помявшись, тихо вышелъ изъ класса. «Продолжайте, на чемъ остановились!» обратился Пироговъ къ Протопопову. Урокъ возобновился и пошелъ своимъ чередомъ. Пироговъ, спрятавъ руки въ широкіе рукава своего скюртука-пальто, внимательно слѣдилъ за ходомъ урока. Въ это время читали, кажется, *Виргилія*. Онъ взялъ у сосѣда экземпляръ, слѣдилъ за переводомъ, предлагалъ вопросы, поправлялъ неудачный переводъ, вступалъ въ объясненія съ Протопоповымъ, если тотъ,—по мнѣнію Пирогова,— не совсѣмъ точно передавалъ какое нибудь замысловатое выраженіе—одно изъ тѣхъ, спорныхъ, которые переводятся различно самыми лучшими латинистами. Приведа филологическія и историческія основанія мнѣнія, почему такъ, а не иначе слѣдуетъ перевести данное выраженіе, Пироговъ смягчалъ свое мнѣніе, прибавляя: «мнѣ кажется», «я думаю». Слегка оторопѣвшій вначалѣ, Протопоповъ ободрился и объясненіе съ Пироговымъ продолжалъ свободно. Зная, что при такихъ посѣщеніяхъ принято вызывать лучшихъ учениковъ, Пироговъ самъ вызывалъ нѣкоторыхъ, между прочимъ, толкнулъ своего сосѣда и велѣлъ переводить. Тотъ, было, всталъ. «Не надо, не надо! Читайте, сидя!» Бѣдный «сосѣдъ», слегка поддергивая плечами и подправляясь, началъ переводить. Въ нашемъ классѣ Пироговъ просидѣлъ весь урокъ.

Обыкновенно онъ оставался въ классѣ въ теченіи всего урока, если это былъ урокъ латинскаго языка, исторіи, русской словесности и физики. Мы скоро могли замѣтить, что онъ знатокъ этихъ предметовъ и что вопросы онъ предлагалъ не общіе какіе нибудь, заранее заученные, а тѣ, которые случайно возникали изъ хода урока. Скоро мы перестали стѣсняться и даже ближайшій сосѣдъ находилъ

возможнымъ совершенно свободно сидѣть: ученый человѣкъ, простой безъ малѣйшей афектаціи и дѣланности заслонилъ собою попечителя-начальника. На урокъ исторіи нѣкоторые ученики позволяли себѣ пускаться «въ разсужденія»; Пироговъ выслушивалъ, вставляя свои замѣчанія, иногда смѣялся, если ученикъ зарাপортуется. Посторонній, войдя въ классъ, никогда бы не догадался, что здѣсь сидитъ попечитель, да еще какой: — европейская знаменитость Пироговъ! — до такой степени обстановка класса, посадка учениковъ и манера учителя представлялись заурядными; въ классѣ никакого гимназическаго начальства не присутствовало. Входилъ Пироговъ, какъ я уже замѣтилъ, безшумно, въ качествѣ обыкновеннѣйшаго простѣйшаго смертнаго, безъ всякой обычной свиты. Только разъ его сопровождалъ директоръ, къ которому Пироговъ, какъ оказалось, отнесся лишь, какъ къ путеводителю; введя въ классъ, путеводитель этотъ тотчасъ же вышелъ. При послѣдующихъ посѣщеніяхъ, о которыхъ заранѣе никто обыкновенно не зналъ, Пироговъ, войдя въ зданіе гимназіи и идя одинъ по длиннѣйшему корридору, самъ наталкивался на какого нибудь случайнаго путеводителя въ родѣ надзирателя, выпедшаго изъ класса ученика, сторожа или инспектора Минакова. У такого случайнаго путеводителя онъ спрашивалъ, гдѣ такой-то классъ; тотъ доводилъ посѣтителя до дверей и удалялся, такъ какъ Пироговъ двери отворялъ самъ. Приходилъ онъ въ гимназію обыкновенно пѣшкомъ; многіе маленькіе ученики его не знали и при встрѣчѣ въ воротахъ, не снимая фуражки, съ любопытствомъ озирались на него, потомъ сами же и разсказывали надзирателю, за что и получали должный выговоръ. Въ грязный сезонъ Пироговъ приходилъ въ большихъ галошахъ-корабляхъ, съ засученными панталонами, и такъ и входилъ въ классъ и садился на скамѣ, слегка сгорбившись. Какъ теперь вижу эту невысокую фигуру съ большими сѣдоватыми баками, съ густыми нависшими бровями, изъ-подъ которыхъ выглядывали два маленькіхъ, остро-проницательныхъ глаза; выслушивая объясненія, Пироговъ иногда пристально всматривался въ говорившаго; маленькіе глаза его пронизывали человѣка насквозь, какъ бы совершали духовную діагнозу говорившаго... Казалось, что подъ слою фразъ эти маленькіе, углубленные въ орбиты, глаза желали схватить самое нутро. Хотя гимназическое начальство принимало мѣры для чистоты классныхъ комнатъ, но онѣ оказались совершенно напрасными. Пироговъ, входя въ классъ, вовсе не обращалъ вниманія на обстановку; сидѣлъ въ классѣ, уткнувшись въ книгу или пристально смотря на говорившаго съ нимъ, и мнѣ кажется, что если-бы посреди комнаты стояла кадушка, то навѣрное онъ бы ея не замѣтилъ; еще менѣе замѣтилъ бы

онъ недостающія на сюртукахъ пуговицы или высунувшіяся воротничекъ сорочки, что гимназическими правилами воспрещалось. Такъ вотъ онъ, суровый и жестокий человѣкъ! повторяли многіе изъ насъ, ознакомившись съ личностью Пирогова. Нисколько не погрѣшая передъ истинною, я могу сказать, вспоминая прошлое, что мы любили «этого суроваго и жесткаго человѣка»; мы съ свободнымъ, искреннимъ уваженіемъ относились къ нему; молодой инспекторъ нашъ угадалъ въ немъ великаго человѣка-гуманиста, прежде еще, чѣмъ о немъ заговорили въ Одессѣ, во всѣхъ слояхъ общества. Бѣдные ученики, не имѣвшіе средствъ платить доктору, обращались къ Пирогову въ качествѣ пациентовъ и иногда, къ великому удивленію гимназическаго низшаго начальства — надзирателей — даже съ нецензурными болѣзнями. «И какъ это у васъ хватило смѣлости идти съ такою болѣзью къ г. попечителю! Вотъ увидите, будетъ вамъ!» Намекалось, значить, на исключеніе или другую кару. Ученики только посмѣивались и съ самодовольствіемъ передавали разговоръ свой съ Пироговымъ. Къ ученику-пациенту Пироговъ относился такъ, какъ къ пациенту, подробно разспрашивалъ его, осматривалъ, прописывалъ рецептъ и назначалъ, чрезъ сколько дней пациентъ опять долженъ придти. Нечего и говорить, что предсказанія начальства о дурныхъ послѣдствіяхъ для ученика никогда не сбывались. Единственнымъ послѣдствіемъ было то, что ученикъ выздоравливалъ и сберегалъ нѣсколько лишнихъ рублей, которые бы долженъ былъ истратить на докторовъ.

Въ то время, когда Пироговъ былъ назначенъ попечителемъ, въ низшихъ и среднеучебныхъ заведеніяхъ (до IV класса) царя розга, какъ общеупотребительное средство исправленія поведения и успѣховъ. То же было и во второй одесской гимназій. Кромѣ розги, практиковалась и кулачная расправа. Во второй одесской гимназій съ этой стороны пріобрѣлъ знаменитость учитель нѣмецкаго языка въ низшихъ параллельныхъ классахъ Андріяевичъ. Это былъ свирѣпѣйшій человѣкъ, громадныхъ размѣровъ, черный, какъ тараканъ, съ движеніями угловатыми, большими выкатившимися черными глазами. Обходился нѣсколько сдержанно съ учениками взрослыми; по отношенію къ нимъ онъ ограничивался непечатною бранью, передразнивалъ ихъ и грызся съ ними; бойкіе ученики не оставались у него въ долгу и позволяли себѣ острить и посмѣиваться надъ нимъ. Вообще же съ ними онъ держался на приличной дистанціи, если только можно произносить «приличіе», вспоминая Андріяевича. Какъ бы то ни было, не смотря на свои громадные размѣры и свирѣпый видъ, это былъ въ то же время человѣкъ трусливый, въ особенности послѣ того, когда одинъ изъ бойкихъ учениковъ его какъ-то

совѣмъ невѣжливо проучилъ. Но въ средѣ малолѣтней мелюзги Андріасевичъ царилъ безъ малѣйшаго удержа, давая волю своимъ дикимъ инстинктамъ. У Андріасевича я не учился. Но кромѣ того, что о его отношеніяхъ къ ученикамъ извѣстно было не только въ гимназіи, но и въ городѣ, я могъ самостоятельно составить понятіе о его преподаваніи. Присутствіе Андріасевича въ смежномъ классѣ легко замѣчалось: громкая ругань ментора, взвизгиванія и неистовый плачь жертвъ—все это давало знать, что въ сосѣднемъ классѣ идетъ урокъ нѣмецкаго языка. Съ маленькими учениками онъ поистинѣ свирѣпствовалъ, какъ озлившійся и опьянѣвшій слонъ. Прежде всего окатить потокомъ площадной брани, причемъ, если ученикъ оказывался «изъ простыхъ», часть брани обязательно удѣлялась и на долю неизвѣстныхъ ментору родителей, за то, что произвели-де на свѣтъ «такую дрянь», «стояло трудиться», острилъ менторъ. Если брань недостаточно проникала ученика и тотъ позволялъ себѣ улыбнуться остроумію наставника, Андріасевичъ приходилъ въ благородное негодованіе. «Такъ ты, такой, сякой (нѣсколько непечатныхъ словъ), еще скулы скалить! Вотъ же тебѣ!» Ученикъ неистово вскрикиваетъ; изъ носа или изъ зубовъ появляется кровь! Сидѣвшимъ на 3-й и 4-й скамьяхъ ученикамъ приходилось еще хуже. Разсвирѣпѣвшій учитель терялъ всякое терпѣніе и, не желая ожидать, пока провинившійся преступникъ самъ явится на экзекуцію, Андріасевичъ быстро наклонялся своею длинною фігурою надъ скамьями и за что попало—за воротникъ, за волосы, за ухо—перетаскивалъ ученика черезъ скамейки и столы, что было не трудно, такъ какъ вѣсу въ 10, 11-лѣтнемъ преступникѣ оказывалось немного. Разъ онъ до глубокой раны надорвалъ ухо; ученикъ упалъ въ обморокъ; свирѣпый менторъ вдругъ струсилъ, поблѣднѣлъ и засѣменилъ передъ израненнымъ и даже не выругался, когда ученики хоромъ затаили: «ага! что, струсили! Вотъ узнаетъ директоръ,—достанется вамъ!» Узнавалъ директоръ и всѣ, и Андріасевичъ продолжалъ свирѣпствовать, только вытаскивая учениковъ не за ухо, а за волосы или воротникъ. Кровь на лицѣ, шишки на головѣ (онъ очень мѣтко бросалъ мѣломъ), клокъ выдернутыхъ волосъ—таковы вещественные результаты часового пребыванія Андріасевича въ классѣ нѣмецкаго языка. Замѣчательно, что этотъ наставникъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, безпрепятственно просвѣщалъ юношество и если бы не новый попечитель, то продолжалъ бы еще многія лѣта учительствовать. Онъ приобрѣлъ популярность далеко внѣ предѣловъ ученическаго міра. Надъ нимъ смѣялись въ обществѣ, какъ онъ, широко разводя руками въ видѣ большого круга, изображалъ нуль, повторяли его грубо-циническія остроты, пародировали перета-

скиваніе учениковъ черезъ парты... Разумѣется и десятая часть подвиговъ этого наставника осталась неизвѣстною Пирогову; но достаточно было и немногаго, чтобы Пироговъ попросилъ его убраться. Что касается сѣченія, то, вслѣдъ за назначеніемъ Пирогова, розга перестала практиковаться. При немъ уже не было ни одного случая сѣченія и такимъ образомъ еще задолго до официального упраздненія розги (въ 1863 г.) она фактически была изъята изъ учебныхъ заведеній учебнаго одесскаго округа; о какой либо даже мягкой, если можно такъ выразиться, кулачной расправѣ при немъ также и помину не было. Авторъ «Вопросовъ жизни» нѣсколькими годами опередилъ законодательное упраздненіе тѣлеснаго наказанія въ разныхъ его видахъ сѣченія, заушенія, дранья за уши и т. п.

Когда впоследствии я прочелъ извѣстную статью Добролюбова— «Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами», я былъ сильно огорченъ, не за Пирогова, разумѣется, какъ человѣка, котораго мы все, а я еще болѣе, знали и какъ человѣка, и какъ педагога, но за Добролюбова, котораго я уважалъ, какъ талантливаго публициста-критика. Мнѣ уже тогда казалось непростительною со стороны Добролюбова небрежностью и тривиальностью такъ отнестись къ общественному дѣятелю, который и словомъ, и дѣломъ достаточно успѣлъ проявить свои свѣтлые, гуманные взгляды на дѣло образованія. Мы, знавшіе Пирогова, предугадывали причину происхожденія Киевскихъ Правилъ (которыя, что касается сѣченія, вовсе однако же не примѣнялись). Слово съ дѣломъ не расходилось у Пирогова. Разъ найдя разумнымъ и примѣнивъ извѣстное начало, онъ самъ уже подчинялся ему, не смотря на отдѣльныя неприятныя ему послѣдствія примѣненія того начала. Онъ высоко цѣнилъ коллегіальное начало и примѣнялъ это начало при всякомъ обсужденіи общихъ вопросовъ въ учебномъ вѣдомствѣ; онъ находилъ, что строгое примѣненіе единоличной власти въ сложныхъ жизненныхъ отношеніяхъ болѣе вредно, чѣмъ тѣ частности, которыя являются послѣдствіями коллегіальнаго начала. Разъ допустивъ коллегіальное начало обсужденія правилъ, Пироговъ и подчинился большинству членовъ комитета. Что бы сказалъ тотъ же Добролюбовъ, если бы Пироговъ отвергнулъ мнѣніе комитета? Вѣроятно написалъ бы статью подъ заглавіемъ: «Гуманистъ, превратившійся въ мандарина», или что нибудь въ такомъ родѣ.

Противникъ единоличныхъ распоряженій, онъ же ввелъ студенческій судъ въ Рижельевскомъ лицѣѣ. Проступокъ, который становился извѣстнымъ товарищамъ или университетскому начальству, передавался на обсужденіе университетскаго суда, организованнаго изъ нѣсколькихъ студентовъ, и нельзя сказать, чтобы этотъ судъ дѣлалъ по-

блажки товарищамъ и относился бы снисходительнѣе начальства. Помню случай (дѣло Супруненко и Чорбажогло), гдѣ провинившійся исключень былъ изъ лица на полгода, хотя проступокъ его не заключалъ въ себѣ ничего позорящаго. При немъ же возникла студенческая библиотека. Стремясь пріохотить учащуюся молодежь къ умственной самодѣятельности, Пироговъ въ средѣ учениковъ старшихъ классовъ двухъ одесскихъ гимназій устроилъ литературные вечера, на которые, кромѣ учениковъ, собирались нѣкоторые учителя гимназій и профессора; Пироговъ всегда присутствовалъ на этихъ вечерахъ, слѣдя за ходомъ дебатовъ.

Скажу нѣсколько словъ о его медицинской дѣятельности. Конечно, это будетъ сказано не въ оправданіе его противъ тѣхъ, появившихся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, розказней, которыя трактовали о его алчномъ корыстолюбіи; чистая, незапятнанная память этого человѣка вовсе не нуждается въ такомъ оправданіи.

II.

Медицинская практика Н. И. Пирогова.

Я уже говорилъ, что ученики гимназій пользовались у Пирогова, въ качествѣ пациентовъ, отчасти потому, что ему за это можно было не платить. Такого же взгляда держалась и масса бѣднаго населенія Одессы и окрестностей. Въ извѣстные часы квартира Пирогова биткомъ набита была народомъ, въ средѣ котораго хорошо одѣтые составляли весьма слабый элементъ. Мнѣ самому приходилось пользоваться у Пирогова, а потому я могу говорить въ качествѣ очевидца.

Въ тѣ относительно патріархальныя времена доступъ къ знаменитости обходился дешево. Теперь же въ такихъ случаяхъ, чтобы получить доступъ къ медицинской знаменитости, нужно заплатить лакею больше иногда, чѣмъ самой знаменитости.

Пріемное время. Зало и передняя полны народа, въ которомъ множество разнообразныхъ болѣзней находятъ своихъ представителей. Единственный служба отъ времени до времени протискивается сквозь толпу, исполняя домашнія порученія. Среди публики слышится сдержанный разговоръ «in lower key», происходитъ какое-то неопредѣленное гудѣніе. Оно иногда прерывается рѣзкимъ еврейскимъ жаргономъ-харканьемъ. Засаленный еврей, распространяя вокругъ себя жгучій аромат промозглаго чесноку и усиленно работая плечами, на-

ступаетъ на ноги, обрываетъ платье; можно подумать, что особенное что нибудь случилось... Ничуть не было. Ему просто хочется пробраться поближе къ завѣтной двери; спѣшные гешефты ожидаютъ его на улицѣ и времени нельзя терять. Наконецъ, въ назначенный часъ завѣтная дверь открывается и въ ней показывается ассистентъ Пирогова, докторъ Земишкевичъ, съ приглашеніемъ войти... Но прежде, чѣмъ мы вступимъ въ кабинетъ, посмотримъ, что происходитъ въ приемномъ залѣ. Въ растворенную дверь протискивается сразу нѣсколько человѣкъ, но вовсе не вслѣдствіе чрезвычайной вѣжливости гоголевскихъ героевъ, завязнувшихъ въ дверяхъ именно потому, что каждый хотѣлъ уступить другъ другу дорогу, а напротивъ вслѣдствіе эгоистическаго желанія первому протолкнуться въ кабинетъ. Этотъ штурмъ не производитъ на Пирогова никакого видимаго впечатлѣнія; по-прежнему онъ сидитъ недвижимо въ своемъ глубокомъ креслѣ и можно подумать, что это статуя, если бы не живые маленькіе глаза, зорко высматривающіе изъ-подъ густыхъ бровей... Быть можетъ умъ его занятъ какою нибудь интересною медицинскою гипотезою, но, можетъ быть, при видѣ протискивающихся пациентовъ, онъ занялся совсѣмъ даже мелочнымъ вопросомъ: «кто-де изъ нихъ одержитъ верхъ и скорѣе вступитъ въ кабинетъ?» Чѣмъ дольше приемъ, тѣмъ, разумѣется, больше оказывается нетерпѣливыхъ, въ особенности изъ среды еврейской публики.

Вновь открывается дверь и показывается Земишкевичъ. «Войдите!» Но не тутъ-то было. Изъ толпы раздается надорванно-богѣзненный крикъ. Кому-то сдѣлалось дурно. Притворивъ дверь, Земишкевичъ идетъ въ толпу... На это и рассчитывалъ упавшій въ обморокъ еврейчикъ. Онъ немедленно воскресаетъ и прицѣпляется къ Земишкевичу; за нимъ другіе. «Куда вы! Нельзя всѣмъ вдругъ; кто нибудь одинъ! Да ну же, говорятъ, отстаньте». Бѣдный Земишкевичъ работаетъ ногами, руками и плечами... Къ нему уже плотно прицѣпилось нѣсколько израильтянъ. Борьба становится неровною и навьюченный ассистентъ вноситъ настойчивыхъ пациентовъ въ обѣтованный кабинетъ. Въ публикѣ слышатся смѣшки, а у бѣднаго ассистента потъ катится градомъ. Семейное начало у евреевъ очень развито и вотъ вслѣдствіе этого прекраснаго начала происходятъ такіа сцены. Земишкевичъ желаетъ пропустить очереднаго израильтянина; но къ послѣднему моментально протискиваются еще два, три человѣка, начинается слезная просьба впустить ихъ вмѣстѣ; одинъ изъ нихъ оказывается швагеромъ очереднаго, другой братомъ, третій племянникомъ. Ассистентъ убеждаетъ, отталкиваетъ; но все напрасно; семейное начало торжествуетъ и родственная группа входитъ въ кабинетъ, внося съ собою промозглый чесночный запахъ.

Въ каникулярное время Пироговъ жилъ въ приморской нѣмецкой колоніи Люсдорфѣ. Два раза въ недѣлю, кажется по средамъ и субботамъ, онъ наѣзжалъ въ городъ для пріема больныхъ. Въ эти пріемные дни народу бывало еще больше и описанныя сцены чаще всего происходили въ лѣтній сезонъ. Кто бывалъ въ эти пріемные дни, не могъ надивиться крѣпости нервовъ знаменитаго хирурга. Почти банная жара; воздухъ удушливый, пропитанный испареніями грязныхъ, больныхъ тѣлъ и прохваченный жгучимъ, ѣдкимъ запахомъ чесноку. Нужно было много стоицизма и любви къ ближнему, чтобы выдержать нѣсколько часовъ такого самоистязанія...

Но войдемъ еще въ кабинетъ. Убранство самое простое. Большой письменный столъ, на которомъ въ безпорядкѣ разбросаны книги, брошюры, исписанные листы бумаги, нѣсколько хирургическихъ инструментовъ, въ сторонѣ анатомическій столъ, раздвижное кресло, умывальникъ. По стѣнамъ нѣсколько портретовъ и географическихъ картъ; тутъ же на гвоздикахъ висятъ полотенца и прицѣплены гутаперчевыя трубочки; въ одномъ изъ угловъ вѣшалка для платья... Передъ письменнымъ столомъ кожаное вольтеровское кресло, изъ котораго выглядываетъ немного съезжившаяся фигура Пирогова. Привѣтствуетъ онъ всѣхъ одинаково: разодѣтая ли въ шелки дама, пропитанный чеснокомъ еврей или напудренный известью рабочій — всѣхъ онъ одинаковымъ кивкомъ головы приглашаетъ приблизиться къ креслу... Въ разговоры ни съ кѣмъ не вступалъ, а ставилъ лишь вопросы, которые вызывали лаконическіе отвѣты. Бывали частыя попытки къ разглагольствованіямъ, въ особенности со стороны прекрасной половины, и по поводу какого нибудь порѣзаннаго пальца являлось покушеніе начать издалека, съ младенческихъ лѣтъ, разказать о своихъ привычкахъ, характерѣ и еще, Богъ знаетъ, о чемъ. Но Пироговъ всегда обрывалъ разговоръ, если, разумѣется, находилъ, что онъ вовсе не нуженъ для излеченія пациентки.

Многіе были этимъ недовольны, называли его грубымъ, но ходить все-таки продолжали, хотя вѣжливыхъ докторовъ въ Одессѣ могли найти не мало.

Изъ пациентовъ наибольшему испытанію подвергали терпѣніе Пирогова израильяне. У большинства изъ нихъ оказывалось по нѣсколько разнообразнѣйшихъ болѣзней, но пациентъ почему-то стѣсняется сразу пересчитать ихъ. Начинается пытка. Обычный вопросъ: что у васъ? и пристальный взглядъ маленькихъ глазъ... «все, вотъ, покашливаю», слабымъ голосомъ протягиваетъ пациентъ. Слѣдуетъ нѣсколько вопросовъ, послушиваніе и постукиванье грудной полости и нѣсколько быстро произнесенныхъ въ сторону ассистента Земишкевича словъ и—

рецептъ готовъ. Но сеансъ еще не оконченъ: «у меня, г. докторъ, еще нарывъ подъ мышкою»... Покажите! Осмотръ нарыва. Нѣсколько словъ Земишкевичу и рецептъ. Пироговъ утопаетъ въ креслѣ, скрываетъ руки въ широкіе рукава пальто-сюртука и ожидаетъ слѣдующаго. «А у меня, г. докторъ, поясницу ломить!» и на лицѣ страдальческое выраженіе, вся фигура болѣзненно изгибается, какъ будто только что пациента невидимый кулакъ хватилъ подъ мыщечки. Осмотръ поясницы, нѣсколько вопросовъ, объясненіе съ Земишкевичемъ и рецептъ. Въ заключеніе квалифицированный пациентъ кладетъ на столъ какую-то мелкую серебряную монету... Лицо его нѣсколько сконфужено... Столь болѣзней—и 20 коп.! Маловато! Но конфузится онъ совершенно напрасно: если бы вмѣсто 20 коп. онъ положилъ свои старыя онучи, то Пироговъ, разумѣется, не замѣтилъ бы. Маленькіе глаза его никакии экскурсіи по столу не предпринимали, а Земишкевичъ, занятый вскиваніемъ пациентовъ или составленіемъ рецептовъ, тоже ничего не замѣчалъ. Говорятъ нѣкоторые очевидцы (самъ я этого не замѣчалъ), что нѣкоторые изъ пациентовъ, положивъ на столъ двугривенный, забирали нѣсколько рублевиковъ бумажныхъ. Со стороны возможности совершать такіе обмѣны—разсказы эти вполне вѣроятны. Все зависѣло отъ взгляда пациента: захотѣлъ «обмѣнять» и обмѣнилъ.

Замѣчательно, что этотъ человекъ, такъ мало любившій говорить, былъ популярнѣйшимъ человекомъ въ Одессѣ и, кажется, эта популярность привела его въ столкновение съ бывшимъ генераль-губернаторомъ графомъ Строгановымъ, которое имѣло своимъ послѣдствіемъ переводъ Пирогова въ Кіевъ.

III.

Литературные вечера.

Это было во второй половинѣ 1856 г. Пирогову пришла мысль устроить литературные вечера въ средѣ учениковъ обѣихъ одесскихъ гимназій. Цѣль ихъ—оживить въ ученикахъ интересъ къ умственной дѣятельности внѣ обязательныхъ урочныхъ занятій; путемъ взаимныхъ диспутовъ развить навыкъ говорить публично и—нечего грѣха таить—отвлечь учениковъ отъ бездѣлья и дебоширствъ ихъ внѣ гимназической жизни, которая въ то время преисполнена была иногда весьма даже эксцентричныхъ приключеній... По мысли Пирогова, содержаніе литературныхъ вечеровъ должно было состоять въ слѣдующемъ: ученикъ чи-

тасть свое «произведеніе», написанное имъ на тему по собственному выбору. Темы могутъ быть разнообразныя: изъ области науки и изъ беллетристики. Если тема научная, то для болѣе легкаго уразумѣнія слушателями-товарищами основныхъ идей автора ученикамъ заранѣе предлагалось сущность своего произведенія изложить въ заключительныхъ положеніяхъ, тезисахъ, около которыхъ оппонентамъ легче ориентироваться. Предполагалось, что оппонировать автору будутъ только его товарищи, какъ равные по силамъ бойцы. Учителя и профессора присутствуютъ въ качествѣ слушателей и для разрѣшенія фактическихъ недоразумѣній, которыя могутъ возникнуть въ диспутахъ. Напр., требуется установить какой нибудь научный фактъ, который обѣимъ спорящимъ сторонамъ оказывается недостаточно извѣстнымъ. Тутъ на подмогу приходитъ учитель или профессоръ и разрѣшаетъ недоразумѣніе. Кромѣ словесныхъ возраженій, допускались письменныя рецензіи, которыя читались на слѣдующемъ вечерѣ или на третьемъ, четвертомъ вечерѣ. Сочиненія за два или три дня до «вечера» проходили черезъ цензуру того учителя, по предмету котораго сочиненіе написано. Это были учителя исторіи и словесности, потому что обыкновенно по ихъ предметамъ писались сочиненія.

Литературные вечера продолжались съ 7 до 11, 12 часовъ ночи и собирались въ большой залѣ 1-й гимназіи, помѣщавшейся въ казенномъ домѣ на углу Екатерининской и Дерибасовской улицъ. Ученики 1-й и 2-й гимназій разсаживались отдѣльно. Въ концѣ продолговатой, образующейся между ними, площадки кафедры, къ которой подходилъ авторъ, становясь лицомъ къ профессорамъ и учителямъ, размѣстившимся на стульяхъ. Ученики же сидѣли на скамьяхъ.

На литературные вечера допускались ученики послѣднихъ трехъ классовъ. Хотя посѣщеніе считалось необязательнымъ, но «вечера» посѣщали исправнѣе, чѣмъ классы; по крайней мѣрѣ, я не замѣчалъ, чтобы изъ учениковъ 2-й гимназіи кто нибудь пропускалъ вечера.

Существовавшій между 2-й и 1-й гимназіями какой-то непонятный антагонизмъ отражался и на литературныхъ вечерахъ, совершенно, впрочемъ, своеобразно. Напр., автору изъ 1-й гимназіи возражали ученики 2-й гимназіи и наоборотъ. Бывали исключенія, но они исходили изъ среды учениковъ 2-й гимназіи, гдѣ корпоративный духъ не былъ развитъ въ такой степени, какъ въ 1-й гимназіи. Здѣсь онъ охватывалъ даже учителей. И напр., когда дѣло касалось рецензій на сочиненіе ученика 2-й гимназіи, то учитель 1-й гимназіи усердно помогалъ и словомъ, и дѣломъ рецензенту; подобной помощи во 2-й гимназіи не бывало.

Изъ лицъ, читавшихъ на литературныхъ вечерахъ, вспоминаю:

Александра Апполоновича Скальковскаго, небольшого роста блѣднаго юношу, очень хорошо учившагося. Читалъ онъ длинную статью о крестовыхъ походахъ—по Мишле. Изъ нашей братіи, учениковъ, нѣсколько человекъ сдѣлали замѣчанія, но главнымъ оппонентомъ явился профессоръ всеобщей исторіи Александръ Ивановичъ Георгіевскій. Отстаивая свои взгляды (т. е. Мишле) противъ возраженій товарищей, авторъ, подавленный неотразимыми доводами профессора, который оспаривалъ «даже» многие взгляды Мишле, превратился въ слушателя краснорѣчивой лекціи профессора. Профессору захотѣлось пощеголять ораторскимъ искусствомъ, такъ какъ тутъ сидѣлъ Пироговъ. Вспомнилъ также Федора Никитича Шведова, — прочитавшаго интересную и остроумную статью на тему пословицы «не похорошу миль, а по милу хороше». Чтеніе вызвало оживленныя пренія среди учениковъ, такъ какъ тема была намъ по плечу. Не могу забыть Николая Ивановича Ярова, прочитавшаго какой-то юмористическій разсказецъ, который хотя, относительно «слога», и вызвалъ нѣсколько замѣчаній, но вообще намъ понравился. Александра Яковлевича Пассовера, — написавшаго длиннѣйшую статью, кажется, подъ заглавіемъ «Обзоръ русской литературы въ сороковыхъ годахъ». Масса учености, чрезвычайно ловкія параллели и остроумные выводы поставили даже въ тупикъ учителей русской словесности. Вторая гимназія въ лицѣ Пассовера могла таки похвалиться передъ первою гимназіею, которая изъ своей среды не выдвинула ни одного такого ученаго мужа, какъ нашъ Пассоверъ. Но коварный учитель русской словесности 1-й гимназіи (не помню его фамиліи) разочаровалъ насъ. Съ его дѣятельнымъ участіемъ ученикъ 1-й гимназіи Домонтовичъ (Яковъ) написалъ рецензію къ одному изъ слѣдующихъ вечеровъ. Говорили тогда, что составилъ рецензію учитель, а Домонтовичъ переписалъ, да съ сознаниемъ собственного достоинства прочиталъ ее на вечерѣ. Рецензія вообще вещь скучная, а тѣмъ болѣе ученическая. Но эта рецензія представляла собою счастливое исключеніе. Всѣмъ намъ было весело и мы отъ души смѣялись; смѣялись и учителя, и профессора, и даже серьезный всегда Пироговъ. При этомъ не догадались даже подивиться необыкновенной усидчивости, терпѣнію и кропотливости почтеннаго Пассовера. Оно, впрочемъ, понятно, такъ какъ все наше вниманіе поглощено было чтеніемъ рецензіи. Но прежде чѣмъ началось чтеніе, мы съ недоумѣніемъ смотрѣли на небывалыя приготовления рецензента. Приготовленія эти состояли въ томъ, что онъ размѣщаль цѣлый ворохъ книгъ на кафедрѣ и около кафедры на стульяхъ. Чтеніе началось въ такомъ родѣ: «вотъ г. Пассоверъ начинается свой «обзоръ» такъ» (читается нѣсколько строкъ). «Но обращаясь къ «Библиотекѣ для чтенія» за такой-то годъ, мы на такой-то

страницѣ читаемъ буквально это же самое» (прочитывается изъ журнала то-же самое слово въ слово). «Далѣе г. Пассоверъ приводитъ свое мнѣніе» (читается полстраницы изъ рукописи Пассовера), «но обращаясь къ такому-то журналу, мы на страницѣ такой-то встречаемъ тѣ-же фразы» и т. д. и т. д., все оказалось надерганнымъ изъ разныхъ старыхъ журналовъ; оказалось, что Пассоверъ повиненъ лишь въ самостоятельномъ размѣщеніи союзовъ тамъ, гдѣ нужно было связать фразы, взятая изъ разныхъ мѣстъ журналовъ, да еще въ маленькихъ вариантахъ относительно отзывать о томъ или другомъ писателѣ. Напр. въ такомъ то журналѣ, на такой-то страницѣ говорится: «это былъ талантливѣйшій романистъ того періода», а у Пассовера: «это былъ одинъ изъ талантливѣйшихъ романистовъ того періода». Добросовѣстный рецензентъ привелъ всѣ эти варианты. Чтеніе рецензіи перерывалось то громкимъ, то сдержаннымъ глухимъ смѣхомъ; въ особенности смѣялись ученики I-й гимназіи. Для нихъ это былъ настоящій побѣдный турниръ.

— Ахъ, г. Пассоверъ, г. Пассоверъ! да вы совершили настоящій грабежъ! восклицаетъ Пироговъ и маленькіе глаза его превесело смѣются.

Литературные вечера исподволь стали уклоняться отъ основной ихъ мысли — взаимнаго состязанія равныхъ силъ, принявъ характеръ университетской аудиторіи, въ которой одинъ читаетъ лекціи, а другіе слушаютъ. Послѣ плавной, выложенной рѣчи оппонента — профессора что могли прибавить оппоненты-ученики? Противъ цѣлаго арсенала ученыхъ аргументовъ, цитатъ и хитросплетенныхъ выводовъ, что могъ выставить авторъ, запасъ свѣдѣній котораго исчерпывался учебникомъ и нѣсколькими на-скоро прочитанными книжками. Вздумаешь опереться на мнѣнія, высказываемыя въ этихъ книжкахъ, но вдругъ весьма убѣдительно и краснорѣчиво докажутъ невѣрность этихъ мнѣній и цитируютъ болѣе авторитетныхъ писателей. Куда ужъ, думаетъ, соваться съ суконымъ рыломъ въ «гостинный рядъ»!... И авторъ, махнувъ рукой на свою роль оппонируемаго автора, превращается въ внимательнаго слушателя лекціи, которая интересна для него, какъ нѣсколько ознакомившагося съ предметомъ, но нельзя сказать, чтобы особенно интересна была для его товарищей. Въ средѣ ихъ замѣчаютъ зѣвки, слышится перешоптыванье. Тщетно послѣ такой лекціи Пироговъ предлагаетъ желающимъ оппонировать, — желающихъ не оказывается...

Подъ влияніемъ всѣхъ этихъ мыслей и наблюденій я написалъ статью подъ заглавіемъ: «Что такое наши литературные вечера?»

гдѣ только что высказанное я развилъ подробнѣе и иллюстрировалъ примѣрами.

Статью мою передалъ на предварительную цензуру учителю русской словесности Картамышеву.

Обыкновенно просмотрѣ учителя и завершалась цензура. Но въ данномъ случаѣ, одобряя мою мысль, Картамышевъ нашелъ ее чрезъчуръ рѣзко высказанною, а потому передалъ статью на дальнѣйшій просмотръ инспектору Минакову и директору Шершеневичу. Апелляціонная цензурная инстанція тоже усумнилась въ возможности пропустить мою статью. «Литературные вечера» — созданіе Пирогова, а мы пишите памфлетъ на эти вечера... Неловко!» Такъ моя статья недѣли двѣ и оставалась у нихъ. Ужъ не знаю почему, они все таки не возвращали мнѣ ея. Однажды приходитъ въ нашъ классъ Пироговъ. Шершеневичъ заводитъ рѣчь о литературныхъ вечерахъ и кстати вспоминаетъ о моей статьѣ. Онъ ее не рѣшается пропустить... «Почему?» «Написана, кажется, съ излишнею рѣзкостью»... «Покажите!» Показываетъ. Пироговъ читаетъ и разрѣшаетъ ее прочесть...

Содержаніе статьи мною было «прочувствовано»; она мнѣ врѣзалась въ память, а потому я ее проговорилъ, почти не прибѣгая къ рукописи.

Статья эта почти для всѣхъ была совершенною неожиданностью. и потому, вѣроятно, ее слушали, какъ я замѣтилъ, съ нѣкоторымъ интересомъ не только мои товарищи, но и ученые мужи. Они же мнѣ и возражали. Такъ какъ я стоялъ на почвѣ моихъ собственныхъ убѣжденій, то считалъ себя въ силахъ состязаться съ оппонентами, тѣмъ болѣе, что въ данномъ случаѣ ихъ ученый арсеналь не находилъ примѣненія.

Слыхалъ тогда, что готовится «громоздкая рецензія» на мою статью-памфлетъ. Но она не появилась; литературные вечера черезъ двѣ недѣли послѣ этого прекратились.

Л. Добровъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПОМИНКИ ПО Н. И. КОСТОМАРОВЪ

† 7-го апрѣля 1885 г.

I.

Недавно смерть похитила у русской исторіи одного изъ самыхъ видныхъ ея служителей. Я говорю о смерти Н. И. Костомарова.

Едва ли не лишне было-бы доказывать, что смерть полезнаго и выдающагося общественнаго дѣятеля неизбежно должна налагать обязанности на людей, которые близко знали покойнаго, его характеръ, его частную жизнь и условія, въ коихъ онъ вращался, его привычки, способъ его работы и для которыхъ болѣе ясенъ былъ его нравственный обликъ какъ человѣка и работника, — не оставлять этого въ забвеніи, ибо это есть то, что покойный не успѣлъ или не могъ высказать въ своихъ трудахъ, всѣмъ извѣстныхъ, а унесъ, такъ сказать, съ собою въ могилу.

Если для науки дороги добываемыя курганными раскопками свѣдѣнія о давно отжившихъ поколѣніяхъ и формахъ ихъ жизни, о людяхъ каменнаго и бронзоваго вѣка и ихъ жизненной обстановкѣ; если для нея важны архивные документы, мемуары, посмертныя записки и малѣйшіе остатки прошлаго, которые случайно пощадило время; — то безъ сомнѣнія и положительно важны въ этомъ смыслѣ и посмертныя свѣдѣнія о недавно скончавшихся дѣятеляхъ и тѣмъ болѣе они важны, что еще не искажены ни временемъ, ни забвеніемъ въ частяхъ и цѣломъ, да кромѣ того — что очень важно — могутъ быть, такъ сказать, по свѣжимъ слѣдамъ, еще не остывшимъ въ памяти, провѣрены, исправлены и пополнены свѣдѣніями другихъ людей, близко стоявшихъ къ покойному, пока смерть не успѣла еще похитить ихъ самихъ вмѣстѣ съ ихъ живымъ историческимъ матеріаломъ.

Это очень важно для исторіи, и исторія нашихъ дней тѣмъ и

богаче, тѣмъ и достовѣрнѣе исторіи вѣковъ, давно протекшихъ, что въ ея распоряженіи есть живые источники.

Руководствуясь этими побужденіями, я уже сообщилъ печати нѣкоторыя—полагаю—не лишеныя историческаго интереса свѣдѣнія о личности недавно скончавшагося историка («Новости» № 117, «Новь»).

Въ моемъ распоряженіи и въ моей памяти не мало этихъ живыхъ историческихъ источниковъ, ибо я зналъ Костомарова въ теченіе 37 лѣтъ, а постоянная и неизмѣнная дружба наша продолжалась ровно 30 лѣтъ—до послѣдняго «протста» на могилѣ.

Въ 1859 году, какъ всеѣмъ извѣстно, Костомаровъ приглашенъ былъ на кафедру русской исторіи въ петербургскій университетъ, куда онъ и переселился изъ своего изгнанія—изъ Саратова. Но едва ли кому извѣстенъ слѣдующій фактъ.

Десятилѣтнее пребываніе историка на берегу Волги, въ Саратовѣ, послужило поводомъ къ созданію имъ такого историческаго труда, который въ первой мѣрѣ упрочилъ за нимъ репутацію по преимуществу талантливаго историка, историка-живописца. Послѣ Карамзина ему первому приданъ былъ этотъ эпитетъ. Но Волга же, ея картинная величавость, ея богатое историческое прошлое заронили въ даровитомъ историкѣ мысль—прежде всего написать «Исторію Волги».

Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ мнѣ въ Саратовъ 28 іюля 1859 года:

«Счастливо ли поживаете? Давно я не писалъ къ вамъ и, соскучившись, обращаюсь съ изъявленіемъ разныхъ хорошихъ чувствъ и проч.

«Кожанчиковъ поручилъ мнѣ просить васъ прислать къ нему нѣсколько экземпляровъ вашего «Сборника»¹⁾.

«Я теперъ пристально занятъ каждый день въ публичной библіотекѣ, одинъ; чудо, какъ хорошо. А вотъ кончается рай Магометовъ: съ 1 августа опять народу найдеть.

«Я намѣренъ составить исторію р. Волги; изложу свѣдѣнія по всеѣмъ путешествіямъ, по всеѣмъ доступнымъ историческимъ источникамъ и приложу виды волжскихъ городовъ въ XVII вѣкѣ и карты Волги XVI, XVII, XVIII и XIX вѣковъ. Это исполнится только тогда, когда, по предложенію моему, общество «Меркурія» возьмется издать это сочиненіе, ибо оно станетъ не менѣе 5,000.

¹⁾ «Малорусскій литературный сборникъ», изданный мною въ Саратовѣ въ 1859 году. Въ «Сборникѣ» помѣщены: «Казакъ и море» (поэмъ—мое первое печатное произведеніе), волынскія пѣсни, собр. Костомаровымъ, и проч.

«Я имѣю порученіе отъ Бѣлозерскаго—пригласить васъ участвовать въ журналѣ, который онъ издаетъ съ будущаго года и который будетъ имѣть дѣлюю исторію, географію, этнографію, хозяйство, литературу и однимъ словомъ все, что относится можетъ во всѣхъ сферахъ человѣческихъ знаній до Южной Руси. Платить онъ будетъ вамъ 50 р. Сдѣлайте милость, присылайте что-нибудь, и что бы хотѣлось отъ васъ особенно, это—если-бъ вы написали о поволжскихъ колоніяхъ малороссійскихъ, т. е. изложили бы состояніе и, по возможности, время поселеній, способъ заселенія и настоящее положеніе тѣхъ слободъ, которыя усѣяли лѣвый берегъ Волги и во многихъ мѣстахъ находятся внутри волжскаго материка; можно ли надѣяться? Пишите».

Здѣсь рѣчь идетъ о журналѣ «Основа», который дѣйствительно и разрѣшено было издавать Василю Михайловичу Бѣлозерскому, одному изъ бывшихъ членовъ кіевскаго кирилло-мееодіевскаго общества, основателя и члены котораго, главнымъ образомъ Костомаровъ, Гулакъ и Шевченко, поплатились за свою рановременную идею крѣпостью и ссылкой. Журналъ этотъ, какъ извѣстно, просуществовалъ не долго. Онъ былъ заподозрѣнъ въ какихъ-то сепаратистическихъ тенденціяхъ, и съ тѣхъ поръ даже украинская литература подверглась значительнымъ ограниченіямъ, равно какъ и относительно самаго украинскаго правописанія состоялся особый законъ, которымъ повелѣно: малорусскія книги печатать впредь «общепринятымъ правописаніемъ»; но что слѣдуетъ разумѣть подъ такимъ правописаніемъ—этого никто не знаетъ и въ законѣ это не пояснено.

Малорусскія поволжскія колоніи, о которыхъ говорится въ письмѣ, это тѣ слободы, раскинувшіяся по обѣ стороны средняго Поволжья, заселеніе которыхъ относится частью ко временамъ украинской «Руины», когда въ силу договора, заключеннаго между Россією и Польшею, населеніе правобережной Украины должно было быть «согнано» на лѣвый берегъ Днѣпра (это время и называется «Сгономъ»), откуда оно и потянулось въ Слободскую Украину, на Донъ и даже на Волгу и за Волгу,—частью же, когда отъ озера Элтона устраивался извѣстный «солевозный трактъ», къ Волгѣ, и вдоль этого тракта, поселены были для возки соли «чумаки» изъ Малороссіи.

Припоминаю теперь начало возникновенія мысли объ описаніи поволжскихъ колоній. Въ 1859 году, весною, П. А. Кулишъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Саратовъ и пришелъ познакомиться со мной. Мы вышли на балконъ, съ котораго видъ разстилался на Волгу и далекое Заволжье. Картина эта поразила его. Увидавъ за Волгой, прямо противъ Саратова, большое селеніе съ нѣсколькими церквями, онъ спросилъ—что это за городъ. Я отвѣчалъ, что это Покровская слобода, заселенная украинцами. Мой отвѣтъ привелъ Кулиша въ изумленіе.

— Какъ попали сюда наши украинцы? Я слышу объ этомъ въ первый разъ.

Я рассказалъ, что такихъ слободъ въ Поволжьѣ много, и что всѣ переселенцы до сихъ поръ, въ теченіе почти двухъ столѣтій, сохраняютъ и языкъ свой, и обычаи, и одѣяніе, да и пѣсни ихъ помнятъ и Саву Чалаго, и Перебийноса. Вотъ тутъ г. Кулишъ и просилъ меня составить описаніе поволжскихъ колоній Украйны.

— Украинскія колоніи на Волгѣ!.. Это отзывается украинскимъ міромъ—точно эллинскія колоніи въ Малой Азій, въ Колхидѣ, въ Тавро-Скифій... Пожалуйста, опишите... Какъ у древнихъ грековъ, у нашихъ украинцевъ есть вѣроятно и свои певаты, принесенные въ Украйну?

— Есть, говорю:—арма для воловъ, занозы, мазницы съ дегтемъ, батоги, украинскія галушки и сало.

Кулишъ разсмѣялся, но мысль объ украинскихъ колоніяхъ въ Поволжьѣ крѣпко засѣла въ немъ. И вотъ, когда созрѣлъ планъ объ изданіи украинскаго журнала, вспомнили и объ украинскихъ колоніяхъ.

Но скоро знакомство съ богатствами публичной библіотеки поглотило все вниманіе Костомарова, и онъ на время забылъ и о Волгѣ, и о журналѣ.

Вскорѣ я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

«Благодарю за письмо. Вы прислали вашъ «Сборникъ» Кожачикову и написали, чтобъ онъ продавалъ его по 1 р. 75 к., а въ другихъ лавкахъ продаютъ дешевле. Какъ это вы не сообразились? Его очень хвалятъ, только жалѣютъ, что изданъ на скверной бумагѣ.

«Максимовичъ отдѣлалъ меня въ «Украинцѣ», но я собираюсь ему отвѣчать и отобьюсь съ помощію Божіею и публичной библіотеки. Здѣсь, т. е. въ публичной библіотекѣ, я нашелъ невообразимыя рукописныя сокровища о Хмельницкомъ, такъ что третье изданіе выйдетъ совсѣмъ въ другомъ видѣ. Вообще о Малороссіи источниковъ пропасть новыхъ. Руководствуясь только печатными, я упустилъ изъ вида письменные. Объ Уманской рѣзнѣ хоть лопатой гребни. Объ эпохѣ до Хмельницкаго очень много, такъ что вся исторія Украйны представляется въ иномъ видѣ. Есть и о вашемъ Пугачевѣ, но какъ много—не могу сказать, только есть: самъ видалъ. Михайловъ, который писалъ объ астраханскомъ рыболовствѣ, вашъ соперникъ, только у него нѣтъ тѣхъ драгоценностей, какія у васъ; но вы съ ними не можете справиться, какъ видно ¹⁾. Ламанскій писалъ ли къ вамъ о замѣщеніи его въ должности столоначальника въ государственномъ архивѣ? Это было бы

¹⁾ Некогда было; а послѣ справился.

хорошо. А то можно навѣрное сказать, что вы въ Саратовѣ ничего не сдѣлаете, и если напишете, то ваше сочиненіе будетъ имѣть интересъ мѣстный, а Пугачевъ имѣеть значеніе всеобщее.

«Мой Степанъ Тимофѣевичъ (т. е. «Стенька Разинъ») разошелся лучше «Хмельницкаго»: скоро все изданіе кончится.

«Вашъ «Богомолвъ» обратилъ на себя вниманіе, какъ новый фактъ, и притомъ хорошо рассказанный. Продолжайте, ради Бога, «Пугачева», продолжайте и печатайте. Не спите съ нимъ; или въ «Русскую Бесѣду», или ко мнѣ присылайте; коли хотите, и здѣсь пристроить можно, и тамъ.

«Намѣреніе издавать украинскій журналъ не охладѣваетъ и, кажется, возьмется за редакцію Бѣлозерскій: онъ собирается платить за статьи хорошо; надѣюсь, что вы будете участникомъ. Прощайте».

Послѣ подписи, на оборотѣ послѣдней странички письма приписано: «Уже запечаталъ письмо, какъ, зашедши въ бібліотеку, узналъ политическую новость и распечатаваю снова, чтобъ подѣлиться, прежде чѣмъ узнаете по газетамъ. Миланъ восталъ; Гарибальди вошелъ туда и гарнизонъ, состоявшій преимущественно изъ славянъ, бросилъ оружіе и побѣжалъ. Получена, говорятъ, сейчасъ только депеша; завтра напечатается».

Комментаріи требуются и къ этому письму. Частое упоминаніе въ нихъ махъ ко мнѣ Костомарова о «Пугачевѣ» вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что въ то время я, дѣйствительно, занимался эпохою Пугачевской смуты. Занятія эти вызваны были случайнымъ открытіемъ въ старыхъ архивахъ Саратова, Царицына и Петровска подлинныхъ, чрезвычайно любопытныхъ, дѣлъ, относящихся къ исторіи поволжской «понизовой вольницы», къ исторіи появленія въ Поволжьѣ самозванцевъ, предшественниковъ Пугачева и, наконецъ, самого Емельяна Ивановича. Въ Саратовѣ Костомаровъ, до переселенія въ Петербургъ, занималъ должность секретаря тамошняго статистическаго комитета, а я былъ его помощникомъ. Въ качествѣ секретаря Костомаровъ командированъ былъ по дѣламъ службы въ Царицынъ и Петровскъ, гдѣ, понятно, думалъ найти документы, относящіеся къ бунту Стеньки Разина, которымъ онъ въ то время занимался, а вмѣсто нихъ нашелъ драгоценныя дѣла о понизовой вольницѣ, о самозванцахъ Богомолвѣ, Ханинѣ и др., а также все слѣдственное дѣло (царицынское) о Пугачевѣ. Но такъ какъ онъ этимъ временемъ не занимался, а его больше влекло въ отдаленную древность, то извлеченные имъ изъ царицынскаго и петровскаго архивовъ дѣла онъ и отдалъ мнѣ. На основаніи этихъ документовъ я и написалъ тогда же статьи: «Понизовая вольница» (въ «Русскомъ Словѣ»), «Самозванецъ Богомолвъ» (въ «Па-

русѣ») и др.; впоследствии — «Пугачовщину» («Вѣстникъ Европы» 1866 года).

Эти-то мои работы и подали моимъ друзьямъ мысль извлечь меня изъ саратовской глуши и помѣстить въ сокровищницу историческихъ богатствъ, въ государственный архивъ, гдѣ тогда дѣйствительно и служилъ В. И. Ламанскій, который еще въ мартѣ 1859 года писалъ мнѣ: «Ты знаешь, я былъ въ отставкѣ и нынче въ ноябрѣ снова вступилъ на службу—въ государственный архивъ старшимъ архивариусомъ, т. е. столоначальникомъ. Вотъ сокровища-то! Кончай своихъ самозванцевъ и прїѣзжай въ Питеръ. Знаешь ли ты, кстати, Кремнева, отставной солдатъ, въ 1766 году подвизавшагося въ Воронежской губерніи (это тоже одинъ изъ самозванцевъ). Потомъ принимайся за Пугачова».

Вотъ на мѣсто В. И. Ламанскаго и прочли меня, ибо самъ онъ долженъ былъ скоро получить профессорскую кафедру.

Въ 1860 году «Русское Слово», собственность гр. Куселева-Безбородко, къ которому Костомаровъ имѣлъ непосредственныя отношенія, по изданію имъ вмѣстѣ съ А. Н. Пыпинымъ «Памятниковъ старинной русской письменности» на средства того же графа, — вступило на острый путь перелома. Самъ графъ былъ плохимъ руководителемъ литературнаго журнала, да притомъ подолгу живалъ въ Парижѣ, а г. Хмельницкій, завѣдывавшій редакціей этого журнала и прозванный Костомаровымъ «великимъ визиремъ восточнаго халифа» — все того же Куселева, мало тоже знакомъ былъ и съ литературой, и съ литераторами. Костомаровъ не могъ не чувствовать, что въ такихъ неумѣльных и нелитературныхъ рукахъ журналъ можетъ провалиться, а вслѣдствіе этого въ «халифѣ» можетъ охладѣть ревность къ литературѣ — и изданіе «Памятниковъ» тоже можетъ прекратиться. Надо было думать о редакторѣ и литературныхъ сотрудникахъ, и остановились на Г. Е. Благосвѣтловѣ, будущемъ редакторѣ и «евнухѣ великаго халифа», а Костомаровъ придумалъ перетянуть меня въ историческій отдѣлъ журнала.

Объ этомъ отчасти и говорить письмо его ко мнѣ отъ 6-го февраля 1860 года.

«Данило Лукичъ! — писалъ онъ: — вашу статью (какую — я не помню: вѣроятно — «Обличительная литература въ первыхъ русскихъ журналахъ и стѣсненіе гласности») я отдалъ въ «Русское Слово»; деньги по 60 р. за листъ цитеро вы получите отъ г. Хмельницкаго немедленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Русское Слово» хочетъ предложить вамъ постоянное жалованье по 100 р. въ мѣсяцъ и по 60 р. за листъ сверхъ жалованья, если вы переѣдете въ Петербургъ и сдѣлаетесь постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Слова». Когда онъ напишетъ вамъ объ

этомъ самъ, то вы попросите съ него больше, именно рублей 150 жалованья. Они дадутъ: это я навѣрное знаю. Тогда ужъ вы будете за вѣдывать историческимъ отдѣломъ.

«Кажется, цензура нѣсколько покалѣчила вашу статью, въ началѣ, гдѣ вы доказываете, что царствованія блистательныя бывають несчастны для народа. Что дѣлать! Они не должны быть несчастны; все должно благоденствовать и потому молчать!

«Когда вы получите отъ Хмельницкаго деньги, съ первой почтой дайте мнѣ знать объ этомъ. Вамъ пошлется вмѣстѣ съ тѣмъ отъ Шевченка «Кобзарь» и мое сочиненіе «О началѣ Руси».

Сочиненіе это было тою первою перчаткою, которую даровитый историкъ бросилъ старымъ ученымъ теоріямъ. Перчатка вызвала бурю, особенно со стороны ученыхъ нѣмцевъ, о чемъ и говорится дальше въ письмѣ.

«Я имѣлъ уже первую схватку съ Куникомъ, столь жаркую, что присутствовавшіе начинали чувствовать необходимость въ припасеніи воды на всякій случай. Но то было до прочтенія имъ моего сочиненія. Потомъ онъ отказался воевать противъ меня публично, говоря, что это не ученое сочиненіе, а памфлетъ на нѣмцевъ... Нѣмцы вообще такъ недовольны, какъ я и не воображалъ».

Вообще письмо это переносить въ далекую старину — къ началу публичныхъ чтеній, къ первымъ дебютамъ литературнаго фонда, къ тому, для молодыхъ поколѣній легендарному, времени, когда женщины въ первый разъ начали появляться на университетскихъ лекціяхъ, въ аудиторіяхъ.

«У насъ теперь мода на чтеніе—пишетъ онъ дальше:—вотъ уже другой разъ собираются литераторы въ пассажѣ и читають сочиненія, которыя потомъ являютъ въ журналахъ. Это въ пользу бѣдныхъ литераторовъ. Не знаю, какъ вы на это смотрите, а я, признаюсь, не раздѣляю свѣтлаго взгляда на такого рода благотворительность. Литература обращается совершенно въ ремесло: литераторъ дѣлается ремесленникомъ, рабочимъ, въ родѣ сапожника, слесаря. Не унижаетъ ли это его достоинства? Литератору можно помогать какъ бѣдному человѣку, но не какъ бѣдному литератору».

Какой стариной отдастъ отъ такого пониманія задачъ Фонда!

«Я попрежнему у Балабина ¹⁾, продолжаетъ онъ: — органъ, попрежнему, дудить; но день длиннѣе, я спасаюсь отъ него до 5 часовъ въ библиотекѣ. Вниманіе прекраснаго пола ко мнѣ не только не уменьшается, но возрастаетъ: впрочемъ, зная непостоянство его въ дѣ-

¹⁾ Знаменитая «Балабаевка»: кто не помнитъ ея изъ литераторовъ того свѣтлаго времени!

лахъ сердечныхъ, я ожидаю того же и въ умственныхъ и заранѣе приготавливаю себя къ тому печальному кризису въ моей профессорской жизни, когда вмѣсто 35 шляпокъ я буду созерцать *diminendo* 30—25—20—15—10—5 и 0! Въ числѣ прекрасныхъ посѣтительницъ моей аудиторіи я узрѣлъ—Варвару Дмитриевну ¹⁾, и радость наполнила мое сердце!

Въ это время въ жизни Костомарова совершалось событіе, выдвинувшее его еще на большую высоту славы и популярности. Это—публичное состязаніе съ Погодинымъ изъ-за варяговъ. Онъ самъ описываетъ мнѣ этотъ диспутъ и вынесенное изъ него впечатлѣніе.

Но прежде онъ говоритъ о моей статьѣ (должно быть «Понизимъ вольница») и о цензурѣ: «Вашу статью рѣжутъ ужаснѣйшимъ образомъ. Цензура стала убійственно сурова; запрещаютъ вовсе писать объ исторіи царствованія особъ, вступившихъ на престолъ послѣ Петра. Эти мѣры, вѣроятно, задержать пропускъ вашего «Пугачева» въ томъ видѣ, въ какомъ бы, согласно съ историческою истиною, вы захотѣли его показать на свѣтъ. Пришлите пожалуйста: 1) рукопись моихъ пѣсень вольскихъ, 2) мою «Дівку семилітку». Ради Бога, пришлите скорѣе».

А далѣе о диспутѣ:

«Недавно М. П. Погодинъ, явившись въ Петербургъ, вызвалъ меня на дуэль за оскорбленіе Рюрика. Поединокъ состоялся 19-го марта. Я выдержалъ сей бой яко Давидъ противъ Голиафа. Норманство съ его доказательствами великолѣпно было опикано и освистано; но слѣдуетъ отдать честь такту нашихъ студентовъ и вообще публики; само собою, безъ всякихъ посредниковъ и руководителей сложилось такъ, что личность Погодина и теорія, которую онъ поддерживалъ самымъ допотопнымъ образомъ, отдѣлились. Погодину оказали знаки уваженія; ему рукоплескали тамъ, гдѣ онъ мимоходомъ касался не своего предмета; его вынесли на рукахъ; но шиканья и свистки, награждавшіе его доказательства, рукоплесканія и bravo моимъ опроверженіямъ—показывали ясно, что норманская теорія, выдуманная и утвержденная нѣмцами и ихъ безсознательными послѣдователями, теорія, которую Куникъ оправдывалъ нѣмецкое вліяніе послѣ Петра, а Крузе употреблялъ для параллели съ событіями половины XVIII вѣка, вытягивая насильно Рюрика за уши въ званіе голштинца — теорія, которая по своей несостоятельности должна бы приводить въ краску насъ всѣхъ, позволявшихъ себя морочить и признававшихъ за истину явную ложь—

¹⁾ Г-жа Бистромъ—одна изъ саратовскихъ дамъ, поэтесса (нынѣ умершая, урожденная Макшеева).

теорія эта пала, пала, пала... и напрасно академія, а за нею нѣмцы и педанты думаютъ поддержать ее. У общества есть свое чутье. Что единогласно освистано — то безвозвратно погибло, по крайней мѣрѣ при той степени доказательствъ, на какой оно стояло».

Это побѣдный кличъ — это крикъ торжества.

А между тѣмъ онъ не покидаетъ своей настойчивой мысли — перетянуть меня въ Петербургъ.

«Съ чего тамъ у васъ взяли, будто я снова хочу переѣзжать въ Саратовъ? (пишетъ онъ мнѣ 23-го апрѣля 1860 года). Я, точно, думалъ купить для маменьки дачу, чтобъ ей было покойно, ибо знаю, что ей на старости не понравится житье-бытье на петербургскихъ квартирахъ, но самъ я переѣду развѣ тогда, когда силы рѣшительно мнѣ измѣнять. Вашей посылки еще не получилъ. А я вотъ хлопочу, какъ бы васъ въ Петербургъ перетянуть, и надѣюсь: къ графу писано, но отвѣта не получено — онъ самъ въ Парижѣ. Они предложатъ вамъ 1,500 р. и 60 р. за листъ. Соглашайтесь, только выговорите, чтобъ за Пугачева заплатили вамъ особо, не менѣе 100 р. за листъ, ибо онъ вамъ стоилъ особаго труда и притомъ издается на основаніи непечатныхъ, новыхъ, доселѣ неизвѣстныхъ источниковъ. Когда черезъ годъ вы сдѣлаетесь для нихъ неизбѣжнымъ лицомъ, они принуждены будутъ дать вамъ больше и даже удвоить сумму. А между тѣмъ вѣрно слышется что нибудь и служебное на придачу. Чрезвычайно хотѣлось бы, чтобъ вы сюда переѣхали.

«Аннѣ Никаноровнѣ (моей женѣ) кланяйтесь и скажите, что такъ какъ она нѣкогда старалась объ освобожденіи моемъ изъ Саратова ¹⁾, такъ я теперь въ долгу — буду стараться васъ оттуда же извлечь».

Но «извлеченія» этого такъ и не послѣдовало. Обстоятельства были сильнѣе заботъ обо мнѣ моихъ доброжелателей — и я такъ и остался въ Саратовѣ еще надолго.

Но не обо мнѣ рѣчь.

¹⁾ При обязательномъ содѣйствіи такихъ гуманныхъ и благородныхъ людей, какими были Д. А. и Н. А. Милютины и статсъ-секретарь Никитинъ.

II.

Съ марта 1858 года Шевченко, возвращенный изъ ссылки, находился уже въ Петербургѣ. Въ 1859 году переселился въ Петербургъ и Костомаровъ. Судьба снова свела друзей послѣ болѣе, чѣмъ десяти-лѣтней разлуки, но недолго пришлось имъ жить вмѣстѣ, да и время уже было не то: Костомаровъ былъ сильно занятъ—архивы, публичная библиотека, приготовленіе къ лекціямъ, ученныя и литературныя работы, полемика съ врагами; а Шевченка разрывали на части званіи объѣздами, пирушками.

Послѣ Костомаровъ говорилъ мнѣ, что это время—1859 и 1860 гг.—пролетѣло какъ сонъ, и ему «не удалось даже наговориться съ Тарасомъ: все казалось, что еще успѣемъ».

«И вдругъ мнѣ говорить, что Шевченка не стало».

Къ этому времени относится сохранившееся у меня письмо Костомарова. Чтò меня всегда поражало въ этомъ письмѣ, писанномъ на другой день послѣ смерти друга—и какого друга!—это отсутствіе проявленія въ немъ сожалѣнія о потерѣ друга—ни намекъ на скорбь. Онъ пишетъ мнѣ о погребеніи своего лучшаго друга, какъ сказалъ бы о погребеніи какого нибудь кіевскаго или тверскаго великаго князя.

«Вчера погребоша козака Тараса—извѣщаетъ онъ меня объ этомъ 1-го марта 1861 года—и плакахуся по немъ вси людіе».

Точно это шутка. По началу письма я бы не повѣрилъ, что это не шутка, если-бъ изъ газетъ не узналъ уже объ этомъ печальномъ событіи и если-бъ не помнилъ, что мы уже служили панихиды по покойномъ поэтѣ и поминали «новопреставленнаго Тарасія».

«Вы прочтете въ періодическихъ изданіяхъ, конечно, обстоятельства его погребенія (говорилось дальше въ письмѣ). Онъ умеръ отъ водяной. Еще лѣтомъ его одолѣвала убійственная тоска, которая происходила частію отъ одиночества, частію отъ сознанія упадка своихъ поэтическихъ силъ и ненормальнаго положенія на высотѣ славы, послѣ двѣнадцати лѣтъ заточенія, разлучившаго его съ образованнымъ міромъ. Осенью онъ хотѣлъ жениться; ему не удалось: самая эта попытка была, кажется, порывомъ отчаянія. Его обычное ромопитіе усиливалось, не смотря на то, что онъ жаловался уже на боль въ груди, приписывалъ ее солитеру, и не слушалъ совѣтовъ друзей своихъ, убѣждавшихъ его не пить рома, особенно въ богатырскихъ размѣрахъ. Нельзя забыть нѣкоторыхъ дружескихъ сценъ его вмѣстѣ съ Якушкинымъ, также какъ Тарасъ любящимъ питіемъ, хотя не столько ря-

нымъ: это душа также прекрасная, поэтическая и народная. Въ январѣ уже ему сказали, что у него водяная. Онъ пересталъ пить. Стали его лѣчить. Но не помогли. Незадолго предъ смертью онъ отдалялъ отъ себя мысль о близкой кончинѣ, собирался, казалось, жить, даже купилъ себѣ часы, которыхъ, кажется, никогда не носилъ въ жизни. Въ субботу, 25-го февраля, вечеромъ, въ театрѣ Лазаревскій сказалъ мнѣ, что врачи объявили, что надежны нѣтъ. На другой день, въ 8 часовъ утра, меня извѣстили, что часовъ около 6-ти утра Тарасъ отыде ко отцамъ. Напившись чаю наверху, онъ сошелъ внизъ, чувствуя себя лучше и намѣреваясь работать,—упалъ и испустилъ духъ. На погребеніе его стеклось много, но было бы еще больше, если-бъ успѣли публиковать. Студенты несли гробъ его до самой могилы на Смоленскомъ кладбищѣ. Изъ многихъ рѣчей, произнесенныхъ надъ его гробомъ въ академической церкви и надъ могилою, замѣчательна польская, произнесенная однимъ студентомъ ¹⁾, потому что изъясняется сознание, что Тарасъ не любилъ поляковъ и имѣлъ на то право.

«Тѣло его хотятъ перевезти въ Украину, сообразно завѣщанію, выраженному въ одномъ изъ его стихотвореній:

Якъ умру, такъ поховайте
Мене на могилі,
Середъ степу широкого
На Вкраині милій...
Щобъ лани широкополі
И Дніпрд и горы
Було видно... и проч.

«Изъ профессоровъ одинъ Пыпинъ, москаль, проводилъ Тараса до самой могилы пѣшкомъ».

Украинскій журналъ «Основа», о которомъ говорилось выше, въ это время находился въ апогеѣ своего значенія. Самыми выдающимися въ немъ силами являлись—прежняя украинская троада—Шевченко, только что «отошедшій ко отцамъ», Костомаровъ и Кулишъ. Изъ новыхъ литературныхъ свѣтилъ ярче другихъ блистала звѣзда г-жи Марка-Вовчка; но о ней мнѣ уже писалъ Костомаровъ, что она «начинаетъ портиться». Изъ писемъ же ко мнѣ Кулиша я замѣчалъ, что сама «Основа» украинофиловъ начинается, какъ будто, колебаться. Совершалось, повидимому, что-то роковое, что всегда замѣчалось въ исторіи самой Украины: то гетманъ Тетеря старается утопить въ ложкѣ воды гетмана Выговскаго, то Выговскій—Юрася Хмельниченка, — и всѣ эти копанія ямъ другъ дружкѣ происходятъ между родствен-

¹⁾ Г. Хорошевскимъ.

никами. А тамъ пошла грызня то изъ-за гетманской булавы, то изъ-за московской или польской руки: Брюховецкіе, Самойловичи, Пали, Мазепы, Кочубей—все это грызется, подкапывается, поднимается, падаетъ, пока не пала сама Украина вмѣстѣ съ гетманомъ Многогрѣшнымъ. Поистинѣ «многогрѣшный!»

Что-то подобное творилось и съ «Основой». Сидя въ Саратовѣ, я пздали это видѣлъ и догадывался, что дѣло не ладно. Мнѣ казалось, что самъ Кулишъ играетъ тутъ роль ловкаго Выговскаго, а Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, гетманъ «Основы», представлялся мнѣ чѣмъ-то вродѣ Юрася Хмельниченка, о которомъ москаль Шереметевъ выразился, что «этому гетманишкѣ идетъ лучше гусей пасти, чѣмъ командовать». Костомаровъ, казалось мнѣ, во всей этой неладницѣ игралъ роль опытнаго Тетери. Я спрашиваю его. И вотъ что отвѣчалъ онъ мнѣ.

«Трудно рѣшить, кто виноватъ въ томъ смятеніи, какое царствуетъ въ малорусскомъ кружкѣ, о чемъ пишеть вамъ Кулишъ. Что касается до меня, то я нахожусь и съ Бѣлозерскимъ, и съ Кулишомъ одинаково въ хорошихъ отношеніяхъ. У нихъ разные вкусы. Напримѣръ, Кулишъ хотѣлъ, чтобъ «Три дни» Марка Вовчка не помѣщались, находя ихъ ниже всякой критики. Бѣлозерскій, напротивъ, превознесилъ эту повѣсть. Еще прошлый годъ они не ладили. Теперь уже не бываютъ другъ у друга, и Кулишъ участвуетъ въ «Основѣ» и бранить ее, Бѣлозерскій бранить Кулиша и помѣщаетъ его сочиненія въ «Основѣ». Много помогаютъ ихъ нерасположенію и семейныя отношенія, ибо Кулишъ разошелся съ своею женою, сестрою Бѣлозерскаго. Кулишъ человекъ очень честный и прямодушный, но самолюбивъ до чрезвычайности. Бѣлозерскому не хочется быть подъ его ферулою. Такимъ образомъ, съ одной стороны, часто Кулишъ произнесеть судъ черезъ край, съ другой Бѣлозерскій не послушается Кулиша, иногда и напрасно, когда бы слѣдовало ¹⁾. 2-й номеръ «Основы» задержанъ цензурою и оттого опаздываетъ. «Русское Слово»—тоже. Оба журнала задерживаются по моимъ статьямъ».

Въ самомъ дѣлѣ — не напоминаетъ-ли исторія «Основы» исторію Украины.

Упомянутая въ письмѣ задержка цензурою «Русскаго Слова» произошла по слѣдующему случаю.

«На актѣ университета—продолжаетъ Костомаровъ свое письмо—мнѣ надобно было читать рѣчь «О Константинѣ Аксаковѣ». Наканунѣ министръ воспретилъ читать подъ предлогомъ сокращенія вре-

¹⁾ Объ этомъ, печальномъ для дѣла, украинскомъ межъ оусобіи у меня обстоятельнѣе объяснено въ книжкѣ: За крашанку-писанку. Спб. 1882 г.

мени. По окончаніи акта, въ замѣ студенты произвели смятеніе, вы-требовали Плетнева (очъ тогда былъ ректоромъ) для объясненія и перепугали м-ше Плетневу. Министръ за это выставилъ грозное объявленіе, что за такіе поступки будутъ изгонять цѣлыми курсами и даже цѣлый университетъ закроютъ. На другой день, по требованію студентовъ, объявленіе это было снято. Мнѣ позволили читать свою рѣчь въ качествѣ публичной лекціи. Но теперь, по случаю печатанія ея въ «Русскомъ Словѣ», цензура придирается».

Далѣе опять объ «извлеченіи» меня изъ Саратова, о томъ, что новый «евнухъ» редакціи «Русскаго Слова», Благосвѣтловъ, ждетъ графа Куселева-Безбородко изъ Парижа, чтобъ окончательно извлечь меня изъ глуши не только для «Русскаго Слова», но и для профессорской каведры.—«Не знаю—добавляетъ онъ—что вамъ писалъ Пыпинъ. Объ этомъ дѣлѣ я могу васъ увѣрить, что магистра вы получите ¹⁾».

Но въ этомъ письмѣ есть характерная прибавка. Это—«горушное зерно», которое скоро выросло въ цѣлый кедръ ливанскій и кедръ этотъ съ трескомъ грохнулся съ каведры въ думѣ: студенческая буря, шумъ, свистки и крики—«долгой съ каведры!»—сломили этотъ кедръ ливанскій.

Костомаровъ упоминаетъ въ этомъ письмѣ о началѣ своей размолвки съ профессорами-товарищами, собственно съ «прогрессивною партією».

«Меня—говоритъ онъ—стали здѣсь недолюбливать именно тѣ, которые составляютъ здѣсь прогрессивную партію, хотя, какъ всѣ люди благородные, зла мнѣ дѣлать никто изъ нихъ не станетъ. Они должны были увидѣть, что я твердо держусь многого такого, что они считаютъ предразсудками, и притомъ неизбежно отсталъ отъ науки».

Вотъ гдѣ начало роковой «думской исторіи». Въ этой исторіи покойный историкъ на себѣ испыталъ, что значитъ идти противъ общественнаго мнѣнія, которое въ этой исторіи было не за него (я это ему всегда говорилъ). Оттого его постигла участь во сто кратъ горшая той, какаѣ, за годъ съ небольшимъ до этого, постигла Погодина на варяжскомъ диспутѣ: Погодина, освистаннаго и ошканныаго студентами за норманновъ, эти же студенты вынесли на рукахъ изъ аудиторіи, а Костомарова, свой вчерашній кумиръ, не только ошканили и освистали, но хотѣли даже бить полѣномъ!

¹⁾ Еще настойчивѣе писалъ мнѣ объ этомъ В. И. Ламанскій. Привожу здѣсь выдержку изъ его письма, которое тоже стало уже историческимъ матеріаломъ: «Съ новымъ годомъ желаю тебѣ всего хорошаго и, главное, переменъ твоего положенія, что, кажется, отъ тебя зависитъ. Выслушай меня, какъ добраго своего стараго товарища, который хотя и непростительно не-

Но окончаніе этого письма презабавное. Въ почтенномъ историкѣ сидѣлъ украинецъ, для котораго жизнь безъ «жартъ» все равно, что хлѣбъ безъ соли, каша безъ масла.

«На меня—приписываетъ онъ къ концу письма—напала бѣсовская охота посѣщать позорницы вмѣстѣ съ Кулишомъ. Чуть не каждый день бѣсы насъ туда таскають и послѣдніе дни масленицы хошева пребыть въ позорницѣхъ, аки Іона во чревѣ китовѣ три дни и три нощи».

Эти-то бѣсовскія искушенія и подали почтенному историку мысль написать свое знаменитое «Сказаніе о бѣсовствѣхъ искушенія, како лукавый бѣсъ прелести единого отъ старецъ богомерзкимъ игрищемъ. Повѣсть зѣло умилна, послушати дивно». Это о томъ, какъ бѣсъ за-тащилъ старца Николая на «Пророка» и какъ тамъ людіе, аки бѣсны, когда глаголемый пророкъ отыде ко отцу своему сатанѣ,—извѣся языки свои, непотребно и неустанно на многъ часъ взываху: «Тамберликъ! Тамберликъ!» нѣкоего Тамберлика скомраха и пѣвца бѣсовскаго величающе и честь ему воздающе.

«Сказаніе» это напечатано мною недавно въ «Новостяхъ» (1885 г., № 117).

Перехожу прямо къ 1870-мъ годамъ, такъ какъ воспоминанія мои о покойномъ историкѣ, обнимающія, съ промежутками, время отъ 1848 г. до 1870, рассказаны мною въ «Нови», частью въ «Новостяхъ».

Весной 1870 года я пріѣзжалъ въ Петербургъ на статистическій съѣздъ и, конечно, видѣлся съ Костомаровымъ. Онъ былъ попрежнему бодръ, хотя иногда уставалъ и падалъ духомъ. Тогда онъ говорилъ: «въ лѣсъ хочу», или—«уйду въ монастырь».

На лѣто онъ уѣхалъ въ Крымъ, чтобъ отдохнуть на южномъ бе-

брежень въ перепискѣ, но искренно любить тебя и уважаетъ по старинѣ. Въ университетѣ нашемъ вскорѣ будетъ предлагаться кандидатъ на кафедру русской исторіи именно новой. Костомаровъ и Пыпинъ хотятъ предложить тебя; ты знаешь Николая Ивановича, его разсѣянность и прочее. Надо тебѣ написать ему, объявить свое желаніе и согласіе, конечно, съ известными условіями, т. е. представить къ извѣстному времени магистерскую диссертацию или, главное, заявить о ней. У тебя есть матеріалы, даже готовыя статьи. Не отказывайся, ради Бога, и вѣрь мнѣ, что я говорю тебѣ отъ души. Ты все равно собирался къ намъ весной—вотъ тебѣ и время, и случай окончить свою диссертацию. Послѣ вакансій ты можешь и сдать экзамень (если не хочешь раньше), и имѣть диспутъ. Впрочемъ, обо всемъ этомъ тебѣ лучше спсаться съ Пыпинымъ, который уже погорилъ мнѣ, что собирается тебѣ писать о профессурѣ. Говорю тебѣ, чтобы толкнуть тебя. Попроси, пожалуйста, отъ меня Анну Никаноровну, чтобъ она погоняла тебя».

регу, покупаться въ морѣ и снова взобраться на Чатырдагъ, чтобъ съ вершины его обозрѣть бывшія владѣнія Гиреевъ, а въ Бахчи-сарайскомъ дворцѣ у «фонтана слезъ» выкурить хорошую сигару отъ Фейка и помечтать о томъ историческомъ прошломъ, когда передъ этимъ фонтаномъ, который тогда еще не плакалъ о красавицѣ Маріи,

Гирей сидѣлъ потупя взоръ...

По возвращеніи его изъ Крыма, я долго не получалъ отъ него писемъ, и только 31 октября онъ писалъ мнѣ:

«Вселюбезнѣйшій, преражайшій, многоуважаемый Даниль Лукичъ! Я трюхи дуба не давъ ¹⁾, та и досі не дуже здоровый. Изъ путешествія на южный берегъ я возвратился въ такомъ хорошемъ состояніи, что, казалось, десять лѣтъ жизни моей спало съ плечъ у меня. Но въ началѣ сентября получилъ такой ужасный припадокъ боли въ затылкѣ и потомъ во всей головѣ, что Боже упаси! Одни изъ врачей думаютъ, что это ревматизмъ, полученный отъ окна, близъ котораго я сидѣлъ, другіе—что это нервный припадокъ. Какъ бы то ни было, я не могъ ничѣмъ заниматься и работать, и трудно было ходить, даже на ногахъ стоять. Теперь облегчилось, но не совсѣмъ прошло, и постоянно страшусь усиленія, да избавить Богъ! Это причиною, что я не могъ скоро исполнить вашего порученія» и т. д.—Это на счетъ печатанія въ Петербургѣ нѣкоторыхъ моихъ сочиненій.

Приведенное сейчасъ письмо я считаю очень важнымъ. Извѣстно, что въ началѣ 1875 года покойный историкъ былъ опасно боленъ. Не надѣялись даже на его выздоровленіе. И это была трагическая болѣзнь, при трагической обстановкѣ: въ то время, когда больной историкъ въ безпамятствѣ метался на постелѣ въ своей спальнѣ, почти рядомъ съ спальнею его старушки-матери, послѣдняя, первые дни ходившая за больнымъ сыномъ, теперь умирала и въ какія нибудь сутки скончалась, и когда врачи сидѣли у постели бредившаго римскими колюмбаріями историка, черезъ столовую уносили тѣло его матери.

Врачи утверждали тогда, что у Костомарова тифъ. Это мнѣніе такъ и осталось у всѣхъ въ памяти. Но тогда же нашъ извѣстный врачъ, Н. А. Бѣлоголовый, въ числѣ прочихъ докторовъ присутствовавшій при консультаціи, не соглашался съ общимъ мнѣніемъ о болѣзни Николая Ивановича, и говорилъ лично мнѣ, что у Костомарова совсѣмъ не тифъ, а мозговой ударъ; что Костомаровъ принадлежитъ къ тому разряду людей, которыхъ Бѣлоголовый называетъ «мозговиками»; къ этимъ «мозговикамъ» Бѣлоголовый относилъ и себя. Онъ утверждалъ,

¹⁾ Малорусское выраженіе: „чуть ноги не протянулъ“.

что мозговой ударъ, бывшій у Костомарова, можетъ повториться, подобно всякому удару, и повтореніе его разъ, а потомъ и два—должно имѣть смертельный исходъ. Г. Бѣлоголовый доказывалъ тогда, что подобные удары отражаются прямо на мозгѣ больного, и что послѣ этого удара голова нашего историка будетъ уже не та, что была прежде.

И Бѣлоголовый былъ, мнѣ кажется, правъ: съ 1875 года Костомаровъ былъ уже не тотъ — не одинъ я это видѣлъ и сознвалъ; видѣли это и его друзья, знавшіе Костомарова другимъ; видѣли это и редакторы журналовъ и газетъ, съ недоумѣніемъ иногда перечитывавшіе статьи этого Костомарова, почему-то казавшіяся имъ недоконченными; видѣли это и болѣе опытные читатели его. А болѣе видѣла это и знала его великодушная жена, которая зорко слѣдила за работами своего надломленнаго въ самомъ корнѣ работника и иногда перехватывала на пути его недоконченныя статьи, посылаемыя имъ въ печать; ей обязанъ онъ очень многимъ, можетъ быть даже тѣмъ, что она чистою сберегла репутацію своего мужа-историка до послѣдней написанной имъ строчки.

Ни Бѣлоголовый, и никто кажется не зналъ, что въ 1875 году у Костомарова былъ уже, можетъ быть, второй мозговой ударъ. Приведенное выше письмо невольно наводитъ на эту мысль. Во всякомъ случаѣ г. Бѣлоголовый, надо полагать, былъ правъ въ опредѣленіи болѣзни Костомарова, какъ онъ же, единственно, оказался правымъ въ опредѣленіи болѣзни Некрасова, а что еще удивительнѣе—послѣдней болѣзни Тургенева.

Можетъ быть, мои воспоминанія помогутъ найти въ словахъ г. Бѣлоголоваго—что «послѣ удара голова нашего историка будетъ не та уже, что была прежде»—пророческую, по крайней мѣрѣ, неоспоримую научную истину.

Послѣ нашего свиданія съ Костомаровымъ въ 1870 году, мы сошлись въ концѣ лѣта 1872 года, когда я переселился окончательно въ Петербургъ, и съ тѣхъ поръ мы были неразлучны до послѣдняго дня его жизни, если не считать его поѣздокъ въ деревню, въ Крымъ и на Кавказъ, а моихъ—на Кавказъ же, въ Крымъ, въ Египетъ, въ Палестину, на Араратъ, а потомъ въ Европу, въ Германію, Францію, Испанію, Италію.

Уже въ 1872 году Костомаровъ показался мнѣ не прежнимъ. Въ немъ замѣчалась какая-то апатія, усталость. Онъ чаще повторялъ: «уйду въ монастырь!» По цѣлымъ часамъ онъ лежалъ бывало въ своемъ рабочемъ кабинетѣ съ трубкою въ губахъ (зубовъ у него было маловато) и съ Васьюкою котомъ на животѣ. За это лежаніе я постоянно пре-

слѣдовалъ его насмѣшками, карриатурами — однимъ словомъ — «шкилювалъ», какъ онъ выражался. Но на всё мои преслѣдованія онъ отвѣчалъ: «заниматься нечѣмъ — не знаю что писать — научите». Помню, разъ какъ-то мы гуляли съ нимъ на Елагиномъ острову, у «пуэнта», и встрѣтились съ нашимъ почтеннымъ романистомъ И. А. Гончаровымъ.

— Что вы ничего давно не пишете, Иванъ Александровичъ! спрашивалъ Костомаровъ.

— А вы, Николай Ивановичъ, тоже давно ничего не писали, отвѣчалъ Гончаровъ.

— Я въ монастырь хочу, былъ отвѣтъ.

Даже къ чтенію вслухъ онъ сталъ менѣе внимателенъ, и не рѣдко засыпалъ подь звуки моего голоса—засыпалъ надъ Шекспиромъ, котораго онъ любилъ больше писателей всего міра. А этого прежде не было: видно было, что я имѣлъ дѣло съ другимъ уже Костомаровымъ.

Апатично продолжалъ онъ слѣдить за изданіемъ актовъ археографической комиссіи, а самъ ничего не дѣлалъ — даже никуда не ходилъ, кромѣ развѣ зоологическаго сада, гдѣ его занимали разныя антилопы, ягуары—«звѣрушки», какъ онъ называлъ ихъ, да особенно полюбился одинъ козелъ, замѣнившій собою «козла-кандіота».

И только благодаря моимъ настояніямъ, да совѣтамъ Кожанчикова онъ рѣшился приняться за составленіе своей «Исторіи Россіи въ жизнеописаніяхъ», думая подражать Лелевелю и Гизо, написавшимъ по «исторіи, рассказанной дѣдушкой своимъ внукамъ».

Но я забѣгаю впередъ. Я хотѣлъ только наглядно показать, что 1870-й годъ подмѣнилъ намъ прежняго Костомарова — настоящаго Костомарова—какимъ-то другимъ, какою-то контрафакцією.

Что пережѣна въ человѣкѣ произошла въ ущербъ его духовнымъ силамъ и жизненности, можно заключать даже и изъ слѣдующаго обстоятельства.

Въ 1871 году въ Петербургѣ былъ Археологическій съѣздъ. Повидимому—здѣсь, въ сонмѣ всѣхъ извѣстныхъ ученыхъ—онъ могъ сѣсть на какого угодно изъ своихъ любимыхъ коней и на турнирѣ ученыхъ могъ бросить въ лицо противникамъ не одну желѣзную перчатку. Его имя первымъ гремѣло бы вездѣ. Но такъ было бы прежде—съ прежнимъ Костомаровымъ. Теперь не то!—онъ никому не бросилъ вызова, а высидѣлъ весь съѣздъ такъ-же скромно, какъ почтенный Савваитовъ, скромнѣе даже Прохорова, и только въ письмѣ ко мнѣ отвелъ душу въ мѣткой, попрежнему, яркой какъ его талантъ, но добродушной сатирѣ, отъ которой жестоко досталось и «настоящимъ ученымъ» (вѣдь «настоящіе ученые» не считали его ученымъ), и ихъ «настоящей наукѣ».

Вотъ эта сатира: «Премного благодаренъ, достойнѣйшая дѣвочка ¹⁾, за то, что помните меня, какъ и я васъ. Поздравляю съ праздникомъ и новымъ годомъ. Очень радъ, что Наталья Никандровна (моя падчерица) вышла за Перволюфа. Однако, этотъ фактъ неволью приводитъ къ размышленіямъ: неволью вѣришь, что въ человѣческомъ существѣ есть привязанности, всячески основанныя не на одной привычкѣ или сходствѣ душевныхъ качествъ, но на какомъ-то болѣе внутреннемъ, неуволнимомъ таинственномъ сродствѣ. Познакомиться на распутіи, мимоходомъ, и съ обѣихъ сторонъ сохранить любовь—вѣдь это что-нибудь да значить. Пошли имъ, Господи, счастье».

Фактъ этотъ приводитъ почтеннаго историка въ изумленіе по слѣдующему обстоятельству. Эту Наталью Никандровну, въ 1864 годъ, тогда еще просто молоденькую Наташу, по просьбѣ ея больной матери, а своей старой пріятельницы, Николай Ивановичъ взялся отвезти въ Дрезденъ, въ тамошнюю консерваторію. Но раньше Дрездена они сдѣлали путешествіе по Европѣ и заѣхали, между прочимъ, въ чешскую Прагу. Въ Прагѣ они, конечно, посѣтили музей и бібліотеку, въ которой г. Перволюфъ, нынѣ профессоръ варшавскаго университета, былъ однимъ изъ бібліотекарей. Молодые люди тамъ же познакомились и полюбили другъ друга—и тотчасъ же разстались. Наташу Костомаровъ отвезъ въ Дрезденъ, а Перволюфъ остался въ Прагѣ. Въ 1871 уже году, г. Перволюфъ, все еще помня о своемъ «предметѣ», перешолъ на службу въ варшавскій университетъ, а оттуда пріѣхалъ въ Саратовъ къ своей «суженой»—и они поженились, ровно чрезъ семь лѣтъ послѣ мимолетней встрѣчи. Эта-то мимолетняя встрѣча, кончившаяся бракомъ чрезъ семь лѣтъ, и изумляла почтеннаго историка.—А какъ же онъ самъ женился на своей суженой Алиніѣ чрезъ—не семь, а двадцать восемь лѣтъ послѣ помолвки!

Но вотъ начинается сатира: «Съ нетерпѣніемъ ждалъ я Володьку, такъ какъ слово дано: какъ только Володьку получу, немедленно къ вамъ ѣду. Но что-то не надежно. Всѣхъ членовъ (археографической комиссіи) представляютъ къ наградамъ, кромѣ меня. Отчего же другихъ представляете, а меня нѣтъ? спрашиваю. Мнѣ говорятъ: «другіе не производили самодержавія отъ татарщины». Вотъ те на! Что жъ,

¹⁾ «Дѣвочкою» онъ постоянно называлъ меня за то, что я тогда не пилъ ни водки, ни вина и не болталъ ему того вздора, на который такой мастеръ былъ покойный В. А. Прохоровъ.—Предупреждаю будущихъ старьевщиковъ печати: если они впоследствии будутъ находить костомаровскія письма къ «миллой», или къ «прекрасной», или къ «дорогой дѣвочкѣ»—пусть не думаютъ, что это онъ писалъ къ любовницѣ. «Дѣвочка» эта—бородатая была и съ сѣдиной.

развѣ татары такая дрянь?.. За что жъ обижать татаръ? Чѣмъ татары не люди? Отчего же у Доминика, Дюссо, Бореля, Вольфа, Hôtel de France, да и вездѣ по петербургскимъ ресторанамъ ихъ предпочитаютъ русскимъ? Говорятъ, у меня-де отрицательное направленіе! Такъ что же? Развѣ вамъ кто мѣшаетъ полагать? я буду отрицать, а вы кладите, накладывайте, а я буду отрицать, да отрицать все, что вы накладете. Вотъ въ этомъ и наука! Посудите, если только будетъ одно положительное, такая куча выйдеть, что ни пройти, не проѣхать: надо же ее кому нибудь и прибирать, по крайней мѣрѣ съ дороги. Впрочемъ, это, такъ-себѣ, ученые говорятъ! А вотъ Гагаринъ такъ художниковъ остерегаетъ отъ знакомства со мною, что я будто не люблю Россіи. Господи! Я не люблю Россіи, когда не говорю иначе, какъ на чистомъ русскомъ языкѣ, тогда какъ обличающій меня съ трудомъ десять словъ связываетъ по русски.

«У насъ былъ Археологическій съѣздъ. На немъ Иловайскій нанесъ послѣдній жесточайшій ударъ норманской системѣ. Всѣ Гребеки, Олейфы и Гелги, замѣнявшіе нашихъ Рюриковъ, Олеговъ и Ольгъ, исчезли яко дымъ; всѣ пороги днѣпровскіе взорваны на воздухъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ когда-то подъ руками російскихъ инженеровъ, пытавшихся устроить плаваніе по Днѣпру; а о величайшемъ негодяѣ изъ всѣхъ негодяевъ—князь Бравлинъ, этомъ ренегатѣ, измѣнившемъ свое русское качество бранливаго князя на quasi скандинавское въ угоду Куинку, и говорить нечего: этотъ подлець, уже прежде получившій нѣсколько смертельныхъ ранъ, окончательно издохъ. Столько жертвъ! Вотъ побойще! Пока тѣла ихъ не прибраны, должна быть страшная вонь въ русской исторіи. Надобно учредить особую комиссію для подбора и погребенія мертвыхъ. Прощайте».

Ясно, что самъ Костомаровъ только со стороны смотреть на эту кровавую битву «настоящихъ ученыхъ» и посмѣивается себѣ въ бороду. Для него и прежде былъ также смѣшенъ «князь Бравалинъ», перешитый нѣмцами изъ «князь бранливъ», какъ смѣшенъ «слѣпой Якунь»—ослѣпленный нѣмцами русскій красавецъ, — такъ и теперь смѣшно это «ученое» переливанье изъ пустой головы въ порожнюю. Но прежде онъ самъ сталъ бы колотить по этимъ головамъ, а теперь—нѣтъ, усталъ, и его собственная голова устала послѣ удара судьбы.

По поводу послѣдовавшей въ 1872 году приостановки на 4 мѣсяца «Голоса», Костомаровъ пишетъ мнѣ также въ жартливомъ тонѣ:

«Милая дѣвочка! А старца нашего (А. А. Краевскаго) какъ хватили-то за реализмъ. А! Вотъ ему и награда за многолѣтнее патріотствованіе и славянствованіе! Деньги-то онъ (собралъ),—война нѣмцевъ съ французами всыпала ему въ карманъ многіе де-

сятки тысячъ,—не пропадетъ за четыре мѣсяца, а все жаль. Не думайте, однако, чтобъ я былъ реалистъ: имѣя счастье служить по министерству народнаго просвѣщенія, могу ли, смѣю ли я быть имъ въ то время, когда даже физики и химики доказываютъ превосходство классицизма. Я зѣлный классикъ, хотя совсѣмъ почти позабывшій античную мудрость. Мнѣ жаль своихъ денегъ, такъ какъ я подписался на «Голосъ» (прежде Андрей А. К. давалъ мнѣ его даромъ,—разбогатѣвши не даетъ), а теперь долженъ каждое утро платить пяточокъ за № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», тогда какъ остроуміе С..... далеко уступаетъ остроумію Панютина».

Рѣчь идетъ о фельетонахъ г. Нила Адмирари, которые всегдѣ нравились покойному историку.

Дальше въ письмѣ—очень злой сарказмъ на современное славянофильствованіе, получившее въ послѣднее время нѣсколько околоченныя манеры.

«Недавно—пишетъ онъ—у меня произошла смѣшная сцена. Приѣзжали ко мнѣ члены славянскаго комитета просить меня читать имъ какую-то чепуху насчетъ присоединенія Бѣлоруссін, такъ какъ совершилось сто лѣтъ съ этого событія, и при томъ читать такъ, чтобъ это было въ связи съ общеславянскими вопросами. Я—отвѣчалъ имъ—я не вижу связи этого событія съ исторіею другихъ славянскихъ народовъ. Они указали мнѣ на то обстоятельство, что вотъ была Сербія государство—пала; была Чехія—пала; была Польша—пала; осталась Россія. Видите ли какой законъ? Всѣ пропали. Россія осталась. Такъ что же? отвѣчалъ я имъ:—изъ этого будетъ выходить прямой результатъ, что теперь очередь за Россіею. А я люблю свое отечество и не желаю ему паденія; напротивъ—желаю процвѣтанія, и потому съ вашими общеславянскими вопросами ничего общаго имѣть не хочу. И отыдоша отъ меня славяне посрамлени. И кажется у нихъ будетъ читать Кояловичъ, который и теперь не можетъ забыть ранъ, нанесенныхъ ему нѣкогда вашимъ берендѣйскимъ оружіемъ; онъ у него побаливаютъ при дурной погодѣ. Началь (Кояловичъ же) писать въ «Гражданинѣ» «Историческія письма». О Боже! Боже! Затѣмъ вастъ нѣтъ здѣсь? Какъ бы мы его теперь вмѣстѣ растерзали. Увы! Иванъ Богучаровъ безъ своей дѣвочки не рѣшится—энергій нѣтъ».

Жаль. А прежде была энергія. Относительно ранъ, яко-бы нанесенныхъ г. Кояловичу моимъ берендѣевскимъ оружіемъ, я долженъ оговориться. Нѣсколько лѣтъ раньше описываемаго мною времени, именно въ 1865—1867 гг., мы оба съ Костомаровымъ участвовали въ «Голосѣ»; онъ случайно, а я былъ постояннымъ сотрудникомъ по вопросамъ украинскому, польскому и славянскому. Мое направленіе не

правилось ни «Московским Вѣдомостямъ», ни «Дню», гдѣ подвизался почтеннѣйшій М. О. Кояловичъ. Такъ какъ статей своихъ по упомянутымъ вопросамъ я не подписывалъ, то г. Кояловичъ и былъ увѣренъ, что это пишетъ Костомаровъ, и на него обрушивалъ мусоръ своихъ обвиненій въ украинофильствѣ и сепаратизмѣ, называя украинофиловъ «торками» и «берендѣями», а я наносилъ нашему обвинителю отвѣтные удары. О нихъ-то и говоритъ почтенный историкъ. Иванъ же Богучаровъ скрывалъ за собою самого историка. Оттого г. Кояловичъ и не зналъ, кто его бьетъ.

Изъ слѣдующаго письма можно опять заключить, что съ нашимъ историкомъ случилось что-то роковое, что духовныя силы его надорваны.

Въ томъ же 1872 году онъ пишетъ мнѣ въ Саратовъ: «Меня такая тоска одолеваетъ, что я хочу бѣжать. Узнайте, сдѣлайте одолженіе, о слѣдующемъ: въ чьихъ рукахъ садъ Сосновцевыхъ, и не продадутъ-ли его? Я бы купилъ, пріѣхалъ и поселился тамъ, сотворивъ себѣ единую келейцу малу. Только узнайте такъ, чтобъ не знали, что я, а то вообразить, что я богачъ, и заломать. Серьезно, надоѣло. Хочу въ лѣсъ. Но такого угла, какъ Сосновцевыхъ садъ, не легко найти.

«Что же вы подѣлываете? Все еще между небомъ и землею... увы!»

Не всѣ могутъ понять глубокій трагизмъ этого письма; но я его понимаю.

«Тоска одолеваетъ»... «хочу бѣжать»... «келейца мала»... «надоѣло»... «хочу въ лѣсъ»... «садъ Сосновцевыхъ»...

Мысль его, какъ видно, улетаетъ назадъ, за двадцать лѣтъ назадъ, и съ тоскою останавливается на «садѣ Сосновцевыхъ». Это тотъ садъ, въ окрестности Саратова, куда, въ годы своего «саратовскаго плѣненія», покойный любилъ ѣздить—помечтать съ природою. Съ самаго высокаго дерева въ этомъ саду онъ хотѣлъ подняться на воздушномъ шарѣ и просилъ, въ 1851 году, меня и А. Н. Пыпина, тогда юныхъ студентовъ, прислать ему изъ Питера тафты для этого шара; узнику хотѣлось на этомъ шарѣ улетѣть на вольный просторъ... Прошли годы—онъ улетѣлъ высоко-высоко, на высоту славы... Прошли еще годы—онъ вспомнилъ о прежнемъ изгнаніи—и его потянуло опять туда, въ изгнаніе... Усталъ, все надоѣло—тоска—въ лѣсъ, въ келейцу малу.

Да, не тотъ уже этотъ Костомаровъ.

Въ августѣ 1872 года я пріѣхалъ въ Петербургъ и нашелъ, что это, дѣйствительно,—не тотъ Костомаровъ. Я засталъ его съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ. Онъ жаловался на нестерпимыя боли въ затылкѣ. И въ лицѣ его, и въ движеніяхъ замѣчалась какая-то перемежна. Въмѣсто нервныхъ подергиваній одной правой стороны лица, что было у него всегда,—теперь дергалась, и довольно часто, вся

голова, какъ-бы закидываясь назадъ. Съ мокрымъ полотенцемъ на головѣ онъ и гулять ходилъ со мною, и невольно привлекалъ общее вниманіе. Онъ напоминалъ собою стараго арабскаго паломника съ концами бѣлой чадры на затылкѣ.

Въ это время онъ все еще находился въ періодѣ «исканія работы».

— Ищу, чѣмъ бы заняться, да ничто въ голову нейдетъ: совсѣмъ дуракомъ сталъ.

— Ну, такихъ дураковъ побольше бы.

— Не говорите... Вотъ и память совсѣмъ пропала — ни какъ не могу вспомнить «Хоть весною».

И онъ начиналъ припоминать и комически декламировать:

Хоть весною и тепленью,
А зимою холодненью,
Но и въ стужѣ
Мнѣ не хуже:
Въ зимній холодъ
Всякій молодъ...

— Ну, а дальше вотъ и забылъ.

Чаще онъ заговаривалъ, что надо бы заняться «Петрушей». «Да въ архивъ не пустятъ», добавлялъ онъ:—вонъ N. N. была лафасу все позволяли; а мнѣ—засы!»¹⁾

Къ этому-то періоду «исканія работы» и принадлежитъ приводимое ниже письмо его:

«Ваше высокоблагородное степенство! Изгнали меня, и сижу я на берегу М. Невы, на Петровскомъ островѣ, дача Якоби, № 1, близъ дворца Петра. Чортъ бы побралъ его райскій! Сыро, скверно и я черезъ недѣлю чувствую возобновеніе ревматическихъ болей въ затылкѣ и правой рукѣ.

«Читаю «Полное собраніе законовъ». Пытаюсь проникнуть въ государственный архивъ, но не знаю—удастся ли.

«N. N. я видѣлъ. Въ претензіи на васъ за то, что вы, какъ онъ увѣряетъ, почти перепечатали его статью²⁾, — впрочемъ, не потому что онъ считаетъ оскорбленіемъ своей совѣсти, а потому что—какъ (говоритъ онъ) такой талантливый человѣкъ занимается компиляціями! Обратился бы ко мнѣ: у меня много новаго, чего ни у кого нѣтъ.

«Вижу, что для обработки Петра Великаго мнѣ мало пособить весь каталогъ Rossica. Надобно братья за дѣла, а они въ архивѣ и въ

¹⁾ «Засы!» — малорусское выраженіе: «не смѣть!»

²⁾ Хоть убейте — не знаю, о какой это статьѣ говорится здѣсь.

сенатѣ и ихъ сотни фоліантовъ: переписывать же старье—не стоить; поэтому, если меня не допустить, я брошу. Хвалебныхъ гимновъ я не намѣренъ пѣть Великому Преобразователю, равнымъ образомъ и либеральничать надъ нимъ настолькоъ, чтобъ его палка въ чьихъ нибудь рукахъ не размахнулась надо мною, а здравой, безпристрастной критики я не въ силахъ приобрѣсть безъ знакомства съ дѣлами...

«Знаете ли чѣмъ вамъ заняться? Пишите исторію русской торговли и промысловъ. Для этого вамъ откроютъ всѣ архивы и, мнѣ кажется, вы получите хорошія деньги. Вамъ же, яко купцу 2-й гильдіи, это подобаеъ паче всякаго другаго».

Съ конца 1872 года я уже перестаю быть для почтеннаго историка— «милой дѣвочкой», но не потому, что я сталъ пить водку или вино, а потому, что въ понятіи почтеннаго историка и въ его письмахъ ко мнѣ я сталъ «купцомъ», и съ этихъ поръ онъ иначе не обращался ко мнѣ, какъ—«ваше степенство!»

— Хорошо ли торговать изволите, ваше степенство?

— Помаленьку, ваше превосходительство.

— А чѣмъ, позвольте спросить?

— Да больше писаной бумажкой, ваше превосходительство, балуемся! хоша и гнилой товарецъ, а идетъ съ рукъ шибко, шибко спускаемъ: глупъ покупатель—потому, ваше—ство,—все слопаеъ?

Почтенный историкъ беретъ за бока и заливаеъ совершенно ребяческии смѣхомъ.

— Такъ глупъ покупатель, говорите,—да?—все слопаеъ.

— Лопаеъ-съ, точно, да еще похваливаетъ... Ну, а позвольте спросить, ваше превосходительство, на счетъ, то-есть, вашихъ дѣловъ-съ?

— Что мои дѣла! — плохи. — У меня тѣтъ такого товару какъ у васъ: у меня—недвижимое имущество.

Это почтенный историкъ намекалъ на свои сочиненія, которыя будто бы плохо раскупаются—лежать въ книжныхъ магазинахъ недвижимо, хотя это была неправда.

Купцомъ же онъ сталъ меня называть по слѣдующему обстоятельству. Въ 1872 году нѣкоторыя весьма острыя цензурныя и нецензурныя обстоятельства заставили меня оставить службу въ Саратовѣ. Такъ какъ однимъ литературнымъ трудомъ нельзя было содержать семью, да еще неизлечимо больную жену, требующую особыхъ затратъ, притомъ-же и въ литературу, по тѣмъ же острымъ обстоятельствамъ, я могъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ являться только подъ строжайшимъ инкогнито (Д. С.—о въ «Дѣлѣ» и Д. С... о—М... и Д. Діонисіевъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» начала 1870-хъ годовъ),—то братья

мои, ростовскіе купцы, желая предоставить мнѣ права гражданства въ Ростовѣ-на-Дону и какія-либо занятія для содержанія себя и семьи своей помимо скользкаго литературнаго пути, — и приписали меня къ Ростову, внеся за меня, какъ говорится, капиталъ второй гильдіи. Мнѣ выдали купеческое свидѣтельство на красной бумагѣ, и сталъ я съ тѣхъ поръ «ростовскимъ 2-й гильдіи купцомъ».

И званіе это чрезвычайно понравилось моему покойному другу — историку. Онъ иначе не называлъ меня какъ «ваше степенство», постоянно спрашивалъ, хорошо ли я торгую «писаной бумажкой», письма свои иначе не адресовалъ мнѣ какъ—«ростовскому 2-й гильдіи купцу и кавалеру, его степенству», за что и я платилъ ему тою же монетою, выписывая на адресуемыхъ ему по почтѣ пакетахъ всё его превосходительные титулы и регалии.

III.

1873 годъ былъ для почтеннаго историка годомъ юбилейнымъ.

Въ 1838 году вышло въ свѣтъ его первое произведеніе — «Савва Чалый» — историческая драма на малорусскомъ языкѣ, подъ псевдонимомъ Іереміи Галки. Бѣлинскій первый привѣтствовалъ появленіе въ печати новаго имени, не прозрѣвая, конечно, въ будущее того, кто вступилъ на путь борьбы и славы съ этимъ именемъ.

Мысль о чествованіи почтеннаго историка и литератора возникла въ дружескомъ литературномъ кружкѣ, совершенно случайно, въ день именинъ покойнаго, 9 мая 1873 года. Вечеромъ у покойнаго собрался небольшой кружокъ знакомыхъ — между прочимъ — Н. А. Бѣлозерская, Н. Н. Ге, И. О. Горбуновъ, Н. И. Катенинъ, Д. Е. Кожанчиковъ, С. В. Максимовъ, И. П. Минаевъ, Ф. К. Неслуховскій съ семействомъ, от. Стефанъ Опатовичъ и ростовскій 2-й гильдіи купецъ Д. Л. Мордовцевъ. Вечеръ выдался необыкновенно оживленный. Именинникъ, по просьбѣ гостей, гласомъ ветхаго денями черноризца прочелъ наизусть свое прелестное «Сказаніе о бѣсовствѣхъ искушенія, како лукавый бѣсъ прельсти единаго отъ старецъ» пойти вмѣсто всенощной на «Пророка», а затѣмъ, тономъ и голосомъ дьяка разбойнаго приказа, вычелъ такую же прелестную челобитную черкасскихъ людей, холопишекъ государевыхъ, Миколки Костомарова съ товарищи, на московскаго посадскаго яржжу, на Мишку Н. Н. сына на за его Мишкины безлѣпичныя рѣчи. При этомъ С. В. Максимовъ, котораго покойный всегда величалъ «отцомъ архимандритомъ», повѣдалъ гостямъ

нѣкія душеспасительныя сказанія изъ своей архимандричьей практики, а хозяинъ, расхордившись, когда гости стали садиться за столъ, вспомнилъ и разсказалъ о томъ, какъ нѣкогда покойный духовный витія, преосвященный Иннокентій, журилъ своего отца эконома за то, что тотъ къ званому обѣду своего владыки, на которомъ должны были присутствовать власти вмѣстѣ съ кievскимъ генераль-губернаторомъ Дмитріемъ Гавриловичемъ Вибиковымъ, щедрою рукою напекъ пироговъ съ вязигой: «ишь, черноризецъ эдакій, навалилъ пироговъ-то — гора горой! да все съ вязигой! А ты бы съ вязигой-то поставилъ вонъ тамъ только, гдѣ мы съ Дмитріемъ Гаврилычемъ и съ другими знатыми лицами,—а то на! всѣмъ!—мелкота-то и съ кашей поѣдятъ!»

Съ своей стороны безподобный И. О. Горбуновъ разсказалъ тутъ же нѣсколько своихъ «стихотвореній въ прозѣ», какъ-то: «Каковы куры и въ каково время»; или: «Иванъ Бугусловъ говоритъ: аще, говоритъ,—на-счетъ жонъ, то-исть... аще, говоритъ... кали ежели жанъ»... и т. д.

Тогда почтенный отецъ архимандритъ громогласно объявилъ, что онъ «шумѣть будетъ, шумѣть хочеть», — и дѣйствительно «шумѣлъ», и тутъ-то, въ шумѣ этомъ, и напомнилъ, что съ 1838 года по 1873-й исполнилось тридцатипятилѣтіе литературной и ученой дѣятельности дорогого именинника, и что непременно надо отпраздновать его юбилей.

И скромный, но глубоко сердечный, юбилей, дѣйствительно, состоялся. На дружескомъ совѣтѣ положено было поднести юбиляру дорогой альбомъ съ портретами друзей и почитателей даровитаго историка. Рисунокъ для серебрянаго оклада альбома набросанъ былъ мастерскимъ карандашомъ Н. Н. Ге, а чеканная работа исполнена была г. Верховцевымъ. Рисунокъ изображалъ: на первомъ планѣ — украинскій кобзарь съ бандурою, а за нимъ — «степовая казацкая могила»; тутъ же въ сторонѣ чернильница, развернутые свитки хартій, лѣтописи, а надъ ними рельефно выступающія фигуры Богдана Хмельницкаго, Выговскаго, Стеньки Разина, фигуры царей «тишайшаго» и Грознаго, дальше—вглубь—болѣе блѣдные облики равноапостольнаго князя Владиміра и княгини Ольги, и за ними, какъ бы въ туманѣ облаковъ, выступаютъ блѣдныя фигуры варяговъ: Рюрика, Синеуса и Трувора, которыхъ беспощадная историческая критика почтеннаго юбиляра превратила въ «непоминащихъ родства бродягъ».

Поднесеніе альбома состоялось въ декабрѣ 1873 года.

Раньше этого, лѣтомъ 1873 года, въ жизни историка совершилось событіе, имѣвшее роковое и благотворное вліяніе во всей послѣдующей его жизни.

Лѣтомъ онъ хандрить, не зная, за какую работу приняться. Онъ

жилъ въ это лѣто на дачѣ, на Петровскомъ острову, у самаго моста, соединяющаго Петровскій островъ съ Крестовскимъ. Мы съ Кожанчиковымъ очень часто бывали у него. Съ Кожанчиковымъ покойный любилъ сразиться на бильярдѣ, и для этого они забирались въ стоявшій тамъ насупротивъ самой дачи прегрязный трактирчикъ, на одной двери котораго четко было начертано: ворто-глазетъ. Глядя на дверь этого таинственнаго «ворто-глазета», Костомаровъ всегда вспоминалъ мѣткую сатиру Добролюбова о днѣпровскихъ порогахъ, изъ-за названія которыхъ столь жестоко воевали ученые мужи, — что греческій лѣтописецъ, записавшій названія пороговъ, могъ —

Пороговъ тѣхъ названія
Жестокъ перевратъ,
Но могъ, сверхъ ожиданія,
И вѣрно записать.

Послѣ бильярда и продолжительнаго скитанья по островамъ, мы возвращались на дачу и наслаждались простоквашей.

Во время гулянья на Кулербергѣ, подъ Ивановъ день, мы, вспоминая своего Ивана Купалу и прыганье черезъ купальскіе огни еще въ Саратовѣ, почти всю ночь толкались между пирующимъ людомъ, а на утро опять пришли полюбоваться на мѣсто ночного торжества. Это мѣсто представляло поле, усѣянное трупами, а посреди труповъ возвышалась гигантская пустая бочка съ надписью—«Баварія». Бочка эта напоминала мертвую голову богатыря въ «Русланѣ и Людмилѣ», и я, глядя на эту картину Бахусоваго боя, невольно сталъ декламировать изъ «Руслана»:

О поле, поле! кто тебя
Усѣялъ пьяными тѣлами!

Историкъ такъ эта глупость понравилась, что онъ часто любилъ ее вспоминать и всегда просилъ меня: «пожалуйста, купецъ, спойте это мѣсто—вы такъ хорошо поете».

Въ это же лѣто Костомаровъ задумалъ и началъ писать своего «Кудеяра».

Затѣмъ въ августѣ онъ поѣхалъ въ Кіевъ на предварительный Археологическій Съѣздъ. И здѣсь-то случилось съ нимъ событіе, котораго онъ никогда не ожидалъ. Бывшій въ то время въ Кіевѣ П. П. Чубинскій, хорошо знавшій обстоятельства жизни историка, однажды говоритъ ему:

— А знаете, Николай Ивановичъ,—ваша бывшая невѣста здѣсь.

— Какъ! Алина?

— Да, Алина Леонтьевна Кисель—теперь вдова. Она здѣсь, и я знаю, гдѣ она живетъ. Хотите—я свезу васъ къ ней.

— Я поѣхалъ, рассказывалъ мнѣ Николай Ивановичъ, уже по

возвращеніи въ Петербургъ:—звоню—мнѣ отворяють дверь—въ переднюю выбѣгаютъ двѣ дѣвочки, дочки ея—Соня и Юля.—«Кого вамъ надо?»—Алину Леонтьевну... И вдругъ ко мнѣ навстрѣчу выходитъ, вмѣсто моей Алины—старуха—Наина...

— А самъ-то хорошъ, молодецъ! невольно засмѣялся я:—ни одного зуба!

Онъ много потомъ рассказывалъ о ней, о ея дѣвочкахъ, которыя ему очень понравились, особенно меньшая, Соня, еще совсѣмъ ребенокъ и потому смѣлѣе и откровеннѣе своей старшей сестры. Онъ говорилъ, что предлагалъ Алинѣ жениться, но что она наотрѣзъ отказалась. Я съ своей стороны представлялъ ему, что такой поздній бракъ былъ бы вполне несообразенъ, какъ по ихъ лѣтамъ (57+43=столѣтію!), такъ и потому, главнымъ образомъ, что ввести въ домъ новую хозяйку въ то время, когда старушка мать историка одна, всю жизнь, считала себя единственною хозяйкою въ домѣ своего сына,—было бы жестокою обидою для старушки, а съ другой стороны и положеніе второй, младшей хозяйки въ домѣ было бы не только неловкое, но и невыносимое. Я зналъ на этотъ счетъ мнѣніе Татьяны Петровны, и сталъ на сторону старушки. Я жестоко нападалъ на претендента въ женихи, изображалъ въ самомъ ужасномъ видѣ его, какъ «молодого», съ его извѣстными мнѣ «привычками»—наслѣдіемъ сидячести, старости и болѣзненности. Я издѣвался надъ его «дудочками», безъ которыхъ онъ не могъ обойтись въ извѣстныхъ, нужныхъ случаяхъ. Я изображалъ ему «спальню молодыхъ» такими красками, что мой претендентъ въ женихи катался со смѣху.

— А ну, ну, купецъ, расскажите, какой я буду молодымъ.

— Съ дудочкой?

И претендентъ бѣгалъ, согнувшись, по кабинету, хихикалъ и дѣлалъ «чуфизы»—ему одному свойственныя гримасы. Н. А. Бѣлозерская, работавшая тогда вмѣстѣ съ почтеннымъ претендентомъ въ женихи надъ «Русскою исторіею въ жизнеописаніяхъ», помнитъ, вѣроятно, эти жанровыя сцены. Жаль, что ихъ не подсмотрѣлъ Маковскій.

И такъ рѣшено было—не жениться: доживать свой вѣкъ «козакомъ-бурлакою»:

Лежить козаекъ пидъ вербою
На купини головою,
Не думаетъ, не гадаетъ,—
Стрепенувся та й полинувъ,—
Тилько витерь чубомъ мае...

Осень и зиму 1873—1874 года Костомаровъ сидѣлъ надъ «Исторіею въ жизнеописаніяхъ», а весной снова перебрался на Петровскій островъ. Тамъ опять начались наши шатанія по сосѣднимъ островамъ.

игра Костомарова съ Кожанчиковымъ на бильярдѣ въ сосѣдствѣ таинственнаго «ворто-глазета» и писаніе первымъ своего «Кудеяра». На дачѣ иногда навѣщали его Г. Э. Штендтманъ, кн. П. А. Вяземскій и г. Барсуковъ, издатель «Дневника» Храповицкаго.

Бродя вдвоемъ по островамъ, мы часто натыкались на смѣшныя сцены съ пьяненькими. Одна сцена особенно насмѣшила насъ, и почтенный историкъ не забывалъ ея до смерти. Двое пьяненькихъ пріятелей повздорили изъ-за чего-то. Одинъ изъ нихъ, болѣе энергичный, загнулъ своему пріятелю такое словцо, что тотъ совсѣмъ растерялся, не умѣя подобрать равносильнаго прівѣтствія. Увидавъ насъ, онъ еще болѣе пришелъ въ конфузъ, и могъ только сказать:

— Ахъ ты, подлець, подлець! — Эдакіе-то два почтенныхъ старичка идутъ, а ты эдакое-то слово ляпнулъ! — Не подлець-ли ты!

Въ концѣ іюля Костомаровъ опять собрался въ Кіевъ на Съѣздъ. Помню я эти сборы. Старушка Татьяна Петровна съ ногъ сбилася, а историкъ капризничалъ, постоянно повторяя:

— Маменька, я непремѣнно потеряю деньги.

Мнѣ пришлось выручать старушку, которая тоже ворчала: «вотъ усю жизнь бувъ дурный—дуракомъ и остался». Я взялъ «у дурака» деньги, отдѣлилъ ему часть на дорогу до Кіева, а остальные зашилъ ему въ боковой карманъ сюртука. Старушка по слѣпотѣ не могла этого сдѣлать.

Изъ Кіева я получилъ отъ него слѣдующее письмо отъ 3-го августа:

«Ваше степенство! Вотъ я четвертый день въ Кіевѣ, и какъ въ омутѣ: труда много до утомленія. Съѣздъ два засѣданія въ день имѣеть; зной невыносимый и духота. Кіевъ представляется не такимъ, какииъ былъ прошлый годъ: все высохло, ни травки, ни муравки, все сѣро.

«О, блаженный Петровскій островъ съ его прохладою!

«Я квартирую въ Hôtel Massieu — близко университета, противъ театра, плачу за номеръ 2 р. 20 к.

«За романъ свой (это «Кудеяръ») не брался—некогда. Изъ бывшихъ до сихъ поръ чтеній—всего пять было—не было ничего особенно любопытнаго; правда, протоіерей Лебединцевъ представилъ нѣчто замѣчательное относительно исторіи Софійскаго храма, но замучилъ плодovitостію слога. Измаиль ¹⁾ (И. И. Срезневскій) въ первое засѣданіе произнесъ воскуреніе Н. Н. и вспоминалъ высокое покровительство, оказанное просвѣщенію, особенно русской исторіи и археологии, покойнымъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, такъ что, неизвѣстно отчего, вся рѣчь сдѣлалась панегирикомъ. Жаль, что я не взялъ съ собою разбора «Запорожской Старины». Я думалъ, что

¹⁾ В. А. Прохоровъ всегда называлъ его Измаиль.

киевляне лучше меня найдутся обличить разные подлоги въ области этнографіи, но они, какъ видно, струсили передъ Срезневскимъ.

«Что далѣе будетъ — увидимъ. Ходили на билліардѣ играть съ Дан. Гавр. Лебединцевымъ 1-го августа, но не долго: жарь такой, что никакая игра не пойдетъ въ умъ».

Извѣстно, что Костомаровъ въ «Вѣстникѣ Европы» обвинялъ Срезневскаго въ томъ, будто-бы онъ включилъ въ «Запорожскую Старину» имъ самимъ сочиненныя думы и называлъ его русскимъ Макферсономъ.

Второе письмо изъ Кіева писано 19-го августа.

«Ваше степенство! Съѣздъ оканчивается, а я отправляюсь отсюда къ г-жѣ Кисель въ Прилуки; возвращусь въ первыя числа сентября. Она просила меня доставить въ Петербургъ ея дочь (Софію), которую приняли на казенный счетъ въ Смольный. Слѣдовательно, если что будетъ нужно, то присылайте ко мнѣ по такому адресу: Прилуки, село Дѣдовцы, Галинѣ Кисель, передать Костомарову.

«Ужаснѣйшая жара спала. Становится прохладнѣе. Вчера и третьяго дня ѣздили по Днѣпру; большая тѣснота на пароходѣ, хоть Съѣздъ умалился; многіе, получивъ отъ своихъ учрежденій деньги, заблаго-разсудили, осмотрѣвши Кіевъ, удрать во-свосяи.

«Въ Вышгородѣ отрыли фундаментъ церкви, гдѣ когда-то лежали мощи Бориса и Глѣба. Нѣтъ ничего кромѣ кирпичей. Измаилъ Ивановичъ въ великомъ восторгѣ. ѣздили 10-го на раскопки въ с. Газное: нашли пять костьяковъ, разбитую чашу и какіе-то инструменты каменные.

«Самоквасовъ нашелъ еще въ курганахъ кое-что любопытное. Выставка археологическихъ вещей въ университетѣ очень хороша.

«До свиданія. Будьте добры—навѣщайте мою матушку и если, не дай Богъ, она заболѣетъ, сейчасъ дайте знать телеграммою ко мнѣ, адресуя: въ Прилуки, на имя г-жи Кисель. Извините — перья скверныя.

«Кудеяра не продолжалъ, потому что некогда было».

Въ сентябрѣ Костомаровъ воротился въ Петербургъ и привезъ съ собою маленькую Киселивну, Соню. Это была совсѣмъ маленькая дѣвочка, и хотя казалась бойкенькою, но все-таки скорѣе напоминала бѣленькаго кролика, который при видѣ даже курицы, не то что собаки, сейчасъ улепетнетъ въ кустъ.

Послѣ первыхъ привѣтствій, историкъ тотчасъ справился о здоровьѣ своего фаворита, Васьки кота, и благополучно ли его привезли съ дачи. Ему отвѣчали, что Ваську везли съ дачи въ клѣткѣ, точно Пугачева изъ Симбирска, и онъ всю дорогу страшно мяукалъ.

Въ эту зиму мы повадились съ нимъ, для разнообразія, разъ въ недѣлю заходить обѣдать въ какой-нибудь ресторанъ—либо къ татарамъ, либо къ Борелю, либо къ Палкину: тогда мы называли себя «старцами бражниками».

Къ этому времени относится такое напр. письмо «старца бражника Николая, иже на Невѣ рѣцѣ»:

«Ваше степенство! Сегодня я не могу идти съ вами въ ресторанъ. Я нездоровъ, мурашки по тѣлу ползають, зѣвота, потягота, пустоглавіе, сильное истеченіе мокротъ и нервная боль въ правой рукѣ. Будьте добры и милостивы—пожалуйте ко мнѣ обѣдать. Я жду васъ до 5 часовъ».

Но въ то же время мы усердно работали надъ приготовленіемъ къ изданію археографическою комиссіею VIII тома «Актовъ Южной и Западной Россіи».

По этому случаю мы иногда мѣнялись такого рода письмами:

«Ваше степенство! Имѣю честь почтительнѣйше представить и благоусмотрѣніе вашего степенства переписанные листы малороссійскихъ актовъ, слѣдующіе къ печатанію, и прошу покорнѣйше ихъ рассортировать. Затѣмъ присовокупляю и два подлинныхъ дѣла 1669 года для руководства при корректурѣ.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаюсь къ вашему степенству со всепокорнѣйшею просьбою ускорить, насколько возможно, печатаніе.

«Примите увѣреніе въ искреннемъ моемъ высокопочитаніи и преданности. Вашего степенства готовый къ услугамъ Н. Костомаровъ. Декабря 10-го дня 1874 г.».

Зима 1874 года выдалась вообще какою-то особенною оживленностью въ нашемъ кружкѣ: на петербургскомъ горизонтѣ вновь появился Кулишъ, пропадавшій болѣе десяти лѣтъ, появился яркимъ метеоромъ на петербургскомъ небѣ, чтобы подобно метеору быстро разсыпаться и наполнить воздухъ удушливымъ дымомъ дурного качества ладону, дымомъ, закоптившимъ почти всѣ страницы II тома «Исторіи воссоединенія Руси». Въ ту же зиму въ Петербургѣ находился нашъ симпатичный композиторъ Лисенко, и его музыка часто вливала отраду въ наши украинскія души. Здѣсь же находился тогда и А. А. Руссовъ, который такъ мастерски пѣлъ про «отца Зализо». Въ Петербургѣ же былъ тогда и симпатичный, даровитый Гольдштейнъ, погибшій потомъ геройскою смертію въ Сербіи. Даже Остапъ Вересай посѣтилъ тогда Петербургъ, но только уже въ февралѣ 1875 г.

Совсѣмъ ожилъ было и старикъ нашъ въ эту зиму—общій «бабако» и «дидусъ»,—но ожилъ не надолго. Въ январѣ 1875 года подкосила его болѣзнь, послѣ которой отъ прежняго Костомарова осталась только тѣнь—во всѣхъ отношеніяхъ.

Впрочемъ, слегли мы съ нимъ разомъ—только я легче отдѣлался.

25-го января, въ субботу, когда я уже захварывалъ, мнѣ принесли записку отъ Н. И. Катенина, жившаго съ Костомаровымъ дверью противъ двери. Катенинъ писалъ мнѣ: «Николай Ивановичъ Костомаровъ проситъ васъ придти завтра пораньше къ нему посидѣть. Онъ

захворалъ серьезно. Сегодня былъ докторъ,—опаснаго не нашель, прописалъ касторку и хининъ. Вечеромъ опять будетъ. Температура тѣла 39 съ десятиями. Николай Ивановичъ лежитъ, хандрить, собирався писать духовное завѣщаніе, говоря, что въ февралѣ умреть».

Что было дальше — я уже не знаю, потому что самъ лежалъ въ бреду, а 5-го февраля мнѣ Катенинъ писалъ: «здоровье нашего больного въ одномъ положеніи. Есть явленія утѣшительныя, есть и не хорошія. Худо, что сравнительно при невысокой температурѣ—37,5—больной бредитъ. По временамъ приходитъ въ сознаніе, узнаетъ окружающихъ, спрашивалъ о котѣ; о матери не поминаетъ. Одинъ разъ выразилъ, что всё его оставили. Доктора не рѣшаются сказать опредѣлительное, но не теряютъ надежды. Завтра общался пріѣхать Бѣлоголовый, не навѣрно, а послѣ завтра навѣрно. Въ ночь пришла телеграмма отъ Алины Кисель—Костомарову: спрашиваетъ о здоровьи и сама сообщаетъ, что здорова. Просить отвѣчать въ Ромны—Засулье, Андриано-польскому. Я отвѣчалъ такъ: Н. И. Костомаровъ опасно боленъ тифомъ, хотя не совершенно безнадежно. Мать умерла 1-го февраля. Похоронена.

«Помогай вамъ, Боже, скорѣе выздоровѣть и побывать у нашего больного: онъ будетъ очень, очень вамъ радъ. Когда заболѣлъ, то поминалъ о васъ. Очень сожалѣлъ, что вы больны».

Не помню, скоро ли я поправился настолько, что могъ выходить, но когда я въ первый разъ пріѣхалъ къ больному историку, то на дверяхъ его еще оставалось предупрежденіе, чтобъ къ нему не звонить, а заходить къ Катенину. Я такъ и сдѣлалъ. У Катенина я засталъ А. Н. Пыпина, Н. А. Бѣлозерскую и какую-то черноглазую, всю въ черномъ, лѣтъ за сорокъ даму, съ выразительными и симпатичными чертами лица. Я сразу догадался, кто это.

Меня представили ей.

— Алина Леонтьевна Кисель.

Катенинъ пошелъ къ больному, чтобы сказать, кто у него. Минуты черезъ двѣ онъ воротился.

— Купца хочеть видѣть.

Я пошелъ. Больной лежалъ въ залѣ. Я привѣтствовалъ его издали; онъ слабо отвѣчалъ мнѣ. Я сѣлъ и молчалъ. Мнѣ тяжело было смотрѣть на него. Не смотря на то, что комнаты освѣжали, я чувствовалъ ясно тонкій, но острый запахъ трупа.

— А Васька не сѣлъ птичку? спросилъ больной.

— Нѣтъ, не сѣлъ, отвѣчалъ я: клѣтку поставили на шкапъ.

Я понялъ, что онъ бредилъ, хотя его занимала дѣйствительно птичка, находившаяся въ клѣткѣ, въ кабинетѣ. Я тихонько ушелъ. Къ больному пошелъ Пыпинъ.

Но г-жу Кисель врачи положительно запретили пускать къ больному свиданіе и неизбежное при этомъ волненіе могли подѣйствовать на него губительно.

Кромѣ сидѣлокъ, около больного дежурили: Лисенко, Руссовъ, Вашкевичъ, Мартыновичъ и др. Мартыновичъ — чистѣйшій типъ украинца — вызывалъ въ больномъ историческія иллюзіи: послѣ выздоровленія уже, Николай Ивановичъ рассказывалъ мнѣ, что въ Мартыновичѣ онъ видѣлъ настоящаго запорожца, который вышелъ изъ могилы и пришелъ къ нему.

Больной поправлялся очень медленно. Помню, когда я навѣстилъ его 25 февраля, онъ все еще лежалъ и говорилъ не всегда сознательно. Когда я, чтобы занять его чѣмъ-нибудь, сказалъ, что завтра будетъ панихида по Шевченкѣ, а что вечеромъ въ клубѣ будетъ пѣть Вересаи, котораго г. Козловъ привезъ съ собою въ Петербургъ вмѣстѣ съ женою слѣпного бандуриста, его повадыремъ, — почтенный историкъ храбро заявилъ:

— И я побѣду Вересаю слушать — я давно его не слышалъ.

Находившійся при немъ докторъ съ улыбкою отвѣчалъ:

— Хорошо, хорошо, Николай Ивановичъ; а для этого мы съ сидѣлкой попробуемъ посадить васъ въ кресло, а потомъ ужъ пойдѣмъ и Вересаю слушать.

Но затѣмъ больной сталъ говорить какой-то вздоръ, увѣрялъ, что онъ лежитъ не въ спальнѣ, а въ римскомъ колюбаріи, что къ нему по ночамъ приходятъ тѣни вмѣстѣ съ какимъ-то запорожцемъ, что Лисенко сочинилъ какую-то фантастическую оперу и что котъ задавилъ его птичку. Когда я сталъ защищать благовоспитанность его Васьки, то больной настойчиво возражалъ, что птичка задавлена и что задавилъ ее чужой котъ, который тихонько пробрался въ кабинетъ.

Оказалось, что больной былъ правъ. Клѣтка дѣйствительно была пуста.

Вскорѣ врачи нашли возможнымъ дозволить г-жѣ Кисель свиданіе съ ея бывшимъ женихомъ, и съ тѣхъ поръ она оставалась около него уже неотходно.

Но—повторяю — послѣ болѣзни это былъ уже не тотъ Костомаровъ, котораго я зналъ до 1870 года, не тотъ даже, который былъ въ началѣ рокового 1875-го: болѣзнь безжалостно подмѣнила и личность даровитаго историка, и его творчество.

Въ 1875 году прежняго Костомарова не стало. А въ 1885 году у насъ уже не осталось никакого. Лучшее его произведеніе — результатъ творчества лучшей поры его жизни — «Богдана Хмельницкаго», друзья историка положили ему въ гробъ, подъ голову.

ПАМЯТИ КОНСТАНТИНА ДМИТРІЕВИЧА КАВЕЛИНА

† 7-го мая 1885 г.

7-е мая 1885 г. было днемъ новой и великой печали для всего русскаго общества, для всего народа русскаго: въ этотъ день скончался Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ. Одного этого имени довольно, чтобъ понять ту тяжесть утраты, которая постигла наше отечество. Въ ряду многочисленныхъ статей, явившихся въ печати по поводу этой новой могилы—безспорно одна изъ самыхъ замѣчательныхъ, по глубинѣ мысли и изяществу формы, принадлежитъ А. О. К...; статья эта помѣщена въ газетѣ „Недѣля“ (1885 г., № 19) и мы обратились къ уважаемому автору съ просьбою дозволить ее перепечатать на стр. „Русской Старины“. Получивъ согласіе А. О. К... на ея перепечатку, приводимъ этотъ вполне художественный очеркъ нравственной личности незабвеннаго К. Д. Кавелина.

Ред.

I.

Бываютъ люди уважаемые и въ свое время полезные. Они честно осуществляли въ жизни все, что имъ было „дано“, но затѣмъ, по праву усталости и возраста, сложили порабатавшія руки и остановились среди быстро бѣгущихъ явленій жизни, какъ пограничные столбы былого труда и былого нравственнаго вліянія. Новыя поколѣнія проходятъ мимо, глядя на нихъ, какъ на почтенные остатки чуждой имъ старины; живая связь между ихъ замольнувшюю личностію и вопросами и потребностями дня утрачена или не чувствуется—и сердце ихъ, когда-то горячее и отзывчивое, бьется инымъ ритмомъ, безгласное и безучастное къ явленіямъ окружающей дѣйствительности. Холодное уваженіе провожаетъ ихъ въ могилу, и большое чувство незамѣнимой потери, незамѣстимаго пробѣла не преслѣдуетъ тѣхъ; кто возвращается отъ этой могилы, такъ какъ имъ пришлось засыпать въ ней

усопшаго, который уже давно не был живымъ отголоскомъ ихъ нравственныхъ тревогъ и упованій.

Но есть и другіе люди—немногіе, рѣдкіе. Въ житейской битвѣ они не владутъ оружія до конца. Ихъ воспріимчивая голова и чуткое сердце работаютъ дружно и неумолимо повуда въ нихъ горитъ огонь жизни. Они умираютъ какъ солдаты въ ратномъ строю, на дѣйствительной службѣ, не увольняя себя ни въ запасъ, ни въ безсрочный отпускъ, и уже чувствуя дыханіе смерти, холодѣющими устами еще шепчутъ свой нравственный пароль и лозунгъ. Жизнь часто не щадитъ ихъ — и на закатѣ дней, въ годы обычнаго для всѣхъ, отдыха и квіетизма, наноситъ ихъ усталой, но стойкой душѣ тяжелые удары. Но за то—ничто изъ области живыхъ общественныхъ вопросовъ не остается имъ чуждымъ. Вступая въ жизнь съ однимъ поколѣніемъ, они дѣлятся знаніемъ съ другимъ, работаютъ рука объ руку съ третьимъ, подводятъ итоги мысли съ четвертымъ, указываютъ идеалы пятому... и сходятъ со сцены всѣмъ имъ понятные, близкіе, быстрые и поучительные до конца. Они не „переживаютъ“ себя, ибо жить для нихъ не значить только существовать, да порою обращаться къ своимъ, нерѣдко богатымъ, воспоминаніямъ... Ихъ чуждый личныхъ расчетовъ внутренній взоръ съ тревожною надеждою всегда устремленъ въ будущее, и въ ихъ многогранной душѣ всегда найдутся стороны, которыми она тѣсно соприкасается съ настроеніемъ и стремленіями лучшей части современнаго имъ общества.

Однимъ изъ такихъ людей былъ К. Д. Кавелинъ, опущенный сегодня въ могилу.

Еще недавно можно было надѣяться, что его здоровый въ существѣ своемъ и вѣрпкій организмъ осилитъ и побѣдитъ недугъ. Но этого не случилось, и не смотря на старанія лучшихъ врачей и нѣжный уходъ близкихъ, однимъ изъ благороднѣйшихъ и глубоко просвѣщенныхъ русскихъ людей стало меньше. Жизнь, полная труда, безупречная по своей чистотѣ, богатая по своему влиянію, прекратилась, и нравственный обликъ усопшаго, пріятельный въ своей неизмѣнности, возстаетъ вполне законченный надъ его только-что засыпанною могилою. На край ея сошлись представители разнообразныхъ слоевъ общества—люди разныхъ положеній и, что главное, разныхъ, раздѣленныхъ десятками лѣтъ, поколѣній. И старый, быть можетъ близкій въ

свою очередь въ концу „человѣкъ сороковыхъ годовъ“, и бывший петербургскій студентъ начала „шестидесятыхъ годовъ“, и мировой посредникъ „перваго призыва“, и военный юристъ „восьмидесятыхъ годовъ“, и писатель, и ученый, и художникъ, и бѣднякъ изъ Андреевскаго прихода—пришли посреди внушительной процессіи, пестрой по составнымъ частямъ, единой по чувству, проводить его прахъ. И въ томъ, что каждый изъ нихъ, независимо отъ сознанія общей утраты, могъ по-своему, лично скорбѣть о Кавелинѣ и вспоминать о немъ какъ объ учителѣ, совѣтникѣ, другѣ, помощникѣ — выразилась особенность его дорогой и незабвенной для знавшихъ его личности.

Его кончина еще слишкомъ близка и горечь ея еще слишкомъ чувствительна, чтобы говорить о его жизни, о его работахъ, чтобы представить въ связной картинѣ каждый трудовой годъ этого пахаря на нивѣ русскаго просвѣщенія и развитія. Современемъ чья-нибудь талантливая рука начертитъ его образъ во всѣхъ подробностяхъ и передастъ читателю о его юныхъ годахъ, озаренныхъ уроками Бѣлинскаго, о его первыхъ шагахъ на ученомъ поприщѣ, о его вступленіи въ кружокъ—единственный въ своемъ родѣ—кружокъ Грановскаго, Кудрявцева и Бѣлинскаго, куда недавній ученикъ и восторженный поклонникъ вошелъ какъ равный по праву ума, таланта и знанія. Будущій биографъ расскажетъ, какъ, не будучи, по старому русскому выраженію, „духомъ перегибатемень“, Кавелинъ не остался въ сторонѣ, заменившись въ себя и въ свое официальное дѣло, при одной домашней исторіи московскихъ профессоровъ, но возставъ на несогласную съ его убѣжденіями терпимость къ неприглядному житейскому явленію, вышелъ въ отставку. Онъ остановится съ любовью и уваженіемъ на 1857 годѣ, который снова призвалъ Кавелина на кафедру въ Петербургъ и далъ ему, кромѣ слушателей-студентовъ, еще одного, юнаго, надъ царственною головою котораго вились самыя свѣтлыя надежды. Обратясь къ носившемуся тогда надъ Россіею какъ благовѣсть съ высоты престола призыву совлечь съ себя „иго рабства“, онъ съ благодарнымъ чувствомъ уважаетъ на горячую и благородную дѣятельность Кавелина по отношенію къ вопросу освобожденія крестьянъ, — уважаетъ на его рѣчь на извѣстномъ московскомъ обѣдѣ 28-го декабря 1857 г., въ которой такъ ясно и возвышенно опредѣлена культурно-историческая роль дворянства, и на его зна-

менитую записку, гдѣ, безъ колебаній и недомолвокъ, съ трезвою рѣшительностью, была впервые категорически выражена мысль о необходимости свободы съ надѣломъ,—мысль, возбудившая многихъ противъ автора и осуществленная однако чрезъ два года, какъ неизбежный исходъ... И долгіе годы со времени вторичнаго оставленія кафедры до самой кончины дадутъ богатый матеріалъ биографу для изображенія того, какъ этотъ выдающійся человѣкъ поставленный въ самую скромную служебную обстановку, умѣлъ всецѣло, словомъ и дѣломъ, служить родиѣ во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ обновленія ея внутренняго строя и сѣять „разумное, доброе, вѣчное“ то какъ изслѣдователь народнаго быта, то какъ юристъ, то какъ мыслитель и тонкій мастеръ слова. Глубина его знаній, блескъ его ума и способность отдаваться всякому предпринятому труду всѣмъ своимъ существомъ будутъ ярко блистать при разборѣ его сочиненій, изъ которыхъ послѣднее,—плодъ долгихъ думъ и сложной внутренней работы,—появилось лишь за три мѣсяца до смерти автора...

Но теперь еще не настало для этого время, и глазъ, отуманенный неволью набѣгающею слезою безвозвратной разлуки, не можетъ еще объять картины дѣятельности Кавелина во всю ея ширину. Личность общественнаго дѣятеля еще заслоняется личностью дорогого человѣка, въ его частной жизни, пріемахъ, привычкахъ. Въ умѣ знавшихъ его лично возстаетъ его не отвѣченный, но живой образъ. Не хочется вѣрить, что онъ умеръ,—кажется, что вотъ-вотъ въ среду дружескаго кружка войдетъ онъ обычными большими шагами, слегка сгорбивъ широкія плечи, и заговоритъ симпатичнымъ, негромкимъ, но яснымъ голосомъ, весело и умно смотря пронизательными темными глазами, въ которыхъ горѣлъ юношескій огонь, не ослабленный 66-ю годами жизни, усѣявшей серебромъ его сороду и виски... „Однажды вечеромъ я возвращался съ Бѣлинскимъ откуда-то домой, рассказываетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о 1839 годѣ. На Арбатской площади попался намъ навстрѣчу молодой человѣкъ небольшого роста, полный, румяный, очень пріятной наружности, съ вьющимися темными волосами, въ очкахъ; на немъ былъ студенческаго сюртукъ. Увидѣвъ Бѣлинскаго, студентъ бросился съ юношескимъ, неудержимымъ увлеченіемъ къ нему и съ жаромъ схватилъ его руку...“ Къ концу жизни эти вьющіеся волосы порѣ-

дѣли и посѣдѣли, долго сохранявшійся здоровый румянецъ пропалъ подѣ влияніемъ тяжелой, изнурительной болѣзни, перенесенной года три тому назадъ, но до послѣднихъ дней бодрый видъ не покидалъ Кавелина,—онъ свободно несъ бремя своихъ лѣтъ и старческая хилость не смѣла къ нему подступиться. Только руки его въ послѣдніе годы начинали сильно дрожать, особливо подѣ влияніемъ какого-либо волненія. Но почеркъ его былъ твердъ до конца, разборчивъ и такъ-же простъ, безъ всякихъ украшеній и завитковъ, какъ простъ и чуждъ всякой реторики былъ его изящный и образный языкъ... Человѣкъ „сороковыхъ годовъ“ по образу мыслей и идеаламъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—или, лучше сказать, потому—и одинъ изъ лучшихъ людей всѣхъ послѣдующихъ годовъ, Кавелинъ вынесъ изъ своей молодости приемы общежитія и привычки, рѣдкія, въ сожалѣнію, въ наше время. Онъ не былъ блестящимъ рассказчикомъ и его умъ былъ настроенъ не на повѣствованіе, а на бесѣду. Онъ любилъ и, что рѣдко, умѣлъ спорить. Выслушивая съ неизмѣннымъ вниманіемъ противника, онъ становился съ каждымъ возраженіемъ все сильнѣй и оживленнѣй. Глаза его загорались и сверкали, какъ-будто становясь больше, голосъ начиналъ вибрировать, и образы, сравненія, теоретическія положенія и быстрые, неожиданные, подѣ-часъ неотразимые практическіе выводы быстро смѣнялись другъ друга, озаряя на мгновеніе, какъ вспышки зарницы, ту глубину и богатство разнообразныхъ знаній, откуда они были почерпнуты. Присутствовать при его спорахъ было истиннымъ наслажденіемъ. Поучительные и интересные по содержанию, они никогда не рѣзали уха своею формою. Это были не обычные русскіе споры—шумные и безцѣльные, въ которыхъ беретъ обыкновенно верхъ развязность и умышленное нежеланіе понимать своего противника. Кавелинъ не давилъ своею богатою аргументацію, не слѣпилъ глаза парадоксами; онъ, въ живой, блестящей формѣ дѣлился своимъ богатствомъ, онъ убѣждалъ и всегда заключалъ споръ милою, остроумною шуткою. Бывали, впрочемъ, случаи, когда рѣчь его пріобрѣтала особую страстность и хотя вѣжливаю, но весьма большую ѣдкость; это случалось, когда при немъ затрогивали какія-нибудь дорогія для него нравственныя начала или его любимыхъ историческихъ лицъ и событія, или, наконецъ, пытались оправдывать кого-либо

изъ неуважаемыхъ имъ людей. Тутъ онъ закипалъ внутренно, краснѣлъ и, рѣзко сказавъ: „извините меня!“—въ немногихъ горячихъ и негодующихъ словахъ ставилъ вопросъ на надлежащую, по его мнѣнiю, почву.

Кавелина упрекали иногда въ крайней исключительности. Упрекъ этотъ основанъ на незнанiи, на непониманiи этой многосторонней личности. Это былъ человекъ строгiй къ себѣ, требовательный и суровый, когда дѣло шло о томъ, что онъ считалъ своимъ долгомъ. Отдавъ всю жизнь свою труду на службу развитiю русскаго общества и предаваясь этой службѣ до постояннаго забвенiя собственныхъ интересовъ, онъ съ горечью и презрѣнiемъ смотрѣлъ на своекорыстiе, надѣвавшее личину служенiя общему благу, и его нельзя было подкупить ни громкими фразами, ни искусно созданными миражами. Онъ не скрывалъ своего негодованiя при видѣ различнаго рода хищниковъ, волновался при мысли о формалистическомъ бездушiи, которое мертвитъ у насъ такъ много добрыхъ и даже великихъ начинанiй, и говорилъ объ этомъ съ нескрываемымъ раздраженiемъ. Но нападая на фарисеевъ и на „поваленные гробы“, Кавелинъ никогда не становился на почву исключительности, никогда не раздѣлялъ мысленно людей на лагеря, не окрашивалъ ихъ въ однообразный цвѣтъ и не распредѣлялъ, подобно съ этимъ, свои симпатiи и антипатiи. Такая узкая исключительность была совсѣмъ чужда его широкому сердцу. Онъ никогда не сочувствовалъ стремленiю прилѣплять къ людямъ разъ навсегда установленные ярлыки и по нимъ ихъ уже и оцѣнивать, не заглядывая глубже и притягивая ихъ взгляды и убѣжденiя къ заранѣе установленному инвентарю. Во всякомъ онъ прежде всего искалъ искренности и отсутствiя личныхъ видовъ, и радовался, когда могъ найти въ человекѣ, чуждомъ ему по развитiю и взглядамъ, стороны, заслуживающiя уваженiя. Обширный кругъ его знакомыхъ никогда не былъ окрашенъ въ однообразный колоритъ, и люди честные, хотя-бы и противоположныхъ убѣжденiй, встрѣчали въ немъ не врага, а лишь привѣтливаго, хотя и стойкаго противника. Но онъ отличался нетерпимостью по отношенiю къ тѣмъ, кто прочно и, по большей части, безповоротно упалъ въ его глазахъ, обманувъ довѣрiе, съ которымъ Кавелинъ смотрѣлъ на него, или проявивъ душевную низость тамъ, гдѣ это оказалось выгоднѣе исполненiя долга.

Онъ, всю жизнь шедшій неуклонно и любя „куда звалъ голосъ сокровенный“, не понималъ, чтобы можно было „propter vitam—vivendi perdere causas“, и рѣзко выражалъ свое отчужденіе отъ людей, не угрожающихъ себя нравственными вопросами ради достиженія земныхъ благъ. Ему было при этомъ все равно, къ какому изъ такъ называемыхъ лагерей принадлежать подобныя люди по общему складу своихъ предвзятыхъ взглядовъ. Это была благородная нетерпимость, — отсутствіе способности къ сдѣлкамъ, къ приспособленію себя, — но это не была исключительность. Человѣкъ цѣльный въ полномъ смыслѣ слова, послѣдовательный и твердый — „aus einem Gusz“ какъ говорятъ нѣмцы, — Кавелинъ всею своею личностью являлъ настоящій характеръ, съ которымъ надо было считаться и по отношенію къ которому нельзя было рассчитывать на какія-либо уступки и уклоненія подъ вліяніемъ сентиментальнаго настроенія, столь чуждаго дѣйствительной добротѣ. Въ немъ не было того равновѣсія уменьшенныхъ силъ, которое порою ставится почти въ заслугу современному человѣку, обезцвѣчивая и обезличивая его до крайности. Кавелинъ при серьезныхъ житейскихъ встрѣчахъ не умѣлъ „сожалѣть“, „не сочувствовать“, „симпатизировать“, „огорчаться“ и вообще довольствоваться неопредѣленными ощущеніями, неясными по своему источнику, бесплодными по своему исходу. Онъ умѣлъ любить — горячо и широко, довѣрчиво и открыто, — но умѣлъ и ненавидѣть, не скрывая своего чувства, съ прямою честнаго человѣка, сознающаго и уважающаго свою правоту. Въ его душѣ не было мѣста вялымъ, колеблющимся чувствамъ, въ ней звучалъ „категорическій императивъ“ — властно и безповоротно, никогда не грозя мелочною, недостойною враждою, но и отнимая вмѣстѣ съ тѣмъ, по большей части, надежду на возможность примиренія. И эта неподеупность сужденій Кавелина, эта ихъ категоричность, являвшаяся результатомъ совокупной работы высокихъ душевныхъ требованій и тонкаго, пронизательнаго, аналитическаго ума, привлекала къ нему и заставляла прислушиваться къ его отзывамъ, страшиться ихъ. Это былъ нравственный судья, оправдательный приговоръ котораго дѣйствительно облегчалъ смущеннаго и сомнѣвающагося въ себѣ, а слово осужденія ложилось тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ чище былъ самъ его произносившій.

Вотъ почему многіе, въ минуты какихъ-либо житейскихъ усложненій, обращались мысленно на его судь и спрашивали: „что скажетъ К. Д.?“, „какъ смотреть на это Кавелинъ?...“ И мысль ихъ невольно летѣла въ далекій уголокъ Васильевскаго острова, гдѣ среди самой скромной обстановки жилъ человекъ, одобреніе котораго поднимало и радовало, а осужденіе жгло и тяготило, пронизывая сквозъ броню формальныхъ отличій. И въ то же время—каждое истинное горе, каждая личная скорбь находилъ въ немъ сочувственный откликъ. Онъ умѣлъ сказать деликатное по формѣ, но мужественное и твердое по существу своему слово ободренія, умѣлъ указать сломившемуся подъ гнетомъ личной скорби общія цѣли и задачи жизни, мягко пристыдить, утѣшить, обративъ большую мысль отъ временнаго и случайнаго въ вѣчные, поднимающимъ духъ, вопросамъ. О его личной добротѣ и разумной благотворительности едва-ли нужно распространяться. Школы и крестьянскій банеъ на его „землицѣ“ въ Тульской губерніи—и вѣновь приходскаго попечительства „другу бѣдныхъ и страждущихъ“ говорятъ сами за себя...

Кавелинъ былъ труженикъ въ лучшемъ смыслѣ слова. Грудь живой, неустанной, вдумчивой и энергичной былъ его стихіею, наполнялъ всю его жизнь. „Ohne Hast ohne Rast“ могло бы быть его девизомъ. Незадолго до смерти мечталъ онъ еще о переселеніи въ Царское Село, гдѣ въ тиши уединенія, вдали отъ неизбежныхъ тревогъ столичной жизни, хотѣлъ всецѣло отдаться работѣ надъ новымъ, большимъ философскимъ изслѣдованіемъ. Онъ смотрѣлъ на трудъ, какъ на обязанность предъ обществомъ, освободить отъ которой должна лишь смерть, одна могущая заставить изсякнуть источникъ мысли, знанія и „роптанья вѣчнаго души“; онъ смотрѣлъ на него какъ на утѣшеніе, какъ на друга, на примирителя... Когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, тяжкій ударъ поразилъ его, отнявъ у него „delicium et decus“ его существованія—его замѣчательную дочь—онъ былъ тяжело раненъ въ самое сердце на всю послѣдующую жизнь. Но онъ не опустилъ рукъ, не погрузился въ нѣмое бездѣйствіе печали, а сказалъ: я буду жить, буду работать, я весь уйду въ трудъ. И результатомъ этого рѣшенія явился рядъ работъ по гражданскому праву и „Задачи этики“, посвященные молодому поколѣнію, которое онъ предостерегаетъ отъ „губящей насъ лѣни ума“.

Русскій человѣкъ до мозга костей, знатокъ быта и глубокой изслѣдователь явленій исторіи своего народа, Кавелинъ нѣжно и беззаветно любилъ этотъ народъ. Онъ свѣтло смотрѣлъ впередъ, не смущаясь за призваніе, за будущую роль своего отечества. Ему нравилось, когда его называли въ этомъ отношеніи оптимистомъ. „Да, я оптимистъ, говаривалъ онъ съ тихою и увѣренною радостью во взорѣ,—я вѣрю, что какія-бы уродливыя и болѣзненные явленія ни представляло русское общество—простой русскій человѣкъ пойметъ свои задачи, разовьетъ свои богатія духовныя силы и вынесетъ на своихъ плечахъ Россію“. Онъ не отрицалъ нѣкоторыхъ темныхъ, грубыхъ сторонъ нашего сельскаго быта, на которомъ, какъ на устояхъ, должна, по его мнѣнію, стоять Россія, — но онъ возставалъ противъ поспѣшныхъ и мрачныхъ обобщеній. „Эти недостатки — недостатки молодости, не перебродившаго переходнаго положенія, наносная и поверхностная плесень“, говаривалъ онъ... „Сердцевина здорова и ея живительныя соки залечатъ больныя мѣста въ корѣ; пусть только дадутъ имъ выходъ, не мудрствуя лукаво, не навязывая народу чуждыхъ ему учреждений и не заключая его въ бюрократическія тиски... Надо вѣрить въ русскій народъ, надо его любить—безъ этого жить нельзя!“ Онъ часто доказывалъ, что о народѣ слѣдуетъ судить не по его правамъ и привычкамъ, а по его идеаламъ, по его стремленіямъ. Онъ съ удовольствіемъ повторялъ процитированное предъ нимъ однажды изрѣченіе Монтескье: „Le peuple est honnête dans ses goûts, sans l'être dans ses mœurs...“

Его называли чуждые ему люди узкимъ западникомъ. Но близкіе, въ дружеской бесѣдѣ, иногда въ шутку говорили ему, что онъ отъявленный славянофилъ. А онъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ. Онъ былъ самимъ собою. Если уваженіе къ западной культурѣ и къ развитому на западѣ чувству законности считать западничествомъ, то, безъ сомнѣнія, онъ заслуживалъ первый упрекъ, такъ какъ умѣлъ и желалъ, выражаясь словами Пушкина, „свободною душою законъ боготворить“ и всегда былъ чуждъ китайской замкнутости и ограниченнаго національнаго самодовольства. Его идеалъ былъ Петръ Великій. О немъ онъ говорилъ съ умиленіемъ, восхищался всюду встрѣчаемыми слѣдами того, „кому въ царяхъ никто не равенъ“, и преклонялся предъ

его гениальною энергією, основанною на вѣрѣ въ способности, въ призваніе своего народа. Онъ былъ неисчерпаемъ въ разговорахъ о Петрѣ и каждое воспоминаніе объ оригинальномъ поступкѣ или словѣ „вѣчнаго работника на тронѣ“ оживляло его... „А! каковъ мой Петруханъ!“ восклицалъ онъ, называя своего героя ласковымъ мужицкимъ прозвищемъ и радостно заливаясь своимъ заразительнымъ смѣхомъ. „Когда на меня тяжело дѣйствуетъ какое-нибудь безотрадное явленіе въ русской жизни, — когда на сердцѣ становится горько и грозитъ уныніе, говорилъ онъ, я вспоминаю Петра — и ободряюсь, или читаю великую книгу о Христѣ — и мнѣ становится легче и спокойствіе сходить въ мою душу...“

Съ чуткою тревогою прислушивался онъ ко всему, что касалось Россіи въ вопросахъ экономическихъ и политическихъ, и зорко слѣдилъ за уклоненіями отъ того, что считалъ ей полезнымъ. Его дѣятельность въ различныхъ ученыхъ обществахъ, его готовность работать въ развитіе и разъясненіе мѣръ, касавшихся улучшенія народнаго благосостоянія, слишкомъ извѣстны. И въ предсмертномъ бреду его осаждали представленія общественнаго свойства, а приходя въ себя, онъ спрашивалъ: „что политика?“ и возвращался къ тревожившей его мысли о выходѣ Россіи изъ англо-русскаго конфликта безъ ущерба для ея національнаго достоинства.

Какъ преподаватель, онъ имѣлъ огромное вліяніе на слушателей. Слезы, пролитыя его послѣдними учениками, — людьми взрослыми и уже познавшими жизнь, — на могилѣ „учителя правды и права“, какъ они сами его назвали, были имъ вполне заслужены... Онъ умѣлъ привязывать къ себѣ молодое поколѣніе не лстя ему, стараясь оградить его отъ недостатковъ и предостеречь отъ ложныхъ путей, но вѣря, твердо и сознательно, что въ молодости всегда таятся хорошіе задатки. Онъ жадно ждалъ рожденія въ этомъ поколѣніи нравственныхъ характеровъ и радостно привѣтствовалъ всякій намекъ на этотъ поворотъ къ лучшему среди общества, которое пугало его тѣмъ приниженіемъ и умаленіемъ нравственнаго характера лица, которое онъ такъ сильно и правдиво очертилъ на первыхъ страницахъ своихъ „Задачъ психологіи“, этой поучительной книги, въ каждой строкѣ которой сквозитъ свѣтлая личность автора... Проповѣдь личности, работающей въ обществѣ и для общества, но не поглощаемой имъ,

проповѣдь нравственнаго возрожденія и обращенія въ вѣчнымъ вопросамъ самопознанія отъ суетныхъ заботъ житейской прозы, „въ которой нѣтъ мѣста ни для трагедіи, ни для драмы и скоро не будетъ мѣста даже и для водевиля“—эта проповѣдь составляла постоянную цѣль всѣхъ послѣднихъ трудовъ Кавелина. Въ виду постоянно возрастающаго усложненія вопросовъ и условій современной жизни, на ряду съ измельчаніемъ духовныхъ потребностей и запросовъ въ людяхъ, его часто смущали извѣстныя слова Уварова: „*Les circonstances sont infiniment grandes et les hommes infiniment petits...*“

Кавелинъ—историкъ, публицистъ и общественный дѣятель нѣсколько заслоняетъ цивилиста, изслѣдователя и знатока гражданскаго права. Но почтенные, полные оригинальной мысли, труды его на этомъ поприщѣ найдутъ себѣ, безъ сомнѣнія, заслуженную и благодарную оцѣнку на страницахъ спеціальныхъ изданій. Въ послѣдніе годы онъ издалъ „Права и обязанности по имуществамъ и договорамъ“, „Очеркъ юридическихъ отношеній, возникающихъ изъ наслѣдованія“ и „Очеркъ отношеній, возникающихъ изъ семейнаго права“. Онъ готовился выступить горячимъ борцомъ противъ того, что онъ называлъ „приказнымъ“ складомъ нашихъ новыхъ судовъ,—противъ безжизненной формалистики, которая закрадывается въ нашу мировую практику... И уголовный процессъ обратилъ на себя его разностороннее вниманіе. Отбывъ тягостную сессію въ качествѣ присяжнаго засѣдателя, онъ написалъ предсѣдателю суда письмо, содержащее въ себѣ, какъ говорятъ, много цѣнныхъ и глубокихъ замѣчаній о недостаткахъ нашего уголовного закона, вставленнаго въ чуждыя жизни, условныя рамки. Послѣднимъ трудомъ его, какъ юриста, была записка „о вотчинныхъ правахъ“, представленная въ комисію по начертанію новаго гражданскаго уложенія, оконченная за двѣ недѣли до смерти...

Эта смерть причинила невознаградимую потерю всему русскому обществу. Въ полномъ обладаніи умственныхъ и нравственныхъ силъ сошелъ въ могилу одинъ изъ его лучшихъ представителей. Онъ разстался съ жизнью въ то время, когда его вѣское слово и цѣльный характеръ еще могли бы не разъ послужить и благотворнымъ примѣромъ, и высокимъ нравственнымъ поученіемъ... Но еще большій ударъ нанесенъ его от-

ходомъ кругу его старыхъ друзей. Этотъ осиротѣлый кругъ, „все робче въ семью стѣсняясь едина“, давно уже считаетъ однѣ утраты. Замолкла въ немъ навсегда живая рѣчь и задушевный смѣхъ Кавелина,—прекратились оживленные споры и дружескія, шутливыя пререканія... У тѣхъ, кто встрѣчалъ Кавелина въ послѣдніе годы его жизни въ кругу его друзей, никогда не изгладится въ сердцѣ симпатичный образъ старика, полного юношеской энергіи, свѣжести мысли и молодости чувства. И теперь, оканчивая эти строки, пишущій невольно вспоминаетъ Кавелина вечеромъ, въ день похоронъ Некрасова. Большой поклонникъ покойнаго поэта, любившій его „за каплю крови общую съ на родомъ“, онъ умѣлъ такъ построить и направить довольно многочисленный кружокъ, что весь вечеръ всецѣло былъ посвященъ усопшему—и всѣ, въ растроганномъ настроеніи, внимали, какъ Кавелинъ съ влажными глазами и слегка дрожащимъ голосомъ читалъ „Тышину“ и „Несчастныхъ“. Это были двѣ любимыя его вещи. Въ нихъ говорилось о просторѣ родной стороны, о великомъ Петрѣ... Или вспоминается одинъ споръ,—горячій споръ о любимыхъ поэтахъ—между нимъ и Тургеневымъ въ послѣдній его приѣздъ. Тургеневъ преклонялся предъ Пушкинымъ, какъ Кавелинъ предъ Петромъ, и говорилъ о немъ съ увлеченіемъ, съ гордымъ одушевленіемъ, ревниво ограждая его отъ сопоставленія наравнѣ съ Лермонтовымъ, котораго, въ свою очередь, чрезвычайно любилъ и ставилъ выше Кавелинъ. Давно ожидаемый и отчасти даже подготовленный споръ возгорѣлся и доставилъ слушателямъ высокое, неповторяемое наслажденіе... Оба противника остались при своемъ—и разошлись усталые, взволнованные, пожавъ другъ другу руку въ послѣдній разъ.

Теперь они встрѣтились за одною общею могильною оградой, въ сѣромъ, сыромъ и уныломъ пантеонѣ русскихъ ученыхъ и литературныхъ дѣателей, именуемомъ Волковымъ кладбищемъ. Рядомъ съ великимъ художникомъ, всю жизнь проводившимъ просвѣтительныя идеи, успокоился неустанный боецъ за эти же идеи, до конца не сложившій оружія живого слова и науки. Миръ его благородному праху! Оба они много послужили своей родинѣ,—оба горячо вѣрили въ ея свѣтлое, счастливое будущее... Пускай же поскорѣе наступитъ то время, когда представитель будущихъ поколѣній, придя поклониться ихъ дорогимъ могиламъ, будетъ имѣть право сказать: ваша вѣра не обманула васъ!

II.

Въ альбомѣ редакціи „Русской Старинѣ“: „Знакомые: книга автографовъ“, томъ II, между прочими автобиографическими замѣтками различныхъ отечественныхъ дѣятелей, имѣется слѣдующая дорогая для насъ собственноручная записъ К. Д. Кавелина:

„Кавелинъ, Константинъ Дмитриевичъ, родина въ С.-Петербургѣ, 4-го ноября 1818 года, кончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету въ маѣ 1839 года, защитилъ диссертацию на магистра гражданского права въ 1843—1844 гг., подъ заглавіемъ: „Судоустройство и судопроизводство въ древней Россіи“, и вслѣдъ затѣмъ назначенъ адъюнктомъ для преподаванія теоріи русскаго законодательства. Въ 1848 году перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ въ Н. А. Милютину. Въ 1850 году поступилъ въ штабъ военно-учебныхъ заведеній къ Ростовцеву, а въ 1853 году въ канцелярію комитета министровъ, начальникомъ 3-го отдѣленія. Въ 1857 году получилъ кафедру гражданского права въ с.-петербургскомъ университетѣ. Назначенъ преподавателемъ законовѣдѣнія и русской исторіи въ наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу“.

„За напечатаніе „Записки объ освобожденіи крестьянъ“, написанной въ 1855 году, уволенъ въ 1858 г. отъ состоянія при наслѣдникѣ, а въ 1861 году, по случаю университетской исторіи, вышелъ изъ университета въ 1862 г. Затѣмъ по 1864 годъ, по порученію А. В. Головнина, провелъ за границей для изученія устройства и быта университетовъ; съ ноября 1864 г. служу по департаменту неокладныхъ сборовъ, а съ 1878 г., сверхъ того, и профессоромъ гражданского права въ военно-юридической Академіи“.

„Написалъ книги: Задачи психологіи и Курсъ гражданского права.— Полное собраніе сочиненій издано въ 1858 и 1859 гг. Участвовалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, „Современникѣ“, „Вѣстникѣ Европы“, „Недѣлѣ“ и другихъ журналахъ и газетахъ“.

„25-го января 1882 г.“

Ко дню двадцатипятилѣтія освобожденія крестьянъ,
19 февраля 1886 года.

Черезъ годъ, 19-го февраля 1886 года, истекаетъ двадцать пять лѣтъ, со времени обнародованія „Положенія объ освобожденіи крестьянъ“.

Этотъ величайшій законодательный актъ прошедшаго царствованія составляетъ одно изъ самыхъ важныхъ событій русской исторіи, и собраніе матеріаловъ для уясненія его историческаго значенія — есть обязанность всякаго, кому дороги интересы родины и русскаго народа. Многие изъ почтенныхъ дѣателей, работавшихъ надъ освобожденіемъ крестьянъ и приведеніемъ въ дѣйствіе „Положенія 19 февраля 1861 года“, безъ сомнѣнія, имѣютъ писанныя воспоминанія, многіе же хранятъ въ памяти событія этихъ великихъ дней. Пока цѣлы письменные памятники, пока свѣжи воспоминанія—надо пользоваться временемъ и сдѣлать тѣ и другія достояніемъ потомства.

Въ виду этого, среди нѣкоторыхъ землевладѣльцевъ Казанской губерніи, глубоко сочувствующихъ дѣлу освобожденія крестьянъ, возникла мысль ознаменовать двадцати-пятилѣтнюю годовщину 16 февраля 1861 г. изданіемъ сборника, который обнималъ бы собою событія по освобожденію крестьянъ въ Казанской губерніи за десятилѣтіе, съ 1858 года по 1868 годъ, т. е. съ открытія Губернскаго Дворянскаго Комитета объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ—до окончательной передачи мировымъ крестьянскимъ учрежденіямъ управленія крестьянъ удѣльныхъ и государственныхъ и упроченія въ Казанской губерніи земскихъ учрежденій. Этотъ десятилѣтній періодъ составляетъ органическій цѣль явленій: установленіе крестьянской реформы въ жизни, въ практикѣ. Для вышеназваннаго „Сборника“ прежде всего желательно имѣть личныя воспоминанія о событіяхъ изъ внутренней жизни и дѣятельности Казанскаго Губернскаго Дворянскаго Комитета и первыхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ въ Казанской губерніи: губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, мировыхъ съѣздовъ и мировыхъ посредниковъ. Также крайне важно имѣть свѣдѣнія отъ очевидцевъ о фактахъ приведенія въ дѣйствіе „Положенія 19-го февраля 1861 года“: обнародованія манифеста и „Положенія“ въ Казани и въ уѣздахъ; отношеніе къ этому обнародованію какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ,—а равно и биографическія данныя о важнѣйшихъ дѣателяхъ крестьянской реформы въ Казанской губерніи.

Совѣтъ Казанскаго Общества Археологій, Исторіи и Этнографіи, выполнѣ сочувствуя цѣли изданія „Сборника“, постановилъ: принять на себя его изданіе и озаботиться присланіемъ для того средствъ.

Довода о предположенномъ изданіи до всеобщаго свѣдѣнія, нижеподписавшіеся увѣрены, что лица, принимавшія участіе въ крестьянской реформѣ по Казанской губерніи или близко знакомыя съ ея ходомъ, не откажутся доставлять вышеуказанныя свѣдѣнія для предполагаемаго сборника. Свѣдѣнія эти могутъ быть доставляемы: 1) Въ Казанское Общество Археологій, Исторіи и Этнографіи (въ университетъ); 2) Въ редакцію „Волжскаго

Вѣстника"; 3) Профессору казанскаго университета, Дмитрію Александровичу Корсакову (Казань, Черное озеро, домъ Безобразова); 4) Профессору того же университета, Александру Васильевичу Васильеву (Казань, Малая Покровская, домъ Бергмана).

Профессоръ Д. Корсаковъ.

Профессоръ А. Васильевъ.

О ВОЗОВНОВЛЕНІИ ПАМЯТНИКА НА ОБЩЕЙ МОГИЛѢ

АРТЕМІЯ ВОЛЫНСКАГО, ЕРОПКИНА И ХРУЦОВА

† 27-го іюня 1740 г.¹⁾.

Поступило пожертвованій на возобновленіе сего памятника:

Отъ г. Гарина (Спб., 16-го марта 1885 г.)	1 руб.
„ А. А. Чумикова (г. Ревель).	5 „

А съ прежде поступившими всего . . . 1,889 руб.

Примѣчаніе. Памятникъ Артемію Петровичу Волынскому исполняется въ мастерской художника Александра Николаевича Соколова. Мы предполагали, что оны будетъ готовъ къ 27-му числу іюня мѣсяца сего года, но, кажется, мастерская не успѣетъ къ этому сроку исполнить заказъ, о чемъ мы искренно сожалѣемъ.

Ред.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1883 г., томъ XXXVIII, май, стр. 464—471; томъ XL, октябрь и ноябрь, стр. 269—271 и 498; декабрь, стр. 723—724; изд. 1884 г., т. XLI, январь, стр. 224; февраль, стр. 460; мартъ, стр. 666; т. XLII, апрѣль, стр. 221; май, стр. 407; іюнь, стр. 671; т. XLIII, августъ, стр. 448; сентябрь, стр. 676; т. XLIV, октябрь, стр. 194; ноябрь, стр. 444; декабрь, стр. 624; изд. 1885 г., т. XLV, январь, стр. 214; февраль стр. 477; мартъ, стр. 716; т. XLVI, апрѣль, стр. 228; май, стр. 448.

„Крестыянское дѣло“.

Трудъ А. И. Скребицкаго.

При напечатаніи обширнаго и весьма интереснаго очерка А. С. П.—ва: „В. И. Назимовъ; очеркъ изъ новѣйшей лѣтописи Сѣверозападной Россіи“ имъ, по недосмотру, сохранили совершенно ошибочный упрекъ со стороны уважаемаго составителя очерка, именно о томъ, будто о В. И. Назимовѣ (стр. 336) въ исторіи освобожденія крестьянъ упоминается только вскользь.

Этотъ упрекъ — несправедливъ. Видимо, авторъ не справился съ достаточнымъ вниманіемъ въ монументальномъ изданіи А. И. Скребицкаго „Крестыянское дѣло“. Въ противномъ случаѣ онъ встрѣтилъ бы имя Назимова на первой же страницѣ этого превосходнаго труда; да и не на первой только, а на сотнѣ другихъ страницъ, гдѣ, по содержанію, было умѣстно упомянуть о В. И. Назимовѣ и его участіи въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ.

Что авторъ, кончая свой очеркъ, не имѣлъ подъ рукою труда А. И. Скребицкаго — „Крестыянское дѣло“, а упомянулъ о немъ по памяти, это видно изъ того, что на стр. 338-й онъ ошибочно привелъ его заглавіе.

Кстати замѣтимъ, что книга его не простой „Сборникъ“, а очень обстоятельное разъясненіе развитія каждой статьи великаго акта освобожденія крестьянъ — Положенія 19-го февраля 1861 г.

„Крестыянское дѣло“ — это историческій комментарий на Положенія 19 февраля, какимъ считаютъ его всѣ, съ нимъ ознакомившіеся. Человѣкъ, котораго мы еще надняхъ хоронили, смотрѣлъ на него тоже съ этой точки зрѣнія. Полагаемъ, что и наше потомство произнесетъ такой же приговоръ объ этомъ трудѣ.

При составленіи „Крестыянскаго дѣла“ ушла масса кропотливаго труда на разработку матеріала, бывшаго въ распоряженіи А. И. Скребицкаго. На стр. 154—159 „Крестыянскаго дѣла“ подробно указаны приемы автора при составленіи его труда. А между тѣмъ этотъ трудъ ошибочно названъ у насъ, въ поманутой статьѣ, Сборникомъ закоположеній и постановленій по освобожденію крестьянъ.

Такой Сборникъ, дѣйствительно, былъ изданъ министерствомъ внутреннѣмъ дѣлъ. Желательно, дабы пишущіе о крестыянскомъ вопросѣ не смѣшивали ни заглавія, ни характера труда А. И. Скребицкаго съ Сборниками по этому предмету. Конечно, трудъ А. И. Скребицкаго „Крестыянское дѣло“ не есть полная исторія освобожденія крестьянъ. Для нея не настало еще время и никто изъ поколѣнія 1860-хъ годовъ ея не напишетъ. Для нея потребуются еще сотни томовъ „Русской Старины“ и бездна мемуаровъ, еще не опубликованныхъ, въ качествѣ подготовительнаго матеріала. Но тогда, смѣемъ надѣяться, потомство признаетъ, что трудъ А. И. Скребицкаго занимаетъ весьма видное мѣсто между источниками для исторіи Россіи въ царствованіе Александра II-го.

Ред.

Поправки къ „Запискамъ Н. И. Пирогова“.

Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г., т. XLVI, апрѣль, на стр. 14, нѣмецкая фраза: *ich breche den Stab über den Kopf des jenigen Artzes*, и проч. переведена: я сломаю палку объ голову того врача, и проч., слѣдуетъ читать: это смертельный приговоръ надъ врачомъ; на стр. 28 фраза: *Angelstein macht Spectakl* переведена: Ангельштейнъ устраиваетъ спектакль, слѣдуетъ читать: Ангельштейнъ шумить; на стр. 30 напечатано: Прокенъ, на стр. 51—Грейссвальдъ, слѣдуетъ читать: Брокенъ, Грейфсвальдъ. А. Ч.

14-го декабря 1825 г.

Въ разсказѣ очевидца о событіи 14 декабря 1825 года („Русская Стар.“ изд. 1885 г., апрѣль), на страницѣ 190, строка 33, напечатано: 7 ротъ Измайловскаго полка, слѣдуетъ читать: семь ротъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка.

Генераль-маіоръ Еропкинъ.

18 апрѣля 1885 г.

Холмскій край.

Необходимо исправить заголовокъ одной статьи („Русская Стар.“ изд. 1885 г., апрѣль): напечатано — „Воссоединеніе съ православною церковью уніатовъ Люблинскаго края“, читай: „Воссоединеніе съ православною церковью уніатовъ Холмскаго края“, — такъ какъ Люблинскій край извѣстенъ болѣе подъ именемъ Холмскаго края.

М. Г.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1885 г.

ТОМЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

А П Р Ъ Л Ъ , М А Й , І Ю Н Ъ .

Записки и Воспоминанія.

- стр.
- I. Посмертныя записки Николая Ивановича Пирогова. Гл. LXI—LXXIX. (Окончаніе) 1—52; 229—264; 454—480
- I. Къ Запискамъ Н. И. Пирогова. Поправки. Сообщ. Ю. П. Карпитскій и А. Ч. 264—665
- II. Воспоминанія о Н. И. Пироговѣ: одесскій періодъ его дѣятельности. Сообщ. Л. Добровъ. 603—616
- III. Записки К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича, 1824—1834 гг. Гл. IV—VII. 87—106; 265—280; 481—510
- IV. Одна изъ предсмертныхъ записокъ Павла Григорьевича фонъ-Дервиза, 1881 г. 591—602
- V. Открытіе памятника на Бородинскомъ полѣ въ 1839 г. Изъ воспоминаній офицера генеральнаго штаба. Изъ записокъ А. И. Веригина 125—138
- VI. Славное баязетское сидѣнье въ 1877 г. Очеркъ по запискамъ очевидцевъ. (См. „Русскую Старину“ изд. 1885 г., т. XLV, январь, февраль и мартъ).
- I. Подполковникъ Пацевичъ. Поправка. Сообщ. К. К. Гейнсъ. 454

Исслѣдованія, историческіе и біографическіе очерки.

	стр.
I. Кирилло-Меѳодіевское тысячелѣтіе, 885—1885 гг. Сообщ. Д. И. Иловайскій	367—376
II. Остзейское дворянство и дворянская жалованная гра- мота. Сообщ. А. А. Чумиковъ.	193—204
III. Экспедиція противъ Ахаль-текинцевъ въ 1879—1880— 1881 гг. Посвящается памяти М. Д. Скобелева. Исто- рической очеркъ. Сообщ. В. Шаховской. 161—184; 377—410; 531—558	
IV. Мраморный дворецъ, 1785—1885 гг. Сообщ. прото- діаконъ В. Орловъ.	421—446
V. Списокъ гравюръ и рисунковъ, съ изображеніемъ Мраморнаго дворца, находящихся въ коллекціи Павла Як. Дашкова. Сообщ. И. Н. Божеряновъ.	446—448
VI. Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій, въ ссылкѣ. Историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ, 1867—1772 гг. Гл. IV—X. (Окончаніе). Состав. И. Я. Морошкинъ.	53—86
VII. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій. По мате- ріаламъ, собраннымъ ред. „Русской Старины“. 1782— 1767 гг. Гл. I.	559—590
VIII. Владиміръ Ивановичъ Назимовъ. Очеркъ изъ новѣй- шей лѣтописи сѣверо-западной Россіи. Гл. XIII—XV. (Окончаніе). Состав. А. С. Павловъ	323—338
I. „Крестыанское дѣло“ Трудъ А. И. Скребицкаго. Замятка по поводу статьи: «В. И. Назимовъ»	664—665
IX. Николай Ивановичъ Погребовъ, † 19 мая 1879 г. Замятка Ред.	453—454
X. Карлъ Карловичъ Зейдлицъ, † 7 февраля 1885 г. Сообщ. П. А. Висковатовъ	192

Переписка, рассказы, очерки, замѣтки.

До-петровское время.

СТР.

- I. Губертъ Лангъ. Мнѣніе о Россіи въ 1558 г. Сообщ. И. Курись и Н. Любовичъ 185—186 и 411—416

Царствованіе Анны Ивановны.

- I. О возобновеніи памятника на общей могилѣ Артемія Волинскаго, Еропкина и Хрущова, † 27-го іюня 1740 г. 228; 448; 663

Царствованіе Елизаветы Петровны.

- I. Императрица Елизавета Петровна въ Ревелѣ въ 1746 г. Сообщ. А. А. Чумиковъ 417—420

Царствованія Александра I и Николая I.

- I. Могила трехъ казаковъ, 1812 г. Сообщ. Н. М. Челищевъ. 192
II. День 14-го декабря 1825 г. въ С.-Петербургѣ. Рассказъ. Сообщ. В. М. Еропкинъ. 187—191
III. 14-го декабря 1825 г. Поправка. Сообщ. ген.-м. Еропкинъ. 665
IV. Война съ польскими мятежниками 1831 года въ перепискѣ императора Николая I-го съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ. 107—124; 281—308, 511—530
V. Изъ исторіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи. Николаевская дорога между Петербургомъ и Москвою въ 1842—1852 гг. Сообщ. А. И. Штукенбергъ. 309—322

Царствованія Александра II и Александра III.

- I. Сказаніе о волненіи крестьянъ въ Бандеевкѣ въ 1861 г. Сообщ. А. М. Дренякинъ 139—160
II. Возсоединеніе съ православною церковью уніатовъ Холмскаго края. Десятилѣтняя годовщина дня 1875—1885 гг. Сообщ. М. И. Городецкій. 205—208
Поправка: Холмскій край. Сообщ. М. Г. 663
III. Двадцать четвертая годовщина дня освобожденія крестьянъ, 19-е февраля 1885 г. 213—224

- IV. Столѣтняя годовщина пожалованія Екатериною II грамотъ россійскому дворянству и городамъ имперіи, 1785 — ^{апрѣль}/₂₁ — 1885. Замятка Ред. 451—452
- V. Къ двадцатипятилѣтней годовщинѣ дня освобожденія крестьянъ, 19 февраля 1886 г. 662

Исторія русской литературы.

- I. Памяти графа А. С. Уварова, † 29 декабря 1884 г.
Сообщ. Д. И. Иловайскій. 209—212
- II. Николай Ивановичъ Костомаровъ, † 7 апрѣля 1885 г.
1. Некрологъ. Сост. Ред. I—III
(въ началѣ майской книги).
2. Историческія поминки по Костомаровъ, † 7-го апрѣля 1885 г. Сообщ. Д. Л. Мордовцевъ. 617—648
- III. Памяти Константина Дмитриевича Кавелина, † 7-го мая 1885 г.
1. Очеркъ. Состав. А. О. К... 649—660
2. Автобіографическая замятка. Сообщ. въ 1882 г. К. Д. Кавелинъ. 661
- IV. Поправки къ сатиры гр. Е. П. Ростопчиной: «Домъ Сумасшедшихъ». («Русская Старина» изд. 1885 г., т. XLV, мартъ, стр. 673—707). Сообщ. Е. С. Некрасова . 225—227

Исторія искусствъ.

- I. Открытіе памятника М. И. Глинкѣ въ Смоленскѣ, 20-го мая 1885 г. Замятка Ред. 449—450
- II. Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій въ 1856—1869 гг. Очеркъ. Сообщ. В. Т. Соколовъ. . . . 339—366

Портреты.

- I. Портретъ ген.-адъютанта К. К. Мердера, воспитателя цесаревича Александра Николаевича (1824—1834 гг.). Гравироваль художникъ И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 1, въ нач. майской кн.).

- II. Портретъ Михаила Ивановича Глинки, 1843 г., снимокъ съ рисунка академ. Тихобразова.,
(См. стр. I).
- III. Портретъ Николая Ивановича Погребова, гравюра И. И. Матюшина.
(См. стр. 454).
- IV. Портретъ Н. И. Пирогова во гробѣ 23-го ноября 1881 г. Гравироваль И. И. Матюшинъ.
(См. стр. 455).

Библиографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Замятки въ описанію рукописей А. С. Пушкина, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ. (На оберткѣ IV-ой книги „Русской Старинѣ“ изд. 1885 года).
2. Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія Василія Латкина. Спб., 1884 г., 288 стр. (Тамъ-же).
3. Сборникъ статей, касающихся Пермской губерніи и помѣщенныхъ въ неоффиц. части губернскихъ вѣдомостей въ періодъ 1842—1881 гг. Вып. I. Съ портрет. Н. К. Чупина. Изд. перм. губ. стат. комит. Пермь. 1882 г., 257 стр. (Тамъ-же).
4. Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Выпускъ седьмой. Холмская Русь (Люблинская и Сѣдлецкая губерніи Варшавскаго генераль-губернаторства). Спб. 1885 г., въ б. 8 д., стр. XI+482. (На оберткѣ V книги „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г.).
5. Сочиненія и переписка П. А. Плетнева. По порученію втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ издалъ Я. Гротъ. Спб., 1885 г., въ б. 8 д. л. Томъ первый (съ портретомъ автора), VIII+577 стр. Томъ второй, 576 стр. Томъ третій, 745 стр. (Тамъ-же).
6. Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московск. арх. министерства юстиціи. Кн. IV, 534 стр. 1884 г. М. (Тамъ-же).
7. Труды IV-го Археологическаго съѣзда въ Россіи. Т. I. Казань, 1884 г., CXXIV+48+120+258+65. (Тамъ-же).
8. Сочиненія Евгения Абрамовича Баратынскаго. Съ портретомъ автора, его письмами и біографическими о немъ свѣдѣніями. Изданіе четвертое. Казань, 1885 г., въ 8 д. л. VIII+574+VIII+72 стр. (На оберткѣ VI-ой книги „Русской Старинѣ“ изд. 1885 г.).
9. Историческіе матеріалы. Изъ архива кіевскаго губернскаго правленія. В. VIII. К. 1835 г. Составилъ А. Андріевскій. 223 стр. (Тамъ-же).
10. Сборникъ статей, касающихся Пермской губ. и помѣшанныхъ въ неоффиц. части губернскихъ вѣдомостей въ періодъ 1842—1861 г. В. I. Изд. перм. губ. статист. комит. П. 1882 г. 261 стр. (Тамъ-же).
11. Историческій очеркъ Одессы съ 1794—1803 г. Составилъ А. Орловъ. Одесса, 1885 г., 144 стр. (Тамъ-же).

Весь онъ посвященъ XVIII вѣку и состоитъ изъ свѣдующихъ болѣе важныхъ данныхъ: дѣло о наследствѣ, оставшемся послѣ войта Войновича; совѣтникъ канцелярш Петръ Веселенцкій (денежныя претензіи), рядъ свѣдѣній о должностныхъ лицахъ г. Кіева и между прочимъ о кончинѣ и погребеніи фельдм. и малорос. губ. генералъ-губернатора гр. А. П. Румянцева; рядъ жалобъ, тяжбъ, сеоръ, пререканій между свѣтскими и духовными, судебными и административными властями; нѣсколько документовъ, касающихся монастырскихъ нравовъ Кіево-печерской лавры и т. п.; свѣдѣнія о депутатахъ, выбранныхъ отъ кіевск. магистрата въ комиссію уложенія. Изъ матеріаловъ болѣе общаго и цѣннаго содержанія можно назвать свѣдѣнія о шелковомъ заводѣ въ Кіевѣ съ 1721—1743 гг. (стр. 43—51), свѣдѣнія о городскихъ доходахъ и расходахъ Кіева въ 1761 (167—170), рескрипты у бывшихъ у присяги въ 1762 г. и др.

Сборникъ статей, касающихся Пермской губ. и помѣщенныхъ въ неофиц. части губернскихъ вѣдомостей въ періодъ 1842—1851 гг. В. 1. Изд. перм. губ. статист. комит. П. 1882. 251 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Въ этомъ изданіи помѣщены собственно статьи извѣстнаго мѣстнаго дѣятеля Н. К. Чупина, автора замѣчательнаго „Географическаго и статистическаго словаря Пермской губ.“ (А.—Н., 2 т.) и множества статей, помѣщенныхъ въ «Перм.» и «Казан. губ. вѣд.», «Перм. Сборн.», «Сборн. Перм. земства»; «Горн. журн.», «Русск. Старинѣ» и др., и посвященныхъ исторіи края, этнографіи, исторіи горнаго дѣла, статистикѣ и т. п. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1860 г. была помѣщена малоизвѣстная статья Чупина о библиотекѣ историка Татищева, въ вышедшемъ же выпускѣ напечатаны слѣдующія его статьи: 1) Полуторастолѣтіе Екатеринбурга (1723—1873), съ приложениями и мелкими статьями о Екатеринбургѣ; 2) В. Н. Татищевъ и первое его управленіе уральскими заводами; 3) Жизнь Татищева съ 1722—1734 г., по поводу книги г. Попова; 4) О Богословскихъ заводахъ и о заводчикѣ Походяшинѣ, чловѣкѣ близкомъ къ Новикову; 5) Объ открытіи и первоначальной разработкѣ маг-

нитной горы Благодати; 6) Историч. свѣд. о бывшихъ кунгурскихъ мѣдныхъ заводахъ; 7) Членъ Екатеринбургской горной канцелярш Башмаковъ, и дѣйствія его во время Пугачевщины; 8) Историч. свѣдѣнія о башкирскихъ земляхъ; 9) Свѣдѣнія о цѣнахъ на разные предметы въ Пермской губерніи въ 1785 г. Кроме того въ книгѣ помѣщено нѣсколько документовъ, портретъ Чупина и систематическій указатель статей, касающихся перм. губ. въ «Перм. Губ. Вѣд.» за указанные годы, составленный Д. Смышляевымъ (1—83 стр.).

Въ виду предложеннаго празднованія Академіей наукъ юбилея Татищева настоящее изданіе получаетъ особенный интересъ, такъ какъ въ немъ собрано много свѣдѣній о дѣятельности его на Уралѣ, преимущественно на основаніи мѣстныхъ данныхъ (изъ екатеринбургскаго горнаго архива).

Историческій очеркъ Одессы съ 1794—1803 годъ. Составилъ А. Орловъ. Одесса. 1885 г. 144 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящее изданіе было приготовлено для Археологическаго съѣзда, состоявшагося въ Одессѣ въ 1883 г. Авторъ, по службѣ своей въ архивѣ мин. юстиціи, имѣлъ возможность воспользоваться богатымъ матеріаломъ, касающимся возникновенія и заселенія города, ревизіи, постройки церкви и дѣятельности городской администраціи, который находится въ дѣлахъ одесскаго русскаго и иностраннаго магистратовъ архива мин. юстиціи. Кроме того для своего труда пользовался также дѣлами и планами архива межевой канцелярш и мѣстными изданіями, посвященными исторіи и статистикѣ южнаго края Россіи.

Въ концѣ означеннаго очерка помѣщены данныя о цѣнахъ на продукты и строительные матеріалы въ концѣ XVIII в.; списокъ начальствованныхъ въ Одессѣ лицъ; вѣдомость о русскихъ и иностранныхъ купцахъ Одессы въ 1799 и 1800 гг. съ показаніемъ ихъ капиталовъ.

В. С. И.

Поправки къ № 3 (мартъ) «Русской Старины», изд. 1885 г., стран. 754, стр. 19—20: Балънова, слѣдуетъ читать: Подънова, страница 755, стр. 30—31: Майтовича, слѣдуетъ: Леонтовича.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1885 г.

ШЕСТИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., противъ Гостиннаго двора, д. № 46, книжный магазинъ г. **ЦИНЗЕРЛИНГА**.

Въ Москвѣ — въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Характерныя челобитныя, переписка и вообще документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 кн. (85 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1882 г., 12 кн. (15 экз.), съ 12-тью портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1883 г., 12 кн. (50 экз.), съ 17 портр. и рис., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн., изданіе второе, съ портр., 9 руб.

